UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00463154 5

LR
A3156
Aksakov, Ivan Sergyeevich

Сочиненія И. С. Аксакова

Sochineniya ...
v. 7

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ

Изъ «Дня», «Москвы», «Руси» и другихъ изданій, и нѣкоторыя небывшія въ печати.

1860 — 1886

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

519737
21. 3. 81

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К°.)
Леонтьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1887.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sochineniiaisaks07aksa

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

Изъ газеты „День“.

Стр.

1. По поводу рѣчи Наполеона III 23 октября 1863 г. 3
2. О созваніи конгресса по программѣ Наполеона III..... 12
3. Священный союзъ не можетъ не быть для Россіи отреченіемъ отъ своей національной политики..... 24
4. По поводу конвенціи 15 сентября 1864 г. между Франціею и Италіею..... 34
5. О положеніи Наполеона III относительно Европейскихъ державъ..... 41
6. Объ отсутствіи духовнаго содержанія въ Американской народности 52
7. Единство Германіи—это собственно возвышеніе Пруссіи. 65
8. Всякое наше сближеніе съ Австріею противорѣчитъ нашему призванію какъ Славянской державы..... 72
9. Почему Австрія не можетъ сдѣлаться Славянскою державой. 80

Изъ газеты „Москва“.

10. Россія—вся еще въ будущемъ..... 86
11. Германскому могуществу мы должны противопоставить наше могущество, германскому единству—наше единство. 90
12. О непрочности Наполеоновской династіи на французскомъ престолѣ 94
13. Буржуазный Наполеонъ немыслимъ..... 100
14. Объ англійской политикѣ въ Азіи..... 107

Стр.

15. Для объединенія Германіи лучшій способъ—война..... 111
16. По поводу свиданія Наполеона III и Франца-Іосифа въ Зальцбургѣ..... 117
17. Народы—не дипломаты 124
18. Римскій вопросъ какъ вопросъ Итальянскій..... 130
19. Римскій вопросъ какъ вопросъ Папскій..... 136
20. Безвыходность Римскаго вопроса 144
21. Отношеніе Россіи къ Римскому вопросу..... 152
22. По поводу декларацiи четырехъ державъ турецкому правительству 158
23. Сознаетъ ли Россія свое призваніе относительно міроваго Римскаго вопроса?..... 163
24. Затруднительное положеніе Франціи относительно Римскаго вопроса..... 169

Изъ газеты „Москвичъ“.

25. Предъ Европой — Россія виновата тѣмъ, что она существуетъ..... 176

Изъ газеты „Москва“.

26. Объ Ирландскомъ вопросѣ..... 181
27. По поводу нѣмецкаго памфлета Менцеля: „Наши границы“. 188
28. О состояніи Австріи въ 1868 г..... 194
29. Всякое сближеніе съ Австріей не только не представляетъ Россіи выгодъ, но положительно имъ противорѣчитъ.. 202
30. Еще о положеніи Австріи..... 212
31. Почему для Австріи всякій домашній вопросъ легко можетъ обратиться въ международный?..... 218
32. Въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ историческій инстинктъ народовъ часто расходится съ логикой благоразумія..... 222

Изъ газеты „Русь“.

33. Политическія обозрѣнія 227
34. Что желательно для Россіи—въ политическомъ смыслѣ?. 293
35. По поводу брошюры графа Петра Кутузова..... 302
36. По поводу Египетскаго вопроса..... 306
37. Фокусникъ, подмѣняющій всякій русскій интересъ иностраннымъ..... 319
38. Послѣ пораженія Араби-паши..... 329
39. Политическая лѣтопись..... 336

Стр.

40. Въ политическомъ составѣ Европы только двѣ настоящія силы: Германія и Россія. 355
41. По поводу присоединенія Мерва. 371
42. По поводу Скерневицкаго свиданія. 379
43. О нашихъ отношеніяхъ съ Англіею въ Азіи. 395

II.

СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Изъ газеты „День“.

44. Слово къ студентамъ. 415
45. Съ Новымъ годомъ! 420
46. Замѣчаніе о допущеніи дѣвицъ на университетскіе анатомическіе курсы. 426
47. Смѣшно и безнравственно дѣлать изъ „веселья“ источникъ благотворительности. 428
48. Къ счастью, наши юные матеріалисты не послѣдовательны и не способны къ послѣдовательности. 431
49. О ношеніи народной одежды. 438
50. Письма кн. Августина Голицына и Герцена по поводу писемъ Касьянова. 443
51. Исторія одного госпиталя. 459
52. Объ отмѣнѣ смертной казни. 467
53. На память о П. А. Тучковѣ. 473
54. По поводу слуха объ учрежденіи іезуитской коллегіи при католической церкви въ Петербургѣ. 475
55. По поводу разсказа Озерецкаго: „Полинька“. 483
56. По поводу письма изъ Англіи Владиміра Печерина. 491
57. Разсказъ о „послѣднемъ Иванѣ“. 499
58. По поводу статьи г. Антоновича: „Суемудріе Дня“. 506

Изъ газеты „Москва“.

59. По поводу покушенія Березовскаго. 516
60. По поводу посѣщенія султаномъ Лондона и Парижа. . . . 522
61. О судѣ надъ Березовскимъ. 528
62. По поводу рѣчей Араго и Жюля Фавра въ дѣлѣ Березовскаго. 533
63. О чешскихъ переселенцахъ. 541
64. О томъ же. 545
65. О русскихъ переселенцахъ. 551

Стр.

66. По поводу пятаго предостереженія газетѣ „Москва“.... 558
67. Можно ли назвать газету „Москвичъ“ *замаскированнымъ* продолженіемъ „Москвы“?..... 573

Изъ газеты „Русь“.

68. О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову..... 579
69. По случаю голода въ приволжскихъ губерніяхъ..... 583
70. По поводу безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ. 589
71. О Ригрѣ и направленіи газеты „Политика“..... 593
72. О двухъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, уплывшихъ изъ нашихъ рукъ..... 601
73. О воззваніи къ иностраннымъ художникамъ для сооруженія памятника Александру II..... 611
74. О дѣлѣ Токарева..... 612
75. О разсказѣ гр. Толстаго: „Чѣмъ люди живы“..... 627
76. Объ „Императорской“ Академіи Наукъ..... 628
77. Къ вопросу о нашемъ флотѣ въ Черномъ морѣ..... 637
78. Вредъ для Россіи отъ слишкомъ усерднаго примѣненія модныхъ доктринъ..... 643
79. По дѣлу Скопинскаго банка..... 654
80. По поводу трехсотлѣтняго юбилея присоединенія Сибири къ Россіи..... 665
81. Намъ нужно имѣть готовность дѣлать скромную и скучную работу каменьщика..... 670
82. Скобелевъ и Гамбетта..... 678
83. По поводу столѣтія рожденія митрополита Филарета.... 689
84. О столѣтнемъ юбилеѣ Жуковскаго..... 693
85. По поводу кончины кн. Горчакова и самоубійства Л. С. Макова..... 695
86. Воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ Шеншинѣ..... 698
87. По поводу выхода въ отставку городскаго головы Чичерина. 698
88. Кончина И. С. Тургенева..... 700
89. Отзывъ о нашемъ молодомъ поколѣніи..... 701
90. По поводу кончины А. И. Кошелева..... 704
91. По поводу апелляціи къ папѣ отца Наумовича..... 707
92. По поводу торговой монополіи Американцевъ на русскихъ островахъ Восточнаго Океана..... 709
93. Дѣло о морскомъ котѣ—не сказка, а быль..... 711
94. По поводу кончины М. И. Богословскаго..... 722
95. По поводу кончины М. Ѳ. Раевскаго..... 725
96. По поводу прибытія въ Кіевъ митрополита Сербскаго и отца Наумовича..... 726
97. По поводу кончины Э. Ѳ. Раденъ..... 727

Стр.

98. По поводу празднованія 25-лѣтняго юбилея Пекинскаго договора 729
99. По поводу кончины Н. Я. Данилевскаго 730
100. По поводу 50-лѣтняго юбилея Училища правовѣдѣнія... 731
101. По поводу статьи В. Н. Лясковскаго: „Наши гимназіи“. 733
102. Статьи изъ „Паруса“ 740
103. Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ (письмо къ В. Н. Н....му) 750
104. Письмо къ издателю Русскаго Архива по поводу статьи Э. Мамонова: „Славянофилы“ 766
105. Рѣчь о А. Ѳ. Гильфердингѣ, В. И Далѣ и К. И. Невоструевѣ 784
106. Рѣчь о Ю. Ѳ. Самаринѣ 794
107. Изъ рѣчи о Ѳ. В. Чижовѣ 800
108. Рѣчь объ А. С. Пушкинѣ 813
109. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ 834
110. О расколѣ и объ единовѣрческой церкви въ Ярославской губерніи 848

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

СТАТЬИ

ИЗЪ ГАЗЕТЪ: „ДНЯ“, „МОСКВЫ“ И „РУСИ“.

По поводу рѣчи Наполеона III 23 октября 1863 г.

«День», 2-го ноября 1863 г.

23 октября стараго стиля императоръ Наполеонъ торжественно открылъ въ Парижѣ новый чередъ засѣданій сената и законодательнаго корпуса и произнесъ рѣчь. Онъ зналъ, что на него въ эти мгновенія сосредоточены взоры всего міра, что внимаетъ ему, напрягая слухъ, вся вселенная, что каждое произносимое имъ слово имѣетъ, такъ сказать, вселенскій и историческій резонансъ,—и потому рѣчь его, сказанная Французскимъ депутатамъ, обращена собственно не къ нимъ, а ко всѣмъ народамъ и государствамъ—участникамъ и дѣятелямъ современной исторіи. Такимъ высокимъ значеніемъ рѣчи Наполеона обязаны вовсе не своему внутреннему достоинству или содержанію, вовсе не званію его, какъ Французскаго императора, а положенію, занятому Наполеонидами въ исторіи,—положенію, о которомъ мы говорили еще недавно. Въ самомъ дѣлѣ, за ними признается—и признается всѣми—какъ будто особая привилегія иниціативы въ политикѣ, какъ будто какое-то право вносить въ обычный органическій процессъ исторіи — внушенія *личнаго* ума, *личнаго* духа, смущать міръ, держать въ тревогѣ народы и государства. Въ то время, какъ всѣ государства живутъ естественнымъ ходомъ своей жизни и ихъ развитіе есть логическое развитіе, а ихъ дѣйствія—законныя отправленія ихъ собственныхъ организмовъ; въ то время, какъ центръ тягости каждаго изъ нихъ находится въ немъ самомъ, во внутреннемъ существѣ каждаго подобнаго организма; въ то время, какъ дѣйствія каждаго обусловливаются выгодами и пользою страны и удобно, почти безошибочно

предопредѣляются заранѣе,—Франція живетъ *личною* жизнью своего монарха-Наполеонида,—центръ тягости находится не въ ней, а въ его *личности*,—его дѣйствія представляются вѣчною загадкою, вѣчною неожиданностью—обусловливаемыя лишь его *личными* соображеніями. Чего ждать нынѣшнею весною? зимою? что̀ скажетъ Наполеонъ при открытіи или при закрытіи засѣданій? 23 октября? 1 января?—что̀ затѣваетъ, что̀ придумываетъ, на кого и на что̀ направится революціонный потокъ его мысли, его дѣятельности, какое начало общенародной политики выдвинетъ впередъ, какую идею вздумаетъ пустить въ оборотъ? вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ и другъ другу народы и государи, справедливо тревожась за прочность мира. И миръ въ мірѣ непроченъ, пока сидитъ Наполеонидъ на престолѣ. Мы не очень безпокоимся по случаю рѣчей королевы Викторіи, короля Вильгельма или Австрійскаго императора, даже не очень любопытствуемъ ихъ знать; мы увѣрены, что никто изъ нихъ не считаетъ, да и въ голову никогда ни одному изъ нихъ не придетъ счесть себя лично призваннымъ—такъ, ни съ того, ни съ сего, передѣлать карту Европы и заняться дѣлами чужаго государства, если послѣднія не имѣютъ прямой связи съ интересами подвластныхъ имъ народовъ; намъ наконецъ извѣстны влеченія этихъ народовъ, видны накапливающіяся и сгущающіяся тучи историческихъ бурь и урагановъ; все это мы можемъ, болѣе или менѣе, предузнать, предвидѣть, предугадать; все это совершается — мы это знаемъ—по открытымъ или сокрытымъ для насъ логическимъ законамъ исторіи и не носитъ на себѣ характера личной прихоти и произвола; все это, наконецъ, для насъ не сюрпризъ и не загадка,—чѣмъ обыкновенно, съ своей стороны, періодически даритъ Европу знаменитый сфинксъ нашего времени.—Наполеонъ I, Наполеонъ III — дѣло не столько въ личныхъ дарованіяхъ каждаго, сколько въ ихъ исторической революціонной миссіи, равно присущей обоимъ. Обѣ личности исчезаютъ въ общей исторической личности Наполеонидовъ—конечно, созданной духомъ перваго Наполеона, носящей на себѣ клеймо *его* генія. Да, Наполеониды имѣютъ значеніе какъ *личность* въ исторіи, несмотря на то, что въ ней личность индивидуумовъ поглощается большею частью зна-

ченіемъ личностей народныхъ и государственныхъ: или, вѣрнѣе сказать, сама личность Наполеонидовъ является однимъ изъ условій развитія, историческимъ двигателемъ Западнаго человѣчества, какою-то историческою силою, но не случайною, а органически порожденною всею духовною природою Запада. Въ нихъ Западное начало личности возрастаетъ до степени міровой революціонной силы, до титаническаго величія—и непремѣнно сталкивается съ началомъ совершенно противоположнаго содержанія и тяготѣнія, — съ всемірно-историческимъ значеніемъ Славянства, воплощаемымъ въ себѣ Россіею: титаническому величію личности суждено сокрушаться о личное смиреніе Русскаго народнаго духа. По крайней мѣрѣ такъ было съ Наполеономъ I, и такъ, по нашему мнѣнію, рано или поздно, будетъ и съ Наполеономъ III. Войны можетъ даже и не быть въ слѣдующемъ году за Польшу; но если Наполеонъ проживетъ еще долго, то новая война Россіи съ нимъ, какъ мы думаемъ, неизбѣжна.

Во всякомъ случаѣ современное отношеніе Европы къ императору Наполеону и постоянная зависимость отъ его прихотливыхъ личныхъ «инспирацій», отъ того, что внушитъ ему его личный духъ,—слишкомъ ненормально и долго продолжаться не можетъ. Но сколько именно, — этого конечно знать не дано. Рано или поздно, Европа свергнетъ съ себя это нравственное деспотическое иго, но свергнуть его она можетъ только лишь съ помощью Россіи, — единственно съ ея помощью и никоимъ образомъ безъ Россіи. Роковое призваніе Наполеонидовъ сопряжено съ роковыми ошибками и роковымъ паденіемъ въ ихъ личной судьбѣ, — и какъ ни уменъ Наполеонъ III, едвали ему удастся предотвратить то роковое стеченіе обстоятельствъ, которое грозитъ втянуть его въ новую, роковую для него войну. Но однакоже мы должны просить извиненія у читателей въ томъ, что увлеклись въ сторону гаданіемъ о будущемъ и соображеніями объ общемъ историческомъ значеніи Наполеонидовъ, и возвратимся къ рѣчи императора Французовъ.

Положеніе его было затруднительно. Безуспѣшность, или, вѣрнѣе сказать, совершенное пораженіе, испытанное имъ въ дипломатическомъ его походѣ противъ Россіи, обида нанесенная Франціи Россіей совершеннымъ отказомъ на всѣ

предложенія Франціи и пренебреженіемъ ея угрозъ,— всего этого не могъ допустить Наполеонъ безъ ущерба для достоинства Наполеоновской Франціи и для будущихъ судебъ Наполеоновской династіи. Но какъ удовлетворить требованію оскорбленной чести, какъ возмѣстить понесенный ущербъ вліянія и авторитета? Наказать и принудить Россію безъ помощи союзниковъ невозможно, а союзники, поставивъ Францію лицомъ къ лицу съ Россіей, сами уклонились отъ борьбы и рѣшились, по выраженію Англійской газеты «Times», преспокойно скушать обиду. Всѣ ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ, всѣхъ въ высшей степени занимала мысль, какъ вывернется искусный мастеръ изъ путъ, въ которыхъ самъ запутался и далъ себя запутать Англіи и Австріи? Положеніе, казалось, было безвыходное, но нельзя сказать, чтобъ Наполеонъ III не нашелъ изъ него исхода, — по крайней мѣрѣ на первое время и настолько, чтобъ произнести во всеуслышаніе міра рѣчь—поражающую неожиданностью доводовъ и выводовъ и исполненную блеска, хотя бы и мишурнаго. Наполеонъ съ одной стороны льститъ Россіи, воздавая ей благодарность за «искреннюю и дружескую поддержку» въ дѣлахъ, не поддержанныхъ ни Англіей, ни Австріей и крайне для нихъ непріятныхъ, — въ пріобрѣтеніи Ниццы и Савойи; онъ съ одной стороны провозглашаетъ, какъ высоко цѣнитъ союзъ съ Россіей,—съ другой льститъ легко улещающемуся Польскому самолюбію, называя Польское дѣло такимъ популярнымъ во Франціи дѣломъ, что онъ рѣшился изъ-за него подвергнуть риску дорогой для него. Наполеона, союзъ съ Россіей; онъ признаетъ за Польскимъ народомъ наслѣдственное право, занесенное въ лѣтописи исторіи и трактаты. Мы рады были бы ошибиться, но, увы! едвали такая всенародная торжественная оцѣнка Польскаго дѣла въ устахъ императора Французовъ не воспламенитъ вновь Польскаго безумія несбыточными надеждами и мечтами, не придастъ новой нравственной силы мятежу, не вызоветъ новыхъ крайнихъ изнурительныхъ усилій и новыхъ потоковъ крови со стороны Польши! Но сила рѣчи Наполеона не въ этомъ. Россія отвергла безкорыстные совѣты Франціи и даже приняла ихъ за устрашеніе, говоритъ онъ. «Что же предпринять затѣмъ? Остается ли только выборъ

между войной и молчаніемъ? Нѣтъ: намъ остается, объявляетъ Наполеонъ, еще одно средство». Это средство, предлагаемое Наполеономъ, есть—*всеобщій Европейскій конгрессъ*. На этомъ конгрессѣ рѣшеніе Польскихъ дѣлъ должно быть предоставлено *верховному суду* Европы и будутъ разсмотрѣны всѣ другіе вопросы, волнующіе Европу...

Мысль о конгрессѣ не новая. Наполеонъ выдаетъ ее даже какъ бы за мысль Россіи, намекая тѣмъ на возможность пересмотра Парижскаго трактата,—пересмотра для нея, конечно, желаннаго, — но тѣмъ не менѣе мысль эта въ послѣднее время была какъ-то оставлена и забыта; по крайней мѣрѣ никто не полагалъ услышать ее вновь, выраженную въ рѣчи Наполеона. Будетъ ли она принята или нѣтъ, это другой вопросъ, но она, безъ сомнѣнія, получаетъ теперь новую силу, особенно отъ доводовъ, употребленныхъ имъ въ ея защиту. Эти доводы заслуживаютъ вниманія по искусству, съ которымъ они ставятъ Францію повидимому въ довольно выгодное, а прочія державы повидимому въ невыгодное и неловкое положеніе. Вотъ подлинныя слова Французскаго императора:

«Пусть оно (т. е. заявленіе о конгрессѣ) поможетъ намъ разъ навсегда утишить броженіе раздора, готоваго вспыхнуть со всѣхъ сторонъ, и пусть изъ самаго этого тяжелаго положенія Европы, тревожимой столькими элементами разложенія, возникнетъ новая эра порядка и умиротворенія. Не настало ли время перестроить на новыхъ основаніяхъ зданіе, подкопанное временемъ и часть за частью разрушенное революціями?» (Нѣтъ, еще не настало, скажемъ мы: основанія для новаго порядка еще не выработались, а выработаться могутъ они не конгрессомъ, а жизнію. Зданіе еще не въ конецъ подкопано временемъ, еще не довольно разрушено переворотами.) Не крайняя ли необходимость утвердить новыми конвенціями невозвратно совершившееся, и выполнить съ общаго согласія то, чего требуетъ спокойствіе міра?» (Но факты еще не всѣ совершились или, лучше сказать, не вполнѣ: теперь пришлось бы утверждать конвенціями только начало факта, и такъ сказать останавливать его на полномъ ходу; но объ этомъ мы скажемъ ниже.) Трактаты 1815 года почти повсюду перестали существовать; сила вещей сокрушила ихъ въ Греціи,

Бельгіи. Франціи, Италіи, на Дунаѣ; Германія волнуется, желая ихъ отмѣны: Англія великодушно измѣнила ихъ уступкою Іоническихъ острововъ, а Россія попираетъ ихъ ногами въ Варшавѣ. Среди этого послѣдовательнаго уничтоженія основнаго Европейскаго трактата разгораются пламенныя страсти, и на Югѣ, какъ и на Сѣверѣ, могучіе интересы требуютъ разрѣшенія. Можетъ ли слѣдовательно что-нибудь быть законнѣе и разумнѣе созванія Европейскихъ государствъ на конгрессъ, на которомъ личное самолюбіе и упорство умолкли бы предъ *верховнымъ судомъ*? Что можетъ быть согласнѣе съ идеями вѣка и съ желаніями большинства, какъ обращеніе къ совѣсти и разуму государственныхъ мужей всѣхъ странъ, съ такими словами: «Предразсудки, мстительныя чувства насъ раздѣляющія, не слишкомъ ли уже долго продолжаются? Завистливое соперничество великихъ державъ безпрестанно ли будетъ задерживать прогрессъ цивилизаціи? Всегда ли будемъ мы питать взаимную недовѣрчивость чрезмѣрными вооруженіями? Должны ли самыя дорогія наши средства безконечно истощать въ тщеславномъ выставленіи нашихъ силъ? Сохранимъ ли мы вѣчно то положеніе, которое не есть ни миръ съ его безопасностью, ни война съ ея счастливыми случайностями? Не станемъ же долѣе придавать искусственную важность превратному духу крайнихъ партій, противопоставляя узкіе разсчеты законнымъ стремленіямъ народовъ. Будемъ имѣть смѣлость промѣнять болѣзненное и ненадежное состояніе на положеніе прочное и правильное, хотя бы даже это стоило намъ жертвъ. Соединимся безъ заданной напередъ системы, безъ исключительнаго честолюбія, движимые лишь желаніемъ установить порядокъ вещей, которому основаніемъ будутъ вѣрно-понятые интересы государей и народовъ. Призывъ этотъ, желаю думать, будетъ всѣми принятъ. *Отказъ заставилъ бы предполагать тайные замыслы, опасающіеся дневнаго свѣта.* Но даже въ случаѣ, если это предложеніе не было бы принято единодушно, оно будетъ имѣть ту огромную выгоду, что укажетъ Европѣ, *гдѣ находится опасность, гдѣ спасеніе.* Двѣ дороги открыты: одна ведетъ къ прогрессу путемъ соглашенія и мира, *другая—рано или поздно приведетъ къ войнѣ, вслѣдствіе упорнаго желанія поддержать разваливающееся*

прошедшее. Вы знаете теперь, господа, какимъ языкомъ намѣренъ я говорить Европѣ», и пр.

Итакъ Наполеонъ является *миротворцемъ*, у него нѣтъ тайныхъ замысловъ, которые бы боялись дневнаго свѣта, которымъ было бы невыгодно обнаружиться на конгрессѣ, которымъ конгрессъ положилъ бы законныя преграды!! Опасность грозитъ Европѣ не отъ Франціи: напротивъ, въ ней, въ ея консерватизмѣ спасеніе, а несоглашающіеся на конгрессъ—тѣ грозятъ Европѣ опасностью, потому что они, стало-быть, питаютъ тайные замыслы, которымъ конгрессъ будетъ помѣхой! Вотъ положеніе, занятое теперь Наполеономъ. Дѣйствительно, конгрессъ выгоденъ для Франціи,—ни для кого такъ не выгоденъ, какъ для нея. Акты новаго конгресса замѣнили бы формально и торжественно акты конгресса Вѣнскаго, такой тяжелой памяти для Французовъ; они узаконили бы то, что уже успѣлъ натворить Наполеонъ III, и наложили бы узду на опасныя для него честолюбивыя стремленія прочихъ государствъ; но самого его эти акты, конечно, никогда не въ силахъ были бы связать, если бъ только представился ему случай дѣйствовать къ выгодѣ Франціи и своей собственной,—случай, который онъ всегда найдетъ возможность выдать за новый и конгрессомъ не предвидѣнный. Однимъ словомъ, Наполеонъ предлагаетъ другимъ связать самихъ себя обязательствами, которыхъ узелъ будетъ въ его рукѣ.

Наполеонъ уже и прежде добивался конгресса, но Европейскіе кабинеты уклонялись отъ него безъ объясненія, — по крайней мѣрѣ безъ гласнаго объясненія причинъ. Теперь они поставлены въ непріятную необходимость гласно объяснить побудительныя причины своего отказа. Но почему же отказа? Потому, полагаемъ мы, что для большей части Европейскихъ державъ конгрессъ не выгоденъ, и именно потому, что они питаютъ разные тайные и нетайные замыслы, изъ которыхъ многіе вполнѣ естественны и законны. Начнемъ съ Италіи. Италія желаетъ избавиться отъ свѣтскаго владычества Папы и отнять Венецію у Австріи. Узаконеніе только совершившихся фактовъ на конгрессѣ равнялось бы для Италіи отреченію отъ этихъ ея притязаній, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія—католическія державы

не допустили бы на конгрессѣ упраздненія Папскаго государства, и Австрія не согласилась бы подписать себѣ отреченіе отъ Венеціи, отъ знаменитаго Итальянскаго четырехугольника,—и отъ надеждъ, въ тайнѣ ею хранимыхъ, возстановить въ Италіи прежній порядокъ. Большая разница въ признаніи совершившагося факта и въ юридическомъ его узаконеніи. Просто признанный совершившійся фактъ не служитъ еще источникомъ права. Такимъ образомъ ни Италія, ни Австрія не могутъ уже желать конгресса,—и именно потому, что обѣ питаютъ личные замыслы. Наполеонъ можетъ прямо указать на нихъ: вотъ гдѣ опасность, вотъ кто не желаетъ прочнаго умиротворенія Европы! А между тѣмъ онъ же самъ создалъ это положеніе для Италіи и Австріи, положеніе, при которомъ не можетъ быть мира, пока вопросы Папскій и Итальянскій не совершатъ своего полнаго развитія. Конгрессъ былъ бы только задержкой этому развитію и въ сущности нисколько бы не содѣйствовалъ умиротворенію. Далѣе. И Пруссія, и Австрія не могутъ признать для себя выгоднымъ перенести свой споръ объ устройствѣ Германіи на общій судъ Европы; у обѣихъ державъ есть честолюбивые, но не выработавшіеся еще вполнѣ замыслы, есть притязанія, но еще не высказываемыя ясно, на первенство, которыя могутъ быть разрѣшены ходомъ исторіи, но не конгрессомъ; они еще не созрѣли даже до того, чтобъ облечься въ опредѣленную формулу: это-то обстоятельство и было причиною неуспѣха Австрійскихъ попытокъ нынѣшняго лѣта — совершить реформу Германскаго союза. Причина неуспѣха заключалась не въ томъ или другомъ параграфѣ Австрійскаго проекта, а въ тенденціяхъ Пруссіи и Австріи, которыхъ ни та, ни другая обнаружить и во всей полнотѣ формулировать, конечно, не захочетъ. Англія также едвали можетъ быть расположена къ конгрессу, — какъ потому, что онъ могъ бы послужить къ возвеличенію значенія Франціи, такъ и потому, что пересмотръ Парижскаго трактата, сдѣланный въ интересахъ Россіи—для нея нисколько не желателенъ. Она будетъ опасаться, чтобы результатомъ конгресса не вышло какъ-нибудь сближеніе Россіи съ Франціей, возобновленіе союза, къ ослабленію котораго Англія употребила столько усилій и проглотила столько оскорбле-

ній,—и наконецъ потеря для Англіи всѣхъ плодовъ Крымской ея кампаніи.

Что касается до Россіи, то она, наученная опытомъ Вѣнскаго трактата, едвали захочетъ связать себя новыми международными обязательствами. Прежде всего было бы, мы думаемъ, противно ея достоинству и чести отдать Польское дѣло на верховный судъ Европы и признать заранѣе для себя обязательность рѣшеній ареопага, составленнаго изъ судей — ей большею частью враждебныхъ. Польскій вопросъ, отношенія Польши къ Россіи не могутъ быть ни разрѣшены, ни даже поняты Западной Европой. Это вопросъ

„Славянъ между собою,
„Домашній старый споръ ужъ взвѣшенный судьбою,
„Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Событія показали, что Польскій вопросъ не заключается въ предѣлахъ одного Польскаго Царства, не исчерпывается однимъ внѣшнимъ административнымъ устройствомъ Польши, не разрѣшается конституціей. Онъ можетъ быть окончательно разрѣшенъ только на основаніи начала народностей, когда это начало будетъ проводиться въ жизнь во всемъ Славянскомъ мірѣ,—а именно развитію этого начала въ Славянскомъ мірѣ и будутъ положены преграды новымъ конгрессомъ. Россія, по нашему мнѣнію, могла бы согласиться на конгрессъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ могъ провозгласить освобожденіе Славянскихъ племенъ Турціи и Австріи, уничтоженіе Турціи и низведеніе Австріи на подобающую ей степень. Но этого ожидать нельзя, да и такіе результаты добываются жизнію, борьбою, а не бюрократическимъ порядкомъ, не теоретическими рѣшеніями конгрессовъ. Конгрессъ Западныхъ державъ только узаконилъ бы порядокъ вещей, подлежащій разрушенію, только связалъ бы Россіи руки для дѣйствія, для исполненія ея Славянскаго призванія въ исторіи, только установилъ бы принципъ верховнаго суда Европы надъ Россіей, — и взамѣнъ этого доставилъ бы Россіи ничтожныя выгоды измѣненіемъ въ ея пользу нѣкоторыхъ параграфовъ Парижскаго трактата. Но первый выстрѣлъ въ Европѣ можетъ повести къ обще-Европейской войнѣ, а война—къ упраздненію и Вѣнскаго и Парижскаго трактатовъ!

Итакъ ни одна великая держава, кромѣ Франціи, не можетъ, по настоящему, согласиться на конгрессъ, и Россія менѣе всѣхъ. Перестройка зданія, предлагаемая Наполеономъ, требуетъ совершеннѣйшаго разрушенія старыхъ основаній и разчищенія мѣста отъ обломковъ и развалинъ. Эта работа исторіи еще не совершена. Можетъ-быть черезъ пять-десять лѣтъ, нѣсколько позже, нѣсколько раньше, конгрессъ и будетъ кстати, но не теперь.

Во всякомъ случаѣ державы поставлены въ непріятную необходимость отказываться отъ предложеній мнимаго умиротворенія и объяснять причины своего отказа, оставляя за Наполеономъ выгодное и совершенно незаконно имъ присвоиваемое званіе миротворца, являясь, въ глазахъ Европы, какъ будто противниками мира и возлагая на себя, повидимому, отвѣтственность за могущую воспослѣдовать отъ ихъ отказа—всеобщую войну! Такимъ образомъ миролюбіе Наполеонида грозитъ войною!... Какъ отнесутся державы къ предложенію Французскаго императора, и что изъ всего этого выйдетъ,—вотъ тревожные вопросы, на которые нынѣшняя же зима дастъ отвѣтъ.

О созваніи конгресса по программѣ Наполеона III.

„День“, 9-го ноября 1863 г.

Быть или не быть конгрессу? вотъ о чемъ гадаютъ теперь всѣ и всюду, надъ чѣмъ ломаютъ голову публицисты, дипломаты, государственные люди всѣхъ Европейскихъ обществъ и кабинетовъ. И если быть конгрессу, то приведетъ ли онъ къ миру? И если, напротивъ того, не будетъ конгресса, то что послѣдуетъ за тѣмъ, — война ли, какъ пророчествуетъ Наполеонъ, или ни война, ни миръ, а то же самое положеніе, въ которомъ и теперь пребываетъ Европа? Съ худо скрываемой досадой, сквозь зубы проклиная геніальный фокусъ-покусъ Наполеона, работаетъ теперь Англійская и Нѣмецкая пресса надъ придуманною для нея Наполеономъ работою, т. е. надъ головоломными вопросами, которые его величеству угодно было задать Европѣ на разрѣшеніе! Въ Нѣмецкихъ газетахъ, кромѣ досады, явно высказывается еще—

невольный страхъ и смущеніе. Вообще надо признаться, что никогда никакая попытка къ миру и соглашенію не возбуждала такихъ опасеній, такой тревоги, какъ миролюбивыя вожделѣнія, внезапно возчувствованныя Наполеономъ III-мъ! Впрочемъ, мы съ своей стороны считаемъ совершенно излишнимъ приходить въ негодованіе, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, отъ лицемѣрной роли, принятой на себя императоромъ Французовъ, отъ того торжества, которое доставляетъ ему его ловкій маневръ, отъ тѣхъ честолюбивыхъ и тщеславныхъ замысловъ, которые онъ, ради приличія, для виду, прикрываетъ маскою миротворца. На то онъ и Наполеонъ, и если этотъ маневръ ему удастся, то значитъ, онъ, съ точки зрѣнія своихъ выгодъ, поступилъ очень искусно, сыгралъ вѣрно и хорошо зналъ своихъ партнеровъ. Англія, провозглашавшая гуманность Турокъ и вмѣстѣ съ ними, во имя цивилизаціи, подъ общимъ знаменемъ воевавшая Россію, Англія, на дняхъ выжегшая дотла цѣлый беззащитный Японскій городъ и вырѣзавшая сотни Японскихъ безоружныхъ семействъ со всею тою безчеловѣчностью—грубою, надменною, полною презрѣнія—на которую способенъ только цивилизованный Европеецъ въ отношеніи къ «варварамъ; Австрія, такъ предательски поступившая съ Россіей въ Крымскую войну и также вырѣзавшая руками Галиційскихъ крестьянъ сотни Польскихъ семействъ лѣтъ пятнадцать назадъ, — не имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, ни та, ни другая, ни малѣйшаго права хвастать предъ Наполеономъ своею политическою нравственностью. Признаться сказать, есть даже нѣчто комическое въ той досадѣ, съ которою всѣ эти лгуны, лгавшіе въ послѣднее время въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, поставлявшіе такіе grands spectacles лжи, съ такою пышною театральною обстановкою, путаются наконецъ въ собственной лжи и въ сѣтяхъ, разставленныхъ имъ болѣе ихъ искуснымъ мастеромъ.

Если судить по тону газетъ Австрійскихъ и Англійскихъ, то Англія и Австрія, въ принципѣ, согласны уступить требованію Наполеона и допустить конгрессъ. Разсчетъ ихъ, кажется, слѣдующій: если онѣ обѣ откажутся отъ конгресса, а Россія приметъ предложеніе, то Наполеонъ протянетъ руку Россіи и заключитъ съ нею союзъ къ крайней невыгодѣ

Англіи и Австріи; если не только онѣ, но и Россія отвергнетъ предложеніе конгресса, и конгрессъ не состоится, то за все и прежде всѣхъ поплатится Австрія, на которую Наполеонъ спуститъ сдерживаемаго имъ до сихъ поръ Итальянскаго сокола, и въ которой чрезвычайно легко возбудить вопросъ Венгерскій и многіе другіе. Слѣдовательно Австріи нѣтъ возможности отказаться отъ конгресса, хотя конгрессъ ей невыгоденъ, противенъ и страшенъ. Если же Австрія приметъ участіе въ конгрессѣ, то и Англія дастъ свое согласіе, хотя бы съ тѣмъ только, чтобъ участіемъ своимъ стѣснить свободу дѣйствій Наполеона и парализировать то зло, которое можетъ возникнуть для нея изъ конгресса. Общая Европейская коалиція противъ Наполеона въ настоящее время состояться еще не можетъ. Австрія такъ имъ ущемлена, что должна поневолѣ двигаться по его указанію, а прочія державы не чувствуютъ себя въ силахъ, не имѣютъ достаточно побужденій, да и слишкомъ разрознены другъ съ другомъ въ своихъ интересахъ, чтобъ отважиться на наступательную войну противъ Франціи. Погнѣваться каждая изъ нихъ не прочь; но еслибъ дошло до дѣла, то коалиція бы распалась: еще не пришло время!—Италія уже выразила, говорятъ, свое согласіе, хотя, по нашему соображенію, высказанному въ прошлой статьѣ, для нея было бы въ высшей степени невыгодно, еслибъ конгрессъ затянулъ еще крѣпче и надолго узелъ Папскаго вопроса. Но вѣроятно правительство Виктора-Эммануэля разочло, что ему прежде всего нужно упрочить за собою то, что оно успѣло создать и что уже имѣетъ; вѣроятно также, оно обнадежено обѣщаніемъ Наполеона выхлопотать ей на конгрессѣ Венецію. Труднѣе сказать что-нибудь положительное о намѣреніяхъ Пруссіи. Едвали, впрочемъ, захочетъ она своимъ отказомъ стать снова въ то одинокое положеніе въ Европѣ, которое и безъ того ей уже надоѣло. Такимъ образомъ можетъ случиться, что всѣ государства въ Западной Европѣ, волей-неволей, скрѣпя сердце, дадутъ свое согласіе на конгрессъ—въ *принципѣ*, въ общемъ его основаніи. Остается одна Россія, но объ ней послѣ.

Но давши согласіе на конгрессъ, Европейскія державы, по всей вѣроятности, обстановятъ это согласіе разными условіями и не продадутъ его дешево, поторгуются-таки съ На-

полеономъ на счетъ программы конгресса. Такъ какъ Наполеону хочется непремѣнно конгресса, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ могутъ выторговать для себя довольно выгодныя ограниченія программы, и что Наполеонъ съ каждой изъ нихъ (мы разумѣемъ только крупныя державы) заключитъ предварительныя, тайныя, успокоительныя для нихъ сдѣлки. Именно потому, что большинство державъ явится на конгрессъ нехотя, что конгрессъ вовсе не представляется необходимымъ послѣдствіемъ современнаго положенія дѣлъ,—именно поэтому можно полагать, что державы будутъ всемѣрно хлопотать о сохраненіи statu quo и о наивозможно-меньшемъ измѣненіи Европейской карты. Это не то что въ 1815 году, когда все было сдвинуто съ мѣста, когда приходилось и настояла потребность разобрать, разсортировать, разставить награможденные Наполеономъ I-мъ факты, и передѣлать съизнова уже совершенно исковерканную карту Европы. Ничего подобнаго теперь нѣтъ и никакого особеннаго преобразованія нельзя ожидать собственно отъ затѣваемаго конгресса,— по крайней мѣрѣ въ громадныхъ размѣрахъ. Очевидно, что на этомъ мирномъ конгрессѣ нѣтъ никакой нравственной возможности для Наполеона—предложить Германскимъ государямъ, такъ гостепріимно приглашаемымъ имъ въ Парижъ, чтобъ они отдали Франціи Рейнскія провинціи! или же, напримѣръ, просить короля Ганноверскаго, чтобъ онъ «сократился» и вознаградилъ своимъ королевствомъ Пруссію за отходящія отъ нея въ пользу Франціи земли! Такія требованія предъявляются только, по Французскому выраженію, на остріѣ меча, такіе замыслы исполняются не на основаніи протоколовъ по большинству голосовъ на конгрессѣ, а на основаніи кровавыхъ побѣдъ и воли народонаселеній. Даже и Турецкому султану, къ которому также, говорятъ, отправлено пригласительное любезное письмо, даже и ему нѣтъ возможности предложить, хотябы самымъ наилюбезнѣйшимъ образомъ, чтобъ онъ пересталъ существовать въ Европѣ въ качествѣ владыки Балканскаго полуострова и убирался съ своими 3 милліонами Турокъ въ Азію! Точно также не думаемъ мы, чтобы Наполеонъ рѣшился, въ присутствіи католическихъ державъ на конгрессѣ, возбудить вопросъ объ упраздненіи свѣтскаго владычества Папы. Оно упадетъ, это

владычество, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но вслѣдствіе собственной дряхлости, подведенныхъ подкоповъ, при помощи событій и всеобщаго политическаго землетрясенія,—а не по предварительному рѣшенію католическихъ государей въ Парижѣ,—которое и немыслимо!

Такимъ образомъ, вѣроятно, будутъ обойдены всѣ крупные вопросы. Иначе конгрессъ не состоится. Малѣйшее прикосновеніе къ нимъ разгонитъ собравшихся членовъ конгресса, сдѣлаетъ конгрессъ невозможнымъ. Мы не думаемъ, чтобы именно такова была цѣль Наполеона. Мы полагаемъ, напротивъ, что онъ не столько хлопочетъ о серьезномъ переобразованіи внутреннихъ границъ Европы, сколько о формальномъ и торжественномъ упраздненіи Вѣнскаго трактата, объ укрѣпленіи своей династіи, о придачѣ Франціи и своему имени новаго блеска и славы, объ удовлетвореніи Французскаго національнаго тщеславія. Ему нуженъ конгрессъ вовсе не ради дѣйствительнаго умиротворенія Европы, но для того, чтобъ занять выгодную позицію и уничтожить всякую возможность враждебныхъ ему коалицій. Это не значитъ, чтобъ онъ не желалъ передѣлать карту Европы и не питалъ разныхъ честолюбивыхъ намѣреній; но не можетъ же онъ серьезно помышлять объ осуществленіи своихъ громадныхъ проектовъ путемъ мирнаго конгресса! И какого конгресса? конгресса государей, предубѣжденныхъ противъ Французскаго императора, не чувствующихъ въ себѣ никакой охоты къ революціоннымъ подвигамъ, проникнутыхъ духомъ консерватизма и старыхъ преданій, — и прибавимъ, еще не истощенныхъ борьбою! Поэтому мы полагаемъ, что Наполеонъ сдѣлаетъ Европейскимъ государямъ, которые согласятся на конгрессъ, большія уступки, лишь бы они не противились формальному уничтоженію Вѣнскаго трактата, или, лучше сказать, замѣнѣ Вѣнскаго трактата новымъ, въ который будутъ съ любезностью внесены имъ всѣ тѣ статьи Вѣнскаго, которыя не лишены еще своей исторической силы, еще живы! Этотъ одинъ результатъ (т. е. упраздненіе Вѣнскаго трактата) такъ для Наполеона важенъ и славенъ, что для достиженія его онъ отстранитъ на время все, что̀ можетъ послужить ему помѣхой,—т. е. что̀ способно слишкомъ напугать и разогнать собравшуюся на конгрессѣ Европу.

Итакъ мы думаемъ, что на этомъ конгрессѣ не будутъ ни разрѣшены, ни даже возбуждены тѣ громадные міровые вопросы, которыхъ назрѣваніе чуетъ и слышитъ Западъ съ невольнымъ трепетомъ и мрачнымъ предчувствіемъ,—которые носятся зловѣщими призраками надъ Европой,—которыхъ разрѣшенія чаетъ одна лишь Россія и міръ Славянскій. Мы разумѣемъ вопросъ о свѣтскомъ владычествѣ Папы, который въ сущности есть вопросъ о паденіи католицизма,—потому что идея свѣтскаго владычества Папы неразлучна съ идеей католицизма, какимъ онъ явился, жилъ и дѣйствовалъ въ исторіи, неразлучна съ понятіемъ о католицизмѣ, какъ о церкви-государствѣ. Вселенное значеніе Рима—древняго владыки міра—неразрывно съ вселенскимъ характеромъ духовнаго владычества латинства; съ паденіемъ Римскаго престола—несомнѣнно рухнетъ и все зданіе католицизма. Но католицизмъ породилъ духовно и держитъ собою весь Западный міръ,—что же будетъ изъ него, изъ этого міра, когда упразднится его духовная основа? Теперь не мѣсто и не время пускаться въ предрѣшеніе этого вопроса: достаточно для насъ его обозначить и, въ соотвѣтствіе вопросу о сокрушеніи латинства въ Западномъ мірѣ, указать на другой громадный вопросъ—Восточный,—т. е. на вопросъ объ освобожденіи и призваніи къ жизни духовной и политической Восточнаго христіанства и Славянскаго міра... Очевидно, что Западъ не можетъ рѣшить этихъ міровыхъ вопросовъ на конгрессѣ, не можетъ совершить надъ собою самоубійства мирнымъ порядкомъ, собравшись, въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ представителей, въ Парижѣ, въ одной изъ дворцовыхъ залъ Наполеона! Напротивъ того, онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы задержать роковую развязку, чтобъ разными палліативами еще разъ поддержать существованіе «больнаго человѣка» на Востокѣ, или чтобъ дать заранѣе направленіе будущимъ не отвратимымъ событіямъ, захватить въ свои руки, если возможно, ключъ къ разрѣшенію вопроса, отвлечь на свою сторону тѣхъ или другихъ Славянъ.

Чѣмъ же займется конгрессъ, если онъ обойдетъ эти два великіе вопроса?

Онъ, вопервыхъ, можетъ упразднить Вѣнскій трактатъ, постаравшись въ то-же время сообщить новому трактату ха-

ракторъ консервативный, — т. е. обманчивый, ложный колоритъ консерватизма. Прочнаго и твердаго конгрессъ не создастъ ничего.

Онъ, вовторыхъ, можетъ отдать Венецію Италіи и вознаградить Австрію или частью Турціи, или Дунайскими княжествами. Все это не можетъ быть противно видамъ и выгодамъ Западной Европы, — напротивъ, на такую сдѣлку охотно согласится Европа: этому могутъ противиться только Турція и Россія, — но Турція безсильна, — слѣдовательно одна Россія и здѣсь, какъ и вездѣ, діаметрально противустоитъ своими интересами интересамъ Запада.

Онъ, втретьихъ, можетъ выговорить у Турціи какихънибудь новыхъ правъ для Сербіи и Босніи, можетъ принять подъ свое покровительство Черногорію, сдѣлать что-нибудь незначительное и для Греціи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если конгрессъ состоится, то всѣ эти вышеупомянутыя земельки пришлютъ на конгрессъ своихъ депутатовъ, на поклонъ къ Наполеону, и дадутъ ему поводъ принять подъ свою высокую защиту и уважить — хотя бы и дешевымъ способомъ — «законныя желанія народовъ», les aspirations légitimes des peuples (какъ выразился онъ въ своей рѣчи).

Но этого еще мало, чтобъ придать пышность и серьезное значеніе конгрессу. Необходимы результаты болѣе существенной, осязательной важности; и потому, мы думаемъ, что главною задачею (le bouc-émissaire) конгресса Западно-Европейскихъ государей пришлось бы быть — Польско-Русскому вопросу! Только насчетъ Россіи можетъ поживиться Наполеонъ выгодами отъ конгресса, — и уже теперь Нѣмецкія газеты проговариваются, что на конгрессъ согласиться можно и слѣдуетъ, если онъ будетъ спеціализированъ однимъ Польскимъ вопросомъ. Постараемся пояснить нашу мысль подробнѣе.

Нѣкоторое уничиженіе и ослабленіе Россіи не противно ни одному интересу Запада. Напротивъ, можно сказать, что истинные интересы Россіи, ея призваніе, состоятъ въ совершенной противоположности съ выгодами и тенденціями Западной Европы. Это до такой степени вѣрно, что ни одного союза съ Западно-Европейскимъ государствомъ не можетъ купить для себя Россія безъ ущерба для своихъ интересовъ, безъ уклоненія отъ своего настоящаго пути. Священный

союзъ блаженной памяти былъ выгоденъ для Австріи и Пруссіи, но былъ положительно вреденъ для Россіи, связавъ ей руки для дѣйствія и подвергнувъ ее ненависти Европейскихъ народовъ. *Нѣмецкій* абсолютизмъ, такъ долго тяготѣвшій надъ Прусскимъ, Австрійскими и разными Германскими народами, опирался, по общему мнѣнію Европейцевъ, только на Россію, и только разрывомъ Священнаго Союза могли Германскіе государи обрѣсти вновь симпатію своихъ подданныхъ и спасти свое политическое значеніе. Если Австрія и прибѣгнетъ вновь къ тѣсному союзу съ Россіей, то этотъ союзъ будетъ вынужденный обстоятельствами, союзъ непопулярный ни въ Австріи, ни въ Россіи, полезный для первой, но для нашей политики въ высшей степени стѣснительный, и потому уже не обѣщающій прочности. Союзъ нашъ съ Англіей можетъ быть пріобрѣтенъ только дорогою цѣною—уступкою нашего значенія и вліянія на Востокѣ. Союза же одной Пруссіи съ Россіей недостаточно при несимпатичности этого союза въ Прусскомъ народѣ и при враждебномъ отношеніи къ этому союзу всей остальной Европы. Что бы ни дѣлала Россія, какъ бы смиренно себя ни держала, какъ бы ни старалась прикинуться Евпропейской, — она была, есть и останется *не своя* Западу, будетъ вѣчнымъ пугаломъ Западно-Европейскому міру. Эти отношенія Россіи къ Европѣ происходятъ не только отъ нашихъ политическихъ дѣйствій. Они, эти отношенія, коренятся глубже въ самой природѣ вещей, въ историческомъ призваніи Россіи, которое предносится сознанію всего человѣчества,—хотя бы даже сама Россія не сознавала этой природы, не понимала этого призванія, — хотя бы даже она отрекалась отъ него торжественно и явно! Чѣмъ заслужили мы такую всеобщую ненависть Европы, мы, столько разъ ее облагодѣтельствовавшіе, спасавшіе, избавившіе ее отъ ярма Наполеона I-го, жертвовавшіе для нея своими выгодами и своей кровью? Чѣмъ не старались мы укротить эту ненависть, успокоить недовѣріе и заслужить милостивое расположеніе и дружбу Запада? Ничто не помогло и не поможетъ. Западъ чувствуетъ, что Россія не связана съ нимъ—ни единствомъ преданій, ни единствомъ исторической жизни, ни единствомъ духовнымъ—единствомъ началъ. Напротивъ—просвѣтительныя начала Россіи и Запада,

выразившіяся въ латинствѣ и православіи и обусловливающія собою духовное развитіе народовъ латинскаго и православнаго исповѣданія (фактъ историческій, котораго не можетъ отрицать самый отчаянный атеистъ), діаметрально, противоположны. Россія задерживаетъ Западъ на пути его духовныхъ завоеваній на Востокѣ, и однимъ своимъ бытіемъ въ мірѣ, однимъ соотвѣтственнымъ своему призванію развитіемъ, — грозитъ исторгнуть у Запада его Славянскую добычу, освободить порабощенный Востокъ, сокрушить блескъ и силу духовнаго владычества Запада. Все это, пожалуй, можно называть мечтою, фантазіей, утопіей — недостойною практическихъ умовъ, непригодною для высшихъ государственныхъ соображеній, но такой отзывъ обличилъ бы только крайнюю ограниченность пониманія и умственную близорукость. Жалки были бы тѣ дипломаты, которые не принимали бы въ соображеніе нравственныхъ силъ, историческихъ тенденцій обществъ и народовъ, ихъ симпатій или антипатій! А что же такое всѣ эти нравственныя силы, тенденціи, симпатіи или антипатіи, откуда онѣ берутся? изъ чего слагаются и образуются? почему переживаютъ онѣ невзгоды, переспливаютъ препятствія, выдерживаютъ борьбу, вопреки всякимъ благоразумнымъ разсчетамъ? Впрочемъ, нѣтъ дипломатовъ, которые бы не принимали всего этого въ соображеніе, — ихъ искусство даже и состоитъ въ томъ, чтобъ ловко играть на нравственныхъ струнахъ — въ былое время, однихъ потентатовъ міра, — а въ настоящее время, обществъ и даже народовъ; но тѣмъ не менѣе, по странному противорѣчію, наши практики готовы назвать слова о борьбѣ двухъ міровъ, двухъ цивилизацій — мечтою и вздоромъ!

Мы, впрочемъ, заговорили здѣсь объ этомъ только для того, чтобъ указать на присутствіе въ разрѣшеніи возникшихъ политическихъ вопросовъ — особаго элемента, элемента естественной, внутренней безсознательной вражды къ Россіи. — Затѣмъ, самые положительные интересы Европы только выигрываютъ отъ униженія и ослабленія Россіи. Лишить Россію наслѣдства въ Турціи, отдать Дунайскія княжества Австріи, подчинить Славянъ Восточныхъ Германскому вліянію и владычеству, отодвинуть Россію на Востокъ — всего этого Европа можетъ лишь желать, всему этому можетъ она только

радоваться Ей опасно, конечно, преобладаніе Наполеона; но если Наполеонъ сумѣетъ расширить, укрѣпить, возвеличить Германскій элементъ насчетъ Славянскаго Востока, то Германіи нечего особенно бояться преобладанія Наполеона.

Вопросъ для Наполеона становится такимъ образомъ: что̀ для него выгоднѣе: союзъ съ Россіей или союзъ съ Европой? Россія не имѣетъ никакихъ причинъ противиться передѣлкѣ Европейской карты. Россіи нѣтъ надобности пылать консервативнымъ жаромъ за Европу; ей нѣтъ никакого дѣла до сохраненія въ Европѣ феодальной старины; она не можетъ питать никакихъ сантиментальныхъ сочувствій къ дряхлымъ основамъ Европейскаго зданія. Революціонная разрушительная миссія Наполеонидовъ ей не противна, доколѣ она не сталкивается съ положительнымъ, зиждущимъ, историческимъ призваніемъ самой Россіи. Пусть рушится католицизмъ—мы этому можемъ только радоваться, какъ сокрушенію лжи и очищенію мѣста для истины, грядущей съ Востока. Пусть слабѣетъ Австрія, рушится Турція, освободятся Славянскіе народы, пусть воздвигается знамя народностей,—всему этому—что̀ такъ страшно для Западной Европы,—мы можемъ только сочувствовать! Пусть рушатся узы Вѣнскаго трактата, — мы только почувствуемъ себя на волѣ, какъ скоро свалится съ насъ это старое бремя... Но именно поэтому союзъ съ Россіей пугаетъ и вооружаетъ противъ Наполеона Европу, не доставляя ему въ то же время никакихъ особенныхъ выгодъ. Вся выгода, покуда, состоитъ въ томъ, чтобы страхомъ союза съ Россіей держать Англію въ уѣздѣ. Сама же Россія не можетъ и отчасти не хочетъ быть дѣятельною помощницею личныхъ замысловъ Наполеона, и въ этомъ отношеніи надежды его на Россію не оправдались. Хотя онъ и благодаритъ Россію за поддержку его въ Итальянскомъ дѣлѣ, но извѣстно, что не того добивался отъ Россіи Наполеонъ, и если бы Россія начала, какъ онъ въ то время этого требовалъ, войну съ Австріей, то Итальянская кампанія не окончилась бы Виллафранкскимъ миромъ. Кромѣ того, въ какомъ бы союзѣ ни была съ Наполеономъ Россія, рано или поздно—ихъ расширившіеся интересы должны были бы встрѣтиться. Союза Россіи съ Наполеономъ такъ боятся Англія и Германія, что пожертвовавъ этимъ союзомъ, онъ

можетъ купить у нихъ много прибыльныхъ для себя уступокъ,—а такъ какъ союзъ съ Россіей въ настоящее время не можетъ придать ему много существенной силы, то самый простой разсчетъ указываетъ ему на необходимость принести его въ жертву.

Итакъ, если конгрессъ состоится, то Польскому вопросу придется, такъ-сказать, выносить на своихъ плечахъ весь успѣхъ Наполеоновскаго маневра. Главные расходы проектируемаго Наполеономъ умиротворенія Европы и собственнаго возвеличенія, — должны, по его предположенію, пасть на Россію... Россія приглашается въ тронной рѣчи императора Французовъ—перенести Польское дѣло на судъ «верховнаго трибунала» Европы, — т. е. явиться какъ бы подсудимою.

Что же дѣлать Россіи? Идти на конгрессъ или не идти? Разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не идти, какъ подсудимой. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но не можетъ ли она отнестись къ конгрессу не въ качествѣ подсудимой? Что будетъ, если Россія просто откажется отъ участія въ конгрессѣ, не предъявивъ никакой своей политической программы? Мы должны знать заранѣе, что не идти на конгрессъ—значитъ не только поставить себя въ изолированное положеніе въ Европѣ, но создать противъ себя цѣлую коалицію, ибо, нѣтъ сомнѣнія, всѣ державы, даже нежелающія конгресса и радующіяся въ душѣ тому, что отказъ Россіи дѣлаетъ его несостоятельнымъ, непремѣнно изъявятъ согласіе на конгрессъ, какъ скоро Россія откажется, — дабы такимъ дешевымъ способомъ сохранить добрыя отношенія къ Наполеону! Кромѣ того, конгрессъ все-таки можетъ состояться даже и безъ участія Россіи, и совершить нѣкоторыя измѣненія въ Турціи въ положеніи Славянъ, въ положеніи Дунайскихъ княжествъ. Россіи останется тогда протестовать противъ рѣшенія конгресса и поддерживать свой протестъ оружіемъ; — между тѣмъ значеніе ея на Востокѣ сильно поколеблется, если ей придется, напримѣръ, протестовать противъ такихъ безъ ея участія сдѣланныхъ, распоряженій въ Турціи, которыя въ сущности полезны Славянскому населенію.

Простой положительный отказъ Россіи, безъ предъявленія политической программы, ведетъ къ войнѣ и ставитъ ее въ

фальшивое положеніе въ Европѣ. Посмотримъ на вопросъ съ другой стороны. Съ какого рода программой могла бы Россія согласиться на участіе въ конгрессѣ?

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что разрѣшеніе Польскаго вопроса не Россіей, а конгрессомъ чрезъ отдѣленіе Польши, поставленной подъ гарантію Западной Европы, было бы въ высшей степени невыгодно для Россіи. Оно еще тѣснѣе примкнуло бы Польшу къ Западу и создало бы на границахъ Россіи сильнаго, безпокойнаго врага, вооруженнаго гарантіей и поддержкою всей Европы. Нравственному дѣйствію полонизма, Польской пропагандѣ былъ бы открытъ свободный ходъ, безъ возможности для Россіи держать источникъ этой пропаганды въ уздѣ, достать руками до гнѣзда враждебныхъ ей интригъ и козней. Нечего уже и говорить о томъ, что, согласившись на подобное разрѣшеніе, Россія утратила бы всѣ выгоды своего настоящаго положенія, добытыя искусствомъ ея дипломатіи и крестьянскою реформою, предпринятою въ Царствѣ Польскомъ!—Но такъ какъ и сама Россія желаетъ скорѣйшаго разрѣшенія Польскаго вопроса, — разрѣшенія для себя выгоднаго и соотвѣтственнаго ея историческому призванію, то она могла бы поставить разрѣшеніе Польскаго вопроса *въ зависимость* отъ вопроса Восточнаго и вообще Славянскаго. Она можетъ поднять на конгрессѣ знамя освобожденія угнетенныхъ народностей и такимъ образомъ вызвать къ себѣ сочувствіе всѣхъ этихъ угнетенныхъ народностей. Разумѣется, одно предъявленіе такого знамени, одно выраженіе такой политической программы равняется сигналу къ общей Европейской войнѣ, въ состояніи поднять на ноги всю Европу. Но Россія такою программою могла бы увлечь на свою сторону всѣхъ Славянъ.

Въ обоихъ случаяхъ война: не идти на конгрессъ—война, и идти на конгрессъ подъ условіемъ вышеизложенной программы—также война, но въ послѣднемъ случаѣ на нашей сторонѣ будетъ больше выгодъ, ибо наше знамя будетъ сочувственно Славянскимъ угнетеннымъ племенамъ и можетъ поднять на ноги все Славянство.

И такъ вотъ наше мнѣніе:

Россія должна бы прежде всего стремиться къ тому, чтобы конгрессъ не состоялся,—*помѣшать* конгрессу.

Если же конгрессъ все-таки состоится, то Россіи *ни въ какомъ случаѣ* не слѣдуетъ являться на конгрессъ какъ подсудимой предъ верховнымъ судилищемъ.

Просто отказываться отъ конгресса для Россіи, если онъ состоится, — невыгодно. Гораздо выгоднѣе и гораздо совмѣстнѣе съ ея достоинствомъ изъ оборонительной позиціи перейти въ позицію наступательную. Россія можетъ, по нашему мнѣнію, явиться на конгрессъ только съ тѣмъ, единственно лишь съ тѣмъ, чтобы не допускать разрѣшенія Польскаго вопроса независимо отъ вопроса Славянскаго и Восточнаго, съ тѣмъ, чтобы смѣло поднять знамя народностей и вступить на новый путь народной, Славянской политики. Намъ кажется, что эту программу могла бы Россія поставить, предварительно, непремѣннымъ условіемъ своего участія на конгрессѣ, условіемъ sine qua non.

Если же Россія приметъ участіе въ конгрессѣ безъ предъявленія этихъ условій и допуститъ разрѣшеніе Польскаго вопроса конгрессомъ независимо отъ вопроса Восточнаго, если она такимъ образомъ признаетъ въ этомъ дѣлѣ принципъ верховнаго суда Европейскаго, то она утратитъ выгоды не только матеріальныя, но и нравственныя своего настоящаго положенія и измѣнитъ своему историческому призванію.

Священный Союзъ не можетъ не быть для Россіи отреченіемъ отъ своей національной политики.

„День“, 25-го іюля 1864 г.

Бываютъ такіе грѣхи въ частной жизни людей, что не только наказаніе за нихъ переживаетъ поколѣніе согрѣшившее и падаетъ на главу поколѣнія сравнительно невиннаго,—но и самое впечатлѣніе, произведенное этими грѣхами на окружающихъ, такъ долго и такъ упорно держится въ ихъ памяти, что несмотря на всеуравнивающее и сглаживающее время, готово при первомъ поводѣ воскреснуть въ первобытной силѣ и свѣжести. Казалось бы, темная страница вашей жизненной лѣтописи должна быть забыта за цѣлымъ рядомъ страницъ чистыхъ, свѣтлыхъ и даже блестящихъ; казалось бы—эти грѣхи минувшихъ лѣтъ уже давно

заслонены и искуплены многими дѣлами, добрыми и благими. Но въ самую минуту торжества и такъ-сказать самодовольства вашей успокоенной совѣсти, вдругъ чья-нибудь злая память вызоветъ воспоминаніе прошлаго, смутитъ имъ спокойствіе вашего духа, подобно тѣни Банко на пиру Макбета, и разомъ докажетъ вамъ всю тщету вашихъ усилій утвердить честную о себѣ славу, всю недостаточность вашего разрыва съ прошлымъ, вашего отреченія отъ грѣха. Дѣло въ томъ, что въ нравственномъ мірѣ мало одного нечувствительнаго, съ лѣтами, перехода отъ мрака къ свѣту, отъ зла къ добру, отъ лжи къ истинѣ. Необходимо полное, свободное, открытое, гласное осужденіе прежняго пути и твердое, искреннее движеніе на путь новый. Символическій обрядъ христіанскаго крещенія заставляетъ всякаго, желающаго стать «сыномъ свѣта»—напередъ отдуться, отплеваться и трижды отречься отъ князя тьмы и всѣхъ дѣлъ его: такъ и вообще въ жизни отреченіе отъ прошлаго явнаго, упорнаго заблужденія должно быть рѣшительно и явно, вполнѣ сознательно, должно относиться не только къ поступку, но и къ началамъ, которымъ поступокъ послужилъ только случайнымъ выраженіемъ: только тогда люди повѣрятъ правдѣ вашего перерожденія.

Подобное тому же бываетъ и въ политической жизни народовъ, особенно если тѣ политическія дѣйствія, которыхъ память въ человѣчествѣ желалось бы имъ изгладить,—были не случайнымъ одиночнымъ фактомъ, а сознательнымъ воплощеніемъ политическаго принципа. Чѣмъ ярче выставлялся на показъ этотъ принципъ, чѣмъ дольше и ощутительнѣе для всѣхъ праздновалось его торжество, чѣмъ выше стояло его знамя, тѣмъ труднѣе для знаменоносцевъ этого принципа—подмѣнить такъ-сказать потихоньку и украдкой свое знамя другимъ—съ противоположнымъ значеніемъ. Какъ бы ни развѣвалось высоко и широко, явно для всѣхъ это новое знамя, но окружающіе народы вспомнятъ про старое знамя, недовѣрчиво и подозрительно взглянутъ на новую, выставляемую имъ на видъ приверженность къ новому подмѣненному принципу. Дѣло въ томъ, что и здѣсь, какъ въ мірѣ нравственномъ, необходимо отъ правительствъ полное и искреннее отреченіе отъ прошлаго политическаго грѣха,

и осужденіе началъ, его породившихъ, — необходимъ открытый разрывъ со всѣми преданіями и принципами, которымъ выраженіемъ служило знамя, нынѣ тѣми правительствами покидаемое. Только такимъ образомъ, только давъ міру доказательство своей искренности, удастся имъ убѣдить его въ томъ, что прежній путь ими дѣйствительно и рѣшительно оставленъ, что они по праву вступаютъ на новый, по праву водружаютъ новое знамя. Конечно, подобное отреченіе тяжело для самолюбія, и въ наши дни особенно любятъ избѣгать этихъ отреченій: Еврей норовитъ какъ бы пробраться въ люди вполнѣ цивилизованные, почти что въ христіане, не отрекшись отъ Талмуда и даже соблюдая его уставы у себя на дому, тайно, ночью, между своими; аристократъ незамѣтно прокрадывается въ демократы, а Турецкій деспотъ Абдулъ-Азисъ старается прослыть Европейцемъ-либераломъ, оставаясь и Туркомъ и деспотомъ. Но ни христіанской цивилизаціи Еврея, ни демократизму аристократа, ни либерализму Абдулъ-Азиса не повѣритъ вполнѣ никто, пока Еврей явно и гласно не отречется отъ Талмуда, аристократъ отъ своихъ аристократическихъ предразсудковъ, а Абдулъ-Азисъ отъ своего Ислама, неразлучнаго съ идеею деспотизма. Такъ всѣ миролюбивыя увѣренія императора Французовъ не внушаютъ ни малѣйшей вѣры въ его миролюбіе, потому что сама Французская имперія есть созданіе революціи и войны, и существованіе ея обусловлено революціонною дѣятельностью, военною славой. Такъ, несмотря на то, что Австрія и Пруссія въ послѣднее время возведены въ конституціонныя державы, прочность и искренность конституціонныхъ учрежденій и въ Австріи и въ Пруссіи подвержена сильному колебанію и сомнѣнію, и міру сдается, что эта конституція, особенно въ Австріи, есть то же самое, что наши доморощенные плотники архитекторы называютъ на своемъ техническомъ испещренномъ языкѣ: *фасадъ на подлипо*,—не болѣе. Еслибъ это тайное убѣжденіе не жило въ общественномъ сознаніи, хотя бы даже не совсѣмъ отчетливо, призраку Священнаго Союза не было бы никакой возможности воскресать, отъ времени до времени, съ такою легкостью и пугать пугливыя и пуганыя, какъ вороны, второстепенныя Нѣмецкія государства и государствица.

Нельзя не сказать, что есть что-то обидное для нашего самолюбія въ той довѣрчивости, съ которою принимается басня о возобновленіи Священнаго, грѣшной и тяжелой памяти, Союза между тремя Сѣверными державами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англійскіе министры сами всего менѣе вѣрятъ въ дѣйствительную возможность этого возобновленія. Но Англійскіе министры очень хорошо вѣдаютъ также, что пугать этимъ призракомъ еще *возможно;* они знаютъ, что Австрія, Россія и Пруссія еще не настолько дали міру свидѣтельствъ своего отреченія отъ прежней системы дѣйствій, своего осужденія прежнихъ политическихъ принциповъ, своего разрыва съ преданіями (которыми онѣ скорѣе гордятся, чѣмъ совѣстятся), не настолько, говоримъ мы, чтобъ остальныя государства Европы вполнѣ увѣровали въ господство новыхъ началъ, при которыхъ союзъ, подобный Священному, есть дѣло немыслимое. Англійскіе министры *играютъ* призракомъ Священнаго Союза, какъ кукольнымъ пугаломъ, по своей прихоти и усмотрѣнію. Конечно, это только игра, но странно то, что подобная игра возможна, возможна даже и теперь, послѣ введенія конституціи въ Австріи и Пруссіи, послѣ освобожденія 20 милліоновъ крестьянъ въ Россіи, послѣ признанія Русскимъ правительствомъ королевствъ Бельгіи и Италіи, послѣ разныхъ въ Россіи реформъ, совершенныхъ и возвѣщенныхъ. Обидно то, что въ Англійскомъ парламентѣ, въ 1864 году, могутъ раздаваться такія рѣчи, какъ недавно произнесенныя рѣчи лорда Стратфорда де Редклифа и лорда Росселя, что можно было и найдено умѣстнымъ напомнить міру циркулярную депешу Лайбахскаго конгресса, адресованную къ прочимъ державамъ отъ имени Россіи, Австріи и Пруссіи, лѣтъ слишкомъ 40 тому назадъ, какъ будто между нынѣшнею и тогдашнею Россіею, Австріею и Пруссіею разница совсѣмъ не такъ еще велика, какъ кажется съ перваго взгляда! Вотъ мѣсто изъ этой депеши («Моск. Вѣдом». № 159), которое лордъ Россель счелъ не лишнимъ объявить во всеуслышаніе въ засѣданіи палаты лордовъ 22 Іюля:

«Полезныя или необходимыя перемѣны въ законодательствѣ и администраціи государствъ должны исходить *единственно* изъ свободной воли и просвѣщенныхъ намѣреній

тыхъ, которые отвѣтствуютъ предъ Богомъ за власть, которую Онъ на нихъ возложилъ. Все, что простирается далѣе этихъ предѣловъ, должно по необходимости повести только къ безпорядкамъ и волненіямъ болѣе гибельнымъ, чѣмъ то зло, которое желаютъ устранить. Проникнутые сознаніемъ этой вѣчной истины, монархи, не колеблясь, высказали ее открыто и энергически; они объявили, что, уважая право и независимость законныхъ властей, они считаютъ ничтожными и противными принципамъ международнаго Европейскаго права всякія мнимыя реформы, произведенныя съ помощью возстанія и открытой силы. Согласно съ этимъ принципомъ, они дѣйствовали относительно событій въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ, а также относительно тѣхъ волненій, совершенно различныхъ по цѣли, но одинаково *преступныхъ*, которыя въ недавнее время причинили столько бѣдствій на *Востокѣ* Европы». (Здѣсь разумѣется возстаніе православныхъ Грековъ противъ Турецкаго ига.)

Намъ нѣтъ надобности подвергать теперь какой-либо новой критикѣ эту депешу. «Journal de St Pétersbourg» гораздо прежде насъ съ замѣчательной энергіей слова заклеймилъ эту политику, въ отвѣтѣ своемъ на статью «Morning Post», самымъ рѣзкимъ осужденіемъ. Дѣйствіе, произведенное статьею газеты «Morning Post», говорили мы по этому случаю, мѣсяца четыре тому назадъ, было такъ серьезно, что всѣ три сѣверныя державы поспѣшили *оправдаться* передъ общественнымъ мнѣніемъ, отречься отъ всякаго помысла о подобномъ союзѣ. Русскимъ читателямъ, вѣроятно, памятна статья, напечатанная недавно въ «Journal de St-Pétersbourg», гдѣ высказано прямо, энергически, повидимому съ искреннимъ негодованіемъ, съ чувствомъ глубоко оскорбленнаго достоинства, что Священный Союзъ, какъ «заговоръ правительствъ противъ свободы народовъ» (такъ честятъ его Европейскіе публицисты), уже болѣе невозможенъ въ наше время и долженъ уступить мѣсто союзамъ на пользу цивилизаціи, просвѣщенія, правильнаго прогресса, и пр. и пр. и пр. «Такими и подобными разсужденіями въ отмѣнно либеральномъ смыслѣ—прибавляли мы—старался «Journal de St-Pétersbourg» успокоить встревоженные умы Европы».

И однакожъ не успокоилъ! И Европа, несмотря на увѣ-

ренія Французской оффиціальной газеты, издающейся въ Санктпетербургѣ, способна считать, если не самый Священный Союзъ, то нѣчто похожее на сей пресловутый союзъ, правдоподобнымъ! И Англійскій парламентъ и Парижскія газеты, искренно или неискренно — это въ настоящемъ случаѣ всеравно—признаютъ возобновленіе «заговора трехъ Сѣверныхъ правительствъ противъ свободы народовъ»—возможнымъ! Несмотря на то, что Россія и Пруссія, именно по отношенію къ Піемонту, Неаполю, Греціи, поступили совершенно несогласно съ принципомъ, такъ высоко поставленнымъ на Лайбахскомъ конгрессѣ и вообще съ наставленіями Лайбахской циркулярной депеши, Европа позволяетъ себѣ все еще не довѣрять искренности нашего отреченія отъ этихъ политическихъ началъ, все еще воображаетъ, что теорія juris divini продолжаетъ быть основнымъ политическимъ вѣроисповѣданіемъ трехъ Сѣверныхъ державъ, только прикрываемымъ сверху костюмомъ либерализма! Подобное мнѣніе, конечно, много содѣйствуетъ антипатіи народовъ къ Сѣвернымъ правительствамъ и дѣлаетъ возможною Англійскую игру въ призраки.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства еще болѣе способствуютъ укорененію этого ложнаго и обиднаго мнѣнія. Мы уже не говоримъ о затрудненіяхъ въ свободномъ обмѣнѣ мыслей между нами и Европой,—объ очевидномъ, слишкомъ замѣтномъ для Европы недостаткѣ у насъ простора мысли и выраженія ея въ словѣ, — мы укажемъ только на новѣйшія политическія отношенія Россіи съ Австріей.

Мы не знаемъ результата Киссингенскихъ свиданій. Очень можетъ быть и всего вѣроятнѣе, что не только союза, но и никакой конвенціи заключено не было,—а все ограничилось однимъ внѣшнимъ сближеніемъ. Иностранная пресса съ жадностью слѣдила за каждымъ шагомъ государей и ихъ министровъ, — но ничего не могла ни вывѣдать, ни передать во всеобщую извѣстность достовѣрнаго, кромѣ дружественныхъ встрѣчъ съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, да прогулокъ «подъ руку» Русскаго и Австрійскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ. (О подложныхъ депешахъ, распубликованныхъ въ «Morning Post»—мы и не говоримъ: дѣло здѣсь не въ депешахъ, болѣе или менѣе неудачно

вымышленныхъ, а въ томъ, что подобный явный, грубый подлогъ могъ быть употребленъ какъ успѣшное средство противъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе на общественное мнѣніе даже послѣ разоблаченія фальшивости этихъ депешъ! Подлогъ очевидно бьетъ не на фактъ, а на принципы, систему, направленіе). Но нельзя однакоже не сознаться, что самый фактъ дружественныхъ встрѣчъ и сближенія Россіи съ Австріей, въ лицѣ представителей ея политики, способенъ, по самой своей неестественности, подать поводъ къ различнымъ толкамъ и соображеніямъ. Всѣмъ извѣстно, что Россія не имѣетъ причинъ быть довольною, по отношенію къ себѣ, политикою Австріи: всѣмъ извѣстно, что поведеніе ея въ Восточномъ вопросѣ, десять лѣтъ тому назадъ, было главною причиною нашей неудачи и было вполнѣ оскорбительно для нашего національнаго самолюбія: всѣмъ извѣстно, что оскорбленіе это живо въ сознаніи каждаго Русскаго. Всѣмъ извѣстно, что въ прошломъ году, не далѣе какъ въ прошломъ году, Австрія присоединилась къ крестовому дипломатическому походу Европы противъ Россіи и съ необыкновенною дерзкою наглостью поспѣшила отречься отъ всякой солидарности съ Россіей, по поводу сдѣланнаго ей предложенія княземъ Горчаковымъ составить конференцію изъ трехъ державъ. Всѣмъ извѣстно, что интересы Австріи совершенно противоположны интересамъ Россіи на Востокѣ, на Дунаѣ, въ отношеніи племенъ Славянскихъ, и проч. и проч. Повидимому нѣтъ никакого повода не только къ дружественному, но и ни къ какому сближенію, а тѣмъ менѣе союзу. Такъ думаютъ въ Европѣ, такъ думаютъ и въ Россіи, гдѣ нерасположеніе къ Австріи можетъ быть названо общимъ всенароднымъ чувствомъ, близкимъ къ ненависти. Если же, несмотря на все это, сближеніе произошло, то естественно предполагать, по крайней мѣрѣ Европейскимъ публицистамъ, что существуютъ достаточно могущественные поводы, заставившіе Россію, вопреки видимымъ требованіямъ своей національной политики и національному чувству, сближаться съ Австріею и Пруссіей, ссориться съ Франціей и дозволять Англіи оскорбительную для насъ игру въ привидѣніе Священнаго Союза.

Намъ эти поводы положительно неизвѣстны, да по на-

шему мнѣнію они и не существуютъ,—не существуютъ въ дѣйствительности, для *настоящей* Русской народной политики. Союзъ съ Германіей, налагающій какія-либо обязательства на Россію или согласующій ея политику съ политикой Австріи и Пруссіи—былъ, есть и будетъ всегда для Россіи *похмѣльемъ въ чужомъ пиру*, не больше,—со всѣми вредными слѣдствіями такого похмѣлья. О солидарности принциповъ консерватизма и легитимности, даже династической законности—не можетъ быть и рѣчи послѣ насильственнаго отнятія «съ боемъ и грабежемъ», по выраженію древнихъ юридическихъ актовъ, значительной и лучшей части владѣнія у Датскаго короля. О союзѣ противъ космополитической, революціонной демократической партіи странно было бы и говорить, когда и Пруссія и Австрія воспользовались знаменемъ этой партіи въ Германіи противъ Даніи, когда Австрія поддержала притязанія этой партіи противъ Россіи въ прошломъ году, — когда эта партія главную силу свою почерпаетъ именно въ возможности *призраковъ* Священнаго Союза,—такъ-сказать питается и поддерживается страхомъ и антипатіей, возбуждаемыми въ народахъ памятью о Лайбахской циркулярной депешѣ.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что политика Лайбахской депеши была самою антинаціональною для Россіи: Россія является въ ней противницей освобожденія православныхъ Грековъ изъ-подъ мусульманскаго ига! Императоръ Николай живо это почувствовалъ и тотчасъ же, по вступленіи на престолъ, далъ другое направленіе Русской политикѣ по отношенію къ Грекамъ. Но не только относительно Грековъ является политика Священнаго Союза въ совершенномъ разрывѣ съ истинными пользами и выгодами Россіи. Россія не должна забывать, что принимая на себя попеченіе объ интересахъ Германіи, какъ было съ 1815 года до 1854-го, она не только возбуждаетъ противъ себя ненависть Германскихъ народовъ, но наноситъ ущербъ тѣмъ своимъ интересамъ, которые несовмѣстны съ выгодами Германіи или остальной Европы, напр. на Востокѣ; она должна помнить, что ея внутренняго развитія, духовнаго и политическаго, нельзя ни мѣрить Нѣмецкой мѣркой, ни даже разсмотрѣть пристально помощью Нѣмецкихъ оптическихъ снарядовъ и

пріемовъ. Россіи пора бы знать, что консерватизмъ Русскій вовсе не означаетъ того же самого, что́ консерватизмъ Прусскій или Французскій; что солидарности въ принципахъ политическихъ съ остальной Европой у насъ нѣтъ и быть не можетъ, восколько это означало бы солидарность съ чуждыми намъ національностями, въ ущербъ нашей національности,—ибо извѣстно, что всѣмъ странамъ въ Европѣ надо имѣть у себя политику національную. Россія Священнымъ Союзомъ отреклась отъ національной политики для блага Европы, или точнѣе для интересовъ Германіи,—и вотъ почему воспоминаніе о Священномъ Союзѣ едвали не бо́льшую горечь возбуждаетъ въ Русскомъ народномъ сознаніи, чѣмъ даже гдѣ бы то ни было за границей. А какъ скоро дѣло коснулось вопроса о національности, то Россіи не слѣдуетъ забывать, что національности Европейскія, Латино-Германскаго происхожденія, между собою болѣе или менѣе родственны или солидарны въ силу общаго происхожденія, если не физическаго, такъ духовнаго: всѣ онѣ вскормлены, при зарѣ своего историческаго бытія, однимъ просвѣтительнымъ началомъ католицизма, воспитаны общею исторіею, клеймены общимъ историческимъ типомъ. Россія съ Славянскими племенами составляетъ особый міръ — православный: иное просвѣтительное начало восприняло отъ исторической купели ея народность; иная исторія воспитала ее. Антипатія Латино-Германской Европы къ Россіи лежитъ глубже видимыхъ политическихъ основаній: это антипатія двухъ разныхъ началъ цивилизаціи, латинства и православія, двухъ разныхъ историческихъ судебъ и призваній. Россія должна помнить, что ни на чью дружбу, ни на одинъ Европейскій народъ, она положиться не можетъ, что, враждуя между собою, Латино-Германскія государства готовы тотчасъ образовать коалицію, стать однимъ лагеремъ, подъ одно знамя, противъ Россіи; что не одинъ разъ еще придется Европѣ дѣлиться на два стана: съ одной стороны Россія съ Славянскими православными племенами (не исключая и Греціи), съ другой — вся протестантская, католическая и даже магометанская и жидовская Европа вмѣстѣ. Слѣдовательно Россіи надо заботиться только о томъ, чтобъ укрѣпить свой собственный православно-Славянскій станъ.

Иностранныя газеты разсказываютъ, будто результатомъ личнаго сближенія Россіи, Австріи и Пруссіи—было принятое рѣшеніе, что свѣтская власть Папы необходима для спокойствія католическаго міра, а потому должна быть сохранена. Разумѣется, это чистая выдумка, — то, что̀ Французы называютъ *уткой*. Какое дѣло Россіи до сохраненія свѣтской власти Папы и до спокойствія въ католическомъ мірѣ? Спокойствіе не можетъ быть упрочено на основаніяхъ лжи,—разъ, особенно какъ скоро ложь сознана человѣчествомъ и пережила свой историческій ростъ. Православная Россія не только менѣе чѣмъ кто-либо обязана заботиться объ упроченіи латинской лжи, но болѣе чѣмъ кто-либо призвана обличить эту ложь и потрясти историческое зданіе католицизма. Паденіе свѣтской власти Папы ни для кого, напротивъ, такъ не желательно, какъ для Россіи и для православной церкви... Но это вопросъ уже другой, и мы привели это извѣстіе иностранныхъ газетъ только какъ образчикъ тѣхъ нелѣпыхъ и обидныхъ предположеній, къ которымъ Россія можетъ еще давать поводъ, — обидныхъ въ томъ смыслѣ, что иностранцы вовсе и не принимаютъ въ разсчетъ національныхъ стремленій въ Россіи—точно будто Русская народность и православіе вовсе и не существуютъ для политическихъ соображеній!

Есть, впрочемъ, надо въ томъ сознаться, такое обстоятельство, которое служитъ, повидимому, истиннымъ основаніемъ солидарности между Россіей, Австріей и Пруссіей,— основаніе, по наружности, до такой степени прочное, что никакія временныя ссоры не могутъ, какъ будто, разорвать эту солидарность, отклонить это взаимное ихъ тяготѣніе другъ къ другу. Если пословица говоритъ: милые бранятся, только тѣшатся, то повидимому ее можно примѣнить и къ намъ Русскимъ, въ отношеніяхъ нашихъ съ Австрійцами и Прусаками. Это основаніе: соучастіе въ раздѣлѣ Польши, общность интересовъ по отношенію къ Польской національности. Мы думаемъ однако, что эта солидарность только видимая, кажущаяся, коренящаяся премущественно въ несовсѣмъ правильномъ пониманіи Польскаго вопроса. Мы уже говорили однажды о необходимости отыскать для Польскаго вопроса иное основаніе, нежели то, на какомъ онъ стоитъ

въ Пруссіи и Австріи, и именно такое, которое бы не осуждало насъ на солидарность съ политикой этихъ Нѣмецкихъ державъ.*)—и будемъ еще говорить объ этомъ пространнѣе и подробнѣе при первой возможности.

По поводу конвенціи 15 сент. 1864 года между Франціею и Италіею.

„День", 10-го октября 1864 г.

Если въ прошломъ году Европейскіе политики и дипломаты, затѣявъ свою политическую игру, извѣстную подъ названіемъ: «Польскаго вопроса», были рады-радёхоньки, что наконецъ разыграли ее *въ ничью* и тѣмъ избавились отъ полнѣйшаго проигрыша,—то никакъ этого нельзя сказать про игру нынѣшняго года, оставившую въ положительномъ выигрышѣ—сначала Пруссію или г. фонъ-Бисмарка, а потомъ, не дальше какъ на дняхъ—и Наполеона III-го. Франціи такъ плохо везло, за послѣднее время, во всѣхъ ея политическихъ предпріятіяхъ, что въ Европѣ уже стали показываться весьма неблагопріятные для императорскаго правительства симптомы—недовѣрія, неуваженія и какъ бы пренебреженія къ его суетливой и повидимому неудачливой политикѣ. Казалось что авторитетъ императора Французовъ сталъ явно ослабѣвать; значеніе Франціи, какъ великой державы, замѣтно понижаться, да и сами Французы, такъ терпѣливо переносившіе утрату свободы и независимости ради блеска политическихъ торжествъ, ради славы военныхъ побѣдъ и дипломатическихъ успѣховъ, начали проявлять признаки нетерпѣнія и неудовлетвореннаго національнаго самолюбія. Конечно, мы не можемъ знать, чѣмъ разыграется, въ концѣ концовъ, начатая теперь партія Европейскихъ политическихъ шахматъ, но очевидно то, что къ концу нынѣшняго года по крайней мѣрѣ Наполеонъ сумѣлъ снова занять господствующее положеніе, выдвинулъ имѣвшіяся у него въ запасѣ свободныя шашки (Итальянскій вопросъ) и однимъ искуснымъ ходомъ сдѣлалъ «шахъ» не одному папѣ, но и Австріи. Онъ снова стянулъ узломъ въ свою руку политическія нити въ Европѣ, снова захватилъ въ свое распоряженіе жребій войны

*) См. Польскій вопросъ «Западно-Русское дѣло» въ томѣ 3-мъ.

и мира, и какъ истый сфинксъ задалъ новую мудреную загадку дипломатамъ и журналистамъ. Мы говоримъ о конвенціи 15 Сентября, которая, съ безпримѣрною смѣлостью, называетъ своею прямою цѣлью—огражденіе свѣтской власти папы, въ то время, какъ наноситъ этой власти сильнѣйшій, почти смертельный ударъ! Съ видомъ озабоченнаго покровительства, съ выраженіемъ преданности и усердія къ интересамъ папскаго престола (какъ и подабаетъ старшему почтительному сыну католической церкви), императоръ, своею конвенціею, объявляетъ папѣ, главѣ этой церкви, не только шахъ, какъ мы выразились, но чуть-чуть не матъ... Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ увѣренія Наполеона, Друэна де Люи и преданныхъ императорскому правительству публицистовъ, самыми точными истолкователями смысла знаменитой конвенціи являются—прежде всего самъ папа, а потомъ и Гарибальди... Папа чуетъ опасность именно въ томъ, что̀ Наполеонъ III считаетъ для него залогомъ мира и безопасности; Гарибальди доволенъ, видя, что мечта Итальянцевъ объ Римѣ приблизилась къ осуществленію—именно съ той поры, какъ Французская дипломатія возвѣстила Европѣ, что мечта эта совершенно оставлена.

Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ болѣе или менѣе уже извѣстны подробности конвенціи 15 Сентября, заключенной между Французскимъ и Итальянскимъ правительствами. Впрочемъ, вотъ въ немногихъ словахъ ея содержаніе: Италія переноситъ столицу изъ Турина во Флоренцію,—на что̀ дается 6-ти-мѣсячный срокъ послѣ утвержденія этой конвенціи Итальянскимъ парламентомъ: Франція обязывается вывести свои войска изъ Рима въ теченіи двухъ лѣтъ,—каковой срокъ полагается для того, чтобъ папа имѣлъ время сформировать свою собственную папскую армію; Итальянскій король и Французскій императоръ обязуются оба ограждать Папскія владѣнія отъ всякаго *внѣшняго* нападенія. Эта конвенція заключена не только безъ участія, но безъ вѣдома папы, которому навязывается такимъ образомъ вовсе нежеланный имъ и уже нисколько непрошенный защитникъ — отлученный папою же отъ церкви, похититель Папскихъ областей,—il re galantuomo, Викторъ-Эммануэль. Всего интереснѣе то, что Французская дипломатія старается увѣрить

Европу и самого папу, что въ этомъ дѣйствіи императора Наполеона заключается ручательство всеобщаго мира и сохраненія свѣтской власти Римскаго папы! Такимъ образомъ, въ силу этой конвенціи, Италія перестаетъ быть, чѣмъ она была до сихъ поръ,—расширившимся Піемонтомъ съ Піемонтскою столицею Туриномъ,—но становится настоящимъ королевствомъ *всея Италіи*, перенося центръ тягости новаго королества, средоточіе власти и политической дѣятельности изъ Турина—чуть не на самую границу Папскихъ владѣній,—на послѣднюю станцію на пути къ Риму; въ это же самое время, Франція, которая одна сдерживала могучею рукою порывы Римлянъ противъ своего государя-папы и порывы Италіи овладѣть Римомъ,—Франція отнимаетъ свою руку прочь, выводитъ свой 20-ти-тысячный гарнизонъ и оставляетъ папу—подъ охраной папскихъ подданныхъ и новаго королевства Италіи, котораго единственная мечта—перенести столицу въ Римъ и лишить папу свѣтской власти! А такъ какъ оба государства обязались не допускать *иностраннаго* вторженія въ область его святѣйшества папы, то очевидно, что всякое покушеніе Австріи замѣнить Французскій гарнизонъ Австрійскимъ—будетъ сочтено за то *внѣшнее* посягательство, о которомъ говоритъ конвенція и которому оба государства будутъ противостоять вооруженною силою. Итакъ приближеніе правительственнаго центра Итальянскаго королевства *поближе къ Риму* называется,—на дипломатическомъ языкѣ нашего времени,—*отреченіемъ* отъ Рима, а выводъ Французскихъ войскъ, благодаря которымъ только и поддерживалась свѣтская власть папы,—мѣрою безопасности папскаго престола, гарантіей его правъ и притязаній!!! Разумѣется, такія увѣренія никого не обманываютъ; они дѣлаются только для того, чтобъ сохранить нѣкоторый *decorum*, чтобъ удовлетворить требованіямъ приличія, чтобъ придать поступкамъ видъ формальной законности и правды. Впрочемъ, составители конвенціи даже не очень и заботились о томъ, чтобы не было видно тѣхъ бѣлыхъ нитокъ, которыми шиты ихъ дипломатическіе покровы: какъ мы сказали—страхъ и негодованіе, обнаруживаемые папскимъ правительствомъ, радостныя надежды, обнаруживаемыя открыто Римлянами, молчаливое одобреніе Гарибальди и партіи дѣйствія, тревога

Австріи, смущеніе всѣхъ ревностныхъ католиковъ,—все это служитъ наилучшимъ комментаріемъ на внутреннее значеніе конвенціи. Нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ-Наполеонъ питаетъ при этомъ и другіе, свои личные, затаенные замыслы: что у него въ запасѣ, про всякій случай, имѣются и другіе сюрпризы и загадки, которые онъ и пуститъ въ ходъ, когда въ томъ окажется надобность. Нельзя, конечно, ручаться въ томъ, что Наполеонъ непремѣнно допуститъ Италію овладѣть Римомъ, если по выводѣ гарнизона жители Рима поднимутся противъ папы, выгонятъ его сами или же выразятъ, по способу «всеобщей подачи голосовъ», желаніе свое о передачѣ свѣтской власти папы въ руки Итальянскаго короля. Въ два года—срокъ назначенный для вывода Французскихъ войскъ—воды, по пословицѣ, утечетъ много, а букву трактатовъ и конвенцій въ наше время считаютъ обязательною, кажется, только для одной Россіи,—даже когда они потеряли всякую силу, подобно пресловутому акту Вѣнскаго конгресса. Но какъ бы то ни было, а Наполеонъ занялъ теперь позицію, въ которой онъ, какъ говорится въ стратегіи, «господствуетъ» надъ общимъ положеніемъ Европы.

Итакъ папство близко къ банкротству. Мы съ своей стороны не можемъ не видѣть въ томъ, что совершается, правдивый, неумолимо-логическій судъ исторіи. Римское папство погибаетъ именно чрезъ то, чѣмъ оно согрѣшило. Оно не сумѣло понять свободы и независимости въ смыслѣ духовномъ, въ смыслѣ Христовомъ; оно забыло слова Спасителя: «царство Мое не отъ міра сего», сдѣлало церковь «царствомъ отъ міра» и подвергло ее участи всѣхъ земныхъ царствъ и учрежденій. Оно внесло въ церковь начало государственное, и это начало обращается теперь противъ нея же самой. Папству мало было власти духовной, оно захотѣло опереться на свѣтскую власть—и свѣтская же власть его и загубитъ. Поставивъ эту власть, т. е. внѣшнюю силу, внѣшнюю правду, броню государственнаго устройства—условіемъ свободы и независимости духовной, папство чрезъ это самое осудило себя на непремѣнное паденіе—какъ только расшатаются эти государственныя, эти бренныя подпорки его могущества и крѣпости.

Въ самомъ дѣлѣ—католическій міръ встревоженъ, вѣрные

сыны католической церкви въ испугѣ,—поднимаются сѣтованія и вопли... гибнетъ папство, гибнетъ церковь!.. Но отчего же гибнетъ, почему гибнетъ? Неужели существованіе церкви Христовой зависитъ отъ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ верстъ земли? Неужели гордая, «вселенская» латинская церковь имѣетъ такое хрупкое и шаткое основаніе, что отнятіе у нея областей, вовсе не великихъ, грозитъ ей окончательнымъ паденіемъ? Что такое Папскія владѣнія, что такое папа, какъ государь свѣтскій? Нѣчто въ родѣ мелкопомѣстныхъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ. Неужели же положеніе, схожее съ положеніемъ мелкаго Нѣмецкаго принца и владѣніе столь тѣсное по объему могутъ что-нибудь значить для духовной власти Римскаго папы, первосвященника, старѣйшаго патріарха Христовой церкви,—могутъ усилить или ослабить къ нему уваженіе вѣрующихъ? Если онъ властвуетъ надъ душами, надъ совѣстью — не однихъ обитателей той мѣстности, которою владѣетъ, но всего католическаго міра,—цѣлыхъ *ста* милліоновъ католиковъ, то конечно не въ силу своей обстановки, какъ свѣтскаго владѣтельнаго государя, не вслѣдствіе богатства и политическаго значенія Папской области, какъ державы, а на какомъ-нибудь иномъ, болѣе нравственномъ, болѣе духовномъ основаніи? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же такъ упорно держаться за эту область, за эту жалкую внѣшнюю обстановку, зачѣмъ связывать съ судьбою этой области и города Рима—судьбу не только папства, но и всей латинской церкви?

Казалось бы, по понятіямъ православнаго, было бы всего проще и легче разрѣшить всѣ эти вопросы и затрудненія—отреченіемъ отъ Рима и свѣтской власти,—но «non possumus» («не можемъ») приходится сказать Римскому папѣ! Можетъ-быть латинская церковь и хотѣла бы теперь перенести свою свободу и независимость въ другую сферу, утвердить ее на иномъ, чисто-христіанскомъ основаніи,—но уже поздно; *non possumus*! Конечно, не нѣсколько сотенъ миль земли, не пышный дворъ, не государственный штатъ папской области составляютъ условіе папской власти и авторитета. но начало, которому эта государственная обстановка служитъ только внѣшнимъ признакомъ или проявленіемъ. Это начало—государственный элементъ, внесенный Римомъ въ область

духовную,—перенесеніе на христіанскую церковь, управлявшуюся Римскимъ первосвященникомъ, типа Римской государственности и идеи всемірнаго владычества, которой Римъ былъ постояннымъ носителемъ. Съ паденіемъ Римской имперіи, духъ стараго Рима не погибъ и ожилъ въ иномъ образѣ. Папство наслѣдовало преданія Рима; грубость и вещественность Рима перешли въ область латинскаго вѣроисповѣданія; политическое владычество міромъ замѣнилось владычествомъ духовнымъ. Это не та истинная церковь Христова, которая должна быть чужда мысли какого бы то ни было владычества, гдѣ нѣтъ ни бо́льшихъ, ни меньшихъ, гдѣ всѣхъ связываетъ одна любовь о Христѣ и одна вѣра въ Спасителя,—гдѣ духовенство имѣетъ только ту власть, которую даетъ ему сама церковь, избирая изъ среды себя своихъ служителей, свои орудія и органы, но сама, какъ церковь, всегда пребывая превыше всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, и не признавая надъ собой другаго главы, кромѣ Христа. Латинская же церковь, какъ извѣстно, есть такое общество вѣрующихъ, въ которомъ всѣ отправленія вѣрующаго духа заразились государственностью, приняли въ себя элементъ государственный, т. е. элементъ внѣшней правды, принудительной силы, формальной законности и такъ-сказать вещественной опредѣленности. *Неограниченность* мірской власти древняго Рима, республиканскаго или императорскаго—замѣнилась *непогрѣшимостью* папы; онъ назвался *царемъ*-первосвященникомъ (rex-pontifex), а латинскіе архіереи—*князьями* церкви: благодать, данная папѣ, взвѣшена, измѣрена, сосчитана, регламентирована и какъ доходная статья, въ видѣ индульгенцій, т. е. продаваемаго прощенія грѣховъ, поступила въ государственное казначейство... Однимъ словомъ, земное царство съ земнымъ царемъ, котораго неограниченность власти превышала полновластіе всякаго иного земнаго владыки,—ибо это была власть непогрѣшимой совѣсти надъ грѣшною совѣстью прочихъ смертныхъ; съ подданными, порабощенными такъ, какъ ни одинъ народъ ни въ одномъ государствѣ — ибо это было порабощеніемъ духа; съ аристократіей, которой привилегіи заключались въ дарахъ Св. Духа; съ войскомъ, съ полиціей,—въ лицѣ монашескихъ орденовъ, іезуитскихъ коллегій и инквизиціи,

съ строгой централизаціей, съ постепенностью чиновъ и инстанцій,—вотъ что̀ сдѣлалъ изъ церкви духъ стараго Рима, обратившій царство не отъ міра сего въ царство отъ міра, церковь—во вселенную монархію, въ деспотію духовную. Ватиканъ сто́итъ Капитолія; но рушился Капитолій, рушится и Ватиканъ, какъ и всякое земное бренное основаніе силы, могущества и славы. Живымъ, вещественнымъ символомъ этого значенія латинской церкви, какъ всемірной духовной монархіи,—олицетвореніемъ идеи этого вещественно-духовнаго владычества былъ и есть Римъ,—и разстаться съ Римомъ или признать въ Римѣ присутствіе иной власти, равняется для Римскаго папы отреченію отъ своего историческаго знамени, какъ всемірнаго духовнаго владыки. Столицею такой всемірной духовной державы могъ быть только Римъ, и папа безъ Рима немыслимъ,—не только какъ напр. Франція безъ своей столицы Парижа. Англія безъ Лондона, и т. д., но потому именно, что присущая Риму идея вселенскости составляетъ условіе всего историческаго значенія папы. Лишиться Рима—значитъ лишиться символа своего всемірнаго духовнаго владычества,—такого символа, который не можетъ быть произвольно перенесенъ на другое мѣсто, который усвоенъ Риму всею исторіей міра. Еслибъ латинская церковь была, какъ и всякая другая, мѣстная христіанская церковь, то центральный пунктъ церковной администраціи могъ бы быть перенесенъ съ одного мѣста на другое безъ всякаго ущерба для авторитета самой церкви: ибо истина Христова, живущая въ церкви, не зависитъ отъ условій внѣшней обстановки, также могуча и животворна въ подземныхъ душныхъ вертепахъ, какъ и въ чертогахъ, на снѣжныхъ тундрахъ, какъ и на плодоносныхъ поляхъ Италіи. Никакая внѣшняя опасность не есть опасность для церкви. Но именно потому, что латинство измѣнило основаніямъ Христовой церкви, поставило ее на подножіе земнаго величія и власти, ограничило ея свободу и независимость, понявъ и опредѣливъ эту свободу и независимость какъ *неограниченность земной власти*, сдѣлало первослужителя Христова земнымъ царемъ не въ званіи простаго смертнаго и грѣшнаго раба Божія, какимъ является каждый царь, но въ званіи непогрѣшимаго духовнаго владыки,—именно потому—вся

эта бывшая слава, бывшее величество, бывшее могущество поставлены нынѣ въ жалкую унизительную зависимость отъ случайнаго обстоятельства, отъ прихоти честолюбцевъ, отъ успѣха дипломатическихъ интригъ и всяческихъ обмановъ! Владыка міра принужденъ дрожàть отъ мысли, что 20 тысячъ Французскихъ солдатъ скоро поставятъ его лицомъ къ лицу съ его подданными; принужденъ выносить оскорбительный гнетъ Французскаго покровительства...

Можетъ-быть Пію IX-му и хотѣлось бы развязаться съ идеею свѣтской монархіи и владычества, но не легко стряхнуть съ папской тіары тяготѣніе пятнадцати вѣковъ исторической жизни! но уже невозможно ожидать спасительнаго раскаянія и преобразованія латинской церкви внутри ея самой, ея собственнымъ свободнымъ произволеніемъ! Non possumus—восклицаетъ папа, и дѣйствительно не можетъ, non possumus, если бы даже и хотѣлъ... Non possumus—самый искренній теперь вопль, который когда-либо раздавался изъ папскихъ чертоговъ,—и съ этимъ воплемъ отчаянія скоро погребетъ себя папство подъ развалинами Ватикана!

О положеніи Наполеона III относительно Европейскихъ державъ.

„День“, 7-го ноября 1864 г.

Несмотря на всюду воцарившійся миръ и усилившійся размѣнъ дипломатическихъ любезностей между державами Западной Европы,—жестоко, по нашему мнѣнію, обманулся бы тотъ, кто повѣрилъ бы въ прочность этой водворившейся тишины и въ благонадежность взаимныхъ политическихъ отношеній. Еще ошибочнѣе было бы, кажется, воображать, что внѣшнее спокойствіе Россіи вполнѣ обезпечено, что она можетъ теперь, какъ говорится, опочить на лаврахъ, или же заняться на досугѣ, свободно, не торопясь, разрѣшеніемъ своихъ внутреннихъ вопросовъ. Напротивъ, ей нужно торопиться; ей не время теперь успокоиваться,—такъ думаемъ мы по крайней мѣрѣ, ей надо постоянно имѣть въ виду, что потребуется быть-можетъ снова напряженіе всѣхъ ея силъ... Всякій, кто сколько-нибудь внимательно наблюда-

етъ ходъ современныхъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, не можетъ не видѣть, что всѣмъ державамъ какъ-то не ловко, не по себѣ, всѣ находятся въ какомъ-то ненормальномъ положеніи, всѣ какъ-то сдвинулись съ своей обычной торной колеи и напрасно стараются попасть въ нее снова. Вопросы не разрѣшены, а отсрочены; политическіе узлы не распутаны, а только пуще запутываются... Въ газетахъ часто встрѣчается ходячая фраза: «всеобщее желаніе избѣжать войны есть ручательство всеобщаго мира.» Это едвали справедливо. Вопервыхъ, это желаніе избѣжать во что бы ни стало войны заставляетъ нѣкоторыя державы дѣлать, по необходимости, тяжкія уступки, почти невыносимыя для ихъ народной и государственной чести,—слѣдовательно такія, за которыя, при первомъ удобномъ случаѣ, потребуется тѣмъ бо́льшая уплата, чѣмъ тягостнѣе были уступки. Оно ставитъ ихъ—это опасеніе войны—въ странныя, неискреннія, ложныя отношенія другъ къ другу, производитъ насильственныя сочетанія совершенно различныхъ началъ и системъ, противоестественные сближенія и союзы, усиливаетъ наконецъ дѣятельность дипломатіи, — а усиленная дѣятельность дипломатіи, какъ извѣстно, только еще болѣе усложняетъ дѣло и рѣдко бываетъ способна дать жизненный отвѣтъ жизненному вопросу. Въ каждой странѣ копится и наростаетъ, такимъ образомъ, сумма недоразумѣній, обидъ, неудовольствій; чувство стѣсненности и фальшивости своего положенія дѣлается съ каждымъ днемъ нестерпимѣе, и рано или поздно вызоветъ наконецъ неудержимую потребность скорѣйшей, какой бы то ни было, хотя бы и роковой, развязки, и однимъ разомъ порветъ всѣ путы, которыми осѣтила страну дипломатическая предусмотрительность. Однимъ словомъ, уступки вынуждаемыя лишь желаніемъ избѣжать войны—не только не служатъ гарантіей мира, но еще нерѣдко приводятъ къ войнѣ, зарождаютъ войну. Вовторыхъ, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы рѣшительно всѣ державы безъ исключенія, съ одинаковой степенью искренности и усердія, заботились объ устраненіи Европейскихъ междоусобій; а если хоть одна изъ нихъ находитъ войну для себя прибыльною въ какомъ бы то ни было смыслѣ, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ причинъ избѣгать ея во что бы ни

стало,—то отношеніе такой державы къ прочимъ, избѣгающимъ войны, становится, очевидно, самымъ удобнымъ и выгоднымъ. Постоянно пугая своихъ робкихъ или миролюбивыхъ сосѣдей призракомъ военной грозы, такая держава непремѣнно господствуетъ надъ общимъ политическимъ положеніемъ, держитъ въ своей зависимости политику Западно-европейскихъ кабинетовъ и принуждаетъ ихъ, болѣе или менѣе, если и не плясать, такъ поворачиваться противъ воли, нехотя, по своей дудкѣ.

Политическая инициатива въ наше время принадлежитъ Наполеону III-му, какъ принадлежала нѣкогда Наполеону I-му, отъ котораго и перешла къ племяннику со всею властью преданія. Она будто уступлена ему всѣми, признана за нимъ, какъ будто неотъемлемое право Наполеонидовъ, — она-то именно и составляетъ существенное условіе его силы. Съ воцареніемъ Наполеона III-го вся забота прочихъ державъ (мы не говоримъ здѣсь о Россіи, ея дѣло особое) заключается въ томъ: какъ стать къ политической инициативѣ Наполеона? въ какую позицію, въ какое отношеніе? какъ держать себя съ нимъ въ миру и въ то же время на сторожѣ, чтобы не запутаться въ его сѣтяхъ и сумѣть отразить его нечаянные удары? Въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ политика Западно-европейскихъ государствъ имѣетъ характеръ политики *оборонительной*, подневольной, мотивированной, какъ любятъ теперь выражаться, Наполеоновскою политикою начинанія и наступательнаго дѣйствія: послѣдняя даетъ первой все ея содержаніе. Но въ этомъ же заключается и слабость Наполеонидовъ. Явленіе такого brouille-ménage въ политическомъ быту Европы, заставляющее всѣ кабинеты пребывать въ постоянной озабоченности, напряженности, подчиняться разнообразнымъ, неожиданнымъ и нежеланнымъ политическимъ комбинаціямъ; присутствіе такого неспокойнаго, по истинѣ революціоннаго элемента, извращающаго естественный, привычный, медленный, а подчасъ и вялый ходъ правильнаго историческаго развитія и съ такою безцеремонностью нарушающаго старый, облюбленный Западно-европейскими потентатами общій складъ политической жизни, — должно, разумѣется, въ высшей степени раздражать и утомлять Европейскіе кабинеты. Нѣтъ сомнѣнія, что

почти каждая изъ Западно-европейскихъ державъ внутренно недоброжелательствуетъ Наполеону и была бы рада отъ него избавиться,—онъ имъ общій врагъ и онѣ—если теперь еще не готовы для соединенія—то рано или поздно непремѣнно соединятся противъ него общимъ союзомъ. Такая естественная наклонность къ коалиціи противъ императорской Франціи очень хорошо извѣстна Наполеону, и все искусство его политики заключается въ томъ, чтобъ разбивать въ самомъ началѣ попытки подобныхъ союзовъ, чтобъ ослабить каждую державу порознь или связать ее съ собою цѣпью интригъ и вообще личныхъ интересовъ. И дѣйствительно, постоянное опасеніе новыхъ революцій во Франціи, которыхъ примѣръ такъ могущественно соблазнителенъ, — собственные грѣшки,—«пушокъ на рыльцѣ» каждой изъ державъ,—чѣмъ такъ ловко умѣетъ пользоваться Наполеонъ, — неисправные счеты съ собственными подвластными народами, — отчасти желаніе извлечь личныя выгоды изъ этой переворотной силы, которую олицетворяетъ въ себѣ Наполеонъ, и чрезъ посредство ея достигнуть собственныхъ эгоистическихъ цѣлей, — все это упрочиваетъ пока силу и власть императора Французовъ и ведетъ Европейскую политику болѣе или менѣе, на буксирѣ Наполеоновской... Между тѣмъ, однако, и самъ Наполеонъ нисколько неудовлетворенъ; Россія въ прошломъ году нанесла ему пораженіе путемъ дипломатичекимъ, и дала почувствовать свою политическую независимость; свиданіе въ Ниццѣ также не доставило удовлетворенія ни императору Наполеону, вынужденному, какъ по всему видно, исключить Польскій вопросъ изъ своей бесѣды, ни самолюбію Французовъ, которые не дождались увидѣть Русскаго Государя ни въ Парижѣ, ни въ Компьенѣ. Блистательныхъ военныхъ успѣховъ, на которые такъ падка Французская нація, Наполеонъ не могъ предложить ей ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ году,—а дипломатическія привязи, которыми онъ удерживаетъ въ нѣкоторой зависимости отъ себя прочія державы, не вполнѣ надежны. Иная, пожалуй, можетъ и оторваться. Поэтому, за неимѣніемъ войны, онъ вынужденъ теперь усиливать дѣятельность дипломатической интриги, раскидывать новыя и новыя сѣти, въ которыхъ, путая другихъ, отчасти и самъ можетъ запутаться. Ему очевидно

становится необходимымъ перенести дѣйствіе изъ сферы чисто дипломатической въ область внѣшнихъ вещественныхъ событій, упростить путаницу, дѣлающуюся и для него самого неудобною,—или, вѣрнѣе, утвердить свои соображенія на новомъ основаніи, потому что старое уже обветшало,—создать новыя обстоятельства, къ которымъ и пріурочить свою политику... Для этого только два способа имѣются въ виду, два исхода: или Европейская война, или Европейскій конгрессъ.

Обстоятельства такъ сложились, что отдѣльной съ какимъ-либо Западно-европойскимъ государствомъ войны Наполеонъ теперь, по всей вѣроятности, не начнетъ, да и начать не можетъ. Съ кѣмъ воевать? т. е. воевать такъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ вѣроятность успѣха и не дать повода къ новой противъ себя коалиціи... Наполеонъ Первый былъ энтузіастъ и мечтатель, былъ своего рода поэтъ—артистъ въ исторіи,—что̀ не мѣшало ему, разумѣется, быть бездушнымъ и деспотомъ, т. е. смотрѣть на человѣчество, какъ на матеріалъ для своихъ артистическихъ созданій и на пьедесталъ своей поэтической славы. Онъ упивался поэзіей своей судьбы, онъ постоянно носилъ въ самомъ себѣ художественное представленіе о своей собственной дѣятельности; его воображеніе питало въ немъ поэтически-величественные сны,—и оттого самая личность его такъ обаятельно дѣйствовала на современниковъ, оттого 10 лѣтъ его императорства или 18 лѣтъ его исторической дѣятельности кажутся намъ, его близкому потомству, уже какимъ-то героическимъ вѣкомъ, въ родѣ полумиѳическихъ цикловъ древности. Сама исторія, какъ будто ради художественной законченности своего созданія, довершила его поприще кончиной на пустынной скалѣ, среди океана—этимъ неистощимо поэтическимъ образомъ!.. Наполеонъ I увлекался ненавистью къ Англіи, какъ къ своему антиподу, думалъ двинуть свою армію по морю, какъ по суху, съ тѣмъ чтобы наложить ярмо на «гордый Альбіонъ», — и гордый Альбіонъ былъ ему непримиримымъ врагомъ, вездѣ и всюду строившимъ помѣхи и козни его политическимъ замысламъ. Человѣкъ разсчета, Наполеонъ III, сумѣлъ стать съ Англіею въ отношенія совершенно иныя. Англія, говорятъ, предпочла враждѣ съ нынѣшнимъ Наполеономъ—союзъ съ нимъ,

для того, чтобы, тяготѣя надъ нимъ этимъ союзомъ, мѣшать его свободѣ дѣйствій на материкѣ Европы, и въ то же время пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для своихъ континентальныхъ интересовъ. Но восколько этотъ союзъ тяготѣетъ надъ Наполеономъ, востолько же, если не болѣе, тяготѣетъ онъ надъ самою Англіею. Упрочивая положеніе Наполеона въ Европѣ, этотъ союзъ втягиваетъ Англію, противъ ея воли, въ разныя уступки и такъ-называемые компромиссы, довольно неудобные для ея политической чести. Чтобъ не упустить вовсе изъ-подъ опеки своего союзника, чтобъ имѣть возможность направлять нѣкоторымъ образомъ его политику, Англія должна по необходимости снисходительно относиться ко многимъ его затѣямъ и вовлекаться съ нимъ въ разныя политическія сдѣлки и предпріятія. Союзъ съ Россіей и союзъ съ Англіей — это какъ бы двѣ чаши вѣсовъ, которыя держитъ въ рукѣ своей Наполеонъ III и которыя наклоняетъ то въ ту, то въ другую сторону. Опасеніе союза Франціи съ Россіей и совмѣстнаго ихъ дѣйствія на Востокѣ, — вотъ что̀ особенно заставляетъ Англію постоянно увиваться около Наполеона, вотъ что̀ могло бы окончательно вооружить противъ него Англію, а черезъ нее и всю остальную Европу. Но до этой послѣдней крайности Наполеонъ, разумѣется, и не дойдетъ; разрывать союзъ съ Англіей ему нѣтъ ни малѣйшей выгоды, равно какъ и для Англіи выгоднѣе имѣть его своимъ союзникомъ, хотя бы и тяжелымъ, нежели врагомъ. — Война съ Пруссіей за Рейнскія границы представляется такою же невозможностью. Она ополчила бы на Наполеона не только Пруссію и Австрію, но и всю Германію, несмотря на эгоистическіе разсчеты мелкихъ Нѣмецкихъ принцевъ. Въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ политическое народное самосознаніе въ Германіи развилось въ такой степени, что вопросъ о Рейнѣ сталъ дѣйствительно для Нѣмцевъ вопросомъ народнымъ, — да и Англія, безъ сомнѣнія, явилась бы при такой войнѣ на сторонѣ враждебной Наполеону, такъ какъ занятый подобной войной — онъ былъ бы неопасенъ ей на Востокѣ. Во всякомъ случаѣ, при такой войнѣ, ему пришлось бы дѣйствовать совершенно одному, безъ союзниковъ. Война съ Австріей въ настоящее время также не представляетъ особеннаго интереса для На-

полеона; войною 1859 года онъ уже достигъ главной своей цѣли,—т. е. ослабленія Австріи, стяжанія новыхъ воинскихъ успѣховъ, созданія въ Италіи новаго порядка вещей, поставляющаго ее въ полную зависимость отъ Франціи. Новая война изъ-за Венеціи клонилась бы только, еслибъ Австрія даже воевала совершенно одна, къ усиленію Италіи, безъ всякой особенной прибыли для самой Франціи, — не говоря уже о томъ, что вопросъ Венеціанскій едвали не легче разрѣшить дипломатической сдѣлкой, чѣмъ взятіемъ съ боя знаменитаго четыреугольника. Для Англіи также нѣтъ никакого разсчета въ ослабленіи Австріи, въ которой она издавна привыкла находить точку опоры для своихъ дѣйствій на континентѣ. Очевидно, что Наполеону несравненно выгоднѣе держать Австрію въ постоянномъ страхѣ и заставлять ее всячески искать съ нимъ союза, нежели вести съ нею войну. Что же касается до Римскаго вопроса, то онъ подвинутъ настолько, что далѣе идти невозможно, не приступивъ къ дѣйствительному разрѣшенію вопроса о папѣ, для чего время, какъ кажется, еще далеко не приспѣло въ смыслѣ личныхъ видовъ Наполеона III-го. Онъ не приступитъ къ разрѣшенію этой послѣдней задачи до тѣхъ поръ, пока не придумаетъ такой комбинаціи, при которой паденіе свѣтской власти папы не угрожало бы ему собственнымъ паденіемъ вслѣдствіе происковъ клерикальной партіи.—Австрія же, озабоченная внутренними своими дѣлами, не только не желаетъ, но всѣми мѣрами старается избѣгнуть войны съ Наполеономъ, и напуганная съ одной стороны союзомъ Пруссіи съ Австріей, съ другой конвенціей 15 сентября поставлена въ необходимость идти на всевозможныя соглашенія съ императоромъ Французовъ.

Итакъ, Англія старается не разрывать союза своего съ Наполеономъ, чтобъ не сблизить его съ Россіей; Пруссія ищетъ союза съ Наполеономъ, чтобы съ одной стороны не допускать его до войны съ нею за Рейнскія границы и парализировать связь Наполеона съ мелкими государствами Германіи, которыя, какъ извѣстно, всегда ищутъ поддержки у Франціи, противъ властолюбія Пруссіи и для сохраненія своей государственной самостоятельности (!); съ другой стороны, Пруссія нуждается въ опорѣ Франціи для своихъ по-

литическихъ видовъ на Сѣверѣ Германіи. Австрія домогается сближенія съ Наполеономъ, чтобы стѣснить дѣйствіе конвенціи 15 сентября, ослабить значеніе союза Пруссіи съ Франціей и не остаться совершенно одинокою и беззащитною, — такъ какъ на союзъ съ Россіею наступительный и оборонительный ей разсчитывать нечего. Про Италію нѣтъ надобности и говорить: она скована по рукамъ и по ногамъ благодѣяніями Наполеона и еще не довольно сильна, чтобы свергнуть съ себя гнетущее ее ярмо благодарности.

Остается Россія. Если уже нужна война Наполеону, если какую войну можетъ допустить политика Европейскихъ кабинетовъ, если на чемъ могутъ, по нуждѣ, помириться между собою враждебные другъ другу интересы Европейскихъ державъ, такъ это—на войнѣ Наполеона съ Россіей. Коалиція въ Европѣ, въ настоящее время, возможна только противъ Россіи. Ослабленіе Россіи—всѣмъ Европейскимъ державамъ равно пріятно и выгодно. Европа до сихъ поръ смотритъ на Россію какъ на незваннаго, непрошеннаго пришельца въ семью Европейскихъ державъ, и міръ Германо-Латинскій исполненъ вѣчной ненависти къ представительницѣ Славяно-Православнаго міра. Только близорукость, отвергающая значеніе религіи, какъ образовательнаго историческаго элемента каждой національности, какъ духовнаго просвѣтительнаго начала, дающаго содержаніе всей исторической жизни народовъ, можетъ не признавать во враждѣ Запада къ Россіи ничего болѣе, кромѣ простой зависти къ ея могуществу и силѣ. Эта вражда—есть вражда между двумя стихіями духовной жизни, и миръ, Россіи съ Европой, прочный, искренній миръ, возможенъ былъ бы только тогда, когда бы Россія стала для Европы *своею*, отреклась бы отъ своего Славянскаго происхожденія и своей православной вѣры. Никакія бѣдствія Болгаръ и Сербовъ не въ силахъ вызвать даже состраданія со стороны Европейскаго общества, если только они являются какъ бѣдствія Славянъ,—никакія жестокости не кажутся Европѣ ужасными, какъ скоро направлены на Славянское и именно православное племя,—тогда какъ всякое малѣйшее насиліе, совершаемое надъ *своимъ*, надъ человѣкомъ Романскаго или Германскаго происхожденія, возбуждаетъ взрывъ негодованія въ «просвѣщенной, гуманной,

либеральной» Европѣ. Ни одно государство не подвергается такимъ неистовымъ и уродливымъ клеветамъ, какъ Россія съ единовѣрными, единоплеменными ей народами; нѣтъ страны, которая была бы менѣе знаема, менѣе доступна Европейскому пониманію, какъ Россія и вообще міръ Славянскій. Самыя безобразныя предубѣжденія противъ насъ, самыя невѣжественныя понятія о Россіи украшаютъ головы умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ мужей Европы! Ни противъ кого съ такою легкостью, съ такимъ единодушіемъ и во всякую минуту не способно быть возбуждено общественное мнѣніе всей Западной Европы, и возрости до кипѣнія ненависти, до бѣшеной пѣны у рта, какъ противъ Россіи! Но независимо отъ этихъ тайныхъ, духовныхъ пружинъ самые политическіе интересы Западно-европейскихъ державъ не представляютъ имъ достаточно поводовъ препятствовать давленію Наполеона на Россію, еслибъ такое давленіе онъ счелъ для себя полезнымъ. Россія нужна имъ только какъ опора противъ самого же Наполеона; какъ скоро же она не признаетъ совмѣстнымъ съ своими разсчетами вступать вмѣстѣ съ ними въ коалицію противъ Наполеона и жертвовать своими интересами интересамъ Германіи или Англіи,—она, напротивъ, страшитъ ихъ возможностью сближенія съ Франціей, и, безъ малѣйшаго съ ихъ стороны зазрѣнія совѣсти, можетъ быть оставлена, въ роковой часъ борьбы, всѣми своими союзниками. Мы видѣли это въ Восточную войну; видѣли и въ прошломъ году. Конечно, Пруссія не разрывала союза съ Россіей, но не была и особенно дѣятельной ей помощницей; къ тому же этотъ способъ дѣйствій отозвался невыгодно на внѣшнихъ отношеніяхъ Пруссіи къ прочимъ Европейскимъ державамъ и поставилъ ее, какъ говорятъ дипломаты, въ «изолированное» положеніе. Въ настоящее же время Пруссія перемѣнила свою политическую систему, и ея политическіе интересы могутъ теперь легко столкнуться съ нашими, какъ на Балтійскимъ морѣ, такъ и въ самой Германіи. Если въ прошломъ году дипломатическая кампанія противъ Россіи не имѣла успѣха и не повела къ войнѣ, то это потому собственно, что она касалась такого вопроса,—того единственнаго вопроса, въ разрѣшеніи котораго интересы Австріи, Пруссіи и Россіи схи-

таются солидарными между собою. Этотъ вопросъ — Польскій.

Есть почва вполнѣ пригодная для коалиціи Европы противъ Россіи—это вопросъ Восточный. Англія, конечно, желала бы лучше оставить этотъ вопросъ совершенно въ сторонѣ или похозяйничать въ немъ одна, безъ союзниковъ, но дабы не допустить совмѣстнаго разрѣшенія этого вопроса Россіею и Франціею, она предпочтетъ, какъ и въ 1854 году, союзъ съ Франціей въ войнѣ противъ Россіи. Австрія, имѣя виды на Славянскія земли, рада будетъ вознаградить себя хоть чѣмъ-нибудь за потери свои въ Италіи, а Пруссія, не имѣющая прямыхъ интересовъ въ Турціи, рада будетъ отвлеченію всѣхъ силъ Европы на Югъ и Востокъ, и устраненію помѣхъ для ея происковъ на Сѣверѣ. Турція, Славянскія земли — вотъ единственное свободное поле дѣйствія для Наполеона, вотъ единственное прибѣжище, которое остается для Западно-европейской политики въ случаѣ, если почувствуется потребность въ какомъ-нибудь выходѣ изъ запутанныхъ тягостныхъ отношеній, въ замѣнѣ дипломатическаго дѣйствія событіемъ положительнымъ, и вообще въ разрѣшеніи тому мудреному, ненормальному положенію, въ которое поставлены всѣ Европейскія державы.

Мы сказали, что Наполеону необходима или Европейская война или Европейскій конгрессъ. Дѣйствительно, конгрессъ могъ бы вполнѣ замѣнить войну,—точно такъ же передѣлать карту Европы, точно такъ же возвысить силу и славу Франціи, какъ и успѣшная война. Мы знаемъ также, что нѣкоторыя державы, упорно возставшія противъ мысли о конгрессѣ годъ тому назадъ, начинаютъ теперь уже склоняться на это предложеніе Наполеона, предпочитая, повидимому, конгрессъ—войнѣ, и изъ двухъ золъ выбирая меньшее. Но это, думаемъ мы, не больше, какъ проволочка: онѣ даютъ свое согласіе на конгрессъ, потому что не вѣрятъ въ него,—да конгрессъ и дѣйствительно состояться не можетъ, какъ потому, что Россія никогда не захочетъ предоставить конгрессу рѣшеніе Польскаго вопроса, который она признаетъ своимъ внутреннимъ, а не Европейскимъ,—такъ и потому, что и другія державы не могутъ не потребовать разныхъ ограниченій въ программѣ конгресса. И Австріи и Пруссіи

едвали не выгоднѣе допустить Европейскую войну съ Россіей изъ-за Восточнаго вопроса, войну, въ которой вся тяжесть пала бы на Францію, а не на нихъ,—нежели допустить конгрессъ и въ самомъ дѣлѣ подчинить его разрѣшенію вопросы Германскій, Папскій, Польскій и т. д.: не лучше ли выждать событій и возложить надежду на ихъ случайность, лелѣя въ то же время мысль, что авось либо имперія Французовъ наконецъ исчезнетъ, и неудача Наполеона въ войнѣ съ Россіей возвратитъ имъ, Нѣмцамъ, полную свободу дѣйствій?!

Сдѣлаемъ же выводъ изъ всего нами сказаннаго:

Положеніе Европы ненормально, натянуто, и требуетъ разрѣшенія. Пруссія, выйдя изъ старой своей колеи, не можетъ остановиться на полдорогѣ и должна увѣнчать свою смѣлость какимъ-нибудь существеннымъ успѣхомъ или пріобрѣтеніемъ: это возможно только съ помощью Наполеона, которая, конечно, можетъ быть куплена не иначе, какъ дорогою цѣною. Англія, несмотря на прославленную мудрость ея министровъ, не совсѣмъ довольна тою ролью, которую ей пришлось выполнять въ дипломатической игрѣ послѣднихъ лѣтъ, и предчувствуетъ необходимость ускорить разрѣшеніе Восточнаго вопроса, дабы сообщить ему направленіе, согласное съ своими видами и не дать овладѣть имъ Наполеону или Россіи. Австрія нуждается въ союзѣ Наполеона и въ возмѣщеніи потерь своихъ въ Италіи: это возмѣщеніе возможно только въ предѣлахъ Турціи. Наполеону необходимы новые успѣхи, новыя событія, опираясь на которыя онъ могъ бы найти разрѣшеніе всей, имъ же созданной путаницѣ и имъ же поднятымъ вопросамъ; необходимо наконецъ отвлечь вниманіе Французовъ отъ внутреннихъ къ внѣшнимъ интересамъ. Выходъ изъ этого положенія — или Европейскій конгрессъ или Европейская война. Европейскій конгрессъ еще невозможенъ, но слухи о согласіи на него Англіи и, какъ говорятъ, Пруссіи и даже Австріи, служатъ симптомомъ такого состоянія дѣлъ, которое должно окончиться, за невозможностью конгресса, войною. Война эта можетъ быть только съ Россіей и за Восточный, а не Польскій вопросъ. Россія есть единственная Европейская держава, противъ которой Наполеонъ можетъ

выступить войною — оставаясь въ союзѣ со всѣми прочими Европейскими державами и сопровождаемый симпатіями и одобреніемъ общественнаго мнѣнія всей Европы. Европейская коалиція мыслима теперь только противъ Россіи, а такъ какъ Наполеонъ, несмотря на Восточную войну, не пріобрѣлъ себѣ въ Россіи послушнаго и покорнаго союзника, такъ какъ коалиція противъ Наполеона могла бы опираться только на Россію, то, не говоря уже о другихъ причинахъ, лишить Европу этой опоры — должно входить въ непремѣнный планъ дѣйствій Наполеона.

Мы желали бы быть лживымъ пророкомъ, — мы не знаемъ, какія новыя случайности могутъ нарушить логическій ходъ явленій,—но всматриваясь въ современное положеніе дѣлъ въ Европѣ, мы приходимъ къ невольному убѣжденію, что въ срокъ, можетъ-быть даже и не слишкомъ отдаленный, мы увидимъ Наполеона, ведущаго за собою на буксирѣ всю Европу, въ войнѣ съ Россіею изъ-за Восточнаго вопроса. Что это за вопросъ? готовы ли мы, вполнѣ ли снабжены оружіемъ и всѣмъ потребнымъ?..

Объ отсутствіи духовнаго содержанія въ Американской народности.

«День», 30-го января 1865 г.

Мы сказали читателямъ въ объявленіи объ изданіи нашей газеты на 1865 годъ, что, получивъ дозволеніе на Политическій Отдѣлъ, мы имѣемъ теперь возможность и право отзываться чаще и полнѣе на событія внѣшней политики, чѣмъ прежде. Мы никогда не имѣли въ виду вести подробный отчетъ той политической ежедневности, которая находитъ себѣ мѣсто въ ежедневныхъ газетахъ, и которая состоитъ большею частію изъ политическихъ сплетень или же изъ мелкихъ чертъ, только впослѣдствіи и на извѣстномъ разстояніи времени слагающихся въ физіономію какого-либо историческаго явленія или событія. Говоря правду — въ Январѣ мѣсяцѣ не на что было и отозваться, кромѣ развѣ папской энциклики, о которой мы и поспѣшили передать наше мнѣніе читателямъ. *) Обо всемъ остальномъ, происходящемъ

*) См. Т. 3-й, Общественные вопросы по церковнымъ дѣламъ, стр. 305.

на иностранной политической сценѣ, мы могли бы сказать, при поднятіи занавѣса въ день Новаго года, какъ при началѣ какого-либо новаго дѣйствія въ драматической піесѣ: «то же и тѣ же». Можно было бы прибавить: «тѣ же, безъ Польскаго вопроса». Но, безъ сомнѣнія, не то же и не тѣ же останутся на сценѣ въ теченіи цѣлаго года. Есть вопросы, разрѣшеніе которыхъ повидимому неминуемо въ скоромъ времени: это вопросы Американскій и Шлезвигъ-Голштинскій.

Дѣйствительно, Сѣверо-американская междоусобная рѣзня или, вѣрнѣе, Сѣверо-американское взаимное кровопусканіе, приближается къ концу; по крайней мѣрѣ послѣднія событія можно считать уже началомъ конца. На Московской биржѣ было даже получено извѣстіе, что Джефферсонъ, президентъ союза Южныхъ штатовъ, попросилъ у Линкольна мира: это извѣстіе оказалось преждевременнымъ, но положеніе сепаратистовъ таково, что вести долѣе войну имъ едвали возможно. Федералисты или уніонисты, т. е. поборники насильственнаго союза Сѣверныхъ и Южныхъ штатовъ, овладѣютъ въ скоромъ времени послѣднимъ приморскимъ портомъ Южанъ, и продолженіе войны станетъ для послѣднихъ рѣшительною невозможностью. Весь торговый Европейскій міръ заинтересованъ въ этой борьбѣ еще сильнѣе, чѣмъ политическій. Весьма равнодушные къ Шлезвигъ-Голштинскому вопросу, къ замысламъ Наполеона на Рейнѣ и къ притязаніямъ Виктора-Эммануила на Римъ, наши Русскіе купцы съ самымъ живымъ участіемъ слѣдятъ за событіями въ Сѣверной Америкѣ. Для нихъ вопросъ Сѣверо-американскій переходитъ въ вопросъ хлопчато-бумажный. Европа не успѣла въ эти три года эмансипироваться отъ Америки относительно бумажнаго хлопка, а кому не извѣстно значеніе хлопка въ торговой, промышленной, бытовой жизни Европы, и не только Западной, но и Россіи отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до Колхиды и т. д.? Американское междоусобіе особенно тягостно отозвалось не только на фабрикантахъ, но и на мужикахъ нашей Суздальской земли—Владимірской, частью Костромской, Ярославской и Нижегородской губерній, и вообще всего нашего промышленнаго мануфактурнаго округа. Исторія промышленности будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть со

временемъ свою философскую теорію, которая вѣроятно назоветъ наше время, нашъ періодъ человѣческаго развитія— хлопчато-бумажнымъ періодомъ. Древніе непремѣнно олицетворили бы хлопокъ въ какой-нибудь миѳъ и сложили бы цѣлыя рапсодіи о походѣ царя или полубога Хлопка въ Европу, объ его борьбѣ со Льномъ, Шерстью, объ его завоеваніяхъ и побѣдахъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, демократическій характеръ всеудешевляющаго машиннаго производства есть одно изъ важнѣйшихъ явленій нашего времени и хлопокъ—одинъ изъ великихъ двигателей новѣйшей исторіи. Но возвратимся къ Америкѣ.

Только по совершенномъ окончаніи войны, по повѣркѣ всѣхъ ея жертвъ, по собраніи точнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, можно будетъ представить себѣ полную живую картину той дикой, животной энергіи, которую проявила Америка въ этой борьбѣ. Намъ кажется, что экономическая сторона вопроса заслонила нѣсколько его нравственную сторону для взора Европейскихъ мыслителей, и краснорѣчивый языкъ этого событія еще не вполнѣ ими разгаданъ и понятъ. Можетъ-быть, мы и ошибаемся, но мы съ своей стороны не знаемъ ничего нравственно-безобразнѣе этой борьбы, и ничего поучительнѣе этого безобразія.

Американская война за независимость въ концѣ XVIII столѣтія, съ своими героями Вашингтономъ и Франклиномъ, первая всколебала старый Европейскій міръ практическимъ приложеніемъ къ жизни идей политической свободы, равенства и федеративнаго республиканскаго устройства. Въ ея школѣ изготовились первые герои того революціоннаго движенія, которое вскорѣ потомъ охватило Францію и положило начало новой исторической эрѣ, до такой степени новой, что между Западною Европою нашего времени и Европою до Французской революціи порвались почти всякія связи живаго историческаго преданія. Міръ преобразился, а Америка стала классическою страною свободы, предъ которой блѣднѣла своеобразная и неудобоперенимаемая свобода Англіи. Матеріальное благосостояніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ росло въ чудовищно-богатырскихъ размѣрахъ. Казалось, въ этой странѣ нашли себѣ полное осуществленіе самыя дерзкія утопіи, самыя смѣлыя теоріи политической и соціальной

свободы. Въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность однороднымъ органическимъ политическимъ тѣламъ Европы, сложившимся въ извѣстныя государственныя формы, явилось въ другомъ полушаріи—государство не государство, а какая-то «юная», «могучая» держава, безъ всякихъ старообразныхъ государственныхъ формъ, безъ политическихъ преданій, безъ централизаціи, безъ двора, почти безъ правительства, безъ религіи, безъ народности—въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это послѣднее слово; разнороднѣйшій и разнообразнѣйшій сбродъ, сложившійся, на основаніи взаимнаго договора, въ гражданское общество, чуждое всѣхъ извѣстныхъ доселѣ законовъ гражданской и соціальной формаціи, всѣхъ европейскихъ сословныхъ общественныхъ наслоеній и поставившее себѣ знаменемъ: неограниченную свободу личности! Кто не сочувствовалъ этому знамени, и какимъ пышнымъ цвѣтомъ, казалось, взошли въ Америкѣ сѣмена личной свободы! Съ отрадою останавливался на ней взоръ утѣсненной и угнетенной личности въ старой душной Европѣ... Но видно не одна внѣшняя свобода нужна человѣку, или, вѣрнѣе сказать, самая свобода создается не на одной контрактовой основѣ! Свободные граждане сами, добровольно, уже три года сряду, вооружившись всѣми доспѣхами деспотическихъ государствъ, упрямо тѣснятъ, терзаютъ, рѣжутъ другъ друга. Принципъ личной свободы, лишенный нравственнаго содержанія, оказался поставленнымъ изъ чисто матеріальныхъ побужденій, обратился лишь въ средство къ достиженію личнаго матеріальнаго благосостоянія... Но вникнемъ въ дѣло поближе.

Мы сказали: почти безъ религіи, безъ народности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Американская религія, Американская народность? Мы знаемъ, что населеніе Сѣверо-американской державы состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ — то Французскаго, то Нѣмецкаго, то Польскаго, то Англійскаго происхожденія и т. д., однимъ словомъ, принадлежащихъ къ народностямъ органическимъ; эти единицы могутъ исповѣдывать католическую, англиканскую, реформатскую, квакерскую, словомъ—любую вѣру,—но какъ Американцы, какъ Американская народность, взятая отдѣльно отъ личности единицъ ее составляющихъ—они являются народностью безъ

всякаго религіознаго и вообще духовно-нравственнаго содержанія. Этою послѣднею своею стороною люди тамъ стоятъ внѣ связи съ цѣлымъ—слѣдовательно тою стороною, которая есть существенный элементъ единства и связи въ каждой народности. Истина духовная есть тамъ у каждаго своя, у каждаго про себя, и договоръ весь основанъ на взаимномъ соглашеніи противорѣчащихъ истинъ,—т. е. на взаимномъ отрицаніи истины!

Какой же главный нравственный мотивъ соединенія Американскихъ Штатовъ? Какая нравственная идея связала этихъ людей между собою? Гдѣ задача, гдѣ идеалъ этого новаго общества? Къ какому будущему стремится оно, не имѣя прошедшаго? Въ чемъ его душа, куда направленъ ея духъ? Душа? духъ? Отдѣльныя единицы, конечно, имѣютъ и душу и вѣру, нигдѣ нѣтъ такого разнообразія личныхъ вѣрованій, но взятыя всѣ вмѣстѣ, какъ Америка, онѣ не имѣютъ религіи: ихъ вѣра, ихъ душа вся въ матеріальныхъ интересахъ, для которыхъ личная свобода есть только средство. Вся дѣятельность духа устремлена только въ одну сторону—къ матеріальному благосостоянію, которое отъ того и представляется въ томъ колоссальномъ блестящемъ видѣ, какъ нигдѣ въ Европѣ, росло не по днямъ, а по часамъ, какъ богатырь въ сказкѣ. Но что принесло это развитіе человѣчеству, чѣмъ обогатило мысль, какую сторону духа разработало оно? Ничего не принесло, кромѣ машинъ и товаровъ, кромѣ механическихъ изобрѣтеній, кромѣ вещественныхъ улучшеній. Искусство, наука, философія — не удѣлъ Сѣверной Америки, это не по ея части. Можно было бы поразиться этимъ страшнымъ бездушіемъ, входящимъ, какъ элементъ, въ развитіе цѣлой страны, еслибъ не было своего рода души въ этомъ бездушіи, еслибъ не было страстной энергіи въ этомъ стремленіи, еслибъ сама матеріальная сторона развитія являлась не какъ идея и цѣль. Невольно задаешься вопросомъ: гдѣ же то нравственное цѣлое, во имя котораго собираются вмѣстѣ люди, гдѣ-то общее, которому служатъ личности, которое поглощаетъ въ себѣ личный эгоизмъ? Въ другихъ странахъ это цѣлое можетъ быть государство, какъ живой организмъ съ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ: это общее можетъ быть религія, цивилизація,

единоплеменность, однородность физическая и духовная, единство нравственнаго закона, народная индивидуальность. Ничего подобнаго нѣтъ въ Америкѣ. Свобода личности? Но для чего же именно нужна эта свобода? чему она должна послужить,—чего хочетъ достигнуть человѣкъ при этой свободѣ? Если нѣтъ высшей нравственной цѣли, то она перерождается въ личный произволъ, въ просторъ личнаго эгоизма. Оно такъ и есть: просторъ личному эгоизму, матеріальное благосостояніе, матеріальные мотивы жизни—вотъ настоящее знамя союза, вотъ двигатель жизни! Конечно, эти мотивы, являясь какъ знамя, какъ соединительный принципъ, въ свою очередь являются тѣмъ общимъ, которое поглощаетъ въ себѣ разнузданный эгоизмъ личностей: безъ этого нѣкотораго поглощенія, общество не просуществовало бы и одного часу, и разнузданность личнаго эгоизма представила бы ужасное зрѣлище. Help yourself! помогай самъ себѣ! кричатъ эгоистически Американцы — и гибнутъ тысячами, проваливаясь сквозь мостъ, дерзко перекинутый черезъ пропасть, и тысячи снова кидаются въ новое отважное предпріятіе, отъ котораго духъ захватываетъ у Европейца. Но эти мотивы достаточны ли для нравственной природы человѣческаго общества? Эта Американская свобода дѣйствительно ли свобода? Эта сила, это могущество надежны ли, прочны ли?

Матеріализмъ Америки не есть, конечно тотъ старческій развратъ, та чувственность, на которыя повидимому давало ей право ея знамя. Нѣтъ, этотъ матеріализмъ другаго рода, матеріализмъ грубый, но трезвый и энергическій — не духовная разслабленность и распущенность, которая находитъ наслажденіе въ развратѣ, какъ въ запрещенномъ плодѣ, а устремленіе всѣхъ силъ духа къ одной цѣли, къ труду вещественному, упорному, къ побѣдѣ надъ матеріей; развратничать Американцу некогда, да и не расчетъ. Для него человѣческая жизнь является не какъ наслажденіе, а какъ работа. Сравнительно съ Европой, разврата въ Америкѣ нисколько не больше, хотя въ ней нѣтъ тѣхъ нравственныхъ уздъ, которыя накладываютъ на личность въ Европѣ государство и общество,—но если въ Европѣ развратъ является уклоненіемъ отъ нравственнаго идеала, за то въ Америкѣ

подорванъ, развращенъ самый идеалъ, или вѣрнѣе сказать: въ ней отсутствіе всякаго нравственнаго идеала. За то въ ней есть такія явленія, которыя возможны только въ Америкѣ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть выставку хорошо откормленныхъ грудныхъ дѣтей и раздачу наградъ матерямъ и кормилицамъ... Это ошибка, подумаетъ читатель, дѣло идетъ о телятахъ и поросятахъ: тѣхъ дѣйствительно откармливать заставляетъ хозяевъ матеріальная выгода?.. Нисколько не ошибка, а точка зрѣнія Американца. Онъ не слишкомъ вѣритъ нравственнымъ побужденіямъ въ человѣкѣ, материнскому чувству, долгу совѣсти и тому подобнымъ бреднямъ. Деньги и публичная похвала, вмѣстѣ съ газетною аттестаціею — вотъ главныя побужденія, вотъ что, по его мнѣнію, можетъ заставить Американскихъ матерей вскормить ребенка, какъ слѣдуетъ, грудью, и дать Америкѣ породу людей здоровыхъ и дюжихъ. Посмотрите же на эту выставку голыхъ невинныхъ младенцевъ: какія въ самомъ дѣлѣ, пухлыя ножки, ручки, какъ обозначаются бедра! Нѣтъ ли однакоже тутъ подлога? Не безпокойтесь: навѣрное уже давно придумана машина или какой-нибудь способъ, чтобъ отличить обманъ въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ иногда Цыгане при продажѣ лошадей!.. Удивительно, что Американцы не приложили еще къ людскому роду системы конскихъ заводовъ и извѣстныхъ конюшенъ! Впрочемъ Южно-американскіе плантаторы давно уже ввели ее между Неграми... Какъ повидимому ни мелочно такое явленіе, т. е. упомянутая нами выставка, но оно есть такой симптомъ внутренняго нравственнаго строя Американской жизни, который знаменательнѣе и характеристичнѣе многихъ явленій, почитаемыхъ крупными. Вотъ и другое явленіе: мормоны. Это безобразіе могло родиться только на Американской почвѣ. Разнузданность личнаго эгоизма должна была искать себѣ оправданія, нравственной опоры въ душѣ человѣка. Въ Америкѣ, какъ мы сказали, есть множество личныхъ вѣрованій, но нѣтъ одного общаго, входящаго, какъ просвѣтительное историческое начало, въ образованіе народности. Потребность религіи, при отсутствіи религіи, при отсутствіи религіознаго элемента въ Американской народности, должна была на почвѣ этой народности, на почвѣ матеріальныхъ стремленій и разнузданной личности, сдерживаемой

только разсчетами матеріальныхъ выгодъ, породить религію въ родѣ мормонской, гдѣ къ спасенію человѣческому приложены теоріи математическихъ выкладокъ и механическаго удешевленнаго и упрощеннаго производства. Извѣстно, что по ученію этой секты, очень многочисленной и американски-энергической, сношеніе половъ является, между прочимъ, какъ одно изъ орудій механизма спасенія: женщина получаетъ спасеніе только чрезъ связь съ мужчиной, который если онъ не мужъ, даетъ ей только $^1/_4$ спасенія, такъ что для полнаго спасенія ей достаточно состоять въ связи съ 4 мужчинами, и т. д. Американское правительство, справедливо найдя, что такое ученіе вредно для страны даже въ экономическомъ отношеніи, безцеремонно выгнало пушками и штыками послѣдователей этой секты за предѣлы Союза, и мормоны клянутъ ограниченность Американской свободы! А спиритизмъ? Это также явленіе чисто-американское, возникшее на Американской почвѣ и во всякомъ случаѣ тамъ развившееся до своего апогея. Здѣсь не мѣсто и не время входить въ подробное разсмотрѣніе этого ученія, имѣющаго не только въ Европѣ, но и у насъ своихъ приверженцевъ; скажемъ только, что это есть чистѣйшій утонченнѣйшій матеріализмъ, который даже загробное бытіе съ его тайнами и всякое движеніе безтѣлеснаго духа понимаетъ какъ матерію, которую можно уловить, вызвать, выкрасть такъ-сказать у надземнаго міра механическими снарядами. Мнимые разговоры и откровенія умершихъ производятся посредствомъ упрощеннаго способа новоизобрѣтенныхъ машинокъ, замѣнившихъ собою столы и тарелки: чрезвычайно комфортабельно, удобно и дешево, безъ всякаго нравственнаго труда, можете вы заставить апостоловъ досказать недосказанное; и не однихъ апостоловъ! И эта дичь мирится съ нашей цивилизаціей, является, какъ ея продуктъ, въ ея обстановкѣ! Что же такое эта цивилизація? Не служитъ ли подобное явленіе грознымъ обличеніемъ ея внутренней несостоятельности, ея лжи всякій разъ, какъ она оставляетъ истинный путь вѣры,— своего рода memento, напоминающее самонадѣянному и гордому своей цивилизаціей міру о его ограниченности и дикости?

Какъ бы то ни было, но эти три явленія, какъ выставка

младенцевъ, мормонизмъ и спиритизмъ — продукты именно Американской почвы и Американской народности: намъ нѣтъ дѣла до того, что въ Виргиніи потомки Французовъ сохранили преданность латинству, что квакеры въ Филадельфіи завели такія-то школы и пр. Не споримъ, что ко всѣмъ этимъ представителямъ разныхъ Европейскихъ племенъ примѣшана еще и Американская энергія, но названныя нами явленія суть произведеніе той новой народности, которая образовалась изъ соглашенія всѣхъ отдѣльныхъ народностей — м и н у с ъ ихъ историческихъ преданій, ихъ религіи, ихъ индивидуальныхъ особенностей. Названныя нами явленія бросаютъ яркій свѣтъ на весь характеръ Американскаго развитія и объясняютъ съ одной стороны тѣ громадные успѣхи въ области матеріальной, съ которыми не можетъ сравниться ни одинъ изъ народовъ въ Европѣ,—изъ которыхъ однако вышли всѣ люди, населяющіе Америку!

Когда образовалась Сѣверо-американская федерація, думали, что Америка разрѣшила наконецъ задачу, повидимому неразрѣшимую,—т. е. нашла возможность согласить неограниченную свободу личности съ принципомъ политическаго государственнаго устройства, со всѣми тѣми выгодами, какія представляетъ держава съ политическимъ единствомъ, могуществомъ и стройностью: однимъ словомъ — быть могучимъ политическимъ государствомъ — почти безъ правительства. Формулой этого новаго устройства явилось «самоуправленіе», selfgovernment, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается это слово у насъ. Американское самоуправленіе есть такой принципъ общественнаго устройства, при которомъ каждая единица есть живое воплощеніе идеи государственной относительно себя самого, или, выражаясь словами одного писателя, каждый обращается въ квартальнаго надзирателя надъ самимъ собою, въ чиновника относительно себя самого, своей собственной личности. И именно потому, что нигдѣ такъ не эмансипировалась внѣшнимъ образомъ личность, какъ въ Сѣверной Америкѣ, и должна была тамъ возникнуть идея личнаго самоуправленія, какъ самообузданія и самоохраненія личности. Но гдѣ регуляторъ этого личнаго самоуправленія, чѣмъ и во имя чего будетъ обуздываема эта личность? Во имя гражданскаго договора, во имя той внѣш-

ней правды или пользы, которую признала вся эта совокупность личныхъ единицъ для себя обязательною? Но если этотъ агломератъ людей—не связанныхъ между собою ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, ни единствомъ органическаго историческаго развитія. ни духовными, ни физіологическими узами — не имѣетъ для союза никакого другаго цемента, кромѣ внѣшняго, кромѣ матеріальнаго разсчета; если самообузданіе личности является не какъ нравственное самоограниченіе, предписываемое совѣстью, а какъ выгодная сдѣлка ничѣмъ другимъ не соединенныхъ личностей,—то какое же это шаткое основаніе въ борьбѣ съ личными страстями человѣка, какой же это ненадежный оплотъ противъ эгоизма, признаннаго какъ принципъ!! И дѣйствительно мы видимъ, что личное самоуправленіе перешло въ Америкѣ въ личное, нерѣдко дикое, самоуправство,—и произволъ власти правительственной, котораго примѣры являетъ Европа, переродился въ Америкѣ въ произволъ личный каждаго лица. Но такое общество не могло бы и существовать, возразятъ многіе. Оно и дѣйствительно не можетъ существовать, признаки разложенія и теперь показываются. Если оно существовало до сихъ поръ съ такою силою и могуществомъ, то этому причиною было именно то, что оно переживало до сихъ поръ процессъ осуществленія этой новой идеи, достигало возможнаго крайняго фазиса своего развитія,—наконецъ главною причиною сравнительной сдержанности, проявляемой до сихъ поръ этими эмансипированными личными эгоизмами — служило увлеченіе матеріальною выгодою, общее стремленіе къ одной матеріальной цѣли, поглотившее на время всякія заботы политическія, всякія государственныя вожделѣнія, похоти и инстинкты. Но эти инстинкты не замедлятъ проснуться—и просыпаются.

Внутреннія противорѣчія начинаютъ уже и теперь сказываться; бѣдность духовнаго содержанія собственно Американской народности не въ состояніи болѣе накладывать свой типъ на всѣ разноплеменные ингредіенты, входящіе въ ея составъ; одни разсчеты выгодъ не въ силахъ больше удерживать въ безразличіи Американскаго національнаго элемента—племенныя отличія, такъ долго подавленныя или пренебреженныя ради идеи союза. Вѣрнѣе сказать, они-то, эти

разсчеты выгодъ, и обращаются сами противъ своего созданія, противъ союза, на разсчетѣ основаннаго! Племенныя особенности начинаютъ обозначаться. Южные штаты Америки, безъ сомнѣнія, отличаются особеннымъ характеромъ своихъ обитателей, большею частью не англосаксонскаго, а романскаго происхожденія, латинянъ по вѣрѣ и съ аристократическими преданіями. Это обстоятельство—одна изъ главныхъ пружинъ настоящей междоусобной распри. Война, которую повели Сѣверные штаты съ Южными за сохраненіе цѣлости союза, свидѣтельствуетъ о томъ, что насиліе отнынѣ является существеннымъ элементомъ союза. Стало-быть это уже не естественный и добровольный, но насильственный и искусственный союзъ. Во имя чего? Во имя свободы и правды жизни?? Противорѣчіе, которое уже дало и дастъ себя знать въ послѣдующей исторіи!

Въ самомъ дѣлѣ — какой рядъ вопіющихъ противорѣчій! Страна свободы, равенства, безсословности — съ участіемъ Негровъ, какъ животной рабочей силы, въ значительномъ числѣ штатовъ. Положеніе Негровъ въ Южной Америкѣ всѣмъ извѣстно. Мы сами видали Американскихъ джентльменовъ, очень серьезно и искренно доказывавшихъ, что у Негровъ нѣтъ человѣческой души и что они только особая порода животныхъ. Положимъ, въ теоріи наши юные нигилисты и сами имѣютъ притязаніе на происхожденіе отъ какой-то благодѣтельной обезьяны, но вѣдь это только въ теоріи, досужей и праздной: на дѣлѣ они благородно-непослѣдовательны и первые возмутились бы, да и возмущаются практическимъ приложеніемъ этой теоріи къ Неграмъ. Рядомъ съ такою безчеловѣчностью отношеній къ людямъ—является самый пышный разцвѣтъ человѣческой изобрѣтательности и цивилизаціи! Почти 80-лѣтнее существованіе такого противорѣчія: рабства Негровъ съ принципомъ человѣческой личной свободы, такъ гордо провозглашеннымъ,—противорѣчія, давшаго однако Америкѣ такую массу богатства, такое значеніе на торговыхъ рынкахъ Европы,—стало наконецъ невыносимымъ диссонансомъ для самого общества. Сѣверные штаты потребовали уничтоженія невольничества; Южные хотѣли удержать его, и классическая страна свободы и демократіи распалась на два враждебныхъ стана—изъ-за спора о свободѣ. Какъ же по-

нималась до сихъ поръ эта свобода, если въ «странѣ свободы» самый простой принципъ ея могъ оказаться спорнымъ?! Ну что же? Распалась, такъ распалась, будутъ двѣ федераціи вмѣсто одной: Сѣверная безъ Негровъ и Южная съ Неграми... Но тогда нѣтъ причины, чтобы не явилось и еще третьей, четвертой, пятой группы штатовъ и т. д., однимъ словомъ—Сѣверо-американская держава могла бы распасться совсѣмъ, на столько штатовъ, сколько ихъ есть въ Союзѣ, и самые штаты утратить всякій политическій характеръ. И вотъ возникаетъ новое противорѣчіе. Федерація, въ основѣ которой, по самому смыслу, лежитъ добровольное согласіе. свободный с о ю з ъ, выдвигаетъ начало принужденія и насилія... Являются требованія и инстинкты крупнаго политическаго организма; сказывается «натура большихъ государствъ», по выраженію Хомякова. Эти инстинкты были до сихъ поръ чужды Америкѣ. Лишенная всякихъ другихъ нравственныхъ путеводительныхъ началъ, она по крайней мѣрѣ въ самомъ принципѣ свободы и согласія находила до сихъ поръ оправданіе своей политической организаціи: это было единственно нравственной стороной, raison d'être ея бытія: если же нѣтъ согласія въ «согласіи», т. е. въ союзѣ, что одно и то же,— то что же это такое? Государство съ аттрибутами принужденія, насилія, деспотизма?!!

Негры не составляютъ настоящаго повода къ войнѣ. Еслибъ дѣло шло объ однихъ Неграхъ, то съ эмансипаціей ихъ дѣло должно бы и кончиться. Эмансипація ихъ неизбѣжна для Южныхъ штатовъ; но если бы и совершилась эта эмансипація, то Сѣверные штаты точно также не допустили бы разрыва. Извѣстно, что нѣкоторые штаты, въ которыхъ нѣтъ невольничества, хотѣли было отложиться, но федералистская армія заставила ихъ обратиться въ Союзъ. Дѣло, стало-быть, въ сохраненіи самой политической организаціи. Но если даже Южные штаты и покорятся, то это будетъ уже не прежняя, а н о в а я политическая организація съ принципомъ насилія и принужденія, организація союза вскормленная, такъ сказать, междоусобнымъ раздоромъ, крещенная въ братней крови!

Война Сѣверныхъ штатовъ съ Южными—своими размѣрами какъ въ боевыхъ снарядахъ, такъ и въ количествѣ

жертвъ—превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя войны,—вполнѣ достойна Америки. Это какое-то остервенѣніе, какая-то оргія братоубійства, къ которой приспособлена вся роскошь цивилизаціи. Какъ будто конечная цѣль послѣдней—изобрѣсти наибольшій комфортъ и удобство къ самоистребленію человѣческаго рода! Будто необходимо было явить міру, какъ способны уживаться дикость и свирѣпство съ цивилизаціею—т. е. показать: что́ такое цивилизація, опорожненная отъ нравственнаго содержанія. Если der schrecklichste der Schrecken, das ist der Mensch in seinem Wahn (самый ужаснѣйшій изъ ужасовъ—это человѣкъ въ своемъ безуміи), то едвали меньшимъ ужасомъ вѣетъ отъ цивилизаціи — лишенной нравственнаго просвѣтительнаго начала. При этомъ замѣтимъ слѣдующее. Въ Европѣ войны приписываются обыкновенно властолюбію, честолюбію или самолюбію правительствъ, и еще болѣе правительственныхъ лицъ. На нихъ обыкновенно сваливаютъ исторйки всю вину кровопролитій. Народы, хотя и поставляютъ государству, послушно, необходимый живой и вещественный матеріалъ для войны, но до нѣкоторой степени остаются въ своей жизни, у себя дома, чуждыми этого кроваваго пира, или, по крайней мѣрѣ, вовлекаются въ него крайнею необходимостью, напр. вторженіемъ непріятеля, и т. п. Не то въ Америкѣ. Здѣсь нѣтъ такой власти, сосредоточенной въ лицѣ, или въ правительствѣ, которая бы несла на себѣ этотъ грѣхъ государства. Здѣсь въ этомъ грѣхѣ участвуетъ въ равной степени все общество, здѣсь оно отвѣчаетъ всѣмъ личнымъ составомъ безъ исключенія; здѣсь дѣло правительства есть м о е, л и ч н о е дѣло каждаго: нѣтъ убѣжища личной совѣсти даже и въ душѣ человѣка: у него совѣсть правительственная, онъ самъ весь правительство. Поэтому-то и совершается эта война въ размѣрахъ до сихъ поръ небывалыхъ и съ свирѣпостью л и ч н о ю, небывалою. Ожесточенность государственнаго самолюбія принята в ъ д у ш у каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ.

Тѣмъ не менѣе близокъ миръ. Будетъ ли онъ проченъ? Гарантіей его прочности можетъ служить покуда истощеніе Южныхъ штатовъ. Водворится ли согласіе въ союзѣ, безъ чего союзъ не союзъ? Едвали Сѣверо-американскіе Штаты выносятъ изъ этой борьбы иные принципы политической ор-

ганизаціи. Имъ необходимы будутъ всѣ аттрибуты большихъ государствъ; они почувствовали въ себѣ инстинктъ политической силы, узнали вкусъ въ употребленіи силы. Основной принципъ союза разрушенъ. Явится ли новое громадное государство въ республиканской формѣ — мы не знаемъ. Но если оно явится, то будетъ чудовищнѣе, чѣмъ какое бы то ни было государство, ибо здѣсь государствомъ будетъ весь народъ, весь народъ надѣнетъ багряницу и возьметъ мечъ въ руки. Понятно, что Англія тревожится; уже слышатся издали раскаты грома, предвѣщающіе новую грозу: войну между Англіей и Америкой. Но этотъ новый исполинъ-государство бездушенъ,—и, основанный на однихъ матеріальныхъ основахъ, погибнетъ подъ ударами матеріализма. Америка держится еще именно тѣмъ, что въ народностяхъ, ее составляющихъ, еще живы преданія ихъ метрополій, нравственныя и религіозныя. Когда эти преданія исчезнутъ, сформируется дѣйствительно Американская народность и составится Американское государство, безъ вѣры, безъ нравственныхъ началъ и идеаловъ, оно или падетъ отъ разнузданности личнаго эгоизма и безвѣрія единицъ, или сплотится въ страшную деспотію Новаго Свѣта... Впрочемъ, кто знаетъ, какія новыя неожиданности готовитъ намъ исторія и человѣческая природа!..

Единство Германіи, это собственно возвышеніе Пруссіи.

«День», 4-го ноября 1865 г.

Самый крупный фактъ внѣшней политической исторіи послѣднихъ двухъ лѣтъ—это усиленіе Пруссіи, упроченіе ея господства на Балтійскомъ морѣ и вообще рѣшительная перемѣна въ характерѣ ея политики. Первенствующая роль въ политическомъ мірѣ принадлежитъ тому, кто усвоитъ себѣ *дерзость инициативы*, или зачина, говоря по русски,—и такимъ характеромъ заклеймена теперь политика графа Бисмарка. Впрочемъ, подобная дерзость инициативы есть явленіе почти исключительно личное, носитъ на себѣ мощную печать индивидуальнаго духа, воплощается въ исторіи въ живомъ единичномъ лицѣ. Такая дерзость, таковое право лич-

ной иниціативы составляетъ традиціонную отличительную черту политики Наполеонидовъ: право ими самими, собственною властью себѣ присвоенное и какъ бы безмолвно за ними признанное другими. Такую же позицію «зачинщика» занялъ теперь и графъ Бисмаркъ не по какому-либо другому праву, какъ по тому, которое дается внутреннею личною силою духа, талантомъ комбинацій, твердостью и смѣлостью воли. Само собой разумѣется, что для успѣха подобной предпріимчивости въ политикѣ нужны благопріятныя обстоятельства, но въ томъ-то и состоитъ талантъ правителя, чтобъ умѣть пользоваться обстоятельствами. Сначала Наполеонъ почти одинъ находился въ привилегированномъ положеніи иниціатора,—теперь ему пришлось подѣлиться своей привилегіей съ Прусскимъ министромъ и комбинировать взаимно свою иниціативу. Наполеонъ—такъ и быть... на то онъ и Наполеонъ — un parvenu въ семьѣ государей!—безъ этихъ пріемовъ онъ и удержаться на престолѣ не можетъ. Но Пруссія!.. Солидная, почтенная, durchaus монархическая Пруссія—въ видѣ лихача, съ шапкой на бекрень! И косясь, смотрятъ на нее почтенные сосѣди и ворча—раздумываютъ: сердиться ли или не сердиться? Но пока они раздумываютъ, г. Бисмаркъ не останавливается и времени не теряетъ. Такая дерзость иниціативы тѣмъ выгодна, что она приневоливаетъ сосѣдей, неимѣющихъ особенныхъ замысловъ, постоянно опасаться этихъ замысловъ со стороны другаго, пребывать въ неловкомъ недоумѣніи, держаться на сторожѣ, ставить свою политику, если не въ зависимость отъ своенравныхъ затѣй такого зачинщика, то въ какое-то непріятное пассивное положеніе.

Невольно напрашивается подъ перо слѣдующее замѣчаніе. Казалось бы, что въ нашъ XIX вѣкъ, предъявляющій такія притязанія на уравнительную власть цивилизаціи, наложившій, повидимому, на всю Европу однообразіе формъ жизни, сгладившій, повидимому, все живое и оригинальное, всякое уклоненіе личности и общества отъ общепринятаго типа, замѣнившій личный произволъ механическими снарядами конституціи и вообще придумавшій столько гарантій противъ преобладанія лица надъ массами,—казалось бы, что въ нашъ вѣкъ не можетъ быть простора для значенія и

власти отдѣльныхъ человѣческихъ личностей. Но именно нашъ же вѣкъ и свидѣтельствуетъ о противномъ,—о томъ, что нѣтъ силы сильнѣе силы личнаго духа, что просторъ для дѣйствія человѣческой личности всегда найдется и зависитъ отъ степени ея собственнаго напряженія, таланта и внутренней искренности убѣжденій, какое бы ни было ихъ нравственное достоинство. Наполеонъ, Кавуръ, Бисмаркъ служатъ тому доказательствомъ. Никакія конституціонныя плотины не удержали Прусское правительство въ уровень съ конституціонными берегами, и даже въ самой конституціонной Англіи мы видѣли недавно—что̀ значила для политики личность Пальмерстона. Мы указываемъ на эти факты не потому, чтобъ находили ихъ достойными подражанія; намъ хотѣлось только напомнить, что рядомъ съ злою силою есть мѣсто и личной силѣ добра въ человѣкѣ, что если просторно личностямъ наглымъ, властолюбивымъ, неразборчивымъ на средства, — то не менѣе простора можетъ себѣ добыть и всякая высоконравственная личность, горячо возлюбившая служеніе чистому идеалу. Но только всецѣлая преданность убѣжденію, только такая горячая любовь и можетъ явиться въ исторіи народовъ и въ жизни людей—какъ сила, какъ «власть имущая». Впрочемъ мы увлеклись въ сторону—воротимся къ тому, что̀ съ предъявленнымъ нами нравственнымъ запросомъ не имѣетъ ничего общаго,—къ политикѣ Пруссіи.

Итакъ, Пруссія усилилась, стремится утвердить свое исключительное господство въ Германіи, отодвинула значеніе Австріи, какъ нѣмецкой державы, на второй планъ, и въ союзѣ съ Наполеономъ готова была бы повидимому принести спокойствіе и statu quo Европы въ жертву своему честолюбію. Наивные, недогадливые германскіе патріоты, съ своими Кобургскими и Готскими герцогами, съ своими Turnfest'ами и Nationalverein'ами, такъ уже давно раздражающіе нѣмецкое національное чувство мечтами объ «единой», могучей Германіи какъ политическаго цѣлаго,—наивные патріоты пренаивно попались въ ловушку, разставленную имъ политикой Бисмарка, и сконфуженные—недоумѣваютъ до сихъ поръ: радоваться или не радоваться имъ успѣхамъ «нѣмецкаго отечественнаго» оружія въ Шлезвигъ-

Голштейнѣ, успѣхамъ, послужившимъ не столько къ единству Германіи, сколько къ преобладанію Пруссіи. Они еще не догадались, но едвали не начинаютъ уже теперь догадываться, что нѣтъ ничего противоестественнѣе духу Германіи, какъ политическое единство, и что честолюбивое желаніе стать крупнымъ цѣльнымъ политическимъ тѣломъ, могучею политическою державою можетъ осуществиться только въ видѣ гегемоніи Австріи или Пруссіи. Они должны бы наконецъ уразумѣть, что соблазнительный призракъ политическаго величія и силы грозитъ имъ утратой внутренней свободы; что Германіи предстоятъ два жребія: или быть, какъ теперь, республикою ума и науки, независимо отъ ея политическаго устройства; быть единою о духѣ германскомъ, несмотря на политическое раздробленіе, обрѣтать свое единство въ Шиллерѣ, Гете, Кантѣ и тому подобныхъ титанахъ германскаго духа, которымъ отечество вся Германія, о которыхъ никому не приходитъ въ голову справляться, какого нѣмецкаго государства они были подданные; здѣсь Германія вполнѣ и именно едина—einig, einig, einig! (какъ кричатъ въ своей погонѣ за политическимъ единствомъ нѣмецкіе патріоты); здѣсь и Пруссакъ и Швабъ являются Германцами, гражданами истиннаго германскаго отечества. Мы полагаемъ, что въ этомъ собственно и заключается великое призваніе Германіи въ исторіи человѣчества. Или же наконецъ—есть другой жребій: стать великимъ политическимъ тѣломъ, громаднымъ государствомъ со всѣми государственными аттрибутами, съ громадною арміею военною и чиновническою, съ строгой централизаціей, съ внѣшнимъ однообразіемъ, со всѣми инстинктами, свойственными натурѣ большихъ государствъ. Но очевидно, что форма федераціи, столько разъ уже пробованная въ Германіи, не можетъ доставить ей силы цѣльнаго политическаго организма. Ни союзъ государствъ, ни союзное государство, ни StaatenBund, ни Bundesstaat, не мыслимы при разномѣрномъ распредѣленіи силы въ составныхъ частяхъ, при существованіи въ такомъ тѣлѣ двухъ цѣльныхъ, самостоятельныхъ, исторически сложившихся организмовъ, каковы Австрія и Пруссія, которымъ приходилось бы отказаться отъ своей живой исторической индивидуальности, пожертвовать своею личностью

и самостоятельностью — въ пользу отвлеченнаго призрака: Германія. Только Нѣмцу можетъ быть не понятно то, что очевидно для всякаго посторонняго, именно, что всѣ эти всеобщіе германскіе національные парламенты, вся эта единая политическая Германія—явленіе не только не конкретное, выражаясь ученымъ языкомъ самихъ Нѣмцевъ, но положительно безжизненное и къ жизни неспособное. Самая постановка вопроса: «wo ist des Deutschen Vaterland?» (гдѣ отечество Нѣмца? какъ спрашиваетъ одинъ пламенный Нѣмецкій патріотъ и плохой поэтъ), самые эти поиски за политическимъ отечествомъ показываютъ, что таковаго отечества не имѣется, а умозрительно, по теоріи, его сочинить невозможно. Такимъ образомъ всякая попытка создать единую сильную политическую Германію—въ окончательномъ своемъ результатѣ клонится къ усиленію частнаго, индивидуальнаго значенія Австріи или Пруссіи. Но Австрія, съ своими разноплеменными ингредіентами, давно уже утратила въ себѣ внутреннюю цѣльность германской національности, и несмотря на сочувствіе къ себѣ южно-германскихъ земель, не можетъ ни держать твердой рукой знамя германскаго единства и во имя этого единства утверждать свое единовластіе, ни даже сохранять за собою то преимущество, которое давало ей, въ глазахъ Германцевъ, обаяніе древнихъ историческихъ преданій. Итакъ, весь патріотическій жаръ нѣмецкихъ профессоровъ, студентовъ, бюргеровъ и всѣхъ вообще патріотовъ, воспламенившихся мечтою о своемъ нѣмецкомъ искомомъ отечествѣ и съ такимъ усердіемъ, съ такою храбростью начавшихъ душить Датчанъ, сто противъ одного, два года тому назадъ,— былъ эксплуатированъ Бисмаркомъ въ свою пользу, т. е. въ пользу Пруссіи. Германскія газеты были, въ началѣ войны, наполнены разными патріотическими письмами храбрыхъ германскихъ воиновъ-волонтеровъ къ ихъ фатерамъ и муттерамъ—мирнымъ земледѣльцамъ или торгашамъ; эти волонтеры стеклись изо всѣхъ 38 германскихъ государствъ на освобожденіе Шлезвига-Голштейна изъ-подъ «ужаснаго» Датскаго ига и описывали въ этихъ письмахъ свои подвиги, свою готовность умереть для пользы общаго фатерланда: мы полагаемъ, что не безъ смущенія вспоминаютъ теперь эти герои о своихъ письмахъ! Вообще жаръ національнаго един-

ства теперь, кажется, значительно остылъ. Мелкія Германскія государства, Саксонія, Виртембергъ, Баварія, сердиты, это правда, но не сильны,—и недавній выговоръ Франкфуртскому сенату показалъ имъ, что если Пруссія ихъ презираетъ, то и Австрія не видитъ себѣ въ нихъ серьезной опоры.

Г. Фонъ-Бисмаркъ билъ мѣтко въ цѣль, игралъ навѣрняка. Противодѣйствіе палаты не смутило его, и онъ ловко обезсилилъ Прусскихъ либераловъ и патріотовъ—поставивъ ихъ во внутреннее противорѣчіе съ самими собой и съ чувствами цѣлой страны. Честолюбивые инстинкты, вожделѣнія военной славы и политическаго могущества, столь сродные каждому Пруссаку, очутились въ борьбѣ съ принципами конституціонной законности, съ теоріями объ объёмѣ правъ верховной власти, о вредѣ большихъ армій и т. д. и т. д. Депутатамъ хотѣлось въ одно и то же время: и видѣть Пруссію могущественной, грозной, политической державой, и не уступить королю въ его требованіи создать необходимую для того военную силу. Имъ досталось на долю, въ глазахъ всего народа, съиграть глупую роль людей, протестующихъ противъ всего, что въ высшей степени льстило народному и ихъ собственному Прусскому честолюбію, противъ возрастанія, расширенія, усиленія собственной своей страны; имъ пришлось, послѣдовательности ради, домогаться съ безполезнымъ упрямствомъ отмѣны такого военнаго устройства, которое, дерзко введенное Бисмаркомъ, доставило странѣ военную славу,—къ чему не можетъ быть равнодушенъ ни одинъ Пруссакъ, если у него pocht Прусское сердце. Однимъ словомъ, они не поняли, что попали также въ безвыходную дилемму: или быть могучимъ военнымъ государствомъ, установить въ Германіи Прусскую гегемонію, видѣть Прусскій флагъ грозно развѣвающимся на морѣ и тѣшиться военною славой,—но въ такомъ случаѣ предоставить уже власти и просторъ для дѣйствія, не стѣснять ее въ ея отправленіяхъ и пожертвовать многими политическими правами; или же пользоваться полнотою своихъ политическихъ правъ, — стѣснять верховную власть въ ея дѣйствіяхъ, т. е. вѣрнѣе: предоставить ее, вмѣсто короля, кабинетнымъ ученымъ профессорамъ,—утѣшаться тѣмъ, что дѣла идутъ въ политическомъ отношеніи плохо, но за то по формѣ, съ педантическимъ

соблюденіемъ вѣрности конституціи; но уже и отказаться за то отъ всякихъ притязаній на гегемонію, военную славу, политическое могущество. Выхода изъ этой дилеммы для Пруссіи нѣтъ, ибо конституціонная Англія, огражденная морями, съ своимъ исключительнымъ положеніемъ и своеобразнымъ органическимъ развитіемъ, не можетъ служить никому образцомъ для подражанія. Прусскіе ораторы окончательно компрометтировались, — и графъ Бисмаркъ держитъ безпрепятственно и самодержавно въ рукахъ своихъ знамя Пруссіи, поставленное имъ такъ высоко.

Но прочно ли это возвышеніе Пруссіи, въ какой степени грозитъ оно опасностью сосѣдямъ, къ какимъ обязываетъ ихъ новымъ политическимъ комбинаціямъ?

Въ настоящемъ возвышеніи Прусскаго могущества надо различать то, что̀ случайно и не имѣетъ надежнаго основанія, и то, что̀ пойдетъ дѣйствительно въ прокъ Прусскому государству. Современная политика Пруссіи до такой степени носитъ на себѣ печать личности г. Бисмарка, его личнаго духа, что едвали можетъ, во всемъ своемъ объемѣ, обратиться въ традиціонную политику Прусскаго кабинета. Съ исчезновеніемъ Бисмарка со сцены пропадетъ, по всей вѣроятности, и та дерзость иниціативы, которая даетъ теперь Пруссіи такое видное мѣсто. Точно такъ и современное значеніе Франціи пріурочено не къ Франціи собственно, а къ личности Наполеонидовъ. Можно надѣяться, что лишенные всякаго политическаго такта, Прусскіе профессора, рано или поздно, при малѣйшемъ ослабленіи правительственной энергіи, возьмутъ верхъ подъ знаменемъ конституціонной свободы, и замѣнивъ своею коллективною властію Бисмарково единовластіе, помѣшаютъ Прусскому могуществу организоваться вовремя. Если бы Россія имѣла поводъ бояться Германіи, такъ она всемѣрно должна была бы побуждать ее стремиться къ мечтательному политическому единству и строгому соблюденію вѣрности конституціямъ: нѣтъ лучшаго антидота для развитія Германіи, какъ цѣльнаго грознаго политическаго организма. Никто не внесетъ такой дезорганизаціи въ сферу политическаго управленія Пруссіи, какъ Прусскіе ученые теоретики-патріоты и либералы: съ точки зрѣнія своихъ выгодъ, Россія могла бы пожелать имъ

полнаго успѣха. И такъ существуютъ не малыя внутреннія затрудненія, которыя могутъ послужить помѣхою политическому развитію Прусской монархіи, и для преодолѣнія которыхъ нужна, вопервыхъ, отвага Бисмарка, а вовторыхъ—непремѣнный успѣхъ, вѣнчанный славой и матеріальными пріобрѣтеніями. Затѣмъ прочному утвержденію Прусскаго преобладанія въ Германіи мѣшаетъ зависть Австріи, съ которой все же пока нельзя не считаться, и ненависть второстепенныхъ Нѣмецкихъ государствъ, равно какъ и ненависть южной католической Германіи къ сѣверной. Правда и то, что если Наполеонъ I, враждуя съ Австріей и Пруссіей, умѣлъ политикой своей привлечь къ себѣ сочувствіе малыхъ Нѣмецкихъ государствъ, то теперь эти послѣднія, благодаря союзу графа Бисмарка съ Франціей, лишены всякой опоры во Французской политикѣ противъ честолюбія Пруссіи. Но за то, съ другой стороны, союзъ Пруссіи съ Наполеономъ можетъ быть купленъ только дорогою цѣною—округленіемъ Французскихъ границъ или уступкою лѣваго берега Рейна, на что трудно было бы рѣшиться даже и Бисмарку, въ виду неминуемаго взрыва негодованія всей Германіи. У Пруссіи же едвали достанетъ столько храбрости духа и логической послѣдовательности, чтобъ рѣшиться быть только Пруссіею, измѣнивъ преданіямъ германской національности,—и потому мы думаемъ, что политика Бисмарка заключается скорѣе въ томъ, чтобъ парализировать своей дружбой вліяніе Франціи на Германію, нежели въ томъ, чтобы съ помощью Франціи перевернуть карту Европы.

За всѣмъ тѣмъ усиленіе Прусскаго могущества несомнѣнно, хотя бы даже и остановилось на той степени, на которой оно уже стало. Посмотримъ теперь на отношенія къ нему Австріи и Россіи.

Всякое наше сближеніе съ Австріею противорѣчитъ нашему призванію какъ Славянской державы.

«День», 6-го ноября 1865 г.

Возвращаемся къ вопросу, поставленному нами въ концѣ послѣдней передовой статьи. Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе Пруссіи не представляетъ для насъ ничего особенно жела-

тельнаго,—но не собственное усиленіе ея значенія въ Германіи, а матеріальное ея могущество, прочно утвержденное на Сѣверѣ Германіи и на берегахъ Балтійскаго моря. Будущій Прусскій флотъ, въ случаѣ войны съ Россіей, конечно могъ бы, въ союзѣ съ Англійскимъ и Французскимъ, нанести намъ немало вреда, покуситься даже на сокрушеніе нашего Балтійскаго флота и нашего господства на Балтійскомъ морѣ. Наконецъ, при разрывѣ съ прежними преданіями, сковывавшими до позднѣйшаго времени политику Пруссіи, при той дерзости честолюбивыхъ замысловъ, неразборчивой въ средствахъ, которою отличается современная политика Бисмарка, — военное могущество Пруссіи можетъ быть опасно намъ и на сушѣ, со стороны пограничныхъ нашихъ съ нею владѣній. Все это безспорно такъ; но оправдывается ли этимъ мнѣніе нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, что Россіи необходимо теперь какъ можно тѣснѣе сближаться съ Австріей, и что̀ выиграла бы Россія отъ такого сближенія? Развѣ то дипломатическое сближеніе, которое возникло, какъ увѣряютъ, въ послѣднее время, развѣ нескрываемое неудовольствіе Россіи и худо скрываемое неудовольствіе Австріи помѣшали г. Бисмарку овладѣть Килемъ и дойти до предположенной имъ себѣ цѣли? Онъ хорошо знаетъ, что наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ съ Австріей Россія себя не свяжетъ, да и Австрія его не приметъ, дабы не накликать на себя горшей бѣды,— и окончательнымъ результатомъ такой политики все-таки были бы: дерзкій успѣхъ одного и безсильная досада другаго. Мы не можемъ радоваться, конечно, усиленію Прусскаго могущества на нашихъ границахъ,—но тѣмъ страннѣе, между прочимъ, для насъ, что мы же сами содѣйствуемъ Нѣмецкому или Прусскому Drang nach Osten—стремленію на Востокъ—поощряя Пруссаковъ пріобрѣтать земли въ нашихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Вислы и утверждаться уже теперь въ этой части Царства Польскаго? Невольно возникаетъ также другой вопросъ: если Россіи можетъ быть опасно это развитіе, на ея границахъ, военнаго могущества Пруссіи, то вѣдь точно такъ же должно было быть опасно и для Пруссіи сосѣдство нашего военнаго могущества, конечно не уступающаго Прусскому? Намъ могутъ отвѣтить, что тутъ нѣтъ настоящаго равновѣсія, потому что Россія не

имѣетъ повода къ политикѣ наступательной, аггрессивной, и это хорошо извѣстно Европѣ,—а положеніе нападающаго всегда выгоднѣе положенія обороняющагося. У Пруссіи же не мало поводовъ къ политикѣ наступательной: она одержима честолюбіемъ, стремится къ расширенію своихъ владѣній, имѣетъ нѣкоторую точку опоры себѣ въ Нѣмецкомъ элементѣ Остзейскаго края или по крайней мѣрѣ воображаетъ, что найдетъ въ немъ себѣ эту опору. Поэтому намъ необходимо обезпечить себя сближеніемъ съ Австріей,—такъ разсуждаютъ нѣкоторые наши публицисты. Мы же полагаемъ, что наше обезпеченіе единственно въ нашихъ собственныхъ силахъ,—но коснемся этого вопроса поближе.

Что Пруссія даже безъ особенныхъ видовъ на захватъ Русскихъ владѣній охотно пожертвуетъ теперь союзомъ съ Россіей, если это потребуется разсчетами ея политики,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Можно сочинить себѣ слѣдующую комбинацію. Положимъ, что Прусскому кабинету, для утвержденія своего преобладанія въ Германіи, необходимо направить Австрію къ Дунаю, къ Турціи, такъ сказать вонъ изъ Германіи, и убѣдить свою сосѣдку отказаться разъ навсегда отъ притязаній быть первенствующею Нѣмецкою державой. Мы знаемъ даже, что эта мысль съ нѣкотораго времени часто развивается въ Прусскихъ газетахъ, и что эти послѣднія стараются навязать Австріи особенное призваніе: германизировать Славянъ, создать новую Дунайскую имперію, а собственно Германію—предоставить Пруссіи. Положимъ, что Австрія, убѣждаясь такими внушеніями и съ согласія Наполеона, а можетъ-быть и взамѣнъ Венеціи, вздумаетъ присвоить себѣ Дунайскія княжества. Россіи едвали возможно было бы допустить подобное измѣненіе карты Европы,—и она готова была бы, положимъ, воспрепятствовать тому съ оружіемъ въ рукахъ, открытою войною; но вслѣдствіе союза, заключеннаго ad hoc Австріею съ Пруссіею, объявленіе со стороны Россіи войны Австріи повело бы за собою и объявленіе войны Пруссіи, которая воспользовалась бы своимъ настоящимъ развитіемъ и повела бы ее противъ Россіи наступательно.

Какъ ни кажется вѣроятною такая комбинація, но вѣроятіе это болѣе видимое, чѣмъ дѣйствительное. Было бы ошибочно пугать-

ся ея преждевременно, или же, въ силу такихъ предположеній, давать нѣсколько иное направленіе нашей благоразумной выжидательной политикѣ и на этомъ основаніи сближаться, напр., съ Австріей. Прежде всего, какъ мы уже говорили, Пруссіи грозятъ не малыя внутреннія затрудненія: они нисколько не разрѣшены, а только отложены, и нельзя разсчитывать, чтобъ Прусскіе либералы преуспѣли въ политическомъ тактѣ. Чтобъ дѣйствовать вполнѣ отважно и имѣть руки развязанныя на всякое дѣло, Прусскому правительству нужно бы пересочинить конституцію и на нѣкоторое время обратиться въ военно-деспотическую монархію. А это въ наше время немыслимо. Далѣе, честолюбіе Пруссіи, занесшись и зазнавшись, можетъ встрѣтить бездну мелкаго противодѣйствія со стороны остальной Германіи; бездну помѣхъ, путаницы и такихъ узловъ, которые распутывать — требуетъ много хлопотъ и времени, а которые разсѣкать мечемъ (что было бы короче гораздо) не всегда дерзнетъ и самъ г. Бисмаркъ. Затѣмъ подобная комбинація предполагаетъ полное соглашеніе Пруссіи, Франціи и даже Австріи въ Восточномъ вопросѣ; но ей недостаетъ согласія Англіи, которое болѣе чѣмъ сомнительно; а главное, такой союзъ Наполеона съ Пруссіей едвали можетъ быть купленъ иною цѣною, какъ уступкою Франціи лѣваго берега Рейна, что возбудило бы противъ Пруссіи общественное мнѣніе всей Германіи и произвело бы опасный для нея взрывъ національнаго Германскаго чувства. Какъ бы ни былъ мало страшенъ этотъ взрывъ, но онъ натворилъ бы Пруссіи множество затрудненій, и доставилъ бы на это время значительный нравственный перевѣсъ Австріи. Однимъ словомъ, осуществленіе подобныхъ комбинацій представляется менѣе возможнымъ, чѣмъ это кажется сначала, и выжидательная политика со стороны Россіи есть, конечно, наиболѣе благоразумная. Напротивъ, излишнее сближеніе Россіи съ Австріей могло бы только поставить Россію въ противорѣчіе съ своими собственными коренными началами.

Австрія представляется не только не опасной, но и не довольно сильной для того, чтобы можно было ожидать пользы отъ союза съ нею. Она находится въ такомъ положеніи, что самая внѣшняя ея политика не можетъ имѣть ни строго опредѣленнаго характера и направленія, ни прочности и устоя

въ основаніяхъ. Она зависитъ во многомъ, если не вполнѣ, отъ рѣшенія внутреннихъ ея вопросовъ, равно какъ и внутренняя ея политика зависитъ во многомъ отъ ея внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. При всемъ томъ она является до сихъ поръ въ Европѣ представительницею тѣхъ мнимо-консервативныхъ началъ, съ которыми не можетъ быть солидарною Россія, а между тѣмъ, сближаясь съ Австріей. Россія сама набросила бы на себя тѣнь подозрѣнія въ солидарности съ этими началами, и безъ всякой для себя выгоды ослабила бы и безъ того слабое къ ней сочувствіе въ Европѣ. Она компрометтировала бы себя въ глазахъ прочихъ своихъ союзниковъ и подорвала бы естественныя къ себѣ симпатіи въ единоплеменныхъ ей Австрійскихъ народахъ. Австрія—главная представительница и опора принциповъ: ультрамонтанства, свѣтской власти папы и разъединенія Италіи. Принципъ ультрамонтанства и свѣтской власти папы намъ положительно враждебенъ, какъ странѣ православной, а сила Россіи, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, зависитъ отъ степени ея вѣрности основнымъ духовнымъ началамъ своей народности. Что же касается единства Италіи, то намъ не только нѣтъ никакой надобности не сочувствовать ему даже съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ выгодъ, но напротивъ, есть скорѣе поводъ къ сочувствію, такъ какъ этимъ единствомъ сокрушается власть латинства, ослабляется Австрія и получается выгодная для насъ диверсія ея силъ.

Въ томъ-то и дѣло, что всякое, даже дипломатическое сближеніе съ Австріей ставитъ насъ въ неминуемое противорѣчіе съ принципами нашей внутренней политики, съ основными началами нашей народности и съ нашимъ призваніемъ какъ Славянской державы. Мы скорѣе можемъ найти себѣ честнаго союзника въ Пруссіи, чѣмъ въ Австріи. Такъ, напр., мы получили на дняхъ извѣстіе о томъ, какъ противодѣйствуетъ Австрія, по уніатскому дѣлу, нашей новѣйшей администраціи въ Царствѣ Польскомъ, какъ запрещаетъ она, въ союзѣ съ папою, уніатскимъ духовнымъ, приглашеннымъ Русскимъ правительствомъ, занимать мѣста священниковъ и епископовъ въ Холмской епархіи. Нашей дипломатіи трудно настаивать теперь на исполненіи этихъ требованій Русскаго правительства, въ виду предполагаемой

необходимости сближенія съ Австріей, и Австрія пользуется этимъ неловкимъ положеніемъ нашей дипломатіи. Наконецъ, сближаясь съ Австрійскимъ правительствомъ, мы не можемъ ни принимать выраженія сочувствія къ намъ отъ ея Славянскихъ подданныхъ, ни содѣйствовать развитію этого сочувствія. Между тѣмъ это сочувствіе есть лучшій нашъ союзникъ, лучшая наша точка опоры (какъ бы ни была она сама по себѣ недостаточна) — въ замѣшательствахъ Европейскихъ. Сближаясь, хотя бы только дипломатически, съ Австріей, мы такъ-сказать даемъ нѣкоторую санкцію ея внутренней политикѣ, которая въ настоящее время, несмотря на недавнія успокоительныя увѣренія, грозитъ Славянамъ германизаціей и мадьяризаціей.

Заговоривъ объ Австріи, мы должны подробнѣе объяснить читателямъ, въ какомъ положеніи находится теперь этотъ роковой для нея вопросъ о взаимномъ отношеніи народностей, ее населяющихъ. Имъ извѣстно, что изъ 35 милліоновъ населенія въ Австріи численное превосходство на сторонѣ Славянъ, которыхъ всѣхъ около 15 милліоновъ; за тѣмъ Нѣмцевъ считается около 8 милліоновъ, Мадьяръ около 5 милліоновъ,—и 7 милліоновъ остальныхъ разныхъ народностей. Казалось бы, что характеръ государства долженъ былъ бы опредѣлиться характеромъ господствующаго населенія; но въ организаціи государствъ сила *количественная* нерѣдко уступаетъ силѣ *качественной*. Несмотря на меньшинство Нѣмецкое — духъ, создавшій Австрійское государство, умъ, сердце, мозгъ ея — Нѣмецкіе, и Нѣмецкимъ цементомъ держатся составныя ея части. Въ Австрійской монархіи собственно только два жизненные *политическіе* элемента: Нѣмецкій и Венгерскій, или вѣрнѣе Мадьярскій. Это какъ бы ребра въ ея тѣлѣ: всѣ остальныя народности, не исключая и Славянъ, какъ бы только мясо на этихъ ребрахъ: до такой степени онѣ бѣдны были до сихъ поръ политической внутренней индивидуальной силой и лишены характера политическихъ самостоятельныхъ организмовъ Австрія не имѣетъ подданныхъ болѣе покорныхъ и даже преданныхъ, какъ Славяне; ея лучшіе солдаты: Хорваты, Сербы и Галицкіе Руссы.

Примыкая Нѣмецкимъ своимъ элементомъ къ матери Гер-

маніи, къ Германскому союзу, первенствуя въ Германіи,— Австрія, когда еще была «Священною Римскою» или собственно Германскою имперіей, могла еще не задаваться вопросами о своемъ внутреннемъ призваніи. Но когда древняя Священная имперія была сокрушена и обратилась въ имперію Австрійскую, когда усиленіе Пруссіи лишило ее первенства, умалило ея значеніе въ Германіи, а съ другой стороны въ народностяхъ, ее составляющихъ, пробудилось самосознаніе и неудержимая потребность самостоятельнаго, хотя бы только духовнаго развитія,—тогда явилась для Австріи необходимость найти точку опоры въ самой себѣ и пріискать новыя основы для своего политическаго существованія. Для Австріи возникъ вопросъ, самъ уже по себѣ свидѣтельствующій объ оскудѣніи въ ней *непосредственнаго* начала жизни и органической силы: вопросъ—*чѣмъ ей быть?* Плохое дѣло, когда задача историческаго бытія народовъ становится предметомъ вопроса, когда приходится имъ предлагать себѣ этотъ вопросъ извнѣ, рѣшать его не самою жизнью, а теоретически, пріискивать ему отвѣты, сочинять жизнь, производить разные эксперименты. *Чѣмъ ей быть?* вотъ задача, которою мучится Австрія, и уже не съ тайнымъ стыдомъ какъ прежде,—а явно и открыто для всѣхъ. Императоръ Францъ-Іосифъ манифестомъ отъ 20 Сентября нов. стиля нынѣшняго года собираетъ всѣ свои народы на сеймъ въ Вѣну для общаго рѣшенія вопроса о лучшемъ политическомъ устройствѣ Австрійской имперіи. Этотъ-то манифестъ такъ утѣшилъ добродушныхъ Австрійскихъ Славянъ,—послѣ того, какъ правительство перепугало ихъ своею уступкою требованіямъ Венгерцевъ,—и подалъ имъ поводъ къ разнымъ громкимъ ликованіямъ и празднествамъ, о которыхъ, между прочимъ, разсказываетъ въ нынѣшнемъ № нашъ корреспондентъ изъ Праги.

Разсмотримъ однако ближе сущность вопроса. 15 милліоновъ Славянъ, подданныхъ Имперіи, распредѣлены были до 1848 г. между Венгріей и Австрійскими Коронными землями, вошедшими въ составъ Нѣмецкаго союза. Въ политическій составъ Венгріи входили: Хорваты или «Кроаты», Сербы, Словаки, Русскіе—такъ-называемая Угорская Русь. Венгрія имѣла свою самостоятельную конституцію, свой оф-

фиціальный общій языкъ—латинскій, свои сеймы, свое министерство, служила центромъ, къ которому тяготѣли входившіе въ ея составъ народы и черезъ нее уже примыкавшіе къ Австрійской Имперіи. Но, какъ мы сказали, когда Наполеонъ I сдернулъ съ Австріи покровъ «Священной Римской имперіи» и обнажилъ ея внутренній составъ, когда разбиты были старыя формы, а для организаціи новыхъ потребовалась уже провѣрка или пересмотръ всѣхъ основъ и всего содержанія, — когда въ народностяхъ, обнаженныхъ такимъ образомъ отъ скрывавшихъ ихъ историческихъ покрововъ, пробудилось личное самосознаніе, — Венгрія измѣнила старому завѣту своего короля Стефана и замѣстила историческую идею коллективнаго организма идеею національной *племенной* личности. Она выдвинула впередъ уже не Венгерское, общее, а племенное, Мадьярское знамя и поставила вопросъ о преобладаніи одного *племени* надъ другимъ. Ея притязанія на преобладаніе въ имперіи и на мадьяризацію Славянскихъ племенъ возбудили войну 1849 года, когда Славяне возстали противъ Мадьяръ подъ знаменемъ своего центральнаго Нѣмецкаго правительства и съ помощью Россіи отстояли Австрійскую имперію. Тогда возникла идея о *равноправности* всѣхъ племенъ и національностей въ Австрійскомъ государствѣ, осуществленія которой постоянно потомъ домогались и продолжаютъ домогаться Славяне. Эта идея полноправности, въ мнѣніи Славянской интеллигенціи, выработалась въ формѣ *федераціи*,—и Австрія имѣетъ теперь передъ собою три формы политическаго бытія: централистическую, федералистическую и дуалистическую. Съ 1850 года были поперемѣнно пробуемы и система централизма и система федераціи, — теперь обстоятельства какъ будто клонятся къ преобладанію системы дуализма, т. е. господства Нѣмецкаго и Мадьярскаго элемента. Но упомянутый нами императорскій манифестъ парализировалъ нѣсколько во мнѣніи Славянскихъ народовъ то впечатлѣніе, которое произвели на нихъ уступки императорскаго правительства Мадьярамъ. Мы объяснимъ вкратцѣ сущность этихъ системъ.

Въ своихъ поискахъ за жизненнымъ въ себѣ началомъ—le principe vital, какъ говорятъ Французы—Австріи всего

естественнѣе, конечно, остановиться было на началѣ Нѣмецкомъ, которое есть дѣйствительно то историческое начало, которое создало Австрійское государство; другими словами: остановиться на системѣ централизаціи и онѣмеченія всѣхъ не-Нѣмецкихъ племенъ. Представителемъ этой системы былъ, еще весьма недавно, министръ Бахъ, но его усилія показали только, что это начало уже болѣе или менѣе изжило свое историческое содержаніе, и если элементъ Германскій еще силенъ духовно, то политическая его сила подорвана вмѣстѣ съ утратою значенія Австріи въ Германіи и съ развитіемъ въ Имперіи духа племеннаго обособленія. Попытки централизаціи сокрушались — не столько о сопротивленіе Славянъ, сколько объ энергическое и легальное упорство Мадьяръ, слѣдовательно значительнѣйшей и могущественнѣйшей части государства. Для противодѣйствія Мадьярамъ приходилось льстить племеннымъ инстинктамъ Славянъ Венгерскихъ, слѣдовательно отступать уже отъ системы Нѣмецкой централизаціи. Итальянскія владѣнія также не поддавались этой централизаціи и нашли поддержку въ своемъ сопротивленіи во Франціи и въ Піемонтѣ. Послѣдствія извѣстны. Однимъ словомъ, система эта оказалась несостоятельною.

Почему же бы однако не стать Австрійской имперіи чисто-Славянскою, по численному господству населенія? Но на этотъ вопросъ, близко касающійся Славянъ, приходится отвѣчать нѣсколько пространно, и мы разсмотримъ его въ слѣдующемъ №.

Почему Австрія не можетъ сдѣлаться Славянскою державой.

«День», 11-го ноября 1865 г.

Продолжаемъ нашу бесѣду объ Австріи. Ставимъ снова вопросъ: почему бы Австрійской имперіи не сдѣлаться чисто-Славянскою — по численному господству ея Славянскаго населенія? Потому, вопервыхъ, что идея панславизма есть, вообще, идея покуда еще совершенно отвлеченная, — теорія, а не живая реальная сила; вовторыхъ потому, что идея панславизма въ примѣненіи къ Австріи, идея *всеславянства*

съ политическимъ объединеніемъ его въ лицѣ *Нѣмецкаго* императора, есть идея уже сама по себѣ мертворожденная, фальшивая въ самомъ своемъ основаніи; втретьихъ потому, что еще значительная часть Славянскихъ племенъ обезсилена въ своемъ развитіи внутренними духовными противорѣчіями. Все это, надѣемся, станетъ читателю ясно изъ послѣдующаго изложенія.

Отвлеченныя понятія тогда становятся дѣйствительною силою въ исторіи, когда обособляются и конкретируются, какъ выражаются Нѣмцы, въ живомъ, реальномъ явленіи. Идея какой-либо національности тогда только перестаетъ быть отвлеченною и пріобрѣтаетъ значеніе живаго историческаго двигателя, когда облекается плотью и кровью, воплощается въ живой, цѣльный организмъ, въ цѣльную народную личность, съ рѣзко опредѣленной индивидуальностью. Славянъ — *вообще* не существуетъ, а существуютъ Славянскія племена съ ихъ различными историческими судьбами, съ ихъ племенною особенностью и племеннымъ эгоизмомъ,—Русскіе, Поляки, Сербы, Чехи и пр. Ни одно изъ нихъ не хочетъ, или не можетъ, да и не всякое изъ нихъ призвано пожертвовать своею живою историческою индивидуальностью, своею личностью, въ пользу другаго, Славянскаго же племени. Слѣдовательно для воплощенія идеи всеславянскаго союза или братства необходимо было бы найти, вопервыхъ, въ личной племенной особенности каждаго—элементъ общій, принадлежащій всѣмъ имъ вмѣстѣ и каждому порознь,—тѣ стороны, которыми эти племена соприкасаются между собою и которыя даютъ имъ общій Славянскій типъ, несмотря на племенное различіе. Вовторыхъ, необходимо было бы найти такое высшее начало, которое бы могло стать общимъ знаменемъ и было бы довольно сильно, чтобъ обуздать духъ племеннаго эгоизма и побудить всѣ эти племенныя личности, чрезъ взаимное самоограниченіе, составить общій согласный хоръ. Мы разсматриваемъ вопросъ отвлеченно, a priori. Какіе же это могутъ быть *общіе* признаки Славянства? Признаки физіологическаго свойства: кровное родство, единство «расы», сходство обычаевъ и нарѣчій,—и признаки духовнаго свойства. Настолько ли могуче значеніе физическаго родства, чтобъ послужить основаніемъ всеславянскому со-

юзу, заглушить личный племенной эгоизмъ и сдѣлать изъ идеи панславизма живую, творческую, историческую силу? Какъ ни важна, ни почтенна въ нашихъ глазахъ связь единоплеменности, породы — или «расы», но она недостаточно могуча,—мы должны въ этомъ сознаться,—чтобъ подчинить себѣ элементъ духовный и создать Славянское цѣлое — при рѣзкомъ различіи признаковъ духовнаго свойства. И именно въ Славянскихъ племенахъ элементъ духовный стоитъ выше элемента физическаго, и родство духовное цѣнится выше плотскаго. Духовный же элементъ — не значитъ только душевныя и нравственныя качества племени, а главнѣйшимъ образомъ элементъ вѣры—религіозные и нравственные идеалы, отношеніе племени къ вѣчному и абсолютному, къ Истинѣ, къ Правдѣ — къ Богу. Въ этомъ, можно сказать, и заключается *общее* духовнаго свойства всѣхъ Славянскихъ народовъ: именно въ томъ, что главное содержаніе духа есть у нихъ — вѣра, что болѣе чѣмъ для какихъ-либо народовъ вѣра для нихъ есть не одно лишь субъективное, личное чувство, но начало общественное и бытовое, управляющее жизнью. Но въ этомъ же самомъ содержится основаніе и къ разъединенію Славянскихъ племенъ — по различію идеаловъ вѣры, по различію вѣроисповѣданій. На этомъ основаніи интересъ единоплеменности уступаетъ высшему интересу единовѣрія, и для Русскаго православнаго народа, напримѣръ, православный Грекъ, даже православный Нѣмецъ болѣе братъ, чѣмъ Полякъ-католикъ или даже Русскій, ставшій латинянином. Конечно, братское чувство не должно бы заглушаться ни въ какомъ случаѣ и напротивъ должно бы еще сильнѣе стремиться къ тому, чтобы съ братьями по крови вступить и въ братство духовное,—но народъ не «интеллигенція», народныя массы не занимаются пропагандою, не основываютъ своихъ могущественныхъ симпатій на филологическихъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ, и Славянская единоплеменность, напр. съ Полякомъ-католикомъ, вовсе не способна приводить Русскаго мужика въ умиленіе. Дѣло же интеллигенціи въ такихъ случаяхъ тогда только можетъ имѣть успѣхъ, когда коренится въ живомъ сознаніи или непосредственномъ чувствѣ народа, когда за интеллигенціей стоитъ поддержка народныхъ массъ.

Такимъ образомъ идеѣ панславизма (разсматриваемаго еще вообще какъ понятіе, внѣ соображеній о практическомъ примѣненіи и политической формѣ) недостаетъ высшаго духовнаго объединяющаго начала; единоплеменности недостаетъ единовѣрія, безъ котораго единоплеменность ничего не значитъ, безсильна. Такова воля не наша, а самихъ Славянскихъ народовъ, таковъ наглый фактъ, котораго не признать не можетъ интеллигенція, какъ бы ей этого ни хотѣлось. Но не признавая еще идею панславизма живою историческою, тѣмъ менѣе политическою силою, мы вполнѣ сочувствуемъ ей въ томъ отношеніи, что она будитъ Славянскія племена къ самосознанію, къ уразумѣнію своихъ племенныхъ и общихъ Славянскихъ началъ, къ отысканію общихъ признаковъ внѣшнихъ и нравственныхъ, и общаго объединяющаго духовнаго начала. Но покуда таковое не будетъ сыскано, а главное пока не убѣдятся всѣ Славянскія племена въ его необходимости, до тѣхъ поръ эта идея осуждена остаться отвлеченною мечтою. Она не отвлеченна лишь для тѣхъ Славянскихъ племенъ, которыя не только единоплеменны, но и единовѣрны, и собственно — для Славянъ православныхъ, потому что православіе (мы не хотимъ здѣсь распространяться объ его внутреннемъ содержаніи и тождествѣ съ Славянскою духовной стихіей, а ограничиваемся внѣшними признаками), — потому что православіе, допуская національную церковь, дѣлаетъ возможнымъ общеніе духовное и церковное—въ сферѣ Славянской національности. Между тѣмъ для католическихъ различныхъ Славянскихъ племенъ единовѣріе ихъ между собою не можетъ имѣть значенія для ихъ національнаго родства, такъ какъ интересъ церковный не совпадаетъ у нихъ съ интересомъ Славянской національности: ихъ церковный центръ — Римъ,—ихъ объединяющее церковное начало—Латинское, а не Славянское. Православные Славянскіе народы не перестаютъ тяготѣть другъ къ другу и рано или поздно обрѣтутъ какую-нибудь форму ближайшаго соединенія или взаимной опоры, тѣмъ болѣе, что къ числу православныхъ Славянскихъ племенъ принадлежитъ одна изъ могущественнѣйшихъ державъ міра—единственная независимая Славянская держава—Россія. Но это

вовсе не есть еще идея панславизма, особенно какъ его понимаетъ Западно-Славянская интеллигенція.

Обратимся теперь именно къ этой идеѣ — въ частномъ примѣненіи ея къ Австріи. И здѣсь, точно также, собственно «Славянъ», «Славянъ вообще» не существуетъ: существуютъ католики-Чехи, Моравы, Силезцы, католики-Поляки, Хорваты, Словинцы, Словаки; протестанты-Словаки, православные Сербы и уніаты Руссы. Однимъ словомъ, десять Славянскихъ племенъ, изъ которыхъ ни одно не хочетъ уступить своей національной особенности въ пользу другаго и изъ которыхъ многія еще раздѣлены между собою цѣлою бездною въ отношеніи религіозномъ (напримѣръ, латиняне и православные), или традиціонною племенною ненавистью, какъ Русскіе и Поляки въ Галиціи. Не говоря уже о высшемъ *духовномъ* объединяющемъ началѣ, о чемъ мы только что упоминали,—для совмѣстнаго политическаго существованія различныхъ Славянскихъ племенныхъ особенностей, необходимо высшее *политическое* органическое начало, которое примирило бы въ себѣ эти различія, покорило бы въ себѣ племенной эгоизмъ, объединило бы въ себѣ племенныя особенности, растворило бы въ своемъ могущемъ растворѣ всѣ эти Славянскіе ингредіенты, хотя бы настолько, насколько это нужно для единства политической жизни. Но такого высшаго политическаго начала Австрійскимъ Славянамъ и недостаетъ. Оно должно быть непремѣнно: вопервыхъ Славянскимъ, а вовторыхъ такимъ — верховное преимущество котораго признавалось бы само собою, безъ спора Но въ Славянскомъ мірѣ только одна Россія представляетъ въ себѣ живое политическое начало, мы же говоримъ теперь собственно объ Австріи. Что значило бы для Австріи стать Славянскою державою? Стать ли ей Чешскою? или Хорватскою, или Сербскою, или Польскою? потому что быть «Славянской вообще» невозможно. Но Сербы скорѣе покорятся Нѣмцамъ, чѣмъ своимъ же братьямъ, порвавшимъ съ ними духовное единство вѣры и измѣнившимъ преданіямъ православія; точно также и Русскіе въ Галиціи относительно ненавистныхъ имъ Поляковъ. Самое первое мѣсто среди Австрійскихъ Славянъ занимаетъ Чешское племя, но и оно, несмотря на сравнительное превосходство своей культуры, не имѣетъ въ

себѣ сильнаго политическаго элемента. При всемъ нашемъ уваженіи къ благороднымъ подвижникамъ Чешской народности, мы не можемъ не сказать, что Чехія носитъ въ себѣ постоянное внутренное противорѣчіе, которое мѣшаетъ ей развиваться въ Славянскомъ смыслѣ, и вслѣдствіе котораго самое возрожденіе въ ней національности представляется болѣе теоріей Славянской народности, чѣмъ живою, непосредственною силой. «Культура», которою она любитъ гордиться и которая въ ней возникла древнѣе, чѣмъ въ прочихъ чисто-Нѣмецкихъ земляхъ,—эта культура не производила однакожъ до сихъ поръ ничего оригинальнаго, самобытнаго, такого, чѣмъ бы обогатилось человѣчество. Культура эта не имѣетъ въ себѣ ничего Славянскаго, она по характеру своему чисто-Нѣмецкая, и тогда какъ на Нѣмецкой родной своей почвѣ она породила великановъ мысли и знанія,—наоборотъ, на Чешской, Славянской почвѣ, въ силу этого внутренняго противорѣчія, она не создала ни замѣчательнѣйшаго поэта, ни художника, ни мыслителя. Напротивъ—то, что̀ по истинѣ должно питать въ Чехіи чувство исторической гордости и составляетъ ея славу, въ чемъ сказалась самобытность ея національнаго духа,—явленіе Гуса, гуситство и религіозныя войны съ Нѣмцами,—отъ всего этого отреклась Чехія. Если это отреченіе отъ началъ гуситства послѣдовало, два вѣка тому назадъ, лишь по кровавой неволѣ, послѣ знаменитой «Пражской экзекуціи»,—то въ настоящее время Пражскіе ученые и патріоты весьма добровольно отрицаютъ эти начала, хотя и хлопочутъ о возрожденіи Чешской національности. По крайней мѣрѣ они еще не пришли къ сознанію необходимости выдти изъ этого внутренняго противорѣчія. Даже трудно понять ихъ отношеніе къ этому лучшему моменту своей народной исторической жизни. Въ Гусѣ выразилось стремленіе Чешскаго народа выбиться изъ-подъ гнета латинской лжи и возвратиться къ той чистотѣ идеала вѣры и церкви, которая свойственнѣе внутреннимъ требованіямъ Славянскаго духа и память о которой была насаждена, съ древнѣйшихъ временъ, православною проповѣдью христіанства. Чешскіе патріоты гордятся своимъ Гусомъ—этимъ противникомъ латинства, — но продолжаютъ пребывать въ латинствѣ,—и чествуя память сожженнаго Римомъ, на ко-

стрѣ. Гуса—чествуютъ и Римъ, сохраняя строжайшую вѣрность Риму. Они праздновали недавно память Св. Кирилла и Меѳодія и на алтарь изобрѣтателей Славянской азбуки повергали Латинскій алфавитъ. Намъ прискорбно это выразить, но при такомъ постоянномъ, внутреннемъ духовномъ противорѣчіи не можетъ возникнуть въ Чехіи никакой дѣйствительной, цѣльной Славянской силы. Такимъ образомъ ни одно изъ Славянскихъ племенъ Австріи не могло до сихъ поръ, да и не можетъ, стать центромъ для 15-ти-милліоннаго Славянства Имперіи. У Австрійскихъ Славянъ нѣтъ общаго Славянскаго знамени.

Россія — вся еще въ будущемъ.

«Москва», 13-го января 1867 г.

Наконецъ и Россія сказала папѣ свое non possumus! Напечатанный нами вчера документъ, являя всему міру нашу правду, свидѣтельствуетъ и о невозможности для Россіи идти далѣе по пути уступокъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ Римскому двору Русскій кабинетъ истощилъ всѣ средства къ примиренію и остановился только у крайняго предѣла терпимости. Не можемъ — non possumus. Въ дипломатической депешѣ князя Горчакова намъ слышно слово исторіи,—не выраженіе личнаго мнѣнія нашего кабинета или его случайнаго настроенія, но именно то вѣщее слово, котораго шепотъ, постоянно заглушаемый, проносится сквозь всю исторію нашихъ отношеній къ Риму и вообще православія къ латинству, и которому наконецъ пришло время разразиться громомъ. Эта депеша послужитъ новою эрою для нашего политическаго самосознанія. Разрывъ нашъ съ главою латинства совершается въ то самое мгновеніе, когда Восточный вопросъ грозно и неотступно ждетъ отъ Россіи отвѣта, когда должны рѣшиться судьбы православнаго міра, ввѣренныя ей Провидѣніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, призваніе наше съ каждымъ днемъ опредѣляется строже, положеніе съ каждымъ днемъ очерчивается отчетливѣе и рѣзче. Впрочемъ, и обозрѣвая политическій горизонтъ, мы должны сознаться, что никогда не былъ такъ ясенъ языкъ событій, никогда не былъ такъ тождественъ языкъ теоріи и практики, идеализма и положительнаго разсчета. Совершилось то, что̀ принадлежало только къ области мечтаній, что̀ осмѣивалось, какъ несбыточная утопія: образуются два единства, если можно такъ выразиться, два новыхъ цѣльныхъ организма, воплощающихъ въ себѣ двѣ историческія идеи; являются единая Италія и единая Германія. Какое-то центростремительное движеніе обхватило Европу; всѣ разрозненныя части племенъ сбираются къ одному племенному средоточію, какъ овцы въ единое стадо, и ищутъ выразить свою общую племенную индивидуальность въ формѣ политическаго единства. Созидаются новыя державы во имя внутренней цѣльности, съ принесеніемъ въ жертву личнаго эгоизма мелкихъ племенныхъ существованій,— и въ то же время рушатся старыя. Внѣшнія, искусственныя, чисто-политическія узы оказываются непрочными, — разваливаются Турція и Австрія. Въ то же время выступаетъ на политическую арену, силою обстоятельствъ и подвигомъ самосознанія, Славянскій міръ — изъ долгаго, частью внѣшняго, частью внутренняго, частью невольнаго, частью добровольнаго плѣна...

Такимъ образомъ происходитъ новая группировка племенъ и народовъ, и являются новыя политическія сочетанія. Существующія политическія границы уже не совпадаютъ съ тѣми границами, которыя начерчиваетъ себѣ каждая группа. Поверхъ политической формы настоящаго носится политическая форма будущаго, и потому прежнія основанія политическаго равновѣсія, политическихъ союзовъ и комбинацій уже не имѣютъ смысла,—имъ недостаетъ истинной дѣйствительности или реальности. Многія державы еще имѣютъ быть, еще слагаются, находятся im Werden, какъ сказалъ бы Нѣмецъ философъ. Такова Италія, еще не завершившая дѣло своего единства, еще не разрѣшившая для себя задачи объ Римѣ, вовсе не такой легкой, какъ она многимъ представляется съ виду,—потому что вопросъ римскій не есть только вопросъ

итальянскій, домашній, но всего Латинскаго міра. Сверхъ того, Италіи еще предстоитъ оправдать свое историческое возникновеніе какъ единой державы, предстоитъ сплотиться внутри и доказать, что ея единство имѣетъ органическую прочную основу, а не есть дѣло временнаго соединенія силъ, вызваннаго только необходимостью отразить внѣшняго врага... Такова Пруссія, только-что предпринявшая дѣло политическаго объединенія Германіи, — и дѣло это еще въ полномъ ходу, такъ что настоящее положеніе Пруссіи и самое ея правительство могутъ назваться «временными» (provisoires). Австрія, напротивъ того, не имѣетъ будущаго, не имѣетъ даже и настоящаго: ея statu quo ежеминутно измѣняется, какъ въ разлагающемся тѣлѣ. Точно въ такомъ же состояніи разложенія находится и Турецкая имперія. Но среди этого разложенія возникаютъ, образуются и предъявляютъ свои права на бытіе—новыя племена, новые народные союзы, которыхъ всѣ взоры устремлены въ даль будущей политической жизни. Только двѣ страны на Западѣ Европы стоятъ внѣ этого движенія, вполнѣ закончившія свое политическое сложеніе: Англія и Франція. Не потому ли что для нихъ нѣтъ подобныхъ задачъ въ будущемъ, задачъ исторически-законныхъ, естественныхъ, органическихъ, не потому ли замѣчаемъ мы во внѣшней политикѣ и Англіи и Франціи какъ будто нѣкоторое замѣшательство и недоумѣніе? Именно съ недоумѣніемъ видитъ Франція возникновеніе рядомъ съ нею единой и довольно сильной Италіи и еще несравненно могущественнѣйшей единой Германіи. Франція и до сихъ поръ не можетъ рѣшить себѣ вопроса — слѣдуетъ ли ей враждовать съ Пруссіей или же примириться съ тѣмъ, чего она въ сущности не могла бы и предотвратить. Она могла бы, конечно, затруднить ходъ событій, но не могла бы лишить Германію ея стремленій къ единству, которое рано или поздно, но все-таки бы совершилось. Ни Англіи, ни Франціи нѣтъ доли въ этомъ новомъ пересозданіи политическаго statu quo остальной Европы, нѣтъ участія въ этомъ возрожденіи, нѣтъ тѣхъ надеждъ и задачъ въ грядущемъ, которыми одушевлены теперь другіе народы. Взоры Франціи и Англіи, въ отношеніи политическомъ, не устремлены въ будущее, какъ напр. у Пруссіи, у Италіи, у Россіи, у Славянъ и Грековъ,—

и такое положеніе дѣлъ не можетъ не отражаться и на внѣшней политикѣ этихъ двухъ старыхъ державъ. Поэтому-то императоръ Наполеонъ и думаетъ долгую думу — какую новую политическую задачу сочинить Франціи или наполеоновской династіи для будущаго? Стремиться ли къ объединенію или къ федераціи латинской расы, ограничиться ли притязаніями на Бельгію? и т. д. Какъ бы то ни было, но съ возникновеніемъ новой Пруссіи, съ ея сѣверогерманскимъ союзомъ, значеніе и Франціи и Англіи въ дѣлахъ Европы видимо ослабѣло. Англія, руководясь здравою политикою, сама добровольно устраняется теперь отъ положительнаго вмѣшательства въ дѣла Европейскаго материка, — но Франція, въ лицѣ Наполеона III, не можетъ помириться съ своимъ настоящимъ положеніемъ и захочетъ, такъ или иначе, вновь добыть себѣ политическое значеніе. Для нея дѣло идетъ только о значеніи, а не о разрѣшеніи какихъ-либо кровныхъ задачъ. Впрочемъ, судьба Франціи зависитъ теперь отъ жизни и смерти царствующаго въ ней Наполеонида, и внутренніе вопросы едвали не заслоняютъ въ глазахъ современныхъ Французовъ интересы внѣшней политики.

Что же Россія? Какое положеніе ея среди этихъ державъ и народовъ, какое призваніе ея въ этомъ новомъ пересозданіи политическаго міра?... На этотъ вопросъ мы покуда отвѣтимъ одно: Россія, какъ уже давно и не нами было сказано, вся еще въ будущемъ, не только относительно внутренняго развитія, но и внѣшняго своего политическаго роста и значенія. Предоставляя полную свободу національному объединенію Германіи и Италіи, она призвана довершить и свое національное объединеніе и объединеніе Славянскихъ племенъ. Въ то время, какъ надъ Западной Европой носится грозною тучею вопросъ религіозный, когда Западъ съ ужасомъ взираетъ на духовную бездну, раскрывающуюся передъ нимъ съ паденіемъ римскаго папства и теряется въ недоумѣніи — чѣмъ замѣнитъ онъ духовныя основы жизни и идею церкви,—Россія чужда этого страха и недоумѣнія: у нея не одно политическое знамя, но и знамя вѣры. Поэтому призваніе ея въ рѣшеніи Восточнаго вопроса не одно политическое, но и духовное, касается не однихъ внѣшнихъ, но и религіозныхъ интересовъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ

съ нею народовъ Въ этомъ ея будущее, какъ Русской державы. Ей одной принадлежитъ разрѣшеніе Восточнаго вопроса и вопроса Славянскаго вообще: безъ нея никакое разрѣшеніе немыслимо, или мыслимо только какъ смерть политическая и духовная — какъ Россіи, такъ и всего Славянскаго міра. Во внѣшнихъ же своихъ союзахъ ей естественнѣе держаться союза съ тѣми, которые, какъ и она, не довершили еще своего историческаго развитія и живутъ задачами будущаго.

Объединяющаяся Пруссія, напримѣръ, не можетъ *покуда* не быть союзницей славянскаго и русскаго объединенія. Ихъ взаимные счеты рѣшатся только въ будущемъ.

Очертивъ вкратцѣ внѣшнее политическое положеніе, мы можемъ теперь приступить и къ подробному обсужденію современныхъ политическихъ обстоятельствъ.

Германскому могуществу мы должны противопоставить наше могущество, германскому единству—наше единство.

«Москва», 16-го февраля 1867 г.

Пруссія переживаетъ дѣйствительно «возвышенное мгновеніе» своей исторіи, какъ выразился верховный вождь новозданнаго Сѣверогерманскаго Союза — прусскій король. Радостнымъ торжествомъ дышетъ вся рѣчь престарѣлаго короля, переданная намъ по телеграфу и напечатанная въ 36 № нашей газеты. Король былъ правъ, возглашая, что «съ этимъ мгновеніемъ сопряжены великія надежды» — для Германіи, разумѣется, и могъ по праву, горделиво озираясь, сказать, что окруженъ собраніемъ, «какого уже въ теченіи вѣковъ не видалъ около себя ни одинъ германскій государь».

Итакъ, политическое Sehnsucht Нѣмцевъ къ «единству» не было одною только нѣмецкою политическою сантиментальностью; раздробленность Германіи,—еще недавно возбуждавшая такое обиліе насмѣшекъ, особенно со стороны нѣкоторыхъ — уродившихся крупными и сильными, — обращается въ такую плотную массу, въ такую значительную политическую величину, что насмѣшки невольно уступаютъ мѣсто—

даже выраженіямъ страха. Русскимъ туристамъ уже не придется больше изощрять свое остроуміе въ неистощимыхъ шуткахъ надъ зелеными, желтыми, розовыми мундирами нѣмецкихъ армій и надъ полчищами нѣмецкихъ князьковъ—численностью въ два съ половиною солдата. Теперь, въ Сѣверной Германіи по крайней мѣрѣ, всѣ военныя мелкія силы сливаются въ одну грозную военную силу съ типомъ прусскаго солдата, уже снискавшимъ себѣ нѣкоторое право на уваженіе. Все это совершилось на нашихъ глазахъ, на дняхъ, съ такою изумительною быстротой, что объяснить эту быстроту одними успѣхами прусскаго оружія, какъ бы велики они ни были, невозможно. Эта самая быстрота свидѣтельствуетъ, что историческая идея единства уже вполнѣ назрѣла и ждала только твердой воли и дерзкой руки для своего воплощенія въ фактѣ; что общественное сознаніе въ Германіи было давно приготовлено и ожидало только наступленія завѣтной минуты; что сопротивленіе, встрѣченное Пруссіей, было не со стороны народовъ, а только со стороны правительствъ и династическаго эгоизма; что единство, наконецъ, было для Германіи не прихотью прусскаго властолюбія, не отвлеченно и по теоріи нѣмецкими учеными предпоставленною нормой, а существенною, историческою, столько же сознательною, сколько и инстинктивною потребностью. Само-собою разумѣется, что безъ преобладанія Пруссіи политическое единство Германіи никогда бы и не осуществилось; Пруссія одна представляла то объединяющее политическое начало, которое могло сплотить во едино всѣ эти мелкія народныя и государственныя индивидуальности Германіи, все это безконечное множество личныхъ племенныхъ и династическихъ интересовъ. Старый Германскій Союзъ не былъ цѣльною органическою силой, а только механическою совокупностью разныхъ государствъ, совокупностью—повторимъ это слово—народныхъ и государственныхъ эгоизмовъ, съ установленіемъ между ними какого-то механическаго равновѣсія и съ сохраненіемъ въ то же время во всей силѣ элемента индивидуальности, со всѣмъ ея себялюбіемъ.

Вообще, германское политическое единство, такъ какъ оно теперь совершается и задумано Пруссіей, представляетъ ту особенность, то отличіе отъ прочихъ крупныхъ полити-

ческихъ единицъ, что оно не можетъ перейти въ такую централизацію, гдѣ бы жизни центра приносилась въ жертву жизнь окружности, жизнь мѣстная. Прусская централизація будетъ простираться, конечно, на внѣшнюю и политическую сторону германскаго бытія, но не въ силахъ сломить или поглотить мѣстную жизнь, взращенную вѣками и развившуюся до полноты сознанія. Въ предѣлахъ новаго Германскаго Союза, представляющаго уже не союзъ государствъ, какъ прежде, а единое, союзное государство, подъ предводительствомъ Пруссіи,—духовная, умственная и промышленная, самостоятельная и самодѣятельная жизнь (и какая богатая жизнь!) будетъ кипѣть, попрежнему, на всѣхъ пунктахъ и оконечностяхъ. Нѣмцы, переживъ долгій періодъ индивидуальнаго развитія, доведя эту индивидуальность и въ частной и въ политической жизни до крайняго ея предѣла—до нелѣпости, ad absurdum, совершаютъ теперь поворотное движеніе и идутъ къ общности и единству, отсѣкая отъ себя (добровольно или недобровольно, это все равно) всю такъ-сказать остроугольность непомѣрно-развившейся индивидуальности и выступая изъ предѣловъ узкой, личной односторонности. Чѣмъ искреннѣе примутся за это германскія политическія дроби, тѣмъ лучше для нихъ; чѣмъ охотнѣе пожертвуютъ онѣ личнымъ эгоизмомъ идеѣ общаго и общему интересу, тѣмъ плодотворнѣе будетъ для нихъ новая норма политическаго бытія. Другими словами: мѣстная жизнь Нѣмцевъ можетъ развиваться шире и всестороннѣе, если будетъ совершенно изъятъ изъ нея элементъ политическій. Для Нассау, Гессена, Рейсса и т. п. политическая форма самостоятельнаго существованія была, конечно, помѣхой и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ матеріальномъ она истощала средства страны, не давая ей взамѣнъ никакой дѣйствительной силы. Въ нравственномъ отношеніи она невольно съуживала существованіе узкостью горизонта, мелочностью размѣровъ и интересовъ, и необходимо вытекавшею оттуда «претенціозностью», т. е. притязаніемъ имѣть политическое значеніе, наравнѣ съ сильными, и возводить на степень государственныхъ явленій каждое происшествіе своего закоулка. Политическій элементъ вообще, по самой натурѣ своей, слишкомъ тяжеловѣсенъ и такъ-сказать нравственно и матеріально

крупенъ для быта миніатюрныхъ политическихъ организмовъ: онъ или совершенно поглощаетъ собою всѣ отправленія жизни, задушая ея развитіе, или же, не имѣя ровно никакого значенія, служитъ только праздною помѣхой силамъ жизни, *внѣ* его развившейся, въ немъ не нуждающейся и постоянно переступающей свои политическіе предѣлы. Это замѣчаніе не худо принять къ свѣдѣнію тѣмъ изъ нашихъ славянскихъ братій, которые болѣе или менѣе заражены недугомъ политической похоти.—Отнынѣ германская жизнь должна пойти болѣе широкимъ русломъ и освободиться отъ той мелочности, узкости, односторонности, которыя составляли характеристическія черты германскаго быта.

Какъ ни мало имѣемъ мы поводовъ радоваться усиленію прусскаго могущества, мы однакожъ не можемъ не сознать, что остановить это усиленіе было не въ нашей власти. Стремленія Германіи къ единству были слишкомъ серьезны и вызывались историческою необходимостью. Да къ тому же мы, по чувству справедливости, не можемъ ни осуждать Германію за эти стремленія, ни осуждать Пруссію за то, что она поняла и исполнила свое призваніе. Если сосѣдство могучей Пруссіи грозитъ намъ опасностью, то точно также и сосѣдство могучей Россіи грозитъ опасностью Пруссіи. Ея могуществу мы должны противопоставить свое могущество, германскому единству — свое единство. Рядомъ съ ея призваніемъ—собрать во едино разрозненныя части Германскаго міра, мы можемъ и обязаны выступить съ своимъ призваніемъ—объединенія міра Славянскаго...

Императоръ Французовъ,—въ тронной рѣчи, недавно имъ произнесенной при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса, — напомнилъ, по поводу событій, совершившихся въ Германіи, вѣщее слово Наполеона, обращенное къ міру съ острова Св. Елены. «Одною изъ моихъ величавыхъ идей,— говоритъ онъ,—было собрать во едино *однородныя* географическія населенія, разрозненныя и разорванныя историческими переворотами и политикой. Это соединеніе произойдетъ рано или поздно по самой силѣ вещей; толчокъ данъ, и скоро для Европы будетъ невозможно никакое другое равновѣсіе, кромѣ основаннаго на соединеніи великихъ народовъ».

Совершилось и закрѣпляется италіанское единство; совершилось или близится къ совершенію единство Германіи. Наполеонъ III мечтаетъ объ объединеніи латинской расы въ Испаніи и Франціи и о конфедераціи латинскихъ націй... Не находится ли въ этихъ словахъ и въ этихъ дѣяніяхъ самой Западной Европы полнаго признанія права и Славянскихъ племенъ—стремиться къ единству и искать себѣ могучаго средоточія? Но этимъ стремленіямъ не увѣнчаться успѣхами, и правамъ этимъ не быть признанными, если сами Славянскіе народы не отрекутся въ то же время отъ мелочныхъ эгоистическихъ побужденій, отъ личныхъ политическихъ вожделѣній и не возвысятся до сознанія высшаго блага единства; если сама Россія, наконецъ, не пойметъ своего призванія. Не чрезъ поглощеніе Славянъ Россіей, но чрезъ объединеніе Славянъ силою объединяющаго начала, представляемаго Россіею, и только Россіею, возможно возрожденіе Славянскаго міра...

О непрочности Наполеоновской династіи на французскомъ престолѣ.

„Москва“, 24-го марта 1867 года.

Наши домашніе русскіе вопросы—вопросы общественной жизни и внутренней политики, заслонили на время для насъ политику внѣшнюю и событія заграничнаго міра. Впрочемъ, никакихъ особенныхъ характеристическихъ событій въ послѣдніе десять дней и не совершилось, и тянется та же однообразная политическая канитель. Только вѣстовщикъ телеграфъ смутитъ иногда нежданно-негаданно важною политическою новостью—съ тѣмъ, чтобы на другой же день объявить ее «лишенною основанія». Вообще прежнее спокойное наблюденіе изъ нашего сѣвернаго «далека» надъ ходомъ дѣлъ у нашихъ сосѣдей и вообще въ иностранныхъ государствахъ, теперь значительно измѣнилось въ своемъ характерѣ. Такъ какъ телеграммы всегда забѣгаютъ впередъ заграничной почты, то, благодаря имъ, иностранныя газеты представляютъ интересъ по большей части лишь историческій и ретроспективный. Выводы изъ чтенія газетъ и изъ

обсужденія явленій, отдаленныхъ отъ насъ на извѣстную перспективу пространства и времени, не успѣваютъ сложиться, какъ бываютъ уже нарушены телеграфомъ—этимъ международнымъ, всесвѣтнымъ сплетникомъ. Его желѣзная сѣть оплела весь дѣйствующій въ исторіи міръ: мы стали невольными участниками всей суетливой, тревожной политической ежедневности западно-европейской жизни. Вѣсти и сплетни, безпрерывно смѣняющіяся, не даютъ времени созрѣть соображенію, и раздражая внѣшнее любопытство, сосредоточиваютъ лихорадочное вниманіе общества на поверхности факта, на фактической сторонѣ явленій,—тѣмъ болѣе, что и самыя новости, сообщаемыя телеграфомъ, встрѣчаются съ тою неполнотою довѣрія, которая не вызываетъ серьезнаго труда мысли.

Какъ бы то ни было, но постараемся опредѣлить общими чертами политическое положеніе Европы. Открывшаяся на дняхъ всемірная Парижская выставка служитъ, кажется, наивѣрнѣйшимъ залогомъ, что въ настоящемъ году европейской войны не будетъ. Императоръ Наполеонъ, очевидно, придаетъ этому торжеству промышленнаго труда значеніе политическое. Оно, по его разсчету, должно *занять* умы Французовъ, отвлечь ихъ отъ политики внѣшней и внутренней, и доставить ихъ національному самолюбію хоть отчасти то удовлетвореніе, котораго это самолюбіе, оскорбленное дипломатическими и иными неудачами Франціи, давно и страстно жаждетъ. Не знаемъ — не ошибется ли онъ въ разсчетѣ. Французы видимо устаютъ, устаютъ нравственно отъ гнета... лжи. Императоръ Наполеонъ, надо признаться, пользовался ею слишкомъ неумѣренно, слишкомъ въ большихъ дозахъ кормилъ ею своихъ подданныхъ, до оскомины, до тошноты, и даже французскій желудокъ ея ужь больше не принимаетъ. Пышныя фразы опротивѣли имъ донельзя. Краснорѣчивые ораторы — говорящія машины, — состоящіе на службѣ у лжи, никого болѣе не убѣждаютъ, и даже искусство г. Руэ, государственнаго, иначе «говорящаго» министра, не въ силахъ уже увлечь Французовъ. Вообще ложь является въ современномъ политическомъ мірѣ какъ бы одною изъ необходимѣйшихъ функцій цивилизаціи, могущественною державною властью, — ложь почти всѣми сознаваемая какъ ложь

и почти всѣми чествуемая, если не какъ истина, то какъ сила. Ея величество Ложь возсѣла теперь и на турецкомъ Диванѣ, сочиняя для Османлисовъ политическую европейскую конституцію,—наводя на послѣдователей Магомета лоскъ христіанской цивилизаціи, гальванизируя трупъ Оттоманской имперіи и разыгрывая комедіи представительства, депутатскихъ собраній и вообще европейской гражданственности среди кровавой трагедіи греческаго возстанія.... Возвращаясь къ императору Наполеону, скажемъ, что Французы, повидимому, уже извѣрились въ обѣщанія императора «вѣнчать зданіе» имъ созидаемое, дѣйствительною политическою свободою; — въ то же время, могущественное обаяніе побѣдъ и славы,—ради чего они такъ многое простили и такъ многимъ пожертвовали,—уже ослаблено рядомъ постоянныхъ неудачъ, и въ дипломатическомъ походѣ на Россію, и въ Датскомъ вопросѣ, и въ Мексиканской экспедиціи, а главное—объединеніемъ Германіи и возникновеніемъ, въ сосѣдствѣ ихъ, новой могучей, военной державы. На ихъ глазахъ, вдоль ихъ границы, ростетъ политическая сила, которой очевидное призваніе сдерживать порывы Французовъ къ «округленію границъ» на счетъ Германіи,—сила, которая какъ бы вызываетъ ихъ, и не прочь съ ними помѣриться. Вмѣсто прежняго дряхлаго Германскаго Союза, служившаго такимъ обильнымъ поводомъ къ дешевому французскому остроумію, является теперь, усердно сплачиваемый, Сѣверо-Германскій Союзъ, съ арміей въ 1.000,000 человѣкъ, прусскаго надежнаго закала, подъ предводительствомъ прусскаго короля. Блескъ военныхъ прошлогоднихъ успѣховъ прусскаго оружія возбудилъ зависть и растревожилъ самолюбіе французской націи, считавшей себя до сихъ поръ первою военною державой въ мірѣ. Приходится реорганизовать французскую армію и уподоблять ее прусскому образцу, тогда какъ, прежде, образцомъ для всѣхъ служила сама французская армія, и тогда какъ съ самаго основанія имперіи и до сихъ поръ, на арміи, казалось, и были сосредоточены главныя заботы правительства: это сознаніе переполняетъ Французовъ невыносимою горечью. Попирая съ такою гордостью трактаты 1815 года, Наполеоновская Франція, по-преимуществу революціонная, сама порвала плотины, сдер-

живавшія стремленія остальной Европы, къ ущербу французскихъ выгодъ, — и тщетно вопіетъ Тьеръ, публично, съ трибуны, въ противность всякой логикѣ, о необходимости сохраненія этихъ трактатовъ—всюду, кромѣ французскаго государства! Вызванные Наполеономъ III къ политической жизни принципы національности и всенародной подачи голосовъ обратились теперь противъ него самого, послужили на пользу Германіи и Италіи, и вообще находятъ себѣ теперь въ Европѣ примѣненіе, не совмѣстное съ видами Франціи. Поблекшая слава, обманутыя надежды, не состоявшіеся разсчеты, два новыхъ грозныхъ сосѣда, вскормленныхъ или французскою кровью или французскимъ легковѣріемъ, милліардъ долгу, никакой утѣхи національному самолюбію, которая бы заглушила чувство стыда передъ Европейцами— въ виду возрастающей политической и соціальной свободы у другихъ націй, которой лишены Французы у себя дома; неловкое ощущеніе правительственной опеки надъ всѣми отправленіями общественной жизни,— все это гнететъ и давитъ Французовъ. Они чувствуютъ себя въ положеніи какихъ-то штрафованныхъ школьниковъ. Имъ становится не по себѣ. Они, какъ увѣдомляютъ насъ корреспонденты, даже и не веселятся попрежнему, не радуются и выставкѣ. Если же при этомъ произойдетъ fiasco и по «Люксамбургскому вопросу», то есть не удастся купить у короля Нидерландовъ Люксамбургское герцогство, или не удастся купить его дешево, — а дешево отдать, безъ прибылей для себя, графъ Бисмаркъ врядъ ли согласится,—если не удастся ни выставкой, ни Люксамбургомъ заморить, какъ говорится, червяка въ проголодавшейся, алчущей успѣховъ и славы французской утробѣ, — то пѣтъ сомнѣнія, война представится единственнымъ исходомъ Наполеону III изъ его затруднительнаго положенія. Нельзя Наполеонидамъ стать царственной династіей, на подобіе прусской или австрійской; нельзя Наполеону III превратиться въ государя стараго легитимнаго закала и пробы,une bonne pâte de roi,какъ выражаются Французы: въ такомъ случаѣ не было бы никакого историческаго оправданія или raison d'être его пребыванію на престолѣ. «Государь, возведенный въ это званіе революціей, сѣвшій на престолъ ея помощью и своимъ хотѣньемъ, долженъ постоянно оправ-

дывать необычайность своего происхожденія; онъ обязанъ быть непремѣнно и талантливъ и счастливъ,—въ противномъ случаѣ ему не простится никакое злополучіе, никакое бѣдствіе страны», говорили мы еще четыре года тому назадъ о Наполеонѣ III, и тогда же указывали на значеніе общей исторической личности Наполеонидовъ, созданной духомъ перваго Наполеона, носящей клеймо его генія, его исторической миссіи. Воплощенная вѣнчанная революція, государь изъ семьи Наполеонидовъ всюду носитъ съ собою революцію; его призваніе и историческое оправданіе — революція; весь его смыслъ во внесеніи въ міръ новыхъ историческихъ началъ (что и совершено Наполеономъ III) и въ нарушеніи обычнаго теченія исторической жизни: мириться съ этимъ обычнымъ теченіемъ для него все равно, что отречься отъ самого себя, отъ всякихъ своихъ правъ на историческое бытіе. Въ этомъ значеніи вся его сила, и какъ скоро нѣтъ въ ней больше исторической надобности, какъ скоро водворяется порядокъ вещей, для котораго можетъ быть пригоденъ какой-нибудь Бурбонъ или Орлеанъ, то Наполеониды падаютъ, должны пасть. Имѣя значеніе какъ *личность* въ исторіи, Наполеонидъ на престолѣ заставляетъ Францію жить *личною* жизнью своего монарха: центръ тягости во Франціи находится не въ ней, а въ его личности, — и вотъ почему мы не вѣримъ въ прочность Наполеоновской династіи на французскомъ тронѣ, не вѣримъ, чтобъ Франція примѣнила принципъ наслѣдственнаго права къ сыну — еще малолѣтному принцу — Наполеона III-го. Со смертью императора слѣдуетъ ожидать новаго переворота во Франціи. А этотъ переворотъ будетъ имѣть громадное вліяніе на политическое значеніе Франціи, а слѣдовательно и на судьбы всего міра.

Но императоръ Наполеонъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, и въ теченіи ихъ, безъ сомнѣнія, не останется въ бездѣйствіи, которое равнялось бы для него политической смерти. Европейская война неминуема—конечно не въ нынѣшнемъ году, думаемъ мы, но въ близкомъ и весьма въ близкомъ будущемъ.—Это сознаетъ весь политическій міръ, и всѣ державы переобразовываютъ свои арміи и снаряжаются къ бою. Естественное тяготѣніе историческихъ обстоятельствъ клонится къ кровавому столкновенію

Франціи и Австріи съ Пруссіей или Германіей. Послѣдній оплотъ французской политики въ Германіи—второстепенныя и мелкія государства, на которыя съ такими притязаніями на дальновидность указывалъ въ своей рѣчи Тьеръ,—недавно и неожиданно рушился: еще новая обманутая надежда! Въ отвѣтъ на соображенія Тьера, произнесенныя съ французской трибуны во всеуслышаніе всего міра и указывавшія на Южную Германію какъ на естественную союзницу Франціи, графъ Бисмаркъ отвѣчалъ обнародованіемъ трактатовъ Пруссіи съ Баваріей, Баденомъ, Виртембергомъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заключенныхъ и какъ бы нарочно содержавшихся въ тайнѣ. Такое à propos, такой отвѣтъ-кстати прусскаго министра, произвелъ, какъ пишутъ въ газетахъ, тягостное впечатлѣніе во Франціи! Этими договорами Южная Германія отдаетъ въ распоряженіе прусскаго короля свою военную силу...

Имперскій сеймъ — какъ уже величаетъ себя представительство Сѣверо-германскаго Союза—продолжаетъ, понукаемый и подстрекаемый графомъ Бисмаркомъ, свою зиждительную работу. Туго, съ копотливостью свойственною Нѣмцамъ, выстраивается новое зданіе, но оно можетъ-быть будетъ отъ того только прочнѣе. Мы подождемъ окончанія засѣданій сейма, чтобы разомъ оглядѣть пройденное имъ поприще. Обратимся теперь къ Италіи, Австріи и Востоку—этому вѣчно курящемуся, неугасимому волкану, около котораго суетятся теперь европейскія державы, дабы предупредить или отдалить его неминуемое страшное изверженіе, грозящее охватить пламенемъ всю Европу. Мы убѣждены, что Восточный вопросъ не разрѣшится ничѣмъ, кромѣ меча, что дипломатическія ухищренія только наслоятъ почву новыми слоями лжи, и что тѣмъ неудержимѣе и яростнѣе будетъ взрывъ подавленной и опутанной, исторической правды. Эти ухищренія заслуживаютъ внимательнаго разбора, который мы, по недостатку мѣста, должны отложить до другаго раза,—а между тѣмъ газеты и телеграфъ донесутъ до насъ, вѣроятно, еще новыя подробности и извѣстія...

Буржуазный Наполеонъ не мыслимъ.

„Москва“, 27-го іюля 1867 г.

Свѣтъ и тѣнь, постоянно мѣняющіеся на политическомъ небѣ Европы, держатъ европейскую публику въ какомъ-то тревожномъ недоумѣніи. Нѣтъ повидимому никакихъ серьезныхъ, дѣйствительно годныхъ поводовъ къ войнѣ,—а между тѣмъ никто не обезоруживается, напротивъ всѣ вооружаются и спѣшатъ быть на-готовѣ при первомъ всполохѣ. Никогда не расточалось столько оффиціальныхъ увѣреній въ прочности мира и въ миролюбивыхъ наклонностяхъ верховныхъ правителей; никогда не воспѣвалось столько оффиціозно-хвалебныхъ гимновъ миру, и въ то же время никогда съ меньшею недовѣрчивостью не внимала имъ публика, и изъ-за этой батареи громкихъ успокоительныхъ словъ и фразъ слышатся ея пугливому слуху глухіе раскаты иного идущаго грома; никогда тонъ независимой европейской печати не былъ задорнѣе и раздражительнѣе. Этого мало. Никогда, дѣйствительно, не было дано столько положительныхъ задатковъ прочнаго политическаго вёдра: не есть ли парижская выставка—торжественная международная трапеза мира? Не явились ли почти всѣ государи гостями-пріятелями Франціи и ея державнаго хозяина? Не представляются ли всѣ эти посѣщенія и свиданія какимъ-то *заговоромъ* правительствъ въ пользу мира? Не одушевлены ли они всѣ не только миролюбивыми намѣреніями, но и миролюбивыми *умыслами?*.. И однакожъ, несмотря на всѣ эти умышленія, вёдро не устанавливается, хотя нѣтъ еще и непогоды, и вопреки потоку международной пріязни и миролюбія сверху, снизу поднимается, сильнѣе и сильнѣе разгораясь, пламя международной вражды. Послѣ крѣпкихъ взаимныхъ объятій прусскаго короля съ французскимъ императоромъ, общественное мнѣніе во Франціи и Пруссіи стало другъ къ другу въ положеніе еще болѣе непріязненное чѣмъ прежде; между Россіей и Франціей, по общимъ отзывамъ, произошло также нѣкоторое охлажденіе. Казалось, какое яркое солнце трогательной любви и сердечнаго согласія взошло надъ міромъ, когда самъ турецкій па-

дишахъ подвигся на увеселительную прогулку по Европѣ и обмѣнялся дружескими shake-hands или рукотряскою съ семью монархами Европы? А между тѣмъ кровь Болгаръ и Грековъ не переставала и не престаетъ литься, не престаетъ, хотя и очень не кстати, вопіять небу и людямъ объ отмщеніи. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ грубый турецкій примѣръ лжи и противорѣчія, раскроемъ причины и свойства прочихъ, хотя и менѣе рѣзкихъ, указанныхъ нами противорѣчій. Неразрѣшенными политическими вопросами томится Европа, и въ мукахъ ихъ разрѣшенія невольно обращается мыслью къ войнѣ, какъ къ крайнему врачеванію. Обратимся сначала къ Французской имперіи.

Дружный, горячій натискъ оппозиціонныхъ журналовъ и ораторовъ французской законодательной палаты возбудилъ въ высокой степени общественное мнѣніе Франціи,—несмотря на сильное, никогда не оскудѣвающее, но однако бѣдное внутреннею крѣпостью, словотеченіе государственнаго министра Руэра и усердную, хотя безталанную защиту правительства оффиціозными публицистами. «Мы имѣли, говоритъ Эмиль Жирарденъ въ своей оппозиціонной газетѣ, при Наполеонѣ I-мъ величіе безъ свободы, при Луи-Филиппѣ свободу безъ величія; мы надѣялись имѣть и то и другое при Наполеонѣ III, и дѣйствительно величіе осѣнило было насъ въ началѣ второй имперіи, но теперь нѣтъ у насъ ни свободы, ни величія». Ссылка на Наполеона I-го и на Луи-Филиппа доказываетъ, между прочимъ, что Французы скорѣе мирятся съ отсутствіемъ свободы при величіи, нежели съ отсутствіемъ величія при свободѣ.

Замѣтимъ, что газета «Liberté», изъ которой мы привели эти строки ея редактора, требовала присоединенія Люксамбурга къ Франціи и войны съ Пруссіей. Смыслъ всѣхъ оппозиціонныхъ рѣчей также сводится къ положенію, что во Франціи нѣтъ теперь ни свободы, ни величія, и самыя ожесточенныя нападки ихъ направлены на внѣшнюю политику правительства, отъ которой потерпѣла будто бы національная честь Французовъ. Само собой разумѣется, что въ сонмѣ правительственныхъ политическихъ грѣховъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ отведено увеличенію и усиленію Пруссіи, допущенному французскимъ кабинетомъ безъ протеста и къ

невыгодѣ Франціи. Неудача дипломатическаго похода на Россію по поводу польскаго вопроса, позорный исходъ мексиканской экспедиціи, появленіе у французскихъ границъ новаго могущественнаго сосѣда — Сѣверогерманскаго Союза, подъ предводительствомъ Пруссіи и съ арміей доходящей до милліона, утрата политической позиціи и ослабленіе французскаго вліянія въ Южной Германіи—все это до такой степени натянуло и безъ того въ высшей степени чувствительную струну національной чести, что натягивать ее еще болѣе уже не оказывается возможнымъ. Общественное вниманіе напряженно слѣдитъ за внѣшнею политикой императора, и всякій новый дипломатическій неуспѣхъ послужитъ новымъ поводомъ къ враждебной правительству агитаціи. Гораздо легче Наполеону III обойти вопросъ о «свободѣ», нежели вопросъ о политическомъ достоинствѣ Франціи; гораздо вѣроятнѣе для него найти въ борьбѣ съ оппозиціей поддержку своей внутренней, нежели внѣшней политикѣ, и не только въ «большинствѣ» представителей законодательнаго собранія и генеральныхъ совѣтовъ, но и въ большинствѣ французскаго населенія, въ буржуазіи, въ рабочихъ, въ массахъ народа. Вопросъ о «свободѣ», по самой неопредѣленности своей, едвали еще можетъ теперь стать знаменемъ революціи; новая формула еще не отыскана, а опредѣленныя старыя, знакомыя формулы уже испробованы и оказались неудовлетворительными. Во всякомъ случаѣ, оппозиціонный натискъ въ палатѣ носитъ на себѣ такой рѣзко-революціонный характеръ, что онъ скорѣе запугиваетъ, чѣмъ привлекаетъ большинство населенія, напоминая ему анархію 1848 года и обѣщая ему въ будущемъ возобновленіе прежнихъ порядковъ безпорядка и политическаго безславія. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и кромѣ оппозиціонной фракціи, Франція была довольна; напротивъ, чувство неудовлетворенности, неловкости (malaise) развито повсюду, но Наполеона, кажется намъ, ограждаетъ теперь не столько искусство въ правленіи, сколько безвыходность внутренняго политическаго положенія Франціи. *Новаго* исторія еще ничего не выработала, и Франція инстинктивно чувствуетъ, что ей предстоитъ или держаться настоящаго statu quo, или вновь начать рядъ явленій, которыя—скажемъ стихомъ Баратынскаго—

Всѣ вѣдомы! И только повторенья
Грядущее сулитъ!..

Нельзя, конечно, поручиться за то, чтобы внезапный случайный вихорь политическихъ страстей, взвившись изъ Парижа, не взялъ верхъ надъ этими благоразумными инстинктами страны; революція 1848 года была вовсе не общенароднымъ движеніемъ; этотъ сюрпизъ былъ подаркомъ Парижа Франціи, вовсе особенно не желаннымъ; но теперь все же менѣе вѣроятностей для революціи чѣмъ прежде, потому что одною иллюзіей меньше и однимъ опытомъ больше. Можно во всякомъ случаѣ полагать, что серьезнаго революціоннаго движенія не будетъ до удобной оказіи, а этою оказіей можетъ быть или смерть императора, или же новое Ватерлоо. До того же времени власть Наполеона можетъ не опасаться паденія, при нѣсколько искусномъ управленіи государственною машиной, при умѣньи вовремя открыть одинъ клапанъ, закрыть другой, выпустить пару или поддать пару. И именно тутъ-то и оказывается необходимость дать какой-либо исходъ чувству недовольства и неловкости, охватившему всю Францію. Если вопросъ о «свободѣ» можетъ быть еще обойденъ, то вопросъ о «величіи», о политическомъ могуществѣ, объ удовлетвореніи національной чести — такой вопросъ, на которомъ одинаково сходятся люди разныхъ партій, который можетъ быть одинаково навязанъ національному чувству и Французовъ-имперіалистовъ, и конституціонныхъ либераловъ, и республиканцевъ. Есть стереотипныя слова и фразы, имѣющія обязательную, деспотическую силу для каждаго Француза, составляющія какъ бы его условную политическую религію,— слова и фразы, на которыя даже не простирается дерзость его публичнаго анализа, какъ на общепринятые догматы. Всѣ они зачерпываютъ мысль очень не глубоко, изображаютъ понятія условныя и внѣшнія, но въ этомъ-то и заключается всеобщность ихъ власти надъ умами Французовъ. Таковы слова и фразы о чести, о славѣ, о цивилизаціи, о французской военной неустрашимости (vaillance) и проч. и проч. Наше замѣчаніе вовсе не мелочное, какъ многимъ можетъ показаться. Исторія народа не можетъ быть и объяснена безъ психологическаго изслѣдованія его индивидуальности. Это упомянутое нами выше свойство Французовъ

коренится глубоко въ ихъ психическомъ строѣ, и являясь двигателемъ въ ихъ исторіи, имѣетъ поэтому всемірно-историческое значеніе... Таковымъ же двигателемъ можетъ явиться оно и въ настоящее время, разумѣется, если самый поводъ будетъ не отвлеченный, а болѣе живой, осязательный и громкій. Такъ, напримѣръ, мексиканская экспедиція, съ ея дѣятельностью за Океаномъ, съ ея двусмысленными цѣлями, не въ состояніи была затронуть щекотливую струну французской чести.—хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ удачи она составила бы потомъ предметъ гордости для Французовъ. Никто изъ враговъ императорскаго правительства во Франціи не протестовалъ противъ пріобрѣтенія Савоіи и противъ Крымской войны. Думаемъ, что война съ Пруссіей была бы также не менѣе популярна.

Можно полагать, что самъ императоръ Наполеонъ дѣйствительно не расположенъ къ войнѣ. У него нѣтъ къ войнѣ такой артистической любви, которую питалъ къ ней его дядя, любившій ее, какъ любитъ художникъ искусство ради искусства. Но если noblesse oblige, такъ и имя Наполеона точно также обязываетъ, обязываетъ поддерживать обаяніе имени, обаяніе величія и славы. Буржуазный Наполеонъ не мыслимъ. Это нравственное роковое обязательство такъ сильно, что Наполеонъ III отъ него уклониться не можетъ. Вѣроятнѣе всего, какъ мы сказали, что революціи теперь во Франціи не будетъ, горючаго революціоннаго матеріала еще не накопилось достаточно; но тѣмъ не менѣе никакое правительство въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе выражается довольно свободно, не можетъ бороться съ напоромъ общественнаго мнѣнія, не создавъ для себя—не то что грубой опасности (которой можетъ и не быть), а такого невыносимо-неловкаго нравственнаго положенія, которое равняется нравственному самоумерщвленію. Тѣмъ менѣе можетъ отважиться на такую борьбу правительство французское вообще, по самому существу французскаго характера, и правительство Наполеоново въ особенности, которое самимъ своимъ происхожденіемъ обязано общественному мнѣнію, почерпаетъ всю свою силу въ удовлетвореніи политическому тщеславію націи, привыкло постоянно играть на струнѣ національной чести. Но мало того, что Наполеонъ III не имѣетъ расположенія къ войнѣ; онъ,

повидимому, даже уклоняется отъ войны, онъ знаетъ, что война съ Пруссіей превратится въ войну европейскую; ему подъ старость нѣтъ охоты ставить на карту свою славу, судьбу своей династіи и накликивать на себя—кто знаетъ—можетъ-быть новое Ватерлоо. Онъ не можетъ хранить мира и не можетъ рѣшиться вести войну, говоритъ про него одна англійская газета. Отъ того и происходитъ эта политика хитрыхъ уловокъ, это стараніе добыть чести и славы громкимъ, но и наибезопаснѣйшимъ способомъ, оберечь достоинство Франціи дипломатическими изворотами, не компрометтируясь, изподтишка, не доводя до положительнаго разрыва, какъ мы это недавно видѣли въ Шлезвигскомъ дѣлѣ. Отъ того то и происходитъ теперь довольно странное явленіе: дружескія отношенія государей (напримѣръ, короля прусскаго и французскаго императора) и враждебныя отношенія народовъ, «политика мира» сверху и воинственныя вожделѣнія снизу. Но несмотря на всѣ старанія правительства, едвали ему удастся предотвратить войну, къ которой увлекаетъ его роковая историческая сила.

Но почему же война съ Пруссіей можетъ быть такъ популярна во Франціи, что не правительство побуждаетъ къ ней общество, а общество побуждаетъ къ ней правительство? Не приводилъ ли императоръ въ своей рѣчи слова Наполеона I о распредѣленіи міра по народностямъ, слагающимся въ крупныя единицы или союзы, не рисовалъ ли онъ Французамъ привлекательную, даже идиллическую, нѣсколько маниловскую картину мирнаго сосѣдскаго сожитія такихъ національныхъ конфедерацій, и однакожъ общественное мнѣніе не убѣдилось авторитетомъ Наполеона I и не умилилось картиной? И что̀ за дѣло, казалось бы, всякому Парижанину до того, что прусскій король будетъ называться императоромъ, и что Германія сложится въ имперію, которая—можно почти быть въ этомъ увѣреннымъ—не посягнетъ никогда на территорію Франціи, и которой теченіе будетъ скорѣе на востокъ чѣмъ на западъ? Но въ томъ-то и дѣло, что историческая жизнь народовъ движется побужденіями почти ускользающими отъ частнаго личнаго сознанія современниковъ, почти инстинктивными, но порождаемыми тою историческою идеей, которой ихъ политическое бытіе служитъ только вы-

раженіемъ и воплощеніемъ. Государство не есть совокупность отдѣльныхъ лицъ, а цѣльный организмъ, который имѣетъ свои физическія и нравственныя потребности, не всегда постигаемыя индивидуумами, отъ нихъ повидимому независимыя, но тѣмъ не менѣе до такой степени неодолимыя, что противиться имъ, безъ опасности для своего существованія, онъ не можетъ. Всякое крупное государство повинуется законамъ своей натуры, пренебречь которыми оно не властно, не переставъ быть крупнымъ государствомъ... Возникновеніе, рядомъ съ Франціей, не мирной человѣческой паствы, но грозной военной державы, лишаетъ Францію не только славы перваго военнаго государства, но и политическаго первенства на континентѣ Европы. (Россію мы не считаемъ—это міръ особый.) Оно полагаетъ предѣлы свободному вліянію Франціи, оно замыкаетъ ее въ ея границы, какъ стражъ, поставленный у дверей, хотя бы расширеніе границъ и не было ея серьезнымъ желаніемъ; оно дразнитъ ее соперничествомъ; оно кладетъ на вѣсы свое слово при рѣшеніи международныхъ вопросовъ, и нерѣдко перетягиваетъ; оно стѣсняетъ ее въ свободѣ дѣйствій и въ случаѣ спора—угрожаетъ ей опасностью коалиціи,—оно отнимаетъ у нея ея старыхъ союзниковъ, второстепенныхъ государей и владѣтельныхъ принцевъ Германіи. Мы уже не говоримъ о томъ, что міръ Латинскій становится теперь лицомъ къ лицу съ міромъ Германскимъ,—католичество съ протестантствомъ. Это не теоретическое только соображеніе. Достаточно заглянуть въ католическіе журналы, чтобъ убѣдиться въ практической живучести этой вражды двухъ историческихъ духовныхъ началъ: католическіе журналы дышатъ ненавистью къ Пруссіи и неутомимо зовутъ Францію на рѣшительный съ нею бой...

Объ англійской политикѣ въ Азіи.

«Москва», 4-го августа 1867 г.

Англійскіе журналы забили опять тревогу. Снова, по ихъ мнѣнію, Остъ-Индскія владѣнія въ опасности. Напрасно достопочтенный Мурчисонъ привѣтствуетъ успѣхи наши въ Средней Азіи, открывающіе образованному человѣчеству невѣдомыя доселѣ мѣстности и обогащающія европейскую науку новыми географическими свѣдѣніями; напрасно лондонское Географическое Общество присуждаетъ золотую медаль нашему Бутакову за его изслѣдованіе Аму-Дарьи,—англійскіе журналы носятся попрежнему съ призракомъ появленія нашего на границахъ Индіи, и съ каждымъ годомъ языкъ ихъ становится рѣзче, и сильнѣе его вызывающій характеръ. Доказательствомъ тому можетъ служить одинъ изъ послѣднихъ №№ «Saturday Review». Представляя краткій обзоръ нашихъ послѣднихъ дѣйствій въ средне-азіатскихъ ханствахъ, статья накидывается съ яростью на апатію своего правительства въ виду столь явной опасности, именно теперь, когда Восточный вопросъ грозитъ разыграться не на шутку. Бѣдствіе можетъ разразиться, продолжаетъ «Saturday Review», и тогда ляжетъ позоръ на наше правительство, дозволившее великой державѣ быстрыми шагами подступить къ нашимъ границамъ, не препятствуя и не принимая мѣръ къ усиленію обороны. Занятіе Джюзака, возможность занятія Бухары и появленія Русскихъ на Аму-Дарьѣ—заставляютъ англійскій журналъ обращаться съ энергическимъ совѣтомъ сдѣлать Россіи серьезныя представленія и приступить даже къ открытому съ нею разрыву, если она оставитъ ихъ безъ вниманія. Вмѣшательство слѣдовало бы начать поднятіемъ вопроса о полосѣ между русскою границей и Остъ-Индіей, дабы и англійскія и русскія владѣнія раздѣляла нейтральная земля. Однимъ дипломатическимъ переговорамъ въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію англійскаго журнала, довѣрять нельзя, но слѣдуетъ доказать Россіи, что Англія будетъ на этомъ настаивать. «Можетъ случиться, что кн. Горчаковъ станетъ снова завѣрять нашего посланника въ миролюбивыхъ стремленіяхъ

Россіи, а въ то же самое время русскія войска будутъ производить движенія, противъ которыхъ мы протестуемъ. Во всякомъ случаѣ, Русскихъ не слѣдуетъ пускать за Аму и приближаться къ Герату. И безъ того они находятся въ 500 миляхъ отъ него, остъиндская же граница въ 800. Лѣвый берегъ Аму и горы, защищающія его съ юга, составляютъ первую оборонительную линію Остъ Индіи, а потому въ Гератѣ долженъ быть всегда наготовѣ англійскій отрядъ, который могъ бы двинуться ко всякому угрожаемому пункту лѣваго берега Аму. Присутствіе такого отряда послужитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ нашихъ дипломатическихъ представленій, и ежели нужно дѣйствовать, такъ немедленно, дабы насъ не предупредили».

Такъ говоритъ англійскій журналъ. Онъ, дѣйствительно, правъ въ томъ, что въ настоящее время идетъ въ области Аму и Сыра глухая подземная борьба между двумя великими государствами за преобладаніе вліянія въ Средней Азіи Отступленіе и возвратъ одинаково для обоихъ труденъ. Интересы и политическіе и торговые заставляютъ какъ Англію, такъ и Россію зорко слѣдить другъ за другомъ. Мы сталкиваемся, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, опять на Гератѣ, на этомъ главнѣйшемъ средоточіи важнѣйшихъ торговыхъ путей центральной Азіи въ направленіи отъ востока къ западу, черезъ который идетъ кромѣ того самый удобный путь отъ Каспія въ Кандагаръ и въ Индію. Имѣя въ рукахъ Гератъ, имѣешь и легкій доступъ въ Афганистанъ, это преддверіе Индіи. Не даромъ же гератскій вопросъ былъ главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточивалась дипломатическая борьба двухъ соперничествующихъ въ Азіи великихъ державъ, и, конечно, англійское общество и его печатные органы не въ правѣ обвинять свое правительство въ недѣятельности и въ небреженіи англійскихъ интересовъ. Кому не извѣстны дѣйствія англійскаго уполномоченнаго въ концѣ 30-хъ годовъ, требовавшаго удовлетворенія за насиліе, причиненное его гонцу,—удовлетворенія, состоявшаго въ томъ, чтобы персидскія войска сняли осаду Герата и не вмѣшивались безъ согласія Англіи въ дѣла Афганистана? «Такія дѣйствія, писалъ нашъ знаменитый посолъ графъ Симоничъ, напоминаютъ намъ политику достойную временъ Борджіа.

Нарушаются договоры и подъ пустымъ предлогомъ угрожаютъ военнымъ вмѣшательствомъ странѣ, съ которою Англія находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ».

Намъ еще памятны вопли, раздававшіеся въ англійскихъ журналахъ по поводу занятія Герата шахомъ въ 1856 году. По всей Европѣ протрубили тогда объ интригахъ Россіи, а между тѣмъ на трактатъ 4-го августа 1857 года, по которому Персія должна была отказаться отъ всякихъ притязаній на Гератъ, обязавшись, въ случаѣ недоразумѣній съ Афганами, прибѣгать къ посредничеству Англіи,—можно смотрѣть какъ на величайшее торжество англійской политики въ Азіи и на ослабленіе нашего тамъ вліянія. Что мы соперничаемъ съ Англіей—это ни для кого не секретъ; что и мы и она силою вещей должны подвигаться впередъ — это ясно какъ день. Что бы ни говорили въ разныхъ слояхъ общества о затрудненіяхъ, издержкахъ и тягостяхъ, сопряженныхъ съ нашими завоеваніями въ Азіи, какъ бы ни вопили въ Европѣ, со словъ англійскихъ журналовъ, о нашихъ завоевательныхъ планахъ,—мы необходимо должны двигаться впередъ, и послѣднія событія слишкомъ ясно доказали, что *независимый Ташкентъ*—вещь немыслимая; что для сохраненія нашего вліянія и для огражденія нашихъ интересовъ пришлось идти далѣе, придется можетъ-быть скоро опять двинуться впередъ. Ежели наша территорія въ Азіи ростетъ, то отъ чего же англійская пресса молчитъ о томъ, что Великобританія въ теченіи настоящаго столѣтія пріобрѣтала себѣ въ Азіи ежегодно среднимъ числомъ по 2 милл. душъ новыхъ подданныхъ, удерживая ихъ въ повиновеніи средствами, къ которымъ Россія еще, слава Богу, никогда не приступала въ пріобрѣтаемыхъ ею территоріяхъ?

Напрасно англійскій журналъ такъ рѣзко порицаетъ свое правительство въ его небреженіи англійскихъ интересовъ въ Азіи. Въ Россіи смотрятъ иначе и убѣждены, что за каждымъ нашимъ шагомъ очень и очень зорко слѣдятъ на берегахъ Темзы, и что намъ приходится имѣть дѣло съ соперникомъ ловкимъ, искуснымъ, не разборчивымъ на средства и не скупымъ на золото, а золото въ Азіи все значитъ. Мы знаемъ слишкомъ хорошо, что агенты англійскаго правительства проникаютъ всюду въ среднеазіатскія ханства. У

насъ положительно извѣстно, что, вскорѣ послѣ взятія нашими войсками Ташкента, Англичане прислали въ Яркендъ своего агента, который черезъ своихъ эмиссаровъ возбуждалъ народъ въ Ташкентѣ, Чемкентѣ и Туркестанѣ къ возстанію, предлагая всѣ нужныя для этого средства и полное содѣйствіе. Чьи же, какъ не англійскіе происки заставили эмира Бухарскаго прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и отправить посла въ Константинополь съ просьбой взять его подъ свое покровительство и объявить войну Россіи? Когда одинъ изъ богатыхъ и значительныхъ жителей Ташкента, проѣздомъ въ Мекку, былъ въ Константинополѣ, его рѣшительно затормошили пребывавшіе тамъ Бухарцы и Коканцы. Они упрекали его въ продажѣ будто бы Ташкента Русскимъ. Турецкая пресса, — а извѣстно въ чьихъ она рукахъ, — провозгласила это извѣстіе по всей Европѣ, умолчавъ, конечно, о томъ, что Ташкентцы довольны управленіемъ генерала Черняева, и вздохнувъ свободно подъ русскимъ владычествомъ, уклонились отъ подстрекательства англійскихъ агентовъ. Послѣднее, впрочемъ, для насъ давно уже не новость. Еще въ 1839 г., во время хивинской экспедиціи, англійскіе эмиссары предлагали Хивинскому хану отдаться подъ покровительство Англіи, и точно также ея агенты разсѣяны теперь по Китайскому Туркестану въ виду важныхъ и знаменательныхъ событій, готовящихся въ этомъ глухомъ углѣ Азіи.

Одно изъ весьма печальныхъ для нашего политическаго значенія въ Азіи событій — это утрата того вліянія, какое мы имѣли на Персію, именно въ 1838 году. Въ нашихъ рукахъ было поддержать и усилить волненія въ Афганистанѣ противъ Англіи. Афганскіе владѣтели соглашались признать верховнымъ главой шаха персидскаго и составить между собой союзъ подъ его покровительствомъ и подъ гарантіей русскаго правительства. Отъ насъ зависѣло устроить этотъ союзъ и создать себѣ на границахъ Остъ-Индіи грозное положеніе, благодаря которому мы спокойно могли бы преслѣдовать свои цѣли въ Средней Азіи, имѣя всегда возможность бросить искру въ легко воспламеняющееся зданіе англійскихъ владѣній и затѣять пожаръ, послѣдствія котораго могли бы быть роковыми для Англіи. Извѣстно, что графа Симонича, нашего посланника, давшаго отъ имени русскаго правительства

эту гарантію, отозвали подъ предлогомъ, что онъ зашелъ далѣе своихъ инструкцій, въ сущности же послѣ громовой ноты лорда Кланрикарда 4-го мая. Дѣло это чрезвычайно еще темно, и лучшимъ поясненіемъ могли бы служить записки графа Симонича, которыя онъ, какъ говорятъ, представилъ въ свое оправданіе покойному государю Николаю Павловичу.

Насъ побѣдила тогда англійская дипломатія и наша собственная робость. Но время это такъ памятно Англіи, что съ тѣхъ поръ государственнымъ ея людямъ не перестаетъ мерещиться графъ Симоничъ. Въ каждомъ русскомъ купцѣ или путешественникѣ оно готово видѣть русскаго шпіона, а русскіе казачьи посты, выдвинутые для защиты нашихъ торговыхъ людей, кажутся имъ передовыми постами арміи подвигающейся къ Оксу и угрожающими Индіи.

Кажется, что англійская пресса слишкомъ взыскательна къ своимъ государственнымъ людямъ. Дай Богъ всѣмъ блюсти такъ народные интересы и такъ глубоко ихъ понимать какъ они ихъ понимаютъ. Въ этомъ случаѣ и англійская журналистика, и англійскіе государственные люди служатъ намъ полезнымъ, назидательнымъ примѣромъ.

Для объединенія Германіи лучшій способъ — война.

«Москва», 10-го августа 1867 г.

Бочаръ, сколачивающій огромную бочку желѣзными тугими обручами — въ такомъ видѣ представленъ графъ Бисмаркъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ берлинской юмористической газетки, «Кладдерадача». Бочка — это Германія; обручи, ее стягивающіе, — таможенное единство (Zollverein), военныя конвенціи и т. д. Трудъ бочара еще не оконченъ: обручи далеко еще не въ пору налѣзли, хотя и поддаются мало-по-малу тяжелымъ ударамъ прусскаго молотка. Дѣйствительно, объединеніе Германіи, даже сѣверной, далеко еще не упрочено, и графу Бисмарку предстоитъ еще надолго и много работы. Быстрота и блескъ прусской кампаніи 1866 года, побѣда при Садовой, вышвырнувшая Австрію изъ ея поли-

тической позиціи, ослѣпили и ошеломили Германію, обольстили ее соблазномъ военной славы и политическаго могущества, но еще не порѣшили вопроса.

Вопросъ въ томъ: возможно ли объединеніе Германіи иначе какъ въ формѣ распространенной Пруссіи? И если иначе невозможно, если нѣтъ для Германіи другаго объединяющаго политическаго начала, то способна ли прусская закваска претворить въ единое цѣлое различные и своеобразные германскіе ингредіенты, — достаточно ли тягучъ и крѣпокъ прусскій цементъ для спайки разнородныхъ и разнокалиберныхъ камней воздвигаемаго зданія? Предрѣшать такія задачи было бы трудно, но кажется можно положительно сказать, что другаго политическаго объединяющаго начала въ Германіи, кромѣ прусскаго, не имѣется. Политическое единство вообще сдается намъ извращеніемъ исторической натуры германскаго племени, точно такъ же какъ несвойственна ей и идея единства церковнаго, въ римско-католическомъ смыслѣ. Преобладаніе начала личности и обособленія, индивидуализмъ и партикуляризмъ одинаково сказались какъ въ политической, такъ и духовной жизни Германіи, съ одной стороны раздробленіемъ политическаго тѣла на множество отдѣльныхъ организмовъ, до размѣровъ почти атомическихъ; съ другой протестантизмомъ, размѣнявшимъ латинское единство церкви на сумму отдѣльныхъ, независимыхъ, разнообразныхъ духовныхъ аггрегацій. Если же Пруссія, хотя и германская держава, и явилась въ исторіи съ такимъ преобладающимъ стремленіемъ къ политическому единству и централизаціи, то это быть-можетъ потому, что въ физіологическій составъ этого организма вошли большею частью не германскіе элементы, а литовскіе и частью славянскіе, менѣе наклонные къ индивидуализму; замѣтимъ также, кстати, что Пруссія оказываетъ расположеніе не только къ государственному, но, несмотря на свое протестантство, и къ какому-то, чисто внѣшнему, церковному объединенію: по послѣднимъ извѣстіямъ, она обнаруживаетъ поползновеніе завести всюду «оффиціальную церковь» и устраиваетъ въ Берлинѣ высшее церковное управленіе въ родѣ протестантскаго синода для обоихъ вѣроисповѣданій — аугсбургскаго и гельветическаго. Но и независимо отъ прусскихъ политическихъ притязаній

нельзя не признать, что и въ остальной Германіи стремленіе къ единству и политическому могуществу, потребность создать изъ себя нѣчто широкое и крупное, политическое цѣлое — есть фактъ несомнѣнный, какъ бы повидимому ни казался онъ противорѣчащимъ исторической натурѣ Германца. Порождено ли такое явленіе соблазномъ, т. е. совратилось ли или заразилось германское племя, временно, политическою похотью, или коренится такое стремленіе въ историческихъ инстинктахъ, далеко въ глубинѣ народнаго духа, повинующагося новому призванію,—это разъяснитъ намъ время, это покажетъ намъ рядъ выдержанныхъ серьезныхъ историческихъ испытаній.

Такія испытанія только еще начинаются. Прусская кампанія прошлаго года, какъ мы уже сказали, озадачила Германію, застигла ее врасплохъ, обольстила блескомъ военныхъ успѣховъ, отуманила ея голову внезапнымъ чадомъ политическаго могущества. Но только теперь возникаютъ въ Германцахъ недоумѣніе и даже разладъ между чувствомъ національной чести польщеннымъ военною славой и политическою спобностью Пруссіи, съ одной стороны,—и политическою совѣстью, для которой дороги права личной свободы, съ другой; между взлелѣянною ими идеею «общаго отечества», величаваго, могучаго, грознаго «національнаго единства», не мыслимаго на практикѣ безъ централизаціи и единообразія внѣшнихъ государственныхъ и административныхъ формъ, — и отвращеніемъ къ централизаціи, историческою привычкою къ полнѣйшей мѣстной самостоятельности. Приходится или жертвовать для «общаго отечества», для единой, сильной Германіи — личною и мѣстною независимостью, историческимъ индивидуальнымъ типомъ, историческими преданіями и обычаями; или же сохранить всю эту свободу личнаго и мѣстнаго развитія, всю полноту мѣстной автономіи, но въ такомъ случаѣ отказаться отъ притязанія быть единою и, главное, *грозною* (чего особенно хочется Нѣмцамъ) державой. Не дешево покупается такое политическое значеніе,—и вотъ теперь и происходитъ огромная работа въ Германіи, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, какъ въ правительствахъ, такъ и въ совѣсти каждаго Германца: это работа надъ сдѣлкою или компромиссомъ. Эта работа

тѣмъ труднѣе, что прусскіе порядки, прусская національность не внушаютъ, да и мало способны внушать симпатію. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено Саксонцу переработать себя въ Пруссака или по крайней мѣрѣ доработаться, если не до ассимиляціи или уподобленія, то все же до гармоническаго соединенія своего племеннаго историческаго типа съ прусскимъ національнымъ типомъ. Весь этотъ внутренній разладъ, не слышный при звукѣ военныхъ трубъ, заглушаемый страхомъ общей опасности, сказывается явственнѣе, громче, настойчивѣе въ досужее время мира, въ ежедневной, такъ сказать будничной, спокойной жизни народовъ.

Но не однѣ историческія привычки, преданія, мѣстныя и племенныя особенности ведутъ инстинктивную, а частью и сознательную борьбу съ новой формой политическаго бытія въ «единствѣ». Всматриваясь ближе, мы находимъ, что есть еще другой, несравненно болѣе сильный историческій реагентъ, полагающій преграду полному объединенію германскаго племени. Вѣроисповѣданіе рѣзко дѣлитъ Германію на двѣ половины. Будь Германія вся протестантская, дѣло объединенія совершилось бы легче. Но какъ, повидимому, ни сроденъ германской натурѣ протестантизмъ, по преобладающему въ немъ началу личной свободы, значительная часть Нѣмцевъ — почти вся Южная Германія — остается еще въ оковахъ латинства. Это различіе вѣроисповѣданій ведетъ за собой и различіе уровня просвѣщенія и благосостоянія, которыя, говоря вообще, въ протестантскихъ земляхъ значительно выше. Если принять при этомъ въ соображеніе физіологическое различіе и историческую традиціонную рознь, то полное объединеніе *всей* Германіи представляется трудномыслимымъ. Понятно, что собиратель германской земли, Бисмаркъ, ограничился первоначально объединеніемъ Сѣверной Германіи въ формѣ Сѣверогерманскаго Союза, съ Пруссіей во главѣ, надѣясь, что сила притяженія, свойственная политической государственной мощи, не замедлитъ оказать свое дѣйствіе и на государства Южной Германіи, вмѣстѣ съ ихъ народами. Въ то же время, склонивъ южно-германскія правительства на вступленіе въ общій Таможенный Союзъ, на участіе, чрезъ депутатовъ, въ общемъ сѣверогерманскомъ парламентѣ по дѣламъ таможеннымъ, — на заключеніе воен-

ныхъ конвенцій, въ силу которыхъ баварскія, виртембергскія, баденскія войска уподобляются прусскимъ по внѣшней формѣ и обязуются защищать вмѣстѣ съ ними германскую территорію,—графъ Бисмаркъ подвинулъ дѣло объединенія довольно далеко, гораздо дальше, чѣмъ того можно было ожидать и чѣмъ того желала бы Франція. Но всѣ эти связи, въ виду той непопулярности, скажемъ болѣе — антипатіи, внушаемой югу Германіи Пруссіей, а отчасти и въ виду интригъ Франціи, недостаточно прочны. Южная Германія и вообще второстепенныя и третьестепенныя германскія государства служили искони точкою опоры для французской политики и ея рычагомъ противъ гегемоніи Пруссіи и германскаго объединенія. Самыя королевства Баварское и Виртембергское возведены въ сей чинъ Наполеономъ I-мъ, и Франція пользовалась у этихъ южно-германскихъ правительствъ традиціоннымъ авторитетомъ. Утрата этого вліянія, утрата этой политической позиціи не можетъ быть допущена Франціей безъ борьбы, хотя бы не въ образѣ протеста, но въ формѣ интриги. Прибавимъ къ этому, что католическая идея является и тутъ историческимъ дѣятелемъ. Въ успѣхѣ Пруссіи, въ совершаемомъ ею объединеніи Германіи, Римъ видитъ торжество протестантизма, и католическая проповѣдь не перестаетъ гремѣть среди католическаго населенія, возбуждая въ немъ ненависть къ замысламъ Пруссіи.

Въ виду всего этого, въ виду зачатой теперь громадной работы въ Германскомъ мірѣ, естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли она совершиться безъ войны, не является ли она логическою, историческою необходимостью, и не должна ли она отчасти входить и въ разсчеты самихъ строителей единства германскаго? Прежде всего представляется труднымъ, почти невозможнымъ, чтобы германскія племена и политическіе, хотя и не крупные, организмы могли вполнѣ добровольно, по хладнокровному разсужденію, произвести надъ собою нѣкоторый родъ самоубійства, совершить безпримѣрное въ исторіи самопожертвованіе. Для такого самоубійства необходимо особенное возбужденное состояніе народнаго духа, для такого самопожертвованія необходимъ лирическій моментъ въ исторіи, всенародный великодушный порывъ. Такія явленія не совершаются тихо, немыслимы въ мирное, спокойное

время. Напротивъ, если и настаетъ имъ историческая пора явиться, то эти движенія народнаго духа воздвигаютъ политическіе вихри и бури. Они воздвигли войну 1866 года, они воздвигнутъ и еще войну. Призракъ войны носится надъ Германскимъ міромъ; ею вѣетъ въ воздухѣ средней Европы. Та внутренняя борьба, которая теперь происходитъ въ Германіи, не можетъ замкнуться въ предѣлахъ какого-нибудь парламента; съ ней не справиться бюрократической дѣятельности; ей нуженъ внѣшній исходъ. Если неизбѣжность войны можно вывести, а priori, изъ отвлеченныхъ соображеній, то и историческій опытъ учитъ насъ, что всѣ политическія превращенія Германіи происходили съ помощью войнъ и революцій. Военная гроза, промчавшаяся по Европѣ въ лицѣ Наполеона I, снесла съ лица Германіи нѣсколько сотъ мелкихъ независимыхъ государствъ и государей, въ видѣ медіатизаціи, и дала ей совершенно новый видъ,—и такое преображеніе, съ которымъ Германія примирилась безъ большой боли, едвали бы могло совершиться по собственной охотѣ и благоразумію упраздненныхъ правительствъ.

Война должна, казалось бы, входить и въ разсчеты самой Пруссіи, именно какъ средство ускорить и упрочить строеніе Германской имперіи, облегчить народамъ и правительствамъ необходимыя для единства жертвы. Война съ внѣшнимъ врагомъ необходима уже для того, чтобы предотвратить войну внутреннюю, или, вѣрнѣе, чтобы дать, какъ мы сказали, внѣшній исходъ горючимъ элементамъ, накопляемымъ внутреннею борьбой. Тѣ же самыя интриги Франціи могутъ быть обращены Бисмаркомъ въ свою пользу, могутъ послужить дѣлу объединенія. Теперь Франція является естественнымъ заступникомъ, мечомъ безсильныхъ и недовольныхъ, въ ихъ враждѣ къ Пруссіи. У Франціи ищетъ заступничества и Ганноверъ, или ганноверская династическая партія; на Францію ищетъ опереться Австрія; къ Франціи же обращаютъ свои взоры, хотя и робко, южно-германскіе государи; во Франціи думаетъ найдти себѣ защиту и Данія, угнетенная Пруссіей: недавняя поѣздка представителей французскаго общественнаго мнѣнія въ Данію, торжественныя заявленія сочувствія къ французской націи и ея вождю, вызванныя этимъ посѣщеніемъ, какъ со стороны датскаго народа, такъ

и со стороны правительства, — все это, несмотря на миролюбивыя увѣренія Наполеона, дѣлаетъ положеніе Пруссіи слишкомъ неловкимъ, неудобнымъ, невыносимымъ,—такимъ, однимъ словомъ, которое долго продолжаться не можетъ. Между тѣмъ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться,—наступательное движеніе Франціи вызоветъ такой взрывъ народнаго чувства въ Германіи, опасность внѣшняго врага съ такою силою явитъ необходимость сплотиться крѣпкою массой подъ знаменемъ Пруссіи, что объединеніе Германіи можетъ совершиться de facto само собою, и связи германскихъ династій съ подданными порвутся безъ большихъ околичностей. Новое, юное германское единство еще не испробовало себя; ему нужно доказать свою внутреннюю состоятельность, faire ses preuves, какъ говорятъ Французы, обкуриться порохомъ, закалиться въ огнѣ. И этотъ опытъ, прибавимъ мы, нуженъ именно теперь, пока идея единства еще свѣжа и держитъ подъ своимъ обаяніемъ германскіе народы. Чѣмъ дольше продолжится миръ, чѣмъ досужѣе будетъ Нѣмцамъ подвергать идею единства аналитической повѣркѣ, тѣмъ упорнѣе станетъ парламентская борьба, тѣмъ сильнѣе будетъ духовный разладъ, раздумье, нѣмецкая рефлексія, тѣмъ слабѣе станетъ напряженная теперь энергія и труднѣе объединеніе Германіи. Конечно, война — дѣло обоюдуострое, ея исходъ никогда не можетъ быть предвидѣнъ, но ни частная, ни историческая жизнь народовъ не совершается по математическому разсчету.

Движеніе къ единству въ Германіи неминуемо вызываетъ войну и совершится только войною. Война неминуема.

По поводу свиданія Наполеона III и Франца-Іосифа въ Зальцбургѣ.

«Москва», 19-го августа 1867 г.

Тѣни и призраки различныхъ союзовъ и коалицій продолжаютъ смущать европейскую публику, и иностранные журналисты неутомимо упражняются въ политическихъ догадкахъ и соображеніяхъ. Они разводятъ и сводятъ монарховъ, группируютъ державы то такъ, то эдакъ, то ударятъ

тревогу, испугавшись страшилищъ, созданныхъ ихъ же воображеніемъ, то бьютъ отбой, успокоенные какимъ-нибудь дешевымъ, миролюбивымъ оффиціознымъ завѣреніемъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти суды и пересуды иностранной политической печати не лишены занимательности, и относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ было бы неразумно. Если они еще и не оправданы фактами, то въ основаніи ихъ все же лежитъ не малая доля правды. Отражая въ себѣ общественное мнѣніе, они указываютъ современное направленіе этой могучей исторической силы; въ нихъ сказывается историческій инстинктъ страны, который не замедлитъ выразиться и въ живомъ событіи, хотя бы и несогласно съ программой, начертанною прозорливыми журналистами. Таковы толки о прусско-русскомъ и австро-французскомъ союзахъ, хотя бы никакихъ союзовъ и не было. Таковы толки предшествовавшіе, сопровождавшіе и послѣдовавшіе за свиданіемъ въ Зальцбургѣ императоровъ Франца-Іосифа и Наполеона III. Они можетъ-быть, и даже весьма вѣроятно, ошибочны относительно заключенія наступательнаго или оборонительнаго договора между Франціей и Австріей,—но ихъ историческая правда въ томъ, что они выражаютъ собою современное политическое другъ къ другу тяготѣніе обѣихъ державъ,—а это, конечно, не останется безъ послѣдствій.

Свиданіе въ Зальцбургѣ есть только результатъ этого тяготѣнія. Оно не создало, а запечатлѣло то политическое сближеніе, которое должно было неминуемо совершиться, котораго предзнаменованіе заключалось въ словахъ тронной рѣчи императора Наполеона, сказанной еще въ началѣ года о томъ, что величіе и могущество Австріи необходимы для европейскаго мира и равновѣсія. Это возвѣщено было вскорѣ послѣ погрома Австрійской имперіи Пруссіей, и въ этихъ словахъ заключается цѣлая политическая программа, которой смыслъ мы и попробуемъ разъяснить.

Легкомысленны были ожиданія тѣхъ, которые полагали, что сближеніе Франціи съ Австріей, завершенное зальцбургскимъ свиданіемъ, поведетъ къ немедленному разрыву съ Пруссіей, выразится въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Не этого теперь нужно Наполеону. Австрія теперь—плохая союзница; она еще не устроилась внутри, она еще не оправилась отъ

прошлогодняго пораженія, она еще не можетъ служить настоящею опорой для Франціи въ войнѣ съ Пруссіей. Наполеону нужно, не доводя до войны и не прибѣгая къ войнѣ, возвести Австрію въ значеніе надежнаго и сильнаго оплота противъ Пруссіи, создать себѣ въ Австріи противовѣсъ прусскому могуществу,—союзницу и опору въ будущемъ. Если же ему нужно ослабить Пруссію посредствомъ Австріи, то для этого самымъ плохимъ средствомъ было бы вовлечь Австрію немедленно въ войну съ Пруссіей, такъ какъ въ настоящее время такая война только истощила бы послѣднія силы имперіи Габсбурговъ и повела бы ее къ разложенію. Мы поэтому вполнѣ вѣримъ, что ни императоръ Наполеонъ, ни императоръ Францъ-Іосифъ не рѣшатся покуда нарушить пражскій трактатъ, и что именно такое соглашеніе и состоялось между ними въ Зальцбургѣ. Наполеону дѣйствительно нужна упроченная, усиленная Австрія, и въ видахъ этого упроченія и усиленія внутри и извнѣ, Австрія, — мы убѣждены,—сдѣлается отнынѣ операціоннымъ базисомъ французской политики, довольно широкой и Австріи вполнѣ доброжелательной. Мы думаемъ, что это французское вліяніе не замедлитъ, прежде всего, отразиться внутри, т. е. во внутреннихъ дѣлахъ Австріи, въ ея отношеніяхъ къ подвластнымъ ей племенамъ, къ различнымъ частямъ ея политическаго организма. Если мы припомнимъ, что уже и прежде нѣкоторые политическіе дѣятели изъ австрійскихъ Славянъ пытались искать заступничества у императора Французовъ, и что не очень давно извѣщали насъ газеты о совѣтѣ, даннымъ Наполеономъ вѣнскому правительству, помириться съ Хорватами, то довольно вѣроятнымъ будетъ наше предположеніе, что подобные совѣты и заступничества войдутъ теперь въ составъ цѣлой политической системы, и что Наполеонъ III скоро сдѣлается руководителемъ внутренней политики Австріи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что подобное руководство можетъ быть допущено австрійскимъ правительствомъ безъ особеннаго ущерба для своего достоинства и съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ безкорыстію руководителя, чѣмъ къ безкорыстію совѣтовъ Пруссіи или даже хоть нашему, какъ бы послѣднее ни было искренно. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы даже и наполеоновское руковод-

ство успѣло разрѣшить неразрѣшимую задачу существованія Австріи при пробудившемся самосознаніи и центробѣжномъ стремленіи различныхъ и другъ другу враждебныхъ народностей, составляющихъ монархію, и при непоправимомъ ослабленіи того древняго историческаго, именно нѣмецкаго цемента, которымъ эти ея разнородныя части были связаны. Позволительно думать, что ни Наполеонъ, да и никто на Западѣ не цѣнитъ по достоинству внутреннюю значимость славянскаго элемента, не вѣдаетъ его настоящей нравственной силы, его упругой живучести. Едвали французская политическая программа принимаетъ въ разсчетъ всю трудность задачи; едвали — урядить и уладить отношенія австрійской династіи къ подвластнымъ ей народамъ не представляется европейскимъ политикамъ дѣломъ болѣе легкимъ, нежели оно есть въ дѣйствительности. Какъ бы то ни было, но любопытно будетъ видѣть, какія новыя комбинаціи будутъ пущены въ ходъ во внутренней политикѣ австрійскаго правительства послѣ зальцбургскаго свиданія. А что свиданіе въ Зальцбургѣ непремѣнно коснулось этихъ новыхъ комбинацій, въ этомъ почти нельзя сомнѣваться, такъ какъ «величіе и могущество Австріи», необходимое для Наполеона III, невозможно безъ упроченія этой монархіи внутри, безъ разрѣшенія ея домашнихъ вопросовъ. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ строить такое предположеніе, что вліяніе Россіи на западныя славянскія племена и съ такою силою сказавшаяся внутренняя связь между ними, вмѣстѣ съ газетными выдумками о русской политической агитаціи, не могли, конечно, не озаботить Европу, или по крайней мѣрѣ ея политическихъ вождей. Имъ даже и трудно себѣ объяснить это пробудившееся сочувствіе къ Россіи въ славянскихъ племенахъ Западной Европы, пользующихся, по словамъ иностранныхъ газетъ, всѣми благами европейской цивилизаціи, почти уже признанныхъ Европою за своихъ,— трудно имъ объяснить себѣ, повторяемъ, такое явленіе иначе какъ политическою агитаціей россійскаго властолюбія. Они едвали поймутъ, едвали повѣрятъ, что въ русскомъ вліяніи на западныхъ Славянъ нѣтъ ничего политическаго, ни малѣйшаго правительственнаго участія, что здѣсь дѣйствуютъ силы чисто общественныя, духовныя,—соображенія чуждыя всякой политики.

Относительно Россіи и австрійскихъ Славянъ повторится въ скоромъ времени то же, что̀ имѣетъ теперь мѣсто относительно Россіи и Славянъ турецкихъ: какъ здѣсь, такъ и тамъ всякое выраженіе сочувствія и участія со стороны Россіи будетъ приписано ея политическимъ замысламъ, будетъ названо политическою интригой и агитаціею, — всякій русскій путешественникъ будетъ возведенъ въ званіе русскаго эмиссара, и всюду пугливой Европѣ будутъ мерещиться русскіе агенты!

Такому «опасному», по мнѣнію Европы, вліянію Россіи на большинство населенія Австрійской имперіи, необходимо противопоставить другое вліяніе, чисто европейское, представляющее всѣ гарантіи для сохраненія духовной и внѣшней власти Запада, и даже для сохраненія самой имперіи Габсбурговъ. Таковымъ вліяніемъ можетъ быть только вліяніе Французской имперіи. Имя императора Франковъ не лишено обаянія на Востокѣ, — и мы неминуемо увидимъ попытки сдѣлать его обаятельнымъ и для Славянъ европейскаго Запада, въ видахъ упроченія Австріи... Событія покажутъ— ошибаемся ли мы въ нашихъ догадкахъ.

Въ связи съ такою задачей находится и внѣшнее усиленіе искалѣченной Австрійской имперіи. Распаденіе Австріи грозитъ знаменитой системѣ европейскаго равновѣсія несравненно большею опасностью, чѣмъ распаденіе Турціи. Пустота, которая образовалась бы въ самой срединѣ европейскаго материка отъ исчезновенія такого крупнаго политическаго организма, какова Австрія, была бы тотчасъ замѣщена Пруссіей, Россіей, конфедераціями племенъ,—однимъ словомъ—такою системой, которая, давъ перевѣсъ элементу славянскому и германскому надъ элементомъ латинскимъ или романскимъ и католическимъ не можетъ быть ни выгодна, ни желательна для Франціи. Сохраненіе Австріи, съ точки зрѣнія императора Французовъ, должно представляться ему до такой степени необходимымъ, что эта необходимость превышаетъ пресловутую необходимость сохраненія Турціи, и что для такой цѣли можетъ быть безъ труда принесена въ жертву цѣлость имперіи Османлисовъ. Намъ извѣстно, что немедленно послѣ Виллафранкскаго мира были французскими агентами производимы дознанія въ Босніи о степени рас-

положенія жителей этой турецкой провинціи къ династіи Габсбурговъ .. Если разложеніе Турціи неизбѣжно въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то для Наполеона естественно возникаетъ вопросъ: съ кѣмъ изъ двухъ, *непосредственно* заинтересованныхъ въ судьбѣ Турціи, державъ идти рука объ руку въ Восточномъ вопросѣ? Эти державы—Россія и Австрія. Интересы ихъ на Востокѣ совершенно противоположны. Если допустить свободное развитіе русской политики, то-есть образованіе въ Турціи независимыхъ самостоятельныхъ политическихъ группъ, то оно поведетъ къ совершенному распаденію Турціи, а распаденіе Турціи, при такихъ условіяхъ, можетъ повлечь за собой и паденіе Австріи, такъ какъ всѣ милліоны австрійскаго населенія, принадлежащіе къ сербскому племени, могутъ перемѣстить свой центръ изъ Вѣны въ Бѣлградъ или во всякомъ случаѣ составить, вмѣстѣ съ турецкими Сербами, независимую конфедерацію: удастся ли она или нѣтъ, и если удастся, то надолго ли и прочна ли будетъ—это вопросъ другой, но нѣтъ сомнѣнія, что такою политическою мечтой питается теперь сербское племя какъ въ Турціи, такъ и въ Австріи (разумѣя тутъ и Хорватовъ). Очевидно, что идти объ руку съ Россіей въ Восточномъ вопросѣ, при всемъ безкорыстіи ея политики, значило бы для Наполеона идти, если не къ уничтоженію Австрійской имперіи, то во всякомъ случаѣ къ ея ослабленію, значило бы создавать для Австріи новыя опасныя затрудненія въ будущемъ. А всякое ослабленіе Австріи клонилось бы къ усиленію Пруссіи, стало-быть къ ослабленію и самой Франціи. Слѣдовательно Наполеону предстоитъ создать такую политическую комбинацію на Востокѣ, которая бы могла, въ конечномъ своемъ результатѣ, упрочить то «величіе и могущество Австріи», которое онъ торжественно провозгласилъ необходимымъ для блага Европы, т. е. собственно для интересовъ Французской имперіи.

Какая же можетъ быть эта комбинація? Къ чему пришли оба монарха въ своихъ бесѣдахъ о дѣлахъ Востока, въ виду зальцбургскихъ горъ и при шумѣ горныхъ источниковъ? Мы не беремся разгадывать тайну этихъ бесѣдъ: оффиціальныя газеты сознаются сами, что рѣчи шли о Востокѣ; очень вѣроятно, что въ настоящую минуту условлено было сохра-

нить или протянуть какъ можно долѣе въ Турціи современное statu quo до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но можно почти не сомнѣваться, что при разрѣшеніи Восточнаго вопроса направленіе политики Наполеона скажется въ пользу Австріи, что всѣ усилія будутъ употреблены къ пріобрѣтенію для Австріи Босніи или по крайней мѣрѣ къ значительному расширенію австрійскаго далматинскаго побережья сзади,—что, наконецъ, будутъ сдѣланы попытки, въ случаѣ необходимости, допустить образованіе какихъ-либо славянскихъ федерацій, поставить ихъ подъ верховное главенство Габсбургской династіи...

Что же касается Южной Германіи и замысловъ объ отдѣльномъ южно-германскомъ союзѣ, то мы готовы вѣрить, что исполненіе этихъ замысловъ, если не совсѣмъ отложено, то на нѣкоторое время отсрочено. Императоръ Францъ-Іосифъ и Наполеонъ III не могутъ не видѣть, что въ настоящую пору всякое прямое вмѣшательство Франціи въ дѣла Германіи возбудило бы національное чувство всѣхъ Нѣмцевъ и послужило бы на пользу Пруссіи; образованіе же союза южно-германскихъ государствъ могло бы совершиться теперь только при явной помощи и подъ руководствомъ французскаго кабинета. Если сами южно-германскіе государи и не прочь бы отъ такого плана, то они не могутъ отважиться на его осуществленіе, не встрѣтивъ противодѣйствія въ собственныхъ государствахъ, не порвавъ династическихъ связей съ своими народами. Наполеонъ можетъ разсчитывать на то, что окрѣпшая и пріосанившаяся Австрія сама, естественнымъ образомъ, вызоветъ вновь къ себѣ тяготѣніе въ Южной Германіи, особенно если прусскіе порядки будутъ попрежнему возбуждать ту антипатію, которую они возбуждаютъ уже теперь...

Такова, кажется намъ, политическая программа императора Наполеона, которая вѣроятно была сообщена имъ императору Францу-Іосифу въ Зальцбургѣ, и которая, точно, въ данную минуту не грозитъ никакимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, опаснымъ европейскому миру. Нѣтъ и не можетъ быть теперь рѣчи ни о нарушеніи пражскаго договора, ни объ образованіи южно-германской конфедераціи, ни о заключеніи австро-французскаго союза... Но соглашеніе политическихъ

системъ обѣихъ державъ тѣмъ не менѣе угрожаетъ и Пруссіи и Россіи, если не непосредственно, то косвенно, если не теперь, то въ недальнемъ будущемъ. Мы не вѣримъ въ успѣшное осуществленіе предположенной нами политической программы французскаго кабинета, мы думаемъ, qu'onascompté sans son hôte, что въ разсчетъ не полагались сами хозяева—народы и племена Австріи, но тѣмъ не менѣе возникаетъ вопросъ: какую же политическую программу можетъ противопоставить съ своей стороны Россія?...

Народы — не дипломаты.

„Москва“, 7-го сентября 1867 г.

Народы не дипломаты. Боль не хитритъ, не тѣшится тонкосплетеніемъ фразъ. Сама — грубая правда, она требуетъ правды въ отношеніи къ себѣ, — правды сочувствія, сказывающейся дѣломъ, правды врачеванія, сказывающейся облегченіемъ мукъ. Не заглушишь ея стоновъ, не заставишь *боль* перестать *болѣть* ради учтивости и чужаго удобства; не *задоволишь* (употребляемъ сербское выраженіе) христіанскаго населенія Турціи дипломатически-приличными соболѣзнованіями, дипломатически-вѣжливыми протестами, дипломатически-умѣренными требованіями, дипломатически-праздными обѣщаніями. Въ то время какъ европейскіе дипломаты въ Парижѣ, на Рейнѣ, въ Зальцбургѣ, ублажались нѣгой своихъ благонамѣренныхъ и миролюбивыхъ ощущеній, или обмѣнивались другъ съ другомъ и съ турецкимъ султаномъ увѣреніями въ любви и пріязни, въ то время, среди этого стройнаго согласнаго хора деликатныхъ привѣтовъ и взаимнаго благоволенія, — невѣжливо, не кстати, приносились вдругъ пронзительные вопли съ береговъ Дуная, съ Балкана, съ Крита или Эпира, и вносили диссонансъ въ общую дипломатическую гармонію. Смущенная дипломатія изыскивала средства помочь бѣдѣ, не нарушая гармоническаго лада европейской политики, сочиняла, издавала *ноты* и находила въ нихъ полное самоудовлетвореніе. Но боль народовъ вопіетъ пуще прежняго, и наглая правда фактовъ не хочетъ чинить ни-

какихъ компромиссовъ, никакихъ сдѣлокъ съ ложью, безцеремонно разрушаетъ ея благообразіе и правдоподобіе, — не даетъ и солгать прилично, не даетъ и дипломатіи успокоиться въ невольномъ, а частью и вольномъ самообольщеніи. Припѣвомъ, финальнымъ аккордомъ къ каждой строфѣ хвалебнаго гимна, пѣтаго европейскими правительствами и публицистами въ честь турецкой гуманности и просвѣщенія — звучали стоны, десятками и сотнями насилуемыхъ Турками, христіанскихъ женъ и дѣвицъ, ограбленныхъ, разоренныхъ турецкими налогами раіевъ,—или клики отчаянной борьбы, борьбы на смерть, Болгаръ и Грековъ.

На такіе-то вопросы, рѣзко поставленные, на такія-то требованія печальной, ужасной дѣйствительности отвѣчала Европа какими-то дипломатическими идиліями. Иначе какъ идиліями нельзя и назвать всѣ эти дипломатическія упованія на великодушіе султана, на мудрость министровъ его величества, на предполагаемыя въ Турціи либеральныя реформы, на турецкій прогрессъ и турецкую цивилизацію. Какимъ-то идиллическимъ дѣтскимъ лепетомъ являлись, въ сравненіи съ грубымъ языкомъ событій, европейскія ходатайства передъ Портой—произвести формальное слѣдствіе о *настоящихъ* желаніяхъ критскаго населенія. Теперь однако критскій вопросъ близится къ концу, Порта повидимому уступила, журналы славятъ великодушіе султана, и самъ нашъ «Journal de St.-Pétersbourg», отличавшійся въ послѣднее время такимъ честнымъ безвѣріемъ въ Турцію, уже начинаетъ имъ вторить,— хотя, надо отдать ему справедливость, съ нѣкоторою неловкостью и какъ бы de mauvaise grâce.

Дѣло въ томъ, что оттоманское правительство оффиціально извѣстило о новой *амнистіи*, даруемой султаномъ жителямъ Крита. До 20 октября турецкія войска остаются въ позиціяхъ ими занимаемыхъ, прекративъ всякія преслѣдованія противъ возставшихъ. Въ теченіи этого срока всѣ иностранные, т. е. высланные Греціей, волонтеры должны покинуть островъ, равно какъ и жители, которые пожелаютъ высадиться; но это право предоставлено послѣднимъ на условіи оставить на родинѣ всякое свое владѣніе и имущество и на островъ уже болѣе не возвращаться. По истеченіи срока не воспользовавшіеся этою милостью теряютъ на нее право. Та-

ково извѣщеніе, разосланное Портою по телеграфу. Корреспонденты журналовъ добавляютъ, что, въ теченіи означеннаго срока, мудрость министровъ его величества султана займется рѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ Крита. Впрочемъ заранѣе извѣстно, да и не однократно Портою было объявлено, что на уступку Крита Греціи она не согласна и не согласится.

Итакъ, военныя дѣйствія на время прекращены; рѣзня пріостановлена; кровь болѣе не льется. Мы понимаемъ, сколько въ этомъ извѣстіи утѣшительнаго для всякаго сострадательнаго сердца: можно наконецъ вздохнуть свободно; отрадно знать, что въ настоящую минуту неистовствамъ и безчеловѣчіямъ на Критѣ положенъ конецъ. Если эта мѣра послужитъ къ дѣйствительному облегченію мукъ, претерпѣнныхъ несчастными Кандіотами, то честь такого облегченія должна принадлежать по преимуществу Россіи, такъ какъ ея настояніямъ уступила, повидимому, Порта, убѣдившись въ безкорыстіи, чистосердечіи и благонамѣренности русской политики. Всѣ эти свойства дѣйствительно характеризуютъ русскую политику, но возникаетъ вопросъ: есть ли настоящій поводъ радоваться такой уступкѣ со стороны Порты, и точно ли она *уступила*? Подвигаетъ ли впередъ такая мѣра рѣшеніе Восточнаго вопроса, — дѣйствительно ли на пользу послужитъ такая мѣра томящимся подъ игомъ ислама Славянамъ и Грекамъ, да и самой Россіи?

Уже болѣе года проливаютъ Греки Крита свою кровь въ борьбѣ съ Турками, болѣе года, съ изумительнымъ напряженіемъ силъ, предоставленные сами себѣ и только съ помощію «волонтеровъ» — своихъ братьевъ свободной Эллады, отбиваются они отъ турецкихъ полчищъ, африканскихъ и азіатскихъ ордъ, превосходящихъ численностью чуть не во сто-кратъ ихъ малыя дружины. Совершались дивные подвиги геройства и мученичества. Ради чего? Ради того ли, чтобъ вынудить облегченіе налоговъ, добиться исправленія недостатковъ турецкой администраціи, получить нѣчто въ родѣ самоуправленія подъ турецкимъ скипетромъ, или вѣрнѣе—палкой? Все это, или почти все, было имъ предложено и обѣщано, все это они могли имѣть годъ тому назадъ, въ самомъ началѣ возстанія, но на всѣ предложенія, воззванія и обѣщанія они пребыли глухи, не поддались ника-

кимъ искушеніямъ и соблазнамъ. Ихъ единый упорный кличъ съ перваго дня и до сихъ поръ: умереть до послѣдняго или добиться присоединенія Крита къ вольной Греціи. Рѣшеніе, которое теперь состоится въ мудромъ совѣтѣ Порты и навяжется имъ Европой, благодарной султану за его любезную *податливость*, будетъ ли стоить той цѣны крови, тѣхъ лишеній, тѣхъ жертвъ, которыя всѣ приносились ради лишь чаянія полной независимости и свободы? Изъ за чего же бился такъ долго этотъ народъ, и расточались благороднѣйшія усилія человѣческаго духа и воли? Изъ-за чего наконецъ соболѣзновала, сочувствовала, безпокоилась Европа, и преимущественно Россія, изъ-за чего же посылались нами всѣ эти матеріальныя пособія и дипломатическія ноты? Для того ли, чтобы не отъ Порты исторгнуть уступку, но *уступить* Портѣ? Въ чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, является уступка со стороны оттоманскаго правительства? Не въ томъ ли, что она мирнымъ путемъ придетъ къ тому результату, котораго не могла добиться такою разорительною для себя тратой людей и денегъ, и вмѣсто позора, который ожидалъ ее впереди, прославится теперь во всей Европѣ своимъ безпримѣрнымъ великодушіемъ? Нельзя не отдать справедливости турецкимъ министрамъ за такой мастерской дипломатическій фокусъ.

Усилія Омеръ-паши подавить возстаніе правильною борьбой оказывались тщетными, иныя же, употребленныя было имъ, средства для усмиренія Критянъ были таковы, по своему варварству и безчеловѣчію, что не могли быть терпимы даже и европейскимъ, безпримѣрнымъ относительно Турціи долготерпѣніемъ. Европейскія суда приняли подъ свою защиту семейства греческихъ борцовъ, спасали ихъ отъ голода и иныхъ мученій, перевозили въ Грецію, и тѣмъ, безъ сомнѣнія, ослабляли дѣйствіе турецкой силы, роняли ея достоинство, придавали новыя силы возстанію. Угроза Американскихъ Штатовъ, приготовленія Греческаго королевства къ войнѣ, волненіе въ Эпирѣ, Ѳессаліи, возстаніе въ Болгаріи— все это представляло впереди рядъ такихъ грозныхъ опасностей и замѣшательствъ, въ виду которыхъ, казалось бы, всего выгоднѣе было бы для Порты отказаться самой отъ Крита и предупредить наступавшую бурю, грозившую уне-

сти Критъ изъ-подъ ея владычества силою. Но Порта искусно предотвратила опасность и нашла изъ нея почетный выходъ. Прекращая военныя дѣйствія на островѣ, она тѣмъ самымъ спасаетъ себя отъ срама безсильной борьбы съ горстью храбрыхъ островитянъ, и дѣлаетъ ненужною благотворительную службу иностранныхъ судовъ. Газеты извѣщаютъ, что уже прежде, въ виду одушевившихъ внезапно Порту благихъ намѣреній, французская эскадра (прибавляютъ, будто бы и русская) получила приказаніе прекратить перевозку критскихъ семействъ. Но этого мало. Главное въ томъ, что такой перерывъ ужасныхъ сценъ борьбы перерветъ и напряженное вниманіе Европы, и отвратитъ на нѣкоторое время ея взоры отъ дѣлъ Востока: негодованію не отъ чего будетъ постоянно распаляться и возрастать, а оно начинало доходить до зловѣщихъ размѣровъ. Съ другой стороны, никакой пламенный порывъ не терпитъ перерыва, ослабляется и парализуется имъ. Остывшему, не подогрѣваемому постоянно новыми жестокостями враговъ, жару инсургентовъ трудно будетъ вновь подогрѣваться и разгораться, по минованіи срока. Таковъ естественный разсчетъ, хотя можетъ-быть онъ и не оправдается. Мѣсяцъ бездѣйствія въ состояніи ненормальномъ и напряженномъ едвали не будетъ вреденъ для дружной энергіи и прочности воинскаго союза. Особенно же вредно будетъ впечатлѣніе нравственное: всеобщее ликованіе европейской дипломатіи, ея восхваленіе поступка Порты, ея очевидное отреченіе отъ всякихъ настояній надъ уступкою Крита Греціи,—все это произведетъ сильное уныніе не только на островѣ, но и въ самой Греціи: у нея отнимается поводъ и удобный случай къ войнѣ. Наконецъ, такою своею «уступкой» Порта парализуетъ возстаніе въ Эпирѣ, Ѳессаліи и даже въ Болгаріи, разсчитанное на возстаніе Крита, на возможность напасть на Турцію одновременно съ разныхъ сторонъ. Вѣсть о такомъ исходѣ критской борьбы и о новомъ оборотѣ европейской политики заставитъ выпасть оружіе изъ рукъ многихъ и многихъ, подвигшихся на рѣшительный бой. Наконецъ, вставъ къ европейскимъ правительствамъ въ такія добрыя отношенія, связавъ ихъ самихъ узами нѣкоторой деликатности и вѣжливой признательности, Порта не имѣетъ уже никакой надобности

рѣшать критскій вопросъ уступкою Крита Греціи: дипломатическія ноты, наполненныя фразъ объ «отеческой заботливости султана о своихъ подданныхъ», о «высокой его мудрости и милосердіи», не могутъ же, безъ новаго повода и напротивъ утративши поводъ, всегда представлявшійся готовымъ въ сценахъ кровавой борьбы, превратиться вдругъ въ грозныя требованія, несовмѣстныя съ достоинствомъ Оттоманской державы!

Такой результатъ, добытый Портою, есть ли уступка? Есть ли поводъ прославлять ея великодушіе? Кто въ выигрышѣ и кто въ накладѣ? Не Порта ли въ выигрышѣ, ловко выпутавшаяся изъ затруднительнаго положенія? Не политика ли тѣхъ европейскихъ кабинетовъ, которые рѣшились и вновь подтвердили свое рѣшеніе на зальцбургскомъ свиданіи, поддерживать status quo Турціи *противъ* Россіи? И не въ накладѣ ли христіанскія населенія Турціи, даромъ проливавшія драгоцѣнную кровь, претерпѣвшія столько мукъ и лишеній, принесшія столько жертвъ, и вновь горько обманувшіяся въ надеждахъ? Что получатъ они взамѣнъ? Новый фабрикатъ турецко-европейской лжи, въ смыслѣ хаттигумаюна, что-нибудь даже въ родѣ псевдо-либеральныхъ на турецкую почву пересаженныхъ учрежденій, когда имъ нужно одно и одно: независимость! Не въ выигрышѣ и мы, связывая себя союзомъ съ Портой.

Впрочемъ, еще нѣтъ положительнаго извѣстія о томъ, какъ принята султанская амнистія Критянами. Можетъ-быть, они не захотятъ прекратить борьбу, и вѣрные своему знамени предпочтутъ дѣйствительно смерть всякой сдѣлкѣ съ ненавистнымъ исламомъ, — оставленные всѣми, всею Европой и даже Россіей, стѣсненной своими собственными дипломатическими дѣйствіями... Но послѣднее невозможно: Россіи нельзя идти ни противъ своей природы, ни противъ своей исторіи, ни противъ своихъ интересовъ, ни противъ того народнаго направленія, которымъ ознаменовалась въ нынѣшнее царствованіе ея внѣшняя политика.

Римскій вопросъ какъ вопросъ италіянскій.

«Москва», 12-го октября 1867 г.

Событія въ Италіи властительно приковываютъ къ себѣ взоры Востока. Дрожатъ основы Латинскаго міра, его духовныя, историческія основы; встаетъ великій споръ,—грозный, какъ Божій судъ, для римской церкви и папства. Не объ Италіи только споръ и не о Римѣ только какъ *италіянской* столицѣ, но о Римѣ какъ вѣроисповѣдномъ принципѣ европейскаго Запада, о Римѣ какъ столицѣ вселенной, какъ символѣ вселенскаго главенства папы, какъ живомъ воплощеніи идей католицизма. Поэтому и римскій вопросъ.—будучи съ одной стороны вопросомъ мѣстнымъ и италіянскимъ, подлежащимъ, по праву, рѣшенію самой Италіи, а съ другой стороны—вопросомъ общимъ латинской церкви, — близокъ судьбамъ всего христіанскаго міра, слѣдовательно близокъ и православному Востоку, близокъ Россіи. Пробилъ ли уже часъ разрѣшенія, или же, устрашась разрѣшенія и его необъятныхъ послѣдствій, латинскій Западъ отсрочитъ его снова? снова ли невѣріе, вѣрующее въ силу лжи, и вѣра, не вѣрующая въ духовную силу истины, вступятъ между собой въ постыдную сдѣлку и наложатъ на совѣсть цивилизованнаго Запада гнетъ новаго сознательнаго обмана?— Не знаемъ; отвѣтить на эти запросы могутъ только событія, и вотъ почему извѣстія изъ Италіи полны теперь такой животрепещущей важности.

Эти извѣстія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они переданы намъ телеграфомъ, склоняются, кажется, къ отвѣту, что часъ еще не пробилъ и что рѣшеніе задачи отложено. Если оно и отложено, то не надолго. Положеніе дѣлъ похоже на положеніе двухъ враждебныхъ становъ *наканунѣ* битвы, — а потому и изученіе ихъ, такъ-сказать стратегическихъ, въ смыслѣ политическомъ и нравственномъ, позицій не можетъ не представлять высокаго интереса.

Взглянемъ теперь на римскій вопросъ какъ на вопросъ италіянскій,—съ той его стороны, съ которой готовится ему практическое рѣшеніе. Историческая идея, отживая свой

вѣкъ, не можетъ умереть только отвлеченнымъ процессомъ сознанія; ей нуженъ для смерти также и внѣшній историческій процессъ, воплощенный въ явленіяхъ и фактахъ, со всею ихъ видимою историческою случайностью. Такимъ внѣшнимъ орудіемъ смерти для исторической идеи папства является теперь стремленіе Италіи къ политическому единству, — стремленіе законное, истекающее изъ единства народнаго, основанное на возникшей недавно новой исторической идеѣ современнаго міра, идеѣ національности, но задержанное на пути своемъ останками свѣтской власти римскаго папы. Благодаря ли еще живучести этихъ останковъ, или силѣ, придаваемой имъ извнѣ,—какъ бы то ни было, Италія, объединившаяся въ одно цѣлое съ юга и съ сѣвера, остается разрозненною въ самомъ своемъ центрѣ. Между Неаполемъ и границей Тосканскою лежитъ пространство земли, гдѣ государемъ папа и главнымъ городомъ Римъ. Пока Италія распадалась на отдѣльныя независимыя государства разныхъ наименованій—республики, герцогства, королевства, самостоятельные города, — пока преобладалъ въ ней духъ розни — муниципальной, областной, племенной и государственной,—папское владычество въ такъ-называемой Церковной Области представлялось или вопросомъ всемірнымъ о свѣтской власти папы, или вопросомъ мѣстнымъ, областнымъ, но во всякомъ случаѣ не общимъ вопросомъ Италіи, ибо не было еще и самой мысли о политически-единой Италіи. Такъ и при Наполеонѣ I, причислившемъ Римъ къ своимъ владѣніямъ,—такъ и въ 1848 году, когда вспыхнула революція въ Римѣ и папа бѣжалъ изъ Ватикана, а потомъ вновь возвратился туда съ помощью Наполеона III, котораго войска простояли потомъ въ Римѣ гарнизономъ 15 лѣтъ,—судьбы Рима не были еще судьбами Италіи. Но когда мысль объ италіянскомъ единствѣ созрѣла, когда въ 1859 году совершилось первое начало ея воплощенія, — быстро исчезли тогда различныя именованія италіянскихъ владѣній, лопнули политическія и племенныя перегородки, и сложилось одно Италіянское Королевство, обхватившее со всѣхъ сторонъ, кромѣ моря, Папскую Область.

Римъ сталъ необходимостью, условіемъ жизни для *новой* Италіи. Вся задача ея, весь историческій raison d'être—въ

достиженіи политическаго и народнаго единства, а безъ Рима нѣтъ для Италіи объединенія. Только Римъ можетъ вознестись надъ ревнивымъ соперничествомъ италіянскихъ городовъ; только предъ нимъ могутъ умолкнуть эгоизмъ и зависть племенъ и поникнуть главой историческія областныя воспоминанія,—только въ немъ одномъ—начало и сила объединенія. Безъ Рима, какъ безъ сердца, невозможно кровообращеніе вновь образующагося организма единой Италіи. Для Италіянскаго королевства сложилась такая дилемма: или обладать Римомъ, или же перестать быть политически-единою Италіей, обречь себя на паденіе и распаденіе.

Но эта дилемма выходитъ дилеммой и для римскаго первосвященника, и обѣ ея стороны могутъ быть выражены такъ: быть единой Италіи — не быть свѣтской власти папы; быть свѣтской власти папы—не быть единой Италіи. А такъ какъ съ понятіемъ о свѣтской власти неразлучно понятіе и о папствѣ въ томъ значеніи, въ какомъ оно явилось и дѣйствовало въ исторіи, какъ зиждительное, духовно-историческое начало всего латинскаго Запада, — то «не быть свѣтской власти папы» въ сущности равнозначительно смертному приговору самой идеѣ папства, жизненнымъ основаніямъ католицизма, тѣмъ самымъ, въ силу которыхъ разорвано было вселенское единство Церкви. Таковъ логическій выводъ наступающихъ событій. Нужно ли говорить, что сочувствіе Россіи можетъ быть только на сторонѣ Италіи? Какъ православные, мы не можемъ не преклоняться съ признательностью предъ Божіимъ судомъ, постигающимъ наконецъ ученіе лжи и гордыни съ его царствомъ не отъ міра сего, обращеннымъ въ земное царство, съ самозваннымъ главою церкви—взамѣнъ главы—Христа... Какъ Русскіе, какъ Славяне, мы не можемъ не сочувствовать идеѣ народности и стремленію Италіи къ національной свободѣ, независимости и объединенію. Наконецъ, какъ европейской державѣ, въ видахъ обезпеченія европейскаго мира, позволительно ли Россіи не выразить мнѣнія, что необходимымъ условіемъ этого мира можетъ быть только признаніе за Италіей ея историческаго права—довершить свое объединеніе въ Римѣ? Если многія данныя нашего недавняго прошлаго свидѣтельствуютъ о томъ, что во главу угла нашей политики легли

теперь основныя начала русской народности, что только русскіе народные интересы принимаются ею въ соображеніе, то и въ вопросѣ объ Италіи, мы смѣемъ надѣяться, она не отступитъ отъ своего направленія и явится политикой достойною Русской державы, представительницы православнаго Востока.

Но обратимся къ Италіи... Что же останавливаетъ ее на полдорогѣ, что мѣшаетъ ей довершить свое объединеніе? Veto императора Наполеона, тягостный для Италіи гнетъ его благодѣяній, его покровительства, его союза!... Онъ самъ первый способствовалъ пробужденію въ Италіи идеи италіянской національности и стремленій къ единству; онъ и, благодаря ему, весь Французскій народъ далъ торжественную санкцію этимъ стремленіямъ, освятивъ ихъ французскою кровью на поляхъ Ломбардіи. И теперь онъ же, возбудивъ жажду, лишаетъ Италію средствъ утолить ее. Пятнадцать лѣтъ сряду держалъ императоръ Французовъ свои войска гарнизономъ въ Римѣ, ради охраненія владычества папы, и въ это самое время, охраняя папу въ Римѣ, онъ допустилъ италіянское правительство приблизиться чуть не къ воротамъ Рима, отнять у папы двѣ провинціи, пододвинуть границу королевства за сто верстъ отъ резиденціи папы, и довелъ самый фактъ папской свѣтской власти чуть не до безсилія призрака, чуть не до значенія символа. Но этимъ символомъ былъ Римъ... Такимъ образомъ дѣйствій Наполеонъ III не стяжалъ благодарности ни Италіи, ни самого папы, тяготившагося покровителемъ, который, какъ тюремщикъ, стерегъ его въ Римѣ. Наконецъ, императоръ выводитъ французскій гарнизонъ изъ Рима, продержавъ его тамъ пятнадцать лѣтъ, — какъ будто съ умысломъ *вплоть* до самого того времени, когда Италія сложилась, укрѣпилась и стала способною вершить задачу безъ содѣйствія Франціи. Уходя изъ Рима, онъ заставилъ италіянское правительство заключить съ нимъ знаменитую сентябрскую конвенцію, которая обязываетъ это правительство не нападать на владѣнія Святаго Отца и препятствовать даже силою всякому нападенію извнѣ (de l'extérieur). Въ какой степени вѣритъ самъ императоръ въ состоятельность этой конвенціи, есть ли это одинъ изъ тѣхъ хитрыхъ изворотовъ слова, на которые Напалеонъ III та-

кой великій мастеръ и которыми онъ надѣется — и обыкновенно въ надеждѣ ошибается — удовлетворить противоположныя стороны и примирить разнородные интересы, — рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, но для италіянскаго правительства, какъ при Кавурѣ, такъ и при Ратацци, оставался одинъ *законный* изъ этой конвенціи исходъ: не допускать, *повидимому*, нападенія *извнѣ*, но допустить это нападеніе *внутри*, въ самой Папской Области, въ видѣ мѣстной революціи, и черезъ то получить право, не нарушая конвенціи, а напротивъ какъ бы ради соблюденія конвенціи, ради охраненія папы и подавленія революціи, вступить съ войсками въ папскую резиденцію — на обѣтованную почву Рима! Можетъ-быть первоначальное движеніе гарибальдійцевъ къ Риму возникло и не по программѣ италіянскаго министерства; можетъ-быть событія предупредили министра Ратацци, — но тѣмъ не менѣе, еслибы правительство и рѣшилось дѣйствовать, оно не могло бы, опутанное конвенціею, избрать себѣ другаго плана. Во всякомъ случаѣ, италіянскій кабинетъ является передъ Франціей правымъ: онъ далъ торжественное свидѣтельство своей вѣрности сентябрскому обязательству, арестовавъ Гарибальди и рискуя своею популярностью. Италіянскій министръ хотѣлъ и обязанъ былъ воспользоваться своимъ положеніемъ — для блага Италіи и уступая требованіямъ народа. Нужно было найдти только формулу, которая бы развязывала ему руки для дѣйствія, связанныя сентябрскою конвенціей: «не его вина, если, несмотря на *бдительность* его войскъ, толпы гарибальдійцевъ проникнутъ въ Папскую Область, Гарибальди уйдетъ съ Капреры, и въ самомъ Римѣ вспыхнетъ возстаніе. Въ послѣднемъ случаѣ — не ради даже объединенія Италіи, но ради самихъ *католическихъ, монархическихъ и вообще консервативныхъ* принциповъ, вступленіе италіянскихъ войскъ (войскъ короля, отлученнаго отъ церкви папою) *для огражденія же самого папы* является необходимостью». Въ этомъ смыслѣ Ратацци готовился разсылать, а можетъ-быть уже и разослалъ, свои дипломатическія ноты. Вотъ къ какимъ изворотамъ приходится несчастной Италіи прибѣгать въ правомъ дѣлѣ, но такія подпорки гнилы для битвы съ такимъ врагомъ, какъ папство... Вступленіе италіянскихъ войскъ въ Римъ дѣйстви-

тельно является необходимостью для италіянской державы, конечно не ради выставленныхъ италіянскимъ министромъ причинъ, но ради довершенія единства Италіи и ради самосохраненія. Допустить подавленіе возстанія папскими войсками, и еще болѣе: допустить это подавленіе войсками императора Французовъ—значило бы для Италіи признать торжественно свое безсиліе и несостоятельность своихъ политическихъ стремленій, а для короля Виктора-Эммануила покрыться стыдомъ и безславіемъ, и можетъ-быть лишиться короны. Но если однакожь императоръ Наполеонъ рѣшится двинуть войско въ Италію,—отважилась ли бы Италія вступить съ нимъ въ войну?... И въ томъ и другомъ случаѣ Италія поставила бы свое существованіе на карту.

Такими представляются вопросы, но способы рѣшенія у исторіи неистощимы. По новѣйшимъ извѣстіямъ по телеграфу, предварившимъ газетныя свѣдѣнія, вмѣшательство Франціи было рѣшено, войска ея были готовы къ отплытію, — но вслѣдъ затѣмъ министерство Ратацци съ его двуличневою политикой пало (конечно по настоянію Наполеона), и отправка французскихъ войскъ въ Италію пріостановлена... Какая новая сдѣлка изыскана императоромъ Французовъ? Долго ли можетъ продолжаться такое лживое и непрочное состояніе дѣлъ? Долго ли будетъ для мысли объ единой Италіи граница Папской Области предѣломъ,—«его же не прейдеши»? Но не можетъ не перейдти его эта идея, не отрекшись отъ самой себя, не признавъ себя ложью. Если императоръ Наполеонъ считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла Италіи, насиловать логику событій, ставить весь народъ въ унизительное противорѣчіе съ самимъ собою и держать такимъ образомъ судьбы Италіи въ своей рукѣ, угрожая ея внутреннему миру,—то гдѣ найдетъ себѣ опору Италія? Долго ли же будетъ она влачить цѣпь, наложенную на нее Франціей, и для того ли купила она себѣ свободу отъ бурбонскаго и австрійскаго ига, чтобы впасть въ новое рабство?... Или же и въ самомъ дѣлѣ еще внутренно живуча идея папства, еще не вымерла ея сила въ совѣсти и сознаніи латинскаго Запада?

Мы изложили римскій вопросъ какъ вопросъ италіянскій;

посмотримъ на него и съ другой стороны, съ точки зрѣнія папы и самого императора Французовъ.

Римскій вопросъ какъ вопросъ Папскій.

„Москва“, 17-го октября 1867 г.

Притихнувшая на время гроза грянула съ новою, страшною силой. Гарибальди у стѣнъ Рима, французскія войска, на всѣхъ парахъ перенесенныя изъ Тулона, высаживаются или высадились на италіянскій берегъ. Европейскій міръ въ смущеніи и тревогѣ, и телеграфъ едва поспѣваетъ передавать быструю смѣну событій. Король Италіи, уступая императору Наполеону, осуждаетъ въ своей прокламаціи экспедицію Гарибальди, и объявляетъ, что порѣшитъ римскій вопросъ сообща съ Франціей. Императоръ, съ своей стороны, возвѣщаетъ, что идетъ спасать отъ революціи не только Римъ, но и Флоренцію, и такимъ непрошеннымъ спасательствомъ только топитъ въ безславіи и позорѣ несчастнаго короля и самъ раздуваетъ готовое вспыхнуть пламя революціи. Быть-можетъ, занявъ гарнизономъ Римъ, своимъ ли только войскомъ, или и италіянскимъ вмѣстѣ, приступитъ Наполеонъ къ пересмотру сентябрской конвенціи и къ изобрѣтенію какихъ-либо новыхъ сдѣлокъ италіянскаго единства съ властію папы?... Телеграммы не замедлятъ отвѣтить намъ на эти вопросы, но въ виду этой задачи «о свѣтской власти папы», повидимому столь нетрудной для разрѣшенія и все же однако не разрѣшенной, не лишнимъ кажется намъ, отвлекаясь отъ лихорадочнаго интереса совершающихся событій, внимательнѣе вникнуть въ самыя основанія этой задачи.

Плебисцитъ, проектированный римскимъ комитетомъ и напечатанный въ «Туринской Газетѣ», гласитъ: «присоединеніе Рима какъ столицы Италіи къ монархіи Виктора-Эммануила, съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ *духовной* власти папы». Кличъ одной изъ дружинъ, составленной изъ молодыхъ Римлянъ, по словамъ другой газеты, таковъ: «Да здравствуетъ король Италіи! Долой *свѣтскую* власть папы! Да здравствуетъ папство духовное и намѣстникъ Христа»!

Гарибальди вовсе не хлопочетъ ни о какомъ папствѣ. Италіянское правительство, съ своей стороны, силится завѣрить, что оно желаетъ охранить отъ революціи *духовное* значеніе папы, а императоръ Французовъ, какъ извѣстно, желаетъ охранить и свѣтскую власть, подвергнувъ ее нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, при такомъ болѣе чѣмъ треволненномъ существованіи, не страннымъ ли кажется это упрямство 75-ти-лѣтняго старца, это упорное пристрастіе Пія IX къ призраку власти надъ малымъ клочкомъ земли, который и уберечь въ своемъ подданствѣ можетъ папа только съ помощью чуждой силы? Отчего бы, казалось, папѣ не уступить Рима Италіи, уступить самому, добровольно, и удалиться въ одно изъ тихихъ пристанищъ, которыхъ не мало представитъ ему католическій міръ,— или же, отказавшись отъ обладанія Римомъ и его областью, оставаться въ Римѣ, какъ это ему и предлагаетъ король Италіи, въ качествѣ первосвященника католической церкви? Но въ томъ-то и дѣло, что если для объединяющейся Италіи съ обладаніемъ Римомъ связанъ вопросъ «быть или не быть», то точно такой же вопросъ связанъ съ этимъ обладаніемъ и для папства. Идея Рима неразлучна съ идеей папства. Отречься отъ обладанія Римомъ и ограничиться одною духовною властью значило бы для папства отречься отъ самого себя, отъ всей своей свыше-тысячелѣтней исторіи, отъ всего непрерывнаго преемства преданій, обаятельныхъ и обязательныхъ, осудить разомъ и признать ложью все прошлое папства,— дѣянія, ученіе, силу и славу, все наслѣдство длиннаго ряда вѣковъ. Папство можетъ понимать себя только такимъ, какимъ оно явилось въ исторіи: въ иномъ образѣ оно ни себѣ, да и никому немыслимо,— оно будетъ тогда уже не папство, а нѣчто *новое*, *католическому міру невѣдомое*. Неразлучность идеи папства съ Римомъ происходитъ не только отъ того, что онъ называется римскимъ первосвященникомъ, но отъ того, что все значеніе этого первосвященника возникло изъ историческаго значенія Рима: отъ того что самое папство развилось и образовалось, въ теченіи вѣковъ, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ началъ, которыхъ воплощеніемъ явился въ исторіи Римъ. Оно порождено его историческимъ духомъ. Владыка міра, столица вселен-

ной, Римъ наложилъ свою печать и на папство: присущая Риму идея вселенскости и всемірнаго государственнаго обладанія перешла по наслѣдству къ первосвященникамъ Рима и отразилась въ притязаніяхъ папскаго престола на главенство во вселенской церкви, на духовное надъ міромъ владычество. Образъ римской вселенской монархіи перенесенъ римскими первосвященниками на образъ вселенской церкви, и когда такое искаженіе, самимъ Христомъ даннаго церкви, образа было отвергнуто Востокомъ,—западная церковь, присвоивъ одной себѣ значеніе вселенской, исказилась по образу и подобію Рима. Возникло, сложилось и закалилось въ горнилѣ десяти вѣковъ вѣроученіе католицизма. Папство, унаслѣдовавъ духъ древняго римскаго властолюбія, поставило себѣ идею всемірной *власти*—задачей, кумиромъ, божественнымъ вѣрованіемъ. Оно запечатлѣло латинскую церковь государственнымъ типомъ Рима, оно заразило римскимъ государственнымъ началомъ весь ея духовный организмъ и создало *церковь-государство*, съ *государемъ-папой* — самовластнымъ и непогрѣшимымъ, съ подданными-духовными чадами, съ централизаціей вмѣсто духовнаго единства, съ многочисленной арміей ратниковъ, отрѣшенныхъ отъ общества безбрачіемъ и всецѣло преданныхъ служенію одной идеѣ—идеѣ власти.

Причиной, центромъ, вещественнымъ символомъ такого владычества, такого мірскаго элемента духовной власти, такого овеществленія духовнаго начала церкви—былъ и есть Римъ, и одинъ только Римъ. Внѣ Рима нѣтъ папства. Конечно, бывали примѣры въ исторіи, что римскіе первосвященники не жили въ Римѣ, что Римъ стоялъ безъ нихъ,—но такая разлука съ Римомъ никогда не была произвольною,—къ Риму обращены были ихъ взоры; престоломъ папы въ сознаніи всего католическаго міра былъ и есть «вѣчный городъ», и изгнанные папы всегда возвращались въ Римъ снова. Что̀ такое такъ часто употребляемое выраженіе: «свѣтская власть папы»? Это вовсе не значитъ понятіе о папѣ, какъ о государѣ такъ-называемой Церковной Области. Даже въ эпоху апогея папскаго могущества, папа былъ ничтожнѣйшимъ, слабѣйшимъ изъ государей по объему и матеріальнымъ средствамъ тѣхъ италіянскихъ поземельныхъ

владѣній, которыя состояли въ государственномъ у него подданствѣ. Не въ этихъ владѣніяхъ былъ источникъ его силы. Въ настоящее время Церковная Область по пространству своему равняется чуть не трети Московской губерніи. Италіянское королевство отняло уже у папы двѣ провинціи; можетъ отнять и остальныя, весь такъ-называемый удѣлъ Св. Петра, *кромѣ Рима*—и папство будетъ еще стоять твердо, и начало *свѣтской власти* папы пребудетъ еще въ жизни и силѣ. Но сила эта не матеріальная. Власть папы надъ Римомъ не даетъ папѣ вещественной силы,—напротивъ служитъ источникомъ вещественнаго безсилія. Отвратительное управленіе, гнуснѣйшее изъ всѣхъ существующихъ, отвратительная администрація, отвратительное правосудіе, безобразное устройство и состояніе финансовъ,—малочисленнѣйшее изъ всѣхъ войскъ въ мірѣ, чужеземное войско, которое даже и войскомъ названо быть не можетъ—вотъ обстановка свѣтской власти папы, какъ государя срединной Италіи. Вся армія папы, даже съ пресловутымъ антибскимъ легіономъ, едвали превышаетъ 5 — 10 тысячъ: это все равно какъ бы ея и не было. Слѣдовательно, все значеніе, все обаяніе, вся сила принципа «свѣтской власти папы» воплощается собственно въ обладаніи городомъ Римомъ, воплощается и теперь, какъ воплощалась и въ XV и XVI вѣкѣ. При этомъ, само вещественное обладаніе Римомъ, повторяемъ, не дастъ ему могущества даже настолько, чтобы держать столицу въ повиновеніи, еслибъ она вздумала бунтоваться. Очевидно, что значеніе обладанія Римомъ сводится для папы къ значенію символа идеи папства, къ значенію подножія его вселенскаго духовнаго владычества, къ значенію престола папы, какъ «главы» вселенской церкви и какъ «государя» не какой-нибудь Церковной Области—но того папскаго государства, которое простирается всюду, гдѣ только есть хоть одинъ католикъ; къ значенію, наконецъ, центра и столицы духовной — не италіянской какой-либо, но всесвѣтной державы,—церкви - государства. Эта церковь - государство, съ своимъ главой и государемъ, есть латинская, католическая церковь съ римскимъ первосвященникомъ - папою: другой пока еще нѣтъ и мы ея не знаемъ. Не понятно ли послѣ этого, что отказаться отъ Рима Пій IX не можетъ, не отказавшись

отъ всего вѣроученія католицизма, не погубивъ всего зданія латинской церкви, созиждённой на Римѣ, какъ на камнѣ, который ей былъ и есть во главу угла? Не ясно ли, что снять это зданіе съ Рима и перенести его, не разрушивъ, на другой подобный *камень*, который бы для того годился, невозможно и немыслимо? Non possumus — отвѣчаетъ на всѣ предлагаемыя ей сдѣлки римская курія, и дѣйствительно ничего иного она и не можетъ противопоставить какъ non possumus—потому что все иное есть для нея смертный приговоръ. Сдѣлка, которою италіянское правительство думаетъ «примирить всѣ интересы», состоитъ въ томъ, чтобы папа согласился признать вѣчный и «вселенскій», по его понятіямъ, городъ Римъ—городомъ италіянскимъ, столицей италіянскаго королевства, а самъ оставался бы въ своемъ римскомъ дворцѣ, рядомъ съ италіянскою верховною государственною властью, въ качествѣ римскаго первосвященника. Но помирить папство съ такимъ положеніемъ — все равно что̀ помирить жизнь съ условіями смерти. По самой идеѣ папства, папа не можетъ признать надъ собой никакой власти, никакого начальства, когда онъ самъ, по ученію церкви, которой онъ глава, есть источникъ всякой власти въ предѣлахъ своей церкви и начало всѣхъ начальствъ!! Его престолъ, по принципу, долженъ находиться внѣ всякихъ условій территоріальной зависимости; его престолъ не ватиканскій дворецъ, а самъ Римъ, — и допустить папѣ другаго государя въ Римѣ значило бы для папы посадить на свой папскій престолъ, кромѣ себя, еще другаго главу и владыку. Ни на какія сдѣлки папа не пойдетъ и идти не можетъ. Настаивать надъ нимъ, чтобъ онъ принялъ такія условія мира,—все равно что̀ принуждать его добровольно согласиться на самоубійство не только свое, но и всей католической церкви. «Свѣтская власть папы»—есть жизненное основаніе какъ историческаго папства, такъ и историческаго католицизма. Ея паденіе влечетъ за собою неизбѣжно паденіе того и другаго, влечетъ такой переворотъ въ духовномъ строѣ всего латинскаго Запада, въ историческихъ судьбахъ всего міра, которое намъ, православнымъ, вполнѣ желанно въ чаяніи торжества истины православія, но котораго объема и послѣдствій не обнять даже и мысленному взору.

Тѣмъ не менѣе паденіе это неминуемо. Папство очевидно отжило свой вѣкъ; его громы безсильны, и вся новая Италія,—въ лицѣ своего короля отлученная папой отъ церкви,—не только посмѣивается папскимъ булламъ, но даже и не очень-то тяготится тѣмъ противорѣчіемъ, въ которое становится она сама съ собою, съ одной стороны оффиціально исповѣдуя католицизмъ, какъ онъ исповѣдуется въ теченіи вѣковъ,—а съ другой отрицая начало свѣтской власти папы и значеніе папскихъ анаѳемъ. Опасности, угрожащія папскому престолу, не подвигли пока католическіе народы на крестовый походъ въ его защиту, и папа вынужденъ терпѣть нестерпимое покровительство императора Наполеона,—которое одно только и сдерживаетъ напоръ на Римъ объединяющагося италіянскаго государства. Нѣтъ сомнѣнія, что свѣтская власть папы уже теряетъ обаяніе и могущество религіознаго принципа, — а если у этой «свѣтской власти» отнять ея религіозную основу, то она лишается всякаго нравственнаго права на существованіе и на обладаніе Римомъ; если папа перестанетъ быть въ сознаніи народовъ «главою» вселенской церкви, какимъ онъ являлся имъ въ теченіи столѣтій, то папа обращается въ свѣтскаго государя въ родѣ какого-нибудь Шварцбургъ-Зондергаузена или пожалуй великаго герцога Гессенъ-Кассельскаго. Въ такомъ случаѣ рѣшеніе римскаго вопроса не представило бы никакого затрудненія, и даже Наполеонъ III едвали бы и началъ изъ-за него войну съ Италіей, какъ не началъ ее съ Пруссіей изъ-за сверженія съ престола разныхъ нѣмецкихъ государей. Слѣдовательно *весь* вопросъ въ томъ—вполнѣ ли и окончательно ли вымерло въ сознаніи Латинскаго міра религіозное основаніе власти папы какъ римскаго государя, основаніе соотвѣтствующее всей идеѣ папства, какъ оно, это папство, явилось въ исторіи, проповѣдуется католическою религіей, существуетъ и поднесь? Вопросъ въ томъ—живуча ли и насколько еще живуча основная идея католицизма—какъ духовно-историческаго начала, какъ извѣстнаго, вполнѣ опредѣлившагося и формулировавшагося въ исторіи вѣроученія? Если эта идея вымерла, — то римскій вопросъ даже и не заслуживаетъ названія вопроса. Но мы не имѣемъ права утверждать, что она окончательно вымерла, уже

потому, что рѣшеніе этого вопроса безпрерывно отлагается; мы не можемъ не видѣть, что трудность вопроса—свойства чисто нравственнаго, и что вся сила безсильнаго Пія IX не въ папскихъ жандармахъ, не въ династическомъ правѣ (которое здѣсь не имѣетъ мѣста), не въ формѣ правленія, самой отвратительной въ мірѣ, не въ его значеніи, какъ мельчайшаго изъ свѣтскихъ монарховъ, — а въ самомъ званіи папы, въ вѣроисповѣдномъ принципѣ католицизма. Намъ могутъ возразить, что не будь въ теченіи 17 лѣтъ французскаго гарнизона въ Римѣ, не вмѣшайся Наполеонъ III и теперь, Римъ былъ бы уже въ настоящее время столицей Италіянскаго королевства и вопросъ о папствѣ рѣшенъ. Можетъ-быть, но самое вмѣшательство со стороны Наполеона, — откуда же оно истекаетъ? Конечно не изъ личной преданности латинству и не изъ одного желанія помѣшать единству Италіи, его же помощью возрожденной, — а изъ сознанія той силы, которою папство еще обладаетъ въ умахъ и совѣсти народныхъ массъ Франціи, внѣ Парижа, — изъ сознанія или изъ смутнаго инстинктивнаго опасенія, что съ паденіемъ папства, какъ положительной религіи, разверзнется предъ Западомъ пустота бездны, которую онъ не имѣетъ еще чѣмъ наполнить. На практическомъ ежедневномъ языкѣ Французовъ, дѣйствія Наполеона объясняются обыкновенно «силою нужной ему клерикальной партіи», и это справедливо; но на чемъ же какъ не на положительной вѣрѣ въ массахъ съ одной стороны, и, съ другой стороны, на томъ страхѣ, который внушаетъ обществу возможность исчезновенія положительной религіи,—основывается сила клерикальной партіи?

Папству могутъ предстоять два рода смерти: чисто насильственный, внѣшній, и естественный, внутренній. Впрочемъ, внѣшній насильственный способъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ только тогда, когда бы въ папствѣ замерли уже совсѣмъ внутреннія силы жизни. Не разъ случалось, и уже въ XIX вѣкѣ, что папу выгоняли изъ Рима, держали въ плѣну, папскую свѣтскую власть считали упраздненною, но папа вновь возвращался въ Римъ, папство выплывало надъ треволненіями народными снова; насиліе, причиненное ему, вызывало противъ себя, изъ какихъ бы то ни было побуж-

деній, но во имя религіознаго принципа, новое насиліе: значитъ, еще не пришла въ то время для него пора смерти. Пришла ли она теперь? Это-то и покажутъ намъ событія. Мы никакъ не отважимся пророчествовать, даже сомнѣваемся, чтобы католицизмъ сдался дешево, безъ борьбы, чтобъ онъ палъ, не истощивъ въ борьбѣ всѣхъ своихъ средствъ, какими только располагаетъ, и чтобы даже сраженный, онъ не проявилъ еще страшной силы въ конвульсіяхъ предсмертной агоніи. Православная Россія не можетъ не сочувствовать италіянскому движенію — «въ Римъ»! не можетъ не раздѣлять негодованія италіянскаго народа на вмѣшательство Франціи; но тѣмъ не менѣе самое это вмѣшательство заставляетъ подозрѣвать, что въ идеѣ папства еще остается нѣкоторая живучесть, что его ложь еще коренится въ убѣжденіи массъ. Намъ возразятъ: дѣло идетъ не объ уничтоженіи папства, какъ власти духовной, но именно объ очищеніи идеи папства отъ примѣси лжи, отъ примѣси элемента свѣтской власти. Но, повторяемъ, такое *видоизмѣненіе* папства есть не только уничтоженіе самого папства, какимъ оно создалось и явилось въ исторіи, но и *видоизмѣненіе* католической религіи,—а это равняется уничтоженію того тысячелѣтняго вѣроученія, которое вошло въ бытъ, въ кровь и плоть католическихъ народовъ. Такого рода религіозные перевороты не совершаются помощью неискреннихъ сдѣлокъ или компромиссовъ, обманомъ или сюрпризомъ, а требуютъ искренняго переворота въ понятіяхъ, яснаго и отчетливаго сознанія,—какъ напримѣръ это было во времена Реформаціи. Можетъ-быть такой переворотъ послѣдуетъ за переворотомъ внѣшнимъ? Можетъ-быть, но не можетъ же и латинскій Западъ не тревожить себя заранѣе вопросомъ: какое же вѣроученіе поставитъ онъ на мѣсто прежняго католицизма? «Цивилизацію»? Но она не религія, и народы ею пробавляться не могутъ. Протестантское ли исповѣданіе, столь несродное племенамъ латинскимъ, или же православное, единое истинное, или же, наконецъ, нѣчто новое, невѣдомое и еще несознанное?... Мы здѣсь только намѣтили ту громадную задачу, которая предлежитъ всему Западу съ паденіемъ свѣтской власти папства, которой разрѣшеніе онъ, въ страхѣ, откладываетъ и разрѣшенія которой настойчиво требуютъ наступающія событія...

Безвыходность Римскаго вопроса.

«Москва», 31-го октября 1867 г.

Въ послѣдній разъ, говоря объ Италіи, мы если и не предсказывали прямо неуспѣха италіянскаго движенія къ Риму, однакожъ сильно сомнѣвались въ успѣхѣ и указывали на трудность разрѣшенія такъ-называемаго римскаго вопроса, — трудность не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю, не столько матеріальную, сколько нравственную. Вѣрнѣе сказать, что вся фактическая сложность этого вопроса происходитъ отъ его сложности духовной. Если мы не вникнемъ глубже въ его сокровенный внутренній смыслъ, то внѣшнія событія представятся намъ совершенною безсмыслицей, къ которой мы и ключа не отыщемъ. Они явятся намъ какимъ-то сцѣпленіемъ случайностей и личныхъ капризовъ, какою-то путаницею личныхъ, правительственныхъ, народныхъ интересовъ, которая, чѣмъ больше стараются ее распутать, тѣмъ пуще и мудренѣе заплетается. Намъ кажется, что даже и западные публицисты недостаточно цѣнятъ эту внутреннюю сторону событій; ихъ вниманіе по преимуществу поглощено политической компликаціей внѣшнихъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе русскихъ наблюдателей выгоднѣе положенія прочихъ Европейцевъ. Ни политическіе, ни духовные наши интересы не связаны съ дѣломъ Рима и римской куріи; стоимъ мы отъ него въ сторонѣ и способны безпристрастнѣе обсуждать совершающійся историческій кризисъ, чѣмъ люди слишкомъ близко къ нему стоящіе и прямо въ немъ заинтересованные.

На сценѣ дѣйствія появляются и сталкиваются Гарибальди, Викторъ-Эммануилъ, Наполеонъ III, Пій IX, и эти болѣе или менѣе ярко выступающія личности заслоняютъ для публики дѣйствіе историческихъ пружинъ, которое однакоже нисколько отъ личностей не зависитъ. Не отъ личныхъ воззрѣній и прихотей слѣдуетъ ожидать рѣшенія вопроса,—не въ лицахъ дѣло, а дѣло въ ихъ знамени. Борьба идетъ не между лицами, а между началами. Вопросъ о Римѣ не есть только вопросъ частный, временный, но всемірно-историче-

скій; не только италіянскій, но всего католическаго міра, слѣдовательно имѣющій значеніе вселенское; вопросъ о Римѣ есть вопросъ о свѣтской власти папы; вопросъ о свѣтской власти римскаго папы есть вопросъ о римско-католической церкви, — слѣдовательно это вопросъ не политическій только, но по преимуществу вѣроисповѣдный и церковный. Очевидно, что однимъ политическимъ внѣшнимъ рѣшеніемъ этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія его вѣроисповѣдной, церковной стороны, а для этого послѣдняго разрѣшенія нуженъ актъ общественнаго сознанія. Другими словами: вопросъ долженъ быть предварительно, вполнѣ отчетливо и ясно, рѣшенъ въ сознаніи всего католическаго міра. Такое явленіе, такая духовная сила какъ папство, подъ воздѣйствіемъ котораго, какъ нравственно-историческаго агента, сложился духовный строй народовъ латинскаго Запада, не можетъ быть эскамотировано никакими ловкими фокусъ-покусами Наполеона III, Виктора-Эммануила или Ратацци, не можетъ быть *выкрадено* изъ міра незамѣтно, подъ прикрытіемъ разныхъ лицемѣрныхъ увѣреній въ преданности папѣ, подъ предлогомъ политической случайности; не можетъ вѣроисповѣданіе тысячи вѣковъ и сотни милліоновъ человѣческихъ совѣстей вдругъ, въ одинъ прекрасный день, перестать быть и явиться въ новомъ небываломъ образѣ, да еще не добровольно, а подъ угрозою пушекъ и штыковъ, французскихъ ли, италіянскихъ или гарибальдійскихъ — это все равно. Странно было бы предположить, что латинская церковь способна быть ликвидирована внезапно, внѣшнимъ насиліемъ; что, вступивъ сегодня, напримѣръ, въ Римъ, зуавы Наполеона III, или берсальеры Виктора-Эммануила, или красныя рубашки Гарибальди упрячутъ латинское вѣрованіе, какъ фокусники, себѣ въ карманъ и завтра же поднесутъ его, какъ на блюдечкѣ, міру—фильтрованнымъ, очищеннымъ, въ наилучшемъ, что ни на есть видѣ!.. Какъ французская революція, сокрушившая старую Францію, не разрѣшила однакожъ для Франціи вѣроисповѣднаго вопроса, именно потому, что отнеслась къ нему чисто-внѣшнимъ, насильственнымъ образомъ: сначала декретомъ отмѣнила не только католицизмъ, но и Бога, потомъ декретомъ же признала нѣчто въ родѣ Бога, а потомъ, въ лицѣ сво-

его консула-солдата, объявила Францію не только въ Бога вѣрующею, но и католическою, и даже папистскою; какъ Наполеонъ I не уничтожилъ не только папства, но даже его свѣтской власти, хотя и выгналъ его изъ Рима и владѣлъ лѣтъ шесть или семь, какъ государь, удѣломъ Св. Петра, такъ, *безъ разрѣшенія римскаго вопроса, какъ вопроса вѣроисповѣднаго, въ сознаніи человѣчества*, не удастся: ни Наполеону III задушить въ своихъ покровительственныхъ объятіяхъ свѣтскую власть папы или видоизмѣнить ее искусно, до призрачности, — ни Виктору-Эммануилу—доказать свое усердіе къ папѣ и церкви уничтоженіемъ историческаго папы и исторической церкви!

Всего болѣе вѣроятности на успѣхъ могло бы имѣть народное движеніе Италіи подъ предводительствомъ народнаго вождя Гарибальди. Но и здѣсь что же мы видѣли? Развѣ это было такое же движеніе, какъ при походѣ Гарибальди изъ Сициліи на Неаполь? Конечно нѣтъ. Что значитъ ничтожная малочисленная армія папы, составленная изъ всякаго сброда, въ сравненіи со стотысячною арміей неаполитанскаго короля? И однакожъ послѣдняя растаяла какъ снѣгъ, а папская армія, даже и до содѣйствія Французовъ, разбила гарибальдійцевъ. Могли ли бы папскіе зуавы противопоставить народному натиску серьезный отпоръ, еслибъ это былъ въ самомъ дѣлѣ народный натискъ, еслибы вспыхнула настоящая народная война, какъ напримѣръ война вандейская, война въ Испаніи при Наполеонѣ I? До появленія Гарибальди на полѣ дѣйствія гарибальдійцы были даже вынуждены очистить Церковную Область и когда, вырвавшись изъ плѣна, водрузилъ свое знамя Гарибальди, то, несмотря на все обаяніе имени этого честнѣйшаго энтузіаста, къ нему собралось не болѣе 7 тысячъ! Можно, пожалуй объяснить его пораженіе разными посторонними помѣхами, но мы указываемъ здѣсь только на крупныя черты историческаго событія, да и самыя помѣхи возникли именно отъ того, что вопросъ о папствѣ затрогиваетъ интересы не одной Италіи, но и Франціи и всего латинскаго Запада. Впрочемъ, неудача Гарибальди происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ двухъ причинъ: онъ поднялъ не прежнее свое знамя: «Италія и Викторъ-Эммануилъ!» а знамя республиканское, знамя

Мадзини, вслѣдствіе чего населеніе городовъ въ Папской Области, не оказывавшее, какъ по всему видно, гарибальдійскимъ бандамъ никакого особеннаго содѣйствія, встрѣтило съ сочувствіемъ войска италіянскаго короля и постановило плебисциты о присоединеніи къ Италіанскому королевству. Другая причина — та, что Гарибальди объявилъ войну не только свѣтской власти папы, но и папству и духовенству, не разсудивъ, что разрушая весь вѣковой складъ, всю обстановку народнаго вѣроисповѣданія, народнаго религіознаго быта, онъ не давалъ народу взамѣнъ *ничего*, а предлагалъ довольствоваться какою-то неопредѣленною религіей *вообще*, какою-то отвлеченною религіозностью. Намъ могутъ возразить, что тому же Гарибальди въ 1848 году удалось однако произвести революцію въ Римѣ и заставить папу бѣжать въ Чивита-Веккію. Не споримъ, — бурный потокъ революціи охватилъ тогда всевластно все народонаселеніе Италіи. Но что же вышло въ концѣ-концовъ? Развѣ не папство побѣдило и восторжествовало снова?... Французскими солдатами, скажутъ намъ. Нѣтъ; силою настоящаго *папскаго воинства*, т. е. силою клерикальной партіи, которая во Франціи такъ властна, что только опершись на нее могъ Людовикъ-Наполеонъ сдѣлаться президентомъ, а потомъ и императоромъ, и которая заставила его, вопреки волѣ народнаго представительства, отправить французскихъ солдатъ въ Римъ и возстановить Пія IX на престолѣ.

Мы убѣждены, что то же самое случилось бы и теперь, если бы Гарибальди удалось овладѣть Римомъ—если бы даже по пятамъ его вступили въ Римъ войска самого италіянскаго короля и при звукахъ трубъ и литавръ провозгласили начало новой религіозной эры! Если уже республиканская Франція, въ лицѣ своего президента, нашла необходимымъ вступиться за папу, то тѣмъ болѣе обязывается къ тому Франція императорская.... Нельзя не подивиться тому простодушію, съ которымъ многіе не только за границей, но и у насъ удивляются противорѣчію императора Наполеона съ самимъ собой — въ вопросѣ объ Италіи и папѣ. Онъ же положилъ основу зданію единой Италіи, и онъ же мѣшаетъ довести зданіе до вѣнца; онъ же являлся столько разъ въ жизни противникомъ свѣтской вла-

сти папы, и онъ же ее возстановляетъ; какъ Наполеонидъ, онъ есть порожденіе революціи 1789 года, и въ то же время готовъ, для поддержки папства, разрушить имъ же созданное италіянское единство и начать братоубійственную религіозную войну! Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣйствіяхъ Наполеона есть противорѣчіе,—противорѣчіе вопіющее, безвыходное, но, прибавимъ, неизбѣжное. Это противорѣчіе есть логическое послѣдствіе того внутренняго противорѣчія, въ которомъ находится весь латинскій Западъ, а Франція по преимуществу— относительно вѣроисповѣднаго знамени. Въ дѣлѣ религіи вся Франція продолжаетъ пребывать въ противорѣчіи, изъ котораго она даже и не пробовала выходить, которое остается не разрѣшеннымъ и не примиреннымъ, котораго жгучесть на время заглушена оффиціальною и личною каждаго произвольною сдѣлкой, но которое, во всѣхъ крупныхъ историческихъ оказіяхъ, даетъ себя знать — противорѣчіемъ во внѣшней и внутренней политикѣ. Хотя предметъ, котораго мы коснулись, требовалъ бы обширнаго разъясненія, но постараемся истолковать нашу мысль вкратцѣ.

Мы упомянули выше, что первая революція, la grande révolution, эта сплошная оргія деспотизма, подобнаго которому не знавалъ міръ ни древній ни новый, въ одинъ прекрасный день отмѣнила декретомъ католическое вѣроисповѣданіе и всякую вѣру въ Бога. Эта революція была по преимуществу аристократическая, ибо произведена была аристократами мысли, абстрактной теоріи и науки, составлявшими меньшинство и деспотически распоряжавшимися народомъ, котораго являлись самозванными представителями и котораго вѣрованія, обычаи, преданія, вся бытовая свобода— были безпощадно потоплены въ крови сочинителями деклараціи «о правахъ человѣка». Наконецъ Робеспьеръ объявилъ, что l'athéisme est aristocratique,—атеизмъ есть явленіе аристократическаго свойства, и декретомъ же призналъ исповѣданіе Верховнаго Существа. Затѣмъ первый консулъ, очень ясно понимавшій, что элементъ вѣроисповѣдный нисколько не упраздненъ ни въ массахъ народа, ни вообще во французскомъ обществѣ, насиліемъ парижскихъ теоретиковъ, — возстановилъ разомъ, безъ всякихъ транзакцій, государственное и общественное значеніе католическаго культа съ папой

и папствомъ, выговоривъ только нѣкоторыя права и привилегіи собственно для галликанской церкви. Такимъ образомъ Франція отъ всенароднаго, торжественнаго отрицанія католицизма перешла снова къ признанію того же самаго католицизма,—не какой-либо новой религіи, а прежней, старой, со всею ея прежнею, старою ложью,—католицизма не очищеннаго отъ папства, а со всѣмъ—съ папствомъ и съ принципомъ свѣтской власти папы. Въ сознаніи Франціи не совершилось даже процесса, посредствомъ котораго она произнесла бы отрицаніе своему недавнему отрицанію латинскаго вѣроисповѣданія: не выбравшись ни на какой новый духовный путь, не разъяснивъ противорѣчія, ничего не разрѣшивъ и не примиривъ, Франція вогнала это противорѣчіе внутрь себя, приняла его какъ элементъ своего развитія. Такимъ образомъ во Франціи les grands principes, великія атеистическія начала революціи 1789 года и духовно-историческія начала католицизма стоятъ другъ противъ друга, взаимно себя исключая, но тѣмъ не менѣе живя вмѣстѣ, бокъ о бокъ, связанные государственной сдѣлкой. Между этими двумя крайностями нѣтъ никакой середины, нѣтъ почвы, по крайней мѣрѣ общественной, на которой можно было бы стать: приходится быть или папистомъ, или атеистомъ, или же пробавляться про себя религіей собственнаго сочиненія. Поэтому-то Кине, въ своей замѣчательной книгѣ о французской революціи, съ такимъ ожесточеніемъ упрекаетъ конвентъ, зачѣмъ, вмѣсто уничтоженія всякаго вѣроисповѣданія, не замѣнилъ онъ католицизмъ протестантизмомъ или какою-либо религіей положительною (причемъ Кине, негодуя на деспотизмъ революціи, самъ же ищетъ исхода въ мѣрахъ самаго деспотическаго свойства!). Какъ бы то ни было, но таковъ историческій фактъ, Франція не порѣшила съ католицизмомъ въ сознаніи. Рядомъ съ либеральною журналистикой, требующей отмѣны свѣтской власти папы, стоятъ десятки милліоновъ католиковъ, которые держатся, держатся упорно за этотъ принципъ, не потому чтобъ онъ самъ по себѣ былъ имъ дорогъ, а потому что съ упраздненіемъ этого принципа упраздняется и самое то историческое вѣроученіе, въ которомъ они пребывали свыше тысячи лѣтъ. Разсуждая съ пренебреженіемъ о значеніи папства, у насъ обыкновенно упускаютъ

изъ виду, что папство, какъ бы оно ни было ложно по своему принципу, есть единственная форма, въ которой современные католическіе народы познаютъ христіанство: другой формы они не знаютъ, и цѣпляются за папство, не по сочувствію къ папству, а по инстинктивной и отчасти сознательной антипатіи къ атеизму. Остаться безъ папства, какъ оно освящено исторіей и оправдано вѣроученіемъ,—для нихъ все равно что̀ остаться безъ всякой вѣры, безъ церкви. Еслибы вся Франція, напримѣръ, приняла лютеранское исповѣданіе; еслибы даже не вся Франція, а во Франціи возникла бы такая положительная проповѣдь въ средѣ католическаго духовенства, которая выработала бы доктрину новаго католицизма безъ свѣтской власти и непогрѣшимости папы; еслибъ въ латинской французской церкви явился новый расколъ,—вопросъ римскій былъ бы не труденъ для разрѣшенія. Императоръ Наполеонъ могъ бы опереться на эту фракцію духовенства, могъ бы выступить противъ папы съ новымъ религіознымъ знаменемъ и собрать, быть-можетъ, подъ это знамя значительное большинство. Но иное видимъ мы во Франціи: духовенство все на одной сторонѣ—ультрамонтанской, а на другой—les grands principes—великія начала революціоннаго атеизма 1789 года, и Наполеону III приходится колебаться между какимъ-нибудь журналистомъ Геру и епископомъ Дюпанлу! Вотъ источникъ и двойственности и противорѣчій въ его политикѣ внѣшней и внутренней. Но никакіе хитрые извороты не помогутъ ему упразднить или видоизмѣнить свѣтскую власть папы настолько, чтобъ удовлетворить и Геру и Дюпанлу, и примирить начала непримиримыя какою-нибудь лживою сдѣлкой: non possumus Рима (за которое многіе такъ гнѣваются на папу, какъ будто онъ можетъ отвѣчать что-либо иное и подписать самому себѣ смертный приговоръ!), простое non possumus Рима разобьетъ всѣ эти хрупкія сдѣлки. Не поможетъ ему выдти изъ этого противорѣчія и замышляемая имъ конференція. Если точно предметомъ этой конференціи будетъ вопросъ о папѣ, то съ какой стати примутъ въ ней участіе державы протестантскія и православная Россія? Если сойдутся на конференцію представители однихъ католическихъ государствъ, то они также ничего не рѣшатъ, потому что вопросъ о папѣ есть вопросъ

вѣроисповѣдный, а вопросъ вѣроисповѣдный не можетъ рѣшаться путемъ дипломатическихъ переговоровъ.

Все сказанное нами сводится къ слѣдующему:

Вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ католицизмѣ, какъ положительной исторической религіи. Вопросъ о католицизмѣ для народовъ его исповѣдующихъ есть вопросъ о самомъ вѣрованіи христіанскомъ, ибо въ иной формѣ они христіанства не знаютъ и не исповѣдывали. Въ этомъ собственно и заключается вся сила папства въ наше время, а не въ немъ самомъ. Упразднить историческое папство, *надувъ* народы, т. е. обманувъ ихъ разными лицемѣрными сдѣлками и наружными предлогами, притомъ такъ, чтобы самое очищеніе католической религіи произошло не посредствомъ процесса сознанія вѣрующихъ, а путемъ политическихъ комбинацій и военныхъ стратагемъ,—немыслимо. Этотъ послѣдній путь приведетъ непремѣнно къ религіозной войнѣ, которая, какъ мы видѣли, уже готова была вспыхнуть между Франціей и Италіей и которая только отложена, но не устранена, ибо не устранены самые къ ней поводы. Поводы же не могутъ быть устранены, потому что для Франціи нѣтъ выхода изъ того противорѣчія, въ которомъ она поставлена, пока она не разрѣшитъ этого противорѣчія внутри самой себя. Для Виктора-Эммануила одинъ выборъ: или обладаніе Римомъ, или отреченіе отъ мысли объ единой Италіи, а это равнялось бы самоубійству. Наполеону также предстоитъ выборъ: между единой Италіей съ Римомъ, что навлекло бы на него месть клерикальной партіи, можетъ-быть революцію внутри и паденіе династіи,—и между войною съ единою Италіей, что обрушитъ на него негодованіе всѣхъ нравственныхъ силъ страны, созданныхъ духомъ 1789 года. Войны, повторяемъ, можетъ и не быть въ настоящее время, но таковы стратегическія позиціи обѣихъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ, ни французское, ни италіянское вступленіе въ Римъ не разрѣшитъ вѣроисповѣднаго вопроса. Этотъ вопросъ разрѣшится двумя путями: или религіозною войной, или же процессомъ сознанія, т. е. сознательнаго отреченія отъ католицизма, какъ извѣстнаго до сихъ поръ вѣроученія, и замѣны его новымъ вѣроученіемъ, новымъ положительнымъ вѣроисповѣданіемъ. Еслибы, напримѣръ, раздалась теперь въ

Италіи проповѣдь о возвращеніи къ древнему чистому преданію апостольской церкви,—тому преданію, которое предшествовало раздѣлу церкви на восточную и западную,—такая проповѣдь, указывая христіанамъ Италіи путь спасенія, надежную почву для вѣры и форму положительной христіанской религіи, — такая проповѣдь, въ случаѣ успѣха, скорѣе бы развѣнчала свѣтскаго государя папу и сдѣлала Римъ столицей Италіи, чѣмъ честное сумасбродство Гарибальди и нечестныя продѣлки политики.

Отношеніе Россіи къ Римскому вопросу.

„Москва". 4-го ноября 1867 г.

Конференція—вотъ придуманный императоромъ Наполеономъ исходъ изъ той чащи противорѣчій, рогатыхъ силлогизмовъ и всякихъ фальшивыхъ отношеній, въ которой увязла Франція, благодаря сентябрской конвенціи и своему недавнему вмѣшательству въ дѣла Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя экспедиція, съ дорого стоющею переправой изъ Тулона въ Чивита-Веккію французскаго войска, не подвинула римскаго вопроса къ разрѣшенію ни на волосъ, или даже отодвинула его къ тому положенію, въ которомъ онъ былъ годъ тому назадъ. На исторической сценѣ «*то же* и *тѣ же*»: папа, охраняемый, какъ и прежде, французскимъ гарнизономъ, и французскій гарнизонъ, насильственно и искусственно поддерживающій свѣтскую власть папы; папа, не способный обойдтись безъ французской опеки и въ то же время ненавидящій ее и недовѣряющій политикѣ «старшаго сына церкви»; французская опека, не способная развязаться съ опекаемымъ папой и въ то же время лежащая бременемъ и на опекунахъ, и на всей Франціи. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы весь послѣдній историческій эпизодъ не далъ никакого новаго результата. Онъ выяснилъ до наглядной и осязательной несомнѣнности то, что можно было впрочемъ предвидѣть и заранѣе,—политическую несостоятельность сентябрской конвенціи, полнѣйшую непригодность ея служить временною сдѣлкой или палліативомъ тревожному состоянію другаго «больнаго человѣка» въ Европѣ — римскаго папы.

Онъ доказалъ, что дальнѣйшее со стороны Франціи упорство въ искусственной поддержкѣ свѣтской власти «намѣстника Христа» неминуемо приведетъ ее не только къ потерѣ италіянскихъ симпатій и Италіи какъ союзницы (что уже есть и теперь), но и къ кровопролитной войнѣ съ Италіей. Эта война была бы не только опасна для династіи Наполеонидовъ, но еще болѣе опасна для Франціи, гдѣ она вызвала бы борьбу ея внутреннихъ жизненныхъ противорѣчій: церковнаго латинскаго вѣроисповѣданія и политическаго вѣроисповѣданія, завѣщаннаго ей революціей. До сихъ поръ правительство умѣло съ необыкновеннымъ искусствомъ лавировать между этими двумя подводными камнями; но, увлеченное водоворотомъ событій и затянувшись въ войну оно неминуемо разобьется о тотъ или другой камень. Если до сихъ поръ эти противорѣчія существуютъ благополучно другъ подлѣ друга, то благодаря отчасти той сдѣлкѣ, которая установилась между ними tacito omnium consensu,—но столкнувшись вмѣстѣ, доведенныя до крайняго своего выраженія, они приведутъ неизбѣжно къ страшному взрыву. Положимъ, императоръ Наполеонъ и король Викторъ-Эммануилъ, оба, убоясь роковаго тяготѣнія событій, благоразумно, съ потерей—первый своего обаянія, какъ искуснаго политика, второй своей популярности, разведутъ свои войска по мѣстамъ и устранятъ близко грозившую возможность войны. Но что же будетъ дальше? Развѣ не можетъ, на другой же день по выходѣ изъ Чивита-Веккіи французскихъ войскъ, вспыхнуть возстаніе, подъ знаменемъ того же Гарибальди или Мадзини? Развѣ уничтоженъ поводъ къ возстанію? Развѣ отказалась и можетъ отказаться Италія отъ завѣтной мечты о Римѣ? А въ такомъ случаѣ, неужели французскимъ войскамъ снова садиться на суда и быть вѣчно наготовѣ сняться съ мѣста и спѣшить на помощь папѣ, въ ожиданіи тревожной телеграммы изъ Рима? Или же оставаться имъ въ Римѣ гарнизономъ безсмѣнно, тюремщикомъ-хранителемъ папы? Но эту роль уже исполняла Франція 17 лѣтъ и признала ее недостойною, разорительною и въ то же время безплодною, такъ какъ она не разрѣшила и не разрѣшаетъ вопроса.

Съ другой стороны, отказаться отъ поддержки свѣтской власти папы, такъ-сказать махнуть рукой на римскую курію

и предоставить ее ея собственной судьбѣ — не значило ли бы для императора Наполеона, вопервыхъ, осудить собственную свою политику въ теченіи 20 лѣтъ, отречься отъ своихъ торжественныхъ заявленій и обѣщаній? вовторыхъ — подвергнуться мщенію всей клерикальной партіи и всей той массы католиковъ, надъ которою она господствуетъ и на которую опирается его тронъ; наконецъ — предоставить Италіи полную возможность объединиться и сложиться въ сильную державу, но уже не дружественную, какъ было прежде, а оскорбленную, раздраженную и ищущую опоры во враждебныхъ Франціи силахъ? Предоставить папу его судьбѣ — не значило ли бы для Франціи отказаться отъ своего историческаго, многовѣковаго значенія какъ латинской и католической державы, какъ первой и старшей изъ католическихъ державъ?

Въ виду такого неразрѣшимаго противорѣчія, въ виду недовѣрія партіи ультрамонтанской, недовольной предполагаемымъ скорымъ отозваніемъ французскихъ войскъ, въ виду негодованія либеральной части французскаго населенія,— императору Наполеону не остается ничего болѣе какъ возвести римскій вопросъ въ вопросъ европейскій и такимъ образомъ развязаться съ нимъ лично, снять съ себя отвѣтственность, разложить ее на прочія правительства Европы, втянуть и ихъ въ солидарность съ собою по разрѣшенію этой щекотливой и опасной задачи. Это, повидимому, единственный почетный исходъ изъ затруднительнаго положенія императора, и понятно, почему французскій кабинетъ, какъ извѣщаетъ насъ телеграфъ, приглашая иностранныя державы къ участію въ конференціи, остерегается всякихъ заявленій, которыя бы могли помѣшать успѣху императорскаго приглашенія. Тѣмъ не менѣе, едвали можно полагать, что конференція состоится.

Что будетъ подлежать обсужденію европейскихъ дипломатовъ, съѣхавшихся на общее совѣщаніе, по призыву французскаго императора?—Римскій вопросъ. Но римскій вопросъ имѣетъ двѣ стороны: одну—политическую, т. е. вопросъ о папѣ, какъ независимомъ государѣ маленькаго пространства земли въ 214 квадратныхъ миль съ 600 тысячами жителей и со столицей Римомъ; другую — вѣроисповѣдную, т. е. о свѣтской власти папы, какъ религіозномъ принципѣ, какъ

историческомъ основаніи *римско*-католическаго вѣроученія. Первая сторона вопроса, чисто политическая, независимая отъ стороны вѣроисповѣдной, конечно могла бы быть предметомъ совѣщаній для всѣхъ державъ безразлично, къ какому бы вѣроисповѣданію ихъ подданные ни принадлежали. Но въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны съ газетой »Times» и такъ же какъ она ставимъ вопросъ: на какомъ основаніи соберутся представители Европы разсуждать о судьбѣ маленькаго владѣнія, когда годъ тому назадъ исчезли съ лица Европы владѣнія несравненно болѣе крупныя, Гессенъ-Кассель, Нассау и даже цѣлое королевство Ганноверское,—и никому въ голову не пришло наряжать по этому поводу конгрессъ? Почему объединеніе Германіи могло совершиться безъ спроса европейскихъ державъ, а объединеніе Италіи должно быть поставлено въ зависимость отъ европейскаго ареопага? Разсматриваемый съ своей исключительно-политической стороны, римскій вопросъ есть вопросъ италіянскій и не представляетъ никакого основанія возводить его въ вопросъ европейскій, дѣлать преметомъ международной дипломатической конференціи. Между тѣмъ, вопросъ этотъ такого рода, что нельзя коснуться его одной политической стороны, не коснувшись, прямо или посредственно, его стороны вѣроисповѣдной. Стало-быть, какъ исключительно-политическій, этотъ вопросъ представляется слишкомъ ничтожнымъ для того, чтобы быть предметомъ дипломатическихъ совѣщаній, и въ то же время до такой степени связаннымъ съ вопросомъ религіознымъ, что державы, которыя бы согласились принять участіе въ его разрѣшеніи *только* какъ вопроса политическаго, взяли бы, значитъ, на себя рѣшеніе и вопроса религіознаго.

Вѣроисповѣдная же сторона собственно и придаетъ особенно жгучее значеніе вопросу о Римѣ и выдвигаетъ его изъ тѣсныхъ размѣровъ вопроса мѣстнаго, италіянскаго. Но не говоря уже о томъ, что вопросы вѣроисповѣдные рѣшаются не представителями правительствъ или кабинетовъ, а представителями церкви, въ обширномъ смыслѣ этого послѣдняго слова, не на дипломатическихъ конференціяхъ, а на соборахъ,—не говоря уже о томъ, что самыя рѣшенія подобныхъ вопросовъ требуютъ признанія не со стороны подле-

жащихъ свѣтскихъ властей, а со стороны обществъ и народовъ,—не говоря уже о всемъ этомъ, какое право имѣли бы на участіе въ подобной конференціи державы протестантскія,—держава православная, какова Россія? Неужели можно ожидать, что Россія сама добровольно навяжетъ себѣ въ чужомъ пиру похмѣлье, сама станетъ собственными своими руками подправлять ветхое зданіе папизма, окапывать и унаваживать новымъ наземомъ лживыхъ компромиссовъ и сдѣлокъ это древнее исполинское насажденіе лжи, нынѣ близкое къ смерти? Неужели можно предполагать, что Россія отречется отъ своего призванія, отъ своей обязанности, отъ своего основнаго жизненнаго принципа, т. е. отъ православія, и вопреки интересу высшей истины и интересу всѣхъ членовъ православной церкви, будетъ содѣйствовать поддержанію великаго раскола церковнаго, будетъ сама упрочивать причину разъединенія вселенской церкви? Государственная власть Россіи, будучи представительницей народа исповѣдующаго православіе, не можетъ становиться въ такое вопіющее противорѣчіе съ его духовными интересами, съ интересами того Русскаго народа, ради котораго она существуетъ, въ которомъ заключается ея сила и причина бытія. Государственная власть не есть что-то отвлеченное, безразличное, само по себѣ и для себя существующее. Коренясь въ духѣ народномъ, она питается его духовною сущностью, и какъ скоро перестаетъ ею питаться, становится древомъ изсохшимъ, не приносящимъ плода. Мы говоримъ это въ виду тѣхъ пустопорожнихъ разсужденій, которыя еще раздаются иногда въ нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ слояхъ, особенно петербургскихъ, гдѣ полагаютъ, что администрація Русской земли должна витать въ какихъ-то надземныхъ сферахъ, въ какомъ-то царствѣ бюрократіи не отъ міра сего, гдѣ прислуживать обязаны ей какіе-то безплотные чиновники, не имѣющіе ни народности, ни отечества, чуждые *узкихъ* національныхъ, церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ интересовъ, не подверженные низкимъ внушеніямъ народнаго самолюбія, народной и государственной чести, и поклоняющіеся только одному кумиру — «европейской цивилизаціи». Эти господа точно такъ же мало отдаютъ себѣ отчетъ и въ этомъ послѣднемъ словѣ, какъ и въ томъ — что̀ такое Россія и

Русскій народъ. Для нихъ европейская цивилизація не есть нѣчто органическое и историческое, съ костями и тѣломъ, въ которомъ артеріями—живыя самостоятельныя національности; она представляется имъ чѣмъ-то законченнымъ, отрѣшеннымъ отъ вопросовъ народныхъ и религіозныхъ,—тогда какъ самая судьба римскаго вопроса должна была бы убѣдить ихъ въ противномъ; у нихъ понятіе объ европейской цивилизаціи разрѣшается въ пустое благозвучное слово, которымъ, не изслѣдуя его содержанія, они и пробавляются весь свой вѣкъ. Для этихъ господъ участіе Россіи въ конференціи можетъ пожалуй показаться необходимымъ, «ради европейскаго мира». «Европейскій миръ!» Колоссальная потребна близорукость, чтобы не видѣть, какимъ Дамокловымъ мечомъ повисло надъ міромъ европейскаго міра римское папство? Кому же не очевидно, что свѣтская власть папы заражаетъ теперь все духовное тѣло западной Европы и путаетъ всѣ ея политическія отношенія, что первымъ условіемъ сохраненія мира изъять то, что̀ нарушаетъ миръ,—но изъятіе это можетъ зависнѣть только отъ самихъ католическихъ народовъ, исповѣдывающихъ свѣтскую власть папы какъ религіозный принципъ.

Мы никакъ не можемъ и представить себѣ участія Россіи въ конференціи, созываемой императоромъ Наполеономъ. Трудно предположить также, чтобы согласились участвовать въ ней Англія и Пруссія. Созвать же конференцію изъ однихъ католическихъ державъ значило бы прямо поставить вопросъ вѣроисповѣдный, стать съ нимъ лицомъ къ лицу,—а этого-то и желаетъ избѣжать французскій императоръ, надѣявшійся разрѣшеніемъ вопроса политическаго, и подъ его прикрытіемъ, нечувствительно и незамѣтно, украдкой, безъ потрясеній, упразднить для Латинскаго міра вопросъ о свѣтской власти, какъ вопросъ вѣроисповѣдный.

Не знаемъ, что̀ покажутъ дальше событія, но мы продолжаемъ держаться убѣжденія, что «римскій вопросъ» разрѣшится не прежде, какъ по разрѣшеніи самого вѣроисповѣднаго вопроса *въ сознаніи* всего католическаго міра, и необходимость *такого* именно разрѣшенія почувствуется скоро, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ труднѣе окажется рѣшеніе политической стороны вопроса.

По поводу декларации 4-хъ державъ турецкому правительству.

„Москва“. 7-го ноября 1867 г.

Событія въ Италіи отвлекли на время вниманіе Европы отъ дѣлъ Востока, и римскій папа заслонилъ собою главу ислама, котораго впрочемъ газета «Times» называетъ также своего рода папой для Англіи. «У насъ свой папа, съ которымъ мы также нянчимся, какъ Франція съ папой римскимъ,—говоритъ «Times», папа въ Константинополѣ». Оба вопроса дѣйствительно представляютъ много сходнаго: паденіе папства, по крайней мѣрѣ въ томъ его образѣ, какой ему данъ тысячелѣтней исторіей, и паденіе ислама, т. е. магометанскаго плѣненія страны православной—два явленія не только аналогическія, но, вслѣдствіе внутренней между ними связи, восполняющія другъ друга. Не вдаваясь, впрочемъ, въ изслѣдованіе духовной стороны вопроса и ея значенія для будущихъ судебъ человѣчества, взглянемъ на Восточный вопросъ съ его современной, политической, внѣшней стороны. Самымъ важнымъ политическимъ событіемъ для дѣлъ Востока является, безъ сомнѣнія, уже извѣстная нашимъ читателямъ, декларація турецкому правительству отъ имени Россіи, Пруссіи, Италіи и Франціи, — состоявшаяся, какъ извѣстно, по мысли и по настоянію русскаго кабинета. Казалось бы, что съ этою декларацією должна начаться для дѣлъ Востока новая фаза, — по крайней мѣрѣ торжественность и самый смыслъ заявленія придавали ей, *повидимому*, характеръ не просто дипломатическаго документа, одного изъ тѣхъ, которые Порта чтитаетъ десятками, а положительнаго политическаго акта. Затѣмъ, при всей этой видимости, дѣйствительное значеніе декларацiи поставлено въ полную зависимость отъ того, какъ смотрятъ на нее сами подписавшія ее державы. Сколько извѣстно и сколько можно судить по отзывамъ и сообщеніямъ иностранной журналистики, — онѣ не всѣ смотрятъ на нее одинаково, и именно Франція вовсе не присвоиваетъ этому документу той важности, которую очевидно придаетъ ему Россія. Отказъ Англіи и Австріи также ослабляетъ въ значительной степени практическую

силу этого заявленія, а отвѣтъ Порты, объявляющей, что она находитъ этотъ документъ только по формѣ благопріятнымъ для Грековъ и христіанъ, а въ сущности благопріятнымъ для нея самой, свидѣтельствуетъ, что коллективная нота четырехъ державъ представляется ей больше *документомъ*, — такимъ, который она можетъ помѣтить, по своему обычаю, «къ таковымъ же», чѣмъ серьезнымъ политическимъ дѣйствіемъ. По всему видно, что она нисколько не устрашена кажущимся единодушіемъ Франціи и Россіи въ Восточномъ вопросѣ.

Мы не знаемъ, какіе дипломатическіе переговоры предшествовали подписанію декларація: было ли вполнѣ взвѣшено значеніе этого акта, были ли предусмотрѣны всѣ истекающія изъ него послѣдствія и обязательства, и согласились ли державы предварительно въ точномъ смыслѣ подписаннаго ими заявленія, или же каждая, подписывая, истолковывала его по-своему. Мы не знаемъ также, въ чемъ состояли редакціонныя поправки французскаго кабинета, о которыхъ упоминаетъ циркуляръ князя Горчакова. Можетъ-быть, эти поправки и раскрыли бы для насъ тайную мысль французской дипломатіи. Намъ извѣстно только то, что французскій кабинетъ далъ свое согласіе на декларацію не вдругъ, а послѣ нѣкоторыхъ колебаній и имѣя уже въ виду рѣшительный и категорическій отказъ Австріи принять въ ней участіе. Такое дѣйствіе французскаго кабинета, наканунѣ или почти во время пребыванія императора Франца-Іосифа въ Парижѣ, гдѣ оба монарха старались выставить на-показъ установившееся между ними сердечное согласіе и солидарность политическихъ видовъ, — уже само по себѣ является подозрительнымъ. Восточный вопросъ занимаетъ въ политикѣ Австріи не второстепенное, а первостепенное мѣсто; болѣе того — онъ связанъ для нея съ вопросомъ о ея собственномъ существованіи; при рѣзкомъ несогласіи политическихъ видовъ относительно Востока, согласіе обоихъ кабинетовъ по прочимъ вопросамъ не представляло бы никакой особенной важности. Очевидно, что въ глазахъ Франціи подпись подъ документомъ, который Австрія подписать отказалась, не представлялась серьезнымъ съ Австріей разнорѣчіемъ, не компрометтировала взаимныхъ отношеній обѣихъ державъ въ

такомъ многозначительномъ дѣлѣ. Достаточно однихъ этихъ соображеній и указаній, чтобы съ самаго же начала усомниться въ искренности французской подписи подъ декларацією или, по крайней мѣрѣ, усомниться въ томъ, что Франція придаетъ своей подписи и своей декларації ту же обязательность и ту же важность, какъ и Россія.

Разсмотримъ однако же самую декларацію. По нашему мнѣнію, она тѣмъ отличается отъ прочихъ, предшествовавшихъ ей, одиночныхъ, коллективныхъ нотъ, адресованныхъ Дивану, что этою декларацією державы въ первый разъ отказываются гарантировать долѣе цѣлость Турецкой имперіи,—что сохраненіе Турціи исключается ими изъ основныхъ положеній европейскаго равновѣсія. Сказавши сначала, что «державы исполнили все, что̀ внушало имъ участіе къ будущности самой Турціи», декларація говоритъ далѣе, что Порта своими дѣйствіями ускоряетъ кризисъ, и что онѣ «принуждены сложить съ себя всякую отвѣтственность *и предоставить Порту возможнымъ послѣдствіямъ ея дѣйствій*». Понятно, что подъ *возможными послѣдствіями*, которыми декларація *грозитъ* Турціи, разумѣются не побѣды Турокъ надъ христіанами, не упроченіе цѣлости Турецкой имперіи, а нарушеніе этой цѣлости, или еще худшія для Порты *возможныя послѣдствія* отъ вызваннаго ея *дѣйствіями* кризиса, т. е. возстанія христіанъ. Итакъ, предположенная во всеуслышаніе возможность распаденія Оттоманской имперіи, вмѣстѣ съ заявленіемъ объ отказѣ охранять цѣлость этой имперіи,—вотъ существенный и грозный смыслъ декларації. Казалось, было бы чѣмъ смутиться правительству султана. И можетъ-быть одно такое заявленіе, подписанное не четырьмя только, а всѣми шестью державами, не осталось бы безъ вліянія на падишаха и его министровъ; подписанное же не всѣми, и именно неподписанное Англіей и Австріей, оно утрачиваетъ почти всякую практическую важность, выражая только личное мнѣніе подписавшихъ державъ и безсиліе ихъ придти къ единодушному соглашенію съ прочими, заинтересованными въ вопросѣ державами. Тѣмъ не менѣе остается страннымъ, какимъ образомъ Франція рѣшилась на такое заявленіе относительно «возможныхъ послѣдствій» для цѣлости Турецкой имперіи? Со стороны Россіи, Пруссіи и Италіи это

понятно, но со стороны Франціи такое дѣйствіе нуждается въ толкованіи. Или она вовсе не придаетъ декларації этого смысла, хотя онъ довольно ясенъ,—или же, не ожидая отъ нея немедленныхъ практическихъ послѣдствій, надѣется, съ наступленіемъ восточнаго кризиса, всегда найдти предлогъ отступить отъ своего заявленія, а между тѣмъ не желаетъ упустить случая связать Россію добровольнымъ обязательствомъ невмѣшательства въ дѣла Востока,—или же наконецъ дѣйствительно имѣетъ въ виду допустить въ близкомъ будущемъ нарушеніе принципа и цѣлости Оттоманской имперіи, и въ этомъ случаѣ согласіе въ восточной политикѣ Франціи и Австріи получаетъ особенное значеніе... Циркуляръ барона Бейста, по крайней мѣрѣ ему приписываемый и оффиціально до сихъ поръ не опровергнутый, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что французскій и австрійскій кабинеты пришли къ соглашенію по всѣмъ политическимъ вопросамъ и между прочимъ по Восточному,—что «участіе Франціи въ декларації имѣло цѣлью положить конецъ прежнимъ переговорамъ, не имѣвшимъ никакого результата, и возвратить себѣ свободу дѣйствій; что оно вовсе не опредѣляетъ характера ея дальнѣйшихъ дѣйствій; наконецъ,—что теперь Франція и Австрія примутъ одинаковое положеніе на Востокѣ, дабы не допускать тамъ столкновенія». Французскія же газеты съ своей стороны не придаютъ ни малѣйшаго значенія участію Франціи въ коллективной нотѣ четырехъ державъ, а нѣкоторыя увѣряютъ, что она пристала къ декларації только за тѣмъ, чтобы мнимымъ своимъ сообщничествомъ затруднить Россіи свободу дѣйствій.

Кромѣ заявленія о предоставленіи Турціи возможнымъ послѣдствіямъ ея внутренней политики, декларація содержитъ въ себѣ заявленіе о невмѣшательствѣ,—послѣднее впрочемъ не выражено прямо, а скорѣе истекаетъ изъ смысла перваго заявленія. Самаго слова «невмѣшательство» въ декларації не находится. а сказано только, что державы отказываются отъ всякой матеріальной и нравственной помощи турецкому правительству въ борьбѣ съ его подданными,—но не отказываются однакожъ «отъ благороднаго призванія, налагаемаго на нихъ совѣстью». Въ циркулярѣ же князя Горчакова этотъ мотивъ выраженъ гораздо опредѣленнѣе. Въ

немъ прямо говорится, что императорскій кабинетъ «провозгласилъ начало невмѣшательства, которое и готовъ соблюдать, пока оно будетъ уважаемо другими державами» — но что «это начало не можетъ обязывать къ равнодушію» и что присоединившіеся къ декларації кабинеты «не могутъ отказаться отъ великодушнаго призванія, къ которому совѣсть можетъ подвинуть великія державы въ тѣхъ случаяхъ, когда этого потребуетъ человѣколюбіе». Если посмотрѣть на провозглашенное декларацією начало невмѣшательства со стороны практической, то она мало измѣняетъ положеніе дѣла. Безъ сомнѣнія, Порта никогда не ожидала себѣ ни матеріальной, ни нравственной помощи, ни отъ Россіи, ни отъ Италіи, ни отъ Пруссіи, — да и врядъ ли ожидала ея и отъ Франціи, по крайней мѣрѣ помощи матеріальной; помощь же нравственную сослѣдить, взвѣсить и контролировать довольно трудно. Провозглашеніе принципа невмѣшательства было бы важно только тогда, когда къ нему присоединились бы всѣ великія державы, — но какъ ни Англія, ни Австрія не признали для себя этого начала обязательнымъ, то и важность самаго провозглашенія, сдѣланнаго декларацією, падаетъ сама собою: ибо, въ случаѣ вмѣшательства которой-либо изъ великихъ державъ, принципъ невмѣшательства, по словамъ циркуляра, теряетъ свою обязательность и для державъ участвующихъ въ декларації. Затѣмъ декларація не возбраняетъ вмѣшательства даже *одиночнаго* (по крайней мѣрѣ объ этомъ не упоминается), «по великодушному призванію, налагаемому совѣстью», т. е. *въ пользу* христіанъ, или подъ этимъ видомъ; а такое вмѣшательство ведетъ за собою, естественно, нарушеніе провозглашеннаго принципа, и возбуждаетъ то «политическое соперничество», которое, по словамъ циркуляра, декларація имѣетъ въ виду устранить. Понятно, почему эта коллективная нота не произвела на Порту того дѣйствія, котораго ожидали: отказъ матеріальной и нравственной помощи, которой она и не видала, въ теченіи своей борьбы съ Критомъ, со стороны державъ спасавшихъ семейства Критянъ отъ мщенія турецкихъ властей,—не составляетъ для нея никакой особенной угрозы; объявленіе о томъ, что державами «истощены всѣ совѣты предусмотрительности и примирительныя усилія», подаетъ ей надежду,

что ее оставятъ въ покоѣ, не будутъ ей докучать нотами или насильственно мирить съ ея подданными, когда она мира не хочетъ: наконецъ, угроза «о возможныхъ послѣдствіяхъ» не имѣетъ особенной силы въ виду положенія принятаго Англіей и Австріей; а опасность отъ «благороднаго призванія, налагаемаго совѣстью» остается точно такою же, какою была и до декларацiи.

Тѣмъ не менѣе декларація эта остается дѣломъ серьезной важности—для самой Россіи,—не собственно какъ актъ дипломатіи европейской, а какъ политическій актъ русскаго кабинета. Она выражаетъ, въ виду возможнаго нарушенія цѣлости Оттоманской имперіи, воззрѣніе той великой державы, которая болѣе всѣхъ заинтересована въ судьбѣ Востока; она создаетъ для самой Россіи, въ виду возможнаго будущаго, положеніе ясное и опредѣленное; наконецъ, она налагаетъ на Россію обязательство *поддержать* провозглашенное ею начало невмѣшательства,—не допускать вмѣшательства ни съ какой стороны, а въ случаѣ чьего либо вмѣшательства вмѣшаться самой. Мы полагаемъ, что и Порта и христіанскія ея населенія оцѣнили именно съ этой точки зрѣнія декларацію и циркуляръ князя Горчакова,—и понятно, почему обѣ стороны готовятся съ такимъ напряженіемъ къ рѣшительной, ожесточенной борьбѣ.

Сознаетъ ли Россія свое призваніе относительно міроваго Римскаго вопроса?

„Москва“, 17-го ноября 1867 г.

Тысячи перьевъ скрипятъ ежедневно, упражняясь на тему: «римскій вопросъ»; гулъ стоитъ въ мірѣ отъ разноязычной газетной сумятицы, по поводу того же вопроса; стѣны европейскихъ парламентовъ уже начинаютъ оглашаться «интерпелляціями» и отвѣтами, рѣчами, рукоплесканіями и порицаніями —все по тому же вопросу о Римѣ, объ Италіи, о конференціи,—и тѣмъ не менѣе разрѣшеніе вопроса, сколько намъ кажется, не подвигается въ сознаніи ни на волосъ; парламентскія пренія также не обѣщаютъ его подвинуть и только развѣ освѣтятъ намъ взаимное положеніе партій; почта

не привозитъ намъ, покуда, съ массою газетъ, ни одной такой новой, свѣжей мысли, которая бы могла властительно овладѣть умами, стать не только въ уровень съ событіями, но и выше ихъ, и раскрыть человѣчеству, за ними, новые историческіе горизонты. Теперь больше чѣмъ когда-либо нужно міру новое, вѣщее слово. На смѣну отживающей исторической идеи должна явиться новая историческая идея, а не простое отрицаніе старой идеи или лживая сдѣлка съ нею. Между тѣмъ въ газетахъ, въ брошюрахъ, даже въ парламентахъЗападной Европы мысль переминается все на одномъ и томъ же мѣстѣ; читаемъ и слышимъ все однѣ и тѣ же стереотипныя сентенціи ультрамонтанства и атеизма, суевѣрія и безвѣрія; все и всѣ вертятся въ томъ же безвыходномъ кругу противорѣчія. Гордое своею цивилизаціей, западноевропейское общество съ презрѣніемъ смотритъ на вопросы религіозные и вѣроисповѣдные, считаетъ себя переросшимъ и порѣшившимъ всѣ подобныя задачи еще со временъ французской революціи 1789 года. Общество, духовно порожденное Вольтеромъ и духовно успокоившееся на Ренанѣ, можетъ только съ улыбкою или же съ лицемѣрною серьезностью, ради соблюденія приличій, относиться къ заботамъ о церкви,— а между тѣмъ эти, такъ дешево цѣнимые имъ, вопросы религіозные и вѣроисповѣдные, къ величайшему его недоумѣнію, возстаютъ снова, во всей своей грозной мощи, снова колеблютъ міръ и не поддаются никакому, повидимому, и удобному и комфортабельному разрѣшенію, уготованному имъ современною европейскою цивилизаціей. Всѣ прежнія сдѣлки и компромиссы оказываются пзношенными, и вопросы вновь стучатся въ двери—и академическихъ и парламентскихъ залъ, и дипломатическихъ кабинетовъ, и салоновъ, и даже католическихъ храмовъ. Нельзя не удивляться легкомыслію въ особенности французской либеральной прессы. Она продолжаетъ не подозрѣвать о глубинѣ того общественнаго духовнаго противорѣчія, въ которое погружена Франція.

Въ доказательство того, что большинство во Франціи, по отношенію къ церкви, на сторонѣ идей 1789 года, французскія либеральныя газеты приводятъ число своихъ подписчиковъ, значительно превышающее число подписчиковъ на ультрамонтанскія газеты, забывая бездѣлицу — забывая мил-

ліоны Французовъ, не подписывающихся ни на какія газеты, не умѣющихъ даже ни читать, ни писать. Французскимъ демократамъ приходится или похѣрить авторитетъ своего идола—демоса, или же признать, что они обрѣтаются съ нимъ на совершенно противоположныхъ полюсахъ. Нельзя не подивиться той поверхностности сужденія, съ которою корреспондентъ одной газеты разсказываетъ замѣчательный фактъ, будто Наполеонъ III противился экспедиціи французскихъ войскъ въ Римъ и уступилъ лишь единогласному завѣренію префектовъ, что они не отвѣчаютъ за спокойствіе населенія въ департаментахъ, если Франція не вступится за папу. Корреспондентъ, не отрицая этого послѣдняго обстоятельства, объясняетъ его, какъ онъ выражается, очень просто, — тою излишнею властью, которую императоръ попустилъ клерикальной партіи взять въ свои руки надъ сельскимъ населеніемъ, — какъ будто такое разъясненіе упрощаетъ, а не усложняетъ вопроса, какъ будто не оказывается нужнымъ, для разрѣшенія вопроса въ смыслѣ либеральнаго меньшинства, замѣнить силу клерикальной партіи иною духовною силой, предпринять и совершить цѣлое новое духовное воспитаніе народа! Не знаемъ, какъ истолкуютъ теперь либеральныя французскія газеты другое соціальное противорѣчіе, являющееся уже не со стороны народныхъ невѣжественныхъ массъ, а въ самой общественной средѣ, не перестающей кичиться своею цивилизаціей и великими началами, les grands principes, унаслѣдованными отъ достопамятной революціи? Мы разумѣемъ здѣсь тотъ фактъ, который еще не обнаружился, но обнаружится несомнѣнно (мы увѣрены въ томъ заранѣе): большинство представителей во французскомъ законодательномъ корпусѣ, въ самомъ Парижѣ, заявитъ себя противъ единства Италіи и на сторонѣ свѣтской власти папы. Не слѣдуетъ забывать, что Тьеръ, какъ истый Французъ, имѣющій въ виду исключительно политическій интересъ Франціи, былъ всегда врагомъ италіянскаго объединенія, и что даже кальвинистъ Гизо, связывающій судьбы папства съ судьбами христіанства въ Европѣ, останавливается въ недоумѣніи предъ упраздненіемъ свѣтской власти папы въ пользу единой Италіи.

А между тѣмъ вопіющѣе чѣмъ когда-либо, чудовищнѣе чѣмъ

когда-либо является противорѣчіе свѣтской власти папы и всѣхъ ея послѣдствій — съ требованіями какъ современнаго политическаго положенія Европы, такъ и съ духовными ея требованіями, предъявляемыми не только грубымъ атеизмомъ 1789 года, не только раздушеннымъ деизмомъ Ренана (ставшаго высшимъ выраженіемъ французскаго интеллигентнаго отношенія къ религіи въ послѣднее время), но и серьезнымъ просвѣщеніемъ вѣка, и чистымъ нравственнымъ чувствомъ, и освобожденнымъ отъ духовнаго раболѣпства простымъ здравымъ смысломъ. Неумолимая логика исторіи продолжаетъ развивать латинское вѣроученіе о папствѣ и о папѣ до абсурда, до крайнихъ предѣловъ. Римская курія объявила войну всякому свѣту науки, всякой свободѣ политической и духовной, рѣшительнѣе и смѣлѣе чѣмъ въ какія бы то ни было времена, и своими послѣдними силлабусами и энцикликами порвавъ всѣ прежнія сдѣлки съ прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества, сдѣлала отнынѣ всякое примиреніе невозможнымъ. Странное зрѣлище представляется взору: весь міръ Европы, ея дальнѣйшее политическое сложеніе, удовлетвореніе необходимѣйшихъ, гражданскихъ и духовныхъ нуждъ — все поставлено въ зависимость отъ одного слова дряхлаго 70-лѣтняго старца. Казалось бы, скажи Пій IX, вмѣсто non possumus,—possumus, только отрекись онъ добровольно отъ своей свѣтской власти, — и вопросъ рѣшенъ, и порвавъ плотины, хлынула бы неудержимымъ потокомъ идея италіянскаго единства въ священный вѣчный городъ, и сама Франція, съ своими ружьями Шасспо, не могла бы воспрепятствовать этому стремленію, какъ скоро отнято было бы у Франціи ея религіозное знамя. Теперь же порыву всей Италіи, натиску духовной, нравственной силы Запада, т. е. его либеральныхъ идей, его цивилизаціи, общественнаго мнѣнія всей Европы, противопоставляетъ Пій IX только одно свое безплотное слово non possumus, и сдерживаетъ имъ напоръ всего міра. Но въ этомъ словѣ есть сила великой исторической идеи, цѣлые вѣка властвовавшей надъ міромъ, и доселѣ не упраздненной. Но ея знамя есть знамя христіанства, знамя вѣры, хотя бы и лицемѣрное знамя, хотя бы въ сущности эта вѣра не болѣе какъ суевѣріе. Пусть обличена теперь въ сознаніи человѣчества ея ложь: сила вступающая съ нею въ борьбу—

сила отрицанія, ея знамя—знамя безвѣрія. И вотъ, въ борьбѣ сихъ двухъ лжей мятется западный міръ, и обѣ онѣ, осыпая другъ друга проклятіями, отрицая другъ друга, кружатся въ безвыходномъ противорѣчіи и не престануть кружиться до тѣхъ поръ, пока не придутъ къ отрицанію себя самихъ и пока не водрузится знамя новой исторической идеи, новой духовной положительной силы...

Намъ могутъ замѣтить, пожалуй, что и Викторъ-Эммануилъ съ своей стороны водружаетъ знамя религіозное и даже торжественно объявляетъ своему народу, папѣ и всякому кому о томъ вѣдать надлежитъ, о своей преданности папѣ какъ главѣ церкви, о своей готовности охранять и блюсти его духовную власть, — и изъ всѣхъ папскихъ аттрибутовъ отрицаетъ только значеніе папы какъ свѣтскаго государя. Но такое самовольное и насильственное изъятіе одного изъ важнѣйшихъ аттрибутовъ современнаго папства не можетъ быть совмѣщено съ исповѣдываніемъ принципа папской непогрѣшимости, точно также какъ не мирится съ послѣднимъ и непризнаніе италіянскимъ королемъ силы за тѣми папскими буллами, которыми Пій IX отлучилъ его церкви! Такое противорѣчіе, не допуская никакого логическаго выхода, неспособно придать знамени Виктора-Эммануила значеніе искренняго религіознаго знамени.

Противорѣчіе всюду, противорѣчіе вездѣ, — противорѣчіе не внѣшнее только, но глубокое внутреннее, въ области вѣрованія, въ сферѣ сознанія. Живучесть причинъ сказывается живыми послѣдствіями на пространствѣ вѣковъ, XIX вѣку приходится считаться съ вѣкомъ X-мъ. Чѣмъ ниже станутъ цѣнить западные мыслители значеніе римскаго вопроса какъ вопроса религіознаго и вѣроисповѣднаго, тѣмъ труднѣе будетъ его разрѣшеніе. А римскій вопросъ есть вопросъ міровой, историческій, — вопросъ, съ которымъ связаны судьбы всей католической церкви, всего латинскаго Запада,—слѣдовательно вопросъ всего христіанскаго міра. Наступаетъ великій историческій мигъ. Отъ кого же раздастся вѣщее слово, откуда, на отмѣну отживающей исторической идеи, выступитъ и предъявитъ свою власть надъ міромъ иное духовное историческое начало?

Отъ кого же и откуда, какъ не отъ православной Россіи,

главы Греко-Славянскаго православнаго міра? Не ей ли предлежитъ сказать міру вѣщее слово? Не налагается ли на нее, именно теперь, святая обязанность вознести высоко, предъ всѣмъ свѣтомъ, знамя истины православной? Не въ истинѣ ли православной заключается разрѣшеніе того вопроса что̀ волнуетъ теперь латинскій Западъ? И не должна ли Россія, какъ христіанская, православная страна, указать на единственный путь спасенія остающійся христіанству на Западѣ? Она могла бы сказать Италіи и папѣ, и всей католической церкви: вознеситесь историческою памятью, по лѣстницѣ преданій, до преданій единой вселенской апостольской церкви. — обратитесь вашею мыслью къ тѣмъ вѣкамъ, когда не нарушена еще была цѣлость церкви, не разорвана риза Христа, когда Востокъ и Западъ были едино, цвѣли оба великими святостью и мудростью мужами и сходились на общій совѣтъ, и римскій пастырь чествовался какъ старѣйшій изъ пастырей, и не было у церкви инаго главы, кромѣ Христа, и помня заповѣди Спасителя, не творила она царство Его царствомъ отъ міра, и не смѣшивала кесарево съ божіимъ, воздавая кесарево кесареви, а божіе Богови? Вспомните, что̀ раздѣлило насъ? Не то ли же самое, не та ли же похоть власти, не притязанія ли на государственное, свѣтское вселенское владычество, не тѣ ли же начала, въ которыхъ все современное зло Латинскаго міра, которыхъ упраздненія теперь добивается самъ Западъ, но которыхъ упраздненія не обрѣтете вы иначе, какъ возвратившись на покинутый вами путь истины? Мы не покидали этого пути, но не признавали полноту жизни церковной внѣ отдѣлившагося Запада; мы не сотворили ни единаго вселенскаго собора съ тѣхъ поръ, какъ вы отклонились отъ единенія и возмечтали быть полнотою церкви; мы ждали и ждемъ вашего возвращенія. Не подчиненія Востоку, не обращенія въ какое-то особое восточное вѣроисповѣданіе требуетъ отъ васъ Востокъ, но призываетъ васъ къ обращенію въ ваше же собственное вѣроисповѣданіе, которое было единымъ общимъ и для Запада и для Востока, и сохранилось лишь на Востокѣ. Онъ призываетъ васъ возвратиться къ чистотѣ вашего же собственнаго древняго вѣроученія, столько вѣковъ свѣтившаго міру,—и внѣ его никакія измышленія не дадутъ

вамъ выхода изъ той глубины противорѣчія, въ которую углубила васъ та Божья правда, что̀ называется логикою исторіи!..

Вотъ что́ можетъ и что̀ должна сказать теперь Россія, потому что нѣтъ у православнаго Востока на исторической аренѣ міра другихъ устенъ, кромѣ православной Россіи. Поймете ли это Россія? Поймете ли, что, «недостойная призванія, она тѣмъ не менѣе избрана», и что посрамивъ избраніе Божіе, она повинна Божьему грозному суду?

Пусть приметъ Россія зовъ французскаго императора на конференцію по римскому вопросу, но пусть приметъ его не въ качествѣ державы, имѣющей у себя столько-то католическихъ подданныхъ, но въ качествѣ страны православной, представительницы всего православнаго Востока, которая *одна* изъ всѣхъ державъ міра можетъ указать на единое возможное, истинное и благое рѣшеніе вопросу, волнующему міръ...

О, еслибы сознавала Россія свое призваніе! Еслибъ уразумѣла великость и святость лежащихъ на ней обязанностей!.. И неужели никого, нѣтъ никого изъ нашихъ государственныхъ мужей, который бы понялъ все значеніе настоящей минуты, который бы услышалъ внутреннимъ слухомъ совѣсти, сердца, простаго ума, наконецъ, призывъ церковный, народный, историческій, обращенный къ представителямъ Россіи?... Есть ли кто?

Затруднительное положеніе Франціи относительно Римскаго вопроса.

«Москва», 2-го декабря 1867 г.

Если и съ самаго начала было мало надежды, что конференція по римскому вопросу состоится, то въ настоящее время не остается уже никакой. Если прежде поводомъ къ отказу принять участіе въ конференціи могли служить разныя, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, то теперь эти предположенія смѣнились вполнѣ законнымъ, непререкаемымъ основаніемъ. Пренія во французскомъ законодательномъ корпусѣ и заключительная рѣчь государственнаго министра Руэ такъ рѣзко и точно опредѣлили политическую

программу французскаго кабинета, скрѣпили ее такимъ торжественнымъ пактомъ или договоромъ съ большинствомъ представителей, и утвердительно можно сказать — большинствомъ французскаго населенія, что правительству нѣтъ шага назадъ, къ отступленію: оно, какъ говоритъ французская же пословица, сожгло корабли и отрѣзало канаты. А такъ какъ извѣстно, что Англія, Пруссія и, по всѣмъ газетнымъ отзывамъ, и Россія, на приглашеніе къ участію въ конференціи отвѣчали именно требованіемъ программы отъ французскаго кабинета, который съ своей стороны всячески уклонялся отъ прямаго объясненія,—то въ виду всенародныхъ откровеній, вынужденныхъ у французскаго правительства на трибунѣ, нѣтъ уже болѣе надобности для великихъ державъ добиваться программы. Отнынѣ согласіе ихъ на участіе въ конференціи означало бы согласіе не только на французскую политическую программу, но и на совмѣстную съ Франціей за нее отвѣтственность.

Но дѣло уже не въ конференціи, — отъ мысли объ ней едвали уже не отказался и самъ Наполеонъ III, послѣ того обязательства, которое приняло, которымъ связало себя правительство въ рѣчи своего присяжнаго оратора. Очевидно, оно не разсчитывало на такой исходъ преній, т. е. оно не предполагало, что будетъ вынуждено покинуть путь двусмысленныхъ, крючкотворныхъ обѣщаній и словооборотовъ: оно надѣялось найдти болѣе пассивное, болѣе покорное большинство. Но большинство оказалось въ этомъ вопросѣ затронутымъ за живое, видимо не удовлетворилось неясными и безцвѣтными объясненіями министра иностранныхъ дѣлъ, и чтобы сорвать банкъ, если можно такъ выразиться, чтобы увлечь большинство къ полнѣйшему выраженію довѣрія правительству, Руэ вынужденъ былъ поставить внѣ всякаго сомнѣнія, формулировать ясно и отчетливо главнѣйшія положенія французскаго политическаго катихизиса. «Италія *никогда* не будетъ обладать Римомъ», — «Франція всегда будетъ охранять свѣтскую власть папы, обезпечитъ за нимъ Римъ и Церковную область»,—вотъ слова раздавшіяся съ трибуны изъ устъ государственнаго министра; вотъ обязательства, торжественно принятыя Франціею предъ лицомъ всего свѣта,— и довольно было этихъ словъ, чтобъ возбудить въ

палатѣ бурю одобренія и раздавить оппозицію почти несоизмѣримымъ большинствомъ. Французы восчувствовали себя вновь Франками Пепина Короткаго и Карла Великаго: они остались вѣрны традиціонной, исторической политикѣ Франціи, которой живымъ воплощеніемъ, со всею узкостью и сухостью національнаго эгоизма, явился въ палатѣ Тьеръ... И Тьеръ и легитимистъ Беррье, довольные тѣмъ, что увлекли правительство къ такимъ рѣшительнымъ заявленіямъ, подали голосъ за правительство. Оппозиція же, которая провозглашаетъ себя представительницей идей 1789 г. по преимуществу, оппозиція, выражающая собою настоящую либеральную силу Франціи, обладающая важнѣйшими органами журналистики, недавно хвалившаяся числомъ своихъ газетныхъ подписчиковъ предъ клерикальными газетами,—оппозиція осталась въ меньшинствѣ 17 голосовъ противъ 237!

Не можемъ не напомнить читателямъ, что этотъ результатъ былъ нами и предвидѣнъ и предсказанъ. Впрочемъ, для такого предвидѣнія вовсе и не надо быть пророкомъ: стóитъ только немного знать исторію Франціи, характеръ французской націи, а главное—понимать глубокое, на потребности духа человѣческаго основанное, значеніе вопросовъ религіозныхъ и вѣроисповѣдныхъ въ жизни народовъ. — вопросовъ, на которые французскіе либералы и вообще новѣйшіе историки смотрятъ такъ легкомысленно свысока, такъ презрительно-гордо, пробавляясь фразами о прогрессѣ и цивилизаціи. Имъ до сихъ поръ не въ догадъ, что политическая исторія европейскихъ народовъ не объяснима безъ совмѣстнаго изученія исторіи церкви; они до сихъ поръ не отводятъ должнаго мѣста вѣроисповѣданію какъ духовно-просвѣтительному началу, подъ воздѣйствіемъ котораго слагается исторически народъ, и которое слѣдовательно должно быть признано, по крайней мѣрѣ, какъ одинъ изъ главныхъ историческихъ факторовъ.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, ничего поучительнѣе этихъ преній французскаго законодательнаго корпуса. Въ нихъ приняли участіе всѣ французскія ораторскія знаменитости: и Жюль Фавръ, и Жюль Симонъ, и Тьеръ, и Руэ. Однако всѣ эти блестящія рѣчи не разъяснили сущности вопроса, не указали выхода изъ дилеммы, а только освѣтили ярче

чѣмъ когда-либо ту бездну противорѣчія, въ которую погружена Франція, — противорѣчія, въ которомъ она вязнетъ глубже и глубже, по мѣрѣ того, какъ пробуетъ изъ него освободиться. Надо отдать справедливость оппозиціи въ томъ отношеніи, что внѣшняя, собственно политическая сторона противорѣчія раскрыта была ею блестящимъ образомъ,—дилемма, въ которую попало французское правительство, поставлена вѣрно и неотразимо, такъ что правительство, вынужденное искать изъ нея выхода, запуталось еще въ сильнѣйшемъ противорѣчіи. «Объяснитесь прямо и откровенно, спрашивала оппозиція, обращаясь къ министрамъ:—свѣтская власть папы не можетъ существовать безъ Рима; для Италіи Римъ есть условіе жизни, условіе ея политическаго единства: хотите вы поддерживать свѣтскую власть папы, гарантировать ему Римъ и силою противиться напору Италіи? Если хотите, то этимъ самымъ вы подрываете единство Италіи, становитесь съ ней во враждебныя отношенія и толкаете ее въ объятія Пруссіи, обязываясь въ то же время или держать гарнизонъ въ Римѣ, или быть вѣчно наготовѣ, чтобы спѣшить на помощь къ папѣ при первой опасности? опасность же эта, при настоящихъ условіяхъ политическаго строя Италіи, не прерывается ни на одну минуту». Такъ формулированъ былъ вопросъ Тьеромъ, который, безъ всякихъ заминокъ, тутъ же объяснилъ, что онъ врагъ политическаго единства Италіи и считаетъ сохраненіе свѣтской власти папы обязанностью и призваніемъ Франціи, какъ ради политическихъ интересовъ Франціи, чтобы не давать усиливаться Италіи, такъ и ради интересовъ духовныхъ, т. е. ея нравственнаго вліянія на 200 (?) милліоновъ католиковъ. Поставленное въ необходимость отвѣчать, прижатое къ стѣнѣ, французское правительство, какъ мы уже говорили, устами г. Руэ возвѣстило, что принимаетъ первое положеніе дилеммы, т. е. обязуется не допускать Италію въ Римъ, охранять своими войсками свѣтскую власть папы и гарантировать ему Римъ и настоящую Церковную область. Этимъ признаніемъ, повидимому столь рѣшительнымъ и доставившимъ правительству такую побѣду въ палатѣ, оно, казалось бы, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ послѣдствія такого обязательства, указанныя Тьеромъ? Но, принявъ основное

положеніе, правительство въ то же время отвергло логическій изъ него выводъ, и осталось при надеждѣ найдти возможность согласить единство Италіи и свѣтскую власть папы, примирить Италію безъ Рима съ папою—государемъ Рима, и даже убѣдить Италію добросовѣстно исполнять конвенцію 15 сентября! При этомъ Руэ впалъ даже въ тонъ какой-то политической сантиментальности, въ такомъ смыслѣ, что сердце французскаго правительства совмѣщаетъ въ себѣ одинаковую горячую любовь и къ папѣ и къ Италіи. Это были самыя слабыя мѣста рѣчи правительственнаго оратора, ахиллесова пята французской политики,—но палата, очевидно, не придала этимъ завѣреніямъ министра никакой важности, довольная тѣмъ, что добилась главнаго: торжественнаго признанія французскимъ правительствомъ обязательства соблюсти, во что бы ни стало, свѣтскую власть римскаго папы. Положеніе принято,—съ нимъ, стало быть, волей-неволей, принимаются и всѣ его послѣдствія, какъ логическій выводъ: такъ поняло и большинство законодательнаго собранія, а выраженныя правительствомъ надежды на возможность сдѣлки съ Италіей были очевидно выслушаны какъ необходимая политическая оговорка, ради дипломатическихъ приличій. въ виду открытія италіянскаго парламента,—отчасти и для прикрытія рѣзкости французскаго правительственнаго рѣшенія.

Съ другой стороны, блестящая критика правительственныхъ распоряженій со стороны ораторовъ оппозиціи, сильная стороною отрицательною, не только слаба стороною положительною, но въ своихъ предположеніяхъ о разрѣшеніи вопроса раскрыла цѣлые горизонты новыхъ противорѣчій, хотя и инаго порядка. Тьеръ,—отдѣлившійся на сей разъ отъ Жюль-Фавра и его товарищей, убѣждавшій и убѣдившій французское правительство стоять у воротъ Рима съ обнаженною шпагой, предоставляя Италіи *наткнуться* на нее, коли ей угодно овладѣть Римомъ,—даже не замѣчаетъ всей дикости такой поддержки религіознаго принципа внѣшнею, грубою силой, всего нравственнаго противорѣчія, которое въ такомъ положеніи религіи заключается. Жюль-Фавръ и его товарищи, справедливо и мѣтко обличая несостоятельность принципа свѣтской власти духовнаго владыки, не догадываются однако, что этотъ принципъ вытекаетъ изъ самой сущ-

ности католическаго міросозерцанія, и что нельзя отсѣчь этотъ принципъ внѣшнею силой, хотя бы и подъ знаменемъ Италіи: подъ этимъ ли знаменемъ, подъ знаменемъ ли Франціи—насиліе въ дѣлѣ вѣры съ обѣихъ сторонъ! Они и не догадываются, что здѣсь необходимо знамя новой положительной вѣры, котораго именно имъ и недостаетъ.

Такимъ образомъ, какъ видятъ читатели, вопросъ въ сущности остается, какъ прежде, неразрѣшимымъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. — новаго выхода изъ противорѣчія не пріискано никакого; но Франція поставлена въ необходимость добиваться этого разрѣшенія, этого выхода, во что бы ни стало,—она не можетъ уже уклониться отъ этой обязанности, хотя бы пришлось разрѣшать этотъ гордіевъ узелъ мечомъ. Нѣтъ надобности говорить, что, представленныя министромъ Руэ въ радужной перспективѣ, сдѣлки италіянскаго правительства съ свѣтской властью папы немыслимы и невозможны, и теперь болѣе немыслимы и невозможны, чѣмъ когда-либо, послѣ заявленій французскаго правительства. Теперь всѣ бывшія когда-то въ ходу комбинаціи—о сохраненіи statu quo до смерти Пія IX, объ оставленіи за папою города Рима, о совмѣщеніи въ жителяхъ папскихъ владѣній званія подданныхъ папы и гражданъ италіянскаго королевства, — всѣ эти комбинаціи упразднены рѣчью императорскаго оратора. Требовать отъ Италіи соблюденія сентябрской конвенціи, при новомъ истолкованіи значенія этой конвенціи со стороны французскаго правительства, требовать отъ нея отреченія отъ Рима, признанія свѣтской власти папы,—это все равно что̀ требовать отъ нея не только отреченія отъ самой себя, отъ той идеи, ради которой она порвала всѣ связи съ прошедшимъ и вступила въ новый историческій путь, но еще самоуничиженія и самоумерщвленія. Чѣмъ сильнѣе будетъ настаивать на своихъ требованіяхъ французское правительство, тѣмъ сильнѣе будетъ позоръ Италіи, тѣмъ невыносимѣе обида, а главное — тѣмъ разрушительнѣе и убійственнѣе внутреннее противорѣчіе. Не можетъ нація находиться подъ давленіемъ такого позора и срама, не отказавшись отъ вѣры въ себя, отъ уваженія къ своему достоинству, не отказавшись отъ притязаній быть великою націей! Примириться съ насиліемъ Франціи это для

Италіи все равно что̀ принять яду, вогнать внутрь начало, разъѣдающее самый жизненный ея корень. Близкое будущее рѣшитъ, есть ли все это политическое единство Италіи только блестящая политическая фантасмагорія, какое-то марево, своего рода fata morgana, есть ли это одно изъ твореній Лжи— этой особой *исторической* силы нашего времени, или же тутъ есть задатки исторической правды? Италіянскій парламентъ уже нѣсколько лѣтъ объявилъ плебисцитомъ Римъ столицей Италіи; недавно созванный, онъ вновь подтвердилъ это рѣшеніе: Франція требуетъ отмѣны плебисцита, требуетъ, чтобы вся нація покорно и добровольно, т. е. безъ борьбы, разорвала свое народное постановленіе. Въ виду такого рѣшенія, съ которымъ связалась теперь вся честь страны, какое же возможно примиреніе съ противорѣчащимъ ему фактомъ, съ папою — государемъ Рима? Италія стоитъ теперь на распутьи двухъ путей: или война съ Франціей, или революція и распаденіе. Ради чести ей надо рѣшиться на первое, но отважиться на войну одна она не можетъ, и обстоятельства для нея теперь неблагопріятны. Она подождетъ событій въ Европѣ; а союзникъ, на котораго она имѣетъ нѣкоторое право разсчитывать, у нея одинъ — это Пруссія....

Вотъ положеніе дѣлъ. Франція вступила въ тѣсный, неразрывный союзъ съ папствомъ. Наполеониды и папы, цезаризмъ и папизмъ подали, повинуясь непреложному ходу исторіи, другъ другу руку на жизнь и смерть. Они же явятся, въ силу того же логическаго закона, союзниками исламизма. Къ нимъ примкнетъ Австрія, польская эмиграція и Мадьяры,—всѣ тѣ, которыхъ жизненный двигатель есть властолюбіе, которыхъ цѣль—господство надъ чужою свободой, которыхъ историческій путь—насиліе, внѣшнее и внутреннее, вещественное и духовное. Вотъ сочетаніе, вотъ политическая группа, которая явится во всемъ логическомъ блескѣ при первомъ серьезномъ замѣшательствѣ въ Европѣ... Восточный вопросъ, котораго разрѣшеніе близко, свяжется неминуемо съ вопросомъ римскимъ. Впрочемъ, объ этой связи мы поговоримъ въ другой разъ.

Предъ Европой—Россія виновата тѣмъ, что она существуетъ.

«Москвичъ», 26-го января 1868 г.

Si vis pacem, para bellum, гласитъ, донельзя истасканная въ наше время, латинская поговорка: если хочешь мира — готовь войну. Но едвали не правильнѣе къ пріемамъ новѣйшей западно-европейской политики примѣнить эту самую поговорку въ обратномъ смыслѣ: si vis bellum, para pacem, т. е. если затѣваешь войну, начни съ агитаціи въ пользу мира, хлопочи о мирѣ,—какъ можно громче, кстати и не кстати проповѣдуй миръ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ выставкахъ миролюбія было столько ложнаго, натянутаго, искусственнаго,—о прелестяхъ мира, всѣмъ вѣдомыхъ и всѣми желанныхъ, было столько и съ такимъ удареніемъ говорено со стороны представителей западно-европейской власти, что публика невольно стала смущаться и подозрѣвать въ этихъ завѣреніяхъ какую-нибудь затаенную мысль. Это уже было не просто миролюбіе, а какое-то миробѣсіе, обуявшее западно-европейскихъ потентатовъ до такой степени паѳоса, что однимъ изъ корифеевъ новой, на дипломатическомъ театрѣ разыгрываемой піесы христіанскаго мира, былъ провозглашенъ ими глава ислама, самъ великій падишахъ, верховный государь Критянъ, Болгаръ и Сербовъ... Такъ какъ при этомъ не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ упроченію мира, т. е. не было удовлетворено ни одно законное требованіе угнетенныхъ народностей; такъ какъ не осталось ни одной европейской державы, которая бы не надрывалась увеличить свою военную силу почти вдвое, не исключая даже Голландіи и Швейцаріи,—то во всей этой дипломатической игрѣ въ миръ было что-то зловѣщее. Становилось очевидно, что это марево мира было нужно кому-то для отвода глазъ, что оно напущено съ цѣлью или продолжить тайныя приготовленія къ войнѣ, или же прикрыть какія-либо политическія махинаціи и интриги... Россія одна не играла въ миръ, не драпировалась миролюбіемъ, будто внезапнымъ осѣненіемъ свыше. Миролюбіе—не только самое исконное, самое искреннее свой-

ство ея политики, но переходитъ иногда даже въ терпимость,—такую терпимость, къ которой едвали способна какая иная, менѣе могучая, держава. Въ политическихъ превратностяхъ прошлаго года она, вѣрная себѣ, дѣйствовала съ такимъ прямодушіемъ, котораго искренности не въ состояніи была даже и повѣрить изолгавшаяся Европа, — въ которомъ ей, съ ея точки зрѣнія и по ея дипломатическому мѣрилу, приходилось видѣть или необыкновенное простодушіе (что допустить было трудно), или же необычайное коварство и хитрость.

Чѣмъ же разрѣшается теперь эта тревога западно-европейскихъ политиковъ въ пользу мира? Какой заключительный аккордъ этого миролюбиваго хора,—гдѣ le fin mot de la chose? — Въ томъ, что Россія же во всемъ виновата!... Она—помѣха миру, она ищетъ нарушить миръ, она врагъ тишины, спокойствія и благоденствія Европы, — она чума, она зараза, язва европейскихъ мѣстъ! Точно по свистку машиниста перемѣняется декорація, и будто по условленному знаку режиссера, при содѣйствіи невидимаго суффлера, всѣ становятся въ наступательную позицію, и начинается шумъ, гамъ, трескъ ругательствъ и клеветъ на Россію. Она превращается въ мишень, на которую со всѣхъ сторонъ устремлена пальба—правда, холостая—иностранныхъ газетъ, журналовъ и публицистовъ. Такой маневръ намъ уже знакомъ,— это только застрѣльщики. Намъ неизвѣстно, послѣдовала ли за газетною пальбой болѣе серьезная дипломатическая перестрѣлка, мотивируемая обыкновенно «необходимостью успокоить общественное мнѣніе Европы», которое сами же ревнители успокоенія искусственно встревожили и возбудили... Какъ бы то ни было, дружный натискъ заграничной лжи озадачилъ Россію... Она посягаетъ на европейскій миръ! Она, которая еще недавно умиротворила Европу въ дѣлѣ люксамбургскаго спора... Вотъ и благодарность за миротворничество!...

Но можно ли было когда-либо ожидать отъ Европы признательности за наши искреннія услуги европейскому миру?... Развѣ въ первый разъ наше прямодушное и даже простодушное усердіе къ ея интересамъ оплачивается наглою неблагодарностью? Наши добрые поступки не благодарятся, а

мстятся; добро, оказанное нами Европѣ, намъ же вымещается зломъ: справьтесь съ исторіей. Въ такомъ отношеніи Запада къ Россіи нѣтъ ничего удивительнаго, ни неожиданнаго, по крайней мѣрѣ для насъ, пишущихъ эти строки, и тѣмъ болѣе неловкимъ показалось намъ положеніе, принятое русскою оффиціальною или оффиціозною печатью. Странно было видѣть, какъ «Journal de St.-Pétersbourg» точно распинался, доказывая невинность Россіи, вступалъ въ полемику съ отъявленно недобросовѣстными органами европейской журналистики, входилъ въ подробныя оправданія нашего политическаго поведенія. Наемные застрѣльщики европейскаго общественнаго мнѣнія пустятъ въ насъ залпъ клеветы, а мы давай божиться и клясться, что ей-Богу ни въ чемъ, ни дѣломъ ни помысломъ, предъ Европой не согрѣшили; что мы самые благонравные политики, самаго похвальнаго образа мыслей и поступковъ; что грѣшно, наконецъ, такъ обижать насъ неповинныхъ, что мы, право, ей-Богу, не одержимы «московскимъ властолюбіемъ», — доказывали это не разъ, и докажемъ, что мы вѣрой и правдой служили Европѣ и опять послужимъ... Какъ будто Европа и сама этого не знаетъ! Какъ будто она сама вѣритъ тѣмъ клеветамъ, которыя такъ обильно на насъ расточаетъ! По крайней мѣрѣ тѣ, которые заправляютъ европейскою политикой, слишкомъ хорошо вѣдаютъ истинное направленіе русской политики, наши средства финансовыя, экономическія, нашу неготовность къ войнѣ нашу потребность въ мирѣ, нашу любовь къ миру,—и нисколько въ ней не сомнѣваются! Какъ будто они, поставившіе вновь Россію пугаломъ для Европы, и сами взаправду напуганы имъ!... Какъ будто они сами, внутри себя, придаютъ какое-либо значеніе пошлымъ фразамъ о московитизмѣ, о властолюбіи, о страсти къ завоеваніямъ,—фразамъ, которыя они отъ времени до времени вытаскиваютъ запыленными изъ своего арсенала и, освѣживъ, пускаютъ, въ видѣ ракетъ, передъ публикой, а мы — ну оправдываться! Какъ будто они сами, про себя, не пздѣваются надъ нашими извиненіями, оправданіями, клятвами и увѣреніями въ политическомъ благонравіи и миролюбіи!... Какая цѣль подобной агитаціи общественнаго мнѣнія противъ Россіи?... Дѣйствительно ли эта агитація грозитъ серь-

езною опасностью? Знаменуетъ ли близость войны? Не думаемъ; хотя война, конечно, иногда сама собою, невольно, зарождается изъ подобной фальшивой тревоги, однакожъ мы не полагаемъ, чтобы возбудить войну съ Россіей теперь или въ ближайшій срокъ входило въ серьезный разсчетъ западно-европейской дипломатіи. Она знаетъ по недавнему опыту, что при нашей чувствительности къ европейскому общественному мнѣнію, несравненно выгоднѣе для нея производить интимидацію посредствомъ газетныхъ криковъ, нежели посредствомъ оффиціальныхъ угрозъ и требованій — прямо затрогивающихъ нашу государственную и народную честь. Европейской дипломатіи хорошо извѣстно, что натягивать въ этомъ отношеніи струны слишкомъ туго не слѣдуетъ, и поэтому она довольствуется на сей разъ именно такимъ застращиваніемъ или, выражаясь технически, интимидаціей Россіи посредствомъ европейскаго общественнаго мнѣнія,— и можетъ-быть съ помощью коварно-дружескихъ совѣтовъ въ такомъ родѣ, что не мѣшало бы дескать Россіи «успокоить какъ-нибудь это глупое, раздраженное мнѣніе, дать Европѣ какія-нибудь доказательства или ручательства своего безкорыстія или миролюбія»!... Т.-е., другими словами — не мѣшало бы связать себя, въ пользу политическихъ видовъ Западной Европы, какими-нибудь обѣщаніями или обязательствами.... Но за что и про что? Ради чего Россія, не подавшая никакого повода подозрѣвать ее въ какихъ-либо враждебныхъ Европѣ намѣреніяхъ, стала бы еще давать гарантіи въ своей благонамѣренности! Это все равно, какъ еслибы въ частномъ быту, нѣсколько ловкихъ господъ, собирающихся на дурной промыселъ, стѣсняясь присутствіемъ чужаго, честнаго и дюжаго человѣка, вдругъ пристали къ нему, начали бы его обвинять въ намѣреніи украсть, смутили бы его простодушіе и убѣдили бы его, въ доказательство чистоты своихъ помысловъ—дать связать себѣ руки,—съ тою конечно цѣлью, чтобы онъ, честный человѣкъ, съ добровольно связанными руками не помѣшалъ имъ сдѣлать нечистое дѣло!

Но мы увлеклись въ нашихъ опасеніяхъ за честь Россіи— дальше предѣловъ правдоподобности. Пусть оффиціозная русская печать истощается въ тщетныхъ усиліяхъ убѣдить Россію предъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, — мы

убѣждены, что этимъ дѣло и ограничится, и что европейскимъ политическимъ интриганамъ не удастся произвести никакой «интимидаціи», такъ какъ Россіи ни бояться нечего, ни оправдываться не въ чемъ. Ея правда ярка какъ солнце, да и честь ея въ надежныхъ рукахъ. Поэтому мы не придали никакой вѣры извѣстію, выпущенному въ свѣтъ какою-то иностранною газетой, не пользующеюся авторитетомъ, и сообщенному въ Русское телеграфное агентство, будто нашъ канцлеръ разослалъ дипломатическій циркуляръ, въ которомъ отрицаетъ всякую связь между русскимъ кабинетомъ и политическимъ панславизмомъ. Отсутствіе этой связи такъ явно, такъ хорошо извѣстно самой Австріи, что въ подобномъ циркулярѣ не предстояло и не предстоитъ никакой надобности. Мало ли клеветъ выпускаютъ на Россію польская эмиграція, дуалистическая партія въ Австріи и нѣмецко-еврейская журналистика Вѣны! Австрійское правительство, безъ сомнѣнія, не хуже русскаго знаетъ, до какой степени лживы всѣ эти разсказы и сплетни о русскихъ агентахъ. Ему вполнѣ вѣдома наша неумѣлость въ подобномъ мастерствѣ, наша правительственная и общественная неспособность къ политическимъ интригамъ. О томъ свидѣтельствуетъ даже органъ нѣмецкой политики, издающійся въ Петербургѣ при русской Академіи Наукъ, котораго конечно нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Славянамъ и къ русской сторонѣ въ Россіи, и который не мало поглумился въ своихъ статьяхъ надъ безплодностью, надъ отсутствіемъ «серьезныхъ» политическихъ результатовъ многошумнаго славянскаго въ Россіи съѣзда... Если мы будемъ принимать во вниманіе всѣ клеветы газеты «Débatte», если мы будемъ смущаться и оправдываться въ томъ сочувствіи, которое питаютъ и изъявляютъ къ Россіи славянскія племена Австрійской имперіи, — сочувствіи, которое мы съ своей стороны ничѣмъ существеннымъ не поддерживаемъ,— то кончится тѣмъ, что Россіи придется оправдываться въ самомъ своемъ существованіи! Самый фактъ ея существованія—есть вина, грѣхъ, преступленіе противъ Европы. Не вопіетъ ли теперь даже и Турція, что Россія грозитъ опасностью европейской (христіанской) цивилизаціи?.. Скоро, пожалуй, потребуютъ, чтобы мы обезпечивали себѣ самое право существованія въ сосѣдствѣ съ Австріей и Турціей какими-либо особеннаго вида ручательствами или гарантіями!

Точно также не даемъ мы вѣры и другому извѣстію, сообщенному намъ на дняхъ телеграфомъ, будто бы Англія обратилась къ Россіи и прочимъ державамъ съ предложеніемъ прекратить перевозку критскихъ бѣглецовъ въ Грецію. Можетъ-быть поводъ къ этому извѣстію подала рѣзкая статья англійской газеты «Morning Herald» (см. вчерашній № «Москвича»), взывающая къ англійскому правительству и къ прочимъ европейскимъ кабинетамъ о томъ, чтобъ они наконецъ сообща *заставили* Россію прекратить эту перевозку. Извѣстно, что теперь уже ни одна изъ державъ не исполняетъ этого долга человѣколюбія, кромѣ Россіи. Возстаніе въ Кандіи продолжается; раненыхъ, стариковъ, женъ и дѣтей, бѣгущихъ отъ холода, голода, нищеты, истязаній и срама, которыми грозитъ имъ свирѣпство турецкой просвѣщенной арміи,—не убываетъ; нѣтъ основанія прекращать теперь то, что четырьмя великими державами было еще недавно признано священною обязанностью христіанскаго состраданія. Уступить такому требованію было бы дѣломъ противнымъ совѣсти и чести Россіи, значило бы дать не только перевѣсъ турецкой политикѣ, но взять назадъ всѣ прежнія свои требованія, росписаться торжественно въ своей политической несостоятельности. Этого не будетъ. «Интимидировать» или застращать русскій кабинетъ клеветами газетными или даже холостыми выстрѣлами дипломатическихъ депешъ—не удастся,—мы въ этомъ твердо увѣрены....

Объ Ирландскомъ вопросѣ.

„Москва“, 2-го іюля 1868 г.

Лѣтъ десять съ небольшимъ тому назадъ, наши политическіе мыслители открыли новую страну, о которой у насъ имѣлись лишь скудныя свѣдѣнія, почерпавшіяся изъ географическихъ учебниковъ. То была Великобританія, гнѣздо златокровнаго аристократизма, сокровищница политической мудрости, образецъ благоговѣйнаго храненія всякихъ обрядовъ и преданій изъ глубокой старины. Какъ новички въ дѣлѣ, наши публицисты раздѣлили тогда участь своихъ ближайшихъ учителей.

незадолго предъ тѣмъ обратившихся къ изученію государственнаго быта «оригинальнаго» Альбіона. Они поспѣшили возвести Англію въ идеалъ политической свободы и стали строить по этому образцу абсолютную государственную теорію. Но абсолютизмъ шатокъ и опасенъ вездѣ. Наши теоретики впали тогда въ грубую ошибку, которая могла привести къ горькимъ послѣдствіямъ. Забывая, что аристократизмъ «лордовской» Англіи есть явленіе исключительное, мѣстное, у насъ отождествили съ нимъ консервативное начало и принципъ политической свободы. Отсюда цѣлый рядъ ложныхъ выводовъ и мнѣній, начиная съ ребяческаго исканія аристократизма въ русской жизни и исторіи, кончая новѣйшею теоріей газетки «Вѣсть» и К°, которою, какъ подкрашенными воротами, закрывается задній дворъ всѣмъ извѣстныхъ мыслей и стремленій.

Ученическая наклонность къ односторонности и преувеличенію не дозволила намъ замѣтить тогда процессъ разложенія того государственнаго строя, который мы воспѣвали. Мы были глухи къ ропоту массы англійскаго населенія, къ стонамъ Ирландцевъ, къ смѣлымъ голосамъ мыслителей, которыхъ въ Англіи называли чуть не Катилинами, наконецъ къ голосу злобы и смущенія, вырывавшемуся порой изъ рядовъ лордовъ Великобританіи. Въ настоящее время на это дѣло можно смотрѣть хладнокровнѣе и проще. Теперь и самый процессъ разложенія вѣковаго конституціоннаго строя Англіи очерченъ рукою времени отчетливѣе и яснѣе для каждаго. Укажемъ на его наиболѣе осязательныя и характерныя черты и возьмемъ изъ нихъ самую интересную и общеизвѣстную—ирландскій вопросъ, теперь, можно сказать, уже сданный въ архивъ исторіи, изъясненный и отжившій.

Ирландскій вопросъ—это одно изъ самыхъ печальныхъ и роковыхъ явленій, которыя запомнила исторія. Онъ состоитъ изъ вѣковыхъ мученій, съ одной стороны, вѣковыхъ насилій и истязаній, съ другой. Врядъ ли гдѣ-либо въ мірѣ населеніе такъ жестоко пострадало отъ грубой силы завоевателей, какъ пострадали ирландскіе Кельты отъ англійскихъ Саксовъ и Норманновъ, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, начиная съ XII-го. Гордые и бездушные британскіе лорды раздѣлили между собой ирландскую землю, уступивъ лишь

небольшую ея часть измѣнившимъ родинѣ туземнымъ аристократамъ. Что ускользнуло отъ нихъ, то перешло, со времени Генриха VIII, къ корыстной англиканской церкви Вскорѣ весь народъ сталъ платить большія подати для содержанія этой «государственной» или «высокой» церкви. Она быстро богатѣла, въ параллель съ обнищаніемъ туземцевъ, и разросталась. Даже послѣ ограниченія ея правъ (1833 г.), по иниціативѣ Станлея (нынѣ лордъ Дерби), она насчитываетъ въ себѣ 2 архіепископства, 10 епископствъ, болѣе 2,000 лицъ духовнаго званія, исповѣдниковъ же у нея нищенское число — всего 690.000, на $4^1/_2$ милліона католиковъ и 523,000 пресвитеріанъ! Съ этого-то большинства, съ этой не принадлежащей ей паствы она набрала капиталъ въ 13 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; отсюда-то она получаетъ 600,000 ежегоднаго дохода, изъ которыхъ 400,000, подъ видомъ десятины, платятъ несчастные фермеры. Нужды нѣтъ, что въ 1838 году вигамъ удалось обратить десятину въ налогъ на землевладѣльца, а не арендатора: изъ нея образовалась тяготѣющая на землѣ рента, которую продолжаютъ платить фермеры, сидящіе на родной, но не имъ принадлежащей почвѣ. Эти бездомные Ирландцы, какъ рабы, зависятъ «отъ милости» англійскихъ землевладѣльцевъ; самъ законъ называетъ ихъ этимъ именемъ—tenants atwill. Ихъ, дѣйствительно, можно прогнать съ обработываемаго ими участка, когда угодно: между ними и землевладѣльцами не заключается письменныхъ контрактовъ.

Вотъ какою страшною цѣной зарабатывалъ Ирландецъ деньги для уплаты тѣхъ высокихъ налоговъ, которые всецѣло идутъ въ пользу чужеземцевъ и иновѣрцевъ! Но этого мало. Истинно-драконовское законодательство Англіи и чрезвычайные уставы, изданные ею для Ирландіи, не допускали его къ суконному производству, къ торговлѣ съ богатыми британскими колоніями, посредствомъ высокихъ пошлинъ, даже къ вывозу скота въ Англію. Извѣстное полотняное производство Ирландіи было пощажено лишь благодаря шотландскимъ поселенцамъ на сѣверо-востокѣ острова, въ рукахъ которыхъ оно находилось. Все, даже благословеніе судьбы—быстрое увеличеніе населенія, обращалось въ тяжкое проклятіе для этой несчастной страны. Ужасный голодъ 1847 года и

отчасти связанныя съ нимъ выселенія сократили въ послѣднія 20 лѣтъ число жителей острова болѣе чѣмъ на два милліона.

Но живучее кельтское племя «зеленаго» острова не сдавалось. Чѣмъ сильнѣе становился гнетъ чужеземцевъ, тѣмъ глубже проникало въ массы чувство независимости, тѣмъ упорнѣе было ихъ сопротивленіе: чѣмъ горделивѣе возвышалась государственная церковь, погрязая въ роскоши, чѣмъ болѣе нищалъ жалкій католическій священникъ, тѣмъ богаче становился онъ тою нравственною силой, которая возростала и въ массахъ. И вотъ семь вѣковъ Англичане *завоевываютъ* Ирландію, семь вѣковъ здѣсь царствуетъ хроническій кровавый мятежъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ настойчивѣе отпоръ населенію со стороны угнетенныхъ, изумлявшій всю Европу. При Тюдорахъ выведенный изъ терпѣнія намѣстникъ Ирландіи требовалъ раздавать епископства «опытнымъ солдатамъ». Бѣшеный Кромвель, нанесшій ей неизлѣчимыя раны, прошелъ всю страну съ огнемъ и мечомъ, передъ которыми не преклонялись туземцы, или погибавшіе геройски, или съ скрежетомъ зубовъ слушавшіе патріотическія рѣчи своихъ пастырей въ уединеніи лѣсовъ и болотъ, или уплывавшіе въ Вестъ-Индію. Въ концѣ XVIII вѣка духъ свободы и сопротивленія овладѣлъ всѣми жителями острова, даже пришельцами и иновѣрцами. Французская революція нашла себѣ здѣсь хорошее подспорье. Едва Англичане потушили въ крови обширное возстаніе Ирландцевъ въ 1798 году, какъ подняли знамя возстанія Робертъ Эмметтъ—диссентеръ и лордъ Фицджеральдъ—протестантъ изъ фамиліи древнихъ завоевателей острова. А въ 1803 году революціонная муза невѣсты Эмметта, Сары Корранъ, уже воспѣвала новый мятежъ и воспитывала «великаго агитатора», Даніэля О'Коннеля. Ни англійская солдатчина, ни лордовская благотворительность, ни парламентскія уступки—ничто не могло усмирить «бѣлоногую армію» этого знаменитаго демагога, которая болѣе 15 лѣтъ совершала свою ужасную месть надъ притѣснителями. Въ 1847 году Провидѣніе избавило Англичанъ отъ заслуженнаго бича: О'Коннель умеръ. Но тотчасъ же ударилъ громъ февральской революціи,—и Ирландія снова запылала кровавымъ заревомъ. Во-

енная сила сломила это возстаніе съ его плохими вождями, какъ Смитъ О'Бриннъ: на островѣ осталось одно глухое сдержанное недовольство.

Но и съ этой минуты, далеко на западѣ, замѣчается любопытное явленіе. Въ Сѣверной Америкѣ, особенно послѣ катастрофы 1848 года, скопилось множество Ирландцевъ, покинувшихъ свою несчастную родину. Они не прерывали связей съ нею, не переставали любить ее. Разбогатѣвъ на чужой землѣ, они въ одно поколѣніе выслали ей на помощь нѣсколько десятковъ милліоновъ ливровъ. Въ свою очередь, оставшіеся дома на мученіе стали смотрѣть на Соединенные Штаты какъ на обѣтованную землю; горѣвшее тамъ въ началѣ 60-хъ годовъ междуусобіе волновало ихъ, какъ событіе отечественной исторіи; и въ самой бѣдной хижинѣ внутри страны спрашивали путника, что дѣлается «по ту сторону воды». А когда сѣвероамериканское междуусобіе окончилось, ирландскіе эмигранты, принимавшіе въ немъ участіе и пріобрѣтшіе военный духъ, изобрѣли феніанизмъ и стали притекать на свой зеленый кельтскій эрикъ, чтобы освободить его отъ варварскихъ Англосаксовъ. Въ этихъ смѣльчакахъ, мечтавшихъ о роли Вашингтона, было, конечно, много неразумнаго и темнаго: они отвѣтятъ передъ исторіей за много невинныхъ жертвъ. Но они принесли съ собой силу, которой недоставало прежнимъ ирландскимъ мятежамъ. Эта великая сила— деньги. Ими-то они сдѣлали свое дѣло, заставили Англичанъ *немедленно* приступить къ рѣшенію вопроса, который три года тому назадъ самъ Гладстонъ считалъ еще не созрѣвшимъ.

Англичанинъ, своекорыстный и сросшійся съ своими историческими преданіями, тяжелъ на подъемъ. Только подъ гнетомъ кровавой необходимости онъ уничтожилъ и въ 1793 г. страшные карательные законы въ Ирландіи, а въ 1800 г. актъ соединенія этого острова съ Англіей избавилъ его отъ притѣсненій протестантскаго парламента въ Дублинѣ. Но главное зло оставалось. Протестантскій парламентъ въ Вестминстерѣ не былъ благосклоннѣе къ Ирландцамъ, пока, въ 1829 году, Робертъ Пиль, ярый ихъ противникъ, какъ бы вопреки себѣ, не провелъ билля объ эманципаціи католиковъ, о дарованіи имъ политическихъ правъ. Билль 1838 года

о десятинѣ нѣсколько облегчилъ, или, лучше сказать, стремился облегчить участь бѣдныхъ арендаторовъ. Но главное зло, государственная церковь, не было тронуто. Его должно было подточить всесокрушающее время. Въ теченіи 30-хъ и 40-хъ годовъ замѣтно развитіе вѣротерпимости въ политической жизни Великобританіи: получаютъ права диссентеры, закабаленные еще Карломъ II, и Евреи. Въ то же время англійскіе мыслители стали серьезно и свободно обсуждать «ирландскій вопросъ». Лѣтъ тридцать слишкомъ тому назадъ, столь солидный органъ общественнаго мнѣнія, какъ «Times», назвалъ англиканскихъ священниковъ въ Ирландіи «бандитами въ рясахъ». Тогда же извѣстный политикъ и историкъ, Джонъ Корн. Льюисъ издалъ книгу объ Ирландіи, въ которой предлагалъ доставлять средства къ существованію или всѣмъ тремъ церквамъ на островѣ, или ни одной. Но книга Льюиса находитъ отголосокъ лишь въ наши дни. Только теперь этотъ вопросъ сталъ главною темой англійской печати, частныхъ огромныхъ митинговъ, совѣщаній духовенства. О немъ ясно высказались политическія и ученыя знаменитости, лордъ Россель и Брайтъ, Гладстонъ и Дж. Ст. Милль. Наконецъ, онъ явился на судъ великобританскаго парламента и побѣдоносно выдержалъ критику его мудрецовъ.

По обычаю, парламентъ принесъ много пользы при разрѣшеніи ирландскаго вопроса. Онъ сразу устранилъ одну изъ двухъ частей, на которыя онъ распадается, наиболѣе запутанную, экономическую: онъ остановился на государственной церкви, на этой вопіющей несправедливости. Въ принципѣ судьба этого «домашняго учрежденія», этой «политической и соціальной несправедливости, разоряющей Англію», по выраженію ораторовъ палаты общинъ, была уже рѣшена въ первыхъ числахъ апрѣля, еще до обсужденія знаменитыхъ резолюцій Гладстона, требовавшихъ немедленнаго уничтоженія ирландской церкви. Эта церковь рухнула подъ тяжестію приговора палаты, зависѣвшаго отъ виговъ, которые всегда болѣе задумывались объ участи Ирландцевъ, чѣмъ ихъ политическіе противники. Напрасно Дизраэли прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, даже заставилъ лондонскаго лорда-мера притащить въ палату петицію въ 222 фута длины. Рѣдко такъ блестяще выказывается сила созрѣвшей идеи.

Торіи смутились и противорѣчили другъ другу; виги, единодушіе которыхъ вотъ уже два года какъ разстроено избирательнымъ вопросомъ, стояли, какъ одинъ человѣкъ, вокругъ своего гордаго, непріятнаго вождя. А ровно черезъ мѣсяцъ, когда нація имѣла время хладнокровно обсудить дѣло, настала для виговъ побѣда еще болѣе драгоцѣнная. Послѣ преній о резолюціяхъ Гладстона, ирландской церкви былъ подписанъ смертный приговоръ еще сильнѣйшимъ большинствомъ, чѣмъ прежде.

Прошелъ еще мѣсяцъ,—и Англичане услыхали пренія въ палатѣ лордовъ объ ирландскомъ вопросѣ, которыхъ ожидали съ нетерпѣніемъ. Эти пренія, дѣйствительно, весьма важны. Въ нихъ нѣтъ интереса новизны: всѣ знали, что лорды отвергнутъ резолюцію Гладстона. Въ нихъ нѣтъ и особеннаго значенія, рѣшительнаго вѣса: никто не сомнѣвается, что цѣлая нація, которой ненавистна ирландская церковь, сильнѣе палаты лордовъ. Но въ нихъ есть одна черта, чрезвычайно серьезная, торжественно-трагическая. Палата, представляющая сокровищницу древнихъ преданій, безпримѣснаго аристократизма, дружно, съ достоинствомъ и талантомъ защищала дѣло, которое опозорили торіи въ нижнемъ парламентѣ. Строгіе и суровые консерваторы говорили мужественно и согласно. Но грустнымъ оттѣнкомъ лебединой пѣсни были проникнуты всѣ ихъ слова. Не столько во имя справедливости, гуманныхъ или патріотическихъ принциповъ гремѣли лорды въ послѣднія свои засѣданія, сколько изъ мучительнаго сознанія близкой катастрофы, готовой поглотить ихъ священные завѣты. Они были подчинены тому же чувству безпомощности и страха, которое продиктовало г. Дизраэли слѣдующія слова, сказанныя въ палатѣ общинъ: «Для всякаго внимательнаго наблюдателя не можетъ подлежать сомнѣнію, что Англія быстро приближается къ кризису. Люди, подготовляющіе его, сильны, ихъ вліяніе распространяется почти по всему королевству. Дѣйствуя подъ маскою либерализма, законодательствуя въ духѣ вѣка, они надѣются захватить кормило правленія. Но ихъ политика измѣнитъ характеръ страны, лишитъ подданныхъ ея величества нѣкоторыхъ изъ драгоцѣннѣйшихъ привилегій; она даже коснется правъ короны».

Конечно, у страха глаза велики. Но и теперь уже накопилось такъ много данныхъ, что можно взвѣсить пророчества торіевъ. Можно сказать, что истинные враги государственной церкви въ Ирландіи,—духъ нашего времени, нонконформисты всѣхъ оттѣнковъ и радикальные теоретики,—точно также и враги этой церкви *въ самой Англіи*. Англійская «государственная» церковь—также «растеніе безъ жизненныхъ соковъ», также церковь меньшинства, поглощающая всѣ церковныя имущества страны. А пошатнись она подъ напоромъ современныхъ требованій полной свободы совѣсти,—и ударъ отзовется на всемъ общественномъ и политическомъ строѣ Великобританіи, а также и Европы, для которой тутъ много найдется поучительнаго и развивающаго. Прекраснымъ урокомъ политической мудрости и свободы послужатъ ей благородныя усилія *всей* націи рѣшить страшный вопросъ сообразно не съ абсолютными теоріями, а съ нормальными требованіями времени и исторіи.

По поводу нѣмецкаго памфлета Менцеля: „Наши границы".

«Москва», 17-го іюля 1868 г.

Съ ногъ до головы вооруженная и богатая, свѣжая и увѣнчанная лаврами, еще не увядшими на ея челѣ, Пруссія стоитъ у береговъ Майна, этого германскаго Рубикона. Она не можетъ сдѣлать шагу, чтобы не переступить завѣтной линіи. Но что такое Майнъ? Конечно, не одна изъ тѣхъ жалкихъ географическихъ и этнографическихъ границъ, которыя существуютъ лишь на языкѣ коварныхъ дипломатовъ, а въ сущности уже давно презрѣнныя человѣкомъ, ежедневно побѣждающимъ внѣшнюю природу. Нѣтъ, значеніе Майна состоитъ въ томъ, что онъ—граница культурная, намѣченная историческимъ развитіемъ юга Германіи. Югъ Германіи, пропитанный католическими и феодальными началами, привыкшій къ независимости, выработавшій себѣ, благодаря безсилію верховной власти, извѣстную долю свободы, находитъ во всемъ противорѣчіе себѣ по ту сторону Майна, особенно во всемогущей Пруссіи. Этого мало. Въ немъ

гнѣздится симпатичное воспоминаніе объ одномъ изъ великихъ благъ исторіи, которому серьезно угрожаютъ объединительныя стремленія Берлина,—воспоминаніе, привлекающее къ нему часть разума сѣверной Германіи. Мы говоримъ объ опасеніяхъ многихъ людей, стоящихъ во главѣ нѣмецкаго образованія, за будущее нѣмецкой мысли, науки, развитіе которыхъ, какъ извѣстно, съ трудомъ уживается съ обширностію государственной территоріи, требующей централизаціи жизненныхъ соковъ націи, стоющей нѣкоторыхъ жертвъ. Нѣмцы чувствуютъ, что предстоитъ одно изъ двухъ: или остаться «народомъ мыслителей», космополитомъ, работающимъ на благо всего человѣчества, но ничтожнымъ и смѣшнымъ Донъ-Кихотомъ въ государственномъ смыслѣ, или обратиться въ націю дѣловую, практическую и разстаться съ своимъ вѣковѣчнымъ идеализмомъ, лишиться высокаго мѣста, по праву занятаго ими въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. Пока исторія еще не выработала способа соединенія этихъ двухъ задачъ, надъ этимъ вопросомъ не можетъ не задуматься германская нація.

И вотъ, среди крика и гама разныхъ партій, возникшихъ или встрепенувшихся послѣ прусскихъ побѣдныхъ громовъ у Садовой, всплываетъ наверхъ идея о предупрежденіи исторіи, объ осуществленіи формы соединенія двухъ указанныхъ задачъ. Оставаться въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, при усиленіи Франціи и Италіи, при грядущемъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, нельзя: это сознаетъ югъ Германіи. Онъ желалъ бы объединиться помимо Пруссіи и съ сохраненіемъ самостоятельности своихъ частей. Онъ желалъ бы составить *федерацію*, на подобіе швейцарской, наименовавъ ее «Южнымъ Союзомъ». И въ этомъ онъ нашелъ себѣ поддержку въ демократахъ Сѣверной Германіи. Послѣдніе нумера всѣхъ иностранныхъ (не однѣхъ нѣмецкихъ) газетъ наполнены толками и извѣстіями о ходѣ этой важной идеи, подогрѣтой подошедшими выборами членовъ второй виртембергской палаты. Но, по нашему мнѣнію, она гораздо интереснѣе для историческихъ книгъ, чѣмъ для органовъ публицистики. Въ ней выражается внутренняя физіономія Нѣмца, его трагическая душевная борьба. Существованіе же ея скоротечно. Въ ней нѣтъ силы; она — пигмей передъ гигантскою логикой

событій. Вообще федерація въ обширныхъ территоріяхъ Европы пока еще не болѣе, какъ мечта безъ твердой почвы. Федерація на югѣ Германіи, даже, какъ мечтаютъ нѣкоторые, подъ протекторатомъ Пруссіи, Австріи и Франціи, немыслима: по крайней мѣрѣ, мы желали бы, чтобы намъ объяснили, что̀ общаго найдется между полу-деспотическою и полу-теократическою Баваріей, протестантскимъ и демократическимъ Виртембергомъ, умѣренно-либеральнымъ Баденомъ?

А вотъ какъ отвѣчаетъ на эти мечты логика событій, теперь уже достаточно выяснившихся. Оказывается, что мысль о федераціи принадлежитъ главнымъ образомъ лишь демократической, такъ-называемой «народной» партіи въ Виртембергѣ, съ ея безпардоннымъ органомъ «Beobachter». Оказывается, что Бавaрія первая противъ нея, быть-можетъ мечтая объ устройствѣ юга Германіи на подобіе сѣвера, разумѣется съ условіемъ, чтобы Людвигу I досталась роль Вильгельма I, а Гогенлоэ—роль Бисмарка. Оказывается далѣе, что всѣ толки о пресловутой федераціи возникли изъ проекта южногерманскаго союза, теперь дѣйствительно близкаго къ осуществленію. Но этотъ союзъ имѣетъ лишь военную цѣль. Онъ долженъ сообща съ Сѣверною Германіей защищать Южную. Онъ прямо вытекаетъ изъ пражскаго трактата: его проектъ, наконецъ, сочиненъ г мъ Гогенлоэ и *одобренъ Бисмаркомъ*. въ рукахъ котораго крѣпость Майнцъ—этотъ ключъ къ защитительной системѣ юга Германіи.

Несмотря на то пришло время жалкой Австріи передать Пруссіи свое старое названіе «счастливой». То, что̀ для первой было бы гибелью, для второй становится выгодой. Мысль о южной федераціи непосредственно подвигаетъ Пруссію за Майнъ: она также послужила къ ея счастію и косвенно. Она навѣрно привлекла къ Берлину не одно патріотическое сердце, вскрывъ стремленіе заклятыхъ враговъ нѣмецкой націи. Французы, съ свойственнымъ имъ легкомысліемъ, вообразивъ, что федерація уже созрѣла подъ благосклонными лучами тюльерійскаго свѣтила, поспѣшили откровенничать. Когда ихъ дипломатія нажимала въ этомъ смыслѣ правителей Вѣны, ихъ правительственная печать, и столичная («Etendard», «Patrie») и провинціальная («Nouvelliste

de Rouen, «Messager de Toulouse»), на всѣ лады воспѣвала этого феникса. Вслѣдъ затѣмъ, съ высоты псевдо-законодательной трибуны, раздался самонадѣянный голосъ Тьера: «Возстановить равновѣсіе въ Европѣ можетъ лишь возрожденіе въ Германіи *федеративнаго чувства* (le sentiment fédéral); и мы не должны теперь вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, чтобы не прервать этого драгоцѣннаго направленія умовъ». Счастлива Пруссія и тѣмъ, что въ эти роковыя минуты ея жизни ею руководитъ человѣкъ, который представляетъ рѣдкое чутье потребностей дня, рѣдкое умѣнье налетать на падаль, какъ орлы Наполеона I, и останавливаться, какъ Фабій Медлитель, тамъ, гдѣ таятся искры жизни. Бисмаркъ теперь знать не хочетъ про югъ Германіи. Онъ даже отбивается отъ него: въ «Nord. Allg. Ztg.» и другихъ его органахъ каждый день доказывается, что полное объединеніе Германіи не нужно и почти непригодно. Бисмаркъ теперь сталъ больнымъ человѣкомъ, который, нуждаясь въ покоѣ, борется съ воинственною партіей въ Берлинѣ; Бисмаркъ теперь «стражъ европейскаго мира и тишины», по сознанію даже прямодушныхъ англійскихъ газетъ. Онъ дѣйствительно взялъ себѣ въ союзники время и, окруженный арміей, готовою къ бою, дружно идетъ съ нимъ рука объ руку. И онъ не ошибся.

Неотразимая сила Бисмарка въ Германіи основывается не на одной арміи. Она заключается въ томъ, что въ этомъ политическомъ тактикѣ съ чертами прежнихъ Гогенцоллерновъ олицетворяется историческое призваніе Пруссіи—собираніе разсыпавшейся храмины нѣмецкой націи. Великій двигатель нашего времени, національная идея безустанно работаетъ въ пользу его въ тѣ минуты, когда онъ болѣетъ, сидитъ сложа руки. Она выразилась и въ таможенномъ парламентѣ, и въ кильскихъ торжествахъ, и въ жалкой роли гитцингскаго изгнанника. Она вызываетъ праздничныя заявленія единства нѣмецкаго духа не на одномъ Сѣверѣ, но также и въ Гессенѣ, Баденѣ, даже Нюренбергѣ. Она направляла отчасти даже новѣйшіе выборы во вторую виртембергскую палату, которые, кажется, заставятъ правительство опереться на національную партію, чтобы не погибнуть подъ ударами «народной». Наконецъ, эта же идея руководитъ

перьями германскихъ публицистовъ, одушевленныхъ *всегерманскимъ* патріотизмомъ, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ.

Современная германская публицистика—многознаменательна. Ея гордый, кичливый тонъ, ея побѣдоносная увѣренность въ успѣхѣ дѣла, которому она служитъ, притягательная сила, которою она влечетъ къ себѣ извѣстныхъ представителей литературы и науки,—все это указатели будущаго для нашего поколѣнія. Какъ быстро измѣнились времена! Давно ли вдохновляющая ее идея была посмѣшищемъ для множества Нѣмцевъ же, подъ именемъ «великогерманства»! А теперь ея противникъ рискуетъ получить печать измѣнника и предателя... Какъ же мечтаетъ о будущемъ эта публицистика? Какія окончательныя цѣли предписываетъ ей великогерманская идея?

Передъ нами лежитъ политическій памфлетъ, не лишенный нѣкотораго значенія. Онъ занимаетъ 17 листовъ весьма убористой печати и изданъ на дняхъ *въ Штутгартѣ*. Это—новое изданіе старыхъ мыслей, стараго гнѣва и лжи уже извѣстнаго бойца на полѣ публицистики. Это—«Наши границы» Вольфганга Менцеля, того самого 70-лѣтняго Менцеля, который во время оно странствовалъ по пустынямъ либерализма и раціонализма 30-хъ годовъ, ненавидѣлъ Гёте заодно съ Берне, котораго потомъ возненавидѣлъ въ свою очередь, и своими доносами навлекъ преслѣдованія на своего друга, нѣмецкаго нигилиста Гутцкова. Этотъ Менцель издалъ на своемъ вѣку множество политико-историческихъ памфлетовъ, къ которымъ должно отнести и его ученую «исторію Нѣмцевъ», лишенную всякой учености, руководилъ нѣсколькими журналами, и вотъ уже лѣтъ сорокъ воюетъ на полѣ публицистики. Онъ давно отличался чисто-нѣмецкимъ національнымъ, узкимъ и брюзгливымъ, духомъ. Теперь, предвидя предѣлы своей дѣятельности, онъ рѣшился завѣщать своему народу истинныя границы Германіи.

Менцель весьма развязно обращается съ своимъ землеизмѣрительнымъ аппаратомъ Зная исторію, конечно по-своему, онъ прилагаетъ его не только къ настоящей Германіи, но и къ прошедшей, которая, мечтаетъ онъ, пожалуй, можетъ современемъ обратиться въ будущую. По крайней мѣ-

рѣ, онъ оплакиваетъ горючими слезами, осыпая притомъ бранью всѣ другія государства, особенно Австрію, тѣ утраты, которыя потерпѣла нѣмецкая нація съ ходомъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли, что когда-то (извѣстно только, что послѣ Адама и Ноя) достояніемъ нѣмецкой націи были: Нидерланды отъ Дюнкирхена до Остфрисландіи, эти Фламандцы, не желающіе теперь «писать по hochdeutsch»; чуть не вся Италія, съ Лонгобардами на сѣверѣ и Норманнами на югѣ; Швейцарія, къ счастію, еще не расторгшая хоть духовныхъ узъ съ Нѣмцами и «стремящаяся теперь поддерживать связи съ обновляющеюся Германіей»; Скандинавія, эта сѣверная колонія Германіи, если иногда и возстающая противъ своей митрополіи, то лишь по интригамъ какихъ-нибудь Русскихъ, этихъ Нѣмцеѣдовъ, «уже поглотившихъ Финляндію, Лифляндію и Эстляндію». О прибалтійскихъ губерніяхъ и говорить нечего: онѣ въ глазахъ Менцеля всегда были и будутъ нѣмецкими. Онъ по поводу ихъ позволяетъ себѣ только излить всю свою патріотическую желчь на соплеменниковъ, которые не энергично даютъ отпоръ русскому варварству и, въ теченіе полутораста лѣтъ, не успѣли преобразовать сѣверныхъ медвѣдей въ нѣмецкихъ носителей цивилизаціи. Его утѣшаетъ тутъ лишь лучшее будущее, открывшееся съ воцареніемъ въ Пруссіи Вильгема I, «правдивою оффиціальною запиской русскаго человѣколюбиваго генерала», Бобринскаго, о церковныхъ дѣлахъ Лифляндіи, да появившимися въ прошломъ году въ Берлинѣ «Livländische Beiträge». Самихъ Русскихъ Менцель,—увы! не признаетъ Нѣмцами, какъ всѣхъ остальныхъ Европейцевъ, не исключая и Англичанъ Но за то же онъ посылаетъ имъ изъ Виртембергскаго королевства замѣчательно-пошлые комплименты. Въ виду зарождающагося теперь русскаго направленія въ Россіи, онъ упрекаетъ насъ въ неблагодарности къ своимъ учителямъ и прибѣгаетъ къ такому грозному пророчеству: «Искоренитъ Россія германизмъ—и окончательно впадетъ въ варварское, чувственное и безсовѣстное (gewissenlose) славянство. Нельзя даже предвидѣть, что̀ станетъ творить возстановленное боярство и импровизованная путемъ отмѣны крѣпостничества демократія, если ихъ уже не будетъ обуздывать нѣмецкая дисциплина». Впрочемъ, здѣсь мы не потратимъ

больше чернилъ, чѣмъ сколько нужно на изъявленіе самой респектной благодарности за состраданіе автору, который бьетъ самъ себя своимъ невѣжествомъ и неприличіемъ. Мы обратимся къ юговосточнымъ границамъ Германіи, которыя всего болѣе занимаютъ Менцеля. Здѣсь лежитъ Венгрія. Авторъ, конечно, съ презрѣніемъ отвергаетъ невыгодное родство съ этимъ финскимъ отродьемъ. Но... тутъ опять замѣшалось состраданіе. Того и гляди, что «Россія натянетъ мундиръ своихъ подданныхъ на плечи несчастныхъ Мадьяръ, получившихъ отъ Нѣмцевъ рыцарскіе нравы, конституцію, право, сословное расчлененіе, образованіе». «Только Германія можетъ уберечь ихъ отъ обрусенія»! восклицаетъ Менцель и прибавляетъ: «Мадьяры и Румыны сами по себѣ слишкомъ слабы, чтобы противостоять долго славянскому наводненію, если ихъ не скрѣпитъ германскій цементъ, болѣе сильный, чѣмъ въ Трансильваніи. Нѣмцы не должны щадить ничего, чтобы Нижній Дунай, этотъ оплотъ противъ Россіи, всегда оставался въ нѣмецкихъ рукахъ».

О состояніи Австріи въ 1868 году.

„Москва“, 17-го сентября 1868 г.

«Италія не болѣе какъ географическій терминъ», говаривалъ во время оно—плохой пророкъ, но знаменитый дипломатъ, послѣдній носитель австрійской государственной идеи, истый и едвали не послѣдній *Австріецъ*, князь Меттернихъ. Австрійскому министру ошибиться было не трудно и даже очень естественно. Управляя дѣлами государства, которое само не было ни выраженіемъ какого-либо національнаго духа, ни единымъ, цѣльнымъ народнымъ *организмомъ*, а было только искусственнымъ сцѣпленіемъ разныхъ національностей и политическихъ малыхъ тѣлъ, охваченныхъ общимъ государственнымъ *механизмомъ* (въ то время повидимому еще искусно и прочно свинченнымъ), – Меттернихъ не понималъ значенія живыхъ нравственныхъ силъ, двигающихъ исторіею народовъ, не признавалъ могущества національныхъ инстинктовъ. Онъ безусловно вѣрилъ лишь въ политическое мастерство, лишь

въ силу и мощь государственныхъ машинъ высокаго давленія, которыя, по его мнѣнію, ловко заправляемыя, сумѣютъ всегда сломить всякое жизненное сопротивленіе, размолоть и перемолоть всякій органическій элементъ. Когда же все подавленное, непризнанное, все презрѣнное живое, будто мертвецъ изъ гроба, поднялось и встало внезапно предъ нимъ, грозное, мстительное и въ то же время какъ власть имущее; когда народности, будто разгнѣванныя стихіи, выступивъ изъ береговъ, затопили и переломали колеса пресловутаго механизма, — тогда рушился Меттернихъ и его система, и стало явно, что судьбы *Австріи* свершились и историческое ея призваніе кончено.

Невдогадъ было австрійскому министру, когда произносилъ онъ свое знаменитое, но оболганное исторіею слово объ Италіи, что ни для кого такъ не пригодится оно, какъ для самой же Австріи. Именно про Австрію-то и можно теперь сказать, что она, въ настоящую пору, почти уже не болѣе какъ географическій терминъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое теперь Австрія? Гдѣ она? Гдѣ *центръ ея тяжести?* Гдѣ средоточіе ея прежняго государственнаго, цѣлыми вѣками составлявшагося механизма? Гдѣ тотъ ключъ, которымъ онъ заводился, гдѣ то маховое колесо, которое приводило въ одновременное движеніе всѣ эти пружины, ремни и колеса, большія и малыя, каждое въ своемъ мѣстѣ и съ опредѣленною для каждаго скоростью? Ключъ не дѣйствуетъ, маховое колесо стоитъ, а непослушныя колеса своевольно вертятся, стучатъ, сталкиваются словно живыя... Въ томъ-то и дѣло, что всѣ повидимому бездушныя части, изъ которыхъ состояла Австрія, *ожили*,—отъ того для *Австріи* и наступаетъ смерть; всѣ погруженныя, казалось въ непробудный сонъ племена и народы, всѣ крупныя и мелкія политическія тѣла, уже какъ будто обращавшіяся въ удобный для государственной машины матеріалъ, — проснулись и возрождаются къ органической жизни... Механизмъ оказывается болѣе не пригоденъ: отъ того-то Австрія и *перестаетъ быть*. Вглядимся пристальнѣе. Мы уже не видимъ того политическаго единства въ разнообразіи, той древней государственной организаціи, которая собственно и носила названіе Австрійской имперіи и которой средоточіе было въ Вѣнѣ. Мы видимъ, напротивъ,

самостоятельную и почти господствующую Венгрію, съ Пештомъ, какъ правительственнымъ центромъ Трансильваніи, Хорватіи и всего такъ-называемаго Тріединаго королевства,— съ цѣлою группою племенъ, которыя ведутъ свою тяжбу съ короной Св. Стефана, какъ будто и нѣтъ надъ нею никакой короны австрійскаго императора; мало того — Венгрія не скрываетъ, а почти явно заявляетъ стремленіе отмѣнить и послѣднюю связь съ старымъ строемъ Австрійской монархіи, т. е. делегацію своего сейма въ Вѣнѣ, затѣмъ перенести центръ имперіи въ Пештъ и, какъ объявляетъ вѣнская газета «Presse», «возобновить иностранную политику мадьярскаго короля Людовика I и Матвѣя Корвина». Мы видимъ далѣе Богемію или Чехію съ Моравами, готовую воскресить блескъ короны Вячеслава; мы видимъ Штирію, Крайну, Карнитію, Истрію, Галицію, Тироль, даже нѣмецкія двѣ провинціи—всѣ съ притязаніями на личное-національное бытіе, — всѣ съ поползновеніями или обособиться, или примкнуть къ другимъ народнымъ и политическимъ сосѣднимъ организмамъ—германскому, русскому, италіянскому... И все это не только хочетъ жить, но и носитъ въ себѣ всѣ задатки жизни: все имѣетъ будущность, все влечется и движется въ разнообразныхъ направленіяхъ,— каждое въ свою сторону — *и ни одно къ центру*. Въ томъ-то именно и состоитъ вся разгадка положенія, что прежняго историческаго центра уже нѣтъ; онъ еще существуетъ какъ призракъ, какъ воспоминаніе,—но не какъ историческая власть и сила; его и быть не можетъ—этого средоточія политическаго *единства* имперіи, послѣ того какъ система дуализма раскроила единство монархіи на двѣ отдѣльныя, независимыя *половины*. Но дуализмъ только одна изъ преходящихъ формъ, въ которыхъ пробуетъ себя, сдвинутая съ своей исторической основы, Австрійская монархія, только послѣдствіе первоначальной причины. Причина же эта въ томъ, что Австріи, какъ *Австріи*, жить уже *не чѣмъ*. Механизмъ окончилъ свое служеніе; ему уже нѣтъ повода быть, въ виду оживившихся органическихъ элементовъ. Та историческая идея, которая приводила въ движеніе маховое колесо и, послушно съ нимъ, все стройное сцѣпленіе остальныхъ разнообразныхъ колесъ, уже изжита на вѣки. Остаются лишь обломки механизма, порванные или

ослабшіе ремни и пружины, еще не убранные, еще сбивающіе съ толку людей и народы; еще хватаются за нихъ, обманываясь старыми воспоминаніями, мятущіяся племена, въ тщетной надеждѣ найти въ нихъ опору; еще сохраняются внѣшнія формы, привычки, преданія; еще не совсѣмъ вымерло въ сознаніи Европы политическое понятіе объ *Австріи*, еще носится ея стародавній историческій призракъ надъ міромъ, но это только призракъ, это не живая, дѣйствующая политическая сила, — призракъ, который не замедлитъ разсѣяться...

Никогда ни одно государство не представляло такого страннаго явленія, какъ современная Австрія. Когда роль историческаго механизма окончилась и понадобилось *жить*, то никакой жизненной, творческой матеріи, Lebensstoff, какъ говорятъ Нѣмцы, въ наличности не оказалось. За недостаткомъ внутренней, свободно самоопредѣляющейся и развивающейся органической силы, Австрія сама себя *сочиняетъ*. Пошли въ ходъ ученыя умозрѣнія, тонкія дефиниціи, книжныя системы, отвлеченныя теоріи: *какъ* жить, *какъ* устроиться; придумывались и передумывались разныя «организаціи»; пробовались и примѣривались различныя конституціи — и всѣ разбивались въ прахъ при первомъ столкновеніи съ живою дѣйствительностью. Сегодня *вновь сочиненная* Австрія должна была завтра *пересочиняться* снова. Все что́ ни исходитъ теперь изъ мысли центральнаго вѣнскаго управленія, какой бы то ни былъ новый видъ организаціи, — все исходитъ мертворожденнымъ... Одинъ только живой результатъ даетъ каждая такая мертворожденная новая организація въ примѣненіи ея къ практикѣ: новый ущербъ австрійскому единству, новый подъемъ національной жизни въ различныхъ концахъ распадающагося состава. Каждая новая попытка преобразовать и починить *Австрію* — наноситъ только новый ударъ древней монархіи и разбиваетъ въ дребезги послѣдніе остатки государственнаго механизма.

«Едва прошелъ годъ, говоритъ одинъ изъ органовъ австрійской печати, и ужъ партіи самыя разнообразныя возстаютъ противъ дуалистической системы... Не къ тому ли послужило довершеніе новаго зданія Австріи, чтобы пріютить въ немъ цѣлое *шаривари* національностей?... Если Австрія

не успѣетъ сложиться въ видѣ *монархической Швейцаріи*, то австрійскимъ Нѣмцамъ позволительно безусловно предаться Германіи»... и т. д. Эти слова довольно вѣрно рисуютъ современное состояніе этой отставной, или вѣрнѣе, отставленной исторіею имперіи, но покуда еще *съ мундиромъ*, — имперіи, которая еще не знаетъ: сдѣлаться ли ей чѣмъ-то на манеръ Швейцаріи, или уже приходится распроститься совсѣмъ съ государственнымъ нарядомъ. Но если централизація, пробованная Бахомъ, оказалась для Австріи невозможною, а дуализмъ пагубнымъ, то федерализмъ убьетъ ее окончательно, потому что первымъ его дѣйствіемъ будетъ расторженіе *Австріи* на разныя, безконечно малыя группы, которыя если и соединятся, то вѣроятно не въ одинъ, а въ нѣсколько союзовъ, и во всякомъ случаѣ не въ формѣ австрійской имперіи.... Съ другой стороны, если нѣтъ надежды для Австріи устроиться въ видѣ Швейцаріи, *оставаясь Австріей*, то точно также невозможно ей оставаться и *Цислейтаніей*. Ничто такъ не характеризуетъ современной—*дѣлаемой* и сочиняемой Австріи, какъ этотъ забавный терминъ. Цислейтанія! Какая это новая страна—спрашиваютъ въ изумленіи австрійскіе же народы. Въ какомъ географическомъ лексиконѣ обрѣтается это названіе? Можетъ ли удержаться и получить жизненный смыслъ, среди разныхъ, полныхъ личной, индивидуальной жизни, національностей, такой абстрактный политическій миѳъ? Есть ли какая возможность вѣровать въ *Цислейтанію?* Не думаемъ, чтобы и сами цислейтанскіе министры, начиная съ сочинителя политическихъ миѳовъ, Бейста, и не исключая императора Франца-Іосифа, вѣрили въ Цислейтанію и принимали это дѣло рукъ своихъ за что-то органическое, нерукотворенное! Послѣ дѣленіе имперіи на двѣ половины: по ту сторону рѣки Лейты (Литавы) или Венгрію, и по сю сторону Лейты или «Цислейтанію», названіе «Австрія» этимъ самымъ уже упраздняется; а между тѣмъ и названіе «Цислейтанія» также не имѣетъ реальности, также упраздняется на практикѣ, несмотря на созданіе цѣлаго особаго министерства. Эта «Цислейтанія» задумана съ цѣлью объединенія второй, невенгерской половины имперіи, въ духѣ нѣмецкой національности. Но ни Чехія, ни Моравія, ни польская Галиція, ни

Тироль, ни Крайна, ни одна почти изъ земель не венгерской группы, не признаютъ Цислейтаніи и не расположены повиноваться ея министерству. Изъ всѣхъ владѣній по сю сторону Лейты только двѣ нѣмецкія провинціи, казалось, скорѣе другихъ должны бы усвоить себѣ новую организацію, но и ихъ охватываетъ духъ оппозиціи. Такимъ образомъ, Цислейтаніею въ настоящемъ смыслѣ слова оказывается одна Вѣна. Вѣна уже болѣе не правительственный центръ,— ибо настоящій центръ государственной тяжести—въ Пештѣ; не столица имперіи, ибо Венгрія не признаетъ Вѣну за свою столицу; не столица и другой половины монархіи, ибо въ этой другой половинѣ для Богеміи столицею Прага, для Галиціи Львовъ, для Крайны Любляна, и т. д.: Вѣна теперь не болѣе какъ столица Цислейтаніи, и вся Цислейтанія въ ней.

Къ довершенію общей картины современнаго состоянія *Австріи*, нельзя не упомянуть о томъ, что «распаденіе монархіи» стало обычнымъ предметомъ всѣхъ бесѣдъ, толковъ и разсужденій — въ публичныхъ собраніяхъ, на трибунахъ, на каѳедрахъ и въ печати. Всѣ газетныя статьи не болѣе какъ варіаціи на эту тему. О «распаденіи» говорятъ, какъ о дѣлѣ болѣе чѣмъ возможномъ, не впадая въ отчаяніе, не рискуя прослыть за измѣнника, не огорчая ничьего національнаго чувства, не оскорбляя никого, кромѣ развѣ нѣбольшой группы людей, еще суевѣрно придерживающихся преданія, еще не разставшихся съ старыми привычками, воспоминаніями, упованіями и надеждами. Таковы, напримѣръ, всѣ австрійскіе аристократы нѣмецкаго,– а также и ненѣмецкаго происхожденія, но отрекшіеся отъ своей національности и для которыхъ отечественный центръ—вѣнскій Гоффбургъ; таковы также всѣ чиновники—достойное издѣліе австрійскаго государственнаго механизма, безнародное племя, не знающее и не признающее никакой другой національности, кромѣ предписанной начальствомъ. Но аристократы, вѣрные старинѣ, не пригодны для настоящей эпохи, не ловки и не способны на сдѣлки съ новымъ временемъ, на быстрыя политическія превращенія. Поэтому и понадобился во главу управленія иностранецъ, каковымъ и явился Саксонецъ Бейстъ;— поэтому и подобралъ онъ себѣ цислейтанское министерство

частію изъ отступниковъ своей народности, какъ Искра и другіе; частью изъ профессоровъ, людей отвлеченныхъ, отрѣшенныхъ отъ всякой жизненной почвы, сторонниковъ безусловнаго абстрактнаго прогресса и потому наклонныхъ къ деспотизму,—какъ это всегда бываетъ у теоретиковъ, не уважающихъ правъ дѣйствительности и презирающихъ указанія практики...

И вотъ, надъ живыми и порывающимися къ жизни народными организмами высится теперь въ Вѣнѣ, еще въ мундирѣ имперіи, какой-то сфабрикованный, политическій, бездушный и безсильный снарядъ власти и управленія, именуемый «Цислейтанія». Снарядъ окружаютъ мастера—иностранцы, ренегаты, и доктринеры.—всѣ своего рода *нигилисты* относительно народности и религіи, т. е. всего, что̀ есть наиболѣе жизненнаго, зиждительнаго и могущественнаго въ мірѣ. Замѣтимъ кстати, что наиревностными *Австрійцами* и представителями *австрійской* интеллигенціи являются теперь *Евреи:* въ ихъ рукахъ почти вся вѣнская пресса; ихъ вліяніе преобладаетъ въ цислейтанской столицѣ! Патріотизмъ новѣйшихъ Австрійцевъ—патріотизмъ нигилистовъ: такъ оно и должно было быть по логическому ходу вещей,—такъ оно есть и на дѣлѣ. Въ ту самую минуту, какъ совершается расторженіе имперіи на разныя группы, образующіяся на началахъ народности и вѣроисповѣданія,—цислейтанское министерство, не имѣя корней ни въ какой національной и религіозной почвѣ, издаетъ декреты, подтачивающіе всѣ вѣковыя историческія основы Австрійской монархіи. Оно разрываетъ связь имперіи съ Римомъ, не справляясь съ чувствами и желаніями ея католическаго населенія; оно воздвигаетъ гоненіе на духовенство во имя принциповъ свободы, не сообразивъ, что такого освобожденія вовсе не домогаются пока ни Чехія, ни Галиція, ни другія страны, гдѣ народность находитъ себѣ въ духовенствѣ опору; оно деспотически навязываетъ племенамъ, воспитаннымъ долгою церковною жизнью и въ ней пребывающимъ (напримѣръ Тиролю), презрѣніе къ требованіямъ церкви, хоть бы относительно браковъ. Очевидно, что весь этотъ цислейтанско-жидовскій либерализмъ, окружающій теперь его апостольское величество, потомка Габсбурговъ, воплощенное преданіе Австрійской монархіи,

императора Франца-Іосифа,— нисколько не есть выраженіе народныхъ потребностей,— ни тѣмъ менѣе поступательное движеніе впередъ самой религіозной мысли. Несмотря на восторгъ Вѣны, цислейтанскіе либеральные декреты почти отринуты племенами, для которыхъ теперь самый насущный вопросъ: свобода и полноправность національности, отвергаемыя цислейтанскими libres-penseurs!

Многіе сравниваютъ,—и это сравненіе въ большомъ ходу,—Австрію съ Турціей. Это не совсѣмъ вѣрно: Турція— разлагающійся трупъ, а Австрія—развинтившійся, поломанный механизмъ. Въ Турціи была и еще есть національная и религіозная оттоманская стихія, а въ Австріи своей *австрійской*, національной и религіозной стихіи—не обрѣтается. Турція изнемогаетъ подъ бременемъ задачи: примирить свою мусульманскую стихію, въ лицѣ Турокъ, съ христіанскою стихіей, въ лицѣ своихъ подданныхъ Славянъ и Грековъ; въ Австріи же вопросъ не о содержаніи, а о формѣ государственнаго существованія, несовмѣстной съ оживившимися органическими элементами. Въ Турціи предстоитъ борьба—тяжелая, долгая, кровавая борьба христіанъ съ магометанскимъ игомъ,—и Османъ, можно думать, не отдастъ своего владычества дешево, а истощитъ всѣ силы въ послѣднемъ бою; Австріи, чтобы погибнуть, даже и не нужно подобной борьбы: она можетъ просто уничтожиться de facto или перестать быть, обанкрутившись окончательно съ своимъ государственнымъ механизмомъ, признавъ по необходимости несостоятельность всѣхъ своихъ попытокъ переустройства, придя наконецъ втупикъ, упершись въ стѣну на пути своихъ реорганизацій. Все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія разныхъ политическихъ группъ имперіи между собою...

Въ настоящее время Австрія не болѣе какъ политическій предразсудокъ. Пора наконецъ европейскимъ правительствамъ сознать эту истину. Пора наконецъ догадаться о томъ и различнымъ національнымъ организмамъ, числящимся въ составѣ Австрійской имперіи, и раздѣлаться съ предразсудкомъ, еще угнетающимъ и сбивающимъ съ толку ихъ политическую мысль... Или они не видятъ, что они уже и теперь составляютъ не Австрію, передовую державу *Западной* Европы, а Европу *Восточную*, доселѣ не признан-

ную и не понимаемую Западомъ? Къ этой восточной Европѣ принадлежитъ и Россія...

Всякое сближеніе съ Австріею не только не представляетъ Россіи выгодъ, но положительно имъ противорѣчитъ.

„Москва“, 19 сентября 1868 г.

Мы сказали недавно, что въ настоящее время Австрія не болѣе какъ политическій предразсудокъ, еще затемняющій сознаніе, еще сбивающій съ толку политическую мысль — какъ европейскихъ правительствъ, такъ и самихъ народовъ Австрійской имперіи. Каждый день плодитъ въ изобиліи несомнѣнныя доказательства въ пользу высказаннаго нами мнѣнія. Достаточно взглянуть хоть на пренія галицкаго сейма, чтобы оцѣнить степень прочности и измѣрить мѣру будущности этого разсѣвшагося австрійскаго государственнаго механизма. Неопровержимы доводы ораторовъ, возстающихъ противъ всякихъ попытокъ къ возобновленію прежней системы централизаціи. Венгрія, захвативши однажды свободу и власть, не отдастъ ихъ иначе, какъ съ бою: всякая новая попытка къ централизаціи для Австріи *смерть*. Неопровержимы доводы графа Голуховскаго и всѣхъ его сторонниковъ—точно, какъ дважды два четыре доказывающихъ, что примѣненіе къ практикѣ принциповъ федерализма не свяжетъ, а окончательно развяжетъ и безъ того плохо скрѣпленныя между собою составныя части монархіи,—что въ федерализмѣ для Австріи *смерть*. Неопровержимы, вполнѣ неопровержимы доводы депутата Смолки, подтверждаемые теперь доводами Чеховъ, Моравянъ, Словенцевъ, Поляковъ, что и оставаться при системѣ нынѣ дѣйствующей невозможно; что, признавъ политическую автономію Венгріи, нельзя не признать автономію и прочихъ историческихъ національныхъ группъ, что система дуализма — ни болѣе ни менѣе какъ подмѣна Австріи Венгріей: что дуализмъ для Австріи *смерть*. Таково содержаніе преній, происходившихъ на львовскомъ сеймѣ; таково почти содержаніе преній и во всѣхъ политическихъ собраніяхъ Австріи. На трибунахъ, на каѳедрахъ,

въ книгахъ, брошюрахъ, въ періодической печати,—всюду, на разные лады, краснорѣчиво до очевидности, разоблачаются разные виды политической смерти, стерегущей Австрію на всѣхъ ея путяхъ,—и никому, нигдѣ не удается открыть присутствіе духа жизни. Мы разумѣемъ Австрію какъ имперію, а не ея составъ, въ которомъ, напротивъ, почти каждая отдѣльная національность, сама по себѣ и для себя, исполнена живой органической силы и самостоятельно стремится или обособиться, или сгруппироваться своеобразно съ другими ей подобными, или же примкнуть къ иному, не австрійскому государственному центру...

А между тѣмъ политическій предразсудокъ еще живъ и живучъ, и видно еще не такъ легко въ особенности для европейской дипломатіи, раздѣлаться съ нимъ въ своемъ собственномъ сознаніи. Но отъ европейской, т. е. отъ западноевропейской дипломатіи, другаго почти и спрашивать нельзя. Западная Европа едвали и понимаетъ тотъ внутренній процессъ, который совершается теперь въ австрійскомъ государственномъ тѣлѣ. Съ недоумѣніемъ глядитъ она на какія-то, вовсе ей неизвѣстныя, или давно ею перезабытыя, внезапно вдругъ воскресшія передъ нею славянскія племена,—на эти новые органическіе элементы, притязующіе на самостоятельную политическую жизнь, которыхъ присутствія въ своемъ европейскомъ организмѣ она и не подозрѣвала. Она привыкла считать Австрійскую монархію вполнѣ *своею*—по происхожденію, по исторіи, по тѣмъ стихіямъ германо-романскаго духа, которыя ее создали, которыхъ господство въ теченіи долгаго ряда вѣковъ являлось несомнѣннымъ и заслоняло собой тѣ племена и народности, что̀ легли какъ бутъ въ фундаментъ имперіи. Существованія славянской національности самой *для* себя Западная Европа не признаетъ и не признавала: Славяне—это anima vilis, это плебеи западноевропейскаго человѣчества,—это матеріалъ, пригодный для постройки западноевропейскихъ зданій,—это плоть, способная одухотворяться только духомъ германо-романскимъ, на потребу и на пользу Европѣ. Славянскій міръ, какъ міръ отъ Европы особенный, явился впервые и занялъ мѣсто въ европейскомъ сознаніи только во образѣ Россіи, и тогда же преисполнилъ Западъ злобой и ненавистью, и смутнымъ,

инстинктивнымъ страхомъ... Затѣмъ, наконецъ, опозналъ Западъ присутствіе Славянъ на Востокѣ. иначе въ Турціи, вслѣдствіе пробужденія славянскихъ, подвластныхъ Исламу, племенъ,—ихъ единоплеменности и единовѣрія съ Россіей. Опозналъ—и сталъ на сторону Корана противъ Евангелія, на сторону угнетенія противъ угнетенныхъ, на сторону неволи противъ свободы, на сторону отрицанія правъ національныхъ противъ имъ же всюду провозглашаемаго принципа національности... И вотъ, въ послѣднее время объявились западноевропейскому изумленному міру новые славянскіе элементы въ предѣлахъ самой Западной Европы. Европейская наука, застигнутая событіями врасплохъ, оказывается почти невѣжей относительно этихъ вновь обрѣтаемыхъ ею національностей. Если въ началѣ христіанской эры потокъ новыхъ племенъ, нахлынувшій на Европу, обновилъ и преобразовалъ историческій міръ; если затѣмъ, открытіемъ Америки внесена новая стихія въ жизнь человѣчества,—то уже не ожидалъ и не могъ ожидать европейскій Западъ появленія новыхъ народовъ на исторической сценѣ, открытія новыхъ земель и странъ—уже не за морями, а въ своей собственной оградѣ! Но хотя ученые и принялись теперь за изученіе этихъ новыхъ пришельцевъ въ міръ, за передѣлку старыхъ географическихъ и историческихъ учебниковъ, тѣмъ не менѣе западноевропейскія правительства еще продолжаютъ не вѣрить въ состоятельность славянскаго движенія въ Австріи, по крайней мѣрѣ относятся къ нему недовѣрчиво и не даютъ ему надлежащей цѣны. Коверкая неудобныя для иностраннаго произношенія имена и названія славянскихъ племенъ и мѣстностей, дипломаты, по старой рутинѣ, все еще съ какою-то полупрезрительною улыбкой прислушиваются къ дерзкимъ, неслыханнымъ и удивительнымъ претензіямъ Чеховъ и прочихъ Славянъ на самобытную политическую національную жизнь, — и попрежнему продолжаютъ считать всю эту тревогу и возню народныхъ элементовъ *домашнимъ* дѣломъ Австрійской монархіи. Попрежнему видятъ они одинъ лишь внѣшній образъ имперіи, и ждутъ не дождутся, чтобъ Австрія благополучно прошла сквозь *внутренній* свой кризисъ, съ успѣхомъ завершила тяжкій процессъ *внутреннихъ* реформъ и переустройства! Убѣжденные,

что источникомъ бѣдъ этого государства — пораженіе подъ Садовой и преобладаніе Пруссіи, они естественно склоняются къ мысли, что интересы остальныхъ европейскихъ правительствъ требуютъ поддержанія могущества и прежняго политическаго значенія Австріи...

Такъ можемъ думать и въ такомъ смыслѣ дѣйствовать западноевропейская дипломатія, смотрящая на Славянскій міръ подъ своимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія,—но такъ не можетъ и не должна думать и дѣйствовать русская дипломатія. Ей одной видно то, чего Западъ не видитъ; ей одной понятенъ, не понимаемый имъ, живой историческій смыслъ современнаго движенія въ Австріи и его міровое значеніе; ей одной до очевидности ясно, не замѣчаемое на Западѣ, неминуемое распаденіе австрійскаго государственнаго механизма; она одна знаетъ разгадку той задачи, надъ разрѣшеніемъ которой мучатся австрійскіе министры и которой трудности и роковой важности не признаетъ и не разумѣетъ Европа. Въ самой себѣ, въ своей славянской природѣ, въ своемъ историческомъ призваніи носитъ Россія эту разгадку—вновь возникающей на порогѣ Запада Восточной Европы... Не русской дипломатіи, не русскому правительству добровольно напускать на себя туманъ западноевропейскаго невѣжества, смотрѣть на славянскіе элементы Австріи сквозь очки иностранныхъ дипломатовъ, съ суевѣрнымъ благочестіемъ относиться къ европейскимъ историческимъ преданіямъ, упорствовать въ политическихъ предразсудкахъ Европы—и простодушно обрекать себя похмѣлью въ чужомъ пиру!...

Казалось бы такъ, но мы не можемъ скрыть отъ себя и отъ читателей, что начинаютъ показываться нѣкоторые признаки именно такой противоестественной, ненормальной наклонности въ нашей внѣшней политикѣ... Сначала, какъ не добрый предвѣстникъ, появилась въ газетѣ «Le Nord» (какъ извѣстно, признаваемой всѣми за оффиціозный органъ русскаго правительства по вопросамъ внѣшней политики)—статья приписываемая перу одного изъ русскихъ дипломатовъ. Эта статья, приглашающая Австрію къ дружбѣ съ Россіей во имя сходства судебъ и интересовъ, во имя нравственной солидарности принциповъ, обратила на себя всеобщее вниманіе въ Европѣ и оскорбила русское обществен-

ное мнѣніе — лживымъ и въ высшей степени нелестнымъ уподобленіемъ Россіи Австрійскому государству,—неловкимъ, ненужнымъ и недостойнымъ заискиваньемъ у распадающейся и враждебной намъ державы, — явнымъ отсутствіемъ въ авторѣ чувства народной русской чести и интересовъ. Вслѣдъ за этою статьей стали возникать и носиться въ политической европейской атмосферѣ слухи о какомъ-то дѣйствительно затѣваемомъ сближеніи Россіи съ Австріей... Наконецъ, телеграфъ извѣщаетъ насъ о поѣздкѣ австрійскаго фельдмаршала въ Варшаву, гдѣ въ настоящее время совмѣстно пребываютъ Государь Императоръ и прусскій король. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ австрійскій отмѣняетъ свое путешествіе въ Галицію, гдѣ готовились ему разныя овація и манифестаціи галицкихъ Поляковъ и агитирующихъ въ Галиціи нѣкоторыхъ корифеевъ польской эмиграціи. Такая отмѣна или отсрочка путешествія, по мнѣнію австрійской журналистики, вызвана образомъ дѣйствій «одной иностранной державы», какъ выражается телеграфъ, — т. е. Россіи, но оффиціальный органъ вѣнскаго правительства, «Wiener Abendpost», опровергаетъ, разумѣется, такое нескромное увѣреніе...

Мы убѣждены, что посѣщеніе прусскимъ королемъ Государя Императора въ Варшавѣ не имѣетъ никакого особеннаго политическаго значенія, а свидѣтельствуетъ только о дружбѣ и личныхъ родственныхъ чувствахъ обоихъ монарховъ совершенно независимо и помимо политики. По крайней мѣрѣ извѣстно, что родственная пріязнь прусскаго короля не помѣшала ему ни занять въ средней Европѣ то господствующее положеніе, которое шло наперекоръ всѣмъ преданіямъ русской дипломатіи, ни поступить довольно безцеремонно съ родственниками россійскаго Императорскаго Дома; личныя чувства его величества Вильгельма I сами по себѣ, а интересы Пруссіи и Германіи, и даже интересы германизма въ русскомъ Балтійскомъ поморьѣ сами по себѣ: это статья особая. Мы должны по совѣсти сказать, что такой образъ дѣйствій прусскаго короля относительно національныхъ выгодъ своей земли, никогда не приносимыхъ въ жертву ни личнымъ симпатіямъ, ни личнымъ наклонностямъ монарха, заслуживаетъ только похвалы и сочувствія. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ виду разныхъ слу-

ховъ и предвѣстій близкой войны, прусское правительство было бы не прочь заставить Францію и въ самомъ дѣлѣ повѣрить въ существованіе какого-нибудь тайнаго союза между Россіей и Пруссіей,—о чемъ давно уже говорятъ, а теперь, послѣ варшавскаго посѣщенія, заговорятъ еще пуще. Но мы, съ своей стороны, отказываемся понять, почему бы для Россіи могло быть полезнымъ содѣйствовать такому разсчету Пруссіи и пугать Францію призракомъ, въ дѣйствительности не существующаго, союза? Еслибы предполагалось такимъ образомъ достигнуть миролюбивой цѣли — отклонить отъ Европы бѣдствіе страшной войны, то не имѣлось ли бы развѣ при этомъ въ виду также и указаній опыта — что всякіе подобные дипломатическіе манёвры съ нашей стороны никогда не приносили намъ пользы, а обращались намъ во вредъ,— успѣвали иногда, дѣйствительно, мирить между собою нашихъ сосѣдей съ сосѣдями, но почти всегда на нашъ счетъ, т. е. ссорили кого-нибудь изъ нихъ съ нами?.. Не говоря уже о Крымской войнѣ, затѣянной Франціей съ спеціальною цѣлью разрушить въ конецъ столь долго лелѣемое русскою дипломатіей зданіе Священнаго Союза,—нельзя не вспомнить и о томъ, что вслѣдъ за извѣстнымъ свиданіемъ въ Варшавѣ осенью 1860 года трехъ монарховъ,—свиданіемъ, предпринятымъ въ самыхъ миролюбивыхъ видахъ и возобновившихъ въ Европѣ ненавистную память этого Союза,—началась та польская агитація, которая разрѣшилась наконецъ мятежомъ 1863 года...

Но дѣло не въ послѣдствіяхъ такой политической системы: дѣло, и главное дѣло, въ томъ, что для Россіи нѣтъ ни выгоды, ни разсчета, ниже какой бы то ни было надобности— не только пытаться возстановлять невозможный уже нынѣ Священный Союзъ, но даже созидать какое-либо ему подобіе. При совершенной, съ одной стороны, противоположности задачъ Россіи и Австріи на Востокѣ и на границахъ обѣихъ имперій; съ другой — при отсутствіи какой бы то ни было побудительной причины для Россіи содѣйствовать усиленію Пруссіи,—всякій подобный союзъ могъ бы состояться не иначе, какъ съ пожертвованіемъ для Россіи ея существенныхъ, народныхъ интересовъ. Онъ обратился бы, въ концѣ-концовъ, въ обязательство для самой Россіи, связалъ

бы не чью иную, а ея собственную свободу дѣйствій, такъ какъ ни одна другая держава не отказалась бы, при случаѣ, соображаться, вмѣсто договора, съ наличными историческими обстоятельствами. Очевидно, что и для Россіи не можетъ быть иной политики, кромѣ національной, — кромѣ той, которая указывается ей прямою государственною пользою и не допускаетъ никакихъ комбинацій, способныхъ стѣснять ея свободу дѣйствій. Поэтому мы и остаемся при убѣжденіи, что всѣ слухи о политическомъ значеніи варшавскаго съѣзда лишены серьезнаго основанія.

Тѣмъ не менѣе, въ виду еще не вымершаго въ сознаніи русской дипломатіи стараго политическаго понятія объ Австріи, не безполезно, кажется, напоминать иногда нашимъ дипломатамъ о непригодности тѣхъ иностранныхъ зрительныхъ снарядовъ, съ помощью которыхъ они продолжаютъ созерцать эту злосчастную имперію, принимать призракъ за живую дѣйствительность, и на такихъ данныхъ опредѣлять политическія отношенія къ ней Россіи. Все что̀ можетъ упрочить бытіе Австріи, какъ Австріи, не только не представляетъ для Россіи выгодъ, но положительно имъ противорѣчитъ, какъ потому, что оно несовмѣстно съ интересами славянскихъ народностей въ предѣлахъ Австрійской имперіи и въ Турціи, такъ и потому что, поддерживая политическое значеніе Австрійской имперіи, мы не создаемъ для себя дѣйствительно-полезной и искренне-дружественной силы: австрійскому политическому безсилію уже нѣтъ врачеванія. Напротивъ, не пріобрѣтая надежнаго союзника въ лицѣ Австріи, мы бы только лишились симпатіи нашихъ естественныхъ союзниковъ — австрійскихъ и турецкихъ Славянъ. Для насъ не можетъ быть страшно упраздненіе государственнаго существованія Австріи. Если западно европейскія правительства пугаются «пустоты», которая, по ихъ мнѣнію, должна образоваться въ Европѣ съ паденіемъ Австріи,—то мы такой пустоты бояться не можемъ. Для нашего взора этой пустоты нѣтъ, какъ ея нѣтъ и въ дѣйствительности: вмѣсто враждебной намъ по натурѣ своей и по стремленіямъ своимъ, передовой державы европейскаго Запада,—возникла бы передовая Восточная Европа, близкая и родственная намъ по крови и по духу.

Сближеніе съ Австріей!... Да съ кѣмъ же именно пред-

стояло бы совершать такое сближеніе, когда Австріи собственно нѣтъ, а имѣется только Венгрія и Цислейтанія? Австрійскій императоръ сохраняетъ свободу своихъ политическихъ дѣйствій только по отношенію къ послѣдней. У Венгріи свой политическій разумъ и довольно силы, чтобъ противодѣйствовать всякому политическому соображенію, несогласному съ ея видами. Въ сущности правительственный центръ тяжести находится теперь не въ Вѣнѣ, а въ Пештѣ: если уже съ кѣмъ договариваться, такъ не съ Вѣной, а съ Пештомъ,—но съ Пештомъ намъ договариваться не пристало... Сближаться съ Цислейтаніей?... Но это сочиненіе барона Бейста уже оказало свою несостоятельность и вызвало къ политической борьбѣ всѣ народы этой второй цислейтанской половины имперіи... Правда, они еще придерживаются исторической своей связи съ Австрійскою монархіей; они еще вѣрятъ въ возможность для Австріи перевернуться вновь въ какое-то федеративное государство. Но пусть только борьба продолжится,— и они не замедлятъ разстаться съ своимъ историческимъ предразсудкомъ... Такъ гдѣ же та Австрія, съ которою намъ предлагаютъ сближаться?

Читатель, конечно, думаетъ, что виртембергскій публицистъ хитро перескочилъ черезъ Молдаву (чешскую Велтаву) прямо на Тиссу и Дунай. Ошибаетесь. Вопросъ о Чехіи и вообще о Славянахъ,—вопросъ, къ которому онъ не разъ возвращается съ особенною надоѣдливостью, какъ больной къ своей болячкѣ,—для него рѣшенъ безвозвратно. Чехамъ, съ ихъ воспоминаніями о «тончайшемъ лицемѣрѣ» Гусѣ и о его «нечестивомъ (ruchlose)», антинѣмецкомъ планѣ, исторія уже подписала приговоръ. «Богемія, насквозь (!!) проникнутая нѣмецкими элементами и почти отовсюду примыкающая къ Нѣмцамъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть исторгнута изъ области нѣмецкой силы, нѣмецкаго образованія. Нѣмецкое давленіе, вотъ уже много вѣковъ, здѣсь такъ обычно и неизбѣжно, что еслибы даже австрійское правительство подольше продержало графа Белькреди, и тогда должно бы было или уступить великому національно-нѣмецкому противотеченію, или же утратить въ пользу Россіи (?) Богемію вмѣстѣ съ Галиціей». Придавъ такую всепроникающую силу нѣмецкому элементу въ Чехіи, нелов-

кій публицистъ, ровно черезъ строчку, пророчествуетъ, что, «наконецъ, кровь и желѣзо должны рѣшить и этотъ вопросъ». Впрочемъ, смыслъ сихъ вѣщихъ словъ намъ понятенъ. На слѣдующей страницѣ читаемъ: «Довольно взглянуть на ландкарту, чтобы видѣть, что Богемія врѣзывается внутрь Германіи. Отсюда коротка дорога въ Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Вѣну; этотъ пунктъ господствуетъ надъ Баваріей, Тюрингіей, Саксоніей, Силезіей, Верхнею и Нижнею Австріей. Еслибы Богемія была самостоятельнымъ славянскимъ государствомъ или принадлежала Россіи, то Южная Германія была бы стѣснена между чешскими границами у Эгера и французскими у Страсбурга. Отсюда ясно, какъ важно для каждаго Нѣмца заботиться о чешскихъ дѣлахъ немного побольше, чѣмъ заботились, какъ видно, до сихъ поръ».

Точно такъ же, то-есть какъ на матеріалъ для пищеваренія нѣмецкаго духа, смотритъ Менцель и на всѣхъ остальныхъ Славянъ. Для ихъ обращенія изъ язычества въ германство онъ совѣтуетъ хвататься за всякія средства. Онъ не прочь, напримѣръ, даже отъ гуманныхъ мѣръ, если ученики будутъ послушны, если они поймутъ, что «въ германскомъ принципѣ лежитъ нѣчто духовное и нравственно-превосходное, противъ чего славянскій не можетъ устоять въ концѣ концовъ»; если они не перестанутъ «выказывать невольно респектъ и довѣріе къ Нѣмцамъ, какъ дѣлали всегда доселѣ, когда даже увлекались ненавистью и завистью къ нимъ»; если они не расхохочутся, когда имъ станутъ доказывать что «когда запачканному Славянину, вымытому и вычищенному скребницей, въ качествѣ австрійскаго солдата, придется попасть на родину, онъ уже не можетъ привыкнуть къ славянской Schweinerei (не переводимъ этого слова, щадя литературныя приличія), не можетъ жениться на своей грязной соплеменницѣ». Ну, конечно! Менцель забылъ австрійскихъ соллатъ-Чеховъ, кричавшихъ: «Слава»! во время недавнихъ празднествъ въ Прагѣ. Мы можемъ еще напомнить ему австрійскихъ солдатъ Граничаръ, которые, будучи посланы въ 1854 году для занятія румынскихъ княжествъ, заготовили бѣлые платки, чтобы навязать ихъ на оружіе при встрѣчѣ съ Русскими, въ знакъ нежеланія драться съ ними.

Другой способъ облагороженія и одухотворенія славянскаго стада — это «поступать съ нимъ (также и съ тирольскими Италіянцами) à la Виндишгрецъ и Радецкій», то-есть «отражать его коварныя нападенія на Нѣмцевъ желѣзною рукой и *нѣмецкими ударами*». У этого страстнаго публициста есть про запасъ еще и третій способъ. Онъ часто указываетъ Славянамъ, особенно Чехамъ, на страшную перспективу грядущаго штыка и кнута русскаго... Какъ кстати! Еще на дняхъ Бейстъ пугнулъ тѣмъ же Ригера и Палацкаго! И западные газетчики жужжатъ намъ въ уши о сближеніи между Австріей и Пруссіей! Это сближеніе, еслибы оно было возможно, вѣроятно устроилось бы для того, чтобы подъ прикрытіемъ тѣни, ложащейся на Славянъ отъ сѣвернаго колосса, поставить этихъ несчастныхъ между «стѣной, къ которой желаетъ прижать ихъ» г. фонъ-Бейстъ, и «нѣмецкими ударами»...

Что касается до насъ, Русскихъ, то, надѣемся, мы выдержимъ роль неблагодарныхъ передъ Нѣмцами. Мы не послѣдуемъ за этими учителями въ области политики. Мы не унизимся до ихъ публицистовъ, не прибѣгнемъ къ брани, къ вымышленному невѣжеству, къ злоупотребленію священнымъ именемъ исторической науки, которую Вольфгангъ Менцель уже не разъ оскорблялъ даже въ качествѣ ученаго. Послѣдняя страница исторіи, дѣйствительно, открыта, и было бы проще и благороднѣе читать ее безъ ухищреній. Въ ней крупно написано, что современный политическій принципъ — племенной, и въ немъ нѣтъ ничего страшнаго и раздражающаго. Пусть французскій министръ и ораторы Тюльерійскаго дворца шумятъ о романскомъ племени съ его католичествомъ. Пусть общественное мнѣніе и политики Германіи говорятъ о германскомъ племени съ его протестантствомъ. Но пусть же они позволятъ Славянамъ торжественно возвѣстить существованіе въ исторіи славянскаго племени съ его православіемъ, съ его вѣковыми страданіями, съ его могучимъ племеннымъ единствомъ, которое сокрушить теперь... уже поздно.

Еще о положеніи Австріи.

«Москва», 1-го октября 1868 г.

Недавно въ двухъ статьяхъ сряду, посвященныхъ современному положенію Австрійской имперіи, мы старались разъяснить читателямъ невозможность дальнѣйшаго существованія Австріи какъ Австріи, на основаніи теоретическихъ выводовъ изъ ея исторіи, такъ-сказать a priori. Мы знаемъ, что такого рода доводы для многихъ не убѣдительны и не пользуются, якобы «отвлеченные», большимъ авторитетомъ у такъ-называемыхъ практиковъ; мало того: въ самой Австрійской имперіи тѣ національности, въ которыхъ по преимуществу оказывается движеніе органической стихіи, разрушающей австрійскій государственный механизмъ, — самыя эти національности, говоримъ мы, или ихъ политическіе вожди, далеко не такъ радикальны по отношенію къ Австріи, какъ мы здѣсь въ Россіи. Оно и понятно. Кромѣ того, что со стороны всегда виднѣе, Русскому многое виднѣе потому, что онъ Русскій, потому что онъ непричастенъ къ исторіи Западной Европы, и мысленный взоръ его, не омрачаемый ни пристрастіемъ, ни національнымъ эгоизмомъ, легче обнимаетъ историческіе горизонты, нежели взоръ людей слишкомъ близко стоящихъ у дѣла, ослѣпленныхъ страстью и ведущихъ борьбу съ текущею историческою ежедневностью. Намъ не приходится отрываться отъ вѣковыхъ привычекъ и преданій, и перегибать жизнь на иной, новый сгибъ, какъ это выпадаетъ теперь на долю разноплеменнымъ народамъ сосѣдняго намъ государства. Вотъ почему эти австрійскіе народы все еще не могутъ совершенно отрѣшиться отъ вѣры въ Австрію, все еще безпрестанно отыскиваютъ форму общаго совмѣстнаго политическаго существованія. Поиски напрасны, и народы конечно не замедлятъ въ томъ убѣдиться и сами. Но тѣмъ не менѣе процессъ этого практическаго вразумленія, представляемый современною исторіею Австріи, исполненъ живаго интереса. Любопытно видѣть, становясь на точку зрѣнія *самихъ* австрійскихъ различныхъ національностей,—какъ постепенно разочаровываются онѣ въ своихъ

надеждахъ на Австрію, и какими горькими и дорогими практическими опытами пріобрѣтаютъ онѣ убѣжденіе въ политическомъ банкрутствѣ монархіи.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, цѣлый рядъ революціонныхъ происковъ со стороны нѣмецкихъ либераловъ и кровавый мадьярскій мятежъ, потушенный дружными усиліями почти всѣхъ Славянъ, ясно повидимому указали австрійскому императору, въ какой части населенія подвластной ему имперіи, въ какихъ именно народахъ слѣдовало бы ему искать живую и врачующую силу политическихъ и общественныхъ недуговъ, издавна разъѣдающихъ его разнокалиберное государство. Чехи остановили стремленіе Нѣмцевъ, желавшихъ подчиниться центральному правительству во Франкфуртѣ на Майнѣ. Южные Славяне направили всѣ свои силы противъ Мадьяръ, пытавшихся отдѣлиться отъ имперіи. Въ виду такихъ услугъ, оказанныхъ Австріи Славянами, за исключеніемъ Поляковъ, — у многихъ, какъ извѣстно, рождалась утѣшительная (хотя и ложная) мысль, что австрійскій императоръ можетъ сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей, если только захочетъ рѣшительно перейдти на сторону славянскаго элемента, рѣшительно ославяниться. Какъ ни очевидна для насъ Русскихъ странность, несбыточность такой политической утопіи, но ея держались самые положительные и практическіе умы въ австрійскомъ Славянствѣ. Однакожъ императоръ Францъ-Іосифъ не ославянился. Этому помѣшали (будемъ говорить не сходя съ практической точки зрѣнія самихъ австрійскихъ Славянъ) историческія преданія Габсбурговъ, вся нѣмецкая обстановка вѣнскаго двора и личныя чувства Франца-Іосифа. Принимая званіе австрійскаго императора и власть надъ десятью или двѣнадцатью народами, изъ которыхъ ни одинъ не преобладаетъ численно надъ остальными, Францъ-Іосифъ оставался Нѣмцемъ по происхожденію и по чувствамъ, и подчинялся унаслѣдованной отъ предковъ привычкѣ и традиціонной австрійской политикѣ—преклоняться предъ нынѣшнимъ венгерскимъ магнатствомъ и перекидываться взаимными любезностями съ Поляками. Недостатка въ людяхъ, которые бы захотѣли принять на себя руководство молодымъ императоромъ, не было. Послѣ разныхъ политическихъ мытарствъ, сквозь которыя прошла Австрія, она вступила наконецъ въ

новое,—такъ-сказать въ мытарство либерализма. Изъ среды Нѣмцевъ выдѣлилась партія, не имѣющая ничего общаго ни съ феодальною аристократіей, ни съ католическимъ духовенствомъ, ни съ классомъ среднихъ землевладѣльцевъ, ни съ рабочими сословіями,—партія именующая себя либеральною и наполняющая свои ряды изъ бюрократовъ туземныхъ и сѣверогерманскихъ, изъ юристовъ конституціонной школы и искателей служебнаго счастія, изъ другихъ народностей, отъ связи съ которыми они навсегда отреклись. Усиліямъ и изобрѣтательности этой партіи Австрія обязана цѣлымъ десяткомъ конституцій, смѣнившихся въ послѣднія восемь лѣтъ. Этой же партіи удалось помирить и сблизить Франца-Іосифа съ Мадьярами, и подвергнуть Австрію операціи *дуализма*, т. е. раздѣлить имперію на двѣ половины, на два господства: мадьярское и нѣмецкое. Но такая политика не улучшила положенія дѣлъ. Провозглашая себя государемъ конституціоннымъ, равно внимательнымъ ко всѣмъ своимъ народамъ, Францъ-Іосифъ тѣмъ не менѣе сталъ государемъ партіи, и въ этомъ заключается весь драматизмъ его положенія, отчасти завѣщаннаго ему исторіей. Послѣднія неудачи, которыя потерпѣла правительственная система, владычествующая въ Вѣнѣ, всего громче свидѣтельствуютъ о томъ.

Францъ-Іосифъ, казалось, остался вѣрнымъ нѣмецкой народности и нѣмецкому чувству... И однакожь число недовольныхъ между австрійскими нѣмцами нисколько не менѣе, чѣмъ между другими народностями! Вся феодальная аристократія, не принимающая теперь непосредственнаго участія въ дѣлахъ правленія, смотритъ крайне недовѣрчиво на безпрестанную дѣятельность вѣнскихъ доктринеровъ и бюрократовъ и стоящаго во главѣ ихъ барона Бейста (уже успѣвшаго погубить Саксонію, свою настоящую родину). Католическое духовенство, представляющее собою господствующую въ имперіи религію и высшая іерархія котораго наполнена Нѣмцами, находится въ прямой и открытой враждѣ съ правительствомъ. Послѣднее угрожаетъ ему судомъ. Даже такая искони-вѣрная нѣмецкая провинція, знаменитая вѣрностью и преданностью, какъ Тироль, рѣшительно не одобряетъ ни нынѣшней конституціи, ни даже одного изъ предложеній вѣнскаго министерства... Никогда еще не было столько не-

довольныхъ въ австрійской имперіи сколько теперь. И это происходитъ въ ту минуту, когда все правленіе находится въ рукахъ нѣмецкой партіи, когда ни одна изъ славянскихъ народностей и областей не пользуется и сотою долею тѣхъ правъ, которыми надѣлены Нѣмцы! Даже та изъ славянскихъ народностей, которой надавали наиболѣе обѣщаній изъ Вѣны,—народность польская или, лучше сказать, шляхетская часть ея, потеряла терпѣніе, увидавъ свою прошлогоднюю ошибку, когда ея помощью удалось правительственной партіи еще сильнѣе опутать своими сѣтями остальныхъ Славянъ. Собравшіеся на послѣднемъ львовскомъ сеймѣ польскіе депутаты заявили свое недовѣріе къ нынѣшнему министерству, не пожелавшему сдѣлать изъ Галиціи ядро польскаго королевства. Сколько обольстительныхъ надеждъ соединяли галицкіе Поляки съ предстоявшимъ пріѣздомъ Франца Іосифа въ Краковъ и Львовъ! сколько дорогихъ жертвъ и весьма цѣнныхъ приготовленій сдѣлано было по этому поводу, несмотря на разоренное состояніе Галиціи! Францъ-Іосифъ не явился среди польскихъ магнатовъ, не выслушалъ ихъ привѣтственныхъ кликовъ. Этому воспротивилась властвующая теперь въ Вѣнѣ нѣмецкая партія. Мы ничего не имѣемъ противъ отмѣны поѣздки австрійскаго императора въ Галицію; напротивъ, мы только рисуемъ положеніе дѣлъ и разнохарактерное неудовольствіе, возбуждаемое въ разнохарактерныхъ племенахъ Австріи неуваженіемъ правительства къ ихъ разнохарактернымъ интересамъ!

Говорить ли о Чехахъ? Еще въ іюнѣ имераторъ посѣтилъ Прагу и никто его не останавливалъ отъ этой поѣздки. Тутъ не было причинъ для нѣмецкой правительственной партіи опасаться за послѣдствія: Францъ-Іосифъ никогда не питалъ къ Чехамъ чувствъ благоволенія; нигдѣ, даже въ самой Вѣнѣ, онъ не сознавалъ себя до такой степени нѣмецкимъ человѣкомъ, какъ въ златой Чешской Прагѣ. И вотъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ весь Чешскій народъ находится въ открытой оппозиціи съ вѣнскимъ правительствомъ; а въ послѣдніе дни народное терпѣніе изсякло и окрестности Праги съ ея улицами были свидѣтелями горячихъ стычекъ народной толпы съ полиціей и войсками, и огласились кликами негодованія противъ нѣмецкой партіи... То же самое недо-

вольство замѣчается и въ Словенцахъ, населяющихъ южныя Штирію и Каринтію, всю Крайну и Истрію. Не менѣе сильно народное недовольство среди венгерскихъ Славянъ... Словаки и Русскіе, населяющіе сѣверную и восточную Венгрію, принадлежатъ къ числу наиболѣе угнетенныхъ народностей въ Австріи.... Венгерскіе Румыны до сихъ поръ преслѣдуются за то заявленіе, которое они обнародовали въ іюлѣ нынѣшняго года на съѣздѣ въ Балашфальвѣ (Блазендорфѣ).... Хорваты, несмотря на наружное, скрѣпленное формальнымъ актомъ, соглашеніе между ихъ королевствомъ и Венгріей, протестовали въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей противъ этого акта, составленнаго, помимо ихъ желаній, искусственно подобраннымъ большинствомъ Загребскаго сейма.... Въ Далмаціи славянская народность находится въ совершенной враждѣ съ италіянскою партіей, а послѣдняя дѣйствуетъ въ ущербъ прямымъ интересамъ Австріи. Городской совѣтъ Тріеста мечтаетъ о томъ, чтобъ обратить свой городъ въ вольный, съ такими же правами, какія имѣютъ Гамбургъ, Любекъ и Бременъ...

Повсюду разладъ, повсюду борьба, вездѣ недовольные. Такое положеніе дѣлъ, — кромѣ исторической основы и причинъ, лежащихъ въ самомъ разнохарактерномъ составѣ монархіи, — усложняется еще и дѣйствіями министерства, которое, будучи министерствомъ партіи, исключительно трудится на пользу нѣмецкихъ интересовъ, не пренебрегая никакими средствами для достиженія такой цѣли. Оно сыплетъ обѣщаніями въ тѣ минуты, когда нуждается въ поддержкѣ со стороны того или другаго изъ управляемыхъ королевствъ и герцогствъ, и безцеремонно измѣняетъ этимъ обѣщаніямъ, какъ скоро нужда въ поддержкѣ миновалась. Оно умышленно возстановляетъ одну народность противъ другой — нѣмецкую противъ чешской и словенской, польскую противъ русской, италіянскую противъ словенской и сербской, мадьярскую противъ всѣхъ Славянъ, — держась стариннаго, но давно уже доказавшаго свою непригодность политическаго правила: divide et impera. Оно издаетъ либеральные уставы, которые однакожъ разсчитаны на угнетеніе цѣлыхъ областей и значительныхъ народонаселеній. Оно обнародываетъ законъ, утверждающій правона-

родныхъ сходокъ и потомъ преслѣдуетъ административнымъ и судебнымъ порядкомъ людей, рѣшившихся воспользоваться этой льготой, а теперь даже преслѣдуетъ войсками. Оно сулитъ правительственное пособіе областямъ, разореннымъ изнурительной войной и неурожаями, и вмѣсто того облагаетъ населенія этихъ областей новыми податями, новыми налогами. Оно успѣло возстановить противъ себя духовенство не однимъ только уничтоженіемъ конкордата, но и отнятіемъ у него всякаго участія и значенія въ народной жизни. Оно безпрестанно распускаетъ окружныя и городскія собранія, лишь только послѣднія обнаружатъ намѣреніе воспользоваться своими правами. Его нѣмецкіе суды проникнуты національною ненавистью къ подсудимымъ: они не только пристрастны въ своихъ рѣшеніяхъ, но и пріостанавливаютъ показанія свидѣтелей клоняющіяся къ защитѣ обвиняемыхъ, если послѣдніе принадлежатъ къ славянской народности. Въ случаѣ обжалованія Славяниномъ рѣшенія низшаго суда, судъ высшей инстанціи усиливаетъ наказаніе втрое и вчетверо; а газеты господствующей правительственной партіи сообщаютъ о томъ съ насмѣшками надъ пострадавшимъ... Не по одной только винѣ исторіи, не по собственнымъ лишь ошибкамъ, австрійскіе народы поставлены въ безвыходное положеніе. Ихъ наталкиваетъ еще на взаимную, ожесточенную борьбу, порождаетъ въ нихъ всевозможныя неудовольствія и бѣдствія, и та система управленія, которая исходитъ изъ либеральничающей цислейтанской столицы—Вѣны. Удивительно ли послѣ всего этого, что уже нѣсколько недѣль въ Вѣнѣ говорятъ о министерскомъ кризисѣ? По послѣднимъ извѣстіямъ, такъ-называемое цислейтанское министерство, уже нѣсколько времени остававшееся безъ министра-президента, обрѣло его наконецъ въ особѣ брата князя Ауерсперга. Но кризисъ этимъ не кончился. Министерство распалось въ своихъ политическихъ взглядахъ на двѣ стороны: министры Гискра, Гербстъ, Брестль и Бергеръ не согласны въ вопросѣ о системѣ управленія западною половиной австрійской имперіи съ своими товарищами—Гаснеромъ, Пленеромъ, графомъ Потоцкимъ и графомъ Таафе. Разложеніе имперіи отразилось такимъ же явленіемъ и въ

самомъ министерствѣ, и такому ходу дѣлъ не придвидится конца.

Надоумятся ли хоть теперь австрійскіе народы и будутъ ли еще чаять облегченія своей участи отъ перемѣны министровъ, отъ замѣны одного Ауерсперга другимъ Ауерспергомъ??!

Почему для Австріи всякій домашній вопросъ можетъ легко обратиться въ международный?

„Москва“, 12-го октября 1868 г.

Если въ Австріи есть много внутреннихъ вопросовъ, ежеминутно грозящихъ глубокими потрясеніями ея слабому политически организму, то едвали не столько же опасностей и извнѣ представляется ея подозрительнымъ вождямъ. Если судьба этой несчастной имперіи такова, что каждый домашній вопросъ ея можетъ легко превратиться въ международный,—то какой тревоги, какой ненависти должны быть преисполнены ея государственные люди при каждомъ совершающемся на ея границахъ событіи, противорѣчащемъ принятой въ Вѣнѣ системѣ, уничтожающемъ одинъ изъ ея самыхъ затаенныхъ помысловъ! Послѣ Восточной войны, во время которой австрійское лицемѣріе дошло до своихъ послѣднихъ предѣловъ, не было года, чтобы вѣнскіе политики не испытали страха предъ чужою, заслуженною ими, местію, или не потерпѣли жестокаго удара отъ какого-либо изъ сосѣднихъ государствъ. Стараясь сплотить свой непрочный организмъ нѣмецкимъ элементомъ и отыскивая необходимыя для того средства внѣ своихъ границъ, въ нѣмецкомъ отечествѣ, Австрія встрѣтилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ объединеніи Нѣмецкаго народа и понесла самое безславное пораженіе. Обольщая себя преданіями Священной Римской Имперіи, неразсчетливо тратила она силы своихъ народовъ и въ Италіи—на поляхъ Ломбардіи, ради выгодъ своихъ подручниковъ, мелкихъ италіянскихъ владѣтелей, въ защиту политическаго верховенства папы; но дважды проиграла свое дѣло и, какъ бы неся заслуженную кару за свое прежнее изувѣрство, должна была внезапно перейти къ

весьма рѣшительному разрыву съ римскою куріей... Австрія долго считала вопросъ о Венгріи своимъ домашнимъ, то свирѣпствуя въ Пештѣ, то предавая Славянъ мадьярской ярости,—и между тѣмъ достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы венгерскій вопросъ сдѣлался европейскимъ, а въ Пештѣ образовалось свое министерство и со всѣхъ концовъ Европы появились тамъ дипломатическіе агенты. Въ Вѣнѣ и теперь еще смотрятъ на чешскую оппозицію, на народныя волненія въ Прагѣ, какъ на дѣло партій; а между тѣмъ министръ Гаафе ѣдетъ въ Прагу къ Ригеру съ предложеніемъ ничтожныхъ уступокъ со стороны вѣнскаго министерства, и чешскій вождь, какъ свидѣтельствуютъ самые достовѣрные люди, даетъ знать министру, что имъ видѣться не зачѣмъ, что Чехи или требуютъ всего, или предпочитаютъ остаться при прежнихъ порядкахъ, чѣмъ одолжаться какими-то призрачными льготами. Даже самъ баронъ Бейстъ, этотъ самодѣльный канцлеръ имперіи Габсбурговъ, считаетъ полезнымъ объяснить предъ Европой причины, побудившія вѣнское министерство принять исключительныя мѣры въ Богеміи, и тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ за чешскимъ вопросомъ значеніе международнаго. Наконецъ, въ Вѣнѣ столько десятилѣтій и въ виду столькихъ поколѣній льстятъ галицкимъ Полякамъ, разжигаютъ ихъ политическія страсти, и вдругъ однимъ пріемомъ наносятъ оскорбленіе своимъ слѣпымъ приверженцамъ, польскимъ магнатамъ. А между тѣмъ подъ рукою, при помощи газетъ, распускаютъ слухъ, что австрійское правительство вынуждено было къ тому своими отношеніями къ русскому Императору!... Такое лицемѣріе въ Вѣнѣ не считаютъ ни признакомъ своей слабости, ни тяжкимъ пораженіемъ, потому что это пораженіе нравственное, потому что оно не отзывается (покуда) физическою болью!...

Казалось бы здѣсь конецъ внутреннимъ и внѣшнимъ язвамъ Австріи; на дѣлѣ однакожъ выходитъ не такъ. Въ Вѣнѣ безпокоятся за своихъ южныхъ Славянъ, пріискиваютъ способы подчинить себѣ Боснію, съ необыкновеннымъ искусствомъ разыгрываютъ предъ Сербіей комедію уголовнаго суда надъ Александромъ Карагеоргіевичемъ и его соумышленниками, и съ яростію накидываются на румынское правительство, придираясь къ тому, что во время послѣднихъ волненій въ Га-

лацѣ ограблено нѣсколько Евреевъ, признающихъ себя подданными Австріи. Южные и восточные сосѣди Австріи составляютъ въ настоящее время предметъ самыхъ горячихъ разсужденій, самыхъ усердныхъ препирательствъ для ея публицистовъ. Дома у себя Австрія прикидывается глухо-нѣмою предъ славянскими депутатами далматинскаго сейма и головою выдаетъ ихъ италіянской партіи: на ихъ жалобы далматинскій намѣстникъ отвѣчаетъ глубокимъ молчаніемъ; Хорватовъ вѣнское министерство, на рукахъ у котораго и безъ нихъ множество дѣла, подчиняетъ венгерскому министерству,—и въ то же время, однако, пользуется майскимъ убійствомъ въ Бѣлградѣ и раздоромъ партій между венгерскими Сербами, чтобы раздавить сербскую народную партію по сю сторону Савы и Дуная. Въ Босніи и Герцеговинѣ австрійскіе консульскіе агенты ведутъ неустанную дѣятельность въ двухъ направленіяхъ: по ихъ совѣту, проведены шоссейные пути отъ центровъ этихъ провинцій къ австрійскимъ границамъ: отъ Мостара къ Задру (Зарѣ), отъ Сараева къ Броду; по ихъ указаніямъ, на границахъ Черногоріи и Сербіи собраны войска; по ихъ ходатайству, католическіе патеры и монахи пользуются бо̀льшими льготами и независимостью дѣйствій, чѣмъ православные священники изъ туземцевъ, и въ то же время чиновники австрійскихъ консульствъ, какъ свидѣтельствуютъ южно-славянскія газеты, не упускаютъ ни одного случая, чтобы расположить Босняковъ къ Австріи, возбуждая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ турецкаго управленія и прельщая сравнительно большею свободой австрійской жизни. Подъ покровомъ такой двусмысленной дѣятельности дипломатическихъ агентовъ, офицеры австрійскаго генеральнаго штаба (Шестакъ, Шербъ, Ражковичъ и Тёммель) издаютъ прекрасныя описанія и военныя карты Черногоріи, Герцеговины и Босніи. Столь же ревностно слѣдитъ Австрія за событіями, совершающимися по обѣ стороны нижняго теченія Дуная; ея генеральный консулъ въ Бѣлградѣ, Мадьяръ Каллай, соревнуя съ великобританскимъ консуломъ Лонгвортомъ (извѣстнымъ «славяноѣдомъ»), посѣщаетъ Виддинскій пашалыкъ, и оба дружно заявляютъ о томъ, что Болгарскій народъ *доволенъ* султаномъ и его чиновниками, что въ Балканахъ нѣтъ инсургентовъ, а только небольшія шайки раз-

бойниковъ... Но тотъ же Каллай считалъ необходимымъ съ своей стороны посовѣтовать турецкимъ пашамъ быть осторожнѣе въ виду народнаго волненія, а въ Вѣну далъ знать, что полезнѣе было бы придвинуть войска, расположенныя въ Трансильваніи, къ Дунаю. Еще болѣе шума, еще болѣе придирокъ обнаруживаютъ въ Вѣнѣ въ сношеніяхъ съ румынскимъ правительствомъ. Сколько разъ вѣнское министерство посылало запросы въ Букарештъ, по поводу народнаго гоненія на Евреевъ, по поводу захвата оружія, когда-то сложеннаго въ Румыніи венгерскими инсургентами, наконецъ по поводу перехода болгарскихъ дружинъ изъ княжествъ въ Балканы. Причину такой тревоги понять не трудно. Если въ Черногоріи и Сербіи Австрія видитъ опасныхъ для себя соперниковъ, которые не только отвлекаютъ отъ нея надежды и ожиданія Босняковъ и Герцеговинцевъ, но и могутъ притянуть къ себѣ ея собственныхъ южныхъ Славянъ, населяющихъ всѣ земли Тріединаго королевства, отъ залива Которскаго до внутренняго Баната,— то въ соединенныхъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи Австрія видитъ опаснаго врага, который ежечасно можетъ заявить свои національныя притязанія на трансильванскихъ и буковинскихъ Румыновъ. Если дѣйствительно Австрія, и безъ того уже владѣющая восточными берегами Адріатическаго моря, стремится присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину, то еще болѣе для нея побужденій — искать господства надъ Румынскими княжествами: тогда всѣ Румыны будутъ въ ея непосредственномъ владѣніи, а между тѣмъ ея власть достигнетъ береговъ Чернаго моря. Притомъ же Австрія уже не разъ испытывала наслажденіе владычества надъ этими странами. Въ прошломъ столѣтіи ей принадлежала такъ-называемая Малая Валахія, лежащая на западъ отъ рѣки Альты; а во время Восточной войны, почти два года, Молдавія и Валахія были заняты австрійскими войсками,— и какъ же неохотно потомъ выходили эти войска изъ земель, считавшихся завоеванными!..

Вотъ многочисленные поводы къ внутренней безурядицѣ и внѣшнимъ столкновеніямъ для Австрійской имперіи. Понятно, что вѣнскія газеты ежедневно находятъ и отыскиваютъ враговъ Австріи!... Но такъ какъ борьбы за владыче-

ство въ Италіи и Германіи болѣе не предвидится, то ожиданіе внѣшней опасности обращается къ инымъ сторонамъ. Австрійскіе публицисты знаютъ, что Русскій народъ питаетъ симпатіи къ Чехамъ, Словакамъ и Русскимъ въ Галиціи и Венгріи; они очень хорошо помнятъ, что Россія всегда стояла за независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи и много содѣйствовала къ упроченію этой независимости. Удивительно ли послѣ этого встрѣчать въ вѣнскихъ газетахъ почти ежедневныя клеветы на Россію, постоянное выраженіе страха предъ ней и самую злую ненависть къ Славянамъ, открыто признающимъ свое племенное родство съ Русскими и постоянно заявляющимъ о своихъ связяхъ съ ними? Все, что̀ совершается теперь внутри самой Австріи и около нея, вѣнскіе публицисты приписываютъ Россіи, сближаютъ съ ея интересами. Такъ больной, пораженный опаснымъ внутреннимъ недугомъ, ищетъ причинъ своей болѣзни во внѣшнихъ явленіяхъ и, скрывая отъ себя и отъ другихъ истинный источникъ опаснаго положенія, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на самоубійство.

Въ вопросѣ о мирѣ и войнѣ историческій инстинктъ народовъ часто расходится съ логикою благоразумія.

„Москва“, 19-го октября 1868 г.

«Политическій горизонтъ» — метеорологическія сравненія, какъ извѣстно, такая неизбѣжная прикраса разсужденій политическаго содержанія, что безъ нихъ не обходится ни одна газетная статья ни въ Россіи, ни за границей... Итакъ «политическій горизонтъ» Европы, хотя и не безоблаченъ, однако и не такъ уже сумраченъ, чтобы можно было серьезно опасаться скорой грозы. Тучи чернѣли, сдвигались, и расходились снова безъ молніи и грома, за недостаткомъ, видно, достаточнаго электричества. Однимъ словомъ—толки о войнѣ перемололись мало-по-малу сами собою и начинаютъ надоѣдать самымъ воинственнымъ публицистамъ французской печати; можно почти навѣрное сказать, что Европа прозимуетъ на сей разъ снова въ мирѣ и тишинѣ. Издающійся на фран-

цузскомъ языкѣ, оффиціальный органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ въ неоффиціальной, но однакожь оффиціозной своей части помѣстилъ на дняхъ, съ очевиднымъ почетомъ, письмо принадлежащее перу, какъ нѣкоторые догадываются, того же дипломата, который, подъ буквою Х. представилъ въ брюссельской газетѣ «Le Nord», въ цѣломъ рядѣ писемъ, замѣчательный анализъ синихъ, красныхъ, желтыхъ и иныхъ дипломатическихъ сборниковъ, или вѣрнѣе сказать: обличеніе западноевропейской дипломатической лжи, на основаніи иностранныхъ же документовъ,—по отношенію къ вопросу Восточному. Настоящее письмо къ редактору петербургской французской газеты (также не обошедшееся безъ «горизонта» и «тучъ») имѣетъ цѣлію доказать, что въ политическомъ положеніи дѣлъ Европы нѣтъ не только нигдѣ рдѣющей искры, способной при первомъ поднявшемся вѣтрѣ произвести пожаръ, но что въ сущности даже и горючихъ-то матеріаловъ совсѣмъ не имѣется. По его словамъ, *ничто*, при настоящемъ состояніи дѣлъ, не грозитъ общему миру, а потому *никто* и грозить не можетъ, да и не грозитъ, ибо при такихъ условіяхъ угроза, не оправдываемая никакими обстоятельствами, не вызываемая ничѣмъ, кромѣ собственной прихоти, поставила бы угрожающаго слишкомъ въ невыгодное положеніе. Поводъ къ войнѣ не существуетъ, говоритъ г. Х., до такой степени не существуетъ, что тому, кому бы пожелалось войны, пришлось бы начинать ее безъ всякаго повода и тѣмъ обречь себя негодованію всей Европы и всѣмъ послѣдствіямъ такого негодованія. «Счастливы народы, которыхъ внутреннее спокойствіе обезпечено», такъ заканчиваетъ авторъ письма свой очеркъ тѣхъ политическихъ комбинацій и сцѣпленій, которыя дѣлаютъ миръ *волей-неволей* неизбѣжнымъ. Перебирая всѣ современные «вопросы» въ европейской политикѣ, г. Х. приходитъ къ заключенію, что между ними нѣтъ ни одного, который бы требовалъ вмѣшательства постороннихъ державъ или немедленнаго, насильственнаго разрѣшенія. Такъ Испанія, вступивъ въ кризисъ или, можетъ-быть, процессъ перерожденія, только предоставленная самой себѣ можетъ пройти этотъ кризисъ или довершить до конца начатый процессъ—благополучно для себя и безъ потрясенія для Европы. Выраженіе Кавура про Италію:

Italia fara da se—съ несравненно большею правдою и бо́льшими ручательствами успѣха можетъ быть примѣнено къ Испаніи,—замѣчаетъ г. Х. И дѣйствительно, послѣднія извѣстія изъ-за Пиренеевъ вполнѣ подтверждаютъ справедливость этого замѣчанія. Паденіе бурбонской династіи въ Испаніи представляется даже для автора новымъ залогомъ мира. Мы и сами думаемъ, что оно должно подкосить династическія вождѣленія у Бурбоновъ неаполитанскихъ, ослабить ихъ надежды и пріостановить ихъ интриги, но г. Х. полагаетъ, что оно же способно поколебать и упрямство римскаго папы. Испанская революція, по мнѣнію нашего дипломата, должна сдѣлать главу вселенской церкви сговорчивѣе и угладить разрѣшеніе римскаго вопроса. Но не слишкомъ ли далеко зашелъ авторъ въ своемъ оптимизмѣ? Развѣ на соображеніи только матеріальныхъ своихъ средствъ основываетъ Пій IX свое упорство? И безъ испанской революціи разсчетъ политическій и вещественный оказывался постоянно не въ его пользу; безъ поддержки Франціи, никогда Испанія не могла бы служить ему надежнымъ оплотомъ. Сила папы, какъ мы уже не разъ говорили, состоитъ именно въ его non possumus, въ невозможности вырвать у него признаніе совершившихся фактовъ, согласіе на сдѣлку съ италіянскимъ правительствомъ и отреченіе отъ свѣтской власти — *иначе какъ насиліемъ*, а этого-то насилія, какъ крайней мѣры разрывающей всякую связь современнаго латинскаго общества съ христіанствомъ (ибо въ другой формѣ христіанство ему не вѣдомо), этого-то насилія и не рѣшается допустить покуда самъ Латинскій міръ, къ тому же еще далеко не освободившійся отъ клерикальныхъ вліяній... Далѣе авторъ письма не видитъ ни въ дѣйствіяхъ Пруссіи, ни въ дѣйствіяхъ Франціи ничего такого, что̀ могло бы сколько-нибудь нарушить доброе согласіе, bon gré mal gré существующее между ними: датскій вопросъ если еще и не разрѣшенъ, то только потому, что разрѣшеніе его затягивается самою Пруссіей: нѣтъ сомнѣнія, что Пруссія никогда не допуститъ этому вопросу стать на степень casus belli, и при малѣйшей опасности дастъ ему удовлетворительное разрѣшеніе, такъ какъ она вовсе не желаетъ и не хочетъ войны. Присоединенія южныхъ германскихъ государствъ къ Сѣверному Союзу также пока

не предвидится; по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи даже со всевозможною придирчивостью со стороны Франціи, придраться теперь было бы не къ чему. Однимъ словомъ, по мысли г. X., война между Франціей и Пруссіей—опасеніе которой, какъ кошмаръ, тревожитъ Евро пу,—въ настоящее время не мыслима, по крайней мѣрѣ не имѣетъ никакой причины возникнуть, кромѣ причины такъ-сказать чисто отвлеченной, фиктивной: именно побужденій народнаго самолюбія, зависти или предвидѣнія какихъ-то опасностей въ отдаленномъ будущемъ. Но въ случаѣ еслибы такая война и могла состояться, — какъ ни трудно предположить дѣйствіе такихъ отвлеченныхъ причинъ въ наше практическое время, — всѣ невыгоды войны были бы на сторонѣ Франціи или точнѣе Наполеона: Франція осталась бы рѣшительно безъ всякихъ союзниковъ, тогда какъ вся остальная Европа, включая и Россію, испуганная такимъ повтореніемъ эпизодовъ первой имперіи, сочла бы нужнымъ сплотиться противъ общаго врага, смущающаго своимъ честолюбіемъ миръ народовъ.

Всѣ эти разсужденія г. X., напечатанныя въ «Journ. de St.-Pétersbourg», всѣ эти доводы—не то что̀ въ пользу мира, а въ пользу той мысли, что такъ ни раскладывай шашки, въ результатѣ выходитъ все миръ и больше ничего,—отличаются остроуміемъ и не лишены основательности. Но мы замѣтимъ только, что внутренняя логика современной исторіи рѣдко доступна нашему аналитическому пониманію. Недавнія событія показали намъ всю шаткость и всю недостаточность подобныхъ соображеній. Точно такіе же разсчеты предшествовали и прусско-австрійской схваткѣ, кончившейся битвой подъ Садовой и измѣнившей весь политическій строй Европы. Точно такъ же не было никакихъ серьезныхъ и добросовѣстныхъ поводовъ къ войнѣ; и точно такъ же были они сочинены, хотя и съ великою натяжкой, со стороны Пруссіи. Точто̀ такъ же казалось невозможнымъ, чтобы такое грозное преобладаніе Пруссіи въ срединѣ Европы было допущено крупными державами, и однако же оно совершилось при общемъ молчаніи изумленныхъ державъ... Если оцѣнка настоящихъ политическихъ обстоятельствъ приводитъ логически къ заключенію, что миръ Европы теперь упроченъ сильнѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, то, повторяемъ, у исторіи есть

своя логика, логика такихъ историческихъ и нравственныхъ факторовъ, которые обыкновенно мало цѣнятся и дипломатами и даже современниками-историками. Въ этомъ случаѣ историческій инстинктъ народовъ и даже правительствъ достоинъ особеннаго вниманія и изученія. И мы видимъ, что вопреки здравой логикѣ, вопреки очевидности фактовъ, вся Европа представляетъ въ настоящее время видъ какого-то вооруженнаго стана, съ воинами, съ ногъ до головы одѣтыми въ доспѣхи и поющими однако же кантаты генію мира! Явленіе замѣчательное, которое трудно объяснить одною недогадливостью правительствъ, однимъ ихъ недоразумѣніемъ и неосновательною, чуть-чуть не дѣтскою (какъ слѣдовало бы заключить изъ письма г. Х.) подозрительностью. Дѣло въ томъ, что государства—не простые механизмы или учрежденія, а организмы, живыя тѣла, надѣленныя *натурою* и подчиняющіяся законамъ и инстинктамъ своей *натуры*, — слѣдовательно не вполнѣ управляемыя волею и разумомъ правителей, партій и вообще отдѣльныхъ лицъ. Какъ ни справедливо разсуждаетъ во Франціи партія мира, какъ бы, порознь взятый, каждый Французъ ни ораторствовалъ противъ войны, тѣмъ не менѣе натура такого крупнаго государства, какова Франція, имѣетъ свои естественныя, органическія влеченія и движенія, которыя не всегда можно предугадать или предугадавши—переиначить. Мы вовсе не думаемъ доказывать неизбѣжность войны между Франціей и Пруссіей,— мы говоримъ только о возможности этой войны даже вопреки личному разсчету императора Наполеона и всѣмъ комбинаціямъ политической мудрости.

Наконецъ, намъ кажется, что почтенный авторъ слишкомъ легко отнесся къ положенію дѣлъ на Востокѣ и состоящему въ неразрывной съ нимъ связи положенію дѣлъ въ Австріи. Объ Австріи онъ даже и не упоминаетъ. Горючіе матеріалы Востока могутъ легко воспламениться и сами собою, даже безъ дуновеній извнѣ. Никто не можетъ поручиться, чтобы къ веснѣ, или даже раньше, не вспыхнуло новое возстаніе и Болгаръ, и Босніи и Герцеговины, и Эпира, и нѣтъ сомнѣнія, что если оно будетъ представлять малѣйшую серьезную опасность для существованія Порты, то нѣкоторыя державы сочтутъ своею непремѣнною обязанностью предло-

жить ей свои услуги въ качествѣ пожарной команды,—другія же признаютъ необходимымъ протестовать противъ такого вмѣшательства,—и тогда всѣ разсчеты политическаго оптимизма канутъ въ воду. Мало того: напрасно авторъ такъ тщательно трудится надъ отысканіемъ поводовъ къ войнѣ въ самой Европѣ; въ Европѣ онъ, разумѣется, ихъ не находитъ, потому что дѣйствительно ихъ и нѣтъ, — желающему войны ихъ нечего тамъ и изыскивать. За то ихъ безъ труда можно найти на Востокѣ! Крымская война служитъ тому примѣромъ. Востокъ съ своимъ обиліемъ поводовъ и горючихъ матеріаловъ потому именно и удобенъ для всякаго европейскаго правительства, нуждающагося въ войнѣ или политическихъ успѣхахъ, что можетъ отвлечь вниманіе отъ настоящаго затаеннаго умысла и прикрыть интересами Порты радѣніе о собственныхъ интересахъ. Вникая же въ современное положеніе дѣлъ, мы не можемъ не видѣть признаковъ какой-то дѣятельной интриги на Дунаѣ и Савѣ, — интриги, которой нити исходятъ изъ Австріи и можетъ-быть не безъ участія державы, торжественно заявившей, что сохраненіе австрійскаго политическаго могущества составляетъ положительную необходимость европейскаго равновѣсія. Но объ этой интригѣ мы поговоримъ въ другой разъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОБОЗРѢНІЯ.

1.

«Русь», 15-го ноября 1880 г.

Странное дѣло! Едва только перенесешься мыслію за нашу западную границу, именно для оцѣнки современнаго политическаго положенія Европы, какъ эта мысль невольно и незамѣтно пріурочивается—не къ народамъ, не къ странамъ, даже не къ «интересамъ» того или другаго государства, явно заявленнымъ исторіей, а къ *лицамъ*, къ личному произволу того или другаго политическаго дѣятеля. Казалось бы именно тамъ, въ Европѣ, приняты всевозможныя мѣры противъ преобладанія личнаго начала надъ общественнымъ:

конституціи, парламенты, общества воспитанныя въ свободѣ, живущія вольною, широкою жизнью. А между тѣмъ, въ сферѣ по крайней мѣрѣ внѣшней политики, вамъ (таково наше время!) почти нѣтъ и дѣла до этихъ обществъ,—вы видите только цѣлый рядъ своего рода самодержцевъ, отъ которыхъ зависитъ участь народовъ и миръ Европы. Какіе замыслы таитъ въ себѣ Бисмаркъ? Окончательно ли свергнутъ съ своего престола дерзкій романтикъ Беконсфильдъ и не шатокъ ли на своемъ престолѣ Гладстонъ? Вызрѣло ли что-нибудь въ умѣ таинственно молчащаго Гамбетты? Поставьте, пожалуй, вмѣсто этихъ именъ слова: «Германія», «Англія», Франція, какъ обыкновенно и принято выражаться, но такъ ли это на дѣлѣ? Сойди со сцены Бисмаркъ, и каждому ясно, что въ политическомъ положеніи Европы произойдутъ серьезныя измѣненія, что истинные «германскіе интересы» окажутся, пожалуй, вовсе не во враждѣ съ интересами остальнаго европейскаго континента. Восторжествуй опять вскорѣ Беконсфильдъ надъ Гладстономъ, и міръ увидѣлъ бы странное зрѣлище: какъ, въ теченіи одного года, одна и та же страна три раза перемѣнила свою политику, и каждый разъ въ направленіи діаметрально-противоположномъ! Сегодня англійскіе интересы требуютъ поддержки Турціи, порабощенія Балканскихъ Славянъ и Афганистана; результатъ: избіеніе христіанъ, — кровопролитіе, трата милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ англійскіе интересы требуютъ, наоборотъ, поддержки Славянъ, ослабленія Турціи, прекращенія войны съ Афганистаномъ: опять угрозы, опять большіе расходы, возможность также войны, но ужъ совсѣмъ съ иною цѣлью. Завтра, пожалуй, «англійскимъ интересамъ» опять понадобится притѣсненіе Славянъ въ пользу Турціи и Австріи! Невольно спрашиваешь себя: да гдѣ же настоящіе-то національные интересы, въ которыхъ, казалось бы, и сомнѣнія быть не можетъ, которые органически порождены исторіей, подсказываются и народными инстинктами, и общественнымъ сознаніемъ? Неужели все зависитъ отъ временнаго господства той или другой партіи, которое въ свою очередь зависитъ сперва отъ успѣха избирательной агитаціи, а потомъ отъ подобраннаго, подтасованнаго большинства нѣсколькихъ десятковъ голосовъ?

О Франціи и говорить нечего. Она вся заслонена Парижемъ, а въ Парижѣ, по выраженію «Revue des Deux Mondes» — цезарствуетъ Гамбетта. Еслибъ спросить, что дѣлаетъ теперь Франція, которая еще недавно предъявила притязаніе на право исключительнаго покровительства *католикамъ* въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, пришлось бы отвѣтить, что эта католическая Франція очень храбро дерется съ монахами, осаждаетъ монастыри, топорами рубитъ двери аббатствъ. Будущее покажетъ, много ли политической предусмотрительности обнаружилъ Гамбетта, возбудивъ противъ себя и республиканскаго правительства такъ-называемую «клерикальную партію». Какая это партія! Это цѣлая стихія, одинъ изъ основныхъ историческихъ элементовъ страны!

Сама страна, кажется намъ, не можетъ и не хочетъ покуда играть никакой активной политической роли. Она предпочитала бы уклоняться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ общихъ политическихъ комбинаціяхъ до тѣхъ поръ, пока не упрочитъ въ себѣ внутренняго единства (а это задача не легкая), пока не представится благопріятный случай нанести Германіи отместку безъ большаго риска, даже навѣрняка. Но опять-таки, по общему мнѣнію, все будетъ зависѣть отъ личной воли и энергіи *одного человѣка*, т. е. отъ Гамбетты, который и теперь распоряжается министрами, какъ пѣшками, и котораго сами Французы пророчатъ себѣ въ диктаторы, какъ что-то неминучее, роковое. Но о Франціи поговоримъ въ другой разъ.

Вся наша рѣчь ведетъ къ тому, чтобы указать на полную зависимость настоящаго политическаго положенія Европы не отъ какихъ-либо внутреннихъ, органическихъ причинъ, а отъ личныхъ воззрѣній и качествъ политическихъ кормчихъ, и главнымъ образомъ отъ самаго смѣлаго изъ нихъ, «желѣзнаго канцлера», онъ же и «честный маклеръ». Россія, только-что окончившая свой освободительный бранный подвигъ, конечно не желаетъ и не можетъ желать войны. Франція во всякомъ случаѣ можетъ лишь выжидать счастливаго для себя усложненія европейскихъ дѣлъ. Англія навязывать себѣ на шею войну, при неоконченныхъ еще дѣлахъ къ Афганистанѣ и при настоящемъ зазорномъ положеніи Ирландіи — также не можетъ имѣть охоты. Италія?.. Италія

прекрасная страна! Какой климатъ! Какія сокровища искусствъ!... Гдѣ же наконецъ узелъ тѣхъ путъ, которыми чувствуетъ себя обмотанною Европа? Чья тайная рука мѣшаетъ всѣ шашки, кто, однимъ словомъ, тайно и даже явно угрожаетъ всеобщему спокойствію, хотя и подъ маскою миролюбца?

Австрія, сказали бы мы, Австрія съ ея властолюбивыми замыслами, еслибъ Австрія дѣйствительно представлялась теперь самостоятельною силою и волею. Но Австрія, по чьему-то сравненію, не болѣе какъ пузырь, надуваемый чьими-то чужими могучими легкими. Австрійскія газеты увѣряютъ, будто Австрію движетъ и поддерживаетъ закованная въ желѣзо и броню Германія. По гигантскимъ планамъ Бисмарка, восколько они обнаружены опять-таки нескромностью публицистовъ, миссія Австріи указана будто бы по ту сторону Дуная, туда на югъ, къ Эгейскому морю Центръ ея тяжести долженъ быть перенесенъ на Балканскій полуостровъ. Ей предстоитъ будто бы создать новую Славяно-католическую имперію на нѣмецко-мадьярскомъ цементѣ. А если бы такое чудовищное совокупленіе противоположныхъ элементовъ ей вполнѣ и не удалось, то въ концѣ-концовъ она бы все-таки ослабила опасную для нея союзную силу православныхъ Балканскихъ Славянъ, протянулась бы межъ нихъ глубокимъ клиномъ. Во всякомъ случаѣ, по разсчетамъ будто бы Бисмарка, разглашаемымъ австрійскою печатью, Австрія или бы вовлекла Россію съ собою въ войну, или бы, отвлекая ея военныя средства въ свою сторону, сдѣлала бы Россію неопасною для Германіи, кующей какіе-то свои, еще невѣдомые міру замыслы.

Спрашивается, чѣмъ же виноваты Славяне? почему вся Европа должна приносить въ жертву новой измышленной для Австріи миссіи — свой миръ и спокойствіе? Что это за государство, которое только въ порабощеніи, въ насилованіи чужихъ народностей находитъ raison d'être, условіе своего существованія? Австрія—это какое то «отрицательное бытіе», лишенное всякой внутренней цѣлости, всякаго центральнаго зерна, изъ котораго бы развивался живой политическій организмъ. Всѣ ея части рвутся вонъ, да только имъ покамѣстъ дѣваться еще некуда. Никакой *національной* миссіи

она, разумѣется, принять на себя не можетъ; не думаемъ даже, чтобы при такомъ отсутствіи единаго національнаго духа — она могла серьезно разсчитывать на свою пеструю армію и отважиться съ нею на крупную, отчаянную войну...

Тотъ и является врагомъ европейскаго мира, кто зиждетъ свои планы на угнетеніи и неправдѣ.

Заговоръ Германіи и Австріи противъ несчастныхъ Славянскихъ племенъ, стало-быть и противъ мира Европы, состоялся задолго до Берлинскаго конгресса, а въ Берлинскомъ трактатѣ обнаружился, благодаря содѣйствію бекснсфильдовской Англіи, даже съ какою-то торжественностью. Сначала, какъ водится, общій вопль насквозь пропитанной ложью, или закоренѣло-тупоумной западной печати противъ властолюбія Россіи (не захватившей у завоеванной ею Турціи ни пяди земли). Затѣмъ, при общемъ славословіи останкамъ Оттоманской Имперіи и при общей клятвѣ сберечь ихъ цѣлость, Австрія, среди бѣла дня, по порученію той же Европы, отбираетъ себѣ у Турціи двѣ наилучшія, оставленныя ей Россіею провинціи — въ видахъ якобы лучшей организаціи и умиренія. Извѣстно, что это умиреніе оказалось на дѣлѣ новымъ кровавымъ насиліемъ надъ несчастными православными Славянами.

Вотъ и теперь—смыслъ всѣхъ интригъ и козней, всѣхъ дѣйствій австрійской и германской политики по отношенію къ «Востоку» — найти для Австріи новый предлогъ получить мандатъ отъ Европы для дальнѣйшаго шествія по пути къ Салоникамъ — не въ видахъ властолюбія,—о, нѣтъ! Когда настанетъ эта минута, то вся европейская пресса, въ томъ числѣ и французская, затрубитъ, въ видѣ напутствія *австрійскимъ* войскамъ, маршъ на извѣстный мотивъ, именно о *русской* завоевательной жадности!!! Болгары жалуются, что австрійскими агентами кишитъ и Болгарія, и Румелія, и Македонія. Нужны необыкновенныя усилія со стороны благоразумной части мѣстнаго населенія и напряженныя старанія русскаго правительства, чтобъ парализовать дѣйствія этихъ агентовъ, подбивающихъ будто бы на возстанія, на безпорядки, которые бы дали Австріи желанный претекстъ для умиротворенія. Балканскому населенію страшна теперь не Турція,—но именно Австрія. Посмотрите какое насиліе, то-

же «мирнаго» свойства, творитъ она теперь надъ несчастною Сербіей!.. Но объ этомъ мы еще поговоримъ въ свое время.

Разумѣется, развитіе плановъ австро-германскихъ совершилось бы быстрѣе и безцеремоннѣе, еслибъ не внезапное, какъ громъ съ неба, паденіе министерства Беконсфильда. Концертъ Западной Европы разстроился. Политика Гладстона по отношенію къ Балканскимъ Славянамъ состоитъ именно въ томъ, чтобъ не допустить Австрію къ господству на полуостровѣ, противопоставить ей, подъ покровительствомъ Англіи, союзъ христіанскихъ племенъ и такъ-сказать—занять по отношенію къ послѣднимъ мѣсто, принадлежащее пока Россіи. Послѣднее насъ не очень тревожитъ, — до этого еще далеко, — но нельзя не радоваться отъ души ближайшему, т. е. новой благопріятной для христіанъ политикѣ Англіи. Но Гладстонъ также, думается намъ, нѣсколько обчелся: онъ очевидно разсчитывалъ на большее значеніе Англіи на материкѣ Европы, чѣмъ оно есть. Прямаго противодѣйствія своимъ планамъ онъ не нашелъ; но встрѣтилъ нѣчто еще хуже: такое содѣйствіе прочихъ державъ, кромѣ Россіи, которое привело всѣ его попытки почти къ нулю, да еще съ нѣкоторою комическою окраскою, и нѣсколько скомпрометтировало Англійскій кабинетъ въ общественномъ мнѣніи. А это собственно для Австріи съ Бисмаркомъ и было нужно.

Еслибы на Берлинскомъ конгрессѣ было утверждено то начертаніе границъ для Черногоріи, которое было предложено Россіей въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, все обошлось бы спокойно и мирно. Но миролюбивая Европа такой мирной развязки не допустила, придумала новыя границы и вслѣдъ затѣмъ поспѣшила согласиться на несогласіе Порты. Настоящая комбинація, для Черногоріи вовсе не очень желанная, измышлена, безъ сомнѣнія, умно, дальновидно, но и коварно, самимъ султаномъ... Впрочемъ, объ албанской лигѣ, первоначально ничтожной, но которою умѣла искусно воспользоваться Турція и заслонить ею себя какъ ширмой, мы надѣемся, равно и о Македоніи, вскорѣ помѣстить у себя самыя интересныя и вѣрныя свѣдѣнія, обѣщанныя намъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этой части Балканскаго полуострова. Порта, организовавъ, вооруживъ, возбудивъ Албанцевъ, свалила на нихъ невозможность передачи города Дуль-

циньо Черногорцамъ; эскадры державъ, взаимно обязавшіяся не высаживать на берегъ ни одного солдата, какъ ни становились въ воинственныя морскія позы, Албанцевъ не напугали,—и кончится, вѣроятно, тѣмъ, что несчастнымъ Черногорскимъ юнакамъ, не отдохнувшимъ отъ кровопролитной послѣдней войны, придется, даже и по полученіи Дульциньо, удерживать его лишь силою! Ни Австрія, ни Германія, ни Италія, ни Франція не рѣшатся перейти отъ угрозъ Портѣ къ дѣлу, да и самыя угрозы были не искренны и не серьезны.

Еще менѣе, разумѣется, Гладстонъ найдетъ содѣйствія въ Австріи и Германіи относительно Греціи, тѣмъ болѣе, что державы могутъ de jure не признавать за собою обязательства: во что̀ бы ни стало надѣлить Эллинское королевство новой границей. Грецію казнится теперь за свое добровольное отчужденіе отъ Россіи во время послѣдней войны и за свое тяготѣніе къ Западу. Она вооружается, ставитъ войска на военную ногу, но едвали безъ внѣшней европейской поддержки отважится на войну. Весь вопросъ въ томъ, рѣшится ли Гладстонъ оказать таковую поддержку, хотя бы въ союзѣ съ Россіей; положеніе Ирландіи слишкомъ сильно озабочиваетъ Англію, и ей нѣтъ большой охоты пускаться теперь въ рискованныя предпріятія. Конечно, въ исторіи эллинскаго возстанія есть назидательный прецедентъ, когда соединенныя эскадры Англіи, Россіи и Франціи, даже безъ объявленія войны султану, въ видахъ огражденія греческихъ береговъ отъ высадки новыхъ турецкихъ войскъ, сожгли оттоманскій флотъ подъ Наваріномъ,—но повтореніе подобной *случайности* едвали мыслимо... Вѣрнѣе всего: если вспыхнетъ на Балканскомъ полуостровѣ пожаръ,—тушить огонь, исполнить спасительную роль пожарной команды пожелаетъ Австрія...

2.

„Русь“, 22-го ноября 1880 г.

Наконецъ Дульциньо или Ульцинъ благополучно переданъ Черногорцамъ. Въ самый день вступленія Черногорцевъ мы были извѣщены о томъ телеграммою изъ Цетинья. Всѣ вздо-

хнули свободно, особенно европейскія державы, выпутавшіяся кое-какъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, изъ ложнаго, чуть не комическаго положенія,—а Англія даже торжествуетъ. Въ Англіи «Дульцинскій вопросъ» получилъ даже значеніе кабинетнаго, отъ рѣшенія котораго зависѣла участь всего либеральнаго министерства. Гладстонъ радостно празднуетъ теперь побѣду, одержанную имъ, отъ имени Англіи,—не надъ турецкимъ упрямствомъ, а—въ качествѣ капельмейстера—надъ европейскими четырьмя державами, которыя, сердясь и дуясь, какъ приневоленные музыканты, должны были таки разыграть европейскій концертъ. Всѣхъ довольнѣе собою должна быть Порта. Она очень хорошо знала, что придется рано или поздно поступиться вышеназваннымъ городишкомъ, и предпочла, чтобъ это случилось поздно; она имѣла удовольствіе помучить своихъ европейскихъ благопріятелей и, главное, убѣдиться въ непрочности того европейскаго согласія, которымъ ей такъ угрожали. Поистинѣ, турецкая дипломатія достойна хвалы и уваженія. Она не можетъ не понимать, что дѣло Турціи въ Европѣ проиграно, но борется до изнеможенія, никогда не уступаетъ сразу угрозамъ, никогда не оказываетъ предупредительности въ нанесеніи самой себѣ, по чужому требованію, ударовъ. Не худо бы нѣсколько поучиться у турецкихъ и нашимъ нѣкоторымъ дипломатамъ...

Доволенъ можетъ быть собою и князь Николай. Онъ не пролилъ ни капли черногорской крови для скорѣйшаго успокоенія Европы, въ угоду ея берлинскаго измышленія. На всѣ предложенія державъ взять Ульцинъ силою и поторопить развязку, онъ отвѣчалъ европейскому союзу: ты отнялъ, ты и дай. Что будетъ дальше—увидимъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ недальновидныхъ европейскихъ и прозорливыхъ турецкихъ маневровъ: болѣе или менѣе организованная и вооруженная албанская сила, которою, конечно, Турція и не преминетъ воспользоваться.

Теперь кипятится, шумитъ, оглашаетъ воздухъ бранными кликами, по врожденной народу живости и пылкости,—но въ то же время и серьезно вооружается Грецiя. Но какъ ни легко воспламеняются Греки, какъ ни несомнѣненъ ихъ патріотизмъ, все же безъ внушеній Англійскаго кабинета (а

можетъ-быть и Россіи) правительство едвали бы отважилось на такую войну, какая теперь предстоитъ. Хотя англійскіе министры и продолжаютъ увѣрять, что концертъ европейскій существуетъ, но это ужъ такой въ дипломатіи обычай выдавать pia desideria за существующій фактъ! Достовѣрно одно, что Германія и Австрія пытались отговорить Греческій кабинетъ отъ мобилизаціи арміи, но Англія не отговаривала, а нашъ дипломатическій оракулъ, похожій на оракула только по двусмысленности своихъ заявленій, вѣщалъ недавно, что всѣ совѣты и увѣщанія Греціи теперь уже неумѣстны: поздно! И дѣйствительно, вотъ что̀ пишетъ въ газету «Times» ея корреспондентъ—человѣкъ серьезный и достойный вѣры, извѣстный Стильманъ: «Никогда въ прежнее время не одобрялъ я агитаторской дѣятельности разныхъ комитетовъ, возбуждавшихъ Грековъ взяться за оружіе, но теперь на моихъ глазахъ совершается что-то невиданное: не комитеты, не депутаты палатъ производятъ искусственное броженіе умовъ, а весь народъ въ движеніи. Всѣми овладѣло сильнѣйшее возбужденіе и притомъ не только въ Аѳинахъ, но и въ самыхъ консервативныхъ колоніяхъ». Изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что съ разныхъ сторонъ стекаются въ Аѳины греческіе добровольцы. Министерство Трикуписа, послушнаго клеврета беконсфильдовской Англіи, пало благодаря своей миролюбивой политикѣ, и во главѣ кабинета стоитъ рѣшительный сторонникъ войны, популярнѣйшій теперь человѣкъ въ Греціи—Кумундуросъ. «Сила—главный факторъ успѣха» — сказалъ онъ въ рѣчи обращенной къ палатѣ,— особенно на Востокѣ. Намъ некогда терять время. Мы имѣемъ рѣшеніе Европы, и нашъ долгъ привести его въ исполненіе». Въ самомъ дѣлѣ, войско доведено до 60,000, строятся броненосцы, изготовляются миноноски, снаряжается санитарный отрядъ.

«Покинутые Европой», говоритъ «Journal d'Athènes», «но свободные отъ путъ, мы рискнемъ на все. Въ борьбѣ, которую мы начнемъ, намъ нечего заботиться ни объ интересахъ Турціи, ни объ интересахъ Европы. Зажжемъ Востокъ съ четырехъ угловъ и скорѣе погибнемъ до послѣдняго, чѣмъ остановимся на полдорогѣ».

Послѣднее выраженіе кажется нѣсколько сильнымъ. Но

война, разгорѣвшись, дѣйствительно можетъ повести не только къ усложненію всеобщаго политическаго положенія, но пожалуй и къ общему пожару на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣроятнѣе всего, что Европа, убѣдившись въ неотвратимости войны, поспѣшитъ ее локализировать, т. е. ограничить спорною мѣстностью, или же наконецъ добьется таки отъ Турціи опредѣленной для Греціи на берлинской конференціи границы. Если же этого не будетъ, если Турки будутъ побѣждены, то мудрено ожидать, чтобъ не возстала Македонія, чтобъ Болгары остались спокойными, сложа руки, и не воспользовались благопріятнымъ случаемъ. Если же, наоборотъ, побѣда будетъ на сторонѣ Турокъ, то честь если не Европы, то Англіи и Россіи заставитъ ихъ вступиться за Грековъ.. Нѣтъ сомнѣнія, что греческое населеніе Архипелага также возстанетъ... Но и Оттоманы не такое племя, чтобы продать свою жизнь дешево. Судороги умирающаго организма этой гордой, могущественной нѣкогда, магометанской державы способны еще сильно потрясти цивилизованную Европу...

Но пока еще только вооружаются. Мы еще успѣемъ не разъ возвратиться къ Греческому вопросу, прежде чѣмъ онъ изъ вопроса перейдетъ въ дѣло, въ дѣло загадочное. Русскія симпатіи безъ сомнѣнія всѣ на сторонѣ Грековъ, на сторонѣ правыхъ греческихъ притязаній. Но лучше и легче было бы для Грековъ, еслибъ въ войну 1877 года они обращали свои взоры, слухъ и сочувствія не къ Западной Европѣ и не къ Биконсфильду, а къ Россіи и къ православному Славянскому міру. Греческій вопросъ былъ бы теперь разрѣшенъ... Понимаютъ ли это теперь Греки? Понимаютъ ли необходимость искренняго союза не съ одними Сербами, отъ которыхъ имъ теперь трудно ожидать поддержки, но и съ Болгарами?...

Главная бѣда, впрочемъ, для Грековъ въ томъ, что ни Россіи, ни Англіи въ настоящую пору не совсѣмъ досужно. Про Россію толковать здѣсь не мѣсто: ее занимаютъ экономическіе вопросы первостепенной важности, не говоря о другихъ. У Англіи на шеѣ, въ умѣ и въ душѣ—Ирландія. Ирландцы—устами главнаго своего агитатора и оратора, Парнелля—требуютъ для своего острова самоуправленія, съ осо-

бымъ парламентомъ, требуютъ реформы церковной (ибо Ирландцы почти всѣ католики, а католическая церковь въ Ирландіи не пользуется всѣми преимуществами церкви англиканской). Но въ основаніи всего лежитъ аграрный или поземельный вопросъ. Земля въ Ирландіи принадлежитъ въ собственность немногимъ, большею частію знати,—конечно въ народномъ движеніи не участвующей. Эту землю арендуютъ, болѣе или менѣе мелкими кусками, фермеры, т. е. своего рода безземельные крестьяне, состоящіе въ полной зависимости отъ землевладѣльца, который назначаетъ арендную плату или поземельный оброкъ по своему произволу, а неплательщика имѣетъ право (чѣмъ «по принципу» всегда и пользуется)—выгнать безъ церемоніи вонъ. Дѣваться же выгнанному некуда,—развѣ въ Америку, въ которую дѣйствительно Ирландцы въ послѣднія двадцать лѣтъ и переселяются массами. При всякомъ сильномъ неурожаѣ, затрудняющемъ уплату аренды, народъ, разумѣется, волнуется и бѣдствуетъ.—Британскій лордъ не то, что̀, бывало, русскій помѣщикъ, который (за немногими исключеніями) допускалъ крестьянъ въ голодные годы до господскаго сусѣка, или же отсрочивалъ оброкъ, если не по добродушію, то по разсчету, не находя выгоднымъ для себя разорять въ конецъ своихъ же плательщиковъ. Британскій лордъ не то; онъ стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи и прославляется цѣлымъ міромъ за свой либерализмъ, который весь—въ предѣлахъ лишь конституціонныхъ принциповъ. Принципы ему дороже всего. Ирландскіе фермеры, конечно, были бы не прочь стать, по примѣру нашихъ крестьянъ, *крѣпкими* землѣ, кромѣ, разумѣется, личной зависимости,— платить установленный не обременительный оброкъ, съ тѣмъ чтобъ потомъ, по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, получить право на самую землю или же выкупить этотъ оброкъ способомъ капитализаціи. Но на такое рѣшеніе не хватаетъ великодушія у англійскихъ землевладѣльцевъ. Освободить крестьянъ съ надѣленіемъ землею, какъ это сдѣлано въ Россіи, могли только мы, Русскіе, *по нашей простотѣ и варварству:* просвѣщенный Западъ до сихъ поръ не мирится съ нашимъ способомъ разрѣшенія трудной задачи, возбудившимъ однако, надо замѣтить, живыя симпатіи и несбыточныя надежды въ бѣдномъ ирландскомъ

народѣ. Неурожай прошлаго года заставилъ фермеровъ просить сбавки арендной платы по крайней мѣрѣ на 50%. Великодушнѣйшіе изъ землевладѣльцевъ (таковыхъ было не много) соглашались на сбавку 25%. Возникло волненіе; противъ него бывшій консервативный кабинетъ принялъ было репрессивныя мѣры, которыя либералами, съ Гладстономъ во главѣ, какъ скоро они взяли власть въ свои руки, тотчасъ же были отмѣнены. Это успокоило Ирландцевъ, но только весьма не надолго. Самый невинный билль, микроскопически облегчавшій положеніе фермеровъ, внесенный Гладстономъ, показался палатѣ лордовъ нарушеніемъ права собственности и былъ торжественно отвергнутъ. Волненіе усилилось. Землевладѣльцы настаивали на уплатѣ, и это повело къ изгнанію неисправныхъ плательщиковъ. Лишены такимъ образомъ буквально крова и куска хлѣба въ одномъ текущемъ году 2470 человѣкъ (какъ видно изъ рѣчи одного изъ друзей Парнелля, въ Коркѣ). Для пособія этимъ несчастнымъ стараніями Парнелля образована такъ-называемая *Земельная лига*. Но лига не ограничивается уже благотворительною дѣятельностью. Парнелль съ друзьями разъѣзжаетъ по разнымъ городамъ, собираетъ митинги, на которыхъ присутствуетъ по 10—15,000 человѣкъ, и въ сильныхъ рѣчахъ убѣждаетъ фермеровъ вовсе не давать платы землевладѣльцамъ и не брать въ аренду фермъ, изъ которыхъ прежніе формеры изгнаны. Начались аграрныя убійства. Четыре землевладѣльца умерщвлены неизвѣстною рукою, и убійцы не отысканы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вооруженныя толпы силою водворяли изгнанныхъ фермеровъ въ ихъ прежнія жилища. «Полиція, хотя и усиленная въ составѣ—говорится въ газетѣ «Times»—«не въ состояніи предупреждать аграрныя преступленія. Народъ на сторонѣ нарушителей закона. Присяжные, даже при очевидности преступленія. не вынесутъ обвинительнаго приговора. опасаясь мести. Безурядица усиливается. Землевладѣльцы начинаютъ уѣзжать изъ Ирландіи. Необходимы быстрыя и энергическія репрессивныя мѣры». Но этотъ самый вопросъ о «репрессивныхъ мѣрахъ» долго не могъ быть рѣшенъ въ совѣтѣ министровъ. Часть его настаивала на скорѣйшей пріостановкѣ дѣйствія извѣстнаго закона. ограждающаго личность и неприкосновенность жилища. habeas corpus-act, что ра-

внялось бы объявленію страны на военномъ положеніи: но остальная часть либеральнаго кабинета,—Чемберленъ, Брайтъ и наконецъ самъ Гладстонъ—желали и желаютъ избѣгнуть такой нелиберальной, крутой мѣры. Для противодѣйствія агитаціи правительство отправило въ Ирландію значительное число полицейскихъ и два пѣхотныхъ полка. Кромѣ того, 14 наиболѣе извѣстныхъ ирландскихъ агитаторовъ, съ Парнеллемъ во главѣ, преданы суду. Между тѣмъ созывается парламентъ на Декабрскую сессію и Гладстонъ приготовляется внести какой-то билль о земельной реформѣ въ Ирландіи, содержаніе котораго намъ еще неизвѣстно. Мы нарочно обрисовали положеніе ирландскаго дѣла съ нѣкоторою подробностью, зная, что большинство читателей съ нимъ мало знакомо, тогда какъ по существу своему оно всего болѣе понятно и интересно именно для насъ, русскихъ варваровъ, уже порѣшившихъ, болѣе или менѣе удовлетворительно, соціальную задачу, волнующую Западъ.

3.

„Русь“, 6 декабря 1880 г.

Живые переговоры ведутся теперь въ Фридрихсруэ, въ резиденціи германскаго канцлера. Бисмаркъ призналъ нужнымъ лично заняться греческимъ вопросомъ и стянуть въ свои руки возжи всей европейской дипломатической запряжки. Всей — за исключеніемъ, разумѣется, Англіи. Сначала ѣздили къ нему, по его призыву, французскій посолъ Сентъ-Валлье и пребывавшій въ Берлинѣ германскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Гатцфельдъ, потомъ и нашъ посланникъ Сабуровъ. Конечно, настоящее содержаніе переговоровъ никому въ подробности неизвѣстно, но по всѣмъ слухамъ и другимъ даннымъ можно предполагать, что сущность ихъ сводится къ слѣдующему: не допускать, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, окончательнаго разрыва Греціи съ Турціей и пустить въ ходъ дипломатическіе маневры для совмѣстнаго давленія на Порту и на греческое правительство. Недавно отправлялся съ этою цѣлью въ Аѳины по

порученію Бисмарка, близкій ему Радовицъ (или правильнѣе Радовичъ) и предлагалъ будто бы Греціи новое соображеніе: вмѣсто Ѳессаліи и Эпира получить островъ Критъ. Но несчастный король Эллиновъ, тѣснимый и Европою, и своимъ народомъ, вынужденъ былъ объявить, что всякое его отступленіе отъ прежнихъ требованій и вообще отъ настоящей воинственной политики неминуемо грозитъ его величеству сверженіемъ съ престола; что онъ можетъ обѣщать лишь отсрочку войны и то не далѣе, какъ до марта.—Мы думаемъ, что если только такая отсрочка возможна, то и она не совсѣмъ противна планамъ германскаго канцлера. Въ этотъ срокъ времени—чаетъ Бисмаркъ — можетъ сокрушиться въ Англіи министерство Гладстона, — съ паденіемъ Гладстона рушится и настоящее согласіе съ англійскимъ кабинетомъ у Россіи, а вслѣдствіе этого охладится вѣроятно и пылъ Эллиновъ, поддерживаемый теперь несомнѣнною надеждой на заступничество этихъ обѣихъ державъ.

Никто, конечно, не рѣшится самоувѣренно пророчить перемѣну англійскаго министерства, но дѣло однако обстоитъ для Гладстона болѣе чѣмъ неблагопріятно. Аграрныя убійства и волненія въ Ирландіи не только не прекращаются, но усиливаются. Парнелль хоть и преданъ суду, но продолжаетъ разжигать Ирландію своими, уже теперь вполнѣ разнузданными рѣчами. Онъ объявляетъ и возвѣщаетъ Ирландцамъ, что они добьются политической автономіи, если только станутъ упорно держаться этой цѣли и отвергнутъ всякія другія примирительныя уступки и сдѣлки. Бывшій членъ Беконсфильдскаго министерства Сольсбери недавно на одномъ торійскомъ митингѣ такъ обрисовалъ положеніе Ирландіи: въ ней два правительства: одно, англійское королевское, безсильное, нерѣшительное, плохо устроенное, другое, напротивъ, рѣшительное, идущее прямо къ цѣли и крѣпко организованное, ратующее противъ англійскаго господства. Такъ какъ англійскій парламентъ, прибавляетъ онъ, никогда, ни въ какомъ видѣ не допуститъ посягательства на «священное право поземельной собственности» (посягательства, замышляемаго Гладстономъ), то, благодаря безтолковости либеральнаго министерства (англійскіе политическіе ораторы внѣ парламента, какъ извѣстно, неразборчивы въ аттестаціи дѣй-

ствій своихъ политическихъ противниковъ), для Англіи остается одна альтернатива: подавить ирландское возстаніе силою.— Но къ силѣ же или къ насилію взываетъ теперь и членъ настоящаго министерства изъ партіи радикаловъ, статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ. По послѣднимъ извѣстіямъ, и онъ потерялъ терпѣніе; и онъ не видитъ никакихъ иныхъ средствъ для успокоенія Ирландіи, какъ прекращеніе дѣйствія habeas corpus-act'a. Въ ирландскихъ рѣчахъ именно Форстеру достается всего болѣе, потому что всего болѣе на него возлагали свои надежды Ирландцы и его обѣщаніями обнадежились. Гладстонъ поспѣшно созываетъ палаты и разослалъ приглашенія ко всѣмъ «приверженцамъ правительства», т. е. правящаго теперь министерства, быть непремѣнно на своихъ мѣстахъ къ открытію парламента. Онъ надѣется разрѣшить ирландскій вопросъ, не прибѣгая къ вышеупомянутой мѣрѣ, довольствуясь посылкою двухъ-трехъ полковъ и новымъ биллемъ о поземельныхъ отношеніяхъ въ Ирландіи. Но онъ едвали пройдетъ... Можетъ-быть перемѣны всего либеральнаго министерства не будетъ, а дѣло ограничится тѣмъ, что во главѣ станетъ, вмѣсто Гладстона, Гартингтонъ, состоявшій и прежде главою либераловъ, — и выйдутъ изъ министерства Форстеръ, Дилькъ и нѣкоторые другіе члены. Но и эта перемѣна будетъ многозначительна, особенно для внѣшней политики Англіи. Гладстонъ съ тою страстною пылкостью, которая проявляется иногда именно у старцевъ съ молодымъ сердцемъ, и которая у нихъ же, въ молодости, при томъ же молодомъ сердцѣ, сдерживалась безъ особеннаго труда благоразумною волею,—Гладстонъ, выступивъ вновь и конечно въ послѣдній разъ на политическое поприще, дѣйствительно повернулъ было правительственный руль, особенно во внѣшней политикѣ, такъ круто въ противоположную сторону, что съ самаго начала пошатнулъ министерство и смутилъ общественное мнѣніе Англіи. Это можно было видѣть и изъ вѣрнаго отраженія англійскаго общественнаго, внѣ опредѣленныхъ партій стоящаго мнѣнія,—изъ газеты «Times». Она очевидно чувствовала и чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи всякій разъ, какъ ей приходилось и приходится оправдывать

или поддерживать предержащее правительство и его дѣйствія по иностранной политикѣ и по ирландскимъ дѣламъ...

Во всякомъ случаѣ, съ паденіемъ самого Гладстона иниціатива по Восточному вопросу перейдетъ въ руки Бисмарка.—а коли иниціатива, то и окончаніе или разрѣшеніе, если только не выступитъ на поприще иной факторъ, иная, не принимаемая покуда въ разсчетъ сила. Покуда же Бисмаркъ повидимому хлопочетъ о томъ, чтобы привлечь къ своему сердечному согласію съ Австріей и *Россію*, т. е. чтобъ связать послѣднюю вновь *узами* дружбы, а себя тѣмъ болѣе развязать. Увѣряютъ, что онъ не совсѣмъ доволенъ настоящимъ австрійскимъ министерствомъ и ожидаетъ тамъ перемѣны. Но что бы въ Австріи ни произошло, можно ли сомнѣваться въ томъ, что она не выступитъ изъ его возжей и послушно потянетъ въ указанномъ ей Бисмаркомъ направленіи? Только едвали достанетъ ей той крѣпости мышцъ, какая требуется отъ коренника, — едвали удастся Бисмарку придать этому сложному механизму ту цѣльность, ту стройность, какія нужны для исполненія его широкихъ замысловъ,—и вызвать въ сердцахъ разнообразныхъ, другъ другу враждебныхъ Австрійскихъ племенъ — ту общую *національную* идею, которая бы всѣхъ соединила въ одну душу и въ одно крѣпкое тѣло! Попытка Льва XIII. — замышленная имъ унія,—можетъ оказать свои плоды лишь медленно, лишь со временемъ, хотя бы и не столь отдаленнымъ, но все же не такъ скоро, какъ это было бы нужно Австріи въ виду предначертаннаго ей Бисмаркомъ плана.

Кстати объ этой уніи и объ энцикликѣ папы, устанавляющей общій католическій праздникъ славянскихъ первоучителей Свв. Кирилла и Меѳодія. Хотя итальянское духовенство и славится (за немногими исключеніями) своимъ невѣжествомъ, однакоже въ распоряженіи Римской куріи не мало ученыхъ, особенно въ орденѣ іезуитовъ, гдѣ имѣется и такой ученый Русскій какъ Мартыновъ. Въ этой энцикликѣ, предназначенной «для всего христіанскаго міра», повѣствуется о подвигахъ братьевъ Кирилла и Меѳодія именно въ томъ смыслѣ, что обращеніе Славянъ въ христіанство произошло съ благословенія, съ вѣдома, съ воли римскихъ папъ, и что не кому иному, какъ римскому апостольскому престолу обя-

заны Славяне свѣтомъ Христовой вѣры. Но если еще удобно включить въ число этихъ Славянъ—и Болгаръ, и Сербовъ, и Моравцевъ, и Чеховъ, и другихъ Западныхъ. то очевидно возникалъ вопросъ: какъ же оставить въ сторонѣ Россію, которая сама по себѣ—цѣлый міръ православный, оплотъ и сила восточнаго православія? Но подобными ли затрудненіями стѣсняться Риму! Энциклика прямо, не обинуясь, разсказываетъ, что Меѳодій посѣтилъ и просвѣтилъ не только Кіевъ, но и Москву, основанную слишкомъ два вѣка спустя по кончинѣ Меѳодія!!! Это уже конечно не невѣжество, не ошибка, а сознательная, умышленная... неправда.

Эту энциклику австрійская газета «Vaterland» комментируетъ такимъ образомъ:

«Если цѣль божественнаго искупленія должна была совершиться, то царство государственнаго теократизма. построеннаго на началахъ древней римской имперіи (т. е. имперіи Византійской), не могло быть долговѣчно. Мусульманство разбило *эту византійскую карикатуру царства Христова на землѣ*... Но между тѣмъ уже явился другой наслѣдникъ этого патріаршаго престола и традицій восточноримскаго цезаро-папизма, заявилъ свои права на наслѣдство и готовъ вступить во владѣніе онымъ — это Русскій Царь!

«Такимъ образомъ характеристическая черта будущаго—это борьба старинныхъ великихъ противоположностей. Съ одной стороны Западъ съ его благороднѣйшею и идеальнѣйшею культурою,—плодомъ католическаго средневѣковаго воспитанія, съ другой византизмъ. Оба противника обращаются къ Славянству. Одни предлагаютъ великія блага культуры Запада, въ томъ числѣ прежде всего единство церкви. какъ она была основана Христомъ. Другіе сулятъ всемірное господство національности.

«И возвелъ его искуситель на высокую гору и показалъ ему всѣ царства земли. Все сіе я дамъ тебѣ. если поклонишься мнѣ»... «Поистинѣ глубоко должны бы пасть и унизиться благороднѣйшія Славянскія племена, еслибъ пошли на призывъ національнаго шовинизма, панславизма», и пр. и пр.

А что же Востокъ... православный Востокъ!...

4.

«Русь», 13-го декабря 1880 г.

Трудно подвести какіе-либо положительные итоги европейской политической жизни за послѣдніе семь дней. Великія историческія явленія въ своемъ медленномъ ростѣ едва уловимы для ежедневнаго наблюденія, пока не станутъ крупной величиной, направляющей, движущей, опредѣляющей судьбы народовъ. Такъ, напримѣръ, какую перспективу совершеннаго преображенія Англіи представляетъ успѣхъ поземельнаго билля, который намѣревается Гладстонъ внести въ парламентъ, открывающійся 6-го января или по нашему 25-го декабря,—если только будетъ успѣхъ! Въ случаѣ успѣха—это міровое событіе величайшей важности; въ случаѣ неудачи — это одинъ изъ тысячи фактовъ, заносимыхъ въ ежедневную политическую хронику, не оказывающихъ замѣтнаго воздѣйствія на текущую жизнь человѣчества. Новый англійскій министръ общественныхъ работъ Шау-Лефевръ на митингѣ въ Ридингѣ говорилъ всенародно въ пользу постепеннаго превращенія ирландскихъ арендаторовъ или фермеровъ въ собственниковъ обрабатываемыхъ ими участковъ. Намъ, Русскимъ, это дѣло вполнѣ знакомое и такъ-сказать родное, но для Великобританіи это радикальная мѣра, расшатывающая до основанія тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется ея стародавнійп олитическій строй. Поземельная аристократія въ Англіи—до сихъ поръ самый главный, существенный элементъ ея историческаго сложенія и настоящаго бытія. Нужды нѣтъ, что эта реформа коснулась бы на первыхъ порахъ только Ирландіи: это все-таки было бы уступкою принципа, исповѣдуемаго общественнымъ сознаніемъ Англіи какъ непреложный догматъ ея политическаго символа вѣры. При первой уступкѣ—новое соціальное начало завоевало бы себѣ постепеппенно почву и внѣ Ирландіи. Впрочемъ, Гладстонъ еще нейдетъ такъ далеко; заготовленный имъ проектъ закона, по сообщеніямъ газеты «Politische Correspondenz», предоставляетъ фермерамъ право постояннаго фактическаго владѣнія или пользованія землею, пока они бу-

дутъ производить арендную плату; другими словами: землевладѣльцы лишаются права изгонять своихъ арендаторовъ, исправно выплачивающихъ оброкъ, по окончаніи срока. — такъ какъ срока арендѣ не полагается. Вѣроятно, при этомъ размѣръ арендной платы опредѣленъ разъ навсегда, или же переоброчка подчинена особымъ, не стѣснительнымъ для фермеровъ правиламъ. Вмѣстѣ съ симъ билль предполагаетъ переселеніе части земледѣльцевъ на казенныя свободныя земли, которыя на извѣстныхъ условіяхъ будутъ, участками, предоставлены имъ въ собственность: далѣе проектируется покупка продающихся ландлордскихъ земель для продажи ихъ ирландскимъ крестьянамъ.... Если этотъ билль будетъ отвергнутъ, какъ этого почти навѣрное можно ожидать,— то кабинетъ не выйдетъ въ отставку, а предложитъ другой законопроектъ, о распространеніи правъ голосованія на поселянъ-земледѣльцевъ: при успѣхѣ этого билля, число голосовъ въ пользу кабинета несомнѣнно бы усилилось, и министерство стало бы тогда располагать значительнымъ большинствомъ. Изъ этого видно, что Гладстонъ намѣренъ бороться до конца, и поставить такіе вопросы, которые, въ случаѣ даже его паденія, смутятъ торжество его противниковъ и повиснутъ надъ ними, какъ Дамокловъ мечъ.

Дѣло Греціи не подвинулось ни шагъ. Мы тоже съ своей стороны повели съ нею рѣчь о терпѣніи,—но Кумундуросъ, по разсказу «Standard'»а, спросилъ нашего посланника Шишкина: «возьмется ли Россія указать точно тѣ предѣлы терпѣнія, которые требуются державами отъ Греціи? Неужели Грецію должна окупить совѣты Европы расходами на свои вооруженія? Кто поручится Греціи, что державы согласятся когда-нибудь на выполненіе ихъ собственнаго приговора? Никакое правительство не можетъ связывать руки націи, которая, поощренная торжественными постановленіями и выраженіями сочувствія всей Европы, затратила всѣ свои деньги, все свое имущество на боевые припасы. Не можетъ Грецію дожидаться вашего крестоваго похода противъ Турціи!»...

Какъ справедливъ, какъ заслуженъ этотъ горькій упрекъ! Само собою разумѣется, что дружное, искреннее требованіе Европы и появленіе ея соединеннаго флота у Дарданеллъ съ твердою рѣшимостью добиться отъ Порты уступки—

давно бы покончили дѣло. Но такой образъ дѣйствія, при взаимномъ недовѣріи державъ, невозможенъ; да онъ бы и ускорилъ, безъ сомнѣнія, ту развязку Восточнаго вопроса,— паденіе Турціи,—которой сама Европа страшится, не чувствуя себя еще къ силахъ поднять ея бремя на свои плечи. — Россія, съ своей стороны, также не можетъ желать быстраго наступленія той великой минуты, которая должна рѣшить судьбу Турціи и Балканскихъ народовъ. Это рѣшеніе не можетъ, не должно состояться безъ ея участія. Напротивъ — ей одной, и никому какъ ей, Россіи, предлежитъ право и обязанность сотворить судъ и правду на Балканскомъ полуостровѣ. Но для Россіи, въ настоящее время, также необходима отсрочка. Въ томъ-то и дѣло, что Россія, выступая изъ пассивной политики по какому бы то ни было второстепенному, частному вопросу, должна имѣть всегда въ виду возможность враждебной себѣ коалиціи всей Европы, запасаться силами на борьбу съ цѣлымъ міромъ!.. Все же это не мѣшаетъ настаивать на исполненіи Портою рѣшенія берлинской конференціи о греческой границѣ съ большею энергіею, чѣмъ это дѣлается до сихъ поръ. Франція и Англія предложили было навязать Греціи и Турціи третейскій судъ, но Германія и Австрія отвергли предложеніе, справедливо спрашивая: почему же рѣшеніе третейскаго суда будетъ обязательнѣе для Турціи, чѣмъ постановленіе берлинской конференціи, и какимъ образомъ, въ концѣ концовъ, заставитъ Турцію подчиниться рѣшенію третейскаго суда *безъ* выстрѣла, *безъ* пролитія капли крови: условія sine qua non. Бисмаркъ съ своей стороны придумываетъ новую комбинацію: принимаетъ съ нѣкоторыми измѣненіями границу, уступаемую Греціи Портой, но присоединяетъ къ ней Критъ. Неизвѣстно однако, вступила ли эта комбинація, какъ говорится, на почву серьезныхъ дипломатическихъ фактовъ.

Австрія съ своей стороны не бездѣйствуетъ и старается укрѣпить себя дома. Созданный политикою министра Бейста, послѣ разгрома при Садовой, дуализмъ, давшій имперіи оффиціальный титулъ—вмѣсто Австріи—Австро-Венгріи и раздѣлившій ее на двѣ части, по сю и по ту сторону Лейты, т. е. на Цислейтанію и Транслейтанію, въ настоящее время сильно колеблется. Опора одной Венгріи не придала имперіи

силы и крѣпости—при враждебномъ, хотя и пассивномъ отношеніи Славянскихъ племенъ, составляющихъ большинство всего населенія Австрійской державы и лишенныхъ системою дуализма не только автономіи, но даже и простыхъ правъ національности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ обольстилъ Австрію перспективою получить въ наслѣдство болѣе или менѣе весь Балканскій полуостровъ, по крайней мѣрѣ включить его «въ сферу своихъ прямыхъ интересовъ», протянуться до Эгейскаго моря и вытѣснить оттуда Россію съ ея нравственнымъ обаяніемъ и духовною гегемоніею (матеріальной, какъ извѣстно, у Россіи не имѣлось и не имѣется). Осуществленію такого замысла Германія взялась помогать не только всѣмъ своимъ вліяніемъ, но и силою, въ томъ смыслѣ конечно, что она не допуститъ, хоть бы напримѣръ Россію, препятствовать Австріи въ ея работѣ. На Берлинскомъ конгрессѣ вся Европа, не исключая и Россіи, преподнесла Австріи Боснію, Герцеговину и даже Антивари на Адріатическомъ морѣ, завоеванный Черногорцами для себя. Естественнымъ для Австріи послѣдствіемъ такого поворота во внѣшней политикѣ — была перемѣна и въ политикѣ внутренней. Примиреніе національностей на почвѣ конституціи стало лозунгомъ новаго министерства графа Таафе. Вотъ тутъ-то и началось кокетничанье съ Славянами, о которомъ мы уже упоминали. Мы говоримъ *кокетничанье*, потому что искренняго желанія создать изъ Австріи настоящую славянскую державу—конечно у правительства нѣтъ, да по правдѣ сказать — и быть не можетъ. Не можетъ быть даже по самому разнообразію и разноязычію славянскихъ племенъ: Поляки, Русскіе, Чехи, Словаки, Хорваты, Словинцы, Сербы, разныхъ группъ—Далмаціи, Босніи, Герцеговины, Военной Границы, Баната, Срема и пр. Господствующимъ, государственнымъ языкомъ былъ искони и пребудетъ, разумѣется, языкъ нѣмецкій, а живымъ связующимъ центромъ всей этой разноплеменности (включая въ нее Румынъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ) издревле и доднесь пребываетъ лицо императора—Габсбурга. И надобно сказать, что династическая эта связь представляется дѣйствительно сильною. Такимъ образомъ искренняго сочувствія правительства, все-таки по существу своему нѣмецкаго, къ ненавистнымъ нѣмецкой природѣ Славянамъ нельзя было и

ожидать, а только уступокъ: какъ можно менѣе уступокъ, уступокъ лишь въ крайности и по малости! Впрочемъ, нечего грѣха таить, никакого другаго пріема и не требовалось въ виду неистощимаго добродушія, простодушія, слабодушія и легковѣрія нашихъ братьевъ западныхъ Славянъ. Началось съ Чеховъ. Извѣстно, что Чехи, по настоянію старо-чешской партіи, до сихъ поръ отказывались являться въ вѣнскій рейхсратъ. Правительство, нуждаясь въ прочномъ большинствѣ, поманило ихъ разными, неопредѣленными впрочемъ, обѣщаніями. Чехи, съ благословенія и старо- и младо-чешской партіи, пожаловали въ рейхсратъ, подкрѣпили правительство и вотировали бюджетъ, давшій правительству средства поработить себѣ православныхъ Славянъ Босніи и Герцеговины. Въ пользу же свою Чехи ничего не добились, кромѣ — и то лишь на дняхъ—раздѣленія Пражскаго университета на двѣ половины, нѣмецкую и чешскую, и параллельнаго преподаванія наукъ на обоихъ языкахъ. Сравнительно съ правами, принадлежащими Венгріи — уступка, какъ видятъ читатели, способная вызвать лишь улыбку на устахъ правителя! Но при всемъ томъ и эта уступка досталась не дешево. О поѣздкѣ императора Франца-Іосифа въ Галицію и *о политической мазуркѣ*, которую, пристукивая каблуками, въ кунтушахъ, лихимъ дѣдовскимъ манеромъ отплясали предъ его величествомъ польскіе паны, не нажившіе ума со временъ своихъ дѣдовъ. — читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстно: все это происходило еще до выхода «Руси». И все это было бы только смѣшно, еслибъ не было и прискорбно. Всѣ польскія демонстраціи и манифестаціи въ Галиціи только наводятъ на мысль, что Поляки неисправимы, неизлѣчимы, ничего не забыли и ничему не выучились, и вновь отличились отсутствіемъ всякаго здороваго политическаго смысла и такта. Въ сущности, и они никакой особенно новой существенной выгоды для себя не пріобрѣли, но за то, какъ закипятились они самыми фантастическими надеждами! Они де встанутъ во славѣ славянской федераціи подъ скипетромъ Габсбурга! А впрочемъ, не подѣлить ли это главенство съ Чехами?!... И вотъ Чехи братаются съ Поляками, и начинается комедія взаимнаго ухаживанья.

Кстати. Мы очень рады, что на дняхъ въ газетѣ «Голосъ»

появилась статья, писанная Русскимъ Полякомъ, изъ которой видно, что Русскіе Поляки открещиваются, отплевываются, отрекаются во всѣхъ отношеніяхъ отъ солидарности съ Поляками Галиціи. Такъ мы по крайней мѣрѣ поняли эту статью. Желательно, чтобъ эта статья была опубликована во Львовѣ, и за подписью: это было бы дѣйствительнѣе.

Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣлается удовлетвореніе и Хорватамъ. Бывшую Военную Границу, т. е. православно-сербское военное поселеніе вдоль бывшей турецкой границы по Савѣ (образовавшееся со времени перехода въ 1690 г. 50 т. Сербскихъ семействъ изъ Старой Сербіи подъ австрійское владычество)—велѣно отдѣлить отъ Венгріи и присоединить къ одному управленію съ Хорватіей. Объ этомъ, впрочемъ, мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

Всего менѣе, разумѣется, кокетничали съ бѣдными Русскими въ Галиціи, а о Русскихъ въ Венгріи, равно о Словакахъ, никто, конечно, и не вспомнилъ. Никто, конечно, и не вспомнитъ, даже изъ прочихъ Австрійскихъ Славянъ... Помнить ихъ будемъ только мы съ вами, читатели. Придетъ же наконецъ и ихъ время!..

Превосходнымъ дополненіемъ къ настоящему обозрѣнію служитъ статья профессора Ламанскаго, помѣщенная въ нынѣшнемъ №, въ Отдѣлѣ Критики. О разбираемой книгѣ тамъ на этотъ разъ нѣтъ ни слова, но за то — вѣрная характеристика и оцѣнка умственныхъ и духовныхъ силъ, представляемыхъ австрійско-славянскою интеллигенціею.

5.

«Русь», 20-го декабря 1880 г.

Австрійскій государственный министръ, творецъ Австро-Венгріи или системы дуализма, Саксонецъ Бейстъ, послѣ рѣшительныхъ побѣдъ Нѣмцевъ надъ Французами, обмолвился остроумнымъ словомъ: «il n'y a plus d'Europe», нѣтъ болѣе Европы!—«Европа окривѣла» воскликнулъ и нашъ Погодинъ, прочитавъ телеграмму о сдачѣ Парижа,—«точно ей кто глазъ выткнулъ». Дѣйствительно, равновѣсіе Европы пошатнулось;

перевѣсъ силы, могущества и воли теперь на одной сторонѣ — именно Германіи. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не всю Европу, а только Европейскій материкъ, безъ Англіи. Конечно, Россія могла бы и не допустить этого перевѣса,— но она предпочитаетъ держаться въ настоящее время политики пассивной. Тѣмъ не менѣе только сосѣдство Россіи съ Германіей спасаетъ бытіе Франціи и служитъ залогомъ европейскаго мира. Равномѣрно сдерживаетъ Бисмарка въ его замыслахъ противъ Россіи и противъ славянской свободы на Балканскомъ полуостровѣ, заранѣе обѣщанной имъ Австріи, необходимость считаться съ Франціей. Съ помощью кабинета Беконсфильда еще удавалось кое-какъ заморить на время червяка, грызущаго сердце Французовъ,—но съ перемѣною министерства въ Англіи, съ наступленіемъ ненавистнаго Германіи и Австріи кабинета Гладстона, Франція уже не такъ одинока: производить надъ нею «давленіе» уже не такъ удобно. Нѣмцы зорко слѣдятъ за малѣйшими оттѣнками состоянія умовъ во Франціи. Конечно, имъ нечего опасаться никакихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Французовъ: объ этомъ Французы, самые отважные и рѣшительные, конечно еще и не помышляютъ,—но въ Берлинѣ тревожатся уже однимъ пробужденіемъ живости въ политическомъ темпераментѣ Франціи, уже одними признаками, что ея политика изъ пассивной перейдетъ въ дѣятельную. «Гамбетта»— бьетъ въ набатъ берлинская «National-Zeitung»—«глава воинственной партіи, желаетъ во что бы ни стало втянуть Францію въ рѣшительный поединокъ съ Германіей, — въ борьбу не на животъ, а на смерть». Конечно, такой трубный звукъ нуженъ только для того, чтобы смутить французскихъ министровъ, остудить на первыхъ же порахъ воинственный, но пока еще вовсе не жгучій пылъ современныхъ Французовъ. Но въ чемъ же признаки воинственнаго расположенія, озаботившіе Нѣмцевъ? Министръ иностранныхъ дѣлъ Бартелеми Сентъ-Илеръ—личность почтенная, но безцвѣтная, и энергическимъ починомъ не отличается. Президентъ Греви—честное конституціонное ничто, парадный носитель власти, самъ, лично, не властвующій. Но о нихъ никто и не говоритъ. Всѣ взоры устремлены на предсѣдателя палаты депутатовъ, Гамбетту, единственнаго человѣка во Франціи,

выдавшагося впередъ умомъ, талантомъ, энергіей воли, властолюбіемъ, знаніемъ—чего онъ хочетъ и какимъ путемъ идти къ цѣли. Да, твердое убѣжденіе, крѣпкая воля, ясная цѣль—это сила, это власть среди человѣческаго общества! Французы, въ брань и въ насмѣшку, теперь уже величаютъ его диктаторомъ, чуть не цезаремъ,—и этимъ только сами пріучаютъ себя и всю Францію смотрѣть на него какъ на сужденнаго ей рокомъ, будущаго распорядителя ея судебъ.

Пріѣзжалъ англійскій министръ-радикалъ Дилькъ, конечно по порученію кабинета, въ Парижъ на свиданіе съ Гамбеттой, и съ тѣхъ поръ воззрѣнія Гамбетты на греческій вопросъ внезапно перемѣнились. Его органъ — «RépuBlique Française» — незадолго предъ тѣмъ читавшій греческому правительству разныя назиданія о выгодахъ долготерпѣнія, вдругъ ощутилъ сочувствіе къ положенію Греціи, и встревожилъ самихъ Французовъ. Съ тѣхъ поръ газеты французскія и иностранныя стали наполняться разными уликами Гамбетты въ сочувствіи къ злополучной Элладѣ. Такъ парижскій корреспондентъ берлинской «TagBlatt» передаетъ, будто Гамбетта, въ разговорѣ съ наслѣднымъ принцемъ Датскимъ (братомъ греческаго короля), выразилъ мнѣніе, что Греціи слѣдуетъ держаться политики дѣйствія, что Франція поддержитъ греческое правительство въ его законныхъ желаніяхъ; что Бисмаркъ, даже въ союзѣ съ Австріей, не въ силахъ противодѣйствовать волѣ соединенной Европы; что нужно только, чтобъ Греція крѣпко вооружилась и начала войну подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Хотя и можно сомнѣваться въ справедливости такого категорическаго заявленія, однако, по нѣкоторымъ признакамъ, оно вѣроподобно, если не вполнѣ, то отчасти. Парижская газета «Gaulois» въ статьѣ, озаглавленной «Гамбетта и война», прямо возвѣщаетъ, что «если Гамбеттѣ захочется, Французы должны будутъ взяться за оружіе въ защиту Греціи, а ему этого хочется». А въ преданной ему газетѣ «Voltaire» появилась рѣзкая статья, въ которой сторонники мира во что бы ни стало обзываются трусами, и затѣмъ восхваляется дѣятельность Людовика XIV—завоевателя Эльзаса, и искусство кардинала Ришельё, пользовавшагося раздорами въ Германіи.

Впрочемъ, пока только ничего, кромѣ сочувствія, и не

вилно. Дѣйствія еще никакого, кромѣ предложенія третейскаго союза,—мѣры, не способной привести ни къ какому результату. Любопытно только сопоставить со всѣми этими признаками извѣстіе о томъ, что одно изъ судовъ англійской эскадры стоитъ въ настоящее время у береговъ Эпира, а пять броненосцевъ изъ Ламанша (гдѣ обязанностью ихъ было не допускать подвоза оружія въ Ирландію) переведены въ Лиссабонскій портъ, поближе къ Средиземному морю.

Но Гамбеттовское сочувствіе еще не пользуется сочувствіемъ Франціи,—хотя бы Франція и исполнила повелѣніе власти. Всѣ сообщенные нами французскіе слухи и толки не на шутку встревожили разныя парламентскія группы, и представители ихъ являлись къ Бартелеми С.-Илеру за разъясненіемъ. Министръ постарался завѣрить ихъ въ продолженіи миролюбивой политики. Органъ же бывшаго министра Фрейсине, «Temps», заявляетъ: «Франція не позволитъ своему правительству выступить на путь воинственной политики».

Какъ согласить это видимое противорѣчіе? Нѣтъ сомнѣнія, что во Франціи два разнородныхъ теченія въ настоящее время. Одно—совершенно миролюбивое, буржуазное,—«консервативная республика», какъ ее понималъ Тьеръ, созданіе чисто буржуазное, нѣчто въ родѣ монархіи Людовика-Филиппа, только безъ династическаго главы. Большинство Французовъ мирится съ нею, такъ же какъ помирился и Тьеръ, не по сочувствію къ этой политической формѣ, а потому только, что она служитъ нейтральной почвой для всѣхъ династическихъ партій, дебютировала разгромленіемъ знаменитой коммуны и представляется надежнѣйшимъ залогомъ мира. Буржуазный элементъ не очень склоненъ къ воинственности, а такъ какъ Французы сильно разбогатѣли въ послѣднее время и не перестаютъ богатѣть, то «идѣже сокровища, ту и сердца ихъ». Французы вѣтрены, но и замѣчательно бережливы. Французы легкомысленны, но, послѣ урока, заданнаго имъ Германіей, они стали и осторожны, проявивъ много политической зрѣлости и такта въ своемъ затруднительномъ положеніи. Можетъ-быть буржуа, по мѣрѣ разбогатѣнія, даже переставъ бы очень-то ревновать и къ національной чести, и помирился бы съ обидой, опасаясь новаго разоренія и новыхъ ужасовъ войны съ Нѣмцами. Однакоже, есть несомнѣнно и другое теченіе,

органическое и историческое, почти независящее отъ частной воли народныхъ единицъ. Немыслимо, несовмѣстимо съ *натурою* крупнаго государства оставить оскорбленіе своему достоинству безъ отместки и не попытаться возстановить свое политическое значеніе. Еслибы Франція могла отказаться отъ этой роковой необходимости, ей можно было бы теперь же подписать смертный приговоръ и обѣщать участь, напр., Голландіи. Мы думаемъ, поэтому, что человѣкъ, который направится по этому послѣднему историческому теченію, непремѣнно возобладаетъ надъ всѣми партіями. Гамбетта несомнѣнно держится этого теченія, и это-то въ сущности и даетъ ему силу.

Изъ помѣщаемой ниже корреспонденціи читатели, однако, увидятъ ту внутреннюю борьбу, которая происходитъ теперь во Франціи. Къ противникамъ Гамбетты, кромѣ миролюбивыхъ буржуа, къ противникамъ Гамбетты и всякой воинственной политики, присоединяются и весьма многочисленные, благодаря ему амнистированные и возвращенные во Францію—творцы, вожди, рабочіе Парижской коммуны и ихъ приверженцы,—сбирающіеся подъ знамя непримиримаго врага Гамбетты, издателя газеты «Непримиримый» («L'Intransigeant») Рошфора. Но это возобновленіе «краснаго призрака», кажется намъ, способно только сплотить друзей порядка, безъ различія партій, около Гамбетты и придать ему новую силу. Успѣхъ коммунаровъ можетъ быть только временной; онъ вызвалъ бы только диктатуру, Франція съ восторгомъ поклонилась бы тому, кто избавилъ бы ее отъ господства Піа и К°. Теорія оппортунизма (того, что въ данную минуту потребно), изобрѣтенная Гамбеттою, очень растяжима: она не исключаетъ и деспотизма.

Если однако Гамбетта понялъ органическое требованіе политическаго бытія такой крупной державы какъ Франція, то все же остается необъяснимымъ, какъ можетъ сходить ему и поддерживаемому имъ правительству безнаказанно такое рѣзкое противорѣчіе съ нравственнымъ и духовнымъ строемъ большинства страны, какое проявилось въ травлѣ монаховъ, въ осадѣ монастырей, въ исключеніи Закона Божія изъ предметовъ преподаванія въ народныхъ школахъ. Наконецъ, это недавнее распоряженіе: вынести вонъ (на дѣлѣ

же просто вышвырнули) изъ школъ всѣ образа и Распятія! Такого рода дѣйствіе несомнѣнно должно было оскорбить народное чувство, поэтому спрашивается: «ради чего гибель сія бысть»? Очевидно ради «принципа» лишить школы всякаго вѣроисповѣднаго характера. Но ни католика, ни протестанта видъ Распятія въ народной школѣ смутить не можетъ. Кому же угождалъ французскій министръ просвѣщенія, оскорбляя народное чувство? развѣ только жидамъ и философамъ!—Для насъ, Русскихъ, такое распоряженіе немыслимо уже потому, что его не потерпѣлъ бы народъ. Онъ многое снесетъ и проститъ, только не оскорбленіе вѣры. Да и никакая у насъ деспотическая власть никогда бы не отважилась на такую мѣру... Но что же и гдѣ—Французскій народъ? Мы поставили этотъ вопросъ нашему корреспонденту: есть ли народъ во Франціи, какъ общественная и политическая сила? или вся сила его конфискована интеллигенціей, которая, во имя принципа народнаго верховенства, эксплуатируетъ народъ въ свою пользу, нравственно и духовно тиранитъ его? Есть ли наконецъ во Франціи Франція, или только Парижъ?

«Какъ любопытный образчикъ бюрократическаго деспотизма во Франціи, немыслимаго не только ни въ одной конституціонной странѣ, но и въ нашей неконституціонной Россіи, укажемъ на два, упоминаемыхъ въ «Revue des Deux Mondes», 15 сент. 1880 г., министерскихъ циркуляра (во Франціи министръ имѣетъ несравненно болѣе власти, чѣмъ мы привыкли думать).

Министръ просвѣщенія Жюль-Симонъ, предшественникъ настоящаго министра, даетъ предписаніе, за № и числомъ, отъ имени Верховнаго Совѣта народнаго просвѣщенія, по поводу установленія программы философскаго преподаванія во французскомъ лицеѣ,—о томъ, что «такъ какъ нравственность невозможна безъ мысли о Богѣ, то теодицея должна быть преподаваема прежде этики или ученія о нравственности (que la théodicée soit placée avant la morale, en donnant pour raison, qu'il n'y a pas de morale possible sans l'idée de Dieu)».

Черезъ годъ или два, другой циркуляръ за №, какъ слѣдуетъ, отъ новаго министра Жюля Ферри (сторонника de

la morale indépendante) — о томъ, что «какъ нравственность совершенно независима отъ всякой идеи о Богѣ, то предметы должны быть преподаваемы въ обратномъ порядкѣ (dans l'odre inverse)»!

А все-таки мы бы рады были, еслибъ Франція отъ политики пассивной перешла къ политикѣ дѣйствія и поднялась въ своемъ политическомъ европейскомъ значеніи...

6.

„Русь“, 27-го декабря 1880 г.

Во внѣшней политикѣ — заминка. La politique chôme — говорятъ Французы. Этому отчасти причиною и праздники Рождества, празднуемые особенно въ Германіи и Англіи, или Новаго Года, чествуемаго по преимуществу во Франціи. Въ Англіи ожидается открытіе парламента, и въ тотъ день, какъ этотъ № нашей газеты выйдетъ въ свѣтъ, произнесется, вѣроятно, и тронная рѣчь, которую по обыкновенію всѣ ждутъ нетерпѣливо, и которая по обыкновенію ничего не разъяснитъ и не опредѣлитъ. Если въ тронныхъ рѣчахъ не всегда значится прямо, что все обстоитъ благополучно, то допускается лишь оговорка: «болѣе или менѣе благополучно». Во всякомъ случаѣ это лишь необходимая процедура для приступа къ серьезному дѣлу. Засѣданія англійскаго парламента будутъ имѣть интересъ всемірный, — не только для внутренней англійской политики, но именно для внѣшняго политическаго положенія Европы, смотря по тому, удержится или падетъ кабинетъ Гладстона, пройдетъ ли или не пройдетъ его аграрный билль, содержаніе котораго въ точности еще никому въ публикѣ неизвѣстно, но который уже получилъ прозваніе «билля о трехъ буквахъ F». Это потому, что — по разсказамъ — система аграрныхъ измѣненій, предположенная Гладстономъ, состоитъ изъ трехъ мѣръ, изъ которыхъ каждая по-англійски начинается буквою F: именно 1) Fixity of tenure, т. е. прочность, незыблемость, арендованія земли, или предоставленіе арендаторамъ гарантіи, что землевладѣльцы не станутъ ихъ выгонять безъ выдачи имъ,

арендаторамъ, соотвѣтствующаго вознагражденія; 2) Free sale, т. е. облегченія способовъ пріобрѣтенія земли и 3) Fair rents, т. е. справедливое уменьшеніе арендной платы. Впрочемъ отвѣтственность за вѣрность этого извѣстія оставляемъ на газетѣ «Temps».

Россія, такъ же какъ и Германія и Англія, присоединилась къ предложенію Франціи подчинить рѣшеніе греческой распри съ Турціей третейскому суду, — но всѣ державы уже потерпѣли fiasco, за отказомъ и Порты и Греціи. Сочиняется новое предложеніе, которое опять-таки будетъ не болѣе, какъ дипломатическою формулою дипломатическихъ pia desideria,—точкою отправленія для новыхъ переговоровъ европейскихъ державъ съ обѣими заинтересованными сторонами. Другими словами — это только новый пріемъ отсрочки и замедленія грядущей грозы. А гроза будетъ. Грекамъ *однимъ* съ Турками не справиться, и Европѣ предстанутъ два пути къ исходу: или поручить дѣло упорядоченія и умиротворенія Австріи, — что́ и случится, если падетъ въ Англіи министерство Гладстона, и воцарится кабинетъ Беконсфильда или торійской партіи. Или же — совмѣстнымъ движеніемъ европейскихъ эскадръ къ Босфору и угрозой самому султану въ Константинополѣ принудить его къ уступкѣ, чему, надобно полагать, будутъ противиться всѣми силами Австрія и Германія. Ослабленіе власти султана можетъ быть допущено этими двумя державами только въ связи съ прямою выгодою для нихъ обѣихъ. Ликвидація Турецкой имперіи, по ихъ плану, должна произойти никакъ не въ пользу христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова, и не къ вящей славѣ Англіи, Франціи или Россіи, а въ исключительную пользу Австріи и Германіи.

Безъ внутренней тревоги нельзя и читать про новые какіе-то наши переговоры и перешептыванія съ Германіей. Берлинскій, черной памяти, трактатъ далъ кажется достаточное свидѣтельство какъ о расположеніи къ намъ, такъ и о честности «честнаго маклера», а между тѣмъ въ средѣ нашихъ дипломатовъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одного, который бы вселялъ русскому обществу безусловное довѣріе къ правильному разумѣнію имъ интересовъ національной русской политики! Въ то время какъ по всѣмъ прочимъ

отраслямъ управленія введена широкая гласность, и даже бюджетъ нашъ, составлявшій прежде государственную тайну, сталъ достояніемъ общественной критики (что, конечно, послужило не ко вреду, а къ пользѣ, къ облегченію административныхъ заботъ и усилій), по одному только Министерству иностранныхъ дѣлъ оказывается полнѣйшее пренебреженіе къ законному вниманію русскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что дипломатическая международная дѣятельность не терпитъ преждевременной огласки нигдѣ, не только въ Россіи: но есть же всему предѣлы. Есть нѣкоторый срокъ, послѣ котораго дипломатическіе документы могутъ быть обнародованы безъ помѣхи для международныхъ переговоровъ... Почему же нашему Министерству иностранныхъ дѣлъ не ввести у себя такого же обычая? Это было бы тѣмъ болѣе умѣстно, что при изданіи въ Европѣ, отъ времени до времени, разныхъ синихъ, красныхъ, желтыхъ и иныхъ цвѣтовъ книгъ,—въ нихъ появляются и русскія ноты, въ формѣ отвѣтовъ или иного вида посланій къ иностраннымъ кабинетамъ. Такъ парижскій корреспондентъ «Новаго Времени» Молчановъ свидѣтельствовалъ въ этой газетѣ, что перечитывая послѣднюю вышедшую въ Парижѣ Красную книгу, онъ съ краской въ лицѣ усмотрѣлъ, будто русское Министерство, по донесенію французскаго посла, само, по собственному почину, ни съ того ни съ сего, при вопросѣ о черногорской границѣ выразило этому послу заботу о вящемъ соблюденіи австрійскихъ интересовъ въ прилегающихъ къ Черногоріи водахъ!! Да, о дѣятельности русской политики и русскихъ дипломатическихъ агентовъ мы продолжаемъ узнавать только изъ иностранныхъ источниковъ. Добрый ли это источникъ—лучше всѣхъ знаетъ само Министерство. Но по неволѣ приходится черпать изъ него, и только изъ него, потому что другихъ, лучшихъ источниковъ никакихъ нѣтъ. И мы черпаемъ, тщательно подбирая всѣ крохи свѣдѣній, разоблачающихъ намъ хоть сколько-нибудь направленіе нашей политики,—и «слагаемъ всѣ эти глаголы въ сердцѣ своемъ», но не на радость и упованіе, а на тоску себѣ безотраднѣйшую!.. Есть, правда, у нашего Министерства два органа, издаваемые на французскомъ языкѣ: «Journal de St.-Pétersbourg» и «Agence russe». Самое то, что они из-

даются по французски, —показываетъ, что имѣется въ виду не русская, а иностранная публика. Съ тою же цѣлью издается въ Брюсселѣ и «Nord». Хотя наше Министерство отрекается отъ солидарности съ ними, не признаетъ ихъ за оффиціальные органы, но «оффиціозности» ихъ оспаривать не можетъ, да и не оспариваетъ. Всякому извѣстно однако, что эти три газеты безъ крупной поддержки со стороны Государственнаго Казначейства существовать не могутъ. Издержка совершенно непроизводительная, на которую именно слѣдовало бы обратить вниманіе Коммиссіи о сокращеніи государственныхъ расходовъ. Всѣ эти газеты въ настоящее время совершенно не нужны. Въ настоящее время русская печать настолько развилась, настолько пріобрѣла значеніе не въ одной Россіи, но и за границей, что Министерство иностранныхъ дѣлъ не имѣетъ надобности въ особыхъ органахъ для объясненія тѣхъ своихъ дѣйствій, по которымъ желаетъ дать объясненіе. Несомнѣнно одно, что русскіе національные интересы найдутъ въ средѣ русской печати всегда самыхъ лучшихъ, самыхъ ревностныхъ защитниковъ... Да и для самого русскаго кабинета несравненно выгоднѣе предъ лицомъ Европы опираться въ своей политикѣ на общественное мнѣніе родной страны. Пусть считаются и съ нимъ наши сосѣди! Повѣрьте: въ ихъ глазахъ русская политика отъ того только выиграетъ въ уваженіи и силѣ...

Не можетъ русское общество относиться равнодушно къ внѣшней политикѣ своего отечества, къ его чести, достоинству и значенію, для которыхъ еще недавно оно со всею Россіей принесло столько жертвъ. Но со времени Берлинскаго трактата русское народное чувство не получило до сихъ поръ никакого удовлетворенія. Можетъ быть, да и необходимо предположить, что русскіе внѣшніе интересы охраняются строго и мудро. Но мы ничего о томъ не знаемъ: по тѣмъ же свѣдѣніямъ, которыя намъ приходится выуживать въ мутной водѣ иностранныхъ источниковъ, — всякій разъ, какъ только приходится вести рѣчь о политикѣ, русское сердце невольно сжимается, щемитъ и ноетъ...

7.

«Русь», 3-го января 1881 г.

Новый Годъ отпразднованъ и по новому и по старому стилю. Никакими особенными, рѣзкими предзнаменованіями не отличается его наступленіе; не возможно было бы примѣнить къ нему стихи поэта, что новый годъ раждается «въ желѣзной колыбели» и что его «черты ужасно строги». Черты неопредѣленны, хотя и невзрачны, — и на первомъ планѣ выступаетъ пока желѣзо или сталь дипломатическихъ перьевъ,—кромѣ Турціи и Греціи, разумѣется. Эти послѣднія не перестаютъ вооружаться, такъ же какъ «великія державы» не перестаютъ надѣяться, если не на разрѣшеніе спора мирнымъ путемъ, то на продленіе настоящаго, пока еще безкровнаго междоусобія. И мы думаемъ, что старанія ихъ, по крайней мѣрѣ теперь, въ текущую пору, совершенно искренны. Державы не смутились и категорическимъ отказомъ Порты и Греціи отъ третейскаго суда, и возобновили свои настоянія. Хотя Трикуписъ, — бывшій президентъ греческаго министерства во время Сербской и Русской войны, по внушенію Беконсфильда лишившій свое отечество тѣхъ выгодъ, которыя несомнѣнно сулило ему участіе въ русско-сербскомъ союзѣ, а теперь горячій сторонникъ воинственной партіи, — и такъ, хотя Трикуписъ совершенно логично и справедливо доказывалъ на дняхъ, что «третейскій судъ есть отрицаніе и уничтоженіе Берлинскаго трактата и постановленія послѣдней берлинской конференціи», что «предложеніемъ третейскаго суда Европа собственноручно разрываетъ свои торжественные, единогласные протоколы» — однакожъ Европа такимъ явнымъ противорѣчіемъ съ логикой не смущается. По послѣднимъ извѣстіямъ, отвѣты на возобновленное державами предложеніе этой странной формы разрѣшенія международной тяжбы (которая для Турціи почти равняется тяжбѣ о жизни и смерти) послѣдовали уклончивые. Этого пока только и нужно. Завяжется новая переписка, пойдутъ новыя совѣщанія о томъ, о чемъ слѣдовало условиться въ самомъ началѣ и безъ чего самое предложеніе

лишено всякаго смысла: но о смыслѣ, какъ и о логикѣ, весьма мало заботятся дипломаты. Мы разумѣемъ вопросъ о томъ, прежде всего, какъ привести въ исполненіе рѣшеніе третейскаго суда, если въ концѣ-концовъ какая-либо изъ сторонъ, а можетъ-быть и обѣ откажутся отъ подчиненія этому рѣшенію; согласится ли Европа, въ такомъ случаѣ, прибѣгнуть къ оружію?

Въ помѣщаемой нами ниже корреспонденціи изъ Цетинья находится любопытное указаніе, бросающее новый свѣтъ на политику Порты. *Пока*, при разрѣшеніи вопроса о Дульциньо или Ульцинѣ, какъ говорятъ Черногорцы, *держался европейскій концертъ*, Порта упорствовала. Какъ скоро же стало явнымъ, что *концертъ рушится* и соединенныя эскадры готовы разъединиться, Порта немедленно, точно испугавшись чего-то, дала предписаніе сдать городъ, — и препятствій къ сдачѣ со стороны Албанцевъ никакихъ внезапно не оказалось! Почему же такъ? Да потому, что отъ проницательности турецкихъ дипломатовъ не могло укрыться очевидное безсиліе этого концерта разнородныхъ политическихъ направленій и интересовъ, концерта, котораго самое существованіе возможно было лишь при условіи *бездѣйствія*, условіи sine qua non. Это концертъ музыкантовъ, которые, боясь неминуемаго диссонанса ихъ совокупныхъ разно-настроенныхъ инструментовъ, соединились для *гармоничнаго молчанія*. Но едва Порта смекнула, что, при распаденіи концерта, возможно будетъ совокупное дѣйствіе Англіи и Россіи (на что, говорятъ, и намекнулъ султану Гошенъ), она тотчасъ же и уступила. Вѣроятно таковъ будетъ образъ дѣйствій Порты и относительно Греціи. Европейскій концертъ очевидно *ничего не добьется*. Но если концертъ рушится и надъ Турціей повиснетъ угроза той или другой, или двухъ-трехъ державъ, рѣшившихся довести дѣло до окончательной развязки, Порта или уступитъ или же прибѣгнетъ къ другому маневру, можетъ-быть къ покровительству остальныхъ державъ, и постарается возжечь пламя всеобщей войны,—во всякомъ случаѣ не европейскій концертъ можетъ заставить ее покинуть систему дипломатическихъ проволочекъ.

Едвали однако что-либо грозитъ въ настоящую минуту европейскому концерту, а потому Портѣ теперь опасаться

еще нечего. Обстоятельства пока для этого концерта благопріятны, такъ какъ ни одна европейская великая держава, въ данную пору, не готова или не расположена пуститься въ политику рѣшительнаго дѣйствія. Весь вопросъ въ Греческомъ правительствѣ: въ состояніи ли оно медлить долѣе и сдерживать воинственный пылъ населенія. — отважится ли выступить въ бой съ грознымъ врагомъ на свой собственный страхъ? Трудно взять на свою отвѣтственность какой-либо совѣтъ—все зависитъ отъ того, въ какой степени искренно и прочно бранное настроеніе сыновъ Эллады,—но если оно искренно и прочно, то едвали Грецiя много рискуетъ начиная войну. Въ одномъ она можетъ быть несомнѣнно увѣрена, что даже въ случаѣ неудачи Европа не допуститъ ее до гибели и вырветъ у Османовъ вѣнецъ побѣды; что рѣшительный образъ дѣйствія со стороны Грековъ подвигнетъ къ дѣйствію, если даже не всю Европу, то хоть нѣкоторыя державы, которымъ, впрочемъ, остальныя, если и не станутъ прямо противодѣйствовать, то конечно постараются потомъ нѣсколько подвязать руки узами междоусобнаго европейскаго согласія.

Не знаемъ, на что рѣшатся Греки, но въ настоящую минуту, какъ мы сказали, ни одна держава не расположена къ дѣйствію. Газеты возвѣщаютъ о возобновеніи будто бы тройственнаго союза: Германіи, Австріи и Россіи, или вѣрнѣе о присоединеніи будто бы Россіи къ восточной политикѣ Австріи и Германіи. Это возможно, потому что для Германіи нужно. Нужно ли для Россіи—это другой вопросъ. Очень можетъ быть, что согласіе ограничивается системою дѣйствій по греческому вопросу. Цѣль Бисмарка очевидна: изолировать Англію, которая одна, безъ союза съ сильной военной державой, не способна напугать Порту. Очень можетъ быть, что необходимо также оградить отъ русскаго протеста какую-нибудь новую затѣю австрійскаго правительства на Балканскомъ полуостровѣ. По газетнымъ извѣстіямъ можно подозрѣвать какіе-то происки, какія-то австрійскія интриги въ средѣ Албанцевъ. Пишутъ, будто Албанцы становятся во враждебное отношеніе къ Турціи, требуютъ автономіи, и т. д. Мы едвали ошибемся, предполагая, что Австрія старается заручиться напередъ албанскимъ союзомъ, притя-

нуть на свою сторону нѣкоторыя албанскія католическія племена (не даромъ она выхлопотала у Порты возвращеніе арестованнаго и увезеннаго въ Константинополь главы Мириditовъ) и даже обѣщать имъ автономію подъ ея верховнымъ покровительствомъ, съ обязательствомъ ограждать ихъ отъ подчиненія Сербамъ — Княжества и Черногоріи. Это политика умная. Но умно ли было бы, съ нашей стороны, содѣйствовать ей,—это вопросъ особый, на который, впрочемъ, отвѣтъ для всякаго ясенъ.

Хотя нашъ цетинскій корреспондентъ и утверждаетъ, что у Албанцевъ никакихъ автономическихъ вожделѣній не существуетъ, но это едвали вѣрно. Насколько намъ извѣстно, правы и тѣ, которые отрицаютъ,—правы и тѣ, которые признаютъ существованіе этихъ вожделѣній. У самихъ племенъ никакой ясной формулы политическаго бытія не имѣется: въ нихъ живо только чувство и потребность мѣстной независимости,—племенной воли, вмѣстѣ съ покорностью главѣ племени. Но у самихъ начальниковъ племенъ бродитъ и даже болѣе—зрѣетъ и ищетъ себѣ опредѣленной формулы и идея племеннаго албанскаго союза на началѣ политической автономіи: это не подлежитъ сомнѣнію. Была минута, когда Албанцамъ казалось, что султанъ уже сокрушенъ, и одинъ изъ племенныхъ вождей предлагалъ своимъ сородичамъ искать покровительства Россіи, между прочими выгодами напирая на томъ, что сама Россія далека и мѣстной свободы тѣснить не будетъ. Мы, какъ водится, даже и не удостоили этого обстоятельства ни минутою вниманія... Роли покровительницы искала и Италія, довольно популярная среди Албанцевъ, но она и недостаточно рѣшительна, и слишкомъ близка: по какой именно причинѣ не знаемъ, только Италія не сумѣла воспользоваться благопріятными для нея обстоятельствами. Ими воспользовалась ловкая Порта и содѣйствовала образованію и вооруженію Албанской лиги. Но кажется, поведеніе вождей католическихъ албанскихъ племенъ возбудило нѣкоторое подозрѣніе Порты, и Дервишъ-паша поступилъ съ ними круто, чѣмъ вѣроятно возбудилъ неудовольствіе и что, какъ можно предполагать, Австрія ищетъ обратить себѣ въ пользу... Но для воинственнаго открытаго наступленія, кажется, и сама Австрія еще не готова.

Франція въ настоящій мигъ довольствуется уже и тѣмъ, что отъ нея исходитъ предложеніе третейскаго суда, принятое всею Европою, но не отважится, конечно, пускаться въ какое-либо рискованное предпріятіе, особенно же теперь. Теперь происходятъ выборы муниципальныхъ совѣтниковъ, слѣдовательно электоральная борьба между гамбеттистами и радикалами или «непримиримыми». Кромѣ Парижа, партія Гамбетты или правительства имѣетъ за собою всю вѣроятность успѣха, — но опять-таки при условіи мирной перспективы ближайшаго будущаго. Поэтому французское правительство играетъ въ двойную игру: рядомъ съ воинственными—не угрозами, а лишь фразами, пріятно щекотящими національное самолюбіе, выпускаемыми въ обращеніе нѣкоторыми его членами или оффиціозными органами, другіе члены и оффиціозные органы разсыпаются въ увѣреніяхъ мирнаго свойства, успокоивающихъ національную... бережливость или пожалуй осмотрительность и мудрость. Парижане тѣшатся или потѣшались въ Рождество особаго рода антигерманской демонстраціей: привезли изъ Вогезъ колоссальную елку, учинили праздникъ, въ которомъ приняли участіе 20 т. человѣкъ, въ томъ числѣ 4000 дѣтей эльзасскаго происхожденія,—и на которомъ присутствовали Гамбетта и Жюль Ферри. Нѣмцы хмурятся!

Германія занята внутренними вопросами, преимущественно тарифнымъ, и встревожена возвышеніемъ русскихъ ввозныхъ пошлинъ на $10^0/_0$, о чемъ и предстоятъ пренія въ прусскомъ ландтагѣ. Серьезнаго вниманія заслуживаетъ также и антисемитическое или антіеврейское движеніе, о которомъ мы ожидаемъ болѣе обстоятельнаго сообщенія изъ Берлина.

Англія... Но теперь настала для нея, особенно для Гладстона, съ открытіемъ парламента, *страдная пора*, за ходомъ которой мы будемъ слѣдить внимательно, а теперь отсылаемъ читателя къ свѣдѣніямъ о положеніи Ирландіи, сообщаемымъ ниже нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ О. К.

8.

«Русь», 10-го января 1881 г.

Въ политическомъ обозрѣніи 5 № мы говорили о системѣ *кокетничанья* австрійскаго министерства съ подвластными ему Славянами, связанной съ дальнѣйшими планами его восточной политики. При этомъ мы замѣтили, что другаго пріема и не требовалось въ виду неистощимаго добродушія и легковѣрія нашихъ западныхъ славянскихъ братьевъ. Эти слова вызвали упрекъ намъ со стороны Чеховъ, но упрекъ, который отраднѣе всякаго привѣта.

Нѣтъ, говоритъ органъ Младо-Чеховъ, «Народни Листы», мы не дали обольстить себя и привлечь на сторону австрійской завоевательной восточной политики. Никто и не обращался къ намъ съ такимъ предложеніемъ. Мы *не повѣрили* (австрійскому правительству) и до сихъ поръ не имѣемъ причины вѣрить. Напротивъ, каждый, кто сколько-нибудь всматривается въ жизнь Чешскаго народа и его прошлое, не замѣтитъ въ немъ *ничего, кромѣ недовѣрія*, возрастающаго съ каждымъ днемъ... Правда, и мы пришли къ заключенію, что этотъ злой демонъ на берегахъ Шпре, очевидно, запутываетъ австрійскую политику въ свои тенета, толкаетъ, повидимому, Австрію на востокъ, чтобъ справиться тамъ съ Россіей; мы даже раздѣляемъ убѣжденіе, что изъ этихъ именно замысловъ и стремленій возникла система дѣйствій правительства министра Таафе, но развѣ когда-либо мы одобряли такую политику?.... Политика Австріи покрыта до сихъ поръ непроницаемымъ мракомъ для австрійскихъ народовъ, — и хотя въ чешской публицистикѣ не разъ высказывалось опасеніе, не направлена ли она противъ Славянъ, однако же мы сочли нужнымъ воспользоваться обстоятельствами и самымъ «кокетничаньемъ» правительства съ нами для того, чтобы намъ, Чехамъ, усилить себя...

«Если—заключаетъ газета свою статью — вообще наше отношеніе къ правительству гр. Таафе можно выразить терминомъ, что «мы идемъ съ нимъ», то *да будетъ извѣстно ему и друзьямъ нашимъ въ Славянскомъ мірѣ, что мы не*

пойдемъ съ нимъ съ того момента, когда бы путь его направился противъ самостоятельности славянскихъ братьевъ нашихъ на Балканѣ, противъ развитія и освобожденія Славянскаго племени!...».

Съ радостью слышимъ этотъ мужественный, честный голосъ и заносимъ его въ свою лѣтопись. А вотъ кстати и другое гласное заявленіе австрійскихъ Славянъ, Хорватовъ. Въ газетѣ «Слобода» (свобода), издающейся въ Сушакѣ, въ статьѣ, озаглавленной «Австрія и Россія» и вызванной толками другихъ газетъ объ австрійскихъ вооруженіяхъ и о возможности будто бы близкой войны Австріи и Германіи съ Россіей, — Хорваты такъ разсуждаютъ, между прочимъ: «Мы, Хорваты, не видимъ надобности воевать съ Россіей. Она не только не представляетъ для насъ никакой опасности, напротивъ, ея интересъ совершенно сходится съ интересами Хорватскаго народа. Мы стремимся къ освобожденію... Россія же дала свободу Болгарамъ. Ей обязаны Черногорія, Сербія и Румынія вмѣстѣ съ Греціей — своей независимостью. Намъ нечего ожидать *иного* дара... Панславизмъ былъ пугаломъ въ рукахъ нашихъ враговъ, но онъ уже не страшенъ теперь никому... Неужели Хорваты будутъ по прежнему являться слѣпымъ орудіемъ Австріи? Неужели и теперь мы пойдемъ за Австріей на востокъ, какъ шли на западъ?!..»

Русскіе читатели мало знакомы съ западною славянскою печатью, и вообще съ австрійскими славянскими племенами. Пусть же знаютъ они, что и тамъ бьется братское намъ сердце: пусть вѣрятъ, что «чувство славянской взаимности» не какое-либо пустословіе, какъ хотятъ увѣрить нѣкоторые наши пустомысленные «Европейцы»-публицисты. Это чувство скажется, скажется въ тотъ грозный мигъ (если только ему суждено настать) несомнѣнно, когда столкнется міръ Германскій съ міромъ Славянскимъ въ лицѣ Россіи.

Но до этого столкновенія далеко, да и къ чему оно, это опасное столкновеніе, когда австро-германская политика надѣется достигнуть той же своей конечной цѣли путемъ миролюбія, опутавъ своего исполина-противника цвѣточными узами дружбы?! «Times» ошибается полагая — восклицаетъ «Pester Lloyd», органъ венгерскаго президента министра,—

будто между Австріей и Россіей состоялось формальное соглашеніе, по которому Австріи развязаны руки на Балканскомъ полуостровѣ. Но несомнѣнно то — увѣряетъ съ торжественнымъ паѳосомъ газета, — что *въ Петербургѣ сознали*, что нельзя насильственно противодѣйствовать естественному ходу вещей и *что необходимо предоставить Австро-Венгріи то вліяніе на Востокъ*, которое обусловливается ея географическимъ положеніемъ. *Тѣмъ сильнѣе мирное настроеніе Россіи и тѣмъ слабѣе, вслѣдствіе того, надежди мелкихъ балканскихъ государствъ, тѣмъ безпрепятственнѣе будетъ развиваться тамъ вліяніе австрійское!*»...

Вотъ настоящій смыслъ миротворческихъ рѣчей, обращаемыхъ къ Россіи изъ устъ честнаго маклера и австрійскаго его помощника. Намъ нечего возразить на слова пештской газеты, потому что мы, Русскіе, съ одной стороны, не посвящены въ секреты русской политики, съ другой — не имѣемъ повода питать особенное довѣріе къ искусству нашихъ дипломатовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что австрійское вліяніе усиливается въ Сербіи, а отчасти и въ Болгаріи; австрійскій кабинетъ празднуетъ какъ побѣду паденіе Ристича въ Сербскомъ княжествѣ и отставку болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ Цанкова. Послѣдняя состоялась по требованію самого князя Александра, такъ какъ обнаружилось, что Цанковъ, независимо отъ оффиціальной инструкціи болгарскому делегату въ коммиссіи о регулированіи судоходства на Дунаѣ, далъ еще отъ себя особое наставленіе — для Австріи сильно неблагопріятное и нѣсколько противорѣчившее инструкціи, но уже нисколько не противорѣчившее интересамъ Болгаріи! Несомнѣнно также, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Гаймерле, взялъ въ обычай посылать и Сербіи и Болгаріи дипломатическія ноты такого оскорбительнаго, высокомѣрнаго, скажемъ прямо — нахальнаго свойства, что самъ «Pester Lloyd» вынужденъ былъ сознаться, что «въ рецептахъ Гаймерле прописываются ужъ очень *большія дозы*, но — прибавляетъ онъ — если лѣкарства оказываютъ дѣйствіе, такъ нельзя дѣлать врачу упрека»!

Мы впрочемъ должны замѣтить, что не придаемъ еще этимъ австрійскимъ побѣдамъ особенной важности, хотя лучше было бы не доставлять Австріи и этого торжества. Мы

объясняемъ,—вѣрнѣе сказать, мы желаемъ объяснить себѣ образъ дѣйствій русскаго кабинета его полною увѣренностью, что дальнѣйшаго, болѣе опаснаго для славянской свободы торжества австрійской политики онъ не допуститъ и успѣетъ предупредить его вовремя; въ настоящую же пору подобаетъ, по его мнѣнію, отстранять все, что̀ могло бы нарушить миръ и доброе согласіе... Но не обольщаются ли и сами наши дипломаты, не запутываются ли они и сами въ лабиринтѣ своего миролюбія—во что̀ бы ни стало? Еще вопросъ, нарушилъ ли бы доброе согласіе и сохраненіе мира такой дипломатическій образъ дѣйствій Россіи, который былъ бы болѣе согласенъ и съ ея достоинствомъ, и съ интересами слабосильныхъ славянскихъ государствъ! Почему же именно *мы* должны приносить жертвы на алтарь мира и своимъ миролюбіемъ доставлять выгоды мирновоинствующей, мирнозахватывающей австрійской и германской политикѣ? Можно не обинуясь утверждать, что къ настоящей, не дипломатической, а кровавой войнѣ ни Германія, ни Австрія не готовы. Что касается собственно Австріи, то въ ея готовности къ *рѣшительному* способу дѣйствій противъ Россіи или на Балканскомъ полуостровѣ даетъ уже поводъ усомниться самое настроеніе австрійскихъ Славянскихъ народовъ, о которомъ отчасти свидѣтельствуютъ приведенныя нами выписки изъ славянскихъ газетъ.

Однимъ словомъ, мы могли бы сохранить европейскій миръ безъ всякихъ новыхъ нравственныхъ затратъ для себя, для своего политическаго значенія. Съ орудіемъ или, выражаясь дипломатическимъ жаргономъ, съ *инструментомъ* мира надо обращаться съ неменьшею осторожностью, чѣмъ и съ военнымъ оружіемъ!

Впрочемъ, сближеніе Россіи съ Австріей и Германіей, хотя и признается несомнѣннымъ фактомъ, нѣсколько иначе однакоже освѣщается въ нѣкоторыхъ газетахъ. Органъ Бисмарка, «Norddeutsche Allg. *Z.*» перепечатала статью вѣнской «FremdenBlatt», которая гласитъ, что «такъ какъ Россія отказалась отъ *нападокъ* на Берлинскій конгрессъ» (это просто значитъ—отъ союза съ Англіей, въ лицѣ Гладстона), «то отношенія между тремя императорскими дворами стали дружественнѣе. О возстановленіи тройственнаго союза не мо-

жетъ быть и рѣчи. Австрія и Германія просто желаютъ мира, и если Россія рѣшится, безъ всякой задней мысли, поддержать усилія Европы для улаженія греческаго вопроса, то миръ обезпеченъ». Другими словами, какъ мы уже говорили въ послѣдній разъ, требуется просто изолировать Англію или вѣрнѣе развести Россію съ Англіей, и лишить насъ союза съ державой, которая, подъ руководствомъ Гладстона, явилась главною противницей австрійской восточной политики!.. По смыслу этихъ газетныхъ рѣчей выходитъ, что Россію увѣрили, будто главнымъ противникомъ европейскаго мира — Гладстонъ, что, пожертвовавъ союзомъ съ нимъ, можно предотвратить войну Греціи съ Турціей, и Россія — повѣрила.

Гладстонъ пригвождается теперь нѣмецкими газетами къ позорному столбу, какъ врагъ европейскаго мира и какъ нарушитель Берлинскаго трактата. «Затруднительное положеніе кабинета Гладстона облегчаетъ улаженіе греко-турецкой распри», злорадостно возвѣщаетъ оффиціозная «Politische Correspondenz»... Большую услугу сохраненію мира оказала безъ сомнѣнія Франція, но рѣшающимъ обстоятельствомъ все-таки является положеніе Гладстона, связывающее ему руки».

Развяжутся ли руки у Гладстона—этого и до сихъ поръ предсказать нельзя. Засѣданія парламента только въ началѣ, но потому-то такъ и спѣшитъ и суетится европейская континентальная дипломатія. Всѣ налегли на Грецію, и Франція добилась-таки чести: ее пустили впередъ, и она похвальнымъ своимъ поведеніемъ снискала благосклонность Европы и—скажемъ прямо—позоръ для французской дипломатіи. Она не довольствовалась предложеніемъ третейскаго суда. Бартелеми Сентъ-Илеръ вдругъ разослалъ циркуляръ самаго страннаго содержанія. Вникнувъ въ смыслъ постановленій берлинской конференціи, онъ открылъ внезапно, что представители державъ, по приглашенію Англіи и Франціи—собирались въ Берлинѣ *только для бесѣды*, для преподанія Греціи и Турціи лишь дружескихъ совѣтовъ, не болѣе; что имъ даже и въ мысль не входило считать эти совѣты для кого-либо обязательными и что никакого своего права на этой дружеской бесѣдѣ Греція основывать не можетъ! Всѣ державы, объявляютъ газеты, обрадовались такому, вѣроятно

неожиданному для нихъ самихъ, толкованію, поспѣшили принять изъясненіе Франціи и осыпали ее комплиментами! Но если было за что хвалить и благодарить, то этимъ самымъ свидѣтельствуется, что такое толкованіе прежде никому, кромѣ Франціи, и въ голову не входило; что мудрые дипломаты всѣхъ державъ, до комментарія Сентъ-Илера, сами сомнѣвались въ значеніи своей собственной дружеской бесѣды. И въ самомъ дѣлѣ, нужно же было такъ долго спорить, изучать, опредѣлять, чертить греческую границу, посылать провѣрять ее на мѣстѣ и потомъ сгоряча еще объявить Портѣ, что ни на какую другую границу Европа согласиться не можетъ!! Французское усердіе превозмогло всѣ сомнѣнія. Можетъ-быть, по теоріи оппортунизма, такая манифестація въ пользу мира была нужна Гамбеттѣ для успѣха муниципальныхъ выборовъ, которые и окончились теперь вполнѣ для него благополучно. Ну, а со временемъ можно будетъ всю неблаговидность такого дипломатическаго поступка свалить на отвѣтственность наивнаго Сентъ-Илера... Какъ бы то ни было, но «французскій циркуляръ — восклицаетъ одна австрійская оффиціозная газета — сорвалъ рѣшенія берлинской конференціи съ того пьедестала, на который они были поставлены *частью изъ эгоизма, частью по заблужденію*». Вотъ какъ отзывается Европа о своемъ собственномъ недавнемъ единственномъ рѣшеніи, стало-быть о своей собственной «мудрости»...

Бѣдная Греція! Всѣми оставленная, она если еще и не уступаетъ, то какъ будто начинаетъ смущаться, хотя «Journal d'Athènes» и заключаетъ свой исполненный негодованія отвѣтъ на позорный, по ея мнѣнію, документъ французской дипломатіи словами: «мы не откажемся ни отъ одного изъ своихъ притязаній, и предпочтемъ честную смерть постыдному отступленію»! Какъ бы то ни было, но державы, бросивъ мысль о третейскомъ судѣ, вступили съ Портою въ новые переговоры о новой границѣ!!

9.

„Русь“, 17-го января 1881 г.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ открытъ англійскій парламентъ, но ни положеніе кабинета, ни судьба приготовленныхъ имъ законопроектовъ еще нисколько не выяснились. Англичане спѣшатъ медленно, но Ирландцы согласились между собою принудить парламентъ не просто къ медленному, а къ черепашьему ходу. Въ палатѣ общинъ только недавно кончены пренія по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Обыкновенно эта формальность совершается въ одинъ день. Но на сей разъ Ирландцы пустили въ ходъ систему затормаживанья (obstruction). Она состоитъ въ предложеніи безпрестанныхъ поправокъ и произнесеніи безконечнаго числа длинныхъ рѣчей. Только-что, напримѣръ, раздѣлаются съ одною поправкой, встаетъ другой депутатъ-Ирландецъ и предлагаетъ прибавить къ адресу еще новое слово, сопровождая свое предложеніе пространною рѣчью, потомъ третій, четвертый, и т. д. Всѣ обязаны слушать, и всякое возраженіе подаетъ непремѣнно поводъ къ продолжительнымъ преніямъ Но по нѣкоторымъ поправкамъ избѣгнуть возраженій и невозможно, а потому волей-неволей приходится принимать бой, да затѣмъ еще всякое предложеніе вотировать. При министерствѣ Биконсфильда удалось однажды Ирландцамъ растянуть одно засѣданіе парламента на 22 часа! Вся эта тактика продѣлывается Ирландцами съ цѣлью затянуть возвѣщенное уже Гладстономъ внесеніе билля о репрессивныхъ мѣрахъ въ ихъ родинѣ, и дать время ирландскимъ безпорядкамъ принять угрожающіе размѣры и усилить недовольство правительствомъ. Послѣ одной предложенной поправки, старикъ Гладстонъ не выдержалъ и громко протестовалъ противъ такого умышленнаго злоупотребленія свободою парламентскихъ преній! Въ Англіи, дѣйствительно, не существуетъ закона, принятаго во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ: пускать на голоса предложеніе о прекращеніи или окончаніи преній (la clôture). «Daily News» съ самоотверженностью истиннаго либерала говоритъ

даже, что «obstruction» — единственное орудіе въ рукахъ меньшинства противъ деспотизма большинства. Тѣмъ не менѣе даже англійское терпѣніе лопнуло; всѣ либеральныя и консервативныя газеты одинаково возмущены такимъ легальнымъ поведеніемъ Ирландцевъ, и уже поговариваютъ, что въ министерствѣ изготовляется cloture-bill, т. е. законопроектъ о прекращеніи преній по опредѣленію большинства палаты.—При этихъ дебатахъ главный агитаторъ Ирландіи, онъ же и членъ парламента, онъ же и подсудимый за противозаконную агитацію, Парнеллъ, отвѣчая на вышеупомянутое замѣчаніе Гладстона, прямо, безъ обиняковъ объявилъ, что *Ирландія добивается разрыва съ Англіей и полной національной автономіи*, и что если будутъ введены такъ-называемыя репрессивныя мѣры, то первый арестъ будетъ сигналомъ ко всеобщему прекращенію арендныхъ платежей. Эффектъ, произведенный этими словами, былъ громадный, возбужденіе было такъ сильно, что засѣданіе было немедленно закрыто. Однакожъ въ этой здоровой англійской атмосферѣ люди не легко предаются страху или отчаянію. Заявленіе Парнелла не помѣшало прежнему главѣ гомрулеровъ Шоу (Schaw) съ 15 ирландскими депутатами отдѣлиться отъ Парнелла и образовать отдѣльную группу «ирландскихъ виговъ», менѣе радикальную. По послѣднимъ извѣстіямъ, Парнеллъ освобожденъ отъ суда, такъ какъ присяжные не могли придти ни къ какому соглашенію между собою, и вердикта не состоялось.

Всѣ эти пренія, однакожъ, оказали свое дѣйствіе на министерство. Оно убѣдилось въ томъ, что первоначально заготовленный аграрный законопроектъ слишкомъ слабо и скупо удовлетворяетъ дѣйствительной нуждѣ края, что необходимо усилить его болѣе широкими льготами въ пользу арендаторовъ; что наконецъ, только законъ, существенно облегчающій экономическое положеніе массы населенія, можетъ оправдать и уравновѣсить одновременное введеніе крайне строгихъ репрессивныхъ мѣръ.

Естественно, что интересы внѣшней политики отошли теперь въ Англіи на второй планъ. Кажется, само министерство въ настоящую минуту не противъ отсрочки рѣшенія греческаго вопроса, да и не досугъ ему играть въ дипло-

матическую шахматную игру съ княземъ Бисмаркомъ, который повидимому рѣшился забрать этотъ вопросъ въ свои руки. Разумѣется, никто другой, а онъ посовѣтовалъ Портѣ сдѣлать, по выраженію «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», новый шахматный ходъ на встрѣчу Европѣ, именно: не упоминая даже о третейскомъ судѣ, Порта обратилась къ державамъ съ просьбой: уполномочить своихъ пословъ въ Константинополѣ новыми нужными инструкціями для новаго обсужденія вопроса о регулированіи греческой границы! Регулировали эту границу на Берлинскомъ конгрессѣ, регулировали на Берлинской конференціи, — почему-жъ не порегулировать ее и снова, какъ скоро это времяпрепровожденіе ни къ чему никого не обязываетъ, а между тѣмъ и Бисмарку на руку? На греческое правительство всѣми державами производится теперь снова соотвѣтствующее «давленіе», какъ говорятъ на дипломатическомъ языкѣ. Бѣдная Грецiя! вотъ уже пять лѣтъ ее давятъ, — дадутъ вздохнуть надеждой, опять подавятъ, снова обнадежатъ и снова жмутъ! Греки, впрочемъ, не перестаютъ пылать воинственнымъ жаромъ; но трудно рѣшить издали, такой ли это пылъ, который неминуемо вспыхнетъ неудержимымъ пожаромъ, или же можетъ тлѣть долго, не потухая, но и не вспыхивая? Не знаемъ, въ какой степени вѣренъ разговоръ Кумундуроса съ корреспондентомъ «Кёльнской Газеты», — весьма возможно, что корреспондентъ его просто «измыслилъ», — но онъ не лишенъ занимательности, и именно для насъ, Русскихъ. Кумундуросъ жаловался будто бы корреспонденту на образъ дѣйствій Австріи и Германіи. «Вѣдь у этихъ державъ, сказалъ онъ, важные интересы на Востокѣ, вѣдь самою дружественною и полезною для Нѣмцевъ націей является Грецiя; вѣдь пора уже, въ виду близкаго паденія Турціи, принимать мѣры *къ сооруженію оплота противъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ*»!... Можетъ-быть и дѣйствительно греческій дипломатъ думалъ соблазнить Австрію и Германію тѣми услугами, которыя Греки могутъ оказать нѣмецкимъ замысламъ противъ балканскихъ Славянъ! Наивные Греки въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что они нужны Австріи и Германіи, и что Нѣмцы безъ ихъ помощи не сумѣютъ добыть себѣ выгодъ!... Пусть Греки прочтутъ хоть бы разсуж-

денія прусской «National-Zeitung» о пользѣ колоній. «Тѣ колоніи лишь хороши, говоритъ она, которыя лежатъ недалеко отъ государства; еще лучше тѣ, которыя прилегаютъ къ нему. Такое значеніе имѣютъ для Россіи Средне-Азіятскія ея владѣнія. Для Германіи же лучшая колоніальная политика состоитъ въ томъ, чтобъ идти рука объ руку съ Австріей. *Лучшее поприще для нѣмецкаго трудолюбія представляетъ Балканскій полуостровъ*»... То же подтверждается, хотя и съ другой точки зрѣнія, извѣстною «Augsb. Allgem. Zeitung», въ статьѣ озаглавленной: «Wohin wir treiben—куда мы влечемся?» Ну, разумѣется куда: все на тотъ же Балканскій полуостровъ! При этомъ газета перечисляетъ дипломатическіе успѣхи Австріи въ Сербіи, гдѣ свергнутъ Австрійцами Ристичъ, и въ Болгаріи, гдѣ они требуютъ отъ правительства скорѣйшей постройки желѣзной дороги, нужной пока вовсе не для Болгаріи, а для Австріи...

Кстати: «Standard» сообщаетъ, будто кн. Бисмаркъ предполагаетъ скупить въ Турціи, и преимущественно въ Македоніи, всѣ вакуфы, т. е. земли принадлежащія мечетямъ, а также купить или арендовать рудники на Олимпѣ. Носится слухъ, будто съ этою цѣлью, при помощи канцлера, образуется компанія съ капиталомъ въ 90 милліоновъ марокъ... Затѣя грандіозная, но возможная...

Однимъ словомъ, Нѣмцы распоряжаются, хотя бы теперь еще въ области помысловъ, Балканскимъ полуостровомъ заранѣе, съ такою же развязностью, какъ законные наслѣдники будущимъ наслѣдіемъ. О Россіи мало и помину. Но мы однако не можемъ не напомнить имъ снова французской поговорки: qu'ils comptent sans leur hôte,—что про хозяина-то они и забыли...

Франція... Она сама хохочетъ надъ своимъ академикомъ, попавшимъ въ министры иностранныхъ дѣлъ и неожиданно для всѣхъ выпустившимъ тотъ циркуляръ по греческимъ дѣламъ, о которомъ мы говорили въ 9 №. *) Хохочетъ и досадуетъ. Среди оживленной, саркастической и сердитой болтовни газетъ, только органъ Гамбетты хранилъ зловѣщее молчаніе, не проронилъ ни одного слова,—изъ чего, разумѣется, всѣ вывели заключеніе, что положеніе С. Илера не

*) См. предыдущую статью.

прочно. Кстати о Гамбеттѣ. Выборы муниципальныхъ совѣтниковъ во Франціи (а ихъ всѣхъ 480 тыс. человѣкъ) было пораженіемъ для партіи непримиримыхъ или коммунаровъ, и побѣдою для Гамбеты; даже въ Парижѣ большинство избранныхъ принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ или своего рода консерваторовъ. Прогрессивный ходъ вещей во Франціи привелъ къ тому, что республиканская легальная форма является дѣйствительно консервативнымъ началомъ по отношенію, напримѣръ, къ коммунѣ или къ принципу хронической революціи. Однимъ словомъ, значеніе Гамбетты усилилось, и Франція уже привыкла видѣть въ немъ своего будущаго главу. Сила его, какъ мы уже не разъ объясняли, именно въ оппортунизмѣ, т. е. въ теоріи оправдывающей и предписывающей практическія дѣйствія, соотвѣтствующія потребности данной минуты: теорія растяжимая до безконечности, до диктатуры. Но именно потому, что эта теорія не мудрствуетъ лукаво и стоитъ на практической почвѣ, она и должна была взять верхъ надъ всѣми политическими мечтаніями и отвлеченными доктринами. Гамбетта, какъ умный по истинѣ человѣкъ, хорошо понялъ, что Франція—историческій политическій организмъ, который имѣетъ свои законные инстинкты и требованія, неразлучные съ бытіемъ крупнаго государства. А эти инстинкты и требованія состоятъ, между прочимъ, въ необходимости возстановить значеніе Франціи въ семьѣ народовъ и отмстить Германіи за временное униженіе. Но для этого нужно прежде всего Гамбеттѣ стать президентомъ, а выборы президента произойдутъ только осенью. Въ результатѣ выборовъ едвали можно сомнѣваться въ виду той административной централизаціи, которая такъ прочно установлена во Франціи Наполеономъ I и которая пережила всѣ бывшія послѣ него перемѣны правительственныхъ формъ. Мы помѣщаемъ ниже корреспонденцію изъ Парижа, которую и рекомендуемъ нашимъ читателямъ. Она отвѣчаетъ на вопросы, предложенные нами нашему корреспонденту: «что такое во Франціи простой народъ? Есть ли во Франціи «Франція» или только Парижъ?» Къ сожалѣнію мы, по недостатку мѣста, должны были раздѣлить эту корреспонденцію на два №№; впрочемъ, вторая половина рисуетъ преимущественно отношенія французскаго населенія къ религіи

и къ деспотизму теоріи, выразившемуся въ декретахъ о народномъ воспитаніи президента-министра Жюля Ферри.

10.

«Русь». 24-го января 1881 г.

На политическомъ горизонтѣ: декорація безъ перемѣны, то же и тѣ же; въ теченіи послѣднихъ семи дней ничего особеннаго не произошло. Впрочемъ мы, Русскіе, какъ-то уже привыкли считать себя только зрителями, а Западную Европу со всѣми прочими частями свѣта въ придачу—ареною, сценою мировой политики, забывая, что мы и сами актеры и «въ нѣкоторомъ родѣ» за свои интересы свою и чужую кровь проливаемъ. Безспорно, одно изъ самыхъ сильныхъ ощущеній, испытанныхъ въ послѣднее время Европой, было доставлено никѣмъ инымъ какъ нами. Мы разумѣемъ извѣстіе о блистательной побѣдѣ нашего Скобелева надъ Ахалъ-Текинцами и о взятіи Геокъ-Денгилъ Тепе. Нѣмцы уже злорадостно пророчили намъ въ своихъ газетахъ новую Плевну. Но Англичане по природѣ своей вовсе не падки на оптимизмъ: они не склонны умалять значеніе нашей военной силы и убаюкивать себя иллюзіями на счетъ нашей хилости и слабости. Они, напротивъ, расположены даже преувеличивать наше могущество и наше искусство, какъ военное, такъ и дипломатическое, и считать насъ въ сферѣ политики коварнѣе и чернѣе даже самихъ себя. Еще до паденія Геокъ-Тепе, англійскій посолъ лордъ Дёфферинъ поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ и повелъ, какъ сообщали газеты, дѣятельные переговоры съ русскимъ кабинетомъ о дальнѣйшихъ планахъ русской политики въ Средней Азіи... Любопытно бы знать, приходило ли когда въ голову русскому кабинету предлагать съ своей стороны англійскому Foreign Office вопросы подобнаго же рода, напр. по случаю занятія Англичанами Афганистана, условій мира навязанныхъ эмиру, и т. д., и т. д.? Да мало ли о чемъ можно было бы спросить? По нѣкоторымъ даннымъ оказывается, что текинскія укрѣпленія приведены въ усовершенствованное оборонитель-

ное состояніе Англичаниномъ Бутлеромъ, что Текинцы вооружены отличными англійскими ружьями; что самое возстаніе Курдовъ въ Персіи произведено Англичанами же, съ цѣлью отвлечь вниманіе Персіи отъ Герата....

Вѣроятно и теперь усилія лорда Дёфферина направлены къ тому, чтобы мы не завоевывали Мерва и сами назначили себѣ предѣлъ, «его же не прейдеши». Подождемъ, пока нескромныя иностранныя газеты не разоблачатъ намъ секрета переговоровъ, происходящихъ и у насъ же дома въ Петербургѣ... Казалось бы невозможнымъ, и въ настоящую минуту даже вовсе ненужнымъ, уступать какимъ-либо требованіямъ Англіи и давать ей какія-либо на себя обязательства, но миролюбіе все преодолѣваетъ! все—и прямые разсчеты выгодъ, и соображенія дальновидной политики!... Впрочемъ, мы высказываемъ только опасенія, но хочется вѣрить, что они окажутся напрасными. Носится слухъ, что Скобелевъ двинулся изъ Геокъ-Тепе по дорогѣ на Мервъ. Правда, до Мерва еще далеко; Геокъ-Тепе стоитъ въ самомъ центрѣ оазиса, и потому необходимо прежде всего дойти до его окраины. А на этомъ полутораста-верстномъ пути, еще до окраины только, встрѣчаются опорные для Ахалъ-Текинцевъ пункты въ родѣ Асхабата и Гяура,—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ еще болѣе «укрѣпленныя убѣжища», чѣмъ Геокъ-Тепе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднимъ славнымъ дѣломъ, т.-е. взятіемъ Геокъ-Тепе, цѣль экспедиціи еще вовсе не достигнута; цѣль же эта не можетъ быть иная, какъ обезпеченіе спокойствія и мира въ нашихъ Среднеазіятскихъ владѣніяхъ, какъ очищеніе края отъ налета этихъ «степныхъ орловъ» или, выражаясь менѣе поэтически — отъ набѣговъ этого хищнаго племени, живущаго по преимуществу разбоемъ и грабежомъ. Ни усмиренія края, ни безопасности для нашихъ владѣній мы не обрѣтемъ никогда, если не поразимъ хищниковъ въ самомъ ихъ главномъ, основномъ гнѣздѣ—Мервѣ. Мервъ-Текинцы — какъ бы старшіе братья и повелители Ахалъ-Текинцевъ, къ тому же богаче и многочисленнѣе ихъ.

Поэтому, разумѣется, намъ нѣтъ никакой надобности соображаться съ нервною чувствительностью Англичанъ. Если мы не хотимъ видѣть постояннаго возобновленія смутъ; если желаемъ, чтобъ не понапрасну были потрачены всѣ эти наши

напряженія, труды, кровавыя и денежныя жертвы, — то мы должны идти на Мервъ, это ясно. Другой вопросъ—достаточны ли силы и средства нашего отряда для такого дальнаго, тяжелаго похода. Дѣло бы значительно облегчилось, еслибъ одновременно двинулся на Мервъ отрядъ войскъ и изъ Туркестана... Впрочемъ, стратегическіе планы экспедиціи держатся въ строгомъ секретѣ, чему мы съ своей стороны можемъ только порадоваться. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ обнаружилъ столько осторожности, предусмотрительности, методичности въ своихъ операціяхъ на театрѣ среднеазіятской войны, что мы можемъ вполнѣ на него положиться: онъ не предприметъ ни шагу впередъ безъ достаточныхъ ручательствъ въ успѣхѣ.

Впрочемъ, Англичане напрасно безпокоятся по случаю Мерва. Это англійскій предразсудокъ. Имъ все мерещится, что Мервъ—это ключъ къ Герату. Но полковникъ Гродековъ, въ своей брошюрѣ: «Чрезъ Афганистанъ», доказываетъ, по словамъ «Моск. Вѣдомостей», что отъ Мерва на Гератъ путь для войска непроходимый.

Какъ бы то ни было, но едвали не эта наша экспедиція противъ Текинцевъ, предпринятая подъ начальствомъ знаменитаго русскаго генерала съ очевиднымъ залогомъ успѣха, была причиною отмѣны въ англійскомъ министерствѣ первоначальнаго предположенія: вывести теперь же англійскія войска изъ Кандагара. Любопытныя пренія о Кандагарѣ читатели найдутъ ниже, въ статьѣ нашего сотрудника О. К. По послѣднимъ извѣстіямъ, англійскія войска остаются.

Прискорбное положеніе досталось въ удѣлъ старику Гладстону, въ качествѣ преемника лорда Биконсфильда! Ему приходится эквилибрировать въ политикѣ на томъ самомъ канатѣ, непригодность и опасность котораго онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ, эквилибрировать между политическими обязательствами, полученными его министерствомъ отъ министерства предшествовавшаго, и своими собственными убѣжденіями какъ либерала. Удерживать за Англіей обладаніе Трансвааломъ въ Африкѣ, присвоеніе котораго онъ, состоя въ оппозиціи, признавалъ ненужнымъ и беззаконнымъ дѣломъ; стоять на почвѣ Берлинскаго трактата, чувствовать свои руки связанными тѣмъ договоромъ, который онъ счи-

талъ и продолжаетъ считать ошибкой; предлагать парламенту введеніе въ Ирландіи такихъ репрессивныхъ мѣръ, которыя претятъ его совѣсти, мыслямъ, убѣжденіямъ всей его жизни, и въ довершеніе всего, при голосованіи, имѣть на своей сторонѣ консерваторовъ, а противъ себя своихъ же, т. е. крайнихъ либераловъ или радикаловъ: незавидная участь! Впрочемъ, на Берлинскій трактатъ и на Берлинскую конференцію упираться выходитъ теперь даже «либерально» по отношенію къ Грекамъ. Мы уже указывали на то, что по почину Бисмарка континентальныя державы рѣшились вступить съ Портою въ *новые* переговоры о греческой границѣ, т. е. согласиться на видоизмѣненіе границы установленной на Берлинскомъ конгрессѣ! Правда, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Дилькъ заявилъ недавно въ нижней палатѣ, что «державы стоятъ на программѣ изложенной въ нотѣ турецкому правительству отъ 25 августа прошлаго года, въ которой сказано, что державы не могутъ допустить обсужденія границы, установленной на Берлинской конференціи». Но это заявленіе, снова оживившее надежды Грековъ, противорѣчитъ позднѣйшимъ фактамъ континентальной политики, къ которой безъ сомнѣнія долженъ будетъ присоединиться и англійскій кабинетъ. Да и трудно не присоединиться! Вотъ какъ категорически выражается по этому предмету «Times» (21 янв. н. ст.): «Если Греція будетъ упорствовать, придется предоставить ее своей участи. Греки могутъ думать, что Гладстонъ за нихъ. Конечно, онъ желаетъ имъ добра, но предполагать, что онъ хоть одну секунду думаетъ о томъ, чтобъ оказать имъ дѣйствительную помощь, было бы такой смѣлой гипотезой, которой, кромѣ Грековъ, никто не вымыслитъ. *Никакое министерство не рискнуло бы подписать себѣ такимъ образомъ смертный приговоръ*»... Греки кричатъ, что предполагаемая конференція въ Константинополѣ (конечно безъ ихъ участія) опаснѣе для нихъ отвергнутаго ими третейскаго суда... Но ихъ воплей никто не слышитъ...

Франція такъ-таки и отреклась, по крайней мѣрѣ на сей часъ (принимая въ соображеніе, по теоріи Гамбетты, l'heure opportune!), отъ греческой политики неудачнаго участника Берлинскаго конгресса Ваддингтона. Кстати о Франціи. Всѣ газеты полны были толковъ о «тронной рѣчи» снова избран-

наго предсѣдателемъ палаты депутатовъ, Гамбетты. Дѣйствительно—настоящая тронная рѣчь: ничего и обо всемъ, и все обстоитъ благополучно, и въ то же время загадочность свойственная оракулу... Всѣ вообще признаютъ, что она имѣетъ характеръ миролюбивый, а газета Рошфора смѣется, что Гамбетта находитъ пріятнымъ занятіемъ говорить рѣчи (воинственныя, какъ въ Шербургѣ) и потомъ ихъ опровергать. Однакожъ «Neue Freie Psesse» напоминаетъ, что Гамбетта ввернулъ-таки фразу: «палата не разойдется-де не доведя до конца дѣла національной обороны», и что эта фраза была покрыта рукоплесканіями. При этомъ австрійская газета замѣчаетъ, что военный бюджетъ Франціи — самый большой въ Европѣ, что онъ вдвое больше австрійскаго, хотя жителей во Франціи на 2 милліона меньше, чѣмъ въ Австріи.

Остальное о Франціи пусть доскажетъ помѣщаемая ниже корреспонденція изъ Парижа, гдѣ читатели прочтутъ, какъ республиканское «начальство» вычеркиваетъ слово «Богъ» изъ учебниковъ въ народныхъ школахъ, и другія странныя вещи...

II.

«Русь», 7-го февраля 1881 г.

Гуломъ гудитъ слава русской побѣды надъ Ахалъ-Текинцами, гудитъ и до сихъ поръ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, гдѣ она отдалась даже за стѣною «недвижнаго Китая». Въ Китаѣ она расположила всѣхъ къ миролюбію, въ Европѣ снова пробудила и зависть, и досаду, отчасти и страхъ. Въ послѣднее время наши западные сосѣди почему-то убаюкались мыслью, что Россія вступила на путь паденія, что въ ней нѣтъ ни прежней цѣльности, ни силы, что она наканунѣ финансоваго и политическаго банкротства. Всему этому было такъ пріятно вѣрить на западѣ, и западъ повѣрилъ. Да и какъ не повѣрить! «Россія вся объята нигилизмомъ», «революція въ полномъ ходу» и т. д.: вѣдь объ этомъ писали корреспонденты иностранныхъ газетъ изъ Петербурга, а иностранные корреспонденты приняты à bras

ouverts во всѣхъ петербургскихъ салонахъ, гдѣ собственными ушами, даже отъ высокопоставленныхъ лицъ, слышали толки въ родѣ того, que la Russie est une grande impuissance. Но Россія такая огромная вещь, которую, — именно подойдя къ ней слишкомъ близко, — никакъ и не охватишь взоромъ, и не поймешь толкомъ, а увидишь только то мѣсто, которое предъ глазами, и если это мѣсто Петербургъ, то по немъ и составляется заключеніе. Какое—не нужно и прибавлять. Эта ошибка случается сплошь и рядомъ не только съ иностранцами, но и съ Русскими.

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить,

сказалъ нашъ поэтъ, Тютчевъ. На что, казалось, былъ наблюдателенъ Англичанинъ Уоллесъ Мэкензе: изучилъ крестьянскую общину, овладѣлъ русскимъ языкомъ замѣчательно, прожилъ въ Россіи пять лѣтъ, наконецъ издалъ толстую о ней книгу, гдѣ съ снисходительною успѣшкою толкуетъ о «славянофильствѣ» и русскихъ «мечтахъ», объ историческомъ призваніи Россіи, какъ главы Славянскаго міра, и пр. Конечно, онъ готовъ былъ бы биться, по англійски, объ закладъ, что все это не болѣе, какъ достопочтенный вздоръ. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его отъѣздѣ и къ посрамленію сего дальновиднаго наблюдателя—откуда ни возьмись, потекли русскіе люди въ Сербію, сами собой, добровольно, движимые лишь сердечнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ единовѣрцевъ-соплеменниковъ, началась Сербско-Русская война, потомъ война Русской державы съ Турціей, создано новое Славянское государство—Болгарія, Славянство мощно выдвинуто на историческую арену, —совершенъ великій всемірно-историческій подвигъ... Пока живъ Русскій народъ, никогда въ судьбѣ Россіи отчаиваться не должно (это замѣчаніе для насъ, Русскихъ); пока онъ живъ, мы всегда будемъ предподносить сюпризы Европѣ: такая ужъ наша странная земля, что въ ней сила—въ немощи... и мудрость—въ скудоуміи совершается!

Какъ ни обрадованы мы были побѣдою нашего доблест-

наго Скобелева (и великое ему спасибо за радость: она была нужна намъ,—такъ давно не испытывали мы радостныхъ ощущеній!), но все же не придавали этой побѣдѣ того значенія, которое видятъ въ ней Европейцы. Вотъ какъ, для образца, отзываются о ней иностранныя газеты: «Съ желѣзною настойчивостью, говоритъ «Pester Lloyd» — въ теченіи 180 лѣтъ идетъ Россія отъ Уральскаго хребта къ Гималаю и подчинила себѣ въ Азіи территорію въ 275.421 кв. миль». «Neue freie Presse» въ длинной статьѣ даетъ историческій очеркъ ахалъ-текинской экспедиціи, называетъ походъ Скобелева однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ военной исторіи, предупреждаетъ Англичанъ не полагаться на увѣренія русскаго министерства, что Россія не намѣрена завоевывать Мервъ, потому-де, что Русскіе всегда обманываютъ!!... и заключаетъ статью такою, знакомою старою пѣснью: «мы не сомнѣваемся, что экспедиція Скобелева есть одно изъ проявленій той *всемірной завоевательной политики*, которая влекла Александра Великаго въ Индію, а Наполеона въ Египетъ. Разница та, что въ тѣхъ случаяхъ экспедиціи были затѣями отдѣльныхъ лицъ, а *въ движеніи Русскихъ на востокъ проявляется инстинктъ Русскаго народа*.... Движеніе на Геокъ-Тепе стало возможнымъ и необходимымъ послѣ присоединенія Батума, первоклассной гавани на Черномъ. *нынѣ Русскомъ* морѣ» (вотъ приходится вспомнить пословицу: «вашими устами да медъ бы питъ!» И какую, по истинѣ незаслуженную сообразительность приписываютъ намъ: коли взятъ Батумъ на Черномъ морѣ, то необходимо взять и Ахалъ-Текинскій оазисъ за Каспіемъ!). Далѣе: «Бенконсфильдъ радовался, что отстоялъ Баязетъ (взятый было Русскими) — пунктъ на караванномъ пути изъ Трапезунта въ Индію: Англичане мечтаютъ объ Евфратской желѣзной дорогѣ, а у Русскихъ Батумъ сдѣлается скоро точкой отправленія великаго торговаго пути на Востокъ» (увы! не скоро: мы пока не сумѣли еще воспользоваться торговымъ значеніемъ Батума!). «Много трудностей, продолжаетъ газета, на пути московскихъ піонеровъ, но традиціонная русская политика поборетъ всѣ препятствія и рано или поздно достигнетъ Индіи»... Такъ дразнятъ Англичанъ Нѣмцы. По увѣренію «National-Zeitung», англійское общественное мнѣ-

ніе сильно встревожено блистательнымъ успѣхомъ Русскихъ въ Азіи. Этого, впрочемъ, нельзя сказать про настоящее англійское правительство: по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ своихъ заявленіяхъ оно не обнаруживаетъ тревоги. Такъ въ депешѣ Гартингтона къ Индійскому вице-королю, на которую обращаетъ особенное вниманіе нашъ французскій «Петербургскій Журналъ», сказано, что «нѣтъ никакого основанія опасаться за Индію; успѣхи Русскихъ въ Средней Азіи не могутъ угрожать ей. Всѣ истинные знатоки среднеазіятскихъ дѣлъ осуждаютъ завоевательную политику Англіи въ Азіи». За то ужъ и расхваливаетъ «Journal de St.-Pétersbourg» Гартингтона! онъ даже увѣряетъ, что «какъ политикъ, какъ государственный мужъ, Гартингтонъ выше Гладстона»! Неизвѣстно почему газетѣ, слывущей въ Европѣ за оффиціозный органъ русскаго министерства, вздумалось удружить Гартингтону такого рода неловкой похвалой, въ ущербъ англійскому премьеру, но «National-Zeitung» забавно подсмѣивается надъ этою восторженностью французско-русскаго журнала по отношенію къ Гартингтону...

Но Гладстону не до похвалы или осужденія русскаго министерства или его оффиціознаго органа. Если вѣрить „République Française», подъѣздъ къ его дому охраняется полиціей, взводъ полицейскихъ сопровождаетъ его въ парламентъ, страха ради *фенієвъ*. А въ парламентѣ не легче. Тамъ происходятъ исторіи небывалыя въ конституціонной жизни Англіи, — былъ произведенъ, по выраженію «Norddeutsche Allg. Zeitg.», настоящій парламентскій coup d'état. Эта страница изъ исторіи англійскаго парламента такъ любопытна, что заслуживаетъ нѣсколько подробнаго разсказа:

2 февраля н. с., въ $9^1/_2$ часовъ утра, послѣ *ночнаго засѣданія*, одинъ изъ Ирландцевъ просилъ слова, но спикеръ, т.-е. руководитель преній, — то, что въ другихъ странахъ предсѣдатель, — отказалъ наотрѣзъ и объявилъ, что не допуститъ далѣе продолженія преній. Это произвело сильный эффектъ и возбудило было запросы со стороны Ирландцевъ о правахъ спикера, но послѣдній былъ поддержанъ Гладстономъ и палатой, которая огромнымъ большинствомъ голосовъ разрѣшила допустить первое чтеніе билля о репрессивныхъ мѣрахъ для Ирландіи. Ирландцы тотчасъ же оставили залу.

Въ вечернемъ засѣданіи того же дня Гладстонъ объявилъ, что на другой день предложитъ мѣры противъ *затормаживанья* (obstruction), хотя сначала говорили, что это предложеніе будетъ отложено до слѣдующей сессіи. — На другой день Гладстонъ внесъ свое предложеніе и только-что началъ держать по этому поводу свою рѣчь, какъ Ирландецъ Диллонъ встаетъ и требуетъ, чтобы первый министръ былъ призванъ къ порядку. За это спикеръ призываетъ къ порядку его самого. Диллонъ рѣзко возражаетъ, и большинство 395 голосовъ противъ 33 присуждаетъ Диллона къ удаленію изъ залы. Онъ отказывается подчиниться: его удаляютъ силою... Казалось, спокойствіе было упрочено, но не тутъ-то было. Гладстонъ начинаетъ продолжать свою рѣчь, но его прерываетъ другой Ирландецъ предложеніемъ отсрочки преній. Спикеръ объясняетъ, что слово дано Гладстону и отнять его нельзя. Гладстонъ встаетъ снова, чтобы говорить, — поднимается Парнеллъ и требуетъ, чтобъ слово у министра было отнято. Новое возраженіе спикера, новое упорное требованіе Парнелла: его призываютъ къ порядку: большинство 405 голосовъ рѣшаетъ удалить и его. Парнеллъ уходить не хочетъ и *уводится сержантомъ силою*. Вслѣдъ за нимъ точно ту же исторію продѣлываетъ Ирландецъ Фейнигенъ. Поднимается страшный шумъ, палата теряетъ терпѣніе и произноситъ большинствомъ уже 410 голосовъ *удаленіе 36 депутатовъ Ирландцевъ!* Всѣ они упорствуютъ и уводятся одинъ за другимъ при посредствѣ полицейскаго сержанта!... Но такъ какъ удаленіе имѣетъ силу на одно засѣданіе, то на другой день всѣ изгнанные Ирландцы пожаловали снова, какъ ни въ чемъ не бывало. Интересно то, что эти безпокойные, назойливые *гомрулеры* въ то же время признаютъ себя вѣрными конституціи, и въ самомъ дѣлѣ точкою опоры для нихъ все же англійская конституція. Удаленные изъ парламентской залы, они заняли свой досугъ сочиненіемъ и изданіемъ прокламаціи къ Ирландіи, увѣщевая ее сохранить конституціонную связь съ Англіей и не слушать Ирландцевъ — *феніевъ*. Феніи же (большею частью удалившіеся въ Америку) отрицаются не только какой-либо связи съ Англіей, но и всякой конституціонной борьбы: они также обнародовали своего рода манифестъ, гдѣ предаютъ народной нена-

висти, проклятію и мщенію какъ Англичанъ, такъ и земельную лигу, и всѣхъ гомрулеровъ съ Парнелломъ во главѣ. Феніи считаютъ всѣ средства борьбы для себя дозволенными: убійства, поджоги, не говоря уже объ открытой войнѣ, которую, конечно, правильно организовать для нихъ невозможно. Англійское правительство удвоило караулы при всѣхъ складахъ оружія и пороховыхъ погребахъ; англійскіе крейсеры стерегутъ американскіе пароходы, нагруженные оружіемъ для феніевъ...

Вотъ настоящее положеніе Ирландіи и либеральнаго министерства, стоящаго во главѣ британскаго правительства. На нашемъ европейскомъ материкѣ давно бы, ничто же сумняся, прибѣгли къ грознымъ и можетъ быть дѣйствительнымъ мѣрамъ. Да и сами Британцы отлагаютъ въ сторону всѣ принципы—не только свободы, но и простой *справедливости*—какъ скоро театромъ ихъ дѣйствій является Балканскій полуостровъ, Индія, Китай, Африка. У себя же дома они, едвали не пуще «усмиренія», озабочены тѣмъ, чтобъ усмиряющія мѣры какъ можно менѣе посягали на гарантію личной свободы и гражданскихъ правъ, даруемую конституціей. Ревниво относятся Британцы ко всякому свыше-конституціонному усиленію власти. Въ настоящемъ случаѣ требовать временнаго упраздненія конституціонной гарантіи въ одной части Великобританіи, т. е. въ Ирландіи, пришлось какъ разъ на долю либераловъ. Не только Гладстонъ, но и знаменитый Брайтъ поддерживалъ своими рѣчами репрессивный билль Форстера. Текстъ его еще не вполнѣ извѣстенъ, но французская газета «Temps» воспроизводитъ 17 § билля, который гласитъ, что «всякій, кого намѣстникъ Ирландіи заподозритъ въ государственной измѣнѣ или въ насиліи, въ устрашеніи, возбужденіи къ измѣнѣ, къ нарушенію порядка и т. д., можетъ быть схваченъ и задержанъ столько, сколько намѣстнику вздумается, и никакой судъ не будетъ имѣть права освободить заключеннаго». Нѣмецкія газеты признаютъ этотъ билль мягкимъ въ сравненіи съ Бисмарковскимъ закономъ противъ соціалистовъ! Но «Times» и другія англійскія газеты, напротивъ, находятъ билль черезчуръ строгимъ и особенно возстаютъ противъ придачи ему обратной силы, т. е. противъ предоставленія намѣстнику права арестовать

и тѣхъ, которые навлекли на себя подозрѣніе до утвержденія билля. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ самой Англіи возвѣщено до 12 митинговъ, собирающихся съ цѣлью протестовать противъ отмѣны «Habeas corpus» въ Ирландіи и вообще противъ билля. А между тѣмъ вовсе не диктатурой облекается ирландскій намѣстникъ, по крайней мѣрѣ съ нашей русской и вообще континентальной точки зрѣнія! Онъ обязуется каждый мѣсяцъ представлять парламенту списокъ арестованныхъ съ объясненіемъ причинъ, что̀ уже значительно способствуетъ охлажденію всякаго усердія въ этомъ направленіи... Въ 1871 г., въ періодъ подобной же отмѣны конституціонныхъ гарантій, арестовано было всего 19 человѣкъ: такая малая пропорція, о которой не только въ Россіи, но и во Франціи и Германіи не стоило бы, кажется, и говорить!.. Остается пожалѣть, что своеобразные, но истинно почтенные островитяне Британцы дѣйствуютъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ внѣ предѣловъ Британіи и всюду возбуждаютъ справедливую ненависть народовъ...

О Греческомъ вопросѣ, мало подвинувшемся къ разрѣшенію, поговоримъ въ другой разъ.

12

„Русь“, 7 февраля 1881 г.

Тучи чернѣютъ, гроза близится и ростетъ, утверждаютъ пессимисты, несмотря на оптимизмъ большей части германскихъ газетъ и даже на увѣреніе Бисмарка въ прусскомъ ландтагѣ, что «войны нѣтъ и даже въ будущемъ не предвидится возможности какой-либо войны»—слова, которыя при господствующей вѣрѣ во всемогущество канцлера, пріемлются почти всею германскою печатью какъ непреложное вѣщаніе оракула. Тронная рѣчь императора Вильгельма также полна самыхъ розовыхъ надеждъ на прочное вёдро, выражаетъ убѣжденіе, что «единодушію державъ удастся предотвратить даже *частное* нарушеніе мира въ Европѣ», но на всякій случай прибавляетъ и оговорку, что еслибы таковое нарушеніе и случилось, такъ тому же единодушію удастся

«ограничить его такъ, что оно не затронетъ ни Германіи, ни ея сосѣдей». Другими словами: локализировать театръ войны, удержать ее въ предѣлахъ поединка между Греціей и Турціей. Что европейскія державы въ настоящую минуту совершенно искренно желали бы предупредить войну на Балканскомъ полуостровѣ, этому можно повѣрить, но между тѣмъ и Турція, и Греція не перестаютъ вооружаться. Маленькое Греческое королевство призвало на службу резервы отъ 30 до 40-лѣтняго возраста и довело свою армію до 114 тыс. человѣкъ. Съ такимъ страшнымъ напряженіемъ народнаго организма шутить нельзя, а можно только ожидать ежеминутнаго взрыва, если народнымъ чаяніямъ не будетъ дано надлежащаго удовлетворенія, если страна потеряетъ вѣру въ возможность инаго исхода. Несмотря на всѣ миролюбивыя надежды европейскихъ дипломатовъ, по всему кажется, что проповѣдывать благоразуміе и терпѣніе теперь уже *поздно*.

Между тѣмъ, въ ходѣ греческаго вопроса самое важное, въ настоящую минуту, это миссія англійскаго дипломата Гошена въ Берлинъ и Вѣну. Нѣмецкія газеты съ торжествомъ истолковываютъ эту миссію какъ явное сознаніе Англіи, что нити всего греческаго вопроса въ рукахъ Бисмарка, что въ политикѣ Гладстона произошла-де перемѣна, что онъ, Гладстонъ, «въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ (это говоритъ органъ канцлера «Norddeutsche Allg. Zg.»), видитъ себя вынужденнымъ идти по стопамъ Биконсфильда. Этому можно только радоваться», прибавляетъ злорадостно газета;—«понятно, что не Германія и Австрія примутъ политику и методу Гладстона; скорѣе слѣдуетъ ожидать, что *онъ* обратится къ *консервативному* образу дѣйствій»! Въ чемъ же однако заключается этотъ бисмарковскій консерватизмъ и его разногласіе съ либерализмомъ Гладстона? Въ томъ, что консерваторъ Бисмаркъ отвергаетъ основанія Берлинской конференціи, выработанныя ею для разрѣшенія греко-турецкой распри, именно регулированную, утвержденную въ Берлинѣ границу, и сочиняетъ новую, болѣе согласную съ желаніемъ Порты, а либералъ Гладстонъ старается удержать въ силѣ единогласное недавнее постановленіе Европы! Хотя переговоры Гошена съ Бисмаркомъ и Гаймерле по-

крыты тайной, однако же, по всѣмъ признакамъ, можно съ достовѣрностью утверждать, что Гошенъ не предъявилъ имъ на этотъ разъ никакого ультиматума англійской политики по греческому вопросу, а только пытался склонить ихъ къ сохраненію основаній Берлинской конференціи — и потерпѣлъ fiasco, т. е. что ни Германія, ни Австрія не согласились на предложеніе Англіи, а напротивъ англійскій кабинетъ, не находя удобнымъ отдѣляться въ настоящую минуту отъ европейскихъ державъ и пускаться, на свою голову, въ новое самостоятельное политическое предпріятіе,—присталъ къ мнѣнію Бисмарка, какъ главнаго коновода, ведущаго Австрію на пристяжкѣ. Лондонскій кабинетъ, слишкомъ озабоченный ирландскими, африканскими и индійскими дѣлами, отказывается повидимому отъ Янины и Метцова, присужденныхъ было Европою Греціи, но продолжаетъ настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, заливы Воло и Артскій отошли къ этому долготерпѣливому государству: Бисмаркъ обѣщалъ принять это требованіе къ свѣдѣнію,—и вотъ на дняхъ съѣдутся въ Константинополѣ и Гошенъ, и представитель Германіи, графъ Гатцфельдъ, и вмѣстѣ съ другими послами приступятъ къ новой дипломатической аттакѣ на Порту. Но и дипломаты Порты едвали не искуснѣе европейскихъ. Согласиться *добровольно* изувѣчить и окалѣчить себя, и безъ того уже калѣку, Порта, конечно, не можетъ. Она будетъ тянуть, тянуть, торговаться—до тѣхъ поръ, пока отъ дипломатическихъ увѣщаній не перейдутъ къ серьезной угрозѣ,—болѣе серьезной, чѣмъ концертный sextuor европейскихъ державъ, чѣмъ памятная морская демонстрація соединенныхъ флотилій при разрѣшеніи Черногорскаго вопроса. Да къ тому же султанъ можетъ надѣяться, и не безъ основанія, что военный успѣхъ, на первое время по крайней мѣрѣ, будетъ на его сторонѣ, и что если въ концѣ-концовъ и придется все-таки уступить побѣжденной Греціи часть территоріи, то все же въ меньшемъ объемѣ противъ настоящихъ притязаній не только Греціи, но и Европы. Намъ кажется, что *война все-таки будетъ*, что новая значительная уступка земли со стороны Порты, и кому же?—Греціи,—уступка въ силу одного дипломатическаго давленія будетъ для султана и его значенія на Востокѣ безславнѣе и опаснѣе пораженія на войнѣ,

приведетъ къ утратѣ всякаго его авторитетета въ мусульманскомъ мірѣ и къ окончательному паденію Турціи. Вотъ почему мы и думаемъ, что державамъ не удастся предотвратить близящейся грозы, развѣ предположить только одно, что у Бисмарка не всѣ карты выложены и что у него есть козырь въ запасѣ, которымъ онъ и козырнетъ въ нужное время, и выиграетъ игру...

Россія по греческому вопросу не выступаетъ ни въ какой самостоятельной роли. Мы твердо увѣрены, что она заступится за интересы Болгаріи, если ей будетъ грозить прямая опасность,—но, къ прискорбію, нисколько не увѣрены, что она сумѣетъ предупредить новые шахматные ходы Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, мы снова въ тѣсной дружбѣ съ Германіей, или правильнѣе—въ узахъ дружбы... А Австрія, имѣя за спиной Бисмарка, терпѣливо и неутомимо снуетъ свою политическую ткань и какъ паукъ разставляетъ Балканскимъ Славянамъ сѣти въ видѣ торговыхъ и желѣзно-дорожныхъ и навигаціонныхъ конвенцій. И нѣтъ силъ у несчастныхъ порвать эти сѣти, и въ скорбномъ недоумѣніи устремляютъ они взоры на Сѣверъ, въ сторону Россіи,— не моля о помощи, но уповая лишь на заступничество, на поддержку... Не крови и денегъ нужно имъ теперь отъ насъ, а только бы твердаго, умнаго слова, любовнаго, мудраго совѣта, опредѣленной политической программы,—смѣлаго заявленія передъ Европой, что Россія—земля Славянская и ничто славянское ей не чуждо... Но мы пока сильны только на полѣ брани... Однакоже народное самосознаніе спѣетъ, и часъ его торжества не слишкомъ далекъ...

13.

«Русь», 20 февраля 1881 г.

Отъ нашихъ почти уже сосѣдей—Англичанъ—на крайней юговосточной нашей границѣ перейдемъ къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ—Нѣмцамъ Германской и Австрійской имперій. Судя по тому, что̀ творится въ послѣдней—никакъ уже

нельзя надѣяться скораго успѣшнаго превращенія Австро-Венгріи—не то что̀ въ Славянскую монархію, но даже въ равноправную федерацію различныхъ племенъ, географически обособленныхъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это единственная форма политическаго бытія, возможная для Австріи въ будущемъ, способная оправдать ея историческій raison d'être. Если послѣ битвы при Садовой, древняя «Священная Римская Имперія», разжалованная Наполеономъ I въ «Имперію Австрійскую», выкинутая потомъ Бисмаркомъ изъ Германскаго Союза за бортъ, — нашла необходимымъ укрѣпить себя признаніемъ политической автономіи Венгріи, т. е. возведеніемъ этой Венгріи въ равноправнаго члена своего политическаго организма, и дать имя сему организму Австро-Венгріи, — то развѣ только легкомысленный творецъ этого дуализма, Бейстъ, могъ ожидать, что этимъ дѣло и кончится. Тяготѣніе исторической логики ведетъ, не можетъ не вести отъ дуализма къ федераціи, отъ признанія Венгріи равноправнымъ членомъ Австрійской имперіи къ признанію таковой же равноправности за прочими членами организма. Но жизнь, преданія, политическіе и племенные предразсудки являются такими же, если не сильнѣйшими чѣмъ логика, факторами въ судьбѣ народовъ и государствъ. Ненависть Нѣмца къ Славянину, начавшаяся съ Карла Великаго, съ перваго нѣмецкаго грѣха противу Славянства, и неистовствовавшая слишкомъ восемь вѣковъ сряду, наконецъ, казалось, успокоилась на торжественныхъ побѣдоносныхъ лаврахъ. Но внезапное появленіе Россіи на политическомъ горизонтѣ Европы въ лицѣ Петра, мѣсто занятое ею въ мірѣ, значеніе этой новой славянской державы пробудили въ славянскихъ австрійскихъ племенахъ сознаніе своей народности, а въ австрійскихъ, да и во всякихъ Нѣмцахъ, старый страхъ и старую ненависть къ этимъ «плебеямъ» западнаго человѣчества! Казалось бы, простой здравый смыслъ долженъ бы внушить Нѣмцамъ Австріи, что оставлять скромныя требованія австрійскихъ Славянъ неудовлетворенными, оскорблять ихъ отказомъ въ признаніи за ними не какихъ-либо политическихъ, а простыхъ, тамъ-сказать этнографическихъ правъ— это значитъ поддерживать въ нихъ упованія на Россію, какъ на ту славянскую реальную силу, отъ которой можетъ Сла-

вянство ожидать современемъ возстановленія своей свободы. Но ни уроки исторіи, ни внушенія политической мудрости не могутъ одолѣть инстинкта вражды одушевляющаго Нѣмцевъ— этого господствующаго, по праву культуры и историческихъ преданій, меньшинства австрійскаго населенія.

Настоящее министерство въ Вѣнѣ, такъ-называемое министерство графа Таафе, расположено къ уступкамъ въ пользу Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности. Это то самое министерство, которое дебютировало, довольно театрально, кокетничаньемъ съ Славянами разныхъ наименованій (кромѣ Русскихъ Галиціи)—о чемъ мы уже говорили. Но когда отъ кокетничанья перешло къ дѣлу, къ уступкамъ, то въ парламентѣ и въ печати закипѣла страшная борьба. Съ особенною яростью выступили противъ Чеховъ такъ-называемые «централисты», стоящіе на почвѣ «конституціи», устраняющей національныя права славянскихъ племенъ. Какія же это такія громадныя *уступки* чешской національности, которыя выводятъ изъ себя культуртрегера—Нѣмца? О чемъ идетъ такая ожесточенная *пря?*... Хотятъ ли позволить Чехамъ имѣть свое министерство, или же свое войско? Все дѣло изъ-за университета!!

Извѣстно, что въ принципѣ правительство рѣшило учрежденіе въ краѣ отдѣльнаго чешскаго университета рядомъ съ нѣмецкимъ. По словамъ «Nation. Zeitg», философскій факультетъ будетъ открытъ въ этомъ году, остальные въ теченіи трехъ лѣтъ; библіотека, актовая зала будутъ общія у обоихъ университетовъ, но лабораторіи, анатомическій театръ и т. д. отдѣльные. Вотъ поэтому то и раздаются съ нѣмецкой стороны вопли о паденіи древняго Пражскаго университета,—чешскіе ученые осыпаются насмѣшками, заслуги ихъ унижаются и отрицаются! Министерство, не ограничиваясь обѣщаніемъ касательно университета, учредило коммиссію изъ депутатовъ для обсужденія вообще равноправности чешскаго и нѣмецкаго языка въ Богеміи. 14-го февраля (н. с.) было засѣданіе этой коммиссіи. Члены Нѣмцы яростно напали на затѣи министерства, въ которыхъ указывали нарушеніе конституціи. Чешскіе интересы поддерживалъ знаменитый Чехъ *Ригеръ*, а главнымъ противникомъ его былъ старикъ *Гербстъ*; вообще же Нѣмцы въ коммиссіи состав-

ляли меньшинство. Москвѣ извѣстно блестящее краснорѣчіе Ригра. Его слово стремится могучимъ, бурнымъ потокомъ, которымъ не всегда способенъ управить и самъ ораторъ. Отвѣчая Гербсту, онъ выразился, что *«рѣчь его, Гербста, есть ни что иное, какъ вопль* (Schmerzensschrei), *который разсчитанъ на то, чтобы быть услышаннымъ за предѣлами имперіи»* (т. е. въ Германіи). «Право безъ стѣсненія пользоваться своимъ языкомъ въ сношеніяхъ съ судами и присутственными мѣстами есть историческое право Чешскаго народа. Чешскіе депутаты будутъ противъ всякаго правительства, которое не пожелаетъ признать эти права. Чешскіе короли присягали не нарушать правъ народа!»..

Слова *Ригра* вызвали цѣлую бурю въ коммиссіи, а нѣмецкія газеты разразились неистовою бранью противъ «московскаго паломника» (т. е. участника славянскаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ на этнографической выставкѣ), который осмѣливается «упрекать въ государственной измѣнѣ преданнѣйшаго слугу конституціонной Австріи!» А газета «Neue freie Presse» ставитъ вопросъ даже радикальнымъ образомъ, въ любопытной статьѣ, которую стóитъ привести въ извлеченіи, чтобы познакомить читателей съ нѣмецкою правдою и мужествомъ... «Ригеръ совершенно правъ, разсуждаетъ газета, когда, толкуя о правахъ Чешскаго народа, ссылается на тронную рѣчь, сказанную при вступленіи чешскихъ депутатовъ въ рейхстагъ. Графъ Таафе воображалъ, что признаніе чешскихъ правъ есть только фраза, а на дѣлѣ Чехи съ неумолимою логикой выводятъ послѣдствія изъ словъ тронной рѣчи»... «Чтò еще печальнѣе, такъ это то, что мы начинаемъ видѣть даже исполненіе обѣщаній данныхъ Чехамъ!»... «Депутаты лѣвой стороны будутъ бороться, покуда останется хоть узкая полоса конституціонной почвы, но, кажется, и эта узкая полоса уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ»... «Чехи не удовольствуются равноправностью языковъ; они говорятъ объ историческомъ правѣ чешской націи, а историческое право это мѣняется съ каждымъ часомъ по благоусмотрѣнію чешскихъ демагоговъ. Право это не можетъ уставиться въ рамки конституціи».... «Теперь», восклицаетъ нѣмецкая газета съ паѳосомъ, «поставленъ вопросъ, чтò лучше для Австріи: отказаться отъ своего суще-

ствованія, или отказаться исполнить требованія Чеховъ»?... Интересно также сужденіе органа венгерскаго министерства «Pester Lloyd»: «Вражда между Нѣмцами и Чехами, говоритъ онъ, возгорѣлась сильнѣе чѣмъ когда-либо. Образъ дѣйствій Ригра, его выраженія дошли до невѣроятной дерзости. Сгоряча онъ высказалъ *затаенныя* мысли и тѣмъ далъ сильное оружіе въ руки противникамъ. Слишкомъ неукротимый для исполненія политической роли, Ригеръ повредилъ дѣлу Чеховъ».

Это въ Австріи, но и Германія не оставляетъ въ покоѣ, если не Славянъ, то *панславизмъ*. Впрочемъ, для Германіи или, вѣрнѣе сказать, для германскаго канцлера, *панславизмъ* не болѣе какъ пугало—въ родѣ тѣхъ чучелъ, которыя выставляются хозяиномъ на огородѣ съ тѣмъ, чтобъ отпугивать глупыхъ, легковѣрныхъ птицъ... И что всего интереснѣе, Бисмаркъ вызываетъ этотъ призракъ, которому самъ нисколько не вѣритъ, другими словами, ставитъ это чучело на своемъ германскомъ огородѣ съ цѣлію также пугать.... кого? увы, не другаго кого, какъ насъ, Русскихъ, вѣрнѣе сказать, наши русскія власти!! Въ органѣ Бисмарка, «Norddt. Allg. Ztng» отъ 18 февр. н. ст. помѣщена статья о «современномъ направленіи» въ Россіи. Статья трактуетъ о разлагающемъ умственномъ движеніи въ нѣдрахъ «національно-русской» (!) интеллигенціи, которая уничтожаетъ семью и пр., и «безпрестанно приноситъ новыя жертвы *нигилизму и панславизму*». «Нигилисты и панслависты», повѣтствуетъ газета, «тотчасъ же становятся смирны, какъ только правительство серьезно примется за водвореніе порядка», но разлагающее направленіе въ умственной средѣ тѣмъ не менѣе дѣлаетъ-де свое дѣло. Затѣмъ статья очень пространно и подробно излагаетъ толки русскихъ журналовъ о Добролюбовѣ и Писаревѣ по поводу напечатанныхъ въ «Р. Старинѣ» разсказовъ о матери послѣдняго. Толки, безъ всякаго сомнѣнія, курьезные и не способные дать высокаго понятія о русской интеллигенціи, но дѣло не въ этомъ, а въ умышленномъ сопоставленіи *нигилизма* съ *панславизмомъ*, когда Нѣмцамъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что *нигилизмъ* отрицаетъ начало національное, ничего общаго съ приверженностью къ русской народности, къ ея правамъ, чести и

достоинству не имѣетъ, а до Славянъ ему и никакого дѣла нѣтъ. Нигилизмъ, по существу своему, космополитиченъ. Нѣмцы это знаютъ, но, вѣруя въ дѣйствіе клеветы, надѣются все-таки, въ концѣ-концовъ, смутить понятія русскаго правительства. Плохое же, однако, мнѣніе имѣетъ Бисмаркъ о русскихъ государственныхъ людяхъ, если думаетъ, что такимъ способомъ удастся ему заподозрить въ ихъ глазахъ— такъ-называемыхъ славянофиловъ, или просто русское народное направленіе въ литературѣ или политикѣ!..

Что желательно для Россіи—въ политическомъ смыслѣ?

«Русь», 10-го апрѣля 1882 г.

Назначеніе статсъ-секретаря Гирса министромъ иностранныхъ дѣлъ (о чемъ мы съ своей стороны не успѣли еще сказать ни слова) не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія на русское общество, не вызвало въ немъ никакихъ особенно-оживленныхъ толковъ: блестящая эпоха дѣятельности князя Горчакова отошла отъ насъ далеко, а г. Гирсъ былъ уже министромъ de facto и только утвержденъ въ должности, которую исправлялъ въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Для Россіи это: «сцена безъ перемѣны; то же и тѣ же». Но не такъ отнеслись къ этому назначенію за границей, особенно наши сосѣди. Германія и Австро-Венгрія и оффиціально, и оффиціозно, и всѣми свободными путями гласности привѣтствовали новаго министра съ неподдѣльною радостью, усматривая въ этомъ назначеніи «залогъ мира», «добрыхъ отношеній», однимъ словомъ — *пасхальный* себѣ *подарокъ* (Ostergeschenk), по выраженію «Кельнской Газеты». Радость эта выразилась вообще такъ дружно, такъ шумно, что способна навести Россію на мысли вовсе не радостныя. Въ самомъ дѣлѣ, чему же особенно радуются обѣ западныя державы? Нельзя же предположить, будто онѣ серьезно ожидали объявленія войны со стороны Россіи, — онѣ, которыя едвали не лучше насъ самихъ вѣдаютъ то, что происходитъ у насъ, не только въ оффиціальныхъ, но и въ обществен-

ныхъ сферахъ? Не могли же дипломатическіе, въ Петербургѣ, представители Австро-Венгріи и Германіи свидѣтельствовать предъ своими правительствами о томъ, что Россія пылаетъ браннымъ духомъ и, облачась съ головы до ногъ въ боевые доспѣхи, нетерпѣливо бряцаетъ оружіемъ, готовая ринуться на Европу?!..

Никто искреннѣе самихъ западно-европейскихъ кабинетовъ не убѣжденъ въ миролюбивомъ направленіи русской политики; миролюбіе это — по истинѣ *испытанное*, неоднократно подвергавшееся тяжкому искусу, закалившееся въ долготерпѣніи. Никто точнѣе не вѣдаетъ всю лживость и вздорность обвиненій, такъ щедро у нихъ же дома измышляемыхъ и воздвигаемыхъ на Россію — въ корыстолюбіи, властолюбіи, браннолюбіи и тому подобныхъ поползновеніяхъ, именно русской-то политикѣ наиболѣе чуждыхъ, и имъ самимъ наиболѣе свойственныхъ. Впрочемъ, они очень хорошо это сознаютъ и сами, но про себя. Казалось бы, намъ не привыкать стать къ этому обычному маневру иностранныхъ политическихъ вождей: всякій разъ, когда замышляется на Западѣ Европы что-либо противное интересамъ Русской державы, бить тревогу по поводу русскихъ небывалыхъ замысловъ, открывать кампанію противъ русской алчности — въ парламентахъ, въ печати, или даже посредствомъ дипломатическихъ представленій, сообщеній, предупрежденій и дружественныхъ замѣчаній. Пріемъ этотъ до такой степени извѣстенъ, что можно только дивиться, да безъ сомнѣнія и дивятся всѣ государственные люди Европы, непреложности его успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствуетъ или по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ до сихъ поръ на нашу дипломатію съ правильною точностью механическаго снаряда, производя неизмѣнно: смущеніе, испугъ, смиреніе, завѣреніе въ неповинности, съ присоединеніемъ новыхъ цѣнныхъ залоговъ и доказательствъ русскаго миролюбія, безкорыстія, даже готовности, ради успокоенія встревоженной Европы, поступиться великодушно, подчасъ и немаловажными, русскими интересами. Позволительно надѣяться, что не всегда же подобный грубый пріемъ будетъ вѣнчаться удачей, и для такой надежды имѣются, по нашему мнѣнію, въ настоящую эпоху достаточныя основанія. Очевидно однако, что западныя державы (нѣкоторое время очень

было недоумѣвавшія) не высмотрѣли пока еще повода опасаться такой непріятной для нихъ надежды,—оттуда и эта нескромная ихъ радость по поводу назначенія новаго министра. Мы полагаемъ, къ чести г. Гирса, что онъ нисколько не польщенъ заявленіями ихъ сочувствія и нимало не ошибается въ значеніи тѣхъ похвалъ, которыми привѣтствуетъ его такъ-называемое общественное мнѣніе Европы. Это значеніе выясняется уже отчасти и теперь, и не замедлитъ, конечно, еще болѣе выясниться въ событіяхъ.

Дѣло въ томъ, что и Германія и Австро-Венгрія, въ виду нерасположенія и неприготовленности Россіи къ какой-либо наступательной крупной войнѣ, признаютъ настоящую пору самою благопріятною для успѣшнаго, *подъ покровомъ мира*, исполненія ихъ политическихъ плановъ. Планы же эти,—что̀ ни для кого не тайна и открыто разглашается всею печатью, направлены спеціально противъ Россіи. (См. ниже статью «Pester Lloyd'a» въ отдѣлѣ: «Внѣ Россіи»). Замыслъ, ни болѣе ни менѣе, состоитъ въ томъ, чтобъ низвести наше отечество съ того мѣста, которое оно занимало и которое подобаетъ ему въ семьѣ великихъ державъ; исхитить изъ «сферы его интересовъ» всѣ православныя Славянскія племена со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, а если удастся, такъ и съ Босфоромъ; порвать узы связующія эти племена съ Россіей, какъ политическія, такъ и религіозныя (для послѣдняго пущена въ ходъ, вооруженная всѣми видами соблазна и насилія, латинская пропаганда); лишить Россію всякаго обаянія, всякаго авторитета, однимъ словомъ, обезчестить ее въ глазахъ Славянскаго населенія, и воспользовавшись всѣми плодами ея кровавыхъ войнъ, сокрушившихъ наконецъ, начиная съ Екатерины, страшную нѣкогда мощь Оттоманской державы, подчинить весь Балканскій полуостровъ австро-мадьярской гегемоніи въ томъ или другомъ видѣ. Основаніе такой политикѣ положено еще на Берлинскомъ конгрессѣ, но только въ настоящее время Австро-Венгрія, вдохновляемая и поддерживаемая Германіей, приступила къ послѣдовательному осуществленію своихъ замысловъ.

Занеся ударъ на Россію, обѣ державы, безъ сомнѣнія, не могутъ не безпокоиться о томъ, сойдетъ ли для нихъ этотъ ударъ вполнѣ благополучно. Всякій похищающій чужое добро

не открытою силой, а украдкой, обманомъ, хитростью, уловками, невольно озирается—не слѣдятъ ли за нимъ, не спохватится ли хозяинъ добра и не вырветъ ли его изъ рукъ похитителя? Безпокойство очень естественное. Ну какъ Россія не соблаговолитъ подвергнуться удару? неравно разсердится? Послѣдняя война была для Россіи безъ сомнѣнія тяжела; ослаблена-то она – ослаблена, но все же не до конца, но все же, по соображенію самихъ Европейцевъ, во сто разъ сильнѣе, чѣмъ мыслитъ сама о себѣ, или — вѣрнѣе — чѣмъ изволитъ мыслить о ней смиренномудріе русскихъ государственныхъ мужей купно съ русскими «либералами». Да ослабить физически, до конца, такого гиганта и невозможно; это вполнѣ разумѣютъ въ Европѣ; его ослабить можетъ только такъ-называемая болѣзнь *мнѣнія*, иначе мнительность относительно собственной своей силы и своего права,—только нравственный недугъ, лишающій *самосознанія и сомочувствія*,—и вотъ, на усиленіе этого недуга, на обмораченіе гиганта всякими призраками, лестью и ложью, всевозможными подлогами правды—и устремлены усилія нашихъ сосѣдей. Задача западной дипломатіи конечно мудреная: наносить удары, тяжелые, чуть не убійственные, но такъ, чтобъ пріемлющій оные увѣрялъ и былъ убѣжденъ, что прикоснулись къ нему «не въ видѣ удара», а чуть ли не въ видѣ ласки, и чтобъ послѣ всякаго такого прикосновенія онъ возобновлялъ увѣренія въ неизмѣнной своей преданности и дружбѣ, чуть не благодарилъ за деликатность прикосновенія... Нужно отдать полную честь мастерству иностранной дипломатіи: она смѣло, искусно и съ успѣхомъ до сихъ поръ разрѣшала эту задачу,—хотя, надобно признаться, въ сильной степени содѣйствовала ей въ этомъ и нѣкоторая часть русскаго общества. Стóитъ только вспомнить, какъ ликовалъ «Голосъ»—органъ всего «либеральнаго» чиновничества—по поводу Берлинскаго трактата...

Дѣло Австро-Венгріи подвигалось медленно и осторожно... Но вотъ вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, полилась кровь мужественныхъ борцовъ за независимость славянскую отъ австро-мадьярской губительной опеки. Сжалось болью не одно русское сердце. Берлинскій трактакъ оказался нарушеннымъ; представлялся, слѣдовательно, поводъ

къ дипломатическому вмѣшательству. Какъ ни убѣждены иностранныя державы въ миролюбіи и долготерпѣніи русскаго кабинета, однакожъ всякій вѣдь судитъ самъ по себѣ. Сознавая внутренно, что будь онѣ на мѣстѣ Россіи, онѣ бы не выдержали и заявили хоть нѣчто въ родѣ протеста,— обѣ державы пережили нѣсколько тревожныхъ минутъ. Положеніе Россіи представлялось, да и теперь еще, конечно, представляется, имъ самимъ до такой степени неестественнымъ, ненормальнымъ (какъ признается самъ «Pester Lloyd»), что онѣ не могутъ отдаться вполнѣ, беззавѣтно, вѣрѣ въ долготерпѣніе россійскаго исполина, и то и дѣло приходятъ въ трепетъ, какъ только онъ шевельнется. Ибо — какъ бы тамъ «Голосъ» и графы Кутузовы ни убаюкивали Европу разсказами о совершенномъ банкротствѣ Россіи во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ.—но наши сосѣди (такіе упрямцы!) все не имутъ вѣры, все ожидаютъ, что нѣтъ-нѣтъ — стряхнетъ съ себя этотъ исполинъ навожденіе *мнимаго*, возчувствуетъ вдругъ себя самимъ и если хоть одинъ только звукъ голоса подастъ,—голоса самаго простаго и естественнаго,—то и этотъ звукъ одинъ надѣлаетъ Австро-Венгіи хлопотъ, съ которыми трудно будетъ и справиться... Однакожъ ничего. Все безмолвно, все благополучно. Австро-Венгрія вздохнула свободно... Вдругъ случись генералу Скобелеву сказать нѣсколько словъ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ, и страшнымъ смятеніемъ объялась не только она, но и Германія: на такомъ тонкомъ волоскѣ виситъ душевное спокойствіе сихъ великихъ державъ!... Ни для одной изъ нихъ не было ни на минуту сомнѣнія въ совершенной непричастности русскаго правительства къ рѣчамъ знаменитаго генерала; ни одна изъ нихъ ни на мигъ не предположила, что вслѣдъ за Скобелевскими словами Россія выступитъ на нихъ войною. Испугались не войны, а пробужденія національнаго самосознанія въ Россіи, ибо весь успѣхъ враждебныхъ намъ политическихъ плановъ обоихъ кабинетовъ обусловливается именно усыпленіемъ нашего народнаго самосознанія: на этомъ зиждется вся политическая комбинація австро-венгерскаго и германскаго правительствъ. Ничего такъ не боятся въ Германіи, какъ подъема патріотическаго и національнаго чувства въ Россіи... Почему? Развѣ русскій и германскій патріотизмъ

не могутъ ужиться рядомъ? Развѣ Русскій народъ питаетъ особенную антипатію къ Германскому племени и политическое объединеніе Нѣмцевъ ему особенно ненавистно? Ни чуть не бывало. Никакой вражды къ Германскому племени не живетъ въ Русскомъ человѣкѣ; германская наука и литература пользуются у насъ глубокимъ уваженіемъ и прилежно изучаются; объединеніе Германіи встрѣчено было съ сочувствіемъ. Но какъ скоро германская политика направляется прямо во вредъ Россіи или родственному ей, находящемуся подъ ея естественнымъ покровительствомъ Славянскому міру, то конечно всякое живое ощущеніе этой обиды въ средѣ русскаго общества, возбуждая въ немъ сознаніе своего національнаго долга, представляетъ для успѣха враждебныхъ Россіи германо-австрійскихъ плановъ значительное препятствіе. Ибо вся задача германскихъ и австрійскихъ политиковъ въ томъ и состоитъ, чтобъ осуществить ихъ безъ общей европейской войны, а *подъ кровомъ мира*; чтобъ и кровь славянскую можно было пролить, и цѣлыя племена закрѣпостить, а Европа бы благодушествовала и похвалялась бы цвѣтущею тишиною, благомъ мирнаго прогресса и культурнаго развитія нашего просвѣщеннаго вѣка...

Въ испугѣ и гнѣвѣ Германіи и Австро-Венгріи по поводу словъ русскаго генерала въ Парижѣ сказалось лишь внутреннее сознаніе неправды затѣяннаго ими дѣла. Ужъ не проснулся ли великанъ, котораго, при содѣйствіи русскихъ «либераловъ», удалось повидимому увѣрить, что онъ слабосильный карликъ? Но и на этотъ разъ Германія и Австро-Венгрія приняли тотъ видъ «оскорбленнаго достоинства», который такъ способенъ смущать русское общество. Въ самомъ дѣлѣ: интересамъ и чести Россіи тщательно наносится этими державами явный вредъ, а нѣкоторые русскіе люди позволили себѣ гнѣваться и протестовать?! На что-жъ это похоже? развѣ это прилично? развѣ это не оскорбительно для достоинства обѣихъ державъ?.. И вотъ, вмѣстѣ съ значительною частью петербургскихъ гостиныхъ, наша такъ-называемая либеральная или прогрессистская печать предалась истинной вакханаліи негодованія на русскаго прославленнаго въ бояхъ генерала, доказывая во всѣхъ своихъ органахъ, что за такую неслыханную дерзость относительно культурной Европы

мы повинны принести ей торжественное покаяніе,—что однимъ словомъ, по отношенію къ Западу, намъ остается только подражать тому малороссійскому мужику, который въ извѣстной пѣснѣ, обращаясь къ женѣ, поетъ:

Прости мене, моя мила,
Що ты мене била!

Таково motto всѣхъ статей о внѣшней русской политикѣ «Голоса» и его подголосковъ.

Никакого «*торжественнаго* покаянія съ нашей стороны», разумѣется, принесено не было, но понятно, почему, послѣ всей этой исторіи, назначеніе статсъ-секретаря Гирса министромъ показалось иностраннымъ державамъ пасхальнымъ гостинцомъ: оно служитъ имъ залогомъ, что въ направленіи русской политики не произошло пока никакой перемѣны, а тѣмъ, которымъ она водилась доселѣ, державы оставались довольны. Было бы однакожъ великою ошибкою съ ихъ стороны отдаваться слишкомъ безпечно такой сладостной надеждѣ, — а кажется они расположены ей отдаться и даже на радостяхъ нѣсколько неосторожно поспѣшили раскрыть свою игру. Такъ, въ ознаменованіе своей благодарности и своего удовольствія русскою политикою, онѣ, очевидно пріободрясь духомъ, усилили разомъ боевую дѣятельность на всей линіи своей воинственной, аггрессивной политики. Шмерлингъ, одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Австріи, уже открыто настаивалъ въ собраніи делегацій на скорѣйшемъ присоединеніи Босніи и Герцеговины въ качествѣ имперскихъ провинцій; по всей вѣроятности это и послѣдуетъ съ согласія самой Порты, всецѣло отдавшейся теперь политическому руководству германскаго канцлера. Въ то же время султанъ подвигаетъ свои войска къ границѣ Болгаріи, что̀ безъ сомнѣнія способно вызвать замѣшательства, которыми Австрія, съ дипломатическою поддержкою Германіи, и не замедлитъ воспользоваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же Австрія заключаетъ съ Сербіей военную конвенцію, въ силу которой австрійскія войска,—по слухамъ, впрочемъ подтверждаемымъ и частными къ намъ письмами изъ Бѣлграда,—должны будто бы занять гарнизоны въ Бѣлградѣ и Нишѣ; сербскимъ же войскамъ, для сербской утѣхи и въ доказательство равноправности, пре-

доставлено будетъ занять гарнизономъ австрійскую крѣпостцу Петервардейнъ, напротивъ Нейзаца (Новый Садъ): другими словами, обѣ арміи поступятъ подъ *одно* начальство, австро-мадьярское. Такимъ образомъ, одновременно съ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, Австро-Венгрія подчинитъ себѣ фактически и Сербію, и даже Черногорію, такъ какъ облегаетъ послѣднюю почти со всѣхъ сторонъ. Это новая форма господства съ оставленіемъ внѣшняго вида самобытности, нѣчто въ родѣ прусской гегемоніи надъ Германскими княжествами и королевствами, но усиленной превосходствомъ культуры, преимуществомъ богатства, экономическаго развитія и гражданской организаціи, т. е. такими условіями, которыя сулятъ Славянскимъ племенамъ совершенное порабощеніе, какъ матеріальное, такъ и духовное. Наконецъ, и въ вопросѣ о надзорѣ за плаваніемъ по Дунаю Австрія опирается теперь не на одну Германію, но и на Россію...

Что́ же, спросятъ насъ, къ чему же клонится наша рѣчь? не хотимъ ли ужь мы, чтобъ Россія объявила войну и Австріи, и Германіи? Нѣтъ, не къ тому ведетъ наша рѣчь; мы нисколько не домогаемся войны, хотя и не видимъ особеннаго повода ея опасаться. Мы убѣждены, что ея еще менѣе для себя домогаются не только Австро-Венгрія, но и Германія. Вступать въ войну съ Россіей, — въ какомъ бы положеніи Россія ни была, — дѣло не шуточное: война можетъ лишь вызвать проявленіе въ Россіи того патріотическаго духа, котораго усыпленіе такъ желательно для нашихъ сосѣдей, такъ уже много доставило и обѣщаетъ еще доставить имъ выгодъ, и котораго пробужденіе, напротивъ, всегда болѣе или менѣе грозно... Да и зачѣмъ бы нужна имъ война, когда они и безъ войны достигали такихъ результатовъ, которыхъ даже побѣдоносною войною не всегда добудешь, хоть бы, напримѣръ, Берлинскій трактатъ? Они знаютъ по опыту, что одной интимидаціи или устрашенія войною уже достаточно для русскаго «миролюбія», если только при этомъ станутъ они всѣми мѣрами содѣйствовать господству противународнаго направленія въ русской политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней... Нѣтъ, не войны мы хотимъ, но того чувства достоинства въ дѣлѣ внѣшнихъ отношеній, которое приличествуетъ такой великой державѣ,

какъ Россія, которое внушаетъ всякому невольное уваженіе и заставляетъ съ собою считаться. Есть возможность, и не накликивая на себя войны (на которую никакой державѣ не легко отважиться), обуздывать дѣйствія, враждебныя не только интересамъ Россіи, но и требованіямъ правды и права. Мы не видимъ, напримѣръ, никакой выгоды для русскаго правительства подавлять выраженія русскаго общественнаго негодованія въ отвѣтъ на дерзкія и наглыя выходки западноевропейскихъ публичныхъ дѣятелей печати и парламентскихъ трибунъ. Пусть знаютъ въ Европѣ, что русское общество не все же состоитъ изъ доморощенныхъ иностранцевъ, что оно начинаетъ выходить изъ-подъ той духовной опеки, въ которой старалась его держать политическая интрига Запада, и не намѣрено долѣе давать одурачивать себя авторитетомъ «высшей культуры». Полезно было бы убѣдить Европу, что Россія уже уразумѣла смыслъ, придаваемый на Западѣ всѣмъ этимъ хорошимъ словамъ о «мирѣ» и «миролюбіи», «европейскомъ равновѣсіи» и «добромъ согласіи». По отношенію къ Россіи «европейскій миръ», напримѣръ, это вѣдь значитъ — *нарушеніе мира* австро-германскими захватами на Балканскомъ полуостровѣ, посягательствомъ на порабощеніе Славянъ. Или — если льется кровь славянская, а не нѣмецкая — то это не должно приниматься въ расчетъ, не означаетъ «кровопролитія», а означаетъ «благоденствіе и тишину»?... Такъ-называемое же «доброе согласіе Россіи съ державами» — это въ понятіяхъ германо-австрійскихъ не что иное, какъ россійская санкція тѣмъ планамъ, которые прямо противъ Россіи задуманы и направлены!...

Если на войнѣ, по словамъ величайшаго полководца въ мірѣ, три четверти силы арміи — составляетъ *духъ*, и лишь одну четверть — численность, вооруженіе и прочія матеріальныя условія, то на полѣ не бранномъ, а политическомъ или дипломатическомъ, еще несравненно большее значеніе принадлежитъ *духу*... Силы нравственной, той силы, которая дается твердою волею, сознаніемъ своей правды, любовью къ своему отечеству, живымъ, искреннимъ чувствомъ своего народнаго и государственнаго достоинства — вотъ чего — не войны — желаемъ мы для Россіи, — а при этомъ не убоимся и войны, если бы дѣло коснулось чести и совѣсти Русскаго

народа... Вотъ чего слѣдуетъ пожелать и новому нашему министру, хотя бы подъ условіемъ нѣкоторой утраты выраженныхъ ему нашими сосѣдями симпатій...

По поводу брошюры графа Петра Кутузова.

«*Русь*», *10-го апрѣля 1882 г.*

Мы уже упомянули выше имя графа Петра Кутузова. Какъ ни ничтожна, по силѣ умственной, изданная имъ въ Берлинѣ на французскомъ языкѣ брошюра: «Истинные интересы Славянства и европейскій миръ: *отвѣтъ генералу Скобелеву*», мы признаемъ однакожъ не излишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ. Справедливо выражается одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ въ этомъ же № «Руси», что «настоящая наша общественная атмосфера удивительно какъ благопріятствуетъ развитію *патологическихъ зародышей*». Книжка графа Кутузова интересна именно въ этомъ, т. е. въ общественно-патологическомъ отношеніи. Еслибы она была писана по заказу германскаго или австрійскаго правительствъ, она оставалась бы явленіемъ конечно возмутительнымъ, но понятнымъ, и притомъ только личнымъ; но графъ Кутузовъ, разумѣется, внѣ всякаго подобнаго подозрѣнія; онъ, къ несчастію, совершенно искрененъ, совершенно *честенъ*, отъ того—и его книжка еще возмутительнѣе. Чувствуется, что это не индивидуальное только нравственное уродство, а явленіе общаго характера, выразившееся въ немъ лишь въ болѣе рѣзкой и наивной формѣ, и пожалуй съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ, чѣмъ напр. въ «Голосѣ» и въ другихъ газетахъ той же «либеральной» фракціи... У насъ, какъ извѣстно, принято валить всѣ вины на «администрацію»; воображаютъ, что вымолвивши это слово — опредѣлили источникъ и причину всѣхъ золъ. Но какая же здоровая администрація мыслима въ той общественной атмосферѣ, гдѣ возможно подобное сладострастіе національнаго раболѣпства и самоуничиженія? Судите сами:

Скобелевъ—Русскій; Русскій и графъ Кутузовъ; слѣдовательно для возраженія Скобелеву не зачѣмъ было и прибѣ-

гать къ иностранному языку. Брошюру свою могъ бы авторъ напечатать по русски, хоть бы въ томъ же Берлинѣ. Но онъ умышленно избралъ французскій языкъ: онъ говоритъ во всеуслышаніе Европы и *для Европы*, а не для Скобелева. Онъ не только доказываетъ Европѣ полнѣйшую несостоятельность Россіи для веденія какой-либо войны, но силится убѣдить, что съ такою дрянью, какова теперь Россія, никто и вступить въ союзъ не захочетъ, да и никому не выгодно. Онъ такъ краснорѣчиво описываетъ немощь, хилость и духовное паденіе Россіи, что представляется просто заманчивымъ—дать этой странѣ щелчка, и она развалится! Нужно только удивляться, какъ не соблазнились такимъ описаніемъ иностранцы!... Вы можетъ-быть разсчитываете на союзъ съ Франціей – такъ поучаетъ графъ Кутузовъ Скобелева,—но «болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Французская нація,—полная теперь госпожа у себя дома,—была расположена сдѣлаться искреннею союзницею народа столь *отсталаго*, каковъ Русскій (d'un peuple aussi arriéré que le peuple russe)»!... «Развѣ Французскій народъ, ползующійся благомъ республики (jouissant de la république) — спрашиваетъ графъ Кутузовъ — можетъ когда-либо сочувствовать нашему образу правленія и признать Русскій народъ *себѣ за ровню* (comme son égal)»?... По разсужденію сего русскаго публициста выходитъ такъ, что еслибъ даже Германія втянулась въ войну съ Россіей и Франціи представился случай возвратить себѣ отнятыя у нея провинціи, она отвергла бы союзъ съ Русскимъ народомъ, какъ для себя унизительный: *не ровня*, недостаточно цивилизованъ!... Далѣе: «союзъ съ державой столь высоко стоящей и столь далеко двинувшейся по пути цивилизаціи (une puissance aussi supérieure et aussi avancée dans la civilisation) какъ Франція,—возглашаетъ графъ Кутозовъ—не получается по заказу какой-либо военной партіи (т. е. Скобелевя и К°): *такой союзъ* надобно напередъ з а с л у ж и т ь (il faut d'abord *mériter* une pareille alliance)», — а чѣмъ? разумѣется прогрессомъ, культурой и т. д.

Да и кому какая польза отъ такого *слабаго союзника*, какова Россія, восклицаетъ либеральный патріотъ. «Вѣдь французское правительство безъ сомнѣнія знаетъ и современное

положеніе Россіи, и достоинство, цѣну (la valeur) *Русской арміи!..*» Еслибъ графъ Кутузовъ сказалъ о достоинствѣ русской военной организаціи,—куда ни шло;—но бросить всенародно въ лицо нашей славной арміи, еще недавно совершившей чудеса доблести, именно военной; явившей подвиги, которые по свидѣтельству самого Мольтке превзошли всѣ предѣлы возможнаго,—бросить русскому войску въ лицо такую клевету, такое поруганіе, плевать на русскаго солдата, да еще на европейской аренѣ, предъ иностранцами,—такому *поступку* трудно пріискать и имя... Такой поступокъ относительно своей отечественной арміи рѣшительно невозможенъ *нигдѣ*; ни въ одной странѣ міра, ни тѣмъ менѣе во Франціи, несмотря на Седанъ и Мецъ и прочія пораженія,—нигдѣ бы онъ не былъ терпимъ. Да и о русской арміи ни у одного иностранца въ мірѣ не повернется языкъ вымолвить такой презрительный отзывъ! Это не скорбная рѣчь патріота, требующаго отъ своей страны высшаго совершенства и преувеличивающаго значеніе недостатковъ: тогда бы онъ обратился съ рѣчью прямо къ ней и на ея языкѣ. Нѣтъ: графъ Кутузовъ какъ бы для того и избираетъ французскій діалектъ, чтобъ пригласить всѣ народы Европы въ соучастники своего презрѣнія къ Русскому народу, къ созерцанію нашихъ внутреннихъ язвъ. «Эта держава, т. е. Россія — докладываетъ онъ Европѣ—совершенно разстроенная, истощенная экономически, раздираемая борьбою партій и взаимною враждою національностей, входящихъ въ составъ ея населенія, лишенная энергіи» и проч., и проч., «можетъ *быть союзникомъ только слабымъ!*» Точно будто миссія графа Кутузова въ томъ именно и заключается, чтобъ отвадить отъ Россіи союзниковъ! Этотъ русскій графъ не примѣтилъ въ Россіи лишь одного,—бездѣлицы: Русскаго народа, здороваго, бодраго, цѣльнаго и—не малочисленнаго!

Нужно ли прибавлять, что авторъ, обращаясь къ покорителю Ахалъ-Текинскаго оазиса, осуждаетъ это покореніе, по той единственной причинѣ, что оно не по вкусу и не въ разсчетахъ Англіи; что Босняки и Герцеговинцы, по его мнѣнію, такіе же *бунтовщики* относительно Австро-Венгріи, какими были наши Поляки въ 1863 г. (какъ будто Босняки и Герцеговинцы *подданные* Австріи!!!); что онъ совѣтуетъ

и Боснякамъ и Герцеговинцамъ сложить оружіе, поработиться, а затѣмъ ужъ и воздѣлывать свою національность «путемъ культуры, прогресса, науки, цивилизаціи» и т. д.,— причемъ указываетъ на возрожденіе Чеховъ. Съ этимъ же совѣтомъ обращается онъ и ко всему Славянскому міру. Но авторъ забываетъ, что возрожденію, притомъ далеко не полному, Чеховъ предшествовали вѣка борьбы, кончившейся Бѣлой Горой и Пражской Экзекуціей, послѣ которыхъ никакая физическая борьба уже не стала возможна. Смыслъ совѣта обращеннаго имъ къ Славянамъ таковъ: если культурная Европа благоволитъ васъ бить, лѣзетъ на васъ съ ножомъ къ горлу или несетъ вамъ оковы—дайте себя бить, рѣзать и пустите себя заковать, — вы народъ не цивилизованный, такъ вамъ и слѣдуетъ; поступите въ неволю, въ рабство, дозвольте себя обезличить (даже вѣроятно совратить въ папство, какъ было сдѣлано съ Гуситами-Чехами), а затѣмъ, черезъ нѣсколько вѣковъ, поотдохнувъ, и начните мирнымъ способомъ школъ, литературы и науки трудъ національнаго возрожденія! Авторъ такъ соблазняется подобною переспективою, что можно подумать — не желаетъ ли онъ такого же благодѣтельнаго процесса развитія и для Россіи?!

Спрашивается: отчего съ такою проповѣдью о мирѣ не обратится графъ Кутузовъ къ самимъ этимъ націямъ, столь высоко стоящимъ въ области просвѣщенія и гражданственности,—націямъ, которымъ мы *не ровня* и союза которыхъ *не заслужили?* Отчего именно Славянамъ, во имя началъ мира и прогресса, воспрещается оказывать какое-либо насиліе въ сопротивленіи западно-европейскому насилію, а для самихъ насильниковъ-Европейцевъ авторъ не находитъ ни одного слова упрека? Нѣтъ, не къ Россіи, не къ Славянамъ, а именно къ Западной Европѣ и къ Нѣмцамъ по преимуществу слѣдовало бы ему взывать и напомнить о «мирѣ», «просвѣщеніи», «прогрессѣ», да и просто о чести и совѣсти, о Божеской правдѣ!...

Нужно ли также прибавлять, что «Голосъ» отъ брошюры гр. Кутузова въ восторгѣ?

Исчисляя язвы, разъѣдающія не Русскій народъ, а русское общество, гр. Кутузовъ забылъ одну и самую злую:

это — возможность такихъ явленій, какъ его брошюра; возможность такого отрицательнаго презрительнаго отношенія къ своей землѣ, къ своему отечеству и такого, выражаясь помягче, духовнаго раболѣпства предъ Западомъ. И не бросается ли въ глаза, что между такимъ раболѣпствомъ, такимъ отношеніемъ къ родной странѣ и между либерализмомъ, проповѣдуемымъ «Голосомъ» и подголосками, существуетъ внутренняя, крѣпкая, логическая связь?...

По поводу Египетскаго вопроса.

«Русь», 24-го іюля 1882 г.

Такая «египетская тьма» подъ названіемъ «египетскаго вопроса» надвинулась на Европу, что всѣ державы бродятъ какъ бы ощупью, цѣлятся мимо, бьютъ невпопадъ: непроницаемой мглой застилается не только даль будущаго, но даже и завтрашній день. А изъ тьмы уже сверкаютъ молніи и падаютъ громы... Словно на смѣхъ человѣческой мудрости и хваленой дальнозоркости знаменитѣйшихъ политиковъ, на глазахъ у всѣхъ, противъ желаній и воли всѣхъ, завязываются въ Египтѣ въ узелъ всѣ политическія нити, опутывающія современный историческій міръ. Совершенно неожиданно для себя очутилась Англія предъ началомъ или уже въ началѣ трудной, томительной войны, исходъ которой болѣе или менѣе гадателенъ, самая *цѣль* которой для нея самой не ясна, а теперь стало даже вопросомъ: *кто* именно врагъ.— война — *съ кѣмъ?* Тотъ же вопросъ становится теперь и предъ Турціей, также рѣшившейся на военное дѣйствіе, и какъ будто заодно съ Англіей: съ Араби-пашою ли обѣимъ имъ воевать или другъ съ другомъ? Франція пыталась было противопоставить грубому напору событій паутину тонкой, очень тонкой политики, такой тонкой, что она уже теперь вся порвалась, и Франція, даже и не приступивъ къ дѣлу, уже потерпѣла нравственное пораженіе. Германія, съ Австріей и Италіей во хвостѣ, косясь, сторонится пока и отъ Англіи, и отъ Франціи, что-то соображаетъ и выжидаетъ. Россія... Но о Россіи мы, Русскіе, можемъ узнавать лишь

по иностраннымъ газетамъ. Даже *циркулярныя* ея ноты (что уже не «секретъ») намъ, Русскимъ, не сообщаются. По послѣднимъ заграничнымъ извѣстіямъ, Россія не одобрила погрома Александріи и согласилась участвовать въ конференціи только по вопросу о Суэзскомъ каналѣ. А между тѣмъ имя ея тѣсно связано съ исторіей «египетскаго вопроса» и поминалось въ былое время лихомъ или добромъ не однажды, по поводу именно Египта.

Когда-то простой пашалыкъ Оттоманской Имперіи, Египетъ издавна началъ стремиться, если не къ полной политической независимости, то къ независимости внутренняго самоуправленія. Въ 1831 году египетскій паша, знаменитый Махметъ-Али, подстрекаемый и тайно поддерживаемый Англіей, вступилъ въ открытый бой съ своимъ падишахомъ, султаномъ Махмудомъ; онъ простиралъ свои виды на Цареградскій престолъ и — кто знаетъ?—можетъ-быть и успѣлъ бы въ своемъ дерзкомъ замыслѣ, еслибы государь Николай Павловичъ не сталъ въ 1833 г. явно на сторону султана. Онъ повелѣлъ адмиралу Черноморскаго флота Лазареву принять на суда десантъ подъ командою генерала Н. Н. Муравьева и идти къ Константинополю,—и черезъ 24 часа по полученіи повелѣнія, грозный фронтъ черноморскихъ кораблей, съ пушками и войсками, уже красовался величаво въ виду Св. Софіи и султанскихъ дворцовъ. Эффектъ былъ полный. Не столько прониклись Турки чувствомъ благодарности за столь быструю помощь, сколько страхомъ и трепетомъ. Все это превосходно и подробно изложено въ запискахъ объ этой экспедиціи генерала Муравьева, высадившагося съ войскомъ и артиллеріею на Анатолійскомъ, противоположномъ Константинополю берегу Босфора, господствующемъ по своей высотѣ надъ городомъ. Въ память этой стоянки поставленъ былъ Муравьевымъ тамъ же и памятникъ, сохраняющійся, кажется, и донынѣ.. То были времена, а теперь другія... Борьба султана съ Египтомъ уладилась компромиссомъ, дарованіемъ автономіи, возведеніемъ Египта въ вицекоролевство, и признаніемъ вицекоролевскаго достоинства наслѣдственнымъ въ семействѣ Махмета-Али. Въ 1853 г., когда государь Николай Павловичъ уже предвидѣлъ войну самой Россіи съ Турціей, онъ въ откровенной бесѣдѣ съ англійскимъ послан-

никомъ Сеймуромъ (той бесѣдѣ, которая стала достояніемъ всемірной исторіи, въ которой въ первый разъ былъ данъ Турціи Русскимъ государемъ знаменитый, признанный теперь всѣми эпитетъ «больнаго человѣка») предлагалъ Англіи овладѣть Египтомъ, прямодушно предъявляя право Россіи на Босфоръ. Что послѣдовало дальше—извѣстно. Послѣ Крымской войны наступилъ въ исторіи нашей дипломатіи тотъ періодъ ничтожества, позоръ котораго не только не потонулъ въ блескѣ нашихъ достославныхъ военныхъ подвиговъ 1877 г., но напротивъ, сумѣлъ затмить даже и этотъ блескъ; періодъ, который вѣнчался Берлинскимъ трактатомъ, этимъ срамнымъ клеймомъ, выжженнымъ на челѣ побѣдоносной Россіи,—періодъ, въ которомъ только и есть одна блистательная страница — дипломатическій отпоръ дипломатическому общему на насъ походу Европы во время послѣдняго польскаго мятежа,—но и этотъ отпоръ произведенъ былъ нашей дипломатіей не самою о себѣ, а подъ натискомъ общественнаго мнѣнія Россіи...

Прослѣдимъ вкратцѣ развитіе и усложненіе Египетскаго вопроса, безъ сомнѣнія мало интересовавшаго вначалѣ большинство читателей, а теперь, неожиданно для всѣхъ, приковавшаго къ себѣ встревоженное вниманіе всего міра. При Наполеонѣ III французское вліяніе было почти господствующимъ на Востокѣ, и особенно въ Сиріи и Египтѣ. Благодаря этому вліянію, Египетъ все болѣе и болѣе ослаблялъ свои узы съ султаномъ. Египетскій вице-король получилъ титулъ «высочества» и *хедива*, но эмансипируясь отъ султана, въ той же мѣрѣ, волей-неволей подчинялся тяжелому попечительству западно-европейскихъ доброжелателей. Прорытіе Суэзскаго перешейка,—это событіе вселенско-исторической важности, порожденное духомъ французской предпріимчивости и содѣянное французскими инженерами и капиталами,—проложило чрезъ Египетъ большой всемірно-международный путь и перевернуло прежнія, на старой географіи основанныя, политическія соображенія. Англія, сначала ревниво, недоброжелательно относившаяся къ геніальному предпріятію Лессепса, вскорѣ по открытіи канала, при Биконсфильдѣ, поправила свою ошибку и къ общей нечаянности явилась вдругъ обладательницею чуть не большей части ак-

ціи Суэзскаго канала. Вмѣстѣ съ Франціей принялась она организовать, цивилизовать, опекать, контролировать и эксплуатировать Египетъ. Было чему подивиться «сорока вѣкамъ глядящимъ (по выраженію Бонапарта) съ высоты пирамидъ»! Египетъ сталъ по внѣшности чуть-чуть не Европой: «правовой порядокъ» или конституція въ полномъ цвѣту, парламентъ, отвѣтственное министерство, регулярное, по европейски обученное войско... Султанъ, вынужденный въ 1873 г. особымъ фирманомъ даровать Египту почти совершенную полноправность и сохранившій за собою только тѣнь верховной власти, предоставилъ, казалось, совершенный просторъ настоящимъ хозяевамъ Египта—Французамъ и Англичанамъ. Сотни тысячъ иностранцевъ населили край: онъ сдѣлался вполнѣ европейскимъ рынкомъ, по сбыту и ввозу товаровъ. Тѣмъ не менѣе весь этотъ стройный и красивый на видъ государственный и экономическій механизмъ, устроенный на арабско-магометанской почвѣ, грозилъ на каждомъ шагу треснуть и расклеиться, и держался въ послѣднее время лишь потому, что былъ плотно обставленъ французскими и англійскими машинистами—въ видѣ «контролеровъ» и тому подобныхъ инспекторовъ, оплачиваемыхъ громадными жалованьями. Недовольные однакожъ хедивомъ Измаиломъ, Европейцы въ 1879 г. учинили или допустили учинить маленькую революцію и замѣнили его сыномъ Тевфикомъ, болѣе податливымъ волѣ своихъ высокомѣрныхъ просвѣтителей. По свидѣтельству одного нѣмецкаго наблюдателя, отношеніе иностранцевъ къ этой землѣ нѣкогда фараоновъ, а теперь нищихъ Феллаховъ было чѣмъ-то въ родѣ культурнаго грабежа, безжалостною эксплуатаціей мѣстныхъ богатствъ, приправленной лоскомъ и блескомъ цивилизаціи, надменнымъ, возмутительнымъ насиліемъ капитала надъ бѣдностью, знанія надъ невѣжествомъ, ученаго коварства надъ первобытной почти простотой. Впрочемъ безсердечіемъ, оскорбительною гордостью и грубостью отличались по преимуществу Англичане: таковы они и въ Индіи, гдѣ, по ихъ собственному сознанію, имъ не удается пріобрѣсти той симпатіи и того довѣрія населенія, которыми—какъ они же съ завистью свидѣтельствуютъ — пользуемся будто бы мы, Русскіе, въ Средней Азіи. Но Арабы—племя даровитое и энергическое. Французы

и Англичане, давъ Египту конституціонную организацію, сами взлелѣяли и взрастили себѣ врага. Образовалась мѣстная національная партія, ненавистница иноплеменнаго полновластія и хозяйничанья; отыскался энергическій человѣкъ, который и сталъ во главѣ партіи: фанатикъ ислама, полковникъ египетской арміи съ неограниченнымъ вліяніемъ на солдатъ — Араби-паша, — и вотъ, въ концѣ прошлаго года возникли разныя конституціонныя эволюціи съ оппозиціей, смѣной министерствъ и съ военной революціей въ перспективѣ. Національная или военная партія овладѣла правленіемъ въ лицѣ Араби-паши, ставшаго военнымъ министромъ, а жалкій, безталанный Тевфикъ, какъ ни переметывался отъ Европейцевъ къ Араби и отъ Араби къ Англичанамъ и Французамъ, долженъ былъ наконецъ вполнѣ подчиниться «легально выраженной волѣ Египетской націи». Англо-французскому вліянію и «престижу» нанесенъ былъ чувствительный уронъ; европейскій контроль отмѣненъ; населеніе стало распаляться враждой къ иностранцамъ-гяурамъ и горделивыми мечтами о торжествѣ ислама.

Въ сущности центръ настоящаго положенія дѣлъ въ Египтѣ именно въ значеніи Араби-паши. Все дѣло въ томъ, все отъ того зависитъ — дѣйствительно ли имѣются въ Египтѣ матеріалы для созданія крѣпкой народной партіи; дѣйствительно ли Араби-паша достоинъ той славы, которая уже гремитъ о немъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ, — дѣйствительно ли можетъ онъ увлечь населеніе Египта къ упорному, ярому сопротивленію европейской военной силѣ? Или же онъ не болѣе какъ хвастунъ, египетскіе солдаты — трусы, а народъ — ни къ какому грозному отпору не способенъ, какъ думалъ и еще повидимому продолжаетъ думать Гамбетта? Но если бы даже Гамбетта и ошибался въ оцѣнкѣ личныхъ качествъ Араби-паши и силы народнаго воинственнаго одушевленія, очень можетъ быть, что *вначалѣ*, когда Гамбетта, еще будучи министромъ, настаивалъ на совмѣстной съ Англіей посылкѣ десанта (въ прошломъ декабрѣ или январѣ), сломить зарождавшуюся враждебную силу было бы еще тогда не трудно. Теперь же обстоятельства измѣнились, и еще прежде, чѣмъ пришлось Англіи испытать — каковы дарованія полковника, въ сущности диктатора Араби, египетскій во-

просъ уже успѣлъ усложниться, уже нанесъ Европейцамъ громадныя потери и кровью и деньгами.

Англія не послѣдовала совѣту Гамбетты, отъ того ли, что предвидѣла скорое его паденіе, отъ того ли, что не хотѣла идти во слѣдъ чужому почину, или вѣрнѣе отъ того, что еще не отдавала себѣ вѣрнаго отчета въ положеніи дѣлъ и партій въ Египтѣ. Гамбетта палъ, а новый глава французскаго министерства, Фрейсине, наотрѣзъ отказался отъ плана своего предмѣстника. Приноравливаясь къ настоящему, вовсе не воинственному темпераменту наличнаго состава палаты, онъ предпочелъ политику менѣе рискованную, такую, при которой можно было бы и возстановить прежнее положеніе въ Египтѣ, и, не прогнѣвавъ Бисмарка, сохранить доброе расположеніе Европы и Турціи. Обѣ державы, Англія и Франція, положили на первый разъ ограничиться демонстративнымъ появленіемъ своихъ броненосцевъ въ виду Александріи. Одновременно, по предложенію Фрейсине, собралась въ Константинополѣ конференція изъ представителей всѣхъ великихъ державъ съ цѣлью обсужденія мѣръ «для водворенія въ Египтѣ порядка»: она должна была изображать собою «европейскій концертъ», и Франція заранѣе обрекла себя на послушаніе мысли и волѣ «соединенной Европы»...

Едвали когда этотъ пресловутый концертъ былъ такъ осмѣянъ и поруганъ, какъ именно на конференціи, которая и въ настоящую пору засѣдаетъ въ Константинополѣ. Конференція какъ будто собралась не для того, чтобы сообща выработать образъ дѣйствій для всѣхъ *обязательный* (каковымъ, конечно, признала бы его въ былые дни Россія, будь онъ даже ей въ гибель!), а для того, чтобы по мѣрѣ выработки своего плана отмѣчать его непригодность, или же волей-неволей, подъ страхомъ разрыва европейскаго концерта, принимать къ соображенію какъ совершившіеся факты, всѣ его нарушенія со стороны тѣхъ державъ, которыя никому и ни для какого теоретическаго принципа, въ родѣ «европейскаго согласія» или «равновѣсія», своими національными интересами не поступятся. Конференція начала возвѣщеніемъ, что соберется въ Константинополѣ, «изъ уваженія будто бы къ верховной надъ Египтомъ власти султана»

и ради соглашенія интересовъ Турціи съ интересами остальной Европы. Султанъ протестуетъ; онъ объявляетъ, что и самъ, собственною своею властью, столь почитаемою Европой, можетъ водворить въ Египтѣ порядокъ, а конференція только его компрометтируетъ. Конференція тѣмъ неменѣе собирается и безъ участія достоуважаемой Турціи, и постановляетъ, за подписью всѣхъ членовъ, протоколъ о *безкорыстіи*, т. е. о томъ, что ни одна держава въ разрѣшеніи египетскаго вопроса не покорыстуется ничѣмъ, а будетъ имѣть въ виду лишь интересъ и волю всей Европы!.. Англія также подписала протоколъ, но настояла на оговоркѣ, что въ кругъ обсужденій конференціи Суэзскій каналъ не входитъ.

Пока конференція совѣщалась, думала, сочиняла, писала, событія шли своимъ чередомъ. Ни «платоническая» демонстрація французскихъ и англійскихъ мониторовъ, ни сердитый, но не грозный «ультиматумъ» англійскаго и французскаго консуловъ, обращенный къ хедиву: смѣнить и удалить Араби-пашу, не оказали на Араби-пашу ровно никакого дѣйствія. Послѣдній, не переставая готовиться къ вооруженному сопротивленію, отвѣчалъ, что въ спорѣ между нимъ и хедивомъ признаетъ только одного судью — султана. Конференція къ султану: умиротвори! Это была минута великаго торжества для Турціи и какъ бы признаніе ея верховныхъ правъ, доселѣ постоянно ограничиваемыхъ Европою въ пользу самостоятельности Египта. Султанъ отправляетъ въ Каиръ Дервишъ-пашу. Между хедивомъ и мятежнымъ министромъ производится примирительная сдѣлка, султанъ жалуетъ мятежнику, въ знакъ своего благоволенія, орденъ, — тому самому Араби-пашѣ, изгнаніе котораго требовалось Англіей и Франціей въ формѣ ультиматума! Но тутъ, отъ случайной ли причины, вслѣдствіе ли раздраженія, которое производило на населеніе зрѣлище европейскихъ мониторовъ, а можетъ-быть вслѣдствіе козней самой «военной партіи» — произошла въ Александріи рѣзня христіанъ (до 200 челов.), а затѣмъ — выселеніе, просто бѣгство, новый «исходъ» изъ Египта значительнѣйшей части Европейцевъ... Несмотря на всѣ представленія конференціи, Дервишъ-паша и хедивъ пустили слѣдствіе объ убійствахъ въ оттяжку, а Араби-паша продолжалъ вооружать форты и армію, и открыто готовиться къ войнѣ... Итакъ, въ резуль-

татѣ всѣхъ политическихъ маневровъ Европы и финальнымъ аккордомъ «европейскаго концерта» явилось торжество Турціи, торжество Араби-паши, избіеніе христіанъ и совершенное паденіе авторитета Европы въ глазахъ мусульманскаго міра. Нужно было наконецъ выдти изъ такого положенія. Въ Англіи и Франціи стали толковать о необходимости вмѣшательства, но Фрейсине хотѣлось заполучить отъ конференціи не только разрѣшеніе, но даже уполномочіе на такое военное дѣйствіе отъ *имени* всей Европы. Ни разрѣшенія, ни уполномочія державы дать не согласились, а препоручили конференціи обратиться къ Портѣ съ «ультиматумомъ» ($^3/_{15}$ іюля) такого рода: или пустъ Турція, въ силу верховныхъ правъ султана, пошлетъ свои войска въ Египетъ, удалитъ Араби и возстановитъ status quo *ante* (т. е. то положеніе, не особенно для Турціи лестное, какое было прежде Араби), причемъ расходы на перевозку турецкихъ войскъ Европа принимаетъ на себя,—или же Европа сама займется возстановленіемъ порядка. Турція, неистощимая въ дипломатическихъ изворотахъ, отвѣтила на грозную ноту, что усматривая въ ней новое признаніе ея верховныхъ правъ на Египетъ, она соглашается... принять участіе въ конференціи. Дипломаты и этой *уступчивости* Порты были уже рады и согласно этикету немедленно предоставили предсѣдательство въ конференціи представителю султана... Но британскій левъ встрепенулся и дурачить себя долѣе не далъ. Гладстонъ понялъ наконецъ, что дальнѣйшая проволочка грозитъ не только англійскому вліянію на Востокѣ, но и ему самому—паденіемъ. Не мѣшкая болѣе. Англія двинула свои мониторы къ Александріи и казнила Александрію, т. е. бомбардировала ее, разрушила форты,—и цвѣтущаго торговаго города какъ не бывало! Къ дѣйствію англійскихъ бомбъ присоединился со стороны Египтянъ пожаръ, грабежъ и новая рѣзня христіанъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта, хотя и варварская, дикая мѣра возстановила, по крайней мѣрѣ временно, въ значительной степени обаяніе англійскаго имени въ Африкѣ и Азіи, и явила вновь міру полнѣйшую независимость англійской политики какъ отъ европейскаго концерта вообще, такъ и отъ главнаго верховода европейской континентальной политики,

германскаго канцлера въ особенности. Изъ участниковъ «концерта» никто разумѣется не остался доволенъ произведеннымъ Англіей диссонансомъ, но никто однакоже не отважился на оффиціальное порицаніе... Вразумитъ ли хоть этотъ примѣръ нашихъ дипломатовъ, избавитъ ли ихъ отъ подобострастія предъ авторитетомъ «соединенной Европы», научитъ ли ихъ цѣнить и защищать русскую честь выше чужой чести, русскіе интересы дороже чужихъ интересовъ?

Но Англія обочлась снова. Ея смѣлое дѣйствіе не разрѣшило, а лишь увеличило трудное положеніе. Гладстонъ очевидно, слишкомъ низко цѣнилъ своего врага. Онъ былъ увѣренъ, что одного ужаса бомбардировки будетъ чрезъ мѣру довольно для трусливыхъ Феллаховъ: но Араби-паша не изъявилъ покорности, не смирился, а смирить его нельзя съ горстью морскихъ англійскихъ солдатъ, при невозможности отдалиться отъ берега! Правда, хедивъ пріютился у Англичанъ и обратился въ ихъ рукахъ въ послушную куклу: Англичане, овладѣвъ городомъ, распоряжаются отъ имени хедива и прикидываются большими почитателями хедивской власти! Гладстонъ даже и теперь возвѣщаетъ въ парламентѣ, будто *единственная* цѣль Англіи — избавить Египетъ отъ военной разбойничьей тиранніи. А между тѣмъ Араби-паша, отступивъ съ войсками изъ Александріи, укрѣпился и окопался въ позиціи повидимому неприступной, и грозитъ лишить Александрію прѣсной воды, доставляемой ей каналомъ. Онъ учредилъ въ Каирѣ временное правительство,—триста улемовъ и другихъ членовъ мусульманскаго духовенства провозгласили хедива измѣнникомъ. Всюду проповѣдуется священная война, всюду разжигается ненависть къ христіанамъ вообще, но къ Англичанамъ въ особенности. Войско Араби возросло до 50 т. и по слухамъ умножается съ каждымъ днемъ. Нѣтъ политики хуже, какъ обезцѣнивать своего врага, и въ этой-то политикѣ и провинился Гладстонъ. Борьба предстоитъ трудная,—во всякомъ случаѣ во сто разъ труднѣе, чѣмъ предполагалось, а Англія одинока... Она разсчитывала, безъ сомнѣнія, на содѣйствіе Франціи,—но Франція или вѣрнѣе Фрейсине наотрѣзъ отказался отъ всякаго совмѣстнаго съ Англіей военнаго вмѣшательства въ дѣлѣ Египта! Соглашеніе между обѣими державами состоялось лишь

относительно совмѣстнаго охраненія Суэзскаго канала, причемъ Франція обязывалась выставить только 4 т. человѣкъ гарнизономъ въ двухъ мѣстахъ по каналу; но едвали и это совмѣстное дѣйствіе состоится: испрашиваемый министромъ на эту экспедицію кредитъ палатою вотированъ не былъ; министерство рухнуло, и такъ какъ не Гамбетта получитъ власть, то кто бы ни сталъ во главѣ министерства, энергической политики отъ Франціи уже нечего ждать! Но Англіи отступить было уже невозможно. Она рѣшила, что станетъ дѣйствовать одна, на свой страхъ; 20-тысячный десантъ готовъ сѣсть, можетъ-быть уже сѣлъ на суда,— королева призвала резервъ къ дѣйствительной службѣ. Разъ втянувшись въ дѣло, Англія конечно не будетъ щадить никакихъ издержекъ, ни жертвъ для достиженія цѣли, но *какой?*...

Дѣло внезапно осложнилось и приняло новый, не предугаданный оборотъ. Порта, которая сначала съ негодованіемъ отзывалась о предложеніи конференціи отправить въ Египетъ турецкія войска и утверждала, что невозможно же ей исполнять роль жандарма Европы надъ турецкими же подданными, — вдругъ недавно выразила согласіе на ноту $^{3}/_{15}$ іюля — въ видѣ *уступки единодушному настоянію Европы*... Она тоже посылаетъ отрядъ тысячъ въ 20 и конечно, согласно предложенію, на коштъ «соединенной Европы»! Это извѣстіе смутило, озадачило и встревожило Англію. Гладстонъ не могъ скрыть въ парламентѣ своей досады по поводу такой, совсѣмъ неожиданной «великодушной рѣшимости» султана. «Слишкомъ поздно! воскликнулъ онъ... Но какъ же быть однако? Лорду Дёфферину поручено требовать отъ султана, чтобы онъ, до отправки экспедиціоннаго корпуса, провозгласилъ по крайней мѣрѣ Араби-пашу бунтовщикомъ. Но султанъ уклонился. *Заставить* его издать такую прокламацію нельзя, остановить прибытіе турецкаго корпуса въ Египетъ невозможно,—развѣ силою?... А предположить, что магометанская Турція посылаетъ войска единственно съ цѣлью помочь гяурамъ, помочь Англіи въ ея войнѣ съ Араби, водрузившемъ знамя полумѣсяца, и содѣйствовать возстановленію англійскаго престижа въ турецкой области—этому не могутъ же повѣрить Англичане,—да и кто же этому повѣритъ?

Вотъ положеніе дѣла въ данную минуту. Вопросъ въ томъ: каково будетъ взаимное отношеніе Англіи и ея, добро бы непрошеннаго, а то вѣдь прошеннаго союзника! прошеннаго даже самою Англіею въ лицѣ ея представителя на конференціи. Конференція! Не добромъ поминается она теперь Англичанами, не добромъ поминается ими и г. Фрейсине, вызвавшій ее на свѣтъ Божій! Не поразительна ли такая перемѣна въ воззрѣніи самой Англіи, совершившаяся въ теченіи какихъ-нибудь 12, 15 дней? Очевидно, что британское министерство еще недавно само не имѣло у себя ясной и опредѣленной программы и не отдавало себѣ точнаго отчета въ дѣйствительномъ свойствѣ раскрывшейся «египетской язвы».

Переберемъ отношенія къ этой «язвѣ» всѣхъ державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ, выдвинутыхъ событіями на первый планъ. Предположимъ, что Англія, высадивъ 20 тысячъ войска, послѣ долгой, утомительной войны съ Араби-пашой, въ концѣ-концовъ осталась бы побѣдительницей. Мыслимо ли, чтобы добывъ побѣду такими трудами и жертвами, захотѣла она, какъ продолжаетъ увѣрять Гладстонъ, возстановить status quo ante, т. е. дѣлить снова съ Франціей, ее покинувшей, опекунство надъ финансами и самую эксплуатацію Египта, даже не обезпечивъ себя въ томъ, что попытки à la Араби впредь возобновиться не могутъ? Конечно нѣтъ. По всей вѣроятности она, въ той или другой формѣ, учредила бы надъ Египтомъ англійскій, не номинальный, а дѣйствительный протекторатъ, а на Суэзскомъ каналѣ, сохраняя за нимъ международное значеніе, устроила бы второй Гибралтаръ. Разумѣется, этого не можетъ желать остальная Европа, еще менѣе мы, интересъ которыхъ впрочемъ весь въ свободѣ безпрепятственныхъ сношеній съ нашими Тихо-Океанскими владѣніями, но еще менѣе Франція, для которой утрата ея значенія въ Египтѣ была бы политическимъ паденіемъ на всемъ Африканскомъ побережьѣ. Это одна перспектива. Другая: послѣ всего того, что *уже* понадѣлано Англіей, начиная съ бомбардировки, можетъ ли теперь Англія отступить назадъ—безъ риска для своего обаянія въ Индіи среди мусульманскихъ племенъ? Очевидно нѣтъ. Если съ появленіемъ турецкихъ войскъ въ Египтѣ,

Англіи отведется, какъ нѣкоторые ожидаютъ, второстепенная роль, а на первомъ планѣ выдвинется верховный повелитель Египта, султанъ, котораго права признаются самою Англіей, то не будетъ ли это растолковано магометанскимъ міромъ въ томъ смыслѣ, что султанъ одержалъ верхъ надъ Англіей, помѣшалъ ей захватить Египетъ? Невозможно предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы Турція (вѣроятно къ тому же дѣйствующая по внушенію своей нимфы Эгеріи, сидящей на берегахъ Шпреи) отправила войска въ Египетъ только съ тѣмъ, чтобъ казнить Араби-пашу за мятежъ противу Европейцевъ, чтобы вновь санкціонировать тотъ ущербъ ея власти въ Египтѣ, который былъ ей нанесенъ европейской политикой? Допустима ли мысль, чтобы Турція, ради службы интересамъ Англичанъ, рискнула ссорой съ многочисленнымъ арабскимъ племенемъ, которое и безъ того, въ азіатскихъ ея предѣлахъ, давно тяготится властію Турокъ,— чтобъ султанъ, однимъ словомъ, ни съ того ни съ сего скомпрометтировалъ свое значеніе калифа и отрекся отъ идеи всеисламизма, единственной исторической идеи, еще способной вдохнуть жизнь въ потомковъ Баязетовъ и Солимановъ — на краю гибели Оттоманской имперіи, въ ея предсмертномъ часѣ?...

Но при такой противоположности интересовъ Англіи и Турціи, безъ сомнѣнія вдохновляемой изъ Берлина, и въ то же время при совмѣстномъ пребываніи въ Египтѣ англійскихъ и турецкихъ войскъ, развѣ не слѣдуетъ ожидать столкновенія между ними? А малѣйшее столкновеніе съ Турціей не будетъ ли сигналомъ къ войнѣ, — войнѣ, которую невозможно будетъ и *локализировать*, т. е., ограничить одною лишь мѣстностью и заключить въ тѣсныя рамки. Хотя увѣряютъ, будто князь Бисмаркъ обнадежилъ Турцію тѣмъ, что какіе бы успѣхи ни одержала въ Египтѣ Англія, Европа сумѣетъ отстоять интересы свои и Турціи,—однакоже каждый Британецъ твердо знаетъ, что Британія не послѣдуетъ примѣру побѣдоносной и могущественной Россіи въ 1878 году и не пойдетъ на Берлинскій конгрессъ. А если не Англія одержитъ успѣхъ, въ чью пользу обратится ея пораженіе?...

Египетскій вопросъ легко можетъ стать и русскимъ вопросомъ. Россіи нѣтъ повода радѣть объ интересахъ Гер-

маніи съ ея спутниками болѣе чѣмъ объ интересахъ Англіи. и наоборотъ. Намъ нѣтъ надобности идти во хвостѣ чужой политики. Мы должны руководиться только своими національными соображеніями, заботиться лишь объ интересахъ Россіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что «центръ тяжести Восточнаго вопроса» перемѣщается съ Босфора на Суэзскій каналъ, изъ Константинополя и Европейской Турціи на сѣверное Африканское побережье и Малую Азію. Но это перемѣщеніе будетъ одновременно и замѣщеніемъ, и если замѣстителемъ Турціи готовится быть, при поддержкѣ Германіи, Австро-Венгрія, то всякая политическая комбинація, способная воспрепятствовать успѣху такого плана, должна встрѣтить въ Россіи энергическую поддержку. У насъ можетъ и должна быть въ виду одна лишь цѣль: Босфоръ,— онъ долженъ быть нашъ. и Балканскій полуостровъ не долженъ стать австрійскимъ достояніемъ никогда и ни въ какомъ смыслѣ. Не только перемѣщеніе Турціи, но всякое замѣшательство въ ней, всякое ея затрудненіе или ослабленіе должно быть обращаемо нами въ свою пользу и въ пользу Балканскихъ Славянъ. Кто готовъ намъ содѣйствовать къ достиженію этой цѣли, тотъ намъ и союзникъ, будь это Германія или Англія, или хоть сама Турція,—намъ все равно. Значеніе Босфора для насъ теперь важнѣе Суэзскаго канала, да и въ свободномъ плаваніи по послѣднему заинтересованы слишкомъ многіе и безъ насъ.

Во всякомъ случаѣ, въ виду возможнаго наступленія грозныхъ событій, мы должны быть наготовѣ... А чѣмъ мы располагаемъ теперь въ Черномъ морѣ? Что-то такое благое какъ будто тамъ и затѣяно, но очевидно съ такимъ разсчетомъ, что исторія будетъ смирнехонько ждать и задержитъ ходъ великихъ событій, что всѣ прочія державы и племена такъ-таки и станутъ сидѣть сложа руки и не шевельнутся, пока мы мало-по-малу, съ комфортомъ, накопимъ себѣ достаточно экономіи, и ужъ никакихъ болѣе въ обширной имперіи нашей не окажется затрудненій. Какъ бы не случилось, что въ тотъ день, когда мы признаемъ, что наэкономничали довольно, наши сбереженія окажутся уже ни къ чему, т. е. что упущеннаго, проиграннаго, утраченнаго никакими уже деньгами не воротишь! Экономія экономіи рознь; траты

бываютъ и непроизводительныя и производительныя. Никакой траты не слѣдуетъ избѣгать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чести и достоинствѣ Россіи, объ исполненіи ея историческаго призванія, а мы къ тому же можемъ утѣшиться и сознаніемъ, что русское дѣло—есть правое дѣло.

Событія повидимому наступаютъ крупныя, величавыя... Окажемся ли мы на высотѣ ихъ? Вотъ вопросъ, томящій, удручающій сердце...

Фокусникъ подмѣняющій всякій русскій интересъ иностраннымъ.

„Русь“, 6-го августа 1882 г.

Данъ намъ судьбою на нашемъ русскомъ европейскомъ востокѣ дивный широкій водный путь, идущій изъ центра Россіи вплоть до Азіи, примыкающій не только черезъ Каспій къ нашимъ азіятскимъ закаспійскимъ владѣніямъ, но и непосредственно къ Персіи. Быстрое развитіе пароходства создало фрахтъ удобный, скорый, дешевый. Числомъ своихъ пароходовъ Волга можетъ равняться развѣ лишь съ американскимъ воднымъ путемъ—Миссисипи. Волга, слава Богу, никому не сдана въ аренду, ни чужимъ ни своимъ, плаваніе по ней не составляетъ ни чьей монополіи, а предоставлено свободному состязанію. Это не то, что́ наши желѣзныя дороги, отданныя правительствомъ въ эксплуатацію частнымъ лицамъ и компаніямъ съ исключеніемъ всякой конкурренціи и съ правомъ назначать провозный тарифъ по собственному этихъ лицъ и компаній соображенію. На Волгѣ и на Каспіи нѣтъ мѣста иностранному съ нами соперничеству; русской торговлѣ съ Средней Азіей и особенно съ Персіей здѣсь открыто просторное поприще, а въ перспективѣ предъ ней, казалось бы, еще болѣе блестящая будущность. На Волгѣ и на Каспіи можно, повидимому, нѣсколько и поотдохнуть душою...

Иное на нашемъ русскомъ югѣ и западѣ съ его желѣзными путями и таможенною тяжбою съ европейскими сосѣдями. Обратимся ли мы къ тарифу нашихъ желѣзныхъ дорогъ, оказывается, что онъ составленъ или, какъ говорится, «комбинированъ», чуть не прямо ко вреду для русской и къ

прямой выгодѣ для иностранной торговли, преимущественно же къ пользѣ Германіи. Этимъ достохвальнымъ качествомъ отличаются въ особенности наши желѣзные пути ведущіе къ сѣверозападной нашей границѣ, какъ это столько разъ было настойчиво и систематически раскрываемо печатью, главнымъ образомъ «Московскими Вѣдомостями» (но ни къ чему до сихъ поръ не привело), и еще недавно было гласно заявлено и доказано на Московскомъ Промышленномъ Съѣздѣ (и также по всей вѣроятности не приведетъ ни къ чему). Обратимся ли къ таможенному тарифу... выводъ болѣе или менѣе тотъ же. Если сочетать весь вредъ, проистекающій для русскихъ и барышъ для иностранныхъ экономическихъ интересовъ отъ желѣзно-дорожнаго тарифа, съ ущербомъ для русскихъ же и съ выгодою для западно-европейскихъ интересовъ по многимъ отраслямъ промышленности отъ правилъ нашего таможеннаго тарифа (полнаго радикальнаго пересмотра котораго съ такою давностью тщетно добиваются наши торговцы), то картина условій, въ которыхъ находится наша русская торговля съ Западною Европой, представится далеко не отрадною. А попробуемъ-ка на эту же картину русскихъ отношеній къ Западу перенести и Ковенландъ (какъ сначала иронически, а теперь ужъ и безъ всякой ироніи прозывается у насъ Ковенская губернія), и заселеніе нашей западной границы прусскимъ ландверомъ, и развитіе прусскихъ фабрикъ въ Лодзинскомъ округѣ, и прочая, и прочая, и прочая,—всего не перечесть, — и все одно къ одному... какова выйдетъ картина! Но зачѣмъ же это такъ? и отчего оно такъ? Вѣдь нѣтъ конечно ни одного человѣка въ Россіи, у котораго, при видѣ этой картины, не заныло бы сердце, но все какъ-то такъ выходитъ, что толку отъ этого нытья никакого! Мы подчасъ и погнѣваемся, и сожмемъ кулаки, а вслѣдъ затѣмъ и утихнемъ. Патріотическія похоти и вожделѣнія вскипаютъ иной разъ, какъ масло на сковородѣ, не только въ общественныхъ, но и въ петербургскихъ административныхъ сферахъ, но, какъ масло, покипятъ, пошипятъ, да и испарятся, — а краски на картину то-и-дѣло ложатся все гуще и безотраднѣе... Словно рокъ тяготѣетъ надъ нами, злой рокъ!

Точнѣе сказать — фокусникъ, да какой! поискуснѣе Пи-

нетти, Боско и самого Казенава. Онъ-то и выкидываетъ тѣ мастерскія штуки, что какъ только мы предпримемъ что-либо себѣ на пользу... глядь! оно пошло на пользу чужую,—что нами же самими творится не то, чего мы хотимъ, а какъ разъ то, чего не желаемъ! Диву дается благонамѣренность административныхъ сферъ: разводитъ руками, пожимаетъ плечми, вздохнетъ и скажетъ: «ничего не подѣлаешь!»—Кто же онъ, откудажъ взялся этотъ фокусникъ? Евреи ли то, о которыхъ въ Петербургѣ вновь восторжествовало мнѣніе, что они благодѣтели человѣчества вообще, а русскаго въ особенности? другъ ли нашъ князь Бисмаркъ? или же «Альбіонъ», которому совершенно неправильно придаютъ эпитетъ «коварнаго», тогда какъ онъ до наглости прямъ и грубъ?... Должно-быть, геній каждой изъ этихъ трехъ дѣятельныхъ силъ, порознь или всѣхъ вмѣстѣ, но во всякомъ случаѣ вкупѣ съ геніемъ нашей собственной, великой отрицательной силы,—т. е. нашего собственнаго невѣжества родной страны, забвенія историческихъ преданій, «культурнаго» пренебреженія къ русской народности, къ силамъ земскаго русскаго духа,—продѣлываетъ надъ нами всѣ эти диковинки фокуснической искусства! Сдѣлаетъ наша бюрократическая канцелярія повидимому самый вѣрный разсчетъ: если распорядиться такъ, а потомъ эдакъ, а затѣмъ опять такъ, то въ русскій кошель попадетъ столько-то прибыли, и очень значительной. Вотъ и распорядится она и такъ, и эдакъ, и потомъ опять такъ,—въ нашемъ карманѣ пусто, а вся прибыль въ карманѣ у Нѣмцевъ, у Англичанъ! Что за притча! Вздумаетъ правительство сдѣлать измѣненія въ таможенномъ тарифѣ: если они, какъ въ 1857 г., радикальны и прямое разореніе русской промышленности, развивавшейся въ извѣстномъ направленіи согласно съ прежней тарифной системой, то падаютъ громомъ, не даютъ русскимъ промышленникамъ ни пощады, ни передышки (тарифъ 1857 г., напримѣръ, приводился въ исполненіе въ каждой таможнѣ со дня его полученія)! Наоборотъ, какимъ-то удивительнымъ фокусомъ, всякія измѣненія, клонившіяся къ нѣкоторому ущербу для иностранной и къ выгодѣ для русской торговли, во 1-хъ, всегда становились свѣдомы иностранцамъ гораздо ранѣе утвержденія и обнародованія ихъ въ Россіи, а во 2-хъ, всегда

сопровождались льготнымъ для иностранцевъ срокомъ,—срокомъ, который, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, давалъ иностранцамъ возможность навезти въ Россію по прежней низшей пошлинѣ товару столько, что возвышенный тарифъ на немалое время обращался въ нуль! Такъ было въ 1876 г., въ 1880 и наконецъ въ нынѣшнемъ году при утвержденіи 1 іюня нѣкоторыхъ измѣненій въ тарифѣ по европейской торговлѣ. Относительно послѣднихъ выкинулся такой фокусъ, о которомъ стóитъ разсказать поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ такъ недавенъ.

Было постановлено, что новыя пошлины вступятъ въ силу 1 іюля, т. е. что иностранцамъ для усиленнаго ввоза по старой низшей пошлинѣ товаровъ дается льготы одинъ мѣсяцъ. Мѣсяцъ такъ мѣсяцъ: это было опубликовано, это и приняли въ соображеніе русскіе торговцы и производители. Казалось бы, тутъ и самому ловкому фокуснику ничего не продѣлать. Въ какое же изумленіе пришла наша металлическая промышленность, когда узнала, черезъ русскія газеты, *оффиціальное*, напечатанное въ «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ» извѣщеніе отъ *германскаго* правительства, въ успокоеніе германскихъ желѣзныхъ и стальныхъ заводчиковъ (встревоженныхъ возвышеніемъ пошлинъ на проволочное желѣзо),—что «русское правительство готово доставить заинтересованнымъ лицамъ облегченіе, т. е. дозволяетъ ввозъ изъ-за границы проволочнаго желѣза по *старому* (низшему) тарифу—до 1 ноября, т. е. еще въ теченіи *четырехъ* мѣсяцевъ, для тѣхъ русскихъ фабрикъ, кои пріобрѣтаютъ это желѣзо для переработки». Такое извѣщеніе германскаго правительства о распоряженіи правительства русскаго (распоряженіи, которое въ Россіи, въ общее свѣдѣніе русской промышленности, почему-то оглашено не было) не могло конечно не произвести у насъ сильнаго впечатлѣнія и не внушить мысли, что виновникомъ такой невыгодной для русской металлической промышленности мѣры не кто иной, какъ князь Бисмаркъ. Что она невыгодна — это обстоятельно доказано статьею «Московскихъ Вѣдомостей» (30 іюля, № 209), такъ какъ со всей массы нужнаго для проволоки желѣза извѣстнаго діаметра, какая только будетъ ввезена въ Россію до 1 ноября, будетъ взято, вмѣсто 1 р. 10 к., только по $38^1/_2$ съ пуда. А ввe-

зутъ ея, въ этотъ льготный срокъ, безъ сомнѣнія такіе запасы, которыхъ хватитъ на много лѣтъ,—стало-быть на то же число лѣтъ дѣйствіе новыхъ измѣненій нашего тарифа, установленныхъ съ цѣлью поощренія русскому металлическому заводскому дѣлу—будетъ совершенно парализовано! А вѣдь казалось однако, что необходимость покровительственныхъ пошлинъ для этой важнѣйшей отрасли нашей промышленности вошла уже въ сознаніе, стала несомнѣнной аксіомой не только для русскаго общества, но и для самого правительства!.... Многіе было у насъ предположили, что такая льгота во ввозѣ упомянутаго товара по дешевой пошлинѣ была послѣдствіемъ переговоровъ князя Бисмарка съ нашимъ Министерствомъ финансовъ черезъ германское посольство, но «Правительственный Вѣстникъ» поспѣшилъ заявить, что никакихъ сношеній по означенному предмету между посольствомъ и Министерствомъ финансовъ не происходило, а что отсрочка до 1 ноября послѣдовала по ходатайству русскихъ заводчиковъ, приготовляющихъ проволоку и проволочныя издѣлія. Какіе это русскіе заводчики, сколько ихъ—не объяснено, но очевидно, что это лишь тѣ только заводчики, которые состоятъ въ болѣе тѣсной связи съ германскимъ, чѣмъ съ русскимъ металлическимъ производствомъ. Почему же объ этой отсрочкѣ, послѣдовавшей по просьбѣ нѣсколькихъ лицъ и для нихъ выгодной, но очень и очень невыгодной для всѣхъ остальныхъ русскихъ металлическихъ производителей, не было нашимъ Министерствомъ своевременно опубликовано — «Правительственный Вѣстникъ» объясненія не далъ.... Итакъ, Бисмаркъ въ этомъ ущербѣ, нанесенномъ русской металлической промышленности и русской казнѣ, не повиненъ. Кто же виноватъ? Никто, или все онъ же, сей таинственный, невидимый фокусникъ, который сумѣлъ сдѣлать такъ, что германское посольство, даже не сносясь съ русскимъ Министерствомъ финансовъ, извѣщаетъ Германію о распоряженіи министерства—русской публикѣ неизвѣстномъ; что русское Министерство допустило отсрочку, имѣя въ виду удовлетворить единственно ходатайство русскихъ заводчиковъ,—а оказывается вмѣстѣ съ симъ удовлетвореннымъ и требованіе, съ коимъ обратились къ князю Бисмарку германскіе желѣзо-и стале-промышленники; что русское па-

тріотическое дѣло выходитъ въ то же время и германскимъ патріотическимъ дѣломъ, съ тою разницею, что всѣ убытки (за исключеніемъ прибыли для нѣкоторыхъ русскихъ фабрикъ) громадною тяжестью ложатся на русскую казну и русскую металлическую промышленность... Какъ же не фокусъ-покусъ?

Но положимъ, здѣсь Россіи приходится непосредственно сталкиваться съ Европейскимъ Западомъ, на который мы отъ младыхъ ногтей привыкли смотрѣть какъ ученикъ (даже не подмастерье) на мастера: отношеніе, отъ котораго не легко отвыкнуть, даже когда ученикъ и самъ достигъ зрѣлаго возраста. Западъ и культурнѣе, и назойливѣе, и знаетъ чего хочетъ, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, кому какую рѣчь держать; мы же—держава хоть и великая, но застѣнчивая и стыдливая, и изъ кожи лѣземъ, чтобъ казаться предъ нимъ «благовоспитанными». Мы и сами видимъ, что у насъ изъ кармана тащатъ, но какъ помѣшать? не равно обзовутъ «нецивилизованнымъ», «мужикомъ», «невѣждой»... Вотъ со стороны Азіи другое дѣло. Здѣсь намъ рынокъ открытый—умѣй только имъ пользоваться; здѣсь мы сами являемся «носителями высшей культуры», не учениками, а мастерами, но притомъ, по врожденному Русскимъ добродушію, пользуемся симпатіей азіятскихъ племенъ. Вотъ почему, какъ мы уже сказали, отдыхаешь душою, переносясь мыслью на этотъ великолѣпный водный путь — эту Волгу, этотъ Каспій, гдѣ никто изъ западныхъ не конкурритъ съ нами; на торговыя отношенія Россіи съ Среднею Азіей и въ особенности съ Персіей. Въ Персіи народъ по природѣ своей «коммерческій»; съ нею существуютъ у нашихъ купцовъ давнія, изъ старины ведущіяся сношенія; наши мануфактуры изготовляютъ спеціальныя для нея матеріи по особымъ рисункамъ; даже упаковка товаровъ идущихъ въ Персію особая, традиціонная; на Нижегородскую ярмарку Персы являются во множествѣ: дѣло это имъ за обычай... Здѣсь ужъ, кажется, для петербургскаго фокусника мѣсто совсѣмъ не сподручное... Правда, по завоеваніи Ахалъ-Текинскаго оазиса фокусникъ встрепенулся и умудрился-таки заставить насъ испугаться мнимаго призрака Англичанъ по-за спиной Мерва,—когда собственно не они намъ, а мы Англичанамъ страшны

до смерти, вслѣдствіе обаянія русскаго имени въ Азіи,—но это дѣло политическое и собственно торговли нашей не касается, а что́ касается торговли, тутъ, повидимому, все благополучно...

Благополучно? такъ развѣ это нормально? можетъ и должно это такъ оставаться и впредь? И фокусникъ развѣ такъ и будетъ сидѣть сложа руки?..

Предъ нами письмо купца Персіянина изъ Астрахани, издавна занимающагося коммиссіонерствомъ, т. е. исполненіемъ заказовъ отъ персидскихъ купцовъ по покупкѣ русскихъ товаровъ. Письмо адресовано ко многимъ московскимъ фирмамъ, также издавна фабрикующимъ или доставляющимъ Персіи мануфактурныя и иныя произведенія. Письмо дышетъ тревогой и исполнило тревогой русскій, заинтересованный въ этой торговлѣ міръ; дѣло вотъ въ чемъ:

У племени Іомудовъ, враждующаго съ Персіей, появились будто бы русскія бердянки. Дошло объ этомъ до свѣдѣнія Петербурга — дипломатическимъ ли путемъ отъ Англичанъ, отъ персидскаго ли правительства (что́ очень сомнительно), или просто изъ англійскихъ газетъ — намъ неизвѣстно; послѣднее достовѣрнѣй. Не мудрено, казалось бы, догадаться, что послѣ Ахалъ-Текинской экспедиціи небольшая толика русскихъ бердянокъ непремѣнно должна была достаться Текинцамъ, какъ трофей ихъ яростныхъ ночныхъ нападеній (были вѣдь и у насъ потери въ людяхъ), а Текинцы могли и перепродать ружья Іомудамъ. Во всякомъ случаѣ, если такія бердянки и попадались у Іомудовъ, то въ числѣ самомъ маломъ, хотя безспорно и одной бердянки довольно для того, чтобъ Англичане задали на насъ окрикъ. Ружейныхъ заводовъ, изготовляющихъ бердянки, у насъ два-три и обчелся; всѣ они подъ контролемъ правительства, слѣдовательно никакой поставки бердянокъ Іомудамъ въ количествѣ хоть сколько-нибудь значительномъ—происходить не могло. Но въ Петербургѣ переполошились, и Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ, ничтоже сумняся, отдалъ немедленно предписаніе Астраханской таможнѣ: всѣ товары, закупаемые въ Россіи для Персіи и черезъ персидскую границу отправляемые, *раскупоривать и строго досматривать*... Это предписаніе угодило въ таможню около 10 минувшаго іюля, *какъ разъ*

наканунѣ Нижегородской ярмарки. Конечно, еслибъ Департаментъ находился внутри Россіи, онъ бы имѣлъ возможность посовѣтоваться напередъ съ русскими купцами, торгующими съ Персіей, или же съ самими Персами, которыхъ, напримѣръ, въ Москвѣ не мало; но Департаментъ находится на границѣ Россіи, въ бывшей Ингерманландіи, которая никакихъ торговыхъ сношеній съ Средней Азіей не ведетъ, никакихъ другихъ отношеній къ Россіи имѣть не можетъ, кромѣ бюрократическихъ, да и по части русской торговли совѣтоваться ей почти не съ кѣмъ, кромѣ развѣ еврейскихъ биржевиковъ, — а потому и состоялось распоряженіе можетъ-быть даже гибельное для цѣлой отрасли нашей торговли... «Въ Астрахани—пишетъ встревоженный коммиссіонеръ-Персіянинъ—нѣтъ ни «средствъ, ни людей для подобнаго раскупориванья и досмотра» (о спеціальной укупоркѣ персидскихъ товаровъ мы уже говорили выше). Какъ скоро начали приводить въ дѣйствіе предписаніе, начались и стѣсненія, и задержки въ отправкѣ товаровъ.... «Похлопочите — молитъ Персъ — какъ можно скорѣе въ Департаментѣ объ отмѣнѣ этого распоряженія. Удостовѣрьте Департаментъ, что племя Іомудовъ враждебно Персамъ, и послѣдніе никогда не согласятся снабжать Іомудовъ оружіемъ, потому что по нашему закону кровь убитаго Іомудомъ должна пасть на дѣтей того Перса, отъ котораго Іомудъ получилъ оружіе. Кромѣ того, заграничнаго, т. е. англійскаго оружія въ Персіи сколько угодно, и изъ Россіи нѣтъ и надобности его выписывать. Убѣдите Департаментъ, что подобный осмотръ только тормозитъ торговлю по Азіатской границѣ, и что несправедливо по этой границѣ, именно при морской (Каспіемъ) отправкѣ, устанавливать досмотръ, который отмѣненъ для товаровъ, отправляемыхъ за границу чрезъ Европейскія таможни моремъ (см. § 5 и 7 правилъ для отпуска товаровъ моремъ). Упросите Департаментъ поторопиться какъ можно скорѣй, пока этого распоряженія еще не знаютъ въ Персіи, а когда тамъ узнаютъ, то никто не будетъ высылать въ Россію ни денегъ, ни заказовъ. Я васъ прошу хлопотать отъ лица всего здѣшняго азіятскаго торговаго міра, покупающаго московскіе и россійскіе товары. Если же это продолжится, то на Нижегородской никто не станетъ покупать товаровъ для Персіи,—а *въ виду открывающагося че-*

резъ Кавказъ (съ окончаніемъ Бакинской дороги) транзита, многіе станутъ (и уже поговариваютъ объ этомъ) закупать товары въ Константинополѣ по перепискѣ, или же сами поѣдутъ туда и заведутъ торговыя связи, такъ какъ разницы въ товарахъ, цѣнахъ и условіяхъ не видятъ никакой, а тѣмъ болѣе такихъ затрудненій, какъ раскупорка, перекладка, ужасная проволочка времени, лишніе расходы, бой и ломка товаровъ», и пр.

Мы слышали, что представители нѣкоторыхъ московскихъ фирмъ уже отправились хлопотать въ Петербургъ, и надо надѣяться — хлопоты ихъ увѣнчаются успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, въ торговлѣ всякое опрометчивое распоряженіе, хотя бы и вскорѣ отмѣненное, не остается безъ вредныхъ послѣдствій. Разумѣется, тутъ никто не виноватъ: виноватъ лишь все онъ же, фокусникъ. И какъ ловко выкинулъ онъ этотъ фокусъ не только ко времени Нижегородской ярмарки, но и какъ разъ ко времени окончанія дороги въ Баку. Мы не отрицаемъ пользы послѣдней, но развѣ нѣтъ возможности оградить вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе интересы? Мы слышали, что поджидая этого окончанія, Англичане уже добыли себѣ образцы рисунковъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, посылаемыхъ въ Персію, и подъ видомъ русскихъ намѣреваются отправлять свои издѣлія, благодаря благодѣтельному для нихъ «Кавказскому транзиту»... А самый этотъ транзитъ развѣ не дѣло того же фокусника? Чѣмъ какъ не фокусомъ можно объяснить то рвеніе, съ которымъ мы сами хлопотали объ этомъ транзитѣ, доводы въ пользу коего слѣдующіе: 1) въ Россіи на Черномъ морѣ каботажнаго судоходства нѣтъ (о чемъ впрочемъ она сама постаралась, надѣливъ привилегіей одно извѣстное акціонерное общество); 2) на югѣ Россіи фабрикъ и заводовъ нѣтъ, и еслибъ даже существовало каботажное судоходство, то одна доставка русскихъ товаровъ изъ центра Россіи къ Черноморскимъ портамъ, благодаря дороговизнѣ желѣзно-дорожнаго тарифа, хотя и вредной для русской торговли, но русскимъ правительствомъ допускаемой, возвысила бы значительно цѣнность товаровъ и затруднила бы поэтому ихъ сбытъ; 3) иностранцы же могутъ подвозить свои произведенія къ Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ моремъ и не бояться на этомъ

пути сообщенія никакого соперничества Россіи. Казалось бы, эти доводы достаточно разъясняютъ, что Кавказскій транзитъ есть наивѣрнѣйшее средство навредить русской торговлѣ въ Средней Азіи и наводнить ее товарами иностранными. Стало-быть—онъ для Россіи не нуженъ?.. Нѣтъ, въ силу особенной фокуснической логики, онъ поэтому-то и нуженъ,—сама Россія будетъ утверждать, что онъ нуженъ, какъ «всемірный (хотя и не русскій) торговый путь». Вотъ и устроила, а Англичане, какъ мы сами слышали отъ очевидцевъ, еще два года тому назадъ потирали руки отъ удовольствія, хваля Россію за то, что трудится, прокладываетъ имъ дорожку для торговли съ Азіей!.. Смущала ихъ, правда, Волга, представляющая для русской торговли съ той же Азіей такія безцѣнныя удобства, съ которыми никакое иностранное соперничество не возможно... Но фокусникъ—пассъ-пассъ, и откуда ни возьмись—Іомуды!

Кто же какъ не фокусникъ? Никто, конечно, самъ себѣ не врагъ, ни одинъ Русскій, безъ сомнѣнія, не желаетъ вреда для Россіи: всѣ патріоты, всѣ благонамѣренны, всѣ готовы сложить за свое отечество голову. Но отъ того ли, что сложить голову легче, нежели утруждать ее мыслью, отъ того ли, что при управленіи Россіи изъ Ингерманладскаго прекраснаго далёка лучъ зрѣнія по необходимости преломляется, и все представляется не въ своемъ видѣ, отъ того ли, другаго ли, только такой фокусъ выходитъ, что сами же мы себя, къ своему собственному изумленію, то-и-дѣло бьемъ и сѣчемъ. И это еще хорошо, когда фокусникъ только денежную прибыль передернетъ изъ нашего русскаго кармана въ чужой. А вѣдь случалось и такъ, что онъ перехватитъ не деньги только, а славу, честь и достоинство наше, какъ это и было съ нами послѣ войны 1877 года, когда,—вслѣдъ за блистательнѣйшими нашими подвигами и обильнѣйшими жертвами, въ ту самую минуту какъ мы думали пожать заслуженные нами плоды побѣды, — онъ подкинулъ Англіи въ карманъ Кипръ, переметнулъ Боснію и Герцеговину Австріи, а Русской могущественной державѣ, ловкимъ и изящнымъ фокусническимъ изворотомъ руки, преподнесъ—позоръ Берлинскаго трактата и... партитуру флейты на европейскомъ концертѣ.

После пораженія Араби-паша.

„Русь“, 11-го сентября 1882 г.

Первый актъ египетской драмы завершился: однимъ рѣшительнымъ, хотя и медленно подготовлявшимся ударомъ Англичане покончили войну, и Египетъ въ ихъ власти. Армія Араби-паши разгромлена, самъ онъ въ плѣну у Англичанъ, и добро бы былъ захваченъ на мѣстѣ боя,—нѣтъ, задержанъ и выданъ врагамъ самими Египтянами въ Каирѣ, куда онъ, послѣ пораженія при Тель-Эль-Кебирѣ, поспѣшно примчался съ частью войскъ, въ надеждѣ на поддержку городскаго населенія. Но отважный вождь очевидно ошибся въ своихъ упованіяхъ на стойкость національнаго египетскаго духа и на жизненныя силы мусульманскаго фанатизма. Ихъ не достало для продолжительнаго отпора. Можетъ-быть,—при ближайшемъ изученіи всѣхъ историческихъ и иныхъ данныхъ, всѣхъ условій этой борьбы сыновъ «песчаной пустыни» съ сынами «коварнаго Альбіона», нагрянувшими во всеоружіи европейской цивилизаціи,—будущій изслѣдователь подивится даже и той мѣрѣ сопротивленія, какая была оказана несчастными феллахами и которая вынудила напряженіе чуть не всѣхъ силъ Британской имперіи; но какъ бы то ни было, теперь сопротивленію положенъ конецъ, и оно едвали скоро возобновится. Не подлежитъ и сомнѣнію, что прокламація султана, объявляющая Араби-пашу бунтовщикомъ, внесла въ мусульманскія души смуту и подорвала нравственную крѣпость отпора, представляя благовидный предлогъ къ отступничеству всѣмъ малодушнымъ, устрашеннымъ англійскою побѣдою. Не даромъ Англичане такъ и настаивали на изданіи этой прокламаціи, да не даромъ также съ такимъ упорствомъ, всякими неправдами отклонили они появленіе въ Египтѣ турецкихъ войскъ: могло бы статься, что послѣднія обратились бы изъ враговъ Египтянъ въ союзниковъ, изъ усмирителей въ покровителей.

И такъ, первый актъ законченъ со всей полнотой сценическаго эффекта: пушечный громъ, клики побѣды, музыка, литавры, маршъ побѣдителей, звяканье цѣпей, процессія плѣн-

ныхъ, тріумфальный въѣздъ генерала Вользлея въ столицу. Теперь наступаетъ второй актъ. Въ оркестрѣ движеніе, музыканты (читай: дипломаты) начинаютъ каждый осматривать, подлаживать и пробовать свои инструменты, въ ожиданіи капельмейстера, который еще не показывался и котораго два удара палочкой должны мигомъ прекратить эти нестройные звуки и замѣнить ихъ торжественно-согласной игрой всѣхъ орудій концерта. Зрители въ нетерпѣливомъ ожиданіи... Но... Но можетъ-быть никакого представленія и не будетъ. Даже безъ подъема занавѣса выйдетъ передъ рампу одинъ изъ британскихъ актеровъ и объявитъ публикѣ, что спектакль отмѣняется. Такъ-таки и объявитъ, и музыканты, поспѣшно уложивъ инструменты и взявшись за шапки, уберутся тотчасъ же домой, первые, даже прежде озадаченной и разочарованной публики... что, конечно, не помѣшаетъ, а пожалуй дастъ прямой поводъ оффиціозной шарманкѣ нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ огласить пустынный театръ, вслѣдъ расходящемуся народу, сладко-слабой, неизмѣнно-старой мелодіей на тему о прелестяхъ европейскаго концерта. Да и зачѣмъ представленіе? Къ чему тутъ концертъ? Развѣ Англія съ самаго начала не повела дѣло такъ, что все уже является предрѣшеннымъ, и съ пораженіемъ Араби-паши все тотчасъ же вставляется въ заранѣе подготовленныя рамки, въ которыя нельзя протискаться легально никакому постороннему вмѣшательству? Тутъ даже нѣтъ мѣста никакому международному вопросу: нѣтъ ни «воюющей стороны», ни войны въ общепринятомъ смыслѣ слова, а только «бунтовщики» противъ верховной, законной, всею Европою признанной власти, и «военное усмиреніе военнаго бунта»! Нѣтъ ни завоеванія, ни отторженія государственной области, — напротивъ: закрѣпленіе государственной территоріи за законнымъ ея владѣтелемъ. Налицо — хедивъ, законный государь Египта, власть котораго, гарантированная европейскими трактатами, возстановлена теперь съизнова Англіей; слѣдовательно Европѣ остается только кланяться и благодарить! Налицо верховный властелинъ Египта, султанъ — авторитетъ котораго превознесенъ теперь тою же Англіею превыше прежняго, котораго именемъ Англія сокрушила мятежъ, которому Англія только сослужила службу съ его собственнаго согласія, вы-

разившагося и прокламаціей объ Араби-пашѣ и подписаніемъ военной конвенціи! Нѣтъ наконецъ никакого измѣненія политической карты Европы, — что́ единственно и могло бы послужить предметомъ обсужденія для европейскаго конгресса: вѣдь только и всего, что возстановляется прежнее, Европою же легализованное положеніе, status quo ante. Правда, Англія оставитъ то тамъ, то здѣсь гарнизоны изъ англійскихъ солдатъ, учредитъ *временный* (безъ означенія срока), военный, политическій, а можетъ-быть и административный контроль (формальнаго протектората она конечно не провозгласитъ); но вѣдь Англія учинитъ это ради пущаго укрѣпленія законной власти хедива, ради водворенія благословеннаго мира и тишины, ради огражденія общественнаго порядка отъ внутреннихъ потрясеній, столь не желанныхъ и для самой Европы!.. И кому же иному караулить этотъ порядокъ? Англія честь этой тяготы никому не уступитъ, да и дѣйствительно имѣетъ на нее полное право: вѣдь ни одна другая держава не взялась же за благодѣтельный подвигъ умиротворенія Египта! вѣдь только одна Англія потратила на него и кровь и достояніе своихъ подданныхъ! ей и подобаетъ по праву утѣшеніе довести свое дѣло до конца. Къ тому же все это будетъ ею учинено, ни одного шагу не будетъ ступлено — иначе какъ съ согласія, даже по просьбѣ *законнаго государя* Египта... О чемъ же тутъ разсуждать европейскому конгрессу или хоть бы даже конференціи! Только развѣ о Суэзскомъ каналѣ? Но Англія безъ сомнѣнія поспѣшитъ успокоить европейскія державы и увѣрить ихъ, что не только каналъ сохраняетъ за собою международное значеніе, вмѣстѣ съ полной свободой плаванія, но что именно ради вящаго обезпеченія этой свободы Англія и рѣшилась принять на себя тяжкій трудъ: посредствомъ береговыхъ укрѣпленій и морскихъ гарнизоновъ въ Портъ-Саидѣ и Суэзѣ ограждать каналъ отъ мести, отъ новыхъ взрывовъ мусульманскаго фанатизма: опытъ вѣдь показалъ, что на одну египетскую армію положиться нельзя! Если такая охрана будетъ походить на охрану Гибралтарскаго пролива, такъ что же? Европа вѣдь давно свыклась съ англійской стражей у Гибралтара и не ропщетъ; плаваніе по проливу несомнѣнно свободное; такое же свободное, несомнѣнно, будетъ плаваніе

и по каналу,—конечно, и тамъ и здѣсь только подъ условіемъ: не воюй съ Англіей...

Мы и въ самомъ дѣлѣ думаемъ, что вопреки вѣроятнымъ ожиданіямъ нѣкоторыхъ державъ, не только конгрессу, но даже конференціи не будетъ повода собираться и обсуждать «окончательное устройство» судьбы Египта. Можетъ-быть, впрочемъ, Константинопольская конференція, которая, кажется, оффиціально еще не упразднена, и соберется разъ-другой, но развѣ лишь затѣмъ, чтобъ принявъ къ свѣдѣнію вышеупомянутое заявленіе Англіи о Суэзскомъ каналѣ, взаимно раскланяться и разойтись. Если съ кѣмъ есть личные счеты у Англіи, то это съ Франціей, для которой нисколько не возстановляется status quo ante Arabi, когда и французскіе контролеры вмѣстѣ съ англійскими нещадно эксплуатировали финансы страны и цивилизованно разоряли бѣдныхъ феллаховъ. Но онѣ, т. е. Франція и Англія, и сочтутся между собою, независимо отъ остальной Европы, сочтутся непремѣнно: Франціи ни въ какомъ смыслѣ нѣтъ разсчета ссориться съ единственнымъ своимъ союзникомъ, на радость Германскому канцлеру. Германіи же, Австріи, Италіи, не говоря уже о малыхъ державахъ, ничего не остается, какъ faire bonne mine à mauvais jeu. Да, нельзя не признать, что Англія не только выиграла партію въ дипломатической игрѣ, но и вообще стяжала прибыль богатую во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ одномъ экономическомъ. Мы говоримъ—прибыль, а не «славу» въ доброкачественномъ значеніи этого слова; успѣхъ достигнутъ не столько храбростью и доблестью войскъ, сколько нахальнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ началамъ справедливости и человѣколюбія, выразившимся прежде всего въ бомбардированіи Александріи, явнымъ обманомъ и коварствомъ дипломатіи (коварствомъ впрочемъ традиціоннымъ, не даромъ Англія и прозывается «коварнымъ Альбіономъ»!). Но тѣмъ не менѣе имя Англіи возвратило себѣ полный блескъ не только могущества матеріальнаго, какъ «владычицы морей», т. е. первой морской державы, но и могущества нравственнаго—въ смыслѣ необычайной энергіи духа и несокрушимой воли отстаивать интересы своей страны противъ всѣхъ и каждаго, всѣми средствами, правыми и неправыми. Вернувъ, даже возвы-

сивъ обаяніе своей силы (хотя бы и ненавидимой) на всемъ Востокѣ и въ особенности въ Индіи, въ средѣ мусульманскаго міра, Англія въ то же время, думается намъ, нанесла и нравственный уронъ Исламу въ умахъ его поклонниковъ тѣмъ, что подорвала болѣе или менѣе духовный авторитетъ калифа правовѣрныхъ, другими словами: скомпрометтировала турецкаго падишаха, явивъ мусульманамъ его малодушное отступничество. Если теперь прокламація султана объ Араби-пашѣ способна была подавить египетское національное возстаніе успѣшнѣе англійскихъ бомбъ, то рано или поздно сочтется султану послѣдователями пророка такое содѣйствіе торжеству гяуровъ, вызоветъ возмездіе, — или же положитъ начало постепенному разложенію мусульманской духовной силы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ Англичанъ является и побѣдой надъ вождемъ европейской континентальной политики, княземъ Бисмаркомъ. Прежде всего англійскій образъ дѣйствій доказалъ совершенную политическую независимость Великобританіи—не только у себя дома, но и внѣ своихъ предѣловъ, въ вопросѣ, касающемся всей Европы. Дружба Германіи съ Турціей или точнѣе — полная готовность султана руководиться указаніями князя Бисмарка не послужила султану ни къ чему, не спасла его отъ позора, не спасла и Египетъ отъ англійскаго захвата (потому что въ сущности произошелъ ни болѣе ни менѣе, какъ захватъ, только прикрытый легальными формами),—не помѣшала Средиземному морю стать въ дѣйствительности англійскимъ моремъ. Европейскій концертъ дискредитированъ окончательно (можетъ-быть только не для русскаго дипломатическаго міра), и ни одна изъ вѣрныхъ союзницъ Германіи ничего не выиграла отдавшись въ египетскомъ дѣлѣ ея политическому руководительству. Если же притомъ не произойдетъ и разрыва между Англіею и Франціею, то весь этотъ египетскій эпизодъ новѣйшей исторіи можетъ быть признанъ нѣкоторымъ пораженіемъ для германской восточной политики, а Гладстону, напротивъ, можетъ возвратить ту смѣлость и свободу дѣйствій, которыя когда-то обѣщалъ онъ проявить по отношенію къ австрійскимъ непристойнымъ политическимъ вожделѣніямъ. Едвали можно предположить, чтобы государ-

ственный мужъ, умудренный годами и опытомъ, кинувшій Австріи въ лицо года три тому назадъ знаменитое «руки прочь».—совершенно измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и сталъ бы теперь дѣятельно помогать посягательствамъ Австро-Мадьяръ на Балканскія земли и на Эгейское море. Болѣе чѣмъ когда-либо вынуждена теперь Англія держать султана въ своихъ рукахъ, и даже сохранять до извѣстной степени его авторитетъ въ мусульманскомъ мірѣ, насколько ей это теперь выгодно и полезно... Болѣе чѣмъ когда-либо долженъ убѣдиться и султанъ, что Бисмаркъ не всемогущественъ и что потворствовать австрійско-германскимъ планамъ нѣтъ для него никакого разсчета...

Намъ сдается, что ни конгресса, ни конференціи въ настоящемъ значеніи слова созвать не удастся, развѣ лишь— какъ мы сказали выше — для принятія къ свѣдѣнію англійскаго завѣренія о свободѣ плаванія по Суэзскому каналу. Во всякомъ случаѣ, съ конгрессомъ или безъ конгресса — единственная держава, которая въ силахъ побудить Англію съ собою считаться — это безспорно Россія. Если съ кѣмъ для Англіи нужно входить въ соглашеніе, такъ именно съ нами: желательно было бы только, чтобъ наша дипломатія была проникнута этимъ убѣжденіемъ и не забывала, что Россія въ своихъ Среднеазіятскихъ владѣніяхъ обладаетъ вѣскими аргументами въ пользу такого предположенія...

А у Австріи, кажется, все болѣе и болѣе разгорается политическій аппетитъ, и разинутый зѣвъ ея все ближе и ближе надвигается къ лакомой добычѣ... Но добыча все еще не дается. Еслибы даже и состоялось теперь какое-либо подобіе конгресса, на которомъ были бы предъявлены притязанія Австріи хоть бы только на присоединеніе Босніи и Герцеговины, то они потерпѣли бы вѣроятно полную неудачу. Ни Англіи, ни Россіи, ни Турціи, ни Франціи нѣтъ никакого повода и прибыли давать на это свое согласіе. Вотъ почему въ послѣднее время въ австрійскомъ дипломатическомъ мірѣ, одновременно съ лихорадочно-суетливою дѣятельностью, проявляются симптомы нетерпѣнія и раздражительности. Газеты поговариваютъ о намѣреніи Австріи, будто бы въ подражаніе Англіи, объявить обѣ турецкія провинціи своею собственностью и преподнести это Европѣ какъ

совершившійся фактъ. Но ссылка на Англію неправильна. Англія учинила теперь только то самое, чѣмъ уже пользуется Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ: военную оккупацію Египта съ согласія законнаго государя. Англія и теперь продолжаетъ признавать надъ Египтомъ власть хедива и султана. Еслибы Австріи въ самомъ дѣлѣ пришла такая блажь, то она безъ сомнѣнія вызвала бы дипломатическій протестъ не одной Россіи, но можетъ-быть и Англіи, и самой Турціи, и положеніе Австріи въ названныхъ областяхъ отъ того бы не улучшилось... Но австрійскія власти дѣйствительно начинаютъ блажить; дѣйствія ихъ по отношенію къ Россіи стали съ нѣкотораго времени принимать какой-то вызывающій характеръ. Знаменитый процессъ о государственной измѣнѣ русскихъ Галичанъ во Львовѣ, съ публичнымъ привлеченіемъ къ суду, съ распоряженіемъ объ арестѣ (!) подданныхъ Россійской имперіи, въ Россіи пребывающихъ, даже состоящихъ на русской государственной службѣ (и все это безъ предварительныхъ дипломатическихъ сношеній, обязательныхъ, въ такихъ случаяхъ, между государствами), конечно не что иное, какъ сознательное оскорбленіе русскаго государственнаго достоинства. Недавно—уніатскому митрополиту въ Галиціи прибавленъ оффиціально титулъ митрополита *Кіевскаго!!* Послѣдній остатокъ православія въ русскомъ Галицкомъ населеніи предназначенъ къ искорененію, русскіе уніатскіе монастыри передаются іезуитамъ, и на нашей границѣ учреждается, подъ гласнымъ покровительствомъ Австрійскаго императора, гнѣздо польско-іезуитской пропаганды и интриги не только для окатоличенія и ополяченія русскихъ Галичанъ (къ вящему утѣшенію нашихъ фальшиво-либеральныхъ газетъ), но и для содѣйствія польской и латинской справѣ въ Сѣверо-Западномъ нашемъ краѣ... А мы?

Мы даже не дѣлаемъ того, что могли бы дѣлать (уже не говоря о томъ, что должны бы дѣлать). На прошлой недѣлѣ во «Всеобщей Аугсбургской Газетѣ» (Allgemeine Zeitung), вѣрной служительницѣ австрійской политики, въ статьѣ подъ названіемъ: «Русскіе шовинисты и русскіе интересы», рядомъ съ издѣвательствомъ надъ русскою неспособностью и несостоятельностью, находятся слѣдующія строки:

„Въ 1870 году Россія отреклась отъ обязательства Парижскаго

трактата по отношенію къ Черному морю. Много тогда кричали по этому поводу за границей, а въ Россіи послѣдовали благодарственные адресы. Весь свѣтъ полагалъ, что вотъ теперь-то создастъ Россія грозный, страшный флотъ, который и дастъ ей въ Черномъ морѣ положеніе чрезмѣру господствующее. Всего спокойнѣе отнеслась къ этому Порта,—и она была права. Ибо ничего болѣе жалкаго, ничтожнаго нельзя себѣ представить, какъ русскій флотъ на Понтѣ,—хотя Россія могла строить тамъ кораблей въ волю! Главная составная часть Понтійскаго россійскаго флота—это двѣ круглыя „поповки", стоившія огромныхъ денегъ и для маневрированія негодныя. Вотъ доказательство, какъ Россія способна пользоваться политическими выгодными для себя случайностями!"....

Что́ на это возразить? Да нечего. Остается только зардѣться стыдомъ и утѣшиться тѣмъ, что этотъ упрекъ относится къ прошлому, хотя и очень недавнему времени. Теперь поповки отставлены и приступлено къ постройкѣ... одного монитора... Но нужно бы, кажется, поторопиться. Никакимъ разстройствомъ финансовъ не оправдаемся мы предъ исторіей, если не приложимъ всѣхъ силъ страны, всей энергіи воли къ быстрому созданію Черноморскаго флота. Тогда и разговоръ на конгрессахъ будетъ другой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Общее обозрѣніе.

„Русь", 17 января 1883 г.

Обозрѣніе... чего? Карта міра или пяти частей свѣта обширна,—не вся же она входитъ въ рамки политическаго отчета? Да и оставивъ въ покоѣ даже цѣлыхъ четыре части свѣта, ограничиваясь даже одною Европою, съ нѣкоторою развѣ долею Азіи, придется все-таки поставить вопросъ: какія собственно европейскія страны представляютъ наибольшій политическій интересъ въ настоящую минуту? Какіе народы живутъ не только у себя дома, внутри своихъ предѣловъ, но и переступаютъ предѣлы своимъ политическимъ воздѣйствіемъ, нравственнымъ и матеріальнымъ, на жизнь другихъ политическихъ организмовъ? Иначе сказать: какія

державы являются главными двигателями, главными орудующими силами во внѣшней исторіи человѣчества *въ данную пору?* И странный отвѣтъ получается въ эту данную, т. е. *настоящую* пору. Можно, хотя бы и не совсѣмъ правильно, разрѣзать Европу діагональною чертой отъ ея крайней сѣверо-западной оконечности до юго-восточной, хоть до Кавказа, на двѣ части, и та часть, которая окажется по нашу, по правую сторону, та и сосредоточиваетъ теперь въ себѣ и мощь, и власть, держитъ теперь въ своихъ рукахъ судьбы міра.

Такой кособокій ходъ современной исторіи обусловливается главнымъ образомъ положеніемъ Франціи. Съ нею *пока* считаться нечего,—и, строго говоря, собственно только три державы и могутъ приковывать къ себѣ, въ переживаемый нами историческій мигъ, вниманіе политическаго наблюдателя и взоры народовъ тревожно вопрошающихъ: чего намъ ждать, бранной ли бури или благоденственной тишины? Эти державы: Англія, Германія и Россія: онѣ однѣ стоятъ на собственныхъ ногахъ, могучи *о себѣ*, а не о чужомъ могуществѣ, не вслѣдствіе какихъ-либо случайно сложившихся благопріятныхъ обстоятельствъ. Только Англія, Германія и Россія и представляютъ теперь силу безспорную, опредѣленную, покоящуюся на твердой основѣ, силу реальную — не только матеріальную, но и нравственную. Замѣчательно, что послѣ паденія кабинета лорда Биконсфильда значеніе Англіи въ дѣлахъ континентальной Европы сначала какъ будто понизилось. Съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ взирали, повидимому, великія державы материка, закованныя въ военные доспѣхи съ головы до ногъ, то-и дѣло бряцающія оружіемъ, однимъ словомъ развившія у себя военщину или «милитаризмъ» до послѣдней степени напряженія—на этотъ островъ, даже и невѣдающій всеобщей воинской повинности, съ сухопутной арміей въ комическо-миніатюрномъ размѣрѣ! Правда, взамѣнъ арміи, у этого острова есть громадный флотъ, а у флота стоянки во всѣхъ моряхъ, во всѣхъ частяхъ свѣта; но вѣдь и флотъ не слишкомъ-то страшенъ теперь, когда такъ удобно оградить берега подводными минами. Припоминалось выраженіе Бисмарка, что война Англіи съ Россіей была бы похожа на войну кита съ медвѣдемъ, что,

впрочемъ, можно было бы сказать съ тѣмъ же правдоподобіемъ и о войнѣ Англіи съ Германіей. И однакожъ съ этимъ китомъ доводится теперь считаться и медвѣдямъ... Въ томъ-то и дѣло, что политическое могущество не поддается одному математическому исчисленію, что никакою цифирною статистикою не объяснить и не оправдать объемъ и силу политическаго значенія или ничтожества даннаго государственнаго организма; что разумѣніе исторіи вообще возможно лишь съ помощью *психологіи* народовъ, такъ обыкновенно пренебрегаемой совопросниками вѣка сего — реалистами и позитивистами, и что рядомъ съ вещественными агентами дѣйствуютъ агенты нравственнаго порядка, орудія духовныя, невѣсомыя. Крѣпкій, традиціонный, государственный строй Англіи, преемственно-прочное направленіе ея политики, характеръ Британскаго народа замѣняютъ для этого острова милліонъ штыковъ и удручающую всю материковую Европу—общую воинскую повинность... Египетскій *эпизодъ* возвратилъ Англіи прежнее политическое обаяніе, казалось совсѣмъ было поколебавшееся съ переходомъ власти отъ партіи *торіевъ* къ партіи *виговъ*, или, по нынѣшнему, либераловъ: возвратилъ, замѣтимъ, несмотря на всѣ внутреннія затрудненія и помѣхи, представляемыя Ирландіей. Міръ убѣдился, что Англія обладаетъ прежде всего твердою, непреклонною, единодушною волею, не останавливающеюся въ политикѣ ни предъ внѣшними преградами, ни даже предъ тѣми, какія воздвигаются... совѣстью! Наши предки въ грамотѣ о восшествіи на русскій престолъ Михаила Романова, въ историческомъ изложеніи всѣхъ превратностей эпохи отъ смерти Ивана Грознаго до 1612 года, про царствованіе Бориса выразились такъ: «а сѣлъ онъ, Борисъ Годуновъ, на царство *своимъ хотѣньемъ*». Англія несомнѣнно сидитъ на томъ престолѣ, на какомъ красуется въ мірѣ—своимъ хотѣньемъ, а не дѣйствіемъ только тѣхъ естественныхъ матеріальныхъ силъ и условій, запасомъ которыхъ многія, слабѣйшія въ политическомъ отношеніи, страны Европейскаго континента ее превосходятъ.

О правахъ Германіи и Россіи на преобладающее политическое значеніе въ судьбахъ міра распространяться нечего: они очевидны сами собою. Остаются затѣмъ изъ состоящихъ

въ чинѣ «великихъ державъ» Австро-Венгрія, Франція, Италія, Оттоманская имперія,—или вѣрнѣе сказать—ея изувѣченный остовъ въ широкой, обвисшей, полинялой восточной одеждѣ, — наконецъ, не состоящія въ чинѣ «великихъ»— Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Данія, Швеція съ Норвегіей, и меньше чѣмъ не великія, политическіе недоростки: Греція, Румынія, пожалуй Сербія и Черногорское княжество... Но для кого же не ясно, что Австро-Венгрія, несмотря на всю внѣшность, на обстановку и всѣ аттрибуты великой державы,—т. е. пространство, населеніе и многочисленную армію, лишена всякой внутренней мощи, стоитъ на зыблющейся, подвижной почвѣ и является грозною только прислонившись спиною къ Германіи? Впрочемъ къ Австро-Венгріи, политическая участь которой тѣсно связана съ политическою будущностью самой Россіи, мы еще вернемся,—перейдемъ къ остальнымъ членамъ европейской державной семьи. Но стóитъ ли останавливаться долго на Италіи? И объединилась Италія, и обратила въ столицу Итальянскаго королевства нѣкогда столицу вселенной, а потомъ и столицу «вселенской» церкви (таково было притязаніе), великій Римъ,—но вѣдь только разжаловала, развѣнчала двойное державство «вѣчнаго» города», отобравъ Римъ у главы католической церкви. Обладаніе древнимъ Римомъ только ярче оттѣнило современную безсодержательность итальянскаго національнаго духа — по крайней мѣрѣ въ смыслѣ политическомъ. Про нынѣшнюю Италію, какъ ни напрягайся мыслію, сказать пока нечего, кромѣ развѣ, что въ ней die Citronen blühen, что это страна—чудной природы, сокровище искусствъ (впрочемъ не современныхъ), архивъ величавыхъ историческихъ воспоминаній, вѣчное *dahin!* для обитателей Сѣвера... Италія, омываемая съ трехъ сторонъ моремъ, надѣленная всѣми богатствами природы, могла бы, конечно, обзавестись теперь флотомъ, и военнымъ и торговымъ, не уступающимъ Англіи,—но... Не только этого нѣтъ по недавности политическаго возрожденія Италіи, но и не предвидится по отсутствію внутреннихъ, достаточно сильныхъ побужденій. У нея, такъ-сказать подъ глазами, захватила Франція Тунисъ, который издавна почти самъ наклевывался Италіи на уду,—она только озадачилась: ея торговые инте-

ресы въ Египтѣ многозначительны, но безцеремонность англійскаго захвата ее только смутила, не вызвала не только на противодѣйствіе, даже на протестъ... Ея языкъ и теперь господствуетъ на Левантѣ, и даже на всемъ восточномъ побережьѣ Адріатики, нѣкогда подвластномъ Венеціи, она вообще пользуется симпатіей сосѣднихъ народовъ, но... Но нѣтъ политической души въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ,—ни политическихъ идеаловъ, ни политическихъ, славныхъ, подъемлющихъ національный духъ преданій. Вѣдь не итальянское же, въ самомъ дѣлѣ, достояніе—древній «желѣзный Римъ», и ничего не говоритъ итальянскому сердцу надпись на аркѣ: *Senatus populusque romanus!* Въ Средніе же вѣка и позднѣе напротивъ: не было ни сознанія, ни чувства *единой* Италіи или итальянской народности въ политическомъ смыслѣ, сколько-нибудь серьезнаго, ни тѣмъ менѣе живаго влеченія къ объединенію. Самыя славныя, хотя и не политическія воспоминанія Италіи въ прошломъ относятся къ автономной жизни разрозненныхъ мѣстностей,—жизни полной и плодотворной, въ разнообразіи всѣхъ сторонъ итальянскаго народнаго духа. Но это прошлое, даровавшее Италіи все то духовное богатство въ области искусствъ, поэзіи и науки, которымъ она прославилась въ мірѣ и доселѣ гордится, совершенно противоположно ея настоящему политическому бытію... Австрійское иго, тяготѣвшее надъ нѣкоторыми областями Италіи, идея національности, съ такою силою возникшая въ сознаніи народовъ съ начала XIX вѣка,—все это вызвало и въ Италіи страстный порывъ къ объединенію, создавшій героевъ, мучениковъ, воплотившійся въ Гарибальди. Объединеніе наконецъ совершилось,—главнымъ образомъ съ чужою помощью, помощью Франціи, а потомъ и Пруссіи. Но затѣмъ что?.. Да ровно ничего. Облеклась Италія въ общеевропейскій государственный мундиръ, обзавелась конституціей также по общеевропейскому модному шаблону, т. е. искаженною копіей съ англійскаго образца, обездушенною, лишенною его туземной, традиціонной своеобразности, почвенной сочности и органической, животворной силы. Да и вообще Италія быстро теряетъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, ту свою оригинальность, которою она отличалась отъ остальной Европы, — въ чемъ и заключалась ея прелесть,—не проявляя пока притомъ никакого ор-

ганическаго творчества — не только въ смыслѣ политическомъ, въ дѣлѣ государственнаго созиданія, но и въ области науки, знанія и искусства... По крайней мѣрѣ до сихъ поръ не видать и не слыхать никакого особеннаго роста или движенія жизни духа. Удивляться этому впрочемъ нечего при оскудѣніи той духовной стихіи, которою жила Италія столько вѣковъ и убыль которой ничѣмъ равносильнымъ замѣнена быть не можетъ, — мы разумѣемъ стихію религіозную. Это не то страстное отрицаніе религіи и церкви, которое мы встрѣчаемъ въ другихъ странахъ и которое нерѣдко есть проявленіе тоже вѣры, но лишь въ иную, мнимо высшую истину; въ Италіи, по общимъ отзывамъ, прежняя религіозность, низведенная папствомъ до суевѣрія, уступила мѣсто индифферентизму,— какому-то равнодушному, безразличному отношенію къ вѣрѣ...

Если въ массахъ народа нѣтъ религіознаго равнодушія, и онъ только по наружности покорился тѣмъ новымъ условіямъ, въ которыя поставлена его церковь, то у него не можетъ быть и особенно жаркой преданности новому, болѣе или менѣе враждебному ей политическому строю, а это обстоятельство не можетъ не отозваться на крѣпости и преуспѣяніи послѣдняго. Если же наоборотъ,—то не этимъ ли именно индифферентизмомъ объясняется убожество почвенныхъ духовныхъ соковъ, питающихъ итальянскую интеллигенцію, а потому и убожество творческой дѣятельности даже въ политической сферѣ? Въ Италіи есть, конечно, и республиканцы, и соціалисты, и анархисты, но не болѣе какъ жертвы заносныхъ модныхъ доктринъ, безъ корней въ народныхъ массахъ,—и замѣчательно, что въ новѣйшихъ анархическихъ международныхъ ассоціаціяхъ представителей Италіи почти не видно.

Если мы теперь слишкомъ распространились объ Италіи, этой колыбели латинской церкви, такъ это потому, что имѣемъ въ виду не возвращаться къ ней безъ особенной надобности въ слѣдующихъ обозрѣніяхъ: нѣтъ вѣдь никакого особеннаго интереса для читателей знать о ходѣ преній въ итальянскихъ палатахъ, о перемѣнѣ министровъ и даже о мнѣніяхъ итальянской печати. Политическая роль Италіи очень ограничена, и еслибы не Наполеонъ III, едвали бы она когда и попала въ званіе великой державы. Сама по себѣ она не предста-

вляетъ ни для кого серьезной угрозы, ни даже для Австріи, и можетъ служить лишь придаточною силою. Въ настоящее время съ непосредственными своими сосѣдями она въ отношеніяхъ крайне холодныхъ и даже недружелюбныхъ. Франція, создавшая единство Италіи, связанная съ ней узами племенными и единствомъ вѣроисповѣданія, не можетъ простить Италіи ея безучастіе, ея союзъ съ Пруссіей во время послѣдней роковой для Французовъ войны. Италія, съ своей стороны, помнитъ, что Франція сама себѣ уплатила итальянскій долгъ благодарности присвоеніемъ Ниццы и Савоіи, а недавно вытѣснила Италію совсѣмъ изъ Туниса. Австрія естественно не можетъ питать искренно-дружественнаго расположенія къ государству, обогатившемуся всѣми ея итальянскими владѣніями, — и хотя Итальянскій король, по настоянію Германіи, посѣтилъ Австрійскаго императора въ Вѣнѣ и старался установить дружественныя съ Австріей отношенія, однакоже императоръ Францъ-Іосифъ не отдалъ, да еще и не можетъ отдать королю визита — благодаря исторіи съ Оберданкомъ и угрозамъ партіи «Italia irredenta», т. е. «невыкупленной Италіи». Остатки гарибальдійцевъ и нѣкоторая часть итальянской молодежи упорно еще мечтаютъ о присоединеніи къ Италіи части такъ-называемаго итальянскаго Тироля, принадлежащаго Австріи или собственно Фріула, а также и Тріеста. Само итальянское правительство о Фріулѣ вѣроятно, а ужъ о Тріестѣ навѣрное не помышляетъ, несомнѣнно зная, что не только Австрія, но и Германія никогда Тріеста Италіи не уступятъ — этого единственнаго морскаго порта и мѣста сбыта для произведеній германской промышленности на югѣ... Да и почему же Тріестъ, со всѣмъ полуостровомъ Истріей — владѣніе итальянское? Это чисто славянская земля съ славянскимъ населеніемъ, да таково же большею частью населеніе и во Фріулѣ. Какъ бы то ни было, но за отсутствіемъ другихъ политическихъ задачъ и плановъ, или пищи для своего итальянскаго патріотизма, итальянская публика охотно горячитъ себя мечтою объ Italia irredenta, — образовались тайные заговоры; динамитъ и тутъ обольстительно подѣйствовалъ на юные умы, но бомба, начиненная этимъ моднымъ и популярнымъ въ наши дни взрывчатымъ веществомъ и пред-

назначенная Францу-Іосифу, была вовремя захвачена полиціей. Виновникъ покушенія Оберданкъ казненъ,—что подало поводъ въ Римѣ къ разнымъ неистово враждебнымъ Австріи демонстраціямъ, а итальянскому правительству причинило и причиняетъ не мало хлопотъ, такъ какъ австрійское правительство косится и исполнено недовѣрія... При этихъ обстоятельствахъ Италія крѣпче чѣмъ когда-либо держится за Германію и въ своей внѣшней политикѣ слѣпо слѣдуетъ ея указаніямъ.

Есть другое, также «латинское», по народному языку и вѣроисповѣданію, государство,—крупнѣе Италіи и однакоже не только не включенное въ кругъ «великихъ державъ», но какъ будто забытое, почти «игнорируемое» всею Европой,— это Испанія... Испанія, давшая міру Сервантеса и Мурильо, Торквемаду и Лойолу, великихъ фанатиковъ, великихъ политиковъ, полководцевъ, мореплавателей, распространившая свой языкъ за Океаномъ на необъятныхъ пространствахъ, страна своеобычная, населенная мужественнымъ, гордымъ племенемъ, прославленная въ началѣ нынѣшняго вѣка своимъ энергическимъ отпоромъ войску Наполеона, — страна прожженная, если уже не сожженная духомъ католицизма! Вотъ уже почти три вѣка эта страна, давшая такъ много, не даетъ, не творитъ ничего, не играетъ никакой роли на всемірной сценѣ, и въ общечеловѣческомъ историческомъ организмѣ въ настоящее время—словно селезенка въ тѣлѣ человѣческомъ, о назначеніи и функціи которой до сихъ поръ недоумѣваютъ медики. Тамъ происходятъ порою междоусобныя брани, бунты, рѣзня, изгнаніе и призывъ монарховъ, тамъ пожила нѣкоторое время и республиканская форма правленія. Издали присматриваясь, тамъ какъ будто копошится какая-то страстная жизнь, но жизнь ли это или только ея призракъ—разобрать трудно. Несомнѣнно только то, что по своему географическому положенію, по своимъ природнымъ богатствамъ, по обладанію роскошными колоніями, по своимъ связямъ съ испанскою же, хотя и независимою Бразильскою имперіей, однимъ словомъ—по всѣмъ внѣшнимъ математически взвѣшиваемымъ условіямъ, ничто бы, казалось, не мѣшало ей, омываемой Океаномъ и моремъ, обзавестись грозною морскою силою, овладѣть Марокканской державой,

цвѣсти торговлею и промышленностью и заставить міръ прислушиваться къ ея голосу. Но въ томъ-то и дѣло, что несостоятельны всѣ теоріи, поставляющія развитіе народовъ въ зависимость отъ однихъ внѣшнихъ, климатическихъ, физіологическихъ и экономическихъ условій. Условія эти тѣ же, и даже благопріятнѣе, чѣмъ въ XV и въ XVI столѣтіи, но отъ того ли, что она слишкомъ сильно жила въ Средніе вѣка, дала все что̀ могла дать и, выдохшись вмѣстѣ съ католицизмомъ, ничего болѣе дать не можетъ,—ни сама она не претендуетъ теперь на выдающееся значеніе въ мірѣ, ни другія державы вовсе не принимаютъ ее въ разсчетъ, какъ будто ея и на свѣтѣ нѣтъ!.. Наступитъ ли для Испаніи возрожденіе, послужатъ ли ея племена для какой-либо новой историческской формаціи?.. Богъ вѣсть!

Не въ такомъ конечно положеніи великая, латинская же нація, «старшая дочь католической церкви» (какъ иронически звучитъ теперь этотъ почетный средневѣковой титулъ Франціи!)... Но и Франція въ настоящую минуту почти не имѣетъ и голоса въ сонмѣ «великихъ державъ»... Ея совѣты и протесты не уважаются; никто не ищетъ съ нею союза, да и она никому такого союза предложить не можетъ. Гамбетта, воплощавшій въ своемъ лицѣ идею «реванша» или отмести Германіи и принципъ сильной государственной власти, еще смущалъ покой недавнихъ побѣдителей Франціи, виновниковъ ея униженія и позора,—смущалъ можетъ-быть и не совсѣмъ основательно, потому что еще вопросъ: успѣлъ ли бы онъ создать таковую власть при республиканскомъ режимѣ, да и самъ былъ ли къ тому вполнѣ способенъ? Во всякомъ случаѣ имя его было знаменемъ, объединявшимъ людей разныхъ партій, всѣ страстныя «патріотическія» сердца. Но со смертью Гамбетты для Франціи очевидно наступилъ періодъ — по всей вѣроятности продолжительный—тяжелаго внутренняго кризиса, въ теченіи котораго она на европейской политической аренѣ будетъ считаться «не у дѣлъ». Чѣмъ окончится кризисъ — поручиться нельзя, но мы не вѣримъ въ прочность республиканскаго правленія во Франціи. Не говоримъ уже о томъ, что само французское племя слишкомъ суетно для того, чтобы мириться со строгою простотою и разными суровыми гражданскими

добродѣтелями, при которыхъ еще кое-какъ можетъ быть мыслима республиканская форма,—но не въ пользу ея и всѣ другія соображенія. Для политическаго значенія въ мірѣ, равно какъ и для благоденственнаго, мирнаго житія внутри, нужны были бы Франціи или сильная государственная, почти диктаторская власть (тогда — къ чему же и республика?), или же установившаяся традиціонная общественная дисциплина, какъ напримѣръ въ Англіи. Но откудажъ ей было взяться, когда всѣ традиціи гласятъ не о свободной гражданской дисциплинѣ, а о бунтѣ, и только о бунтѣ? Уже почти сто лѣтъ въ этихъ традиціяхъ воспитываются Французы, такъ что чуть ли не въ каждомъ изъ нихъ сидитъ наивная увѣренность que chaque génération doit avoir sa révolution (на каждое поколѣніе должно быть по революціи!)... Со времени своего великаго перваго мятежа Французъ или рабствуетъ, или бунтуетъ... Да наконецъ республиканская форма правленія (не имѣющая никакихъ корней въ сознаніи народныхъ массъ, не оставившая Франціи никакихъ воспоминаній мира и благоденствія, а лишь воспоминанія кровожадной тиранніи, повальныхъ убійствъ, смутъ и бѣдствій, надругательства надъ вѣрованіями народа), не отождествляется ли она въ понятіяхъ самихъ ея поклонниковъ съ атеизмомъ, съ отрицаніемъ не только Бога, но и всякаго высшаго авторитетнаго нравственнаго начала, слѣдовательно съ отрицаніемъ самаго основанія, на которомъ зиждется общественная нравственность и общественная дисциплина?!... Забавны и жалки тѣ противорѣчія, въ которыя по неволѣ впадаетъ французское республиканское правительство. Легкомысленно и безтактно (что заставляетъ сомнѣваться и въ государственной прозорливости Гамбетты) изданъ законъ о народномъ воспитаніи въ атеистическомъ смыслѣ, объ изгнаніи изъ школъ дорогихъ сельскому народу священныхъ изображеній и изваяній и имени Божія изъ всѣхъ публичныхъ актовъ Правительство, въ виду народнаго неудовольствія съ одной стороны и анархическаго, *динамитнаго* движенія съ другой, только теперь вспомнило, что во Франціи до 30 милліоновъ католиковъ, что всѣ государственныя традиціи въ народѣ, сталобыть и самый общественный и политическій строй Франціи, неразрывно связаны съ традиціонною церковью. Оно готово

теперь хоть бы на попятный дворъ, и министры уже издаютъ циркуляры, ослабляющіе строгое исполненіе только-что изданныхъ законовъ! Противъ нихъ недавно протестовалъ въ палатѣ самъ Андріэ, бывшій префектъ полиціи въ Парижѣ, наиусерднѣе всѣхъ выбрасывавшій Распятія изъ школъ и изгонявшій монаховъ...

Республика стала теперь, по чувству самосохраненія, принимать все болѣе и болѣе консервативный оттѣнокъ, и правительство, того и гляди, скоро будетъ обвиняемо въ клерикализмѣ! Провозгласивъ, можно сказать, съ самаго начала культъ революціи, возведя въ народный праздникъ первый актъ «великаго мятежа», de la grande Révolution,— взятіе Бастиліи,—это же самое правительство тащитъ теперь въ полицію всякаго кто крикнетъ: да здравствуетъ революція! Оно отбивается теперь и отъ анархистовъ, и отъ бонапартистовъ, и отъ легитимистовъ, и по всей вѣроятности истощится наконецъ въ этой борьбѣ, не давъ Франціи ни внѣшней, ни внутренней силы, ни славы, ни тишины... Республика своимъ происхожденіемъ, своими провозглашенными принципами и воспитаніемъ своихъ правительственныхъ руководителей слишкомъ чужда вѣры и церкви, для того чтобы могла вступить съ нею въ искренній союзъ, найти въ ней себѣ опору; слишкомъ буржуазна, слишкомъ причастна и нравственному и гражданскому міросозерцанію того средняго, городскаго, болѣе или менѣе зажиточнаго класса, дорожащаго выше всего этою своею зажиточностью, чтобы отважилась взяться за государственный починъ разрѣшенія соціальныхъ задачъ, имѣющихъ безспорно во Франціи свою практическую основу—и такимъ образомъ привлечь на свою сторону массу рабочаго класса. Въ то же время республика не можетъ отречься и отъ задачъ Франціи какъ политической въ Европѣ силы, измѣнить ея призванію какъ государства... А между тѣмъ разбогатѣвшіе буржуа опасаются всякаго призрака войны и парализуютъ политическую энергію правительства,—партіи же радикаловъ, соціалистовъ и т. д. космополитичны по самому своему ученію и требуютъ не внѣшнихъ военныхъ успѣховъ, а внутренняго экономическаго переворота, грозятъ не только революціей, но и анархіей. Нѣтъ сомнѣнія однакоже, натура крупнаго государственнаго орга-

низма со всѣми своими инстинктами и требованіями еще довольно сильна во Франціи и не можетъ мириться съ настоящимъ его униженнымъ положеніемъ... Но кто пробудитъ ее къ дѣйствію, кто вызоветъ къ подвигамъ ея патріотическій, ея историческій духъ?

Вотъ на это-то и устремлены взоры политиковъ всего міра, и особенно взоры Германіи. Съ этой только точки зрѣнія и представляетъ интересъ Франція для политическаго обозрѣвателя, а не по отношенію къ ея внѣшней политикѣ въ настоящую минуту. И намъ нѣтъ никакой надобности выслѣживать, по примѣру русскихъ газетъ, всѣ ежедневныя явленія французской государственной жизни; достаточно указывать на главные моменты и симптомы совершающагося въ ней кризиса. Самое шумное теперь во Франціи событіе— появившійся манифестъ принца Жерома-Наполеона, того, всѣми презираемаго Наполеонида, который извѣстенъ подъ названіемъ Plon-Plon, и который выступилъ теперь кандидатомъ хотя еще и не на императорскій престолъ, однакожъ все-таки на мѣсто главы государства. Не будь авторъ манифеста именно Жеромъ, дѣло могло бы пожалуй принять нѣсколько серьезный оборотъ,—но Жерома отвергаетъ и бо́льшая часть самихъ бонапартистовъ, признавая династическія права лишь за его сыномъ Викторомъ-Наполеономъ. Принцъ арестованъ, и говорятъ будетъ преданъ суду сената.

Гораздо важнѣе извѣстіе о легитимистскомъ заговорѣ подъ названіемъ «Католическаго союза», съ генераломъ Шаретомъ во главѣ, имѣющемъ будто бы довольно широкое развѣтвленіе, чему легко повѣрить. Замѣчательно, что въ основаніи заговора—протестъ во имя преслѣдуемой церкви. Этотъ протестъ повторится непремѣнно въ той или иной формѣ. Извѣстно, что къ легитимистамъ принадлежатъ теперь не только приверженцы графа Шамбора или Генриха V-го, но и орлеанисты. Обѣ фамиліи примирились съ 1873 г., и «наслѣдникомъ престола» послѣ бездѣтнаго гр. Шамбора признанъ внукъ Луи-Филиппа, графъ Парижскій.

Вообще партіи легитимистовъ и бонапартистовъ проявляютъ все болѣе и болѣе дерзости. Испуганные республиканцы потребовали было отъ палаты изгнанія всѣхъ принцовъ Орлеанскихъ и Бонапартистскихъ. Министерство не рѣшается

допустить такую мѣру, боясь раздражить еще сильнѣе значительную часть населенія, и безъ того недовольнаго республиканскимъ правительствомъ.. Положеніе кабинета обострилось. Вообще во Франціи смутно...

На этомъ мы теперь съ Франціей и покончимъ. Несчастная страна, призванная назидать своею судьбою остальное человѣчество, мятущаяся между папизмомъ и атеизмомъ, между суевѣріемъ и безвѣріемъ, между рабствомъ и бунтомъ!... Обрѣтетъ ли она когда путь къ истинной вѣрѣ и къ истинной свободѣ?...

Намъ остается теперь перейти къ послѣднему государственному члену римско-католической церкви, къ Австріи, также стоящей по лѣвую сторону проведенной нами на европейской картѣ діагонали, по правую сторону которой стоятъ Англія, Германія и Россія...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Общее обозрѣніе.

«Русь», 1-го февраля 1883 г.

Самымъ выдающимся «событіемъ» за послѣднее время въ Европѣ, которое и теперь не перестаютъ за границей толковать на всѣ лады, — слѣдуетъ признать обратное путешествіе статсъ-секретаря Гирса изъ Италіи черезъ Вѣну въ Россію, или собственно пребываніе его въ Вѣнѣ. Это пребываніе нашего министра иностранныхъ дѣлъ сопровождалось такимъ, можно сказать, ухаживаніемъ за нимъ руководителей австрійской политики, такими знаками вниманія со стороны австрійскаго императорскаго двора, какихъ, по замѣчанію даже германскихъ газетъ, не удостоивался и самъ Бисмаркъ во время посѣщенія имъ Вѣны въ 1879 году. Наше національное самолюбіе можетъ быть только польщено тѣмъ значеніемъ, какое придается теперь въ Европѣ каждому поступку Русскаго кабинета, хотя бы и самому малозначительному, но подающему нѣкоторый поводъ судить или догадываться о политическихъ намѣреніяхъ или симпатіяхъ Россіи. Еще недавно нѣмецкія, австрійскія и мадьярскія газеты хоромъ голосили о томъ, что Россія распадается, что Россія —

воплощенная немощь, что теперь самая наиблагопріятнѣйшая пора пойти на нее войною,—но пора эта, должно-быть, оказалась очень ужъ короткою, такъ какъ съ этою нашею немощью и хилостью и Австрія и Германія ищутъ обѣ если не союза, то дружбы.

Само собою разумѣется, что поѣздка статсъ-секретаря Гирса должна была послужить германскимъ и австрійскимъ публицистамъ наибогатою темою для самыхъ разнообразныхъ истолкованій,—впрочемъ,—скажемъ прямо—явно неискренних. И тѣ и другіе публицисты, а можетъ-быть и вдохновители ихъ, сами кабинеты, очевидно старались преувеличить ея значеніе, — каждая сторона для своихъ цѣлей. Мы же у себя дома никакой особенной важности этой поѣздкѣ не придаемъ, вполнѣ убѣжденные, что никакого измѣненія въ современномъ мирномъ status quo нашей политики поѣздка нашего дипломата не произвела, да и произвести не могла. Одно несомнѣнно: посѣщеніе г. Гирсомъ Фарцина и Вѣны означаетъ сохраненіе мира. Онъ и безъ того сохранялся, такъ какъ сохраненіе его вынуждалось обстоятельствами и предписывалось благоразумiемъ, — ну а теперь это сохраненіе мира упрочено на нѣкоторое время тождественнымъ заявленіемъ *наличнаго* миролюбія трехъ великихъ континентальныхъ державъ

Сколько намъ извѣстно, статсъ-секретарь Гирсъ, на пути въ Италію по семейнымъ дѣламъ, заѣхалъ въ Фарцинъ по личному приглашенію князя Бисмарка. Совершенно понятно — мы высказываемъ только свои предположенія, — что канцлеръ желалъ воспользоваться проѣздомъ самого русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, чтобъ узнать отъ него лично правду о политикѣ Россіи и о взаимныхъ отношеніяхъ ея и Германіи при новомъ царствованіи и новомъ руководителѣ русской дипломатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить или хоть выяснить тѣ недоразумѣнія, какія будто бы возникли въ русскомъ общественномъ мнѣніи по поводу политики самого канцлера. Поводъ къ этимъ «недоразумѣніямъ» или же просто къ открытой непріязненности подали, во 1-хъ, господствовавшая въ Россіи увѣренность, будто всѣмъ позоромъ Берлинскаго трактата мы обязаны исключительно «честному маклеру»; во 2-хъ, сближеніе или слухъ о тайномъ какомъ-то

договорѣ между Германіей и Австріей въ ущербъ прямымъ интересамъ Россіи на Востокѣ и, напротивъ, къ поддержанію австрійскихъ притязаній на Балканскій полуостровъ. Съ особеннымъ удареніемъ или подчеркиваніемъ расточались намеки на такой договоръ именно въ австрійско-мадьярской печати. Австро-Мадьяры видимо выросли, стали смѣлѣе, наглѣе и—позволимъ себѣ такъ выразиться—совсѣмъ зазнались относительно Россіи. Дерзость газетныхъ нападокъ перешла всѣ предѣлы, да и самая политика Австріи по отношенію къ Балканскимъ Славянамъ сдѣлалась вдругъ явно настойчивѣе, заносчивѣе, рѣшительнѣе. Вообще тѣсныя отношенія Россіи съ Германіей были нисколько не по сердцу Австріи. Въ ея интересѣ было разъединить ихъ между собою и создать изъ Германіи оплотъ для своей задунайской политики. Этого отчасти и достигъ графъ Андраши. Съ другой стороны, — какъ это уже достаточно разъяснено «Московскими Вѣдомостями», — русскій канцлеръ, князь Горчаковъ, самъ послужилъ интересамъ австрійскимъ, уклонившись отъ предварительныхъ, передъ нашей войной съ Турками, прямыхъ переговоровъ съ кн. Бисмаркомъ, но вступивши въ таковые, вовсе излишніе переговоры—съ австрійскимъ правительствомъ! За нашу ненужную предупредительность Австрія отплатила намъ—согласно съ своими преданіями, т. е. принявъ враждебное относительно насъ положеніе тотчасъ послѣ войны, а потомъ и на Берлинскомъ конгрессѣ. Сближеніе Австріи и Германіи совершилось. Очень можетъ быть, что нѣкоторое время Бисмаркъ дѣйствительно придавалъ значеніе такому дипломатическому дуализму. Россія являлась изолированной, такъ какъ Франція, на союзъ съ которой указывало русское общественное мнѣніе, не годится пока въ союзницы. Но намъ сдается, что Бисмаркъ не замедлилъ убѣдиться и самъ въ малой способности Австрійской державы къ политикѣ отважной и энергической — при разноязычномъ, разноплеменномъ, разновѣрномъ составѣ ея населенія, при отсутствіи того единаго національнаго духа, въ которомъ вся мощь Германіи, да и прочихъ государственныхъ организмовъ Европы. Даже съ Босніей и Герцеговиной, даже съ Кривошіями Австрія не сумѣла до сихъ поръ окончательно сладить — несмотря на сотню тысячъ введенныхъ туда солдатъ и на десятки мил-

ліоновъ истраченныхъ гульденовъ. Съ другой стороны—и въ этомъ отношеніи и «рѣчь» Скобелева и статьи русскихъ газетъ національнаго направленія оказали можетъ-быть существенную услугу—вовсе не входило въ разсчеты Бисмарка дать укорениться въ Россіи патріотическому, національному предубѣжденію, даже болѣе — негодованію на Германію — вслѣдствіе будто бы солидарности германской политики съ австро-мадьярскими посягательствами на свободу Балканскихъ Славянъ. Цѣну русскому патріотизму князь Бисмаркъ хорошо знаетъ, понимаетъ лучше чѣмъ кто-нибудь силу русской воинской доблести; не можетъ укрыться отъ его взора, что національное самосознаніе все и болѣе развивается въ русскомъ обществѣ, а при совершившейся перемѣнѣ царствованія начинаетъ досягать и до верховныхъ высотъ власти. Конечно, не иначе какъ въ видахъ примиренія русскаго общественнаго мнѣнія съ германской политикой могли появиться въ извѣстномъ органѣ самого канцлера, «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ», двукратныя разоблаченія дѣйствій нашихъ уполномоченныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Оказывается, если вѣрить этимъ почти оффиціальнымъ утвержденіямъ, что въ обидахъ, нанесенныхъ Россіи Берлинскимъ трактатомъ, Германія не повинна, а повинна единственно сама наша русская дипломатія. Далѣе: внезапное появленіе въ «Кёльнской Газетѣ» секретнаго договора или меморандума, скрѣпленнаго государями Германіи и Австріи, едвали бы могло обойтись безъ нѣкотораго участія германскаго канцлера. Опубликованіе этого документа было очень непріятно вѣнскому правительству, — непріятно, конечно, потому, что въ этомъ своемъ видѣ онъ совершенно не оправдывалъ тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ на германскую гарантію австрійской задунайской политикѣ, которымъ предавались австрійскіе патріоты. Можетъ-быть у этого документа были отдѣльныя, еще болѣе секретныя статьи, можетъ-быть имѣлъ мѣсто уговоръ словесный, но самый опубликованный документъ гласитъ только о взаимномъ оборонительномъ союзѣ Австріи и Германіи въ случаѣ нападенія на одну изъ этихъ державъ съ *двухъ* сторонъ. Здѣсь подразумѣвалось вѣроятно нападеніе на Германію Россіи и

Франціи одновременно,—или же нападеніе Россіи одновременно съ Италіей на Австрію,—но оборонять Австрію отъ нападенія *одной* державы (Россіи напримѣръ) Германія не обязывается, какъ замѣтилъ меланхолически, кажется, органъ венгерскаго правительства «Пестеръ Ллойдъ». Бисмаркъ очевидно хотѣлъ обезпечить Германію этимъ договоромъ на случай союза Россіи съ Франціей,—но теперь о такомъ союзѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Что же могъ такое повѣдать статсъ-секретарь Гирсъ германскому канцлеру? Да ничего другаго, кромѣ сущей правды. Именно, что въ настоящее время Россія желаетъ только сохраненія въ Европѣ status quo; что ни русское правительство, ни общество войнолюбіемъ не пылаютъ, что ни правительство, ни общество не питаютъ никакой ненависти ни къ германскому единству, ни къ Германскому народу, и на его безопасность посягать нисколько не намѣрены,—что, впрочемъ, не должно мѣшать ни Германіи, ни Россіи, по правилу политической предусмотрительности, вооружать свои границы. Однимъ словомъ, обѣ державы хотятъ и готовы жить пока въ мирѣ и дружбѣ. Но для того, чтобъ Россія могла удержаться въ мирѣ, Германія должна сдерживать того своего неугомоннаго сосѣда, который одинъ только и посягаетъ на миръ и тишину, одержимый зудомъ захватовъ и вообще властолюбія. Этотъ сосѣдъ — Австро-Венгрія. Она одна мутитъ, интригуетъ; вторгается въ безспорную сферу интересовъ Россіи, какъ Славянской державы; она одна держитъ въ тревожномъ состояніи все населеніе Балканскаго полуострова. Пусть Австрія ограничивается *оккупаціей* Босніи и Герцеговины, такъ какъ это беззаконіе уже разрѣшено европейскимъ ареопагомъ,—но только оккупаціей, безъ формальнаго ихъ къ себѣ присоединенія. Пусть Австрія оставитъ въ покоѣ Черногорію и не грозитъ ей ничѣмъ. Пусть Австрія знаетъ, что если хоть одинъ батальонъ ея ступитъ на землю Сербскаго королевства, она рискуетъ войною съ Россіею. Пусть Австрія отложитъ всякія мечты о Салоникахъ, объ Албанцахъ, о Македоніи, и т. д. Пусть, однимъ словомъ, Австрія соблюдетъ status quo, который содержатъ пока намѣрена и Россія, и тогда нѣтъ пока поводовъ къ нарушенію европейскаго мира, и нѣтъ пока препятствій къ

взаимно-дружескимъ отношеніямъ между Россіей и Германіей. Ничего другаго, думаемъ мы, не могъ сказать статсъ-секретарь Гирсъ князю Бисмарку, да ничего другаго не могъ князь Бисмаркъ ни ожидать, ни даже желать услышать.

Но свиданіе въ Фарцинѣ вызвало въ Вѣнѣ тревогу, хотя и сдержанную. Эта тревога обличала истину, т. е. что солидарность Германіи и Австріи вовсе не такъ сильно упрочена, какъ казалось Австрійцамъ. Иначе зачѣмъ бы имъ и тревожиться? Австрійцамъ уже мерещилось, что Германія *измѣняетъ* Австріи въ пользу Россіи, — они начали громко вопіять, что «въ союзѣ двухъ императоровъ нѣтъ уже мѣста третьему» (т. е. Русскому). Но вся дерзость, вся хвастливость австро-мадьярскихъ рѣчей не могла скрыть ихъ внутренняго смущенія, — и чѣмъ больше они по наружности храбрились, тѣмъ втайнѣ болѣе трусили. Они не могутъ не сознавать, что безъ благословенія германскаго канцлера, безъ его поддержки — ни одинъ австрійскій министръ не дерзнетъ отважиться на открытый вызовъ Русской державѣ...

Вотъ что̀ можетъ-быть еще не вполнѣ понимаютъ наши дипломаты. Мудрый политическій инстинктъ воздерживалъ до сихъ поръ въ теченіи вѣковъ Австрійскую имперію отъ войны съ Россіей. Намъ ни разу не приходилось воевать съ Австрійцами, но воевать съ ихъ врагами и въ ихъ пользу, спасать Австрію пришлось не однажды. Австрійскіе государственные мужи—навѣрное лучше нашихъ—разумѣютъ, что вести войну съ Россіей славянскими полчищами не совсѣмъ удобно, и что Россія въ Славянскомъ мірѣ располагаетъ не одною внѣшнею, грубою силою пушекъ и ружей, но и силами иного рода, которыхъ ни у Мадьяръ, ни у австрійскихъ Нѣмцевъ не обрѣтается... Вотъ почему Австрія и норовитъ дѣйствовать противъ насъ то пугаломъ германской поддержки, то интригами и кознями, то наконецъ искуснымъ завораживаніемъ нашихъ, нѣсколько чувствительныхъ къ ласкѣ и доброму обхожденію, дипломатовъ.

Всякому было ясно, что послѣ свиданія русскаго министра съ кн. Бисмаркомъ въ Фарцинѣ — миновать Вѣну, находящуюся на прямомъ пути изъ Италіи въ Россію, было бы дипломатическою безтактностью, даже нѣкоторымъ оправданіемъ ложныхъ слуховъ о какомъ-то сепаратномъ и секрет-

номъ сближеніи Россіи съ Германіей. Тѣмъ не менѣе однако, во встревоженной Австріи — если вѣрить слухамъ — нашли нужнымъ заручиться напередъ увѣренностью, что г. Гирсъ не объѣдетъ Вѣны... Каковъ былъ оказанъ пріемъ нашему министру въ столицѣ Австрійской имперіи — мы уже говорили выше. Онъ былъ умышленно разсчитанъ на то, чтобъ тронуть самое хладное дипломатическое сердце! Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ пріемѣ чувствуется нѣкоторая аффектація, нѣкоторое предумышленное излишество, какъ бы именно расчитанное на обманъ публики и на вящее впечатлѣніе не только между Балканскими Славянами, но и въ Берлинѣ. «Ужъ не сепаратный ли какой союзъ или секретный договоръ заключаетъ тамъ Н. К. Гирсъ съ графомъ Кальнокки?» спросятъ самихъ себя тамъ, на берегахъ Шпреи: такъ можетъ-быть тѣшили себя въ Вѣнѣ! Что же касается до обмана австро-мадьярской публики, то онъ можетъ-быть болѣе или менѣе и удался. Австрійскіе публицисты довольно нагло заявляютъ въ своихъ печатныхъ органахъ, что такія учтивости и радушія расточались русскому министру не даромъ, именно, что Россія согласилась будто бы не только отчислить въ «сферу австрійскихъ интересовъ» Сербское королевство и всю западную половину Балканскаго полуострова вплоть до Солуни и Эгейскаго моря, но чуть ли и не предоставить ихъ Австріи совсѣмъ во владѣніе, даже наконецъ готова отказаться въ пользу Австріи отъ всѣхъ своихъ правъ на Дунаѣ! Взамѣнъ этого Австрія соизволила-де не противиться сліянію Восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ, буде оно совершится!!...

Все это разумѣется нахальная ложь, возвѣщаемая съ тѣмъ, чтобы еще болѣе смутить бѣдныя Славянскія племена за Дунаемъ и Савой. Не мѣшало бы нашему Journal de St.-Pétersbourg» опровергнуть эту клевету на статсъ-секретаря Гирса. Министръ, который бы способенъ былъ дать подобныя обѣщанія Австріи, на Руси не мыслимъ. Такой чудовищный министръ прикованъ былъ бы къ позорному столбу общественнаго мнѣнія всей Россіи. Впрочемъ, эта ложь едвали и заслуживаетъ опроверженія. Соединенія Восточной Румеліи съ Болгаріей едвали станетъ добиваться *теперь* русское правительство: это значило бы поднимать

вновь «Восточный вопросъ»; а такое желаніе и вообще ускореніе паденія Турціи — входить въ настоящую минуту въ разсчеты Россіи не можетъ. Россіи очевидно полезнѣе всего протянуть какъ можно долѣе настоящее status quo, пока она переорганизуетъ армію, соберется съ силами и т. д. Да еще годъ тому назадъ гр. Кальнокки публично отрекался отъ Солуни,—чему, впрочемъ, на этотъ разъ не мудрено и повѣрить, такъ какъ Австрія запнулась на самомъ порогѣ, т. е. въ Босніи и Герцеговинѣ!

Мы рѣшительно отказываемся вѣрить другому соглашенію русскаго министра съ австрійскимъ кабинетомъ, какъ временному и *на основаніи status quo,—но ни на волосъ далѣе*. Можетъ-быть были сдѣланы нѣкоторыя уступки Австріи въ вопросѣ о Дунайской конференціи и о желѣзныхъ черезъ Балканскій полуостровъ дорогахъ, но эти уступки, во всякомъ случаѣ достойныя сожалѣнія, намъ въ подробности еще неизвѣстны...

Въ политическомъ составѣ Европы, только двѣ настоящія силы: Германія и Россія.

«Русь», 1-го сентября 1883 г.

Не часто приходится намъ бесѣдовать съ читателями о дѣлахъ внѣшней политики. Наше изданіе, особенно въ настоящемъ его видѣ, не дневникъ отражающій въ себѣ всѣ переливы тѣней и свѣта, всю дѣловую суету или всю политическую игру текущаго дня. Мы напряженно высматривали и искали въ этой ежедневной толчеѣ какого-нибудь твердаго, устойчиваго факта, способнаго стать ядромъ новыхъ политическихъ круговращеній или соображеній, но такой серьезной важности факта вовсе и не проявилось въ теченіи послѣдняго полугодія, да и вообще со времени захвата Англіею Египта. Про современную историческую сцену можно съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ сказать, что на ней «то же и тѣ же», декорація «безъ перемѣнъ». Правда, порою оглашался воздухъ музыкой военныхъ оркестровъ, все начинало слоняться и двигаться, какъ бываетъ въ танцахъ, брались за руки, становились и vis-à-vis, и dos-à-dos и въ кругъ; но смолкала музыка, и всѣ снова разсаживались по мѣстамъ...

Тѣмъ не менѣе политическое состояніе Европы представляетъ зловѣщую неопредѣленность, отъ которой всѣмъ не по себѣ, всѣмъ живется нелегко и неудобно, и подъ покровомъ которой несомнѣнно что-то слагается, растетъ и зрѣетъ, еще не вполнѣ явное для сознанія.

Если мы взглянемся въ политическое лицо міра сего, мы усмотримъ теперь только два государственныхъ организма, двѣ силы, на которыхъ, въ сущности, висятъ судьбы всего европейскаго континента. Это Германія и Россія. Англія — островъ, особнякъ. Владычица морей (это пока безспорно), она все болѣе и болѣе разъединяется своими экономическими и политическими интересами съ материкомъ Европы и передвигаетъ центръ своей государственной и экономической тяжести въ свои всесвѣтныя заокеанскія владѣнія. Съ захватомъ Египта,—захватомъ, который настоящее «либеральное» министерство стыдливо называетъ временною оккупаціей, опекою учрежденною будто бы съ чисто-безкорыстными, чуть не педагогическими цѣлями (жалкая, лицемѣрная дань приличіямъ и принципамъ международнаго права и доктринерской окраскѣ «либеральнаго» знамени!) — англійская политика видимо ослабила свой напоръ на такъ-называемомъ Западною Европою «Востокѣ». Константинополь, Турція, Балканскій полуостровъ мало-по-малу выходятъ изъ сферы англійскаго ревниваго дозора, и хотя не болѣе пяти лѣтъ прошло со времени Берлинскаго конгресса, на которомъ Англія въ лицѣ Биконсфильда, явилась такимъ нахальнымъ запѣвалой и зачинщикомъ всяческихъ обидъ Россіи и Балканскому Славянству,—трудно предположить однакоже, чтобы въ настоящую пору какой-либо британскій министръ, будь онъ даже изъ партіи тори, призналъ своевременнымъ и умѣстнымъ разыграть вновь роль Биконсфильда по отношенію къ нашему отечеству и Славянамъ, если бы вновь состоялся подобный же конгрессъ... «Восточный вопросъ» для Англіи перемѣстился еще восточнѣе, изъ Европы въ Азію, а потому и при оцѣнкѣ настоящихъ политическихъ усложненій въ Европѣ—Англію почти и не приходится брать въ расчетъ.

Не приходится въ настояще время принимать въ расчетъ и Францію—какъ *нормальнаго* историческаго фактора, какъ самостоятельную силу способную свободно располагать со-

бою. Франціи, безспорно, продолжаетъ принадлежать мѣсто въ ряду великихъ державъ; она имѣетъ на него всѣ законныя права по объему своей территоріи, по количеству и энергіи населенія, по богатству своихъ производительныхъ и боевыхъ средствъ, по своему славному, не слишкомъ еще давнему прошлому, по своему значенію въ исторіи міра. Но это мѣсто хотя и принадлежитъ ей, ею однако не занимается, стоитъ пока пусто: она вышиблена изъ него ударомъ германскаго копья и съ тѣхъ поръ подняться на ноги еще не можетъ, — и притомъ не столько отъ внѣшней матеріальной слабости, сколько отъ утраты внутренняго нравственнаго центра. Если бы во Франціи явился человѣкъ, способный сосредоточить ее, воздвигнуть и возвесть на подобающее ей мѣсто, расположеніе политическихъ силъ въ Европѣ совершенно бы измѣнилось, — но такого человѣка нѣтъ, да и не предвидится, какъ нѣтъ у Франціи и объединяющаго, воодушевляющаго знамени. Несчастная страна съ отшибленною историческою памятью, замѣнившая органическій, поступательный процессъ развитія процессомъ революціоннымъ, чередою насильственныхъ переворотовъ!... Недавно скончался графъ Шамборъ, благороднѣйшій изъ Французовъ и послѣдній Французъ олицетворявшій въ себѣ непрерывность историческаго преданія Франціи и благочестивую вѣрность монархическому началу. Своею безукоризненною, исполненною горечи жизнью, своимъ самоотверженнымъ, безкорыстнымъ, чуждымъ всякихъ сдѣлокъ и всякихъ козней, строгимъ и чистымъ служеніемъ отъ предковъ завѣщанному знамени, своимъ возвышенно-упорнымъ и трагически-тщетнымъ упованіемъ на непремѣнное со временемъ торжество попраннаго Французами принципа законности, — графъ Шамборъ, умирая, дѣйствительно восторжествовалъ нравственно— заставивъ республиканскую Францію преклониться съ уваженіемъ предъ прахомъ послѣдняго короля-Бурбона и даже скорбно задуматься надъ своею современною участью. Но тѣмъ-то и замѣчательно настоящее положеніе Франціи, что ей надоѣли революціи, что она уже извѣрилась въ нихъ, но и къ правильному, мирному органическому развитію уже не способна; извѣрилась въ отрицаніе, но и въ ничто положительное увѣрить уже не можетъ! Явится или нѣтъ вож-

дѣльный ею диктаторъ, во всякомъ случаѣ теперь, при настоящей, жалкой формѣ правленія, разлагающей это несчастное государство и матеріально и нравственно, можно навѣрное сказать, что французское правительство даже бы и не отважилось воспользоваться благопріятными для Франціи политическими замѣшательствами въ Европѣ, когда бы таковыя представились. Всѣ же остальныя европейскія державы, не исключая и *Австро-Венгерской* имперіи, лишены значенія сами по себѣ, и о *себѣ* не стоятъ, а лишь прислонившись къ какой-либо иной, самостоятельной и самодѣйствующей силѣ.

Мы сказали: «не исключая и Австро-Венгріи». Да, хотя она и числится въ разрядѣ великихъ державъ и носитъ титулъ «Имперіи», но корпусъ ея государственнаго корабля до такой степени непроченъ, скрѣпы составныхъ частей до того слабы, что не такому кораблю пускаться въ бурное море и встрѣчать напоръ исполинскихъ волнъ! Политическій авторитетъ, военное могущество этой монархіи, все это не болѣе какъ историческій предразсудокъ. Предразсудокъ вообще представляетъ великую и весьма живучую силу въ исторіи,—до тѣхъ поръ пока не разсыплется въ прахъ отъ внезапнаго столкновенія съ дѣйствительной, но не опознанной правдой. Конечно, не этому только европейскому предразсудку обязано Австрійское государство своимъ существованіемъ, также не властительному лишь обаянію историческаго и династическаго преданія, которое способно бываетъ, въ теченіи долгаго и очень долгаго срока, поддерживать бытіе политическаго организма даже и тогда, когда жизненные его соки уже изсякли. Есть и другая причина: еще не созрѣла и не выяснилась для сознанія та политическая комбинація, которая могла бы практически замѣстить собою современную Австрію и наполнить такимъ образомъ пустоту, неминуемо пока представляющуюся воображенію при одной мысли о возможномъ исчезновеніи этой механической монархіи. Во всякомъ случаѣ, въ какой рѣзкой противоположности состоитъ Австрійская имперія къ двумъ вышеназваннымъ нами державамъ, Германіи и Россіи,—этимъ органическимъ величинамъ, изъ которыхъ каждая — сплоченная однородная національность, запечатлѣнная мощнымъ единствомъ націо-

нальнаго духа! Это двѣ племенныя или народныя индивидуальности, со вселенскимъ значеніемъ, взращенныя многовѣковымъ процессомъ исторической жизни. Какую же такую индивидуальность, какую же такую національность являетъ собою Австрія? Странная судьба этой державы! Австрійскій императоръ былъ когда-то императоромъ нѣмецкимъ, хотя, впрочемъ, именовался оффиціально императоромъ «римскимъ», повелителемъ «Священной Римской Имперіи», — т. е. какъ бы наслѣдникомъ имперскаго достоинства и политической идеи всемірнаго владычества, воплощенныхъ когда-то Римомъ, а послѣ Карла Великаго присвоенныхъ себѣ верховными вождями Германскаго племени. Въ то время имперское достоинство понималось еще не просто какъ титулъ или высшій рангъ въ средѣ монарховъ, а какъ римскій политическій принципъ. Здѣсь не мѣсто входить во всѣ видоизмѣненія, совершившіяся въ теченіи тысячи лѣтъ; достаточно напомнить, что несмотря на вѣроисповѣдную реформу Лютера, подрѣзавшую въ сильной степени внутреннее духовное единство Германіи, въ рукахъ монарха (носящаго нынѣ названіе Австро-Венгерскаго), при всей пестротѣ его имперскихъ владѣній, не переставало пребывать знамя нѣмецкое, и пребывало до самаго начала нашего столѣтія. Но Наполеонъ I, вѣнчавшись короною Карла Великаго, развѣнчалъ римско-нѣмецкаго цезаря и разжаловалъ его въ *Австрійскаго* императора. Послѣ Вѣнскаго конгресса, однакоже, Австрійской имперіи удалось снова стать во главѣ вновь образованнаго Германскаго Союза, хотя собственно жителей чисто-*нѣмецкаго* происхожденія приходилось въ ней, на общее число ея разнородныхъ подданныхъ, какая-нибудь четверть. Но на бѣду Австріи, именно первая же половина XIX столѣтія ознаменовалась необычайно-сильнымъ пробужденіемъ народнаго и даже племеннаго самочувствія и самосознанія вездѣ, гдѣ народность не имѣла себѣ соотвѣтственно-достойнаго проявленія въ политическомъ бытіи, или гдѣ племенная, духовная и бытовая особенность была поглощена господствомъ чуждаго племеннаго духа. Носителемъ и выразителемъ такого національнаго самосознанія въ Германскомъ народѣ явилась протестантская Пруссія. Въ 1866 г. битвою подъ Садовой Пруссія вышвырнула Австрію изъ Гер-

маніи, т. е. выключила изъ Германскаго Союза, и черезъ четыре года, рядомъ съ Австрійскою имперіею, соорудила могущественную имперію Германскую. Снова пришлось несчастной Австрійской державѣ искать себѣ внутренняго и внѣшняго *опредѣленія*, т. е. снова опредѣлять себя самоё, свою государственную сущность, ломать себѣ голову надъ вопросомъ: чѣмъ же ей теперь стать и быть? По царствующей въ ней издревле, знаменитой въ германской исторіи династіи, по преданіямъ, по культурѣ, по господствующему въ управленіи языку, она безспорно—нѣмецкая, даже и Нѣмцевъ-подданныхъ числитъ у себя и теперь до восьми милліоновъ... Но нѣмецкая корона и нѣмецкое знамя у нея вырваны; но на стражѣ нѣмецкой чести, славы, достоинства, историческаго призванія въ мірѣ сталъ уже не Австрійскій императоръ, а Прусскій король—какъ императоръ Германскій: но во имя величія родной для Австрійскаго монарха Германіи именно и умалилось его собственное значеніе и могущество. Благородному потомку Рудольфа Габсбургскаго, хотя бы роднымъ его языкомъ и оставался по прежнему нѣмецкій, уже не прилично и непозволительно молвить, ударяя себя съ патріотическимъ жаромъ въ грудь: hier pocht ein deutsches Herz! (здѣсь бьется нѣмецкое сердце!) а обязательно говорить: «здѣсь бьется .. австро-венгерское сердце!)» Само собою разумѣется, что восемь милліоновъ Нѣмцевъ австрійскихъ не могутъ не тяготѣть къ своему новому великому «Германскому Отечеству». Недавно въ «Руси» были напечатаны рѣчи депутата Австрійскаго рейхсрата Шёнерера и другихъ австрогерманскихъ патріотовъ,—рѣчи, которыя въ Берлинѣ, несмотря на воспылавшую теперь дружбу Берлина къ Вѣнѣ, ни малѣйшаго раздраженія не произвели, но за которыя въ сущности авторы ихъ должны бы подлежать обвиненію въ государственной измѣнѣ, такъ какъ они доказывали, и даже съ восторгомъ, неминуемость скораго отпаденія нѣмецко-австрійскихъ земель къ Германской Имперіи. Но странное, двусмысленное, исполненное внутренняго противорѣчія положеніе государственной власти въ Австріи съ Германцемъ-Габсбургомъ во главѣ, затрудняетъ постановку такой обвинительной формулы...

«Австро-венгерское сердце»!... Добро бы можно было огра-

ничиться только этою двойственностью! Послѣ разгрома подъ Садовой, послѣ утраты своего первенства въ Германіи, Австрія, сознавая ослабленіе въ своемъ государственномъ составѣ нѣмецкаго элемента, какъ основной политической силы, заметалась, ища въ самой себѣ новой *основы*, и по совѣту своего министра Бейста, возвела въ этотъ чинъ Венгрію, королевская корона которой нераздѣльна съ короною Австрійскихъ императоровъ уже два вѣка: ту самую Венгрію, которая взбунтовалась противъ австрійской гегемоніи въ 1848 г., довела было имперію до края гибели и была смирена въ слѣдующемъ году войсками Русскаго Государя— великодушнаго спасителя Австріи. Принявъ въ 1867 г. оффиціальный титулъ Австро-Венгріи, Австрійская монархія раздѣлилась на Цислейтанію и Транслейтанію, разумѣя подъ послѣднею: Венгрію собственно и земли венгерской короны— Трансильванію или Седмиградію, такъ-называемую Славонію и Хорватію: такимъ образомъ теперь въ имперіи *два* парламента, *два* министерства, *два* государственныхъ языка. Но Венгрія и сама представляетъ подобіе Австріи. Это королевство, основанное азіатской ордой уральско-алтайскаго племени — Мадьярами, — представляетъ также самый разноплеменный составъ: Словаки и Карпато-Руссы въ самой Венгріи, Румыны и Саксы въ Трансильваніи, Сербы въ Банатѣ и по Границѣ, наконецъ Хорваты, которые также когда-то составляли самостоятельное королевство, пока королемъ Хорватіи не сталъ король Венгерскій. Весь этотъ разновѣрный, разноязычный составъ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ просуществовалъ и сожительствовалъ относительно благополучно. Гордое, воинственное, властолюбивое азіатское племя сумѣло придать ему политическое значеніе и цѣльность, и оказало ту несомнѣнную услугу, что, мало стѣсняя чужую національность и не задаваясь никакими «высшими культурными задачами», словно стекляннымъ колпакомъ прикрыло его отъ германизаціи. Оффиціальнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій, слѣдовательно вполнѣ нейтральный. Но при всеобщемъ, вышеупомянутомъ движеніи народностей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, обуяло и Мадьяръ національное «мадьярское самосознаніе»; вмѣстѣ съ тѣмъ тайный страхъ утратить свое властительное положеніе, при начавшемся подъёмѣ

народнаго духа въ подвластныхъ имъ племенахъ, болѣе способныхъ чѣмъ Азіяты къ культурному развитію, возжегъ въ Мадьярахъ страстное вожделѣніе: установить во что бы ни стало «мадьярское государственное единство». Они объявили мадьярскій языкъ не только языкомъ государственнымъ, но и языкомъ школы, учредили Академію мадьярской словесности и наукъ, и до того одурѣли, что и взаправду возмнили о высшей *культурной* миссіи мадьярской націи. — и давай мадьярить! Объектомъ этой миссіи — главнымъ образомъ наши Славяне, для которыхъ, хотя Мадьяры и хвастаются своей конституціей, не существуетъ никакихъ конституціонныхъ гарантій. Въ настоящее время внутреннее политическое положеніе Венгріи — этой равноправной и равнодержавной половины Австрійской монархіи — таково, что слишкомъ два милліона венгерскихъ Словаковъ,—этого прекраснаго, мирнаго, загнаннаго племени, насильно омадьяриваемаго,—негодуютъ и вопятъ, хотя и тайно; до полмилліона Карпато-Руссовъ, бѣднаго сельскаго, православнаго населенія, насильно, уже при Маріи-Терезіи, обращеннаго въ унію,—также негодуютъ и вопятъ, хотя еще робко и скрытно; до двухъ съ половиной милліоновъ Румынъ явно тяготѣютъ къ Румыніи, король которой недавно, хотя будто бы по обмолвкѣ, оффиціально привѣтствованъ былъ въ Букарештѣ какъ *король Румыновъ*. Сербы негодуютъ открыто, особенно съ тѣхъ поръ, какъ венгерское правительство безаконно вмѣшалось въ ихъ церковное управленіе и поставило во главѣ мѣстной венгерско-сербской православной церкви свою креатуру — епископа Анджелича; наконецъ Хорваты, пользующіеся по своей конституціи несравненно бо́льшими, чѣмъ вышеназванныя народности, политическими правами и особымъ сеймомъ, не только негодуютъ страстно и озлобленно, но уже довели свой антагонизмъ почти до возстанія. Такъ-называемые «Загорскіе безпорядки» въ Хорватіи, о которыхъ теперь ежедневно появляются извѣстія въ газетахъ, оказываются весьма серьезными и вспыхнули вслѣдствіе попытки мадьярскихъ властей выставить на присутственныхъ мѣстахъ, кромѣ хорватскихъ, оффиціальныя надписи и на мадьярскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ изображеніемъ венгерскаго герба. — Съ своей стороны венгерское прави-

тельство нисколько не довольно политикою *обще*-имперскою, и именно по отношенію къ Балканскому полуострову: оно, по чувству самосохраненія, боится всякаго усиленія въ Австріи славянскаго элемента, особенно по близости къ Славоніи и Хорватіи.

Вотъ что̀ значитъ «Венгрія» въ Австро-Венгріи: все лѣзетъ врозь въ этой новой возлюбленной половинѣ. Но и въ другой, первой половинѣ австрійскаго государства не лучше.

Въ первой половинѣ, т. е. собственно въ Австріи или Цислейтаніи, пришли наконецъ къ печальному сознанію, что выдуманный министромъ Бейстомъ въ 1867 году дуализмъ усложнилъ для Цислейтаніи задачу государственнаго бытія. Съ возникновеніемъ Германской имперіи, германскій патріотизмъ австро-нѣмецкаго населенія заставилъ нѣмецкое правительство Австріи поискать себѣ противовѣса — противъ своихъ же, родныхъ его сердцу Нѣмцевъ, и стало-быть опять новой *основы*,—тѣмъ болѣе, что примѣръ венгерской равноправной автономіи вызвалъ подобное же притязаніе на равноправность и внутри самой Цислейтаніи, въ с л а в я н с к и х ъ странахъ. На бѣду Австріи другая имперія,—могущественное Славянское государство,—постепенно сложилась и выросла бокъ-о-бокъ съ нею, съ подвластными ей Славянами, составляющими *большинство* австрійскаго населенія. Самое появленіе Россіи, при Петрѣ, на политической аренѣ міра и вступленіе ея въ кругъ Европейскихъ государствъ уже заронило въ Славянскихъ племенахъ (которыя всѣ, кромѣ Польскаго, изнывали подъ чуждымъ игомъ) искру надежды на лучшее славянское будущее. Долго тлѣлась эта искра не разгораясь, потому что и въ самомъ русскомъ обществѣ, обольщенномъ блескомъ европейской цивилизаціи, не только обще-славянское, но и русское народное сознаніе развивалось очень ужъ медленно и туго, вслѣдствіе чего и внѣшняя политика Россіи была по большей части совершенно чужда національнаго направленія. Но по мѣрѣ того, какъ это направленіе стало сильнѣе и глубже проникать собой русское общество, а порою даже громко сказываться въ великихъ историческихъ событіяхъ, все болѣе и болѣе стало прибывать славянскаго духа и въ угнетенныхъ славянскихъ племенахъ Австріи, — пока наконецъ, подъемъ славянскаго племеннаго

самосознанія не совпалъ съ общимъ пробужденіемъ національнаго принципа въ Европѣ. Хотя вообще Европа отнеслась къ этому принципу довольно сочувственно и благосклонно—пока дѣло шло объ Итальянцахъ, Бельгійцахъ, Нѣмцахъ, но враждой, ненавистью и злобой встрѣтила она притязанія Славянъ на народную самобытность. Вѣроятно она успѣла бы даже и совсѣмъ подавить ихъ разрозненныя усилія и разсѣять грозное для нея пугало «панславизма», если бы по сосѣдству съ Австріей не существовало Россіи. Ничего никогда не сдѣлала Россія для западныхъ Славянъ, не только не вела между ними «московской» пропаганды, но старалась всячески, въ лицѣ своихъ политическихъ вождей и дипломатовъ, угодить Австріи, ублажить ея щепетильность, заставить ее забыть о русской единоплеменности съ большинствомъ австрійскихъ подданныхъ, чуть-чуть даже порой не извинялась въ такой невольной своей винѣ... Но уже одинъ простой фактъ существованія Россіи,—несмотря на все ея смиреніе и самоуничиженіе,—былъ спасителенъ для Славянства и поддерживалъ въ немъ силы для борьбы и мужественнаго упованія. Не погибнетъ теперь уже ни одно Славянское племя...

Если въ 1867 г. австрійское правительство считало еще возможнымъ, въ новыхъ своихъ комбинаціяхъ о новой формѣ государственнаго своего бытія, обойти Славянъ и ограничиться «дуализмомъ», то черезъ двадцать лѣтъ такое «игнорированіе» сдѣлалось для Австріи уже невозможнымъ. Новый подвигъ освобожденія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, совершенный Россіею, и образованіе на немъ трехъ Славянскихъ государствъ выдвинули въ міръ Славянство въ качествѣ политической зарождающейся силы. Въ то же время ненадежность нѣмецко австрійскаго элемента грозила поколебать равновѣсіе Австро-Венгерской монархіи,— и вотъ, послѣ долгихъ колебаній, съ трудомъ побѣждая свою нѣмецкую антипатію къ Славянству, Австрійское правительство, въ лицѣ министерства Таафе, выбрало себѣ изъ славянскихъ національностей тѣ, которыя представлялись ему наиболѣе сильными по политическому развитію и по своей общественной организаціи, и рѣшило наконецъ на нихъ опереться. «Австро-венгерское сердце» должно стать отнынѣ австро-венгро чешскимъ и польскимъ, такъ какъ выборъ австрійской

власти палъ на Чеховъ и Поляковъ. Это однакоже не есть какая-либо прочно установившаяся и провозглашенная новая правительственная система. Это еще опытъ, выражающійся въ расширеніи нѣкоторыхъ правъ мѣстной національной автономіи, въ разныхъ, довольно осторожныхъ уступкахъ, еще болѣе въ разныхъ посулахъ и заигрываніяхъ съ цѣлью заручиться въ парламентѣ необходимымъ для конституціоннаго цислейтанскаго министерства большинствомъ. Но и эти всѣ политическіе конституціонные маневры не вывели и не выведутъ Австрію изъ лабиринта внутреннихъ противорѣчій; не прибавили и не прибавятъ ей не только какой-либо новой государственной силы, но даже и большей прочности. Покровительство, оказываемое Чехамъ, вызвало ярость въ Нѣмцахъ, которыхъ въ Чешской землѣ, т. е. въ Богеміи, почти цѣлая треть населенія. Между торжествующими пока Чехами и оскорбленными Нѣмцами кипитъ теперь ожесточенная борьба, затрудняющая правильный ходъ государственнаго механизма... Не думаемъ, чтобы вѣнчанному представителю Габсбургской династіи и Нѣмцу Тааффе было совсѣмъ легко — распоряженіями отдаваемыми на *нѣмецкомъ* языкѣ, который былъ и остается для всей имперіи обще-государственнымъ,— предавать нѣмецкій элементъ Австріи закланію,—тотъ элементъ, что̀ доселѣ былъ основнымъ центральнымъ, зиждительнымъ элементомъ монархіи. Вѣдь другаго центральнаго, связующаго элемента въ монархіи, кромѣ этого ненадежнаго, и не имѣется, — и онъ-то именно, силою вещей, и лишается теперь своего политическаго значенія! Чехи, конечно, довольны, но отъ ихъ довольства Австрія сильнѣе не станетъ. Дорожа пріобрѣтеннымъ положеніемъ, они какъ бы продались министерству, обязавшись доставлять ему нужное «большинство голосовъ», и возбуждаютъ общее негодованіе Славянскаго міра, поддерживая политику Австріи по отношенію къ Босніи, Герцеговинѣ и Балканскому полуострову. Что же касается Поляковъ Галиціи, то ихъ «опору» австрійское правительство могло купить, лишь выдавъ имъ головою *три милліона русскаго населенія*, лишь потворствуя, хотя бы и лицемѣрно, польскимъ безумнымъ мечтамъ—способнымъ нарушить миръ на западной окраинѣ нашего отечества. Три милліона Русскихъ, удрученныхъ и стонущихъ въ сосѣдствѣ

Россіи, да постоянная угроза ея миру и цѣлости—это конечно смѣлый, но едвали вполнѣ благоразумный австрійскій разсчетъ на крѣпость россійскаго долготерпѣнія! Впрочемъ, ликованія Поляковъ въ Австріи повидимому не очень понравились и въ Берлинѣ, обладающемъ Силезіей и Познанью... Далѣе: Боснія и Герцеговина нисколько и теперь не помирились съ своею участью: при малѣйшемъ ослабленіи австрійскаго нажима, возстаніе того и гляди вспыхнетъ въ нихъ съ новою энергіей... Далѣе: Далмація также требуетъ себѣ автономныхъ правъ и признанія сербскаго языка государственнымъ; пришлось недавно закрыть и распустить сеймъ на первомъ же засѣданіи... Далѣе: съ сеймомъ Истріи подобная же исторія...

Такъ вотъ каково положеніе сей «великой европейской державы», именуемой Австро-Венгріей! Она вся—въ поискахъ за центромъ, т. е. какъ бы сама себя ищетъ: вся im Werden, какъ выражаются Нѣмцы, т. е. еще творится; но и творится-то только повидимому, потому что живыхъ условій политическаго творчества въ себѣ не имѣетъ. Есть впрочемъ въ ней своего рода вяжущій, объединяющій элементъ, охватывающій имперію общностью экономическихъ интересовъ: это еврейство, вошедшее въ плоть и кровь Австріи, играющее въ ней крупную, выдающуюся роль. Но этотъ еврейско-нѣмецкій элементъ даже и созидая растлѣваетъ.... Какъ бы тамъ ни было, очевидно одно, что такая тревожная погоня за формой и содержаніемъ своего будущаго политическаго бытія, такая мудреная внутренная работа Австріи требуетъ *мира*. Нельзя ступать твердымъ рѣшительнымъ шагомъ по почвѣ зыбкой, или усѣянной острыми камнями, или же по канату... Всякая крупная война для Австрійкаго государства можетъ быть только пагубна... Мы не придаемъ особеннаго значенія австрійской военной силѣ. Какъ бы ни были храбры ея солдаты (наши Русскіе изъ Галиціи, Хорваты, Сербы-граничары, венгерская конница и пр.), какъ бы ни были образованы и смѣлы ея офицеры, — но сама армія австрійская мало куда годится. Надо забираться очень далеко въ глубь исторіи, чтобъ отыскать въ ней воспоминанія о какихъ-либо славныхъ подвигахъ австрійскаго войска. Уже Суворовъ, во время итальянскаго похода, писалъ: «австрійскіе солдаты хо-

роши, да проклятая привычка битыми быть». XIX вѣкъ для этой арміи былъ ознаменованъ одними лишь пораженіями. Безъ помощи Россіи въ 1849 г. Австрія не сумѣла бы сладить даже и съ Мадьярами. Причина этому ясна: отвлеченная идея государства — Gesammt-Vaterland'а — не служащаго выраженіемъ никакого національнаго духа, не способна одушевить ни Хорватовъ, ни Сербовъ, ни Русскихъ, ни Словаковъ, ни Итальянцевъ, ни Румынъ, да еще при нѣмецкой командѣ... За что, во имя чего нести имъ, охотно и добровольно, жизнь свою въ жертву, — что можетъ вызвать въ нихъ подвиги высшей человѣческой доблести? Что же касается до результатовъ для Австріи войны съ нашимъ отечествомъ, то о нихъ и говорить нечего: обнажи она только мечъ противъ Россіи, вынуди она только Россію выкинуть высоко славянское знамя, — послѣдствія ясны и безъ толкованій. Внутренній инстинктъ, впрочемъ, доселѣ предохранялъ Вѣну отъ вооруженнаго столкновенія съ русскимъ государствомъ: никогда еще до сихъ поръ не приходилось намъ воевать другъ съ другомъ... Но пребудетъ ли она вѣрна этому спасительному инстинкту?..

Мы нарочно остановились такъ долго на Австріи, чтобы разсѣять по возможности тотъ предразсудокъ, который какъ туманъ застилаетъ для нашихъ дипломатовъ дѣйствительное безсиліе Австріи и создаетъ вмѣсто него какое-то марево, предъ коимъ мы не разъ добровольно, безъ нужды пасовали,—даже еще недавно, напримѣръ по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора... Менѣе чего бы то ни было должны мы пугаться угрожающей постати Австріи; менѣе чѣмъ у кого бы то ни было прилично намъ заискивать у Австріи благоволенія. Но, замѣтятъ намъ, если сама о себѣ Австрія не много значитъ, то въ союзѣ съ Германіей она представляется уже совсѣмъ въ иномъ видѣ... Въ союзѣ или не въ союзѣ, Австрія можетъ существовать только подъ условіемъ мира съ Россіей. Къ тому же противоестественному союзу Германіи съ Австріей прошло еще только четыре года, а нашъ угодливый политическій образъ дѣйствій относительно Австріи установился съ давнихъ временъ.

Итакъ, мы снова приходимъ къ тому, что на современной европейской политической сценѣ въ сущности только

Россія и Германія держатъ въ рукахъ своихъ судьбы міра. Сравнивая между собою эти двѣ политическія національныя величины, мы усмотримъ въ нихъ и нѣкоторое немаловажное различіе. Россія—величина вполнѣ естественная, органическая, нормальная. Она, пожалуй, плохо и очень плохо управляется, потому что бѣдна искусными и честными администраторами; она бѣдна финансами, хотя бы только потому, что не умѣетъ пользоваться своими природными богатствами; она стоитъ несомнѣнно ниже Германіи въ культурномъ отношеніи,— все это такъ, допустимъ, — но она существуетъ потому что существуетъ, даже и независимо отъ своего сознательнаго хотѣнія. Она ужъ такъ уродилась и выросла. Въ этомъ заключается ея преимущество предъ Германіей,— какъ въ недостаткѣ умственнаго и экономическаго развитія и національнаго самосознанія въ высшихъ общественныхъ и правящихъ слояхъ—заключается ея слабость. Въ частности же ея преимущество въ томъ, что ей, Россіи, не нужно никакого особеннаго напряженія силъ для существованія; для борьбы же съ врагами, въ случаѣ ихъ вторженія, силы ея организма неистощимы; преимущество въ томъ, что по ея пространству, по энергіи и самоотверженности народнаго патріотизма, ее нельзя ни покорить, ни принудить къ миру, если она сама того не захочетъ; что какъ бы врагамъ ея ни удалось ее искалѣчить, она непремѣнно опять *отростетъ*, въ силу естественнаго, органическаго закона... Что же касается Германіи, то конечно ничего не было и нѣтъ законнѣе стремленій Германскаго народа къ объединенію и къ созданію великой сплоченной національной силы. Но нельзя не признать, что существованіе Германской имперіи,—правда, слишкомъ еще недавней формаціи,—до сихъ поръ еще не представляется вполнѣ нормальнымъ и обезпеченнымъ твердыми органическими основами; еще слишкомъ силенъ духъ партикуляризма, поддерживаемый историческимъ преданіемъ, отчасти же и рѣзкимъ вѣроисповѣднымъ различіемъ. Существованіе имперіи пока все пріурочено къ геніальной личности одного человѣка, который въ теченіи 20 лѣтъ былъ и пребываетъ не только для Германіи, но и для всего міра центральнымъ историческимъ лицомъ. Бытіе Германіи слишкомъ еще *напряженное*,—слишкомъ еще зависитъ

отъ искусства и воли своего желѣзнаго канцлера. Но по нашему крайнему разумѣнію, настоящая политика кн. Бисмарка, насколько можно судить, глядя со стороны, по ея видимымъ результатамъ, вовсе не способствуетъ утвержденію имперіи на единственно-прочномъ базисѣ — базисѣ международнаго мира. Германіи нечего, разумѣется, серьезно опасаться Австріи, запутавшейся безъисходно въ противорѣчіяхъ, и приходится считаться лишь съ Франціей и съ Россіей. Но можетъ-быть благоразумнѣе было бы не доводить первую до той степени позора и униженія, съ которою уже никакъ не можетъ мириться натура крупнаго государства. Едвали мыслимо безконечное продолженіе того настоящаго status quo въ отношеніяхъ Франціи и Германіи, которое содержитъ послѣднюю *въ постоянномъ ожиданіи отместки* (revanche) и требуетъ именно со стороны Германіи такого страшнаго напряженія силъ. Но если уже съ праваго бока Германіи волей-неволей установилось такое хроническое-острое положеніе,— то, казалось бы, всего естественнѣе было бы искать опоры въ сосѣдѣ съ лѣваго бока, т. е. въ Россіи, которая не только встрѣтила простодушнымъ сочувствіемъ, но даже съ неменьшимъ же простодушіемъ поддержала стремленія Германскаго народа къ политическому объединенію. Между тѣмъ своимъ образомъ дѣйствій на Берлинскомъ конгрессѣ, равно и своими договорами съ Австріей, направленными въ ущербъ русскимъ политическимъ интерасамъ на Балканскомъ полуостровѣ, кн. Бисмаркъ, вотъ уже пять лѣтъ къ ряду, питаетъ въ Россіи постоянное раздраженіе противъ Германіи, постоянное недовѣріе. Никому лучше его не должно бы быть вѣдомо, что Россія во истину чужда всякихъ аггрессивныхъ, опасныхъ для новой имперіи замысловъ: что завоевательныя вожделѣнія по отношенію къ иноплеменному Западу не свойственны ея природѣ, да ей не ко времени, и даже теперь не по средствамъ. Мы знаемъ, что въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ со стороны Германіи недостатка нѣтъ, и германскій кабинетъ даетъ ихъ, пожалуй, вполнѣ искренно,— но на простомъ языкѣ правды не переводится ли вся эта германская политика такими словами: «Мы не хотимъ вести съ вами войны, сохрани Богъ! Мы только подталкиваемъ Австрію наносить вашей національной политикѣ удары, только вредимъ

вамъ чужими руками, а вы миролюбія ради терпите. Если же вы станете не позволять себя бить и вздумаете противодѣйствовать серьезно, силою, то не взыщите, — вы стало-быть сами зачинщикъ, на васъ падетъ вся отвѣтственность за войну, которую вы вынудите насъ съ Австріей повести съ вами. А впрочемъ—мы васъ любимъ всѣмъ сердцемъ и чистосердечно желаемъ съ вами вѣчнаго мира»...

Раздражая такимъ образомъ своего бывшаго союзника, Россію, лишившись *искренняго* расположенія и довѣрія единственной, кромѣ Германіи, истинно-великой державы, *натурально*-великой, *натурально*-могущественной и *натурально*-несокрушимой, чѣмъ же думаетъ обезпечить кн. Бисмаркъ мирное бытіе Германіи, на что и на кого опирается? На Австрію, обезсиленную внутреннимъ, присущимъ ей, неразрѣшимымъ, органическимъ недоумѣніемъ, — Австрію, которую, какъ ни подхлестывай онъ ее къ скорому маршу за Дунай, задерживаетъ на каждомъ ея колесѣ неотцѣпимый тормазъ!! Уже ли можно дѣйствительно утѣшаться вступленіемъ въ общій оборонительный союзъ Германіи и Австріи и такихъ державъ, какъ Италія и Испанія? Но союзъ Италіи съ Австріей,—вѣдь это противоестественное совокупленіе, идущее наперекоръ преданіямъ и чувствамъ всего Итальянскаго народа? Вѣдь благодаря популярной партіи Italia irredenta, Австрійскій императоръ не можетъ и до сихъ поръ показаться въ Италіи и отдать долгъ учтивости королю Гумберту?! Но недавнее революціонное движеніе Испаніи явило предъ лицомъ всего міра всю шатость государственнаго строя этой страны? По истинѣ прочные, надежные союзники!

Отъ настоящей политики Германскаго кабинета повидимому выигрываетъ только Австрія, прикрытая германскимъ желѣзнымъ щитомъ и обращенная канцлеромъ въ служебное орудіе германской политики. Но развѣ не видитъ канцлеръ, что Австрія и выигрышемъ-то этимъ воспользоваться не способна, что она можетъ спѣшить лишь медленно, путаясь въ сѣтяхъ своей собственной политической системы; что если ей и улыбается перспектива обладанія Балканскими землями и Константинополемъ, то ей вѣдь «и хочется, и колется»: колется потому, что вѣдь при такомъ движеніи впередъ Габс-

бургская династія рискуетъ лишиться принадлежащихъ ей издревле нѣмецкихъ провинцій и Богеміи — въ пользу Германіи... Германскому кабинету пора бы уразумѣть только одно: всякій новый шагъ Австріи въ область политическихъ интересовъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, всякая попытка Австріи къ установленію своей гегемоніи надъ Задунайскими Славянами, поддержанная германской политикой, зачитывается Россіей въ дебетъ Германіи, куетъ изъ Россіи врага Германской имперіи. Что касается Россіи, то она, разумѣется, — всѣ мы это знаемъ, — отвращается всякой мысли о войнѣ; но еслибы пришлось быть войнѣ, то стóитъ Россіи, повторяемъ, воздвигнуть Славянское знамя, — и посмотритъ Германія, что станетъ съ ея излюбленной опорой — разновидной Австро-Венгерской державой, и разумно ли было, пренебрегая Россіей, вызывать борьбу двухъ міровъ — Славянскаго и Германскаго...

По поводу присоединенія Мерва.

Русь, 15-го февраля 1884 г.

Какъ назрѣвшій плодъ самъ собою сваливается съ дерева, тамъ достался Россіи и Мервъ со всѣмъ своимъ округомъ и своими 48 тысячами кибитокъ. 31 января, въ Асхабадѣ, какъ гласитъ телеграмма начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Комарова, къ Государю Императору, ханы Мерва съ уполномоченными отъ всего населенія безусловно приняли русское подданство и принесли торжественную присягу за себя и весь народъ Мервинскій. Этимъ довершается Ахалъ-Текинскій походъ покойнаго Скобелева; это—*его* посмертные лавры! Взятіемъ Геокъ-Тепе и занятіемъ Асхабада судьба Мерва была предрѣшена еще два года тому назадъ. Хотя Мервскій округъ самъ по себѣ — необыкновенно плодородный, цвѣтущій среди обширной пустыни оазисъ, орошаемый рѣкою Мургабъ съ цѣлою системою проведенныхъ изъ нея каналовъ, но не въ этомъ конечно заключается выгода нашего новаго пріобрѣтенія, и не въ томъ, что общее число подданныхъ Русскаго государства увеличилось

на 200 или 250 т. человѣкъ, да еще привыкшихъ къ грабежу и разбою. Важно то, что на Мервъ, въ послѣднія времена, по свидѣтельству нашихъ военныхъ изслѣдователей, перешло значеніе «центра Туркменіи»; слѣдовательно можно, повидимому, съ полною основательностію предположить, что съ паденіемъ самостоятельности Мерва умиротворится и вся наша Закаспійская степь, и для русскихъ владѣній въ Средней Азіи настанетъ наконецъ эра прочной безопасности и тишины...

Повидимому такъ,—съ нашей, съ русской точки зрѣнія. Простирать далѣе наши завоеванія некуда, да и нежелательно. Но обольщаться такимъ соображеніемъ было бы преждевременно и опасно. Мервъ не только центръ Туркменіи, но и по своему положенію въ долинѣ двухъ рѣкъ, Мургабъ и Герп-рудъ, прорывающей высокую цѣпь горъ, извѣстную подъ именемъ Парапамиза, представляетъ единственный удобный соединительный путь между сѣверомъ и югомъ, между нашими Среднеазіятскими владѣніями, а также Хивой и Бухарой—и Гератомъ, который отстоитъ отъ Мерва въ 300 верстахъ. Англичане называютъ Мервъ ключемъ къ Герату, а Гератъ—стратегическимъ ключемъ къ Индіи; англійскія же войска, въ самомъ крайнемъ сѣверномъ пунктѣ Британскихъ владѣній, находятся отъ Герата въ разстояніи не ближе 600 верстъ, т. е. вдвое далѣе, чѣмъ будутъ находиться русскія войска по занятіи Мерва. Хотя мы никакихъ вожделѣній относительно Индостана не питали и не питаемъ, однакоже Англія,—въ вѣчно-тревожномъ сознаніи зыбкости и шатости основъ, на которыхъ покоится ея насильственная власть въ этомъ громадномъ краѣ надъ двумя стами милліонами враждебныхъ ей, болѣе или менѣе, жителей,—Англія, что̀ и естественно, не могла взирать равнодушно на постепенное приближеніе русской границы къ юго-восточному углу Закаспійской пустыни. Обаяніе русской государственной мощи, вообще довольно сильное въ Азіи, тантъ въ себѣ, по понятіямъ Сентъ-Джемскаго кабинета, залогъ немаловажной опасности для его спокойнаго обладанія Индійской имперіей — въ случаѣ какого-либо серьезнаго политическаго столкновенія Англіи съ Россіей по *европейскимъ* вопросамъ. Въ виду такой постоянной, нависшей надъ

Индіею, хотя бы еще и отдаленной русской угрозы, само собою разумѣется, не совсѣмъ-то было удобно для Англіи разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ своему противодѣйствію Россіи — въ расширеніи, напримѣръ, ея власти на Балканскомъ полуостровѣ, въ завладѣніи Константинополемъ или Босфоромъ... Поэтому искусство англійскихъ дипломатовъ и поставило себѣ задачею такъ хитроумно смастерить дѣло, чтобы, страшась съ полнымъ основаніемъ русскаго могущества въ Азіи, заставить наоборотъ Россію бояться Англіи даже безъ всякаго основанія! чтобы, однимъ словомъ, связавъ руки Русской державѣ по отношенію къ Англіи въ Закаспійской области — развязать ихъ себѣ, по отношенію къ Россіи на европейскомъ Юго-Востокѣ. Задача, казалось бы неразрѣшимая, но... не въ борьбѣ съ русскою дипломатіею! Русская дипломатія не только не воспользовалась выгодами нашего положенія за Каспіемъ, но съ предупредительной деликатностью, достойною лучшаго примѣненія, любезно сдавала или, вѣрнѣе, пыталась сдавать русскія боевыя позиціи въ Средней Азіи—насколько могла сладить съ неодолимой силой вещей. Сила же вещей заставила насъ нехотя, противъ воли, подвигаться впередъ да впередъ, для обезпеченія восточнаго каспійскаго побережья отъ туркменскихъ набѣговъ, а дипломатія наша не переставала при томъ каждый разъ извиняться, объясняться, «клятися и ротитися», что это въ послѣдній разъ, что далѣе—мы ни шагу...

Уже въ 1869 г. намъ навязана была Англичанами демаркаціонная линія, какъ предѣлъ «его же не прейдеши»—Аму-Дарья, и тогда же заранѣе указанъ ими Мервъ, какъ пунктъ для Россіи на вѣки запретный; все это однако не помѣшало намъ смирить Бухару и поставить Хивинское ханство въ подчиненное къ себѣ отношеніе. Въ 1874 г. князь Горчаковъ посылалъ Англіи увѣреніе, что русское правительство не намѣревается отправлять никакой экспедиціи противъ Туркменъ или занимать Мервъ: такое же увѣреніе дано и въ слѣдующемъ году. Нѣсколько позднѣе, собираясь воевать съ Турціей и желая отвлечь отъ насъ вниманіе Англичанъ, мы отправили къ Афганистанскому эмиру генерала Столѣтова, обнадежили эмира нашей помощью, вовлекли въ войну съ Англіей и потомъ—отступились отъ него, думая снискать

себѣ нѣкоторое благорасположеніе англійскаго правительства. Благорасположеніе это и выразилось тѣмъ, что лордъ Беконсфильдъ — заставилъ насъ отойти отъ Константинополя, захватилъ Кипръ и былъ главнымъ виновникомъ постыдныхъ для насъ условій Берлинскаго трактата... Мервъ могъ бы стать нашимъ и два года тому назадъ, послѣ взятія Геокъ-Тепе: но Скобелеву было предписано не посягать на независимость Мерва, дабы не раздражить Англичанъ, съ которыми въ то время мы состояли или полагали, что состоимъ — въ «дружественныхъ» отношеніяхъ. Это было уже при Гладстонѣ. Но при Гладстонѣ или Беконсфильдѣ, по причинѣ ли дружбы, по причинѣ ли непріязни, мы всегда одинаково признавали нужнымъ щадить и щадить «чувствительность Англичанъ»,—которые съ своей стороны съ русскою чувствительностью нимало не церемонились, находя вѣроятно, que nous avons la peau dure....

Теперь Мервъ самъ собою попросился подъ русскій скипетръ, принимаетъ присягу на подданство Русскому Государю. Можно лишь благодарить Бога, что такое необходимое пріобрѣтеніе учинилось безъ кровопролитія и насилія, какъ логическій результатъ Скобелевской экспедиціи и того нравственнаго воздѣйствія, которое мы уже успѣли оказать на сосѣднее населеніе. Но органъ нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ, «Journal de St.-Pétersbourg», почему-то почелъ нужнымъ и по настоящему поводу разсыпаться въ извиненіяхъ предъ Англіею. «Русское правительство,—говоритъ газета, обращаясь къ англійскому «Times»,— хотя и возложило на себя задачу прекратить разбойничество въ туркменскихъ странахъ, дабы проложить дорогу торговлѣ и цивилизаціи, но тѣмъ не менѣе *поколебалось бы* преслѣдовать туркменское варварство до его послѣдняго оплота — Мерва и овладѣть имъ силою, такъ какъ это *могло бы вызвать недовѣріе или недоразумѣніе со стороны англійскаго правительства*»... (другими словами: готово было бы терпѣть даже разбойническіе набѣги, только бы не потревожить какънибудь душевнаго спокойствія Англичанъ!) Но что же дѣлать—прибавляетъ «Journal de St.-Pétersbourg» въ выраженіяхъ поистинѣ трогательныхъ, — «когда сила вещей заставляетъ эти воинственныя племена признать невозможность

продолжать долѣе свое полное случайностей существованіе и необходимость подчиниться власти Россіи, — *Россія не могла, очевидно, отвергнуть такой миролюбивый исходъ*»... Ну, конечно, не толкать же ихъ вонъ,—этотъ резонъ вѣрно и Англичане уважутъ...

Впрочемъ, Англичане предвидѣли такой «миролюбивый исходъ» уже давно; извѣстіе о присоединеніи Мерва, которое, по увѣренію газеты «Times», нѣсколько лѣтъ тому назадъ повело бы къ угрозамъ войны, въ настоящее время почти никого не смутило. Мы подчиняемся,— вѣщаетъ «Times»,—неизбѣжному въ мервскомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ вещахъ, но если мы дѣлаемъ это, то съ рѣшимостью быть болѣе твердыми въ вопросахъ, которые возникнутъ изъ подчиненія Мерва»... На этомъ основаніи газета рекомендуетъ англійскому правительству подать свой голосъ, т. е. другими словами—*вмѣшаться* въ дѣло при разграниченіи нашей новой территоріи съ Персіей и Афганистаномъ, и если бы Россія захотѣла взять себѣ персидскій городъ Сераксъ, то «въ интересахъ Персіи» таковое русское требованіе отклонить. Нашъ французскій органъ русскаго министерства,— вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же рѣзко осудить самую мысль о вмѣшательствѣ англійской дипломатіи въ наши дѣла и напомнить Англичанамъ, что Россія даже и не подумала вмѣшиваться въ ихъ недавнюю сдѣлку съ Афганистаномъ,— поспѣшилъ завѣрить непрошеныхъ опекуновъ, что «нѣтъ основанія предполагать, чтобы Россіи *когда-либо* потребовалось занять Сераксъ», и что вообще «Россія ничего такъ не желаетъ, какъ установить взаимныя отношенія Россіи и Англіи на основѣ справедливой оцѣнки интересовъ обоихъ государствъ»... Желаніе конечно похвальное, но слѣдуетъ помнить, что русскіе интересы въ Азіи не могутъ быть цѣнимы отдѣльно отъ таковыхъ же русскихъ интересовъ въ Европѣ, напримѣръ на Черномъ морѣ и на Босфорѣ...

«Journal de St.-Pétersbourg» не нарадуется «спокойнымъ, справедливымъ и здравымъ взглядомъ» англійской публики и англійскихъ государственныхъ людей на присоединеніе Мерва къ Россіи. Не удивительно, что органъ русской дипломатіи поетъ хвалебные гимны общественному мнѣнію и руководителямъ политики Великобританіи, — но странно, что

и бо́льшая часть нашихъ газетъ припѣваетъ на тотъ же ладъ, упуская изъ виду, вопервыхъ, что Англія теперь занята Египтомъ, а потому и остерегается всякаго усложненія своей египетской задачи, а вовторыхъ, относительно Мерва *она уже себя обезпечила*... Когда въ 1869 г., при обмѣнѣ мнѣній между русскимъ и англійскимъ правительствомъ объ установленіи въ Средней Азіи нейтральной полосы между обѣими имперіями, Россія предложила признать таковою полосою Афганистанъ, Англія отвергла это предложеніе, не желая допустить приближенія Русскихъ даже и къ Афганистану, и имѣя на это государство свои тайные виды. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ лордъ Биконсфильдъ затѣялъ подчиненіе Афганистана англійскому протекторату, вынужденъ былъ начать войну, занялъ разные афганскіе города, причемъ подвергъ англійскія войска всевозможнымъ бѣдствіямъ и лишеніямъ; но къ счастію для послѣднихъ, мѣсто Биконсфильда заступилъ Гладстонъ, который далъ оборотъ англійской политикѣ въ Азіи совершенно иной, несравненно болѣе удобный и умный. Мечта Биконсфильда о какой-то «научной границѣ» отброшена, англійскія войска отведены назадъ, Гладстонъ, поспѣшивъ признать эмиромъ воинственныхъ Афганцевъ смѣлаго претендента Абдуррахмана, заключилъ съ нимъ дружественный союзъ и преподнесъ *милліонъ рублей денегъ, да 10 тысячъ скорострѣльныхъ ружей*... Это извѣстіе было въ свое время подтверждено всѣми газетами. Для чего же даны эти 10 т. ружей? Для пущаго развитія афганистанской воинственности? Противъ кого?.. Несомнѣнный фактъ, что Абдуррахманъ, въ присутствіи представителя Англіи, объявилъ себя торжественно и всенародно отъявленнымъ врагомъ Россіи, какъ виновницы будто бы всѣхъ бѣдъ, испытанныхъ за послѣднее время Афганистаномъ, причемъ припомнилъ и миссію генерала Столѣтова. Мало того: вражду съ Россіей онъ не боится возвѣщать и проповѣдывать всюду и при всякомъ удобномъ случаѣ. Поддержка Англичанъ,—поддержка существенная, не голословная: оружіе и деньги, — придала ему бодрости и немалое обаяніе въ глазахъ разбойничьихъ горныхъ племенъ. Справедливо похваляетъ органъ русской дипломатіи англійскую здравомысленность!... Извѣстно, что ру-

жей, особенно скорострѣльныхъ. Азіятцамъ безъ инструкторовъ дать нельзя, а потому есть поводъ предполагать, что къ ружьямъ приданъ и нѣкій запасъ англійскихъ техниковъ разнаго рода. До насъ дошли частные слухи, будто кто-то уже занимался промѣрами въ Аму-Дарьѣ... Чего добраго, скоро, пожалуй, появится на рѣкѣ и пароходъ англійской конструкціи, великодушно подаренный въ придачу къ оружію! Но есть слухи, и болѣе достовѣрные, о томъ, что Абдуррахманъ разсылаетъ своихъ эмиссаровъ и за предѣлы афганистанскихъ владѣній, къ племенамъ подвластнымъ Бухарѣ: что одинъ изъ его посланцовъ уже появился въ Кулабѣ.—что поэтому положеніе самой Бухары не безопасно... (Какъ разъ въ то время, когда «С.-Петербургскія Вѣдомости», неизвѣстно съ чьего голоса, совѣтуютъ нашему правительству побудить Бухарскаго эмира распустить свою небольшую «армію»!..) Не слѣдуетъ также забывать, что самая война, которую на бѣду свою въ 1873 г. затѣялъ съ нами Хивинскій ханъ и которая вызвала нашъ знаменитый походъ, была возбуждена (по крайней мѣрѣ по свидѣтельству г. Гродекова въ его описаніи похода) кознями Англичанъ.

Понятно ли теперь читателямъ, что Англіи нечего теперь особенно тревожиться нашимъ новымъ пріобрѣтеніемъ, которое ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ воинственнымъ и закупленнымъ ею Афганистаномъ? Мервскій округъ примыкаетъ къ афганскимъ владѣніямъ! До 1877 г. мы могли имѣть, да и имѣли, Афганистанъ на своей сторонѣ: онъ искалъ тогда въ насъ защиты противъ Англіи; теперь же наоборотъ: Афганистанъ опирается на Англію и намъ враждебенъ. Припомнимъ также, что эмиры афганскіе неоднажды предъявляли притязаніе на верховную власть надъ Текинцами. Не страха ли ради Абдуррахмана и вступили Мервинскіе Текинцы въ подданство Россіи?

Присоединеніе Мерва безъ сомнѣнія умиротворитъ степь въ томъ отношеніи, что положитъ конецъ текинскимъ разбоямъ (по крайней мѣрѣ этого слѣдуетъ ожидать); но въ то же время оно налагаетъ на насъ и новыя обязанности. Новыхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи намъ пока не нужно: всякій дальнѣйшій шагъ впередъ можетъ привести насъ къ подножію

горъ, населенныхъ буйными воинственными племенами, способными обратить ихъ въ своего рода Кавказъ. Намъ необходимо обезпечить себя надежною, такъ-сказать стратегическою границей: необходимо противопоставить Афганистану независимую и лишь на насъ опирающуюся Бухару, создать въ Мервѣ *сильный укрѣпленный пунктъ* (необходимость котораго предсказана Скобелевымъ въ одномъ частномъ его письмѣ 1881 г.),—да не мѣшало бы, кажется, воздвигнуть укрѣпленіе и на Аму-Дарьѣ, не справляясь, страха ради Англичанъ, на какомъ берегу они дозволятъ, *лѣвомъ* или *правомъ*, — а на какомъ удобнѣй. И все это чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Надобно надѣяться, что въ нашей высшей военной и даже дипломатической сферѣ такъ и судятъ о дѣлѣ, несмотря на кажденіе нашего оффиціальнаго дипломатическаго органа англійской умѣренности и разсудительности, и несмотря на маниловскія мечтанія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ о свѣтлой мирной будущности, раскрывающейся предъ Среднею Азіей. *Надобно надѣяться*... однако эта надежда совсѣмъ ужъ не ладится съ извѣстіемъ, будто М. Г. Черняевъ, всего съ чѣмъ-то годъ назадъ назначенный генералъ-губернаторомъ Туркестанскимъ, отзывается съ своего поста, а на мѣсто его назначается генералъ Розенбахъ... Странный моментъ выбранъ для такого распоряженія: подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ въ Средней Азіи имѣетъ водвориться наступечья идиллія! Впрочемъ, дивиться ли отозванію М. Г. Черняева (если только это извѣстіе вѣрно)? Мы знаемъ силу зависти и интриги, и какъ искусно владѣетъ она клеветой. Истинѣ вообще трудно пробраться до Верховной власти, а петербургская среда—плохой проводникъ для правды! Есть сортъ людей въ Петербургѣ, одаренныхъ какою-то вывороченною логикою. Генералъ Черняевъ знаетъ Туркестанскій край какъ рѣдкій кто теперь въ Россіи... Такъ именно поэтому, разсуждаютъ они, и надо его отозвать и послать человѣка, который края вовсе не знаетъ! Черняевъ—генералъ боевой, съ несомнѣннымъ военнымъ талантомъ. Ну, что жъ? Тѣмъ менѣе онъ нуженъ, а потребенъ генералъ вовсе не боевой и о военномъ талантѣ котораго извѣстно развѣ очень немногимъ избраннымъ! Генералъ Черняевъ, какъ завоеватель Ташкента, поль-

зуется громаднымъ обаяніемъ среди азіятскаго населенія, а потому удобнѣе чѣмъ всякій другой можетъ сдружить его съ русскимъ владычествомъ... Raison de plus! Не надо его, долой!.. Аргументы уважительные, особенно для извѣстной петербургской среды, для той, напримѣръ, которая способна изъ патріотизма агитировать теперь въ пользу передачи русской хлѣбной торговли въ руки иностранной элеваторной компаніи!... Несчастіе генерала Черняева—въ популярности его имени, какъ среди русской арміи, такъ и въ Русскомъ народѣ... Такая извѣстность всегда родитъ завистниковъ, а у насъ въ особенности, и обращаетъ человѣка въ мишень для всякихъ поклеповъ и козней. Если прибавить къ этому, что генералъ Черняевъ—по природѣ своей человѣкъ не казенный и врагъ формалистики, то понятна и ненависть, которую должна питать къ нему наша могущественная военная бюрократія!... Особенно сильно должно быть теперь раздраженіе той массы негодяевъ, которая съ появленіемъ его должна была оставить несчастный, разоряемый ими край и которая въ сатирической литературѣ такъ и окрещена кличкой «ташкентцевъ»... Все это понятно, все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ правдоподобность сообщеннаго газетами извѣстія; но такая печальная правдоподобность всего менѣе способна укрѣпить въ обществѣ довѣріе къ петербургской администраціи. Отозваніе генерала Черняева произведетъ, несомнѣнно, тяжелое впечатлѣніе на массы русскихъ людей. Еще недавно представители московскаго купечества самымъ искреннимъ образомъ благодарили его за содѣйствіе, въ Закаспійскомъ краѣ, интересамъ русской торговли и промышленности,—которымъ, напротивъ, почему-то совершенно не счастливится за Кавказомъ, несмотря на высочайше повелѣнную отмѣну транзита...

По поводу Скерневицкаго свиданія.

„Русь“, 15-го сентября 1884 г.

Десять дней тому назадъ взоры всего міра были прикованы къ мѣстечку на русской государственной территоріи въ Варшавской губерніи—Скерневицы, гдѣ происходилъ съѣздъ

трехъ могущественнѣйшихъ монарховъ вселенной; гдѣ, однимъ словомъ, въ изящномъ замкѣ, — сооруженномъ послѣднимъ изъ польскихъ королей Станиславомъ Августомъ, — гостили у Русскаго Императора Императоры Австрійскій и Германскій, имѣя при себѣ министровъ иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки и князя Бисмарка. Громъ газетной музыки предшествовалъ событію и не умолкалъ потомъ до конца, да и до сихъ поръ еще не совсѣмъ затихъ, продолжая прославлять на всѣ лады благодѣянія мира и дружества. Но кромѣ этихъ благъ, никакой иной программы, ниже малѣйшаго ея признака, не удалось уловить любознательнымъ репортерамъ и корреспондентамъ, какъ ни напрягались ихъ взоры и слухъ. Свиданіе совершилось въ такомъ же торжественномъ порядкѣ и чинѣ, какъ и предшествовавшія свиданія (на нашей памяти это уже третіе или четвертое), по тому же установленному этикету, съ тѣмъ же традиціоннымъ у царей обмѣномъ вѣжливостей, взаимнымъ переоблаченіемъ въ національные мундиры и ордена и взаимными же августѣйшими очередными салютами при церемоніальныхъ маршахъ во главѣ перваго взвода полковъ своего имени. Закулисная же сторона этого пышнаго событія пока еще мало, почти совсѣмъ не извѣстна, а потому «серьезнымъ органамъ печати» ничего болѣе и не оставалось, какъ снова затянуть гимны миру, — которому, впрочемъ, едвали и угрожала *близкая* серьезная опасность. Мы, Русскіе, вѣдаемъ, что не наша политика подавала какіе-либо поводы ожидать отъ нея нарушенія общественной тишины. Вотъ почему, при всемъ кажущемся однообразіи общаго газетнаго хора, можно легко подмѣтить въ немъ нѣкоторое различіе интонацій. Самыми борзыми и громкими запѣвалами, въ тонѣ мажорномъ, были германскіе публицисты, самыми нескладными и хриплыми — австрійскіе, — русская же печать, въ большинствѣ своихъ представителей, выводила высокія ноты хотя и стройно, но довольно сдержанно и какъ-то недоумѣнно. Одинъ только оффиціозный органъ русскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ, Journal de St.-Pétersbourg, — постоянно, точно по должности неловкій и словно обязательно безтактный, — вздумалъ было, въ виду предстоявшаго событія, какъ бы кстати, выгораживать русскую дипломатію отъ всякаго подозрѣнія

въ солидарности съ такъ-называемыми славянофилами (въ чемъ ее даже и грѣхъ было бы заподозрить), и выясняя точку зрѣнія русскаго дипломатическаго патріотизма на отношенія Россіи къ Европѣ, изрекъ тономъ магистра, что Россія должна-де прежде всего «стремиться стать одною изъ передовыхъ европейскихъ націй». (Должно-быть, наглядным выраженіемъ именно такого стремленія и служитъ изданіе органа русскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ, хоть и на русскія народныя деньги, но на иностранномъ языкѣ и подъ редакціей иностранца!).—Выходка почтеннаго журнала, къ утѣшенію нашему, только пуще смутила русскихъ читателей, даже и не сочувствующихъ направленію «Руси»: всѣмъ имъ хорошо вѣдомо, что̀ означало до сихъ поръ для Россіи на русскомъ дипломатическомъ языкѣ подобное притязаніе на «европеизмъ». Всѣмъ имъ отъ такого оффиціознаго усердія стало какъ-то не совсѣмъ ловко, что̀ можетъ-быть невольно и отразилось, хотя и слегка, на общемъ тонѣ русскихъ хвалебныхъ причитаній миру и дружбѣ...

Кому уже несомнѣнно во всемъ этомъ событіи было вполнѣ по себѣ, вполнѣ ловко, это — Германіи! По крайней мѣрѣ, судя по общему впечатлѣнію описательныхъ телеграммъ, маститый вождь ея остался какъ-то особенно доволенъ своимъ посѣщеніемъ, былъ какъ-то особенно благодушенъ. Это вполнѣ понятно и вполнѣ законно: *умыселъ* мира принадлежитъ Германіи, — Австрія и Россія только ея соумышленники...

Что война есть величайшее изъ бѣдствій, а миръ—величайшее изъ благъ для человѣчества, — это нѣсколько всѣмъ извѣстно, и мы въ этомъ отношеніи не отдѣляемъ своего голоса отъ общаго миролюбиваго хора печати. Не видимъ надобности и скрывать, что именно Россія, послѣ недавней кровопролитной войны, имѣетъ полное основаніе желать себѣ отдыха и досуга для своего внутренняго домашняго дѣла. Не можетъ подлежать и сомнѣнію, что недавнее свиданіе могущественныхъ монарховъ Европейскаго материка было дѣйствительно знаменіемъ мира, и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ не только искренняго сочувствія, но и благословенія со стороны подвластнаго имъ народонаселенія. Нельзя отрицать и великаго значенія именно *личныхъ* отношеній между государями даже и въ наше время, даже и для такихъ странъ,

гдѣ механизмъ правленія, какъ въ Австріи и Германіи, осложненъ разными неуклюжими конституціонными снарядами. Можно теперь быть вполнѣ увѣреннымъ, что сами монархи другъ съ другомъ воевать не располагаютъ и исполнены мирныхъ чувствъ. Восколько дѣло зависитъ отъ воли самихъ государей, а не отъ силы вещей, миръ народовъ, по крайней мѣрѣ на Европейскомъ материкѣ, долженъ считаться обезпеченнымъ.... Но на долго ли? неизвѣстно... Въ древней Руси, въ эпоху частыхъ междоусобныхъ удѣльныхъ войнъ и частаго же взаимнаго крестнаго цѣлованія въ знакъ примиренія и дружбы, сложился своего рода афоризмъ, упоминаемый и лѣтописью — «миръ стоитъ до рати, а рать до мира»: истина не замысловатая, но... живая,—живая и для нашихъ дней! Если бы Скерневицкое свиданіе монарховъ (вовсе и не состоявшихъ между собою въ войнѣ) было только однимъ обмѣномъ одушевляющихъ ихъ, въ настоящій мигъ, личныхъ чувствъ дружбы и миролюбія, тогда бы оно и не представляло особенной важности. Но нѣмецкія газеты прямо заявляютъ, что это свиданіе—«*лига мира*», т. е. именно *соумышленіе* державъ на огражденіе международнаго мира. А такое соумышленіе, понятно, можетъ происходить не иначе, какъ на общей, всѣми сторонами признанной единой основѣ, предполагаетъ добровольное взаимное ихъ подчиненіе — сообща опредѣленнымъ и для каждой стороны обязательнымъ *условіямъ*. Вступленіе Россіи въ этотъ «заговоръ» или лигу на пользу мира и составляетъ предметъ ликованія германской печати. Всему свѣту доказанное, столькими испытаніями подтвержденное русское миролюбіе представлялось, очевидно, нашимъ сосѣдямъ еще недостаточною порукою для «спокойствія народовъ» или точнѣе—ихъ самихъ: имъ казалось необходимо нужнымъ это миролюбіе закрѣпить, формуловать и такъ-сказать опротоколить: требовалось, однимъ словомъ, чтобъ Россія не только добровольно блюла миръ, но и приняла на себя и цѣпи мира.

Она ихъ и приняла. Понятно поэтому и извинительно наше желаніе взвѣсить тяжесть этихъ мирныхъ и дружественныхъ цѣпей и увѣдать точный смыслъ добровольно возложенныхъ нами на себя обязательствъ. А что таковыя обязательства нами на себя возложены (какъ возложены они, не споримъ,

на себя и нашими обоими союзниками), объ этомъ свидѣтельствуютъ и органъ нашей дипломатіи — Journal de St.-Pétersbourg, и оффиціозные органы германскаго канцлера... Одинъ изъ послѣднихъ прямо утверждаетъ, что «свиданіе только запечатлѣло собою уже состоявшееся прежде *соглашеніе*». По словамъ берлинской газеты «Post», слѣдуетъ «ожидать проявленія давно подготовленныхъ и нынѣ окончательно принятыхъ рѣшеній»... Не иное что̀ гласила и русская французская газета, утверждавшая на своемъ путаномъ и извитомъ языкѣ, что свиданіе должно-де «быть истолковано *не* въ смыслѣ формальныхъ союзовъ или спеціальныхъ соглашеній, *а* въ смыслѣ полнаго *согласія* трехъ державъ по всѣмъ великимъ вопросамъ, озабочивающимъ общественное мнѣніе» (!), въ смыслѣ освященія *благополучно существующаго порядка вещей (?)*, въ смыслѣ «единенія, основаннаго на уваженіи къ трактатамъ и сохраненіи европейскаго status quo», съ тѣмъ, чтобы «всякій вопросъ, выступающій изъ рамокъ нынѣшняго status quo встрѣтилъ державы не разрозненными и отдѣльно дѣйствующими, а объединенными рѣшимостью дѣйствовать сообща» или въ духѣ примиренія взаимныхъ интересовъ...

Еще выразительнѣе характеризуетъ установившееся согласіе или соглашеніе статья того же французскаго органа русской дипломатіи, появившаяся вслѣдъ за окончаніемъ свиданія или по отъѣздѣ изъ Скерневицъ императоровъ Германскаго и Австрійскаго, — статья основанная, по словамъ газеты, на «извѣстіяхъ полученныхъ изъ безусловно-достовѣрнаго источника». Свиданіе, — вѣщаетъ газета, и на этотъ разъ не оффиціозно только, а какъ бы оффиціально, — «констатировало согласіе о замѣнѣ, *въ рамкахъ настоящаго statu quo*, принципа разрозненнаго дѣйствія принципомъ единодушія и примиренія», съ каковой «точки зрѣнія и будутъ обсуждаться всѣ спеціальные вопросы, которые уже существуютъ или могутъ возникнуть въ Европѣ впослѣдствіи»... «Миръ вполнѣ и дѣйствительно обезпеченъ», — внушительно заключаетъ Journal de St.-Pétersbourg свою статью, — не только между Россіей, Австро-Венгріей и Германіей, «но и въ остальной Европѣ, потому что объ это твердое и прямодушное ихъ согласіе», подкрѣпленное «нрав-

ственною и матеріальною силою, коею онѣ располагаютъ», «должны сломиться всякіе разсчеты, которые бы имѣли въ виду ихъ разногласіе или соперничество»!...

Это уже не разглагольствіе редакціи, — это — вѣщаніе, и до такой степени вѣское и внушительное по отношенію къ «остальной Европѣ», что оно можетъ исходить лишь изъ непосредственнаго оффиціальнаго источника. Тройственный союзъ или, пожалуй, только «согласіе» — является отнынѣ новымъ могущественнымъ факторомъ европейской международной политики. Безсмысленно предполагать, что подобное «согласіе» или «соглашеніе» можетъ состояться безъ взаимнаго нравственнаго обязательства, безъ ограниченія въ извѣстной степени личной свободы дѣйствія. Предъ подобнымъ самоограниченіемъ въ виду возвышенной цѣли мира—можно только съ благодарностью преклониться. Желательно лишь знать: въ равной ли мѣрѣ всѣмъ (не въ принципѣ, а на практикѣ) распредѣлены доли этого самоограниченія, всѣмъ ли одинаково нужны и благотворны? Позволимъ себѣ пояснить нашу мысль самою простою притчей.

Сидитъ себѣ Иванъ-богатырь на своемъ родимомъ просторномъ полѣ. Всего у него избытокъ, силенъ онъ какъ никто,—и какъ никто же—простодушенъ и смиренъ, и ни на чье чужое добро, увалень, не зарится! Два у него сосѣда — Климъ и Карпъ. Климъ, растерявъ не мало своего добра, запахалъ часть чужаго поля и, озираясь по сторонамъ, только и гадаетъ о томъ: какъ бы половчѣе прибрать къ рукамъ и остальную долю,—на что̀ Иванъ глядя—ко̀сится. Другой сосѣдъ, Карпъ, тоже богатъ, не меньше Ивана, только богатство его силою и обидою нажито, и грызетъ Карпа раздумье: ну, что̀ если обиженные сосѣди когда-нибудь, собравшись, вздумаютъ отнять захваченное у нихъ добро, призвавъ богатыря Ивана на помощь? Долго мекалъ умомъ своимъ Карпъ; какъ быть, что̀ дѣлать,—перекинулся словомъ-другимъ съ Климомъ—и идутъ оба къ Ивану. Такъ и такъ, молъ, «солидарность интересовъ, status quo, благо мира» и все эдакое; хорошо бы, говорятъ, освятить благополучно существующій порядокъ, жить-дескать промежь себя въ нерушимой дружбѣ и согласіи,—чтобъ было-де между нами такъ, какъ и теперь стоитъ: т. е. чтобъ мнѣ, Карпу,

безъ поруки владѣть моимъ недавнимъ стяжаніемъ, а тебѣ, Ивану, моимъ недругамъ, въ случаѣ ихъ озорничества, николи не помогать; мнѣ, Климу, по прежнему пахать въ чужомъ сосѣдскомъ полѣ, а тебѣ, Ивану, въ томъ мнѣ помѣхи не чинить, хотя бы я и совсѣмъ его отхватилъ: коли мы, говорятъ, твердо и прямодушно будемъ держаться другъ друга, никто, говорятъ, на наше согласіе, основанное на уваженіи къ взаимнымъ правамъ, и не посягнетъ, и процвѣтетъ, молъ, кругомъ миръ и тишина»,—и пошли расписывать! Красно расписали. Шевельнулось было въ головѣ Ивана: «мнѣ-то какая отъ того польза? мнѣ вѣдь ничего чужаго не надо»!... Но не дали ему сосѣди и съ мыслями разобраться, понаперли на него и съ другаго конца, иными рѣчами: «мы вѣдь это тебѣ добра желаючи говоримъ,—а то вѣдь вишь ты какой уродился, никому не подъ стать, народъ только собою пугаешь! Нужно тебѣ себя передъ людьми оправить, а то вѣдь тебѣ, пожалуй, и не сдобровать: ужъ очень ты себѣ на умѣ, больно хитеръ и боекъ, да и по откровенности сказать, худая о тебѣ слава ходитъ: не то, что ты тамъ невѣжа, или лапотникъ, и не то, чтобы тамъ кабака или чего такого, а... «политики захватовъ» придерживаешься»!... Даже испугался Иванъ, сталъ было божиться и клясться: «никакой такой я политики отродясь знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ! напраслину терплю горькую»!... «Ладно, не кручинься, только держись насъ обоихъ, мы о тебѣ славу пустимъ добрую, даже въ газетахъ безкорыстіе и миролюбіе, и великодушіе твое превознесемъ, и въ хорошую компанію введемъ, пожалуй къ передовымъ, къ образованнымъ господамъ сопричислимъ».—«Ой-ли»?... И думаетъ Иванъ: отчего бы и не такъ? я какъ былъ Иванъ, такъ и останусь Иваномъ, при томъ же полѣ; а съ сосѣдями дружить—все же много покойнѣе будетъ, да и чести прибудетъ»! «Что̀жъ, говоритъ, я съ моимъ удовольствіемъ»—и ударилъ Иванъ съ сосѣдями по рукамъ, и отъ души самъ первый порадовался, видя ихъ превеликую радость,—самъ же обоихъ и благодаритъ!...

Таковы мы съ точки зрѣнія русскихъ дипломатическихъ дѣйствій! Просимъ извиненія у читателей за такую, пожалуй, тривіальную притчу. Было бы неумною ошибкою видѣть

въ ней какую-либо попытку уподобленія тому недавнему европейскому событію, величавость котораго мы не менѣе всякаго другаго признаемъ, и не только величавость, но и дѣйствительно великое, въ высшей степени серьезное и чреватое послѣдствіями событіе. Мы хотѣли только изъ-подъ наслоеній цвѣтистаго, высокопарнаго, дутаго и притомъ малопонятнаго слога оффиціальныхъ комментаріевъ и оффиціозныхъ гимновъ выдернуть самую сущую суть дипломатическихъ взаимныхъ отношеній иностранныхъ и русскихъ, какъ мы ее понимаемъ, и передать ее читателямъ въ наиболѣе вразумительной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ политическія обстоятельства, предшествовавшія настоящему событію. Пруссія, совершивъ великій кровавый подвигъ объединенія Германіи — «огнемъ и желѣзомъ», по выраженію геніальнаго своего канцлера,— разгромивъ Австрію и Францію, разрубивъ у первой всякую политическую связь съ германскимъ отечествомъ, отодравъ отъ второй Альзасъ и Лотарингію, даже вопреки желаніямъ населенія,—Пруссія, ставъ во главѣ новой Германской имперіи, не могла, конечно, не озаботиться — какъ бы укрѣпить и упрочить свое созданіе. Возвеличеніе ея было слишкомъ быстро, напряженіе усилій слишкомъ тягостно, раны нанесенныя врагомъ слишкомъ глубоки, слишкомъ чувствительны: все повидимому угрожало опасностью новорождающемуся исполинскому дѣтищу. Парализовать враговъ и даже только возможныхъ соперниковъ дипломатическими маневрами и политическими комбинаціями было изначала вспомогательною, а потомъ и существенною задачею князя Бисмарка. Сближеніемъ Пруссіи съ Франціей онъ заставилъ послѣднюю присутствовать сложа руки при сокрушеніи Австріи; затѣмъ союзомъ съ Россіею воздержалъ Австрійцевъ отъ помощи Франціи и далъ возможность Германіи сокрушить ее безпрепятственно. Было потомъ время, когда германскій канцлеръ искалъ тѣснѣйшаго сближенія съ Россіей, полной солидарности въ *активной* политикѣ: это было тогда, когда и Австрія и Франція еще не оправились отъ недавняго пораженія. Планы князя Бисмарка были широки и смѣлы, и не щадили ни Франціи, ни Австрійской монархіи. Но Россія не отважилась идти рука объ руку съ княземъ Бисмаркомъ въ этой «политикѣ приключеній». Напротивъ,

Русскій Государь рѣшительно воспротивился новой войнѣ съ Франціей, которою Германія хотѣла было ее доконать,— и германскій кабинетъ *вынужденъ* былъ уступить. Стало явнымъ, что услуга оказанная Германіи Россіей въ первую ея войну съ Французами и вообще наше положеніе въ Европѣ давали намъ нѣкоторый политическій перевѣсъ,—что̀ конечно было не по нраву новой Имперіи... Военные успѣхи Россіи въ 1877 г. грозили еще пущимъ увеличеніемъ ея перевѣса и вообще ея обаянія и силы: это еще менѣе могло входить въ разсчеты германской политики! Послѣдовалъ Берлинскій трактатъ, при «маклерствѣ» германскаго канцлера. — и побѣдоносная Россія была развѣнчана и унижена! Этому униженію, впрочемъ,—какъ потомъ довольно основательно объяснялъ, въ свое оправданіе, самъ «честный маклеръ»,—въ сильной степени содѣйствовало наше собственное, по истинѣ колоссальное политическое слабодушіе. Какъ бы то ни было, послѣ Берлинскаго трактата между Россіей и Германіей наступило сильное охлажденіе. Князь Бисмаркъ бросился въ Вѣну, заключилъ, хотя бы и не формальный, тѣсный союзъ съ Австріей и далъ могущественный толчокъ ея внутренней и внѣшней политикѣ, ея движенію на Востокъ, т. е. на Балканскій полуостровъ, раскрылъ предъ нею новые политическіе горизонты, заслонявшіе стародавніе горизонты Россіи... Австрія, опираясь на союзъ Германіи, ожила, — въ ней прибыло и силы и духу, и даже дерзости по отношенію къ намъ. Время было выбрано удачное, такъ какъ послѣдняя война значительно истощила русскія силы и средства. Россія была слишкомъ озабочена внутренними дѣлами, была наконецъ сама смущена собственною своею политическою несостоятельностью, сбита съ позиціи приключившимся ей въ Берлинѣ позоромъ,—и никла духомъ. Тѣмъ не менѣе вызывательныя дѣйствія Австріи, ея вторженіе въ сферу русскихъ интересовъ, ея интриги на Балканскомъ полуостровѣ, ея католическія миссіи среди православныхъ Славянъ, ея тайныя конвенціи съ одурѣвшимъ Сербскимъ правительствомъ, автономія, данная ею Полякамъ въ Русской Галиціи, преслѣдованіе русскихъ Галичанъ, однимъ словомъ— цѣлый рядъ дѣйствій враждебныхъ Россіи или оскорбительныхъ для русскаго достоинства,—дѣйствій дозволенныхъ се-

бѣ Австріей единственно въ виду союза ея съ Германіей,— все это не могло наконецъ не произвести въ Россіи сильнаго раздраженія, становившагося подъ конецъ уже грознымъ... Не то чтобъ Россія въ самомъ дѣлѣ грозила войной,—хотя въ Берлинѣ отчасти умышленно, отчасти искренно, приписывали уже намъ разные воинственные замыслы и серьезно пугались всякаго передвиженія русскихъ войскъ около прусской границы,—но раздраженіе Россіи открывало возможность для нѣкоторой политической комбинаціи, предотвратить которую князю Бисмарку было весьма желательно. Вести войну съ Россіей, хотя бы и въ союзѣ съ Австро-Венгріей, было дѣломъ слишкомъ рискованнымъ, на которое могли бы отважиться развѣ только нѣмецкіе шовинисты, а не берлинскіе искушенные опытомъ мудрецы. Такая война истощила бы силы Германіи прежде, чѣмъ бы истощились силы самой Россіи; при такой войнѣ, Германіи пришлось бы имѣть дѣло не съ одною русскою арміей, но и съ Русскимъ народомъ. Но главное: не могло подлежать и сомнѣнію, что Франція непремѣнно воспользовалась бы этою войною съ Россіею для отместки Германіи и напала бы на нее съ тылу. Франція же въ послѣднее время видимо укрѣпилась, и чѣмъ сильнѣе охлаждались взаимныя отношенія Россіи и Германіи, тѣмъ, казалось, сильнѣе обозначался въ будущемъ союзъ Франціи и Россіи. Такой союзъ безъ сомнѣнія перевѣсилъ бы значеніе союза Германіи съ разноплеменною и только-что начавшею свое новое политическое переустройство Австрійскою монархіей. Такъ или иначе, но князь Бисмаркъ призналъ, что наступила пора положить конецъ возврастающей непріязни Россіи, предотвратить возможность союза ея съ Франціей и вернуться вновь къ традиціямъ дружбы, которымъ, съ своей стороны, лично, такъ вѣренъ пребывалъ въ сердцѣ своемъ Императоръ Вильгельмъ. Задумано—сдѣлано. Внезапный крутой вольтфасъ—и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Гирсъ, *по собственному приглашенію князя Бисмарка*, въ гостяхъ у него въ Фарцинѣ. Тогда-то и состоялось то знаменитое соглашеніе, котораго Скерневицкое трехъ-императорское свиданіе было только подтвержденіемъ и санкціею.—Германскій кабинетъ, съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, поступилъ вполнѣ основательно и мудро, но

спрашивается: кому собственно было нужнѣе сближеніе Россіи съ Германіей? кто отъ такого сближенія наиболѣе въ выигрышѣ? Россія не искала войны съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ, да и не имѣла серьезныхъ поводовъ опасаться объявленія войны со стороны Германіи,—войны, которая тотчасъ же стала бы общеевропейскою и вызвала бы Францію къ «реваншу». Германія же, сближаясь съ Россіею, вновь изолировала Францію и избавлялась отъ кошмара французской отместки...

Кстати: мы нарочно подчеркиваемъ слова о приглашеніи г. Гирса германскимъ канцлеромъ, вопервыхъ потому, что это такъ и было, и поворотъ въ политикѣ князя Бисмарка былъ совершеннымъ сюрпризомъ для русскаго кабинета (немедленно впрочемъ плѣнившимъ сердца русскихъ дипломатовъ, и до такой степени, что въ этомъ отношеніи къ князю Бисмарку можно бы примѣнить теперь выраженіе Пушкина о Байронѣ, именно, что «онъ властитель нашихъ думъ»...) Вовторыхъ, этотъ фактъ приглашенія какъ бы умышленно игнорируется германскою печатью. Такъ напримѣръ, за какіенибудь дней двѣнадцать до свиданія Императоровъ, въ одной серьезной нѣмецкой газетѣ, мюнхенской «Allgemeine Zeitung», въ статьѣ, которая вся — хвалебный гимнъ политикѣ князя Бисмарка, называемаго «Наполеономъ мира»,—были напечаны, между прочимъ, такія строки: «Сама Россія признала недавно это верховенство Германіи (Suprematie) и *молила о доступѣ для себя въ великую лигу мира*»... Нельзя поэтому не порадоваться, что свиданіе Императоровъ произошло на русской территоріи и что императоръ Францъ-Іосифъ почтилъ первый нашего Государя своимъ посѣщеніемъ...

Недоразумѣніямъ между Россіею и самою Германіею уладиться было нетрудно, такъ какъ никакого въ сущности столкновенія или антагонизма ихъ политическихъ обоюдныхъ интересовъ вовсе и не имѣется: ничто, положительно, не вынуждаетъ ихъ ко вмѣшательству въ дѣла другъ друга, а потому ничто и не мѣшаетъ ихъ мирному и даже дружественному сосѣдству. Камнемъ преткновенія въ сближеніи Россіи съ Германіей была собственно Австрія, и именно Австрія одушевленная, подкрѣпленная союзомъ съ Германіей, подталкиваемая ею на такъ-называемый «Востокъ», въ об-

ласть традиціонныхъ интересовъ Россіи. Не входило, однакоже, на сей разъ въ планы германскаго кабинета, какъ въ былое время, основывать свой новый союзъ или сближеніе съ Россіей на разрывѣ съ Австріей, на ея расчлененіи или даже только на ослабленіи своихъ съ нею связей, — да и обстоятельства измѣнились: не въ прежнемъ положеніи Франція и не въ прежнемъ Австрія. Монархія Габсбурговъ, въ союзѣ съ Римскою церковью (предъ могуществомъ которой уже отчасти спасовало, какъ мы знаемъ, само протестантское правительство Германіи), все еще можетъ стать притягательнымъ центромъ для враждебныхъ германскому единству элементовъ, именно германскихъ католиковъ и партикуляристовъ. Короче сказать: Германіи было нужно все-таки не выпускать Австрію изъ своихъ рукъ и держать ее на вожжахъ... дружбы. Но какъ согласить интересы Россіи и Австріи?.. Трудность соглашенія представлялась даже не со стороны русской дипломатіи. Русская дипломатія, какъ извѣстно, отличается прежде всего деликатностью души и сердцемъ мягчайшимъ воска—въ личныхъ сношеніяхъ съ иностранными дипломатами, особенно когда послѣдніе обращаются къ ея «европейскимъ» чувствамъ и образу мыслей. Вообще она—существо покладистое и чрезвычайно чувствительное ко всякимъ знакамъ вниманія, къ «общественному мнѣнію Европы», къ тому, что̀ скажутъ о ней въ газетахъ. Вѣдь въ настоящемъ случаѣ *самъ* князь Бисмаркъ пошелъ къ ней на встрѣчу: не торговаться же съ нимъ! этого и деликатность не допускала! Мудреную проблему соглашенія русскихъ и австрійскихъ интересовъ германскій канцлеръ разрѣшилъ однимъ изъ тѣхъ дипломатическихъ фортелей или просто словечекъ, которые имѣютъ магическое обаяніе для слуха, отчасти и для мысли гг. дипломатовъ: status quo! т. е. соглашеніе основанное на сохраненіи настоящаго положенія вещей въ теченіи опредѣленнаго или неопредѣленнаго срока. Это соглашеніе принято было нами съ радостью и даже съ благодарностью, именно потому, прежде всего, что оно отсрочивало разрѣшеніе головоломныхъ проклятыхъ вопросовъ и обезпечивало намъ нѣсколько лѣтъ отдыха и покоя, по мнѣнію русскихъ дипломатовъ—даже cum dignitate!

Труднѣе было, повидимому, уладить дѣло съ австрійскимъ

кабинетомъ. Уже одно посѣщеніе г. Гирсомъ князя Бисмарка встревожило австрійскихъ политиковъ: не на австрійскій ли счетъ воздвигается зданіе русско-германскаго союза или согласія? Было логически несомнѣнно, что при новомъ сближеніи Германіи съ Россіей прежній австро-германскій союзъ, заключенный въ духѣ скорѣе Россіи враждебномъ, чѣмъ благопріятномъ, утрачивалъ въ значительной степени свое прежнее значеніе, — съ чѣмъ вмѣстѣ неминуемо должно было послѣдовать и ослабленіе австрійской силы и прыти. На открытый антагонизмъ съ Россіей Австрія можетъ отважиться единственно при условіи — имѣть на своемъ флангѣ дружественную Германію; единоборство съ нами для нея нимало не привлекательно. Вотъ почему, вслѣдъ за сепаратнымъ соглашеніемъ русскаго и германскаго кабинетовъ въ лицѣ ихъ министровъ, пошли толки о желаніи и австрійскаго кабинета вступить также съ Россіею въ сепаратное соглашеніе. Германія поспѣшила успокоить Австрію и даже ублажить ее разными своими, намъ впрочемъ неизвѣстными, истолкованіями того настоящаго смысла, въ какомъ слѣдуетъ-де ей, Австріи, понимать русско-германское соглашеніе. И вотъ, послѣ свиданій и Германскаго Императора съ Австрійскимъ, и астрійскаго министра графа Кальноки съ княземъ Бисмаркомъ, послѣдовало, къ вящему удовольствію сихъ обѣихъ имперій — общее соглашеніе ихъ съ Россіей, ознаменованное на дняхъ Скерневицкимъ событіемъ.

Status quo — вотъ существенныя основы этого общаго соглашенія, такъ торжественно и неоднократно провозглашенныя органомъ нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ. Что же это за status quo? Если, напримѣръ, человѣкъ занесъ ногу въ чужой огородъ, — какъ тутъ опредѣлить ему status quo? Status quo для него значило бы — держать ногу занесенною на воздухѣ, что вѣдь не совсѣмъ и удобно, а отдернуть ногу было бы ужъ, пожалуй, и уклоненіемъ отъ status quo; перейти же обѣими ногами въ чужое поле было бы и подавно — явнымъ его нарушеніемъ. Но у дипломатовъ всѣ термины и понятія обладаютъ необыкновенною растяжимостью, какъ это, вѣроятно, и не замедлитъ оказаться вскорѣ на дѣлѣ.

Послѣ блистательнѣйшихъ нашихъ кровавыхъ надъ Тур-

ціей побѣдъ, плодами ихъ, какъ извѣстно, воспользовалась главнымъ образомъ Австрія, которая безъ всякаго объявленія войны, безъ соглашенія съ Турціей, среди полнаго мира, захватила двѣ большія ея славянскія области, Боснію и Герцеговину, несмотря на протестъ и противодѣйствіе славянскаго населенія. Правда, это нахальнѣйшее нарушеніе международнаго права было санкціонировано Берлинскимъ конгрессомъ въ формѣ *временнаго* занятія или оккупаціи для *умиротворенія* этихъ провинцій: новое наругательство надъ истиной, надъ Славянствомъ и надъ Россіей, которую тутъ же чуть не обвинили въ личномъ захватѣ — за проектированное ею по Санъ - Стефанскому договору, свыше желанной для неславянской Европы мѣры, надѣленіе частью турецкихъ славянскихъ земель Славянскихъ же княжествъ!.. Подвиги Австріи въ Боснін и Герцеговинѣ всѣмъ вѣдомы; но муки, которыя терпятъ отъ австрійскихъ властей православные Славяне, и лютыя гоненія и посрамленія, которымъ насланныя Австріею католическія миссіи подвергаютъ тамъ Православную церковь, не вызываютъ въ европейскихъ сердцахъ не только негодованія на мучителей,—даже и сожалѣнія къ жертвамъ. Приглашая Россію примкнуть къ «передовымъ Европейскимъ націямъ», органъ русской дипломатіи, должно-быть, подразумѣваетъ, что и для русскихъ политиковъ обязательно относиться къ австрійскимъ насиліямъ надъ православными жителями Боснін и Герцеговины также «по европейски»...

Наглая комедія оккупаціи обходится Австріи не дешево. Умиротворительница вынуждена держать тамъ мечъ наголо и отъ времени до времени чинить кровавую расправу надъ тѣми, которыхъ пришла будто бы опекать. Тяготясь этимъ лицемѣріемъ, все же нѣсколько стѣсняющимъ ея свободу дѣйствій, и желая разомъ пресѣчь всѣ надежды жителей на наступленіе срока оккупаціи, Австрія домогается обратить оккупацію въ аннексію, т. е. попросту включить Боснію и Герцеговину въ составъ Имперіи, такъ чтобы значительная часть Славянскаго Балканскаго полуострова считалась уже совсѣмъ Австріей! Какъ же согласить это, уже подготовляемое ею событіе съ «соглашеніемъ» основаннымъ на status quo?

Не ручаемся за достовѣрность, но имѣемъ нѣкоторый по-

водъ предполагать, что по предложенію князя Бисмарка принято: обращеніе Австріею оккупаціи въ аннексію, т. е. присоединеніе къ Австріи Босніи и Герцеговины, считать не нарушеніемъ status quo, а лишь законнымъ его растяженіемъ... До сихъ поръ Австрія колебалась: ей и хотѣлось, и кололось: Россія пендантически настаивала на обязательности для всѣхъ (не для нея только одной) буквы Берлинскаго трактата: отступленіе Австріи отъ этого трактата очевидно давало бы и другимъ законный поводъ къ его нарушенію. Теперь Австрія успокоилась: ей *одной* предоставлено его безнаказанно нарушить. Какъ же не быть довольной! Намъ сообщаютъ изъ Герцеговины, что Австрія пытается оформить свою «аннексію» въ видѣ великодушнаго съ ея стороны снисхожденія къ народнымъ просьбамъ, для чего австрійскіе чиновники и заставляютъ по всей странѣ подписывать сочиненныя ими же петиціи... Чего же лучше? Вѣроятно русская дипломатія первая же и будетъ ее привѣтствовать съ успѣшнымъ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины!

Но можетъ-быть, въ силу «соглашенія», и для Россіи допущено растяженное толкованіе status quo съ нарушеніемъ буквы Берлинскаго трактата, т. е. по дипломатическому выраженію—«компенсація» за выгоды пріобрѣтаемыя Австріей на Балканскомъ полуостровѣ? Такою компенсаціею, по нашему мнѣнію, могло бы быть лишь предоставленіе Россіи обоихъ проливовъ: права Султана на проливы не болѣе положительны, чѣмъ его же права на Боснію и Герцеговину, и если допускается быть въ предѣлахъ Турецкой имперіи территоріи Австрійской, то почему же не быть въ предѣлахъ той же Имперіи и территоріи Русской? Мы однако же крѣпко сомнѣваемся въ томъ, чтобъ такая компенсація была дана Россіи состоявшимся торжественнымъ «соглашеніемъ», развѣ лишь въ формѣ признанія такого ея права «въ принципѣ», въ отдаленной, весьма еще туманной перспективѣ будущаго! Гораздо вѣроятнѣе, что въ видѣ великой и богатой для нея милости было «соглашено»—включить въ пресловутый status quo возможность возсоединенія Восточной Румеліи съ Болгарскимъ Княжествомъ... Но эти два факта: узаконенное Россіею включеніе въ составъ Австрійской дер-

жавы двухъ Славянскихъ земель, и возсоединеніе Румеліи— вовсе не равнозначительны. Румеліоты настолько теперь, стараніями Россіи, свободны и самостоятельны, что имъ не худо и въ настоящемъ ихъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Княжествѣ дѣла еще не пришли въ должный порядокъ; соединеніе это должно *неминуемо* совершиться само собою; годомъ ранѣе, годомъ позднѣе—это уже безразлично: вопросъ этотъ уже безповоротно предрѣшенъ, благодаря Россіи и принесеннымъ ею жертвамъ, и окончательное его разрѣшеніе— для самой Россіи личной силы ровно никакой не прибавитъ. Къ тому же можно съ вѣроятностью ожидать, что при первомъ приступѣ къ этому дѣлу та же Европа станетъ, пожалуй, вопить о несвоевременности, объ опасности угрожающей ея миру, о необходимости отсрочки,—а у насъ вѣдь сердце не камень: нравственнымъ спокойствіемъ Европы мы очень вѣдь дорожимъ!...

Не знаемъ, касалось ли «соглашеніе» дѣленія Балканскаго полуострова на двѣ такъ-называемыя «сферы интересовъ», русскихъ въ восточной половинѣ и австрійскихъ въ западной... Для чести русскаго имени хотимъ думать, что— нѣтъ. Такое дѣленіе едвали и возможно безъ точнаго размежеванія на практикѣ; но уже допущеніе такого дѣленія, хотя бы только «въ принципѣ», можетъ отозваться, какъ для Славянъ, такъ и для насъ, тяжелыми практическими послѣдствіями. Почему?

Да потому, что сочетаніе политики *пассивной* съ политикою *активной*, на общемъ основаніи status quo — для пассивной едвали когда можетъ стать выгоднымъ! Оно осуждаетъ первую еще на пущую, хотя бы и любезную ей, неподвижность во имя соблюденія status quo, и нисколько не сдерживаетъ, напротивъ узаконяетъ, окрыляетъ— живую, зиждительную дѣятельность второй, хотя бы, пожалуй, въ предѣлахъ того же самаго status quo, не говоря уже о растяженномъ его истолкованіи! Не нарушая status quo, Австрія опояшетъ Балканскій полуостровъ желѣзными дорогами, окружитъ Черногорію рядомъ крѣпостей, подчинитъ Болгаръ и Сербовъ экономическому игу, наводнитъ Болгарію, Сербію, Македонію іезуитскими миссіями, своими воспитательными

заведеніями, католическою пропагандою, наконецъ нѣмецкими колонистами... А мы?.. а *нашъ* status quo?..

Что̀жъ! насъ теперь восхваляютъ въ Европѣ именно за то, что мы «пошли на сдѣлку» съ Австріей относительно Балканскаго полуострова и «отказались отъ *политики завѣтовъ*»: это текстуально. И на томъ спасибо!

Что же касается польскихъ интригъ въ Галиціи, то несомнѣнно, благодаря «соглашенію», онѣ на время притихнутъ; Полякамъ прикажутъ быть поскромнѣе; но фактъ автономіи польской надъ Русскимъ народомъ въ Галиціи все же останется...

Благословляемъ миръ и тишину, дарованные намъ «соглашеніемъ»—но не станемъ же дремать подъ сладкою сѣнію мира, сдѣлавъ себѣ изъ status quo—перину! Сосѣди наши дремать не станутъ, да и изъ status quo сумѣютъ свить себѣ жгутъ... жгутъ на Славянъ—и на насъ.

О нашихъ отношеніяхъ съ Англіею въ Азіи.

«Русь», 17-го августа 1885 г.

Болѣе шести мѣсяцевъ прошло съ той поры, какъ пріостановилось наше изданіе. Полгода—даже не «день единъ» въ исторической жизни народовъ, однакожъ на долю этого промежутка времени въ русской жизни досталось нѣсколько событій, благодаря которымъ оно довольно рѣзко выдѣляется изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ полугодій. Черными грозовыми тучами обложился нашъ крайній восточный небосклонъ, и при всемъ томъ — въ итогѣ есть нѣчто утѣшительное, какъ будто даже открывающее перспективу болѣе отраднаго будущаго; есть нѣкоторая положительная нравственная прибыль, которою мы стали богаче противъ прежняго и которая (авось Богъ дастъ!) не убудетъ въ слѣдующемъ полугодіи, а такъ и останется нашимъ достояніемъ... Не то, чтобы легче стало жить; совсѣмъ напротивъ; именно теперь гнететъ Россію такой экономическій кризисъ—торговый, промышленный, финансовый, сельско-хозяйственный, которому и исхода не видать; да и давно ужъ не въ одномъ

экономическомъ отношеніи, никому на Руси легко не живется. Не то, чтобъ за эту пору мы по какой-либо отрасли общественнаго развитія или внутренняго строенія оказали неожиданно быстрые, дѣйствительные успѣхи или свалили съ плечъ бремя какой-либо гнетущей общественной задачи, найдя ей вѣрное разрѣшеніе; по прежнему,—увы!—въ нашемъ поступательномъ движеніи впередъ мы бредемъ скептически, наугадъ,—мучительно, словно по песку, грузно увязая ногами и спотыкаясь, чуть не на каждомъ шагу, о вопросительные знаки, которыми, по грѣхамъ нашей мысли и воли, какъ частоколомъ истыканъ нашъ путь... И не то также, чтобъ въ теченіи этихъ шести мѣсяцевъ въ наши руководящія и властныя сферы прибыло особенно ума и таланта, а въ общество—вѣры въ творческую мудрость правительствующаго Петербурга: наоборотъ, совсѣмъ извѣрилось наше общество, извѣрилось не только въ Петербургъ, но даже и въ себя, въ свои силы, и почти во всѣ свои, когда-то на прокатъ изъ чужи взятые «идеалы», которымъ такъ долго служило, съ такимъ страстнымъ суевѣріемъ и раболѣпствомъ! Безъ сомнѣнія, въ числѣ разныхъ административныхъ распоряженій и законодательныхъ новинокъ этого времени были и благія, полезныя, но были ужъ за то и такія, предъ которыми только диву далась вся Россія, въ недоумѣніи разводя руками (хоть бы, напримѣръ, новыя правила о питейной торговлѣ или проекты о замѣнѣ древней формы общиннаго землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ началомъ личной земельной собственности, и пр.—ихъ не мало). Безъ сомнѣнія также, какъ бы мы плохо ни брели, мы — нѣтъ-нѣтъ, а все же подвигаемся впередъ, по крайней мѣрѣ въ сознаніи, и самое это современное духовное сиротство русскаго общества, это банкрутство его заемныхъ идеаловъ, причиняющее видимую тоску и голодъ духовный, должно неминуемо послужить ко благу и вызвать поиски, а можетъ-быть и обрѣтеніе, идеаловъ новыхъ, которые, коренясь въ самой стихіи нашего народнаго духа, отвѣчали бы въ то же время и требованіямъ высшей правды. Такое исканіе уже и начинается, но еще долго конечно будутъ ходить у насъ по идеалы для русской жизни въ Западную Европу, мѣняя старые, оказавшіеся несостоятельными, на новые, пока властные—французскіе на прусскіе, наполео-

новскіе на бисмарковскіе, и вѣровать, что въ наши дни Премудрость создала себѣ домъ въ Берлинѣ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ петербургскихъ вѣдомствъ, даже именно на самой Берлинской еврейской биржѣ)... Все же хорошо и то, что и за эти шесть мѣсяцевъ подорвался кое-гдѣ авторитетъ той или другой лживой доктринерской аксіомы,— поизносилась кое-какая мнимо-либеральная и мнимо-консервативная фраза, такъ что ее хоть брось,—пуще облупился намалеванный фальшивый фасадъ, повысунулась и еще, тамъ и сямъ, острыми углами правда и колетъ глаза — тѣмъ у кого они есть, разумѣется. Но все это не составляетъ еще отличительной принадлежности истекшаго полугодія.

То новое и утѣшительное, что́, по нашему мнѣнію, за это время вошло въ русскую жизнь и обогатило ее, это—иной противъ прежняго образъ дѣйствій русскаго правительства въ англо-афганскомъ вопросѣ въ теченіи трехъ минувшихъ мѣсяцевъ, съ доблестно-самовольною, но тотчасъ же свыше признанною и одобренною побѣдою генерала Комарова; это—ставшее уже непривычнымъ для нашего отечества, равно и для Европы, проявленіе со стороны русской власти нѣкотораго мужества и твердости въ охраненіи народной чести (въ области внѣшней политики). Точно благодатная роса на жаждующую землю, пали на тоскующую русскую душу извѣстія объ отвѣтахъ русскаго правительства назойливымъ, оскорбительнымъ требованіямъ Англичанъ. И тѣмъ могущественнѣе было дѣйствіе этихъ отвѣтовъ на Россію, что вѣдомо было каждому—кому именно обязанъ онъ такимъ неожиданнымъ, подъемлющимъ духъ утѣшеніемъ: не дипломатіи же нашей, давно сумѣвшей подорвать къ себѣ уваженіе и довѣріе родной страны! При томъ политическомъ строѣ, которымъ живетъ и стоитъ наша Россія, нѣтъ радости сильнѣе и плодотворнѣе, и двигателя жизни могущественнѣе, какъ ощущеніе единства національнаго духа, какъ общеніе въ немъ верховной власти съ подвластными,—и наоборотъ, нѣтъ скорби болѣе тяжкой и вредоносной, какъ въ ту пору, когда это единство и общеніе почему-либо не даютъ себя чувствовать...

Отрадны были эти испытанныя весной впечатлѣнія, но самая ихъ неожиданность оправдывала сомнѣніе, невольно

вкрадывавшееся въ душу. Ужели и въ самомъ дѣлѣ это проявленіе твердости и достоинства въ настоящемъ частномъ случаѣ—залогъ общаго переворота въ нашей политикѣ международной? Ужели она и взаправду вступитъ на путь политики національной?.. Ужели и впрямь Россія уже болѣе не Россія 1878 года, и позоръ Берлинскаго трактата уже не повторится для нея во вѣки? Развѣ не па памяти всѣмъ тѣ историческія мгновенія, когда, казалось, и власть и народъ жили единымъ сердцемъ, единою мыслью, творились величавые исполинскіе подвиги, — а затѣмъ, мало-по-малу могущественная бюрократическая петербургская среда затягивала плѣсенью, засасывала болотомъ всѣ высокія стремленія и помыслы власти, всѣ внушенія національнаго чувства, и оффиціальная Россія, свившая тамъ, на окраинѣ, свое гнѣздо, тощая мыслью и духомъ, въ конецъ искажала дѣло Россіи исторической, народной, обращая въ ничто ея страшныя жертвы, въ постыдныя пораженія—ея блистательныя побѣды?

Въ томъ-то и дѣло, что въ Петербургѣ даже и до сихъ поръ не умѣютъ понять всей силы деморализующаго воздѣйствія Берлинскаго трактата на русскую жизнь, да и вообще не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ органической нравственной связи политики внѣшней и внутренней. Неужели же думаютъ, что великій историческій народный организмъ можетъ безнаказанно для себя мириться съ поруганіемъ своего законнаго достоинства и чести, съ извращеніемъ своихъ историческихъ путей и, нахлебавшись по горло незаслуженнаго сраму и позору, чувствовать себя здоровешенькимъ, какъ ни въ чемъ не бывало? Вѣдь Берлинскій трактатъ—это нравственное паденіе Россіи какъ государства, и непосредственнымъ его результатомъ было совершенное ослабленіе довѣрія къ административному Петербургу. А развѣ такой недостатокъ довѣрія къ центральному управленію — явленіе нормальное и не разстраиваетъ правильности отправленій всего государственнаго организма, особенно же въ такой странѣ какъ Россія, гдѣ правительство — чуть не главный двигатель общественной жизни? развѣ при такомъ недостаткѣ довѣрія возможно преуспѣяніе, дѣятельность, всеобщій подъемъ благосостоянія и прибыль нравственныхъ, да

и всяческихъ силъ? Вѣдь никакой даже матеріальный прогресъ въ странѣ не возможенъ безъ оживленія мысли и воли, безъ творческой бодрости духа.

Понятно, поэтому, что внезапное проявленіе въ правительствѣ достоинства и твердости по отношенію къ Англіи, точно электрическая искра, пробѣжавшая по всему нашему организму, тотчасъ же оживило и приподняло духъ, и это— несмотря на суровый экономическій кризисъ. Даже перспектива войны никого не смутила. Охотно, повидимому, приняла бы Россія даже и самую войну, если ужъ невозможно ей иначе, какъ именно такою цѣною (неужели невозможно?), обрѣсти себѣ нравственное здоровье, почувствовать себя вновь мощнымъ единымъ цѣлымъ, вновь исполниться вѣры въ единство духа съ высшею властью—и не обмануться въ вѣрѣ! Затянувшіеся переговоры съ Англіей нѣсколько уже ослабили теперь благотворное впечатлѣніе весеннихъ мѣсяцевъ, но напряженно слѣдитъ русское общество за дальнѣйшимъ развитіемъ событій и дальнѣйшимъ нашимъ дипломатическимъ поведеніемъ...

Мы не станемъ, конечно, пускаться въ подробный разборъ англо-афганской распри съ Россіей и всей исторіи нашихъ послѣднихъ съ лондонскимъ кабинетомъ сношеній и отношеній. Они хорошо извѣстны читателямъ. Перейдемъ прямо къ вопросу: слѣдуетъ или не слѣдуетъ ожидать въ близкомъ будущемъ войны Англіи съ Россіей? Еслибы въ исторіи человѣчества имѣли мѣсто лишь дѣйствія, основанныя на разсудочной логикѣ или даже на непосредственномъ здравомъ смыслѣ, то на поставленный вопросъ отвѣтъ долженъ бы быть только *отрицательный:* до такой степени война, на которую напрашиваются Англичане, представляется лишенною всякихъ разумныхъ поводовъ и основаній. Мы вѣдь искренно, не на словахъ только, войны не ищемъ и не желаемъ, даже теперь уклоняемся отъ нея — восколько такое уклоненіе совмѣстно съ нашимъ достоинствомъ, и въ этомъ отношеніи дошли уже до самой послѣдней грани уступокъ, перейти за которую, даже на волосокъ, для насъ уже невозможно. Индіи намъ искренно не надо: мы и безъ того тяготимся нашимъ исторически вынужденнымъ распространеніемъ въ Средней Азіи. Насъ раздѣляетъ съ Англо-

индійской имперіей пространство около 800 верстъ, перссѣченное величайшимъ въ мірѣ горнымъ хребтомъ, населенное къ тому же чуть не десятками милліоновъ полудикой разбойничьей азіятчины: понятно, что къ походу въ Индію мы никакой собственной охоты имѣть не можемъ. Кромѣ того, самые простые практическіе разсчеты должны бы, казалось, убѣдить Англію, что никакихъ существенныхъ, прочныхъ выгодъ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, война съ Россіей ей не доставитъ: вѣдь не сотретъ же она Русскую державу съ лица земли, а раздражить ее и подвигнуть на богатырскіе подвиги можетъ... Напротивъ, ни отъ кого, какъ отъ Англіи самой, зависѣло бы водворить для своей индійской границы полнѣйшую для себя, относительно Россіи, безопасность. Именно съ нами, болѣе чѣмъ съ какой-либо изъ державъ, могла бы, а потому и должна бы, Англія жить не только въ мирѣ, но и въ искренней дружбѣ, такъ какъ русскіе и англійскіе дѣйствительные интересы *нигдѣ* положительно между собою не сталкиваются. (Объ экономическихъ мы не говоримъ; теперь въ Европѣ вошло даже въ моду, при самомъ «сердечномъ согласіи» между державами, мирно воевать другъ съ другомъ «боевыми пошлинами»).

Но въ томъ-то и дѣло, что въ настоящемъ случаѣ рѣшеніе поставленнаго выше вопроса слѣдуетъ искать вовсе не въ логикѣ, а въ психологіи, въ нравственныхъ свойствахъ Британца, которыми опредѣляется и самая его политика. Главными двигателями здѣсь являются, съ англійской стороны, кромѣ особенностей присущихъ островитянскому характеру племени, страхъ за свое владычество въ Индіи, страхъ внушаемый сознаніемъ своей *неправды* относительно населенія, и заслуженною ненавистью населенія, а затѣмъ и другіе закоренѣлые, грубые предразсудки. Съ этой точки зрѣнія война, *въ той или другой формѣ*, представляется болѣе чѣмъ возможною, и мы должны къ ней готовиться.

Что же касается Россіи и ея поступательнаго движенія въ Азіи, то правда ея—ярче солнца. Неправа Россія развѣ только относительно самой себя, своей чести и интересовъ. Признаемъ не излишнимъ припомнить здѣсь наше прошлое. Безсовѣстность и невѣжество Западно-Европейцевъ смѣютъ

укорять насъ въ завоевательной алчности! Хороша алчность! Съ самой зари нашего государственнаго бытія *вплоть до XVIII вѣка включительно* приходилось намъ отбиваться *у себя дома* отъ набѣговъ—сначала разноименныхъ кочевыхъ Азіятцевъ, а затѣмъ Крымской орды; въ XIII же вѣкѣ вся Русская земля была затоплена мощнымъ разливомъ хлынувшаго изъ-за Каспія монгольскаго моря и два вѣка слишкомъ несла позорное иго. Борьба съ Азіей стала такимъ образомъ для насъ вопросомъ существованія, самозащиты: такой характеръ сохраняетъ она и теперь. Медленнымъ процессомъ сплоченія разрозненныхъ силъ, цѣною пожертвованія областной вольности и независимости, созидалось русское единство и, возрастая въ могуществѣ, крѣпкими плотинами пятило назадъ азіятскія волны. Это была система *наступательной обороны*, которой мы вынуждены держаться и понынѣ. Стыдно какъ-то и вспоминать, что послѣднее нашествіе Крымскихъ Татаръ было вѣдь только *сто* съ небольшимъ лѣтъ назадъ, уже въ царствованіе Екатерины! Чтожь, уничтоженіе ею этого татарскаго гнѣзда, завоеваніе ею Крыма—дѣло властолюбія и корысти, какъ вопили завистливые современники?!.. Съ восточной стороны мы обезопасились ранѣе: царь Иванъ Васильевичъ IV еще въ половинѣ XVI вѣка высвободилъ изъ-подъ азіятской власти жизненную артерію Русской земли, нашу родную Волгу до самаго устья, разгромивъ и присоединивъ къ Россіи царство Казанское, да царство Астраханское со всею тою мѣстностью, куда такъ долго вынуждены были являться Русскіе князья на срамный поклонъ и гдѣ столько ихъ было перемучено! Вмѣстѣ съ Астраханью заняла Россія и крѣпкую позицію на западномъ берегу Каспійскаго моря, — и царь Иванъ Грозный провинился такимъ образомъ предъ Англичанами — заднимъ числомъ! Стали мы на западномъ берегу, но цѣлыхъ три вѣка борьбы съ Персами и съ Кавказскими мусульманами пошло у насъ только на то, чтобъ утвердиться на его протяженіи окончательно и обезпечить себѣ мирное имъ владѣніе. Что же касается восточнаго Каспійскаго берега, то къ серьезному завладѣнію имъ Россія приступила уже только во второй половинѣ *текущаго* столѣтія, рѣшившись наконецъ уважить требованіе самообороны и оградить безопас-

ность русскихъ морскихъ промысловъ. Да, уводъ подданныхъ великой Русской державы въ полонъ для распродажи ихъ на азіятскихъ рынкахъ практиковался, къ стыду нашему, Хивинцами или подвластными имъ Туркменами (подстрекаемыми, какъ это теперь несомнѣнно доказано, тайными англійскими эмиссарами) еще очень недавно, на памяти у всѣхъ! Такое долготерпѣніе конечно не согласно съ достоинствомъ могущественнаго правительства и объясняется единственно деликатнымъ его, за послѣднія 50 лѣтъ, вниманіемъ къ британской пугливости.

Эта британская пугливость обусловливается, какъ мы сказали, не одними островитянскими свойствами Британской націи, вѣчно сторожимой океаномъ, вѣчно обособленной, а потому не имѣющей въ своихъ нравахъ даже преданій и привычекъ *сосѣдства*, присущихъ континентальнымъ народамъ.—но и всѣмъ характеромъ британской завоевательной въ Индіи политики. Послѣдняя представляетъ совершенную противоположность политикѣ русской, какъ въ практикѣ, такъ и въ принципахъ, и вполнѣ достойна націи, которая силою оружія заставила Китай признать за англійскими купцами право свободной отравы китайскихъ подданныхъ, или торговли опіумомъ. Англійскій захватъ индійскихъ земель не былъ вынужденъ никакою нуждою самозащиты; онъ вызванъ единственно купеческою, вмѣстѣ съ тѣмъ и государственною корыстью. Это былъ просто грабежъ, говоря обиходною рѣчью, грубѣйшее насиліе надъ неповиннымъ слабымъ,—насиліе, впрочемъ, которое въ наши дни величаютъ на Западѣ «служеніемъ цивилизаціи»: подъ этимъ знаменемъ собираются теперь, но уже сообща (Англія опоздала!), всею просвѣщенною Европой, овладѣть для эксплуатаціи нутромъ Африки и заставить Негровъ, подъ страхомъ смерти, прикрывать свою наготу хлопчато-бумажными издѣліями европейскихъ фабрикъ... Но никакое Конго не можетъ сравниться съ богатствами захваченной себѣ Англичанами Индіи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи въ особенности вооруженный захватъ индійскихъ земель производился Англіею съ такою алчностью и успѣхомъ, что наши послѣднія азіятскія пріобрѣтенія даже по пространству въ нѣсколько кратъ уступаютъ имъ, а по цѣнности, сравнительно съ англійскими, просто нуль. Англо-индійская импе-

рія имѣетъ населеніе что-то около 250 милліоновъ въ 8 или болѣе разъ превышающее число жителей покорившей его Великобританіи,—но населеніе, по признанію самихъ Англичанъ, въ высшей степени враждебное своимъ просвѣщеннымъ властителямъ и едва сдерживаемое военною силою. Но метрополія не въ состояніи содержать тамъ англійскую армію въ слишкомъ большомъ размѣрѣ,—на туземное же войско положиться не смѣетъ. А такъ какъ на штыки, извѣстно, можно лишь опираться, возсѣдать же на нихъ неудобно, — то понятна, конечно, и вѣчная тревога Англичанъ: не чувствовать подъ собой, въ странѣ составляющей теперь для Англіи главный родникъ величія, богатства и мощи, сѣдалища прочнаго!...

Проведемъ же параллель между Россіей въ Средней Азіи, вѣчно упрекаемой въ завоевательной алчности и властолюбіи, и между Англіей, чаще другихъ расточающей намъ эти упреки. Индія для Англіи неправое, корыстное стяжаніе; наши среднеазіятскія завоеванія—вынужденныя, противъ всякаго нашего желанія и охоты,—наше стяжаніе вполнѣ правое. Индія для Англіи источникъ обогащенія; наши среднеазіятскія владѣнія въ прямой и значительный убытокъ русскому государственному бюджету,—что̀ намъ, впрочемъ, вовсе не въ честь, свидѣтельствуя лишь о неумѣлости нашего управленія. Но за то туземное населеніе Индіи разоряется: по свидѣтельству самихъ Англичанъ (въ этой странѣ чудаковъ, рядомъ съ безнравственною національною политикою, не мало людей высокой, мужественной честности), нѣсколько сотъ тысячъ Индусовъ умираетъ съ голода ежегодно; Россія же вноситъ къ туземцамъ, вмѣстѣ съ культурою, миръ и благоденствіе. Англичане горды, оскорбляютъ туземцевъ презрѣніемъ, недовѣрчивы и жестоки въ обращеніи съ ними; мы же, вовсе не изъ хитрости и не по системѣ, а просто по свойствамъ нашей славянской природы, отчасти и потому, что сами — полувосточный народъ, чужды гордости и простодушны, легко уживаемся съ туземцами и внушаемъ имъ довѣріе. Англичанъ ненавидятъ и проклинаютъ, — съ нетерпѣніемъ чаютъ пришествія избавителя (кто же въ этомъ виновенъ, какъ не они сами и не отъ нихъ ли зависитъ исправить это зло?). Съ нашею же властью, разъ покореніе совершилось, мирят-

ся легко, охотно поступаютъ въ русскую службу, а нѣкоторыя племена, какъ мы недавно видѣли, сами призываютъ русскую власть, сами просятся въ подданство.

Вотъ въ этомъ-то, во всей этой нравственной противоположности русской азіятской политики, весь и грѣхъ Россіи предъ Англичанами. Inde iгае! Вѣрнѣе сказать, мы предъ ними безъ вины виноваты, просто уже тѣмъ, что существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, что мы такіе, какими создала насъ исторія и природа, что несмотря на наше неуклюжество и смиренство, доходящее до постыднаго самоотверженія предъ Западной Европой, несмотря на все отчужденіе отъ народности петербургскихъ властныхъ «сферъ» вкупѣ со всею мнимо-либеральною «интеллигенціею», несмотря на нашу бѣдность и внутреннюю административную неурядицу, на все наше усердное стараніе низиться и малиться, имя Россіи на Востокѣ грозно и обаятельно, угнетенныя народныя массы устремляютъ къ ней взоры, чая освобожденія, и мы не могли никогда, не можемъ и теперь, отбиться отъ роковой чести служить для Англичанъ пугаломъ.

Да и для однихъ ли Англичанъ? Положеніе Россіи по истинѣ трагикомическое. Съ одной стороны наши западные сосѣди тѣснятъ насъ къ Востоку, въ силу своего Drang nach Osten, стараются вылѣчить насъ отъ «византійской горячки» и въ минуту гнѣва грозятъ отбросить насъ за Уралъ, въ Азію,—а Англичане съ своей стороны хотѣли бы насъ и изъ Азіи выпереть! Извольте тутъ угодить!...

Но о западныхъ друзьяхъ мы поговоримъ въ другой разъ, а теперь на первой очереди для Россіи Англичане, предъ которыми она въ вѣчномъ отвѣтѣ—за то что индійскіе подданные ихъ ненавидятъ. Страхъ фантастиченъ, всюду создаетъ себѣ призраки опасности, особенно при нечистой совѣсти, и вотъ, подъ воздѣйствіемъ такихъ-то призраковъ, сложилась у Англичанъ, по отношенію къ намъ, цѣлая система политики не только враждебной, но озлобленной, политики фальшивой и близорукой.

Въ теченіи нынѣшняго столѣтія, за исключеніемъ эпизода борьбы съ Наполеономъ (разумѣется первымъ), не было у Россіи противника ожесточеннѣе Англіи, ни отъ кого не претерпѣли мы столько зла, сколько отъ державы, съ кото-

рой именно-то и не было у насъ нигдѣ прямаго столкновенія интересовъ, да могло бы и вовсе не быть — при вѣрномъ ихъ, со стороны Англіи, разумѣніи. Ей одной обязаны мы уничтоженіемъ нашего флота въ Крымскую войну и оскорбительнѣйшими ограниченіями нашей власти на Черномъ морѣ; Англія же, главнымъ образомъ, не объявляя войны, воевала съ нами и въ послѣднюю нашу Турецкую кампанію, и была виновницей нашего берлинскаго позора.

И къ чему же, въ концѣ концовъ, привела эта поражающая своею недальновидностью политика англійскихъ препрославленныхъ государственныхъ мужей? Севастополь отстраивается и Черноморскій флотъ нашъ возраждается снова; Россія, упираясь и нехотя, дошла однакожъ до самыхъ границъ Афганистана; въ Европѣ возникла новая могущественная держава — Германія, которая сумѣла уже дать почувствовать Англіи свою силу и, по отношенію къ себѣ, посбить съ нея спѣси; Германія же болѣе или менѣе хозяйничаетъ и въ самомъ Константинополѣ. Выгоднѣе ли послѣднее для Англіи, чѣмъ русское преобладаніе на Босфорѣ? А если Германія утвердится на Занзибарскомъ берегу, кто будетъ ближе къ Индіи, Россія или Германія? Однакожъ такова сила англійскихъ предразсудковъ, что по отношенію къ намъ Англія не образумилась и до сихъ поръ. Но въ этомъ есть значительная доля и нашей вины.

Понятное дѣло, что образъ дѣйствій Англіи и явный на весь міръ ея страхъ за Индію не могли же, наконецъ, не надоумить Россію, что единственное для нея средство укротить наглость почтенныхъ островитянъ — постараться уязвить ихъ именно въ эту ахиллесову пяту, но нисколько не въ видахъ покоренія Индіи, а съ цѣлью заставить Англію придти къ разумному и прочному съ нами соглашенію. Мыслью о походѣ въ Индію увлекался, по внушенію впрочемъ Бонапарта, еще Императоръ Павелъ, но затѣмъ, при послѣдующихъ царствованіяхъ, она не только была оставлена, но чѣмъ наглѣе дѣйствовали Англичане, тѣмъ болѣе признавали мы нужнымъ отъ нея открещиваться и отплевываться, какъ отъ бѣсовскаго навожденія. Вообще ничего не можетъ быть слабодушнѣе русской среднеазіятской политики относительно Англіи за послѣднія 50 лѣтъ. Забота: «что скажутъ Англи-

чане», или: «какъ бы не раздражить Англичанъ», если не парализовала, то до крайности замедляла историческій ходъ нашей наступательной обороны. О томъ, какъ въ царствованіе Императора Николая упало наше значеніе въ Средней Азіи вообще и особенно въ Афганистанѣ, прежде чрезвычайно сильное (послы отъ Дость-Магомета являлись къ намъ въ Оренбургъ съ просьбой о покровительствѣ), имѣется документальное свидѣтельство въ перепискѣ нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ съ русскимъ посланникомъ въ Персіи Дюгамелемъ въ 38—40-хъ годахъ (См. біографію Дюгамеля въ «Русскомъ Архивѣ» нынѣшняго года № 5). Тотъ же Дюгамель, когда Англія въ 1854 г., въ составѣ европейской коалиціи, ринулась на насъ войною, представилъ Императору Николаю, какъ знатокъ дѣла, записку о возможности произвести диверсію англійскихъ силъ, подвигнувъ противъ Индіи Афганистанъ. Записка осталась безъ послѣдствій. А между тѣмъ, вслѣдъ за подписаніемъ нами Парижскаго трактата, вспыхнуло давно готовившееся возстаніе сипаевъ, которое поставило на край гибели англійское владычество, и будь оно годомъ раньше, не было бы можетъ-быть ни Крымской войны, ни Парижскаго мира! Переходъ отъ пассивной политики къ активной въ Средней Азіи, именно въ Туркестанской области, совершился уже послѣ смѣны царствованій, благодаря лишь личному самовольному почину Черняева, увѣнчавшемуся взятіемъ Ташкента. Эту заслугу генерала Черняева не можетъ не признать даже недругъ, если въ немъ есть хоть на золотникъ добросовѣстности. (Тѣмъ болѣе странно, что на публичной лекціи прошлою весною, читанной въ Главномъ Штабѣ однимъ изъ его чиновъ, при обзорѣ нашего наступательнаго движенія въ Азіи, объ этой заслугѣ Черняева и ея значеніи было совершенно умолчано... Кому въ угоду?!...) Завоеваніе Ташкента, отъ котораго отречься было неудобно, привело постепенно къ усмиренію Хивы и Бухары, но при каждомъ нашемъ шагѣ впередъ, при каждомъ успѣхѣ одержанномъ нами надъ азіятскими хищниками, дипломатія наша, какъ бы краснѣя и конфузясь, спѣшила извиняться предъ Англичанами и увѣрять униженно, что это «въ послѣдній разъ, больше не будемъ»; впослѣдствіи, къ счастію, стали прибавлять оговорку

на случай «непредвидѣнныхъ обстоятельствъ». Въ 1878 году, въ послѣднюю войну, сдѣлана была наконецъ робкая попытка воспользоваться враждою Ширъ-Али къ Англичанамъ; весь Афганистанъ готовъ былъ намъ отдаться, но мы поспѣшили его оттолкнуть, успѣвъ только осрамиться, погубить Ширъ-Али... И все это по неспособности къ рѣшительному, смѣлому дѣйствію, да по увлеченію какимъ-то упорнымъ, сантиментально-маниловскимъ упованіемъ нашей дипломатіи, что авось-либо Англія, узнавъ про наше смиреніе, умилится и произведетъ насъ въ генеральскій чинъ культурной дружественной націи.

Послѣ разгрома Текинцевъ и занятія Асхабада, послѣдовалъ испугъ, не столько со стороны Англіи, сколько съ нашей, какъ бы вождь-побѣдитель не занялъ и Мерва и не переполнилъ чашу негодованія Англичанъ. Удивительное явленіе! Вторгаются англійскія войска въ Афганистанъ, занимаютъ Кандахаръ: намъ и въ голову не приходитъ обезпокоить ихъ вопросомъ: зачѣмъ да почему Англія себѣ это дозволяетъ? Мы же сами, не только терпѣли, но какъ бы сами признавали, да и призывали надъ собою британскій контроль; не только смиренно, по ихъ требованію, отдавали имъ отчетъ въ каждомъ нашемъ шагѣ, но даже спѣшили предупредить строгій запросъ... Такъ, послѣ побѣды Скобелева, наше Министерство завѣряло Англію, что Россія о Мервѣ и не помышляетъ. Но если наша дипломатія — Маниловъ, вѣчно утопающій въ слащавыхъ мечтахъ о «дружбѣ», то исторія— Собакевичъ и по медвѣжьи, то и дѣло, ступаетъ дипломатіи на ноги. Вышло такъ, что Мервцы, а затѣмъ и всякіе остальные Туркмены, попросились въ наше подданство. Отъ новой верховной власти они отказа не встрѣтили, и мы стали непосредственными сосѣдями Афганистана. Тѣмъ не менѣе—такова сила маниловской традиціи въ нашей дипломатіи!—доводя до свѣдѣнія Англичанъ о такомъ неожиданномъ приключеніи, она поспѣшила напомнить, что всегда признавала Афганистанъ входящимъ въ сферу ихъ политическаго вліянія и интересовъ, и сама пригласила англійское правительство къ участію въ опредѣленіи русской новой государственной границы...

Не будь этого отреченія отъ Афганистана и этого при-

глашенія, дѣло бы вѣроятно приняло иной оборотъ, и мы такъ или иначе уладились бы съ Афганцами безъ затрудненія. А какъ обернулось дѣло, какъ повела себя коммиссія сэра Петера Лёмсдена, какія требованія предъявило намъ англійское министерство, какъ пыталось оно застращать насъ угрозами и всяческими демонстраціями — читателямъ разсказывать нечего. Къ счастію, на этотъ разъ роль русской дипломатіи (по отношенію къ Средней Азіи) стушевалась, или точнѣе сказать во всѣхъ нашихъ отвѣтахъ послышался голосъ иной, твердый, заставившій встрепенуться отъ радости всѣ русскія сердца. Надо признаться впрочемъ, что никогда и наглость Англичанъ не доходила до такого предѣла. Спрашивается: существуетъ ли какая иная въ Европѣ держава, изъ не самыхъ мелкихъ, къ которой бы кто позволилъ себѣ обратиться съ тѣми требованіями, съ какими посмѣла Англія обратиться къ намъ? Недавно одинъ англійскій журналъ откровенно сознался, что сама Россія избаловала Англичанъ своею робкою уступчивостью, своими дипломатическими книксенами въ теченіи свыше сорока лѣтъ. Поэтому, въ сравненіи съ англійскими требованіями, нельзя не признать данные Россіей отвѣты, при всей твердости и достоинствѣ, еще чрезвычайно воздержными, а долготерпѣніе наше по истинѣ безпримѣрнымъ. Вмѣсто вѣжливыхъ, деликатныхъ *намековъ* на странность присутствія англійскихъ офицеровъ въ афганскомъ лагерѣ въ битвѣ при Кушкѣ,— присутствія, въ значеніи котораго ни мы, да и никто въ Европѣ не ошибался,—мы имѣли полное основаніе прервать всякіе переговоры съ Англичанами и послѣ непосредственнаго кроваваго столкновенія съ самими Афганцами — непосредственно съ ними же вести дѣло и о границѣ. Но вмѣсто этого, разбивъ Афганцевъ, мы удалились снова въ мѣста нашей стоянки—ожидать что́ угодно будетъ предпринять гг. Англичанамъ. Они и сунулись было съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы Русскій Царь покаралъ своего генерала, получили, конечно, должный отпоръ,—но самое это нахальное требованіе было уже оскорбленіемъ. Тѣмъ не менѣе, мы терпѣливо выжидали исхода переговоровъ. Достолюбезность наша объясняется, впрочемъ, желаніемъ сохранить во главѣ англійскаго правительства старика Гладстона, который,

хотя и посылалъ намъ нахальные ультиматумы, но все же не принадлежитъ къ числу *такихъ* руссоненавистниковъ, какъ Сольсбери и К°, послѣдователи политики лорда Беконсфильда. Приходитъ на мысль, не согласились ли мы съ Гладстономъ напередъ, благодушно входя въ его трудное положеніе, или не были ли имъ заранѣе извѣщены, что съ цѣлью снискать себѣ благоволеніе большинства онъ уснаститъ свою рѣчь оскорбительными выраженіями по нашему адресу?! «Ну что̀жъ за бѣда.—этого ему въ счетъ ставить нельзя, вѣдь у нихъ безъ этого невозможно, а намъ не привыкать стать»,—таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ тонъ рѣчей издающейся на казенныя деньги нашей французской петербургской газеты. Но и это не помогло. Въ виду предстоящихъ новыхъ въ парламентъ выборовъ, Гладстонъ предпочелъ не компрометтироваться какими-либо уступками въ пользу Россіи со стороны Англіи, а навязать развязку афганскаго вопроса на шею своимъ противникамъ, которые и заняли его мѣсто.

Въ какомъ же положеніи дѣло?

Маркизъ Сольсбери съ лордомъ Чёрчилемъ (министромъ по индійскимъ дѣламъ) твердо вѣдаютъ, что при предстоящихъ новыхъ въ парламентъ выборахъ имъ не препобѣдить либераловъ помощью политики внутренней. Единственное поприще, на которомъ они могутъ имѣть преимущество — это политика внѣшняя, гдѣ либералами надѣлано много ошибокъ, гдѣ съ именемъ партіи торіевъ связаны лестныя для національнаго самолюбія традиціи Беконсфильда, о которыхъ новый премьеръ и поспѣшилъ вспомянуть въ своихъ публичныхъ рѣчахъ. Мы знаемъ по опыту прошлой войны, что̀ значатъ эти традиціи по отношенію къ Россіи. Новыхъ блистательныхъ успѣховъ во внѣшней политикѣ и блистательной развязки спора съ Россіей—вотъ чего ожидаетъ отъ новаго министерства Англія и чѣмъ рѣшается для него вопросъ: быть или не быть. Но какъ достигнуть этой «блистательной» развязки? Мирнымъ способомъ могла бы она быть достигнута развѣ лишь въ такомъ случаѣ, когда бы Россія согласилась принять указанную ей границу и затѣмъ торжественнымъ формальнымъ договоромъ обязаться соблюдать ее во вѣки вѣчные. Но такимъ договоромъ Россія связать

себя конечно не можетъ, да онъ былъ бы ей и въ прямой ущербъ. Оффиціально дѣло наше съ Англіей стоитъ,—и вотъ уже нѣсколько мисяцевъ, — на вопросѣ о Зульфагарскомъ проходѣ. Но этотъ предлогъ проволочки спора, по вздорности своей, становится просто забавенъ. Не Зульфагаръ, не Пенде, не начертаніе границы десятками верстъ ближе или далѣе, правѣе или лѣвѣе, способны, съ англійской точки зрѣнія, обезпечить безопасность англо-индійскаго владычества. Газета «Times» однажды цинически проболталась, что прими даже Россія границу ей предложенную, выгоды для Англіи отъ этого не будетъ никакой, если, чего добраго,—поясняетъ газета, — удастся Россіи пріобрѣсть себѣ симпатіи афганскаго населенія, точно такъ же какъ она сумѣла пріобрѣсть ихъ себѣ въ средѣ Туркменъ!... Вотъ въ чемъ опасность! Очевидно—того же мнѣнія и Лондонскій кабинетъ, и Индійское правительство. Мы желаемъ добраго, мирнаго *сосѣдства* и, еслибъ не Англичане, вѣроятно бы его и добились. Англичанамъ же нужно, чтобы Афганистанъ былъ намъ враждебенъ, сдѣлался для насъ чѣмъ-то въ родѣ Кавказа былой памяти, а мы бы, связавшись формальнымъ договоромъ, усмирять его не имѣли даже и права!

На открытое единоборство съ нами (такое, которое неминуемо нанесло бы ущербъ англійской торговлѣ и подвергло бы опасности на моряхъ англійскій торговый флотъ) Англія едвали отважится. Она могла бы рѣшиться на войну съ нами лишь въ томъ случаѣ, когда бы ей удалось зажечь пламя *европейской* войны, т. е. въ составѣ цѣлой коалиціи державъ. Но разсчетъ этотъ ей очевидно не удался, что̀ свидѣтельствуется, между прочимъ, даже нашимъ «Journal de St.-Pétersbourg», оффиціозно подтрунивавшимъ надъ перемѣною тона въ рѣчахъ маркиза Сольсбери: «видно, говорила газета, благородному маркизу не удалось найти себѣ союзниковъ въ Европѣ и расторгнуть пріязнь Россіи съ Германіей и Австро-Венгріей». Похваляться тутъ особенно не чѣмъ. Для обѣихъ этихъ державъ нѣтъ ни повода къ войнѣ, ни разсчета воевать съ нами. Война съ Россіей дѣло во всякомъ случаѣ страшное и рискованное, да и къ чему она, когда обѣимъ симъ державамъ такъ легко и удобно, съ полною для себя безопасностью, ловить да ловить рыбу въ мутной водѣ мира и дружбы! Отвлечь вниманіе Россіи

отъ Босфора и Балканскаго полуострова и вообще отъ западно-европейской политики, занять и Россію и Англію тамъ, далеко отъ Европы, въ Средней Азіи, заставить ихъ обѣихъ истощать свои силы во взаимной борьбѣ,—да что же можетъ быть болѣе на руку, желаннѣе для Германіи съ Австріей?! Едвали можно и сомнѣваться, что Германія охотно гарантируетъ намъ нейтралитетъ, даже пожалуй съ напутственнымъ благословеніемъ,—какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что она сумѣетъ придать этому, выгодному для нея самой, нейтралитету значеніе великой *услуги*, намъ спеціально изъ пріязни оказываемой. Извѣстно, однако, что въ Германіи держатся правила: услуга за услугу,—и вотъ чего не должна упускать изъ виду наша дипломатія... Нельзя конечно не дорожить добрыми отношеніями Россіи съ Германіей, но слѣдуетъ однако остерегаться, чтобы ради мнимыхъ услугъ эти узы дружбы не превратились современемъ въ петлю дружбы, которая бы все туже стягивалась на русской шеѣ... Про миссію же сэра Друммонда Вольфа толковать нечего: Турція поступитъ такъ, какъ ей укажетъ Германія,—Германія же европейской войны не желаетъ.

Намъ же сдается, что Англичане примутъ другое рѣшеніе. Имъ не для чего и объявлять формально Россіи войну: воевать съ Россіею Англія можетъ (вѣроятно и будетъ) *чужими* руками.—для этого ей и полезно затянуть переговоры съ Россіей. Оффиціально оставаясь въ сторонѣ, оффиціально пребывая съ нами въ мирѣ, она поведетъ войну изъ-за спины Афганцевъ. Она снабдитъ, да и снабжаетъ, Афганцевъ деньгами и усовершенствованнымъ европейскимъ оружіемъ; командовать или руководить ими будутъ англійскіе офицеры, и даже не прячась,—а мы... Неужели однако мы согласимся поставить себя вновь въ то же самое комическое положеніе, въ какомъ очутились послѣ побѣды при Кушкѣ? Мы имѣли дѣло тогда не съ самовольно дѣйствующей ордой, а съ *регулярными войсками* Афганскаго эмира, предводимыми однимъ изъ его сановниковъ-генераловъ. Однако же, отразивъ ихъ нападеніе, мы, сколько извѣстно, не потребовали даже и объясненія отъ эмира, какъ будто эти войска совсѣмъ отъ него не зависятъ или какъ будто мы сами согласились признать ихъ *маскированную* зависимость отъ ея величества Индійской Императрицы. Но въ такомъ случаѣ не отъ Афган-

цевъ, а отъ англо-индійскаго правительства должны бы мы потребовать удовлетворенія за пролитую при Кушкѣ русскую кровь! Никакого удовлетворенія отъ Англичанъ мы не потребовали. Странное же это положеніе, при которомъ за нападеніе на насъ афганскихъ войскъ не отвѣчаетъ никто: ни эмиръ, ни Англія!

По всѣмъ послѣднимъ извѣстіямъ оказывается почти несомнѣннымъ, что Англія заключила съ Китаемъ наступательный и оборонительный союзъ. Это даетъ основаніе заключать, что Англія предполагаетъ, тоже вѣроятно безъ объявленія пока войны, воевать съ нами и изъ-за спины Китая... Конечно, въ предвидѣніи этой случайности она и заняла, подъ самымъ нашимъ Владивостокомъ съ его замерзающимъ портомъ, незамерзающій портъ Гамильтонъ на Корейскомъ полуостровѣ. Какъ могли прозѣвать этотъ захватъ наши министерства — морское и иностранныхъ дѣлъ — неизвѣстно, но безъ сомнѣнія это не можетъ внушать Россіи большаго довѣрія къ ихъ предусмотрительности и расторопности, столь нужнымъ именно теперь, въ виду грозящихъ опасностей...

Та маскированная война, которую, какъ кажется, думаетъ повести съ нами Англія, представляетъ для насъ одни лишь неудобства. Не выгоднѣе ли было бы для Россіи прямо теперь же объявить Англичанамъ, что при первомъ нападеніи на насъ Афганцевъ всякія прежнія соглашенія наши съ Англіей будутъ признаны лишенными силы и въ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій мы станемъ руководиться единственно лишь своими интересами, хотя бы для этого пришлось подойти *вплоть къ Индіи*? Однимъ словомъ: сорвать съ Англіи маску и вызвать тайнаго врага на открытый бой?..

Тяжелыя испытанія, быть-можетъ, предстоятъ вскорѣ Россіи, но она встрѣтитъ ихъ, конечно, «не въ пьянствѣ похвальбы безумной» и не «въ пьянствѣ гордости слѣпой», а съ мужественною покорностью и трезвостью духа. Что̀ должно вселять въ нее бодрость и силу это — сознаніе своей правоты, а также и утѣшительное упованіе, что честь ея теперь въ надежныхъ рукахъ, и что опытъ Берлинскаго конгресса съ печальными послѣдствіями дипломатической нашей рутины и съ вѣскими дарами сосѣдской дружбы — не можетъ же пропасть для нашего сознанія совсѣмъ даромъ...

СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ

ИЗЪ ГАЗЕТЪ: „ДНЯ", „МОСКВЫ" И „РУСИ".

Слово къ студентамъ.

«День», 28-го октября 1861 г.

...Никогда не бываетъ такъ затруднительно положеніе редактора газеты, имѣющей на своихъ столбцахъ отдѣлъ: Московская Лѣтопись, какъ... въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Молчать о томъ, что́ занимаетъ всѣ умы, что̀ составляетъ предметъ всѣхъ городскихъ толковъ, что̀ заявлено оффиціально; предлагать читателю, вмѣсто отвѣта на животрепещущіе вопросы, какія-нибудь туманныя иносказанія или отвлеченныя разсужденія объ интересахъ менѣе близкихъ и менѣе современныхъ—значитъ уклоняться отъ настоящаго призванія періодической журнальной литературы, измѣнять своему долгу и знамени. Не молчать, т. е. подвергать вопросъ свободному обсужденію—мы бы и желали, но бываемъ вынуждены подчинять свои желанія инымъ соображеніямъ...

А между тѣмъ, свобода критики, свобода обсужденія явныхъ, гласныхъ, такъ-сказать у л и ч н ы х ъ событій, по нашему мнѣнію, могла бы оказать обществу огромную нравственную услугу. Мы не станемъ перечислять здѣсь доказательства въ пользу гласности: они извѣстны какъ азбука, надоѣли всѣмъ донельзя, и повтореніе ихъ производитъ въ насъ самихъ чувство болѣзненное, похожее на оскомину. Но бываютъ минуты, когда самыя старыя, избитыя аксіомы воскресаютъ въ вашемъ освѣженномъ сознаніи вновь, съ какою-то неотразимою силою, во всемъ нестерпимомъ блескѣ истины,—и такова эта минута теперь относительно значенія гласности и печати.

Чувствуется неодолимая потребность внести свѣтильникъ критики въ этотъ хаосъ нравственныхъ понятій, безсознательныхъ увлеченій, полусознательныхъ поступковъ, этихъ по-

луистинъ, полужей и всякихъ умственныхъ и душевныхъ оптическихъ обмановъ. Многое, что безбоязненно таится внутри человѣка и обманываетъ его самого какимъ-то внутреннимъ миражемъ, разлетается, какъ туманъ, какъ скоро человѣкъ вздумаетъ вывести наружу, на бѣлый день, облечь это неясное внутреннее во внѣшнюю форму слова, дать ему стройное опредѣленіе въ сознательной рѣчи. Слово человѣческое несетъ съ собою естественныя требованія разумности и логики, и обличаетъ само собою, невольно, отсутствіе смысла или скудость содержанія.—Если таковы вообще свойства слова, то еще сильнѣе проявляются они въ словѣ печатномъ. Многаго не терпитъ печать, что еще выноситъ изустная необузданная рѣчь человѣка. Уловивши въ печать то или другое ходячее понятіе, вы, по крайней мѣрѣ, можете подвергнуть его аналитическому разсѣченію, вамъ есть съ чѣмъ бороться, вы можете, такъ-сказать, осязать вашего врага; тогда какъ внѣ печати вамъ приходится имѣть дѣло съ какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ—вмѣсто ясныхъ звуковъ; съ какими-то отголосками мысли—вмѣсто отчетливо высказанной мысли; съ какими-то неуловимыми призраками—вмѣсто несомнѣнныхъ и положительныхъ явленій. Между тѣмъ гулъ, шумъ, отголоски, призраки кажутся всегда несравненно опаснѣе и грознѣе, того требуетъ ихъ дѣйствительная сущность... А по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего опаснѣе, какъ видѣть опасность тамъ, гдѣ нѣтъ опасности; нѣтъ ничего вреднѣе, дакъ давать явленію бо́льшую важность, чѣмъ оно заслуживаетъ: слабости—значеніе порока; ошибкѣ—значеніе преступленія; юношѣ—значеніе зрѣлаго мужа.

Впрочемъ, у этого гула есть своя сторона серьезной опасности: онъ электрически дѣйствуетъ на человѣка, дѣйствуетъ не на мысль его, а на его нервы, чувства; онъ заразителенъ, какъ эпидемія, какъ повѣтріе.

Скажемъ прямо: весь этотъ шумъ и гулъ, этотъ безсмысленный крикъ и гамъ намъ противенъ. Мы нисколько не сочувствуемъ всякимъ уличнымъ «демонстраціямъ». Онѣ не въ нашихъ Русскихъ нравахъ; въ нихъ есть для насъ что-то комедіантское. Русскому человѣку, съ его высшимъ требованіемъ внутренней свободы, противно все условное, формальное, неискреннее, искусственное, натянутое или поста-

вленное на ходули. Чувство лжи, неправды, заключающейся въ условномъ явленіи, до такой степени въ немъ чутко, что всякое подобное явленіе сейчасъ поднимается имъ на смѣхъ и мгновенно становится пошлостью. Эта черта живетъ не только въ простомъ народѣ, но и въ нашемъ образованномъ обществѣ. Что значитъ, напримѣръ, это быстрое опошленіе словъ: «гласность», «либерализмъ» «гуманность», «прогрессъ», «красный» и т. п.? Что значитъ, что намъ самимъ смѣшны всякіе юбилеи, процессіи (кромѣ, разумѣется, религіозныхъ), обѣды со спичами, всѣ эти условныя торжественныя позы, изученные пріемы, затверженныя фразы, и проч. проч.? Отчего никто изъ насъ, участвующихъ въ юбилеяхъ и процессіяхъ, не можетъ отнестись къ нимъ вполнѣ серьезно, не въ силахъ сохранить подобающую важность физіономіи, и чувствуетъ себя какъ бы играющимъ роль, какъ бы въ мундирѣ, да еще въ чужомъ мундирѣ? Все это отъ того между прочимъ, что всѣ эти явленія лишены у насъ внутренняго жизненнаго содержанія,—а потому и легковѣсны; не имѣютъ корня въ нашемъ быту и въ сочувствіи нашего пятидесятимилліоннаго Русскаго народа, — а потому и безсильны, да и совершаются большею частью изъ подражанія, *по справкѣ* съ Западными обыкновеніями.

Отправляется, напримѣръ, процессія на могилу съ вѣнками и лентами. Зачѣмъ тутъ вѣнки? это дѣлаютъ католики на своихъ кладбищахъ; тамъ это и законно; но у насъ это безъ смысла. Почему ленты? Развѣ ленты, цвѣта имѣютъ у насъ какое-нибудь значеніе, понятны кому-нибудь?—Слѣдовательно все, что въ новѣйшихъ явленіяхъ нашей общественной жизни носило въ себѣ характеръ такой же условности, неискренности и обезьянничества, само по себѣ смѣшно и недостойно, и само напрашивается на осужденіе.

Осудить легко, но слово осужденія само собою останавливается на языкѣ, потому что... осужденіе принадлежитъ вѣдѣнію спеціалистовъ своего рода... Поспѣшимъ взглянуть на дѣло и съ другой стороны.

Что такое, напримѣръ, наше молодое, учащееся племя? Вѣдь это наши братья и сыновья, это Русское молодое поколѣніе, выросшее на нашей же почвѣ, при воздѣйствіи

извѣстныхъ историческихъ и соціальныхъ условій; это выводъ изъ нашей же исторической и общественной жизни, это плоды посѣянныхъ нами же и нашими отцами сѣмянъ! Все это народъ молодой, и еще очень молодой, увлекающійся и легко увлекаемый, горячія головы и вѣроятно горячія сердца, мягкія и доступныя всякому искреннему, отъ души идущему, *человѣческому* слову. Въ нихъ, разумѣется, при неразвитости воли, менѣе сдерживается то, что̀ разумно сдерживается людьми взрослыми; все переходитъ черезъ край и спѣшитъ воплотиться въ живую, нерѣдко безобразную форму, спѣшитъ разрѣшить противорѣчія жизни, съ которыми мы уже сжились и свыклись. Человѣкъ часто бываетъ неправъ въ данномъ случаѣ, но можетъ быть правъ въ первоначальныхъ своихъ побужденіяхъ.

Во всякомъ явленіи надобно непремѣнно добираться до ближайшаго повода, обусловившаго явленіе, и до отдаленной причины, обусловившей самое временное, случайное значеніе повода. Этого требуетъ истина. Мы не можемъ по совѣсти признать безусловной справедливости на сторонѣ тѣхъ первоначальныхъ явленій, которыя послужили поводомъ и причиной явленій новѣйшихъ — въ нашей общественной жизни...

Въ Сентябрской книжкѣ журнала «Свѣточъ» напечатана статья, строго обвиняющая студентовъ. Между прочими обвиненіями сказано, что студенты не уважаютъ науку. Справедливо. Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ въ Русскомъ обществѣ, принимая это слово въ самомъ широкомъ значеніи, наука и умъ, до послѣдняго времени, были въ чести? Развѣ Скалозубы всякаго ранга не господствовали на нашей сценѣ въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ? Развѣ наукѣ, по прекрасному выраженію Хомякова, была предоставлена свобода мнѣнія и сомнѣнія? Развѣ сама наука не была у насъ жалкимъ пересаженнымъ растеніемъ, неспособнымъ дать сочныхъ плодовъ; развѣ она являлась у насъ съ дѣятельностью самостоятельною и могла отвѣчать на жизненные запросы пробуждавшагося самосознанія? Не могла, а потому была и безплодна и безсильна въ своемъ нравственномъ вліяніи на общество. Въ спертомъ тепличномъ воздухѣ не выростетъ ни одно здоровое, могучее

дерево: оно или искривится или переродится въ кустъ... «Студенты заражены всякими Западными теоріями»... Да кто же, какъ не мы всѣ, во всѣхъ слояхъ, научили ихъ обезьянничать Европѣ, раболѣпствовать предъ послѣднимъ словомъ Западной мысли, и т. п.? — Общество слѣпо поклоняется передовымъ людямъ Европы, молодежь отыскала еще передовѣйшихъ. Общество (въ широкомъ смыслѣ слова) подражаетъ, положимъ. Пруссіи; молодежь — Франціи. Общество заимствуетъ у Запада моды, одежды, юбилеи, бюрократію, аристократію; молодежь — демонстраціи и демократію. Общество толкуетъ, напримѣръ, о Нѣмецкомъ судопроизводствѣ; молодежь — и о протестѣ противъ этого судопроизводства. Общество выхваляетъ Западное полицейское благочиніе; молодежь — оппозицію Западному порядку... Общество выбираетъ себѣ, напримѣръ, въ подражаніе Европѣ, цвѣтъ... желтый (Австрійскій); молодежь — красный. Общество увлекается теоріей Французскаго консерватизма; молодежь — теоріей французскаго либерализма...

Sapienti sat. Надѣемся, что мы высказали нашу мысль, *по возможности*, ясно.

Не послушаетъ насъ молодежь, а все-таки скажемъ ей наше заключительное слово.

Бросьте всѣ ваши безполезные толки, волненія безъ содержанія и безъ цѣли, безъ опредѣленнаго смысла! Сами вы знаете, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ подобныя явленія не могутъ быть терпимы, какъ непормальныя, безпорядочныя отправленія общественнаго организма. На крестьянскія сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несутъ тягла. Вы также, вы еще не имѣете полныхъ правъ гражданскихъ, а слѣдовательно и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Съ какою цѣлью поступаете вы въ Университетъ? Съ единственною цѣлью учиться; другой цѣли, другой заботы, другой дѣятельности у васъ и быть не можетъ и быть не должно! Подумайте о тѣхъ горестныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ навлечь на насъ на всѣхъ ваши поступки! Вы — молодое поколѣніе Россіи, вы ея цвѣтъ, ея надежда, вы — будущіе граждане, будущіе дѣятели на всѣхъ ея поприщахъ! — Вы должны запасаться силами и всякимъ духовнымъ оружіемъ для борьбы съ жизнью, вы должны пріобрѣтать знаніе и развивать мыш-

леніе, чтобы вести Россію по дальнѣйшему пути *истиннаго* прогресса. Вы должны изучать Россію и Русскую народность, чтобы наполнить бездну, еще отдѣляющую насъ отъ народа, чтобы возстановить цѣльность всего общественнаго организма, чтобы дѣйствовать согласно съ духомъ народа! Посудите сами: какого же добра можетъ ожидать Россія отъ недозрѣлыхъ, недоученныхъ, недоношенныхъ въ умственномъ отношеніи сыновей своихъ? только пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ! Любите ли вы Россію, любите ли вы народъ свой? Понимаете ли вы свое призваніе? Если любите, если понимаете, такъ займитесь дѣломъ, отнеситесь къ жизни посерьезнѣе, отрезвите себя крѣпкимъ умственнымъ трудомъ, воспитайте въ себѣ силу терпѣнія и могущество воли, развивайте мысль, возбуждайте дѣятельность сознанія, будьте безукоризненно честны и непоколебимо тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ, и вы дадите Россіи мужей нужныхъ ей, — нужныхъ въ предстоящія ей трудныя времена испытанія. Не отнимайте же у себя силъ и способовъ для будущей дѣятельности!

Наши слова внушены намъ искреннею скорбью о васъ, тревожной заботой о Россіи, и горячимъ сочувствіемъ ко всему, что въ вашей юности есть живаго и благороднаго!..

Съ новымъ годомъ!

„День“, 1-го января 1862 г.

Съ новымъ годомъ — съ новымъ трудомъ и подвигомъ, съ новыми испытаніями, новыми думами и событіями! съ новымъ годомъ — съ новымъ зломъ и съ новою ложью, на старое зло и на старую ложь, — и въ концѣ, въ итогѣ — съ новою, строгою истиною, съ новымъ, суровымъ добромъ!

Не по старому, вѣрно, встрѣтили вы этотъ новый наступающій годъ, читатели! Не такъ, сдается намъ, привѣтствовали вы эту новую, придвинувшуюся къ вамъ, очередную грань времени, какъ бывало прежде, когда съ шуткой и съ смѣхомъ дожидались вы завѣтной полночи, беззаботно, довѣрчиво отдаваясь жизни, и только развѣ изрѣдка, для прикрасы, въ видѣ риторической фигуры, приправляя вашу веселость легкою тѣнью сомнѣнія и смущенія предъ «таин-

ственностью грядущаго!»... Или, быть-можетъ, вы и прежде не беззаботно, но за то со всею дерзостью несокрушимой вѣры вперяли пытливый взоръ въ будущее и ждали, несомнѣнно ждали, отъ каждаго новаго года — воплощенія вашихъ смѣлыхъ, завѣтныхъ надеждъ?... Или же, легко можетъ статься, прислушиваясь, бывало, къ бою полночныхъ двѣнадцати часовъ, вы съ отчаяніемъ оглядывались на прожитые годы, на не растраченныя, но бездѣйствіемъ убитыя силы, и ничего не ждали отъ будущаго, ничего не видѣли вдали, кромѣ безвыходнаго мрака и соннаго, мертвеннаго затишья? Знакомы намъ эти ощущенія! Одиноко нарождалась мысль, созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ и общество, и ничто не могло вызвать Русь изъ этого томительнаго застоя! Хоть бы движеніе, хоть бы звукъ живаго, вольнаго слова!... Да, помнимъ мы эти печальные годы, когда не знали мы, куда дѣвать ненужный, праздный избытокъ силъ, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!

Не то теперь! Не съ веселой безпечностью, не съ радостной несомнѣнной увѣренностью въ осуществленіи прекрасныхъ надеждъ,—но и не съ мрачною безнадежностью, а въ чаяніи ж и з н и и д ѣ л а,—встрѣчаемъ мы новый годъ!

Слышится и чувствуется, что мы несемся съ быстротою необычайною, несемся стремглавъ, всею тою необъятною громадою, которой имя — Россія, во всю ея ширь и глубь, всѣмъ шестидесятимилліоннымъ народомъ,—но куда, и какъ, гдѣ законъ и предѣлъ движенія, — никто не предугадаетъ! Нѣтъ надъ нимъ власти человѣческой!

Слышится и чувствуется, что въ быстротѣ стремленія мы должны пронестись сквозь область бурь и громовъ, стерегущихъ нашъ неудержимый полетъ... Конечно, мы несомнѣнно вѣримъ, что отчасти, быть-можетъ, самая быстрота полета пронесетъ насъ сквозь нихъ невредимо, отчасти — если и разразятся, то все же не сокрушатъ насъ удары...

Но если оптическій обманъ зрѣнія, скрадывая пространство, и приближаетъ ошибочно для взора, къ нашему времени, опасности еще отдаленныя,—то тѣмъ не менѣе всякой сознаетъ, что новый годъ открываетъ предъ нами цѣлый

рядъ трудныхъ подвиговъ и испытаній. Какъ моряки, собираясь переплыть пространство вѣчно-вѣющихъ вѣтровъ, прекращаютъ пѣсни, снаряжаютъ паруса, прикрѣпляютъ мачты, и всѣ обращаются въ слухъ и вниманіе; какъ ратный отрядъ, готовясь вступить въ невѣдомыя, полныя засадъ дебри и ущелья, — останавливается на рубежѣ, и въ тишинѣ, съ затаеннымъ дыханіемъ, считаетъ свои ряды, осматриваетъ, оправляетъ оружіе, плотнѣе смыкается, — и безъ кликовъ, безъ пылкихъ порывовъ, но съ сдержаннымъ мужествомъ и съ мужественнымъ вѣдѣніемъ опасности, — движется въ путь: — такъ и мы, предъ вступленіемъ въ новый годичный кругъ нашей общественной жизни, должны проникнуться сознаніемъ важности переживаемыхъ и ожидающихъ насъ мгновеній...

Не съ прежнимъ же легкомысліемъ будемъ мы относиться къ жизни! Наступило и для насъ историческое дѣло; событія зовутъ насъ къ отвѣту: готовы ли мы? Какъ съ какимъ лицомъ станемъ мы на судъ и расправу исторіи? Какую долю участія внесемъ въ общественную работу? Не легко живется теперь Русскому человѣку! Все, что прежде являлось праздною, ненужною роскошью или бременемъ: умъ, дарованіе, убѣжденіе и всякая нравственная способность и сила, все потребуется къ разсчету, все понадобится къ дѣлу, все пайдетъ себѣ трудъ и работу. Готовы ли мы? Вполнѣ ли серьезно глядимъ на предстоящія намъ общественныя обязанности? Вполнѣ ли стряхнули съ себя старый и злѣйшій изъ грѣховъ, грѣхъ умственной и душевной лѣни и равнодушія къ общественному благу? Вполнѣ ли добросовѣстно цѣнимъ ту мѣру добра и зла, которую каждый изъ насъ вноситъ въ общественное дѣло своимъ участіемъ и безучастіемъ? Вполнѣ ли сознаемъ, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо потребно крѣпкое напряженіе мысли, сосредоточенность воли, безстрашіе духа, какъ и безстрашіе зрѣнія, не смущающееся никакими чудовищными призраками, — незыблемая твердость нравственныхъ убѣжденій, невозмутимо-ясное сознаніе коренныхъ началъ нашей народности?

Да, нужно особенное возбужденіе духа, нужно неутомимо-бодрствующее вниманіе, чтобы въ этой безпрерывной смѣнѣ явленій не потерять изъ виду логической нити, ихъ связующей, не придать мимолетному—значенія прочной осѣдлости.

не заслонить отъ своего взора, живою внѣшнею обстановкою, основнаго движенія, медленно совершающагося въ сокровенной глуби.

Въ то время, когда народъ, пробудясь, двинулся и зашевелился во весь свой ростъ, вѣщая намъ языкомъ живыхъ, дѣйствительныхъ, бытовыхъ явленій, — въ этой общей движущейся средѣ, наше собственное отдѣльное движеніе, т. е. нашей образованной среды и всего, что принадлежитъ къ ней, совершается по законамъ той ускоренной быстроты, которая въ мірѣ нравственномъ и физическомъ предшествуетъ (часто благодѣтельной) развязкѣ. Мы по прежнему считаемъ время годами, но переживаемъ въ одинъ годъ цѣлые десятки этихъ урочныхъ дѣленій времени — сравнительно съ жизнью другихъ народовъ! Совершающееся теперь было бы немыслимо и за полгода тому назадъ. У насъ нѣтъ настоящаго. Въ сущности его и быть не можетъ, но въ исторической жизни народовъ есть извѣстная продолжительность явленій, такъ-сказать ихъ пребываемость въ одномъ общемъ видѣ, при незамѣтномъ процессѣ совершающагося внутри обветшанія и перерожденія. Мы стоимъ теперь въ исключительныхъ отношеніяхъ ко времени. Возникаетъ вопросъ, его перерастаетъ новый, и пока вы еще трудитесь надъ его разрѣшеніемъ, онъ уже заслоненъ другимъ, громаднымъ и грознымъ. Вы собираетесь всею силою правдиваго негодованія разразиться надъ какимъ-либо общественнымъ нравственнымъ уродствомъ, и невольно останавливаетесь, почувствовавъ, что оно уже осуждено къ смерти, что ни жизни, ни силы въ немъ нѣтъ, что не нынче, — завтра, оно рушится, исчезнетъ и замѣнится новымъ, такимъ же скоротечнымъ и преходящимъ. — Гоголь не нашелъ бы теперь установившихся, сложившихся типовъ для своего творческаго юмора. Его типы сложились на досугѣ, созданы медленною ковкою прежняго времени. Новые типы едва успѣваютъ создаваться, и, не законченные, смѣняются новыми: прежнее отрицательное направленіе искусства въ литературѣ уступило, по необходимости, мѣсто спѣшному, торопливому, не художественному обличенію... Въ великую ошибку впали бы тѣ, которые бы не приняли въ соображеніе этой скорой производительности нашей общественной жизни и увлеклись бы

безразборчиво явленіями, потребностями, задачами и вопросами — полумнимыми, полупризрачными, имѣющими значеніе не столько сами по себѣ, сколько какъ симптомы и провозвѣстники другихъ коренныхъ задачъ и потребностей!..

Итакъ, будемъ же помнить, что въ этомъ быстромъ круговращеніи событій, въ этомъ хаосѣ явленій, стремленій, потребностей мнимыхъ и истинныхъ, въ этой путаницѣ понятій и мнѣній,—необходима сила нравственнаго упора, чтобы не увлечься теченіемъ и не разбиться о скалы и отмели, но вести наше общественное судно, каждому, восколько это отъ него зависитъ, смѣло и мужественно впередъ, не теряя праваго пути, указываемаго намъ нашей исторіей и народностью. Здѣсь, на первое мѣсто выдвигается нравственное, просвѣтительное начало нашего народа... И дѣйствительно, дошелъ чередъ, или, вѣрнѣе сказать, ложь, разлагающая и пожирающая, какъ ракъ, наше общественное тѣло, обнажила наконецъ самыя сокровенныя жилы и артеріи нашего общественнаго организма, добралась до самыхъ коренныхъ основъ нашего народнаго бытія... Объ этихъ-то основахъ, о началахъ нравственныхъ и духовныхъ, кажется, время уже намъ повести бесѣду и въ нашей литературѣ, — и мы не откажемся отъ этой задачи, въ предстоящемъ году, насколько достанетъ у насъ силъ, умѣнья и внѣшней возможности.

Будемъ также помнить, что при руководствѣ основнаго начала, воплощеніе его въ положительныхъ явленіяхъ времени и мѣста — требуетъ упорнаго труда, а не однихъ общихъ отвлеченныхъ начертаній, и потому не станемъ отказываться и отъ чернорабочей, нерѣдко мелкой и утомительной стороны каждаго положительнаго дѣла...

—

Но, скажутъ читатели, пугая насъ опасностями и трудными подвигами, вы не указали намъ ни тѣхъ, ни другихъ... Мы могли бы указать и тѣ и другіе, но, во 1-хъ, мы предполагаемъ, что они болѣе или менѣе извѣстны читателямъ, особенно первыя (т. е. опасности), а во 2-хъ, есть нѣкоторое неудобство въ ихъ подробномъ исчисленіи или описаніи. Тѣмъ не менѣе, напомнимъ въ немногихъ словахъ, какія намъ предстоятъ опасности и работы.

Ложь, внесенная въ нашу жизнь нашимъ историческимъ

развитіемъ, еще не исчерпана, еще не вполнѣ истощилась въ явленіяхъ. Она еще не свершила, но *должна совершить свой полный историческій кругъ*, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Недугъ, застарѣлый и затаенный внутри, еще не вполнѣ вышелъ наружу. Вся отвлеченность нашего умственнаго общественнаго развитія, все наше невѣжество народныхъ началъ, вся внутренняя раздвоенность нашего общественнаго быта, однимъ словомъ — вся эта ложь еще проявитъ себя, не одинъ разъ, въ логически-законномъ порожденіи безобразныхъ уродовъ и наростовъ на нашей народной Русской почвѣ! Мы будемъ стараться обличать ихъ въ свое время,— въ силу нашего собственнаго, можетъ-быть иногда и ошибочнаго, но всегда искренняго воззрѣнія.

Что же касается до общественныхъ задачъ и вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, если не окончательное, то по крайней мѣрѣ предварительное, предстоитъ нашему обществу, то, оставляя покуда въ сторонѣ вопросы, принадлежащіе къ области чисто нравственной, вопросы вѣры, матеріализма и многіе другіе, — ограничимся теперь, на сей разъ, только однимъ перечнемъ самыхъ положительныхъ, насущныхъ, отчасти внѣшнихъ вопросовъ, предоставляя себѣ въ послѣдующихъ статьяхъ разработать подробнѣе эту тему:

Во 1-хъ, вопросъ крестьянскій... О необходимости скорой его развязки настоятельно свидѣтельствуетъ современное положеніе дѣлъ въ Россіи...

Во 2-хъ, вопросъ дворянскій. Мы уже говорили о немъ подробно въ послѣднихъ 4-хъ нумерахъ нашей газеты *). Дворянству было бы необходимо, какъ мы уже прежде заявляли объ этомъ,—торжественно, предъ лицомъ Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія: всякое иное рѣшеніе отзовется вредными послѣдствіями для самого дворянства.

Въ 3-хъ, вопросъ объ отношеніяхъ государства къ правамъ самой жизни общественной и дѣятельности государственной—къ самодѣятельности общественной. Всякое преждевременное положительное коренное преобразованіе въ этомъ отношеніи, несогласное съ волей и началами Русскаго народа, было бы гибельно для Россіи **).

---

*) См. „Земскій вопросъ". Т. V, отдѣлъ 2-й. **)—См. тамъ же.

Въ 4-хъ, вопросъ о свободѣ совѣсти и ея выраженіи въ словѣ... *)

Въ 5-хъ, вопросъ о народномъ образованіи **). Народъ жаждетъ знанія; потребность грамоты проснулась въ немъ съ необъятною силою. Что въ состояніи предложить мы ему изъ нашего темнаго хаоса противорѣчивыхъ, невыработанныхъ доктринъ, теорій и отрывочныхъ понятій? Какихъ учителей дастъ ему среда, давно отъ него оторвавшаяся, чуждая ему по новымъ преданіямъ и по развитію? Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ:

Объ отношеніи нашего образованнаго общества и нашей положительной дѣятельности къ нашей народности и къ пробуждающейся дѣятельности самого народа. Здѣсь намъ грозитъ новое, страшное зло: лженародности, о которомъ мы намѣрены поговорить особо...

Довольно. Мы боимся запугать нашихъ читателей: *доживетъ дневи злоби его!...*

Итакъ, съ благодарностью обращая взоръ къ истекшему 1861 году, даровавшему намъ отмѣну крѣпостнаго права и открывающему для насъ, съ новымъ тысячелѣтіемъ, новую эру историческаго развитія, — съ мужествомъ и съ напряженною бдительностью всѣхъ нашихъ силъ и способностей, примемъ даръ новаго лѣта—даръ трудовъ и подвиговъ, горя и радостей, лжи и истины, зла и добра!

Замѣчаніе о допущеніи дѣвицъ на университетскіе анатомическіе курсы.

«День», 10-го марта 1862 г.

Читатели, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе на эти педагогическія замѣтки, въ которыхъ, подъ легкой и шутливой формой, проводится такая стройная и строгая мысль. Съ своей стороны мы желали бы, чтобы вопросъ о допущеніи дѣвицъ въ званіе студентовъ былъ поставленъ прямѣе и такъ-сказать безцеремоннѣе. Къ этой безцеремонности или иначе серьезности въ обсужденіи упомянутаго вопроса обязываетъ насъ искреннее уваженіе къ женщинѣ. Дѣйствительно, пора

*) См. Т. IV, отдѣлъ 2-й: „Свобода слова“.—**) См. тамъ же, отдѣлъ 4-й: „Общественное воспитаніе“.

эмансипировать женщину отъ посягательства эмансипаторовъ на ея женское достоинство, отъ покушенія мужчинъ сдѣлать изъ нея плохаго мужчину; пора возвратить женской, такъ легкомысленно нами смущаемой, душѣ — свободу внутреннюю, независимость и миръ въ обладаніи ея женскими правами, въ наслажденіи ея женскими благами, въ совершеніи ея высокаго женскаго подвига.

Признавая за женщиной право на высшее, доступное человѣку, образованіе, мы рѣшительно не видимъ надобности *добиваться* посѣщенія дѣвицами университета вообще, а лекцій *физіологіи и анатоміи* въ особенности, — чего именно хочется нашимъ форейторамъ-фельетонистамъ: *das ist pikant*, какъ говорятъ Нѣмцы, а въ этомъ-то вся и прелесть для нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія. Прежде, когда посѣщеніе лекцій было доступно всѣмъ постороннимъ, не было *закона*, исключающаго женщинъ: могло бы случиться, что какая-нибудь женщина или дѣвица и пришла бы, побѣждая робость, на иную лекцію, въ случаѣ крайней для нея необходимости. Въ этомъ не было бы никакого съ ея стороны преступленія, но гуманность и уваженіе къ женщинѣ должны бы насъ заставить: изыскивать средства къ избавленію ея отъ такой необходимости, отъ такого насилованія своего женскаго стыда и застѣнчивости, а не къ тому, какъ бы притупить въ ней чувство стыдливости и скромности. Устройте женскій университетъ, т. е. училище для высшаго образованія дѣвицъ, и вы въ десять тысячъ разъ скорѣе подвинете впередъ женское образованіе (если только вы *этого* хотите), нежели приглашеніемъ дѣвицъ посѣщать, вмѣстѣ съ ватагой молодыхъ людей, студентскія аудиторіи и анатомическіе музеи. Конечно, найдутся такія храбрыя дѣвицы — которыя и остригутся, и туалетъ себѣ сочинятъ на особый манеръ, и не моргнутъ очами при разсѣченіи трупа, но ихъ будетъ очень немного: большинство Русскихъ дѣвушекъ не послѣдуетъ ихъ примѣру, какъ бы ни прославляли «храбрыхъ» фельетонисты Петербургскихъ газетъ. Наконецъ, есть публичные курсы, куда могутъ собираться и дамы и мужчины.

Впрочемъ, мы не вѣримъ, чтобъ человѣкъ, серьезно преданный наукѣ, захотѣлъ присутствія женщинъ и дѣвицъ на своихъ лекціяхъ въ университетѣ. Кромѣ того, что присут-

ствіе ихъ стѣсняло бы профессора, невольнымъ образомъ, въ выраженіяхъ, онѣ бы внесли элементъ несерьезности какъ въ преподаваніе съ одной стороны, такъ и въ изученіе преподаваемаго—съ другой. Признаться, мы предполагаемъ въ студентахъ довольно свѣжести и молодости, чтобы заглядѣвшись на красавицу-студентку—забыть и профессора и всякія аналитическія функціи, и филологическія флексіи, и суффиксы, и всевозможныя науки! Было бы даже обидно для самихъ студентовъ — предположить противное! Повторяемъ, странно и говорить серьезно объ этомъ вопросѣ. Требовать допущенія дѣвицъ въ университетъ могутъ только молодые, очень молодые студенты (съ ихъ стороны это понятно!),—и тѣ, которые волочатся за популярностью, за фельетонною славою, за современностью, или правильнѣе сказать—за модою, потому что для нихъ только то современно, что̀ *модно*.

Смѣшно и безнравственно дѣлать изъ „веселья“ источникъ благотворительности.

«День», 31 марта 1862 г.

(Примѣчаніе къ корреспонденціи изъ гор. Бѣлаго.)

Этотъ разсказъ, по нашему мнѣнію, очень занимателенъ. Онъ живо рисуетъ картину современной жизни, въ которой, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», отражается все настоящее умственное и духовное движеніе нашего общества, съ его прогрессомъ и консерваторствомъ, съ его странною, шибкою цивилизаціею и странно-упирающимся невѣжествомъ, съ его рѣзкими противоположностями,—и неспособностью не только спѣться, но даже понять другъ друга! Въ тѣсныхъ предѣлахъ уѣзднаго города все это обозначается ярче, рѣзче и потому карикатурнѣе; всякія мелкія струи тамъ производятъ водоворотъ, всякое движеніе воздуха — бурю, — бурю, конечно, въ стаканѣ воды, но все же очень серьезную и чувствительную бурю для тѣхъ, кто ей подвергается!—Мы видимъ въ этомъ разсказѣ—«горожанъ» или «гражданъ» или купцовъ, отказывающихъ въ помощи школѣ; дворянъ, разсерженныхъ и негодующихъ, не знающихъ, на чемъ сорвать свое негодованіе, и возмущающихся тѣмъ, что въ школѣ учатся мѣщанки;—наконецъ, представи-

телей образованнаго общества, благотворителей-цивилизаторовъ, возбуждающихъ истинное участіе своимъ положеніемъ между двумя огнями или, вѣрнѣе, между двумя тяжелыми льдинами, грозящими затереть ихъ,—и въ то же время возбуждающихъ истинный смѣхъ своею наивною вѣрою въ нравственное значеніе благотворительныхъ маскарадовъ, своимъ наивно серьезнымъ отношеніемъ къ «веселостямъ», какъ къ какой-то службѣ. Вы чувствуете, что все и всѣхъ раздѣляетъ — недоразумѣніе! Купцы правы, отказываясь участвовать въ такомъ дворянскомъ способѣ благотворенія, который выпачканъ модой и связанъ съ разными сложными формами, съ цѣлой іерархіей и коллегіальнымъ порядкомъ, съ чиновничествомъ и со всѣми пріемами, охлаждающими ревность Русскаго человѣка; но неправы купцы потому, что сами не потрудились еще хорошенько размыслить и отдать себѣ отчетъ—въ чемъ они дѣйствительно правы? неправы потому, что приводятъ такіе аргументы въ свою защиту, какъ напр.: «у насъ начальникъ былъ другаго характера, мы должны сообразоваться съ характеромъ и желаніемъ начальства»; неправы потому, что и въ самомъ дѣлѣ—они вполнѣ и совершенно равнодушны къ общему благу, къ распространенію грамотности и просвѣщенія! Дворяне уѣздные меньше всѣхъ правы; они могли бы показать болѣе участія къ учрежденію школы,—и ихъ негодованіе на то, что обучаютъ мѣщанокъ, если оно происходитъ изъ чувства сословной гордости, служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ мало основанія имѣютъ дворянскія притязанія на значеніе дворянства, какъ передоваго сословія. Съ своей точки зрѣнія, мы готовы, впрочемъ, допустить и въ нихъ инстинктивное Русское отвращеніе ко всякой оффиціальности, и недостатокъ довѣрія ко всему, что̀ окрашено колоритомъ суеты и моды. Что же касается до представителей и представительницъ современнаго прогресса, то—мы вполнѣ вѣримъ въ искренность и чистоту ихъ намѣреній; мы вполнѣ сочувствуемъ ихъ стремленію къ полезной дѣятельности, мы убѣждены, что много истинной любви, много безкорыстнаго труда положили они въ дѣло,—и въ то же время не можемъ не посѣтовать на нихъ. Во 1-хъ, къ чему эта оффиціальность, къ чему вся эта комическая обстановка предсѣдателей, секретарей, казначеевъ,

засѣданій, и проч. и проч., при миніатюрныхъ размѣрахъ благотворенія! Къ чему строить колокольню и начинать трезвонъ, когда нѣтъ еще ни церкви, ни попа, ни прихожанъ! Все это какъ-то не серьезно, все это способно внушить нѣкоторое недовѣріе и заставить думать, что благотворители сами только тѣшатся званіемъ «членовъ», какъ прапорщики мундиромъ, тѣшатся этимъ faux air, внѣшнимъ подобіемъ какой-то серьезной публичной, чуть-чуть не государственной дѣятельности!—Во 2-хъ—неужели всѣ эти кавалеры и дамы, не жалѣющіе ни ногъ въ танцахъ, ни голоса въ концертахъ, для благотворительной цѣли, не щадящіе ни трудовъ, ни здоровья на маскарадахъ, балахъ и спектакляхъ, такъ усердно подвизающіеся въ веселостяхъ,—неужели они еще не убѣдились въ томъ, какъ смѣшно и безнравственно дѣлать изъ «веселья» источникъ благотворительности, какъ оскорбительно для идеи добра это противоестественное соединеніе суеты и серьезныхъ побужденій сердца, лжи и правды, богатства и нищеты, потѣхи и печали! Сколько разъ было объ этомъ говорено и писано! «Суета въ пользу бѣдныхъ», «кокетство въ пользу бѣдныхъ», «роскошь туалетовъ въ пользу бѣдныхъ»!... Зачѣмъ прикрывать святымъ именемъ добра тѣ явленія, которыхъ главное содержаніе и смыслъ чужды нравственной цѣли? Зачѣмъ лицемѣрить? Не въ тысячу ли разъ честнѣе объявить прямо: я веселюсь для веселья, одѣваюсь роскошно, потому что мнѣ это нравится, посѣщаю маскарады, потому что это меня забавляетъ, и т. д.?

Извѣстно, что провинція часто *пересаливаетъ*, и оказываетъ въ этомъ такую же услугу, какъ всякая карикатура. Въ 1854 г., въ бытность нашу въ П.... губерніи, были мы *свидѣтелями* слѣдующаго случая. Былъ у губернатора обѣдъ на весь синклитъ губернскій, обѣдъ, какъ водится, съ а р х і е р е е м ъ, генералами, чиновниками—и дамами. Кто-то обратился къ одной молодой и прекрасной собою (и очень скромной) дамѣ съ просьбою — воспользоваться этимъ сборищемъ сильныхъ губернскаго міра и открыть подписку въ пользу... Славянскихъ церквей! Дама охотно согласилась, но одинъ высокій с а н ъ (это было послѣ обѣда), поддерживаемый нѣкоторыми кавалерами, объявилъ, что теперь просто не благотворятъ, и потому нужно учинить веселость, а именно:

пусть всякій, жертвующій на церкви, дастъ прекрасной дамѣ столько поцѣлуевъ, сколько рублей. Какъ ни отнѣкивалась дама, но боясь упрека въ жеманствѣ, наконецъ, согласилась, и—съ благословенія и разрѣшенія начальства—благотвореніе началось. Собрано было 300 р. сер., дано 300 поцѣлуевъ. Нашелся, впрочемъ, одинъ господинъ, который, положивъ на столъ 3 р., въ то время, какъ дама послушно подставила щеку, поклонился и, сказавъ флегматически: «не хочу за деньги»,—вышелъ. Можно ожидать, что со временемъ установится не одно цѣлованье въ пользу бѣдныхъ... До чего не способно довести самопожертвованіе! Если въ добромъ дѣлѣ видѣть только одну матеріальную сторону пользы, такъ есть еще лучшій способъ собирать деньги: открыть входъ на нѣсколько дней по дешевой цѣнѣ въ кабаки и увеселительныя заведенія, а выручку предоставить для благотворительныхъ обществъ! и пользу можно сдѣлать, и всякой напившійся и увеселявшійся можетъ утѣшаться тѣмъ, что пьянствовалъ и развратничалъ не даромъ, а съ доброю цѣлью!

Совѣтуемъ учредительницамъ школы въ г. Бѣломъ отказаться отъ всякихъ лишнихъ затѣй, отъ формальной обстановки, отъ маскарадовъ и лотерей, и продолжать свое дѣло просто, взывая прямо и откровенно къ общественной благотворительности. Отказа не будетъ. Мы первые предлагаемъ имъ свои услуги для сбора пожертвованій и вносимъ данные намъ на эту школу однимъ господиномъ 10 руб.

Къ счастію, наши юные матеріалисты непослѣдовательны и неспособны къ послѣдовательности.

«День», 16-го марта 1863 г.

Что матеріализмъ и общественная свобода два начала несовмѣстимыя и противоположныя,—это можно было вывести логически, а ргіогі, всякому знакомому съ ученіемъ Бюхнера, Молешотта и К°. Что наши юные матеріалисты — ихъ же легіонъ—къ чести своей всѣ непослѣдовательны и неспособны къ послѣдовательности, — это также извѣстно было всякому. Въ сущности матеріализмъ былъ только тою готовою занесенной формой, въ которую вложилось, и очень не-

ловко и неуклюже, наше доморощенное, историческое и во многихъ отношеніяхъ вполнѣ законное отрицаніе тѣхъ сторонъ лжи, которыми окружено наше общественное, политическое и духовное развитіе. Матеріализмъ привлекалъ молодежь не самъ по себѣ, а призракомъ какой-то свободы, этого неизвѣданнаго Русскою жизнью блага, — какой-то воли, которой ощущеніе такъ незнакомо и такъ желанно Русскому человѣку! Справедливо возмущенный, напримѣръ, оффиціальностью Русской церкви, возведенной въ достоинство казеннаго интереса, лицемѣріемъ и суевѣріемъ, опирающимися на полицейскую власть,—юноша записывается въ матеріалисты, думая найти свободу въ отрицаніи самаго начала вѣры, и не видя, что онъ мѣняетъ только одно рабство на другое, еще худшее. Законно и прекрасно негодуя на всякое угнетеніе, на всякое грубое насиліе, — онъ вступаетъ въ число адептовъ того ученія, гдѣ матерія—грубая неразумная сила—возводится на степень абсолютной истины (хотя, по комическому противорѣчію, матеріалисты отвергаютъ существованіе какой бы то ни было абсолютной истины, слѣдовательно отвергаютъ абсолютную истинность и своего ученія?!). Положеніе нашего юноши похоже на положеніе больнаго, который, чувствуя стѣсненіе въ груди, въ легкихъ, сбрасываетъ съ себя одно платье за другимъ, воображая, что оно именно и тѣснитъ его, тогда какъ причина болѣзни и стѣсненія легкихъ вовсе не въ платьѣ. Чувствуется б о л ь, — но наша молодежь, и даже не одна молодежь, а все общество—находится еще въ такомъ фасисѣ развитія, при которомъ еще нѣтъ способности правильнаго «помѣщенія ощущеній», какъ выражаются философы. Чувствуется б о л ь, — и вотъ, въ живомъ, понятномъ нетерпѣніи, больной требуетъ ампутаціи ноги или руки, тогда какъ болитъ вовсе не рука и не нога, а голова или сердце. Впрочемъ, ощущеніе боли—есть все-таки признакъ жизни въ организмѣ; стремленіе избавиться отъ этого ощущенія свидѣтельствуетъ о присутствіи еще въ организмѣ здоровой силы, протестующей противъ нарушенія правильности органическихъ отправленій и требующей возстановленія гармоніи въ тѣлѣ,—хотя больной и хватается, въ невѣдѣніи, за мышьякъ вмѣсто ревеня, за опіумъ вмѣсто потогоннаго и кровоочистительнаго декокта!

Худо, если болѣзнь превращается въ такое нормальное состояніе, при которомъ организмъ уже не протестуетъ, а только послушно разлагается: при параличѣ, какъ извѣстно— въ парализованномъ членѣ не ощущается боли...

Мы думаемъ, что матеріализъ, которымъ заражена бо́льшая часть молодежи въ нашей общественной средѣ, есть именно ощущеніе боли — при отсутствіи еще способности «помѣщенія ощущеній». Говоря по совѣсти, мы бы презирали молодежь, еслибъ она не испытывала этого ощущенія боли, хотя въ то же время искренно сожалѣемъ, что она не доискивается причины болѣзни и, слѣпо вѣруя въ иноземныя медицинскія системы, вздумала лѣчиться убійственнымъ ядомъ, называемымъ матеріализмомъ. Дѣло въ томъ, что ученіе матеріалистовъ находится въ совершенномъ противорѣчіи со всѣми благородными инстинктами самой молодежи, со всѣми ея стремленіями и порывами, побуждающими ее искать какого-нибудь выхода изъ того разлада съ жизнью, въ которомъ постоянно изнываетъ ея пылкое и великодушное сердце. Чтобы представить себѣ ученіе матеріалистовъ во всемъ его возмутительномъ безобразіи, нужно только попробовать, хотя въ воображеніи, довести его до крайнихъ логическихъ послѣдствій: матеріализмъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ явится отрицаніемъ всего того, во имя чего такъ горячо и смѣло бросаются въ ряды матеріалистовъ наши юноши, а отчасти и дѣвы! Только непослѣдовательность матеріалистовъ своему ученію въ жизни, только благородная неспособность человѣческой природы выдержать строгую консеквентность этого ученія, неспособность человѣка обратиться въ совершенное животное, можетъ—съ одной стороны—дѣлать сноснымъ присутствіе матеріалистовъ въ обществѣ, а съ другой—удерживать въ рядахъ этой школы столько молодыхъ и, вѣроятно, по большей части, чистыхъ и благородныхъ душъ! Въ самомъ дѣлѣ, читатель, только увѣренность въ томъ, что наши матеріалисты не больше какъ теоретики, что никто изъ носящихъ съ забавною гордостію имя матеріалистовъ не приложитъ своего ученія къ практикѣ,— только эта несомнѣнная увѣренность дѣлаетъ возможными сношенія съ ними—вполнѣ искреннія и свободныя, несмотря на то, что это ученіе отрицаетъ всякое понятіе о добрѣ и

злѣ, уничтожаетъ всякую нравственную вмѣняемость преступнаго дѣйствія и разрѣшаетъ всякій безнравственный поступокъ, если онъ не производитъ въ васъ непріятнаго ощущенія, — чего-то «въ родѣ ощущенія, производимаго тухлой говядиной». Ну, да вѣдь и къ тухлой говядинѣ можно привыкнуть—это дѣло вкуса! Такъ какъ кодексъ правилъ общежитія, которымъ, хотя условно, должны руководствоваться матеріалисты, еще не изданъ, а существующія начала и правила общественной нравственности ими отвергаются, то отношеніе общества къ нимъ было бы очень затруднительно, если бы..... если бы, повторяемъ, они могли быть послѣдовательными, еслибъ могли отдѣлаться отъ тѣхъ нравственныхъ «предразсудковъ», которыми пропитало міръ — такъ безусловно отрицаемое ими христіанство!

Странное ученіе! Сказать, что адептъ матеріализма не послѣдователенъ своему ученію — казалось бы, это должно быть обидно. Попробуйте же объявить матеріалистамъ, что вы *повѣрили*, наконецъ, ихъ полной искренней преданности школѣ матеріализма, что вы признаете, наконецъ, за ними способность явиться вполнѣ консеквентными матеріализму въ жизни, что вы соглашаетесь, наконецъ, счесть ихъ людьми безъ всякихъ нравственныхъ основъ и правилъ, — слѣдовательно безнравственными (ибо понятіе нравственности и грѣха—для матеріалиста не существуетъ): какъ обидятся, какъ еще пуще обидятся наши юные матеріалисты за то самое, что̀ въ сущности должно бы звучать для нихъ комплиментомъ! Но нашими словами наши юные матеріалисты обижаться не могутъ: мы считаемъ ихъ непослѣдовательными, неспособными къ послѣдовательности, и потому въ сущности вполнѣ безвредными. Даже мы желали бы, для излѣченія ихъ отъ матеріализма, нѣкоторой свободы для матеріализма явиться на практикѣ, въ примѣненіи къ жизни... Какъ порѣдѣли бы тогда ряды матеріалистовъ!

Просимъ извиненія у читателей, что, увлекшись нѣсколько въ сторону, мы еще не приступили къ главной задачѣ нашей статьи. Мы хотѣли бы, не касаясь вопроса религіознаго и нравственнаго, указать публикѣ и нашей молодежи на ту опасность, которую представляетъ ученіе матеріализма для общественной свободы, на его родство и тождество

съ деспотизмомъ. *Свобода!* Кому не дорого это слово! Не желаніе ли свободы движетъ сердцами всѣхъ честныхъ людей, не въ особенности ли сильно заставляетъ она биться молодое сердце? И слава Богу! Горе той молодежи, которая не жаждетъ свободы!... *Деспотизмъ!* Кому не ненавистно это слово? Кто изъ деспотовъ не старается снять съ себя упрекъ въ деспотизмѣ? Въ комъ, какъ не въ молодыхъ людяхъ, негодованіе на деспотизмъ доходитъ до печальныхъ крайностей, устремляя ихъ на мученичество и гибель?.. Всѣ эти благородныя движенія человѣческой природы несовмѣстны съ ученіемъ матеріалистовъ, обоготворившимъ матерію и слѣдовательно вещественную, матеріальную силу. Свобода есть понятіе совершенно духовное и зиждется на нравственномъ уваженіи къ человѣческой личности и признаніи за нею нравственныхъ правъ на независимость духовнаго личнаго развитія. Отнимите у людей это нравственное отношеніе другъ къ другу, и какъ бы вы ни хлопотали о механическомъ равновѣсіи эгоизмовъ и частныхъ пользъ, вы никогда не утвердите этого равновѣсія, потому что у васъ не останется другой точки опоры, другаго мѣрила и критеріума, для оцѣнки вреда и пользы, кромѣ «ощущенія» и взаимнаго столкновенія ощущеній. А такъ какъ ощущеніе зависитъ отъ расположенія мозговыхъ шариковъ, мускуловъ и нервъ, то, стало-быть, на этой-то физической основѣ ощущеній построено у матеріалистовъ все зданіе человѣческой свободы! Она, эта свобода, не есть нравственное право, а есть продуктъ взаимнаго матеріальнаго самоограниченія, чего-то въ родѣ физическаго тренія ощущеній другъ отъ друга, въ разныхъ человѣческихъ организмахъ; поэтому каждое ощущеніе можетъ проявляться и дѣйствовать свободно — пока чужое ощущеніе не заставитъ его войти въ свои предѣлы. На этомъ основаніи права каждая матеріальная сила, покуда она сила и не пересилена силою другою. Очевидно, что тѣ, которымъ матеріализмъ вошелъ въ плоть и кровь, обманываютъ себя и другихъ, когда толкуютъ объ общественной и политической свободѣ: въ сущности имъ дѣла нѣтъ и не должно быть дѣла до чужой свободы, а они добиваются только одного—чтобы на мѣсто гнетущей ихъ матеріальной силы, поставить такую же грубую силу своихъ собственныхъ ма-

теріальныхъ ощущеній. *Послѣдовательные* матеріалисты, если только послѣдовательность возможна, должны, въ развитіи своемъ, непремѣнно испытывать сочувствіе со всѣми грубыми матеріальными силами, дѣйствующими въ политической жизни обществъ, и составить со временемъ отличный матеріалъ для полицейскаго контингента всякой деспотической власти. Поставьте во главу управленія человѣка, отвергающаго достоинство духа человѣческаго и нравственное уваженіе къ человѣческой личности, и вы увидите, что онъ явитъ въ себѣ такого деспота, предъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ деспоты древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ. Этому доказательствомъ служитъ, между прочимъ, уже печатно заявленное,—конечно не у насъ, а за границей,—сочувствіе послѣдователей матеріализма (разумѣется, только въ теоріи) съ эпохой Французскаго терроризма и съ пріемами его: гильотиной, нойядой, проскрипціей... Сочувствовать же терроризму значитъ сочувствовать деспотизму или иначе рабству, т. е. употребленію самой грубой физической силы, предъ которою правильно организованная военная и полицейская сила являлась Французамъ какимъ-то благодатнымъ учрежденіемъ, а деспотизмъ Наполеона I—свободой!!! И такъ матеріалистъ, нападая на тираннію, въ сущности послѣдователь того же принципа тиранніи, и послѣдователь самый грубый и опасный, ибо онъ не признаетъ даже и той узды, которая способна сдерживать тирана не-матеріалиста.

Однимъ словомъ, всякій *искренній* матеріалистъ — врагъ свободы, приверженецъ и слуга деспотизма, проповѣдникъ грубаго физическаго насилія. Но какъ же это? развѣ могутъ молодые люди быть врагами свободы, приверженцами и слугами деспотизма, проповѣдывать грубое, физическое насиліе, готовить изъ себя полицейскихъ сбирровъ власти, — какой именно, это рѣшительно все равно?...

Конечно, не могутъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ душѣ нашихъ матеріалистовъ живетъ ненависть къ злу и насилію, естественное влеченіе къ добру и свободѣ! Поборникъ одной изъ самыхъ безобразныхъ теорій въ мірѣ, въ сущности, оказывается у насъ добрякомъ, отличнымъ, простодушнымъ малымъ, готовымъ на самопожертвованіе, и нерѣдко лучшей нравственности, чѣмъ иной проповѣдникъ нравствен-

ности. Все это подтверждаетъ только наши слова, сказанныя выше, что матеріализмъ у насъ въ Россіи только форма, готовая, модная, занесенная изъ-за границы, въ которую легло содержаніе не только не матеріалистическое, но самое идеалистическое; для того же, чтобы достичь этой гармоніи формы съ содержаніемъ, молодые люди всячески клеплятъ сами на себя, сами себя воображаютъ, по теоріи, чуть-чуть не злодѣями, и, къ счастію, все же не могутъ сломить благородства своей человѣческой природы! Оттого такое постоянное противорѣчіе въ ихъ понятіяхъ съ дѣлами, оттого такъ неумѣстны и несправедливы всякія направленныя противъ нихъ преслѣдованія.

Ну, а если и наши матеріалисты сумѣютъ согласовать, хотя отчасти, свое ученіе съ поступками, — что̀ выиграетъ отъ того, на первыхъ же порахъ, наше общество? Да прежде всего—лишеніе свободы слова печатнаго и изустнаго. Извѣстно, что самое высшее нравственное проявленіе свободы состоитъ въ уваженіи чужихъ мнѣній, въ признаніи за каждымъ права имѣть и высказывать свободно свое мнѣніе. Этой свободы не понимали деспоты Французскихъ революцій, со всѣми ихъ gouvernements provisoires, comités de salut public, революціонными и цензурными комитетами, и тому подобными либеральными учрежденіями. Свободы вообще не понимаютъ въ Европѣ нигдѣ, кромѣ Англіи,—но нигдѣ потребность этой свободы такъ живо не ощущается, какъ въ Россіи...

Каково же было наше удивленіе и огорченіе, когда недавно намъ пришлось видѣть посягательство на эту свободу, и со стороны кого?—со стороны поклонниковъ матеріализма, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ юному поколѣнію въ Россіи! Недавно, на одной публичной лекціи, намъ было прочитано письмо, *анонимное* письмо, полученное г. профессоромъ, въ которомъ предъявляется грубое требованіе, чтобы онъ прекратилъ чтеніе публичныхъ лекцій, направленныхъ противъ ученія Германскихъ матеріалистовъ, — съ угрозою, за неисполненіе этого требованія, нанести ему оскорбленіе шиканьемъ и свистками. Эта интимидація обличающая въ то же время въ нашихъ матеріалистахъ сознаніе своей слабости и несостоятельности своего ученія, — разумѣется, не имѣла

успѣха, — но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что молодые матеріалисты, становящіеся на этотъ путь и одобряющіе поступокъ анонима, зарекомендовываютъ себя заранѣе, въ будущемъ, врагами всякой свободы мнѣнія... Эта деспотическая замашка такъ не къ лицу нашимъ молодымъ людямъ, что возможность подобнаго поступка свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторомъ прогрессѣ матеріализма, о томъ, что послѣдній уже начинаетъ входить внутрь, въ самую душу молодаго поколѣнія. Что же готовитъ она намъ впереди? Все наше горе состоитъ именно въ преобладаніи у насъ, въ жизни общественной, элемента внѣшняго принужденія, въ отсутствіи уваженія къ свободѣ личной, къ свободѣ мнѣнія, — и вотъ молодое поколѣніе,—надежда Россіи,—является поборникомъ того же самаго принудительнаго принципа, принципа грубой силы, только въ другой формѣ... Стойте, куда бѣжите вы, молодые люди, образумьтесь, оглянитесь, всмотритесь: *кому* и *чему*, *какой силѣ* вы служите вашею проповѣдью матеріализма, какую бездну роете вы между собой и Русскимъ народомъ!...

О ношеніи народной одежды.

«День», 16-го марта 1863 г.

Кажется, нѣтъ надобности объяснять читателямъ настоящее значеніе статьи г. Залюбовскаго. Вопросъ о ношеніи народной одежды—есть въ наше время *личный* вопросъ для очень многихъ, и Русскіе, надѣвшіе Русское платье, къ сожалѣнію, еще нуждаются, и даже сильно нуждаются, у себя дома, на Руси—въ защитѣ противъ недобросовѣстныхъ намековъ и внушеній, нашептываемыхъ правительству полицейскимъ усердіемъ нѣкоторыхъ quasi-литературныхъ органовъ! Мы не считали себя въ правѣ убавить или прибавить что-либо въ этомъ защитительномъ отзывѣ, — несмотря на его нѣкоторую длинноту и отступленія, — но однакоже хотимъ и сами сказать отъ себя нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

«Голосъ изъ Харькова» пробудилъ въ насъ цѣлый рой дорогихъ и грустныхъ воспоминаній. Такъ странно было намъ

читать эти, давно знакомые доводы, этотъ — сравнительно блѣдный оттискъ той апологіи, которая такъ горячо, такъ страстно-краснорѣчиво, такъ смѣло, честно и громко, раздавалась въ Москвѣ лѣтъ 20 тому назадъ—въ защиту народной одежды. Мы хорошо помнимъ то время, когда одинъ изъ тѣхъ, кого уже нѣтъ, со всѣмъ пыломъ молодости и съ безоглядочной стремительностью убѣжденія, вступилъ въ открытый бой съ условными, узкими понятіями, съ жеманными, заемными приличіями тогдашней нашей «образованной» среды, и къ величайшему скандалу Московскаго моднаго и немоднаго свѣта и солидныхъ людей того времени,—первый надѣлъ — осмѣянную, презрѣнную *настоящую* народную одежду. Это движеніе было внушено К. С. Аксакову не какой-либо заграничной модой на національность, или западнымъ ученіемъ демократизма, — какъ иногда видимъ это нынче,— это движеніе имѣло вполнѣ законный, *историческій*, Русскій характеръ. Оно свидѣтельствовало о томъ, что реакція противъ Петровскаго переворота, «возвратъ къ народности» (какъ выражались тогда), изъ области отвлеченной теоріи уже перешелъ въ жизнь, облекался въ плоть и кровь, нашелъ себѣ провозвѣстниковъ, свершителей, бойцовъ—однимъ словомъ, людей осуществившихъ въ себѣ, въ своей жизни, съ безграничною, едва постижимою для насъ цѣльностью и любовью, этотъ историческій моментъ нашего общественнаго развитія. И какимъ градомъ насмѣшекъ, язвительныхъ упрековъ, брани, ругательствъ встрѣтила въ то время передовыхъ людей этого новаго направленія—Русская, преимущественно Петербургская литература, съ всесильнымъ тогда, въ мнѣніи молодежи, Бѣлинскимъ! Какъ забавенъ кажется теперь Бѣлинскій въ своей неукротимой ярости, вскипавшей въ немъ при одной мысли о Русской *мужицкой* одеждѣ, о «десятипудовыхъ сапожищахъ, вымазанныхъ дегтищемъ!» Какую неистощимую пищу для остроумія тогдашней *либеральной* молодежи представляли Русское народное платье, зипунъ и мурмолка! Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и въ настоящую минуту Петербургъ, въ большей части своихъ представителей, остается вѣренъ своимъ преданіямъ,—и Русская народность по прежнему не переваривается демократическими желудками Русскихъ Санктпетербургскихъ Нѣмцевъ.

Перелистывая сочиненія К. С. Аксакова, мы находимъ въ нихъ, въ стихахъ и прозѣ, въ художественной и ученой формѣ, яркое отраженіе всей жизни тогдашней эпохи, со всѣмъ ея страстнымъ молодымъ трепетомъ, съ ея борьбою, проповѣдью, служеніемъ новому началу и воплощеніемъ его въ дѣйствительность!... Вотъ, между прочимъ, конецъ изъ одного стихотворенія, подъ назнаніемъ «*Онъ*» (т. е. Русскій народъ):

... Одежда древняя съ нимъ вмѣстѣ посмѣянью
И поношенію оставлена лежитъ;
Глядитъ вокругъ: вездѣ чужое одѣянье,
Вездѣ чужой иноплеменный видъ.
Тяжелъ удѣлъ—въ плѣну хилѣть и пресмыкаться,
Хитро измѣны цѣпь на насъ наложена,
Но говорятъ—съ земли онъ началъ подыматься,
И *шапка мурмолка* видна!.

Слава Богу, теперь мы живемъ уже въ другое время, теперь прогрессъ шагнулъ такъ далеко, что ни борода, ни Русское платье не смущаютъ начальства, и борода, по крайней мѣрѣ, уже получила право гражданства въ нашемъ обществѣ даже при Нѣмецкомъ мундирѣ. Но иное было въ ту пору, когда и либеральная литература, и демократствовавшее общество, и мѣстное начальство, всѣ втроемъ, кипѣли негодованіемъ и дружно преслѣдовали, каждое по своему, Славянофиловъ за ношеніе Русской одежды. Пишущій эти строки живо помнитъ утро, когда къ его больному старику-отцу, уже нѣсколько лѣтъ переставшему выѣзжать изъ дому и носившему дома, у себя, ради удобства, Русское платье,— явился однажды полицейскій чиновникъ съ письменнымъ приглашеніемъ дать полиціи подписку: «сбрить имѣющуюся у него бороду и впредь оную не отпускать». К. С. Аксаковъ и Хомяковъ также были *приглашены* и также обязаны были подписками: «Русское народное платье въ публичныхъ мѣстахъ не носить». Мы уже ожидали отъ мѣстнаго начальства распоряженія, воспрещающаго употребленіе и Русскаго народнаго языка въ публичныхъ мѣстахъ, — но, къ счастію, времена перемѣнились.

Можетъ-быть, и теперь найдутся люди, которые съ важностію, почти генеральской, пожимая плечами и съ легкой усмѣшкой, впрочемъ не лишенной снисходительности, ска-

жутъ: «ну да, конечно, увлеченіе извинительно, но стоило ли горячиться и ломать копья изъ-за такого пустяка, какъ одежда!..» На это мы замѣтимъ только, что Петръ Великій, предъ которымъ, безъ сомнѣнія, они же благоговѣютъ, смотрѣлъ на это дѣло иначе и видно придавалъ одеждѣ вовсе не пустяшное значеніе, если ссылалъ въ Сибирь и на рудники портныхъ, шившихъ Русское платье (См. Полн. Собр. Законовъ). Онъ, безъ сомнѣнія, желалъ и стремился обрить и переодѣть по Нѣмецкой модѣ все Русское крестьянство, но благоразумно воздержался отъ такой попытки. Слѣдовательно Русская одежда въ продолженіи полутораста лѣтъ была одежда гонимая, и гонимая не только полиціей, но и «полиціей внѣ полиціи», т. е. государственной *цивилизаціей нашего общества*. Этого одного, кажется, было бы достаточно всякому человѣку съ живымъ чувствомъ своей народности, чтобы наложить на себя одежду—символъ гонимой Русской народности, безъ малѣйшихъ какихъ-либо «заднихъ» и политическихъ цѣлей.—Распространяться объ этомъ считаемъ излишнимъ. Далѣе: нельзя не припомнить отвѣтъ одного боярина (напечатанный, между прочимъ, у Загоскина въ его романѣ), Петру, повелѣвшему боярину обриться: «въ головѣ моей, государь, ты воленъ, но въ бородѣ не воленъ». Другими словами: жизнью моею ты можешь располагать, но носить или не носить бороду—это уже мое неотъемлемое право. И дѣйствительно, только въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ могло проявиться такое притязаніе власти: регламентировать, подъ угрозою казни, дѣло личнаго вкуса. Если тогда не издавали журнала казенныхъ модъ, такъ это только потому, что журналистика была тогда дѣломъ мало распространеннымъ и въ самой Европѣ. Надѣть Русское платье значило, — независимо отъ народнаго значенія одежды, — заявить свое право одѣваться по своему вкусу и усмотрѣнію: это былъ актъ личной свободы,—и въ то же время эмансипаціи отъ гнетущихъ оковъ, наложенныхъ на наше развитіе рабскою подражательностью самого Русскаго общества — такъ деспотически, вещественно и духовно полицействовавшему у насъ Западу!.. Вопросъ заключался даже не въ удобствѣ и общественномъ значеніи одежды, которую надѣли на себя К. С. Аксаковъ, Хомяковъ и другіе, а въ простомъ *правѣ* одѣ-

ваться по своей волѣ и вкусу. Кажется, теперь это *право* (котораго и не подозрѣваютъ современные намъ правовѣды въ Европѣ) уже окончательно признано и правительствомъ и обществомъ; но наши потомки съ трудомъ повѣрятъ, что могъ когда-либо существовать даже вопросъ о подобномъ правѣ.

Впрочемъ, обществомъ оно и до сихъ поръ не совсѣмъ еще признано! Доказательствомъ служитъ статья въ «Вѣстникѣ Зап. и Югозап. Россіи», противъ которой защищается г. Залюбовскій. Можно не носить народной одежды, привыкнувъ къ одеждѣ иностранной,—но нападать на ношеніе народной одежды способенъ только или мундиръ, или фракъ, облекшій самую душу человѣка, такъ сказать — вогнанный внутрь. Развѣ не понимаете вы, нападающіе, что самымъ преслѣдованіемъ одежды, вы возводите ношеніе ея на степень геройскаго подвига и придаете вопросу объ одеждѣ ту важность, которой онъ даже и не заслуживаетъ. Какимъ неразумѣемъ долженъ отличаться тотъ, кто воображаетъ, что «опасныя заднія мысли» надѣнутъ на себя такой яркій ярлыкъ, въ видѣ костюма, обличающаго ихъ присутствіе! Развѣ страшно то, что́ не таится, и напротивъ само, простодушно, отдаетъ себя подъ надзоръ.... общественный!? Отчего такъ безпокоитъ, тревожитъ, дразнитъ васъ видъ зипуна, чумарки, свитки? Оттого, повторяемъ, что сами-то вы вѣчно въ мундирѣ—пожалуй хоть общественномъ! Ношеніе молодыми людьми зипуновъ, чумарокъ и свитокъ доказываетъ только ихъ сочувствіе Великорусской или Малорусской народности, и если вы воображаете себѣ Русское народное платье костюмомъ партіи, такъ похлопочите о томъ, чтобъ народное платье сдѣлалось общимъ для всѣхъ принадлежащихъ къ этой народности, и тогда оно не будетъ исключительною принадлежностію людей непріятнаго вамъ направленія. Да и что́ выражается ношеніемъ народнаго платья? Сочувствіе своей народности, даже во внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Такъ неужели желательно, чтобы *не было* этого сочувствія народности? Кто рѣшится сказать кромѣ Нѣмца, что желательно, напримѣръ, чтобъ Русскій человѣкъ не сочувствовалъ Русской народности? Кто можетъ пожелать, кромѣ Нѣмца, возобновленія гоненій на Русское платье, и но-

выхъ мучениковъ Русской одежды? Мы увѣрены, что авторъ статьи, напечатанной въ «Вѣстникѣ», Нѣмецъ, и только въ этомъ видимъ ему нѣкоторое оправданіе.

Пусть же носятъ Великоруссы—Великорусское, Малоруссы—Малорусское платье, пусть надѣваютъ зипуны, армяки, чумарки, свитки и какую угодно народную одежду. Мы только замѣтимъ молодымъ людямъ, что ради достоинства, ради того серьезнаго значенія, которое имѣетъ одежда народа, ношеніе этой одежды не должно бы быть дѣломъ моды, способной опошливать всякое, доброе само по себѣ, дѣйствіе,—моды—въ свою очередь заимствованной точно также *изъ-за границы*, слѣдовательно не Русской. Народная одежда не должна быть *костюмомъ* или *нарядомъ*, и тѣмъ менѣе *мундиромъ* демократизма. Она должна быть просто народной одеждой, и надѣвающіе ее должны быть проникнуты искреннимъ сочувствіемъ къ самой народности, къ внутреннему ея духу, къ ея нравственнымъ и бытовымъ началамъ, а не къ наружной только ея формѣ. Внѣшность народности не должна ни мало противорѣчить съ тѣмъ содержаніемъ, которое Русскій народъ влагаетъ въ это слово. Но и это замѣчаніе относится только къ самой совѣсти одѣвающихся по Русски, а вовсе не къ *праву* кого бы то ни было воспрещать имъ ношеніе Русской одежды подъ предлогомъ какихъ-то заднихъ мыслей. Да и что̀ за дѣло автору статьи «Вѣстника Западной и Югозападной Россіи» и кому бы то ни было—до мыслей, пока онѣ еще—мысли? Пока мысль не стала общественнымъ дѣйствіемъ—преслѣдовать ее значило бы внести въ наше отечество то начало *инквизиціи*, которому нѣтъ мѣста теперь даже и въ Испаніи... Зачѣмъ же хлопочете вы возсоздать ея темное могущество?

Письма кн. Августина Голицына и Герцена по поводу писемъ Касьянова.

«День», 22-го іюня 1863 г.

Письма г. Касьянова изъ Парижа, помѣщенныя въ нашей газетѣ, обратили на себя особенное вниманіе Русскихъ, пребывающихъ за границею. Этого и хотѣлъ г. Касьяновъ, и

нельзя не сознаться, что онъ удачно попалъ въ цѣль, въ которую мѣтилъ. Наши чужекрайные Русскіе обезпокоились; они хлопочутъ теперь о томъ, какъ бы примирить житье-бытье за границей съ «любовью къ отечеству», съ живымъ участіемъ въ его судьбахъ. Однимъ словомъ, они хотятъ любить Россію—издали, и прослыть любящими ее—не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованіями, не раздѣляя съ Россіей ея бѣдъ и напастей, не подсобляя нести общую ношу.

Они избрали часть весьма благую: пользоваться удобствами чужестраннаго быта и въ то же время не тянуть никакой лямки—ни той, которую тянутъ народы, среди которыхъ они проживаютъ въ качествѣ *гостей*, ни той, которую тянемъ мы всѣ у себя дома... Нѣкоторые Русскіе, человѣкъ 60, представили даже адресъ изъ-за границы, кажется изъ Дрездена, точно такой, какой могъ бы быть присланъ изъ разныхъ захолустьевъ Россіи, изъ Весьегонска, Ветлуги, Уржума. Они даже не сочли нужнымъ и объяснить, что въ настоящую минуту, «чреватую» всякими опасностями для Россіи, они остаются за границею *только* по необходимости,—точно будто пребываніе ихъ въ чужихъ краяхъ дѣло совершенно нормальное и естественное! Не лучшимъ ли,—дѣйствительнымъ, а не голословнымъ,—доказательствомъ ихъ любви къ Россіи было бы возвращеніе домой, къ родному — конечно некомфортабельному и некрасивому—Русскому очагу?.. Объ этомъ адресѣ упоминаетъ и г. Касьяновъ въ своемъ IV письмѣ (изъ Баденъ-Бадена). *) къ сожалѣнію, оставшемся не напечатаннымъ **).

Мы понимаемъ, что Русскіе, поселившіеся въ чужихъ краяхъ на время и не разорвавшіе связей съ Россіей, стараются оправдать въ глазахъ Русскихъ свое отсутствіе изъ Россіи и скрѣпить эти связи—наиболѣе для себя удобнымъ образомъ. Но намъ рѣшительно непонятны притязанія тѣхъ Русскихъ, которые слишкомъ откровенно и явно выдѣлили себя изъ среды Русскаго общества и народа, стали не тайными, а гласными эмигрантами, въ той или другой формѣ явились отступниками Русской народности, нарушили ду-

*) См. „Славянофильство и Западничество“, Т. 2-й, стр. 117.

**) Въ указанномъ 2-мъ томѣ это письмо напечатано по сохранившейся въ бумагахъ Ивана Сергѣевича *корректурѣ*.

ховное общеніе съ Русскимъ народомъ, — намъ непонятны ихъ притязанія считаться Русскими наравнѣ со всѣми нами, пользоваться правомъ нравственнаго гражданства въ Русскомъ обществѣ. Мы получили два возраженія на III письмо Касьянова (помѣщенное въ 19 № «Дня»)—одно отъ князя Августина Голицына (католика по вѣроисповѣданію),— другое отъ издателя «Колокола», А. И. Герцена.

Вотъ письмо князя Голицына:

«Господину издателю «Дня».

Милостивый Государь,

Иванъ Сергѣевичъ.

Въ 19 нумерѣ вашего многоуважаемаго журнала вы помѣстили письмо изъ Парижа, въ которомъ г. Касьяновъ увѣряетъ, что Русскіе за границей, не со многими исключеніями, выказались до сихъ поръ Европейцамъ пустотой, отступничествомъ, измѣной, и между этими Русскими вашъ почтенный корреспондентъ считаетъ отца Шувалова, который уже третій годъ въ могилѣ, всѣхъ Русскихъ, обратившихся къ католической вѣрѣ, которые такимъ поступкомъ, столь вреднымъ для матеріальныхъ интересовъ ихъ, не только не измѣнили вѣрѣ ихъ предковъ, но напротивъ возвратились къ первобытной ея цѣлости и чистотѣ, какъ свидѣтельствуетъ сама исторія.

«Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, милостивый государь, что Русскіе католики, «стриженые и нестриженые», желая единственно свободы совѣсти, никогда не подавали руки ненавидящимъ Русской народъ и желающимъ его погибели. Жестоко ошибается г. Касьяновъ, считавши ихъ клеветниками Россіи: какъ и вы, они готовы, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отстоять во что́ бы ни стало единство и цѣльность Россіи. Если бы я раздѣлялъ съ Поляками несбыточныя мечты ихъ, то они не нападали бы на меня, какъ они дѣлаютъ. Я совершенно равнодушенъ къ ихъ ударамъ; но вы позвольте мнѣ быть менѣе равнодушнымъ къ тѣмъ, которые наносятъ мнѣ изъ Москвы. Я не сомнѣваюсь, что безпристрастіе, которымъ всегда отличался «День», побудитъ васъ, милостивый государь, принять отъ меня настоящія строки, какъ протестъ противъ оскорбительнаго утвержденія вашего Парижскаго корреспондента. Въ надеждѣ, что вы не отка-

жете дать мѣсто этому письму въ вашемъ журналѣ, прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

«Кн. Августинъ Голицынъ».

Версаль.
(13) 1 Іюня.

Мы охотно даемъ мѣсто письму кн. Голицына. Оно всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ фальшивомъ положеніи, въ которомъ находятся Русскіе, отрекшіеся отъ вѣры Русскаго народа, о той—да проститъ намъ князь Голицынъ это выраженіе—путаницѣ понятій, которая становится ихъ неизбѣжнымъ удѣломъ. Мы не сомнѣваемся, что князь Голицынъ и другіе Русскіе, совращаясь въ латинство, поступали совершенно искренно и безкорыстно; мало того, они понесли значительный ущербъ въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, чтобы только согласить свою жизнь съ своимъ убѣжденіемъ. Мы, такъ же какъ они, желали бы полной свободы совѣсти въ Россіи для каждаго. Но едвали *искренность* заблужденія можетъ всегда служить оправданіемъ заблудившемуся человѣку: самая способность впасть въ заблужденіе можетъ и должна быть поставлена ему въ вину, особенно при такой обстановкѣ, которая уже сама служитъ человѣку надежной оградой.—Хлысты, скопцы, мормоны, морельщики, всѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, также искренни, также твердо вѣруютъ въ свои различные фокусъ-покусы спасенія, какъ и князь Голицынъ въ Римскаго папу, и въ равной степени заслуживаютъ наше сожалѣніе. Если для того, чтобы искренно увлечься хлыстовщиной или мормонствомъ, нужна извѣстная доля невѣжества, грубости ума, тупости нравственнаго чувства, то для перехода въ латинство Русскому, кромѣ недостатка православнаго воспитанія, требуется еще значительная доля—*нерусскости*, т. е. бытовой и духовной отчужденности отъ Русскаго народа и Русской народности. Русскій католикъ—не Русскій; онъ можетъ быть вѣрнымъ Россійскимъ подданнымъ, можетъ быть преданъ Россійской имперіи, но онъ не можетъ быть участникомъ духовной жизни Русскаго народа, которая не отдѣлима отъ его народности, отъ его бытовой и гражданской жизни, отъ его соціальныхъ идеаловъ

и историческихъ стремленій. Вообще намъ всегда казалось страннымъ понятіе, что вѣра сама по себѣ, а національность тоже сама по себѣ. Не можемъ не вспомнить при этомъ словъ одного писателя: «Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что вѣра ограничивается простымъ исповѣданіемъ, или обрядами, или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Нѣтъ, вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему: она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ бы лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало, какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому вѣра есть также высшее *общественное* начало; ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними». И такъ, вѣра есть высшее *общественное* и высшее *просвѣтительное* начало, проникающее во всѣ изгибы народнаго бытія, опредѣляющее духовное развитіе народа, его нравственную личность, его путь въ исторіи. Таковымъ общественнымъ и просвѣтительнымъ началомъ Русскаго народа является православіе. Русскій совращающійся въ латинство, отметая православіе, *отметаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Русское общественное и просвѣтительное начало*. Что же остается затѣмъ у Русскаго, изъ его Русской народности, *внѣ* этихъ началъ, имъ отвергаемыхъ? Что даетъ ему право называться Русскимъ? Языкъ, физіологическіе признаки Русской породы? Но развѣ этого достаточно? Князь Голицынъ, рѣшившійся, чрезъ перемѣну вѣры, разорвать свое единство съ православною Русью, доказалъ этимъ, какое огромное значеніе даетъ онъ духовной сторонѣ человѣка, слѣдовательно и цѣлаго народа, и конечно не можетъ довольствоваться такимъ узкимъ, внѣшнимъ, матеріалистическимъ пониманіемъ народности. Съ точки зрѣнія невѣрующаго — вѣроисповѣданіе дѣло совершенно безразличное для народа. «Не все ли это равно, помилуйте, въ нашъ XIX вѣкъ, кто смотритъ на религію? мы одной расы» — вотъ что обыкновенно возражали намъ плохіе католики-Хорваты, когда мы имъ указывали на

различіе между православными и католическими Славянами. Но князь Голицынъ, слишкомъ искренно-вѣрующій человѣкъ, и не имѣетъ права прибѣгать къ подобному аргументу. Для него религія не «все равно», не безразличное дѣло, а стихія, обхватывающая все существо человѣка: слѣдовательно, отступивъ отъ религіи своего народа, онъ, стало-быть, разорвалъ связь и со всѣмъ тѣмъ, что обязано своимъ бытіемъ этой религіи, что выразило въ себѣ ея начала, что проникло ею, — то есть разорвалъ связь съ Русской народностью, развившеюся и сложившеюся подъ вліяніемъ и въ духѣ православія. Поэтому г. Касьяновъ имѣлъ полное право назвать Русскихъ, совратившихся въ латинство, отступниками своей вѣры и народности.

Для латинца-католика духовное отечество—Римъ, а Римъ не только извѣстная мѣстность, а цѣлое всемірно-историческое начало, опредѣлившее судьбу и цивилизацію Западно-Европейскихъ, Романскихъ и Германскихъ народовъ. Славянскій міръ не причастенъ судьбамъ Романо-Германскаго міра, имѣетъ свое призваніе въ исторіи. Всякій Славянинъ, признавшій Римъ своимъ духовнымъ отечествомъ и авторитетомъ, тѣмъ самымъ отрекается отъ вѣры въ собственное призваніе Славянскаго міра и подчиняетъ Славянскую самобытность авторитету Рима, слѣдовательно авторитету общественнаго и просвѣтительнаго начала Романо-Германскихъ народовъ. Кажется, это ясно. Повторяемъ — *Русскій* латинецъ или католикъ—не мыслимъ: или онъ не истинно Русскій по духу, или онъ плохой католикъ. Но искреннее, живое чувство Русской народности и латинское усердіе—несовмѣстимы: одно исключаетъ другое.

Что князь Голицынъ «добрый католикъ», это доказывается его увѣреніемъ, что Русскіе, принявшіе латинство, «не измѣнили вѣрѣ предковъ, но напротивъ *возвратились къ первобытной ея цѣлости и чистотѣ, какъ свидѣтельствуетъ сама исторія»!!!* Что сказать на это? Только латинство дѣлаетъ возможнымъ такое самообольщеніе, такое простодушное извращеніе исторической истины! Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, будто вѣра нашихъ Русскихъ предковъ признавала Римскаго папу главою церкви и непогрѣшимымъ, и что, совращаясь въ латинство, мы сохраняемъ въ цѣлости

Восточное преданіе вѣры?!! Возражать на такую явную несообразность мы считаемъ излишнимъ.

Князь Голицынъ увѣряетъ, что Русскіе католики никогда не подавали руки ненавидящимъ Русскій народъ и желающимъ его погибели. Да кто же теперь съ большею ненавистью и свирѣпостью дѣйствуетъ противъ Россіи, какъ не католическое духовенство? Кто, какъ не іезуиты въ Польшѣ, употребляли всевозможныя ухищренія обезнародить Русской народъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и раздавить, стереть съ лица земли православіе? Читали ли вы, князь, произведенія іезуитской литературы — «проектъ ксендза, 1717 года» и Польскій катихизисъ», духъ которыхъ живъ, проявляется и теперь во всей силѣ? Если вы не подаете руки ненавидящимъ насъ, такъ зачѣмъ же вы не протестуете противъ дѣйствій католическаго духовенства въ Польшѣ и въ Западно-Русскомъ краѣ, — дѣйствій, возбудившихъ мятежъ и кровопролитіе въ Польшѣ, распалившихъ и распаляющихъ народныя страсти, и клонящихся къ отторженію части Русскаго народа и Русскихъ областей отъ Россіи? Иначе мы въ правѣ вамъ и не повѣрить: безъ этого протеста останется безсиленъ вашъ «протестъ противъ оскорбительнаго, будто бы, утвержденія нашего Парижскаго корреспондента». Все нравственное право Польскихъ притязаній на древнія Русскія области заключается именно въ томъ, что высшій классъ туземнаго общества отрекся отъ вѣры и народности Русскаго населенія этихъ областей, — т. е. окатоличился и потому ополячился: тамъ даже нѣтъ другаго основанія для различія двухъ народностей, какъ вѣроисповѣданіе: Бѣлоруссъ-католикъ — Полякъ; Бѣлоруссъ православный — Русскій, и это дѣленіе совершенно вѣрно. Вы, князь, какъ ревностный католикъ, должны желать, чтобы и весь Русскій народъ въ этомъ спорномъ краѣ окатоличился, слѣдовательно — вы за одно противъ Русскаго народа съ Поляками, и если Поляки, какъ вы говорите, на васъ нападаютъ, такъ это потому только, что вы не довели вашей мысли до ея логическаго послѣдствія, или что проснувшееся непосредственное Русское чувство заглушаетъ въ васъ чувство усерднаго и послушнаго католика. Дай Богъ, чтобъ это послѣднее предположеніе было вѣрно, чтобъ освѣтилась для васъ вся не-

совмѣстимость католицизма съ Русскою народностью, вся безвыходность дилеммы, въ которую вы поставлены, отрекшись отъ вѣроисповѣданія Русскаго народа.

Теперь обратимся къ другому письму. Вотъ оно:

«Г. редактору Дня».

Милостивый государь!

«Въ 19 № «Дня» вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня лично знаетъ, но котораго я вовсе не знаю. Г. Касьяновъ вѣроятно безъ большихъ слезъ оплакиваетъ меня и, можетъ безъ дурнаго намѣренія клевещетъ на Бакунина. Отвѣтъ мой впереди—имъ я не буду безпокоить вашъ «День»—но позвольте мнѣ вступиться за отсутствующаго и просить васъ о помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ.

«Напечатать ихъ вы можете. Я увѣренъ, что вы не рѣшились бы воспользоваться начальническимъ разрѣшеніемъ обвинять насъ—не испросивъ предварительно дозволенія напечатать нашъ отвѣтъ. Сверхъ того, зная скромные размѣры отечественной цензуры—я сокращусь до невозможности.

«Бакунинъ никогда не предводительствовалъ никакимъ Польскимъ отрядомъ и *никогда не имѣлъ намѣренія* предводительствовать. Его поѣздка имѣла совсѣмъ другую цѣль. Я не слыхалъ (а кажется могъ бы) ни о какомъ участіи его въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр. и увѣренъ, что онъ не участвовалъ. «Положительно извѣстно, говоритъ г. Касьяновъ, что Бакунинъ въ Швеціи *торжественно* обѣщаетъ Шведамъ отъ имени Россіи (вы сами не выдержали и поставили тутъ два восклицательныхъ знака) Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ — прибавку нѣсколькихъ Русскихъ провинцій. Что это такое—продолжаетъ г. Касьяновъ—*развѣ не измѣна?...*

«Нѣтъ, гораздо проще—*это неправда*. Позвольте, почтенный сотоварищъ, надѣяться, что вы не откажете въ просьбѣ

«Уважающаго васъ издателя «Колокола»,

А. Герценъ».

10 іюня 1863 г.
London.

«P. S. За особенное одолженіе сочту, если вы примете на себя трудъ прислать экземпляръ вашего журнала, въ которомъ будетъ помѣщено это письмо. А. Г.»

Желаніе г. Герцена исполнено: письмо его помѣщено. Но намъ непонятно, почему, владѣя такимъ орудіемъ публичнаго слова, какъ «Колоколъ», проникающій въ самые сокровенные углы Россіи, обаятельно дѣйствующій на массу молодыхъ читателей и пряностью рѣчи и скандальностью сплетней о Русскомъ правительствѣ и Русскомъ обществѣ, и главное — прелестью запрещеннаго плода, — почему г. Герценъ пожелалъ отвѣчать г. Касьянову не въ «Колоколѣ», а въ газетѣ, издающейся въ Россіи? Если онъ думаетъ, что читатели «Дня» не читаютъ «Колокола», то это еще не даетъ ему права отрицать въ Московской газетѣ то, что̀ напротивъ рѣзко подтверждается каждымъ № его Лондонской газеты, и увѣрять читателей «Дня» въ гражданской непорочности Бакунина, — который, нисколько не заботясь объ оправданіи, продолжаетъ самъ себя обличать въ преступленіи своими публичными дѣйствіями и рѣчами — равняющимися обвинительнымъ актамъ. Мы полагаемъ, что г. Герценъ, поставленный въ неловкое отношеніе къ своему пріятелю словами г. Касьянова, отдѣлившаго такою рѣзкою чертою г. Герцена отъ Бакунина (не къ выгодѣ послѣдняго), захотѣлъ просто очистить совѣсть и исполнить долгъ пріязни и солидарности — протестомъ, который, своимъ слабымъ, голословнымъ отрицаніемъ, нисколько не упраздняетъ обвиненій г. Касьянова и въ свою очередь опровергается очевидными фактами.

Г. Герценъ утверждаетъ, что «Бакунинъ никогда не предводительствовалъ Польскимъ отрядомъ, и что его поѣздка въ Швецію имѣла другую цѣль». Изъ Англіи отправляется пароходъ, нагруженный оружіемъ и цѣлымъ Польскимъ отрядомъ для высадки на Русскомъ берегѣ. Всѣмъ извѣстно, что пароходъ попалъ въ Швецію случайно, вслѣдствіе отказа Англійскаго шкипера продолжать плаваніе до Либавы. Съ этимъ же отрядомъ находился на пароходѣ, по увѣренію всѣхъ газетъ, и Бакунинъ. Этотъ опытный революціонеръ, мастеръ революціоннаго дѣла, не можетъ играть второстепенную роль въ предпріятіяхъ подобнаго рода; въ этомъ и самъ г. Герценъ отдастъ ему справедливость, и если даже онъ не былъ

предводителемъ въ смыслѣ военачальника, то безъ сомнѣнія былъ коноводомъ этого сброда подмастерьевъ и работниковъ революціи, набранныхъ отовсюду «главами движенія» для святой цѣли—пролитія Русской крови!

Но г. Герценъ, признавая вѣроятно слишкомъ тяжелымъ обвиненіе Бакунина въ предводительствованіи шайкою, увѣряетъ, что Бакунинъ, отправляясь въ Швецію, имѣлъ «совсѣмъ другую цѣль». Дѣйствительно, онъ остался въ Швеціи, когда послѣ долгой стоянки экспедиція Лапинскаго попыталась вновь пробраться къ Курляндскому берегу, но завидѣвъ крейсеровъ и сославшись на бурю, возвратилась въ Швецію. Что же дѣлалъ Бакунинъ въ Стокгольмѣ? Какая же это цѣль, которую г. Герценъ считаетъ какъ будто выше и чище предводительствованія Польскимъ отрядомъ? Не ботаническія же экскурсіи въ отечествѣ Линнея? Нѣтъ, онъ *агитировалъ*, возбуждалъ Шведскихъ демократовъ и вмѣстѣ съ Чарторижскимъ, настраивалъ общественное мнѣніе къ войнѣ съ Россіей, насылалъ опустошеніе и гибель въ предѣлы Русской земли, кровопролитіе и смерть Русскому войску, Русскому народу. Если войны Швеціи съ Россіей не состоялось, такъ въ этомъ Бакунинъ конечно не виноватъ, и дѣйствія его нисколько оттого не теряютъ своего значенія. Чья правдивая совѣсть можетъ признать такой способъ дѣйствія *менѣе* преступнымъ, чѣмъ предводительствованіе шайкой?... Г. Герценъ такъ безсиленъ въ защитѣ Бакунина, что даетъ нѣкоторый поводъ предполагать внутреннее противорѣчіе его совѣсти съ словами. Не ясно ли, что предводительствованіе *чище* уже тѣмъ, что предводитель подвергается опасности и рискуетъ жизнью, тогда какъ агитаціи и махинаціи въ Стокгольмѣ безопасны и комфортабельны: можно пить и ѣсть на чужой счетъ, снова гремѣть въ Европѣ своими рѣчами, распалять самую злую ненависть къ Россіи (притомъ дѣлая оговорку въ пользу Русскаго народа, оговорку, въ которую и самъ не вѣришь!), можно расточать чужую кровь, не расходуя своей ни капли! Всякій успѣхъ Бакунинской агитаціи, всякій лишній повстанецъ, доставленный имъ Польскимъ шайкамъ, дѣлаетъ его солидарнымъ съ Польскимъ знаменемъ, со всѣми злодѣйствами Поляковъ, кладетъ на него отвѣтственность за пролитую кровь Русскаго народа. Эта кровь ложится на

голову и ему и г. Герцену, если онъ объявляетъ себя за одно съ Бакунинымъ, — хотя бы оба они и не принимали участія собственнымъ тѣломъ въ битвѣ!

Г. Герценъ увѣряетъ, что Бакунинъ «не участвовалъ въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр.» Что̀ это? Читаешь и не вѣришь! Видно, что г. Герценъ не только революціонеръ, но и политикъ, и что его революціонная политика разрѣшаетъ ему самую явную неправду. Не только Бакунинъ, но и самъ г. Герценъ положительно участвуютъ въ прокламаціяхъ. Въ «Колоколѣ» было возвѣщено о солидарности Герценскаго кружка съ «національнымъ комитетомъ *Земля и Воля*», а этотъ комитетъ дѣйствуетъ посредствомъ подметныхъ прокламацій, лживыхъ манифестовъ и проч. и проч. Мы сами видѣли одну изъ прокламацій за зеленою печатью комитета, именно ту, въ которой комитетъ заявляетъ о своей связи съ редакціей «Колокола». Наконецъ, объ этой же связи и солидарности своей съ комитетомъ торжественно возвѣстилъ и самъ Бакунинъ, какъ увидятъ читатели ниже. Объявлять свою солидарность съ фабрикой подложныхъ манифестовъ и прокламацій, значитъ принять на себя отвѣтственность за всѣ ея дѣйствія. Какимъ же образомъ г. Герценъ старается *убѣлить* своего пріятеля отъ ложнаго будто бы обвиненія — участія въ прокламаціяхъ? И съ какою цѣлью? Признаетъ ли онъ такое участіе дѣломъ чернымъ,— такъ зачѣмъ же самъ въ немъ участвуетъ и допускаетъ участвовать Бакунина? А когда они оба участвуютъ, такъ къ чему же эта попытка укрыться отъ обвиненія?... Это что-то новое въ дѣятельности г. Герцена. До сихъ поръ она, какова бы ни была, отличалась прямотой и откровенностью. Но революціонная политика заставила г. Герцена сдѣлать и не такую уступку...

Именно — уступку Польскимъ притязаніямъ на древнія Русскія области. Поляки подняли знамя, на которомъ ярко выставили: возстановленіе Польши въ границахъ 1771 года. Феликсъ, о связи котораго съ Бакунинымъ читатели прочтутъ ниже, издалъ, какъ гласятъ благопріятныя ему Шведскія газеты, программу Польскаго возстанія въ томъ же смыслѣ. Поляки съ своей стороны уступокъ не дѣлаютъ, но Герценъ и Бакунинъ стоятъ тѣмъ не менѣе подъ Польскимъ знаме-

немъ и ратуютъ за Польское дѣло,—ни разу не протестовавъ противъ Польскихъ притязаній. Эти притязанія Поляковъ—не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ — выразились въ покушеніяхъ произвести возстаніе въ Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи,—захватить себѣ Русскія области! Поляки объявляютъ православіе упраздненнымъ и навязываютъ народу замаскированное латинство подъ именемъ уніи: г. Герценъ и Бакунинъ не протестуютъ! Поляки возстановляютъ старинное дѣленіе Польскаго государства, назначаютъ Поляковъ «Русскими» воеводами, обнаруживаютъ явное намѣреніе ополячить Русской народъ: Герценъ и Бакунинъ не протестуютъ.... Поляки совершаютъ неслыханныя жестокости надъ Русскими солдатами, священниками и крестьянами: Герценъ и Бакунинъ не протестуютъ... Русскіе крестьяне возстаютъ противъ дерзкихъ замысловъ Польской шляхты, бьютъ повстанцевъ, вяжутъ помѣщиковъ... Герценъ и Бакунинъ протестуютъ!! Протестуютъ противъ храброй защиты солдатъ, противъ народнаго возстанія, свергающаго деспотическое Польское иго; протестуютъ, — заявляя вѣрноподданническую преданность Польскому знамени, т. е. Польской шляхтѣ и латинскимъ ксендзамъ — своимъ новымъ вождямъ и союзникамъ!

О томъ, что Бакунинъ обѣщалъ отъ имени Россіи Шведамъ Финляндію, а Полякамъ Русскія области, мы читали сами въ иностранныхъ газетахъ, да и можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда Бакунинъ продолжительно хлопоталъ о возбужденіи Шведовъ къ войнѣ съ Россіей? Какая другая цѣль войны можетъ быть для Шведовъ, кромѣ возвращенія Финляндіи!?... Что же касается до Поляковъ, то сказаннаго выше — достаточно, чтобы убѣдиться насколько справедливо отрицательство г. Герцена! Мы не хуже его знаемъ, что союзъ съ Поляками можетъ быть купленъ только согласіемъ на уступку Русскихъ областей, и хотя Бакунинъ и объявлялъ прежде о необходимости рѣшить этотъ вопросъ спросомъ самого народа,—однако же положительное молчаніе г. Герцена и Бакунина при возглашеніи Поляками ихъ притязаній и при ихъ попыткахъ къ насильственному захвату, отсутствіе всякаго протеста съ ихъ стороны, негодованіе ихъ на Русскихъ крестьянъ, возставшихъ за свою свободу

противъ Польскихъ пановъ, и соболѣзнованіе объ участи Польскихъ пановъ, желавшихъ господствовать надъ Русскимъ народомъ,—все это только еще въ сильнѣйшей степени подтверждаетъ истину словъ г. Касьянова!

Но такія сдѣлки съ совѣстью не проходятъ безнаказанно. Г. Герценъ уже казнится за нихъ паденіемъ своего авторитета въ умахъ Русскаго молодаго поколѣнія,—своимъ собственнымъ личнымъ паденіемъ, обнаруживаемымъ послѣдними №№ его «Колокола». Въ 158 №, за мартъ мѣсяцъ, онъ съ дикою яростью называетъ Русскихъ солдатъ: «зажигателями, разбойниками, непризнающими *права собственности*, шайкою пьяныхъ убійцъ, одичалыхъ грабителей, звѣрей» и проч. и проч., собираетъ тщательно и помѣщаетъ съ аккуратностью всякіе невыгодные для Русскаго войска слухи, а также и разныя донесенія къ нему отъ Русскихъ офицеровъ (вѣроятно Польскаго происхожденія) о томъ, что какой-нибудь солдатъ укралъ изъ костела чашу и продалъ ее за 15 руб., приходитъ отъ этого въ ужасъ, разражается ругательствами, и на другой же страницѣ оправдываетъ звѣрскій поступокъ Поляковъ съ жандармскимъ капитаномъ Гроуэртомъ! («Война безъ убійствъ не бываетъ», говоритъ онъ въ другомъ № въ извиненіе Польскихъ злодѣйствъ!) Тутъ же печатаетъ онъ съ сочувствіемъ письмо какой-то помѣшанной Украинки, взывающей къ Украинцамъ: не защищать Украйны отъ Поляковъ!!!

До какого паденія, до какого разрыва съ Русскимъ народомъ долженъ дойти человѣкъ, до какой степени запутаться умственно и нравственно, чтобы съ паѳосомъ возглашать такія рѣчи и ждать отъ нихъ дѣйствія на Русскій народъ! Не негодованіе даже, а глубокое сожалѣніе о г. Герценѣ возбудило въ насъ чтеніе этого № «Колокола». Мы раздѣляли надежды г. Касьянова относительно г. Герцена... Неужели мы должны отъ нихъ отказаться?

Въ окончательное опроверженіе «отвѣта» г. Касьянову отъ г. Герцена и его защиты Бакунина, помѣщаемъ вполнѣ статью *Аугсбургской* «Всеобщей Газеты», частью уже напечатанную въ «Инвалидѣ».

Бакунинъ по поводу революціонной партіи въ Россіи.

„Извѣстный Русскій бѣглецъ Михаилъ Бакунинъ высказался подробно въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Стокгольмскихъ газетахъ, о планахъ и дѣйствіяхъ революціонной партіи въ Россіи и при томъ далъ много такихъ объясненій, которыя будутъ не безъ интереса и для Нѣмецкихъ читателей. Но ненадобно забывать, что тутъ говоритъ фанатикъ-бѣглецъ, слова котораго должно всегда принимать съ осторожностью *).

„По свѣдѣніямъ, имъ сообщаемымъ, революціонный заговоръ въ Польшѣ. а также и заговоръ между Русскими офицерами (?!) начался около двухъ лѣтъ тому назадъ. Въ то время, какъ Русскіе солдаты били и оскорбляли, по приказанію начальства, безоружныхъ людей въ церквахъ, возникъ (?) Польскій заговоръ. Двѣнадцать молодыхъ людей „безъ имени, безъ положенія и имущества, но полные душевной силы, вѣры и того святаго огня, который составляетъ единственную дѣйствительную силу возрожденія несчастныхъ народовъ", составили въ 1861 г. зерно той могущественной организаціи, черезъ посредство которой національное правленіе владѣетъ въ настоящее время Польшей. Тогда же одновременно образовался, и даже въ самой Варшавѣ, тайный Русскій военный комитетъ. Онъ состоялъ изъ Русскихъ офицеровъ, приходившихъ въ отчаяніе и стыдившихся той роли, которую Русское правительство заставляло ихъ разыгрывать въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признававшихъ справедливость Польскаго дѣла, такъ же какъ и тѣсное соединеніе съ нимъ дѣла освобожденія въ Россіи. Офицеры вскорѣ соединились съ небольшимъ, но сильнымъ по вліянію кружкомъ, которому органомъ служитъ „Колоколъ" Герцена, и оба вмѣстѣ заключили тогда союзъ съ Польскимъ центральнымъ комитетомъ въ Варшавѣ **), союзъ, который потомъ позднѣе былъ формально ратификованъ центральнымъ комитетомъ тайнаго Русскаго національнаго общества въ Петербургѣ: „Земля и Воля". Это общество, состоящее изъ военныхъ, помѣщиковъ, духовныхъ, служащихъ и множества лицъ

*) Это предостерегаетъ своихъ читателей Нѣмецъ. Наглость лжеизверженія г. Бакунина до такой степени очевидна, что Русскіе читатели ни въ какомъ предостереженіи и не нуждаются. *Ред.*

**) Котораго знамя: возстановленіе Польши съ отторженіемъ Русскихъ областей и ополяченіе Русскаго народа! Вотъ съ чѣмъ заключенъ союзъ г. Бакунинымъ по собственному его сознанію! А г. Герценъ еще отрицаетъ слова Касьянова! *Ред.*

средняго сословія (?!), распространяется въ настоящее время уже по всей Россіи, и имѣетъ весьма опредѣленную политическую и соціальную программу. Русскій союзъ офицеровъ въ Варшавѣ вскорѣ насчитывалъ до 300 членовъ *), которые всѣ вмѣстѣ ревностно старались распространить пропаганду между Русскими солдатами. Этимъ усиліямъ однако слишкомъ рано былъ положенъ конецъ. Солдаты только что начали склонять слухъ къ представленіямъ офицеровъ, какъ Русское правительство наборомъ вызвало возстаніе прежде времени. Одинъ отрядъ Русскихъ солдатъ присягнулъ однако въ первые дни Польскаго возстанія революціонному Русскому знамени, носящему надпись: „Земля и Воля“, но обманутый ложными слухами, которые Русское правительство сумѣло распространить объ мнимыхъ жестокостяхъ Польскихъ инсургентовъ противъ Русскихъ солдатъ, измѣнилъ скоро опять свой взглядъ и обратился, такъ же какъ и другіе, противъ Поляковъ (?!!). Русское Правительство употребило еще другое средство, для того чтобъ дѣйствовать на солдатъ: оно обратилось къ его самымъ дурнымъ страстямъ, и не только допустило солдатъ грабить, жечь, бесчестить и убивать, но и прямо побуждало ихъ на подобные поступки **). Это ужасное средство послужило между тѣмъ къ сильнѣйшему распространенію возстанія между всѣми классами общества въ Польшѣ и возбудило одновременно раздраженіе за границей; съ другой стороны оно произвело ослабленіе дисциплины между Русскими солдатами, такъ что эти послѣдніе иногда обращаютъ дула своихъ ружей противъ своихъ собственныхъ офицеровъ (?!!), когда эти, особенно самые молодые изъ нихъ, стараются ихъ обуздать. Ежедневно, говоритъ Бакунинъ, переходятъ Русскіе офицеры къ Полякамъ (?), ибо между Русскими распространяется все болѣе и болѣе убѣжденіе, что дѣло идетъ не о національной войнѣ, а борьбѣ человѣчности и свободы противъ тираніи ***). На

*) Развѣ 3-хъ? Впрочемъ офицеры Русской арміи уже протестовали противъ клеветы такъ обильно на нихъ расточаемой. *Ред.*

**) Напротивъ, Русское военное начальство въ Польшѣ подвергается всеобщему упреку въ излишней и неумѣстной деликатности съ людьми, стоившими Русскому народу столько жертвъ, столько Русской крови. Да и самъ Бакунинъ не вѣритъ своимъ словамъ, и самъ по себѣ знаетъ, какъ велико благодушіе нынѣшняго правительства.

***) Дѣйствительно противъ тираніи—тираніи Польскаго шляхетства и латинства надъ Русскимъ народомъ и вообще надъ Славянской стихіей. *Ред.*

банкетѣ, данномъ недавно въ честь Бакунина въ Стокгольмѣ, Феликсъ, секретарь Дементовича, только что возвратившійся изъ поѣздки въ Варшаву по тайному порученію къ центральному комитету, назвалъ многихъ Русскихъ офицеровъ, перешедшихъ къ Полякамъ при Зарѣ, Бѣлостокѣ, Люблинѣ, Конинѣ и Кутно, особенно превозносилъ онъ между ними Александра Потебня, о которомъ и Бакунинъ отзывался съ величайшимъ восторгомъ; этотъ офицеръ основалъ офицерскій комитетъ въ Варшавѣ и союзъ „Земля и Воля". Онъ палъ въ стычкѣ при Скалѣ во главѣ Польскихъ косиньеровъ. Изъ двѣнадцати основавшихъ Польской заговоръ и первый тайный комитетъ, ни одинъ, какъ уже сообщалъ прежде Феликсъ, не остался въ живыхъ; они всѣ, одинъ при томъ, другой при другомъ случаѣ, попали въ руки Русскаго правительства. Но ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ тайнѣ ни въ одномъ словѣ; они погибли, но Русское правительство и не подозрѣвало, какое мѣсто занимали они въ заговорѣ".

Эта рѣчь Бакунина — страшный обвинительный актъ на него и на г. Герцена предъ лицомъ всего Русскаго народа.— актъ, предъ которымъ блѣднѣютъ обвиненія г. Касьянова: а попытка г. Герцена оправдать Бакунина — является жалкою и ненужною.... недобросовѣстностью, чтобы не сказать хуже. Бѣдный г. Герценъ!

Въ заключеніе скажемъ, что г. Герценъ, точно, не знаетъ г. Касьянова подъ этимъ именемъ, потому что это имя псевдонимъ. Что же касается до «начальническаго разрѣшенія обвинять его и Бакунина», то г. Герценъ и Бакунинъ, ставши явно въ ряды противниковъ Русскаго народа и приявъ участіе въ настоящемъ кровопролитіи, сами дали разрѣшеніе обвинять ихъ, безъ всякаго на то оффиціальнаго дозволенія. Никому и въ голову не придетъ спрашивать или давать разрѣшеніе—чтобы обвинить Лангевича, Свѣнторжецкаго, Чарторижскаго и имъ подобныхъ. Точно такъ же никому и въ голову не придетъ заботиться о томъ, можно ли будетъ помѣстить возраженіе Лангевича, Свѣнторжецкаго и другихъ «бандитовъ»,—когда имъ открыто поле всей Европейской журналистики и страницы всесвѣтнаго Русскаго,— не знающаго, какъ мы, стѣсненій цензуры, слѣдовательно *привилегированнаго* журнала, — многопрославленнаго «Колокола».

Исторія одного госпиталя.

«День», 14-го декабря 1863 г.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, жилъ-былъ —военный госпиталь, что̀ говорится, процвѣталъ. Больныхъ въ приходѣ было очень много, и больные мерли исправно и быстро, но память объ нихъ не вдругъ умирала, и еще долго послѣ смерти они продолжали жить въ расходныхъ книгахъ аптекаря и эконома,—даже нерѣдко, по предписанію доктора, переводились въ разрядъ «слабосильныхъ»,— т. е. требующихъ для себя пищи болѣе укрѣпительной—болѣе цѣнной. Отчетность производилась въ отличномъ порядкѣ; въ реестрахъ, вѣдомостяхъ, ежедневныхъ табличкахъ и рапортичкахъ, «порціи» больнымъ, кому слабыя, кому крѣпкія, кому половинныя, кому полныя, расписывались съ удивительною аккуратностью,— лѣкарства назначались частехонько самыя дорогія, и все свидѣтельствовало о томъ, что начальство не щадило денежныхъ средствъ для «наивозможно-лучшаго» содержанія больныхъ. Госпитальный писарь красивымъ военнописарскимъ почеркомъ выводилъ въ спискѣ имена: Ивана Петрова, Петра Иванова, Семена Иванова, Андрея Иванова, Гордѣя Иванова, Ивана Иванова, и проч. и проч.,—т. е. безконечное множество именъ и отечествъ нижнихъ чиновъ, такъ что глазъ начальства, не зацѣпляясь ни за какое прозвище, невольно скользилъ по однообразнымъ именамъ и отечествамъ, и останавливался только на цифрѣ итога. Однимъ словомъ—все обстояло благополучно,— какъ слѣдуетъ. Городокъ, въ которомъ благоденствовалъ госпиталь т. е. госпитательныя власти, начиная отъ больничныхъ сторожей и фельдшеровъ,—находился вообще въ условіяхъ самыхъ счастливыхъ: центральное управленіе было отъ него за нѣсколько сотъ верстъ, о ревизіи давно уже не было слышно, а начальствующіе, которымъ госпиталь подчинялся непосредственно, были люди *своего* ремесла и вѣдомства, люди—*свои*. Съ своими же что̀ за счеты! Отношенія госпиталя къ начальству были самыя мирныя, патріархальныя, такъ-сказать семейныя,—вполнѣ благонадежныя,—и въ силу-то этихъ отношеній случилось такъ, что въ госпиталь, устроенный на

400 кроватей, принято было однажды (и очень недавно) больныхъ семьсотъ человѣкъ. Размѣщеніе было конечно тѣсное: но если больные и жаловались на это неудобство, такъ госпитальныя власти и въ особенности экономъ — вовсе не жаловались. Все шло прекрасно, какъ вдругъ пронесся слухъ, что въ край опредѣленъ новый главный начальникъ, съ которымъ нельзя было входить ни въ какія сдѣлки, но предъ которымъ госпиталю слѣдовало явиться исправнымъ. Триста больныхъ *лишнихъ* противъ положеннаго по штату числа кроватей—безпорядокъ! Конечно, можно было бы сослаться, и даже съ нѣкоторымъ основаніемъ, на эпидемію и другія случайныя обстоятельства, внезапно усилившія приливъ больныхъ,— но выговора все-таки нельзя было бы миновать, и выговора строгаго, какъ отъ новаго начальника края, такъ и отъ *своихъ* домашнихъ начальниковъ: зачѣмъ далъ себя госпиталь застать въ расплохъ?! И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ни проѣзжалъ начальникъ, вездѣ «порядокъ и благополучіе» утѣшали его сердце,— слѣдовательно неисправность госпиталя тѣмъ еще рѣзче бросилась бы въ глаза начальника — и огорчила бы его сердце!... Какъ тутъ быть? Сошлись доктора и всѣ власти госпитальныя, посовѣтовались, потолковали и рѣшили: лишнихъ 300 больныхъ, выписавъ заднимъ числомъ въ исходящую книгу, немедленно отправить на подводахъ въ другой госпиталь, отстоявшій въ 400 верстахъ отъ перваго... При этомъ власти ласкали себя надеждою, что ревизоръ успѣетъ побывать и въ другомъ госпиталѣ и остаться имъ довольнымъ — прежде чѣмъ странствующіе больные доползутъ на подводахъ до мѣста своего назначенія. Время года для отправки было не совсѣмъ удобно, да и переѣздъ былъ слишкомъ дологъ,— но что до этого? Вѣдь ревизоръ уже близко, такъ раздумывать тутъ уже некогда. Кого же однако отправить? Опять собрались доктора, и вотъ одинъ изъ нихъ предложилъ—отправить тѣхъ больныхъ, которые *потрудные*. «И резонно», отвѣчали хоромъ всѣ остальные,—резонно: потому во 1-хъ, что видъ трудно-больныхъ всегда тяжело дѣйствуетъ на душу непривычнаго посѣтителя, особенно же начальника,— разстроиваетъ нервы, производитъ непріятное впечатлѣніе, которое можетъ быть невыгодно и для госпитальныхъ властей и даже для всего вѣдомства;

между тѣмъ желательно, да ужъ и по обычаю службы требуется, чтобъ больные смотрѣли бодро и весело на ревизующее начальство; во 2-хъ потому, что съ трудно-больными возни и хлопотъ несравненно больше, чѣмъ съ легкобольными, а въ 3-хъ потому, что имъ вѣдь все равно придется умереть скоро: такъ недѣлью раньше, недѣлью позже, на койкѣ или на подводѣ, не все ли это одинаково? Резонно. Рѣшено и сдѣлано; триста трудныхъ больныхъ отправлены на подводахъ, въ сквернѣйшую погоду, верстъ за 400, и, какъ вѣрно предугадали доктора,—большею частью не дошли до мѣста назначенія и перемерли дорогою на подводахъ. Начальникъ—благонамѣреннѣйшій человѣкъ въ мірѣ, благонамѣреннѣйшій, но неопытный въ хитростяхъ госпитальнаго управленія—остался госпиталемъ и властями отмѣнно доволенъ,—и удовольствіе было обоюдное. Мы слышали, что потомъ чей-то доносъ раскрылъ начальнику всю истину, *вслѣдствіе* чего наряжено было строгое *слѣдствіе*, коего *послѣдствіемъ* былъ только выговоръ госпитальному начальству.

Разсказанное нами не вымыселъ, а сущая правда. Мы ошиблись, можетъ-быть, немного въ подробностяхъ, въ числѣ верстъ, въ числѣ больныхъ, но въ основѣ своей фактъ вѣренъ. И хотя это случилось не у насъ, конечно, а въ тридесятомъ государствѣ, но по аналогіи съ тѣмъ, что̀ бывало, а можетъ-быть бываетъ еще и теперь у насъ, на Руси,—едвали кто станетъ отрицать возможность этого факта. Да, кто изъ читателей, положа руку на сердце, рѣшится утверждать, что подобное дѣло не сбыточно, что оно есть исключительный *одинокій* случай? Всякій, порывшись въ своихъ воспоминаніяхъ, непремѣнно найдетъ въ нихъ и доказательства въ пользу правдоподобности этого—весьма недавняго—событія: оно не только правдоподобно, не только не исключительно, но, увы! носитъ на себѣ знакомыя, родныя намъ—типическія черты!

Гдѣ бы ни случилось, когда бы ни случилось это происшествіе, но оно было,—и что̀ еще хуже—оно *возможно*, и возможность эта не отвергается общественнымъ сознаніемъ. Триста человѣческихъ жизней, Петровыхъ, Ивановыхъ, Семеновыхъ, безвѣстныхъ, подневольныхъ жизней, выбро-

шенныхъ за окно, растерянныхъ на дорогѣ ради чиновничьей трусости,—наконецъ наша вѣра въ сбыточность этого явленія, наше внутреннее сознаніе, что оно не есть исключительный и одиночный случай,— вотъ что́ наполняетъ душу стыдомъ и безотчетнымъ страхомъ. Кто виноватъ въ этихъ трехстахъ смертяхъ?... Многіе, конечно, охотно бы свалили вину на правительство, — но это едвали было бы справедливо: никакое правительство, какъ правительство, не можетъ ни желать, ни терпѣть подобныхъ распоряженій,—но виноваты люди, общественная среда, воспитывающая такихъ людей, виноваты мы всѣ, все общество, на всѣхъ насъ лежитъ этотъ грѣхъ!... Эти грѣхи, къ сожалѣнію, обыденное явленіе въ нашей общественной жизни,— эти люди—наши сограждане, члены нашего общества,— эта трусость намъ понятна и не возмущаетъ нашей общественной совѣсти, и не омрачаетъ нашихъ радужныхъ гражданскихъ надеждъ!... Но мы не для того взялись за перо, чтобъ писать диѳирамбы гнѣва и негодованія; мы хотимъ отнестить къ занимающему насъ вопросу съ наивозможно-меньшимъ раздраженіемъ и со всею тою серьезностью, которой онъ заслуживаетъ.

Намъ кажется, что историки, публицисты и вообще политики слишкомъ мало даютъ значенія тому участію, которое въ историческомъ развитіи обществъ принадлежитъ нравственнымъ истинамъ, вѣчнымъ началамъ любви и правды. А между тѣмъ, они, эти начала, суть главные, хотя и не замѣтные факторы или двигатели общественной жизни народовъ, даютъ имъ то или другое направленіе, обусловливаютъ ихъ развитіе, не только внѣшнее, но и внутреннее. Намъ приходится вновь повторить, что́ уже мы не одинъ разъ говорили. Начало нравственное живетъ и движется своимъ внутреннимъ логическимъ процессомъ и историческія «наказанія», или «счастливыя случайности», злыя или добрыя послѣдствія, въ сущности ничто иное, какъ логическіе нравственные выводы изъ нравственнаго же положенія, воплощеннаго какимъ-либо историческимъ фактомъ. Всякое уклоненіе отъ нравственныхъ истинъ проявляется ложью не только во внутреннемъ развитіи, но даже во внѣшнемъ устройствѣ, подрываетъ матеріальное преуспѣяніе, подтачиваетъ жизнь историческихъ обществъ. Съ общественнымъ организмомъ,

какъ и съ организмомъ отдѣльнаго человѣка, случается иногда такъ, что онъ кажется совершенно здоровымъ по внѣшнему своему виду, даже и самъ почитаетъ себя обрѣтающимся въ вожделѣнномъ здравіи,—если же и замѣчаетъ въ себѣ присутствіе недуга, то не даетъ ему никакой цѣны,—а между тѣмъ внутренняя скрытая болѣзнь, или пренебрегаемый недугъ втайнѣ разъѣдаетъ силы организма и сказывается сознанію въ своемъ истинномъ значеніи большею частью уже тогда, когда и самое врачеванье помочь но можетъ!... Могучая рука внезапно опускается, пораженная безсиліемъ, ясная мысль тускнѣетъ, понятія путаются, шагъ невѣренъ и идетъ вкось и въ сторону. Къ такимъ или подобнымъ результатамъ приводятъ причины не только матеріальныя, но и нравственныя. Конечно, нравственныя причины оказываются преимущественно и въ послѣдствіяхъ нравственныхъ, но только преимущественно; нѣтъ сомнѣнія, что онѣ, если не непосредственно, то косвенно отражаются и на матеріальной сторонѣ жизни.—Если, напримѣръ, постоянно, долговременно, повсемѣстно совершающаяся неправда обращается въ какой-либо странѣ въ хроническое нравственное зло; если кривосудъ, напримѣръ, перестаетъ быть, какъ говорится, изолированнымъ, т. е. уединеннымъ фактомъ, и сумма таковыхъ фактовъ образуетъ цѣлую атмосферу кривды,—то общество, пораженное такимъ хроническимъ недугомъ, воспитавшееся въ такой удушливой нравственной атмосферѣ, непремѣнно слабѣетъ, хилѣетъ, чахнетъ, становится непроизводительнымъ, перестаетъ давать государству потребныхъ ему доблестныхъ гражданъ, — слѣдовательно лишается само и лишаетъ государство средствъ и орудій для правильныхъ органическихъ отправленій. Кажется это ясно, но постараемся сдѣлать нашу мысль еще яснѣе. Какая бы ни была система государственнаго управленія, какъ бы ни старалась она опредѣлить и взвѣсить все съ математическою точностью и обезпечить внѣшнимъ образомъ правильность суда и администраціи, все же живой организмъ никогда не снизойдетъ до бездушной покорности машины, — и приходится по неволѣ—половину, если не болѣе, служебныхъ дѣйствій основывать на *довѣріи*. Такъ, напримѣръ, если мелкій чиновникъ подлежитъ контролю, и исправность чиновника гарантирована

контролемъ, то кто же гарантируетъ вамъ исправность самого контроля? Если послѣдній не заслуживаетъ вѣры, то вы учреждаете надъ контролемъ новый контроль, — но, не довѣряя и ему, надъ вторымъ контролемъ учреждаете третій, и т. д. и т. д.,—такъ что подъ конецъ вамъ все же придется кому-нибудь да повѣрить. И такъ, безъ нравственнаго довѣрія, безъ участія нравственнаго элемента, не можетъ идти никакое управленіе въ мірѣ. Слѣдовательно, чѣмъ шире, крѣпче и надежнѣе довѣріе, тѣмъ плавнѣе, быстрѣе, свободнѣе отъ излишнихъ и многоцѣнныхъ формальностей контроля совершается ходъ дѣлъ государственныхъ, тѣмъ тверже и могущественнѣе власть, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можетъ она разсчитывать на свои средства и силы. Слѣдовательно, общественная нравственность состоитъ въ прямой связи не только съ внутреннимъ, но и съ внѣшнимъ развитіемъ государства. Слѣдовательно, все что̀ служитъ симптомомъ общественной нравственности, служитъ въ то же время симптомомъ общественнаго и государственнаго здоровья и крѣпости. Слѣдовательно, не даромъ говоритъ народная пословица, что «царства стоятъ на правдѣ и держатся правдой». Слѣдовательно, сумма дѣяній, въ родѣ разсказанаго нами событія въ военномъ госпиталѣ, способна разрушительно дѣйствовать на общественное здоровье и крѣпость, и ослабить самое могущество государственное... Кажется, все обстоитъ благополучно, и вдругъ, въ минуты гордаго торжества, откуда ни возьмись, нежданные—негаданные, давно позабытые, явятся грозными обличителями—и тѣ триста мертвыхъ, которыхъ загубила напрасно бездушная трусость (взлелѣянная общественною же атмосферою), и всѣ тѣ сотни, тысячи невинныхъ жертвъ общественной безнравственности, — явятся и потребуютъ общество на судъ и расплату! Таковъ нравственный законъ, что зло должно быть или отомщено, т. е., по просту, породить злые плоды, привести къ злымъ послѣдствіямъ, или же возмѣщено преизбыткомъ добра, искуплено наказаніемъ, страданіемъ; т. е. должно быть сознано, должно произвести въ сознающемъ горечь сознанія, боль сожалѣнія и раскаянія, и вызвать изъ глубины духа такія силы добра, которыя были бы въ состояніи уврачевать эту боль. Этотъ законъ одинаковъ

какъ для отдѣльныхъ людей, такъ и для цѣлыхъ обществъ. Общество не можетъ и не должно относиться равнодушно къ такимъ злымъ дѣяніямъ, которыя получили характеръ явленій обыкновенныхъ въ его жизни, такъ-сказать—общественныхъ; отвѣтственность за нихъ падаетъ на все общество, на всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь. Конечно, дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ посыпавъ пепломъ главу, наложить на себя постъ и эпитемью; общественное покаяніе совершается иначе: оно состоитъ въ строгомъ самообличеніи и самоосужденіи, оно совершается въ области общественнаго сознанія, выражается въ возбужденіи и просвѣтлѣніи общественной совѣсти, въ нравственной реакціи общественнаго духа,—въ устремленіи всѣхъ общественныхъ силъ на искорененіе зла. Еслибы общественная совѣсть содрогнулась при видѣ общественныхъ язвъ,—то уже это одно было бы благотворно и спасительно. Еслибъ она только дрогнула!... Но мы не видимъ, чтобъ она содрогалась. Былъ великій художникъ, который, болѣя за общество, смягчалъ свое отрицательное отношеніе къ общественной жизни юморомъ своихъ обличительныхъ художественныхъ произведеній, и думалъ исправить общество смѣхомъ,—смѣхомъ самого общества надъ пошлостью и порокомъ, представленными ему какъ въ зеркалѣ. Но и смѣхъ не помогъ. Ничто не проняло общества, хотя оно громко смѣялось и хохотало, присутствуя, напримѣръ, въ театрахъ при представленіяхъ «Ревизора»,—такъ что, подъ конецъ своей жизни, художникъ прибавилъ къ послѣдней сценѣ своей безсмертной піесы—горькія слова, обращенныя «городничимъ» къ публикѣ: «чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!»

Да, довольно смѣяться. Время смѣха прошло. Теперь становится не до смѣха. Теперь повтореніе госпитальныхъ продѣлокъ (мы беремъ ихъ какъ прототипъ всѣхъ продѣлокъ такого рода) и прежнее добродушное къ нимъ отношеніе общества не могутъ быть извинены невѣдѣніемъ, неразвитостью, пуганицей нравственныхъ понятій. Свѣта брошено довольно на всѣ наши общественныя язвы, столько свѣта, что, казалось, открытый видъ ихъ не позволитъ успокоиться обществу, пока оно ихъ не уврачуетъ. Но общество нашло этотъ видъ для своего взора возмутительнымъ и не-

выносимымъ—и не излѣчивши ихъ, отвратило глаза свои въ сторону. Оно искало — на чемъ бы ему отдохнуть и опереться, и случай не замедлилъ представиться. Услужливые публицисты заголосили хоромъ о прогрессѣ, воскурили ѳиміамъ либерализму, окружили общество всевозможными призраками какой-то общественной либеральной жизни, поздравили его съ зрѣлостью, поднесли ему на блюдѣ готовое общественное мнѣніе,—и воспѣли его патріотизмъ. Прогрессъ, либерализмъ, патріотизмъ!.. Прогрессъ, къ которому привязаны гири всевозможной гражданской кривды! Либерализмъ, который почти ни во что̀ вмѣняетъ жизнь Ивановыхъ, Петровыхъ и имъ подобныхъ (считаемыхъ обыкновенно массами, общею цифрою итога), либерализмъ, который, мечтая о конституціи, воздыхаетъ о погибшемъ крѣпостномъ правѣ! Патріотизмъ, любовь къ отечеству, любовь къ Россіи, которая губитъ кривдой и лѣнью силы Россіи, наноситъ ей удары злѣе всякихъ внѣшнихъ враговъ! О, Россія, Россія! Какъ ты славна, какъ ты богата, какъ ты могуча, какъ обширна, какъ великъ твой народъ, какимъ призваніемъ почтена ты въ семьѣ Славянскихъ народовъ, въ исторіи человѣчества! Все тебѣ дано!.. И въ то же время, какъ безсильно твое общество, какъ дрябла твоя гражданская нравственность!.....

— «Безтактно», «не во̀-время», «неумѣстно».—слышимъ мы заранѣе съ разныхъ сторонъ. «Къ чему охлаждать патріотическій порывъ общества? Зачѣмъ раздражать его, разбивать его мечты о самомъ себѣ?... Мы думали, что редакторъ «Дня» патріотъ, а выходитъ, что онъ не патріотъ, бранитъ общество и Россію» и проч. и проч.—Безтактно, неумѣстно. Нѣтъ, именно у мѣста и кстати! Именно теперь, во̀время, должно быть предупреждаемо общество о тѣхъ внутреннихъ опасностяхъ, которыя ему грозятъ въ виду опасностей внѣшнихъ. Именно теперь, въ минуту патріотическаго одушевленія, должны быть указываемы обществу тѣ подвиги, которые могутъ быть совершены только при помощи истиннаго, разумнаго патріотизма! Или вы думаете, что люди, способные переморить триста больныхъ, чтобъ видомъ ихъ не огорчить начальства и не навлечь себѣ выговора,—патріоты?.. Или дѣла подобнаго рода, — возможность такихъ

дѣлъ свидѣтельствуетъ, по вашему мнѣнію, о патріотизмѣ? Или вы сомнѣваетесь еще въ томъ, что такая ноша неправдъ обезсиливаетъ плечи Русскаго богатыря? Или вы еще можете мечтать о завоеваніяхъ Русскаго духа, когда наша общественная среда прилагаетъ такія старанія къ его растлѣнію? Или вы надѣетесь, что вамъ удастся разрѣшить возникшія историческія задачи внѣ разрѣшенія вашихъ задачъ внутреннихъ,—и вы не видите, что вопросъ Польскій тѣсно связанъ съ вашимъ собственнымъ внутреннимъ вопросомъ, и что отъ успѣховъ вашего общественнаго развитія, вашей общественной нравственности, зависитъ судьба всего Западнаго края?... или вы воображаете, что можно такъ поступать съ людьми, какъ поступаетъ госпиталь NN, и такъ относиться къ этому дѣлу, какъ относится наше общество.— и въ то же время предъявлять притязанія на вліяніе и господство?... Вы надѣетесь на вашу матеріальную силу, вы гордитесь ею,—но

Безплоденъ всякой духъ гордыни.
Не вѣрно злато, сталь хрупка,—

но вѣдь сила, одна матеріальная сила, ничего не творитъ и не организуетъ, ничему не дастъ жизни—безъ силы нравственной... Ее воспитайте! силу нравственную, общественную воспитайте,—и на этомъ-то проявите свой патріотизмъ, свою любовь къ Россіи, если только вы ее дѣйсвительно любите!..

Объ отмѣнѣ смертной казни.

«День», 28-го декабря 1863 г.

Почти девятнадцать вѣковъ прошло съ той поры, какъ «возсіялъ мірови свѣтъ разума»: тысячу восемьсотъ шестьдесятъ четвертую годовщину празднуютъ христіане рожденства Богочеловѣка, — заповѣдь новую давшаго людямъ «да любятъ другъ друга»;—и въ эти-то самые дни, когда церкви полны молящихся и весь христіанскій міръ съ радостнымъ ликованіемъ преклоняется предъ «Солнцемъ Правды»

и Безконечною Благостью, — навѣрное, въ этомъ христіанскомъ мірѣ, гдѣ-нибудь и кого-нибудь,—и во всякомъ случаѣ христіане христіанъ, — казнятъ, разстрѣливаютъ, обезглавливаютъ или вѣшаютъ! За примѣромъ и доказательствами ходить недалеко. Въ Калабріи и Абруццахъ и вообще въ Неаполитанскомъ бывшемъ королевствѣ, казнено «чрезъ повѣшеніе», если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ одномъ нынѣшнемъ году, пять тысячъ чековѣкъ. — и казни продолжаются безостановочно. Да, мужественные читатели, и особенно вы, мужественныя читательницы, такъ усердно посѣщающія Божіи храмы и съ такимъ патріотическимъ усердіемъ мирящіяся съ необходимостью казней, въ ту самую минуту, какъ вы пробѣгаете эти строки, отъ васъ далеко— ну хоть подъ солнцемъ Юга, или въ пивной атмосферѣ Баваріи, или въ дымной, туманной, теплой и сырой атмосферѣ Англіи,—происходятъ такія сцены:

Съ барабаннымъ боемъ, съ надлежащимъ парадомъ, приводятъ люди связаннаго человѣка,—съ надлежащимъ церемоніаломъ, полчаса времени, а иногда и больше, читается ему длинная сентенція суда съ достодолжными ссылками на человѣческіе законы, въ виду приготовленной висѣлицы, или плахи, подлѣ которой стоитъ палачъ или съ готовой петлей или съ топоромъ въ рукѣ и безпрестанно ощупываетъ и смотритъ: выдержитъ ли веревка, остеръ ли топоръ... Потомъ [служитель алтаря, воздѣвъ Святое Распятіе къ небу, обращается къ связанному человѣку съ словами напутствія и возвѣщаетъ ему, что милосердный Богъ простилъ его, — но люди не милосердны и не прощаютъ, — что Тотъ, Кто сказалъ про себя: «Азъ кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ», не хочетъ смерти грѣшника, — но люди, называющіе себя вѣрующими въ Кроткаго и Смиреннаго, хотятъ смерти грѣшника, не давая ему и времени для покаянія... Потомъ... потомъ струится кровь и людямъ-христіанамъ выставляется на показъ кровавое мясо обезглавленной шеи, какъ какая-нибудь сырая говядина или свинина,—или же корчится въ невыразимыхъ мукахъ вздернутое за шею на воздухъ тѣло живаго человѣка; и тысячи людей-христіанъ смотрятъ спокойно, какъ душатъ съ приличнымъ церемоніаломъ человѣка-брата... Потомъ? Потомъ ничего, у всѣхъ легко на

сердцѣ, какъ будто ничего не бывало; напротивъ, всѣ довольны, что совершился актъ «правосудія, que la justice a eu son cours,—и отправляются—Итальянцы въ оперу, Нѣмцы въ бирбрауэрей (Bierbrauerei), Французы на публичный балъ, гдѣ, можетъ-быть, протанцуютъ, какъ бывало, во время Французской революціи, кадриль жертвъ, quadrille des victimes, съ окровавленными платочками, или съ чѣмъ-нибудь краснымъ въ рукахъ, означающимъ человѣческую кровь...

«На что это похоже, можно ли, да и къ чему, разсказывать такія отвратительныя сцены?» воскликнутъ, вѣроятно, читатели,—«мы не хотимъ знать этихъ подробностей...» Напрасно; мы согласны, что эти сцены отвратительны, но не слѣдуетъ отвращать отъ нихъ своего мысленнаго взора, если эти сцены сплошь да рядомъ повторяются въ дѣйствительности. Едвали вполнѣ нравственно, ради своего душевнаго комфорта, не хотѣть знать живыхъ подробностей того, о чемъ читается ежедневно, что у всѣхъ болѣе или менѣе равнодушно звучитъ на устахъ, что испытываетъ тысячи человѣческихъ существъ такъ часто и такъ повсемѣстно...

«Все это такъ, возразятъ намъ читатели,—но, вопервыхъ, все это не ново, а очень старо; вовторыхъ, смертная казнь, конечно, печальное, скорбное явленіе, но согласитесь — несовершенство человѣческой природы... что же дѣлать?.... ну, и назидательный примѣръ, внушающій страхъ,—ну, и тамъ разныя другія эдакія причины, однимъ словомъ — необходимость! печальная, скорбная, но все же—необходимость!...»

Въ томъ-то и дѣло, что необходимости никакой нѣтъ! Война дѣйствительно является покуда необходимостью, когда нѣтъ другихъ средствъ къ оборонѣ или возстановленію права; да къ тому же она исполнена случайностей: для обѣихъ сторонъ есть опасность и рискъ, неизвѣстно еще—кто побѣдитъ и кто погибнетъ; — война ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить оправданіемъ смертной казни, налагаемой по суду. Понятно еще, когда смерть наносится человѣкомъ человѣку въ минуту сильнаго раздраженія, когда онъ не разумѣетъ, что творитъ, ослѣпленъ и оглушенъ страстью. Но возвести убійство въ законъ, придать ему всю нравственную силу законнаго правосуднаго дѣянія, окружить его ореоломъ

святой безстрастной правды и чрезъ такую санкцію закона развязать человѣческую совѣсть и мирить ее съ убійствомъ,— наконецъ совершать это убійство съ холодною правильностью, создавъ для того особенное званіе «убійцъ»... Нѣтъ,—такое учрежденіе есть позоръ всему человѣчеству, позоръ ненужный, и ни чѣмъ оправдано быть не можетъ. Какую цѣль можетъ имѣть государство — въ дѣлѣ наказанія преступниковъ, людей вредныхъ общему благосостоянію? Лишить злодѣевъ возможности совершать свои злодѣянія? Но эта цѣль достигается легко и безъ смертной казни, чрезъ тюремное заключеніе или ссылку... Навести спасительный страхъ и этимъ способомъ предупредить возобновленіе преступленій со стороны другихъ лицъ?.. Но что страхъ смертной казни не предупреждаетъ преступленій, это уже вполнѣ доказано примѣромъ Англіи, гдѣ вѣшаютъ за каждое воровство и гдѣ, въ самую-то минуту, когда совершается казнь, воры на площади предаются наиусерднѣе своей воровской дѣятельности, пользуясь многочисленнымъ стеченіемъ народа. Не видать также, чтобы и въ Италіи и гдѣ бы то ни было—смертная казнь удерживала кого-нибудь отъ преступленія. Напротивъ, частое, безпрерывное повтореніе этихъ сценъ законнаго убійства вредно дѣйствуетъ на общественную нравственность, заставляя людей грубѣть сердцемъ и привыкать къ убійству. И такъ, чѣмъ же доказывается необходимость и польза смертной казни? Можетъ-быть за нѣкоторыя злодѣянія ея требуетъ высшій законъ справедливаго возмездія? Но все это никакой другой цѣли наказанія имѣть не можетъ и не должно. Теорія уголовныхъ наказаній въ смыслѣ возмездія давно уже оказалась несостоятельною, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ смертной казни. Вообще государство, какъ учрежденіе внѣшнее, какъ «внѣшняя правда», имѣетъ дѣло не съ совѣстью человѣка, а съ его поступкомъ, и не можетъ брать на себя задачи выше своихъ силъ, несогласной съ своимъ призваніемъ и выходящей изъ круга его отправленій. Внѣшній человѣческій законъ возмездія никогда не можетъ вмѣстить въ формулу, положить на вѣсы и мѣру, опредѣлить съ достаточною справедливостью степень преступности преступнаго дѣянія—и внутреннее отношеніе совѣсти виновнаго къ преступленію: для того необходимо было бы знать, какія

обстоятельства, отъ преступника независящія, довели его до паденія, какую возможность хранитъ его душа излѣчить свои язвы и воспрянуть вновь въ своей божественной красотѣ, въ какой мѣрѣ неразвитость пониманія и совѣсти участвовала въ его преступномъ дѣяніи.... Однимъ словомъ,—всякое преступленіе для того, чтобы быть обсуждено правильно, требовало бы цѣлаго психологическаго изслѣдованія надъ душою каждаго преступника,—а такъ какъ глубины души вѣдомы только единому Богу, то, строго говоря, человѣку и не принадлежитъ судъ надъ человѣками, а онъ—или общество—имѣетъ право только ограждать себя отъ злыхъ послѣдствій преступнаго дѣйствія, отъ повторенія злыхъ дѣяній и содѣйствовать исправленію падшаго человѣка. Конечно, въ проступкахъ маловажныхъ, влекущихъ за собою и наказанія не тяжелыя, полицейскія,—нѣтъ надобности въ примѣненіи такого строгаго требованія; но тамъ, гдѣ наказаніе ведетъ за собою тяжкія послѣдствія для обвиняемаго,—тамъ притязаніе суда примѣнять къ преступнику зяконъ возмездія, кладетъ на него страшную отвѣтственность. Тѣмъ бо̀льшую отвѣтственность налагаетъ на судей смертная казнь, отнимающая у человѣка то, что̀ не человѣкомъ ему дано, чего возвратить ему люди не властны, на что имѣетъ неотъемлемое право всякъ живый—жизнь. Впрочемъ, пусть не пугаются читатели: мы вовсе не имѣемъ намѣренія пускаться въ отвлеченныя разсужденія о значеніи уголовнаго суда и наказаній вообще; мы не станемъ также излагать имъ все то, что̀ было писано о смертной казни, *за и противъ*, и что̀ имъ вѣроятно болѣе или менѣе извѣстно. Мы думаемъ даже, что было бы нѣсколько странно доказывать — несправедливость смертной казни, о чемъ теперь почти уже и не спорятъ ученые криминалисты. Конечно, всѣ читатели согласны въ томъ, что смертная казнь есть зло, — но мы желали только убѣдить ихъ, что это зло вовсе не есть необходимое, что необходимости въ смертной казни нѣтъ никакой, и что та же цѣль, которую думаютъ достигнуть чрезъ смертную казнь, достигается чрезъ тюремное заключеніе или ссылку.

Еще менѣе можетъ быть оправдана казнь за политическія преступленія, потому что послѣднія происходятъ большею частью не отъ испорченности нравственной природы чело-

вѣка, а отъ заблужденія мысли. Во Франціи, гдѣ, со времени Французской революціи, такъ часто мѣнялись политическія системы, приверженецъ павшей системы признавался преступникомъ въ глазахъ системы торжествующей и былъ убиваемъ по всѣмъ порядкамъ правосудія, совершенно *легально*; торжествующая, нарядившаяся въ законъ сила — падала въ свою очередь и также низводилась на степень проступнаго явленія — механическимъ дѣйствіемъ законнаго правосудія! Политическія преступленія вообще имѣютъ своимъ источникомъ убѣжденіе: но убѣжденіе человѣка можетъ измѣниться съ расширеніемъ его познаній и мыслей, съ постепеннымъ ходомъ внутренняго развитія,—и потому нѣтъ никакого нравственнаго основанія, захвативъ человѣка на извѣстномъ моментѣ его внутренняго развитія, или логическаго процесса его мысли, лишать его жизни, когда можетъ-быть на другой же день онъ самъ осудилъ бы этотъ моментъ, и мысль его пришла бы къ выводамъ совершенно противоположнымъ.

Россія первая въ Европѣ подала примѣръ уничтоженія смертной казни. Елисавета пріобрѣла себѣ неувядаемую славу и вѣчное право на признательность подданныхъ, отказавшись отъ присвоеннаго себѣ государствомъ права убивать людей по своему усмотрѣнію и этому убійству придавать святой характеръ законности и правосудія. Двадцать два года ея царствованія прошли безъ казни. При Екатеринѣ II-й, хотя и было исполнено нѣсколько смертныхъ приговоровъ, но общій принципъ остался въ своей силѣ, и смертная казнь не имѣла мѣста въ системѣ Русскаго уголовнаго законодательства. Даже въ XV томѣ Свода Законовъ первыхъ двухъ изданій—въ лѣстницѣ уголовныхъ наказаній не числилось смертной казни. Въ примѣчаніяхъ была только сдѣлана ссылка на нѣкоторые примѣры смертной казни, назначавшейся,—сверхзаконно,—по приговорамъ верховныхъ уголовныхъ судовъ.

Мы взываемъ къ благодушію правительства, отмѣнившаго позоръ плетей и разнообразныхъ физическихъ истязаній, вмѣстѣ съ шпицрутенами, клеймами и кандалами для женщинъ,—и вѣримъ, что оно обратитъ свое человѣколюбивое вниманіе на тотъ новый, современный видъ, какой представляетъ теперь въ Россіи система уголовныхъ указаній,

какъ по Уложенію о Наказаніяхъ, такъ и по военно-суднымъ законамъ... Мы взываемъ и къ самому обществу... Если, движимые человѣколюбіемъ, многія правительства Европы, и Россія въ томъ числѣ, подали другъ другу руку и согласились между собою не дозволять въ своихъ предѣлахъ постыднаго торга Неграми, то отчего жъ бы державамъ точно также не условиться между собою объ отмѣнѣ еще болѣе постыднаго учрежденія — смертной казни, этого вопіющаго противорѣчія закону Христову? Какъ бы желали мы, чтобъ инициатива въ этомъ святомъ дѣлѣ пранадлежала «святой» Руси!...

Да, довольно (въ Италіи) совершено смертныхъ приговоровъ, внѣ всякой необходимости, которые удобно могли бы быть замѣнены тюрьмой и ссылкой! Довольно людей лишено покаянія! Довольно казнено, разстрѣляно, вѣшано! Пусть владыки христіанскаго міра принесутъ на алтарь Христовъ, хоть черезъ тысячу восемьсотъ шестьдесятъ четыре года послѣ того, какъ зажглось на землѣ Солнце Правды — даръ христіанскаго милосердія, — повсемѣстную отмѣну, облеченнаго въ святость закона, убійства!...

На память о П. А. Тучковѣ.

«День», 1-го февраля 1864 г.

Мы до сихъ поръ не сказали ни слова о кончинѣ Московскаго генералъ-губернатора, П. А. Тучкова. Мы не имѣемъ обыкновенія, да и по программѣ нашей газеты не принимали на себя обязательства сообщать нашимъ читателямъ текущія городскія новости, и конечно были бы въ правѣ умолчать даже и о такомъ важномъ для Москвы событіи, — но мы, разумѣется, охотно бы почтили и сами въ нашей газетѣ память такого человѣка, какъ П. А. Тучковъ, если бы... Если бы удобно было сказать то, что̀ бы намъ хотѣлось сказать, и передать во всеобщее свѣдѣніе нѣкоторыя замѣчательнѣйшія черты изъ его жизни! Но объ нихъ-то, объ этихъ лучшихъ сторонахъ его характера, о томъ, что̀ именно въ немъ достойно почтительной памяти, — мы бы и желали раз-

сказать, да не можемъ... Замѣтимъ только, что Тучковъ былъ человѣкъ, что называется, не казенный, а это великое и очень рѣдкое въ Россіи достоинство; былъ человѣкъ честный и благородный—не только въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, но на службѣ, передъ начальствомъ... Извѣстно, что богатые доблестями военными, мы довольно бѣдны доблестями гражданскими; что гражданское мужество, которое и вездѣ рѣже военнаго, у насъ составляетъ еще менѣе обыденное явленіе! Мы знаемъ множество храбрыхъ людей, которые никогда не боялись смерти, и боялись начальства; никогда не трусили непріятельскихъ пуль, и трусили своихъ генераловъ, хотя были и правы и исправны, и даже вполнѣ независимы и обезпечены въ своемъ положеніи... Таковъ ужъ нашъ общественный нравственный строй, который обхватываетъ насъ чуть ли не отъ рожденія!... Но П. А. Тучковъ, безъ хвастовства, не рисуясь, не красуясь, скромный и даже застѣнчивый, обладалъ этимъ нравственнымъ мужествомъ. Мы не имѣли чести знать его лично и это мнѣніе наше основываемъ на нѣкоторыхъ сообщенныхъ намъ фактахъ.—между тѣмъ на обстоятельствахъ сопровождавшихъ подачу извѣстнаго адреса старообрядцевъ въ прошломъ году. Такія черты заслуживаютъ быть записанными въ общественныхъ лѣтописяхъ,— и потому понятно то общественное сочувствіе, которое выразилось къ покойному, послѣ его смерти, выразилось въ толкахъ и говорѣ о немъ, въ поклоненіи его праху. Что же касается до церемоніала похоронъ, которымъ почтило его правительство, и до пожертвованій собранныхъ оффиціальными представителями города,—то это, конечно, имѣетъ свое значеніе, но само по себѣ, у насъ, не всегда можетъ что-либо прибавить къ нравственной оцѣнкѣ покойнаго, какъ дѣятеля и человѣка... Дай Богъ, чтобъ у насъ было поболѣе скромной Тучковской гражданской доблести, честности и человѣчности!

И именно потому, что мы такъ уважаемъ память П. А. Тучкова, мы не можемъ не посѣтовать на ту ложь, которою у насъ стараются прикрасить, т. е. испортить всякое чистое дѣло. Мы прочли въ газетахъ, что такого-то числа, вслѣдъ за другими, служили паннихиду временно-обязанные, проживающіе въ Москвѣ крестьяне. Къ чему это? Развѣ вре-

менно-обязанные въ Москвѣ крестьяне составляютъ корпорацію, общество? Да они большею частью и не знаютъ другъ друга! Наши Московскіе дворники, кучера, повара, слуги не имѣли, кажется, никакого отношенія къ Московскому генералъ-губернатору; подобная мысль о паннихидѣ не могла даже и придти имъ въ голову!... Разумѣется, собрать нѣсколькихъ, здѣсь торгующихъ или проживающихъ, было не трудно; можетъ-быть кто-нибудь изъ нихъ, привыкшій обращаться съ начальствомъ, даже самъ вызвался на это,— но онъ не имѣлъ права дѣйствовать отъ лица всѣхъ временно-обязанныхъ, которыхъ въ Москвѣ десятки тысячъ. Но нѣтъ, мы не можетъ обойтись безъ театральной обстановки! Теперь, въ наше время, мы умудрились употреблять на театральную обстановку матеріалъ другой,—общественный, щеголять по части общественныхъ чувствъ, восторговъ, мнѣній—будто бы свободныхъ—до вольности, будто бы неудержимыхъ—до дерзости, будто бы искреннихъ — до грубости! Такому правдивому человѣку, какимъ былъ покойный генералъ-губернаторъ, такое усердіе было бы не по сердцу... Честный миръ его праху, и вѣчная правдивая ему память!

По поводу слуха объ учрежденіи іезуитской коллегіи при католической церкви въ Петербургѣ.

«День», 21-го марта 1864 г.

Петербуржцы правы въ своемъ презрѣніи къ Москвѣ. Куда ей до Петербурга! Москва — деревня, говорятъ они. И въ самомъ дѣлѣ — она не слишкомъ далеко отошла отъ Русской деревни; она близка деревнѣ и деревенскій людъ въ ней не слышитъ себя на чужбинѣ. Москва — старушка, восклицаютъ Петербуржцы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же не старушка! Помнитъ старину и блюдетъ ее, благочестиво хранитъ преданія, любитъ родню. Эти преданія—вся Русская Исторія; эта родня — вся Русская земля, весь Русскій народъ... Старушка, — какъ называютъ Петербуржцы Москву, — разумѣется уже не можетъ быть ни вѣтреною, ни легкомысленною: куда ей! она подозрительно смотритъ на

Петербургскій удалой прогрессъ, не соблазняется Петербургскимъ либерализмомъ и какъ старая насѣдка крѣпко сидитъ на своемъ гнѣздѣ. Впрочемъ, сравненіе Москвы съ Петербургомъ было столько разъ дѣлаемо въ нашей литературѣ, что нѣтъ надобности занимать имъ снова вниманіе читателей. Эта параллель проводится постоянно самою жизнью, — и различіе между ними стало чувствоваться еще рѣзче съ тѣхъ поръ, какъ желѣзная дорога поставила эти оба города, такъ-сказать, рядомъ. Различіе это выражается вездѣ и всюду. Если въ Москвѣ выработалось ученіе—прозванное славянофильскимъ и по общему признанію оставшееся не совсѣмъ безплоднымъ для Русской жизни,—ну, хоть содѣйствовало нѣкоторымъ образомъ дѣлу освобожденія крестьянъ,—въ Петербургѣ за то разцвѣло—и какимъ пышнымъ пустоцвѣтомъ разцвѣло—ученіе соціалистовъ! Правда, оно не носитъ въ себѣ того историческаго оправданія, какое имѣетъ на Западѣ, — въ немъ нѣтъ, въ примѣненіи къ Россіи, той истины отрицанія, которою оно сильно въ остальной Европѣ,—но Петербургу что до этого?! Если въ Москвѣ возникло направленіе, поднявшее знамя народности, предъявившее запросъ на народность въ искусствѣ, наукѣ, во всѣхъ отправленіяхъ духа, — обратившееся къ изученію простонароднаго быта: если Москва уважаетъ и любитъ Русскій простой народъ, — въ Петербургѣ за то демократствуютъ, — ну, а демократизмъ, какъ извѣстно, нисколько не обязываетъ ни любить, ни уважать Русскаго мужика, ни вообще церемониться съ Русской простонародностью. Москва сознала, обобщила и отстояла начало Русской общины; въ Петербургѣ журналисты, если и помирились съ ней, то не прежде, какъ назвавши ее коммуной, и затѣмъ долго еще пытались обезобразить ее на образецъ утопической, искусственной коммуны своихъ Западныхъ учителей, въ основаніи которой лежитъ насиліе самаго грубѣйшаго деспотизма. Покуда Москва думаетъ свою крѣпкую думу, Петербургъ, какъ усердный прогрессистъ, давно уже изготовилъ, не задумываясь долго, тысячи тысячъ всякихъ житейскихъ проектовъ. Москва туго поддается нововведеніямъ; Петербургу они ни по чемъ. Россія ему представляется какъ tabula rasa, на которой онъ можетъ пи-

сать что̀ угодно (и въ этомъ смыслѣ нѣтъ бо̀льшихъ деспотовъ, какъ Петербургскіе либералы, демократы, соціалисты). Москва дѣйствительно является отсталою въ сравненіи съ Петербургомъ, — и надобно только желать, чтобъ она отставала отъ него все больше и больше. Петербургъ же поклоняется кумиру современности — духу времени, и признаки этого духа почерпаетъ онъ не изнутри себя, не въ Русской жизни, а изъ-за границы, откуда ему привозятся по почтѣ самыя первѣйшія primeurs, самыя новѣйшія nouveautés — которыя у себя, въ мѣстѣ своего зарожденія, исчезаютъ почти въ одно время съ своимъ появленіемъ, или же значительно видоизмѣняются! Въ этомъ смыслѣ Петербургъ—самый передовой городъ въ Европѣ, во всѣхъ отношеніяхъ: пошло дѣло на общественный разгулъ,—Петербургъ омрачилъ уже и теперь блескъ и славу Мабиля, Шѣто-де-флеръ, и т. п.; нужно ли проявить либерализмъ въ области вѣры—извольте, мы и на это горазды! Мы, Санктпетербуржцы, удивимъ Европу такимъ развитіемъ матеріализма, какого она у себя и не видывала, и такъ какъ мы въ то же время, у себя въ Петербургѣ, не брезгаемъ и общественнымъ положеніемъ, ни всѣмъ тѣмъ, что̀ его доставляетъ въ Россіи, то подобное сочетаніе всяческихъ средствъ — общественнаго значенія съ самоновѣйшимъ Европейскимъ доктринерствомъ, — даетъ послѣднему такую легкость, такой просторъ примѣненія, что Европѣ остается только ахать и удивляться. Въ самомъ дѣлѣ, ну гдѣ, кромѣ Санктпетербурга, можно найти такое счастливое соединеніе всѣхъ условій, необходимыхъ для преуспѣянія заграничныхъ теорій? гдѣ идея, фантазія одинокаго мыслителя можетъ разгуляться полнѣе? гдѣ столько, повидимому, удобствъ для экспериментовъ in anima vili, въ колоссальныхъ размѣрахъ? Но не въ одномъ этомъ либеральномъ направленіи господствуютъ теоріи въ Петербургѣ. Точно также господствовали онѣ вчера, господствовать будутъ завтра—въ направленіи противоположномъ. Да и самый либерализмъ Петербургскій является вовсе не какъ общее начало свободы во всѣхъ ея жизненныхъ проявленіяхъ (напр. не какъ свобода мнѣній), а какъ льгота или привилегія, даруемая только извѣстной доктринѣ, извѣстному направленію, носящему либеральный штемпель: это своего рода деспотизмъ либерализма,

налагаемый на жизнь, устраняющій свободу ея развитія; точно также какъ Петербургское фритредерство (теорія свободной торговли) есть своего рода протекціонизмъ.

Но почему заговорили мы теперь снова о Петербургѣ, о которомъ мы всегда говоримъ такъ не охотно? А вотъ почему, читатель. Если дошедшіе до насъ слухи справедливы, то въ обществѣ Петербургскомъ нашлись лица, которыхъ замышленія опережаютъ смѣлостью своего полета—фантазіи самыхъ ярыхъ Петербургскихъ литературныхъ прогрессистовъ. Разумѣется — для насъ нѣтъ въ томъ никакого сомнѣнія— помыслы ихъ и останутся помыслами, pia desideria, не больше,—но они важны сами по себѣ, какъ попытки, они слишкомъ характеристичны, чтобъ быть оставленными безъ вниманія. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время пожаловалъ въ Петербургъ какой-то аббатъ-Французъ, чтобы на время Великаго Поста назидать проповѣдями Санктепетербурскую католическую паству. Римская церковь придаетъ всегда особенное значеніе этому дѣлу и избираетъ на это посланничество преимущественно Французовъ—такъ какъ Французская рѣчь есть родная, ежедневная рѣчь Россійскаго высшаго общества. Пріѣзжаетъ проповѣдникъ, — и посѣщеніе католическихъ костеловъ становится такимъ-же моднымъ занятіемъ для Петербургскаго high-life (дѣянія котораго такъ аккуратно заносятся на страницы газеты «Вѣсть»), какъ и катанье на конькахъ на Англійской набережной передъ постомъ, и тому подобные интересы. Но катанье на конькахъ дѣло невинное, и если кому опасно, то только катающимся. Разумѣется, при катаньѣ въ костелъ можетъ также случиться и случилось, что нѣкоторыя особы сего круга соблазнялись рѣчами католическаго проповѣдника и проваливались въ латинство, — это очень жаль, но Богъ съ ними! Такое явленіе объясняется тѣмъ, что многія изъ нихъ совершенно чужды родной земли, чужды православія, чужды всякой вѣры: понятно, что на такой пустопорожней почвѣ чрезвычайно удобно возрастить сѣмя католическому проповѣднику силою Французскаго краснорѣчія: это вѣдь не церковно-Славянское baragouin! Но мы нисколько не желали бы стѣснять свободу совѣсти, свободу вѣроисповѣданія,—и въ этомъ отношеніи держимся смысла Русской пословицы: вольному —

воля, спасенному—рай. Вообще можно сказать, что переходъ Русскихъ въ латинство совершается рѣдко по свободному убѣжденію, а большею частью—вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія ученія православной церкви, вслѣдствіе того, наконецъ, что католическій проповѣдникъ не *обращаетъ*, а *соблазняетъ* въ католицизмъ... Повторяемъ: не это обстоятельство занимаетъ наше вниманіе въ настоящую минуту. Ходятъ слухи, что пріѣхавшій Французъ-аббатъ хлопочетъ объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи, о разрѣшеніи Іезуитамъ вновь водвориться въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ,—и что такое ходатайство встрѣчаетъ себѣ симпатію въ нѣкоторой части Петербургскаго общества. Чѣмъ руководятся эти лица Петербургскаго общества — сочувствіемъ ли къ Іезуитамъ, принципомъ ли высшей терпимости, высшаго либерализма, или же мнимо-хитрыми соображеніями о необходимости для насъ снискать благосклонность Римскаго двора—намъ неизвѣстно.

Признаться сказать—мысль о разрѣшеніи Іезуитамъ возвратиться въ Россію, послѣ того, какъ они были изгнаны изъ Россіи въ 1821 году, при Императорѣ Александрѣ I-мъ (довольно, кажется, отличавшемся вѣротерпимостью),—такая мысль представляется до того несбыточною—дикою и безобразною, что повидимому не заслуживала бы и опроверженія. Но такъ какъ фальшивый либерализмъ, вмѣстѣ съ фальшивою гуманностью, въ особенномъ ходу въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, то не мѣшаетъ, кажется, на всякій случай, остановить вниманіе на этомъ вопросѣ. Ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что вопросъ о разрѣшеніи, просимомъ Іезуитами, есть вопросъ о религіозной свободѣ, или о вѣротерпимости. Впустить въ Россію орденъ Іезуитовъ, это все равно, что̀ пустить въ нее завѣдомо и сознательно шайку шулеровъ, воровъ и тому подобныхъ художниковъ, и даже не все равно, а во сто разъ хуже. Воръ употребляетъ грубыя вещественныя средства для своего дѣла; воръ боится полиціи, преслѣдуется ею и сдерживается болѣе или менѣе страхомъ огласки. Іезуиту же нечего бояться: его дѣятельность почти неосязаема, неуловима, она прикрыта благочестіемъ, и ложь до такой степени перемѣшана въ іезуитизмѣ съ истиной, что отдѣлить ее въ этомъ химическомъ растворѣ чрезвычайно труд-

но; признавая всяческія средства годными для своей цѣли, Іезуитъ не столько совершаетъ самъ, сколько *внушаетъ* преступленія, дѣлаетъ ихъ нравственно возможными для людской совѣсти, но рѣдко можетъ быть юридически уличенъ въ явномъ дѣлѣ. Извѣстно, что по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самые безнравственные способы, употребленные для ея достиженія,—и цѣль эта: постоянная пропаганда латинства. Но эта пропаганда не есть только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовка въ духовное подданничество духовному государю-папѣ. Это не открытая проповѣдь, противъ которой можно дѣйствовать таковою же проповѣдью; здѣсь нѣтъ честной борьбы разныхъ мнѣній: борьба съ Іезуитами всегда и вездѣ *не* равномѣрна, ибо они владѣютъ оружіемъ, которое употреблять послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроученій воспрещаетъ ихъ христіанская совѣсть. Вся сила іезуитизма, этого *христіанскаго* ордена, весь успѣхъ его и преимущества именно и заключаются въ томъ догматѣ, что Іезуиту дозволены все *не-христіанскія* средства и развязана совѣсть на всякое не-христіанское дѣло, на все то, что возбранено Христомъ, что составляетъ отрицаніе христіанства. Нѣтъ никакой возможности бороться съ іезуитизмомъ, какъ съ христіанскимъ *ученіемъ*, ибо іезуитизмъ,—подъ видомъ христіанства и проповѣдуя христіанство—повидимому во всей его строгости и чистотѣ,—разрушаетъ всѣ условія христіанскаго общежитія, самую сущность христіанской нравственной доктрины. Этимъ страшнымъ орудіемъ вольной, развязанной совѣсти и внутренняго освященія всякаго злаго дѣянія — не владѣетъ ни одинъ преступникъ, ни одинъ язычникъ, потому что и послѣдній, совершая злые свои поступки, идетъ наперекоръ своей совѣсти, или тому закону, который, по выраженію Апостола Павла, «на сердцахъ написанъ». Іезуиты были не разъ изгоняемы изъ многихъ странъ Европы—по праву каждаго народа удалять отъ общенія съ собою людей, отрицающихъ самыя основанія, на которыхъ созиждено народное общество. А эти люди, т. е. Іезуиты, такого рода, что противъ нихъ, съ одной стороны, недостаточны внѣшнія средства государственныя, обыкновенно употребляемыя противъ злодѣевъ, а съ другой стороны—безсильна и проповѣдь *истины*, потому

что ими сознательно признана и освящена *ложь* — какъ ложь, какъ принципъ ..

Они были, какъ мы сказали, изгнаны и изъ Россіи. Возвратиться они могли бы только при покровительствѣ власти,—и именно характеръ *покровительства*, а не просто терпимости стало бы носить на себѣ всякое оффиціальное разрѣшеніе, дарованное имъ правительствомъ...

Принципъ высшаго либерализма, свободы всякой проповѣди и вѣроисповѣданій, по нашему мнѣнію, не можетъ никакъ простираться на іезуитизмъ, потому что іезуитизмъ не есть какое-либо особое вѣроученіе,—стремится къ достиженію не духовной, а матеріальной цѣли, имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней практической дѣятельности; онъ уже самъ по себѣ есть положительное преступное *дѣйствіе*, и какъ таковое подлежитъ уже совершенно инымъ условіямъ, одинаковымъ съ тѣми, какимъ подлежатъ всякія внѣшнія преступныя дѣянія въ государствѣ... Положимъ, впрочемъ, что мы не правы. Но лица, которыя желали бы впустить въ Россію враговъ Русской православной церкви, подумали ли они о томъ, насколько собственное наше Русское вооруженіе въ исправности?... Мы уже имѣли случай указывать—въ какихъ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ находятся, въ Западныхъ губерніяхъ, Польскіе ксендзы въ сравненіи съ православными священниками: межъ тѣмъ, какъ ксендзъ проповѣдуетъ въ своемъ костелѣ совершенно свободно, не стѣсняемый никакимъ контролемъ,—православный священникъ, въ Русской церкви, рядомъ съ этимъ же костелемъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же селѣ, не можетъ противопоставить ему немедленно свое слово, а долженъ посылать свою проповѣдь за полсотни верстъ, и на каждое свое дѣйствіе искать разрѣшенія церковнымъ оффиціальнымъ порядкомъ!.. Взвѣсили ли они, такъ либерально зовущіе въ Россію Іезуитовъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ предстоитъ обороняться православной церкви? Никто не приведетъ къ связанному его врага и не скажетъ первому: «борись съ нимъ»,—но напередъ развяжетъ связаннаго; между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ формальностей, служители православной церкви,—въ сравненіи съ тою свободою, которою пользуются католическіе ксендзы на Западѣ Россіи (и восполь-

зовались бы Іезуиты, если бы были возвращены), — могутъ назваться по истинѣ—связанными...

И за какія это заслуги Россіи должно бы быть оказано такое благодѣяніе католицизму, католическому духовенству и папѣ? За дѣятельность ли ихъ въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ? За унію ли, которой пагубныя послѣдствія мы и теперь не можемъ изгладить, за ополяченіе и облатиненіе — слѣдовательно за отъемъ у Русскаго народа лучшей, образованнѣйшей и богатѣйшей его части въ 8 губерніяхъ? за то ли, что Римская церковь возвела въ ликъ святыхъ Іосафата Кунцевича—лютаго мучителя и гонителя православныхъ? Но все это дѣла былыя: вѣроятно есть заслуги новѣйшія? И въ самомъ дѣлѣ, какъ же не отблагодарить Римскаго папу за Польскій мятежъ, созданный и раздутый латинскимъ духовенствомъ, за моленія, предписанныя папою во всѣхъ католическихъ костелахъ объ успѣхѣ Польскаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ и въ Западнорусскомъ краѣ? за фанатизмъ повстанцевъ, внушенный ксендзами, за добрую нравственность, водворенную въ Польшѣ проповѣдями Іезуитовъ, за превращеніе храмовъ Божіихъ въ революціонные вертепы, за благословеніе, преподанное злодѣйствамъ—неслыханнымъ въ лѣтописяхъ человѣчества, за жандармовъ-вѣшателей, приводимыхъ къ присягѣ латинскими священнослужителями, за дѣятельность ксендза Маскевича и его шайки, за сочиненіе извѣстнаго Польскаго гражданскаго катихизиса, за примѣненіе въ самомъ широкомъ смыслѣ іезуитскаго принципа—оправдывающаго всякое безнравственное средство ради цѣли? Всѣ эти подвиги, конечно, заслуживаютъ величайшей признательности, и такъ какъ площадь дѣятельности, отведенная Іезуитамъ, слишкомъ тѣсна, то необходимо дать имъ большій просторъ! Оно же тѣмъ болѣе кстати, что правительство именно теперь напрягаетъ всѣ свои усилія — какъ бы обуздать латинское духовенство въ Польшѣ, и черезъ то подавить и самый мятежъ: вѣроятно упомянутые нами члены Петербургскаго общества догадались, что успѣхъ Польской интриги, т. е. водвореніе Іезуитовъ въ Санктпетербургѣ—будетъ содѣйствовать къ ослабленію вліянія Іезуитовъ въ Польшѣ???

Будемъ надѣяться, что всѣ дошедшіе до насъ слухи не

имѣютъ никакого основанія, но эти слухи тѣмъ не менѣе существуютъ...

По поводу разсказа Озерецкаго „Полинька".

«День», 31-го марта 1865 г.

Мы обязаны вступить въ печатное объясненіе по поводу одного довольно страннаго обстоятельства. Какъ бы ни желали мы избѣжать гласности въ настоящемъ случаѣ и замѣнить ее частными объясненіями, но это оказывается рѣшительно-невозможнымъ Довольно-значительная часть нашихъ подписчиковъ принадлежитъ къ духовному сословію — преимущественно священники. Многіе изъ нихъ оскорбились помѣщеніемъ въ 8 и 9-мъ №№ «Дня» разсказа нашего Пензенскаго корреспондента, г. Озерецкаго, подъ заглавіемъ: «Полинька, оригинально-Русское явленіе изъ современной исторіи мѣстной, церковно-религіозной народной жизни». Нѣкоторые сами писали намъ объ этомъ; объ отзывахъ другихъ сообщили намъ наши корреспонденты, и насъ увѣряютъ, что таково общее впечатлѣніе большинства провинціальныхъ священниковъ. Нашлись даже такіе (изъ Сѣверо-западнаго края: именъ ихъ мы не могли разобрать), которые, вырвавъ съ негодованіемъ листы этого разсказа изъ газеты, отослали ихъ къ намъ обратно, испещривъ поля разными нелестными для насъ примѣчаніями и подчеркнувъ особенно тѣ мѣста, гдѣ (въ крестьянской рѣчи) стояло слово: попъ. Очевидно, что самое слово «попъ», хотя и поставленное въ смыслѣ нисколько не непочтительномъ, показалось обиднымъ нашимъ многоуважаемымъ Бѣлорусскимъ іереямъ, привыкшимъ къ болѣе учтивымъ названіямъ, употребительнымъ въ ихъ мѣстности.. Но смѣемъ увѣрить ихъ, что въ народныхъ понятіяхъ, у насъ, въ Великорусскихъ губерніяхъ, это выраженіе не заключаетъ въ себѣ ничего обиднаго, — и было бы странно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не совсѣмъ-то прилично, при буквальной передачѣ разговора крестьянъ между собою, замѣнять это слово болѣе книжнымъ и важнымъ словомъ: священникъ. Не можемъ при этомъ слу-

чаѣ не вспомнить одно обстоятельство, которое хотя въ свое время и удивило насъ, однакоже не обратило тогда на себя нашего особеннаго вниманія. Въ прошломъ году одинъ изъ священниковъ, изъ того же Сѣверозападнаго края, пришелъ точно также въ сильное негодованіе.. отъ чего бы вы думали, читатель? отъ повѣсти г-жи Кохановской: «Рой — Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ». Онъ упрекалъ талантливаго автора въ антирелигіозности, въ желаніи уронить въ глазахъ народа значеніе духовенства — и все за то, что авторъ, мимоходомъ, такъ мастерски очертилъ бытовую сторону благочестивыхъ и вполнѣ искреннихъ отношеній Ѳеодосія Саввича съ его домашними — къ приходскому причту и молодому попу, поставленному для него архіереемъ Горленкой? Что̀ сказали бы — на это обвиненіе г-жи Кохановской въ антирелигіозномъ направленіи — тѣ ея Петербургскіе критики, которые напротивъ осудили и предали ее своей публикѣ на безславіе — за «византизмъ», какъ они тогда тонко выразились??

Но это мы припомнили только такъ, къ слову. Есть обвиненія гораздо болѣе серіозныя, на которыя мы считаемъ нужнымъ отвѣчать, не желая давать мѣсто недоразумѣнію въ такомъ важномъ дѣлѣ. Въ помѣщеніи разсказа о «Полинькѣ» нѣкоторые думаютъ видѣть такой умыселъ съ нашей стороны, что мы хотимъ будто бы выставить ее какъ идеалъ для народа, какъ образецъ самобытнаго отношенія къ вѣрѣ, — хотимъ подорвать узы, связывающія народъ съ церковью. Другіе же, не подозрѣвая насъ въ положительномъ умыслѣ, упрекаютъ насъ въ томъ, что напечатавши «Полиньку» — мы этимъ самымъ возвели въ апоѳеозъ религіозное «самодурство» и грубое невѣжество народа, — такъ какъ авторъ разсказа видимо относится къ своей героинѣ съ любовью и передаетъ въ то же время не совсѣмъ выгодные отзывы крестьянъ о мѣстныхъ священникахъ. По мнѣнію и тѣхъ и другихъ обвинителей, напечатаніе этого разсказа можетъ имѣть вредное дѣйствіе на простой народъ и умножить для «Полиньки» (и ей подобныхъ) число прозелитовъ.

Послѣдняго рода опасеніе (т. е. вреднаго дѣйствія на народъ) мы слыхали не разъ и не отъ однихъ священниковъ, и не по этому только случаю. Почти то же самое было вы-

сказано намъ, только не такъ ясно, въ одной газетѣ, по поводу нашихъ статей о дворянствѣ. Это опасеніе совершенно напрасное. Мы не говоримъ уже о томъ, что подобными опасеніями обличается лишь странное тайное недовѣріе къ прочности и истинности тѣхъ основъ, которыми дорожатъ, — если для этихъ основъ такъ страшно слово какой-нибудь газеты, выражающее личное мнѣніе какого-нибудь публициста! Но кому неизвѣстно, что вообще журналистика наша почти не переступаетъ за предѣлы среды общественной? Еслибъ она поболѣе проникала въ народъ, тогда, при нашемъ 70-милліонномъ народонаселеніи, число подписчиковъ у самой распространенной нашей частной газеты—было бы вѣроятно болѣе 12 тысячъ. Что же касается до «Дня» собственно, то наша газета въ простомъ народѣ не читается, популярностью—даже въ такъ-называемой «образованной публикѣ»—не пользуется, да наконецъ за популярностью, какъ извѣстно, вовсе и не гонится. Это многими ставится ей въ упрёкъ, тѣмъ болѣе, что недостатокъ этотъ (если это только недостатокъ) могъ бы быть отчасти отстраненъ помѣщеніемъ въ газетѣ «предметовъ для легкаго чтенія», новостей политическихъ, извѣстій о движеніи по службѣ и т. д. Самый языкъ статей, какъ редакціи, такъ и ея сотрудниковъ, вовсе уже, кажется, не обличаетъ намѣренія быть вполнѣ доступнымъ простонародному разумѣнію, и доступенъ—въ чемъ насъ и обвиняютъ—только людямъ вполнѣ образованнымъ. Мы не находимся въ томъ положеніи, чтобы слова наши доходили до простаго народа и не хлопочемъ объ этомъ — потому что вовсе не въ этомъ наша задача. Наша задача—уяснять, по мѣрѣ нашихъ силъ и нашего разумѣнія, общественное сознаніе кругомъ насъ, въ нашей средѣ,—и это заявленіе намъ нужно потому, что мы нисколько не намѣрены отказываться отъ помѣщенія статей въ родѣ «Полиньки» или статьи «о движеніи религіозной мысли», такъ не понравившейся «Домашней Бесѣдѣ». Этотъ avis au lecteur мы признаемъ особенно необходимымъ въ виду тѣхъ современныхъ, фальшивыхъ по большей части, опасеній, которыя высказываются громко и втихомолку нашими многочисленными доброжелателями — по поводу статей «Дня» о народѣ, народности и народныхъ интересахъ.

Возвратимся къ «Полинькѣ». Признаться сказать, насъ очень огорчило такое непониманіе самыхъ простыхъ вещей со стороны лицъ духовныхъ. Кажется, можно было бы понять, что мы прежде всего дорожимъ живыми фактами нашей народной жизни и считаемъ ихъ заслуживающими изученія, изслѣдованія и во всякомъ случаѣ вниманія, а не высокомѣрнаго пренебреженія. Тѣмъ болѣе дорожимъ мы всякими данными, раскрывающими для насъ религіозное міросозерцаніе народа, его внутреннее, сердечное, а не внѣшнее или оффиціальное отношеніе къ существующимъ церковнымъ учрежденіямъ,—наконецъ степень его духовнаго и умственнаго развитія. Наконецъ, если онѣ, эти данныя, дороги намъ, какъ и всѣмъ мыслящимъ, образованнымъ Русскимъ,—то онѣ сущій кладъ для лицъ, призванныхъ стать въ непосредственныя отношенія къ простому народу и имѣть дѣло именно съ религіозною стороною его быта. Клеймить презрѣніемъ, бранью и насмѣшками религіозное «самодурство» народа,—безъ сомнѣнія очень легко; онъ вѣдь не учился ни въ семинаріи, ни въ духовномъ училищѣ: но это будетъ и несправедливо, и даже не совсѣмъ, сколько мы можемъ это разумѣть, согласно съ духомъ истиннаго — т. е. христіанскаго — просвѣщенія. На счетъ народнаго невѣжества позабавиться конечно не трудно: право это добывается дешево, тремя-четырьмя годами самаго поверхностнаго прохожденія курсовъ. Но мы полагаемъ, что если кому менѣе всѣхъ прилична духовная гордость просвѣщенія, кому менѣе всѣхъ пристало кичиться предъ народомъ своею ученостью, такъ это именно нашимъ духовнымъ, какъ по причинѣ ихъ сана, такъ еще болѣе потому, что такъ вообще непроизводительна, такъ безплодна для народа ихъ школьная мудрость! Мы говоримъ это съ глубокимъ сожалѣніемъ и конечно о большинствѣ только, допуская многія исключенія. Высокомѣрное просвѣщеніе, какъ лучше насъ должно быть извѣстно нашимъ обвинителямъ, не проливаетъ свѣта, не побѣждаетъ невѣжества; глумленіе надъ народнымъ духовнымъ «скудоуміемъ», какъ любятъ иногда выражаться духовныя лица, не только не способно внушить крестьянамъ любви и довѣренности, но порождаетъ напротивъ раздраженіе и отчужденіе... По нашему мнѣнію, если кто долженъ быть намъ

особенно благодаренъ за напечатаніе такихъ любопытныхъ этнографическихъ очерковъ, каковъ разсказъ о «Полинькѣ», такъ это именно священники, и именно сельскіе. Почему? мы это объяснимъ ниже, а здѣсь кстати просимъ замѣтить, что разсказъ г. Озерецкаго помѣщенъ нами въ Областномъ Отдѣлѣ, въ смыслѣ корреспонденціи изъ Пензы.

«Полинька»—несчастная героиня этого разсказа, подавшая поводъ къ столькимъ нападеніямъ на нашу газету (дай только Богъ, чтобъ она сама не подверглась никакимъ оффиціальнымъ гоненіямъ) — есть простая бѣдная крестьянская дѣвушка, которою еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ овладѣла религіозная восторженность и возбудивъ въ ней влеченіе подвижнической жизни—увела ее наконецъ въ лѣсъ—«спасаться». Уважая ея подвигъ (подвергшій ее тотчасъ же разнымъ преслѣдованіямъ со стороны мѣстныхъ блюстителей благочинія), крестьяне выстроили ей келью и снабжаютъ ее всѣмъ нужнымъ для безмятежнаго молитвеннаго труда. Явленіе очень обыкновенное въ нашей народной жизни, и ужъ конечно не духовенству осуждать за это народъ! Оно должно дорожить этими завѣтными чертами его духа, этими залогами высшихъ духовныхъ потребностей и духовной силы, которая, не находя себѣ никакого другаго достойнаго исхода и приложенія, устремляется преимущественно на аскетическіе подвиги. Полинька носитъ вериги, съ утра до ночи и съ ночи до утра молится или поетъ вмѣстѣ съ другими крестьянскими дѣвушками духовныя пѣсни, или наконецъ ведетъ поучительныя бесѣды съ крестьянами, которые охотно приходятъ ее послушать. Многія молитвы она перевираетъ, исторіи священной съ точностью не знаетъ, — это правда, но чему же она вредному учитъ? Она не излагаетъ никакого новаго ученія,—о догматахъ вѣры она и не разсуждаетъ, а принимаетъ ихъ вполнѣ, вмѣстѣ съ народомъ. Она не обманщица, не проповѣдуетъ ни вражды, ни ссоры, ни фанатизма; не выдаетъ себя за святую, но вѣритъ въ силу молитвы; она не копитъ богатства, а раздаетъ бѣднымъ же все, что̀ ей приносятъ; она не поощряетъ ни пьянства, ни воровства, ни разврата, а учитъ самымъ простымъ толковымъ языкомъ, съ силою искреннѣйшаго убѣжденія — христіанской добродѣтели. Что̀ же тутъ дурнаго или вред-

наго? Слово ея просто, неискусно, невѣжественно, грубо, но всегда благочестиво, согрѣто истиннымъ чувствомъ вѣры и запечатлѣно такою печатью искренности, которая не только отнимаетъ у него всякую пошлость, но сообщаетъ ему необыкновенную силу и привлекательность для народа, — и которой, къ сожалѣнію, такъ часто недостаетъ нашимъ оффиціальнымъ проповѣдямъ. Противъ начальства она не говоритъ ничего: развѣ только «возмутительными» признать тѣ ея невинныя слова, что «въ нынѣшнія времена и въ райто безъ билета не пущаютъ,—и спасаться-то —подавай паспортъ!» Можетъ-быть соблазнительнымъ находятъ почтенные іереи то уваженіе, которое питаетъ къ ней народъ, почитая ее чуть не святою? Но не говоря уже о томъ, что это уваженіе далеко слабѣе того почитанія, какимъ еще недавно пользовался въ Москвѣ, у значительной части общества, одинъ изъ заключенныхъ въ сумасшедшемъ домѣ, котораго всякія несвязныя рѣчи считались изрѣченіями оракула,—не говоря уже объ этомъ, — мы думаемъ, что гораздо болѣе бы произвело соблазна—гоненіе на крестьянъ за оказываемое ими уваженіе тому, въ чемъ они видятъ какъ бы подражаніе древнимъ подвижникамъ... Съ этимъ дѣломъ надо обращаться осторожно, особенно тамъ, гдѣ есть поводъ предполагать не мошенничество или плутню, а искреннее религіозное убѣжденіе, или по крайней мѣрѣ искреннее самообольщеніе. Къ тому же народное мнѣніе о крестьянской дѣвушкѣ Полинькѣ — не больше, какъ мнѣніе, которое ни для кого не имѣетъ обязательной силы, и не будучи подкрѣплено авторитетомъ церкви, подлежитъ естественному колебанію и измѣненію.

Не упрековъ, говоримъ, а благодарности ждемъ мы отъ священниковъ за помѣщеніе поучительнаго разсказа о Полинькѣ. Мы называемъ его поучительнымъ потому именно, что онъ даетъ намъ понятіе о настоящихъ духовныхъ нуждахъ и потребностяхъ народа. Онъ поученъ потому, что заставляетъ задуматься — откуда берутся, что̀ порождаетъ такія явленія? Почему возможны и даже такъ часты у насъ въ народѣ эти Полиньки? И если въ самомъ дѣлѣ есть отъ нихъ вредъ, то не лежитъ ли вина въ этомъ случаѣ — отчасти и на самомъ духовенствѣ? Очевидно, что народъ не

вполнѣ удовлетворенъ настоящимъ строемъ своей церковной жизни,—ни своимъ чисто бытовымъ отношеніемъ къ вѣрѣ, ни отношеніемъ къ паствѣ самихъ духовныхъ пастырей. Онъ жаждетъ Слова Божія, но оно только отрывочно, не внятно доходитъ до его слуха: онъ желалъ бы просвѣтиться свѣтомъ истины,—а имѣющіе свѣтильникъ ставятъ его подъ спудомъ; онъ желалъ бы назидательной, поучительной бесѣды, вводящей его въ міръ высшаго религіознаго созерцанія, высшихъ стремленій поднимающихъ его надъ этою печальною землею, надъ его труженическою тяжелою долей,—онъ хотѣлъ бы со смиреніемъ послушать уроковъ и для земнаго житейскаго подвига,—а ему или съ высокомѣріемъ въ томъ отказываютъ, или же предлагаютъ ему, вмѣсто живаго слова, схоластическія проповѣди, написанныя отвлеченнымъ языкомъ, красиво обставленныя въ приличныхъ мѣстахъ Славянскими текстами — часто непонятными безъ перевода, — проповѣди холодныя, вялыя, неискреннія, вполнѣ безсильныя и безплодныя, что̀ называется: казенныя. Что̀ говорятъ крестьяне, сошедшись въ оврагѣ изъ разныхъ мѣстъ, предъ кельей Полиньки? Они хвалятъ ее за простую вразумительную рѣчь, и сѣтуютъ — одни, что священникъ въ ихъ мѣстности говоритъ имъ проповѣди слишкомъ мудреныя, другіе—что священникъ въ ихъ сторонѣ не преподаетъ примѣра благочестивой жизни. Пусть наши порицатели сами, по своей совѣсти, отвѣтятъ намъ: правдоподобны ли эти жалобы?....

Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что если бы священники въ тѣхъ обѣихъ мѣстностяхъ умѣли вести съ народомъ живыя, не мудреныя, а вполнѣ доступныя ихъ разумѣнію бесѣды, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ любви, то крестьяне вѣроятно предпочли бы эти бесѣды причитаньямъ какой-нибудь Полиньки. — не плелись бы изъ-за сотни верстъ послушать рѣчей простой, неучившейся крестьянки. Изъ этого слѣдуетъ, что еслибъ въ тѣхъ мѣстностяхъ были школы и крестьяне имѣли возможность сами читать Слово Божіе, они не пошли бы подбирать крохи его у безграмотной дѣвки, они бы не учились у нея церковнымъ пѣснямъ и молитвамъ, которыхъ она сама твердо не знаетъ и не понимаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что еслибъ на нашемъ духо-

венствѣ, на церковной администраціи и на современной церковной жизни менѣе лежалъ характеръ оффиціальности, народъ былъ бы усерднѣе къ вѣрѣ, и извѣстныя слова раскольниковъ менѣе имѣли бы дѣйствія на народъ. Мы разумѣемъ тѣ ихъ слова, что наши пастыри болѣе похожи на государственныхъ чиновниковъ, чѣмъ на служителей алтаря, и что наша церковь запечатлѣна печатью казенности. (См. «Прав. Обозр». Февр. кн., разборъ нов. соч. отца Парѳенія). Конечно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ вина лежитъ не на простыхъ, бѣдныхъ сельскихъ священникахъ; мы знаемъ, съ какими препятствіями имъ самимъ приходится бороться, какими путами опутано нерѣдко ихъ благое рвеніе. Но тѣмъ не менѣе, если для кого священство не есть только извѣстное общественное положеніе, а святое призваніе; если въ комъ горитъ хоть слабымъ пламенемъ—тотъ святой огонекъ, безъ котораго безсильна и безплодна всякая дѣятельность человѣка, тотъ сумѣетъ подчинить своему вліянію простыя сердца крестьянъ и благотворно на нихъ воздѣйствовать. Мы знаемъ два села (можетъ-быть таковыхъ и больше, но намъ лично извѣстны только два) Московской губерніи, одно Дмитровскаго уѣзда, другое—если не ошибаемся — Московскаго, гдѣ крестьяне вовсе не пьютъ и отличаются отъ прочихъ своею нравственностью, своимъ расположеніемъ къ ученію. И въ томъ и въ другомъ селѣ крестьяне говорили намъ, что—они обязаны этимъ «батюшкѣ», т. е. священнику своего села,—которымъ они не нахвалятся, который устроилъ школу, самъ учитъ и поучаетъ и пр. Стало-быть — есть же возможность и для сельскихъ священниковъ не ограничивать своей пастырской дѣятельности однимъ оффиціальнымъ отправленіемъ службы и совершеніемъ требъ? Мы увѣрены, что почтеннымъ священникамъ этихъ двухъ селъ никогда бы и въ голову не пришло прибѣгать къ какимъ-либо грубымъ мѣрамъ насилія надъ бѣдною крестьянскою дѣвушкой, и укрѣплять народъ въ вѣрѣ—полицейскими способами! Такіе достойные служители алтаря едвали бы стали называть народъ оскорбительными именами, или раздражать раскольниковъ публичнымъ глумленіемъ надъ ними и публичнымъ пренебреженіемъ ко многимъ почтеннымъ обычаямъ. Предъ нами лежитъ письмо отъ священника одной изъ нашихъ отдален-

ныхъ губерній (присланное имъ въ редакцію для напечатанія), въ которомъ онъ, описывая съѣздъ избирателей для выбора гласныхъ, честитъ народъ не иначе, какъ «чернью», и передаетъ простодушно содержаніе рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи избирателей. Рѣчь эта начинается словами: «вы, люди благородные» (обращаясь къ дворянамъ), «и вы, простецы православія» (обращаясь къ крестьянамъ)... Не думаемъ, чтобъ такой высокій слогъ рѣчи могъ сильнѣе подѣйствовать на сердца мужиковъ, чѣмъ низкаго слога рѣчь «Полиньки»... Авторъ письма, увѣдомляя, что рѣчь его не понравилась и что священниковъ избрано въ гласные всего только двое, горько жалуется на неуваженіе къ духовенству. Мы бы не упомянули объ этомъ обстоятельствѣ, еслибъ видѣли въ немъ явленіе совершенно исключительное и одинокое, а не точку зрѣнія болѣе или менѣе общую, и еслибъ не считали полезнымъ — обратить на него вниманіе самого духовенства. Однимъ словомъ, если въ явленіи Полиньки духовенство можетъ усматривать нѣчто вредное для православія, то ни отъ кого больше, какъ отъ него же самого, зависитъ ослабить силу, значеніе, необходимость такихъ явленій.

Много можно было бы сказать по поводу любопытнаго явленія Полиньки, по поводу этой аскетической потребности, присущей человѣческому духу, по поводу этого идеализма, въ которомъ оказывается грѣшенъ Русскій человѣкъ, котораго всѣ прославляютъ реалистомъ по преимуществу... Но наша задача была—дать только объясненіе на вопросъ: почему мы напечатали въ «Днѣ» разсказъ г. Озерецкаго. Смѣемъ надѣяться, что мы отвѣчали удовлетворительно и не переступая предѣловъ того уваженія, которымъ мы обязаны и которое искренно питаемъ къ священному званію служителей Церкви.

По поводу письма изъ Англіи Владиміра Печерина.

«День», 2-го сентября 1865 г.

Мы получили на дняхъ изъ-за границы письмо, которымъ хотимъ подѣлиться съ читателями. Они будутъ намъ благо-

дарны за это,—мы знаемъ: оно, безъ сомнѣнія, произведетъ на нихъ то же самое впечатлѣніе, что̀ и на насъ. Это письмо прислано намъ изъ Дублина, отъ человѣка, который извѣстенъ намъ только по имени, по слухамъ, по тѣмъ воспоминаніямъ,—добрымъ воспоминаніямъ — которыя оставила въ сослуживцахъ и ученикахъ его профессорская дѣятельность. Владиміръ Печеринъ принадлежалъ къ той плеядѣ молодыхъ блистательныхъ профессоровъ, которая въ 1835—40 году такъ высоко подняла въ Русскомъ обществѣ значеніе Московскаго университета. Въ одно время съ покойнымъ Крюковымъ пріѣхалъ въ Москву и Печеринъ: Крюковъ занялъ каѳедру Римской, — Печеринъ Греческой словесности. Въ короткое время своего профессорства, онъ успѣлъ внушить и слушателямъ и товарищамъ чувства самой живой симпатіи. Строгій ученый, онъ соединялъ съ замѣчательной эрудиціей по части классической древней литературы—живое поэтическое дарованіе и нѣжную, хотя постоянно тревожную душу, болѣзненно-чутко отзывающуюся на всѣ общественныя задачи своего времени, на всякую боль тогдашней Русской дѣйствительности. Какова была эта дѣйствительность—пусть припомнятъ сами читатели. Направленіе мыслей его было атеистическое—общее почти всѣмъ его товарищамъ. Въ 1838 году поѣхалъ онъ за границу, не вернулся къ сроку и скоро затѣмъ узнали въ Москвѣ—сначала, что онъ увлекся крайними теоріями Европейскихъ революціонеровъ, а потомъ, что онъ поступилъ въ римско-католическій монашескій орденъ редемпторовъ. Усилія пріятелей вырвать Печерина изъ хитрыхъ сѣтей, въ которыя была уловлена его изнывавшая душа,—всюду искавшая себѣ примиренія, вѣчно томившаяся по истинѣ, — не увѣнчались успѣхомъ. «Я принесъ въ жертву Богу самое дорогое свое сокровище—волю», сказалъ онъ тогда одному изъ ближайшихъ своихъ старыхъ друзей,—и съ страстію предалъ онъ себя въ безусловное повиновеніе — волѣ своего хитраго и умнаго монастырскаго пріора.! «Плѣнить умъ въ послушаніе вѣры» имѣло нѣчто плѣнительное для человѣка, котораго кичливость ума и гордость знанія не только не привели къ успокоенію, но едва было не привели въ нравственную пропасть,—на самомъ уже краю которой удержало

его смутное религіозное чувство. Это-то чувство и подмѣтилъ въ Московскомъ атеистѣ зоркій глазъ католическаго священника. Истина и ея миръ явились Печерину въ видѣ латинской вѣроисповѣдной доктрины, и онъ сталъ ея жаркимъ адептомъ. Извѣстно, что римско-католическіе монахи, особенно іезуиты, владѣютъ необыкновеннымъ искусствомъ уловить и осѣтить душу; взявши однажды ее въ свои руки, они, посредствомъ глубоко разсчитанной духовной дисциплины—выдѣлываютъ ее какъ какую-нибудь овчину, мягчатъ какъ лайку, выворачиваютъ какъ перчатку, шарятъ въ ней, какъ въ своемъ собственномъ карманѣ, даютъ направленіе, какое имъ нужно и какое свойственнѣе ея природѣ,—а сама душа, при всемъ этомъ, не только не реагируетъ, но испытываетъ какое-то сладострастное наслажденіе — самоуниченія, смиренія, послушанія! Мы слышали, мы даже читали въ одной книгѣ, напечатанной за границей, разсказъ, въ которомъ Печеринъ представлялся намъ совершенно такой, погибшей жертвой римскаго прозелитизма. Уже болѣе 25 лѣтъ прошло со времени его обращенія въ латинство, — и самому ему, по наведеннымъ нами справкамъ, теперь уже 57 или 58 годъ. Одно только невольно обращало на себя вниманіе: несмотря на то, что нашихъ Русскихъ ренегатовъ за границею довольно, имя Печерина не смѣшивалось съ ихъ именами; онъ былъ и остался какимъ-то одиночнымъ явленіемъ, которое не запятнано было, сколько намъ извѣстно, никакимъ враждебнымъ дѣйствіемъ противъ Россіи и вызывало къ себѣ не презрѣніе, а чувство искренняго соболѣзнованія во всѣхъ, кто зналъ Печерина прежде. Въ какой степени правы были эти послѣдніе, пусть судятъ теперь сами читатели: вотъ письмо, о которомъ мы упомянули въ началѣ:

Дублинъ, 1-го Сентября 1865 г.

„Милостивый государь.

„Благородный духъ вашего журнала давно привлекаетъ мое вниманіе—хотя, къ сожалѣнію, я не всегда имѣю случай читать его. Сверхъ того, тамъ часто встрѣчается дорогое для меня имя Ѳ. В. Ч—ова. Неизбѣжная судьбина—ineluctabile fatum—отдѣ-

ляетъ меня отъ родины, но прилагаемое стихотвореніе покажетъ вамъ, что я не забылъ ни Русскаго языка, ни Русскихъ думъ. Я самъ не могу себѣ объяснить, для чего я посылаю вамъ эти стихи. Это какое-то темное чувство—или просто желаніе переслать на родину хоть одинъ мимолетный умирающій звукъ.

Примите увѣреніе въ томъ искреннемъ уваженіи, съ которымъ пребываю.

милостивый государь,
вашимъ покорнымъ слугою
Владиміръ Печеринъ.

Г. Аксакову, издателю журнала-газеты „День".

Въ письмо вложена визитная карточка:

Rev-d Vladimir Petcherine.
47 Lower Dominick Street,
Dublin.

Вотъ стихи:

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...
Demoutier.

Не погибъ я средь крушенья!
Не пришелъ еще мой часъ!
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ!

* * *

И подъ часъ, какъ молньи, блещутъ
Мысли юности моей,
И въ груди моей трепещутъ
Вдохновенья прежнихъ дней.

* * *

Чудится—плывутъ въ эѳирѣ
Звуки пѣсней удалыхъ,
И волшебница на лирѣ
Мнѣ поетъ о снахъ златыхъ.

Рано, рано съ утренней зарею
Вышелъ я изъ хижины родной,
И зеленый лѣсъ передо мною
Разцвѣталъ весеннею красой.

* * *

На вѣтвяхъ алмазами сверкали
Капли крупныя росы ночной,
Дикіе цвѣты благоухали
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...

* * *

На соснѣ, соснѣ высокой.
Птичка дивная сидитъ.
И ея живое око
Прямо въ небеса глядитъ.

* * *

Встрепенулась и запѣла
И—весь лѣсъ безмолвенъ сталъ;
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и молчалъ.

* * *

Заливалась, разливалась
Будто соловей она,
И мнѣ пѣснь ея казалась
Тайной грустію полна.

* * *

Райская была то птица
И о раѣ пѣснь вела,
И *туда* меня пѣвица
И манила и звала:

* * *

„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ
Правды незакатный свѣтъ!
Тамъ любовь не умираетъ
И разлуки вовсе нѣтъ!

* * *

„О, духъ жаждою томимый!
Тамъ тебя блаженство ждетъ!
Тамъ струей неутомимой
Истины потокъ течетъ.

* * *

„Тамъ подъ небомъ вѣчно чистымъ
Будешь птичкою парить,

Какъ пчела изъ розъ душистыхъ
Сладкій медъ ты будешь пить.

* * *

„Что тебѣ страна родная
Межъ тумановъ и снѣговъ?
Тамъ—свобода золотая!
Жизнь эѳирная духовъ!“

* * *

Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и—мечталъ;
Быстро жизнь моя летѣла,
Дни прошли—и я не зналъ.

И красуется, какъ прежде, въ пышной
Зелени, густой могучій лѣсъ;
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно,
И на вѣки слѣдъ ея исчезъ.

* * *

Время хладною рукой сорвало
Юности вѣнокъ съ главы моей,
Все померкло—сердце перестало
Вѣрить сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

Безпріютнымъ сиротою
Я у хижины родной
Постучался въ дверь клюкою—
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:

* * *

„Кто ты, странникъ? изъ какого края?
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?...
Или можетъ-быть—судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?

* * *

„Есть народная святыня!
Есть завѣтный кровъ родной!
И семейство, какъ твердыня,
Насъ хранитъ въ годинѣ злой.

* * *

„Неужель на бѣломъ свѣтѣ
Некому тебя обнять,
Пріютить, пригрѣть на сердцѣ
И тебѣ „люблю“ сказать?“

Странникъ.

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастіе сулили
И звѣзда свѣтила предо мной!
Но—я слышалъ гласъ Красы незримой,
Этотъ гласъ меня очаровалъ.
Я отца и мать и край родимой —
Все на жертву ей отдалъ!

* * *

Гдѣ ты? гдѣ? Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду!
За горами-ль за высокими?
За морями-ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!

* * *

Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой:
Я за ней —Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тьмѣ ночной.

* * *

И теперь бездомнымъ сиротою
По-міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу...

Miltown park. Авг. 1865.

Мы не знаемъ, найдется ли въ Россіи человѣкъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца! Это братъ нашъ скорбитъ и страдаетъ, это родная намъ душа бьется, какъ птица въ клѣткѣ, изнываетъ, гибнетъ и стонетъ! Онъ нашъ, нашъ, нашъ—даже подъ латинскимъ фрокомъ!—онъ имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе! Неужели нѣтъ для него возврата? Ужели поздно, поздно?... Ужели это скорбь безсильная, не способная уже ни вы-

рваться изъ-подъ привычнаго гнета, ни откликнуться живымъ дѣломъ раскаянія на призывъ горячей всепрощающей любви? Русь проститъ заблужденія, которыхъ поводъ такъ чистъ и возвышенъ, она оцѣнитъ страстную, безкорыстную жажду истины, она съ любовью раскроетъ и приметъ въ объятія своего заблудшаго сына! Да, «есть народная святыня», которая осѣнитъ святымъ миромъ усталое тревожное сердце, есть кровъ родной, есть обширная родная Русская семья, которая пріютитъ и приласкаетъ его израненную, больную Русскую душу... Но не во имя только кровной связи съ родиной зовемъ мы сюда Печерина. Не тамъ онъ искалъ и ищетъ истины и покоя, гдѣ бы могъ обрѣсти и истину и покой. Онъ менѣе всего знаетъ истину православія—прежде вовсе ему, благодаря системѣ нашего воспитанія, незнакомой, а впослѣдствіи заслоненной отъ него латинскою ложью. Пусть онъ познаетъ ее—здѣсь, среди роднаго народа, возросшаго подъ ея воздѣйствіемъ, и она освободитъ изъ рабскаго плѣна его умъ и волю, и дастъ его, жаждущей вѣры, душѣ – истинное благо вѣры, миръ и свободу Христа.

Сколько благородныхъ умовъ, сколько душъ чистыхъ и прекрасныхъ, сколько силъ богатыхъ—уже истеряла и продолжаетъ терять Россія! Что̀ за причина той безмѣрной тоски, которая или гонитъ вонъ изъ нея далеко ея даровитѣйшихъ сыновъ, или поражаетъ преждевременною смертью самые яркіе ея таланты, или побуждаетъ ихъ растрачивать въ постыдномъ мелочномъ мотовствѣ свои лучшія духовныя силы? Отъ того ли, что истина у насъ подъ спудомъ и трудно пробиваться къ ней сквозь толстый слой формализма и лжи отъ того ли, что въ Россіи нѣтъ свободы исканію истины и нѣтъ довольно простора для жизни духа?.. А какъ бы нужны были намъ такіе безумцы, которые способны безразсчетно, сполна, принести себя въ жертву святой истинѣ и всецѣло отдаться ея служенію! Какъ недостаетъ намъ людей—не мысли отвлеченной, не празднаго слова, но убѣжденья и подвига!.. Пусть однако горькій опытъ научитъ Русскихъ, оставившихъ Русскую землю, что не найти Русскому себѣ удовлетворенія и покоя въ міросозерцаніи Запада и что дома оставлено ими неисчерпаемое, неразработанное и почти непочатое еще сокровище народнаго духа! .

Да проститъ намъ отецъ Печеринъ, что мы напечатали его стихи. Мы, можетъ-быть, оскорбили его скромность, но намъ дорого было—оправдать его въ общественномъ мнѣніи Россіи. — Мы вѣримъ, что голосъ его дойдетъ до сердца многихъ и что со многихъ концовъ ея понесутся къ нему братскіе призывы. Мы вѣримъ, что истина скажется душѣ, такъ страстно взыскавшей истины, и что не погибъ онъ для насъ безвозвратно... Богъ да направитъ тебя въ обратный путь—къ намъ, нашъ бѣдный братъ!

Разсказъ о „послѣднемъ Иванѣ".

«День», 1-го октября 1865 г.

Что бы это такое? думаете вы, «der letzte Ivan». «послѣдній изъ Ивановъ»,—«сказаніе о послѣднемъ Иванѣ»... Гм... Можетъ-быть этимъ сказаніемъ замыкается цѣлый циклъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ объ Иванахъ, которыхъ, какъ извѣстно, довольно много и въ званіи царевича, и въ званіи гостинаго сына, и въ качествѣ богатырей и преимущественно въ качествѣ умныхъ дурачковъ? Можетъ-быть народная фантазія, такъ плодовито разнообразившая сказочный типъ Ивана, наконецъ завершила свою работу и распростилась окончательно съ этимъ любимымъ образомъ? Можетъ-быть... и вы собираетесь уже посовѣтоваться съ вашимъ ученымъ сотрудникомъ и знатокомъ Русскаго легендарнаго и сказочнаго міра, г. Безсоновымъ... Остановитесь, любезный редакторъ. Мой Иванъ не миѳъ, не сказочный герой,— а простой солдатъ лейбъ-гвардіи какого-то полка, Егоръ или Сидоръ, прозванный Нѣмцами *Иваномъ*, спокойно доживающій (а въ настоящую минуту можетъ-быть уже и дожившій) свой вѣкъ въ колоніи Александровкѣ, не вдалекѣ отъ Берлина, четверть часа ѣзды отъ Потсдама или отъ знаменитаго сада Sans-souci...

Я былъ въ этой колоніи еще въ 1857 году, и недавно вспомнивъ объ ней по какому-то случаю, подумалъ, что будетъ не лишнимъ почтить наконецъ память этихъ позабытыхъ Россіею Русскихъ колонистовъ въ Германіи—послушно,

по командѣ, лишившихся народности и отечества,—и передать вамъ то немногое, что̀ мнѣ объ нихъ извѣстно.

Я зналъ объ этой колоніи еще прежде и, отправляясь, по долгу службы путешественника, осматривать Потсдамъ и Сансуси, рѣшился непремѣнно посѣтить этихъ Русскихъ и поглядѣть на ихъ житье-бытье среди Прусаковъ.—Нѣмцевъ колонистовъ видалъ я въ Россіи не мало; каковы-то Русскіе колонисты въ Нѣмечинѣ,—думалъ я. Осмотрѣвши дворцы и сады, гдѣ все, съ истиннымъ идолопоклонствомъ, посвящено памяти Фридриха II (дѣйствительно ставшей въ Пруссіи предметомъ особеннаго культа), я заплутался въ паркѣ и выйдя наконецъ въ городъ, нанялъ извощика—eine Droschke — чтобы ѣхать въ колонію. Къ сожалѣнію, я забылъ своего Бедекера въ Берлинѣ и никакъ не могъ вспомнить названія колоніи, а просто называлъ ее Русской. Тупоумный извощикъ долго не понималъ въ чемъ дѣло, увѣрялъ даже, что никакой Русской колоніи не имѣется,—и наконецъ догадался... «А, знаю, знаю... Вамъ нужно то селеніе, гдѣ живутъ *Иваны!* So, so... Да ихъ ужъ никакъ никого нѣтъ. Всѣ перемерли... Въ послѣдній разъ, какъ я тамъ былъ, оставался одинъ единственный Иванъ — ein einziger Ivan, aber er war der letzte,—но онъ былъ послѣдній, такой ужъ старый»...—«Все равно, везите меня туда».

Мы тронулись. Минутъ черезъ пять Нѣмецъ перекинулся съ другимъ Нѣмцемъ нѣсколькими словами на своемъ почти непонятномъ мнѣ жаргонѣ, и обратившись ко мнѣ, съ радостнымъ видомъ объявилъ, что есть — есть еще Иванъ въ колоніи,—тотъ самый, котораго и онъ знаетъ,—послѣдній!

Черезъ четверть часа Нѣмецкой ѣзды, прямо изъ аллеи, ведущей отъ городскихъ воротъ называемыхъ Jägerthor, очутились мы въ *Александровкѣ*. По обѣимъ сторонамъ дороги,—широкой, похожей на аллею,—расположены были 10 или 12 *Русскихъ избъ*... Я называю ихъ Русскими избами потому, что эти дома дѣйствительно глядѣли чѣмъ-то Русскимъ. Всѣ они деревянные, не штукатуренные (какъ мнѣ показалось) и фасадомъ своимъ, своими деревянными полотенцами по бокамъ и заборами, огораживавшими ихъ дворы и огороды, напоминали избы. Но и только. Крыты они и обшиты тесомъ, и внутреннимъ расположеніемъ своимъ, какъ увидѣлъ

я потомъ, ни чѣмъ не отличались отъ помѣщеній Нѣмецкихъ. Тутъ же небольшая Русская православная церковь и домъ для священника.—Кто же живетъ въ этихъ домахъ? спросилъ я извощика. — «Это уже не Иваны, а дѣти и внуки Иваповъ», отвѣчалъ онъ. — Да вѣдь они такіе же Иваны, такіе же Русскіе? — Извощикъ усмѣхнулся. «Нѣтъ, они не Иваны, они Нѣмцы, такіе же какъ мы... А вотъ это Иванъ...», сказалъ онъ подъѣхавъ къ одной избѣ. Я постучался у калитки забора. Нѣмецъ-извощикъ бросилъ за заборъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ по Нѣмецки, — наконецъ калитка какъ-то неохотно растворилась и на встрѣчу мнѣ вышелъ старичекъ въ какомъ-то неряшескомъ балахонѣ, съ плохо-выбритымъ сѣдымъ подбородкомъ,—съ лицомъ—съ типическимъ знакомымъ лицомъ отставнаго стараго Русскаго солдата, обжившагося въ деревнѣ!

«Вамъ что̀ угодно?» спросилъ онъ меня по-Нѣмецки...

— Я Русскій путешественникъ. пріѣхалъ посмотрѣть на Русскую колонію, на стариковъ, которые остались въ живыхъ,—отвѣчалъ я по-Русски.

Старикъ взглянулъ на меня какъ-то подозрительно и не выразилъ ни малѣйшей радости при свиданіи съ соотечественникомъ... «Да вы кто-такіе?» спросилъ онъ уже по-Русски,—обнаруживая своею рѣчью долгую отвычку отъ Русскаго языка: «офицеръ, или чиновникъ, или помѣщикъ какой?»

Я назвалъ себя.

«Чинъ имѣете?»

Я сказалъ и чинъ. Господи, подумалъ я, почти сорокъ лѣтъ какихъ-нибудь живетъ этотъ Русскій на чужбинѣ близъ Потсдама, и увидѣвъ Русскаго, прежде всего освѣдомляется — о чинѣ!..

«Я не знаю, *ваше высокоблагородіе*, что вамъ и показать-то. Смотрѣть-то у насъ, кажется, нечего»...

— Ну, какъ вы здѣсь живете, хорошо?...

«Ничего, слава Богу, хорошо. Вотъ развѣ церковь захотите взглянуть, ваше высокоблагородіе.—да не на кого оставить домъ-то... Мошенники, — прибавилъ онъ по-Нѣмецки, обращаясь къ извощику, съ которымъ онъ, при выходѣ за калитку, тотчасъ же дружески поздоровался, — мошенники! посмотри, Іоганъ»,—при этомъ онъ указалъ ему на яблоню

въ своемъ саду: «какъ ее нынче ночью отдѣлали, сколько яблокъ сняли!...»

— Мальчишки, должно-быть, замѣтилъ Іоганъ.

«Мальчишки, да,—все вотъ этотъ негодяй Фрицъ. И въ огородѣ помяли»...

Старика очевидно происшествіе съ яблоней заняло гораздо сильнѣе, чѣмъ мой пріѣздъ,—однако онъ подозвалъ какую-то дѣвочку, и приказавъ ей стеречь у калитки, повелъ меня осматривать свое помѣщеніе, свой небольшой фруктовый садикъ, свой маленькій огородецъ, повелъ и къ церкви, хотѣлъ ее показать,—но сторожа въ то время не было дома. Кажется — не помню хорошенько — священникъ и не жилъ постоянно въ Александровкѣ, а только навѣщалъ ее изъ Берлина по праздникамъ.

Дорогой я старался распросить подробно «Ивана» о томъ—какъ, по какому случаю, когда онъ попалъ сюда, какъ прожилъ онъ и его товарищи почти четыре десятка лѣтъ въ Германіи, внѣ Россіи? Старикъ былъ не словоохотливъ; мнѣ показалось даже, что его затруднялъ Русскій языкъ, хотя выражался онъ простою Русскою рѣчью; да и вообще онъ не отличался ни живостью, ни толкомъ. Сорокъ лѣтъ пребыванія въ Нѣмечинѣ не сдѣлали его Нѣмцемъ, но за то стерли съ него Русскую краску: не выучили его Нѣмецкой наукѣ, не придали ему лоска Нѣмецкой цивилизаціи, но за то лишили его, казалось мнѣ, смѣтливости и толковитости простаго Русскаго человѣка. Онъ полинялъ, отупѣлъ, примирился съ своею участью колониста и несравненно больше былъ озабоченъ урожаемъ своихъ овощей и яблонь, нежели воспоминаніями о Россіи. А конечно, онъ былъ не таковъ, когда въ первый разъ привели его сюда на потѣху его королевскаго величества! Вѣрно щемило его сердце, долго и долго, тоскою по родинѣ; наконецъ и тоска заглохла; солдатъ смотрѣлъ на свое изгнаніе изъ Россіи, какъ на службу, на себя не какъ на Русскаго человѣка, а какъ на человѣка подневольнаго, какъ на солдата, однимъ словомъ,—«начальство приказало, ничего не подѣлаешь», постепенно тупѣлъ и превратился въ то безличное и безнародное существо, которое, смутно припоминая былое, отвѣчало теперь на мои распросы.

Вотъ что я могъ извлечь изъ разговора съ старикомъ, продолжавшагося не болѣе, если не менѣе, часа: вслѣдъ за тѣмъ я уѣхалъ не только изъ Потсдама, но изъ Берлина. Предупреждаю, что за совершенную вѣрность разсказаннаго я не ручаюсь. Въ Берлинѣ, конечно, у нашего священника есть свѣдѣнія болѣе точныя, можетъ-быть даже кто-нибудь изъ Русскихъ еще прежде меня посѣщалъ и описалъ эту колонію. Можетъ-быть — да, можетъ-быть—нѣтъ, и я передамъ вамъ только то, что слышано лично мною отъ «послѣдняго Ивана».

«Я изъ крестьянъ такой-то губерніи, говорилъ онъ, изъ крѣпостныхъ. Служилъ въ полку такомъ-то *), былъ въ полку пѣсельникомъ. Пріѣхалъ въ Москву его величество король Прусскій **). Дѣлали ему парады; маневры дѣлали. Понравились ему пѣсельники. Вотъ его величество, покойный императоръ Александръ Павловичъ, и говоритъ ему: «вотъ такъ и такъ, не хотите ли, ваше королевское величество, я вамъ снаряжу хоръ пѣсельниковъ?» — «Какъ же такъ?» — «Да также».—Вотъ послѣ парада-то и скомандовали: «пѣсельники впередъ!» отъ каждаго полка значитъ. Вышли мы, выстроились. Тутъ подошло начальство, выбрали—кто былъ получше, да былъ холостой. Женатыхъ отослали. Выбрали насъ человѣкъ 30. Ну, и говорятъ: «жалуютъ васъ его величеству королю Прусскому»...

— Но неужели, спросилъ я стараго пѣсельника: васъ не спрашивали,—желаете ли вы?

— «Да оно, пожалуй, и спрашивали. Государь велѣлъ—по доброй волѣ. Ну, да тутъ начальство,—что отвѣтишь? Солдатъ, сами изволите знать, ваше высокоблагородіе, разсуждать не можетъ, коли начальство спрашиваетъ. Извѣстно: «ради стараться». Ну, вотъ отобрали насъ, осмотрѣли, ну и скомандовали: маршъ! и погнали въ Пруссію. Король обя-

*) Названія мною забыты.

**) Кажется, это было въ 1818 году. Не къ этому ли времени относится солдатская пѣсня, которую покойный Н. И. Надеждинъ слышалъ въ Молдавіи, въ одной деревнѣ, населенной бѣглыми Русскими? Пѣсня между прочимъ пѣла: «И возговоритъ ему Русскій царь: «Ахъ ты бѣдненькій, безталаненькій: ты душа моя, король Прусскій»...

зался царю насъ содержать хорошо, и церковь выстроить, и дома, и земли дать. Вотъ и далъ и построилъ».

— Какъ же вы потомъ-то жили? Я думаю, тосковали, на чужой сторонѣ, среди Нѣмцевъ?..

Старикъ помолчалъ и потомъ прибавилъ: «Ничего, при старомъ королѣ, его величествѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, дай Богъ ему царствіе небесное, намъ было хорошо, онъ насъ любилъ и жаловалъ. Бывало, какъ здѣсь въ Потсдамѣ живетъ, то какъ откушаетъ, призоветъ насъ и велитъ пѣть, и очень нами утѣшался. Ну, а при новомъ королѣ,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,—пошло ужъ другое. Онъ до пѣсенъ не охотникъ, и не призывалъ насъ,—такъ себѣ живемъ... совсѣмъ ужъ другое пошло»... И онъ вздохнулъ.

— И такъ съ тѣхъ поръ вы въ Россіи и не были?

— Нѣтъ, вотъ какъ Александровскую колонну ставили въ Петербургѣ, такъ возили насъ отсюда, черезъ Данцигъ, на парадъ, тѣхъ, кто въ живыхъ былъ. Тутъ иные изъ насъ и на родину ходили повидаться,—я ужъ не ходилъ»...

— Ну, а теперь, не хочется вамъ на родину?..

— «Да что ужъ тутъ. Отвыкъ. Здѣсь прижился. Женились мы все на здѣшнихъ, на Нѣмкахъ все».

— Ну, а дѣти ваши, что они... Русскіе?..

— «Да вѣры-то они нашей православной, есть которыя и по-Русски понимаютъ, а которыя и совсѣмъ ничего не разумѣютъ. Вѣдь все съ Нѣмками и съ Нѣмцами, мать Нѣмка, самъ-то по-Русски говорить забудешь, а ужъ куда дѣтямъ. Тоже въ школу ходятъ, Нѣмецкую. Ну, а которыя дочери замужъ за Нѣмцевъ пошли, такъ дѣти ужъ и совсѣмъ здѣшнія стали, и вѣры здѣшней»...

— А Русской грамотѣ знаютъ-ли?..

— «Да кому учить-то? Вотъ я неграмотный, какъ былъ, такъ и есть, а для дѣтей книжки такія устроены, молитвенники, молитвы тамъ Русскія и слова Русскія, только Нѣмецкими буквами написаны, и переводъ есть. У насъ и священникъ служитъ по-Русски, а проповѣди говоритъ по-Нѣмецки, чтобъ понимали»...

— Ну, какъ же вы съ Нѣмцами-то?..

— «Ничего, сжились... Оно бы все хорошо, только вотъ Богъ урожая не далъ. Въ прошломъ году у меня картофель

какой былъ!... А теперь вотъ тяжело. Бѣдно, ваше высокоблагородіе, трудно. Я же одинъ, никого не осталось, ни товарищей-сверстниковъ — всѣ перемерли, да и семьи только—внучка... Надо ужъ мнѣ домой идти, ваше высокоблагородіе,—вотъ дѣвочка бѣжитъ»...

Дѣвочка—совершенная Нѣмочка—прибѣжала звать дѣда, разумѣется по-Нѣмецки: кто-то пришелъ, спрашиваетъ, хочетъ купить чего-то... Старикъ поспѣшилъ домой, и мы съ нимъ простились.

Я вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе изъ колоніи. Какимъ образомъ эти 30-ть Русскихъ человѣкъ, такъ, ни съ того ни съ сего, послужили Нѣмцу на потѣху, лишены народности и отечества? Конечно, это была эпоха особеннаго Русскаго великодушія, того великодушія, которое подарило Австрійцамъ Бокко ди Каттаро, добытое кровью Черногорцевъ, отдѣлило Выборгскую губернію и часть Петербургской съ 40 тысячами Русскихъ отъ Россіи къ Финляндіи, и—по свидѣтельству даже меморандума князя Горчакова—преднамѣревалось отдать возстановленной Польшѣ отторгнутыя отъ нея древнія Русскія земли, но, не рѣшившись этого сдѣлать, великодушно содѣйствовало распространенію полонизма. Конечно, то была пора особеннаго великодушія. Все же въ приведенныхъ примѣрахъ могло участвовать незнаніе, политическое заблужденіе, бюрократическое отношеніе къ населеннымъ землямъ—какъ къ географическимъ пространствамъ и выраженіямъ,—но подарить живыхъ людей—Матвѣя, Петра, Семена?..

И что это за люди, которые такъ легко, безъ отпора, теряютъ свою національность, чужестранятся такъ скоро, безъ борьбы и безъ сожалѣнія? Я готовъ былъ предаться потоку самыхъ черныхъ размышленій о чувствѣ народности въ Русскомъ и вообще въ Славянскомъ человѣкѣ, о слабости нашего гражданскаго сознанія и нашей Славянской природы. Но вспомнивъ, къ счастію, наши старообрядческія слободы въ Австріи, вспомнивъ этихъ *Липованъ* (раскольниковъ), сохранившихъ во всей чистотѣ и языкъ и бытъ и духъ Русскій,—я сталъ отыскивать другую причину тому печальному явленію, какое представилось мнѣ въ лицѣ послѣднаго Ивана. Эта причина — думаю я—въ данномъ случаѣ солдатство,—

солдатство *прежнихъ* временъ, долголѣтнее, тяжелое, разлучавшее крестьянина съ его родиной, съ его бытомъ почти на вѣки, создававшее изъ него послушную машину, двигавшуюся только по приказу начальства, казеннаго человѣка—предававшаго казнѣ свою душу, умъ, сердце, волю и получавшаго, въ замѣнъ, солдатскій паекъ и того и другаго и третьяго... Слава Богу, теперь о такомъ солдатствѣ существуютъ только преданія, и солдатъ 1865 года такъ же мало похожъ на солдата той эпохи, какъ живой человѣкъ на автомата. Конечно и подарки, въ родѣ описаннаго мною, теперь также не мыслимы...

Послѣдній «Иванъ», послѣдній изъ подаренныхъ, родившійся въ Россіи, вѣроятно уже умеръ,—и только 12 деревянныхъ избъ, съ своими уже вполнѣ Нѣмецкими обитателями, да названіе мѣстности «Александровка» —(Alexandrovka) стоятъ памятникомъ—*сувениромъ* былой потѣхи короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III-го и дружбы съ нимъ Александра I-го Благословеннаго.

По поводу статьи г. Антоновича; „Суемудріе Дня".

«День», 4-го декабря 1865 г.

Давно уже ничему мы такъ серьезно не радовались, какъ появленію въ печати, въ Октябрской книжкѣ «Современника», статьи г. Антоновича, подъ названіемъ: «Суемудріе Дня». Сама статья не представляетъ въ себѣ ничего серьезнаго; напротивъ, она преисполнена неумышленнаго комизма, и мы смѣло рекомендуемъ ее всѣмъ нашимъ читателямъ: она доставитъ имъ много веселыхъ минутъ. Мы охотно бы даже, для ихъ забавы, перепечали ее на столбцахъ нашего журнала, еслибъ она не была такъ велика. Нѣтъ, серьезная сторона этой статьи заключается въ самомъ фактѣ появленія ея въ печати. Слава Богу, подумали мы, прочитавъ трактатъ г. Антоновича, наконецъ-то настало у насъ въ Россіи время, когда можно безбоязненно быть искреннимъ въ выраженіи своего мнѣнія, можно не лгать и не лицемѣрить: наконецъ-то выползетъ ложь изъ темныхъ норъ своихъ

на свѣтъ божій и объявится людямъ во всей правдѣ своего безобразія. Г. Антоновичъ не удивится, конечно, что мы съ нашей точки зрѣнія считаемъ его мнѣнія ложью; тѣмъ же именемъ честитъ онъ и такъ-называемую славянофильскую проповѣдь. Мы тому-то и радуемся, что наступаетъ наконецъ пора, когда можно будетъ намъ бороться съ нашими противниками открыто, явно, безъ намековъ, двусмыслій, иносказаній, одинаковымъ, равнымъ оружіемъ мысли и слова, не опасаясь вмѣшательствъ полиціи, называя вещи прямо по имени Едвали кто, при защитѣ своихъ убѣжденій, терпѣлъ болѣе отъ цензурной строгости чѣмъ писатели славянофильскаго направленія; никто болѣе насъ не испытывалъ той неловкости, того неудобства, въ которое ставитъ истину непрошеная помощь грубой внѣшней силы, полицейское вторженіе въ область духа. Мы исповѣдуемъ, по свободному искреннему убѣжденію, такія начала, которыя повидимому тождественны съ началами, признаваемыми оффиціальною властью, покровительствуемыми государствомъ, защищаемыми всею его тяжеловѣсною мощью, и потому исповѣдуемыми цѣлою массою людей—лицемѣрно, изъ корысти, изъ лести, изъ страха. Но, вопервыхъ, признавая эти начала истинными въ ихъ отвлеченности, мы отвергаемъ въ большей части случаевъ всякую солидарность съ ихъ проявленіемъ въ Русской современной дѣйствительности, съ ихъ Русскою практикою; вовторыхъ, самое наше пониманіе этихъ началъ и выводы, изъ нихъ нами дѣлаемые, не рѣдко совершенно отличны отъ оффиціальнаго ихъ толкованія и отъ тѣхъ выводовъ, которые извлекаютъ изъ нихъ оффиціальныя вѣдомства. Возьмемъ, напр., православіе. Исповѣдуя открыто его святую истину, мы не могли однакоже высказывать эту исповѣдь во всей полнотѣ, и Хомяковъ, котораго богословскія сочиненія составляютъ дорогое достояніе православнаго міра, вынужденъ былъ писать ихъ на иностранныхъ языкахъ и печатать за границей. Его брошюры были долго запрещены къ привозу и къ переводу на Русскій языкъ потому только, что въ нихъ раскрывалось истинное ученіе православной церкви объ ея отношеніяхъ къ государству; между тѣмъ въ Русской литературѣ, упоминая о православіи безъ подробныхъ поясненій, мы подавали поводъ нашимъ многочислен-

нымъ врагамъ увѣрять публику, будто мы признаемъ правильною всю ту аномалію, какая существуетъ до сихъ поръ въ этихъ отношеніяхъ. Всѣ злоупотребленія церковнаго управленія, не только получившаго, со временъ Петра, вполнѣ государственную организацію, но и принявшаго, такъ сказать, внутрь себя элементъ государственный,—были врагами церкви и православія умышленно приписываемы самой церкви и смѣшиваемы съ самимъ православіемъ,— отчего не мало отторглось отъ него, конечно тайно, а не оффиціально, душъ горячихъ и чистыхъ, которымъ эти злоупотребленія были ненавистны и которыя были лишены возможности пріобрѣсть истинное понятіе о православномъ ученіи. Выработать же для общества эти истинныя понятія среди путаницы противорѣчащихъ идей и явленій, которыми такъ богата наша общественная жизнь, выяснить идеалъ церкви во всей его чистотѣ, не было никакой возможности при существовавшихъ цензурныхъ правилахъ, и приходилось, волей-не-волей, въ дѣлѣ святой вѣры, въ дѣлѣ Божьей правды прибѣгать къ косвеннымъ намекамъ и обинякамъ: а это, въ свою очередь, подавало поводъ къ недоразумѣніямъ и со стороны противниковъ, и со стороны оффиціальныхъ защитниковъ церкви. Такимъ образомъ эта оффиціальная поддержка вѣры со стороны государства имѣла конечнымъ своимъ результатомъ только оскудѣніе искренняго Русскаго слова въ защиту вѣры, только затмѣніе въ сознаніи Русскаго общества понятій о православіи, какъ ученіи и какъ церкви, т. е. какъ о живомъ организмѣ, и отпаденіе отъ православія значительной части молодыхъ душъ и молодыхъ силъ.— Мы указали на одну сторону вреда, происходящаго для самой христіанской истины отъ полицейскаго ея огражденія въ области мысли и слова, отъ полицейскаго досмотра совѣсти общественной и частной. Другая сторона вреда заключалась въ томъ, что противники этихъ истинъ и проповѣдники лжи постоянно ускользали отъ всякой полемики, прикрываясь невозможностью защищаться, прикидываясь лежачими. Не имѣя силъ опровергнуть аргументацію статей славянофильскаго направленія, антагонисты наши прибѣгали всегда къ слѣдующей уловкѣ: «вамъ удобно проповѣдывать ваше ученіе, вы за него не подвергнетесь отвѣтственности», говорили они, зная очень хорошо,

въ какой мѣрѣ это справедливо, и какъ стѣснены были мы сами въ выраженіи своихъ мыслей: «оно не идетъ въ разрѣзъ съ казеннымъ міросозерцаніемъ, оплачиваемымъ государственною казною и поддерживаемымъ государственною нѣжною дланью; мы бы могли разбить въ пухъ ваши доводы, но мы вынуждены молчать подъ страхомъ полицейскихъ и уголовныхъ казней,— и потому вы нападаете на беззащитныхъ». Въ сущности эти слова были не болѣе какъ уловкой для избѣжанія спора, были чистой неправдой: ложь, пользуясь явнымъ отвращеніемъ честныхъ своихъ противниковъ нападать на безоружнаго, имѣла несравненно больше возможности, чѣмъ сама истина, проникать въ общественное сознаніе и захватывать себѣ мѣсто въ умахъ молодежи: полуслова, полунамеки, условный смыслъ выраженій, всѣ эти пріемы только еще болѣе дразнили любопытство, раздражали вкусъ, уснащали самую грубую прѣсную ложь какою-то заманчивою пряностью, и доставляли ей торжество надъ истиною, естественно гнушавшеюся и этихъ нечистыхъ пріемовъ, и этихъ кривыхъ, окольныхъ путей. Поэтому едвали кто, для блага самой истины, ревностнѣе, пламеннѣе славянофиловъ желалъ, призывалъ, отстаивалъ свободу мысли и слова. Такъ какъ г. Антоновичъ выдаетъ, въ своемъ «Суемудріи», Хомякова за отъявленнаго врага этой свободы, то мы позволяемъ себѣ напомнить ему статью этого писателя, которою «День» открылъ свое поприще слишкомъ 4 г. тому назадъ,— статью, въ которой Хомяковъ требуетъ для науки полнѣйшей «свободы мнѣнія и сомнѣнія»: «безъ этой свободы, говоритъ онъ, наука лишается всякаго уваженія и достоинства: ей нужна откровенная смѣлость, которая лучше всего предотвращаетъ тайную дерзость».

Этою-то тайною дерзостью, вмѣстѣ съ выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, была наводнена наша литература до самаго послѣдняго времени. Новое Положеніе о печати, при всемъ своемъ несовершенствѣ, уже видимо содѣйствуетъ къ очищенію нашей литературы, къ водворенію въ ней правды и искренности. Торжество правды выражается уже въ томъ, что ложь начинаетъ приподнимать свой покровъ и является въ той своей наготѣ, которая такъ благотворно мерзитъ каж-

дому неиспорченному сердцу. Торжество правды состоитъ или будетъ состоять уже въ томъ, что всѣ наконецъ, честно и искренно, не лицемѣря,—обнаружатъ гдѣ и на какой сторонѣ, въ области мнѣній и убѣжденій, они стоятъ, кто кому врагъ, съ кѣмъ каждый имѣетъ дѣло. Само собой разумѣется, что только тогда эта свобода печати имѣетъ смыслъ, когда выраженное, хотя бы и безъ цензуры, мнѣніе не ведетъ за собою никакихъ послѣдствій въ гражданскомъ смыслѣ. Мы не видимъ, почему, напр., человѣку, искренно невѣрующему, нельзя было бы заявить объ этомъ печатно, не подвергаясь суду, или инаго рода преслѣдованіямъ? Что за дѣло государству до того, вѣритъ ли такой-то литераторъ или не вѣритъ въ Бога, если онъ исполняетъ исправно всѣ свои гражданскія обязанности? Область совѣсти не есть область государства: церковь можетъ отлучить его отъ общенія съ собою, государство можетъ, при выборѣ людей, не назначать его на такую должность, гдѣ образъ мыслей имѣетъ непосредственное участіе; затѣмъ оно должно, напротивъ, способствовать тому, чтобъ всѣ эти мнѣнія выставлялись на бѣлый день, на общественную критику, чтобъ они не уклонялись отъ полемики и не избѣгали явнаго пораженія. Если страхъ наказанія заставитъ невѣрующаго прикидываться, печатно и вообще публично, вѣрующимъ, то отъ этого въ убыткѣ только сама истина, сама церковь, а не кто другой: обличеніе невѣрующаго дѣлается неудобнымъ, потому что никому не хочется попасть въ доносчики и подвергать человѣка уголовному взысканію за заблужденіе мысли и совѣсти,—а между тѣмъ, прикрытая и огражденная маскою, ложь тѣмъ удобнѣе производитъ ту тайную, неуловимую пропаганду, которой не въ состояніи помѣшать никакое правительство въ мірѣ. Еще недавно было въ ходу постановленіе (мы думаемъ, что оно отмѣнено, но не знаемъ навѣрное), что всякій православный чиновникъ обязанъ былъ непремѣнно представлять своему начальству удостовѣреніе въ томъ, что онъ исповѣдывался и пріобщался. Это отмѣчалось въ формулярномъ спискѣ, и за несоблюденіе этого правила виновный подвергался строгимъ взысканіямъ, дурнымъ аттестаціямъ, а иногда и удаленію отъ службы. Особенно ревностно наблюдали за исполненіемъ со стороны подчиненныхъ сихъ «требованій службы»—начал-

ники-служаки изъ Нѣмцевъ. Случалось не разъ, что иной честный человѣкъ, придя къ священнику, прямо объявлялъ ему, что онъ ни во что̀ не вѣритъ, что умъ его еще не озаренъ истиной, а до тѣхъ поръ онъ кривить душой не намѣренъ и потому предпочитаетъ открыть ему правду, но что онъ, тѣмъ не менѣе, проситъ священника или пріобщить его для виду или же выдать «удостовѣреніе». Такого человѣка слѣдовало бы священнику немедленно отлучить отъ церкви, но можетъ ли онъ рѣшиться на это, имѣя въ виду, что «отлученіе» подвергнетъ отлучаемаго преслѣдованію полицейскому, разоритъ его, ввергнетъ въ бѣдность его и его семейство. Отказать ему въ удостовѣреніи—ведетъ за собой тѣ же послѣдствія. Къ тому же этотъ человѣкъ поступилъ, по крайней мѣрѣ, честно и несравненно лучше тѣхъ, которые, съ меньшею серьезностью относясь къ своимъ убѣжденіямъ и такъ же мало вѣруя, какъ и онъ, тѣмъ не менѣе лицемѣрно исполнили требуемый обрядъ для того, чтобъ заслужить благоволеніе своего начальства. Спрашивается, что̀ выиграла церковь и государство отъ такого умноженія лицемѣровъ, отъ такого преобилія кощунства и поруганія святыни?

Затѣмъ — пусть бдитъ и бодрствуетъ истина. Пусть не дремлетъ на лонѣ квартальныхъ и жандармомъ, пусть изощряетъ свое оружіе — оружіе духа. Ей не страшна никакая ложь, ей оскорбительна всякая мысль о необходимости для ея защиты внѣшней грубой силы, ибо такая мысль обличаетъ безвѣріе въ духовную силу истины. Не также хрупка истина вѣры, истина православія, чтобъ могла пугаться за свой божественный авторитетъ, за свою вѣкожизненность— отъ того, что какой-нибудь Петербургскій литературный люстихъ выступитъ противъ нея съ своимъ дешевымъ балагурствомъ! Но пусть и не люстихъ, не балагуръ, а пусть самые серьезные умы выступаютъ во всеоружіи знанія и мысли противъ истины и вызываютъ, такимъ образомъ, на ея защиту самыя лучшія духовныя силы Русской земли. Пусть не останется никакихъ недоразумѣній, никакихъ темныхъ угловъ, гдѣ бы могла притаиться ложь, никакого убѣжища безвѣрію за оградой «разума и науки»: и разумъ и наука, въ своей свободѣ, послужатъ наилучшимъ оружіемъ для самой истины.

Не въ той, конечно, мѣрѣ, но въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ эта точка зрѣнія быть примѣнена и ко многимъ началамъ, о которыхъ говорить въ печати дѣло еще довольно щекотливое. Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно начала политическія. Почему бы, напр., нельзя было бы выражать своей мысли о преимуществахъ и неудобствахъ той или другой формы правленія, — разумѣется покуда эта мысль является какъ мнѣніе, а не переходитъ въ область дѣйствій, воспрещенныхъ закономъ (напр. прокламацій, воззваній и т. д.)? Если, напр., существующая у насъ форма правленія основана на недоразумѣніяхъ, то и при безмолвіи печати основаніе ея ненадежно; если же, какъ мы и думаемъ, она основана не на недоразумѣніяхъ, а на отчетливомъ и ясномъ историческомъ сознаніи всего Русскаго народа, то свободное обсужденіе въ печати дастъ только возможность этому народному сознанію обрѣсти себѣ искренній, честный органъ и въ литературѣ. Благодаря стѣсненіямъ цензуры, напр., Русская политическая форма (какъ это было долго и съ православіемъ) менѣе всего имѣетъ искреннихъ, с в о б о д н ы х ъ, честныхъ защитниковъ въ печати, не почему иному, какъ потому, что честный человѣкъ не желаетъ сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своему прямодушію и подвергнуть сомнѣнію независимость своихъ политическихъ убѣжденій,— не желаетъ нападать на тѣхъ, которые лишены права, или имѣютъ возможность прикинуться лишенными права—бороться съ нимъ равнымъ оружіемъ.

Кажется, все это наконецъ начинаетъ ясно сознаваться теперь и самимъ правительствомъ. Остается желать, чтобъ оно удержалось на той дорогѣ, на которую такъ благородно вступило, и само вполнѣ прониклось началами той системы, которая выразилась въ новомъ законодательствѣ о печати. Съ этой точки зрѣнія мы и радуемся появленію въ печати статьи г. Антоновича; это подаетъ намъ надежду, что и для насъ наконецъ откроется полная возможность безъ обиняковъ и иносказаній полемизировать съ нашими антагонистами, въ защиту православія и прочихъ нашихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Если бы было иначе, если бы, — да проститъ намъ правительство такое дерзкое предположеніе, — сей самый «Современникъ» былъ затруд-

ненъ въ откровенномъ выраженіи своихъ мнѣній, въ то самое время, какъ онъ только-что начинаетъ быть честнымъ, т. е. откровеннымъ, то въ результатѣ вышло бы, что мнѣнія «Современника»,—которыя, будучи высказаны, являются теперь только забавными, пріобрѣли бы, полувысказываемыя, несравненно большій авторитетъ въ массѣ Русскаго, еще до крайности легкомысленнаго общества,—а мнѣнія противоположныя «Современнику» нашли бы неловкимъ для себя нападать на сей, удостоенный преслѣдованія, журналъ.

Вотъ какія мысли возбудило въ насъ чтеніе статьи г. Антоновича: «Суемудріе Дня»; къ сожалѣнію сама статья, по своему крайнему ничтожеству, лишаетъ насъ возможности полемизировать съ нею. Мы не говоримъ о добросовѣстности,—мы не простираемъ такихъ требованій къ «Современнику» вообще, а къ г. Антоновичу тѣмъ менѣе, — но мы желали бы имѣть дѣло съ чѣмъ-нибудь... не столь неумнымъ, чтобъ выразиться приличнѣе. Пусть читатели судятъ сами. Пустившись, по поводу «Дня», въ разглагольствія о славянофильствѣ, о дѣятельности Хомякова, Кирѣевскихъ и К. Аксакова, онъ объявляетъ, что всѣ они «весьма слабы въ мыслительномъ отношеніи, не понимаютъ ничего изъ того, что̀ исповѣдуютъ», что ихъ «отличительная черта — историческое невѣжество», «тупость», «обскурантизмъ» и т. д. Выставляя себя рѣзкимъ противникомъ основныхъ началъ славянофильскаго ученія, г. Антоновичъ говоритъ, что «славянофилы уважаютъ православіе единственно за то, что оно древне, существуетъ издавна и нѣсколько тысячелѣтій (??) сохраняется безъ измѣненій и безъ движенія». Богу отъ него также достается, хотя, страха ради іудейска, онъ прячетъ его во множественномъ числѣ и подъ маленькою буквою. Впрочемъ, еще и прежде нѣкоторыя наши Петербургскія газеты проявили свой либерализмъ въ томъ, что разжаловали Бога изъ большой буквы *Б* въ маленькую *б!!* Какіе, однако, это серьезные, умные и храбрые люди Петербургскіе либералы! Не забавно ли было бы, читатель, еслибъ государство выступило со всѣмъ своимъ громаднымъ снарядомъ для защиты бѣднаго Бога отъ г. Антоновича и ему подобныхъ шутниковъ? не значило ли бы это палить ядрами по куропаткамъ?!.. Вотъ любопытный образ-

чикъ пониманія г. Антоновича, но, къ чести его ума, мы хотимъ лучше обвинить его просто въ недобросовѣстности. Хомяковъ, требуя простора для науки, призываетъ въ то же время Русскую мысль къ самостоятельной ея провѣркѣ и разработкѣ. Вотъ подлинныя слова Хомякова, которыя выписываетъ и самъ авторъ «Суемудрія»: «Предоставимъ отчаянію нѣкоторыхъ западныхъ людей, испуганныхъ самоубійственнымъ развитіемъ раціонализма, тупое и отчасти притворное презрѣніе къ наукѣ. Мы должны принимать, сохранять и развивать ее во *всемъ* томъ *умственномъ просторѣ* (курсивъ у г. Антоновича), котораго она требуетъ, но въ то же время постоянно подвергать ее своей собственной критикѣ, просвѣщенной тѣми *высшими началами*, которыя намъ изстари завѣщаны *православіемъ* нашихъ предковъ». Это значитъ, выводитъ отсюда г. Антоновичъ, что «уму предоставляется свобода только до тѣхъ поръ, пока онъ покоренъ и преданъ этимъ началамъ, а если онъ, вмѣсто старорусскихъ началъ, выработаетъ свои самостоятельныя начала, то свободу его нужно *пресѣчь*»?? «И дѣйствительно, восклицаетъ г. сотрудникъ «Современника», славянофилы готовы даже на «энергическія внѣшнія мѣры для наказанія отступниковъ отъ древле-славянскихъ началъ: вотъ какъ узка свобода, предоставляемая славянофиламъ уму». Предоставляемъ самимъ читателямъ объяснить себѣ, какимъ логическимъ пріемомъ сдѣлалъ г. Антоновичъ такой выводъ изъ вышеприведенныхъ словъ Хомякова—того самого, который такъ рѣшительно требовалъ для науки свободы мнѣнія и *сомнѣнія*, и перейдемъ къ другому примѣру. Но тутъ мы не можемъ извинить его даже недобросовѣстностью. По поводу нашихъ словъ о невозможности выдѣлить идею православія изъ идеи Русской народности, г. Антоновичъ съ наивною серьезностью, и на этотъ разъ вполнѣ добросовѣстно, обвиняетъ насъ въ мнѣніи, будто православіе есть вѣра національная, свойственная *только* Русскому народу. Нѣтъ, увѣряетъ онъ и ссылается даже на «Чинъ Православія»: «православіе есть вѣра каѳолическая, а не исключительно Русская»!!.. «Православіе, продолжаетъ онъ, стремится къ тому, чтобъ всѣ народы объединить одною вѣрою, но по ученію славянофиловъ это невозможно, потому что, по ихъ

мнѣнію, православіе есть основной элементъ Русской народности: стало-быть другіе народы не могутъ сдѣлаться православными, потому что по природѣ своей не могутъ же обратиться въ Русскихъ». И затѣмъ г. Антоновичъ начинаетъ намъ доказывать очень серьезно, что есть и другіе народы православной вѣры, что Греки никакъ, никакъ не могутъ стать совсѣмъ Русскими: стало-быть православіе не есть элементъ Русской народности, въ противномъ случаѣ всѣ народы, принимая православіе, должны были бы обратиться въ Русскихъ... Мы нѣсколько разъ перечитали эту страницу г. Антоновича, думая — не шутитъ ли онъ? На этотъ разъ онъ даже не шутитъ. Онъ просто не понимаетъ, что мы съ такимъ же правомъ можемъ назвать православіе неотдѣлимымъ духовно-историческимъ элементомъ современной Греческой народности: что опредѣленіе православія шире народности, что оно есть образовательное начало въ развитіи того и другаго племени. Онъ не замѣтилъ, на страницахъ нашей газеты, толковъ — едвали даже не слишкомъ частыхъ — объ *единовѣріи* съ нами народовъ вовсе не Русскаго происхожденія! Ему приходится объяснить, что если бы, напримѣръ, мы сказали, что основной элементъ внутренняго содержанія г. Антоновича есть соціализмъ, то это еще не значитъ, что нельзя стать соціалистомъ, не ставши г. Антоновичемъ, не пріобрѣтя свойства, ликъ и духовную физіономію сего достойнаго сотрудника «Современника».

Довольно. Читатели понимаютъ теперь, почему, при всемъ нашемъ желаніи, нѣтъ возможности вступать въ споръ съ такими понятливыми противниками. Повторяемъ: для насъ важенъ самый фактъ напечатанія этой статьи, для насъ важно, чтобъ гг. Антоновичи высказывались какъ можно больше и безбоязненнѣе, чтобы всему Русскому обществу объявилась ихъ крайняя слабосильность, забавная безвредная дерзость и, во всякомъ случаѣ замѣчательное, скудоуміе.

По поводу покушенія Березовскаго.

«Москва», 30-го іюня 1867 г.

Событіе 25 мая (6 іюня) само собою выдѣляется изъ общаго рода событій общественной и политической жизни прошедшихъ трехъ мѣсяцевъ, и по своей исключительности, а также по тѣмъ грознымъ послѣдствіямъ, которыя бы оно могло имѣть для Россіи, но которыя милостью Божіею были предотвращены, — занимаетъ первое мѣсто, стоитъ во весь ростъ, не умаляясь даже и въ перспективѣ времени. Намъ нѣтъ надобности вспоминать о томъ взрывѣ негодованія, который электрически потрясъ не только Россію, но и весь Старый и Новый міръ; всѣ подробности покушенія Поляка Березовскаго на жизнь нашего Государя въ Парижѣ, а также и пріема, оказаннаго Ему французскимъ населеніемъ, давно перешли во всеобщее вѣдѣніе Россіи. Но это безумное покушеніе, вполнѣ оправдывающее стародавнее слово Русскаго народа о польской «безмозглости», оживило многія уснувшія чувства и вызвало вновь толки о Польшѣ и польскомъ вопросѣ. Процессъ Березовскаго, который на дняхъ начнется, скоро наполнитъ собою страницы газетъ и журналовъ, и вновь займетъ умы всей Европы. Снова, въ защитительныхъ рѣчахъ адвокатовъ, затрещатъ, по поводу Польши, стереотипныя фразы и та пошлая либеральная реторика, которою только привычное ухо Европейца способно не оскорбляться. Мы, разумѣется, сообщимъ читателямъ этотъ процессъ во всей подробности, но въ ожиданіи процесса, который конечно не представитъ намъ ничего новаго, укажемъ на психическую, такъ-сказать, генеалогію преступленія, поговоримъ не о Березовскомъ собственно, но о Березовскихъ.

Еще не разсѣялся дымъ отъ выстрѣла, раздавшагося въ Булонскомъ лѣсу, какъ уже во Франціи, отчасти и у насъ въ Россіи, озаботились отдѣлить дѣло Польши отъ поступка Березовскаго и покушеніе на жизнь русскаго Государя представить одиночнымъ или «единичнымъ», какъ выражается Сѣверная Почта», фактомъ. Такое направленіе не только ошибочно, но и вредно,—вредно потому, что мѣшаетъ пролиться

свѣту на польское дѣло и умышленно удерживаетъ во тьмѣ умы европейской публики. Само собой разумѣется, что между Березовскимъ и польскимъ простымъ *народомъ* нѣтъ ничего общаго, но между Березовскимъ и шляхтою—несомнѣнная общность. Само собой разумѣется, что признавать таковую общность или солидарность вовсе не значитъ признавать сплошь всѣхъ польскихъ эмигрантовъ и такъ-называемыхъ патріотовъ способными лично на подлое убійство изъ-за угла, но не подлежитъ сомнѣнію, вопервыхъ, что Березовскихъ не одинъ, а цѣлый легіонъ; вовторыхъ, что между Березовскимъ и всѣми польскими потріотами есть солидарность фанатизма и нравственныхъ началъ: они состоятъ на одной нравственной или, лучше сказать, безнравственной почвѣ. Одна и та же нравственная почва создаетъ и Чарторыйскихъ и Мѣрославскихъ, и Свенторжецкихъ и Березовскихъ, и польскій жондъ и жандармовъ-вѣшателей: это—почва іезуитизма, шляхетства, беззаконной политической похоти, посягающей на свободу и независимостъ чужихъ народностей и простаго народа вообще. Надо наконецъ понять, что само «польское дѣло» есть дѣло нечистое, и польскій патріотизмъ есть явленіе безнравственное. Что такое польское дѣло, эта la sainte cause de la Pologne?—Стремленіе и усиліе осуществить польскій *политическій* идеалъ. Въ чемъ состоитъ этотъ идеалъ? Въ возстановленіи Польскаго государства, польской политической власти надъ Русскими въ Бѣлой Руси, Украйнѣ и Галиціи: польскій патріотизмъ не есть вовсе любовь къ польскому народу и народности, а къ польской гегемоніи, къ польскому политическому преобладанію. Развѣ въ нашей распрѣ съ Поляками рѣчь идетъ о польской *народности?* Развѣ примѣнимъ къ польскому дѣлу *принципъ національностей*, какъ ошибочно думаютъ въ Европѣ—принципъ справедливо получившій такую власть въ наше время?—Нисколько. Еслибы Поляки дѣйствовали во имя принципа національностей, такъ они не могли бы посягать насиліемъ на національность другихъ народовъ, національность большинства въ тѣхъ земляхъ, на которыя они простираютъ свои властолюбивыя притязанія. Но въ томъ-то и дѣло, что принципъ національностей, принципъ народности вовсе не служитъ имъ ни основой, ни точкой отправленія. О *народ-*

ности собственно Поляки думаютъ всего менѣе, да искренняя забота о ней и несовмѣстима съ презрѣніемъ шляхтича къ простому народу, для котораго нѣтъ у него другаго названія какъ *быдло*. Въ этомъ-то и состоитъ особенность польской исторіи, что изъ нея исключенъ *народъ*, и особенность польской шляхты, что предметомъ ея патріотической любви былъ и есть не польскій народъ и не польская народность, а Польское государство, или, вѣрнѣе сказать, — Польша какъ политическое понятіе, какъ политическій терминъ, то-есть какъ политическое своеволіе шляхты и утѣсненіе свободы чужихъ народовъ и *своего собственнаго*. Польская шляхта промотала то, что составляетъ самое драгоцѣнное сокровище, условіе силы и жизни каждой націи или государства — простой народъ, отъ чего и сама перестала существовать какъ политическое сословіе, и государство Польское пало, и самъ народъ лишился политическаго бытія какъ народность. Извѣстно, что человѣкъ изъ простаго польскаго народа ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Австріи, ни въ Пруссіи не называетъ себя Полякомъ: онъ считаетъ это имя обозначающимъ только шляхтича, а называетъ себя Мазуромъ, Кракусомъ или иначе по мѣстности. Еслибы Поляки были неравнодушны къ своей народности, такъ ихъ бы всего болѣе пугало онѣмеченіе польскаго народа въ Познани: ихъ злоба преимущественно должна была бы падать на Пруссію, а не на Россію, которая до послѣдняго времени ни въ чемъ не касалась польской *народности*, не только въ ея этнографическихъ, но даже и въ своихъ русскихъ предѣлахъ, не производила даже ни малѣйшихъ попытокъ обрусѣнія. Но утрата народности не такъ чувствительна для Поляковъ, какъ утрата политическаго преобладанія надъ Русью, и мы видимъ, что въ Познани Поляки не противопоставляютъ онѣмеченію и сотой доли тѣхъ усилій, какія проявляютъ въ борьбѣ съ германизмомъ Чехи и прочіе Славяне. Еслибы дѣло шло только о польской *народности*, то не было бы мѣста и такъ-называемому польскому вопросу, и польское дѣло было бы не чуждо правды. Но нужна вся близорукость, вся закорузлая непонятливость западно-европейскихъ либераловъ, чтобы не видѣть, до какой степени польскій вопросъ зиждется на отрицаніи всякихъ либе-

ральныхъ началъ, и преимущественно тѣхъ, которыя повидимому наиболѣе дороги ревнителямъ польской «справы» въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какія начала проповѣдуются передовыми либералами Запада? Начало демократическое? Но польскій политическій шляхетскій идеалъ есть совершенно антидемократическій въ томъ смыслѣ, какъ понимается это слово на Западѣ: шляхта, конечно, не есть аристократія, но все же привилегированное меньшинство, стремящееся къ преобладанію надъ хлопомъ и во всю свою исторію не признававшее за большинствомъ, за *быдломъ*, никакихъ правъ на политическое и гражданское бытіе. Духъ шляхты есть духъ закоренѣлаго историческаго презрѣнія къ простому народу, одинаково причастный какъ партіи *бѣлыхъ*, такъ и партіи *красныхъ* или демократовъ. — Начало соціалистическое? Но уже изъ сказаннаго видно, что этому началу нѣтъ мѣста въ польскихъ шляхетскихъ стремленіяхъ; это впрочемъ съ неопровержимою ясностью уже доказано Прудономъ. Начало общественнаго самоуправленія, противополагаемое элементу государственному? Но польскій идеалъ есть исключительно политическій, а не общественный, съ тѣмъ особеннымъ отличіемъ, что въ Польшѣ самое понятіе государства, вмѣстѣ съ властью, перенесено было на общество или собственно на шляхту, и даже не на шляхту, а на каждаго шляхтича, отъ чего въ ней не создалось ни общества, ни государства, а вмѣсто общественнаго самоуправленія и государственнаго порядка создалось личное самоуправство шляхтичей-государей.—Далѣе, начало національностей?... Но мы уже показали, что польская политическая программа, которая недавно тиснута новымъ изданіемъ, revue et augmentée, въ адресахъ польской эмиграціи императору Наполеону по поводу преступленія Березовскаго, польское притязаніе возстановить Польшу *отъ Балтики до Чернаго моря* — есть совершеннѣйшее нарушеніе всякого принципа національностей. Наконецъ, не противъ ли ультрамонтанства и іезуитизма воюютъ европейскіе либералы? И чье же дѣло такъ отождествилось съ ультрамонтанствомъ и съ іезуитизмомъ, какъ не такъ-называемое польское дѣло, польская справа, la sainte cause de la Pologne? Такимъ образомъ Польша какъ политическій идеалъ, Польша польскихъ поэтовъ и патріотовъ,

простирающаяся отъ Балтики до Чернаго моря, включающая и Кіевъ, и Подолъ, и Волынь и прочія русскія земли, есть лозунгъ лжи, насилія, угнетенія и отрицанія всякой свободы.

Поэтому-то и польскій патріотизмъ есть такая безнравственная политическая похоть, которая имѣетъ свойство развращать всякого ею зараженнаго, искажать всѣ его нравственныя понятія и дружить съ ученіемъ іезуитовъ. Безнравственное начало плодитъ безнравственность и поддерживается только безнравственностью. Отсюда прославленіе польскими поэтами подвиговъ коварства и вѣроломства въ родѣ подвига Конрада Валленрода и тому подобныхъ; отсюда поддержка, оказываемая польскими эмигрантами мусульманскому игу надъ Греками и Славянами; отсюда подлое ренегатство, т. е. отреченіе отъ христіанства и принятіе ислама; отсюда наглая и гнусная *клевета*, употребляемая ими противъ насъ, сознательно и умышленно, какъ орудіе; отсюда жандармы-вѣшатели, поджигатели и политическіе убійцы. Лангевичи, Замойскіе, Чарторыйскіе отрекаются отъ солидарности съ убійствомъ изъ-за угла, на которое покусился Березовскій, но они не отрекаются отъ солидарности съ тремя тысячами убійствъ изъ-за угла, совершенныхъ польскимъ жондомъ, не отрекаются отъ солидарности съ Чайковскимъ и другими ренегатами, подъ именемъ Садыкъ-пашей и иныхъ, проливающими чистую кровь чистыхъ мучениковъ народности, Критянъ, Боснійцевъ, Болгаръ, Сербовъ;—не отрекаются потому, что стоятъ на одной безнравственной почвѣ, принадлежатъ къ одному безнравственному политическому вѣроисповѣданію. Они устыдились поступка Березовскаго только потому, что онъ оскорбилъ чувство гостепріимства и нравственности Французскаго народа, слѣдовательно можетъ быть невыгоденъ для польскаго дѣла. Но Русскій народъ не даромъ признаетъ тѣхъ польскихъ «патріотовъ», которые способны считать Кіевъ польскимъ городомъ и искать порабощенія Руси польскому игу, способными поэтому на всякое зло, и приписываетъ имъ, а никому другому, и поджоги, и покушенія на цареубійство.

По непослѣдовательности человѣческой природы можетъ случиться, что иной Полякъ, сумасбродствуя о Польскомъ

государствѣ *отъ Балтики до Чернаго моря*, въ то же время не позволитъ себѣ нарушить предѣловъ чести и нравственности; но это — исключеніе и непослѣдовательность, точно такъ же какъ можно быть хорошимъ человѣкомъ и святымъ, будучи даже искреннимъ католикомъ. Но подобно тому, какъ въ католицизмѣ, какъ въ зернѣ, лежитъ начало іезуитизма, и послѣдній есть его необходимый плодъ, логическій выводъ, — такъ и въ политическомъ вѣроисповѣданіи польскихъ патріотовъ лежитъ начало всякой безнравственности. Поэтому и Березовскій не есть случайное явленіе, но вполнѣ логическій продуктъ постыднаго политическаго ученія польской шляхты и безнравственнаго польскаго патріотизма.

Вотъ собственно что̀ мы находили нужнымъ разъяснить, и что̀ стушевывать или замазывать мы считаемъ вреднымъ. Мы знаемъ, что многіе руководствуются въ этомъ замазываніи побужденіями, повидимому, весьма благовидными: «несправедливо заставлять цѣлую націю отвѣчать за поступокъ одного человѣка» — «не слѣдуетъ разжигать братскую вражду» и т. д. Несправедливо было бы именно взваливать вину Березовскаго на простой польскій народъ, но вполнѣ справедливо признавать солидарность вины Березовскаго со всею польскою эмиграціей и со всѣми тѣми, которые продолжаютъ считать Кіевъ польскимъ городомъ, Малую, Бѣлую и Червонную Русь польскими землями, и домогаются господства польской народности надъ русскою. По поводу «вражды» слѣдуетъ замѣтить, что Русскій народъ къ ней вообще склоненъ менѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, и съ этою проповѣдью противъ братской вражды лучше всего обратиться къ тѣмъ, которые *вынуждаютъ* Русскій народъ враждовать съ ними волей-неволей, которые постоянно нарушаютъ его миръ и мѣшаютъ ему отдѣлаться отъ столь несвойственнаго ему чувства вражды. Что касается до насъ собственно, то мы враждуемъ не противъ лицъ, а противъ началъ, и поддерживать вражду противъ польскихъ шляхетскихъ политическихъ началъ считаемъ священнымъ народнымъ долгомъ. Съ этими началами, съ этими польскими притязаніями, съ этою «Польшею» польскихъ патріотовъ не можетъ и не должно быть ни малѣйшаго примиренія. Тѣмъ не менѣе мы

видимъ, что у насъ въ Россіи благородная непріязнь къ «враждѣ», благодушное желаніе мира и сожалѣніе о противникѣ, если и не переходятъ въ совершенное примиреніе съ польскими притязаніями, то однакожъ нерѣдко убаюкиваютъ нашу зоркость и осмотрительность. А между тѣмъ противникъ не мирится и не дремлетъ. Мы будемъ очень рады, если, по ходатайству нашего Государя, оставлена будетъ жизнь Березовскому (мы вообще отрицаемъ въ принципѣ всякую смертную казнь, какая бы ни была вина и кто бы ни былъ преступникъ—Каракозовъ или Березовскій); мы не враги польскаго простаго народа и польской народности, но въ то же время мы рѣшительные враги всякого послабленія, всякого снисхожденія политическому патріотизму польской шляхты, съ одной стороны протестующей противъ выстрѣла Березовскаго, съ другой—нахально предъявляющей, въ то же самое время, притязанія на порабощеніе Польшѣ русской народности Западнаго края и Галиціи...

По поводу посѣщенія султаномъ Лондона и Парижа.

«Москва», 4-го іюля 1867 г.

Потомокъ Османовъ, повелитель мусульманъ, духовный глава исламизма, калифъ, падишахъ и англійскаго ордена Подвязки кавалеръ, султанъ Абдулъ-Азисъ, заказавъ вѣроотступнику Омеръ-нашѣ поторопиться истребленіемъ православныхъ христіанъ Крита, всемилостивѣйше соизволилъ на зовъ своихъ исконныхъ доброжелателей—повелителя Франковъ, сѣдящаго на престолѣ «христіаннѣйшихъ» государей Европы, и главы англиканской церкви—королевы Викторіи великобританской. Удостоивъ своимъ посѣщеніемъ Парижъ, принявъ отъ императора Французовъ увѣренія въ сердечномъ согласіи (entente cordiale), скрѣпивъ еще тѣснѣе, по словамъ оффиціальныхъ журналовъ, узы пріязни, связывавшія его съ французскою націей и ея вождемъ,—его величество отбылъ далѣе въ Англію, которая положила не только встрѣтить его со всѣми почестями, подобающими столь великому

и славному монарху, но и превзойдти, если можно, Францію въ выраженіи преданности и сочувствія. Городъ Лондонъ включаетъ падишаха въ число своихъ гражданъ; англійское правительство напрягается изъ всѣхъ силъ, чтобы придать посѣщенію какъ можно болѣе знаменательности и блеска, окружить султана самою нѣжною внимательностью и соединить такимъ образомъ, съ торжествомъ и пышностью пріема, характеръ интимности и симпатіи. Чей пріемъ понравится султану болѣе и чье могущество покажется ему величественнѣе и грознѣе—мы еще не знаемъ, но во всякомъ случаѣ нигдѣ не почувствуетъ себя султанъ въ такой симпатичной средѣ какъ въ правительственномъ кругу Парижа и Лондона: тамъ онъ *свой*. Тамъ порадуются вмѣстѣ съ нимъ извѣстіямъ о кровавыхъ успѣхахъ Омеръ-паши,— тамъ французскіе и британскіе министры снабдятъ его всевозможными лаками и политурами европейской цивилизаціи, наставятъ—какъ удержать подолѣе подъ пятою ислама, обувъ ее въ европейскій модный сапогъ, милліоны страждущихъ христіанъ, укрѣпятъ падишаха новою вѣрою въ прогрессъ и будущность Турціи и въ исключительную зависимость этой будущности отъ Франціи и Британіи.

Если чья-либо поѣздка въ Парижъ на всемірную выставку представляетъ политическую важность и не останется безъ послѣдствій, такъ это безпорно поѣздка султана. Намъ кажется даже, что приглашеніе султана въ Парижъ и готовность повторить въ честь его ту же программу пріема и празднествъ, по которой такъ недавно чествовались самые знаменитые изъ державныхъ посѣтителей, уже во всякомъ случаѣ ослабляетъ политическое значеніе этихъ предшествовавшихъ посѣщеній. Поѣздка султана, обстановка этой поѣздки и впечатлѣнія, которыя она произведетъ и на султана и на европейское общество,— все это извращаетъ правду, упрочиваетъ ложь, вводитъ въ заблужденіе и Турцію и общественное мнѣніе Европы, и никакимъ образомъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ современнаго положенія дѣлъ и нашей политики на Востокѣ. За то оно вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ западной политики... Въ то самое время, какъ всѣ усилія христіанскихъ подданныхъ Порты направлены къ освобожденію отъ мусульманскаго ига, турецкій падишахъ тор-

жественно причисляется къ сонму европейскихъ монарховъ, и Турція вводится, какъ равноправная, въ семью европейскихъ державъ. Больной человѣкъ, осужденный къ смерти, выдается за здороваго; диссонансъ, противорѣчіе, аномалія (потому что таково значеніе Турціи среди христіанской Европы), выставляются чуть не за образецъ созвучности и нормальности. Какое впечатлѣніе можетъ вынести султанъ изъ своего путешествія? То, что турецкая тираннія, осуждаемая *Московомъ*, въ образованнѣйшихъ странахъ Запада не встрѣчаетъ протеста, что страданія, бѣдствія и мученія православныхъ христіанъ не находятъ себѣ сочувствія въ западныхъ христіанахъ. Въ пріемѣ, ему оказанномъ, въ выраженіяхъ вниманія и дружбы, въ празднованіяхъ и ликованіяхъ народныхъ, султанъ неминуемо долженъ видѣть санкцію политическаго существованія Турціи, освященіе и утвержденіе мусульманскаго надъ христіанами ига, одобреніе турецкой политики, осужденіе всѣхъ попытокъ Славянъ и Грековъ высвободиться изъ-подъ варварскаго гнета. Французскіе и англійскіе журналы, въ запуски другъ передъ другомъ, торжествуютъ, въ поѣздкѣ султана, побѣду европейской цивилизаціи надъ «предразсудками Корана». Дѣйствительно, самая поѣздка, появленіе главы правовѣрныхъ въ церквахъ и театрахъ, на балахъ и раутахъ Парижа и Лондона, есть великая уступка магометанина авторитету западной цивилизаціи, но не придется ли сему магометанину убѣдиться и въ томъ, что западные цивилизаторы точно также чуждаются и «предразсудковъ» христіанской религіи—являясь совершенно равнодушными къ судьбѣ своихъ христіанскихъ братій восточнаго вѣроисповѣданія? На заступничество Европы въ пользу Критянъ Турція отвѣчаетъ новыми неистовствами въ Критѣ, и Европа не только не оскорбляется, но напротивъ, предшествуемый и сопровождаемый телеграммами о подвигахъ азіятскихъ полчищъ Омеръ-паши, повелитель сихъ полчищъ привѣтствуется съ восторгомъ заступавшимися государями, и Франція, Англія и Австрія какъ бы вѣнчаютъ его вѣнкомъ изъ лавровъ и миртъ!

Конечно, чудеса европейской цивилизаціи произведутъ свое обаяніе на турецкаго падишаха, но не въ меньшей степени произведетъ на него обаяніе и военное могущество Фран-

ціи и Англіи. Видъ этого могущества еще болѣе усилитъ значеніе Франціи и Англіи въ Турціи и ихъ вліяніе на дѣла Востока. А дипломатическая дѣятельность этихъ двухъ державъ на Востокѣ не только въ противорѣчіи съ русскою, но и положительно враждебна Россіи, т. е. враждебна свободѣ и самостоятельности православныхъ христіанъ Турціи, въ чемъ заключается для Россіи высшій политическій и нравственный интересъ. Поѣздка султана въ Парижъ и Лондонъ не только не способна дать иное направленіе его политикѣ, но напротивъ утвердитъ его въ этомъ направленіи, и надеждою на помощь столь могущественныхъ друзей ободритъ въ борьбѣ съ крамольными православными *раіями*. Конечно, личное знакомство съ военною силой Европы способно было бы можетъ-быть смирить падишаха и сдѣлать его сговорчивѣе къ уступкамъ въ пользу Славянъ и Грековъ; но не Франція и Англія внушатъ ему эту сговорчивость, а если и склонятъ его къ сговорчивости, такъ въ пользу своихъ личныхъ, эгоистическихъ видовъ и въ существенный ущербъ православному греко-славянскому міру, а слѣдовательно и Россіи.

Многіе русскіе и иностранные публицисты полагали, что высокая честь, оказанная русскимъ Императоромъ Наполеону III и Франціи посѣщеніемъ Парижа, послужитъ основаніемъ къ сближенію между Россіею и Франціею по Восточному вопросу. Мы никогда не раздѣляли этой увѣренности, по крайней мѣрѣ не вѣрили въ возможность серьезнаго соглашенія. Такое соглашеніе невозможно для Франціи безъ разрыва съ Англіей, а союзомъ съ нею Наполеонъ дорожитъ по многимъ и многимъ причинамъ; къ тому же мы несогласны и съ мнѣніемъ, столь часто повторяемымъ, объ отсутствіи будто бы у Россіи и Франціи противоположности интересовъ на Востокѣ. Конечно, у Россіи съ Франціей на Востокѣ нѣтъ столкновенія вещественныхъ интересовъ, но есть та противоположность интересовъ, которая лежитъ въ противоположности латинскаго и православнаго міра. А Франція (и при Наполеонѣ III особенно) есть представительница и носительница той латинской идеи, которая еще со временъ крестовыхъ походовъ стремилась подчинить себѣ Востокъ. Объ этомъ мы теперь распространяться не станемъ,

но напомнимъ читателямъ, что по настоянію же Франціи посланъ въ Кандію Омеръ-паша, и что ея происками, болѣе чѣмъ Англіи (дѣйствующей по крайней мѣрѣ не двусмысленно, а довольно откровенно), задерживается успѣхъ русскихъ ходатайствъ въ пользу православныхъ христіанъ Турціи. Конечно, какъ на признакъ соглашенія съ Франціей можно указать на дипломатическую тождественную ноту, поданную Портѣ представителями Россіи, Франціи, Пруссіи, а потомъ и Австріи (съ нѣкоторыми измѣненіями). Въ этой нотѣ предлагается турецкому правительству прекратить въ Кандіи кровопролитіе и допустить европейскихъ коммиссаровъ произвести формальное изслѣдованіе о причинахъ неудовольствія жителей Крита и объ истинныхъ ихъ желаніяхъ, примѣнивъ въ послѣднемъ случаѣ систему поголовнаго спроса (suffrage universel). Первое требованіе (о прекращеніи кровопролитія) было отклонено Портой подъ тѣмъ предлогомъ, что Омеръ-паша обѣщалъ подавить возстаніе въ теченіи мѣсяца, поэтому Порта выговорила себѣ еще мѣсяцъ рѣзни,—а по окончаніи мѣсяца вѣроятно попроситъ отсрочки! На производство же слѣдствія она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы слѣдствіе произведено было ею самою, хотя бы и въ присутствіи европейскихъ коммиссаровъ и по удаленіи съ острова всѣхъ греческихъ волонтеровъ! Производить изслѣдованіе тогда, какъ борьба,—кровавая, упорная борьба,—продолжается уже цѣлый годъ, когда взрывъ Аркадскаго монастыря и тысячи жертвъ, павшихъ за независимость Крита, достаточно свидѣтельствуютъ, чего хотятъ Критяне и сладка ли имъ была жизнь подъ мусульманскимъ игомъ! Вся эта процедура, все это примѣненіе къ кровавому международному спору слѣдственнаго формализма—похоже было бы просто на *волокиту*, пагубную для изнемогающихъ Критянъ, еслибы весь смыслъ европейскаго предложенія не заключался въ пріостановкѣ кровопролитія. Но эта-то существенная цѣль предложенія и устранена, равно какъ и искаженъ самый характеръ слѣдствія. Спрашивается: возможность такого отвѣта со стороны Порты не доказываетъ ли, что ей хорошо было извѣстно—какъ нетвердо соглашеніе и какъ мало серьезной рѣшимости у европейскихъ державъ? Да и какой вѣсъ могло имѣть это предложеніе, данное въ ту самую минуту, какъ прибылъ

въ Дарданеллы французскій флотъ, не для угрозы султану, а для того, чтобъ принять его подъ покровительство французскаго флага и доставить въ Тулонъ какъ званнаго, желаннаго и почетнаго гостя? Должно-быть, сдѣланное падишаху, въ видѣ дипломатической ноты, подношеніе было не такого рода, которое могло бы помѣшать пріятностямъ его путешествія въ Парижъ, въ сопровожденіи французскаго посланника въ Константинополѣ, г. Буре. И покуда султанъ утѣшается изысканнымъ гостепріимствомъ Наполеона III, королевы Викторіи и Франца-Іосифа,—несчастные герои Крита успѣютъ задохнуться отъ усилій въ неравной борьбѣ съ кровожадными полчищами Омеръ-паши...

Султанъ—въ Парижѣ, султанъ—въ салонѣ королевы Викторіи, турецкій падишахъ—европейскимъ туристомъ! Всему этому можно было бы радоваться, какъ признаку разложенія мусульманскаго міра вообще и Турціи въ особенности. Но видѣть въ этомъ, безъ отреченія отъ ислама, нравственное пріобрѣтеніе, здоровый прогрессъ и новую эру для Оттоманской имперіи—дѣйствительно это возможно только для того общества, въ которомъ іезуитизмъ и современная европейская цивилизація, только повидимому враждующія между собой, возвели сдѣлку или компромиссъ до апоѳеоза, выработали ее до утонченности и создали цѣлую атмосферу смѣшанныхъ нравственныхъ понятій, среднихъ терминовъ и чудовищныхъ сочетаній всякихъ противорѣчащихъ началъ. Было время, когда наслѣдники Османовъ явились среди разслабленной Европы дикою цѣльною силой, исполненною фанатической вѣры въ себя и въ свое призваніе. Булатъ и стрѣлы азіятскаго наѣздника привели въ трепетъ Европу.—и вынужденное признаніе этой силы, этого несомнѣннаго историческаго факта, не имѣло въ себѣ тогда ничего оскорбительнаго для нравственнаго чувства: въ этомъ признаніи не было внутренняго примиренія, не было нравственной санкціи. Но когда наѣзднікъ превращается въ кавалера, и не отрекаясь ни отъ своихъ завоеваній, ни отъ жизненнаго начала своего политическаго бытія, т. е. ислама, ни отъ притязаній властвовать надъ порабощенными нѣкогда христіанами, наводитъ на свою дикость глянецъ европейской цивилизаціи, садится за христіанскую трапезу, какъ за братскую,—

то это зрѣлище является въ высшей степени безобразнымъ. Здѣсь уже нѣтъ уступки могучей силѣ, нѣтъ одного внѣшняго признанія факта, а внутреннее съ нимъ примиреніе. Здѣсь звучитъ такая фальшивая нота, которая раздираетъ уши всякаго неотупѣвшаго слухомъ. Но такъ какъ примиреніе ислама съ христіанствомъ или Евангелія съ Кораномъ невозможно, такъ какъ вопіющій диссонансъ не можетъ разрѣшиться въ гармонію,—то всѣ эти попытки Западной Европы привить къ почвѣ ислама европейскую цивилизацію, отрѣзавъ только отъ нея ея христіанскій корень, и создать новую прогрессивную Турцію, въ сущности только задерживаютъ естественную смерть Османа, задерживаютъ освобожденіе христіанскихъ племенъ, — только увеличиваютъ опасность страшнаго, неминуемаго взрыва.

О судѣ надъ Березовскимъ.

«Москва», 11-го іюля 1867 г.

Судъ надъ Березовскимъ оконченъ. Присяжные признали его виновнымъ, но съ обстоятельствами, смягчающими вину, вслѣдствіе чего онъ приговоренъ не къ смертной казни, а къ пожизненной каторгѣ. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что такой результатъ долженъ возмутить русское общество, и представляютъ Россію требующею мести, жаждущею крови преступника! Россія и ея Государь стоятъ превыше всякаго чувства мщенія — имъ не нужно жертвы, не нужно крови для удовлетворенія русской національной чести. Наша честь и наша совѣсть тутъ ни при чемъ. Дѣло касалось чести и совѣсти самихъ Французовъ. Не будемъ же толковать о приговорѣ и вдаваться въ юридическую его оцѣнку.

Но есть другая сторона дѣла, которая не можетъ не интересовать и не возмущать насъ. Здѣсь важенъ не самый исходъ суда, а то, что̀ предшествовало приговору, и объ этомъ-то мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Курсъ на французскій умъ, французскій либерализмъ и вообще на Французовъ еще и прежде сильно упалъ въ рус-

скомъ обществѣ, но все же за ними признавалась, по преданію, какая-то обаятельность пресловутой «французской вѣжливости» (la politesse française) и сильно развитаго чувства національной чести. Теперь и это обаяніе разсѣялось въ конецъ. Грубые возгласы, раздававшіеся иногда изъ толпы при появленіи гостя Франціи, Русскаго Государя, на улицахъ Парижа; встрѣча ему при посѣщеніи Дворца Юстиціи; наконецъ, оправданіе таковыхъ поступковъ большею частью французской журналистики, — все это, еще до 25 мая (6 іюня), краснорѣчиво свидѣтельствовало — до какой степени самыя элементарныя требованія вѣжливости утратили для Французовъ свою обязательную силу. Франція — эта «старшая дочь» цивилизаціи—явилась въ данномъ случаѣ менѣе цивилизованною, чѣмъ какая-нибудь Бухара или Курдистанъ. Покушеніе 25 мая—этотъ наглый оскорбительный вызовъ нравственному чувству Франціи, это вѣроломное нарушеніе гостепріимства, казалось пробудило и во Французахъ уснувшее чувство народной чести. Можно было предполагать, что оскорбленная, вызванная къ отвѣту, въ виду всего міра, французская народная честь потребуетъ себѣ самаго яркаго, всеполнаго удовлетворенія, что судъ надъ преступникомъ и справедливое ему возмездіе сдѣлаются для Французовъ une question de réparation d'honneur. Но французское негодованіе оказалось только временною вспышкой... Французскій судъ надъ убійцей превратился въ арену новыхъ оскорбленій лицу, предназначавшемуся быть жертвой убійцы, оскорбленій—гостю Франціи, поставившему себя подъ охрану французской чести!. Само собой разумѣется, что всѣ эти безсильныя оскорбленія пали тутъ же обратно, всею своею тяжестью, на самихъ оскорбителей, на весь Французскій народъ.

Нельзя безъ отвращенія читать защитительное слово Эммануэля Араго, этого éminent orateur, этого illustre orateur, какъ величаютъ его Французы. Впрочемъ, чувство отвращенія слишкомъ серьезно, а серьезно относиться къ громамъ краснорѣчія французскихъ «иллюстровъ» значило бы оказывать имъ честь, которой они не заслуживаютъ. Борзорѣчивый, какъ всѣ французскіе адвокаты, метръ Араго, съ театральнымъ французскимъ жаромъ, съ приличною случаю де-

клamaціей, тѣлодвиженіями и трясеніемъ голоса, протвердилъ предъ своею французскою публикой тѣ стереотипныя фразы негодованія и симпатіи, которыми изобилуетъ рѣчь всякаго Француза, когда онъ пускается говорить объ отношеніяхъ Россіи и Польши высокимъ слогомъ. Мы могли бы, нисколько не ошибившись, заранѣе разсказать рецептъ этой французской ораторской стряпни и всѣхъ тѣхъ словесныхъ пряностей и приправъ, которыми защитникъ Березовскаго долженъ былъ неминуемо уснастить свою рѣчь. Мы знали наперед, что встрѣтимся тутъ съ старыми знакомыми—и съ «народомъ мученикомъ» (peuple martyr), и съ «la sainte cause de la Pologne» (священнымъ дѣломъ Польши), и съ названіемъ русскаго царя «папою греческой церкви», и съ наименованіемъ Волыни Польшею, и съ тысячью другихъ громоносныхъ терминовъ и оборотовъ, давно привычныхъ нашимъ ушамъ, давно ставшихъ общими мѣстами, но тѣмъ не менѣе еще способныхъ производить сенсаціи и агитаціи во французской, достойной своихъ ораторовъ, публикѣ. Мы были заранѣе увѣрены, что рядомъ съ обычными доводами, свидѣтельствующими о самомъ грубомъ невѣжествѣ — ignorance crasse — во всемъ, что̀ касается Россіи, эта защитительная рѣчь будетъ пересыпана условными возгласами, имѣющими непремѣнно исторгаться, въ данную минуту, изъ взволнованной груди оратора-либерала, тѣмъ болѣе Араго, какъ уже давно состоящаго и даже заматорѣлаго въ чинѣ «краснаго» и «республиканца». Но мы должны сознаться, что метръ Араго превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія. Онъ дошелъ до геркулесовскихъ столбовъ адвокатской театральности и недобросовѣстности, стараясь создать изъ Березовскаго—героя, дѣлающаго честь обществу, среди котораго живетъ; поразить умы присяжныхъ потрясающимъ разсказомъ о мнимой сценѣ убійства въ Варшавѣ, воспроизведенной имъ по какой-то польской картинѣ, и даже обвинить русскаго Императора въ нравственномъ нарушеніи гостепріимства!! Онъ собралъ въ своей рѣчи все, что̀ могло возбудить въ слушателяхъ ненависть къ Россіи, несмотря на то, относилось ли оно къ дѣлу или нѣтъ; онъ сослался и на законы, сочиненные Петромъ I-мъ и какъ-то удержавшіеся въ Сводѣ, и на циркуляры, вызванные необходи-

мостью подавить страшныя неистовства и мучительства, которымъ подтвергали русскихъ обывателей польскіе повстанцы. Онъ не упомянулъ, конечно, ни о трехъ тысячахъ убійствъ изъ-за угла, совершенныхъ польскимъ жондомъ, ни о жандармахъ-вѣшателяхъ и кинжальщикахъ, ни о томъ, какъ Поляки сдирали кожу съ живыхъ Русскихъ, попавшихся имъ въ плѣнъ, ни о прочихъ подвигахъ славной націи, которой девизъ, по его словамъ: «отчизна, религія, справедливость»! Однимъ словомъ, это засѣданіе французскаго суда было публичною сценическою постановкой всѣхъ польскихъ клеветъ на Россію, пріумноженныхъ и помноженныхъ одна на другую, — вмѣстѣ съ публичною проповѣдью въ пользу политическаго убійства. И ни въ комъ эта рѣчь не вызвала ни негодованія, ни даже неодобренія; ничье чувство приличія не смутилось такою неумѣстностью и несвоевременностью оскорбленій Россіи и ея Государя—при разсмотрѣніи дѣла о покушеніи на Его же жизнь! Мало того, что въ гостепріимномъ Парижѣ онъ подвергался опасности быть убитымъ, къ ужасу всей Россіи, но это самое подало поводъ тому же Парижу оскорбить его снова. Пусть эти оскорбленія и неспособны досягнуть до лица оскорбляемаго, но тѣмъ не менѣе намѣреніе оскорбить—было, и приведено въ исполненіе безъ препятствія и безъ протеста со стороны общества какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ограды суда.

При такихъ условіяхъ трудно отдѣлаться отъ предположенія, что будь преступникъ не Полякъ, а какой-нибудь православный Болгаринъ, и стрѣляй онъ въ турецкаго султана или даже египетскаго вице-короля, въ бытность ихъ гостями въ Парижѣ, тѣ же самые присяжные едвали бы не произнесли надъ Болгариномъ приговоръ къ смерти. Не можемъ мы не подозрѣвать, что обстоятельствомъ, побудившимъ присяжныхъ смягчить приговоръ о винѣ Березовскаго, было вовсе не какое-нибудь человѣколюбивое соображеніе (которое въ виду молодости и малоумія Березовскаго легко могло имѣть мѣсто), а именно то обстоятельство, что преступникъ былъ Полякъ, а Государь, на жизнь котораго онъ покушался, былъ Государь — русскій. Впрочемъ и это не потому, чтобы нашъ Государь самъ по себѣ возбудилъ антипатію Французовъ; напротивъ, личность его, по общимъ от-

ывамъ, произвела во Франціи дѣйствіе самое симпатическое,—но потому собственно, что онъ государь—Россіи.

Россія—вотъ кому не прощается самое ея существованіе, вотъ предметъ и вражды, и зависти, и страха латино-германской Европы! И ненавидима и неразумѣема, и незнаема, и оклеветываема чужими и своими иностранцами, стоитъ она среди міра, сама особый міръ, съ самобытными духовными и бытовыми началами, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности! Этотъ ненавидимый міръ есть міръ православно-славянскій, къ которому примыкаютъ и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ комъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство. Она и не понимаетъ, незлобивая Русь, какой дикою злобой дышетъ къ ней цивилизованный Западъ, какъ пугается онъ каждаго въ ней проявленія жизни, какъ не терпитъ его просвѣщеніе загорающагося свѣта съ Востока! Съ недоумѣніемъ, не уступающимъ ни опыту ни привычкѣ, смотрятъ и до сихъ поръ наши братья Славяне на ту ярую бурю негодованія, которую поднимаетъ въ Европѣ одно ихъ предъявленіе правъ на народное бытіе, одно ихъ притязаніе—*жить!* Пусть такъ! Не станемъ же унижаться и заискивать у Европы ея дружбы и милостиваго расположенія. Въ этой незаслуженной ненависти, въ этой неправедной злобѣ, возбуждаемой Россіей и всѣми славянскими племенами, есть своего рода величіе и возбудительная сила, есть указаніе на наше особое призваніе въ исторіи. Этою ненавистью, этою злобою опредѣляются, такъ-сказать, живыя *границы* и нравственные признаки славянскаго міра въ Европѣ; мѣрой вражды ея измѣряется въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Пора понять, что Западъ любитъ только *своихъ*, и чѣмъ сильнѣе въ насъ Русскихъ, въ насъ Славянахъ, народное чувство и самосознаніе, тѣмъ менѣе мы *свои* Западу, тѣмъ сильнѣе его ненависть. Она есть почетное свидѣтельство о нашей вѣрности нашимъ народнымъ началамъ и нашему историческому призванію. И наоборотъ: кто изъ Славянъ не ненавистенъ Европѣ, тотъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ духовной измѣнѣ Славянству. И изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только *одна* шляхетская Польша стяжала себѣ ея со-

чувствіе и дружбу. Она — *своя* Европѣ, и какъ же не быть ей *своею*, когда она всегда была передовымъ врагамъ Славянскаго міра? Не Поляки ли, эти «сѣверные Французы», какъ они сами себя величаютъ, стоятъ во главѣ каждаго движенія направленнаго противъ возрожденія къ жизни славянскихъ національностей? Не они ли проливаютъ теперь, съ усыновленною Западомъ Турціей, кровь Болгаръ, а также и братьевъ нашихъ по вѣрѣ — православныхъ Грековъ? Не они ли стараются задавить бѣдное русское племя въ Галиціи? Не они ли торгуются теперь о союзѣ съ Мадьярами, къ утѣсненію и гибели прочихъ австрійскихъ Славянъ? Есть за что любить ихъ Европѣ,—по истинѣ достойны они ея симпатіи, выслужились они передъ нею неизмѣннымъ предательствомъ своихъ братьевъ! Пусть же будетъ она *своя* Европѣ вполнѣ—шляхетская Польша; не своя она намъ, ей не должно быть мѣста въ семьѣ славянской, пока она не покается.— если только возможно для нея покаяніе!

Ничто такъ не подтверждаетъ словъ русскаго поэта о *двойной* правдѣ создавшейся на Западѣ, для *нихъ*, т. е. для латиногерманской Европы и Поляковъ, и для *насъ* — Русскихъ и прочихъ Славянъ, какъ весь этотъ процессъ Березовскаго, съ рѣчами Араго и сочувствіемъ французскаго общества. Этими словами закончимъ и мы свою рѣчь:

Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ,
И закрѣпила стародавность
Ихъ какъ наслѣдіе Славянъ!

По поводу рѣчей Араго и Жюль-Фавра въ дѣлѣ Березовскаго.

«Москва», 16-го іюля 1867 г.

Къ счастію, уже прошло то время, когда глаголъ французскихъ ораторовъ имѣлъ непререкаемый авторитетъ, способенъ былъ не только занимать, но смущать и увлекать русскую публику. Безопасно могутъ теперь раздаваться въ нашихъ ушахъ фабричные перуны французскихъ поставщиковъ науки и слова. Безбоязненно перепечатываемъ мы въ

нашихъ газетахъ «ученые» доводы глубокомысленнаго невѣжды Henri Martin и красивыя ругательства Араго, Фавра и прочихъ мастеровъ французскаго ораторскаго цеха. Мы убѣждены, что нѣтъ теперь въ Россіи ни одного свободолюбиваго юноши, который бы повѣрилъ во французскія, а также и въ польскія фразы о свободѣ, и дался бы въ обманъ этимъ потѣшнымъ огнямъ, этому дешевому фальшфейеру науки и слова.

Читатели имѣли недавно предъ глазами рѣчь Араго въ защиту Березовскаго, а въ нынѣшнемъ № прочтутъ и рѣчь Жюль-Фавра въ законодательномъ корпусѣ,—этого «знаменитаго» оратора, знаменитаго, по словамъ французскихъ газетъ, «особенно возвышенностью чувствъ и мыслей». Несмотря на академическое старообразіе того учрежденія, котораго Жюль-Фавръ недавно удостоился быть членомъ (онъ получилъ кресло во Французской Академіи, слѣдовательно теперь l'un des quarante, одинъ изъ сорока), общественное положеніе Жюль-Фавра—быть пылкимъ, самымъ пылкимъ изъ либераловъ, точно также напримѣръ, какъ общественное положеніе его товарища по оппозиціи въ палатѣ, Глэ-Бизуана,—быть бѣдовымъ ребенкомъ, enfant terrible, оппозиціи. Въ рѣчи своей Жюль-Фавръ дѣлаетъ упрекъ правительству, зачѣмъ русскій Императоръ былъ принятъ въ Парижѣ съ такими почестями и выраженіями сочувствія, послѣ того какъ Россія попрала ногами «священныя права Польши», подавила польскій мятежъ — «это законное домогательство возстановленія правъ *трактатовъ* и нравственности», и наконецъ, перомъ князя Горчакова, дала въ 1863 году европейской дипломатіи такой высокомѣрный отказъ (un congé hautain — буквальнѣе: «высокомѣрно указала дверь»). Государственный министръ Руэ, хотя и находилъ вообще страннымъ такой укоръ въ вѣжливости, оказанной гостю, однакожъ счелъ нужнымъ, для оправданія «исключительнаго» пріема, сдѣланнаго въ Парижѣ императору Александру, *напомнить* оратору и публикѣ преступленіе Березовскаго, добавляя, что всѣ эти знаки вниманія объясняются счастливымъ исходомъ покушенія, *жертвой котораго могъ быть и императоръ Наполеонъ!* Все это не требуетъ поясненій и въ высшей степени характеризуетъ французскую націю, заставляя

сожалѣть о чести, оказанной Франціи посѣщеніемъ русскаго Государя, — но мы не можемъ не остановиться вновь на этомъ непрерывно возглашаемомъ словѣ «Польша!» и не предложить гг. Фавру, Араго и tutti quanti слѣдующій, самый простой вопросъ:

«Польша, Польша!» *Да что же такое* Польша? Отдавали ли себѣ когда-нибудь французскіе публицисты отчетъ въ этомъ словѣ? Какое понятіе соединяютъ они съ этимъ словомъ? Какую это Польшу разумѣютъ они подъ симъ громкимъ терминомъ? Есть ли это терминъ политическій или этнографическій?

Если это терминъ политическій, то спрашиваемъ опять: означаетъ ли онъ собственно *Царство Польское*, о которомъ идетъ рѣчь въ трактатахъ 1815 года, или же такъ-называемую *Польшу историческую?*

Если дѣло идетъ только о *Царствѣ Польскомъ*, то зачѣмъ же вмѣшиваться въ дѣла русскихъ губерній Сѣверо-западнаго и Югозападнаго края, оправдывать мятежъ жителей этого края польскаго происхожденія и вообще польскія притязанія на этотъ край? Законное, положимъ, съ точки зрѣнія французскихъ ораторовъ, возстаніе въ Царствѣ должно быть ими же признано беззаконнымъ на Волыни, въ Подоліи, въ Виленской губерніи и т. д., если только они хотятъ остаться вѣрными логикѣ. Но очевидно французскіе адвокаты «Польши» держатся не этой точки зрѣнія, т. е. разумѣютъ подъ «Польшей» не одно Царство Польское: иначе они разошлись бы въ воззрѣніяхъ съ своими пріятелями — польскими эмигрантами. Послѣдніе и слышать не хотятъ о «Конгрессувкѣ», какъ они называютъ Царство Польское, потому что оно дѣйствительно очень мало и не представляетъ никакихъ условій для самостоятельнаго политическаго бытія. Но если дѣло идетъ не о томъ политическомъ терминѣ, который считаетъ свое лѣтосчисленіе съ 1815 года, то зачѣмъ же ссылаться на *трактаты* и на Вѣнскій конгрессъ?

Если же Араго, Фавръ и К°, къ которой можно причислить чуть не всю французскую интеллигенцію, разумѣютъ подъ «Польшею» не современное Царство Польское, а Польшу историческую, то опять спрашиваемъ: какую же именно? Позаботился ли хоть одинъ изъ французскихъ говоруновъ опре-

дѣлить себѣ съ точностью такъ часто и съ такою запальчивостью употребляемый ими въ этомъ смыслѣ терминъ? Не находя отвѣта у Французовъ, мы должны обратиться за объясненіемъ къ Полякамъ. Такъ какъ вся польская эмиграція рукоплещетъ рѣчамъ о Польшѣ французской трибуны и барро, пользуется симпатіей и денежною помощью французскаго правительства, то мы въ правѣ предположить солидарность мнѣній между польскими «патріотами» и французскими полонофилами, хотя бы послѣдніе вѣрили только на слово первымъ. Поляки же, какъ извѣстно, въ своихъ притязаніяхъ опираются на историческое право, и говоря о Польшѣ разумѣютъ обыкновенно Польшу въ границахъ 1772 года, до раздѣла. Скажемъ мимоходомъ, что если ужъ опираться на историческое право, такъ зачѣмъ останавливаться на такой близкой эпохѣ? Отчего не хватить и дальше, до 1654 года напримѣръ, т. е. до присоединенія Малороссіи къ Россіи, или даже до XVI вѣка? И дѣйствительно, судя по адресу Поляковъ, поданному французскому императору по поводу покушенія Березовскаго, они и не очень чинятся съ предѣлами времени и дѣлаютъ пребезцеремонные заѣзды назадъ, въ историческую даль. Отъ Балтики до *Чернаго моря*— вотъ границы ихъ Польши! Excusez du peu! Но отважится ли съ ними въ такое дальнее путешествіе политическая симпатія Французовъ? Согласны ли они признать Одессу польскимъ городомъ, Новороссійскій край краемъ польскимъ, и *права* на нихъ Поляковъ несомнѣнными? Пусть отвѣтятъ. Едвали рѣшится дать утвердительный отвѣтъ даже и г-нъ Жюль Фавръ, а между тѣмъ самое то, что подобное притязаніе могло найти мѣсто въ письмѣ *адресованномъ императору Наполеону*, даетъ намъ поводъ настаивать на вопросѣ. Но, возразятъ намъ, это не есть мнѣніе большинства Поляковъ. Благоразумнѣйшіе изъ нихъ гораздо великодушнѣе, снисходительнѣе въ своихъ требованіяхъ и ограничиваются эпохой 1772 года, до перваго раздѣла Польши. Обратимся же къ этимъ умѣреннымъ требованіямъ.

Стало-быть Французы, вмѣстѣ съ Поляками, желаютъ возстановленія Польши въ предѣлахъ ея, бывшихъ только за 100 лѣтъ тому назадъ? Такъ ли? Если такъ, то пусть гг. Араго, Фавръ и прочіе полонофилы спросятъ себя: гдѣ же

эта Польша, куда она дѣвалась, между кѣмъ подѣлены ея части? Между Австріей, Пруссіей и Россіей—не правда ли? Въ такомъ случаѣ почему же они обрушиваютъ свой гнѣвъ на одну Россію? Почему же они проповѣдываютъ крестовый походъ за Польшу только противъ Россіи, а обладаніе Австріею и Пруссіей такими значительными частями бывшаго Польскаго государства не возбуждаетъ въ нихъ ни малѣйшаго негодованія? Пруссія, напримѣръ, владѣетъ самою коренною польскою землей, искони называвшеюся Великою Польшей, и не только всегда отказывала польской національности въ юридическомъ признаніи, но даже включила Познань въ Сѣверогерманскій Союзъ и колонизировала ее Нѣмцами. Однакожь Пруссія, за такую ловкую ампутацію, не призывается къ суду ни Французами, ни самими Поляками. Что же касается до Галиціи, то еще Наполеонъ I, воюя съ Россіей, запрещалъ Полякамъ и думать о ней. Почему же негодованію и угрозамъ подвергается одна Россія? Объясняли ли себѣ это противорѣчіе французскіе публицисты? Не за то ли они гнѣваются, что Россія стремится обрусить такъ-называемыя польскія земли? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же не сердитъ ихъ онѣмеченіе Познани, почти уже совершенное Пруссіей? Не нравится имъ русская система управленія? Но въ такомъ случаѣ рѣчь можетъ идти только объ управленіи, а не объ возстановленіи Польши.

Толкуя о возстановленіи, разумѣя подъ словомъ «Польша»—Польское государство 1772 года, Французы необходимо должны разумѣть Польшу не только русскую, но и съ ея частями—прусскою и австрійскою. Таково требованіе логики. Однакожь такъ ли это? Понимаютъ ли вожди французскаго общественнаго мнѣнія, что возглашая: «Польша, Польша», они тѣмъ самымъ провозглашаютъ расчлененіе не только Россіи, не только Пруссіи, но даже и Австріи (которую, между прочимъ, желаютъ теперь имѣть своею союзницей)? Съ такимъ выводомъ они конечно не согласятся, но другаго логическаго вывода нѣтъ. Чего же они хотятъ?

Они должны будутъ сознаться, что хотятъ возстановленія Польши только русской и подъ словомъ «Польша» разумѣютъ только Царство Польское и отнятыя Россіей по тремъ раздѣламъ, нѣкогда принадлежавшія Польскому государству, рус-

скія и литовскія земли. Но въ такомъ случаѣ, стало-быть, ни логика, ни справедливость не принимаются здѣсь за основаніе, и такое сокращеніе политическихъ предѣловъ Польши 1772 года въ пользу Австріи и Пруссіи есть совершенно произвольное? Французы—охотники толковать о принципахъ, но въ силу какого же принципа ограничиваются они собственно русскою «Польшею»? Принципъ историческаго права, принципъ національностей въ польскомъ дѣлѣ — одинаково дѣйствителенъ или недѣйствителенъ въ примѣненіи какъ къ Россіи, такъ къ Австріи и Пруссіи. Да не станутъ ли Французы и тутъ въ противорѣчіе съ своими друзьями, Поляками, которые, опредѣляя Польшу пространствомъ отъ *Балтики* до Чернаго моря, подразумѣваютъ прусскія прибалтійскія области?

Пусть же гг. Араго, Жюль Фавръ и К° такъ и объявятъ намъ: или что они означаютъ словомъ «Польша» все Польское государство въ предѣлахъ 1772 года, а выраженіемъ— la sainte cause de la Pologne (священнымъ дѣломъ или правомъ польскимъ) возстановленіе польскихъ частей въ одно цѣлое, какъ принадлежащихъ Россіи, такъ Австріи и Пруссіи; или же, что это священное право, этотъ терминъ и всѣ ихъ полонофильскія вожделѣнія — относятся только до той части, которая досталась Россіи. До сихъ поръ они такого категорическаго объясненія не дали, но оно было бы по крайней мѣрѣ, если и не логично, то за то просто и откровенно.

Очевидно, что для такого исключенія въ пользу Россіи нѣтъ оправданія ни въ какихъ общихъ принципахъ, и имѣется только одно основаніе — слѣпая вражда къ Россіи. Но положимъ, что ни Галиціи, ни Познани не существуетъ, или что при всемъ польскомъ правѣ на эти земли—о нихъ не можетъ быть и рѣчи по фактической невозможности или по политическимъ соображеніямъ: положимъ, что дѣло идетъ объ одной Россіи: во имя же чего предъявляютъ французскіе публицисты свои притязанія на возстановленіе Польши изъ тѣхъ частей, которыя достались Россіи? Во имя историческаго права? Но на это право вообще не имѣютъ привычки ссылаться либералы, и особенно Французы. Въ силу этого одного права можно отнять у Франціи Альзасъ, да и Австріи отдать Венецію и сѣверную Италію, уничтожить Бельгію и

перекроить въ пользу деспотизма карту Европы. Наконецъ, если это право истекаетъ изъ историческаго факта, то всякій позднѣйшій историческій фактъ служитъ источникомъ новаго историческаго права. Очевидно, что это начало не выдерживаетъ критики... Остается принципъ національностей. Но если взять для него основаніе этнографическое, такъ отъ «Польши» останется весьма малая часть, такая малая часть, что для пользы самихъ Поляковъ лучше уже и не упоминать объ этнографіи. Пришлось бы отрѣзать отъ Царства Польскаго и Люблинскую, и Августовскую губерніи, населенныя не польскимъ племенемъ, да и во всей западной Россіи почти не признать ни одного кореннаго Поляка. Но оставимъ этнографію, какъ основаніе неудобное, а допустимъ опредѣленіе національности болѣе широкое, причислимъ даже всѣхъ ополяченныхъ Русскихъ къ польской національности. Вопросъ будетъ тогда уже объ отношеніяхъ большинства и меньшинства, такъ какъ право національности основывается на численномъ преобладаніи. Вопросъ этотъ, стало-быть, рѣшается статистикой: пусть къ ней и обратятся Араго, Фавръ и прочіе французскіе полонофилы. Статистика имъ и покажетъ, что если въ Царствѣ Польскомъ, о которомъ и слышать не хотятъ Поляки, большинство на сторонѣ польскаго племени, то въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ Поляки составляютъ меньшинство даже сравнительно съ Евреями. Если же французскіе ораторы этихъ статистическихъ данныхъ не знаютъ, такъ пусть же и сознаются въ своемъ невѣжествѣ. Наконецъ, можно пожалуй, презирая краснорѣчіе статистическихъ цифръ, сослаться на желаніе народонаселенія въ этихъ бывшихъ областяхъ Польскаго государства, сказать, напримѣръ, что коренное русское населеніе желаетъ возвратиться въ составъ Польши? Но на вопросъ о стремленіяхъ народонаселенія или большинства отвѣчаетъ вся исторія, новѣйшіе историческіе факты и примѣръ Галиціи, находящейся въ тѣхъ же условіяхъ какъ и Волынь, Подолія и проч.

Однимъ словомъ, какъ ни кинь, такъ клинъ. Мы нарочно умалчиваемъ о *нашихъ*, русскихъ, правахъ на «Польшу» и становимся безпристрастно на точку зрѣнія самихъ Французовъ. Ни нравственныхъ, ни юридическихъ, ни историческихъ, ни статистическихъ никакихъ основаній для ихъ при-

тязаній въ пользу «Польши» не отыскивается, и всѣ ихъ политическія теоріи и возгласы оказываются лишенными логики, разваливаются при малѣйшей аналитической повѣркѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ правдѣ дѣйствительности и смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, если французскіе ораторы стоятъ на почвѣ *трактатовъ*, такъ не имѣютъ права говорить ни о независимости Царства, ни о прочихъ когда-то бывшихъ польскихъ провинціяхъ.

Если стоятъ на почвѣ историческаго права, то, вопервыхъ, притязаніе на этомъ правѣ основанное относится столько же къ Россіи, какъ къ Австріи и Пруссіи: вовторыхъ, это значило бы признать такое начало, которое несовмѣстно ни съ какими либеральными принципами и можетъ быть обращено и противъ Франціи относительно Альзаса.

Если стоятъ на почвѣ принципа національностей, такъ приложеніе этого принципа не только неспособно создать Польскаго государства, но разрушило бы его вновь, еслибъ оно существовало. Для этого стоитъ только обратиться къ статистическимъ и историческимъ учебникамъ: со всею наглостью цифръ и фактовъ они свидѣтельствуютъ противъ лжи польскаго политическаго идеала.

Если же примутъ за основаніе этнографію—такъ убьютъ въ конецъ всякую Польшу.

Между тѣмъ Поляки формулируютъ сами свое требованіе такъ: *все, или ничего*.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей за такія длинныя разсужденія о дѣлѣ для нихъ порѣшенномъ. Все это для насъ Русскихъ кажется уже общимъ мѣстомъ. Но мы имѣемъ въ виду, въ настоящемъ случаѣ, не русскую публику. Намъ хотѣлось бы, чтобы французскіе знаменитые ораторы, такъ дерзко бросающіе намъ въ лицо всякія оскорбленія по поводу «священнаго права Польши», отвѣтили на простой и только одинъ-единственный вопросъ: что же такое Польша?

О чешскихъ переселенцахъ.

„Москва“, 16-го сентября 1867 г.

Въ послѣднее время и у насъ и въ Чехахъ заговорили очень много о переселеніи въ Россію чешскихъ колонистовъ. Въ добрый часъ. Широкія двери имъ настежь, съ хлѣбомъ и солью, по старинному дѣдовскому обычаю, будетъ имъ пріемъ,—но этого и довольно. Имъ дома тѣсно и тяжело, давитъ ихъ Нѣмецъ, захватившій въ свои руки всѣ большіе промыслы, гнетутъ тяжкіе налоги разорившагося австрійскаго правительства,— въ Россіи земля дешева, нуждаемся мы и въ промышленныхъ людяхъ, и въ хорошихъ мастерахъ. Заработки трудолюбивому человѣку, а главное трезвому, хорошіе, налоги покуда еще не тяжелые (переселенцамъ же они первые годы и совсѣмъ неизвѣстны).—Зачѣмъ же дѣло стало? Что задерживаетъ этотъ естественный потокъ переселенія въ родственную, единоплеменную страну, богато одаренную благами природы, страну, дѣвственныя поля которой только ждутъ крѣпкихъ, здоровыхъ рукъ, дабы явить на свѣтъ свои сокровища, и гдѣ производительно помѣщенные капиталы вездѣ и всюду хорошими барышами вознаградятъ промышленника,—страну, которая сама вдобавокъ нуждается въ приливѣ иностранныхъ капиталовъ и иностраннаго умѣнья. Льется же этотъ потокъ широкою, полною струей за океанъ, въ Соединенные Штаты, гдѣ насчитывается уже за 100,000 Чеховъ, и куда безпрерывно приливаютъ новыя толпы.

Намъ кажется, что это явленіе объясняется очень просто. Америка съ давнихъ поръ служила обѣтованною землей всѣхъ несчастныхъ, удрученныхъ въ старой Европѣ несчастіемъ вольнымъ и невольнымъ; давно уже начался туда притокъ переселенцевъ изъ Германіи, а за Нѣмцами двинулись туда и Чехи. Достаточно было переселиться полсотнѣ семействъ, чтобы потянуть за собой десятки тысячъ. И Нѣмца и Чеха не могло не завлекать широкое поприще для свободнаго труда, какое представляетъ всякому пришельцу Америка, радушно его принимающая и привѣтствующая своимъ энергическимъ: look about—helpjourself. Новый невѣдомый

міръ открывался имъ: у всѣхъ передъ глазами совершался могучій процессъ промышленнаго развитія и обогащенія свободнаго народа, не знающаго ни канцелярій раздающихъ право на трудъ, ни отеческихъ попеченій ограниченной бюрократіи. Не всѣмъ, конечно, изъ нихъ посчастливилось, и неумолимое колесо фортуны раздавило, можетъ-быть, тысячи переселенцевъ,—но кому же дѣло до мертвыхъ? Оставшіеся въ живыхъ разомъ поняли, что попеченій въ Америкѣ ждать не отъ кого и не откуда, что только при неограниченной свободѣ личной и промышленной, при неограниченномъ соперничествѣ труда и таланта, отважный, трудолюбивый человѣкъ самъ сумѣетъ себѣ найдти гдѣ выгоднѣе и какъ выгоднѣе трудиться, и что нажить себѣ состояніе гораздо вѣрнѣе при такой полной свободѣ, чѣмъ въ Германіи или въ отечески-попечительной Австріи, заботливо охраняющей свой вѣрный народъ предохранительными полицейскими законами. Америка никогда никого не звала, никому не содѣйствовала къ переселенію, ни одного доллара не издержала, а милліоны переселенцевъ, и въ томъ числѣ нашихъ соплеменниковъ, приплываютъ къ ея гостепріимнымъ берегамъ и расходятся по всему широкому ея раздолью. Что же ихъ отталкивало по сіе время отъ насъ? Больше всего совершенное незнакомство съ Россіей и съ нашими порядками, на которые не только прежде, но даже и теперь еще смотрятъ съ недовѣріемъ, и наконецъ—вся наша система относительно иностранныхъ переселенцевъ. Отрѣзанные Нѣмцами и Поляками отъ Россіи, Чехи смотрѣли на нее какъ на варварскую страну и боялись двигаться къ намъ для сожитія съ крѣпостнымъ населеніемъ, все равно гдѣ бы то ни было—на помѣщичьихъ или на государственныхъ земляхъ. Чеху-ремесленнику также нечего было дѣлать при совершенномъ младенчествѣ нашей городской жизни и при особенныхъ условіяхъ промысловъ въ Россіи, носящихъ исключительно характеръ мелкой кустарной крестьянской промышленности: наши фабрики были въ рукахъ или Англичанъ или Нѣмцевъ—управляющихъ, большія промышленныя дѣла сосредоточивались по главнымъ портовымъ городамъ въ тѣхъ же рукахъ, внутреннею торговлею ворочали свои капиталисты или подвижное смышленное торговое крестьян-

ство; наши промышленные порядки и теперь еще ежели не хуже, то за то и не лучше австрійскихъ. Къ чему же было переселяться? Племенное единство? Нѣтъ, это приманка ненадежная для голоднаго и пришибеннаго человѣка, особенно когда онъ увѣренъ, что, переселясь, онъ навѣрно будетъ поглощенъ сильною, крѣпкою націей, и оставаясь, правда, Славяниномъ, конечно перестанетъ быть Чехомъ. Чехъ, правда, жалуется, что въ Америкѣ онъ перерождается во второмъ поколѣніи въ Янки, но за то онъ тамъ богатѣетъ и пользуется тѣмъ, о чемъ въ старой Европѣ, и особенно въ Австріи, никто и не вѣдаетъ. Ежели и были рѣдкіе случаи переселенія Чеховъ въ Россію, то отдѣльныя личности скорѣе и легче всего примыкали къ Нѣмцамъ, съ которыми ихъ связывала и общность цивилизаціи, и языкъ, и тѣ же привычки. Для каждаго русскаго человѣка новоприбывшій Чехъ и былъ и всегда оставался большею частью — Нѣмцемъ. Поселись даже цѣлая колонія Чеховъ среди нашего крестьянства, — они будутъ все-таки Нѣмцами въ глазахъ русскаго простаго человѣка и таковыми останутся пока не обрусѣютъ.

Наша система привлеченія переселенцевъ была доселѣ тоже неудачна. На чужбину идетъ человѣкъ — кому было худо и ѣсть нечего. Принимай его, но не заботься о его хлѣбѣ насущномъ. Это уже его дѣло. У насъ же, наоборотъ, или самыми мелочными и неудобными мѣрами стѣсняли приливъ иностранцевъ, или же вдругъ находилъ такой на насъ стихъ, что льготамъ, пособіямъ и любезностямъ не знали границъ, особенно по отношенію къ счастливымъ избранникамъ судьбы на русской почвѣ — къ Нѣмцамъ. Такое заманиваніе имѣло вредные результаты и у насъ, какъ и вездѣ. Забывали одно, что выселяются на чужбину не всегда самые лучшіе люди. Чаще всего это пострадавшіе по своей собственной винѣ на родинѣ. Бѣгутъ они со всѣми старыми грѣхами на новыя мѣста, гдѣ имъ сулятъ счастіе и довольство, и потомъ эти же люди, обманутые въ своихъ надеждахъ, остаются на рукахъ вызвавшихъ ихъ правительствъ или частныхъ людей. Такія явленія повторялись у насъ не разъ, и всѣмъ намъ памятны судьбы нѣмецкихъ и чешскихъ рудокоповъ, вызванныхъ на Донъ. Болгаръ въ

Крыму и Чехов на нѣкоторыхъ помѣщичьихъ земляхъ. Повторялось то же самое, что было вездѣ, гдѣ только правительство усердно заботилось о вызовѣ переселенцевъ. Великій Фридрихъ сильно заботился о заселеніи своихъ малолюдныхъ провинцій трудолюбивыми людьми, и не щадилъ на это издержекъ. Каждое колонистское семейство обходилось ему, по разсчету его историка, въ 1,500 талер., — и что же? Когда полученныя деньги были издержаны, переселенцы стали шалить. Земли, имъ уступленныя, въ теченіи 10 лѣтъ перешли въ четвертыя руки, а глупость ихъ доходила до того, что они воображали, будто имъ и трудиться не изъ чего, что земли имъ будутъ обрабатывать на счетъ казны *наемными людьми*.

Мы рѣшительно противъ всѣхъ субсидій и вспомоществованій со стороны правительства въ дѣлѣ переселенія кого бы то ни было, точно также какъ враги всякихъ казенныхъ переселеній внутри Россіи. Опытъ намъ доказалъ въ Сибири и на Амурѣ, что процвѣтаютъ и благоденствуютъ не казенныя поселенія, а деревни и села, основанныя выходцами внутреннихъ губерній безъ всякой помощи, кромѣ одной, весьма естественной, законной и всѣмъ переселенцамъ открытой, льготы — избавленія на нѣсколько лѣтъ отъ податей. Что трудолюбивому человѣку въ Россіи жить привольно, это доказываетъ ежегодный приливъ иностранцевъ рѣшительно безъ всякихъ льготъ. Найдется мѣсто и Чехамъ. Что мы должны радоваться появленію каждой пары новыхъ здоровыхъ рукъ — не можетъ быть сомнѣнія, но тратить на призывъ ихъ наши собственныя средства, далеко не богатыя, было бы неблагоразумно и накладно. Въ денежномъ дѣлѣ нѣтъ мѣста сантиментальности. Земля и воды русскія, славное русское имя, сильная и крѣпкая славянская держава, все къ услугамъ нашихъ бѣдныхъ угнетенныхъ соплеменниковъ. Двери имъ настежь — да живутъ и да трудятся какъ знаютъ, но больше ничего. Все остальное зависитъ уже отъ собственнаго ихъ умѣнья и смышленности. Когда русская община задумываетъ переселиться, она высылаетъ ходоковъ высмотрѣть землю и новыя мѣста. Такъ слѣдуетъ поступать и Чехамъ. Въ этомъ дѣлѣ всегда имъ будетъ помощь и содѣйствіе, благо теперь мы лучше сблизи-

лись и ознакомились; наша задача — облегчить имъ такими полезными указаніями переселенія. Какъ это сдѣлать — объ этомъ поговоримъ въ другой разъ.

О томъ же.

«Москва», 17-го сентября 1867 г.

Русское законодательство не стѣсняетъ переселяющихся иностранцевъ. Каждый иностранецъ, вступающій на русскую почву, пользуется всѣми правами наравнѣ съ природными Русскими. Его жилище, его магазины, его земли охраняются покровительствомъ общихъ законовъ. Они могутъ пріобрѣтать какъ черезъ куплю, такъ и по наслѣдству, завѣщаніямъ, дарственнымъ записямъ, отводамъ отъ казны и т. д., всякаго рода движимыя и недвижимыя имущества; они могутъ, по довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, управлять таковыми на правахъ прикащиковъ, нанимать и содержать имѣнія въ арендѣ и посессіи. Покровительство законовъ одинаково какъ для Русскаго, такъ и для иностранца. Свободно и безпрепятственно разъѣзжаютъ по Россіи странствующіе прикащики иностранныхъ торговыхъ домовъ и производятъ огромныя дѣла по цѣлымъ мѣсяцамъ и болѣе, не платя никакихъ повинностей. Однимъ словомъ, упрекать русское правительство въ какихъ бы то ни было стѣсненіяхъ иностранцевъ и въ задержкѣ переселенія нѣтъ никакого повода. Оно держалось въ этомъ отношеніи постоянно мудраго экономическаго правила, что страна, радушно принимающая чужеземца, желающаго честно трудиться, явно въ барышахъ, потому что содѣйствуетъ пріумноженію двухъ главнѣйшихъ факторовъ народнаго благосостоянія: труда и капитала. Скорѣе можно было бы его винить въ излишнихъ льготахъ и пособіяхъ, которыя оно щедрою рукой раздавало иностраннымъ, преимущественно нѣмецкимъ колонистамъ, далеко не оправдавшимъ надежды и ожиданія правительства, а съ другой стороны—въ совершенно излишнихъ и тягостныхъ стѣсненіяхъ свободному передвиженію русскихъ людей по всему пространству Русской земли. Существуй въ этомъ отношеніи

полная свобода и равенство какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ, тогда не только равномѣрнѣе и хозяйственнѣе происходило бы заселеніе русской территоріи, но и приливъ иностранцевъ обошелся бы безъ особенныхъ льготъ и привилегій.

Нѣмца звали, давали ему пособіе, дарили землю, избавляли отъ повинностей, а русскимъ крестьянамъ нерѣдко отказывали въ правѣ заблаговременно и предварительно отправлять ходоковъ для осмотра мѣстъ новаго водворенія. Нѣмца гладили по головкѣ, давали самоуправленіе, голубили, ласкали, а въ то же время наши архивы переполнены дѣлами о крестьянахъ, самовольно переселявшихся изъ одной губерніи въ другую. Русскій выселялся или самимъ правительствомъ или помѣщикомъ на новыя земли, и къ новой землѣ снова прикрѣплялся, или онъ бѣжалъ за Уралъ, въ степи, отъ домашнихъ поборовъ и притѣсненій и барскихъ и чиновничьихъ, селился гдѣ-нибудь въ трущобѣ, откупаясь отъ земской полиціи, всегда имѣвшей право его захватить какъ дикаго звѣря, оживляя, дѣйствительно только благодаря слабости администраціи, пустыню. Какіе же вышли результаты? Нѣмецкія, русскими деньгами, на русской почвѣ, вскормленныя колоніи ничего не внесли въ сокровищницу земли Русской, чужды остались своей новой родинѣ, ничего хорошаго не переняли, ничего не передали, и только, благодаря льготамъ и привилегіямъ, невѣдомымъ никогда русскому человѣку, несущему подлѣ Нѣмца всѣ тягости,— живутъ въ довольствѣ, свысока и съ презрѣніемъ смотря на своего хозяина; а русскій человѣкъ, вопреки крѣпостному быту, круговой порукѣ, паспортнымъ стѣсненіямъ и повинностямъ всякаго рода, умѣлъ расчистить лѣса, заселить и воздѣлать степи, двинулся за Каменный Поясъ, дошелъ до Байкала и за Байкалъ, сѣлъ и на Амурѣ, и на Сыръ-Дарьѣ. Воронежцы и Тамбовцы, переселившіеся въ Амурскій край на Бурею, живутъ богато, а вслѣдъ за ними потянутся другіе, потому что русскій крестьянинъ любитъ тянуться за своими односельчанами или земляками, и новыя поселенія оживятъ Амуръ скорѣе и лучше всякихъ казенныхъ поселеній и всякихъ иностранныхъ переселенцевъ. Дайте только свободу передвиженія рабочимъ силамъ, и тогда дѣло пойдетъ, конечно, успѣшнѣе.

и не зачѣмъ будетъ посылать въ Америку чиновниковъ съ порціонами и раціонами *для изученія системы американской колонизаціи.*

Такой чиновникъ везетъ, бывало, съ собой ходоковъ отъ иностранныхъ обществъ для осмотра новыхъ земель, и въ то же время тузитъ въ спину русскаго ямщика. Хорошъ примѣръ для Нѣмца! Какъ же ему не смотрѣть свысока на окружающее его туземное населеніе, а на себя какъ на существо неизмѣримо выше поставленное! Отчего же и не потребовать льготъ и пособій! Чѣмъ выше требованія, тѣмъ почету больше. Тогда и тумаковъ давать не станутъ!

Слава Богу, порядки теперь измѣнились во многомъ. Крѣпостное право рушилось; отживаютъ свой вѣкъ и круговая порука и паспортная система; все выше и выше поднимается народный духъ и народное сознаніе, и не далеко, благодаря всѣмъ реформамъ нынѣшняго царствованія, то время, когда по всему необъятному пространству Русскаго царства свободно и безпрепятственно будутъ переселяться рабочія руки и свободные капиталы, отыскивая себѣ наивыгоднѣйшее помѣщеніе и вызывая на свѣтъ Божій, на благо родной страны, дремлющія въ ея нѣдрахъ богатства и производительныя силы. Къ такому дружному содѣйствію радостно и съ полною готовностью Россія приглашаетъ всѣхъ иноземцевъ, готовыхъ трудиться и пользоваться плодами честнаго труда. Но времена льготъ и пособій прошли безвозвратно, ибо горькимъ опытомъ всѣ мы убѣдились въ ихъ не только безплодности, но и очевидномъ вредѣ. Это мы обязаны честно и открыто высказать нашимъ дорогимъ соплеменникамъ, обязаны тѣмъ болѣе, что относительно переселенія въ Россію и средствъ къ нему они питаютъ до сихъ поръ еще какія-то странныя и несбыточныя ожиданія. Еще недавно пришлось намъ слышать о возобновленіи плана переселенія Чеховъ изъ Америки въ Россію на уссурійскія земли. Встревоженные грустнымъ явленіемъ, что во второмъ поколѣніи Чехи теряютъ свою народность, забываютъ языкъ, дѣлаются истыми Американцами и заливаются волнами американской народности, — Чехи сильно озабочиваются мыслью о переселеніи въ Россію, но только не на свои средства. Они ни болѣе ни менѣе какъ желали бы получить отъ правительства ссуду

въ 2 милл. руб., не говоря уже о другихъ льготахъ, о самоуправленіи и т. д. Говорятъ, что, не перетянувши сихъ американскихъ Чеховъ, трудно надѣяться на приливъ чешскихъ колонистовъ въ Россію, и что чешскіе переселенцы будутъ все-таки предпочитать Россіи Америку. Но какое намъ до этого дѣло? Ежели Чеху въ Америкѣ лучше и привольнѣе—на здоровье. Когда мы открываемъ гостепріимныя двери чужеземцамъ или нашимъ единоплеменникамъ, мы нисколько не считаемъ себя въ правѣ и не налагаемъ на себя обязанности заботиться о поддержаніи ихъ народности. Горсть переселенцевъ на необъятныхъ пространствахъ Россіи, среди плотнаго русскаго населенія, естественно, должна слиться съ господствующимъ великимъ племенемъ. Смѣшно было бы требовать, чтобы русское правительство заводило на свой счетъ еще чешскія школы и поддерживало чешскую литературу. Нѣмецъ, переселяясь въ Россію, не перестаетъ же быть Нѣмцемъ, но подрастающее поколѣніе сплошь да рядомъ русѣетъ, и никому до этого нѣтъ дѣла—ни Германіи, ни Россіи. Тужить объ этомъ могутъ только нѣмецкія петербургскія академическія вѣдомости, да друзья наши—Нѣмцы балтійскихъ губерній. Начинаетъ Нѣмецъ сначала съ того, что говоритъ man hat mich *обижаютъ*; geh nach *лавка*, а затѣмъ его сынъ дѣлается добрымъ русскимъ гражданиномъ и забываетъ о великой Германіи, точно такъ же какъ колоніи французскихъ Гугенотовъ, переселенныхъ въ Пруссію, стали вѣрными Прусаками.

Мало знаютъ еще Россію, оттого и переселеніе идетъ туго Нелѣпыя росказни и клеветы, распускаемыя объ Россіи нашими недругами, продолжаются даже и по сіе время, когда въ какіе-нибудь три дня можно перебраться къ намъ съ самаго отдаленнаго конца центральной Европы. Но эта темь все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ, и можно надѣяться, что при усиленіи сношеній и болѣе тѣсномъ знакомствѣ съ Россіей, къ чему теперь направлены общія старанія, притягательная сила наша будетъ постоянно рости. Для этого, конечно, необходимы извѣстныя благопріятныя условія, только не льготы, не пособія, а широкая система продажи казенныхъ пустующихъ земель всѣмъ и каждому, желающему переселиться, и своему природному русскому и чужеземцу,

ни мало не избавляя его отъ податей и повинностей. Переселяется тотъ, кому дома нехорошо и кто ищетъ заработковъ и наживы. Переходя на новую почву, онъ, точно такъ же какъ и на старой, пользуется всѣми благами общественной жизни—безопасностью, огражденіемъ личныхъ и имущественныхъ правъ, дорогами, рынками и т. д. За все это онъ платилъ дома, за это обязанъ платить и на новыхъ мѣстахъ. Удобства, имъ получаемыя, не могутъ быть даровыя, потому что на свѣтѣ ничто не можетъ и не должно даваться безвозмездно; иначе жаждущихъ благотвореній не оберемся, а намъ и безъ того уже дорого обходятся *всякаго рода стипендіаты*. Мы совѣтовали бы нашимъ братьямъ Чехамъ поучиться у Нѣмцевъ, Швейцарцевъ и у нашего русскаго крестьянина, какимъ путемъ совершается колонизація. Молодые люди, покончивъ со школьною скамьей, разсыпаются изъ Германіи во всѣ стороны. Купеческія дѣти смѣло ѣдутъ въ Америку, Россію, въ Китай, въ Австралію, поступаютъ въ контору знакомаго торговаго дома, и смотришь—черезъ нѣсколько лѣтъ являются новыя фирмы и агентуры какой-нибудь извѣстной въ Германіи фирмы. Полюбилось новое отечество, онъ тамъ и остается, ему посвящаетъ и свои труды и свои избытки; одолѣла тоска по родинѣ, онъ возвращается съ нажитыми деньгами къ себѣ въ Гамбургъ или Бременъ, а его дѣти идутъ по тому же проложенному пути и новыя заводятъ сношенія, расширяя тѣмъ самымъ рынки на благо отечественной промышленности и торговли.

Такъ и у насъ. Издавна Ростовцы принимали дѣятельное участіе и были главными двигателями въ нашей степной торговлѣ, и безпрерывно Ростовцы тянули къ себѣ односельчанъ и земляковъ: кто домой возвращался съ нажитыми деньгами, а кто и совсѣмъ оставался на чужой сторонѣ. Наши артели по большей части тянутъ къ себѣ земляковъ: къ разбогатѣвшему въ Сибири офенѣ шелъ односельчанинъ, въ свою очередь, съ его помощью, богатѣлъ и въ свою очередь тянулъ своихъ. Вотъ что̀ надо дѣлать и Чехамъ. Прежде всего имъ слѣдуетъ завести нѣсколько конторъ въ Москвѣ и Петербургѣ для скрѣпленія прямыхъ торговыхъ сношеній между Прагой и нашими торговыми центрами. Такія конторы будутъ разсадниками новыхъ чешскихъ торговыхъ домовъ;

къ нимъ съ охотой будутъ поступать въ конторы, кромѣ своихъ Чеховъ, русскія купеческія дѣти, которыхъ берутъ нѣмецкія конторы неохотно, ибо всегда имѣютъ готовыя уже мѣста для нѣмецкой молодежи. Подобными коммерческими связями лучше всего скрѣпятся узы двухъ одноплеменныхъ народовъ и они ближе узнаютъ другъ друга. Другой, столь же вѣрный и удобный путь, это ремесленная промышленность. Явись въ Москвѣ нѣсколько дѣльныхъ и со средствами чешскихъ ремесленниковъ, они легко бы нажились и мастерскія ихъ служили бы центромъ соединенія чешскихъ рабочихъ и разсадниками новыхъ мастерскихъ. Но для такого начинанія необходимы люди съ небольшими, по крайней мѣрѣ, средствами, а о нихъ только и можетъ быть рѣчь. Отъ чешскихъ и всякаго рода пролетаріевъ избави насъ Боже. Пора же намъ посмотрѣть и настоящаго, работящаго, дѣятельнаго Чеха и перестать видѣть однихъ гудящихъ по московскимъ улицамъ чешскихъ бродячихъ музыкантовъ, единственныхъ покуда у насъ представителей чешскаго труда.

Переселеніе земледѣльцевъ гораздо труднѣе, и врядъ ли оно пойдетъ успѣшно, покуда уступки земель и вообще весь процессъ заселенія будутъ у насъ связаны разными, рѣшительно неприложимыми къ дѣлу, формальностями и безполезными стѣсненіями. Кто же пойдетъ на Амуръ и станетъ платить 3 р. за десятину (сначала назначили 10 р. въ видѣ опыта)? Чеху нуженъ свой клочокъ земли, и онъ съ радостью готовъ его купить, а на аренду и во временное пользованіе взять землю онъ усомнится. Впрочемъ, въ послѣднее время, многіе изъ нашихъ землевладѣльцевъ предлагали такія заманчивыя условія, что трудно, казалось бы, устоять противъ нихъ бѣдному чешскому батраку, удрученному налогами и нищетой. Что же можетъ быть льготнѣе условій, предложенныхъ крымскимъ землевладѣльцемъ графомъ Толстымъ, помѣщенныхъ въ одномъ изъ №№ нашей газеты? Одна только неизвѣстность Россіи удерживаетъ переселенцевъ, и по нашему мнѣнію, всѣмъ истинно-интересующимся новымъ дѣломъ чешскимъ патріотамъ необходимо слѣдить за подобными публикаціями и доводить ихъ до общаго свѣдѣнія, а чешскимъ крестьянамъ взять въ примѣръ своего соплеменника — русскаго мужичка, и послать на-

передъ ходоковъ, дабы осмотрѣть мѣста предполагаемаго переселенія и навести подъ рукою нужныя справки. Переселись 20 семействъ,—черезъ пять лѣтъ ихъ будетъ прибывать сотнями. Что же касается до мѣстъ переселенія, то Крымъ, весь Новороссійскій край и Кавказъ можно считать самыми удобными мѣстами для переселенія. Земли много, населеніе рѣдкое, климатъ прекрасный, нѣсколько значительныхъ городовъ, удобство сбыта, желѣзные пути, зараждающаяся горнозаводская промышленность—все это не можетъ не манить трудолюбивыхъ Чеховъ, а завѣрить ихъ можно, что всюду они будутъ приняты радушно, съ распростертыми объятіями, ибо въ этомъ краѣ рабочіе нужны, требованіе на нихъ съ каждымъ годомъ будетъ возрастать, потому что съ каждымъ годомъ, съ каждою новою верстой желѣзнаго пути растетъ и значеніе и будущность благословеннаго края. Ежели чешскому ремесленнику и чешскому торговому человѣку широкое и благодарное открывается поприще въ нашихъ промышленныхъ центрахъ и во всѣхъ городахъ: то земледѣльческимъ колоніямъ полный представляется просторъ въ богатыхъ почвою и всѣми угодьями южныхъ губерніяхъ, гдѣ онѣ найдутъ всѣ удобства для обширнаго и прибыльнаго хлѣбопашества, скотоводства, садоводства, воздѣлыванія торговыхъ растеній и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда вѣрный и хорошій сбытъ. Мы бы совѣтовали составить на чешскомъ языкѣ, пользуясь лучшими оффиціальными и частными трудами, краткій статистическій очеркъ Новороссійскаго края, въ его современномъ состояніи, и вполнѣ увѣрены, что одно это способно было бы обратить вниманіе разумнаго чешскаго земледѣльца и вызвать его на переселеніе. Матеріаловъ для изученія края, слава Богу, накопилось довольно.

О русскихъ переселенцахъ.

«Москва», 27-го октября 1867 г.

Еще недавно, около мѣсяца тому назадъ, мы имѣли случай говорить о переселеніяхъ и колонизаціи, по поводу желаній, высказанныхъ Чехами двинуться на свободныя земли

въ Россію. Мы тогда же указали на нѣкоторыя мѣстности, наиболѣе, по нашему мнѣнію, удобныя и въ числѣ ихъ на Кавказскій край, нуждающійся, послѣ выхода горцевъ, въ крѣпкихъ, здоровыхъ рукахъ, которыя бы вызвали на Божій свѣтъ кроющіяся въ его богатой почвѣ сокровища. До насъ дошли слухи, что просвѣщенная и дѣятельная администрація Черноморскаго округа, независимо отъ общаго плана призыва переселенцевъ изъ Россіи, предполагаетъ, немедленно съ открытіемъ весны, сдѣлать пробное поселеніе Чеховъ въ небольшомъ размѣрѣ, семействъ до 30, между Новороссійскомъ и Сухумомъ. Говорятъ, что новымъ переселенцамъ не намѣрены предлагать никакихъ особыхъ привилегій и пособій, кромѣ извѣстной опредѣленной ссуды отъ правительства съ уплатою процентовъ и погашенія. Пустопорожнія земли Кавказа предположено раздавать безвозмездно на правахъ собственности, съ дозволеніемъ, конечно, перепродажи не ранѣе какъ по истеченіи 10-ти-лѣтняго воздѣлыванія и пользованія ими. Свобода религіи, право строить и заводить на свой счетъ школы должны быть имъ также обезпечены, а равно и извѣстная доля общиннаго самоуправленія на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ этимъ пользуются нѣмецкіе колонисты на Кавказѣ.

Если всѣ сіи извѣстія справедливы, то, кажется, нечего было бы и задумываться чешскимъ переселенцамъ. Посылай депутатовъ и выбирай мѣста на новой благословенной родинѣ, принимающей такъ радушно каждаго переселенца, ступающаго на ея почву!

Къ сожалѣнію, правила для заселенія нижняго склона горъ, что̀ нынѣ Черноморскій округъ, до сихъ поръ еще не обнародованы, и мы можемъ говорить о предполагаемомъ заселеніи только по слухамъ. Но мы искренно желаемъ, чтобы сообщенныя нами выше предположенія осуществились, и надѣемся, что точно такія же преимущества будутъ дарованы и нашимъ русскимъ крестьянамъ, желающимъ переселиться въ благодатный край, что за своимъ русскимъ человѣкомъ съ береговъ Волги, Оки или Дона будутъ признаны такія же права воспользоваться новыми льготами на Кубани, какія такъ радушно предлагаются братьямъ Чехамъ съ Лабы и съ береговъ сребропѣнной Влтавы.

Переселеніе на мѣста, оставленныя горцами, началось лѣтомъ 1864 года. Это было живое, кипучее время для Кубанскаго края. Сначала спѣшили занять очищенныя мѣста переселенцы бывшаго черноморскаго и линейнаго войскъ. Длинною вереницей тянулись за Кубанью обозы пароволовыхъ подводъ со всѣмъ казачьимъ имуществомъ, не исключая и полевыхъ орудій. Гулевой скотъ, лошади, овцы, сопровождаемыя вѣрными псами, шли за обозами. Казакамъ легко было переселяться. Они продавали однѣ усадьбы и, обнеся плетнемъ указанное въ новой станицѣ мѣсто, перевозили и ставили свой готовый уже срубъ. Разселеніе новыхъ станицъ шло необыкновенно быстро. Работали казаки неутомимо. Имъ легко было побывать не разъ на старой линіи и захватить что̀ второпяхъ позабыли. Обзаводиться хозяйствомъ вновь не приходилось. Они его и перевезли и пригнали.

Первые переселенцы изъ внутреннихъ губерній прибыли мѣсяцъ спустя и находились далеко не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ какъ казаки. Имъ пришлось уже заботиться о пріобрѣтеніи рабочаго скота и сверхъ устройства усадьбъ заново начинать домоводство. Они получили, конечно, денежное пособіе отъ казны и войска, и вступали во владѣніе наслѣдіемъ, оставленнымъ горцами, которые далеко не все взяли съ собой. Съ 1864 года и по настоящее время переселеніе въ Кубанскую область изъ южныхъ и среднихъ губерній шло безостановочно, вполнѣ соотвѣтствуя желаніямъ правительства, которое ясно видитъ, что рабочіе люди и здоровыя руки—это одна изъ насущнѣйшихъ потребностей края. Выходцы изъ Россіи водворяются пока исключительно въ такъ-называемыхъ горскихъ округахъ, вдоль лѣваго берега Кубани и Лабы. Казачьи земли пойдутъ почти всѣ сплошь казакамъ; нагорная полоса сѣвернаго склона, отходящая отъ казачьяго вѣдомства, только-что начинаетъ жить новою жизнью и представляетъ обширное поприще дѣятельности для трудолюбиваго народонаселенія, желающаго воспользоваться призывомъ правительства.

Но когда таковое желаніе правительства, когда оно, словами мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, высказываетъ, что смотритъ на каждую вновь прибывающую на благословенные бе-

рега Лабы и Кубани душу какъ на желаннаго и любезнаго гостя, когда стоустая молва, разнесшаяся по всей Россіи, на основаніи офиціальнаго клича о привольныхъ земляхъ на Кубани, взманила народъ, — то васъ странно и грустно поражаетъ напечатанное недавно въ «Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» заявленіе мѣстнаго начальства, въ которомъ нежданно какъ бы высказывается какое-то опасеніе прилива новыхъ поселенцевъ.

«Обстоятельства, читаемъ мы, заставляютъ мѣстное начальство обратить особенное вниманіе на то, чтобы заселеніе свободныхъ земель совершалось въ порядкѣ: дабы, съ одной стороны, собственность каждаго поселенца опредѣлялась правильно для устраненія въ будущемъ всякихъ недоразумѣній, а съ другой—чтобы край нашъ не могъ сдѣлаться, какъ была когда-то Новороссія, притономъ безпаспортныхъ бродягъ и бѣглыхъ, которые въ здѣшнихъ горахъ и трущобахъ гораздо зловреднѣе чѣмъ въ открытыхъ новороссійскихъ степяхъ».

Боже мой! То слышишь клики: давайте намъ рукъ, рукъ, людей, людей, живыя силы, а то вдругъ отеческая заботливость о томъ, чтобы Кубанская область не стала *Новороссійскимъ краемъ*, притономъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Видно и на Кубань уже проникла эта зараза отеческой опеки, пугающейся всякаго свободнаго и самостоятельнаго развитія народныхъ экономическихъ силъ. Бояться, чтобы Кубанская область не стала Новороссійскимъ краемъ! Да молите Бога, чтобы на Кубани явился когда-нибудь администраторъ, который бы такъ же широко и здраво понималъ, что земля безъ рукъ человѣчьихъ—мертвый капиталъ, и что только приливомъ поселенцевъ она въ состояніи будетъ содѣйствовать пріумноженію богатства нашего общаго отечества. Кн. Воронцовъ не боялся бѣглыхъ и безпаспортныхъ, ибо зналъ — кто шелъ въ управляемый имъ край. Въ привольныя степи Новороссійскаго края стремился крѣпостной человѣкъ отъ помѣщичьяго произвола, бѣжалъ раскольникъ, или удручаемая тягостью налоговъ и административнымъ произволомъ душа. Попадались, конечно, сплошь да рядомъ и бродяги и преступники, избѣгавшіе преслѣдованія законовъ, но они не избѣгали заслуженной кары, ежели продолжали

свои нечестивыя дѣла. Вреда они краю не сдѣлали. На новой почвѣ, при хорошихъ заработкахъ, среди новыхъ совершенно условій, человѣкъ порочный быстро исправляется. Работы вдоволь, никто тебя не попрекаетъ, будь только трудолюбивъ, бережливъ, и довольство придетъ само собой. Грубая натура смягчается; дѣти не только не въ тягость семьѣ, но ее радуютъ и увеселяютъ. На старомъ пепелищѣ иди съ ними по міру, а здѣсь каждый можетъ разсчитывать на безбѣдное ихъ существованіе. Весело на душѣ родителямъ, и радостно трудятся они вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя сами имѣютъ въ виду возможность зажить такъ же безбѣдно и такъ же припѣваючи. И вотъ, благодаря такому мудрому, истинно-государственному взгляду на переселеніе, покрылись пустынныя степи селами и хуторами, и въ теченіе двухъ съ небольшимъ десятилѣтій, съ 1823—45 годъ, народонаселеніе съ 1,900,000 увеличилось на 3,600,000, прибавилось 600 слишкомъ населенныхъ мѣстностей, кромѣ 100 иноземныхъ колоній. Человѣкъ не станетъ шалить и безобразничать, когда ему есть дѣло, есть хорошій заработокъ, и когда его не стѣсняютъ въ свободномъ употребленіи его производительныхъ силъ. Тогда ему не зачѣмъ будетъ идти въ трущобу и горное ущеліе на грабежъ: и опасно, и прибыли мало. Такіе страхи мерещутся всегда только или слишкомъ попечительной, или слишкомъ лѣнивой и мало проницательной администраціи. Вреднаго и подозрительнаго человѣка выдадутъ сами жители; такихъ соколовъ легко узнать и замѣтить дѣятельной администраціи, да наконецъ много ли ихъ прибредетъ въ новый край?

Всѣ эти опасенія возникли въ мѣстной администраціи, потому что бывали случаи появленія переселенцевъ не только безъ предварительныхъ сношеній съ мѣстнымъ начальствомъ, но безъ требуемыхъ документовъ, не въ одиночку для осмотра или выбора мѣста жительства, а съ цѣлою семьей и со всѣмъ имуществомъ. Отказъ или отсрочка въ отводѣ такимъ переселенцамъ земель ставитъ и ихъ самихъ въ затруднительное положеніе, и отбиваетъ охоту у новыхъ переселенцевъ идти въ край. Въ виду такихъ отдѣльныхъ явленій, безспорно весьма неудобныхъ, мѣстная администрація напечатала для всеобщаго свѣдѣнія правила, соблюденія которыхъ

неизбѣжно намѣрена требовать отъ каждаго переселенца. На основаніи ихъ всѣ желающіе переселиться должны подать прошеніе начальнику Кубанской области съ приложеніемъ: 1) утвержденныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ; 2) удостовѣренія, что къ увольненію нѣтъ препятствій по отправленію рекрутской повинности; 3) что на семействѣ увольняемаго нѣтъ никакихъ земскихъ мірскихъ и казенныхъ недоимокъ, и что всѣ подати уплачены по 1-е января слѣдующаго года; 4) что на увольняемомъ нѣтъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ сельскому или волостному управленію или же суду; 5) что онъ не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и 6) *что общество, къ которому принадлежитъ проситель, пользуется поземельнымъ надѣломъ менѣе 5 десятинъ на душу.*

Положимъ, что сей послѣдній пунктъ не родился въ средѣ мѣстной администраціи, а введенъ въ правила, на основаніи 30 ст. устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, гдѣ постановлено, что пріемъ переселенцевъ допускается только отъ тѣхъ обществъ, гдѣ поземельный надѣлъ менѣе 5 десятинъ, — но должны сознаться, что такое правило легко можно было бы обойти. Сколько ни вдумываешься, никакъ не объяснишь себѣ, какимъ образомъ могло появиться оно на свѣтъ и притомъ для такой мѣстности, откуда раздаются клики: людей, людей, рукъ, рукъ! Въ толкъ себѣ не можемъ взять, почему именно душѣ съ пятидесятиннымъ надѣломъ именно и отказывается въ правѣ распоряжаться своею личностью и переносить свой трудъ туда, гдѣ ему жизнь кажется и привольнѣе, и заманчивѣе. И что за прикрѣпленіе именно *его* къ старому мѣсту жительства и дозволеніе переселяться малоземельному! Можетъ ли здѣсь участокъ въ 5 десятинъ служить мѣркою и зажиточности, и хозяйственнаго довольства нашего крестьянина? Мало ли какихъ не бываетъ случаевъ, что человѣку опостылитъ его домъ, мало ли невзгодъ можетъ выпасть на его долю, отъ которыхъ на своихъ 5 десятинахъ ему не поправиться,—а тутъ законъ его насильно прикрѣпляетъ къ этимъ несчастнымъ 5 десятинамъ суглинка, супеси или болота, и онъ не смѣетъ расправить своихъ силъ и двинуться на привольныя мѣста своей же родимой стороны, въ замиреніи которой онъ своими же день-

гами участвовалъ. Да онъ проклянетъ свои 5 десятинъ, уйдетъ, а не примутъ его на новой землѣ, не дадутъ возможности трудиться,—онъ дѣйствительно сбѣжитъ въ горы или все-таки переселится, только уже не добровольно, а подъ конвоемъ, или, въ случаѣ препровожденія на родину, сядетъ всею тяжестью на свое же сельское общество. Всѣ такія мѣры—это еще остатки стараго крѣпостничества, когда не землю прикрѣплялъ себѣ свободный человѣкъ, а человѣка прикрѣпляли къ землѣ, осуждая его на неподвижность, неповоротливость и лишая его права и возможности располагать и своими, Богомъ ему дарованными, силами и способностями.

Недавно Саратовское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе встревожилось проявившимся между крестьянами нѣкоторыхъ уѣздовъ стремленіемъ къ переселенію въ отдаленныя мѣстности и другія губерніи подъ видомъ временныхъ отлучекъ и сочло нужнымъ испросить указаній какъ поступать въ такихъ случаяхъ. На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «опытъ показываетъ, что подобныя переселенія вызываются не дѣйствительною необходимостью, а гадательнымъ ожиданіемъ выгодъ, и сопровождаются обыкновенно не улучшеніемъ, а разстройствомъ благосостоянія крестьянъ, а потому это стремленіе къ переселенію должно быть по возможности умѣряемо всѣми законными мѣрами».

Позволяемъ себѣ замѣтить, что рѣшительно не понимаемъ опасеній и попечительной заботливости саратовскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Не пойдетъ съ мѣста тотъ, кому хорошо жить и есть чѣмъ безбѣдно пропитаться. Удерживать же насильно отъ стремленія найти себѣ прибыльный заработокъ (дѣло вѣдь идетъ о временныхъ отлучкахъ) противорѣчитъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ основамъ народнаго хозяйства. Безъ права свободнаго перехода немыслима свобода промышленности, а ежели сія послѣдняя не признается основнымъ закономъ преуспѣянія народнаго хозяйства, тогда нечего и думать о широкомъ развитіи производительныхъ нашихъ силъ. Наконецъ, ежели мы то и дѣло что слышимъ о необходимости полнаго и свободнаго соперничества съ чужеземною промышленностью, тогда слѣдуетъ подумать и о свободѣ промысловъ у себя дома. Сія же по-

слѣдняя немыслима безъ права свободнаго передвиженія народонаселенія. Нѣтъ этого права, тогда запритесь китайской стѣной и обезпечьте народный трудъ предоставленіемъ ему исключительно внутреннихъ рынковъ. Тогда придется взять на себя и кормить народъ, какъ встарину, при блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, обязанъ былъ помѣщикъ кормить своихъ крестьянъ. Но что разъ сдѣлано, того не воротишь. Не лучше ли приглядѣться къ потребностямъ народонаселенія, призваннаго къ новой жизни, и развязать тѣ путы, при которыхъ стѣсняется правильное движеніе выростающаго къ новой жизни народонаселенія. Намъ припоминаются по поводу этого слова Бентама касательно свободы переселенія: «Всѣ стѣснительныя на этотъ счетъ мѣры должны были бы начинаться такими словами: не имѣя возможности удовлетворить справедливымъ потребностямъ управляемаго нами народонаселенія и имѣя въ виду, что ежели ему разрѣшено будетъ бѣжать, то оно непремѣнно уйдетъ туда, гдѣ имъ лучше управляютъ.—то» и т. д.

По поводу пятаго предостереженія газетѣ „Москва".

«Москва», 28-го ноября 1867 г.

Дающая предостереженія рука не оскудѣваетъ. Изъ непроницаемой выси «личнаго усмотрѣнія», отъ щедротъ поставленной надъ литературою власти ниспослано на насъ, въ теченіи $10\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, три предостереженія, три мѣсяца вынужденнаго молчанія, и по возобновленіи «Москвы» съ 1-го іюля—два предостереженія снова. Такое вниманіе, такое «систематическое охужденіе» (выражаясь языкомъ пятаго предостереженія), затрудняя изданіе, нанося ему значительный ущербъ имущественный и нравственный, не смутило бы, однако, насъ въ отправленіи нашего редакторскаго долга, не побудило бы насъ къ напрасному ропоту или немощному отпору. Но на сей разъ предостереженіе, данное намъ, такого свойства, что мы не можемъ молчать, не должны молчать: молчаніе съ нашей стороны было бы преступленіемъ. Мы вполнѣ сознаемъ опасность, которой подвергаемъ

свою газету, но тѣмъ не менѣе мы обязаны предъ собой, предъ обществомъ, предъ правительствомъ, предъ всею Россіей, поднять голосъ въ защиту нашей долгой общественной, всѣмъ вѣдомой, всѣмъ открытой, нынѣ оклеветанной дѣятельности. Со всею силой негодованія оскорбленнаго чувства чести, мы громко, во всеуслышаніе, протестуемъ противъ несправедливаго, оскорбительнаго обвиненія. Мы оскорблены въ нашемъ достоинствѣ гражданина, писателя, Русскаго. Предостереженіе обвиняетъ насъ *«въ систематическомъ* (т. е. предумышленномъ) *охужденіи дѣйствій правительства, въ систематическомъ возбужденіи къ нему недовѣрія и неуваженія»:* оно утверждаетъ, что такое направленіе «нерѣдко составляетъ *отличительный характеръ статей и корреспонденцій, печатаемыхъ въ газетѣ «Москва»*. Затѣмъ оно же обвиняетъ насъ, какъ увидятъ ниже читатели, въ умышленномъ насиліи логическаго смысла и искаженіи фактовъ, *«направленномъ къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія»!* Такимъ образомъ предостереженіе пытается заклеймить нашу честность гражданскую, нашу добросовѣстность какъ писателя и какъ человѣка,— и выставить наши отношенія къ правительству не только преступными, но и непростительно легкомысленными, обличающими совершенное непониманіе условій русской дѣйствительности,—слѣдовательно, до постыдности недостойными серьезнаго публициста.

Мы, съ своей стороны, утверждаемъ, что никогда *систематическое* охужденіе, ни тѣмъ менѣе *возбужденіе* чувствъ неуваженія и недовѣрія къ *правительству*, не только не входили въ наши помыслы и виды, не только ни рѣдко, ни нерѣдко, не составляли *отличительнаго* характера статей и корреспонденцій «Москвы», но ни въ какихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ нашей газеты не находили себѣ проявленія. Отличительный характеръ нашей газеты есть, прежде всего, отсутствіе всякой *предумышленности* — понятіе, выраженное предостереженіемъ въ словѣ «систематическое»,— есть полнѣйшая независимость и искренность въ оцѣнкѣ явленій и событій нашей внутренней политической жизни. Мы съ непритворною, вполнѣ свободною радостью привѣтствовали и привѣтствуемъ правительство во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ;

мы постоянно и неутомимо оказывали нашу посильную поддержку всѣмъ современнымъ благимъ преобразованіямъ, исходившимъ,—замѣтимъ мимоходомъ,—отъ той верховной власти, которая одна въ Россіи и можетъ назваться правительствомъ. Мы, правда, *систематически* отдѣляли понятіе о правительствѣ отъ понятія объ администраціи; мы никогда не смѣшивали этихъ двухъ понятій, и всякій разъ, какъ приходилось намъ подвергать критикѣ мѣры и распоряженія различныхъ властей, мы систематически выгораживали достоинство основнаго начала власти, выдѣляли изъ критики верховный правительственный принципъ. Признавая его неприкосновенность, мы пользовались правомъ обсужденія во всей широтѣ предѣловъ, закономъ дозволенныхъ. Эти предѣлы довольно просторны; они не обязываютъ насъ относиться сочувственно къ тому, что̀ намъ несочувственно, ни тѣмъ менѣе благоговѣть сердцемъ и словомъ предъ всякимъ распоряженіемъ администраціи.

«Систематическое охужденіе дѣйствій правительства, возбужденіе къ нему недовѣрія и неуваженія»! Это обвиненіе—характера уголовнаго; оно предусмотрѣно въ 1 п. 9-й статьи IV отдѣла законоположенія 6 апрѣля о печати («колебаніе довѣрія», «возбужденіе неуваженія» и пр.) и подвергаетъ виновнаго, конечно *только по суду*, значительному уголовному наказанію. Никто не можетъ быть обвиненъ,—гласятъ основные наши законы,—въ уголовномъ преступленіи, *не бывъ привлеченъ въ то же время къ слѣдствію и суду*. Между тѣмъ, гласно и всенародно обвиненные министромъ внутреннихъ дѣлъ въ дѣйствіи, отнесенномъ законами къ проступкамъ уголовнаго свойства, мы не только не привлечены къ слѣдствію и суду, гдѣ всякому обвиняемому, будь онъ даже воръ, укравшій гривенникъ изъ чужаго кармана, предоставляются всѣ средства къ защитѣ и оправданію, но лишены всякихъ средствъ къ защитѣ и оправданію, лишены права протеста, жалобы и апелляціи. Нашъ сегодняшній протестъ, вынуждаемый нравственною необходимостью, есть, конечно, въ глазахъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, дѣло незаконное! Мы спрашиваемъ всѣхъ: можетъ ли быть брошено въ лицо кому бы то ни было, да еще печатно, обвиненіе такого преступнаго характера, съ

лишеніемъ обвиненнаго способовъ къ оправданію? можетъ ли быть нанесено чьей-либо гражданской чести такое публичное оскорбленіе со стороны администраціи, безъ законныхъ, взвѣшенныхъ судомъ основаній? Не имѣемъ ли мы права, если не формальнаго, то нравственнаго, требовать удовлетворенія, требовать суда, требовать доказательствъ, наконецъ, отъ той власти, которая дозволяетъ себѣ налагать клеймо обвиненія на всю дѣятельность и самую личность человѣка, даже не предъявляя доказательствъ?

«Систематическое охужденіе дѣйствій правительства и возбужденіе къ нему неуваженія и недовѣрія»! Въ какихъ статьяхъ? Въ какихъ корреспонденціяхъ? Пересматриваемъ всѣ статьи наши съ 1-го іюля (т. е. по возобновленіи газеты, — чтобы не поднимать старыхъ, покончennыхъ счетовъ) и спрашиваемъ смѣло: развѣ въ томъ *систематическое* охужденіе дѣйствій правительства, что мы *систематически* ратуемъ за совершенное правительствомъ уничтоженіе крѣпостнаго права, противъ всякихъ нападеній на эту мѣру, глухихъ и даже явныхъ? Развѣ въ томъ *систематическое* возбужденіе чувствъ недовѣрія и неуваженія, что мы *систематически* возбуждаемъ чувства довѣрія и уваженія къ новымъ судебнымъ уставамъ 20 ноября? Развѣ въ томъ *систематическое* охужденіе правительства, что мы отстаиваемъ основныя начала земскихъ учрежденій, введенныхъ правительствомъ, противъ тѣхъ, которые называютъ ихъ исчадіемъ ученія французской революціи? Въ томъ ли *охужденіе*, что мы выразили такое громкое одобреніе дипломатическимъ дѣйствіямъ нашего кабинета на Востокѣ и такъ высоко превознесли значеніе послѣдней декларації? Въ томъ ли *охужденіе*, что мы такимъ горячимъ привѣтомъ встрѣтили «новую благодѣтельную бытовую реформу», касавшуюся устройства быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ? («Москва» № 91). Въ томъ ли *охужденіе*, что мы поспѣшили заявить сочувствіе правительственнымъ требованіямъ о введеніи русскаго языка въ оффиціальное дѣлопроизводство прибалтійскихъ губерній? Въ томъ ли, наконецъ, сказалось наше стремленіе возбудить къ русскому правительству чувства неуваженія и недовѣрія, что мы такъ долго, такъ упорно вступались за честь и достоинство, какъ его, такъ и Рос-

сіи, противъ ожесточенныхъ нападокъ, угрозъ и клеветъ нѣмецкой заграничной печати и ея прибалтійскихъ корреспондентовъ?... Мы не окончили бы нашего перечня въ предѣлахъ газетной статьи, если бы вздумали перечислять всѣ сотни статей, посвященныхъ этимъ и другимъ вопросамъ, по которымъ мы всегда шли за-одно съ нашимъ правительствомъ. Не выразили мы,—это правда, — сочувствія къ системѣ предостереженій, за что̀ и получили предостереженіе, по счету 4-е; но, не говоря уже о томъ, что само правительство не признало закона 6 апрѣля о печати органическимъ, а только временною мѣрой, мы, при всемъ нашемъ нерасположеніи къ системѣ «личнаго усмотрѣнія», отъ которой уже терпѣли такъ много и такъ часто, ни разу не думали «колебать ея обязательной силы», что̀ собственно только и воспрещается закономъ при обсужденіи правительственныхъ дѣйствій. Мы не отнеслись съ восхваленіями къ новѣйшему ограниченію свободы печати по поводу преній и протоколовъ общественныхъ собраній, но мы не призывали никого къ неповиновенію этой стѣснительной мѣрѣ, напротивъ подчинились ей вполнѣ и *доказали это на дѣлѣ*. Мы заявили о несогласіи своемъ съ проектомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ о рабочихъ ротахъ изъ неплательщиковъ недоимокъ; но развѣ можно видѣть въ разборѣ этого проекта, напечатаннаго съ цѣлью вызвать его обсужденіе, систематическое охужденіе самого правительства? Мы сѣтовали на неудачныя распоряженія нашего финансоваго вѣдомства, вредныя для нашей промышленности и торговли, но тутъ же заявляли и о сочувствіи своемъ и о благодарности публики къ тѣмъ мѣрамъ, которыя обѣщали быть благодѣтельными. Гдѣ же, спрашиваемъ, *систематическое* охужденіе дѣйствій правительства, гдѣ же *систематическое* возбужденіе неуваженія къ нему и недовѣрія? Можемъ ли мы сносить покорно такое всенародное поношеніе нашей публицистической дѣятельности? Можемъ ли наконецъ не видѣть, по отношенію къ намъ, со стороны высшей литературной полиціи, «систематическое охужденіе» нашей газеты, возбужденіе къ ней въ публикѣ «недовѣрія и неуваженія»?...

Обратимся теперь къ самой статьѣ 183 № «Москвы», подавшей поводъ къ предостереженію и къ тѣмъ предвари-

тельнымъ «соображеніямъ», которыхъ мы не могли не отвергнуть и не перестаемъ отвергать всею силою нашего слова. По словамъ предостереженія, характеромъ «систематическаго охужденія правительства и возбужденія чувствъ недовѣрія къ нему и неуваженія» отличается именно эта статья, вообще вся, и въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мы же скажемъ: эта статья отличается однимъ, рѣзко выдающимся характеромъ: защиты русскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ противъ деспотизма теоріи, противъ доктринерства чиновниковъ—фритредеровъ. Она посвящена разбору нѣкоторыхъ засѣданій коммиссіи, составленной для пересмотра тарифа, какъ изъ чиновниковъ, такъ и изъ частныхъ лицъ. Какъ бы рѣзки ни были наши отзывы о мнѣніяхъ и преніяхъ этой коммиссіи, о словахъ гг. Бутовскаго, Семенова и Тернера,—мы не думаемъ однако же, чтобы такая коммиссія могла назваться *правительствомъ*. Съ нашею склонностью къ систематичности, мы никакъ не можемъ допустить такого смѣшенія понятій, не можемъ даже дозволить себѣ ставить правительство и коммиссію на одинъ уровень, или признавать вышеупомянутыхъ почтенныхъ чиновниковъ за «правительственныя власти». Если наша статья и возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе къ ихъ практичности и даже неуваженіе къ ихъ мнѣніямъ о кофе, о пользѣ пикулей и консервовъ, такъ развѣ это то же, что̀ *систематически возбуждать чувство недовѣрія и неуваженія къ самому правительству?* Мы могли, конечно, предположить, что сами гг. фритредеры не прочь для себя отъ протекціонизма власти, и что ревностные друзья свободы торговли — не въ той же мѣрѣ друзья и свободнаго слова, но мы не могли никогда догадаться о существованіи какой-либо логической связи между правительствомъ и коммиссіей, неимѣющею даже утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, — между гг. Тернеромъ, Бутовскимъ, Семеновымъ и «установленными властями». Мы вступились, между прочимъ, именно за то, что коммиссіею не соблюдается требованіе докладной записки г. министра финансовъ, и что вмѣсто «увеличенія таможеннаго дохода» она начала съ уменьшенія его, по приблизительному разсчету, на $1^1/_2$ милліона рублей. Мы сочли нужнымъ, въ огражденіе чести прави-

тельства, обратить вниманіе лицъ, власть имѣющихъ, на слова «Гамбургской Газеты» и на то ея, невыгодное для русскаго правительства, мнѣніе, поводъ къ которому, къ сожалѣнію, подаетъ именно эта коммиссія. Мы приглашаемъ всѣхъ нашихъ читателей перечесть статью 183 №: мы откровенно сознаемся, что первоначальныя дѣйствія коммиссіи подверглись въ ней полному охужденію, *но не правительство;* наши слова способны возбудить къ ней недовѣріе и можетъ-быть даже неуваженіе къ взглядамъ нѣкоторыхъ ея членовъ, *но не къ правительству.*

Въ примѣръ уже извѣстнаго читателямъ отличительнаго нашего характера, предостереженіе опирается въ особенности на слѣдующія два мѣста: первое изъ нихъ — это первыя 13 строкъ нашей статьи. Мы сказали:

„Удивительное время мы проживаемъ. Никто не въ состояніи сказать—при чемъ онъ, гдѣ онъ и имѣетъ ли возможность и право пользоваться своимъ трудомъ, своимъ капиталомъ. Никто не чувствуетъ подъ собою твердой почвы. Колеблется кредитъ, потому что нѣтъ вѣры ни во что, ибо самыя торжественныя заявленія, хоть бы напр. о водвореніи русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ,—оказываются совершенною тщетой, какъ это можно видѣть изъ отчета о послѣднемъ общемъ собраніи Общества взаимнаго поземельнаго кредита“.

Мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: справедливо или нѣтъ описанное нами состояніе нашего кредита? Имѣя своею задачей способствовать, всѣми зависящими отъ нея литературными средствами, развитію отечественной торговли, промышленности и ихъ жизненной основы—кредита, могла ли наша газета выразиться иначе? Основа кредита—довѣріе; если онъ колеблется, то мы не въ правѣ утверждать, что онъ крѣпокъ, и отрицать логическій выводъ, истекающій изъ связи кредита съ довѣріемъ. Когда мы говоримъ объ отсутствіи довѣрія, такъ разумѣемъ, конечно, не правительство, а ту комплікацію лицъ и обстоятельствъ, которая полагаетъ помѣхи наилучшимъ намѣреніямъ и начинаніямъ правительства. Въ примѣръ мы привели именно дѣло о водвореніи русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, гдѣ благому, всѣмъ извѣстному, не однажды въ нашей газетѣ провозглашенному начинанію правительства данъ такой противоположный исходъ

Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита. Или уже лишены мы права охуждать дѣйствіе даже и этого, сколько намъ извѣстно, частнаго общества? Или уже и его должны мы считать правительствомъ? Или волей-неволей *обязаны* мы признавать, что принявъ въ свою кассу 5-ти-милліонный фондъ, назначенный правительствомъ для дѣла русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, и затѣмъ, давши ему *совсѣмъ другое* употребленіе, Общество подвигаетъ къ исполненію вышеупомянутое благое начинаніе правительства? Но сколько бы ни давали намъ предостереженій, пока есть у насъ возможность писать и печатать, мы не перестанемъ утверждать, что дѣйствіе Общества поземельнаго кредита значительно поколебало вѣру въ успѣхъ дѣла русскаго землевладѣнія; мы не перестанемъ отстаивать свое право выражать о дѣйствіяхъ Общества то мнѣніе, которое признаемъ справедливымъ; не перестанемъ отдѣлять понятіе о правительствѣ отъ понятія объ этомъ Обществѣ. Точно также не можемъ мы не признать, что первоначальныя дѣйствія тарифной коммиссіи не совсѣмъ согласны съ увѣреніемъ докладной записки г. министра финансовъ о томъ, что цѣль пересмотра тарифа— это: *увеличеніе таможеннаго дохода, не касаясь коренныхъ началъ охранительной системы;* а если не совсѣмъ согласны, то и не способны содѣйствовать упроченію кредита. Гдѣ же тутъ съ нашей стороны систематическое охужденіе дѣйствій *правительства?* Гдѣ нарушеніе дозволенныхъ намъ закономъ 6 апрѣля предѣловъ критики правительственныхъ мѣръ и распоряженій?

Второе мѣсто изъ нашей статьи, приведенное предостереженіемъ въ подкрѣпленіе своихъ considérants, говоритъ о странномъ выборѣ времени для обнародованія докладной записки г. министра финансовъ: извѣстно, что заявленіе о предстоящемъ пересмотрѣ тарифа разразилось подобно громовому удару на Нижегородской ярмаркѣ,—и мы привели не наши, а чужія *подлинныя* выраженія одного изъ извѣстныхъ и почетныхъ лицъ, сказанныя имъ публично въ одномъ изъ собраній, именно по поводу, и только по поводу, *времени заявленія*. Ни въ какомъ случаѣ слова эти не относятся къ правительству въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а къ дѣйствіямъ второстепенныхъ чиновниковъ,—дѣйствіямъ, обличив-

шимъ со стороны послѣднихъ «совершенное незнаніе нуждъ народныхъ».

Вотъ и всѣ доводы, на которыхъ основано взводимое на насъ обвиненіе «въ *систематическомъ* охужденіи дѣйствій *правительства* и возбужденіи къ нему неуваженія и недовѣрія». Отвергая это обвиненіе, какъ несправедливое и для насъ оскорбительное, мы утверждаемъ напротивъ, что наши статьи именно содѣйствуютъ возстановленію уваженія и довѣрія къ правительству — посредствомъ указанія на все то, что̀ такъ или иначе, въ дѣйствіяхъ исполнителей, роняетъ къ нему уваженіе и довѣріе.

Перейдемъ къ другой категоріи обвиненія, поводомъ къ которой послужило слѣдующее заключеніе нашей статьи: «Неужели же коммиссія, спрашиваемъ мы, собрана для того, чтобы заниматься праздными разговорами, и въ такое время? Когда изъ Шуи пишутъ, что рабочіе сидятъ безъ дѣла, не знаютъ чѣмъ заплатить подати и на что купить хлѣба, когда... (приводимъ теперь подлинныя наши выраженія, отмѣченныя въ предостереженіи):

„Когда повсемѣстно въ центральной полосѣ недостанетъ хлѣба до декабря, и народъ гурьбами ищетъ заработковъ, ради насущнаго пропитанія! Ей Богу, не время облизываться при мысли о дешевыхъ страсбургскихъ пирогахъ, устрицахъ и консервахъ и вести пренія о пониженіи пошлины съ шампанскаго, фабрикуемаго на германскихъ фабрикахъ“.

Въ этихъ нашихъ словахъ предостереженіе находитъ:

Направленное къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія сопоставленіе нѣкоторыхъ *тарифныхъ статей* о привозимыхъ изъ-за границы съѣстныхъ припасахъ, *очевидно не имѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ* рабочаго населенія, *съ преувеличеннымъ* изображеніемъ этихъ нуждъ по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая».

Прежде чѣмъ приступить къ разбору обвиненія, замѣтимъ нѣкоторую неточность редакціи: дѣло идетъ вовсе — *не о тарифныхъ статьяхъ*, т. е. не о статьяхъ высочайше утвержденнаго тарифа, сопоставляемыхъ будто бы съ продовольственными нуждами, — а о предполагаемыхъ нѣкоторыми членами коммиссіи измѣненіяхъ въ этихъ статьяхъ, измѣне-

ніяхъ, заботиться о которыхъ въ настоящее время мы считаемъ излишнимъ. Это маленькая разница. Предостерегаемому позволительно желать, чтобы предостереженіе, обилующее такими серьезными для него послѣдствіями, не упускало изъ виду подобныхъ различій.

Обвиненіе дѣлится на три части: 1) умышленное «сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ заграничныхъ съѣстныхъ припасахъ, *очевидно не имѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго народонаселенія*»: здѣсь мы обвиняемся въ *очевидномъ* нарушеніи, даже насиліи логики, видя связь тамъ, гдѣ, по словамъ предостереженія, ея вовсе не существуетъ; 2) въ *преувеличенномъ* изображеніи, продовольственныхъ нуждъ рабочаго населенія по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая, наконецъ 3) въ томъ, что это насиліе логическаго смысла и преувеличенность изображенія направлены нами *къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія*.

Подробнымъ разборомъ этого обвиненія мы надѣемся только угодить предостерегающей власти, доказывая ей—съ какимъ вниманіемъ относимся мы къ предостереженію. Приступимъ къ разбору первой части.

Предостерегающая власть не усматриваетъ *никакой* логической связи между вопросомъ о тарифѣ на заграничные съѣстные припасы и продовольственными нуждами рабочаго населенія; для нея отсутствіе этой связи *очевидно*. Мы искренно жалѣемъ объ этомъ, такъ какъ именно Министерство внутреннихъ дѣлъ всего болѣе заинтересовано въ вѣрномъ разумѣніи связи тарифнаго пересмотра съ положеніемъ многомилліоннаго рабочаго класса и считаемъ своею обязанностію раскрыть Министерству эту логическую связь доказательствами a priori и a posteriori, по теоріи и на практикѣ.

Въ засѣданіи коммиссіи, о которомъ идетъ рѣчь въ 183 №, положено сбавить ввозныхъ пошлинъ съ съѣстныхъ заграничныхъ припасовъ, въ родѣ кофе, пикулей, страсбургскихъ пироговъ, шампанскаго и разныхъ винъ. «Москва» доказала, что таможеннаго дохода, отъ пониженія пошлинъ, убавится на $1\frac{1}{2}$ милліона рублей, которые никоимъ образомъ не покроются усиленнымъ ввозомъ этихъ припасовъ, такъ какъ

всѣ они — предметы роскоши, и, по удостовѣренію торговцевъ, въ цѣнѣ не убавятся. Этотъ значительный убытокъ таможеннаго дохода очевидно должно будетъ покрыть усиленнымъ привозомъ другихъ иностранныхъ, по преимуществу мануфактурныхъ произведеній, и—судя по предположеніямъ о пересмотрѣ тарифа, изданнымъ отъ самого финансоваго вѣдомства, — такихъ иностранныхъ произведеній, усиленный привозъ которыхъ будетъ имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ: упадокъ нашей отечественной промышленности, сокращеніе работы на фабрикахъ, закрытіе многихъ изъ нихъ,—слѣдовательно и лишеніе милліоновъ рабочаго класса средствъ къ заработкамъ и пропитанію. Ясна ли теперь та логическая связь, отсутствіе которой казалось для предостерегающей власти до такой степени *очевиднымъ*, что послужило однимъ изъ поводовъ къ *предостереженію?*

Теперь укажемъ на практическія доказательства связи тарифа съ торговлею, а слѣдовательно и съ продовольственными нуждами рабочаго населенія.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы читаемъ въ корреспонденціи изъ *с. Иванова*, этого главнаго представителя русской мануфактурной производительности:

«Фабрики почти всѣ остановились, производства нѣтъ, рабочій людъ безъ работы, повсюду боязнь приняться за дѣло: **если будетъ допущенъ безпошлинный ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, то наша богатая фабриками мѣстность превратиться въ груду развалинъ**».

Въ берлинскую «Bank-und Handelszeitung» пишутъ изъ Лейпцига, что «русское купечество, находившееся тамъ съ самой Михайловской ярмарки, встревожилось слухами о скоромъ введеніи въ Россіи **тарифа на совершенно новыхъ началахъ и до такой степени стало крайне осторожнымъ въ покупкахъ**, что это заставило лейпцигскую торговую палату отнестись съ запросомъ о тарифѣ къ королевско-саксонскому посольству въ Петербургѣ».

Въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ то же самое о Покровской ярмаркѣ, на которой «**ожиданіе скораго уменьшенія тарифа парализировало**» совершенно нѣкоторыя отрасли торговли.

Наконецъ, возвѣщенное телеграммою изъ Петербурга, напечатанною въ нынѣшнемъ № «Москвы», высочайшее пове-

лѣніе объ отсрочкѣ измѣненій въ существующемъ тарифѣ до 1869 года свидѣтельствуетъ, что правительство приняло въ уваженіе просьбу объ этой отсрочкѣ купечества и фабрикантовъ. Въ этой просьбѣ, какъ извѣстно читателямъ «Москвы», обстоятельно изложено было вліяніе ожидаемыхъ измѣненій на положеніе торговли, промышленности и рабочаго класса, столь стѣсненнаго въ удовлетвореніи своихъ продовольственныхъ нуждъ неурожаемъ хлѣба въ средней Россіи.

Не въ правѣ ли мы были, — сопоставляя толки членовъ коммиссіи о пониженіи ввозныхъ тарифныхъ пошлинъ на предметы съѣстной роскоши съ положеніемъ рабочаго класса, находящимся въ такой зависимости отъ этихъ толковъ, напомнить членамъ коммиссіи, что для этого рабочаго класса дѣло идетъ не о съѣстной роскоши, не о шампанскомъ и страсбургскихъ пирогахъ, а о насущномъ хлѣбѣ, о возможности заработковъ? Не въ правѣ ли мы были настаивать на томъ, чтобы прежде всего было приложено стараніе вывести наше фабричное и промышленное производство, кормящее такую массу русскаго рабочаго населенія, изъ состоянія неопредѣленныхъ ожиданій? Предоставляемъ затѣмъ самой предостерегающей власти судить, въ какой степени «очевидно отсутствіе всякаго отношенія» нашего разбора преній коммиссіи къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго класса...

Перейдемъ теперь ко 2-ой части обвиненія — въ «**преувеличенномъ** *изображеніи продовольственныхъ нуждъ рабочаго населенія, по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая*». Предостереженіе въ подкрѣпленіе этого своего обвиненія сослалось на наши слова: **когда повсемѣстно въ центральной Россіи недостаетъ хлѣба до декабря, и народъ гурьбами ищетъ заработковъ ради насущнаго пропитанія.**

Это преувеличено?...

Раскрываемъ оффиціальную газету (*вѣдомства Министерства внутреннихъ дѣлъ*) одной изъ центральныхъ губерній, Орловской, именно 40 № «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и читаемъ:

«**Хлѣба у большей части крестьянъ едва достанетъ до**

декабря. Вслѣдствіе этого много изъ нихъ начинаетъ уже теперь продавать, по весьма низкимъ цѣнамъ, свой домашній скотъ, не предвидя никакой возможности содержать его въ предстоящую зиму».

По поводу голода въ той же губерніи писали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Мы получили краснорѣчивыя своею печальною осязательностью свѣдѣнія изъ Малоархангельскаго уѣзда. Напечатать ихъ мы не можемъ, потому что они заключаются въ двухъ кускахъ того хлѣба, которымъ питаются теперь съ новины тамошніе крестьяне. **Хлѣбъ этотъ такъ ужасенъ по виду и по вкусу**, что съ трудомъ вѣрится, чтобы крестьянинъ Орловской губерніи могъ не имѣть лучшаго чернаго хлѣба. Любопытно было бы разложить химически, вопервыхъ, этотъ хлѣбъ на составныя его части, чтобъ убѣдиться, какъ мало въ немъ питательныхъ веществъ, а вовторыхъ, и самое положеніе крестьянъ **тѣхъ мѣстностей, гдѣ неурожай лишаетъ ихъ человѣческой пищи»**.

Начальникъ Тульской губерніи, открывая, 1-го ноября, засѣданіе земскаго собранія, въ рѣчи своей, напечатанной въ 44 № «Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и, полагаемъ, не безъизвѣстной и Министерству внутреннихъ дѣлъ, сказалъ, между прочимъ:

„Въ настоящемъ году бережливость, болѣе чѣмъ когда-либо, необходима, вслѣдствіе крайне-скуднаго урожая въ губерніи. По имѣющимся свѣдѣніямъ, **онъ далеко не будетъ достаточенъ для мѣстныхъ потребностей**“.

Въ № 275 «С.-Петербургскихъ Вѣдом.», отъ 5-го октября, пишутъ:

„Мы продолжаемъ получать заявленія о голодѣ, претерпѣваемомъ крестьянами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. **Печальныя вѣсти въ этомъ смыслѣ доходятъ къ намъ также изъ губерній Новгородской и Владимірской**“.

Въ 22 № «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдом.» напечатано слѣдующее о Макарьевскомъ уѣздѣ:

„Теперь почти отъ каждаго крестьянина слышатся стоны: что̀ дѣлать? **ни хлѣба, ни дѣла**, и **заработать не на чемъ**; сами и скотина умираемъ почти съ голода“.

Изъ Старицъ, Тверской губ., писали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдом.» отъ 30 октября (въ № 305), что, по собраннымъ уѣздною управою свѣдѣніямъ:

„на годичную пропорцію, **для удовлетворенія потребности**

уѣзда, недостанетъ 109,440 четв. ржи. Управа признала необходимость отпуска хлѣба, и такъ какъ **хлѣбные магазины истощены**, необходимость выдачи пособій изъ продовольственнаго капитала".

Съ береговъ Волги писали въ «Народную Газету», 11 октября, № 40:

„**Закромы положительно пусты**; во многихъ изъ уѣздовъ, земство, еще безсильное въ своихъ средствахъ, отказало въ помощи, т. е. какъ въ деньгахъ, такъ и въ зернѣ".

Это извѣстія изъ центральной Россіи. Нужно ли говорить о бѣдствіяхъ Новгородской губерніи, пораженной неурожаемъ и сибирскою язвой, о которыхъ писали во всѣхъ газетахъ и по поводу которыхъ, по словамъ «СПб. Вѣд.», новгородское земство отправило депутацію къ г. министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою оказать земству кредитъ изъ центральнаго продовольственнаго капитала? Мы можемъ сослаться тоже на статьи г. Рожнова, помѣщенныя въ оффиціальной газетѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, «Сѣверной Почтѣ». «Псковскія Губернскія Вѣдомости», въ № 45, пишутъ, что торопецкая уѣздная управа нашла, что «хлѣбные запасы всѣ розданы, а капиталъ народнаго продовольствія истощенъ»; поэтому, «въ предотвращеніе могущаго быть весною голода», управа представила о необходимости принять цѣлый рядъ мѣръ. Описаніемъ голода между жителями Олонецкой губерніи переполнены всѣ постановленія мѣстныхъ губернской и уѣздныхъ управъ, печатаемыя въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Губернская управа, получивъ уже значительную ссуду, вновь представила г. министру внутреннихъ дѣлъ «о такихъ, по ея выраженію, по истинѣ стѣсненныхъ обстоятельствахъ». Точно такими же извѣстіями наполнены «Архангельскія Губернскія Вѣдомости». Чтобы показать въ какомъ положеніи находится эта губернія, приведемъ выписку изъ тѣхъ вѣдомостей о положеніи Пинежскаго уѣзда:

„Плачъ дѣтей, которыхъ мать укладываетъ спать голодными... толки крестьянъ, разсуждающихъ о предстоящей необходимости покинуть свои дома съ тѣмъ, чтобъ отправиться побираться, съ мѣшкомъ за плечами, въ иныя губерніи,— вотъ что говорится, видится и слышится по деревнямъ уже и въ настоящее время. На дняхъ, чрезъ Великодворское селеніе прошла партія Мезен-

цевъ въ 40 человѣкъ, которые, разбившись на маленькія группы, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, шли, хорошенько и сами не зная куда, искать пропитанія".

Мы ни разу не сослались на корреспондентовъ «Москвы», ибо они уже обвинены въ систематическомъ возбужденіи чувствъ неуваженія и недовѣрія къ правительству; но укажемъ только на сапожковскаго корреспондента, простаго крестьянина, писавшаго намъ, отъ 17 сентября (№ 140), что у крестьянъ, послѣ посѣвовъ, не осталось ни зерна ржи и овса.

Спрашиваемъ: преувеличено наше изображеніе или нѣтъ? Не гораздо ли слабѣе и блѣднѣе оно изображенія продовольственныхъ нуждъ въ оффиціальныхъ органахъ печати? Между тѣмъ мы въ «преувеличеніи» обвинены; мы за «преувеличеніе» подвергнуты предостереженію, т. е. весьма значительному, по своимъ послѣдствіемъ для насъ, взысканію, и отъ кого же? Отъ той власти, въ вѣдомствѣ которой состоитъ бо̀льшая часть упомянутыхъ нами оффиціальныхъ органовъ печати и стекаются всѣ приведенныя нами свѣдѣнія о продовольственныхъ нуждахъ!

Намъ нѣтъ надобности говорить затѣмъ о 3-ей части обвиненія, т. е. о томъ, что это «преувеличеніе» и «сопоставленіе съ нимъ тарифныхъ статей» направлены нами «къ возбужденію страстей и общественнаго неудовольствія». Это обвиненіе падаетъ само собою. Если что̀ способно производить возбужденіе страстей и общественнаго неудовольствія, такъ именно тѣ толки и дѣйствія, противъ которыхъ мы ополчились: предложенные нами совѣты клонились именно къ успокоенію страстей и неудовольствія, возбужденныхъ — не нами.

Мы кончаемъ. Мы отнеслись, какъ видитъ предостерегающая власть, съ полнымъ вниманіемъ къ данному намъ предостереженію. Мы не остались равнодушными къ нанесенному ею оскорбленію нашей публичной чести, нашему достоинству какъ Русскаго, выставленнаго какимъ-то безразсуднымъ врагомъ своего отечества; нашему достоинству какъ писателя, уличеннаго будто бы въ легкомысленномъ отношеніи къ своему призванію, къ своему редакторскому долгу; нашему достоинству какъ гражданина, обвиняемаго

въ злоумышленномъ будто бы искаженіи истины фактовъ, для возбужденія слѣпыхъ народныхъ страстей. Мы не принимаемъ, не можемъ и не должны принять,—мы съ негодованіемъ отвергаемъ обвиненіе въ «*систематическомъ* охужденіи дѣйствій правительства и возбужденіи неуваженія къ нему и недовѣрія». Конечно, не предостереженію поколебать, говоримъ это съ гордостью, довѣріе къ нашему имени русскаго общества, пріобрѣтенное долголѣтнею публичною дѣятельностью,—но самая попытка заклеймить наше имя подобнымъ обвиненіемъ, исходящимъ не отъ суда, а отъ административной власти, на которую нѣтъ ни суда, ни апелляціи, исполняетъ насъ понятнаго негодованія и даетъ законное основаніе нашему протесту. Говоримъ—законное, ибо такія обвиненія, на основаніи формальнаго закона, произносятся *только* судомъ и подвергаютъ обвиненнаго установленному наказанію. Мы готовы предстать суду; мы желаемъ суда.

Мы отвѣтили на предостереженіе. Мы достаточно привели доказательствъ и доводовъ въ защиту своей газеты и будемъ спокойно ожидать рѣшенія ея участи отъ предостерегающей власти,—конечно, довольно сильной, чтобы пренебречь всякими доводами и доказательствами, но,—мы обязаны полагать,—и довольно разумной, чтобы признать ихъ справедливость и уважить наши законныя требованія.

Можно ли назвать газету „Москвичъ“ *замаскированнымъ* продолженіемъ „Москвы“?

«Москва“; 3-го апрѣля 1868 г.

Сегодня истекаетъ срокъ четырехмѣсячному прекращенію «Москвы»... По мнѣнію нѣкоторыхъ, было бы и благоразумнѣе и съ нравственнымъ нашимъ достоинствомъ сообразнѣе—возобновляя изданіе, не поминать вовсе объ его прошлой судьбинѣ. Газета, четыре мѣсяца не появлявшаяся въ свѣтъ, должна была бы, по ихъ мнѣнію, выпорхнуть въ сегодняшнее прекрасное утро какъ бы ни въ чемъ не бывало, какъ бы съ ней ничего непріятнаго и не случилось, какъ бы она никогда и пріостановлена не была, а витала

гдѣ-то добровольно, сама, въ безмолвныхъ пространствахъ. Нашему славянскому добродушію, въ извѣстной перспективѣ времени, всѣ претерпѣнныя невзгоды и стѣсненія имѣютъ свойство представляться пустяками и мелочью: оно любитъ предавать забвенію — даже неудобозабываемое, даже и въ такомъ случаѣ, если положеніе дѣлъ пребываетъ все то же и готово всякую минуту напомнить о себѣ вновь — нашей славянской забывчивости. Качество высокое и похвальное, когда дѣло касается личныхъ обидъ, и едвали умѣстное, когда дѣло идетъ объ интересѣ общественномъ... Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не намѣрены занимать вниманіе нашихъ читателей разборомъ полученныхъ нами въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ предостереженій: не потому, чтобъ мы склонны были, какъ и другіе, къ забывчивости (для этого потребовалась бы намъ ужъ слишкомъ короткая память); не потому, чтобы полагали особенное достоинство въ высокомѣрномъ молчаніи объ обстоятельствахъ, имѣющихъ, какъ намъ кажется, значеніе общее; не потому, чтобы считали разсужденіе о нихъ неблагоразумнымъ,—а просто потому, что считаемъ его, въ виду совершившихся внѣшнихъ перемѣнъ, не своевременнымъ и не нужнымъ. Есть однакожь одно обстоятельство, о которомъ намъ необходимо сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ. Приступая къ возобновленію нашей прерванной публицистической дѣятельности, мы полагаемъ себя обязанными и предъ собой и предъ русскою публикою — отстранить недоразумѣніе, которое находимъ предосудительнымъ.

Мы не имѣемъ ни права, ни надобности касаться Положенія комитета гг. министровъ 13 минувшаго февраля, прекратившаго изданіе «Москвича» на 38-мъ его нумерѣ. Преклоняемся предъ рѣшеніемъ, утвержденнымъ верховною волей, и напомнимъ только, что текстъ этого Положенія, обнародованный въ «Сѣверной Почтѣ», ни однимъ словомъ не поясняетъ причинъ, вызвавшихъ запрещеніе. Безъ сомнѣнія, для такого умолчанія имѣлись свои особыя, намъ неизвѣстныя, основанія. Въ виду такой воздержности въ опубликованномъ текстѣ Положенія комитета гг. министровъ, тѣмъ страннѣе кажется намъ то разъясненіе, которое сообщено было редакціи «Москвича» частнымъ приставомъ Тверской

части, какъ основанное на телеграммѣ, присланной изъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. По словамъ этой телеграммы, «Москвичъ» запрещался единственно потому, что онъ не что̀ иное какъ *замаскированное* продолженіе газеты «Москва». Не встрѣчая этого мотива въ напечатанномъ подлинномъ текстѣ Положенія комитета гг. министровъ, мы признаемъ за собою полное право и обязанность протестовать противъ такого выраженія телеграммы, предъявленной намъ московскою полиціей,—тѣмъ болѣе что, оглашенная путемъ неоффиціальной печати, эта телеграмма дала поводъ одной газетѣ къ неправильному и неблаговидному истолкованію нашего поступка.

Выраженіе, что «Москвичъ» былъ не что̀ иное какъ замаскированное изданіе «Москвы», по меньшей мѣрѣ не точно. Не только не былъ онъ замаскированнымъ изданіемъ, но, напротивъ, со стороны редакціи были употреблены всевозможныя усилія и мѣры, въ предѣлахъ, допускаемыхъ формальнымъ закономъ, для того чтобы ни въ правительствѣ, ни въ публикѣ не осталось ниже призрака сомнѣнія въ томъ, что «Москвичъ» рѣшительно и положительно одно и то же изданіе, что̀ «Москва». Еслибы мы хотѣли *маскировать* это тождество, мы бы приступили къ исполненію такого замысла поискуснѣе: мы могли бы, перемѣнивъ весь внѣшній видъ газеты, оттѣнить новыми тѣнями ея внутренній колоритъ, взять иные пріемы рѣчи, настроить ее сначала на минорный тонъ и потомъ ужъ, давши газетѣ окрѣпнуть, доводить его постепенно до fortissime газеты «Москва». Еслибы мы желали скрываться, мы бы сумѣли проводить наше направленіе между строкъ, самымъ неуловимымъ для администраціи образомъ. Но мы не желали ни скрываться, ни маскироваться. Мы не только не измѣнили внѣшняго вида газеты, но и въ самомъ содержаніи статей позаботились, съ первыхъ же нумеровъ, лишить цензурное вѣдомство всякой возможности заблужденія, всякаго права ошибки. Мы начали изданіе «Москвича» не съ 1 января, какъ это водится, а съ 23 декабря, на что̀ было испрошено особое дозволеніе; мало того, еще передъ выходомъ «Москвича» мы огласили печатно, что подписчики «Москвы» будутъ, взамѣнъ ея, получать газету «Москвичъ». Не

довольствуясь и этимъ, мы съ первыхъ же нумеровъ стали помѣщать въ «Москвичѣ» окончаніе статей, начатыхъ въ «Москвѣ». Однимъ словомъ, мы съ самаго начала приложили наиревностнѣйшее и систематическое стараніе, дабы устранить всякую тѣнь обмана,—и смѣемъ утверждать, что достигли сей цѣли, что никто, не исключая и властей, ни на минуту не обманулся,—никто не былъ, не могъ быть, не могъ даже и прикинуться жертвой нашего злаго коварства. Смѣемъ думать, что вѣдомство, предостерегающее литературу вообще, а журналистику въ особенности, съ самаго перваго нумера, и даже до выхода перваго нумера, вѣдало настоящее значеніе «Москвича». Во всякомъ случаѣ, оно знало объ этомъ столько же 23 декабря, сколько и 13 февраля, столько же могло судить о томъ по 1-му нумеру, сколько и по 38-му, ибо первый № «Москвича» былъ въ той же мѣрѣ замаскированъ, или вѣрнѣе *не* замаскированъ, какъ и послѣдній.

Когда въ декабрѣ прошлаго года послѣдовало третье предостереженіе (второй серіи) газетѣ «Москва», мы вспомнили, что прошлымъ же лѣтомъ вмѣсто запрещенныхъ австрійскимъ правительствомъ на три мѣсяца чешскихъ газетъ «Politik» и «Narodni Listy», издатели, черезъ недѣлю, стали намъ посылать газеты «Correspondenz» и «Narodni Pokrok». Мы обратились къ буквѣ нашего русскаго закона и нашли, что она открываетъ и намъ возможность продолжать изданіе съ соблюденіемъ только извѣстныхъ формальностей, какъ-то: перемѣны названія, указанія на новое отвѣтственное по редакціи лицо и взноса новаго залога. Законъ о стѣсненіи свободы слова принадлежитъ къ числу тѣхъ полицейскихъ законовъ, гдѣ нѣтъ мѣста какой-либо высшей нравственной, безусловной истинѣ; онъ относится къ той сферѣ правды чисто-внѣшней, формальной, условной, въ которой справедливость исчерпывается сполна соблюденіемъ формъ и условій: идти дальше этого — нѣтъ ни обязанности, ни права, пока не будетъ издано новаго закона, съ новыми формами и условіями. Такъ мы имѣемъ примѣръ въ русской литературѣ, что Бестужевъ, которому, какъ государственному преступнику, нельзя было печатать своихъ сочиненій подъ своимъ настоящимъ именемъ, писалъ и прославился, завѣдомо для

всѣхъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Такъ напримѣръ, сплошь да рядомъ, лицо цвѣтущее здоровьемъ вынуждается подать въ отставку «по болѣзни». Такъ напримѣръ въ 1862 году, когда редактору-издателю газеты «День» воспрещено было быть редакторомъ сей газеты, редакція, съ разрѣшенія правительства, была передана нашему почтенному сотруднику Ю. Ѳ. Самарину, служившему въ то время за восемьсотъ верстъ отъ Москвы, въ Самарѣ, членомъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія: слѣдовательно передана была завѣдомо-номинально, единственно для соблюденія формы. Это продолжалось до конца года, когда намъ вновь было разрѣшено носить оффиціально званіе редактора. У насъ не хватило бы и мѣста въ газетѣ, еслибы мы вздумали перечислять примѣры тѣхъ законовъ, гдѣ требованія правды не переступаютъ предѣловъ узаконенной формы. Въ настоящемъ же случаѣ, когда этою формой ограничивается естественное право мысли и слова,—изыскивать новыя ограниченія этому праву свыше тѣхъ, какія опредѣлены буквой закона, было бы съ нашей стороны добровольнымъ посягательствомъ на свободу печати, и безъ того уже слишкомъ неполную. Поэтому мы и рѣшили: воспользоваться всею тою растяжимостью, всѣми тѣми удобствами, какія представляетъ формальная сторона закона о печати, для изданія новой газеты въ духѣ и направленіи «Москвы», но нисколько, при этомъ, не маскируя нашего умысла; другими словами, мы положили себѣ: издавать, вмѣсто «Москвы», газету «Москвичъ», оставаясь въ требуемыхъ условіяхъ легальности, но въ то же время *не вводя никого въ обманъ и заблужденіе относительно тождества этихъ двухъ газетъ*. Мы можемъ смѣло сказать, что исполнили это послѣднее условіе вполнѣ добросовѣстно,—въ этомъ, по крайней мѣрѣ, должны намъ отдать справедливость даже и недруги.

Одинъ изъ сотрудниковъ «Москвы», побуждаемый искреннимъ сочувствіемъ къ направленію этой газеты, вызвался принять на себя номинальную отвѣтственность, соединяемую съ званіемъ редактора, т. е. выполнить то условіе, которое требовалось, по закону, для осуществленія мысли объ изданіи «Москвича». Мы охотно приняли это предложеніе, какъ потому, что и сами поступили бы такъ же на мѣстѣ нашего

многоуважаемаго сотрудника,—такъ и потому въ особенности, что эта отвѣтственность не могла повести за собою *никакихъ иныхъ* послѣдствій, кромѣ предостереженій и запрещенія. Мы хорошо знали и знаемъ, что ни въ «Москвѣ», ни въ «Москвичѣ» никогда не было, *не могло и не можетъ быть* помѣщено ничего такого, за что редакторъ подлежалъ бы судебному преслѣдованію, какъ *за нарушеніе* закона.

Въ самомъ дѣлѣ,еслибы точно въ фактѣ изданія «Москвича» заключалась явная *противозаконность*, то правительство, конечно, не преминуло бы предать насъ суду. Но однакожь оно этого не сдѣлало, да и не могло этого сдѣлать, такъ какъ мы не выступали изъ предѣловъ закона. Развѣ, пріостанавливая «Москву» на извѣстный срокъ, правительство воспрещало тѣмъ самымъ всякое появленіе иной газеты въ одномъ направленіи, въ полномъ единомысліи съ «Москвою»? Конечно, нѣтъ; въ противномъ случаѣ было бы воспрещено именно самое направленіе, или же подвергся бы воспрещенію самъ редакторъ— писать и проводить въ печати свои убѣжденія, гдѣ бы то ни было. Но мы не были лишены этого права; мы, по закону, даже и послѣ пріостановки «Москвы», сохраняли за собой *полное право* печатать свои сочиненія подъ своимъ именемъ или безъ имени, быть сотрудникомъ, хотя бы и самымъ главнымъ, любой газеты, старой или вновь начинаемой, и даже писать въ ней «передовыя статьи». Еслибы затѣмъ самое направленіе газеты «Москвичъ» и ея статей показалось правительству предосудительнымъ, оно имѣло возможность дать о томъ знать редактору предостереженіями. Спрашиваемъ опять: въ чемъ же существованіе «Москвича» является противозаконнымъ? Въ томъ ли, что названіе только тремя буквами отличается отъ названія «Москва»? Но въ такомъ случаѣ мы подлежали бы обвиненію не въ томъ, что наше изданіе замаскировано, а въ томъ, что оно *не* довольно замаскировано, — напротивъ, слишкомъ открыто свидѣтельствуетъ о тождествѣ обоихъ изданій.

Какія причины вызвали запрещеніе «Москвича» комитетомъ гг. министровъ — мы не знаемъ; но что касается до объясненія этой мѣры, сообщеннаго намъ черезъ частнаго пристава Тверской части,—мы, повторяемъ, считаемъ своею обязанностью протестовать противъ брошеннаго въ насъ пу-

личнаго обвиненія. Мы не маскировали и никогда не старались маскировать настоящее значеніе газеты «Москвичъ»; мы слишкомъ тщательно заботились о томъ, чтобы это значеніе было явно и вѣдомо всѣмъ; мы только воспользовались тою возможностью изданія тождественной газеты, которую представлялъ намъ законъ; мы, наконецъ, съ перваго же нумера, сполна обнаружили передъ правительствомъ нашъ злой умыселъ и предавали ему себя во власть, на судъ и кару. Оно могло остановить насъ въ самомъ началѣ—и не остановило.

Мы желали бы на этомъ и покончить, но мы должны оговорить возраженіе, которое уже приходилось намъ слышать. Если пріостановка газеты не лишаетъ возможности замѣнить пріостановленную газету другою, то, спрашиваютъ иные, къ чему же тогда пріостановка, къ чему тогда законъ? На это мы отвѣтимъ, что заботиться и печалиться о семъ уже не наше дѣло; изобрѣтать лишніе способы стѣснять свободу печати мы не полагаемъ себя призванными, не желаемъ тому и содѣйствовать, да и никакихъ подобныхъ стѣсненій не считаемъ полезными. Впрочемъ, защитники системы административныхъ каръ могутъ утѣшиться нашимъ, на опытѣ основаннымъ, показаніемъ, что пріостановка газеты, даже и въ случаѣ ея замѣны новою, всегда влечетъ за собою для издателя-редактора множество непріятныхъ послѣдствій, хлопотъ и убытковъ, способныхъ вполнѣ удовлетворить требовательность карающей власти.

Мы не маскируясь высказали наше мнѣніе. Мы полагаемъ, что ничѣмъ лучше не можемъ почтить дарованное намъ верховною властью право свободной рѣчи, какъ искренностью рѣчи....

О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову.

«Русъ», 3-го января 1881 г.

Въ бумагахъ К. С—ча Аксакова мы могли отыскать до сихъ поръ только пять писемъ Бѣлинскаго и одну записку, которыя и помѣщаемъ. Считаемъ не лишнимъ дать при

этомъ нѣкоторое объясненіе. К. С—чъ вступилъ въ университетъ въ 1832 г., 15-ти лѣтъ отъ роду, и тотчасъ былъ принятъ въ общество молодыхъ талантливыхъ людей, окружавшихъ Николая Станкевича: всѣ они были его гораздо старше (Станкевичъ на 4, Бѣлинскій на 7 лѣтъ), и онъ вполнѣ подчинился ихъ вліянію. Кромѣ Бѣлинскаго, къ этому обществу принадлежали однокурсники Станкевича: Сергѣй Строевъ (печатавшій свои изслѣдованія подъ именемъ Скромненко), А. П. Ефремовъ (занимавшій потомъ нѣсколько времени каѳедру географіи въ университетѣ), поэтъ Красовъ и И. П. Ключниковъ, также поэтъ, подписывавшій свои стихи буквою Ѳ. Пишущему эти строки было въ годъ вступленія К. С—ча въ университетъ только 8 лѣтъ; въ дѣтскую его память врѣзались слѣдующіе стихи изъ посланія Ключникова къ Станкевичу, впрочемъ года два-три позднѣе написаннаго:

Къ тебѣ, хозяинъ, въ твой пріютъ
И тѣсный и холодный
Толпою юноши идутъ
Бесѣдовать свободно.

. . . . . .

Хвала тебѣ, Бѣлинскій—млатъ
И бичъ литературы,
Тебя завидя, супостатъ
Бѣжитъ твоей фигуры!

Къ этому же кружку принадлежали потомъ и В. П. Боткинъ, и М. Н. Катковъ, вступившій въ университетъ двумя годами послѣ К. С—ча. Впослѣдствіи, съ 1835 кажется года, присоединился къ кружку и М. Бакунинъ: однимъ словомъ, онъ состоялъ, почти весь, изъ людей отмѣченныхъ замѣчательными дарованіями. Впрочемъ о серьезномъ и важномъ значеніи этого кружка въ исторіи русскаго общества и литературы писано было довольно; мы же имѣемъ здѣсь въ виду поясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ письмахъ, а также отношеніе къ кружку самого К. С—ча. Станкевичъ, о которомъ К. С—чъ отзывался всю жизнь съ какимъ-то нѣжнымъ благоговѣніемъ, оказывалъ могучее нравственное вліяніе на своихъ пріятелей, сдерживалъ цинизмъ выраженій Бѣлинскаго и нѣкоторое нахальство Бакунина. Онъ далъ ему, по выходѣ въ свѣтъ «Ревизора», прозваніе Ивана Але-

ксандровича Хлестакова, которое долго за Бакунинымъ и оставалось (какъ видно изъ одного письма Ефремова въ 1838 г. къ К. С—чу). Скоро однако это общество, особенно благодаря Бакунину, и особенно послѣ отъѣзда Станкевича, стало превращаться именно въ *кружокъ*, тѣсный, душный, деспотическій, который послужилъ И. С. Тургеневу темою для его «Гамлета въ Щигровскомъ уѣздѣ». Въ отсутствіе Станкевича первенство въ кружкѣ перешло на время къ Бакунину. «Дилеттантъ философіи», Бакунинъ явился пропагандистомъ Гегеля и, какъ блистательный діалектикъ, всѣхъ увлекъ за собою, всѣ стали Гегеліанцами, прочитавъ изъ его 18 томовъ тома два, не болѣе. Бакунинъ же разсортировалъ всѣхъ по разнымъ степенямъ развитія —по Гегелю К. С—ча, какъ юнѣйшаго, чистаго жизнью и душою, идеалиста, поэта, поставилъ на степень schöne Seele (отсюда встрѣчающееся въ письмѣ Бѣлинскаго слово «прекраснодушіе»,— низшая степень развитія); себя произвелъ въ verklärter Geist (просвѣтленный духъ—высшая степень); прочіе, кажется, обрѣтались въ «рефлексіи». Всѣ вмѣстѣ однако (кромѣ Бакунина) продолжали пребывать въ «отвлеченности». Такъ не могло продолжаться, конечно; да и вліяніе Бакунина, простиравшееся даже на частную жизнь многихъ членовъ кружка,—при его практической натурѣ, жаждавшей внѣшней дѣятельности и не очень строгой относительно нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ,—было слишкомъ разлагающаго свойства. К. С—чъ съ 1838 г. сталъ уже особенно сильно тяготиться своими отношеніями къ кружку, своею нравственною отъ него зависимостью. Привычка смотрѣть на него какъ на 15-тилѣтняго юношу (какимъ онъ былъ при вступленіи) слишкомъ долго держалась. Таланты его мало признавались; его самобытности (а онъ былъ весь—самобытность) не давалось простора; и нравственныя и русскія его чувства были слишкомъ часто оскорблены. Наконецъ кружокъ въ отсутствіе Станкевича и потомъ, послѣ его смерти, сталъ склоняться въ сторону *лѣвыхъ Гегеліанцевъ*, къ отрицательному направленію (не только въ отношеніи политическомъ, религіозномъ и пр., но и относительно русской народности), а впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, слился съ кружкомъ Герцена. Пока Бѣлинскій жилъ въ Москвѣ, онъ еще оставался вѣренъ

чистому философскому и эстетическому направленію; долѣе всѣхъ сохранялъ съ нимъ и К. С—чъ если не дружескія, то товарищескія связи. Съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ и съ постепеннымъ измѣненіемъ его воззрѣній, эти отношенія стали охладѣвать. По прямотѣ своего характера, К. С—чъ, въ концѣ 1839 или въ 1840 г., открыто порвалъ сношенія почти со всѣми оставшимися въ Москвѣ адептами кружка, о чемъ, какъ видно, писалъ и Бѣлинскому. Сохранился неотдѣланный набросокъ стиховъ, гдѣ онъ изображаетъ испытанный имъ гнетъ и внутреннія страданія, и торжествуетъ свое освобожденіе. Въ этомъ же 1840 г., послѣ одного или двухъ писемъ Бѣлинскаго, которыя къ сожалѣнію не сохранились, послѣдовалъ разрывъ и между ними. Иначе и быть не могло. Въ это время уже слагался въ К. С. проповѣдникъ того ученія, которому самъ Бѣлинскій далъ, въ раздраженіи, кличку «славянофильства» (разумѣя славянофильство Шишкова) и которое, по всеобщему теперь признанію, получило во всякомъ случаѣ почетное значеніе въ исторіи русскаго общественнаго развитія.

Бѣлинскій былъ, независимо отъ своего критическаго таланта, человѣкъ замѣчательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой какихъ бы то ни было разсчетовъ. Онъ несомнѣнно всегда, вездѣ домогался «истины». Но по его страстной природѣ, его убѣжденія, всегда искреннія, не были глубоки и часто мѣнялись, причемъ онъ нерѣдко переходилъ изъ одной крайности въ другую. Въ кругу пріятелей его звали «неистовымъ Виссаріономъ». Первая, помѣщаемая ниже *), записка относится вѣроятно къ концу 1836 г. или началу 1837 г., когда Бѣлинскій готовилъ свою грамматику. Далѣе слѣдуютъ два письма съ Кавказа лѣтомъ 1837 г., куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ А. П. Ефремовымъ. Наконецъ, три письма 1840 г. уже изъ Петербурга. Во второмъ изъ нихъ упоминается о какомъ-то письмѣ, глубоко оскорбившемъ К. С—ча. Сколько помнится изъ разсказовъ К. С—ча (пишущій эти строки съ 1838 по 1842 г. не жилъ въ Москвѣ, а воспитывался въ Петербургѣ), было еще письмо Бѣлинскаго, преисполненное самыхъ грубыхъ, неистовыхъ, циническихъ ругательствъ на

*) № 8 „Руси“ 1881 г.

Россію и русскаго человѣка и самоувѣренной похвальбы, что въ этомъ его новомъ отношеніи къ русской народности заключался «новый моментъ развитія», высшая точка зрѣнія, истинное разумѣніе дѣйствительности. Съ свойственнымъ ему остервенѣніемъ искренности, Бѣлинскій мялъ и топталъ безпощадно то, чему еще недавно самъ поклонялся, глумился надъ Москвою и надъ новымъ направленіемъ, которое уже возникало и созрѣвало въ К. С—чѣ. Это было каплею, переполнившею сосудъ. К. С. отвѣчалъ рѣзкимъ, короткимъ письмомъ, и разрывъ совершился. Тѣмъ не менѣе, оба служили истинѣ, — какъ каждый изъ нихъ ее понималъ (а мы думаемъ, что съ переѣздомъ въ Петербургъ, Бѣлинскій увлекся въ путь ложный)—съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ и ни разу неизмѣнившею себѣ искренностью.

По случаю голода въ приволжскихъ губерніяхъ.

«Русь», 24-го января 1881 г.

Странная судьба постигаетъ у насъ многія явленія нашей общественной жизни. Вмѣсто того, чтобъ отнестись къ данному случаю просто, не мудрствуя лукаво, мы вдругъ возведемъ его на степень повсемѣстнаго событія, раздвинемъ, расширимъ, обобщимъ и, озаглавивъ кличкой: «вопросъ такой-то», пускаемъ въ этомъ видѣ въ шумный, страстный водоворотъ сужденій, споровъ и пререканій. Отъ даннаго факта возносясь къ отвлеченной теоріи,— при чемъ самый-то фактъ, живой фактъ дѣйствительности, какъ-то выпадаетъ и забывается,—мы перерываемъ прошедшее, строимъ предположенія для будущаго, и забывая о злобѣ дня, злобѣ настоящей минуты, озабочиваемся преимущественно злобою дней грядущихъ. Затѣмъ, когда обобщенная такимъ образомъ «задача» поизносится, не получивъ еще даже дѣльнаго разрѣшенія, или же лопнетъ, какъ вздутый пузырь, а повальное увлеченіе остынетъ и истощится, мы бросаемъ «вопросъ» какъ ветошь,— и все-таки проходимъ мимо «даннаго случая», мимо истинной наличной потребности. Такая отчасти исторія произошла у насъ съ «вопросомъ о голодѣ», который скоро перешелъ въ «вопросъ продовольственный». Первые, показавшіеся къ концу прошлаго лѣта, признаки

неурожая ржи въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ возбудили естественныя, но нѣсколько шумныя опасенія подлежащихъ земствъ; съ громкою предусмотрительностью, въ страхѣ понятномъ, но и съ глазами отъ страха великими, стали, одно за другимъ, заявлять они о нашествіи грознаго горя и о грозной, исполинской цифрѣ потребныхъ для нихъ расходовъ, т. е. потребныхъ для закупки хлѣба денежныхъ ссудъ. Къ бѣдѣ отъ неурожая прибавились на югѣ и другія, ползучія и крылатыя бѣды, въ родѣ червей, жуковъ, мухъ. Съ лихорадочнымъ сочувствіемъ подхватила всѣ эти слухи печать (иначе и быть не могло), и мгновенная паника съ криками «голодъ»! охватила разомъ всю Россію, и взбила цѣны на хлѣбъ до размѣровъ дѣйствительно ужасающихъ. Другими словами: накликала бѣдствія, почти равныя безхлѣбью. Долго было трудно разобраться въ этомъ хаосѣ разнообразныхъ вѣстей, толковъ, мнѣній: въ самомъ ли дѣлѣ всему русскому крестьянскому населенію грозитъ голодная смерть? дороговизна ли отъ голода или голодъ отъ дороговизны? Печать однакожъ постепенно разобралась. Прежде всего оказалось, что неурожай и насѣкомыя поразили не только не всю Россію, но даже и не цѣлыя какія-либо губерніи сплошь, а только значительную часть Саратовской, Самарской и Екатеринославской, нѣкоторую часть Уфимской и разныя мѣстности то тамъ, то здѣсь; въ остальной же Россіи урожай ржи, хотя и посредственный, но все же былъ, а въ нѣкоторыхъ полосахъ онъ былъ даже и выше средняго. Истинною опасностью представлялось повсемѣстное возвышеніе цѣнъ, доставившее впрочемъ не малую прибыль всѣмъ сельскимъ хозяевамъ, крестьянамъ и помѣщикамъ, которымъ было что продать изъ новаго урожая и старыхъ запасовъ. На «вопросъ о дороговизнѣ» и устремилось предпочтительно вниманіе общества, печати и высшей администраціи. Иные объяснили дороговизну умышленною спекуляціей, заговоромъ или стачкой хлѣботорговцевъ; другіе признавали ее явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, объясненіе котораго лежитъ въ постепенномъ упадкѣ нашей хлѣбной производительности въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, и возбуждали общій «государственный вопросъ» о народномъ сельскомъ хозяйствѣ; третьи также возбуждали общій «государственный во-

просъ» о вывозѣ хлѣба за границу и требовали подъема вывозныхъ пошлинъ... Всѣ эти вопросы впрочемъ, сами по себѣ, безъ сомнѣнія величайшей важности для нашего отечества; но среди этихъ споровъ и трудныхъ думъ, — цѣны на хлѣбъ стали вдругъ сами собою падать и упали довольно значительно. Объяснилось до очевидности, что преувеличенные размѣры нужды представлявшейся повсемѣстною, преувеличенные размѣры потребнаго будто бы земствамъ для прокормленія «голодающихъ», слѣдовательно подлежащаго закупкѣ хлѣба, — обманули самихъ хлѣботорговцевъ, побудили ихъ скупать хлѣбъ заранѣе въ свои руки, и были одною изъ главныхъ причинъ того непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, отъ котораго теперь они сами первые терпятъ. Разумѣется, «животрепещущее» значеніе возбужденныхъ «вопросовъ» тотчасъ же поослабло. Встревоженное общество успокоилось.

Не мало содѣйствовала пониженію цѣнъ выдача правительствомъ денежныхъ ссудъ въ значительно сокращенномъ размѣрѣ противъ земскаго исчисленія. Дѣйствительно, количество просимыхъ земствами ссудъ превышало объемъ общаго по Имперіи капитала. Самарское земство, вмѣсто испрашиваемыхъ $6^1/_2$ милліоновъ, получило около четырехъ, и т. д.; за то, по всей вѣроятности, нѣкоторыя земства домогались ссуды или даже получили ее выше настоящей потребности. Вмѣстѣ съ тѣмъ огласились въ печати нѣкоторыя злоупотребленія при раздачѣ хлѣба по волостямъ: стало явнымъ, къ какимъ вреднымъ экономическимъ послѣдствіямъ должна привести такая громадная раздача, если она производится сколько-нибудь неправильно. Все это также въ значительной степени охладило усердіе и общества, и первоначальныхъ жаркихъ ревнителей государственныхъ «мѣропріятій». Какъ бы то ни было, такъ какъ со стороны правительства и земства, казалось, сдѣлано было все возможное, то «вопросъ» о голодѣ и о продовольствіи почти сошелъ со сцены и пересталъ занимать читателей съ прежнею силой; частныя корреспонденціи изъ пораженныхъ бѣдствіемъ мѣстностей хотя и продолжали являться въ газетахъ, но уже не на первомъ планѣ, и почти не удостоивались вниманія публики.

Но онѣ именно заслуживаютъ вниманія. Сюда, къ этой мѣстной, *частной* правдѣ, вываливавшейся, такъ сказать, изъ чрезмѣрно обобщенныхъ «вопросовъ» и «государственныхъ соображеній», къ этимъ живымъ реальнымъ фактамъ, и должны быть устремлены взоры общества. Пугало повсемѣстнаго голода, являвшееся въ размѣрахъ для общественной борьбы неодолимыхъ, теперь уже не страшно и не можетъ смущать частную благотворительную предпріимчивость. Она естественно отстраняется тамъ, гдѣ зло такъ велико, что только государство въ силахъ съ нимъ сладить: этимъ только и объясняется, почему до сихъ поръ такъ мало было слышно о неоффиціальныхъ благотворителяхъ, о той благородной общественной дѣятельности, которая всегда готова у насъ прорваться наружу и забить сильнымъ, живымъ ключомъ въ виду дѣйствительныхъ, невымышленныхъ бѣдствій... Но настоящіе размѣры зла умалились, и борьба стала теперь возможной. Есть *кому* помогать, и можно *помочь*,—да и некому другому взяться за это дѣло, кромѣ насъ, частныхъ людей: стало-быть помочь должно.

Мы видѣли хлѣбъ, которымъ осуждены питаться крестьяне нѣкоторыхъ селъ Самарскаго уѣзда. Это не хлѣбъ, это какой-то закорузлый, черный, отвратительный блинъ изъ лебеды, просянной шелухи и частью муки,—одинъ видъ котораго внушаетъ ужасъ. Но даже и это странное подобіе хлѣба для многихъ еще завидный удѣлъ: мы слышали разсказы достовѣрныхъ очевидцевъ, которые заставали въ нѣкоторыхъ селахъ того же уѣзда цѣлыя семьи, дня по три не принимавшія пищи.... Въ Саратовской губерніи повѣсилились три матери семействъ, чтобъ не видать голодной смерти дѣтей... Ниже, въ Областномъ Обозрѣніи, мы указали и другіе случаи голода. Да, голодаютъ, истинно голодаютъ—но не во всей Россіи, разумѣется, а во многихъ, многихъ крестьянскихъ волостяхъ Самарскаго, Бузулуцкаго, отчасти Бугурусланскаго и особенно Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ,—отчасти въ Уфимской губерніи, гдѣ, по словамъ корреспондента «Русскаго Курьера», были случаи *голоднаго тифа*,—въ особенности же много голодаетъ народа въ Саратовской. Въ послѣдней пребываетъ теперь ревизующій сенаторъ и, какъ видно изъ корреспонденціи г. Молчанова въ

«Новомъ Времени», употребляетъ энергическія усилія для опредѣленія размѣровъ голодной нужды и способовъ совладать съ нею; но ни сенаторъ, ни администрація, какъ бы она благонамѣренна ни была, не въ состояніи замѣнить орудіями власти живую вольную иниціативу движимыхъ сердечнымъ участіемъ частныхъ лицъ. «Казна» можетъ дѣйствовать только оффиціальнымъ путемъ, посредствомъ оффиціальныхъ органовъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальныхъ порядковъ, гдѣ форма всегда пересиливаетъ содержаніе и буква убиваетъ духъ. Наши земства....

Но въ томъ-то и горе, что наши земскія, да и городскія самоуправленія, къ сожалѣнію, тоже какія-то *казенныя* самоуправленія, кроенныя по тому же бюрократическому шаблону, и немногимъ чѣмъ отличаются отъ «казны». Земскія управы, напримѣръ, составляютъ посемейные списки нуждающихся, но поручаютъ эту работу волостнымъ правленіямъ, другими словами—волостнымъ писарямъ, причемъ, конечно, не обходится безъ неправды; а повѣрка списковъ на мѣстѣ лицами, отъ управы уполномоченными, по большей части только одна внѣшняя формальность. Ниже мы помѣщаемъ письмо изъ Бугуруслана, гдѣ разсказывается, будто земская управа, для болѣе успѣшной повѣрки списковъ, увеличила свой наличный составъ еще шестью лицами, временно нанятыми съ платою каждому по 100 руб. въ мѣсяцъ, съ предоставленіемъ производить по уѣзду разъѣзды на земскихъ же лошадяхъ: вотъ уже пять мѣсяцевъ производится это жалованье и эти разъѣзды! Неужели это правда?... Въ газетахъ разсказывается также, будто самая доставка хлѣба, выдаваемаго на мѣсяцъ впередъ (и въ самомъ неудовлетворительномъ размѣрѣ), чинится неаккуратно, запаздываетъ на недѣлю и болѣе, а между тѣмъ люди остаются безъ хлѣба! Къ тому же и продовольственныя средства, которыми располагаютъ земства въ этихъ мѣстностяхъ, положительно недостаточны. Но не станемъ никого корить и винить. И правительство, и земства сдѣлали съ своей стороны все что могли, что доступно силамъ оффиціальныхъ учрежденій. Додѣлать ихъ дѣло, спасти отъ смерти указанныхъ намъ, здѣсь и тамъ, голодныхъ—это теперь *наша* обязанность, и никого другаго.

Вспомнимъ 1873 годъ, когда графъ Л. Н. Толстой открылъ Россіи существованіе голода въ Бузулуцкомъ уѣздѣ и обнародовалъ въ газетахъ не литературную картину, а документальный, сухой, но тѣмъ болѣе краснорѣчивый перечень наличнаго состава и наличныхъ средствъ тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которыя посѣтилъ лично, и количества потребнаго для нихъ хлѣба. Какъ содрогнулась, какъ встрепенулась тогда вся Россія, какъ откликнулись на призывъ къ благой работѣ и Главное Общество Краснаго Креста, и многіе мѣстные землевладѣльцы! Съ какимъ дружнымъ порывомъ, съ какимъ довѣріемъ понеслись къ нимъ обильныя пожертвованія, — съ какимъ самоотверженіемъ, и за то съ какимъ успѣхомъ, какъ побѣдоносно совершили они святой подвигъ благотворенія!

Развѣ мы не тѣ же, что и въ 1873 г.? Развѣ дружною совокупностью частныхъ пожертвованій не могутъ опять собраться не только десятки, но и сотни тысячъ, развѣ не достанетъ на это у русскаго общества средствъ? Достанетъ. Оно ждетъ лишь призыва; ему нуженъ только починъ; не даромъ же про нашу землю еще изъ старины идетъ слово: «на Святой Руси съ голоду не умираютъ»! Необходимо конечно, чтобъ тамъ, на самыхъ мѣстахъ голодной нужды, организовались частныя общества или явились, какъ въ 1873 г., достойные мѣстные дѣятели, которые бы взялись лично распредѣлять помощь и отдавать обществу, чрезъ посредство газетъ, подробный отчетъ въ употребленіи присланныхъ денегъ.

Мы съ своей стороны готовы принять на себя посредничество между жертвователями и Самарскою и Уфимскою губерніями, гдѣ мы имѣемъ нѣсколько близкихъ намъ лицъ, которыя вполнѣ и безусловно достойны довѣрія. Но мы не отказываемся отъ посредничества и для Саратовской и Екатеринославской губерній, какъ скоро и тамъ создадутся мѣстные, вполнѣ надежные органы. Медлить долѣе нельзя; надо спѣшить, пока есть время. Много его ушло, много еще уйдетъ, и каждый день уноситъ новыя жертвы. Открываемъ съ сегодняшняго *№ подписку въ пользу голодныхъ*,—открываемъ съ полною надеждою на сочувствіе, съ полною вѣрою, что не оскудѣетъ въ Россіи рука дающаго и поборетъ бѣду...

Начнемъ же съ Богомъ!

По поводу безпорядковъ въ Петербургскомъ Университетѣ.

«Русь», 20 февраля 1881 г.

Безпорядки на актѣ 8 февраля въ Петербургскомъ Университетѣ, нахальныя дѣянія студентовъ Когана Бернштейна и Подбѣльскаго, прокламація какого-то студенческаго централистическаго кружка,—все это опять обратило тревожное вниманіе публики на студентовъ, подняло снова вопросы объ организаціи, о правилахъ, корпораціяхъ, и т. д. Университетскій судъ успѣлъ доказать, что громадное большинство студентовъ не принимало никакого участія въ этомъ глупомъ и грубомъ скандалѣ; оно даже искренно порицаетъ виновниковъ оскорбленія, нанесеннаго и г. управляющему Министерствомъ народнаго просвѣщенія и всему университетскому синклиту. Еще бы нѣтъ! Не высокаго бы мнѣнія пришлось намъ быть объ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія студентовъ, еслибъ подобныя дѣйствія ихъ товарищей не вызвали дружнаго осужденія! Мы даже ожидали чего-нибудь поживѣе порицанія занесеннаго въ протоколъ факультетской сходки,—и нашли бы болѣе чѣмъ естественнымъ даже внезапный взрывъ молодаго честнаго негодованія на людей, не только нагло позорящихъ, но и компрометтирующихъ званіе студента въ глазахъ публики и народа. Да, наконецъ, оно обидно и для достоинства студенческаго: ужь очень все это грубо и, что̀ не менѣе стыдно, не умно... Насъ, впрочемъ, интересуетъ совсѣмъ другой, болѣе общій вопросъ, на который пора бы ужь обратить серьезное вниманіе. Недостаточно произвести слѣдствіе съ тѣмъ, чтобъ вывести заключеніе: «виновными въ безпорядкахъ и въ оскорбленіяхъ должны быть признаны такіе-то». Нужно бы заняться спеціальнымъ, историческимъ или біографическимъ, а также психологическимъ изслѣдованіемъ: какимъ образомъ, вслѣдствіе какого сцѣпленія взаимодѣйствующихъ причинъ могли эти виновные молодые люди дойти до содѣянія такихъ проступковъ или преступленій? Какимъ образомъ Пакій Подбѣльскій, уроженецъ Оренбургской глуши, сынъ священника-семьянина, отлично учившійся въ классической гимназіи въ отдаленнѣй-

шемъ изъ городовъ Европейской Россіи, въ Троицкѣ, награжденный золотою медалью, поэтому—надобно полагать—молодой человѣкъ не лишенный дарованій, не избалованный, пріученный къ труду и къ школьной дисциплинѣ,—какимъ образомъ этотъ несчастный юноша подвергся такому странному умоизступленію? Въ оскорбленіи дѣйствіемъ обвиняется именно онъ. Неужели ни воспитаніе домашнее, ни воспитаніе гимназическое не снабдили его достаточнымъ нравственнымъ и мыслительнымъ критеріумомъ для того, чтобы уразумѣть фальшь и вздорность направленія и прокламацій того центральнаго или централистическаго кружка, къ которому онъ пристalъ?... Личныя ли, случайныя, ни отъ кого не зависящія обстоятельства тому причиной, или же обстоятельства общаго характера, пребывающія еще и теперь, продолжающія и по сей часъ оказывать свое пагубное вліяніе на юношей? Исторія послѣднихъ лѣтъ нашей общественной жизни свидѣтельствуетъ, что молодые преступники, обличенные политическими процессами, большею частью почти не виноваты *индивидуально*, а являются лишь жертвами нравственной эпидеміи: ихъ личная вина развѣ въ предрасположеніи ихъ духовнаго организма къ воспріятію заразы... Необходимо было бы войти въ сношеніе съ отцомъ Подбѣльскаго, дознать отъ него или отъ товарищей, гдѣ, когда совершился съ молодымъ Подбѣльскимъ переворотъ въ мысляхъ и въ нравственныхъ убѣжденіяхъ (вѣроятно иныя мысли и убѣжденія были ему внушены семьею)? подъ чьимъ вліяніемъ, что̀ именно заставило его, бѣдняка, — отъ котораго семья ожидала, конечно, со временемъ себѣ подспорья,—нанести такой тяжкій ударъ старику-отцу, погубить и самого себя, и изъ-за чего? Мы понимаемъ возможность безразсудныхъ, превратныхъ, даже преступныхъ, но все же благородныхъ по своей идеальной, хотя бы вздорной цѣли, все же возвышенныхъ по сущности порывовъ. Понимаемъ увлеченіе, заблужденіе великодушной мысли и чувства. Но ничего подобнаго здѣсь не видно.

А одинъ ли Подбѣльскій въ такомъ положеніи? Ихъ можетъ-быть десятки, сотни въ настоящую же минуту, во всѣхъ русскихъ университетахъ. Кто же протянетъ имъ вовремя руку помощи, чтобъ спасти, удержать ихъ на краю бездны?

Нужно слышать жалобы отцовъ, нужно читать ихъ письма изъ провинцій, какъ это нерѣдко приходится намъ, для того, чтобы вполнѣ понять истинно-трагическое положеніе родителей, вынужденныхъ разлучиться съ дѣтьми ради гимназическаго или инаго общественнаго воспитанія въ отдаленномъ городѣ, куда сами родители переселиться не могутъ. «Что станется съ моими добрыми сыновьями черезъ нѣсколько лѣтъ»? писалъ намъ одинъ почтенный обыватель заволжской глуши: «можетъ-быть сами застрѣлятся, или застрѣлятъ кого-нибудь?... Кто сохранитъ въ нихъ уваженіе къ высшему нравственному началу. соблюдетъ ихъ для службы отечеству? Кто оградитъ ихъ отъ вредныхъ вліяній, вездѣ, всюду подстерегающихъ теперь молодость? Вѣдь, ей Богу, это не пустыя, праздныя жалобы: когда видишь столько семействъ, пораженныхъ горемъ, оплакивающихъ безвременно погибшихъ дѣтей (не только сыновей, но и дочерей), невольно душа отца трепещетъ отъ страха»... Что отвѣчать на такое письмо? У кого же и въ самомъ дѣлѣ достанетъ духу лицемѣрить. хватитъ безстыдства утверждать, что дѣло *воспитанія* въ нашихъ общественныхъ учебныхъ учрежденіяхъ обстоитъ вполнѣ благонадежно, или что нравственный авторитетъ преподавателей и профессоровъ такъ силенъ, такъ плодотворенъ, что въ состояніи преодолѣть и всегда преодолѣетъ— и «вѣяніе времени», и злокозненное дѣйствіе какихъ-либо пропагандистовъ разрушительныхъ ученій? Вѣдь кромѣ воспитателей, наставниковъ, профессоровъ, и наконецъ печати— некому и «преодолѣвать», некому и вести борьбу съ этими ученіями! Такая борьба не по силамъ никакой полиціи или администраціи. Ведутъ ли эту борьбу наставники и преподаватели, даже пренебрегая рискомъ прослыть недостаточно либеральными, высоко ли держатъ знамя нравственныхъ началъ — это мы оставляемъ на ихъ совѣсти. Что же касается печати, то, за исключеніемъ очень не многихъ ея органовъ. такъ ли отнеслись прочіе ея органы къ разнымъ бывшимъ въ послѣдніе годы студенческимъ исторіямъ, какъ отнесся, напримѣръ, Достоевскій въ письмѣ къ московскимъ студентамъ, напечатанномъ въ 14 № «Руси»?.. Это единственно правильное и честное отношеніе.

Русская молодежь всегда либеральна и демократична по

своимъ чувствамъ. И это въ ней прекрасно, пока это не доктринерство, а просто великодушный инстинктъ молодаго сердца, отвращающійся отъ всякаго рабства, насилія и несправедливости преимуществъ: въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но какъ скоро это естественное влеченіе молодой души принимаетъ форму ходячей западно-либеральной доктрины, оно становится ложью. Вотъ чего русскіе молодые люди не разумѣютъ и что̀ должны бы уразумѣть: всякій западно-европейскій либерализмъ на русской почвѣ есть прямая противоположность идеѣ свободы: онъ скрываетъ въ себѣ сознательное или безсознательное презрѣніе къ правамъ русской народной самобытности и своеобразности; онъ есть отрицаніе народнаго міросозерзанія, народной исторіи; всякое посягательство навязать народу благодѣяніе въ европейско-либеральномъ вкусѣ есть деспотическое посягательство на его свободу. А идеалъ свободы у Русскаго народа,—не столько политической, сколько соціальной и еще вѣрнѣе земской,—несравненно шире всякаго западнаго политическаго и инаго либерализма, хотя и немыслимъ безъ верховной единоличной власти. — Западный демократизмъ на русской почвѣ и по отношенію къ нашему народу тождественъ съ понятіемъ объ аристократизмѣ, ибо исповѣдуетъ не мысль, не убѣжденія и вѣру Русскаго народа, которыя свысока презираетъ, а какую-то доктрину о народѣ вообще,—чуждъ народу нравами, понятіями, духомъ и въ то же время стремится къ командованію надъ нимъ. Народъ для него не живой самостоятельный организмъ, а страдательный матеріалъ и орудіе для осуществленія доктрины. Если молодые русскіе люди хотятъ служить своему народу (ибо нѣтъ другой конкретной формы и для служенія человѣчеству); если одушевлены заботой объ его благѣ, такъ прежде всего, прежде всякаго попеченія объ его экономическихъ интересахъ (требующихъ къ тому же всесторонняго изученія), они должны понять, признать и уважить, полюбить въ немъ его *духовную* личность, почтить его преданія, его обычаи, его святыню, его идеалы,—отказаться напередъ отъ всякой мысли его учить, а стараться изучить его самого и у него поучиться. Первое и искреннее желаніе ихъ должно быть: не рознить съ народомъ, быть съ нимъ за одно

мыслью и душой, и заслужить его доброе о себѣ мнѣніе. Заслужить же такое мнѣніе невозможно, возбуждая въ обществѣ и печати безпрестанные толки по поводу разныхъ студенческихъ исторій, которыя, какъ и въ послѣднемъ случаѣ, никогда не чужды скверной примѣси *западно*-революціонной, соціалистической или демократической, пропаганды и агитаціи. Справедливо увѣщаетъ молодыхъ людей Достоевскій: не слушать тѣхъ, кто, ратуя будто бы въ ихъ пользу, учитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрегать народомъ, обзывать его чернью. Такое обозваніе, такое пренебреженіе — пріемъ именно западныхъ демократовъ, всегда презирающихъ свой простой народъ и тираннически налагающихъ на него ярмо своей доктрины, какъ это мы видимъ во Франціи. Никакія корпораціи и прочія студенческія привилегіи не приведутъ ни къ чему, если студенты сами не проникнутся уваженіемъ и любовью къ своему народу, не почтутъ вмѣстѣ съ нимъ того, что̀ онъ чтитъ, и не поймутъ въ то же время, что главная задача ихъ пребыванія въ университетѣ — это ученіе и ученіе,—это приготовленіе въ себѣ будущихъ дѣятелей, достойныхъ Русской земли и такъ нужныхъ, такъ нужныхъ ей!..

О Ригрѣ и направленіи газеты „Политика“.

«Русь»; 16 Мая 1881 г.

«Голосъ» въ 129 №, «въ сознаньи грустнаго безсилья» въ своей борьбѣ съ «Русью», хочетъ запугать насъ авторитетомъ западно-европейской печати, утверждая весьма развязно и болѣе развязно, чѣмъ добросовѣстно, будто «ложь, лицемѣріе» и тому подобныя, по «Голосу», качества нашихъ сужденій «поняты, разоблачены и осуждены во всей *честной* европейской печати, *безъ исключенія*»... «Честной» по понятіямъ «Голоса»... Какъ опредѣлить эту специфическую честность? Невольно припоминается недоумѣніе Аммоса Ѳедоровича по поводу одного слова въ Хлестаковскомъ письмѣ... Ну, а англійскій журналъ «Spectator» честный или не честный? Этотъ журналъ, ознакомясь съ произнесенною нами рѣчью 22 марта *), имѣлъ дерзость выразить намъ сочувствіе

*) См. Государственный и Земскій вопросъ, Т. V. стр. 26.

за то, что мы не увлекаемся дѣтскимъ подражаніемъ и отыскиваемъ самобытнаго пути развитія, который, даже по мнѣнію иностранца, «не можетъ-де не существовать для такой великой страны какъ Россія»... Да будетъ же ему извѣстно, что приговоромъ «Голоса» онъ исключенъ изъ честной печати!... Но опасаясь, что мы не дрогнемъ даже предъ западно-европейскимъ авторитетомъ (предъ которымъ такъ охотно труситъ наша мнимо-либеральная пресса), «Голосъ» мнитъ уязвить насъ окончательно, сразить на повалъ—цитатой изъ враждебной «Руси» и издѣвающейся надъ нею статьи, напечатанной въ «Politik»,—издающагося на нѣмецкомъ языкѣ органа извѣстнаго Ригра, вождя старочешской партіи. Не въ первый разъ намъ полемизировать съ г. Ригромъ: мы его знаемъ лично, знаемъ давно и поближе, чѣмъ «Голосъ» съ своими сотрудниками... «Кто упрекнетъ вождя старочешской партіи въ отсутствіи славянскаго духа?» восклицаетъ съ паѳосомъ, ничего въ «славянскомъ духѣ» не смыслящая, газета г. Краевскаго. Кто упрекнетъ? Мы. Мы упрекаемъ г. Ригра въ отсутствіи истиннаго славянскаго духа. Девизомъ Ригра служитъ извѣстное выраженіе Палацкаго, его тестя и друга: «Еслибъ мнѣ не суждено было быть Чехомъ, я хотѣлъ бы быть только Нѣмцемъ». Или Чехъ, или Нѣмецъ: славянству тутъ мѣста нѣтъ. Можно, пожалуй, и Палацкаго и Ригра назвать «добрыми чешскими патріотами», но приведенныя слова свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи въ нихъ «духа славянскаго». Даже и чешскую народность Ригеръ до сихъ поръ понималъ всегда узко, только внѣшнимъ образомъ, и интересовался ею почти лишь съ одной *политической* точки зрѣнія. Мы готовы были бы однако отнестись съ уваженіемъ къ его чешскому патріотизму, еслибъ г. Ригеръ былъ нѣсколько разборчивѣе въ выборѣ своихъ политическихъ орудій. Но Ригеръ именно потому, что духа-то славянскаго въ немъ нѣтъ и духовныхъ началъ славянскихъ никакихъ онъ не признаетъ, всегда искалъ и ищетъ опоры своимъ политическимъ планамъ: во-первыхъ, въ «*феодалахъ*», т. е. въ крупныхъ чешскихъ аристократахъ, въ которыхъ собственно чешскаго ничего и нѣтъ и которые вѣрность династіи Габсбурговъ и папскому престолу ставятъ превыше всякой народности; вовторыхъ,

въ *ультрамонтанствѣ*. Въ послѣднемъ особенно потому, что примасомъ Богеміи могучій магнатъ, князь Шварценбергъ, Чехъ по происхожденію, что въ Австріи латинство—*сила* и что по соображеніямъ Ригра ему положительно выгодно покровительство латинскаго духовенства и Рима—столь враждебнаго Россіи и православному Славянству! (Въ нынѣшнемъ же №, ниже, мы разоблачаемъ новыя козни Шварценберга, Штроссмайера и папы, направленныя противъ Русскихъ Галиціи и вообще православныхъ Славянъ.) Очевидно, что такой союзъ съ феодалами и ультрамонтанами можетъ быть только въ ущербъ духовно-національнымъ интересамъ Чешскаго народа. Да и «выгоды», которыхъ до сихъ поръ добился для Чеховъ Ригеръ, по правдѣ сказать, довольно скудныя и большею частью внѣшнія. Когда въ Австріи хотѣли было освободиться отъ конкордата съ Римомъ, поддержку конкордату оказали Чехи, водимые Ригромъ. Въ 1876 г., когда движеніе Русскихъ добровольцевъ въ Сербію воодушевило всѣхъ Западныхъ Славянъ надеждою, что пробудившееся въ Россіи славянское самосознаніе можетъ оказать и имъ услугу, въ ихъ борьбѣ съ Австріей за народную самостоятельность, Ригеръ дѣйствительно, отъ имени своей партіи, прислалъ въ Московскій Славянскій Комитетъ адресъ, въ которомъ выражалъ, нѣсколько свысока, не столько сочувствіе, сколько благоволеніе «культурнаго» Чешскаго народа — «передоваго поста, на Востокѣ, цивилизаціи Запада»—Русскому, не культурному, *юному!*... «Древняя чешская культура» — конекъ Ригра, предметъ его всегдашней похвальбы и гордости. Онъ убѣжденъ, намъ это лично приходилось отъ него слышать, что въ случаѣ совпаденія границъ Чехіи съ границами Россіи, Россія бы непремѣнно *очешилась*—«въ силу закона объ отношеніяхъ высшей культуры къ низшей».... На адресъ Ригра Славянскому Комитету мы тогда же отвѣтили цѣлымъ посланіемъ, на которое и ссылается теперь газета «Politik». Благодаря за добрый о Россіи отзывъ и за благосклонныя выраженія о дѣятельности Славянскаго Комитета, мы однакожъ высказали мнѣніе, что предпочли бы видѣть въ Чехахъ передовой постъ Славянскаго Востока на Западѣ; что «древняя культура», которою такъ надмевается Ригеръ, не принесла въ Чехіи ни-

какихъ особенно пышныхъ плодовъ, именно потому, что была совсѣмъ чужда чешской національности, — тогда какъ она дала такой истинно-роскошный плодъ у Романо-Германскихъ народовъ; что единственное историческое лицо древности, которымъ въ правѣ гордиться Чехи, — это Гусъ, и самое достославное явленіе чешской исторіи — Гуситство: между тѣмъ современные Чехи, хотя и прославляютъ Гуса и ставятъ ему памятники, но состоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ борцомъ чешско-славянской духовной самостоятельности. Нельзя одновременно—писали мы — покланяться и Гусу, и Риму, который его сжегъ, готовъ былъ бы и сейчасъ сжечь, еслибъ Гусъ снова воскресъ и еслибъ въ наше время еще жгли; нельзя знаменемъ Гуса отдавать честь его палачамъ, ультрамонтанамъ, отрицателямъ именно тѣхъ началъ, защита которыхъ прославила этого по истинѣ великаго и святаго мужа, лучшаго представителя Чешскаго народа. «Костеръ Гуса не угасъ, — сказали мы въ заключеніе, — онъ поддерживается, къ искреннему сожалѣнію, самими Чехами»! Трудно что-либо возразить противъ такой обличительной логики. Еще до полученія нашего отвѣта, Ригеръ подвергся, за свой адресъ Комитету, упрекамъ Шварценберга и всѣхъ фанатиковъ латинства — «феодаловъ», и поспѣшилъ принести публичное покаяніе, нѣсколько постыднаго характера: произнесъ рѣчь, напечатанную въ одной ультра-католической газетѣ, въ которой свидѣтельствовалъ о *своей непоколебимой приверженности къ Римскому апостольскому престолу*.

Слова Ригра въ «Politik» о томъ, что «религія есть дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго лица и не должна оказывать вліянія на управленіе государствъ»; что вѣроисповѣданія не должны быть принимаемы въ соображеніе при сужденіи о «политическихъ отношеніяхъ» и что Чехи «давно уже покончили со всѣми религіозными спорами», — свидѣтельствуютъ только, что можно быть блестящимъ ораторомъ и очень плохимъ мыслителемъ. Эти слова для насъ не новость. Онъ высказалъ точно такое же мнѣніе и въ бытность свою на славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, на общей съ нами бесѣдѣ, увѣряя, что «Чехи, какъ и весь цивилизованный Западъ, переросли всякіе религіозные вопросы». Ему возражалъ по-

бѣдоносно покойный князь В. А. Черкасскій, котораго ужъ никто, конечно, не упрекнетъ въ религіозномъ фанатизмѣ. Онъ указалъ ему на зачинавшуюся тогда въ самой Германіи борьбу между католическимъ и протестантскимъ міромъ,— борьбу не только продолжающуюся и доселѣ, но составляющую для единства новосозданной имперіи вопросъ «быть или не быть». Несмотря на все могущество этой имперіи и на совершенную, повидимому, въ наши дни ничтожность папства, какъ политической силы,—желѣзный канцлеръ самодовольно, съ гордостью произноситъ знаменитое слово: «мы не пойдемъ въ Каноссу»: и всѣ Нѣмцы-протестанты привѣтствуютъ это слово, какъ кликъ побѣды! Спрашивается—съ какою же это, однако, силою приходится считаться? Не съ силою ли — политически менѣе чѣмъ ничтожною, но однакоже могучею именно потому, что это сила духовная, зиждущаяся на религіозной основѣ? Могутъ ли опускать, да и опускаютъ развѣ просвѣщенные государственные мужи Германіи религію «при сужденіи *о политическихъ отношеніяхъ*», — именно религію какъ «народное вѣроисповѣданіе», а не только какъ дѣло личной совѣсти? Какой позитивистъ, если только онъ мало-мальски способенъ мыслить, станетъ отрицать значеніе вѣроисповѣданія въ исторіи и жизни народовъ, какъ позитивнѣйшій изъ фактовъ?! Развѣ вѣроисповѣданіе не есть великій историческій факторъ, подъ воздѣйствіемъ котораго слагается духовный народный организмъ (понимая «народъ» какъ цѣлое, а не какъ агломератъ отдѣльныхъ лицъ)?!.. Теперь возникаетъ новая, умная отрасль исторической науки: «психологія народовъ»: возможно ли понять эту психологію внѣ того религіознаго идеала, въ который вѣритъ народъ, къ осуществленію котораго онъ стремится?... Все это ясно, ясно до непререкаемости; можно только пожалѣть о Ригрѣ и подивиться его легкомыслію, выражаемому съ такою авторитетною, нѣсколько забавною важностью, — но можно и усомниться въ его искренности, или по крайней мѣрѣ предположить *самообманъ:* изложенный имъ взглядъ нуженъ ему самому для оправданія его ухаживаній за ультрамонтанами и того роковаго противорѣчія съ основными началами чешской народности, въ которомъ нынѣ обрѣтаюся сами Чехи.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не подивиться слѣпотѣ, добровольной слѣпотѣ нашего мнимаго, лакействующаго предъ Западомъ либерализма! Предъ самыми нашими глазами Австрія, одна изъ «носительницъ европейской культуры», — при содѣйствіи, увы! тѣхъ же свободно-мыслящихъ о религіи Чеховъ и Хорватовъ латинскаго вѣроисповѣданія (постоянно упрекающихъ «Русь» въ религіозной нетерпимости!), — надвигается теперь на православно - славянскій міръ Балканскаго полуострова и для успѣха своей «цивилизаторской миссіи» признаетъ необходимымъ... что? Никакъ не торжество воззрѣнія, что «религія есть дѣло личной совѣсти и не должна оказывать вліянія на управленіе государства, ибо-де просвѣщенный Западъ уже переросъ (!!) всѣ религіозные споры». Напротивъ, Австрія всѣми мѣрами, и преимущественно *неправдой, гнетомъ, насиліемъ*, стремится *окатоличить православныхъ Славянъ!* Мало того, она, обращая религію, въ политическое орудіе, куетъ вмѣстѣ съ папою цѣлый обширный заговоръ для объединенія всѣхъ, принадлежащихъ ей, равно и чаемыхъ ею, какъ будущая добыча, Славянъ—въ вѣроисповѣданіи, разумѣется римскомъ. Да и не одна Австрія. Республиканская Франція, преслѣдующая клерикализмъ у себя дома, ревностно поддерживаетъ, изъ политическихъ видовъ, латинскую пропаганду и въ Африкѣ, и также на Востокѣ, между православными Славянами!

И противъ этого наши проповѣдники либерализма ни слова! То другое дѣло, то — Западъ! Ему можно. Онъ баринъ. И когда мы, въ нашемъ изданіи, не проповѣдуя никакого насилія, никакихъ кривыхъ и хитрыхъ путей, осмѣливаемся сказать, что ревностный римскій католицизмъ, что ультрамонтанство противно природѣ славянскаго духа, что истинный Славянинъ долженъ стремиться выйдти изъ этого внутренняго духовнаго противорѣчія, въ которомъ не обрѣтаются славянскія племена вѣроисповѣданія православнаго; когда мы осмѣливаемся протестовать противъ козней католицизма,—на насъ обрушиваются хоромъ всѣ наши лживо-либеральныя газеты! Да когда-же окончится у насъ это душевное холопство? Ему, т. е. Западу, ослаблять, оскорблять, угнетать, насиловать совѣсть и народность насъ, Русскихъ, и право-

славныхъ Славянъ — можно. Если же мы поднимемъ руку для защиты себя отъ заушенія и отъ накидываемой на насъ петли — сейчасъ со всѣхъ сторонъ, въ Европѣ и у насъ, либеральный гвалтъ: «какая дерзость! обскурантизмъ! варварство! ретроградство! Поднимать руку, рвать петлю — это грубо, это не либерально! поступай по либеральному»! Наша «либеральная» пресса и не видитъ, какъ ее дурачатъ и польскіе и всякіе европейскіе интриганы: маскируясь либерализмомъ, предпосылая общія мѣста о религіи, какъ о «дѣлѣ личномъ», и т. п., они межъ тѣмъ преусердно, посредствомъ нашей же печати, работаютъ въ пользу своихъ узкихъ, угнетательныхъ, именно религіозной-то свободѣ и угрожающихъ замысловъ!... Не умны наши мнимо-либеральные публицисты: это для нихъ самый снисходительный эпитетъ, единое «смягчающее вину обстоятельство».

«Голосъ» утверждаетъ, что все, что только есть въ «честной европейской печати» и среди образованныхъ людей «мыслящаго», «пользующагося нравственнымъ уваженіемъ» — все это стоитъ противъ противниковъ «Голоса», т. е. противъ «славянофиловъ» и такихъ органовъ, какъ «Русь». Не знаемъ, въ какой разрядъ зачисляетъ «Голосъ» профессора Градовскаго, но не худо бы ему прочесть себѣ въ назиданіе произведеніе сего своего сотрудника: «Четыре лекціи о славянофильствѣ». Не можемъ также отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія выдержки изъ статьи одного извѣстнаго публициста по поводу «Руси» и петербургской мнимолиберальной журналистики:

„Что голосъ „Руси“ былъ дѣйствительно необходимъ въ данную минуту, это доказалось само собою... Газета „Русь“ съ своею искреннею своеобразностью мысли и чувствъ сразу завоевала себѣ почетное мѣсто среди толпы разныхъ безцвѣтныхъ и бездушныхъ литературныхъ эхо, выкрикиваемыхъ по заранѣе всѣмъ извѣстному шаблону... Наша теперешняя петербургская литература отражаетъ собою только взгляды столичнаго, вообще городскаго меньшинства... Все что ближе къ землѣ, къ деревнѣ, къ практическому дѣлу, разумѣется, гораздо лучше знаетъ Россію и гораздо больше привязано къ историческимъ формамъ русской жизни, чѣмъ люди теоретическаго дѣла и космополитической среды. Многія глубоко-русскія, истинно-народныя точки зрѣнія газеты „Русь“, конечно, несравненно ближе разуму и

сердцу этой сплошной массы русскаго общества, чѣмъ озлобленныя издѣванья надъ Россіею и русскимъ какого-нибудь органа безплоднаго отрицанія и космополитическихъ грезъ, словно въ насмѣшку присвоившаго себѣ имя „Отечественныхъ Записокъ“, *и другихъ органовъ* нашей печати, у которыхъ *нѣтъ на душѣ ни одного русскаго чувства, ни одной русской мысли*“.

Вотъ еще нѣсколько строкъ по адресу «петербургской либеральной прессы»: рекомендуемъ ихъ ея особенному вниманію.

«Всѣ эти органы расхожаго европейскаго *либерализма*, безъ собственнаго труда и заботы, снабжаются всѣмъ готовымъ прямо съ базара... Люди, не только русскіе по своей душѣ, но просто искренніе, серьезные люди, не могутъ не порадоваться появленію *среди этой стаи литературныхъ попугаевъ*—живаго, уважающаго себя человѣка. По крайней мѣрѣ отчаянье не возьметъ, глядя на безшабашное и безпрепятственное гарцованье на полѣ общественной мысли *однихъ только оторвавшихся отъ своей родной почвы либеральствующихъ нахаловъ, облаивающихъ всѣ историческія народныя святыни*... Поэтому и мы, въ числѣ прочей читающей публики, не могли не порадоваться, что въ среду умственнаго растлѣнія и безплодія—созданную литературою отрицанія и хандры, вошелъ наконецъ *элементъ разумной и открыто-противной имъ силы, которая будетъ способна хотъ нѣсколько очистить почву журналистики отъ накопившагося навоза*».

Мы гораздо болѣе скромнаго мнѣнія о нашей силѣ,—но кто же наноситъ съ такимъ талантомъ и такой тяжкій ударъ нашей мнимо-либеральной прессѣ,—принадлежитъ ли его печатное слово, по мнѣнію «Голоса», къ категоріи «*честной* печати»? Судя по вышеприведенной нами выпискѣ изъ этой газеты, конечно, нѣтъ; а между тѣмъ эти строки принадлежатъ не кому другому, какъ постоянному же сотруднику «Голоса», г. Евгенію Маркову, и напечатаны въ «Русской Рѣчи» (за май)! Г. Маркова въ искренности никто, конечно, не заподозритъ... Онъ не согласенъ съ «Русью» во многихъ вопросахъ, но мы благодарны ему за его безпристрастное слово ободренія, тѣмъ болѣе для насъ цѣнное, что оно идетъ отъ постояннаго жителя провинціи.

Мы еще вернемся къ его статьѣ. Съ нимъ возможенъ разумный споръ... Въ затруднительное же положеніе поставилъ газету «Голосъ» г. Евгеній Марковъ!...

О двухъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, уплывшихъ изъ нашихъ рукъ.

«Русь», 22-го августа 1881 г.

Продажа Либаво-Роменской дороги синдикату иностранныхъ, собственно еврейскихъ, кёнигсбергскихъ и берлинскихъ банкировъ,—фактъ безспорно совершившійся, хотя и невѣроятный. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ «Московскими Вѣдомостями» и «Кіевляниномъ», мы можемъ сообщить, на основаніи положительныхъ данныхъ, переданныхъ намъ однимъ лицомъ, болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ дѣлу о продажѣ, что вдова г. фонъ-Мекка, чрезъ посредство своихъ довѣренныхъ, неоднократно обращалась къ нашему правительству съ просьбою пріобрѣсть акціи номинальнаго Общества этой дороги, находившіяся полностью въ ея рукахъ, ибо дорога не только не приносила ей дохода, но давала чуть ли не около милліона рублей ежегоднаго убытка. Однакоже отъ правительства въ теченіи долгаго времени не послѣдовало никакого рѣшительнаго отвѣта, и упомянутый синдикатъ самъ, неожиданно для владѣлицы, обратился къ ней съ предложеніемъ покупки. Въ нѣсколько дней онъ покончилъ дѣло, уплативъ ей наличными 3.800.000 р., изъ которыхъ бо́льшая часть суммы была выдана Петербургскимъ Учетнымъ Банкомъ, подъ залогъ отъ синдиката тѣхъ же (ничего не стоющихъ) акцій и по предварительномъ сношеніи директора банка, извѣстнаго г. Зака, будто бы съ Блейхредеромъ, финансовымъ агентомъ князя Бисмарка въ Берлинѣ. Вообще г. Закъ, которому молва приписываетъ теперь большое вліяніе въ нашихъ финансовыхъ сферахъ, долженъ будто бы считаться однимъ изъ главныхъ агентовъ или посредниковъ вышеназваннаго консорціума еврейскихъ заграничныхъ, преимущественно прусскихъ, банкировъ. Разсчеты, приведенные «Кіевляниномъ», совершенно схожи съ тѣми, которые и намъ были сообщены, т. е. будто 5% на

сумму 3.800.000 р. кредитныхъ рублей, т. е. 190 т. кредитныхъ рублей, будутъ выплачиваемы синдикату съ постепеннымъ погашеніемъ капитала самимъ имперскимъ германскимъ правительствомъ, которое надѣется покрыть этотъ расходъ съ избыткомъ изъ пошлиннаго хлѣбнаго дохода, какъ скоро изъ массы хлѣбныхъ грузовъ, направлявшихся доселѣ въ Либаву, удастся этимъ способомъ, т. е. умерщвленіемъ Либавы, отвлечь хоть только треть въ Кёнигсбергъ... Правленіе Либаво-Роменской дороги переводится въ Петербургъ.

Но повѣрятъ ли читатели,—и мы сами все еще отказываемся вѣрить, хотя свѣдѣніе это сообщено намъ изъ источниковъ, въ благонадежности которыхъ мы не имѣемъ повода сомнѣваться, — что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уже совершилась продажа, тому же самому синдикату, другой русской желѣзной дороги, *Курско-Кіевской?..* Какимъ образомъ дѣло такой громадной международной важности, не говоря уже о громадномъ значеніи его для нашихъ отечественныхъ интересовъ, могло совершиться такъ втихомолку, даже безъ огласки въ газетахъ? Все это кажется до того несбыточнымъ, что мы не теряемъ надежды вызвать оффиціальное опроверженіе сообщаемому нами извѣстію и съ радостью его встрѣтимъ. Объ этой продажѣ намъ разсказывали слѣдующее. Большинство акцій Курско-Кіевской желѣзной дороги принадлежало въ собственность недавно умершему П. Г. фонъ-Дервизу: только небольшая часть ихъ была въ рукахъ нашего правительства. Покойный фонъ-Дервизъ захотѣлъ пріобрѣсть и эти правительственныя акціи съ тѣмъ, чтобы ему одному быть владѣльцемъ всей Курско-Кіевской, весьма доходной, дороги. Съ этою цѣлью вступилъ онъ въ переговоры съ правительствомъ, но переговоры были безуспѣшны. Правительство предпочло продать свои акціи не ему, а упомянутой выше еврейской компаніи, которая затѣмъ, въ свою очередь, стала торговать у г. фонъ-Дервиза его акціи. Не желая *дѣлить* владѣніе дорогою съ еврейской компаніей и не успѣвъ въ своемъ намѣреніи стать единственнымъ хозяиномъ этой дороги, г. фонъ-Дервизъ, не задолго до кончины, продалъ компаніи и свои акціи за цѣну довольно выгодную, именно по 1.038 р. за акцію (номинальная цѣна 100 фунтовъ стерлинговъ, — котируется

нынѣ на биржѣ по 1.200 р....) Впрочемъ, правленіе дороги остается пока въ томъ же составѣ, съ тою разницею, что мѣсто Н. И. Палтова, бывшаго въ правленіи членомъ отъ правительства, занялъ (только не отъ правительства) представитель извѣстной нѣмецкой банкирской фирмы въ Москвѣ, г. Ахенбахъ...

Этого мало. Виды еврейскаго прусскаго синдиката простираются, какъ намъ передавали, и далѣе,—именно, прежде всего, на пріобрѣтеніе у правительства Харьковско-Николаевской желѣзной дороги. Извѣстно, что въ бытность министромъ финансовъ г. Абазы эта дорога куплена правительствомъ отъ частнаго акціонернаго общества по 92 р. за акцію. Синдикатъ надѣется теперь пріобрѣсть отъ правительства и эту дорогу, пользуясь русскими финансовыми затрудненіями... Надобно думать, что онъ обманется въ этой надеждѣ, равно какъ и въ осуществленіи другихъ своихъ замысловъ, изъ которыхъ намъ указывали еще слѣдующіе: вопервыхъ, покупка въ будущемъ Московско-Брестской желѣзной дороги, находящейся теперь, хотя и въ русскихъ, но еврейскихъ рукахъ (замѣтимъ, что и Курско-Кіевская, и Московско-Брестская дороги—обѣ примыкаютъ къ Либаво-Роменской); вовторыхъ, пріобрѣтеніе Лозово-Севастопольской желѣзной дороги. Увѣряютъ, будто настоящій ея владѣлецъ, П. І. Губонинъ, терпитъ отъ нея убытки и ходатайствуетъ о передачѣ своего права собственности правительству, по цѣнѣ для послѣдняго очень сходной. Еврейскій синдикатъ, не считающій для себя почему-то удобнымъ или выгоднымъ входить въ непосредственныя сношенія съ самимъ г. Губонинымъ, караулитъ будто бы ту минуту, когда правительство согласится принять Лозово-Севастопольскую дорогу за себя, съ тѣмъ чтобы тотчасъ перекупить ее у казны. Увѣряютъ также, будто, по пріобрѣтеніи всѣхъ упомянутыхъ желѣзно-дорожныхъ линій, синдикатъ предполагаетъ соединить ихъ въ одну группу на подобіе группы Юго-Западныхъ дорогъ, и затѣмъ, на акціи соединеннаго общества этой новой группы, получить русскую же *правительственную гарантію!*... Если всѣ эти послѣднія сообщаемыя нами свѣдѣнія и слухи несправедливы, пусть же ихъ опровергнутъ: ничего мы такъ не желаемъ, какъ опроверженія!.. Можетъ-

быть все это еще только банкирскія вожделѣнія и мечты, но о нихъ не мѣшаетъ знать и заранѣе, не мѣшаетъ быть насторожѣ отъ этихъ темныхъ облегающихъ насъ силъ, рыщущихъ кругомъ съ цѣлью... облагодѣтельствовать Россію своими капиталами или помочь нашему правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ!... Однакожъ продажа Либаво-Роменской желѣзной дороги, это — уже не мечта, а дѣло дѣйствительно сбывшееся. А если и продажа Курско-Кіевской также не мечта, а быль? ..

Чтожъ это такое наконецъ? Какія же это могучія чары отводятъ намъ и глаза, и слухъ, и самый разумъ, даже простой, здравый смыслъ? Покупка германскимъ правительствомъ Либаво-Роменской дороги—это хуже и безславнѣй для насъ всякаго пораженія на полѣ битвы. Здѣсь мы уступаемъ превосходству уже не внѣшней, физической только, силы противника... Безъ войны, безъ борьбы, безъ дипломатическаго давленія, мы сами, de bonne grâce, собственными руками убиваемъ русскій портъ для вящей пользы иностраннаго порта, отдаемъ иностранцамъ во власть наши торговые интересы, сами приглашаемъ иностранное государство *законодательствовать* въ нашей землѣ! Ибо странно же: установленіе таможенныхъ тарифовъ для *внѣшней* торговли относить къ области «законодательства», а установленіе желѣзно-дорожныхъ провозныхъ тарифовъ, имѣющихъ не менѣе таможенныхъ значеніе для торговли *внутренней*, признавать дѣломъ для «законодательной области» чуждымъ, подлежащимъ усмотрѣнію только самихъ акціонерныхъ компаній! По своему смыслу и своей важности, желѣзно-дорожные провозные тарифы—такая же отрасль законодательства, какъ и таможенные тарифы, но у насъ вошло въ странный обычай уступать ее, эту отрасль, вмѣстѣ съ монополіей государственныхъ путей сообщенія, иначе съ концессіями желѣзныхъ дорогъ, въ монополію частнымъ лицамъ и обществамъ. Однакоже, поступаясь такимъ образомъ въ пользу ихъ своимъ верховнымъ правомъ, своею государственною функціей, можетъ ли развѣ правительство, при выдачѣ концессіи, относиться безразлично къ качествамъ частныхъ лицъ, или къ составу обществъ? Конечно нѣтъ; оно непремѣнно принимаетъ въ соображеніе то и другое. Тѣмъ ме-

нѣе, думаемъ, расположено оно поступаться своею государственною функціей и властью въ пользу *чужаго* государства и предоставить ему хозяйничать въ нашей землѣ, въ явный вредъ русскимъ торговымъ интересамъ. Мы не знакомы съ содержаніемъ концессій упомянутыхъ двухъ уже проданныхъ дорогъ, но невольно возникаетъ вопросъ: неужели всякое частное лицо или общество, получившее концессію на государственную монополію (т. е. на исключительное обладаніе однимъ изъ государственныхъ путей сообщенія), имѣетъ право, безъ вѣдома и согласія правительства, передавать эту монополію иностранцамъ, подданнымъ чужаго государства? Впрочемъ, если наши свѣдѣнія вѣрны, само правительство продало принадлежавшія ему акціи Курско-Кіевской дороги консорціуму прусскихъ Евреевъ; относительно Либаво-Роменской намъ извѣстно только посредничество г. Зака; о дѣйствіяхъ же нашихъ министерствъ финансовъ и путей сообщенія мы пока еще ничего не знаемъ... Знаемъ мы только одно, — что канцлеръ Германской Имперіи можетъ теперь по справедливости гордиться своей побѣдой: онъ, помимо всякихъ международныхъ дипломатическихъ сношеній, подчинилъ Россію своей торговой политикѣ, по крайней мѣрѣ относительно главнаго нашего вывознаго продукта, хлѣба, и подчинитъ еще полнѣе и крѣпче, если чрезъ посредство г. Блейхредера, Симона и К°, проберется къ нашимъ черноморскимъ портамъ... Да, тысячу разъ были правы «Московскія Вѣдомости», указывая неутомимо, въ теченіи многихъ лѣтъ, на ту сѣть искусныхъ интригъ, которыми было опутано все дѣло созиданія Либавской желѣзной дороги и которыя всѣ вели къ ослабленію ея производительности и пользы,—указывая въ прошломъ году и на чудовищную аномалію, представляемую съѣздами представителей германскихъ и русскихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти съѣзды, въ виду русскаго правительства, толковали между собою объ условіяхъ провознаго тарифа и установили его такимъ образомъ, что провезти по желѣзной дорогѣ хлѣбъ, напримѣръ, отъ Ельца до *Кёнигсберга* выходитъ теперь несравненно дешевле, чѣмъ отъ Ельца до Петербурга. Однимъ словомъ, на этихъ съѣздахъ представители русскихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, безъ всякаго участія

русскаго правительства (т. е. руководясь только соображеніями частной корысти, а не общегосударственной пользы), рѣшили вопросъ *международный*, тогда какъ во всемъ мірѣ рѣшеніе вопросовъ международныхъ принадлежитъ только государственной власти и производится посредствомъ взаимныхъ сношеній самихъ заинтересованныхъ правительствъ: таковы, напр., всѣ торговые трактаты. Но къ чему будетъ вести заключеніе торговыхъ трактатовъ, когда посредствомъ соглашенія частныхъ желѣзно-дорожныхъ иностранныхъ обществъ съ русскими—можно дать направленіе торговой политикѣ совершенно независимое отъ всякаго торжественно заключеннаго трактата, даже въ прямомъ несогласіи съ нимъ!

Въ послѣднее время въ Европѣ,—за которою мы считаемъ необходимостью всегда плестись сзади, раздѣляя заднимъ числомъ ея доктринерскія увлеченія и ошибки,—происходитъ, отчасти уже и произошелъ, переворотъ къ отрезвленію отъ многихъ, недавно еще модныхъ теорій. Таковы, напримѣръ, теорія такъ-называемаго фритредерства или свободной торговли, и теорія, отрицающая государственное хозяйство въ самомъ принципѣ, т. е. проповѣдывающая начало свободной конкурренціи частныхъ лицъ и обществъ, безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства. Князь Бисмаркъ, который тѣмъ въ особенности и крупенъ, что не рабствуетъ никакой отвлеченной доктринѣ, а принимаетъ въ соображеніе лишь то, что̀ въ данную минуту нужно и благодѣтельно для его отечества, первый, силою своего авторитета, подсѣкъ укоренившійся на Европейскомъ Западѣ предразсудокъ противъ «протекціонизма» и выдвинулъ, какъ знамя своей торговой политики, систему покровительственнаго тарифа. Одновременно съ этой системой, Германія пришла къ убѣжденію въ необходимости изъять изъ рукъ частныхъ лицъ ту монополію, которая должна принадлежать только государству, именно монополію желѣзныхъ дорогъ. Къ такому же взгляду (даже нѣсколько ранѣе) пришли и въ Англіи: выкупъ дорогъ государствомъ у акціонерныхъ компаній уже начался въ обѣихъ странахъ. У насъ же, гдѣ произволъ желѣзно-дорожныхъ обществъ даетъ себя чувствовать несравненно рѣзче, гдѣ онъ нисколько не сдерживается ни общественнымъ мнѣніемъ, ни гласностью, ни даже инспекціею правительства, возвращеніе

дорогъ въ казенное завѣдываніе, конечно, тѣмъ болѣе желанно,—и къ этой мысли, кажется, склонились всѣ выдающіеся дѣятели такъ-называемой желѣзно-дорожной коммиссіи графа Баранова. Тѣмъ страннѣе, тѣмъ неожиданнѣе является эта продажа самимъ правительствомъ акцій Курско-Кіевской дороги въ частныя, да еще иностранныя руки (если это правда),—этотъ отказъ отъ пріобрѣтенія по дешевой цѣнѣ акцій дороги Либаво-Роменской, — это допущеніе продажи ихъ синдикату частныхъ лицъ, да еще заграничному... О томъ, что тотъ же синдикатъ домогается и *надѣется* купить принадлежащую теперь правительству Харьково-Николаевскую желѣзную дорогу, слухи также упорно держатся.

Невольно напрашивается и другой вопросъ: что̀ сталось со всѣми трудами упомянутой коммиссіи, въ составѣ которой было столько ревностныхъ, дѣятельныхъ и знающихъ добровольцевъ отъ общества и отъ науки,—которая такъ горячо принялась за дѣло и вела его такъ ревностно и добросовѣстно въ теченіи цѣлаго года, если не болѣе, — которой главною задачею было выработать цѣлую систему желѣзнодорожнаго законодательства для Россіи? Ея труды, полагаемъ, не лишены же интереса для нашихъ высшихъ административныхъ сферъ, тѣмъ болѣе, что само правительство признало ихъ необходимость и придало имъ государственное значеніе. Если они еще не вполнѣ закончены и не представлены оффиціально подлежащимъ порядкомъ, то все же выводы, къ которымъ эта коммиссія пришла, и главныя основанія, ею намѣченныя, не составляютъ какого-нибудь секрета, не заперты же въ какомъ-то ларчикѣ, имѣющемъ раскрыться позднѣе, какъ бы сюрпризомъ, въ свое время, т. е. тогда, когда многія мѣропріятія, съ ними совершенно несогласныя, окажутся уже безповоротно рѣшенными! Мы хотимъ только сказать, что едвали удобно возбуждаемые теперь желѣзнодорожные вопросы, хотя бы о продажѣ и покупкѣ разныхъ дорогъ, разрѣшать безъ предварительнаго совѣщанія съ упомянутою коммиссіей.

Во всякомъ случаѣ подчиненіе уступаемыхъ правительствомъ въ монополію частнымъ лицамъ и компаніямъ желѣзныхъ государственныхъ путей—цѣлой системѣ законовъ, ограничивающихъ частный, личный и компанійскій, произволъ и ограждаю-

щихъ государственные политическіе и торговые интересы Россіи является, какъ мы видимъ, неотложною и вопіющею потребностью. Много толковали у насъ до устали, да и толковать перестали, о пользѣ учрежденія особаго министерства торговли и промышленности. Мы не отрицаемъ этой пользы, но и не обольщаемъ себя надеждою, будто одно переименованіе существующихъ департаментовъ Министерства финансовъ, или отчисленіе ихъ въ новое особливое министерство, уже заключаетъ въ себѣ всѣ задатки для водворенія у насъ настоящей, *вполнѣ національной* торговой политики. Торговля, безъ сомнѣнія, состоитъ въ тѣсной связи съ общими государственными финансовыми соображеніями, да и всѣ вѣдомства связываются между собою общностью государственныхъ интересовъ. Нужно именно, чтобъ эта общность сознавалась всѣми вѣдомствами вмѣстѣ и каждымъ порознь,—чтобъ не одно или другое вѣдомство, но всѣ сферы, всѣ отрасли правительственной дѣятельности были запечатлѣны единствомъ руководящаго начала, всѣ направлялись въ духѣ политики исключительно національной.

Относительно Министерства, завѣдывающаго финансами и интересами русской торговли, нельзя не замѣтить, что никому такъ не вредитъ пребываніе на окранѣ Имперіи, какъ именно этому государственному учрежденію. Именно въ Петербургѣ всего менѣе даютъ себя чувствовать потребности внутренняго русскаго торговаго рынка,—именно въ Петербургѣ оказывается особенно труднымъ установить правильную *оптику* на нужды и пользы русской торговли, ибо самые лучи зрѣнія фанансовыхъ администраторовъ невольно преломляются (употребимъ снова выраженіе такъ озадачившее нашихъ литературныхъ противниковъ) о *средостѣніе* Петербургской биржи, вполнѣ зависимой отъ биржи Берлинской и вообще иностранныхъ. Если Петербургская биржа можетъ служить барометромъ для нашихъ международныхъ торговыхъ сношеній, то она же способна только вводить въ заблужденіе относительно состоянія нашего внутренняго торговаго рынка. Да и не только Петербургская, но и прочія наши «биржи» не отражаютъ въ своихъ котировкахъ и сдѣлкахъ движенія существеннѣйшихъ отраслей нашей промышленности и торговли. Такъ, вся внутренняя торговля хлѣ-

бомъ совершается внѣ всякаго участія и вѣдома «биржъ». Такъ, въ то время, когда въ Петербургѣ вниманіе исключительно обращено на изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ посредствомъ внутреннихъ займовъ и выпуска процентныхъ бумагъ, — внутри Россіи, для удовлетворенія ея торговыхъ нуждъ, ощущается даже недостатокъ въ мелкихъ мѣновыхъ денежныхъ знакахъ, ибо, несмотря на массу этихъ бумагъ, онѣ почти вовсе не обращаются въ глуши нашихъ провинцій, исключая такъ-называемыхъ *серій*: кромѣ губернскаго города, вамъ нѣтъ почти и возможности размѣнять бумажныя процентныя цѣнности, если по несчастію, отправляясь въ глубь Россіи, вы запаслись именно ими, а не «кредитками»... Мы указали только на этотъ примѣръ, взятый изъ торговой практики,—но спеціалисты торговаго практическаго дѣла могли бы привести сотни примѣровъ, свидѣтельствующихъ о совершенно неправильномъ разумѣніи въ Петербургѣ истинныхъ потребностей и пользъ русской торговли, — потому именно и неправильномъ, что ближайшей, практической основой для финансовыхъ соображеній служитъ тамъ зависящая отъ иностранныхъ банкировъ биржа. Эта зависимость отъ иностранныхъ банкировъ сказалась и въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ.

Намъ, конечно, не вѣдомы въ точности основанія, которыми руководилась наша администрація при допущеніи продажи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Одинъ изъ ходячихъ догматовъ финансовой современной доктрины, это — привлеченіе въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Но есть разныя формы привлеченія. Привлеченіе иностранныхъ капиталовъ не значитъ привлеченіе самихъ иностранцевъ въ Россію и предоставленіе имъ хозяйничать въ Русской землѣ! Между тѣмъ, продажа дорогъ, заводовъ, особенно цѣнныхъ по своему внутреннему національному значенію государственныхъ имуществъ, или только сдача ихъ въ аренду *иностранцамъ*, или же уступка имъ, на долгій срокъ, государственныхъ монополій, — что́ же это такое, какъ не водвореніе въ Россіи чужаго хозяйничанья, какъ не преданіе ея въ эксплуатацію иноземцамъ? Въ критическую для Россіи минуту, при столкновеніи съ коалиціей западно-европейскихъ державъ, мы горько почувствуемъ эту

зависимость и въ финансовомъ, и въ торговомъ, и стратегическомъ, и во всѣхъ отношеніяхъ. «Капиталъ — космополитъ», — возразятъ намъ, — «онъ не вѣдаетъ національности»... Капиталъ-то космополитъ, да капиталисты-то не всегда космополиты, а являются подчасъ и орудіями чужихъ политическихъ видовъ и соображеній.

Было бы въ высшей степени интересно составить точный *списокъ* всѣхъ статей нашего хозяйства, переданныхъ, въ той или другой формѣ, въ эксплуатацію иностранцамъ. Относительно государственныхъ статей можно бы собрать точныя свѣдѣнія въ министерствахъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія; но не мало и частныхъ имуществъ, представляющихъ общенародное, государственное, важное значеніе, въ которыхъ хозяйничаютъ иностранцы: таковы, напримѣръ, знаменитые заводы Баташева. Какъ ни странно предположеніе, что такого рода сдѣлки могутъ совершаться безъ вѣдома правительства, однакоже мы не вполнѣ увѣрены, что наши министерства имѣютъ о нихъ вполнѣ точныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ такой списокъ поразилъ бы удивленіемъ русское общество. Многія сдачи въ иностранную эксплуатацію совершены администраціей, если мы не ошибаемся, безъ всякой предварительной огласки, безъ торговъ, безъ вызова желающихъ изъ среды русскихъ капиталистовъ. Всѣмъ ли жителямъ Москвы извѣстно напримѣръ, что воды нашей Москвы-рѣки находятся въ арендѣ у французской компаніи, главное управленіе которой находится въ Парижѣ? Сдача произведена Министерствомъ путей сообщенія, съ правомъ для компаніи поднимать воду и вѣдать въ свою пользу триста верстъ береговъ вплоть до Коломны, — произведена, разумѣется, безъ вѣдома, покрайней мѣрѣ безъ оффиціальнаго вѣдома или спроса Московской Городской Думы. Объ этомъ парижскомъ завѣдываніи «крутыхъ-красныхъ береговъ москворѣцкихъ» намъ сообщилъ, года три тому назадъ, извѣстный строитель А. А. Пороховщиковъ, который, прослышавъ о намѣреніи арендаторовъ передать кому-либо свое право, хотѣлъ было составить акціонерное русское общество или товарищество для того, чтобъ перенять у иностранцевъ родную рѣку; но Французы потребовали 5 милл. франковъ, и дѣло не состоялось...

Мы, конечно, не богаты капиталами, но не настолько ужъ бѣдны, чтобъ не нашлось съемщиковъ хоть для нѣкоторыхъ, особенно важныхъ статей общественнаго и государственнаго хозяйства. Еслибы даже само правительство пришло на помощь русскимъ предпринимателямъ, такъ этотъ расходъ не могъ бы, кажется, быть отнесенъ къ разряду непроизводительныхъ. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобъ ни одна изъ статей не сдавалась иностранцамъ безъ предварительнаго оглашенія въ самой Россіи и безъ предварительныхъ попытокъ найти арендаторовъ изъ самой русской среды...

Но неужели двѣ русскія желѣзнодорожныя линіи такъ и уплыли безвозвратно изъ нашихъ рукъ?

О воззваніи къ иностраннымъ художникамъ для сооруженія памятника Александру II.

«Русь», 22-го августа 1881 г.

Въ соотвѣтствіе съ теоріею о космополитизмѣ капитала, о привлеченіи иностранныхъ денежныхъ силъ въ Россію, даже во образѣ *личныхъ* силъ или иностранныхъ хозяевъ и эксплуататоровъ,—въ pendant ко всему этому можно замѣтить подчасъ и не исчезнувшіе еще слѣды такой же теоріи о космополитизмѣ *искусства*, художественнаго вдохновенія или творчества, о привлеченіи иностранныхъ художниковъ. Комитетъ по сооруженію въ Кремлѣ памятника Русскому Государю, тому, который, послѣ событія 1 марта, почтенъ отъ народа названіемъ Царя-мученика, поразилъ все русское общество истинно-страннымъ своимъ обращеніемъ къ иноземнымъ художникамъ: онъ приглашаетъ ихъ принять, совмѣстно съ Русскими, участіе въ составленіи проектовъ и въ представленіи ихъ на конкурсъ... Этого еще не доставало! Неужели выразителей *русскаго народнаго* чувства приходится намъ искать между иностранцами и не найдется ихъ въ самой Русской землѣ? Почетно же было бы для Москвы, для Россіи, ставить памятникъ среди Кремлевской святыни, отъ имени Русскаго народа, Русскому Царю—сооруженный не русскою мыслью, не русскимъ художественнымъ вдохновеніемъ, не русскимъ искусствомъ, а мыслью и

вдохновеніемъ чужеземцевъ! Еслибъ еще у насъ вовсе не было своихъ живописцевъ и ваятелей, такъ такое поползновеніе обращаться къ иностранцамъ было бы еще понятно, но благодареніе Богу—наши живописцы и ваятели пріобрѣли себѣ славу во всемъ просвѣщенномъ мірѣ и могутъ смѣло состязаться съ европейскими. Во всякомъ случаѣ именно *такой* памятникъ, какъ тотъ, который предполагается воздвигнуть достойному вѣчной благодарной памяти Русскаго народа, осѣненному ореоломъ мученической кончины, Государю Александру II.—исключаетъ всякую мысль объ участіи въ его сооруженіи кого-либо, кромѣ насъ же самихъ, Русскихъ, связанныхъ съ своимъ почившимъ царемъ узами подданничества и любви... А между тѣмъ, комитетъ въ своемъ объявленіи какъ-то особенно напираетъ на участіе иностранцевъ, вмѣняя себѣ, вѣроятно, такое свое измышленіе въ особенную заслугу!...

О дѣлѣ Токарева.

«Русь», 19-го декабря 1881 г.

26-го минувшаго ноября въ V Департаментѣ Правительствующаго Сената происходило публичное засѣданіе по дѣлу о бывшемъ минскомъ губернаторѣ, тайномъ совѣтникѣ Токаревѣ, членѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантѣ Лошкаревѣ, бывшемъ управляющемъ государственными имуществами Минской губерніи, Севастьяновѣ, и минскомъ исправникѣ, полковникѣ Капгерѣ, «обвиняемыхъ въ превышеніи и бездѣйствіи власти». Резолюція Сената еще не объявлена. Сенатское судопроизводство не представляетъ той живой драмы, какая происходитъ въ уголовныхъ процессахъ нашихъ судовъ послѣ реформы 1864 г.; здѣсь, т. е. въ Сенатѣ, нѣтъ ни состязанія между обвинительною властью и защитой, ни всей той сценической обстановки, которая такъ потрясаетъ сердца слушателей и зрителей при новомъ судопроизводствѣ. Изъ обвиняемыхъ только одинъ г. Токаревъ пригласилъ защитника, который произнесъ довольно безцвѣтную рѣчь. Дѣло «докладывалъ» оберъ-секретарь Энденъ, и этотъ-то обшир-

ный докладъ былъ воспроизведенъ въ цѣломъ рядѣ №№ нѣкоторыхъ нашихъ ежедневныхъ газетъ.

Но если внѣшняя сторона процесса лишена всякаго эффекта; если самый докладъ, дѣловой, сухой, безстрастный, можетъ показаться скучнымъ иному читателю, избалованному краснорѣчіемъ современныхъ нашихъ прокуроровъ, всегда преисполненныхъ, ex professo и чести званія ради, страстнаго обвинительнаго вожделѣнія; если самое опредѣленіе вины: «превышеніе и бездѣйствіе власти», ничего не говоритъ уму и сердцу читателя, ничего не живописуетъ; то тѣмъ эффектнѣе выступаетъ наружу внутреннее содержаніе доклада, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе на душу, тѣмъ рельефнѣе и выпуклѣе, въ этомъ канцелярски-безличномъ, спокойномъ изложеніи, выступаетъ обличеніе нашего административнаго строя. Нельзя не радоваться всѣмъ сердцемъ, читая постановленіе Комитета министровъ, который, узнавъ объ обстоятельствахъ дѣла, случайно раскрытыхъ V Департаментомъ Сената (при разсмотрѣніи одного побочнаго судопроизводства, имѣвшаго съ первымъ косвенную связь), ходатайствовалъ о преданіи суду вышеименованныхъ лицъ; нельзя не благословлять и память покойнаго Государя, уважившаго это ходатайство. «Строгое и законное отношеніе правительства къ подобнымъ дѣйствіямъ своихъ органовъ— такъ выразился Комитетъ — составляетъ прямую его обязаность и можетъ служить однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ къ возвышенію необходимаго довѣрія къ правительству». «Разумѣется» — собственноручно написалъ противъ этихъ словъ въ комитетскомъ журналѣ, подчеркнувъ ихъ, покойный Государь, утверждая положеніе Комитета 8 декабря 1878 г.

Въ сущности же, — и это едвали имѣли въ виду члены Комитета министровъ, — отдавалась подъ судъ, вмѣстѣ съ лицами, самая система управленія, самый административный, не только строй, но и *бытъ*. Въ чемъ же дѣло?

Былъ совершенъ, даже не мѣстными только властями, но представителями *высшей* государственной власти, именемъ *верховнаго правительства*, денной грабежъ и разбой въ буквальномъ смыслѣ слова. Какъ это ни ужасно, но гораздо ужаснѣе и замѣчательнѣе именно то, что такое дѣяніе вовсе не

носитъ на себѣ характера исключительности, вовсе не представляется чѣмъ-то необычайнымъ, какимъ-либо вопіющимъ противорѣчіемъ съ нашими административными нравами. Будь тайный совѣтникъ Токаревъ и генералъ Лошкаревъ изверги, злодѣи, выродки человѣчества, — все это дѣло представлялось бы только возмутительною *случайностью*, которую обобщать было бы, конечно, несправедливо; но ужасъ именно въ томъ, что по всему судя они — люди совсѣмъ *обыкновенные*, каковыхъ тысячи, общаго прежняго, чиновничьяго и генеральскаго пошиба, можетъ-быть даже въ своемъ родѣ «добрые малые». Мы не знаемъ ихъ лично, но изъ ихъ объясненій на докладѣ такъ и чувствуется, что они даже какъ бы нѣсколько изумлены такимъ крутымъ отношеніемъ къ служебнымъ поступкамъ, которые, въ ихъ понятіяхъ и глазахъ, можно признавать развѣ лишь грустной ошибкой, прискорбнымъ недоразумѣніемъ, а ужъ никакъ не преступленіемъ уголовнымъ: и не такія-де дѣла сходили другимъ съ рукъ преблагополучно! И дѣйствительно: если бы этотъ процессъ происходилъ въ формѣ новаго судопроизводства, то адвокатъ могъ бы съ нѣкоторымъ правомъ развить въ своей защитительной рѣчи такую тему, что упомянутые подсудимые виноваты не лично, т. е. не индивидуальною, а виною—общею цѣлому ряду служебныхъ поколѣній, вскормленною вѣковымъ административнымъ преданіемъ, вошедшею въ кровь и плоть, и потому уже не тревожащею и совѣсть... Но разскажемъ вкратцѣ обстоятельства дѣла на основаніи сенатскаго доклада.

Минской губерніи, въ Пинскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Логишинѣ жили себѣ мѣщане еще съ давнихъ временъ, спокойно владѣя своею землею, которая, по разсмотрѣніи древнихъ актовъ, т. е. дарованныхъ имъ польскими королями привилегій, была укрѣплена за ними, какъ за мѣщанами, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, изложеннымъ въ указѣ Сената 10 апр. 1828 года. Такъ пережили они и памятную для Минской губерніи эпоху польскаго мятежа, и даже первое время существованія люстраціонной коммиссіи, образованной въ 1865 году съ цѣлью провѣрки правъ поземельной крестьянской собственности и отобранія въ казну захваченныхъ разными владѣль-

цами государственныхъ земель. Извѣстно также, что въ видахъ предупрежденія той кровавой смуты, къ которой дало поводъ безумство многихъ помѣщиковъ польской національности, и ради тѣснѣйшаго соединенія этого древле-русскаго края съ остальною Россіей, признано было полезнымъ: усилить русское въ немъ землевладѣніе, для чего, между прочимъ, и передавать на льготныхъ условіяхъ свободные казенные земельные участки лицамъ русскаго происхожденія, преимущественно же русскимъ чиновникамъ въ награду за усердную службу. Мѣра въ политическомъ отношеніи дѣйствительно полезная; значеніе землевладѣнія въ борьбѣ національностей доказывается примѣромъ хоть бы Познани, ставшей едвали не самою благонадежною прусскою провинціей, благодаря переходу почти половины территоріи въ собственность коренныхъ Прусаковъ. Тѣмъ скорѣе, казалось, можно было бы ожидать успѣха отъ подобной мѣры у насъ, гдѣ между великорусскимъ землевладѣльцемъ и бѣлорусскимъ населеніемъ нѣтъ и не можетъ быть того племеннаго антагонизма, какой существуетъ въ Познани между Нѣмцемъ и Полякомъ. Однакоже эта территоріальная политика не принесла у насъ и сотой доли тѣхъ результатовъ, какими увѣнчалась она въ Пруссіи. Если прусское правительство и оказывало поддержку прусскому землевладѣнію, то въ видѣ временной ссуды для покупки польскихъ помѣстій, а ужъ конечно не на такихъ льготныхъ условіяхъ какъ у насъ, гдѣ участки земли доставались почти даромъ, а «даровому коню»—по выраженію Токарева, когда генералъ Потаповъ предложилъ ему земли логишинскихъ мѣщанъ,—«въ зубы не смотрятъ»! Тамъ, гдѣ Нѣмецъ прилагалъ къ землѣ трудъ, заводилъ раціональное хозяйство, вносилъ въ край, вмѣстѣ съ землевладѣніемъ, высшую культуру,—русскій помѣщикъ-чиновникъ, удостоившійся казенной благодати, смотрѣлъ на землю, какъ на даровую доходную статью, не налагавшую на него никакихъ обязанностей. Къ тому же Нѣмецъ, не только состоящій, но и несостоящій на государственной службѣ, всегда сознаетъ себя носителемъ національной государственной идеи, всегда *служитъ* своему отечеству, всегда одушевленъ патріотическимъ чувствомъ и радѣетъ не о своихъ личныхъ только, но и объ интересахъ

своей прусской или германской національности. Прибавимъ кстати, предупреждая готовое обычное возраженіе, что онъ радѣлъ о нихъ никакъ не въ меньшей степени и до введенія конституціи... Русскій же чиновникъ... Но кому же не вѣдомо, что̀ такое русскій *чиновникъ* въ томъ типическомъ образѣ, который выработало прошлое время,—что̀ значитъ у насъ выраженіе: «чиновникъ въ душѣ!» Это—человѣкъ, у котораго ни убѣжденія, ни совѣсть не принимаютъ самостоятельнаго участія въ исполненіи служебныхъ обязанностей, отношеніе къ дѣлу почти всегда чисто формальное и внѣшнее, оживляемое если не корыстью, то усердіемъ къ «начальству»,—а жизнь и люди, надъ чѣмъ упражняется его служба,—только безразличный, страдательный матеріалъ. Это человѣкъ *казенный* и орудіе *казенщины*. Сама же казенщина,—это понятіе, противополагаемое понятію *жизни* и всякой органической самодѣятельности,—есть продуктъ уже XVIII вѣка, чистѣйшій продуктъ того абстракта, той отрѣшенности отъ народной жизни, которая, съ реформою Петра, воцарилась въ С.-Петербургѣ, облеклась въ неограниченную власть и стала зиждущею, руководящею и всенаправляющею силою въ нашемъ государствѣ. Эта деспотическая отвлеченность, эта петербургская казенщина и могла породить только казенныхъ людей. У насъ теперь въ большомъ ходу слово «бюрократія»; въ ней усматриваютъ главную причину всѣхъ недостатковъ нашей администраціи. Но если подъ этимъ словомъ разумѣть преобладаніе въ администраціи письменнаго, условнаго, формалистическаго, а не живаго непосредственнаго отношенія къ жизни, то бюрократовъ не мало и между Нѣмцами, а про Францію и говорить нечего: это отечество административнаго бюрократизма. Его излишекъ, безъ сомнѣнія, является зломъ и тамъ, какъ и повсюду, но все же онъ не искажаетъ самый основной принципъ правительственной дѣятельности, не упраздняетъ національнаго самосознанія. У насъ же бюрократизмъ явился логическимъ послѣдствіемъ духовнаго отчужденія власти и всѣхъ «команду имѣющихъ» отъ жизни нашего отечества вообще, а Русскаго народа въ частности; можно сказать, что онъ сталъ по преимуществу орудіемъ антинаціональной стихіи въ сферѣ русскаго казеннаго управленія. Если прусскій чиновникъ,

хотя и бюрократъ, проникнутъ сознаніемъ государственной задачи и національныхъ интересовъ своей страны, то нашъ чиновникъ, въ качествѣ казеннаго человѣка, или же вовсе чуждъ такого сознанія и къ задачамъ русскаго государства совсѣмъ равнодушенъ, или же (что часто бываетъ), отражая въ себѣ безнародность высшихъ казенныхъ сферъ, не разумѣя прямыхъ интересовъ своего народа и государства, дѣйствуетъ имъ рѣзко наперекоръ, какъ бы отъявленный врагъ. (О новѣйшемъ чиновникѣ-либералѣ поговоримъ когда-нибудь послѣ.)

Въ эпоху, къ которой относится дѣло о гг. Токаревѣ и К°,—дѣятельность чиновниковъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ отличалась особенно отрицательнымъ отношеніемъ къ интересамъ русской національности. Отчасти по собственному убѣжденію, отчасти слѣдуя направленію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ и нѣкоторыхъ сановниковъ, имѣвшихъ въ то время наибольшее вліяніе на ходъ внутренней администраціи,—генералъ-губернаторъ Потаповъ исполнилъ съ своей стороны все, что отъ него зависѣло, къ поддержанію ослабѣвшей было въ краѣ польской стихіи и къ ослабленію мѣстной русской, народной. Онъ разогналъ всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ русскихъ людей, принесшихъ на государственную службу въ Бѣлоруссіи не одно чиновное усердіе, но и искреннее стремленіе послужить дѣлу русской народности. Само собою разумѣется, онъ подобралъ себѣ и слугъ вполнѣ къ нему подходящихъ. Къ разряду ихъ принадлежалъ и г. Токаревъ, бывшій сначала при немъ вице-губернаторомъ, а потомъ пересаженный имъ въ Минскъ въ званіи губернатора. Тѣмъ не менѣе задача «русскаго землевладѣнія» повидимому не была оставлена, но практиковалась уже не столько какъ мѣра политическая, въ видахъ уменьшенія территоріальной силы польской національности, сколько какъ способъ дешеваго поощренія «благонадежнымъ» чиновникамъ, и не столько на счетъ польскихъ помѣщиковъ, сколько на счетъ, слѣдовательно во вредъ, мѣстнаго русскаго населенія, т. е. изъ земель, отобранныхъ у мѣстныхъ русскихъ крестьянъ въ казну.

До 1870 г. логишинскіе мѣщане жили и владѣли спокойно, но въ этомъ году, уже при губернаторѣ Токаревѣ,

все измѣнилось. Начальникъ люстраціонной коммиссіи, къ сожалѣнію недопрошенный за смертью, Леммергардъ, начинаетъ настаивать на отобраніи мѣщанской земли въ казну и передачѣ мѣщанъ въ вѣдѣніе управленія государственныхъ имуществъ, на основаніи какихъ-то странныхъ соображеній о недѣйствительности привилегій данныхъ польскими королями, и даже не справясь о томъ, нѣтъ ли какихъ иныхъ документовъ. Управляющій государственными имуществами, г. Севастьяновъ, подтверждаетъ съ своей стороны правильность подобнаго настоянія, также безъ всякой справки съ документами и вопреки протесту самихъ логишинскихъ мѣщанъ. Поводъ къ такому странному усердію обогатить казну чужою собственностью такъ и остался юридически не раскрытымъ, хотя показанія нѣкоторыхъ чиновниковъ, сослуживцевъ Севастьянова, и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ. Изъ отбираемыхъ люстраціей земель составлялись участки, предназначаемые для раздачи на льготныхъ условіяхъ, а по словамъ упомянутыхъ чиновниковъ, г. Севастьянову и всѣмъ было извѣстно желаніе Токарева пріобрѣсть новый проектируемый логишинскій участокъ. Какъ бы то ни было, только люстраціонныя работы повелись съ необыкновенною быстротою; но и мѣщане не дремали. По словамъ сенатскаго доклада, мѣщане во время производства этихъ работъ, «подали цѣлый рядъ прошеній, жалобъ, донесеній и объясненій и люстраціонной коммиссіи и начальнику ея, и въ минское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и минскому губернатору, т. е. г. Токареву, и даже въ Министерство государственныхъ имуществъ. Во всѣхъ этихъ бумагахъ мѣщане *ссылались* на высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, изложенное въ указѣ Сената 10 апрѣля 1828 г., но странное дѣло — *никто и нигдѣ даже не подумалъ съ нимъ справиться*! Вездѣ получили они отказъ, и даже въ *Министерствѣ государственныхъ имуществъ*, которое по одной изъ жалобъ входило даже въ сношеніе съ *Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ*. Это послѣднее, разсмотрѣвъ жалобу въ «Земскомъ Отдѣлѣ», выразило согласіе съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ и даже само объявило просителямъ, что признаетъ постановленіе минскаго губернскаго присутствія правильнымъ! Какъ видятъ чита-

тели, въ учинившейся вопіющей неправдѣ приняли участіе *цѣлыхъ два министерства:* изъ дѣла однакожъ не видно, чтобы министры подвергли потомъ своихъ чиновниковъ какому-либо взысканію за подобное неряшливое, поверхностное, формальное отношеніе къ предмету такой важности, какъ лишеніе русскаго населенія (и гдѣ же? въ Западномъ краѣ!) его старинной земельной собственности! Само собою разумѣется, что если тутъ, со стороны министерскихъ чиновниковъ, и не было личныхъ пріятельскихъ услугъ *своимъ людямъ*, т. е. чиновникамъ своего вѣдомства, орудовавшимъ въ Минскѣ, то все же сказался обычай полагаться безъ критики на мѣстныя рѣшенія, подписанныя высшими мѣстными властями, а на жалобы смотрѣть какъ на бумаги, требующія не удовлетворенія по существу, но лишь формальной очистки. Но тогда не нужно бы и принимать жалобъ....

Между тѣмъ дома, въ Минской губерніи, дѣло обдѣлывалось шибко. 12 мая того же 1870 года г. Леммергардтъ проситъ формально минскаго губернатора объ оказаніи содѣйствія межевымъ чинамъ для отмежеванія, на основаніи люстраціи, логишинскихъ земель въ казну, а 9 сентября генералъ-губернаторъ Потаповъ, ни съ того ни съ сего, уже пишетъ г. Токареву, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, изъ логишинской отбираемой въ казну земли долженъ образоваться продажный казенный участокъ до 2,000 десятинъ объемомъ, и онъ, Потаповъ, проситъ сообщить ему подробныя свѣдѣнія по сему предмету. Откуда произошла такая заботливость Потапова именно о Логишинѣ, а не о мѣстечкахъ Городнѣ, Нобелѣ и другихъ, гдѣ также происходила люстрація, неизвѣстно: мы съ своей стороны объясняемъ это тѣмъ, что г. Токареву въ Вильнѣ *радѣли благопріятели.* 25 ноября Токаревъ получаетъ *формальное* увѣдомленіе отъ мѣстной люстраціонной коммиссіи, что участокъ имѣетъ быть образованъ въ 2,600 десятинъ слишкомъ и оцѣненъ въ *8,200 р.* (!), а уже 24-го, *днемъ раньше*, представилъ о томъ генералу Потапову. Но еще ранѣе этого самъ генералъ Потаповъ спросилъ Токарева по телеграфу: не желаетъ ли онъ получить логишинскій участокъ на извѣстномъ льготномъ основаніи? — любезность безпримѣрная, особенно если допустить объясненіе Токарева, что онъ ни о какомъ

участкѣ не помышлялъ и только принялъ участокъ какъ неожиданную, непрошенную начальническую милость! Тѣмъ не менѣе, по полученіи отъ Токарева утвердительнаго отвѣта, а равно и всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, генералъ Потаповъ отъ 10 декабря того же 1870 года сообщилъ министру государственныхъ имуществъ о томъ, что Токаревъ *обратился къ нему съ ходатайствомъ* о предоставленіи ему въ собственность логишинскаго участка; почему генералъ и просилъ исходатайствовать на сей предметъ высочайшее соизволеніе... А между тѣмъ—и это не можетъ не показаться страннымъ—люстраціонный актъ на участокъ *даже еще и составленъ не былъ!* окончательно же утвержденъ этотъ актъ министромъ государственныхъ имуществъ лишь черезъ годъ, въ ноябрѣ 1871 г., и какой же актъ? Актъ, въ силу котораго логишинскимъ мѣщанамъ оставлена *только усадебная земля и выгонъ*, тогда какъ остальныя принадлежащія имъ 2.600 десятинъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ властей уже впередъ предназначены мѣстному губернатору!.. «Вотъ вамъ и русское правительство»—безъ сомнѣнія шептали мѣщанамъ тамошніе Поляки, благословляя въ душѣ дѣйствовавшаго имъ на руку полонофильскаго генералъ-губернатора съ его клевретами! Развѣ это не денной грабежъ? Но это лишь цвѣтили.

Только въ началѣ 1874 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о предоставленіи Токареву, въ видѣ награды за службу, логишинскаго участка Минской губ. за 14 т. р., т. е. по 5 р. съ небольшимъ за десятину. Въ мартѣ того же года начальникъ губерніи былъ введенъ во владѣніе этой мѣщанской землею, причемъ чиновничье угодничество проявилось въ томъ, что повѣреннымъ его превосходительства, при вводѣ, былъ одинъ изъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, тотъ самый, что̀ докладывалъ логишинское дѣло въ присутствіи, слѣдовательно вполнѣ вѣдалъ его исторію; равномѣрно и въ томъ, что повѣреннымъ по управленію Токаревскимъ новымъ имѣніемъ и по всѣмъ взысканіямъ Токарева съ мѣщанъ явился пинскій уѣздный предводитель дворянства, баронъ Витте. Начальникъ губерніи, находя вѣроятно, что онъ заплатилъ за землю слишкомъ дорого, поручилъ сему барону потребовать у мѣщанъ чего онъ не жалъ и не сѣялъ, т. е. *третьяка* по мѣстному выраже-

нію или $^1/_3$ урожая озимаго хлѣба, засѣяннаго еще въ 1873 году. Мѣщане отказали, заявивъ, что всѣ проданныя Токареву земли—ихъ собственность; дѣло пошло къ мировому судьѣ, и, несмотря на то, что рѣшеніе его было мѣщанами обжаловано мировому съѣзду, судья выдалъ исполнительный листъ. Мѣщане не послушались и исполнительнаго листа, оказали сопротивленіе (13 октября 1874 г.) и вызванной мѣстною полиціей пинской уѣздной командѣ, несмотря на ея безвредные выстрѣлы и удары прикладами. Бунтъ! бунтъ! Черезъ день послѣ этого происшествія начальникъ губерніи уже доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости сослать административнымъ способомъ—главныхъ пятеро подстрекателей къ безпорядкамъ (въ томъ числѣ одного Петруковича, находившагося въ Петербургѣ *повѣреннымъ* отъ мѣщанъ по ихъ дѣлу о самой этой землѣ) и командировать кого-либо на мѣсто для возстановленія *законности*, такъ какъ ему, губернатору, лично-де заинтересованному въ дѣлѣ, это и не совсѣмъ удобно. Министръ внялъ ходатайству. Тотчасъ же, обязательно, разослалъ онъ указанныхъ ему пятерыхъ мѣщанъ (въ томъ числѣ и повѣреннаго) по разнымъ концамъ Россіи. Интересно, что въ то самое время, какъ часть подстрекателей, безъ всякаго суда и слѣдствія, подвергалась административной высылкѣ,—другую заключали подъ стражу и предавали, напротивъ, уголовному суду! Осужденіе послѣднихъ представлялось столь несомнѣннымъ, что о нихъ «лично заинтересованные» и позабыли, о ходѣ такого пустаго дѣла и не заботились; а между тѣмъ именно это пустое, побочное дѣло, пройдя всѣ инстанціи, дошло въ слѣдующемъ году до V Департамента Сената и подало ему, какъ мы объяснили выше, поводъ обратить вниманіе I Департамента, а черезъ I Департаментъ и Комитета министровъ, на странность образа дѣйствій начальника губерніи.

Спѣшно командированный въ томъ же октябрѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ на помощь къ Токареву для «водворенія законности», членъ совѣта министра, генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ возмнилъ, кажется, что вся его миссія заключается въ оказаніи любезности, дружеской услуги начальнику губерніи и въ поддержаніи «престижа» его власти. По совѣщаніи съ Токаревымъ, онъ мигомъ, какъ военный чело-

вѣкъ, сообразилъ планъ кампаніи и порѣшилъ исполнить ее быстро, энергически, разомъ. Вытребовалъ себѣ батальонъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, снабдился минскимъ исправникомъ Капгеромъ, отрекомендованнымъ ему губернаторомъ въ качествѣ «энергическаго дѣятеля», и въ сопровожденіи губернаторскаго чиновника особыхъ порученій, пинскаго уѣзднаго предводителя дворянства (онъ же и повѣренный губернатора) Витте и прочихъ мѣстныхъ чиновъ,—подошелъ съ своею грозною силою къ несчастному мѣстечку. Отряженный впередъ для переговоровъ съ мѣщанами, Капгеръ возвѣстилъ имъ, что идетъ генералъ съ войскомъ, и дано генералу право: ихъ, какъ бунтовщиковъ, закопать живыми, засѣчь, разстрѣлять, а потому имъ ничего не остается, какъ покориться. Перепуганные мѣщане смирились и выслали къ грозному генералу депутатовъ съ хлѣбомъ-солью. Его превосходительство, очевидно опытный въ произведеніи эффекта, принялъ хлѣбъ-соль отъ Евреевъ, но отъ мѣщанъ не принялъ, такъ какъ они-де не платятъ «помѣщику» Токареву третьяка, а онъ-де за этимъ третьякомъ и прибылъ. Затѣмъ, водворясь въ мѣстечкѣ и оцѣпивъ его кругомъ казаками, чтобы жители не разбѣжались, генералъ Лошкаревъ объявилъ, что по оцѣнкѣ, произведенной становымъ приставомъ, слѣдуетъ взыскать за треть урожая хлѣба (посѣяннаго еще прежде покупки Токаревымъ земли!) и отчасти за сѣно *12 тысячъ рублей*, но по великодушію помѣщика и съ его согласія, генералъ сбавляетъ взысканіе до 5.000. Казалось бы, не трудно и призадуматься: точно ли законно притязаніе получить только за третьякъ озимаго и за сѣно, послѣ пяти мѣсяцевъ дѣйствительнаго владѣнія, 12 т. р., т. е. сумму почти равную заплаченной Токаревымъ за самое имѣніе (14 т. р.)? Да не только 12 т., но получить даже и 5.000 р., до которыхъ понизилась сердобольная взыскательность помѣщика и что̀ составляло 35% дохода съ цѣны имѣнія,—казалось бы немножко и много,—но разсуждать о подобныхъ несообразностяхъ было бы неделикатно, а деликатность, деликатность выше всего! Деликатный генералъ повелѣлъ мѣщанамъ (и притомъ «деликатно», какъ показалъ при слѣдствіи губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій), чтобъ 5,000 были взнесены во что̀ бы ни стало въ теченіи

двухъ дней, а за исполненіемъ повелѣнія поручилъ наблюсти надежному исправнику Капгеру, уполномочивъ его принять для успѣха всѣ нужныя мѣры; самъ же величаво пребылъ на становой квартирѣ, ожидая результата.

Капгеръ принадлежалъ къ разряду тѣхъ «молодцовъ», тѣхъ спеціалистовъ по части энергическаго усмиренія, которыхъ типъ, начиная съ Держиморды, вполнѣ извѣстенъ. Даже изъ сокращенныхъ въ докладѣ данныхъ видно, съ какимъ вкусомъ принялся онъ за исполненіе начальническаго приказа, за оправданіе губернаторской аттестаціи и генеральскаго довѣрія. Онъ предусмотрительно доставилъ еще заранѣе въ Логишино цѣлые возы розогъ, учредилъ въ одной избѣ коммиссію для полученія взносимыхъ денегъ и пріискалъ баню — для «порки»! Ночью же, вслѣдъ за пріѣздомъ Лошкарева, произведена была между мѣщанами раскладка всѣхъ 5000 рублей; на каждаго приходилось 25 р., которые каждый и обязанъ былъ непремѣнно лично взнести. Гдѣ взять денегъ? мѣстечко оцѣплено, выдти некуда; оставалось обратиться къ Евреямъ и брать займы — и изъ какихъ же процентовъ! отъ 60 до 180% годовыхъ! — или же продавать имъ скотъ почти задаромъ... И все это вспѣхъ, еще въ виду наступавшаго черезъ день жидовскаго шабаша, когда уже и Евреямъ продать ничего нельзя. По единогласному показанію всѣхъ свидѣтелей, мѣщане не только не сопротивлялись, но даже не провинились ни однимъ грубымъ словомъ. Тѣмъ не менѣе Капгеръ, чувствовавшій потребность проявить энергію, неистовствовалъ даже и въ коммиссіи по сбору денегъ, ругательствами и пинками встрѣчая и провожая плательщиковъ. Если же кто объявлялъ, что денегъ у него нѣтъ,—«въ баню»! раздавалась команда Капгера, несчастнаго уводили для сѣченія, а становой приставъ и казаки отправлялись къ неплательщику на домъ и распродавали сами его имущество. «Посмотрите, какъ я дѣйствую,—не такъ ваши *пинскія бабы*», заявилъ Капгеръ, *минскій* исправникъ, встрѣтившемуся ему судебному приставу, ласково увлекая его взглянуть на порку... Къ несчастію для Капгера, таковыхъ неплатильщековъ было немного. Всего человѣкъ шесть-семь или около того удалось ему подвергнуть истязанію и изъ нихъ—трехъ *отставныхъ солдатъ*!

«Никогда и на царской службѣ не подвергался я такому наказанію», воскликнулъ одинъ такой воинъ, высѣченный *съ двухъ сторонъ*—въ награду за долгую службу Царю и Отечеству! За такой дерзкій возгласъ онъ былъ высѣченъ въ третій разъ. Недобранное съ бѣдныхъ донимали на болѣе зажиточныхъ. Даже и нищаго нѣмаго не пощадили, но—умилительная черта!—какъ ни мучительно пришлось всѣмъ мѣщанамъ, но нѣмой нищій собралъ тутъ же съ міра, Христа ради, 10 рублей и отнесъ ихъ къ Капгеру для уплаты мнимаго долга — помѣщику-губернатору... Долго хворали высѣченные; многіе изъ мѣщанъ совсѣмъ почти разорились.

И такой-то наѣздъ, съ которымъ могутъ сравниться только наѣзды баскаковъ, совершился не далѣе какъ семь лѣтъ тому назадъ,—и добро бы въ самомъ дѣлѣ татарскими баскаками, нѣтъ—членомъ совѣта одного изъ наиболѣе образованныхъ министровъ, заслуженнымъ генераломъ, при содѣйствіи и по настоянію тайнаго совѣтника Токарева, однимъ словомъ людьми, принадлежащими къ непослѣднему разряду русскаго общества, получившими образованіе, вѣроятно отлично трактующими объ европейской цивилизаціи, о гуманности и прогрессѣ, вѣроятно любезными, пріятными и несомнѣнно «деликатными» собесѣдниками!..

Тріумфаторомъ, вполнѣ довольнымъ самимъ собою, возвратился генералъ Лошкаревъ въ Минскъ и вручилъ губернатору плодъ своего вымогательства, 5.474 рубля. Самодовольствомъ дышетъ его рапортъ министру, но вѣрный традиціямъ—обращать каждую командировку въ поводъ къ отличіямъ,—онъ съ широкою галантерейностью одолжилъ и всѣхъ: и губернатора, и его подчиненныхъ. О г. Токаревѣ выразился, что онъ «*благородно и тонко* разграничилъ свое положеніе губернатора и помѣщика» и оказалъ «крайнюю снисходительность», ограничивъ свою претензію только вышеупомянутою суммой; похвалилъ затѣмъ «стройный порядокъ всего минскаго губернскаго управленія», но въ особенности превознесъ похвалами Капгера и просилъ для него награды «*внѣ правилъ*». Простеръ напослѣдокъ свою любезность до того, что въ концѣ рапорта прибавилъ: «чиновникъ особыхъ порученій губернатора Жадринскій заслуживаетъ награды *предъ всѣми*»; а самъ этотъ Жадринскій показы-

ваетъ на слѣдствіи, что онъ ни во что̀ не входилъ и ни чѣмъ не распоряжался, такъ какъ «въ качествѣ гражданскаго чиновника заботился только о генеральскомъ спокойномъ проѣздѣ и тому подобныхъ распоряженіяхъ». О сѣченіи же и способѣ взысканія генералъ въ донесеніи умолчалъ, представляя уплату денегъ почти добровольною,—результатомъ появленія войскъ и внушеній Капгера.

Все это, самый этотъ рапортъ, всѣ эти аттестаціи, эти взаимныя услуги высокопоставленныхъ чиновниковъ, все это въ высшей степени типично, даже самое то, что донесеніе написано недубоватымъ, какъ во времена о̀ны, а современнымъ, чуть не литературнымъ слогомъ просвѣщенныхъ чиновниковъ нашихъ дней. Министръ уважилъ ходатайство. Капгеръ, «за особую распорядительность при приведеніи логишинскихъ мѣщанъ къ повиновенію», награжденъ орденомъ Владиміра 4 степени. Самъ г. Токаревъ въ награду за ревностную службу получилъ въ апрѣлѣ 1876 г. звѣзду Св. Владиміра 2 степени.

Какимъ образомъ получилъ онъ эту высочайшую награду, можно только недоумѣвать, потому что еще *въ 1875 году*, чуть не за полгода до награды, V Департаментъ Сената, разсмотрѣвъ дѣло о сопротивленіи оказанномъ логишинскими мѣщанами Пинской уѣздной командѣ и рѣшивъ его вмѣненіемъ крестьянамъ въ наказаніе ихъ долговременнаго содержанія подъ стражей, передалъ I Департаменту на разсмотрѣніе дѣйствія минскаго губернатора: результатомъ этого сенатскаго постановленія и явилось настоящее дѣло. Въ слѣдующемъ же 1876 г. Минская Палата уголовнаго и гражданскаго суда, разсмотрѣвъ дѣло о землѣ по иску, предъявленному мѣщанами м. Логишина, *признала, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ*, какія уже имѣлись въ виду и минскихъ административныхъ властей и обоихъ министерствъ, *право мѣщанъ на землю несомнѣннымъ*, и постановила: *купчую крѣпость выданную на имя Токарева, уничтожить*. Это рѣшеніе подтверждено вполнѣ и рѣшеніемъ Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

За что̀ же претерпѣли такія тираническія истязанія логишинскіе мѣщане, за что̀ подвергались такому насилію съ боемъ и грабежомъ? За что̀ 25 человѣкъ изъ нихъ мучи-

лись около года въ тюрьмѣ, а 5 человѣкъ бѣдствовали въ ссылкѣ по разнымъ отдаленнымъ угламъ Россіи? За что сѣчены такъ позорно и жестоко мнимые неплательщики? Пусть земля, такъ явно неправо у нихъ отнятая, будетъ имъ возвращена; пусть возвратятъ имъ и деньги, выколоченныя изъ нихъ генераломъ Лошкаревымъ, и третьякъ, уплаченный ими въ натурѣ губернатору Токареву въ 1875 и 76 годахъ... Но кто уплатитъ имъ убытки, понесенные при Лошкаревскомъ вымогательствѣ чрезъ продажу скота за полцѣны, чрезъ уплату жидовскихъ Жидамъ процентовъ, кто воздастъ имъ за побои, сѣченіе, за всѣ обиды и муки? И одни ли логишинскіе мѣщане въ такомъ положеніи? Эти мѣщане оказались только энергичнѣе другихъ, и не будь уголовнаго дѣла о сопротивленіи, можетъ-быть не преданы были бы суду гг. Токаревъ и К°!

Не знаемъ, какая участь постигнетъ виновныхъ по резолюціи V Департамента. Г. Токаревъ въ оправданіе свое утверждаетъ, что земли онъ себѣ не просилъ, а ему ее дало начальство, и что въ правѣ на землю онъ не могъ сомнѣваться, такъ какъ протесты мѣщанъ были отвергнуты всѣми подлежащими мѣстными учрежденіями и *двумя министерствами*. Генералъ Лошкаревъ сваливаетъ вину истязаній на Капгера, увѣряя, что онъ ихъ даже и не подозрѣвалъ, а Капгеръ сваливаетъ, и кажется съ большею основательностью, вину на самого генерала, обязаннаго знать подробности дѣла, для котораго пріѣзжалъ, уполномочившаго его на всякія мѣры и представившаго его къ наградѣ... (Характеристичны и эти награды, — это вѣчное дешевое злоупотребленіе милостями Монарха!)

А вѣдь можетъ-быть и дѣйствительно въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ никто изъ вышеименованныхъ лично очень-то и не виноватъ: развѣ лишь въ нѣкоторомъ «бездѣйствіи» или «нерадѣніи власти».... Кто же виноватый?

Весь нашъ административный строй, режимъ, система— назовите какъ хотите. *Онъ* отданъ подъ судъ. Его и надо казнить... О, какъ хотѣлось бы вообще, чтобы Верховная власть вспомнила свое настоящее призваніе быть г р о з о й на воровъ и злодѣевъ, именно и преимущественно въ ряду своихъ слугъ! Какъ долго недоставало этой грозы и какъ нужна

она, какъ разрѣдила бы, очистила бы нашъ растлѣнный и растлѣвающій воздухъ! Гроза не исключаетъ случаевъ милости — этой великой привилегіи престола, но милость не слабосердечіе... Впрочемъ, не на лица только долженъ обрушиться благодѣтельный гнѣвъ, а пуще всего — на это казенное бездушіе, эту казенную отвлеченность, это низкое человѣкоугодничество, на всю эту подлость и пошлость, — на эту безгласность, эту нѣмоту, эту темь, которыя такъ благопріятны для распложенія гадовъ, такъ гибельны для населенія и которыя въ казенныхъ донесеніяхъ живописуются словами: «все обстоитъ благополучно»... Покаяніе и возрожденіе — вотъ что̀ нужно намъ всѣмъ, сверху и до низу, намъ, изолгавшимся до мозгу костей, — и такого призыва, мощнаго, властнаго, ждетъ не дождется Россія!

О разсказѣ гр. Толстаго: „Чѣмъ люди живы“.

«Русь», 19-го декабря 1881 г.

Какая прелесть — этотъ разсказъ графа Л. Н. Толстаго, помѣщенный въ декабрской книжкѣ «Дѣтскаго Отдыха»: «Чѣмъ люди живы» (болѣе подробный отчетъ о которомъ помѣщенъ ниже, въ Отдѣлѣ критики и библіографіи)! Что̀ за эпическая простота, какой художественный реализмъ при самомъ идеалистическомъ содержаніи! Мы давно, по поводу одной сцены въ романѣ «Война и Миръ» (встрѣча, взаимное прощеніе двухъ смертельно раненыхъ соперниковъ и чувство христіанской любви, внезапно ихъ осѣнившее), тогда еще высказали мнѣніе, что если графъ Толстой и реалистъ, то въ немъ несомнѣнно кроется способность выразить въ строго-реалистической формѣ самыя неуловимыя, тончайшія, самыя возвышенныя, именно христіанскія движенія души, дать имъ, такъ-сказать, художественную, такую же тонкую плоть и воздѣйствовать ими на душу читателя. Много было толковъ о новомъ, якобы мистическомъ направленіи автора, о томъ, что онъ уже погибъ для искусства... Напечатанный разсказъ свидѣтельствуетъ о противномъ. Художникъ-реалистъ не погибъ въ немъ, но только сталъ художникомъ внутрен-

но просвѣтленнымъ, для котораго освятилось искусство, раскрылся цѣлый новый міръ художественнаго творчества и нравственнаго служенія. Говорятъ, что за этимъ разсказомъ послѣдуютъ и еще два разсказа въ томъ же прекрасномъ дѣтскомъ журналѣ. Гр. Толстой можетъ успокоиться: его художественная дѣятельность вполнѣ благотворна, — пусть только онъ самъ не хоронитъ въ себѣ Божьяго дара.

Объ „Императорской“ Академіи Наукъ.

«Русь», 13-го февраля 1882 г.

Помѣщенная ниже, въ этомъ же №, статья нашего извѣстнаго химика, профессора и академика Бутлерова поразитъ безъ сомнѣнія многихъ странностью своего заглавія. Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что это заглавіе поставлено не авторомъ, а нами. Авторъ, прославъ въ редакцію свою рукопись, разоблачающую систематическій образъ дѣйствій Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ по отношенію къ русской наукѣ и русскимъ ученымъ, предоставилъ намъ же озаглавить его трудъ по нашему усмотрѣнію. Во второй половинѣ этого обличительнаго или обвинительнаго акта, которая, по недостатку мѣста, отложена до слѣдующаго №, встрѣтили мы приведенное г. Бутлеровымъ, мимоходомъ, въ русскомъ переводѣ, нижеслѣдующее выраженіе одного изъ академиковъ нерусскаго происхожденія, по поводу упрековъ, дѣлаемыхъ Академіи въ предпочтеніи ею иностранныхъ «мужей науки» русскимъ—равнымъ или даже превышающимъ ихъ заслугами: «да вѣдь Академія»—такъ возразилъ этотъ иностранный членъ *первенствующаго*, по словамъ устава, *въ Россіи* ученаго сословія—«вовсе не *Русская*,—она—*Императорская* Академія!» (die Akademie ist doch keine Russische, sondern eine Kaiserliche Akademie!). Это изрѣченіе показалось намъ до такой степени «счастливымъ,» или, говоря иначе, «конкретнымъ», что мы позволили себѣ самую статью г. Бутлерова озаглавить вопросомъ: «Русская или же только Императорская—Академія наукъ въ С.-Петербургѣ?» Да, это изрѣченіе, точно молнія

внезапно прорѣзавшая темное небо, разомъ освѣщаетъ и поясняетъ все положеніе, всю истую *суть*, сокровенный смыслъ всего дѣла; оно—le fin mot de la chose, какъ молвили бы Французы,—основной, тайный мотивъ бытія, направленія, дѣятельности нашей Академіи. Да и одной ли Академіи только?... Это изрѣченіе—цѣлое откровеніе. Изрѣченіе чудовищное и въ то же время естественное, искреннее, даже простодушное, подсказанное ученому Нѣмцу цѣлою вереницей преданій и явленій петербургскаго періода русской исторіи...

Нужно ли пояснять, что въ сознаніи и представленіи не только русскихъ народныхъ массъ, но и русскаго общества Русскій Царь или Императоръ не раздѣленъ съ представленіемъ о Россіи, какъ о народномъ политическомъ организмѣ? Слова: *Царское*, *Государево*, или *Императорское* тождественны въ народномъ употребленіи съ понятіемъ о *государственномъ* и ставятся часто вмѣсто послѣдняго: говорится, напримѣръ, «царская служба», «государево дѣло», и это не потому только, что слово «государственный» книжное, новѣйшей формаціи, но потому въ особенности, что первыми выраженіями въ понятіе о государствѣ и государственномъ вносится и понятіе о существенномъ признакѣ нашей государственности — единоличной верховной власти. Короче сказать: Русскій Государь—Царь или Императоръ—не мыслимъ *внѣ* Россіи, *внѣ* своего Русскаго народа, въ которомъ источникъ, вина и разумъ всего Его бытія и полновластія. Въ царскомъ бытіи и полновластіи олицетворяетъ себѣ народъ свое собственное государственное бытіе, и въ этомъ олицетвореніи, въ этой нераздѣльности народнаго государственнаго бытія съ лицомъ монарха—сила и крѣпость русской монархической власти, сила и крѣпость русской державы. Такъ оно было, такъ пребываетъ и доднесь. Однакоже нельзя отрицать, что со временъ Петра Великаго и произведеннаго имъ разрыва верхнихъ классовъ съ земщиной или съ народомъ (разрыва не наружнаго только, но и внутренняго, духовнаго), стали слагаться между иностранцами, какъ настоящими, *подлинными*, такъ и нашими доморощенными, нѣсколько иныя воззрѣнія на существо и свойство русскаго императорскаго достоинства. Если мудрость

Русскаго народа (въ его большинствѣ) и не смутилась тѣмъ новымъ названіемъ «Императора», которое принялъ царь, предавшій въ то же время гоненію и русскую народную одежду, и русскій народный обликъ, и нравы, и языкъ, и обычаи, и преданія,—царь, подписывавшій указы своему народу по голландски,—тѣмъ не менѣе самое это новое названіе, заимствованное съ Запада, порождало въ умахъ нашихъ учителей-Европейцевъ цѣлый рядъ историческихъ представленій, отличныхъ отъ исконныхъ народныхъ представленій о русскомъ царѣ. Въ этомъ различіи представленій заключалось и различіе двухъ типовъ государства: полицейскаго, выработавшагося на Западѣ, и земскаго, намѣченнаго, но еще не довершеннаго до-Петровскою Русью и конечно только задержаннаго въ своемъ развитіи, отчасти искаженнаго преобразованіями Петра, но не искорененнаго ни изъ народнаго сознанія, ни изъ жизни. Произошло лишь болѣе или менѣе странное и неплодотворное смѣшеніе типовъ на практикѣ, да непомѣрная путаница понятій—особенно въ новообразуемомъ и просвѣщаемомъ иностранцами обществѣ,—чему, независимо отъ титула (западный смыслъ котораго оставался большинству въ точности неизвѣстенъ), много содѣйствовали, разумѣется, самыя внѣшнія подробности Петровской реформы и та страстная крайность реакціи русской народной старинѣ, которая выразилась въ Петрѣ. Если эта крайность и можетъ быть оправдана и даже извинена съ исторической точки зрѣнія, то все же она, какъ крайность, сама въ себѣ носила свой приговоръ и въ силу внутренней логики осуждалась на краткосрочность,—между тѣмъ у насъ, во многихъ отношеніяхъ, вышло такъ, что куда дохлестнула Петрова страстная крайность, тамъ она и кристаллизовалась, застыла, закаменѣла, осталась въ этомъ видѣ и до сихъ поръ. Первый Императоръ перенесъ центръ управленія Имперіею на самый ея край, въ новоприобрѣтенную, не Русскую, а Финнскую землю, въ новосозданный городъ, который и окрестилъ иностраннымъ же именемъ: можетъ-быть его распоряженіе было сдѣлано только на время, но оно сохранилось и утвердилось, и такимъ образомъ средоточіе императорской власти, т. е. и управленіе и пребываніе Императора, было передвинуто съ исторической народ-

ной русской почвы далеко отъ русской народной жизни, туда, гдѣ русская народная жизнь не чувствуется и не слышится, а только *рапортуется*. Естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ такого новосозданнаго порядка было возникновеніе и широкое развитіе бюрократіи съ полновластною, всесильною надъ Русской землей бюрократическою опричниною. Въ самомъ дѣлѣ, все, что̀ командовало Россіей именемъ «Императорскаго Величества», болѣе или менѣе воспитывалось или непосредственно иностранцами, или въ духѣ ихъ политическихъ воззрѣній, все становилось чуждымъ народу—сначала по внѣшности, по быту, по названію своихъ чиновъ или должностей, по самому языку, исковерканному и испещренному иностранными словами, а вскорѣ затѣмъ и по понятіямъ совсѣмъ чужеземнымъ: память историческихъ преданій отшибло у верхнихъ правящихъ классовъ до такой степени, что жизнь и строй Россіи до переворота обратились для нихъ въ нѣчто совсѣмъ безвѣстное,—въ terra incognita, которую приходилось потомъ ученымъ открывать какъ Америку. Представители, носители, орудія власти съ одной стороны, и народъ съ другой — стали подъ конецъ почти не разумѣть другъ друга... Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что Петръ Великій, несмотря на всѣ свои увлеченія европейскою цивилизаціей, ни на одну минуту не переставалъ быть Русскимъ и въ своемъ сознаніи не отдѣлялъ идеи царя или императора отъ идеи Русской земли и ея народа; но то былъ Петръ: при немъ, разумѣется, не мыслимо было бы, напримѣръ, не только время Бироновщины, но и то позднѣйшее владычество бюрократіи, которое главнымъ образомъ было формуловано въ Россіи при Императорѣ Александрѣ I-мъ. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что Русскій народъ никогда, ни разу самъ, съ своей стороны, не являлся отступникомъ отъ своего историческаго понятія о царской власти: въ великія мгновенія русской исторіи, въ годины опасностей, грозившихъ нашему отечеству, эта неразрывность, это единство русскаго Царя (иначе Императора) съ своимъ народомъ являлось во очію, во всей своей мощи и величіи, къ изумленію заграничныхъ и русскихъ (не только по крови, но и по духу) иноплеменниковъ,—но тѣмъ не менѣе, конечно, бывали и долгіе годы тяжкихъ, мучительныхъ недоразумѣній.

Мы сказали: къ изумленію заграничныхъ и своихъ (не только по крови, но и по духу) иноплеменниковъ. Въ томъ-то именно и дѣло, что, благодаря выше упомянутому нами смѣшенію государственныхъ типовъ и всему строю государственой жизни, водворившемуся въ нашемъ отечествѣ послѣ Петра, въ Европѣ, какъ мы уже объясняли, сложилось особое воззрѣніе на сущность императорской русской власти. Хотя, казалось бы, многія фактическія внушительныя опроверженія исторіи должны бы его давно разсѣять, однакоже оно умышленно, ко вреду Россіи, упорно поддерживалось и поддерживается до сихъ поръ. Оно находило себѣ представителей, даже и у насъ, въ многочисленной средѣ иностранцевъ, занимавшихъ высокіе посты на государственной службѣ. Приверженцами и агентами этого воззрѣнія являлись также и Поляки (напримѣръ, Адамъ Чарторыйскій, завѣдывавшій при Императорѣ Александрѣ I *русскою* внѣшнею политикою!!), и сановники нѣмецкаго происхожденія изъ Прибалтійскаго края, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ «Рижскихъ письмахъ» и «Окраинахъ». По теоріи, на этомъ воззрѣніи основанной, императорская власть въ Россіи представлялась чѣмъ-то вполнѣ безпочвеннымъ, существующимъ *само по себѣ* и *для себя*, вполнѣ отрѣшенно отъ Русской земли и русской народности,—радѣющимъ по преимуществу объ интересахъ Европы, а не Россіи, однакоже помощью средствъ и силъ Русскаго народа: послѣдній при этомъ являлся лишь въ качествѣ матеріала. «Служить не имперіи, а императору», «вѣрноподданничество съ презрѣніемъ къ Русскому народу» стало девизомъ весьма многихъ пришельцевъ, нашихъ собственныхъ мѣстныхъ иноплеменниковъ и даже... не по русски мыслящихъ Русскихъ. Надобно признаться, что исторія русской дипломатической дѣятельности въ XIX вѣкѣ, особенно въ царствованіе Александра I и особенно въ эпоху Вѣнскаго конгресса, можетъ дѣйствительно показаться какъ бы практическимъ подтвержденіемъ такой безобразной теоріи объ аттрибутахъ и призваніи русской верховной власти. Великодушные умиротворители Европы, мы принесли ей въ жертву не мало кровныхъ интересовъ Россіи.... Въ высшей степени поучительно прочесть переписку главнаго помощника князя Меттер-

ниха Генца съ Молдавскимъ господаремъ. Въ ней съ полною откровенностью, цинически, излагается система дѣйствій Австріи (можно сказать и всей Западной Европы) по отношенію къ русскому кабинету. Эта система, по словамъ Генца, въ томъ: «никогда не идти прямо наперекоръ національнымъ идеямъ и вожделѣніямъ, способнымъ возникнуть въ Русскомъ монархѣ, но постоянно льстить ему, какъ Европейцу, какъ единственному носителю европейской цивилизаціи въ своей странѣ, и постепенно отклонять особу Императора отъ воздѣйствія на нее національной русской атмосферы,—отъ людей съ національнымъ образомъ мыслей». (Дѣло шло тогда объ огражденіи Императора Александра I отъ сочувствія къ возставшимъ за свою независимость Грекамъ; извѣстно, что эти австрійскія усилія увѣнчались при немъ полнымъ успѣхомъ.) Впрочемъ, развѣ и теперь не видимъ мы покушенія со стороны иностранныхъ кабинетовъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и смыслѣ? Развѣ и теперь не видимъ мы въ числѣ нашихъ дипломатическихъ и административныхъ чиновъ людей, которые въ понятіяхъ своихъ раздѣляютъ политику императорскую отъ политики національной, и несомнѣнную свою вѣрность монарху думаютъ сочетать съ пренебреженіемъ къ русской народности? Развѣ и въ журналистикѣ нашей не печаталось еще недавно возгласовъ въ пользу Петербурга, какъ историческаго государственнаго принципа, и противъ народнаго направленія въ правительственной политикѣ, внутренней и внѣшней?...

Но возвратимся къ Академіи наукъ и къ возбужденному въ ней вопросу: «Русская ли это или же только Императорская Академія?» Созданіе ея было однимъ изъ послѣднихъ дѣяній Петра. Какъ ни страннымъ кажется такое учрежденіе въ странѣ, гдѣ въ то время не было не только университета, даже ни одной порядочной школы,—но она объясняется предсмертною поспѣшностью Петра водрузить въ своемъ царствѣ знамя науки. Къ тому же при этой Академіи предполагалось, по его мысли, не только «воздѣлываніе наукъ», но и обученіе наукамъ студентовъ. Иностранные ученые приглашались Петромъ въ Россію не для того, разумѣется, чтобъ отъ имени Россіи и на русскій счетъ упражняться въ научныхъ трудахъ, безъ всякаго отношенія къ

Россіи, а для того именно, чтобъ подготовить и образовать русскихъ ученыхъ, для того, чтобъ водворить самостоятельное *русское* служеніе общечеловѣческой наукѣ. Ибо результаты науки и содержаніе ея по существу своему, конечно, составляютъ достояніе всего человѣчества,—но каждый историческій народъ призванъ внести въ эту общую сокровищницу человѣческаго духа *свой* вкладъ, послужить человѣчеству спеціальностью *своихъ* національныхъ дарованій. И въ отвѣтъ на призывъ Петра, какимъ яркимъ пламенемъ вспыхнулъ было огонь на русскомъ, вновь воздвигнутомъ алтарѣ науки въ лицѣ перваго русскаго ученаго—крестьянина Ломоносова! Но увы! Жизнь того же Ломоносова была отравлена мучительнѣйшею непрестанною борьбою за русское достоинство, за право самостоятельнаго русскаго ученаго труда съ пришлыми Нѣмцами, овладѣвшими, послѣ Петра, симъ «насажденіемъ Петровымъ». Они обратили русскую Академію въ сонмище иностранныхъ служителей науки, отстраняя, тѣсня, преслѣдуя русскихъ ученыхъ, именно тѣхъ, отъ которыхъ наука могла бы ожидать новаго, еще не знакомаго ей свѣта,—плодовъ самобытной, во вновь открытой области, дѣятельности духа... «Диво, что и *студентовъ* изъ-за моря не выписываютъ!» воскликнулъ съ горькой ироніей Ломоносовъ, изнемогая въ неравной борьбѣ съ Шумахеромъ, Таубертомъ и К°. И въ самомъ дѣлѣ, то-то было бы процвѣтаніе наукъ въ Россіи: съ Нѣмцами-профессорами и Нѣмцами-студентами на русской почвѣ, содержимыми на счетъ Русскаго народа! То-то была бы на славу Академія—конечно не русская, но, по понятіямъ Нѣмцевъ,—во истину «императорская»!..

Но не то удивительно, что въ XVIII вѣкѣ могла возникнуть и грозить русскому ученому учрежденію подобная опасность,—значительно потомъ и ослабѣвшая въ царствованіе Екатерины II. Удивительно то, что въ наши дни стала вновь возможною эта ломоносовская борьба съ Шумахерами и Таубертами—заграничнаго и домашняго закала (даже русскими по фамиліи и происхожденію!); могутъ раздаваться рѣчи, подобныя той, которая поставлена нами въ заглавіи статьи г. Бутлерова,—вновь приходится считаться съ такою чудовищною политическою ересью!... Г. Бутлеровъ въ

своемъ обвинительномъ актѣ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду недавнее сопротивленіе Академіи принять въ число своихъ членовъ нашего знаменитаго, прославленнаго даже въ Европѣ химика Менделѣева,—вопреки прямымъ §§ устава, гласящимъ, что «при равенствѣ заслугъ предпочтеніе должно быть оказываемо ученымъ *русскимъ* предъ иностранными», и что «Академіи предлежитъ обращать труды свои непосредственно на пользу Россіи». Нашъ почтенный сотрудникъ только вскользь упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ, тоже недавнихъ подвигахъ Академіи, полагая ихъ достаточно извѣстными русской публикѣ,—но они такого рода, что заслуживаютъ непрестаннаго напоминанія, до тѣхъ поръ, пока окончательно не искоренится возможность возобновленія подобныхъ же подвиговъ. Въ самомъ дѣлѣ, одна эта исторія «санскритско-*нѣмецкаго* словаря», изданнаго въ *Тюбингенѣ* академикомъ Бётлингомъ и профессоромъ Ротомъ на счетъ русской Академіи, которой обошелся онъ тысячъ около ста рублей, достаточно характеризуетъ направленіе и дѣятельность сего «первенствующаго въ Россіи ученаго сословія», гордо красующагося титуломъ «Императорскаго» и, вопреки Императорской волѣ, упорно отказывающагося обращать свои труды «непосредственно на пользу Россіи»! Несмотря на настоянія покойнаго Срезневскаго и другихъ русскихъ ученыхъ, Академія не допустила даже присоединенія къ этому издаваемому ею, санскритско-*нѣмецкому* въ Тюбингенѣ словарю перевода санскритскихъ словъ на русскій языкъ. Къ довершенію всего, словарь оказался плохъ и жестоко раскритикованъ Максъ Мюллеромъ, Хаугомъ и другими знаменитыми филологами. Смиренно сознавъ недостатки своего, по истинѣ дорогаго (для академической казны), лексикона, проживающій за границею академикъ Бётлингъ, съ разрѣшенія «Императорской» Академіи и на ея счетъ, затѣваетъ теперь изданіе *новаго* санскритско-*нѣмецкаго* же словаря, съ порученіемъ изданія нѣкоему г. Шредеру, извѣстному не столько учеными трудами, сколько своимъ родствомъ съ однимъ изъ академиковъ-Нѣмцевъ. Одновременно съ этимъ, академикъ Видеманъ издаетъ на счетъ той же «Императорской» Академіи зырянско *нѣмецкій* словарь, воспользовавшись для этого трудами рукописнаго *русско*-зырянскаго словаря г. По-

пова, который Академія хоть и пріобрѣла, но издать однакоже не пожелала, и въ которомъ имѣется такая ощутительная практическая надобность и для Зырянъ, и для Русскихъ состоящихъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Зырянскимъ населеніемъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ, Академія отказывается печатать и «грузино-*русско*-французскій лексиконъ», составленный профессоромъ Чубиновымъ и рекомендованный Академіи еще покойнымъ извѣстнымъ оріенталистомъ Броссе... Въ этомъ ли поощреніе и содѣйствіе русской наукѣ, ради котораго учреждена Академія? Неужели издавать труды на нѣмецкомъ языкѣ Нѣмцевъ въ Германіи на русскія деньги значитъ «непосредственно обращать академическіе труды на пользу Россіи»?.. Но къ чему всѣ эти вопросы? отвѣтъ на нихъ данъ вышеприведеннымъ изрѣченіемъ, что Академія наукъ въ Санктпетербургѣ не русская, а «Императорская»!

Читатели понимаютъ теперь, конечно, и сами, что это изрѣченіе не простая обмолвка, а цѣлая теорія и система, и что статья г. Бутлерова представляетъ интересъ высокой важности, не спеціальный только, а общерусскій. Академія въ настоящемъ своемъ видѣ — законнорожденное дѣтище того безнароднаго или точнѣе антинаціональнаго направленія нашей не одной внѣшней, но и внутренней политики во всѣхъ сферахъ управленія, которымъ отличался петербургскій періодъ русской исторіи. Но, благодареніе Богу, теперь наступаютъ новыя времена, когда не только у насъ, но и за границей не замедлятъ убѣдиться, что понятія, выражаемыя словомъ «императорскій» или царскій, и словомъ: «русскій», «національный», нераздѣльны въ Россіи ни въ смыслѣ, ни въ жизни,—что императорская или царская власть у насъ не безпочвенна, существуетъ и державствуетъ не о себѣ и не ради себя, а о Русскомъ народѣ, виновникѣ нашего государственнаго бытія, и ради Русскаго государства; что «императорская» политика можетъ означать лишь политику національную, что «Императорская Академія наукъ» —есть не болѣе не менѣе какъ Русская Академія наукъ—учрежденіе государственное, поставленное подъ личное покровительство Государя Императора,—и что наконецъ настоящій образъ дѣйствій Академіи по отношенію къ русской наукѣ и русскимъ ученымъ, объясняемый изрѣченіемъ, красующимся въ

заглавіи статьи г. Бутлерова, есть (выражаясь вѣжливо-ученымъ языкомъ) такой вопіющій «абсурдъ», который, срамя Россію и русскую власть, терпимъ долѣе быть не можетъ...

Къ вопросу о нашемъ флотѣ въ Черномъ морѣ.

«Русь», 20-го марта 1882 г.

Не очень давно одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, «Москва», на которомъ пересылалась партія военныхъ нижнихъ чиновъ во Владивостокъ, былъ задержанъ въ Босфорѣ по распоряженію Порты... Только послѣ неоднократныхъ представленій и объясненій нашего посольства въ Константинополѣ, получилъ онъ наконецъ себѣ пропускъ для дальнѣйшаго слѣдованія, съ разными оговорками на счетъ подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Случай повторился, и очень скоро. 25 (13) марта, по словамъ телеграммы Международнаго Агентства, русскій посолъ Новиковъ долженъ былъ снова требовать отъ Порты пропуска чрезъ Босфоръ пароходу (также Добровольнаго флота) «Нижній Новгородъ», который подъ военнымъ флагомъ везъ ссыльныхъ на островъ Сахалинъ съ военнымъ конвоемъ. Порта «выставила препятствія», ссылаясь на Парижскій трактатъ, а г. Новиковъ съ своей стороны указалъ многочисленные прецеденты. Порта помедлила, однакоже наконецъ дала разрѣшеніе «Нижнему Новгороду» пройти чрезъ Босфоръ, заявивъ въ то же время, «что этотъ исключительный случай не долженъ служить прецедентомъ».

Представляется нѣсколько страннымъ, почему же именно *теперь* Порта стала такъ щепетильна относительно пропуска чрезъ Босфоръ нашихъ судовъ, вовсе не военныхъ и только транспортировавшихъ небольшую часть военной команды? Вотъ уже года два, если не болѣе, пароходы Добровольнаго флота то-и-дѣло перевозятъ ссыльныхъ на Сахалинъ и конечно всякій разъ съ военнымъ конвоемъ, а о протестахъ Порты не было слышно. Если таковыхъ вовсе и не было, то почему же они появились какъ разъ въ настоящую пору? Не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ нѣкотораго знаменія вре-

мени или нѣкотораго поворота въ турецкой политикѣ, совпадающаго съ неожиданнымъ отказомъ султана утвердить рѣшеніе его же министровъ о способѣ удовлетворенія законныхъ требованій Россіи относительно турецкаго долга? Кажется, историческій свѣжій опытъ могъ бы вразумить Порту, что даже торжественныя гарантіи Парижскаго трактата не застраховали Оттоманской имперіи отъ новаго нашествія русскихъ войскъ, отъ новаго расчлененія, и что только отъ воли Россіи зависѣло въ 1878 году отнять или сохранить за султаномъ обладаніе Константинополемъ и Босфоромъ... Четырехъ лѣтъ не прошло, и недавней побѣдительницѣ уже приходится терпѣть оскорбленія отъ пощаженнаго ею врага! Неужели обаяніе нашихъ побѣдъ могло исчезнуть такъ быстро? Не могло бы оно само собою исчезнуть съ такою неестественною быстротою, если бы мы сами не приложили къ тому особеннаго старанія, сами не потрудились спустить пониже, и очень пониже, свое русское, — по мнѣнію русскихъ политиковъ и «либераловъ», слишкомъ высоко поднятое знамя!....

Какъ бы то ни было, но приведенныя выше телеграммы болѣзненно отозвались въ русскихъ сердцахъ. Онѣ бередятъ недавнія, еще не зажившія раны. Онѣ напоминаютъ намъ, что мы въ Черномъ морѣ подъ ключомъ Турецкаго султана и во всякое время можемъ очутиться взаперти, что наши ближайшія сообщенія съ нашимъ крайнимъ Востокомъ, омываемымъ Тихимъ Океаномъ, состоятъ въ зависимости отъ чужой воли, — да и одни ли ближайшія? Свободенъ ли будетъ выходъ для насъ и изъ Балтійскаго моря въ случаѣ европейской войны, которой грозный призракъ носился еще на дняхъ? Но несравненно многоцѣннѣе для насъ свободный выходъ изъ Чернаго моря, котораго весь сѣверный и восточный берегъ принадлежитъ Россіи, которое дѣйствительно, самою историческою судьбою включено — говоря дипломатическимъ языкомъ — въ сферу самыхъ завѣтныхъ русскихъ интересовъ, — къ обладанію которымъ стремилась Русская держава съ первыхъ дней своей исторіи и отъ котораго точно будто отреклась послѣ севастопольскаго погрома! Удивительное дѣло! Вотъ уже 12 лѣтъ, какъ покойный Государь знаменитою декларацією объявилъ упразд-

неннымъ то условіе Парижскаго трактата, которое воспрещало Россіи распоряжаться свободно на своихъ черноморскихъ берегахъ, строить крѣпости и военные корабли.... Какъ же воспользовались мы правомъ, которое себѣ возвратили и которое признала (хотя, конечно, и не безъ досады) за нами Европа? Въ эти 12 лѣтъ мы не соорудили тамъ ни одной крѣпости, а соорудили двѣ круглыя поповки, ставшія притчею во языцѣхъ всего міра, т. е. ровно ничего. А въ это же время Турція, которой финансы похуже нашихъ финансовъ (жалкое состояніе коихъ мы не перестаемъ воспѣвать на всѣ лады), которой существованіе—самое непрочное, зыбкое, непрестанно угрожаемое внутри и извнѣ смертною опасностью,—Турція за этотъ періодъ времени успѣла обзавестись очень и очень порядочнымъ флотомъ, едвали уступающимъ нашему Балтійскому флоту... (разумѣемъ конечно здѣсь лишь суда, а не личный составъ, не нашихъ несравненныхъ моряковъ). Въ томъ-то и дѣло, что у насъ (въ противность тому, что̀ видимъ въ другихъ странахъ) имѣются и превосходные моряки, какихъ мало, и славныя, плодотворныя, живительныя преданія, которыми воспитывается до сихъ поръ въ духѣ доблести наша военно-морская молодежь, — но почти нѣтъ флота: ибо на Балтійскомъ морѣ русскому флоту едвали предстоитъ какая-либо боевая будущность, — по крайней мѣрѣ въ прошлую войну, когда помощь флота была такъ насущно нужна, его-то подъ рукой у нашихъ войскъ именно и не было... Черноморскій берегъ кишѣлъ бездѣйствовавшими моряками, — таланты, удаль, знаніе ихъ были осуждены на позорную праздность, на созерцаніе двухъ зыблющихся на прибрежныхъ волнахъ поповокъ, да двухъ-трехъ коммерческихъ судовъ, взятыхъ морскимъ вѣдомствомъ на прокатъ, кое-какъ, наскоро снаряженныхъ и доставшихся въ команду нѣсколькимъ счастливцамъ, конечно и не замедлившимъ достойно прославиться! Иной былъ бы разумѣется исходъ войны, еслибъ у насъ было на Черномъ морѣ хоть какое-нибудь подобіе флота! И нельзя сказать, чтобы новой войны съ Турціей нельзя было вовсе заранѣе предвидѣть, чтобы самая возможность ея въ будущемъ была немыслима. Этой возможности по крайней мѣрѣ не отрицала даже сама дипломатія наша, — не отри-

цало ея, думаемъ, и военное вѣдомство: она не приходила въ домекъ, кажется, одному лишь морскому нашему вѣдомству!... Это вѣдомство, словно признавъ въ Парижскомъ трактатѣ непреложное, на вѣки вѣчные, предопредѣленіе судьбы,—такъ усердно, добросовѣстно, прочно уничтожило нашу морскую военную силу на Черномъ морѣ; такъ основательно перетащило ее въ Петербургъ и Кронштадтъ и утвердило здѣсь не только центръ, но чуть ли не всю окружность морскаго дѣла (разрушивъ въ то же время морскую флотилію и верфь даже на Бѣломъ морѣ), что послѣ декларацiи 1870 года у него недостало ни рѣшимости, ни охоты разорять свое петербургско-кронштадское устройство, — которое къ тому же быстро, на досугѣ, въ праздности, расцвѣло пышнымъ бюрократизмомъ. Война кипѣла на Югѣ, а флотъ на Сѣверѣ величаво бездѣйствовалъ «на военномъ положеніи»!

Дѣло обстоитъ такъ: у султана и ключъ, и флотъ; у насъ въ Черномъ морѣ—ни ключа, ни флота. Если нужно во что̀ бы ни стало выйти, а дверь заперта и ключа отъ нея не имѣется, то дверь обыкновенно выламываютъ. У насъ, при такой оказiи, не будетъ чѣмъ и выломать. Султанъ можетъ пожаловать къ намъ въ гости съ своимъ флотомъ, даже быстрѣе чѣмъ мы успѣемъ оградить наши берега торпедами (не знаемъ, имѣются ли они у насъ на Югѣ въ запасѣ). Мы къ нему въ гости пожаловать не можемъ: не на чемъ... Съ отдачею Румынамъ Добруджи Россiя отняла у себя возможность непосредственнаго, *сухопутнаго* сообщенiя съ Болгарiей или съ Балканскимъ полуостровомъ: пройти нашимъ войскамъ чрезъ Добруджу можно было бы теперь не иначе, какъ съ разрѣшенiя Румынскаго королевства, котораго политика не всегда отъ него зависитъ. Есть, конечно, другой и довольно удобный путь: вступить на рѣчныхъ пароходахъ въ устье Дуная, подняться вверхъ и высадиться прямо на Болгарскую территорiю... Но у насъ нѣтъ готовыхъ транспортныхъ рѣчныхъ судовъ, нѣтъ даже торговаго пароходства по Дунаю: мы никакъ его завести не можемъ и не умѣемъ, несмотря на громадныя субсидiи отъ казны и огромные барыши, которыми пользуется наше Россiйское Общество пароходства и торговли! По Дунаю почти безъ сопер-

никовъ владычествуетъ австрійскій Ллойдъ! Мы уже оставляемъ въ сторонѣ наши коммерческіе интересы, которымъ наносится значительный ущербъ отъ такого упущенія и пренебреженія; не станемъ съизнова доказывать, какъ важно для Россіи установить торговыя, экономическія связи и съ Сербіей, и съ Болгаріей, и какъ, казалось бы, удобно воспользоваться для такой цѣли этою большою открытою дорогой—Дунай-рѣкою. Но случись какое-либо покушеніе на независимость, только четыре года назадъ, цѣною такихъ неизмѣримыхъ жертвъ освобожденной, созданной нами Болгаріи,—покушеніе со стороны Австріи или со стороны Турціи (которая уже начинаетъ предъявлять притязаніе на занятіе своими войсками балканскихъ горныхъ проходовъ), какимъ способомъ могли бы мы предупредить подобное посягательство или подать вовремя помощь Болгарамъ? Если взглянуть на карту, отвѣтъ кажется такъ простъ, такъ ясенъ, что самый вопросъ представляется неумѣстнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: отъ нашихъ береговъ до Варны, Бургаса и до Босфора моремъ—рукой подать: какія-нибудь сутки, полторы пароходнаго открытаго, безъ проливовъ, плаванія... И нѣтъ сомнѣнія, будь только у насъ флотъ въ Черномъ морѣ, никакое покушеніе на Болгарію было бы не мыслимо. Намъ возразятъ можетъ-быть, что въ ожиданіи такой случайности Черноморскому военному флоту пришлось бы долго бездѣйствовать... Не болѣе бездѣйствовать, чѣмъ бездѣйствуетъ флотъ Балтійскій, чѣмъ бездѣйствуетъ всякій военный флотъ и даже всякая армія во время мира. Да развѣ та служба, которую исправляетъ теперь Добровольный флотъ, не есть въ сущности служба флота государственнаго?

Разъ мы возвратили себѣ право свободно распоряжаться у себя въ Черномъ морѣ, т. е. право строить военныя суда, они *должны быть выстроены:* этого требуетъ не только честь и достоинство нашей державы, этого требуютъ наши интересы политическіе и торговые, этого требуетъ наша безопасность, — объ этомъ громко вопіетъ простой здравый смыслъ, столь пренебреженный, столь затемненный у насъ или лукавыми мудрованіями, или же (въ лучшемъ случаѣ) инерціею, лѣнью не только ума, но и души!

Назначеніе генералъ-адъютанта Шестакова морскимъ ми-

нистромъ пробудило бодрость въ сердцахъ нашихъ, давно пріунывшихъ моряковъ, и не однихъ моряковъ. Съ этимъ славнымъ, достоуважаемымъ именемъ связано много надеждъ,—къ числу которыхъ позволяемъ себѣ присоединить и надежду на возобновленіе или на новое сооруженіе военной морской силы въ Черномъ, по истинѣ *нашемъ*, Русскомъ морѣ. Одинъ приступъ къ такому великому предпріятію далъ бы не мало радости столь бѣдной радостью, удрученной въ чувствѣ своего національнаго достоинства, Россіи! Безъ всякаго сомнѣнія, не только разные «Голосы», но даже и многія лица изъ высшаго служебнаго міра заголосятъ, что въ виду нашего финансоваго положенія слѣдуетъ-де жертвовать даже своимъ національнымъ достоинствомъ и охраною своей безопасности,—но такія разсужденія равносильны доводу, что экономіи ради слѣдуетъ жертвовать даже своимъ здоровьемъ, чуть не жизнью: это безъ сомнѣнія самый успѣшный экономическій оборотъ! Если г. министръ финансовъ въ напечатанной запискѣ основывалъ свои финансовыя соображенія на миролюбивой политикѣ Императорскаго кабинета, то онъ этимъ, конечно, не думалъ отрицать истинности того правила, что первою гарантіей миролюбивой политики служитъ не безсиліе, а сила страны и ея боевая готовность. Если и въ самомъ дѣлѣ удастся Россіи, благодаря правительственной мудрости, обезпечить себѣ нѣсколько лѣтъ мира, то горе намъ, если эти нѣсколько лѣтъ мира пройдутъ безплодно для образованія нашихъ средствъ обороны, для обезпеченія безопасности русскаго государственнаго бытія! Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не всякая экономія умѣстна, а иная издержка и прямо производительна. Сооруженіе военнаго флота въ Черномъ морѣ (монитор-наго ли, деревяннаго ли, какъ это совѣтовалъ когда-то въ своихъ статьяхъ Н. М. Барановъ) значительно оживитъ все Черноморское прибрежье, и такое оживленіе едвали станетъ во вредъ нашему обще-государственному хозяйству, особенно если этотъ флотъ будетъ военно-*коммерческій*, начало чему уже положено Добровольнымъ флотомъ. Одной экономіей, да биржевыми эволюціями мы едвали упорядочимъ наши финансы: необходимо направить всѣ усилія къ подъему самой производительности нашей необъятной страны, полной

несмѣтныхъ богатствъ и силъ, и ждущей только животворной властной заботы...

Вредъ для Россіи отъ слишкомъ усерднаго примѣненія модныхъ доктринъ.

«Русь», 17-го іюля 1882 года.

Катастрофа на Московско-Курской желѣзной дорогѣ ставитъ снова предъ возбужденною общественною мыслью вопросъ о выгодѣ или невыгодѣ для государства отдавать эксплуатацію государственныхъ путей сообщенія въ исключительное пользованіе, въ монополію частныхъ лицъ. Кто не знаетъ, что этотъ вопросъ не только у насъ, но и за границей рѣшался различно: вѣрнѣе сказать, рѣшался онъ собственно тамъ, въ Западной Европѣ, не нами; мы же, по той или другой причинѣ, идя во хвостѣ Европы, живемъ и дѣйствуемъ всегда по чужому примѣру, и обыкновенно заднимъ числомъ. При этомъ, конечно, иной разъ очень сильно опаздываемъ, но таковъ ужъ «законъ судебъ» для всякаго подражанія, для всякой моды—платьевъ или идей! Такъ мы переняли къ себѣ отъ Запада и цехи, и гильдіи—почти наканунѣ того какъ ихъ повышвырнули за окно въ ихъ собственномъ отечествѣ; такъ у насъ теперь многіе тоскуютъ по парламентаризмѣ—въ то время, когда въ Европѣ эта политическая форма почти совсѣмъ износилась и доживаетъ послѣдніе дни, чая себѣ перемѣнъ совершенно радикальнаго характера. Подобное направленіе сказывается и теперь почти во всѣхъ отправленіяхъ нашей жизни. Оно, конечно, объясняется значительной еще умственной незрѣлостью нашего общества и его почти юношескимъ подобострастіемъ предъ иностранными авторитетами. Ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такого количества доктринеровъ, какъ въ русскомъ обществѣ; нигдѣ модная очередная доктрина не властвуетъ такъ повально, эпидемически, надъ умами, какъ у насъ, отъ высшей чреды государственнаго служенія до школьной скамьи,—не считаясь съ дѣйствительностью, не запинаясь ни о какое практическое знаніе или соображеніе. Правда, это очень молодое и очень близорукое увлеченіе

западно-европейскою культурою напоминаетъ нѣсколько восторженное увлеченіе древнихъ варваровъ цивилизаціею Рима; но въ такой, хотя бы и варварской чертѣ не было бы еще ничего особенно предосудительнаго въ нравственномъ смыслѣ, еслибъ къ ней не присоединялась у насъ черта менѣе симпатичная—*молчалинское* благонравное самоуничиженіе...

Была такая полоса въ общественной жизни Западной Европы, когда господствовалъ въ понятіяхъ принципъ laissez faire, laissez passer; когда уравновѣшеніе всякихъ экономическихъ неравенствъ предоставлялось свободной конкурренціи и одновременно провозглашалось осужденіе системѣ правительственной эксплуатаціи государственныхъ природныхъ богатствъ или правительственнаго хозяйства въ какомъ бы то ни было видѣ. Въ этомъ воззрѣніи есть безъ сомнѣнія своя доля справедливости, но только доля и въ примѣненіи лишь къ нѣкоторымъ явленіямъ государственной экономической жизни, въ извѣстную минуту и при извѣстныхъ условіяхъ. Но перенесенная къ намъ, эта доктрина была мигомъ возведена на степень абсолютной, безусловной истины, овладѣла умами даже съ нѣкоторою свирѣпостью и произвела въ нашемъ государствѣ положительныя опустошенія. Нельзя не сознаться, что у насъ она пала на благодарную почву—именно въ томъ смыслѣ, что *казенное* хозяйство у насъ дѣйствительно велось дурно и что все *казенное* у насъ искони стало синонимомъ *бездушія*, формализма. Но вмѣсто того, чтобъ придать хозяйству казенному характеръ истинно-*государственнаго* хозяйства, подчинить его строгому контролю не только правительственному, но и общественному (хотя бы путемъ свободной гласности), нашихъ государственныхъ людей обуяла доктринерская манія—отчуждать да отчуждать государственныя богатства въ частныя руки! Казенныя хозяйства не исправлялись, а уничтожались, т. е. передавались частнымъ лицамъ съ какимъ-то лихорадочнымъ увлеченіемъ. Земля ли лежитъ впустѣ, лѣсъ ли стоитъ «непроизводительно», заводъ ли, руда или копи малодоходны—поскорѣй ихъ въ частную эксплуатацію! въ аренду ихъ! въ продажу! Русскимъ ли, иностранцамъ ли—все равно! Все это—разсуждали тогда наши государственные «культурные» умы—«усилитъ производительность сихъ народныхъ богатствъ,

разовьетъ промышленность, вызоветъ частную иниціативу, обогатитъ страну!»... А главное—такъ гласило «послѣднее слово науки»,—таково, мнилось, требованіе цивилизаціи! Это отношеніе къ наукѣ и цивилизаціи у насъ нерѣдко своего рода fiat justitia et pereat mundus! Лучше, казалось, отдать государственныя угодья задаромъ, чѣмъ отстать отъ вѣка и сохранять ихъ въ казенномъ управленіи! Вотъ и вышло такъ, что черезъ десятокъ или нѣсколько болѣе лѣтъ многоземельная Европейская Россія, къ общему ужасу, очутилась вдругъ почти безъ свободныхъ государственныхъ земель! Произошло то, что̀ на языкѣ общественнаго негодованія названо «хищеніемъ». Названіе вѣрное, если имѣть въ виду только результаты этой доктринерской экономической операціи, но не слѣдуетъ забывать, что оно было въ нѣкоторомъ отношеніи *легальное* хищеніе, вызванное и санкціонированное самимъ правительствомъ! Это доказывается тѣмъ, что главный виновникъ расхищенія государственной земли—самъ лично отъ усерднаго служенія своей экономической теоріи ничѣмъ не воспользовался: онъ—человѣкъ безусловно безкорыстный, онъ только—доктринеръ! Онъ воображалъ (и утѣшался тѣмъ), что поступалъ европейски, «культурно» и даже «либерально»...

Наше правительство и печать обратили пока вниманіе почти исключительно на раздачу земель,—а было бы не менѣе важно привести въ извѣстность количество иныхъ угодій, переданныхъ изъ государственнаго управленія въ частную эксплуатацію,—въ собственность ли посредствомъ публичной будто бы продажи или въ долгосрочную аренду—лѣсовъ, водъ, рудъ, копей, заводовъ.

Въ эту же эпоху повальнаго государственнаго, доктринерскаго самограбленія, съ превеликою силою господствовало убѣжденіе, что и желѣзныя дороги должны строиться и эксплуатироваться исключительно частными компаніями. Всѣ помнятъ съ какою легкостью и удобствами для предпринимателей давались концессіи, и съ какимъ малымъ огражденіемъ интересовъ государственной казны и публики, т. е. пассажировъ и товароотправителей! Будемъ справедливы. Нѣтъ сомнѣнія, что построить такое количество желѣзныхъ путей (свыше 20 т. верстъ) въ та-

кой сравнительно короткій періодъ времени, какъ это произошло въ Россіи, можно было, конечно, не иначе какъ посредствомъ частной предпріимчивости и могущественнаго двигателя—личной корысти. Мы не станемъ впрочемъ вдаваться въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, а замѣтимъ только, что модная тогда у насъ мысль о преимуществѣ частной иниціативы въ созиданіи желѣзныхъ дорогъ распространена была правительствомъ, такъ-сказать *заднимъ числомъ*, даже на дороги, уже выстроенныя иниціативой самой казны и не причинявшія казнѣ никакого убытка! Точно будто оно устыдилось такого прошлаго нарушенія требованій доктрины, т. е. что оно *само* ихъ выстроило и эксплуатируетъ! Мы знаемъ, что и въ чужихъ краяхъ данъ былъ въ созиданіи желѣзнодорожныхъ сообщеній широкій просторъ личному почину, но намъ неизвѣстно—былъ ли гдѣ, кромѣ Россіи, примѣръ продажи *уже выстроенныхъ казною* дорогъ—въ частныя рукп?!.. И что всего замѣчательнѣе: продажа и Николаевской, а потомъ и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ произошла именно тогда, когда за границей, и именно сперва въ Англіи, уже совершался переворотъ въ понятіяхъ и правительства начали уже убѣждаться въ необходимости: возвратить въ свое завѣдываніе государственные пути посредствомъ постепеннаго выкупа даже ранѣе концессіоннаго срока. Плѣнившая насъ когда-то модная теорія стала теперь уже терять власть и у насъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Въ настоящее время отношеніе нашего правительства къ желѣзнодорожнымъ линіямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: самыя лучшія *доходныя* свои линіи, на государственныя деньги построенныя (и изъ нихъ линію самую доходную въ цѣлой Европѣ и капитально сооруженную, какъ рѣдкая дорога въ Европѣ) правительство у себя отняло, сбыло частнымъ компаніямъ,—а само ежегодно приплачиваетъ частнымъ же компаніямъ по разнымъ линіямъ, плохо ими управляемымъ, нѣсколько милліоновъ рублей гарантіи, — слѣдовательно несетъ ежегодный громадный убытокъ. Между тѣмъ, еслибъ оно по прежнему продолжало владѣть вышеупомянутыми доходными, выстроенными имъ самимъ дорогами,—доходы съ этихъ дорогъ уравновѣшивали бы потери по остальнымъ линіямъ, и казна была бы не толь-

ко не въ убыткѣ, а въ значительной прибыли. А еслибъ *всѣ* дороги, безъ исключенія, эксплуатировались самою казной, нѣтъ сомнѣнія—прибыль была бы еще значительнѣе...

Московско-Курская желѣзная дорога, которая такъ теперь поминается лихомъ всѣми и каждымъ въ Россіи, продана была, если не ошибаемся—въ 1872 г., небольшому товариществу или компаніи московскихъ торговцевъ съ Ѳ. В. Чижовымъ во главѣ (бывшимъ редакторомъ «Вѣстника Промышленности», извѣстнымъ многими своими литературными трудами, и притомъ опытнымъ, строгимъ, безукоризненно-честнымъ, какъ въ дѣлѣ строенія, такъ и въ дѣлѣ управленія желѣзныхъ дорогъ: при немъ Кокуевская катастрофа едвали была бы возможна!) Компанія купила дорогу безъ всякаго капитала или, точнѣе, на капиталъ занятый лично ею (а не правительствомъ) у иностранныхъ банкировъ подъ залогъ акцій этой дороги, которыя поэтому и до сихъ поръ не выданы акціонерамъ, а хранятся всею полностью, впредь до уплаты банкирамъ всего долга, въ Государственномъ Банкѣ. Сколько извѣстно, акціонеры въ настоящее время никакого дивиденда не получаютъ, а всѣ доходы дороги, за исключеніемъ расходовъ по эксплуатаціи, поступаютъ въ уплату заграничнымъ кредиторамъ. Мы достовѣрно знаемъ, что Ѳ. В. Чижовъ, скончавшійся въ 1877 г., завѣщалъ городу Костромѣ и нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ той же губерніи, для учрежденія въ нихъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній и одного высшаго техническаго, всѣ свои акціи Московско-Курской желѣзной дороги, по номинальной цѣнѣ на сумму очень крупную; но эти акціи, которыхъ теперь города и въ рукахъ не имѣютъ, не представляютъ *пока* для нихъ никакой цѣнности, а станутъ дѣйствительною денежною силою еще лѣтъ черезъ 8 или 10, по расплатѣ съ банкирами. Въ одинаковомъ съ городами положеніи должны находиться и прочіе акціонеры, и едвали не это обстоятельство, т. е. недостатокъ свободныхъ, доставляемыхъ дорогою средствъ, приводится Правленіемъ въ свое оправданіе, въ виду Кокуевской катастрофы и обнаруженнаго ею сквернаго состоянія пути. Но это нисколько не можетъ служить оправданіемъ. Нечего было и браться за экспуатацію дороги, да еще длиною въ 500 верстъ, не имѣя достаточнаго запаснаго

капитала или достаточно свободныхъ средствъ для необходимыхъ исправленій, и съ однимъ лишь расчетомъ пріобрѣсти въ будущемъ значительный капиталъ безъ всякихъ пожертвованій съ своей стороны! Конечно, это желаніе—какъ можно скорѣе развязаться съ долгомъ—побуждаетъ акціонеровъ или Правленіе къ той излишней *экономіи* въ расходахъ по содержанію дороги, которая и была причиною катастрофы. Но до этихъ домашнихъ расчетовъ компаніи нѣтъ и не должно быть никакого дѣла ни пассажирамъ, ни товароотправителямъ. Они имѣютъ полное право, а правительство *обязано* требовать, чтобъ дорога была вполнѣ и всегда исправна. Если же этого нѣтъ, то положеніе Московско-Курской дороги, положеніе этого государственнаго пути сообщенія, отданнаго въ частную монополію съ исключеніемъ возможности какой-либо иной конкурренціи, представляется въ высшей степени ненормальнымъ, т. е. такимъ, какимъ правительство терпѣть его долѣе не должно: если же терпитъ, то виновато заодно съ самою компаніей... Во всякомъ случаѣ опытъ продажи Московско-Курской желѣзной дороги не въ пользу теоріи о частномъ хозяйствѣ и только подтверждаетъ справедливость принципа, что эксплуатація государственныхъ желѣзныхъ путей должна зависѣть не отъ кого иного, какъ отъ самого государства.

Но Московско-Курская желѣзная дорога все же была *продана*,—правительство все-таки въ свое время извлекло отъ продажи какую-нибудь для себя выгоду, хотя можетъ-быть за нее и поплатится; все же эта продажа совершена правильно, если и безъ особой нужды. Но что касается до отчужденія Николаевской желѣзной дороги, то такому дѣйствію трудно подобрать не только объясненіе, даже и названіе... Это какое-то совсѣмъ неслыханное и своеобразное жертвоприношеніе государственныхъ интересовъ въ пользу какъ будто теоріи частнаго хозяйства; въ сущности же въ пользу интересовъ Главнаго Общества,—сей въ своемъ родѣ державы, опирающейся на обширныя и сильныя связи своихъ акціонеровъ и заправителей и не однажды съ успѣхомъ боровшейся съ самимъ нашимъ правительствомъ.

Въ 1867 г. правительство, вѣроятно уступая господству модной доктрины, рѣшило *продать* великолѣпно сооруженъ-

ную дорогу между С.-Петербургомъ и Москвою какой-либо частной компаніи. Рѣшеніе мотивировалось тѣмъ, что казенное хозяйство велось плохо, и доходъ не давалъ достаточныхъ процентовъ на капиталъ, положенный на ея сооруженіе. Что хозяйство велось дурно и для казны не довольно выгодно, это не подлежало сомнѣнію, но главною виною такого состоянія дороги былъ безобразный контрактъ, заключенный Министерствомъ путей сообщенія «по неопытности» (мы готовы этому повѣрить, но прибавимъ еще: и по привычкѣ угодничества иностранцамъ) съ братьями Уайненсами—очень опытными американскими практиками по части всякой эксплуатаціи и наживы. Контрактъ былъ составленъ такимъ образомъ, что господами дороги являлись гг. Уайненсы, а не министерство. На уничтоженіе контракта, хотя бы и съ убыткомъ для казны, Министерство финансовъ не согласилось, а предпочло пріискать вмѣсто казны другаго, болѣе энергическаго хозяина, который бы сумѣлъ справляться съ Американцами,—и пріискало самихъ же этихъ Американцевъ, такъ какъ, по передачѣ дороги Обществу, они оказались вскорѣ самыми крупными его акціонерами! И то же наше правительство, нѣсколько лѣтъ спустя, разрѣшило таки этому Обществу разорвать злополучный контрактъ—съ уплатою гг. Уайненсамъ $5^1/_2$ милліоновъ рублей изъ доходовъ той же самой дороги, три четверти которыхъ должны были поступить въ казну, т. е. съ убыткомъ для казны въ 4.125.000 р.! Отчего же такой рѣшимости не достало у правительства раньше, т. е. прежде передачи дороги?!... Что же касается до малодоходности, послужившей однимъ изъ поводовъ къ продажѣ Николаевскаго желѣзнаго пути, то замѣчательно, что это предположеніе о продажѣ возникло какъ разъ тогда, когда открылись богатѣйшіе притоки новыхъ доходовъ, именно въ 1867 г., когда только-что окончилось сооруженіе Московско-Курской желѣзной дороги и продолженіе Рязанской дороги до Козлова! Не нужно было быть пророкомъ, чтобъ предсказать блестящее будущее такой желѣзнодорожной артеріи какъ Николаевская, по мѣрѣ того, какъ станутъ примыкать къ ней новыя вѣтви желѣзнодорожной русской сѣти: извѣстно, что въ настоящее время Николаевская дорога по своему валовому поверстному доходу занимаетъ первое мѣсто

изъ всѣхъ желѣзныхъ путей Европы! Къ чести Министерства путей сообщенія надобно припомнить, что оно энергически противилось передачѣ дороги въ частныя руки. Указывая на начавшееся уже повышеніе ея доходности вслѣдствіе бо̀льшаго прилива грузовъ (мнимо-малодоходная дорога уже и тогда давала $7^1/_2$ милліоновъ р. *чистаго* дохода!), Министерство испрашивало только 14 милліоновъ на ея совершенное исправленіе и усиленіе перевозочныхъ средствъ. Но на ассигновку 14 милліоновъ согласія отъ Министерства финансовъ не послѣдовало: рѣшеніе раздѣлаться съ дорогою именно тогда, когда ей раскрылась блестящая перспектива, было безповоротно. Независимо отъ ходячей, модной тогда, казавшейся *либеральною* идеи о непригодности всякаго правительственнаго хозяйства, Министерство финансовъ главнымъ побужденіемъ къ продажѣ выставляло необходимость добыть *крупную сумму* для образованія желѣзно-дорожнаго общаго фонда... Это соображеніе признано было вполнѣ уважительнымъ. Составленъ проектъ условій техническихъ и финансовыхъ, на которыхъ Николаевская дорога могла быть *продана* частной компаніи; въ перечень этихъ условій включенъ былъ, между прочимъ, § дающій правительству право черезъ 20 лѣтъ послѣ *продажи* выкупить у компаніи дорогу, «по общимъ правиламъ на основаніи 5-лѣтней сложности дохода»... Предложенія покупки не замедлили явиться съ разныхъ сторонъ, въ томъ числѣ отъ московскихъ капиталистовъ, и не безвыгодныя. Однако имъ дорога продана не была,—а совершилось что-то невѣроятное: она была не продана, а просто передана или, точнѣе, подарена безъ денегъ Главному Обществу!

Всѣ наиблаговиднѣйшіе «мотивы», которыми объяснялась Министерствомъ финансовъ необходимость продажи Николаевской дороги, были словно забыты или, вѣрнѣе сказать, были вспомянуты въ послѣднюю минуту какъ бы именно для того, чтобъ поступить имъ наперекоръ. Выставлялась выгода полученія крупной суммы отъ покупщика, но никакой ни крупной суммы, ни даже единаго гроша казна отъ передачи дороги не получила! Напротивъ, какъ цитуетъ газета «Новости» (въ которой, въ длинномъ рядѣ №№, вся исторія этой дороги разъяснена документально), Министерство финансовъ, въ за-

ботливомъ попеченіи объ интересахъ Главнаго Общества, признавало, что оно, это Общество, «еще нуждается въ правительственной помощи и не представляетъ само по себѣ достаточнаго финансоваго значенія для обширной кредитной операціи», а потому... потому правительство денегъ отъ него и не потребовало, а *само*, вмѣсто Общества, *на свой страхъ*, *заняло денегъ* на сторонѣ и само себѣ заплатило! Другими словами: такъ какъ Главное Общество уже состояло у правительства въ долгу по своимъ двумъ линіямъ—Варшавской и Нижегородской—на сумму свыше 130 милліоновъ и продолжало требовать ежегодной по акціямъ уплаты правительственной гарантіи, то правительство приняло, по мнимой продажѣ Николаевской линіи, кредитную операцію на себя, т. е. само произвело два выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій съ ежегодной уплатой по нимъ процентовъ и погашенія 6 милліоновъ металлическихъ рублей изъ доходовъ Николаевской дороги (дававшихъ и прежде, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, болѣе этой суммы); въ случаѣ же недостаточности доходовъ — *приплату* обязывалось правительство производить отъ себя изъ суммъ Государственнаго Казначейства!.. Но вѣдь такую кредитную операцію правительство могло произвести и не передавая дороги въ частныя руки! Къ чему же было передавать?.. Но этого мало. Министерству путей сообщенія было отказано въ ассигновкѣ суммы около 14 милліоновъ для приведенія дороги въ исправность, а Главному Обществу выдана *безвозвратно* для той же цѣли та же почти сумма, т. е. $13^1/_4$ милліоновъ! И этого мало. Правительство намѣревалось даже предоставить Обществу дѣлить излишекъ дохода (сверхъ 6 милліоновъ металлическихъ рублей на уплату по облигаціямъ) на двѣ части: половину въ дивидендъ акціонерамъ, половину употреблять на покрытіе казнѣ долга по Варшавской и Нижегородской линіямъ... Однако же это новое благодѣяніе Министерства финансовъ не могло состояться, въ виду болѣе выгодныхъ, хотя и отвергнутыхъ условій другихъ конкурентовъ,—и правительству пришлось наложить на Общество обязательство: изъ излишка дохода (сверхъ 6 милліоновъ металлическихъ рублей) въ первыя 10 лѣтъ отдавать казнѣ $^3/_4$, а акціонерамъ $^1/_4$; по истеченіи уже 10 лѣтъ, дѣлить

излишекъ между казною и акціонерами по-поламъ. Благодаря такому распоряженію, акціонеры Главнаго Общества, не затративъ съ своей стороны ни копѣйки, не рискуя ничѣмъ, не обременясь даже никакимъ кредитнымъ обязательствомъ, которымъ связаны акціонеры Московско-Курской дороги, получили, совершенно даромъ, т. е. въ подарокъ отъ казны, въ теченіи 14 лѣтъ около 14 милліоновъ рублей... Что же касается вышеупомянутаго долга болѣе 130 милл. рублей, по которому Обществу слѣдовало бы платить казнѣ *ежегодно* свыше 5 милліоновъ процентовъ,—Общество и правительство о томъ повидимому вовсе и не заботятся. Правда, съ 1874 г. Общество уже перестало требовать отъ казны приплаты гарантіи по акціямъ, но документально извѣстно, что съ 1874 по 1880 г. оно всего-на-всего заплатило казнѣ лишь 3.034.455 р. съ копѣйками,—а акціонеры получаютъ за то чуть не удвоенный дивидендъ!

Но и это еще не все. Истративъ полученные отъ казны на исправленіе дороги $13^1/_2$ милліоновъ рублей, Общество ни мало не чинилось и съ чистымъ доходомъ, изъ котораго въ первыя 10 лѣтъ $^3/_4$, а потомъ половина должны были поступать въ казну. Совершенно самовольно, безъ разрѣшенія правительства, Общество, по сознанію самого своего Совѣта, истратило на разныя сооруженія слишкомъ 25 милліоновъ рублей, изъ которыхъ едвали не цѣлыхъ 18 милліоновъ падаютъ на долю самой казны! Вполнѣ ли вся эта сумма израсходована на сооруженія, правильно ли израсходована, въ силу ли дѣйствительной надобности, — все это требовало бы, разумѣется, провѣрки. Но тутъ-то и сказалось то исключительное положеніе, которое занимало въ нашемъ административномъ мірѣ Главное Общество. Повѣрятъ ли читатели, что хотя, на основаніи условій передачи, правительственная финансовая ревизія доходовъ и расходовъ дороги должна была производиться ежегодно, — ревизія эта до сихъ поръ *ни разу не производилась*!

Къ довершенію всѣхъ *странностей* этого перехода дороги въ руки Главнаго Общества, остается доказать, что Общество владѣетъ этою дорогою даже безъ всякаго формальнаго акта. Когда въ іюнѣ 1868 г. состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ Николаевской дороги Главному Обще-

ству «на основаніи принятыхъ онымъ условій уступки», то положено было облечь эту уступку въ форму договора, проектъ котораго Министерство финансовъ предложило составить самому Совѣту Общества. Совѣтъ въ проектированный имъ договоръ включилъ такое условіе, которое не находилось прежде въ числѣ предложенныхъ Обществомъ и которое взято имъ изъ числа тѣхъ общихъ нормальныхъ условій, кои были составлены правительствомъ еще въ виду предположенія *покупки* дороги какою-либо частною компаніей, именно условіе о *выкупѣ*. На этотъ § храбро указываетъ Совѣтъ и въ недавно выпущенной имъ брошюрѣ; онъ готовъ, онъ великодушно согласенъ: въ 1887 г., т. е. по истеченіи 20 лѣтъ владѣнія, возвратить казнѣ полученную отъ нея даромъ дорогу, но съ тѣмъ, чтобы казна заплатила Обществу бездѣлицу—75 милліоновъ рублей!... По какой-то непостижимой случайности договоръ остался не утвержденнымъ.

Что же это все какъ не хищеніе? Нельзя не благодарить нынѣшнее наше высшее правительство за то, что оно рѣшилось наконецъ положить конецъ хищеніямъ и позволило печати разоблачать вопіющія злоупотребленія прошлыхъ, хотя и недавнихъ лѣтъ. Благодаря частной иниціативѣ, вступившейся за интересы государства, вопросъ о передачѣ Николаевской дороги выплылъ теперь на свѣтъ Божій, и въ настоящее время производится, *въ первый разъ* въ теченіи 14 лѣтъ, правительственная ревизія. По слухамъ, ревизоры вполнѣ достойны довѣрія. Но что же можетъ ревизіонная Коммиссія обнаружить новаго въ добавленіе къ тѣмъ легальнымъ иллегальностямъ или нарушеніямъ государственнаго интереса, которыя нами указаны и не подлежатъ никакому сомнѣнію? Весь вопросъ въ томъ: не слѣдуетъ ли правительству теперь же отобрать эту дорогу отъ Общества, которое ни на пріобрѣтеніе, ни на содержаніе ея не истратило ни одной своей копѣйки, которое не исполнило ни одного обязательнаго для него условія, самовольно растратило до 18 милліоновъ казенныхъ денегъ, да, сверхъ того, остается и до сихъ поръ должнымъ правительству по остальнымъ своимъ линіямъ 133 милліона рублей, несмотря на сильно увеличившійся размѣръ акціонернаго дивиденда и на удвоившуюся цѣну акцій?

Неужели и въ наши дни Главное Общество продолжаетъ быть «силой», какою оно было въ прошлое царствованіе,— силой, съ которой никакой правдѣ не совладать?

По дѣлу Скопинскаго банка.

«Русь», 23-го октября 1882 г.

Ниже, въ отдѣлѣ «Русская область», читатели найдутъ выдержки изъ воспоминаній бывшаго «счетовода» Скопинскаго банка, г. Семакова, написанныхъ еще въ 1879 г. и напечатанныхъ на дняхъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Это новые штрихи исторіи Скопинскаго «кредитнаго учрежденія», главныя черты которой, впрочемъ, выяснились уже съ достаточной полнотою; въ ней, въ этой исторіи, не было даже *ненарочной* правды, въ видѣ хоть случайнаго эпизода; она вся вѣрна себѣ съ начала до конца. Это истинное д и в о русскихъ общественныхъ нравовъ, колоссальное размѣрами и мѣста и времени,—диво не только мошенничества, но еще болѣе той нашей общественной простоты, что̀, по пословицѣ, ужъ подлинно «хуже воровства». Это цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ откровеннѣйшаго, грубѣйшаго, широкаго, что̀ море, надувательства и не менѣе грубаго, широкаго легковѣрія и исполинскаго ротозѣйства! Что̀ предъ г. Рыковымъ какой-нибудь Сквозникъ-Дмухановскій, обманувшій трехъ губернаторовъ? Надуть всю Россію какъ есть, съ цѣлымъ рядомъ смѣнявшихся губернаторовъ, министровъ, со всѣми системами полицейскаго, явнаго и тайнаго надзора, правительственнаго, финансоваго, наконецъ и «общественнаго контроля»—это по истинѣ величаво! Но величавъ и общественный срамъ. Вѣдь какъ надуть? безъ искусства, безъ хитрости,—самымъ аляповатымъ образомъ; не потаенно, въ одиночку, а напротивъ, почти при трубныхъ гласахъ, всенародно, бѣлымъ днемъ, съ содѣйствіемъ, прямымъ или косвеннымъ, цѣлой сотни участниковъ!... Въ этомъ отношеніи любопытенъ разсказъ Семакова: мошенничество производилось такъ просто, наивно, все было шито такими бѣлыми нитками и крыто такой дырявой дерюгой, что стоило бы толь-

ко хоть разъ въ 19 лѣтъ заглянуть въ счетоводство банка посторонней душѣ, хоть бы и не доблестной, а только нѣсколько независимой,—все бы мигомъ раскрылось и безшабашной плутнѣ положенъ былъ бы конецъ. Но никто не заглянулъ. Ни начальники губерній, ни жандармскіе губернскіе штабъ-офицеры, ни знаменитое III Отдѣленіе, вездѣсущее, всевѣдущее и всемогущее именно въ теченіи почти всего долгаго періода банковской въ Скопинѣ «дѣятельности», никто даже никогда и вниманія не обратилъ на тѣ странные слухи о банкѣ, которые все-таки ходили по всей землѣ Русской и если не смущали довѣрчивость темнаго люда, съ банковыми порядками вовсе незнакомаго, то все же предостерегли многихъ, болѣе осмотрительныхъ. Все это тѣмъ болѣе странно, что въ столицахъ, въ многочисленной средѣ банковыхъ, коммерческихъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ практическихъ дѣятелей Скопинскій банкъ никогда не пользовался доброю славой. Намъ лично, съ самаго его основанія, не привелось видѣть ни кого, кто бы упоминалъ объ этомъ учрежденіи иначе какъ съ ироніей. Въ печати отъ времени до времени появлялись даже прямыя предупрежденія; газета «Голосъ» недавно указала на статью очень обличительнаго свойства, напечатанную на ея столбцахъ еще 14 лѣтъ назадъ. Да и не могло быть иначе. Вѣдь не втихомолку велъ г. Рыковъ свое дѣло, а гремѣлъ имъ на всю Россію. Кому, кромѣ развѣ Кредитной Канцеляріи Министерства финансовъ, не били въ глаза Рыковскія рекламы, публикаціи и отчеты Скопинскаго банка, не говоря уже о рекламахъ въ пользу *города* Скопина (городъ въ лицѣ Рыкова, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, лѣзъ непрошеный съ поздравленіями, адресами и всяческими публичными заявленіями вѣрноподданническихъ и прогрессивно-культурныхъ чувствъ, такъ что мы, издавая газету «Москву», наконецъ наотрѣзъ отказали г. Рыкову помѣщать таковыя его телеграммы). Нѣтъ даже никакой надобности быть спеціалистомъ въ банковомъ дѣлѣ для того, чтобъ уразумѣть несообразность такого необычайно высокаго процента платимаго за вклады, до 7 и $7^1/_2{}^0/_0$, когда очевидно не было ни малѣйшей возможности помѣстить *всю громадную сумму* вкладовъ съ какою-нибудь *выгодою* въ самомъ городѣ Ско-

пинѣ, т. е. за учетный и ссудный процентъ *выше* вкладнаго: помѣстить же на сторонѣ было едвали мыслимо при современномъ удобствѣ кредитоваться въ столицахъ и въ губернскихъ отдѣленіяхъ Государственнаго Банка за процентъ несравненно болѣе дешевый!... Впрочемъ, въ этой суммѣ вкладовъ (которыхъ въ подобномъ размѣрѣ имѣется лишь въ очень немногихъ изъ первостатейныхъ банковъ Россіи) вѣроятно окажется не мало *дутыхъ*, т. е. не существующихъ, только проведенныхъ по книгамъ, съ выдачею билетовъ для представленія залогомъ въ казну при подрядахъ и для иныхъ оборотовъ. Надо надѣяться, что слѣдствіе будетъ произведено съ полною тщательностью, раскроетъ во всей подробности всю исторію этого лихаго воровскаго предпріятія,—и что, откинувъ всякую заботу о томъ, какъ бы «излишнею оглаской не подорвать кредита банковъ», признаютъ полезнымъ, отпечатавъ эту исторію, разослать ее по всѣмъ городскимъ думамъ въ назиданіе и въ вящее прославленіе города Скопина.

Интересно, между прочимъ, и то, что̀ сообщаетъ Семаковъ о значеніи г. Рыкова въ своемъ городѣ. У насъ въ большой модѣ негодованіе на деревенскихъ *кулаковъ* и сѣтованіе на правительство—зачѣмъ не ограждаетъ оно отъ нихъ этихъ несчастныхъ, беззащитныхъ крестьянъ. По посмотрите, чѣмъ былъ г. Рыковъ, по разсказу Семакова, въ городѣ, имѣющемъ 10 тысячъ жителей, которыхъ беззащитность оплакивать какъ-то неудобно,—въ городѣ, надѣленномъ всѣми гарантіями самоуправленія, не въ какой-либо глуши, а въ Рязанской губерніи, на желѣзной дорогѣ, въ десяти часахъ ѣзды отъ Москвы, а въ трехъ, если не менѣе, отъ Рязани! Это ужъ не кулаку чета, это диктаторъ, смѣняющій исправниковъ, чуть не предводителей дворянства, представляющій къ наградамъ лицъ отъ него не зависящихъ, держащій подъ пятой все населеніе. Какая картина нравовъ! И картина тѣмъ болѣе печальная, что и извинить-то ихъ нечѣмъ — въ виду городскаго самоуправленія, мировыхъ и иныхъ судовъ, прокуроровъ, корреспондентовъ, дозволенной въ печати гласности и т. д.!

Какъ ни занимательна эта картина, но насъ не менѣе, если не болѣе занимаютъ общіе вопросы, къ которымъ подало поводъ крушеніе Скопинскаго городскаго банка — и

главнымъ образомъ вопросъ объ имущественной отвѣтственности. Кому вознаграждать вкладчиковъ, если имущества лицъ, признанныхъ уголовнымъ судомъ виновными, не достанетъ (какъ это и предвидится)? Нѣкоторые, ссылаясь на 25 § Нормальнаго Положенія о городскихъ банкахъ, привлекаютъ къ отвѣтственности «городское общество»; другіе, какъ напримѣръ «Московскія Вѣдомости», обязанность принять на себя уплату суммъ, подлежащихъ взысканію съ городскихъ жителей, возлагаютъ на правительство, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, оно не можетъ почитать себя въ настоящемъ дѣлѣ совсѣмъ безотвѣтственнымъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ удобствѣ и о практическихъ послѣдствіяхъ таковой мѣры, мы съ своей стороны не можемъ не признать, что значительная доля отвѣтственности за всѣ городскіе банки ложится именно на правительство. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть самое Положеніе.

Скопинскій городской банкъ—несчастное порожденіе одного изъ наиболѣе неудачныхъ твореній нашего новѣйшаго финансоваго законодательства. «Нормальное Положеніе о городскихъ общественныхъ бонкахъ», утвержденное 6 февраля 1862 г., было составлено въ ту пору лихорадочнаго увлеченія мыслью о созданіи у насъ широкаго частнаго кредита и о преимуществахъ частнаго хозяйства надъ государственнымъ, которая ознаменовалась достопамятнымъ изгнаніемъ изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій громадной массы частныхъ капиталовъ, сбытомъ въ частную собственность и эксплуатацію множества государственныхъ природныхъ богатствъ и разными другими финансовыми скороспѣлыми предпріятіями, вызванными отчасти дѣйствительною потребностью, но еще болѣе духомъ доктрины. Конечно, много было плѣнительнаго въ мысли однимъ почеркомъ пера создать въ Россіи сотни кредитныхъ учрежденій, и ничего нѣтъ удивительлаго, что при отсутствіи всякаго государственнаго опыта въ этой сферѣ дѣятельности (такого опыта не откуда было и взять, его не было въ русской общественной жизни), вышло «Положеніе», — на нашъ взглядъ болѣе чѣмъ странное. Но извиняться «неопытностью» правительство можетъ только предъ исторіей, а не предъ частными интересами, отъ таковой неопытности пострадавшими. Соблазнить

города, наши уѣздные города, на учрежденіе городскихъ банковъ, надѣлить эти кредитныя учрежденія привилегіями, придать имъ характеръ покровительствуемыхъ правительствомъ учрежденій — не устанавливая при этомъ никакого систематическаго, правильнаго за ними контроля, это вѣдь почти то же, что̀ вооружить ребенка ножомъ, даже и не смекнувъ, что онъ пожалуй имъ и обрѣжется. Читая Нормальное Положеніе, недоумѣваешь — чѣмъ же собственно представлялись эти учрежденія законодателю: государственными или же просто *общественными*, и притомъ такими ли, до которыхъ правительству столько же дѣла, сколько до всякаго учрежденія, основаннаго на паяхъ или акціяхъ (въ родѣ, напримѣръ, Торговаго, Купеческаго, Учетнаго, Волжско-Камскаго банковъ въ Москвѣ или Петербургѣ), или же такими, къ которымъ правительство не можетъ относиться безразлично? Не можемъ рѣшить, какъ въ точности смотрѣлъ на нихъ законодатель, но по смыслу устава выходитъ, что городскіе банки учрежденія болѣе или менѣе — *государственныя*.

Этотъ характеръ придаютъ имъ слѣдующія статьи «Положенія»:

Директору банка и его товарищамъ, избираемымъ городскимъ обществомъ, присвоивается мундиръ, не общій съ городскими выборными членами, а вѣдомства *Министерства финансовъ*, отъ VII до IX разрядовъ (§ 7).—Банку предоставляется имѣть *зерцало* въ комнатѣ засѣданій правленія (§ 14). — «*Наблюденіе за исполненіемъ*» особыхъ правилъ о выдачѣ ссудъ на сроки свыше 9 мѣсяцевъ и объ отношеніи актива къ пассиву (т. е., чтобы сумма принятыхъ банкомъ вкладовъ и всякихъ иныхъ обязательствъ не превышала болѣе чѣмъ въ 10 разъ собственные его капиталы, основной и запасный) «*предоставлено министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ*». (Прим. 2 къ § 23. Исполнялось ли когда такое требованіе закона— это вопросъ другой...). — «Безъименные билеты банка на полученные имъ вклады принимаются въ залогъ, *наравнѣ съ наличными деньгами*, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ той губерніи, гдѣ учрежденъ банкъ». Это преимущество очень важное. Билетамъ частныхъ или акціонерныхъ кре-

дитныхъ учрежденій такое право не присвоено; оно предоставляется лишь по особенному ходатайству этихъ учрежденій и въ мѣру внушаемаго ими правительству довѣрія: инымъ наравнѣ съ наличными деньгами, инымъ со сбавкой. Представьте же себѣ положеніе частныхъ лицъ, отдавшихъ свои деньги на вкладъ въ Скопинскій банкъ: какъ же имъ не имѣть увѣренности въ доброкачественности полученныхъ ими отъ этого банка билетовъ, когда, по справкѣ въ любомъ казенномъ присутствіи Рязанской губерніи, они убѣждались, что сама казна велѣла признавать ихъ безпрекословно наравнѣ съ наличными деньгами?! Вѣдь это своего рода гарантія, и очень значительная.

Но всего знаменательнѣе слѣдующая особенность:

Въ уставѣ каждаго негосударственнаго кредитнаго учрежденія, предвидится возможность *прекращенія дѣйствій* и имѣется цѣлый рядъ §§ о *ликвидаціи* обязательствъ. Каждое такое учрежденіе, какъ юридическое лицо, можетъ наравнѣ съ частными лицами оказаться несостоятельнымъ, банкротомъ. *Ничего подобнаго нѣтъ и не предвидится* въ Нормальномъ Положеніи о городскихъ банкахъ. Ни одна статья не упоминаетъ ни словомъ ни о несостоятельности, ни о ликвидаціи, — и это не опущеніе. Нисколько. Въ соотвѣтствіи съ этимъ представленіемъ о *непрерывности* банковскаго существованія и банковской дѣятельности находится 27 § Положенія, на основаніи котораго вклады въ городскіе банки «принимаются или на неопредѣленное время, или на извѣстные сроки отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, или же *на вѣчное время*, съ правомъ пользоваться лишь одними процентами безъ востребованія самаго капитала»... Ни о какихъ *вѣчныхъ вкладахъ* ни въ какомъ уставѣ для частныхъ или акціонерныхъ публичныхъ банковъ, предполагающихъ возможность ликвидаціи, не говорится,—тѣмъ болѣе что съ юридической точки зрѣнія *вѣчныя* обязательства— даже nonsens, что-то немыслимое, да и на основаніи нашего гражданскаго свода крайній срокъ всякимъ договорамъ положенъ *двѣнадцатилѣтній*. «Вѣчныя» обязательства возможны единственно для *государства*, которое не можетъ само полагать своему бытію сроки и зиждется, такъ сказать, на фикціи о вѣчности, а равно и для органическихъ членовъ

государственнаго тѣла — его составныхъ частей. Очевидно, что *городской банкъ* Нормальнаго Положенія — по мысли, можетъ-быть и не ясно сознанной законодателемъ.—зиждется на томъ же представленіи какое лежитъ въ основаніи государства, другими словами—на *государственномъ* началѣ, общемъ городскимъ банкамъ съ Банкомъ Государственнымъ, — почему въ ихъ уставахъ и нѣтъ о ликвидаціи ни слова. Это не значитъ, чтобъ самыя государственныя учрежденія были «вѣчны». Государственный Банкъ можетъ быть закрытъ или преобразованъ, но всѣ его обязательства суть обязательства государства, а потому никогда и не могутъ утратить силу. Провозгласивъ въ Нормальномъ Положеніи общность начала городскихъ банковъ съ государственнымъ, правительство несетъ предъ обществомъ и отвѣтственность за такое провозглашеніе, иначе—отвѣчаетъ предъ частными кредиторами за городскіе банки такъ же, какъ и за Банкъ Государственный, который никогда «несостоятельнымъ» быть *не способенъ*, т. е. несостоятельность котораго юридически предполагаться не можетъ—какъ не можетъ предполагаться несостоятельность государства. Разница лишь въ томъ, что въ Государственномъ Банкѣ правительство отвѣчаетъ непосредственно и потомъ уже вѣдается съ виновными, а въ городскихъ банкахъ взысканіе за растрату обращается первоначально на служащихъ и иныхъ лицъ, по степени ихъ вины и прикосновенности.

Намъ возразятъ вѣроятно, что если правительство и обязано имущественною отвѣтственностью въ дѣлѣ Скопинскаго банка, такъ уже послѣ всѣхъ, т. е. когда не только дума, но и самъ *городъ* окажутся несостоятельными и укажутъ на 19 и 25 статьи Нормальнаго Положенія, изъ которыхъ первая (о періодическихъ ревизіяхъ) гласитъ: «Впрочемъ, какъ за цѣлость принадлежащихъ банку и ввѣренныхъ ему суммъ отвѣтствуютъ не только правленіе (банка) и дума, *но и само городское общество* (ст. 25), то такія же свидѣтельства (т. е. ревизіи) могутъ быть производимы и симъ послѣднимъ чрезъ особо уполномоченныхъ для того гражданъ, во всякое время». А 25 статья говоритъ кратко: «Ввѣренные банку вклады обезпечиваются *ручательствомъ всего городскаго общества, которое отвѣтствуетъ и за цѣлость*

всѣхъ суммъ банка». Нельзя не подивиться неопредѣленности этихъ статей, самыхъ капитальныхъ повидимому во всемъ уставѣ. Несомнѣнно, что составитель проекта имѣлъ самое смутное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ «городскаго общества» и городскаго представительства. Едвали впрочемъ не смутно оно въ нашемъ общественномъ сознаніи и до сихъ поръ,—а этотъ вопросъ заслуживаетъ, именно теперь, внимательнаго изученія и точнаго разрѣшенія. Вотъ надъ чѣмъ бы поработать нашимъ юридическимъ обществамъ.

Нормальное Положеніе вышло еще въ 1862 г., т. е. еще при дѣйствіи Екатерининскаго городоваго устройства. Выраженіе «городское общество» имѣло тогда смыслъ болѣе опредѣленный, т. е. предполагало только сословія купеческое, мѣщанское и ремесленное, съ совершеннымъ исключеніемъ дворянскаго. Былъ даже такой интересный случай при введеніи въ дѣйствіе новаго Городоваго Положенія, что уполномоченные купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій одного изъ городовъ просили министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, а за полученіемъ отъ нихъ отказа, обратились въ Сенатъ съ ходатайствомъ объ оставленіи общественнаго банка, какъ созданнаго исключительно ихъ общими средствами, въ завѣдываніи не городскаго управленія, а трехъ названныхъ сословій; но Сенатъ отказалъ имъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что «преобразованное по Городовому Положенію городское общество должно принять на себя всѣ обязанности городскаго общества прежняго состава, а вмѣстѣ съ тѣмъ вступить и во всѣ права его по отношенію къ мѣстному общественному банку, а именно: вся отвѣтственность за обороты банка должна быть возложена на вновь образованную городскую думу, представляющую собою, на основаніи 54 ст. Город. Положенія, *все городское общество*» (Рѣш. Пр. Сената 15 октября 1875 и 26 мая 1876 г.; сборникъ барона Майделя и Бѣлюстина). Но всего важнѣе то толкованіе, которое дано Правительствующимъ Сенатомъ выраженію 25 § Нормальнаго Положенія о самой «отвѣтственности городскаго общества». Былъ уже, оказывается, случай, подобный Скопинскому, съ однимъ банкомъ, и по рѣшенію судебныхъ мѣстъ наложенъ былъ начетъ именно на «городское общество». Дѣло доходило до

общаго собранія Сената, рѣшеніями котораго 19 ноября 1876 и 25 ноября 1877 г. разъяснено, что члены городской думы отвѣтствуютъ за допущенныя правленіемъ городскаго банка злоупотребленія въ томъ лишь случаѣ, если они судебнымъ порядкомъ обличены въ соучастіи или попустительствѣ; при наличности же этихъ условій и при несостоятельности членовъ городской думы, «имущественная отвѣтственность падаетъ *на избравшія ихъ общества*».

Такъ какъ «обществъ», организованныхъ внѣ думы, нѣтъ, а имѣются только частныя лица, т. е. не избирающія *общества*, а совокупность *избирателей*, то невольно спрашивается—кто же однако именно отвѣчаетъ: *избиратели* лично и поголовно, т е. только тѣ лица, которыя въ избраніи участвовали, или же и тѣ, которыя участія въ актѣ избранія не принимали, по какимъ бы то ни было причинамъ, но числятся въ разрядѣ правоспособныхъ? Такого рода разъясненіе необходимо. Насъ впрочемъ занимаетъ *общій* вопросъ объ отвѣтственности городскихъ обществъ и земствъ за дѣйствія ихъ представителей и о размѣрѣ полномочій городскаго и земскаго представительствъ. Это также нужно знать избирателямъ. Если имѣніе каждаго жителя уѣзда или имущество каждаго городскаго осѣдлаго, правоспособнаго обывателя можетъ въ одинъ прекрасный день, безъ всякой личной его вины, быть продано съ молотка, то едвали не бо́льшая часть уѣзднаго и городскаго населенія предпочтетъ. пожалуй, отказаться отъ благъ подобнаго самоуправленія, или же потребуетъ для себя нѣкоторыхъ гарантій, болѣе прежняго ограждающихъ цѣлость частныхъ имуществъ. Принято смотрѣть на земскихъ и городскихъ представителей какъ на *уполномоченныхъ*, дѣйствующихъ по довѣрію обществъ; но вѣдь ко всякой «довѣренности» прибавляются слова: «а что́ вы по сей довѣренности *законно* учините, въ томъ я вамъ вѣрю, спорить и прекословить не буду»,—и довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствія уполномоченнаго только *законныя* и съ *довѣренностью согласныя*. Такой «довѣренности» избиратели, по установленнымъ закономъ порядкамъ, не выдаютъ; мало того: они лишены всякаго права давать инструкціи избираемымъ ими представителямъ или ограничивать ихъ опредѣленными условіями. И этого мало: они ли-

шены всякой возможности законно контролировать ихъ дѣйствія и *вовремя* останавливать ихъ упущенія. Выбрали, положимъ, въ гласные думы и земскаго собранія людей порядочныхъ. Но на другой же годъ они стали уклоняться отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей или принимать рѣшенія явно ошибочныя, къ прямой невыгодѣ населенія. По истеченіи трехлѣтняго срока они пожалуй и не будутъ вновь переизбраны, но въ теченіи этихъ-то трехъ лѣтъ— какое средство имѣетъ городское общество или земство предупредить неминуемый, грозящій населенію вредъ отъ неосновательныхъ распоряженій большинства гласныхъ, а иногда и полное разореніе? Ровно никакого; въ Скопинѣ дума собиралась, говорятъ, два раза въ годъ: могли ли жители заставить ее собираться чаще? Это въ городѣ, а мужикъ въ деревнѣ еще менѣе надѣленъ возможностью съ подробностью вѣдать о дѣяніяхъ земскаго представительства и принимать какія-либо мѣры предосторожности... ну, хоть бы посредствомъ разглашенія въ газетахъ! Вѣдь въ томъ же сборникѣ (стр. 5) мы находимъ рѣшеніе Сената 30 января 1874 г. о томъ, что «*частныя лица не имѣютъ права жаловаться на распоряженіе городскаго общественнаго управленія на основаніи невыгодности онаго для города*»: они могутъ жаловаться лишь тогда, когда таковымъ распоряженіемъ нарушенъ прямой «законъ или права частныхъ лицъ». И такъ, внѣ городскаго представительства существуютъ только жители, *частныя лица*, не имѣющія права въ качествѣ *горожанъ* приносить куда-либо жалобы на разорительныя для города дѣйствія своихъ уполномоченныхъ. То же и въ земствѣ. Неужели однако слѣдуетъ вывести заключеніе (котораго, конечно, наши законодатели въ виду не имѣли), что при той формѣ самоуправленія, какая существуетъ у насъ, частныя лица, входящія въ составъ городскихъ и земскихъ обществъ, преданы съ руками и ногами въ полную власть и, можно сказать, на произволъ своихъ представительствъ, безъ малѣйшаго для себя обезпеченія??... Скажутъ: представители выражаютъ собою мысль и волю представляемыхъ. Но мысль и воля, безъ точнаго опредѣленія предметовъ мышленія и изволенія, какъ что-то общее, мыслятся только философски. Скажутъ: они ничѣмъ не рискуютъ. Но развѣ наша, срав-

нительно недавняя, практика не являетъ никакихъ примѣровъ противнаго? Напримѣръ: Тамбовское и Саратовское земскія собранія приняли на обязанность своихъ земствъ гарантію по желѣзнымъ дорогамъ; хорошо что правительство пришло къ нимъ на помощь, такъ какъ земства никакими обложеніями не въ состояніи были бы уплатить тѣ громадные убытки, которыми грозило имъ крушеніе желѣзнодорожной затѣи, и вынуждены были бы, вѣроятно, рано ли, поздно ли прибѣгнуть къ распродажѣ поземельной собственности, если не у всѣхъ, то у многихъ частныхъ лицъ, а можетъ-быть и крестьянскихъ обществъ. А городъ Скопинъ? Въ силу вышеприведеннаго сенатскаго рѣшенія имущественная отвѣтственность за растраты въ банкѣ падетъ, повидимому, чуть не сполна на городскихъ жителей, избравшихъ личный составъ городской думы: по слухамъ, думскіе гласные сами почти всѣ должны банку и окажутся, разумѣется, несостоятельными. Но если сумма убытковъ превышаетъ, какъ говорятъ, цѣнность всѣхъ городскихъ частныхъ имуществъ, то придется, пожалуй, такимъ образомъ продать съ молотка весь Скопинъ и такъ-сказать, вслѣдъ за ликвидаціей банка, ликвидировать самый городъ, вычеркнуть Скопинъ изъ списка городовъ Россійской имперіи! Колоссальный, невѣроятный абсурдъ, но онъ оказывается у насъ неневозможенъ, и даже не въ теоріи, а на практикѣ!

Намъ кажется, что весь этотъ гордіевъ узелъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣломъ Скопинскаго банка, долженъ быть, по крайней мѣрѣ по отношенію къ настоящему частному случаю, разсѣченъ дѣйствіемъ самого правительства. Едвали можетъ оно отрицать свою долю вины какъ законодателя,— львиную долю по нашему мнѣнію... Самые же вопросы, нами поставленные, заслуживаютъ, какъ намъ думается, особаго, тщательнаго обсужденія, какъ государственныхъ властей, такъ и всего русскаго общества.

По поводу трехсотлѣтняго юбилея присоединенія Сибири къ Россіи.

«Русь», 17-го декабря 1882 г.

Отпразднованный на прошлой недѣлѣ трехсотлѣтній юбилей присоединенія Сибири къ Россіи не ознаменовался никакимъ особеннымъ внѣшнимъ торжествомъ, ни даже «началоположеніемъ», какъ выражались встарину, какого-либо новаго учрежденія или перемѣны, сколько-нибудь видной, старыхъ формъ административнаго и общественнаго въ Сибири строя. Мы вообще не мастера на юбилеи и обыкновенно запаздываемъ, не поспѣваемъ съ приготовленіями къ урочному праздничному дню, а въ настоящемъ случаѣ и выборъ самаго дня подвергался продолжительнымъ колебаніямъ. Сначала предполагалось пріурочить юбилей ко дню окончательной побѣды, одержанной Ермакомъ надъ полчищами Кучума, причемъ шли пренія о числѣ, когда совершилось это, по истинѣ дивное и великое событіе; затѣмъ, вслѣдствіе траура, въ который облеклась Россія послѣ 1 марта 1880 г., празднованіе перенесено было на другое событіе, на тотъ не менѣе знаменательный день, когда Иванъ Кольцо предсталъ предъ грозныя очи царя Ивана

И, снявъ желѣзный свой шеломъ,
Сибирью билъ ему челомъ.

День этотъ также въ точности неизвѣстенъ, и можно только съ нѣкоторою достовѣрностью догадываться, что смиренное поднесеніе казаками Государю Московскому и всея Руси Сибирскаго царства, и торжественное принятіе этого царства подъ высокую Государеву руку состоялось въ ноябрѣ или въ началѣ декабря 1582 г., почему юбилей и былъ пріуроченъ къ зимнему Николину дню (онъ же кстати и день тезоименитства Государя Наслѣдника). И намъ кажется, что перенесеніе юбилейнаго празднества на это второе событіе сдѣлалось, хотя и случайно, но вполнѣ удачно. Изъ двухъ историческихъ моментовъ, изъ которыхъ слагается присоединеніе Сибири къ Россіи, едвали не самый важный по своему политическому значенію и какъ бы закрѣпляющій починъ Ермака — послѣдній. Правда, Ермакъ и его малочи-

сленная вольница-дружина предприняли походъ на Кучумово царство не вслѣдствіе личной корысти или алчной властолюбивой похоти, не изъ лихой только удали, а изъ иныхъ побужденій, которыхъ высота даже и не сознавалась вполнѣ ихъ смиренными, простыми сердцами: истые русскіе люди, они возложили на себя,—какъ покаянный, очистительный за личныя прегрѣшенія подвигъ,—страстотерпный подвигъ ратный, на прибыль родной Русской землѣ и великому Государю; они спасали свои души и добровольно несли на смерть свои буйныя головы, творя самочинно великое земское и государево дѣло, и утѣшаясь въ бѣдахъ надеждою, что коли Богъ поможетъ, помянетъ ихъ добромъ родная земля, «и по смерти ихъ память не оскудѣетъ»... И Богъ помогъ. Въ нихъ олицетворился тотъ духъ, которымъ создано Русское государство, который живетъ въ Русскомъ народѣ и поднесъ, во всякомъ русскомъ переселенцѣ, заходящемъ въ невѣдомую даль: вездѣ и всюду неразлучно съ нимъ сознаніе, что онъ не только отъ Русскаго народа, но и отъ Русскаго государства. Но и государство въ то время было еще отъ единаго духа съ своимъ народомъ... Иное дѣло—геройскій захватъ столицы Кучумова царства горстью казацкой вольницы; иное дѣло — государственная рѣшимость удержать взятый городъ и всю окрестную страну за Россіей. Если бы вообразить себѣ царя Ивана окруженнымъ дипломатами и политиками новѣйшаго покроя, то едвали бы присоединеніе Сибири совершилось. Тысячу тысячъ препонъ предъявила бы новѣйшая мудрость, въ тысячу разъ болѣе основательныхъ, чѣмъ тѣ, какія встрѣтило присоединеніе Кульджи или сохраненіе за Россіей ея американскихъ владѣній и острововъ въ Охотскомъ морѣ, Богъ вѣсть зачѣмъ, почти задаромъ проданныхъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ и служащихъ теперь для послѣднихъ источникомъ баснословныхъ доходовъ!... Въ самомъ дѣлѣ, представимъ только себѣ Россію во второй половинѣ XVI вѣка, со всею тяжеловѣсностью, неуклюжестью, неповоротливостью ея государственнаго механизма,—Россію, угрожаемую постоянно и съ Юга, и съ Сѣвера, и съ Запада, съ ея и тогда уже огромнымъ пространствомъ, едваедва населеннымъ, лишеннымъ всякихъ удобныхъ путей и средствъ сообщенія,—всю эту непроницаемую темь, глушь,

даль ея окраинъ, преданныхъ на жертву всякой неурядицѣ... Можно лишь дивиться искусству и настойчивости Московскихъ князей и государей, умѣвшихъ, при такихъ условіяхъ, совладать, и не худо, съ труднымъ дѣломъ государственнаго правленія. Къ чему, казалось бы, еще осложнять этотъ трудъ присоединеніемъ какой-то Сибири, лежащей чуть не за тридевятью землями, до которой ѣзды чуть не годъ, тогда какъ предстояло еще государямъ возвратить себѣ отчину и дѣдину на юго-западѣ отъ Москвы и проложить себѣ ближайшіе пути къ морю? Но въ томъ-то и дѣло, что Московскіе государи не переставали сознавать себя только преемственными зодчими государственной храмины, которой созиданіе совершалось въ пространствѣ вѣковъ, которой размѣры и самый образъ лишь смутно носились предъ ихъ мысленными очами; они были постоянно служителями будущаго, въ будущее былъ упорно вперенъ ихъ государственный взоръ. И Иванъ Грозный, движимый историческимъ инстинктомъ, а отчасти, можетъ-быть, и дальнозоркостью разума, не только ни на мигъ не задумывается надъ вопросомъ: къ чему такая лишняя обуза для Московскаго правительства (потому что ничѣмъ, кромѣ обузы, Сибирь въ то время не была и не могла быть), но, ликуя и торжествуя, прилагаетъ царскую руку къ дѣлу руки казацкой и твердо намѣчаетъ будущій предѣлъ Русскаго государства.

Если юбилей не сопровождался никакимъ особеннымъ видимымъ дѣйствіемъ на пользу Сибирскаго края, то онъ все же исполненъ значенія и не можетъ не оставить благотворныхъ послѣдствій уже потому, что подвелъ итоги нашему общественному сознанію, нашимъ свѣдѣніямъ о Сибири, нашей правительственной и общественной дѣятельности въ этой части Россіи, нашимъ къ ней отношеніямъ, нашимъ обязанностямъ и нашимъ задачамъ. Это сознаніе нашло себѣ прежде всего самое авторитетное выраженіе въ телеграммахъ Государя Императора къ Томскому губернатору и къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, уже извѣстныхъ читателямъ «Руси» (см. 50 №). Нельзя сказать, чтобы Россія много облагодѣтельствовала эту свою русскую область, много приложила къ ней просвѣщеннаго труда и заботъ, и сумѣла какъ должно воздѣлать ея богатую всевозможными дарами

природу. Сибирь и до сихъ поръ пустыня. Пространство въ два съ половиной раза болѣе Европейской Россіи—числитъ къ 1882 году менѣе пяти милліоновъ жителей, да и то съ инородцами! Къ тому же въ составъ сибирскаго русскаго населенія входитъ не въ малой мѣрѣ и русское европейское отребье—подъ видомъ ссыльныхъ и каторжныхъ. Ссылка и каторга въ русскихъ народныхъ понятіяхъ стали нераздѣльны съ понятіемъ о Сибири и придали этому краю какой-то опальный характеръ. Но если бы только опальный! Сибирь, какъ мѣсто ссылки, точь въ точь мѣсто свалки всякихъ нечистотъ, и вотъ противъ этого-то вопитъ,—о прекращеніи этой заразы, объ очищеніи сибирскаго воздуха отъ наносныхъ нравственныхъ міазмовъ и молитъ все здоровое, незаразившееся населеніе. А это здоровое русское населеніе Сибири само по себѣ заслуживаетъ вниманія. Оно не вѣдало ни крѣпостнаго права, ни помѣщичьяго барства, и замѣчательно, что рядомъ съ представленіемъ о Сибири, какъ о краѣ бѣглыхъ, ссыльныхъ и каторжныхъ, воровъ, убійцъ и преступниковъ всякаго рода,—краѣ самыхъ разгульныхъ чиновничьихъ беззаконій и самаго безшабашнаго административнаго произвола, типъ *Сибиряка* пользуется въ русскомъ обществѣ особеннымъ сочувствіемъ, какъ типъ человѣка бодраго, энергическаго и предпріимчиваго.

Россія въ долгу у сибирской своей окраины, и это сознаніе гласно заявлено по случаю юбилея. Предполагается, если не вполнѣ отмѣнить, то видоизмѣнить и во всякомъ случаѣ значительно сократить ссылку въ ея размѣрѣ. Обѣщано распространить на сибирскія губерніи и судебную реформу, и земскія учрежденія, и вообще уничтожить ту обособленность управленія, которая какъ бы выдѣляла Сибирь изъ общей жизни Россіи. Въ Томскѣ затѣвается даже университетъ... Но отъ всѣхъ этихъ учрежденій и нововведеній нельзя ожидать надлежащей пользы, пока не устранится главная причина обособленности, а также малой населенности и слабаго экономическаго, гражданскаго и вообще культурнаго развитія Сибири. Эта причина—ея отдаленность и ея пространство. Какая гласность, какая прозрачность, какой контроль возможны въ такой необъятной глуши и непроглядной дали, въ такомъ отрѣшеніи отъ общей жизни всего образованнаго

міра! Въ этомъ вся злоба настоящаго дня; этою злобою прежде всего слѣдовало бы заняться. Нужно одолѣть пространство, побѣдить разстояніе, сблизить Сибирь съ Европейской Россіей, поставить ихъ въ общеніе живое и непрерывное. Другими словами: раньше всего и прежде всего нужна желѣзная дорога въ Сибирь. Вотъ на что́ должны быть устремлены всѣ жертвы и всѣ усилія.

Сибирь—золотое дно. Во сто разъ могутъ быть увеличены ея доходы безъ малѣйшаго затрудненія, какъ свидѣтельствуетъ знатокъ Сибири, г. Ядринцевъ, въ своей замѣчательной книгѣ изданной къ трехсолѣтнему юбилею («Сибирь какъ колонія»). Неисчерпаемыя богатства скрываетъ въ себѣ этотъ край, но не доходятъ до нихъ хозяйскія руки,—а между тѣмъ, въ виду этихъ несмѣтныхъ богатствъ, да и многихъ другихъ, непочатыхъ и разсѣянныхъ по всему нашему царству, мы терпимъ бѣдность и не перестаемъ пѣть уныло и хоромъ—Лазаря! Какое-то колдовство задерживаетъ до сихъ поръ сооруженіе сибирской желѣзной дороги. Судя по газетамъ, рѣшаются наконецъ начать постройку перваго участка отъ Екатеринбурга на счетъ казны,—но если, при современномъ состояніи нашей казны, она приметъ на себя устроеніе всего пути до Сибири, то ожидать довершенія его придется долго. Не подлежитъ и спору, что въ принципѣ государственные пути сообщенія не должны обращаться въ предметъ монополіи, но очевидно также для всѣхъ и доказывается опытомъ всего міра, что существующая сѣть желѣзныхъ дорогъ на всемъ земномъ шарѣ никогда бы и не появилась на свѣтъ Божій безъ частной иниціативы, безъ *временной* уступки государствомъ своей прерогативы частнымъ лицамъ и компаніямъ. Если въ Германіи и Англіи пришли къ сознанію необходимости выкупать постепенно и по мѣрѣ возможности уже построенные частными капиталами рельсовые пути и обращать ихъ въ собственность государства, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что никакой иной желѣзнодорожной постройки допустить нельзя, кромѣ государственной. Не слѣдовало продавать въ частныя руки дорогъ самыхъ доходныхъ, сооруженныхъ на средства Государственнаго Казначейства, какъ это сдѣлано у насъ съ Николаевской и Московско-Курской желѣзными дорогами,—это такъ, особенно же продавать на такихъ не-

выгодныхъ для казны условіяхъ, какъ продана Николаевская. Но внезапно перейти отъ принципа безпредѣльныхъ концессій къ принципу исключительнаго казеннаго сооруженія путей сообщенія, при совершенномъ оскудѣніи свободныхъ денежныхъ у казны средствъ, это—по меньшей мѣрѣ странно. А между тѣмъ очень возможно, что будь только разрѣшено строить желѣзную дорогу въ Сибирь и по Сибири въ разныхъ мѣстахъ, участками, частнымъ лицамъ,—образовались бы компаніи, нашлись бы капиталы въ самой Сибири, и дѣло рельсоваго сближенія Европейской Россіи съ Азіятскою двинулось и совершилось бы съ желанною быстротою. На этомъ сосредоточиваются теперь всѣ наши пожеланія блага Сибири...

Уже дописавъ эти строки, прочли мы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстіе о томъ, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: «въ память 300-лѣтняго юбилея Сибири и дабы увѣковѣчить имя ея завоевателя, Сибирскаго казачьяго войска № 1 полку именоваться отнынѣ Сибирскимъ казачьимъ № 1 Ермака Тимоѳеева полкомъ». Съ радостнымъ сочувствіемъ узнается объ этомъ царскомъ повелѣніи въ народѣ. Исполнилось чаяніе простыхъ въ своей доблести русскихъ сердецъ: не оскудѣла память объ ихъ подвигѣ на Руси и по смерти, не оскудѣетъ во вѣкъ.

Намъ нужно имѣть готовность дѣлать скромную и скучную работу каменьщика.

«Русь», 24-го декабря 1882 г.

Заканчивая нынѣшнимъ № годовой кругъ нашего изданія, скажемъ нѣсколько прощальныхъ словъ и истекающему 1882 году. Безъ радости и безъ печали разстаемся мы съ нимъ и вступаемъ въ новый — какъ рабочіе, переходящіе отъ будней къ буднямъ. Да, для насъ настали будни,— сѣрые, рабочіе, тяжелые будни,—о праздничныхъ радостяхъ пока нечего и думать. Но нечего и предаваться чувству безнадежности и тоски, кричать на всѣхъ перекресткахъ, предъ всѣмъ міромъ: «мы въ унынiи» и аттестовать себя самихъ и все русское общество—какъ духовно-несостоятель-

ныхъ. Пора наконецъ перестать жить самообольщеніями и порывами, увлекаться блестящей сценической обстановкой, довольствоваться поверхностью, хлопотать о вѣнцахъ зданія, не достроивъ даже фундамента, и постоянно забывать, что

....если Божій храмъ художникъ создаетъ,
Потребенъ *каменьщикъ съ испытаннымъ терпѣньемъ:*
Онъ жизнь творенію художника даетъ
Работы мертвой исполненьемъ!

Да, намъ нужно мужественное терпѣнье, нужна покорная готовность дѣлать скромную и скучную работу каменьщика. Это всего труднѣе для нашей славянской, особенно русской природы. Намъ, какъ мы уже однажды говорили, несравненно легче взять приступомъ неприступный Карсъ, перевалить зимою чрезъ Балканы, вопреки всѣмъ ученымъ теоретическимъ доводамъ величайшихъ военныхъ авторитетовъ, чѣмъ засадить себя за мелочной, невзрачный, ежедневный трудъ, для котораго вовсе и не требуется развернуть во всю ширь нашу мощь и отвагу! А исторія предъявляетъ намъ теперь запросъ именно на такую работу, гдѣ не приходится припѣвать, хотя бы только въ переносномъ смыслѣ: «раззудись плечо, размахнись рука» (какъ, напримѣръ, поступаютъ наши радикалы-нигилисты въ области мышленія), но гдѣ, напротивъ, нужна не заносчивая, а глубокая дума, изученіе, изслѣдованіе, самообличеніе, и главное — самовоспитаніе, а также и самовоздержаніе въ мѣру потребностей настоящей минуты и историческаго, всегда медленнаго процесса.

Лихая тройка несется по рвамъ-доламъ, выбирая путь самый кратчайшій, и вдругъ, стой! увязла въ топи, въ грязи невылазной. Какъ ни могучи кони,—ни шагу съ мѣста. Приходится ихъ распречь и посылать за рабочими, чтобъ чинить дорогу, и пока не починишь дороги (на что̀ требуется много труда, много времени), нельзя и тронуться въ путь, къ крайней досадѣ нетерпѣливыхъ, удалыхъ сѣдоковъ. Въ такомъ положеніи отчасти и мы. Есть и другое сравненіе. Человѣкъ получилъ богатое наслѣдство, самыя широкія и благодѣтельныя затѣи роятся въ его головѣ: только бы, казалось, приступить къ дѣлу, — а тутъ, откуда ни возьмись,

векселя, предъявленные ко взысканію: наслѣдство оказывается обремененнымъ долгами, старыми, забытыми долгами, по которымъ нельзя не расплатиться, нельзя приступить ни къ какому иному предпріятію — «дондеже воздаси послѣдній кодрантъ»! У насъ теперь въ особенномъ ходу обращаться съ упрекомъ къ настоящему дню и прославлять періодъ времени съ 1855 по 1881 г. Но забываютъ, что этотъ, вѣчно памятный великими и славными дѣяніями періодъ и самъ не уплатилъ многихъ старыхъ унаслѣдованныхъ имъ долговъ, да и натворилъ новыхъ великое множество. Онъ, между прочимъ, передалъ вмѣстѣ съ наслѣдствомъ новому періоду и сугубую или, вѣрнѣе сказать, трегубую скудость: финансовъ, людей и идей. Казна наша не въ порядкѣ; людей, на таланты которыхъ смѣло бы возлагались упованія всей Россіи, совсѣмъ почти не видно; идеи — общей, цѣльной,—программы ясной, опредѣленной, безспорной, которая бы могла вызвать, сосредоточить, привлечь дружное содѣйствіе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ Россіи, также пока нигдѣ, ни въ правительственной, ни въ общественной средѣ, не имѣется, — но за то какое богатство мнимыхъ силъ, всевозможныхъ лживыхъ призраковъ, фальшивыхъ вкусовъ, аппетитовъ, вожделѣній и всяческаго недомыслія! Оказывается нужнымъ, прежде всего и пуще всего, привести въ нѣкоторый порядокъ наши средства или наши финансы, отыскать людей или дать время явиться и воспитаться талантамъ, или по крайней мѣрѣ дѣловитымъ, способнымъ дѣятелямъ, а главное—выяснить въ общественномъ нашемъ сознаніи самую цѣль, къ которой слѣдуетъ намъ стремиться, однимъ словомъ — ту русскую національную идею, которая бы всѣхъ насъ привела къ согласію и дружному дѣйствію,— чѣмъ самымъ опредѣлилась бы и облегчилась задача и самого правительства.

Но уже и то благо въ дѣлѣ разстроеннаго хозяйства, когда хозяева берутся наконецъ за умъ и вмѣсто того, чтобы зажмурясь, мечтать, какъ Гоголевскій Хлобуевъ, о разныхъ фантастическихъ предпріятіяхъ, рѣшаются взглянуть своему положенію прямо въ глаза и прежде всего привести въ извѣстность долги съ твердымъ намѣреніемъ заняться уплатой. Для нѣкоторыхъ натуръ, и именно для нашей,

такая рѣшимость не легка и требуетъ особеннаго напряженія и своего рода мужества. Такой моментъ — еще не бодраго веселаго упованія, а именно *отрезвленія* начинается, кажется, и для насъ. Вотъ, въ сущности, главный и по истинѣ благой результатъ 1882 года, если мы только не ошибаемся въ своихъ выводахъ. Русское общество, сдается намъ, трезвѣе теперь, къ концу года, чѣмъ было въ его началѣ,— и поводовъ къ тому было не мало. Смерть Скобелева — самое тяжкое событіе 1882 года — лишила насъ личнаго мощнаго дарованія и сильнаго духа, и своею преждевременностью какъ бы призывала къ развитію и подъему нашихъ собственныхъ силъ безъ разсчета на случайность высшихъ личныхъ даровъ. Но для общественнаго сознанія несравненно назидательнѣе были нѣкоторые другіе уроки. Въ началѣ года, напримѣръ, казалось къ общему утѣшенію, что петербургская бюрократія всенародно признала себя не только не всевѣдущею, но даже малосвѣдущею, именно въ вопросахъ, касавшихся внутренняго земскаго строя. Въ столицу Русской имперіи (еще до сихъ поръ находящуюся чуть не за русской границей), т. е. въ Петербургъ, были созваны, не безъ торжественности, подъ названіемъ «свѣдущихъ людей», разные земскіе, болѣе или менѣе извѣстные и опытные дѣльцы, не изъ чиновниковъ, напротивъ — независимаго общественнаго положенія—для участія въ обсужденіи нѣкоторыхъ важныхъ правительственныхъ проектовъ и задачъ государственнаго хозяйства. Ревностно принялись они за работу. О ходѣ ихъ занятій печатались подробные отчеты въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»... И вдругъ — какъ рукой сняло. Засѣданія свѣдущихъ людей, еще не окончившихъ порученной имъ работы о переселеніи, должны были возобновиться осенью, но не возобновились, даже и безъ всякаго о томъ предварительнаго оповѣщенія и разъясненія. Точно «свѣдущіе люди», какъ и ихъ труды, равно и возбужденныя ихъ призывомъ общественныя ожиданія, канули въ воду. Все это чрезвычайно отрезвительно. Не явно ли, что этотъ эпизодъ со «свѣдущими» былъ только случайностью, дѣломъ убѣжденія нѣсколькихъ лицъ, а нисколько не всей бюрократической среды; что петербургская бюрократія слишкомъ глубоко коренится въ нашемъ государствен-

номъ строѣ, нимало не намѣрена сдаваться и по старому упорно признаетъ себя всевѣдущею? Не очевидно ли стало, что преданія и привычки, насажденныя издавна, пронявшія насквозь нашу административную формацію и самый бытъ правящихъ классовъ, не могутъ вдругъ улетучиться и не исчезнутъ — безъ замѣщенія имѣющей образоваться пустоты чѣмъ-нибудь ясно опредѣленнымъ,—безъ предварительной побѣдоносной работы сознанія? Всего же отрезвительнѣе было отношеніе самого общества къ этой первой правительственной попыткѣ освѣжить бюрократическую храмину приливомъ свѣжаго воздуха извнѣ и нарушить заколдованный кругъ бюрократизма введеніемъ живаго, мѣстнаго знанія и совѣта. Съ изумительно-дѣтскимъ легкомысліемъ наша же, именно, «консервативная» и «либеральная» интеллигенція обрушилась и на «свѣдущихъ людей», чуть не смѣшавъ ихъ съ грязью, и на самое правительство съ *упрекомъ* за такой, въ сущности все же полезный экспериментъ, и.... добилась возстановленія бюрократическаго полновластія, такъ какъ взамѣнъ этого эксперимента никакого иного у сей интеллигенціи даже въ проектѣ не оказалось. Оказывается, напротивъ, по признанію, напримѣръ, самихъ такъ-называемыхъ либераловъ, что земство, которое они еще въ началѣ года находили вполнѣ зрѣлымъ и компетентнымъ, пригоднымъ хоть сейчасъ для какого угодно, не то что̀ совѣщанія, но даже и любаго европейскаго «правоваго порядка», никуда въ настоящемъ своемъ видѣ *не годно*. Sic! Это послѣднее слово нашей такъ-называемой либеральной партіи подъ конецъ 1882 и къ началу 1883 года. Мы лично съ этимъ спорить не будемъ, дивимся только, что съ нами объ этомъ чуть не два года спорили, и тѣмъ менѣе находимъ основательнымъ такое со стороны русскаго общества осужденіе первой правительственной попытки воспользоваться содѣйствіемъ людей не изъ бюрократической среды. Во всякомъ случаѣ можно только радоваться такому разочарованію значительной части нашего общества въ подобныхъ надеждахъ на свою зрѣлость и пожелать, чтобъ она перестала изнывать въ жалобахъ и пеняхъ или драпироваться чайльд-гарольдовымъ плащемъ, а отъ разочарованія перешла бы скорѣе къ плодотворному отрезвленію и къ серьезной работѣ мысли.

Намъ кажется, что отрезвленіе, и даже значительное, наступило и въ отношеніи къ другой нашей исторической злобѣ. Если въ минувшемъ году Русская земля была и не совсѣмъ еще свободна отъ нигилистическихъ мерзостей и ужасовъ предшествующихъ лѣтъ, то все-таки, сравнительно съ прежнимъ, политическихъ злодѣяній было гораздо менѣе, а предупредительныя мѣры полиціи были гораздо успѣшнѣе. Авось-либо Господь Богъ смилуется и пощадитъ Россію въ будущемъ отъ повтореній такого кроваваго срама. Но и то уже утѣшительно, что случаи политическихъ убійствъ и вообще политическихъ преступленій, бывшіе въ 1882 году, вовсе уже не производили на общество того оцѣпенѣнія ужаса, того злаго террористическаго обаянія, которымъ оно бывало обхвачено въ прежнее время и которое было такъ на руку нашимъ «политическимъ» сорванцамъ. Чары рушились. Таинственная завѣса ниспала и невѣдомыя грозныя силы обличились во всемъ ничтожествѣ своего внутренняго содержанія, во всемъ своемъ грубомъ нравственномъ безобразіи. Никакая идеализація на ихъ счетъ уже невозможна, никакому недоумѣнію, двоенію мысли—уже нѣтъ мѣста. Герои револьвера и динамита, и сами по себѣ и своими дѣйствіями и программами, уже не возбуждаютъ прежняго прянаго въ публикѣ интереса, а вызываютъ только всеобщее чувство негодованія, мало причастное сожалѣнію и даже чуждое любознательности. Этотъ результатъ отрезвленія мы признаемъ также немаловажнымъ. Никто, конечно, не можетъ поручиться въ томъ, что ихъ кознямъ, заговорамъ и преступнымъ покушеніямъ положенъ конецъ,—но обольщать себя возможностью какого-либо вліянія на общество (о народѣ и говорить нечего) или какого-либо сочувствія къ себѣ они уже не имѣютъ права, а обязаны вѣдать, что ихъ въ общественномъ мнѣніи Россіи постигла худшая изъ каръ, хуже уголовныхъ. Эта кара—*пошлость*. Они опошлились, и никакая чужая или даже собственная пролитая ими кровь, никакой даже ореолъ «мученичества» не сниметъ съ ихъ «политическаго» мундира печати пошлости, съ ихъ умственнаго облика печати убожества. И въ самомъ дѣлѣ, — прочтите только три статьи: «Наши анархисты», помѣщенныя въ «Руси» и обильныя въ нихъ выписки изъ различныхъ орга-

повъ русской заграничной революціонной прессы. Даже стыдно становится за такихъ русскихъ мыслителей: всѣ ихъ разсужденія и доводы были бы подстать развѣ гимназистамъ III класса, не старше, да и у тѣхъ мыслительныя силы зрѣлѣе. Нѣтъ даже юнаго энтузіазма, а заученная фразеологія ремесла. Это «статисты революціи», какъ выражался во время оно даровитый и пылкій Герценъ, — движимые чужою, искуснѣйшею рукою. Кстати о Герценѣ: съ 1 № будущаго года мы начнемъ печатаніе въ высшей степени интересной полемической переписки съ нимъ въ 1864 г. Ю. Ѳ. Самарина о характерѣ и возможныхъ послѣдствіяхъ его, по мнѣнію Самарина (вполнѣ оправдавшемуся), зловредной заграничной политической агитаціи...

Свѣтлой полосой въ памяти о 1882 годѣ останется Всероссійская промышленная выставка, — свѣтлой, но не яркой — въ томъ именно смыслѣ, что впечатлѣніе, произведенное ею на общество не отличалось особенною живостью, хотя тѣмъ не менѣе было вполнѣ, по нашему мнѣнію, плодотворно. Несравненно большее впечатлѣніе произвели успѣхи русской промышленности на иностранцевъ. Мы же, какъ извѣстно, склонны или къ восторженному превознесенію своихъ достоинствъ, къ самообольщенію, подчасъ даже опасному,— или же, что̀ случается съ нами чаще, къ порицанію, иногда самому дешевому, безшабашному, всего *своего*, роднаго, даже къ самооплеванію и самозаушенію. На этотъ разъ однако, перваго, т. е. патріотически-восторженнаго, пристрастнаго до ослѣпленія отношенія къ нашей выставкѣ вовсе не проявилось; но и пристрастіе въ противоположную, отрицательную сторону было гораздо умѣреннѣе, можетъ-быть именно въ виду иноземной оцѣнки, которую обвинять въ русскомъ *шовинизмѣ* уже никакъ не приходится. Благотворнымъ же послѣдствіемъ выставки мы признаемъ именно то, что русская промышленность завоевала себѣ, такъ-сказать, право гражданства въ нашемъ общественномъ сознаніи, что она оправдала на дѣлѣ систему покровительственнаго тарифа и можетъ служить превосходнымъ наглядным аргументомъ въ пользу продолженія этой системы, а также и развитія ея по отношенію ко многимъ инымъ отраслямъ нашей промышленности. Наконецъ, на этой выставкѣ въ первый разъ заявила

себя и наша сельская, не фабричная промышленность, такъ-называемое кустарное производство. Нѣтъ сомнѣнія, что выставка значительно раздвинула, хотя бы только въ сферѣ экономической, предѣлы нашего національнаго самовѣдѣнія, а это именно то, что̀ намъ на потребу.

Много было говорено и писано въ нынѣшнемъ году о «національной политикѣ», «національномъ направленіи» въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но едвали не болѣе *противъ*, чѣмъ *за*... Это также весьма отрезвительный выводъ для тѣхъ, которые увѣряли, будто злоба дня вовсе не въ вопросѣ о національномъ направленіи и не въ самобытности,— будто принципъ національности и живое народное чувство уже и безъ того давно возобладали не только въ нашемъ правительственномъ строѣ, но и во всей такъ-называемой интеллигенціи. Оказывается, напротивъ, что именно-то въ обществѣ, въ сверхнародныхъ, «интеллигентныхъ» классахъ національное самосознаніе наиболѣе слабо и далеко не доразвилось до силы жизненнаго творчества; что вообще по этой части мы предъ своимъ народомъ еще въ долгу какъ въ шелку... Однимъ словомъ, 1882 годъ, не будучи нисколько бѣдственнымъ, далъ намъ однакоже не мало суровыхъ, отрезвляющихъ вразумленій, подкрѣпленныхъ еще тяжкимъ экономическимъ кризисомъ, выразившимся во всеобщемъ торговомъ застоѣ и въ небываломъ еще до сихъ поръ паденіи русскаго денежнаго курса.

Чтожъ! спасибо за вразумленія. Не настолько ужъ мы дряблы, чтобъ предаться унынію или ожидать, что авось какъ-нибудь «русскій богъ», или правительство, словно deus ex machina, выручитъ насъ изъ затрудненія, а мы будемъ лишь браниться, ныть да бездѣйствовать мыслью, въ ожиданіи какого-то невѣдомаго крупнаго внѣшняго дѣла,—неуспѣхъ котораго (если бы таковой оказался, что̀ почти несомнѣнно) взвалимъ опять-таки не на себя, не на свою личную отвѣтственность, а на правительство. Но кѣмъ же инымъ поставляется многочисленный правительственный контингентъ, какъ не самими нами? Будь мы сами не то, что̀ мы есть, будь мы не такъ убоги *гражданскою* доблестью (воинской намъ не занимать стать), будь въ насъ самихъ живѣе и дѣйственнѣе русское чувство и русская мысль, свободныя отъ раб-

скаго подражанія чужимъ образцамъ, — самыя дѣла наши пошли бы вѣроятно иначе...

Одного только мы желаемъ и просимъ у правительства, это—безпрепятственнаго обмѣна мыслей въ печати. Мы не можемъ не пожалѣть, что истекающій годъ неожиданными цензурными распоряженіями разстроилъ ряды нашихъ противниковъ, и не только далъ имъ поводъ причислить себя къ разряду будто-бы «пострадавшихъ за правду», но и ослабилъ единственную возможную съ ними для насъ борьбу— на полной свободѣ.

До слѣдующаго года, читатель...

Скобелевъ и Гамбетта.

«Русь», 1-го января 1883 г.

Не далѣе какъ въ февралѣ прошлаго 1882 года бесѣдовали между собою въ Парижѣ эти два человѣка, — люди повидимому *приватные*, частные: Гамбетта уже не стоялъ во главѣ министерства, не пользовался никакими оффиціальными, государственными полномочіями; Скобелевъ былъ, правда, корпуснымъ командиромъ, но лишь однимъ изъ таковыхъ, не превосходя ихъ никакими особенными начальственными преимуществами.... И тѣмъ не менѣе, оба были во власти, или, по выраженію Пушкина, «властители думъ» своей страны, и даже не своей одной, а чуть ли не всего свѣта,— оба были всезнаемы, къ слову обоихъ прислушивались съ сочувствіемъ или съ ненавистью народы и правительства. Оба у себя дома подвергались травлѣ завистливой посредственности и безсмысленно злобствующаго, космополитическаго радикализма. На обоихъ горѣла печать мощнаго личнаго духа, необычайныхъ талантовъ и страстной любви къ величію, чести и славѣ отечества. Оба владѣли даромъ вселять энтузіазмъ въ массы, воздымать разомъ милліоны сердецъ неудержимымъ порывомъ преданности и самоотверженія. Оба носили въ себѣ чувство своего высшаго призванія и налагаемыхъ призваніемъ обязанностей. У обоихъ въ душѣ сочилась схожая рана: одинъ терзался памятью о На-

рижской капитуляціи, объ условіяхъ послѣдняго мира съ Германіей, унизившихъ и искалѣчившихъ Францію; другой мучился воспоминаніемъ о трактатѣ Берлинскомъ, объ отступленіи отъ стѣнъ Константинополя и негодованіемъ при видѣ австрійскихъ полчищъ, вторгающихся въ Боснію и Герцеговину... У обоихъ и врагъ былъ одинъ—Нѣмецъ.

Если для Гамбетты Нѣмецъ этотъ былъ собственно Германецъ, несомнѣнный виновникъ паденія Франціи, побѣдитель ея на полѣ битвы, прямой насильникъ и завоеватель, то для Скобелева прямымъ врагомъ-Нѣмцемъ былъ собственно — Австріецъ, а Германецъ являлся лишь виновникомъ дипломатическаго пораженія Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, твердымъ оплотомъ враждебныхъ Россіи австрійскихъ посягательствъ на независимость Балканскихъ Славянъ, а также и предполагаемымъ внушителемъ противонародныхъ политическихъ стремленій у насъ самихъ, въ Петербургѣ. Въ то время еще не былъ извѣстенъ текстъ соглашенія между Австріей и Германіей, по которому оказалось, что Германія нисколько не обязывается поддерживать вооруженною рукою австро-мадьярскіе захваты, если нападеніе на Австро-Венгрію будетъ произведено съ *одной* стороны, а не съ обѣихъ разомъ. Понятно почему обнародованіе подобнаго соглашенія произвело въ Австріи такое неудовольствіе на Германію и такую тревогу... Но это мимоходомъ. Для Скобелева, какъ и для Гамбетты, одинаково врагомъ міра Славянскаго и міра Галло-Романскаго представлялся въ то время міръ Германскій.

И обоихъ собесѣдниковъ уже не стало. Менѣе чѣмъ черезъ полгода, скосила Скобелева внезапная загадочная смерть, во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, на 39 году отъ рожденія. А ко дню полугодичнаго поминовенія въ православной Россіи «души усопшаго раба божія Михаила», почти также нежданно умеръ Гамбетта, 44 лѣтъ отъ роду, и также отъ какой-то загадочной, таинственной, не политическимъ мщеніемъ направленной пули! Не столько пышностью внѣшняго церемоніала, сколько выраженіемъ искренней всенародной скорби отличались православныя похороны того, чье доблестное имя пронеслось изъ конца въ конецъ по всей необъятной Россіи и осѣненное легендами живетъ подъ кровомъ каждой сель-

ской избушки. и долго будетъ передаваться изъ рода въ родъ, въ сказаніяхъ и былинахъ. Слезами и молитвами проводили останки Скобелева сотни тысячъ народа, на всемъ трехсотверстномъ пространствѣ отъ Москвы до мѣста успокоенія.—Пышными гражданскими похоронами, безъ молитвъ, со множествомъ ораторскихъ напутствій, но, конечно, съ искреннимъ сѣтованіемъ и смущеніемъ сердца, воздала Франція послѣднія почести своей единственной въ послѣднее время великой нравственной личной силѣ и едвали не единственному государственному таланту.

Черезъ нѣсколько дней до смерти Гамбетты, внезапно же скончался отъ удара лучшій изъ военныхъ генераловъ Франціи. командовавшій передовою у германскихъ границъ арміей, генералъ Шанзи, хорошо извѣстный въ Петербургѣ. гдѣ онъ былъ посланникомъ и умѣлъ пріобрѣсти общее уваженіе. Онъ по убѣжденіямъ своимъ не былъ республиканцемъ. Онъ не былъ и атеистомъ, и когда Гамбетта, ставъ въ главѣ министерства, провелъ въ палатѣ законъ о реформѣ народной школы по плану Поля Бера, Шанзи вышелъ въ отставку. Однако Гамбеттѣ, который зналъ и цѣнилъ его военныя способности и патріотизмъ, удалось уговорить Шанзи продолжать службу Франціи на поприщѣ равно дорогомъ для людей всѣхъ партій и убѣжденій—поприщѣ обороны государственной территоріи. Шанзи принялъ командованіе... Но вотъ и его не стало. Понятенъ крикъ боли, вырвавшійся у президента республики Греви и переданный намъ телеграфомъ: «Неужели Германія заключила договоръ со смертью!...» Дѣйствительно, Германія можетъ теперь вздохнуть свободно и не безпокоиться пока за свою западную границу...

Нечего и говорить, что смерть Гамбетты имѣетъ несравненно болѣе важное политическое значеніе для Франціи (и черезъ Францію для Европы), чѣмъ преждевременная кончина Скобелева не только для Европы, но и для Россіи, какъ ни велико было наше русское горе. Поприще дѣятельности Скобелева было слишкомъ спеціальное; ему было некогда, да и не представилось случая проявить въ себѣ способности государственнаго человѣка, хотя онъ далъ несомнѣнныя доказательства своего организаторскаго таланта и,

по нашему мнѣнію, носилъ въ себѣ задатки сильнаго политическаго дарованія, нуждавшагося только въ теоретическомъ воспитаніи и въ практической школѣ. Но положеніе Гамбетты, независимо отъ его личныхъ дарованій и свойствъ, было совершенно исключительное: ему пришлось жить и дѣйствовать не только въ республикѣ, т. е. при такой формѣ правленія, которая допускаетъ полный просторъ всякому личному честолюбію и властолюбію, вооруженному энергіею и талантомъ, но притомъ въ странѣ, для которой самое ея политическое бытіе стало вопросомъ, въ странѣ униженной, опозоренной нашествіемъ врага и условіями мира, наложеннаго побѣдителемъ, — съ расшатаннымъ государственнымъ строемъ, съ деморализованнымъ обществомъ. Франціи, низринувшей у себя авторитетъ исторической или династической власти, нуженъ былъ человѣкъ—о себѣ самомъ власть имѣющій, сильнаго ума и желѣзной воли, фанатикъ идеи, способный и увлекать и господствовать, возбуждать восторгъ и покорность, и вести ее къ намѣченной цѣли. Такимъ человѣкомъ явился Гамбетта, — и такого нужнаго человѣка она лишилась!

Но достигъ ли бы онъ, привелъ ли бы Францію къ цѣли? Это еще вопросъ... Конечно, Франція теперь сѣтуетъ и горюетъ непритворно и искренно,

Поздней ревности полна...

но вѣдь именно *поздней*... Не она ли, менѣе чѣмъ за годъ до его смерти, лишила его власти въ самомъ началѣ правительственной дѣятельности, въ виду начинавшихся египетскихъ событій? Говоримъ—Франція, потому что по французской политической теоріи Французу обязательно признавать и утверждать, что устами большинства палаты депутатовъ, заставившаго кабинетъ Гамбетты выйти въ отставку, гласилъ не кто иной, какъ она сама, *tout le pays*. Вспомнимъ также, какъ въ предшествовавшемъ году происходили выборы Гамбетты въ депутаты отъ Бельвилльскаго въ Парижѣ округа, какъ едва-едва, съ грѣхомъ пополамъ, былъ избранъ онъ въ одной меріи и какимъ неистовымъ поруганіямъ подвергся въ другой,—онъ, который такъ долго гордился званіемъ депутата всего Бельвилля, чуть не по единогласному

избранію! А постепенное охлажденіе къ нему крайней лѣвой партіи палаты депутатовъ и всей партіи радикаловъ и непримиримыхъ, всѣхъ коммунаровъ, его же настояніями возвращенныхъ,—охлажденіе, перешедшее въ злобную ненависть, по мѣрѣ того, какъ самъ Гамбетта отдалялся отъ нихъ и становился поборникомъ порядка?... Одолѣлъ ли бы Гамбетта всю эту буйную стихію въ своемъ отечествѣ, привелъ ли бы когда-нибудь къ единству всѣ взаимно противоположные строптивые элементы и интересы партій?... Трудно рѣшить. Можетъ-быть да,—особенно, еслибъ восторжествовали коммунары и такъ пугнули бы французскихъ буржуа и самый народъ ужасами анархизма, что они хоромъ бы завопили: c'est un gouvernement fort qu'il nous faut, c'est une main de fer, dont nous avons besoin, т. е. взалкали бы крѣпкой властной руки! Можетъ-быть, и всего вѣроятнѣе, настало бы для него время тогда, когда открылась бы для Франціи возможность патріотической отместки Германіи за претерпѣнное униженіе, и вообще вспыхнулъ бы съ неудержимою силою патріотическій духъ...

Патріотическій духъ! Что Гамбетта былъ искренній, пламенный патріотъ, и движимъ былъ патріотизмомъ болѣе, чѣмъ даже личнымъ властолюбіемъ, это мы вполнѣ признаемъ; но для насъ очевидно, что онъ самъ не былъ удовлетворенъ степенью патріотическаго пыла разбогатѣвшей Франціи. Сама національная оборона 1870 года дала тому доказательства, по сознанію безпристрастныхъ Французовъ, и Гамбетта находилъ необходимымъ постоянно подогрѣвать любовь къ *политическому* величію Франціи и чувство политической чести въ своихъ соотечественникахъ, не пренебрегая для этого никакими средствами (какъ мы увидимъ ниже). Подъ его вліяніемъ возникло въ Парижѣ цѣлое общество, поставившее себѣ задачею «поднять патріотическій духъ» во Франціи (relever le patriotisme)!.. Съ этою же цѣлью создана и новая система народнаго школьнаго образованія, которое сдѣлано обязательнымъ и котораго главная цѣль: дать народу воспитаніе республикански-патріотическое и *военное*, даже воинственное (дѣти образуютъ батальоны, учатся ружью, военному строю, и т. д.), но въ то же время и атеистическое...

Не признавать значеніе католическаго церковнаго элемента

во Франціи, гдѣ считается 30 милліоновъ католиковъ,—элемента, съ которымъ вмѣстѣ начинается и политическая исторія этой страны и вся переплелась съ нею, проникнувъ насквозь бытъ и строй жизни Французовъ, несмотря на могущество культуры, на свободное распространеніе отрицательныхъ ученій и на развратъ нравовъ,—это непризнаніе, это пренебреженіе представляется намъ несомнѣнною, даже политическою ошибкой. При возрастающихъ успѣхахъ практическаго матеріализма, способность патріотическаго самоотверженія непремѣнно должна пойти на убыль. «Намъ необходимо поболѣе *идеализма*», говорилъ намъ республиканецъ-редакторъ одного изъ французскихъ журналовъ. Но какже обзавестить имъ—при вытравливаніи въ сердцахъ самой идеи надземнаго, безконечнаго и вѣчнаго?

Впрочемъ о Гамбеттѣ по его краткой политической карьерѣ еще нельзя судить, чѣмъ бы онъ былъ при дальнѣйшемъ развитіи и на чредѣ прочной власти. Не о субъективныхъ его чувствахъ и воззрѣніяхъ, разумѣется, идетъ здѣсь рѣчь, но объ его такъ-сказать политическомъ воспитаніи и о возможныхъ для него политическихъ комбинаціяхъ. Въ теченіи 15 лѣтъ его политическаго поприща мы видимъ его постоянно зрѣющимъ и въ этомъ смыслѣ измѣняющимся. Самая ненависть, выше нами упомянутая, его бывшихъ друзей, поклонниковъ и послѣдователей, служитъ тому свидѣтельствомъ. Его сильный и свободный умъ былъ по природѣ чуждъ доктринаризма, и хотя, какъ каждый Французъ, онъ въ молодости и былъ подвластенъ доктринамъ, но съ каждымъ годомъ постепенно освобождался отъ ихъ деспотическихъ путъ. Въ этой чертѣ намъ видится что-то уже не французское, и мы склонны приписать ее его итальянскому происхожденію: не Французъ былъ и Наполеонъ Бонапартъ... Самое знамя оппортунизма, выкинутое Гамбеттой въ позднѣйшіе годы, т. е. правило въ государственной политикѣ держаться лишь того, что̀ потребно и полезно въ данную минуту, близко къ ученію о государственной мудрости Макіавеля. Началъ онъ тѣмъ, что принадлежалъ къ республиканскимъ заговорщикамъ, къ радикаламъ самымъ крайнимъ во времена Имперіи (до того, что въ 1867 г., во дни пріѣзда на Парижскую выставку нашего покойнаго Государя, онъ, Гам-

бетта, подбилъ адвоката Флоке закричать въ лицо Государю: да здравствуетъ Польша! *), съ цѣлью, конечно, оскорбить этимъ грубымъ поступкомъ и русское и свое правительство. Вспомнимъ кстати, что когда вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ Березовскаго, его защищалъ другъ Гамбетты Жюль Фавръ, и вѣроятно готовъ былъ бы защищать и самъ Гамбетта. Но какъ скоро пріобрѣлъ онъ себѣ популярность и громкую славу оратора и почувствовалъ, что «младые когти отросли»,—уже въ 69 году, вступивъ депутатомъ въ палату, онъ тотчасъ же выказалъ въ ней и сдержанность и политическій тактъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, онъ уже дѣйствуетъ какъ диктаторъ въ качествѣ распорядителя національной обороны и проявляетъ столько энергіи и таланта, что создаетъ не мало затрудненій для Прусаковъ (въ чемъ они сами отдаютъ ему справедливость), и если не изгналъ непріятеля изъ Франціи, то все же въ значительной степени оправилъ ея честь. По учрежденіи республиканскаго режима, Гамбетта представляется намъ одержимымъ страстною жаждою отмщенія Германіи и возстановленія политическаго значенія, величія и могущества Франціи. Всѣ прежнія теоріи и доктрины принесены въ жертву этимъ политическимъ комбинаціямъ Онъ мечтаетъ о сближеніи съ Россіей. Онъ изучаетъ правительственное искусство Бисмарка... Но быстрый опытъ убѣждаетъ Гамбетту, что мечта его не исполнима безъ созданія крѣпкой, сильной государственной власти, а самое созданіе это невозможно—при существующихъ формахъ парламентаризма... И вотъ, Гамбетта стремится къ тому, чтобъ парламентъ пересталъ быть помѣхою для дѣйствія сильной власти, и проектируетъ пересмотръ конституціи, т. е. введеніе новой системы выборовъ вовсе не на строго-демократическомъ и ужъ нисколько не на радикальномъ основаніи, а такой, которая дала бы возможность Гамбеттѣ заручиться безпрекословно послушнымъ большинствомъ голосовъ. Въ это же время Гамбетта на Бельвилльскихъ выборахъ, осаждаемый разъяренной толпой, выкрикивавшей: à bas Gambetta! и разныя ругательства, по-

*) См. въ „Голосѣ“ отъ 25 дек. любопытный разсказъ очевидца Загуляева.

сылаетъ своимъ бывшимъ пріятелямъ — крайнимъ радикаламъ и непримиримымъ—съ краснорѣчивымъ жестомъ знаменитую угрозу: «погодите, я сумѣю найти васъ въ вашихъ логовищахъ!» (je saurai vous trouver dans vos antres!) И исполнилъ бы эту угрозу, еслибъ сохранилъ власть,—мы не сомнѣваемся. Но депутаты палаты, испугавшись и диктаторскихъ поползновеній Гамбетты, и самой пылкости его патріотизма, и возможной перспективы войны, не допустили пересмотра конституціи и заставили Гамбетту и его кабинетъ удалиться. Гамбетта рѣшился переждать наступленія срока полномочіямъ настоящихъ депутатовъ и продолжалъ упрочивать и усиливать преданную ему партію... Въ это-то время, уже переставъ быть президентомъ совѣта министровъ, познакомился Гамбетта со Скобелевымъ и велъ съ нимъ бесѣды, о которыхъ мы упоминали.

Какъ уже извѣстно, Скобелевъ вовсе не произносилъ «рѣчи», которая надѣлала было такого переполоха въ Европѣ. По прибытіи, въ началѣ февраля 1882 г., въ качествѣ частнаго человѣка, въ Парижъ, гдѣ онъ имѣлъ свой наслѣдованный отъ матери домъ, онъ посѣщалъ издательницу «Nouvelle Revue», познакомился съ ея сотрудниковъ Camille Farcy, видался съ другими знакомыми, и высказанныя имъ мнѣнія о политическомъ настроеніи дѣлъ, о нѣмецкомъ Drang nach Osten, о нашествіи Австрійцевъ на Боснію и Герцеговину и т. д., возбудили къ кругу французскихъ «патріотовъ желаніе воспользоваться его пребываніемъ и его громкимъ именемъ для своихъ «патріотическихъ» цѣлей. Къ Скобелеву явилась депутація Сербовъ-студентовъ, учащихся въ Парижѣ (о которой говорятъ, что она была подстроена самими Французами). Рѣчи имъ Скобелевъ не держалъ; былъ просто разговоръ, болѣе или менѣе того же содержанія,— и тѣмъ сильнѣе было его изумленіе и смущеніе, когда на другой день онъ увидѣлъ многія свои слова напечатанными въ формѣ торжественной «рѣчи», въ эффектной редакціи, со многими украшеніями. Догадавшись, что это должно быть дѣло Camille Farcy, Скобелевъ поѣхалъ его отыскивать, но едва показался онъ въ помѣщеніи редакціи журнала «Nouvelle Revue», какъ его встрѣтили словами: «простите, но умоляемъ васъ: не отказывайтесь отъ вашихъ словъ» (de

grâce, général, ne retractez pas vos paroles)! Ему объясняли и доказывали, что такая огласка «рѣчи» необходима для Франціи, потому что дастъ возможность возбудить, разогрѣть «патріотизмъ» и пустить въ оборотъ тѣ мысли, которыхъ Французы не рѣшаются, не смѣютъ, страха ради Бисмарка, высказывать печатно отъ своего имени. И дѣйствительно, французская пресса замѣчательно осторожна въ своихъ сужденіяхъ объ европейской политикѣ и избѣгаетъ всего, что̀ могло бы подать Германіи поводъ къ придиркамъ, надѣлать Франціи, пока еще не собравшейся съ силами, непріятныхъ хлопотъ, а пожалуй и оскорбленій. Пока Скобелевъ еще недоумѣвалъ, какъ поступить, онъ получилъ приглашеніе отъ Гамбетты на свиданіе съ нимъ, которое вслѣдъ затѣмъ и состоялось... Гамбетта, по разсказу Скобелева, встрѣтилъ его также просьбою не отказываться печатно отъ произнесенія рѣчи, и говорилъ, что эта «рѣчь уже оказала имъ, Французамъ, великую пользу, что она быстро воспламенила сердца патріотическимъ жаромъ, возбудивъ надежды на союзъ Россіи и Франціи... «Cela a pris comme une traînée de poudre,—занялось какъ пороховой приводъ!» радовался Гамбетта: «посмотрите, продолжалъ онъ, вотъ двѣ сейчасъ полученныя мною теллеграммы изъ Гавра и Марселя: и флотъ и армія ликуютъ... Но предупреждаю васъ,—я въ своей газетѣ вынужденъ буду осуждать безтактность генерала Скобелева—ради политической осторожности и чтобы не показаться солидарнымъ съ самымъ фактомъ произнесенія». По возвращеніи отъ Гамбетты, Скобелевъ по своему обыкновенію тотчасъ же записалъ на клочкѣ бумажки вкратцѣ содержаніе разговора и нѣкоторыя, показавшіяся ему замѣчательными, выраженія Гамбетты.

Мы сами видѣли и читали этотъ клочокъ. Гамбетта говорилъ о своихъ усиліяхъ произвести пересмотръ конституціи, создать сильную власть во Франціи, о пользѣ союза Франціи съ Россіей въ будущемъ, и выразился между прочимъ такъ: remerciez Dieu de n'avoir pas de parlement... Si vous en aviez un, vous bavarderiez cent ans sans faire rien qui vaille (благодарите Бога, что нѣтъ у васъ парламента; если онъ у васъ былъ, вы сотни лѣтъ проболтали бы, не сдѣлавъ ничего путнаго).

Послѣ того, Скобелевъ еще разъ имѣлъ съ Гамбеттой продолжительную бесѣду, именно обѣдалъ у него вмѣстѣ съ генераломъ Галифе, бывшимъ военнымъ агентомъ Франціи при нашей турецкой кампаніи. Само собою разумѣется, тутъ не было и не мыслимо было никакое «соглашеніе», да еще по порученію русскаго правительства, какъ подозрѣвали въ Европѣ! Это просто былъ обмѣнъ мнѣній двухъ замѣчательныхъ людей, не состоявшихъ во власти. Скобелевъ объяснялъ лживость французской традиціонной политики на Востокѣ, которой такъ держался Тьеръ и которая такъ всегда была враждебна Россіи и православію; онъ доказывалъ, что Франція должна отрѣшиться отъ пренебреженія, презрѣнія и непріязненности, свойственныхъ вообще Западу въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ и къ ихъ историческому движенію: должна признать, рядомъ съ міромъ Германскимъ и Латинскимъ, права міра Славянскаго, признать въ Россіи представительницу этого міра и естественную его покровительницу. Со всѣмъ этимъ Гамбетта вполнѣ соглашался, хотя можетъ-быть исключительно съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ, въ виду возможности столкновенія Франціи съ Германіей...

По возвращеніи изъ Парижа, Скобелевъ хотѣлъ изложить всѣ подробности этого эпизода его жизни въ пространномъ письмѣ къ пишущему эти строки, т. е. къ редактору «Руси», но не докончилъ; однакожъ, при свиданіи, передалъ ему недописанную черновую рукопись, состоящую изъ 6 страницъ. Она и до сихъ поръ хранится у насъ, помѣченная 4 марта 1882 г. Начинается она такъ:

«Программа: 1) Впечатлѣніе при выѣздѣ изъ Москвы. 2) Нѣсколько словъ о петербургской своей рѣчи. Нѣтъ связи между нею и парижскою, развѣ только ненависть выказанная мнѣ Нѣмцами всѣхъ оттѣнковъ. 3) Впечатлѣнія вынесенныя изъ Франціи. Славянскіе студенты. Madame Adam. Cam. Farcy. Gambetta. Freycinet. Англійская пресса. 4) Мое возвращеніе. Варшава. 5) Пріѣздъ въ Петербургъ».

Приведемъ слѣдующія мѣста:

«Сознаюсь, я переѣхалъ французскую границу — глубоко раздраженный и огорченный особенно тою безцеремонностью, съ которою Нѣмцы преподавали Австрійцамъ: не щадить

(въ Босніи и Герцеговинѣ) православной крови»... Слѣдуетъ цитата изъ одной германской газеты: «Oesterreich muss im Sinne haben coûte que coûte mit seinem slavischem Aufstande energisch ans Ende zu kommen».

«Во Франціи, напротивъ, я встрѣтилъ много *инстинктивнаго*, хотя еще и не выяснившагося сочувствія; большое *желаніе* ознакомиться съ соотношеніемъ Россіи и Германіи къ славянскому и балканскому вопросамъ... Полагаю, что вы признаете извинительнымъ, что въ такомъ настроеніи сердца и головы я сближался съ извѣстною частью печати, желающей намъ сочувствовать болѣе страстно чѣмъ осторожно... Этимъ воспользовались—съ цѣлью *доброю*, и какъ мнѣ теперь ни трудно, *мнѣ не жаль случившагося*... Что̀ сказать мнѣ про приписываемую мнѣ рѣчь сербскимъ студентамъ? Ее я собственно никогда не произносилъ, да и вообще никакой рѣчи не говорилъ. Пришла ко мнѣ сербская молодежь на квартиру. Говорили по душѣ и конечно не для печати. C. Farcy напечаталъ то, что̀ ему показалось интереснымъ для *пробужденія* французскаго общества, со словъ студентовъ, меня не спросясь. Я бы могъ формально отказаться, но переубѣдили меня и Гамбетта и madame Adam. Первый особенно настаивалъ на ея полезномъ впечатлѣніи въ молодежи, арміи и флотѣ. Такъ какъ въ концѣ-концовъ все сказанное въ газетѣ «France» сущая правда, и по моему могло повести *не къ войнѣ*, а *къ миру*, доказавъ, что Русскій Царь—сила, то я и рѣшился не обращать вниманія на послѣдствія лично для меня, и молчаніемъ дать развиться полезному, т. е. какъ у насъ, такъ и во Франціи, законному и естественному недовѣрію къ сосѣду»...

Нѣкоторые замѣтятъ можетъ-быть, что все это имѣетъ теперь лишь запоздалый, уже историческій интересъ... Да, по скольку оно касается лицъ; но вопросы ими поставленные еще пребываютъ, и медленно назрѣвающія событія несутъ имъ отвѣтъ...

По поводу столѣтія рожденія Митрополита Филарета.

«Русь», 15-го января 1883 г.

9-го января въ Москвѣ и Петербургѣ чествовалось столѣтіе со дня рожденія приснопамятнаго святителя Православной Церкви митрополита Филарета,—чествовалось и торжественными молитвенными поминаніями, и торжественными словами судящей хвалы, невынужденнаго благодаренія. Величавый образъ Филарета, болѣе полувѣка осѣнявшій Русскую церковь, а съ нею и всю Россію, не только не умалился съ теченіемъ времени, а какъ будто еще болѣе выросъ, *ничѣмъ и никѣмъ доселѣ не заслоненный*,—такъ что даже не вмѣщается вполнѣ сознаніемъ современниковъ. Дѣйствительно, для него еще не наступила пора полной исторической оцѣнки; нужно еще болѣе подвинуться въ даль временъ для вѣрности перспективы; нужно всестороннее раскрытіе не одной его личной, но и государственной, и общественной жизни Россіи того долгаго ряда лѣтъ, въ теченіи которыхъ неустанно бодрствовалъ, «свѣтяй и горяй», по выраженію одного изъ проповѣдниковъ, духъ знаменитаго іерарха.

Въ тотъ же день происходило въ залѣ нашей городской Думы торжественное собраніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія. «Скромное торжество», по выраженію почтеннаго предсѣдателя, было дѣйствительно скромно, но все же интересно множествомъ указаній, къ сожалѣнію слишкомъ бѣглыхъ по недостатку времени, на разнообразныя стороны дѣятельности Филарета какъ администратора, судьи, ученаго историка, экзегета, и т. д. Впрочемъ, есть цѣлый эпизодъ въ жизни знаменитаго митрополита, котораго только слегка касались ораторы и безъ подробнаго изслѣдованія котораго — въ біографическихъ очеркахъ и въ критической оцѣнкѣ почившаго іерарха всегда будетъ оставаться важный пробѣлъ: это—удаленіе его изъ Петербурга въ 1842 году и отрѣшеніе его отъ личнаго присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ въ теченіи 25 лѣтъ до самой кончины; это—борьба его, Московскаго митрополита, нынѣ чествуемаго и празд-

нуемаго, съ гусарскимъ полковникомъ, оберъ-прокуроромъ Синода. Филаретъ и графъ Протасовъ! Одно это сопоставленіе характеризуетъ вполнѣ петербургскій періодъ нашей исторіи и даетъ ключъ къ разрѣшенію многихъ недоумѣній....

Вообще со времени празднованія пятидесятилѣтія святительскаго служенія Филарета 5 августа 1867 г., не много еще ушла впередъ оцѣнка его іерархической дѣятельности,— и еще далеко не обнародовано все то, что̀ было писано Филаретомъ и чего (писемъ и резолюцій) достанетъ, пожалу, еще на десятки томовъ. Были, впрочемъ, попытки на такъ-называемый «строгій судъ потомства» въ видѣ отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ наиболѣе выдаются статьи о Филаретѣ (г. Ф. Терновскаго) въ «Новомъ Времени». Но по этимъ статьямъ, въ которыхъ собраны всѣ тѣни, всѣ непривлекательныя черты его характера (мелочная придирчивость къ современнымъ даровитымъ іерархамъ—соперникамъ въ краснорѣчіи и учености, суровость къ подчиненнымъ, страхъ внушаемый имъ особенно бѣлому духовенству, собственная его угодливость (?) предъ свѣтскимъ начальствомъ), Филаретъ выходитъ человѣкомъ, одареннымъ исключительно силою «формальнаго мышленія» и вообще до такой степени ничтожнымъ и мелкимъ, что становится совершенно необъяснимымъ то нравственное значеніе, которымъ онъ пользовался свыше полувѣка, не перестаетъ пользоваться и теперь. Да и какъ понять, почему то самое духовенство, которое, судя по упомянутымъ статьямъ, должно бы питать къ его памяти чуть не злобу, вспоминаетъ о немъ чуть не съ благоговѣніемъ и по *собственному* почину (а вовсе не по чину начальства) затѣяло празднованіе столѣтняго юбилея? Хотя г. Терновскій и называетъ статью нашу о покойномъ митрополитѣ въ газетѣ «Москва» 1867 г. какъ бы «церковнымъ вечернимъ звономъ», вполнѣ соотвѣствовавшимъ обстоятельствамъ той минуты (теперь же, по его мнѣнію, наступила пора иная, пора критики и т. д.), однако мы и теперь не признаемъ въ ней лишнимъ ни одного слова. Воспроизводимъ ее здѣсь, именно статью по поводу 50-тилѣтія святительскаго служенія Филарета, съ нѣкоторыми незначительными опущеніями.

Но о какомъ же пройденномъ и еще проходимомъ поприщѣ идетъ теперь рѣчь? Какого подвига нагромоздилось полвѣка? Не

о поприщѣ ли святительскаго служенія въ полномочіи, преподанныхъ церковью, даровъ Святаго Духа? Не подвигъ ли то молитвъ, борьбы, духовнаго совершенствованія? Для такого подвига нѣтъ человѣческаго мѣрила. Служеніе Господу не есть служеніе царямъ; оно не пріемлетъ здѣсь мзды; ему судьей только Богъ да личная совѣсть, и между Богомъ и совѣстью нѣтъ мѣста постороннимъ цѣновщикамъ. Здѣсь всякая лесть—кощунство; здѣсь даже похвала нечестива. Прейдемъ же, съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, мимо этой области духа...

Но есть и другая сторона архипастырскаго служенія—дѣятельность внѣшняго правленія, втѣсненная въ условія мѣста и времени. Митрополитъ Филаретъ, по своему положенію, не только духовный вождь своей паствы... Его попеченію поручено не одно отношеніе душъ во ввѣренной ему церкви къ Богу, но и отношеніе церкви къ государству, къ гражданскому бытію общества вѣрующихъ. Такая дѣятельность можетъ и должна подлежать строгому историческому суду, но время для него еще не наступило. Всякая поверхностная оцѣнка такой дѣятельности была бы теперь неприлична и неумѣстна, а иная была бы не по силамъ ни намъ, ни вообще современникамъ. Только исторія, раскрывъ человѣческое дѣланіе во всемъ его цѣломъ объемѣ, можетъ безпристрастно повѣдать, сколько было въ этомъ полувѣкѣ многотруднаго архипастырскаго правленія борьбы, побѣдъ или пораженій, что̀ совершено, что́ не достигло совершенія, обиленъ или не обиленъ былъ плодъ, какія терніи и по чьей винѣ глушили церковную ниву... Та же исторія должна будетъ засвидѣтельствовать и оправдать обаятельную силу имени митрополита Филарета для его современниковъ.

Предъ этою-то безспорною, внѣ всякаго сомнѣнія и воочію всего русскаго міра сущею силой, предъ этою-то современною намъ, живою дѣйствительностью мы и преклоняемся съ уваженіемъ, вмѣстѣ съ цѣлою Россіей. Полвѣка свѣтитъ свѣтильникъ высокаго ума, знанія и всѣмъ явной жизни на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь пріумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Полвѣка, на виду у всѣхъ, стоитъ на стражѣ церкви огромная духовная сила, охраняющая, *изъ себя самой почерпаемою властью*, неизмѣнность обычая и цѣлость церковныхъ преданій. Полвѣка назидаются русскіе люди дивнымъ примѣромъ неустанно бодрствующаго духа,—встрѣчаетъ взоръ ихъ недреманное око мысли. Полвѣка, и болѣе полувѣка, раздается художественное вѣское слово, то глубоко проникающее въ тайны Богопознанія, то стро-

гою и мощною красотой одѣвающее разумъ божественныхъ истинъ...

Въ лицѣ Филарета каѳедра Московской митрополіи обрѣла вновь свое древнее всероссійское значеніе—не дѣйствіемъ внѣшнихъ условій, ибо она есть и остается епархіальною, но внутреннимъ дѣйствіемъ его личнаго авторитета. Такое всероссійское значеніе признается за нимъ всею Россіей,—и не только Россіей, но и всѣмъ православнымъ міромъ,—и не только православнымъ міромъ, но даже и иновѣрцами, которыхъ всѣ мы видѣли несущими ему дань нелицемѣрнаго уваженія.

Какъ видитъ читатель, мы не позволяемъ себѣ здѣсь ни сопричислять митрополита Филарета къ лику блаженныхъ, какъ это дерзали чинить даже при жизни нѣкоторые его поклонники; мы не называемъ его ни «любвеобильнымъ пастыремъ», ни «человѣкомъ сердца», ни свѣтиломъ науки, ни творческимъ геніемъ, ни иниціаторомъ, ни преобразователемъ; не прославляемъ никакихъ его *великихъ дѣлъ*; напротивъ прямо допускаемъ, что плодъ могъ быть и не обиленъ, церковная нива заглушена, по прежнему, терніемъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ указываемъ, что исторіи придется засвидѣтельствовать и объяснить обаятельную мощь имени Филарета для современниковъ, и не только для современниковъ, прибавимъ мы теперь, но и для позднѣйшаго времени —продолжающуюся и поднесь: фактъ этотъ не можетъ отрицаться и критиками въ родѣ г. Терновскаго, но остается совершенно неоправданнымъ и необъяснимымъ съ ихъ точки зрѣнія. Они не даютъ никакого отвѣта на вопросъ, нами поставленный: откуда же взялось явленіе такой огромной психической силы, изъ себя самой, не изъ видимыхъ условій почерпавшей власть, которой всѣ боялись, несмотря на опалу Императора Николая? Неужели діалектическій только талантъ тому причиной, а нравственной причины высшаго порядка вовсе и не было?! Не заключалась ли эта мощь обаянія именно въ дивномъ примѣрѣ неустанно бдящаго духа, ни разу себѣ неизмѣнившаго,—въ этомъ, въ теченіи болѣе полувѣка всегда отверстомъ, «недреманномъ», какъ мы позволили себѣ выразиться, взорѣ мысли,—наконецъ, въ этой безукоризненно-строгой, чуждой всякаго послабленія, высокой жизни?

О столѣтнемъ юбилеѣ Жуковскаго.

„Русь“, 1 февраля 1883 г.

30 января отпразднованъ былъ въ Москвѣ и Петербургѣ юбилей столѣтія со дня рожденія Василія Андреевича Жуковскаго. По нашей привычкѣ всегда какъ-то запаздывать въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, празднованіе не вполнѣ соотвѣтствовало значенію празднуемаго, и это жаль. Было бы полезно оживить дѣйствительно и вполнѣ къ сознаніи русскаго общества, возстановить предъ молодыми поколѣніями прекрасный, свѣтлый, благородный образъ пренебреженнаго ими русскаго поэта—во всей его правдѣ, съ его возвышенной душой и простымъ сердцемъ,—поэта, которому Россія *должна* такъ много, котораго отличительною чертою, въ поэзіи и жизни, была *человѣчность*—въ настоящемъ, христіанскомъ значеніи слова...

И для меня въ то время (и всегда) *было*
Жизнь и поэзія одно!...

выразился онъ самъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (въ родѣ предисловія къ полному ихъ изданію), въ которомъ далѣе говоритъ про себя и свой даръ, что все,

...что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все что отъ милыхъ, темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты
Кладу на твой алтарь священный,
О Геній чистой красоты!

Этому генію чистой красоты и служилъ онъ не только мечтою, но и дѣломъ, не только отвлеченно, но и жизненно. Весь же онъ, всѣмъ своимъ внутреннимъ духовнымъ существомъ, вылился, сказался въ знаменитыхъ, вдохновенныхъ, учительныхъ и пророческихъ строфахъ, которыми привѣтствовалъ день 17 апрѣля 1818 г., т. е. рожденіе будущаго воспитанника своего, будущаго повелителя Россіи, будущаго «Освободителя»,—Государя Александра II-го:

Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ!*...

Этой русской поэзіи, вѣщей и вѣрующей въ святѣйшее изъ званій—человѣческое, не суждено было остаться только изящнымъ исповѣданіемъ высокой нравственной истины, преподаннымъ въ царскихъ чертогахъ, вслухъ царю и всему царственному сонму. Она, какъ сѣмя благое, пала въ душу воспитываемаго отрока и произрастила величайшее и святѣйшее изъ міровыхъ историческихъ дѣлъ. Покойный Государь, возвращая двадцати милліонамъ русскихъ крестьянъ даръ свободы, права человѣческія и гражданскія, благодарно вспомнилъ своего воспитателя и гласно свидѣтельствовалъ, что Жуковскому обязанъ онъ своимъ отвращеніемъ отъ крѣпостнаго рабства и тѣмъ, съ-издѣтства, стремленіемъ сердца, которое выразилось наконецъ державною волею 19-го февраля 1861 года. Память объ этомъ событіи должна быть неразрывно связана въ народѣ и съ признательною памятью о Жуковскомъ.

Онъ былъ тѣмъ «учителемъ» Пушкина, который первый призналъ несравненное превосходство его поэтическаго генія и привѣтствовалъ ученика извѣстною надписью, на подаренномъ ему своемъ портретѣ: «отъ учителя превзошедшему его ученику». Но онъ, можно сказать, былъ учителемъ и всего русскаго общества. Не обладая сильнымъ даромъ оригинальнаго, самобытнаго творчества, онъ сблизилъ, сроднилъ насъ въ своихъ прекрасныхъ, художественныхъ переводахъ съ сокровищами поэзіи германской и англійской, но преимущественно первой; онъ вытѣснилъ преобладавшее у насъ вліяніе убогой духомъ французской поэзіи и литературы, и замѣнилъ его воздѣйствіемъ хотя и чужаго искусства, но безконечно болѣе благотворнымъ. Ему благодаря, воспитался эстетически цѣлый рядъ нашихъ поколѣній. Наконецъ, на самомъ краю гроба, онъ довершилъ поэтическій воспитательный подвигъ своей жизни, передавъ Россіи полнозвучною русскою рѣчью твореніе величайшаго изъ поэтовъ, Одиссею Гомера, — впервые, можно, сказать, ознакомилъ съ нею русское общество. Не устарѣлъ и теперь,

все такъ же гармоничень и нѣженъ, такъ же благоуханенъ его задушевный стихъ,—и правъ былъ Пушкинъ, сказавъ про Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль!...

По поводу кончины князя Горчакова и самоубійства Л. С. Макова.

„Русь“, 15-го марта 1883 г.

Конецъ петербургскаго масляничнаго разгула ознаменовался смертью государственнаго канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова,—и самоубійствомъ также бывшаго министра (сначала внутреннихъ дѣлъ, потомъ почтъ и телеграфовъ), Л. С. Макова. Кончина 85-лѣтняго князя не была неожиданностью и не произвела особеннаго впечатлѣнія, не потому только, что онъ умеръ далеко отъ Петербурга, въ Баденъ-Баденѣ, но и потому, что онъ въ послѣдніе годы представлялъ печальное зрѣлище человѣка, пережившаго свою былую славу и самого себя... Впрочемъ, въ долгой карьерѣ князя Горчакова, только десять лѣтъ жизни и доставили ему почетную извѣстность, даже можно сказать—знаменитость, какъ въ Россіи, такъ и за границей. До 1855 года, стало-быть до его 57-лѣтняго возраста, молва его знала развѣ лишь по молодымъ къ нему стихамъ Пушкина, его товарища по Лицею. Въ этомъ году онъ переведенъ былъ изъ Штутгардта въ Вѣну, принялъ участіе въ переговорахъ съ австрійскимъ и другими европейскими правительствами и проявилъ въ себѣ живое патріотическое чувство русскаго человѣка, способное даже раздражиться отъ нахальства иноплеменныхъ державъ. Съ этой поры собственно и начинается его извѣстность въ Россіи, такъ какъ подобное живое чувство русскаго человѣка и способность оскорбляться за свое отечество были явленіемъ совсѣмъ необычнымъ въ русской дипломатической средѣ, во главѣ которой стоялъ тогда графъ Нессельродъ, иностранецъ происхожденіемъ. Призванный послѣ войны, въ 1856 г., на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, под-

держанный именно въ русскомъ и патріотическомъ его чувствѣ симпатіей и вообще высоко поднятымъ тогда нравственнымъ строемъ русскаго общества, дѣйствительно сумѣлъ придать, въ это трудное для Россіи время, достоинство и блескъ нашему воздержному, пассивному политическому положенію. Онъ былъ талантливый редакторъ дипломатическихъ нотъ и депешъ, и нѣкоторыя счастливыя его выраженія обратились во всеобщее историческое достояніе. А въ дипломатіи иное слово стóитъ выиграннаго сраженія. Другая счастливая для него пора была та, когда ему пришлось отразить отвѣтными депешами дипломатическій крестовый походъ на насъ всей Европы (за исключеніемъ Пруссіи) — въ эпоху польскаго возстанія. Это была блистательная дипломатическая побѣда. Иниціатива впрочемъ такого смѣлаго дипломатическаго отпора шла не отъ самого князя Горчакова, но отъ Москвы и общественнаго голоса всей Россіи, выразившагося въ безчисленныхъ адресахъ. Заслуга князя въ томъ, что онъ сумѣлъ воодушевиться этимъ голосомъ, вдохновиться имъ, — но ужъ и эта заслуга, какъ и вообще заслуга умѣть иногда чувствовать по русски — для петербургскаго сановника не малая. Князь Горчаковъ былъ вообще отзывчивъ къ общественному мнѣнію. Печать въ особенности должна помянуть его благодарностью за его истинно-либеральное къ ней отношеніе. Никогда не стѣснялъ онъ русскихъ публицистовъ въ свободномъ выраженіи политическихъ мнѣній, да и вообще былъ совершенно чуждъ петербургскаго бюрократическо-полицейскаго духа. При немъ только и стало возможнымъ учрежденіе Славянскихъ комитетовъ, которые лишь съ 1877 года, стало-быть черезъ 20 лѣтъ, переведены въ вѣдѣніе Министерства внутреннихъ дѣлъ. При всемъ томъ канцлеръ вовсе не былъ самостоятельнымъ, дальновиднымъ и энергичнымъ политикомъ; едвали даже имѣлъ опредѣленную политическую систему и очень неясно сознавалъ политическія задачи Россіи на Востокѣ и въ Славянскомъ мірѣ... Съ 1866 года, когда Пруссія, разбивъ Австрійцевъ, явилась новымъ могущественнымъ факторомъ европейской политики, и Бисмаркъ ввелъ въ дипломатію новые пріемы, окончательно убившіе старую дипломатическую школу, къ которой принадлежалъ отчасти и Горчаковъ, —

звѣзда послѣдняго, которому было ужъ подъ семьдесятъ лѣтъ, стала блѣднѣть, гаснуть и наконецъ, къ несчастію для него, окончательно закатилась въ безславіи, въ позорѣ Берлинскаго трактата. Не онъ былъ главнымъ его соорудителемъ, а графъ Шуваловъ, но все же князь Горчаковъ его подписалъ и тѣмъ похоронилъ себя заживо...

Загадочное самоубійство бывшаго министра двухъ министерствъ Л. С. Макова связывается съ печальнымъ фактомъ растраты довольно крупной суммы казенныхъ денегъ однимъ изъ его подчиненныхъ, управлявшимъ канцеляріей въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. О растратѣ этой, по распоряженію высшей власти, производится слѣдствіе. Самоубійство толкуется различно; нѣкоторые объясняютъ его сознаніемъ, если не прямой своей виновности, то по крайней мѣрѣ близкой прикосновенности къ дѣлу растраты; другіе— избыткомъ чувства невинности и чести... Если послѣднее толкованіе справедливо, то предстоитъ поводъ, пожалуй, опасаться за жизнь очень многихъ изъ петербургскихъ сановниковъ...

Мы воздержимся пока отъ всякаго заключенія—къ осужденію или къ оправданію покойнаго служитъ такой страшный исходъ его жизни, — и будемъ ожидать результатовъ слѣдствія. Многіе въ Петербургѣ такого мнѣнія, что слѣдствія назначать было не нужно, благо сумма уже пополнена самимъ виновникомъ растраты; что оглашать такіе печальные факты — значитъ плодить скандалы, къ злорадству нигилистовъ и иностранцевъ. Удивительное самообольщеніе! Какъ будто подобныя происшествія могутъ быть скрыты! какъ будто они не оглашаются сами собою, помощью милліоноустной молвы по всей Россіи, безъ всякаго слѣдствія и оффиціальнаго оповѣщенія, — какъ будто можетъ въ наше время утаиться что-либо и отъ иностранной прессы! Не только ничто не утаится, но еще воспроизведется въ чудовищнѣйшихъ размѣрахъ съ невѣроятнѣйшими небылицами, — и этой безконечно плодящейся лжи предѣлъ можетъ быть положенъ только слѣдствіемъ, формальнымъ и гласнымъ. Ничто не способно внушить русскому обществу такого успокоенія и довѣрія къ правительству, какъ именно подобное распоряженіе верховной власти.

Воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ Шеншинѣ.

«Русь», 1-го августа 1883 г.

20 прошлаго іюля скромно чествовалась въ Царскомъ Селѣ 25-лѣтняя годовщина кончины Николая Васильевича Шеншина. Мало говоритъ это имя тѣмъ, кто не зналъ его лично, и не много остается въ живыхъ—кому дорога его память. Но онъ заслуживаетъ признательной памяти всѣхъ, кто не равнодушенъ къ прошлымъ внутреннимъ судьбамъ своей страны, къ труднымъ мукамъ ея обновленія въ началѣ прошлаго царствованія, и къ доблестному подвижничеству всѣхъ честныхъ, чистыхъ, благородныхъ работниковъ той славной поры. Шеншинъ былъ изъ ихъ числа и первый палъ, такъ-сказать, «на самой брешѣ», проломленной въ крѣпостнической твердынѣ въ 1858 г., иначе сказать—жертвою непомѣрныхъ заботъ, безпокойствъ и усилій, сопряженныхъ съ трудами и борьбою по начавшемуся дѣлу освобожденія. Онъ внушалъ искреннюю къ себѣ симпатію всѣмъ своимъ знакомымъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ Хомякова, котораго письмо къ Евгеніи Сергѣевнѣ, супругѣ Николая Васильевича, по поводу кончины послѣдняго, было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ». Было что-то особенно привлекательное въ этой четѣ. Евгенія Сергѣевна не долго пережила своего мужа; дѣтей они не оставили. Какъ свѣтлый легкій метеоръ, какъ изящное, поэтическое явленіе прошли они по землѣ оба...

По поводу выхода въ отставку городскаго головы Чичерина.

«Русь», 15-го августа 1883 г.

Московскій городской голова Б. Н. Чичеринъ, неожиданно для всѣхъ, вышелъ въ отставку... Мы не ошибемся, если скажемъ, что это извѣстіе произвело на все Московское городское общество, кромѣ развѣ небольшаго кружка явныхъ враговъ г. Чичерина, тяжелое впечатлѣніе. И не потому толь-

ко, что въ краткій срокъ своей службы г. Чичеринъ успѣлъ внушить искреннее уваженіе къ своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ: обстоятельства, предшествовавшія отставкѣ, придаютъ ей особое и, по нашему мнѣнію, въ высшей степени прискорбное значеніе. Оставленіе Московскимъ городскимъ головою своего поста именно теперь, хотя бы и по прошенію, непремѣнно будетъ истолковано за границей въ смыслѣ самомъ невыгодномъ для русскаго національнаго чувства. Оно только укоренитъ клевету по поводу извѣстной рѣчи,—клевету, которую съ такимъ злорадствомъ воспроизвели въ Европѣ наши недруги,—которую по этому самому, въ интересахъ Россіи, было бы желательно совершенно развѣять; которую мы съ своей стороны и постарались опровергнуть, въ 12 *) и 13 **) №№ «Руси»,—и казалось, съ полнымъ успѣхомъ. Мы тогда же однако высказали мнѣніе, что «личный нашъ голосъ слишкомъ слабъ, что обязанность опроверженія лежитъ на правительственныхъ органахъ печати». Но благодаря безтактному молчанію этихъ органовъ, благодаря статьямъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина», и въ особенности выходу г. Чичерина въ отставку, не только въ чужихъ краяхъ, но пожалуй и въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ Россіи теперь уже никого не разувѣришь въ дѣйствительномъ бытіи *небывалаго* безобразнаго факта, способнаго, конечно, въ немалой степени поубавить (особенно для иностранцевъ) значеніе и обаяніе нашихъ майскихъ торжествъ... Это имъ на руку.

Кстати. Съ мѣсяцъ тому назадъ получили мы по почтѣ изъ-за границы напечатанную въ Берлинѣ у Бера русскую брошюру, въ защиту бывшаго Московскаго городскаго головы, подъ заглавіемъ: «Рѣчь г. Чичерина.» Мы уполномочены заявить, что эта брошюра неизвѣстнаго намъ автора появилась въ свѣтъ не только безъ всякаго участія, но и безъ малѣйшаго вѣдома г. Чичерина.

---

*) См. статью: объ иностранныхъ корреспондентахъ во время коронаціи", въ Т. 6-мъ стр. 492.

**) См. статью: „Сбыточна ли у насъ мечта о дворянской эрѣ?" въ Т. 5-мъ, стр. 528.

Кончина И. С. Тургенева.

«Русь», 1-го сентября 1883 г.

22 августа скончался въ Буживалѣ (помѣстье близь Парижа) Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Кончина нашего знаменитаго писателя не была неожиданностью. Болѣе четверти вѣка постояннымъ его мѣстопребываніемъ были чужіе краи и въ Россію онъ являлся только гостемъ; едвали бы даже можно было ожидать отъ него новыхъ блестящихъ произведеній, раскрывающихъ нашему общественному сознанію какую-либо новую сторону русской *общественной* жизни, внутренній смыслъ возникающихъ въ ней явленій и направленій (какъ напримѣръ въ «Рудинѣ», «Дворянскомъ Гнѣздѣ», «Отцахъ и дѣтяхъ» и т. д.). И тѣмъ не менѣе смерть его образуетъ пустоту, которую замѣстить не кѣмъ и не чѣмъ, вызываетъ,—по крайней мѣрѣ въ литературно-общественной средѣ, — скорбное чувство обѣднѣнія и сиротства. Старые крупные мастера сходятъ въ могилу или съ поприща; на смѣну имъ не является или, вѣрнѣе сказать, не настала еще пора явиться новымъ...

Тургеневымъ замыкается цѣлый періодъ нашей художественной литературы и общественнаго развитія, запечатлѣнный особеннымъ *типомъ*—идеализмомъ сороковыхъ годовъ, несомнѣнно возвышеннымъ и гуманнымъ, но болѣе или менѣе неопредѣленнымъ, малосодержательнымъ, почти безпочвеннымъ, болѣе эстетическимъ чѣмъ нравственно-доблестнымъ; почти систематически чуждавшимся русскаго народнаго и историческаго духа или по крайней мѣрѣ сильно космополитическимъ, ощущавшимъ себя на Западѣ Европы несравненно болѣе дома, чѣмъ въ родной странѣ. Въ родной странѣ, впрочемъ, этотъ идеализмъ (нерѣдко въ литературѣ называемый «западничествомъ») обрѣлъ себѣ одно опредѣленное, реальное явленіе жизни, къ борьбѣ съ которымъ, хотя бы лишь во имя «гуманности» и «общеевропейскихъ культурныхъ» началъ, и приложилъ онъ съ полною искренностью возможныя для него усилія—въ общемъ союзѣ съ людьми такъ-называемаго народнаго направленія: мы разумѣемъ здѣсь

крѣпостное право, уничтоженіе котораго поэтъ-художникъ Тургеневъ поставилъ, по его словамъ, главною задачею своей жизни. И дѣйствительно, своими «Записками Охотника»— едвали не самымъ лучшимъ изъ его созданій—сослужилъ онъ своему отечеству и народу по истинѣ добрую службу, послѣ которой однако, т. е. послѣ освобожденія крестьянъ, именно въ 1861 г. и промѣнялъ Россію на постоянное жительство за границей. Тѣмъ не менѣе Тургеневъ, какъ истинный художникъ, а по природѣ своей, наперекоръ своему воспитанію и такъ-называемымъ «убѣжденіямъ», и вполнѣ русскій человѣкъ (и какой благодушный, мягкосердечный, симпатичный человѣкъ!), самъ изъ русскаго же дворянскаго гнѣзда, умѣлъ воспроизводить не однѣ только отрицательныя, но иногда, съ невольнымъ сочувствіемъ, и нѣкоторыя положительныя черты русской народной жизни. Но тонкій и умный наблюдатель, онъ не останавливался на этихъ чертахъ, потому что уже не въ силахъ былъ высвободить свою мысль изъ плѣна, которому отдалъ ее смолоду—«*въ послушаніе вѣрѣ*», т. е. своей слѣпой безусловной вѣрѣ въ «западноевропейскую цивилизацію» и «прогрессъ»... Судьба этого прогресса въ Россіи, въ средѣ подростающихъ поколѣній, постоянно привлекала его вниманіе и на чужбинѣ,—и съ свойственною ему чуткостью онъ угадалъ и возвелъ въ типы многія болѣзненныя явленія нашего развитія: при этомъ правда художника, вопреки его собственному желанію, брала верхъ надъ неправдой мыслителя... Но не какъ мыслителя и гражданина, а какъ великаго русскаго художника, одного изъ двигателей нашего общественнаго самосознанія, какъ великаго мастера русскаго слова, будетъ поминать его вѣчно, съ признательностью и любовью, Россія.

Отзывъ о нашемъ молодомъ поколѣніи.

«Русь», 1-го октября 1883 г.

Лѣтъ пять или шесть назадъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Тургеневъ разсказалъ намъ слѣдующее (рѣчь шла о современной русской поэзіи): «Получаю я однаж-

ды въ Парижѣ, при письмѣ, толстую тетрадь,—вѣрнѣе, цѣлый рукописный томъ русскихъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ-за рѣшетки». Заглавіе уже само давало уразумѣть отъ какой категоріи или направленія молодыхъ людей былъ этотъ томъ присланъ: не то, чтобъ они всѣ сидѣли за рѣшеткой, но могли бы сидѣть или по крайней мѣрѣ числили себя въ разрядѣ гонимыхъ. Но не въ томъ дѣло. Письмомъ пояснено, что стихи принадлежатъ дѣйствительно разнымъ молодымъ авторамъ, которымъ бы желалось знать мое мнѣніе; мнѣ сообщенъ былъ и адресъ—кому и куда прислать отвѣтъ. Одинъ видъ этой рукописи уже сильно порадовалъ меня: я зналъ анти-эстетическія тенденціи молодаго поколѣнія,—ну а вѣдь тутъ очевидно сказалась въ нихъ потребность художественной формы для выраженія мысли!.. Можете себѣ представить, съ какою жадностью принялся я за чтеніе... и вообразите мой ужасъ: не только никакого проблеска замѣчательнаго дарованія, но совершенное невѣжество—въ смыслѣ художественномъ. Точно будто никакихъ у насъ великихъ мастеровъ поэтическаго слова и не бывало, точно мы съизнова начинаемъ лепетать стихами, продѣлываемъ первые робкіе опыты въ русской поэзіи!.. Стихотворенія были разнаго, не одного только гражданскаго содержанія... Я перечелъ еще разъ и пришелъ къ убѣжденію, что юные авторы навѣрное никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, не говоря уже о Баратынскомъ, Тютчевѣ и другихъ поэтахъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ піесъ Некрасова. Возвращая рукопись, я написалъ имъ письмо, въ которомъ конечно постарался не оскорблять юнаго авторскаго самолюбія, однакоже въ самой мягкой формѣ спросилъ таки ихъ, читали ли они такое-то и такое-то стихотвореніе Пушкина (или же иного поэта)? На подобный вопросъ—пояснялъ я—наводитъ меня то соображеніе, что едвали бы авторъ, напримѣръ, вотъ этой стихотворной піесы рѣшился коснуться своей темы, если бы зналъ, что эту тему уже разработалъ Пушкинъ, да и какъ еще разработалъ! И такъ далѣе, я перебралъ нѣсколько піесъ... И что же? Черезъ нѣсколько времени я получилъ отвѣтъ, что вѣдь это дѣйствительно такъ! Молодые авторы сознавались сами, что имъ лично не привелось никогда читать ни Пушкина, ни другихъ поэтовъ, кромѣ развѣ стиховъ, помѣщенныхъ въ христоматіяхъ!»...

Однимъ словомъ оказалось, что цѣлое молодое поколѣніе (а можетъ-быть и нѣсколько ихъ), попавъ подъ полосу Писаревскаго вліянія, подъ видомъ «прогресса» попятилось назадъ и осталось, по крайней мѣрѣ въ области литературнаго развитія, духовно-искалѣченнымъ и круглымъ невѣждой. Можно ли было предположить, что журнальныя бредни юноши Писарева, который безостановочно тискалъ все, что̀ бывало взбредетъ ему въ голову, и который однажды, на упрекъ въ противорѣчіи собственнымъ же его словамъ, сказаннымъ за годъ назадъ, простодушно отвѣчалъ: «я развиваюсь»,—можно ли было думать, что весь этотъ, казалось бы, невинный бредъ способенъ будетъ отозваться въ учащемся юношествѣ такими печальными явленіями? Стало-быть не встрѣтилъ онъ и противодѣйствія со стороны педагоговъ, или же слишкомъ уже безсильны явились они противъ всесокрушающаго авторитета такой «силы» какъ Писаревъ?! Да и какъ не быть имъ безсильными, когда они сами воспитывали юношей въ суевѣрномъ благоговѣніи къ «послѣднему слову науки и жизни», сами вѣровали твердо, что «въ послѣднемъ словѣ» именно и сидитъ «прогрессъ»? Молодежь и ловила жадно всякое наипослѣднее слово, не желая и знать словъ предшествовавшихъ, ни старыхъ образцовъ, ни историческихъ опытовъ. Все это однакожъ приводитъ къ заключенію, что журнальная болтовня вовсе не остается такъ, безъ всякаго воздѣйствія на развитіе нашего юношества, тѣмъ болѣе, что журналы почти вытѣснили у насъ и чтеніе и даже изданіе *книгъ*,—и что не мѣшало бы нашимъ журнальнымъ публицистамъ подобросовѣстнѣе относиться къ слову, да думать иногда о послѣдствіяхъ, къ какимъ можетъ привести молодыхъ читателей всякая легкомысленная, съ плеча написанная и тиснутая рѣчь...

Въ виду необычайной печали, охватившей, по случаю кончины Тургенева, съ такою гремучею страстностью русское общество и особенно наши юныя поколѣнія, можно бы предположить, что у насъ дѣйствительно происходитъ реакція благопріятная для истиннаго *искусства*, и что волны эстетическихъ вожделѣній, поднявшись со дна, грозятъ смыть все то грубое, грязное, противохудожественное, что̀ въ послѣднее время было *по принципу* напущено въ нашу «изящную» литературу. Нельзя же объяснить себѣ этотъ хмѣль,

это почти опьяненіе скорби только тѣмъ, что Тургеневъ, по выраженію «Русскаго Курьера», «геній, предъ которымъ преклонилась *вся Европа*», или же сочувствіемъ къ Тургеневскимъ тенденціямъ и героямъ! Къ чести нашего знаменитаго писателя можно сказать, что тенденціозность его была чрезвычайно блѣдна, почему именно и не вредила высшимъ условіямъ искусства. Что касается до героевъ, то никто, конечно, лучше его не воспроизвелъ, въ яркихъ образахъ, всю духовную безкостность и дряблость или озлобленную несостоятельность россійскаго культурнаго безпочвеннаго человѣка... Если же всѣ эти демонстраціи и манифестаціи въ Петербургѣ въ самомъ дѣлѣ происходятъ изъ свободнаго, самостоятельнаго признанія нами самими его *художественныхъ* достоинствъ, изъ сочувствія къ Тургеневу именно какъ *къ художнику*, то можно бы только радоваться такому выраженію скорби, несмотря на избытокъ фальши и театральности. Есть чему поучиться у Тургенева нашимъ молодымъ писателямъ, именно—строгому отношенію его къ искусству, взыскательности автора къ своимъ собственнымъ твореніямъ, его изяществу и также—*опрятности*: послѣднему качеству тѣмъ болѣе, что нечистоплотность все гуще и гуще завладѣваетъ нашею беллетристикой. Сочувствіе къ Тургеневу-писателю немыслимо безъ одновременнаго глубокаго презрѣнія и отвращенія къ такъ-называемой *порнографіи*, которая, изгоняемая закономъ изъ Франціи, переселяется теперь къ намъ, грозя совсѣмъ захватить литературное поле и, по свойственной намъ неудержимой склонности къ крайнему предѣлу прогресса, перерождается, подъ авторитетнымъ перомъ автора «Торжествующей свиньи», просто въ русское свинство.

По поводу кончины А. И. Кошелева.

«Русь», 15-го ноября 1883 г.

Все пустыннѣе становится около насъ... 12 ноября скончался скоропостижно на 78 году отъ рожденія Александръ Ивановичъ Кошелевъ—этотъ послѣдній изъ друзей-

сверстниковъ Кирѣевскаго и Хомякова, этотъ живой, рьяный, просвѣщенный и талантливый общественный дѣятель и публицистъ, сильный и цѣльный духомъ, необычайно-выразительно искренній и въ своей внѣшности, и въ рѣчахъ и поступкахъ,—не знавшій ни угомона, ни отдыха, ни устали, бодрствовавшій на работѣ до самаго послѣдняго часа своей жизни. Съ обширнымъ, даже классическимъ и философскимъ образованіемъ, но, въ отличіе отъ своихъ друзей, съ направленіемъ ума рѣзко-положительнымъ, дѣловымъ, съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, не способный довольствоваться отвлеченною работою мысли, онъ былъ человѣкъ не только идеи, но и по преимуществу *дѣла*... Тѣсно было однако поприще для общественнаго служенія до вступленія на престолъ Александра II и непривлекательны условія службы казенной, и Кошелеву, послѣ десяти лѣтъ прохожденія разныхъ должностей по разнымъ вѣдомствамъ, пришлось искать утоленія снѣдавшей его жаждѣ дѣятельности въ заботахъ хозяйственныхъ, которымъ онъ и отдался со свойственною ему страстностью, въ чаяніи лучшей поры. Но уже и въ то время онъ озабоченъ былъ мыслью объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, даже составилъ и представилъ проектъ. Лучшая пора наступила (какъ впрочемъ и для всѣхъ) съ перемѣною царствованія,—она же была самою свѣтлою порою и въ его личной судьбѣ. Тотчасъ же предпринялъ онъ изданіе «Русской Бесѣды» (1856—60 г.), которая служила органомъ такъ-называемаго славянофильскаго направленія и имѣла такое существенное значеніе въ исторіи народнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ. Имъ же было предпринято, въ 1858 г., въ виду предстоявшаго уничтоженія крѣпостной зависимости, изданіе «Сельскаго Благоустройства», которое статьями самого Александра Ивановича (между прочимъ въ защиту русской общины), Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго и нѣкоторыхъ иныхъ, оказало несомнѣнное воздѣйствіе на весь ходъ этой приснопамятной, великой государственной работы. Но не однѣми статьями сподобился онъ быть сподвижникомъ святаго дѣла освобожденія, призвавшаго всю Россію къ новой жизни, освободившаго не только крестьянъ отъ рабскаго ярма, но и насъ всѣхъ отъ гнетущаго срама. Онъ принялъ самое пылкое участіе въ тру-

дахъ одной изъ губернскихъ коммиссій и затѣмъ въ редакціонной коммиссіи, какъ депутатъ втораго призыва. По усмиреніи польскаго мятежа, тотъ же Кошелевъ является во главѣ министерства финансовъ Царства Польскаго, отличается и здѣсь крупными государственными заслугами. Затѣмъ, въ теченіи послѣднихъ 15 слишкомъ лѣтъ, вездѣ, гдѣ только онъ могъ, онъ не переставалъ двигать упорнымъ энергическимъ трудомъ и примѣромъ теоретическое и практическое рѣшеніе всѣхъ занимавшихъ его важныхъ вопросовъ — въ области внутренняго управленія, народнаго и государственнаго хозяйства,—вообще задачъ экономическаго, соціальнаго и гражданскаго свойства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ отзываться, съ своей точки зрѣнія конечно, статьями и брошюрами, въ Россіи и за границей, на всѣ животрепещущія недоумѣнія нашей эпохи. Учреждались ли городскія думы, вводились ли земскія учрежденія, Кошелевъ являлся и въ нихъ самымъ ревностнымъ, неутомимымъ работникомъ. Особенно дорого было его душѣ *земство* и какъ принципъ, и какъ наличный органъ самоуправленія; подъ этимъ любезнымъ ему именемъ и для защиты земскихъ правъ издавалась даже, нѣкоторое время, на его средства, еженедѣльная газета. Едвали случилось ему въ жизни, даже и въ послѣдніе уже преклонные годы, пропустить какое-либо засѣданіе въ земскихъ собраніяхъ своей Рязанской губерніи, да и какое бы то ни было засѣданіе многочисленныхъ обществъ и коммиссій (въ томъ числѣ и правительственныхъ), въ коихъ онъ состоялъ членомъ. Еще наканунѣ смерти, до 10 часовъ вечера, онъ присутствовалъ въ финансовой коммиссіи Московской Городской Думы, участвуя въ обсужденіи съ обычнымъ ему добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и одушевленіемъ... Гостепріимный хозяинъ, самъ не вѣдавшій старости, а потому одинаково радушный и къ старымъ и къ молодымъ, онъ слишкомъ 30 лѣтъ сряду собиралъ у себя въ домѣ еженедѣльно многолюдное интеллигентное общество, поражая и пристыжая и старыхъ и молодыхъ изумительною бодростью тѣла и духа, и горячимъ, ни разу не ослабѣвшимъ участіемъ къ интересамъ общественной и политической жизни....

Крупные общественные дѣятели, сильные убѣжденіемъ, крѣпкіе духомъ, не угасившіе священный гражданскій пла-

мень до края могилы, сходятъ съ поприща... Кто же является имъ на смѣну? Гдѣ же вы, столько бы нужныя теперь, новыя свѣжія силы, предназначенныя смѣнить силы убывающія и оскудѣвающія?... Еще не видать и не слыхать отвѣта!

По поводу аппелляціи къ папѣ отца Наумовича.

«Русь», 15-го ноября 1883 г.

Мы помѣщаемъ ниже краткое извлеченіе изъ обширной «аппелляціи», поданной достопочтеннѣйшимъ отцомъ Наумовичемъ Римскому святѣйшему папѣ. Наши читатели, конечно, не забыли о томъ, какую тревогу подняли въ прошломъ году свободолюбивые Поляки въ Галиціи по поводу попытки одного уніятскаго русскаго прихода перейти въ православіе (что̀, сказать мимоходомъ, конституціей Австрійской имперіи нисколько не возбраняется)! Но конституція, законность, права—всѣ эти прекрасныя вещи для Русскихъ въ Галиціи при польскомъ господствѣ не полагаются. Поляки затѣяли громадный уголовно-политическій процессъ, въ которомъ обвинили уніятскаго священника Наумовича, редактора газеты «Слово» Площанскаго и еще многихъ Русскихъ, которымъ ихъ русская народность дорога́, въ государственной измѣнѣ, за которую законъ грозитъ смертною казнью и иными тяжкими наказаніями. Долго длился этотъ чудовищно-наглый процессъ, но несмотря на всѣ польскія козни и ковы, осужденіе въ измѣнѣ было отринуто присяжными, и никто казненъ не былъ. Однакоже отецъ Наумовичъ, Площанскій и еще двое были присуждены къ тюремному заключенію якобы за нарушеніе общественной тишины: изъ нихъ первому, уже старику, срокъ заключенія назначенъ наибольшій противъ другихъ, 8 мѣсяцевъ. Онъ же, сверхъ того, отрѣшенъ отъ права священнодѣйствовать, лишенъ прихода, а съ нимъ и средствъ существованія для себя и для своего семейства. Все это дѣло вопіющей кривды совершилось въ государствѣ, хвалящемся своею высокою культурою, въ концѣ XIX вѣка, среди бѣла дня, не возмутивъ въ Западной Европѣ ничьей

совѣсти, при восторженныхъ радостныхъ кликахъ Поляковъ и нашихъ *лже-либераловъ*. Дѣло вѣдь шло о *Русскихъ*! Да, нашлись и у насъ нравственные уроды, которые торжествовали вмѣстѣ съ Поляками польскую побѣду надъ русскими Галичанами и осыпали послѣднихъ самою нахальною руганью за то, что осмѣлились сочувствовать Россіи, русскому литературному языку и православію! (См. «Вѣстникъ Европы», «Русскій Курьеръ» и др.).

Наумовичъ, Площанскій и остальные осужденные подали на рѣшеніе Львовскаго суда кассаціонную жалобу, но кассаціонный судъ ея не уважилъ... Ихъ уговариваютъ многіе просить милости у императора, но они отказываются, объясняя, что ищутъ не милости, а правды...

На постановленіе же епархіальной власти отецъ Наумовичъ принесъ жалобу самому Папѣ, но она осталась до сихъ поръ безъ послѣдствій. Это неудивительно. Аппелляторъ съ благородною смѣлостью заступается предъ Папою за права греко-восточнаго обряда и церковнаго строя, опираясь на постановленія Флорентійскаго собора, и не таитъ своего сочувствія къ православію. Но главный интересъ аппелляціи—въ той правдѣ объ уніи и ея существѣ, которая въ этомъ документѣ раскрыта. И правда эта гласитъ, что унія есть не болѣе какъ религіозная ложь, что никакой другой цѣли она не имѣла и не имѣетъ, кромѣ окончательнаго олатиненія поддавшихся ея обману. Олатинить же Русскихъ значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обезнародить, ополячить, погубить для Славянскаго міра. Религія самымъ подлымъ образомъ обращена здѣсь въ орудіе властолюбивыхъ и политическихъ плановъ Римскаго престола и Поляковъ... Долго ли же наконецъ будетъ длиться этотъ обманъ? Почему бы Русскимъ Галичанамъ, опираясь на права, предоставленныя имъ имперскою конституціею, не порвать прямо связей своихъ съ уніей и не возвратиться въ нѣдра греко-восточной церкви?

Теперь Наумовичъ, Площанскій и еще двое съ ними заключены въ тюрьму, а ихъ семейства — безъ хлѣба... Что же мы такъ, сложа руки, и будемъ глядѣть, какъ томятся несчастные, какія муки терпятъ они и ихъ дѣти за то только, что, сохраняя полную вѣрность и требуемую закономъ

покорность своему императору, они осмѣливаются сознавать себя Русскими и отстаивать свой греко-восточный обрядъ отъ олатиненія, и свою русскую народность отъ ополяченія? Такъ мы и допустимъ Полякамъ издѣваться надъ своими жертвами, да приговаривать: «ну что, пожалѣли васъ, пособили вамъ православные братья на Руси?! Идите-ка лучше къ намъ въ кабалу!»..

Нѣтъ, этого русское общество не допуститъ. Намъ возможно теперь лишь однимъ способомъ выразить этимъ жертвамъ польской злобы наше сочувствіе: обильною денежною помощью ихъ семействамъ. На этотъ предметъ уже доставлено въ редакцію 800 р. отъ помѣщика Кіевской губ. В. А. Альбранда. Пожертвованія могутъ присылаться на имя редакціи «Руси», а также и въ Петербургъ въ Славянское Благотворительное Общество.

По поводу торговой монополіи Американцевъ на русскихъ островахъ Восточнаго Океана.

«Русь», 1 декабря 1883 г.

Въ настоящее время, какъ намъ пишутъ, находятся въ Петербургѣ Американцы или поступило въ Петербургъ ходатайство отъ Американцевъ — о продолженіи имъ срока аренды на Курильскіе острова. Дѣло въ томъ, что въ 1871 г. русское правительство заключило контрактъ съ одной американской компаніей, на основаніи котораго предоставило послѣдней право звѣринаго лова и боя (котика, бобра и т. д.) на этихъ островахъ въ теченіи 20 лѣтъ, т. е. до 1891 г., за извѣстное вознагражденіе. Хотя до срока осталось еще семь лѣтъ, но аренда оказалась до того выгодной, что Американцы спѣшатъ заручиться уже теперь, безъ огласки, правомъ на продолженіе аренды—опасаясь, какъ бы въ Россіи наконецъ, чего добраго, не надоумились предоставить пользованіе русскими богатствами *своимъ*, русскимъ же подданнымъ, а не иностранцамъ. По американскому соображенію, должна же когда-нибудь наступить и для Россіи такая пора, когда петербургскія канцеляріи, всѣ безъ исключенія, рѣ-

шатся открыто и прямо покровительствовать выгодамъ русской промышленности и торговли, и перестанутъ почитать служеніемъ наукѣ, цивилизаціи и прогрессу—служеніе иностранному барышу за счетъ Русской земли. Но если, по мнѣнію нашихъ заморскихъ сосѣдей, такая пора въ Петербургѣ еще не настала (чему доказательствомъ можетъ служитъ недавнее русское финансовое приключеніе, называмое «золотой рентой», бывшее такимъ печальнымъ сюрпризомъ для русской публики и такою вожделѣнною ожиданностью для европейскихъ и вообще иностранныхъ банкировъ), то, съ другой стороны, тѣмъ сильнѣе замѣчается въ современномъ русскомъ обществѣ желаніе предупредить по возможности повтореніе подобныхъ нечаянностей, и готовность отстаивать русскіе торговые и промышленные интересы съ большею ретивостью чѣмъ въ старые годы. Такъ или иначе, но именно въ виду окончанія срока американской монополіи звѣринаго лова на Курильскихъ островахъ въ 1891 г., уже въ ходу и теперь мысль объ учрежденіи для арендованія этой государственной доходной статьи компаніи изъ крупныхъ и почтенныхъ московскихъ фирмъ, торгующихъ мѣхами, съ русскимъ же купцомъ Филиппеусомъ во главѣ,— тѣмъ самымъ, что̀ уже съ давнихъ поръ снабжаетъ, по подряду, наши порты и поселенія на Тихомъ Океанѣ и въ Охотскомъ морѣ всѣмъ потребнымъ казеннымъ довольствіемъ. Между тѣмъ, по слухамъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири поддерживаетъ будто бы ходатайство Американцевъ на томъ основаніи, что они, вмѣстѣ съ пользованіемъ островами, приняли на себя обязанность содержать за насъ и морскую полицію, оберегать наше морское право, часто нарушаемое иностранными китобойными судами, и т. д., каковой обязанности русскіе промышленники, по недостатку русскихъ мореходныхъ средствъ, исполнять-де не въ состояніи. Однакоже, помнится, приходилось намъ читать и слышать, что американскій надзоръ охраняетъ русскіе интересы не совсѣмъ добросовѣстно, да и едвали прилично такой державѣ, какъ Россія, поручать полицію въ русскихъ водахъ — иностранцамъ! Неужели наше морское управленіе не въ состояніи содержать тамъ ни одного русскаго крейсера? Полагаемъ вообще, что правительственная точка зрѣнія на значеніе для

насъ Тихаго Океана должна была значительно измѣниться съ той странной поры, когда мы продали за безцѣнокъ Сѣверо-Американскому правительству нѣкоторую часть русской территоріи и вообще смотрѣли на наши Тихо-океанскія прибрежныя владѣнія, какъ на лишнюю для Петербурга обузу, отъ которой желательно было бы совсѣмъ избавиться... Впрочемъ объ этой американской арендѣ мы надѣемся вскорѣ получить подробное и обстоятельное сообщеніе, а пока ограничиваемся только настоящимъ заявленіемъ, основаннымъ лишь на слухѣ, болѣе или менѣе достовѣрномъ.

Дѣло о морскомъ котѣ—не сказка, а быль.

«Русь», 15-го января 1884 года.

Дѣло идетъ о морскомъ котѣ,—но это не сказка, а быль, и не для дѣтей, а для взрослыхъ, и не для однихъ мѣховщиковъ, а для всѣхъ, кто хоть нѣсколько интересуется русскою національною экономическою политикой...

Еще въ 23 № прошлаго года мы упомянули *), въ видѣ слуха, о домогательствѣ американской компаніи, арендующей монополію пушнаго звѣря на нѣкоторыхъ русскихъ островахъ Тихаго Океана: заручиться въ Петербургѣ уже теперь, впередъ, правомъ на продолженіе аренды; мы передали также и ходившіе въ Москвѣ толки, будто такое домогательство поддерживается генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, и обѣщали сообщить о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла болѣе подробныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія. Мы имѣемъ теперь возможность исполнить это обѣщаніе. Передъ нами и проектъ новаго контракта русскаго правительства съ американскою компаніей Гутчинсонъ, Кооль и К°, составленный, по соглашенію съ нею, генералъ-губернаторомъ, и объяснительный къ нему рапортъ генерала Анучина: оба документа разосланы въ копіяхъ по разнымъ вѣдомствамъ, отъ которыхъ испрашиваются соображенія. Замѣтимъ, кстати, странную особенность: аренда этой важной государственной статьи, такъ непосредственно связанной съ интересами рус-

*) См. предыдущую статью.

ской пушной торговли и промышленности, вѣдается не Министерствомъ государственныхъ имуществъ и не Министерствомъ финансовъ съ его Департаментомъ промышленности и торговли, а... Хозяйственнымъ департаментомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ... Понятно, что сему послѣднему необходимы соображенія нѣкоторыхъ постороннихъ вѣдомствъ, и благо ему, что онъ ихъ испрашиваетъ; но мы позволимъ себѣ высказать нашу догадку, что вопросы промышленности и торговли касаются не однихъ «вѣдомствъ», но нѣкоторымъ, и даже едвали не главнымъ, образомъ и тѣхъ, которые торгуютъ и промышляютъ.

За крайнимъ сѣверо-восточнымъ побережьемъ Россіи, въ Восточномъ Океанѣ, или точнѣе въ Беринговомъ проливѣ, находятся такъ-называемые Командорскіе острова «Берингъ» и «Мѣдный», съ населеніемъ на обоихъ не свыше 500 душъ, исключительно Алеутовъ, управляемыхъ чиновникомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Оба острова славятся «лежбищами» морскаго кота, ради чего,—прежде необитаемые,—они покойною Россійско-Американскою Компаніей и были заселены Алеутами, перевезенными ею съ Курильскихъ острововъ. Эти-то лежбища на «Берингѣ» и «Мѣдномъ», вмѣстѣ съ таковыми же лежбищами на необитаемомъ островѣ «Тюленьемъ», сданы русскимъ правительствомъ въ 1871 г. въ исключительное пользованіе на 20 лѣтъ американскому торговому дому Гутчинсонъ и К° на слѣдующихъ, въ 1877 г. дополненныхъ условіяхъ: 1) торговый домъ платитъ правительству за аренду 5.000 р. въ годъ и кромѣ того за 30 т. котиковыхъ шкурокъ по 1 р. 75 к. и за 15 т. таковыхъ же шкурокъ, сверхъ упомянутаго количества, по 2 р. за штуку,—всего же торговый домъ платитъ русской казнѣ 87.500 рублей ежегодно; 2) шкурки компанія обязывается принимать отъ жителей съ уплатою имъ: за первыя 30 т. по 1 р. за штуку, а за остальныя 15 т. по 50 коп.

Компанія, надобно воздать ей должную похвалу, принялась за дѣло по американски, т. е. съ разумною оцѣнкою собственныхъ выгодъ. Она примѣнила къ этимъ островамъ тѣ же свои обязательства, какія несетъ въ отношеніи къ сѣверо-американскому правительству по эксплуатаціи арендуемыхъ ею у послѣдняго нѣкогда русскихъ, а теперь американскихъ остро-

вовъ «Прибылова». То-есть: видя крайнюю необезпеченность жителей и желая, въ собственныхъ интересахъ, упрочить ихъ пребываніе на мѣстѣ, расположить ихъ къ себѣ,—она озаботилась постройкою для нихъ на собственный счетъ удобныхъ деревянныхъ жилищъ, такъ что, по оффиціальному донесенію лейтенанта Полеваго, крейсеровавшаго недавно въ этихъ мѣстахъ,—на островѣ «Мѣдномъ» жители въ 1880 г., уже всѣ, а на «Берингѣ»,—болѣе заселенномъ—половина, обитали не въ сырыхъ землянкахъ какъ прежде, но въ домахъ, и притомъ—даромъ. Кромѣ того, торговый домъ снабжаетъ жителей дровами и солью: послѣднею—безденежно, а дрова продаетъ, хотя и не дорого, однако же и не безъ выгоды для себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ барышей, доставляемыхъ покупкою по опредѣленной дешевой цѣнѣ котиковыхъ шкурокъ, компанія пріобрѣтаетъ (и также очень дешево) вольною цѣной отъ жителей—голубыхъ песцовъ и даже *бобровъ*, которыхъ прежде на этихъ островахъ никогда не бывало и которые, какъ предполагаютъ, перенесли сюда свое лежбище съ Курильскихъ острововъ, гдѣ стала замѣтна ихъ убыль. Такимъ образомъ, de facto, компанія, благодаря отсутствію всякой конкурренціи, пользуется и монополіей покупки столь цѣнныхъ мѣховъ, каковы бобровые и песцовые, безъ всякаго на это права и безъ всякой платы правительству.

Генералъ Анучинъ, вступивъ въ управленіе Восточною Сибирью, призналъ вполнѣ основательно условія контракта невыгодными для русскаго государства, «не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи». По его словамъ, настоящій контрактъ «отдаетъ русскихъ подданныхъ туземцевъ въ полную нравственную зависимость отъ иностранцевъ», вліяніе которыхъ, вслѣдствіе постройки для жителей домовъ и прочихъ принятыхъ Американцами мѣръ, сказывается уже и тецерь довольно сильно, особенно на молодомъ поколѣніи, способствуетъ распространенію англійскаго язьіка и роняетъ «престижъ русской власти». Эти похвальныя патріотическія чувствованія генерала должны бы, казалось, внушить ему естественное желаніе: передать аренду, по минованіи срока контракта съ Американцами, въ русскія руки, на болѣе выгодныхъ для правительства условіяхъ и,

конечно, съ распространеніемъ на русскихъ арендаторовъ тѣхъ же разумныхъ и благодѣтельныхъ обязательствъ относительно жителей, какія налагаетъ сѣверо-американское правительство на своихъ арендаторовъ относительно острововъ «Прибылова», и какія торговый домъ Гутчинсонъ и К⁰ добровольно, хотя и въ собственныхъ интересахъ, выполняетъ на островахъ «Берингѣ» и «Мѣдномъ». Но генералъ Анучинъ, совершенно неожиданно, пришелъ къ иному, совсѣмъ противоположному выводу.

Вступивъ въ прямые переговоры съ компаніей посредствомъ командированаго имъ чиновника, онъ, по соглашенію съ нею, составилъ и представилъ въ Петербургъ проектъ новаго контракта, существенныя измѣненія котораго заключаются въ слѣдующемъ: 1) ежегодная арендная плата правительству, вмѣсто 5.000 р., поднимается до 25.000 р., а поштучная—вмѣсто 1 р. 75. за шкуру морскаго котика—2 р., такъ что прибыль правительства, вмѣсто 87.500 р. въ годъ, возрастаетъ до 115.000 р., или противъ прежняго на 27.500 р. 2) Независимо отъ сего, шкуры песцовъ и бобровъ (бой которыхъ долженъ подвергнуться правильной регламентаціи) будутъ подлежать взысканію особой пошлины—въ размѣрѣ опредѣляемомъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири сообразно съ цѣнами Лондонскаго аукціона. Казеннаго дохода отъ бобровъ и песцовъ генералъ Анучинъ предполагаетъ примѣрно до 10 т. р. въ годъ... Матеріальные интересы правительства повидимому обезпечены: 37 т. р. для русской казны сумма великая! Правда, не приняты при этомъ во вниманіе доходы самой компаніи (о которыхъ скажемъ ниже),—но за то «нравственные интересы» правительства и жителей удостоились особенной заботы генерала. Относительно, вопервыхъ, жителей обязуется компанія продолжать постройку домовъ въ числѣ потребномъ для всего населенія и ремонтировать ихъ,—что впрочемъ компанія уже безъ того, по собственному побужденію, дѣлала и предполагала дѣлать,—но генералъ Анучинъ выговорилъ при этомъ условіе, чтобы дома передавались компаніей не прямо отъ себя жителямъ, а сначала русскому управляющему, который бы уже передавалъ ихъ Алеутамъ въ собственность — яко даръ отъ русскаго правительства.... Это ради «престижа».

Во 2-хъ, торговый домъ имѣетъ построить и устроить для Алеутовъ двѣ *школы*, выписать изъ Россіи и содержать двухъ *учителей*: это, по словамъ генерала Анучина, «если не для обрусенія, то для ослабленія иностраннаго вліянія на подрастающее поколѣніе»; далѣе: устроить двѣ *аптеки*, «организовать медицинскую помощь на обоихъ островахъ, пригласивъ двухъ лицъ врачебнаго персонала», съ платою имъ отъ себя жалованья и съ предоставленіемъ имъ со стороны русскаго правительства правъ казенной русской службы. Въ 3-хъ, наконецъ, плата жителямъ за каждую шкурку морскаго котика устанавливается однообразная—по 75 к. крупною серебряною монетой—что̀, по исчисленію компаніи, составитъ прибавку, въ пользу ихъ, по 7.500 р. въ годъ... Счастливые обитатели острововъ Беринга и Мѣднаго, Алеуты—числомъ 500 душъ! Какъ должны завидовать вамъ Камчадалы, для которыхъ на всемъ полуостровѣ Камчаткѣ имѣется всего одинъ врачъ, впрочемъ болѣе числящійся, чѣмъ практикующій, потому что, по увѣренію очевидцевъ, туземцы не обладаютъ привычкою прибѣгать къ медицинской помощи,—Камчадалы, по вычисленію лейтенанта Полеваго, заработывающіе себѣ, за всѣми расходами, не болѣе 6 р. кругомъ на душу въ годъ, тогда какъ заработная прибыль Алеутовъ «Мѣднаго» и «Беринга» составляетъ кругомъ свыше 90 р. с. на душу!

Въ вознагражденіе за такія новыя жертвы и расходы, проектъ генералъ-губернатора присоединяетъ къ монополіи американскаго торговаго дома на котиковый промыслъ также и право лова бобровъ и песцовъ на Командорскихъ островахъ; но не довольствуясь этимъ, въ примѣчаніи къ § 2-му, предоставляетъ ему же: «имѣть *преимущество* предъ другими лицами, торговыми домами и обществами на производство промысла морскихъ котовъ (независимо отъ вышеназванныхъ острововъ) *въ предѣлахъ Россійскихъ владѣній въ Восточномъ Океанѣ*, буде тамъ найдены будутъ лежбища сихъ животныхъ и условія торговаго дома Гутчинсонъ и К° предложенныя Россійскому правительству будутъ имъ найдены выгодными». Значитъ, пока длится американская аренда острововъ, русскіе промышленники должны сказать «прости!» морскому коту, если даже его лежбища откроются въ той

сторонѣ, гдѣ-нибудь вовсе и не на островахъ? Понятно, что для русскихъ промышленниковъ получаетъ особую важность вопросъ: долго ли же будетъ длиться эта невыгодная для нихъ американская монополія? По старому контракту она должна бы окончиться 1 февраля 1891 г.; но Американцы, ссылаясь на великія новыя, налагаемыя на нихъ новымъ контрактомъ тягости, просятъ о продленіи имъ срока аренды, послѣ 1891 г., еще на 20 лѣтъ, т. е. до 1 февр. 1911 года!.. Генералъ Анучинъ однако же, хотя и признаетъ право компаніи на вознагражденіе за новыя ея траты на аптеки и просвѣщеніе, за приплату правительству и жителямъ лишнихъ 35 т. р., не рѣшается связать Россію даже и на XX вѣкъ проектируемымъ имъ въ пользу Американцевъ обязательствомъ, а думаетъ ограничиться только XIX столѣтіемъ,— впрочемъ по самый его рубежъ. Именно онъ предлагаетъ, чтобы новый контрактъ вступилъ въ силу немедленно по утвержденіи его правительствомъ и продолжался до 1900 г. (т. е. съ нынѣшняго года на 16 лѣтъ, или съ 1881 г., т. е. со срока еще дѣйствующаго контракта, на 9 лѣтъ). На такое продолженіе аренды генералъ «склоняется»—убѣжденный, по его словамъ, доводомъ компаніи «о необходимости сосредоточить промыслъ котовъ въ рукахъ людей знакомыхъ съ дѣломъ, заслуги которыхъ состоятъ *во введеніи котиковъ въ моду* и устройствѣ рынка», а также ея же доводовъ, что «барыши компаніи построены на весьма шаткомъ основаніи—*модѣ высшаго свѣта*»... Хотя люди знающіе и толкуютъ, будто мѣха—товаръ всего менѣе зависящій отъ прихотей моды, такъ какъ *теплая* одежда вовсе не принадлежитъ къ разряду людскихъ *капризовъ*, — однакожъ компанейскіе доводы до такой степени подѣйствовали на мнѣнія генерала Анучина, что движимый чувствомъ справедливости и соболѣзнованія, онъ признаетъ нужнымъ *успокоить* и обнадежить компанію... «Для успокоенія компаніи»—такъ пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ—«относительно того, что промысла останутся въ ея распоряженіи возможно большее время, можно бы, казалось, включить въ контрактъ условіе, что если и *послѣ 1900 года* правительство наше сочтетъ полезнымъ отдавать промысла въ аренду, то *преимущественное на это право сохраняется за торговымъ домомъ Гут-*

чинсонъ и К°, на тѣхъ условіяхъ, какія въ то время опредѣлены будутъ».

Отрадная перспектива для русской промышленности!...

Высокопоставленный администраторъ, въ концѣ своего рапорта, «*высказываясь положительно въ пользу немедленнаго заключенія новаго контракта*», поясняетъ, что къ таковому «категорическому его заявленію» побуждаютъ его не только примѣръ Сѣверной Америки, доказывающій необходимость сосредоточенія подобныхъ промысловъ въ рукахъ «сильной и честно-дѣйствующей частной компаніи»; не только 12-лѣтнее безукоризненное исполненіе американскимъ торговымъ домомъ своихъ обязательствъ, причемъ онъ «*не просилъ никакихъ снисхожденій* и дѣлалъ для туземцевъ болѣе, чѣмъ это требовалось условіемъ, но и «*отсутствіе* на Восточномъ Океанѣ русской предпріимчивости и русскихъ капиталовъ», — а это, по словамъ генерала Анучина, «дѣлаетъ мало вѣроятнымъ появленіе тамъ, *въ близкомъ будущемъ*, такихъ предпринимателей, которые могли бы быть предпочтены вышеназванному дому»... «Впрочемъ,—прибавляетъ генералъ,—продленіе контракта только до 1900 года именно и даетъ возможность возникнуть свободной конкурренціи»... Еслибъ эти слова не находились въ оффиціальномъ донесеніи по службѣ, мы бы подумали, что его превосходительство изволитъ шутить: какое же возникновеніе свободной конкурренціи со стороны русской промышленности возможно въ виду не только предположеннаго генераломъ исключенія русской конкурренціи въ теченіи остающихся 16-ти лѣтъ XIX столѣтія, но и въ виду проектируемой имъ въ новомъ контрактѣ оговорки, что и въ XX вѣкѣ русское правительство *обязуется уже теперь*—предоставить американскому торговому дому *преимущество* относительно арендѣ острововъ *предъ всѣми другими конкуррентами*, хотя бы и русскими! Если даже задаться задачею—подрѣзать въ самомъ корнѣ возможность для русскихъ промышленниковъ всякой конкурренціи съ американской компаніей, то нельзя было бы придумать средства болѣе вѣрнаго, какъ проектированный генераломъ Анучинымъ контрактъ.

Генералъ-губернаторъ напрасно вмѣняетъ компаніи въ особенную заслугу, что она «не просила снисхожденій»!

Добросовѣстное исполненіе ею принятыхъ на себя обязательствъ, конечно, заслуживаетъ похвалы, но слѣдовало бы напередъ справиться — чѣмъ окупается для нея эта добросовѣстность и нуждалась ли компанія въ снисхожденіяхъ? Достовѣрныя данныя, несомнѣнно извѣстныя и генералъ-губернатору, такъ какъ онѣ подтверждены и русскими оффиціальными донесеніями (ссылаемся снова на донесеніе лейтенанта Полеваго, доставленное намъ вмѣстѣ съ прочими документами), указываютъ *валовой* доходъ компаніи въ 1.391.200 р. с.; за исключеніемъ же всѣхъ ея расходовъ по содержанію служащихъ, парохода, на фрахтъ и пр., а также расходовъ обязательныхъ для нея по новому контракту, — присоединяя сюда даже и погашеніе капитала, употребленнаго на постройку домовъ, уступаемыхъ русскому правительству, равно и суммы исчисленныя самою компаніей на содержаніе школьныхъ учителей (по 1500 р. въ годъ каждому), аптекъ и т. п., *чистая прибыль компаніи опредѣляется въ 1.125,900 р. въ годъ.*

Съ этимъ ежегоднымъ доходомъ въ милліонъ сто двадцать пять тысячъ рублей американскаго торговаго дома сопоставимъ доходъ русскаго правительства. По новому контракту онъ возвышается до 115 т. рублей, но за вычетомъ, по разсчету лейтенанта Полеваго, расходовъ на жалованье русскому управляющему съ 10 казаками и, главное, на содержаніе русскаго крейсера, доходъ улетучивается до 61 т. р. Конечно, отдавая эти промысла въ аренду Американцамъ въ 1871 г., русское правительство не могло еще опредѣлить навѣрное размѣръ ожидаемой для компаніи прибыли; тѣмъ не менѣе сумма назначенной имъ и тогда арендной платы (87 т. р.) трудно поддается объясненію; его надобно искать развѣ въ сибирскихъ порядкахъ... Генералъ Анучинъ увеличиваетъ теперь доходъ казны на 27 т. р., а съ помощью бобровыхъ и песцовыхъ шкуръ даже на 37 т. р. ежегодно, — но вѣдь теперь и милліонная цифра доходовъ компаніи несомнѣнно опредѣлилась! Несмотря на то, прибыль, доставляемая русскому правительству ежегодною надбавкою въ 37 т. р., а также, должно-быть, и благо, сулимое 500 Алеутамъ учрежденіемъ школъ и аптекъ на американскій счетъ, представляются генералу Анучину столь

необычайными, что ради ихъ онъ рѣшается энергически настаивать на «*немедленномъ* заключеніи новаго контракта, для скорѣйшаго» — какъ онъ именно выражается, — «полученія тѣхъ *выгодъ* (?!), кои новый контрактъ обѣщаетъ какъ правительству, такъ и жителямъ»... Ради сихъ выгодъ онъ предлагаетъ не только продолжить срокъ американской аренды Командорскихъ острововъ до 1900 года и въ теченіи этого срока признать за торговымъ домомъ Гутчинсонъ и К° преимущество предъ всѣми конкуррентами на производство котиковаго промысла и во всѣхъ другихъ русскихъ владѣніяхъ Восточнаго Океана, — но утвердить за симъ домомъ преимущественное право на возобновленіе аренды острововъ и въ XX столѣтіи, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, предлагающихъ равныя условія, конкуррентовъ! Другими словами: генералъ Анучинъ предлагаетъ русскому правительству изъ-за 37 т. р. ежегодной прибыли — сохранить за иностранцами на неопредѣленно долгій срокъ милліонную прибыль, извлекаемую изъ принадлежащаго Россіи добра,—лишить русскую промышленность, въ пользу иностранной, даже всякой возможности развиться и проявить свою дѣятельность на крайнемъ Востокѣ—и въ семъ и будущемъ вѣкѣ!.. Не то удивляетъ насъ, что подобное соображеніе могло возникнуть въ умѣ современнаго русскаго администратора, но главнымъ образомъ то, что оно повидимому никого не удивило, что оно способно тревожить русскій торговый міръ, какъ будто имѣетъ за собой вѣроятность успѣха...

Генералъ Анучинъ ссылается на отсутствіе въ Восточномъ Океанѣ русской предпріимчивости и находитъ мало вѣроятнымъ появленіе тамъ даже и въ близкомъ будущемъ такихъ предпринимателей, которые могли бы быть предпочтены торговому дому Гутчинсонъ и К°. Но въ какомъ отношеніи предпочтены? Развѣ не найдется въ Россіи людей, способныхъ платить правительству 117 т., а другія 150 т. употреблять на расходы по эксплуатаціи и на вознагражденіе Алеутамъ, съ тѣмъ чтобъ получать прибыли свыше милліона? Да и что за дѣло правительству, еслибъ арендаторъ получалъ выгоды даже нѣсколько менѣе милліона, будь только вѣрно вносима ничтожная, однажды установленная плата казнѣ и туземцамъ? Почему же долженъ будь предпочтенъ

тотъ, кто умѣетъ туже набить свой карманъ, когда отъ большаго размѣра прибыли нѣтъ никакой прибыли ни жителямъ, ни правительству?.. Да наконецъ не мѣшало бы хоть напередъ, прежде чѣмъ возглашать такое сужденіе, опросить, любопытства ради, не найдется ли серьезныхъ конкуррентовъ на монополію русскаго товара и въ самой Россіи... Жалобы генерала Анучина на отсутствіе наличныхъ русскихъ предпринимателей неосновательны. Уже съ 1863 г. Филиппеусъ,—человѣкъ, несмотря на свою фамилію, вполнѣ русскій, вполнѣ образованный, когда-то служившій въ Восточной Сибири, ставшій потомъ камчатскимъ купцомъ и въ этомъ званіи бывшій два года русскимъ консуломъ въ Японіи,—доставлялъ, да и доставляетъ московскимъ торговцамъ значительныя партіи сибирскаго пушнаго товара. Уже 16 лѣтъ сряду, по контракту съ казной, онъ снабжаетъ Камчатку хлѣбомъ (который тамъ не родится) и всякими другими необходимыми товарами по умѣренной цѣнѣ, ежегодно *лично* являясь для сего лѣтомъ, изъ Петербурга, на своемъ пароходѣ «Камчатка», въ Петропавловскъ и другія населенныя мѣста Камчатскаго побережья. По словамъ оффиціальнаго донесенія лейтенанта Полеваго, «жители очень расположены къ нему, отзываются о немъ какъ о благодѣтелѣ и съ нетерпѣніемъ каждый разъ ожидаютъ его прихода». Это имя не безъизвѣстно и генералъ-губернатору. Онъ даже упоминаетъ его и въ своемъ рапортѣ по слѣдующему странному поводу: почему-то при заключеніи договора съ Американцами, найдено было нужнымъ включить во 2 § контракта, чтобъ въ числѣ компаньоновъ торговаго дома находился одинъ Русскій; оказалось однако, что это требуется только для виду, что русскій компаньонъ долженъ только *числиться*, безъ всякаго дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ, расходахъ и прибыляхъ компанейскихъ. По настоятельной просьбѣ тогдашняго русскаго начальства, г. Филиппеусъ согласился принять временно это званіе, такъ что полный оффиціальный титулъ торговаго дома гласитъ: «Гутчинсонъ, Колли, Филиппеусъ и К°». Упоминая этотъ титулъ, генералъ Анучинъ поясняетъ, что «участіе г. Филиппеуса въ дѣлахъ торговаго дома *чисто номинальное*, для исполненія условій контракта»... Зачѣмъ нужны были такія условія, которыя не подлежатъ дѣйстви-

тельному исполненію, мы не постигаемъ; но по всѣмъ вѣроятностямъ тутъ сокрытъ глубокій смыслъ, уму простаго смертнаго, не изъ администраторовъ, совершенно недоступный, потому что вслѣдъ за вышеприведенными словами, генералъ Анучинъ прибавляетъ слѣдующія: «Полагаю, что такимъ же образомъ на будущее время участіе русскихъ подданныхъ въ дѣлахъ торговаго дома *будетъ только на бумагѣ, а не надѣлъ*»... Что это значитъ? Ужъ не грозитъ ли участіе русскихъ подданныхъ русскому государству какою-либо особенной невыгодой, или же можетъ-быть оно просто-напросто непріятно Американцамъ, такъ какъ раскрываетъ тайны торговаго контроля? Но въ послѣднемъ случаѣ совмѣстно ли съ достоинствомъ правительства ставить обязательно своихъ подданныхъ въ жалкую роль номинальныхъ компаньоновъ и постановлять въ контрактѣ завѣдомо условія съ тѣмъ, чтобъ въ угоду иностранцамъ ихъ въ сущности не исполнять?.. Содѣйствуетъ ли это «престижу» русскаго правительства, о которомъ такъ заботится генералъ-губернаторъ,— ради сохраненія котораго онъ изобрѣлъ остроумную мѣру, чтобъ Американцы, построивъ на свои деньги дома для жителей, отдавали ихъ жителямъ не прямо отъ себя, а черезъ русскаго управляющаго островами — какъ правительственный подарокъ?

Странные документы!...

Но уже не страннымъ, а печальнымъ представляется послѣдній полученный нами документъ—письмо представителей четырехъ крупныхъ московскихъ торговыхъ фирмъ, съ г. Сорокоумовскимъ во главѣ, къ г. Филиппеусу. Въ этомъ письмѣ, они, въ отвѣтъ на слова генерала Анучина объ отсутствіи русскихъ предпринимателей, поясняютъ, что до 1868 г. промысла составляли монополію Россійско-Американской компаніи, а сдача въ аренду американскому торговому дому, рѣшенная правительствомъ въ 1870 г., учинена была *совершенно безъ ихъ вѣдома*, къ немалому ихъ сюрпризу; что и о настоящемъ пріѣздѣ въ Петербургъ агента американской компаніи, равно какъ о предложеніяхъ генералъ-губернатора, узнали они совершенно *случайно*.. Поэтому московскія фирмы уполномочиваютъ г. Филиппеуса ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобъ контрактъ съ Аме-

риканцами возобновляемъ не былъ, при чемъ заявить, отъ имени представителей фирмъ, что они или преемники ихъ теперь или въ то время, когда правительство найдетъ удобнымъ, готовы составить товарищество для эксплуатаціи промысловъ на Командорскихъ островахъ съ потребнымъ капиталомъ, съ представленіемъ залога и на условіяхъ аренды— «во всякомъ случаѣ болѣе выгодныхъ какъ для правительства, такъ и для мѣстныхъ жителей, чѣмъ назначенныя нынѣ въ проектѣ генерала Анучина»... Сибирское просвѣщенное и гуманное начальство можетъ успокоиться: будутъ для Алеутовъ-островитянъ и школы, и аптеки съ «медицинскимъ персоналомъ»... Въ этомъ же родѣ, какъ мы слышали, подается и заявленіе отъ московскихъ торговцевъ мѣхами и Московскому Биржевому Комитету.

Надо надѣяться, что не всѣ же въ Петербургѣ останутся глухи къ этому гласу. Но во всякомъ случаѣ исторія съ морскимъ котикомъ составляетъ только одну изъ назидательныхъ страницъ въ общей исторіи нашей промышленности, равно и нашей національной торговой политики... Опять все тотъ же мучительный вопросъ: зачѣмъ и почему такая *былъ* у насъ бываетъ, и даже какъ будто въ порядкѣ русскихъ вещей?!...

По поводу кончины М. И. Богословскаго.

„Русь“, 1-го февраля 1884 г.

15 января скончался въ Москвѣ, 70-ти слишкомъ лѣтъ, протопресвитеръ Большаго Успенскаго собора и членъ Синодальной конторы, докторъ богословія Михаилъ Измайловичъ Богословскій. Онъ не былъ Москвичъ родомъ, только лѣтъ за двѣнадцать до кончины переселился или точнѣе сказать — переселенъ былъ въ Москву, хотя и на почетную должность протопресвитера Кремлевскаго собора, однакоже не по доброй волѣ, а вслѣдствіе постигшей его незаслуженной опалы. Высшее духовное образованіе полу-

чилъ онъ въ Петербургѣ, — Петербургу принадлежала дѣятельность почти всей его жизни—ученая, учебная, пастырская, административная—въ званіи баккалавра и преподавателя въ Академіи, — законоучителя, профессора логики и психологіи, а вмѣстѣ и настоятеля церкви въ Училищѣ Правовѣдѣнія съ самаго его основанія, въ теченіи 30 лѣтъ; наконецъ въ званіи Главнаго священника арміи и флота. Но Москвѣ выпалъ жребій воздать должную честь его заслугамъ, — какъ два слишкомъ года тому назадъ по случаю его 50-лѣтняго юбилея, такъ и теперь, при его кончинѣ. И надобно сказать правду, оба торжества, — и радостное, и печальное,—почтили его достойно. Особенно знаменательно было послѣднее, именно отпѣваніе въ Чудовомъ монастырѣ, съ участіемъ трехъ архіереевъ и многочисленнаго московскаго духовенства. Знаменательно оно было тою единодушною искренностью уваженія къ нравственному характеру почившаго, которою видимо былъ объятъ весь сонмъ священнодѣйствовавшихъ и сослужившихъ, — которая высказалась и въ проповѣдяхъ или рѣчахъ, проникнутыхъ глубокимъ убѣжденіемъ, запечатлѣнныхъ серьезнымъ чувствомъ. Не знаемъ, имѣется ли въ лѣтописяхъ церковныхъ, особенно позднѣйшихъ временъ, примѣръ подобнаго чествованія лицу — преставльшемуся съ санѣ іерея...

Онъ стоилъ этого. Пишущій эти строки имѣлъ счастіе, тому давно, въ ранней юности, состоять въ Училищѣ Правовѣдѣнія его ученикомъ и получать отъ него духовное назиданіе. Нравственное воздѣйствіе его тогда на воспитанниковъ было строгое, бодрое, отрезвляющее,—въ высшей степени благотворное. Его нѣсколько боялись, но безусловно *уважали*,—а это великое благо въ отрочествѣ и въ юности, когда душѣ дается возможность питать и носить въ себѣ чувство искренняго уваженія!.. Впечатлѣнія нашихъ юныхъ лѣтъ оказались не лживыми, но нашли себѣ оправданіе во всей послѣдующей, долгой дѣятельности Михаила Измайловича. Онъ ни разу не измѣнилъ себѣ въ жизни. Онъ ни разу не покривилъ душой; въ немъ не было ни «льсти», ни *страха*... Многими высокими нравственными достоинствами отличаются наши іереи и іерархи, но въ Михаилѣ Измайловичѣ было качество,—къ сожалѣнію довольно рѣдко встрѣчающееся въ

духовенствѣ,—была *доблесть*, и притомъ не страдательная, а неуклонно-дѣятельная, внушаемая горячею до страстности любовью къ правдѣ, а потому и чуждая строптивости и гордыни.—Именно это качество и признано было за нимъ всѣми, какъ его отличительная особенность; оно-то и было главнымъ образомъ цѣнимо въ немъ при жизни и оцѣнено по смерти лучшими людьми въ нашемъ духовенствѣ и обществѣ. Просматривая, напримѣръ, описанія его 50-тилѣтняго юбилея (30 сентября 1881 г.), мы встрѣчаемъ почти въ каждомъ обращенномъ къ нему привѣтствіи—выраженія, характеризующія его нравственный обликъ именно въ этомъ смыслѣ. Въ самой Высочайшей грамотѣ о сопричисленіи отца Богословскаго къ ордену Св. Владиміра, выдающеюся его заслугою указана «твердость убѣжденій» съ «неизмѣнной ревностью къ православію». Преосвященный Іоаннъ вспоминаетъ его «строгую правдивость въ сужденіи о свойствахъ и качествахъ людскихъ, когда дѣло касается сего въ занятіяхъ служебныхъ». Въ адресѣ протоіерея Рождественскаго отъ Московской Духовной Консисторіи читаемъ между прочимъ, что «твердая самостоятельность мысли и воли составляетъ завѣтную особенность Михаила Измайловича: что въ трудныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ особенной важности его слово было рѣшающимъ», на что̀ давала ему право, кромѣ основательнаго знанія церковныхъ законовъ, его «неуклонная правота, не знающая лицепріятія»; что наконецъ, встрѣченныя имъ въ жизни «тяжкія испытанія переносилъ онъ всегда съ благороднымъ мужествомъ, безъ малодушнаго унынія, безъ жалобъ и ропота». Особенно замѣчателенъ привѣтъ юбиляру отъ бывшаго архіепископа Кишеневскаго, Павла. Причисляя себя не только къ «кругу почитателей», но и «къ тѣсному кругу лицъ, пользующихся особымъ благорасположеніемъ» отца протоіерея, преосвященный Павелъ отдаетъ должную дань «его свѣтлому и обширному уму, силѣ его непреклоннаго характера, честности и несокрушимой твердости его убѣжденій, и его дѣятельности»... «Имя ваше», прибавляетъ преосвященный, «перейдетъ въ отдаленныя поколѣнія и по разсказамъ и воспоминаніямъ о васъ, проникнутымъ глубокимъ уваженіемъ»...

Благо тому, чья дѣятельность, въ концѣ долгаго попри-

ща, въ дверяхъ могилы, могла удостоиться подобной единодушной оцѣнки! Да послужитъ же память о немъ въ примѣръ и назиданіе всѣмъ будущимъ пастырямъ и стоятелямъ за истину и церковь Христову!..

По поводу кончины М. Ѳ. Раевскаго.

«Русь», 15-го мая 1884 г.

2 мая скончался въ Вѣнѣ настоятель русской посольской церкви, протоіерей Михаилъ Ѳедоровичъ Раевскій, не дожившій лишь нѣсколько недѣль до пятидесятилѣтняго юбилея своего священства и болѣе сорока лѣтъ проходившій свое іерейское поприще въ Вѣнѣ. Но одно ли іерейское! Вѣсть объ его кончинѣ поразитъ истинною скорбью не только ревнителей славянскихъ интересовъ въ Россіи, но и весь Славянскій міръ, въ которомъ имя его пользуется такою всеобщею извѣстностью и любовью, — для котораго, въ теченіи столь долгаго періода времени, служилъ онъ постояннымъ заступникомъ, ходатаемъ, посредникомъ въ сношеніяхъ съ нашимъ отечествомъ. Исторія сорокалѣтней дѣятельности М. Ѳ. Раевскаго въ столицѣ Австрійской Имперіи отражаетъ въ себѣ и всю сорокалѣтнюю исторію Славянскихъ племенъ, почти съ самаго появленія зари славянскаго возрожденія и самосознанія на горизонтѣ новѣйшаго міра. Стóитъ лишь вспомнить—каковы были судьбы славянства *за сорокъ лѣтъ назадъ*, какія превратности судебъ испытало оно, пока, наконецъ, если еще не восторжествовало вполнѣ, то уже заставило себя признать какъ силу въ современной политической исторіи Европы! Задолго до учрежденія въ Москвѣ Славянскаго Комитета, Раевскій одинъ служилъ предъ лицомъ Славянъ Западныхъ и Балканскихъ дѣятельнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ русскаго общества, и въ этомъ смыслѣ былъ болѣе истиннымъ представителемъ Россіи, чѣмъ наши полномочные дипломаты при западныхъ европейскихъ дворахъ. Долговременное пребываніе на чужбинѣ не наложило на него, какъ на очень многихъ

настоятелей русскихъ заграничныхъ церквей, печати чуждой: радушный, гостепріимный, бодрый, веселый, съ простымъ, отзывчивымъ сердцемъ, онъ сохранилъ на себѣ типъ русскаго священника съ его наиболѣе симпатичными сторонами. Въ слѣдующемъ № мы сообщимъ о немъ болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія. Еще такъ недавно, Великимъ Постомъ, былъ онъ въ Москвѣ и получилъ отъ насъ суммы пожертвованныя для облегченія участи семействъ тѣхъ Русскихъ въ Галиціи, которые пострадали отъ польскаго непстоваго, *легальнаго* беззаконія и къ которымъ съ такимъ горячимъ сердечнымъ сочувствіемъ относился Михаилъ Ѳедоровичъ. Заступить мѣсто отца Раевскаго въ Вѣнѣ будетъ не легко. Славянское дѣло потерпѣло въ немъ великую чувствительную потерю... Вѣчная благодарная ему память!

По поводу прибытія въ Кіевъ митрополита Сербскаго и отца Наумовича.

«Русь», 15 сентября 1884 года.

Два изгнанника, два страстотерпца — православной вѣры и насъ, Русскихъ, ради—вступили недавно на Русскую землю. Да будетъ благословенъ ихъ приходъ! Да обрѣтутъ они себѣ здѣсь, подъ родственнымъ кровомъ, не только почетное, достойное возмездіе за претерпѣнныя ими муки, не только отрадное, безопасное отишье послѣ треволненій и бурь, но и высшее благо мира для души народныхъ подвижниковъ—бодрое, несомнѣнное упованіе на лучшую близкую будущность своихъ народовъ! Залогомъ этого упованія пусть будетъ наше общее сочувствіе и любовь!... Мы разумѣемъ здѣсь прибытіе въ Кіевъ — «мать градовъ русскихъ», колыбель и купель Святой Руси—вопервыхъ, высокопреосвященнаго Митрополита Сербскаго Михаила, котораго ошалѣвшее отъ австрійской лести и подкупа Сербское правительство, повинуясь настояніямъ Вѣны, изгнало изъ Сербіи, какъ главный оплотъ народнаго сербскаго патріотизма, нераздѣльнаго съ приверженностью къ Россіи, и какъ крѣпкаго стоятеля за достоинство и свободу Право-

славной Церкви, за вѣрность ея священнымъ канонамъ; во-вторыхъ, русскаго священника Іоанна Наумовича изъ Галиціи, только-что отбывшаго тяжкое тюремное заключеніе, которому одновременно съ полнымъ разореніемъ, съ лишеніемъ всякихъ средствъ къ жизни и къ содержанію своего семейства, подвергся онъ по неистовой злобѣ галицкихъ Поляковъ, милостью той же Вѣны властвующихъ теперь надъ несчастнымъ Русскимъ народомъ въ Галиціи. Тяжкое преступленіе тяготѣетъ надъ отцомъ Наумовичемъ: будучи уніятомъ, какъ и весь Русско-Галицкій народъ (насильственно, еще при старомъ польскомъ владычествѣ, въ унію обращенный), онъ сочувствовалъ намѣренію возвратиться въ лоно Православной Церкви двухъ русскихъ уніятскихъ селъ, а главное—всегда, пользуясь громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ среди русскихъ Галичанъ, крѣпко и безстрашно стоялъ за права русской народности, за сохраненіе въ ней, оторванной отъ Россіи, хотя тѣхъ залоговъ единства съ нами, которые заключаются въ языкѣ и въ церковномъ греко-восточномъ обрядѣ... Привѣтъ имъ изъ Москвы!

По поводу кончины Э. Ѳ. Раденъ.

«Русь», 12-го октября 1885 года.

Въ ночь на 9 октября скончалась въ Петербургѣ баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ,—одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ нашего времени: сильная умомъ—изящнымъ, многостороннимъ и просвѣщеннымъ; сильная волей—никогда не избѣгавшей, но всегда искавшей подвига въ жизни; неколебимо строгая въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ,—съ никогда неослабѣвавшимъ, высокимъ религіознымъ строемъ души. Благородство ея духовной природы заставляло каждаго, при встрѣчѣ или бесѣдѣ съ нею, невольно выпрямляться и своею душою... Она долгое время состояла фрейлиной при покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, любившей, какъ извѣстно, собирать на своихъ петербургскихъ вечерахъ все выдающееся умомъ, образованіемъ и талан-

томъ.—ученыхъ, писателей, даровитыхъ людей государственной службы. Тамъ, во дворцѣ Великой Княгини, можно сказать дебютировали, въ началѣ своей карьеры, оба Милютины и иные молодые начинающіе дѣятели, впослѣдствіи сподвижники важныхъ реформъ прошлаго царствованія; тамъ, въ эпоху освобожденія крестьянъ и даже ранѣе, собирались и всѣ подготовители, а потомъ и главные работники величайшаго изъ преобразованій: Самаринъ, кн. Черкасскій и многіе другіе. Кромѣ, разумѣется, самой Великой Княгини, однимъ изъ притягательнѣйшихъ центровъ общества на этихъ историческихъ вечерахъ была Э. Ѳ. Раденъ. Она состояла въ личной дружбѣ съ лучшими изъ посѣтителей, и въ особенности съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Послѣ смерти послѣдняго, Эдита Ѳедоровна привела въ порядокъ всю свою переписку съ нимъ,—переписку серьезнаго содержанія, преимущественно о вопросахъ вѣры и церкви, философскихъ и соціальныхъ. Намъ удалось прочесть нѣкоторыя изъ писемъ Самарина: это цѣлыя блестящія статьи, поражающія глубиною мысли, мѣткостью слова и притомъ согрѣтыя тою искренностью, которой обыкновенно лишены сочиненія, предназначаемыя для печати. Нѣтъ повода, чтобъ эта переписка двухъ отборныхъ умовъ, характеровъ и дарованій осталась долго подъ спудомъ: обнародованіе писемъ Самарина послѣ ея смерти—было желаніемъ самой Эдиты Ѳедоровны.

По кончинѣ Великой Княгини, баронесса Раденъ пожалована была во фрейлины къ покойной Государынѣ, и этого же званія удостоена потомъ и царствующею нынѣ Императрицею. Ея Величеству угодно было возложить на баронессу спеціальный надзоръ надъ женскими воспитательными учрежденіями Императрицы Маріи,—и этой дѣятельности отдалась Эдита Ѳедоровна со всею страстною энергіею своей воли... Мучительна была болѣзнь, предшествовавшая ея кончинѣ, но безтрепетно встрѣтила смерть ея мужественная, всю жизнь, неослабно, пламенѣвшая вѣрою душа.

Пусто остается мѣсто ея въ петербургскомъ обществѣ, да и во всемъ кругу ея друзей и близкихъ знакомыхъ...

По поводу празднованія 25-лѣтняго юбилея Пекинскаго договора.

«Русь», 9-го ноября 1885 г.

2 ноября праздновался, скромнымъ образомъ, въ Петербургѣ 25-лѣтній юбилей Пекинскаго договора, заключеннаго въ 1860 г. съ Китаемъ графомъ Игнатьевымъ. Пекинскій договоръ не только окончательно утвердилъ за Россіею обладаніе Амурскимъ и Уссурійскимъ краемъ,—если и не представляющее намъ выгодъ въ настоящемъ, то все-таки служащее залогомъ для будущаго развитія русской силы на крайнемъ Востокѣ, — но онъ, этотъ договоръ, доставилъ и новыя въ то время значительныя выгоды для нашей торговли съ Китаемъ, открылъ намъ новые рынки, надѣлилъ нѣкоторыми важными тогда преимуществами русскихъ торговцевъ. Заключеніе этого трактата было не легко и могло состояться только благодаря искусству, ловкости, смѣлости нашего уполномоченнаго и его самостоятельному почину. Тогда въ первый разъ, кажется, выказались и обратили на себя всеобщее вниманіе блестящія дипломатическія дарованія Н. П. Игнатьева. По поводу юбилея помянули его добромъ и торгующія съ Китаемъ московскія купеческія фирмы; — вспомнили и повсюду въ Россіи имя нашего дипломата, такъ высоко, въ теченіи 12 лѣтъ, державшаго русское знамя въ Константинополѣ, что и до сихъ поръ славится онъ на всемъ Востокѣ. Онъ же вѣдь и творецъ Санъ-Стефанскаго договора... Какъ же это такъ выходитъ, что при нашей горькой бѣдности въ даровитыхъ людяхъ, особенно при совершенной безцвѣтности нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, такой выдающійся дипломатъ, такой знатокъ всѣхъ отношеній славянскихъ и восточныхъ—занимается не тѣмъ дѣломъ, къ которому, казалось бы, призванъ самой природой, а лишь предсѣдательствомъ въ одномъ изъ частныхъ обществъ, именно въ Обществѣ покровительства торговлѣ и промышленности? Почему это такъ—мы не знаемъ, но въ отвѣтъ на полученные нами запросы выразимъ лишь личное свое соображеніе, что графъ Игнатьевъ, столь популярный въ мірѣ Славянскомъ, не имѣетъ счастья пользоваться расположеніемъ Западной Европы, особенно же столь доброжелательныхъ намъ Англіи и Австріи...

По поводу кончины Н. Я. Данилевскаго.

«Русь», 16-го ноября 1885 г.

Съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца сообщаемъ о кончинѣ одного изъ лучшихъ людей, котораго мы имѣли честь числить своимъ сотрудникомъ, Николая Яковлевича Данилевскаго,—внезапно скончавшагося 7 ноября въ Тифлисѣ. Это былъ сильный, смѣлый умъ, независимый и самостоятельный, и притомъ какой-то особенный, *честный* умъ, чуждый всякаго лукавства мысли, строго провѣрявшій трудолюбивымъ изысканіемъ и анализомъ всякое понятіе имъ усвояемое, всякое убѣжденіе, на коемъ онъ утверждался. Такъ же честно было и сердце его, искреннее, прочное, широкое, въ которомъ такъ много было мѣста для всякихъ простыхъ, добрыхъ, неизмѣнныхъ чувствъ любви, дружбы и беззавѣтной преданности родной землѣ. Но непосредственная любовь къ послѣдней была въ немъ еще и осмыслена, оправдана въ сознаніи, укрѣплена наукою и долгою работою ума; свидѣтельствуетъ о томъ его замѣчательный, прекрасный трудъ: «Россія и Европа», въ которомъ онъ совершенно самобытнымъ путемъ пришелъ къ тождественному ученію съ Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ и вообще съ такъ-называемымъ славянофильствомъ. При всемъ томъ его спеціальностью было естествознаніе: много, и теоретически и практически, потрудился онъ—богатырь труда — на этомъ поприщѣ. Симпатичный образъ этого прямодушнаго, умнаго, многосторонне просвѣщеннаго, бодраго, дѣятельнаго человѣка, и не мечтателя, но дѣльца и сильнаго мыслителя, притомъ добраго и простодушнаго, съ его крупными, совершенно русскими чертами лица и сложеніемъ, никогда не изгладится изъ памяти его друзей и знакомыхъ... Падаютъ старые борцы, а никто не является имъ на смѣну!..

По поводу 50-лѣтняго юбилея Училища правовѣдѣнія.

«Русь», 14-го декабря 1885 г.

5 декабря праздновался 50-лѣтній юбилей Императорскаго Училища правовѣдѣнія. Помѣщаемъ ниже подробное описаніе этого торжества. Къ сожалѣнію, намъ не удалось присутствовать на немъ лично, хотя мы имѣли на это право: пишущій эти строки, редакторъ «Руси», принадлежитъ самъ къ «правовѣдамъ» *третьяго* выпуска: въ настоящее же время ихъ считается всѣхъ 46!

Основатель училища, Принцъ Ольденбургскій Петръ Георгіевичъ, по истинѣ достоинъ глубокой признательности всей Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденное имъ учебное заведеніе сослужило великую историческую службу нашему отечеству, исполнило со славой свою трудную высокую миссію. Существенная задача, которая легла въ основаніе этого училища,—преобразовать составъ нашего судебнаго міра, направивъ на службу въ самихъ судебныхъ канцеляріяхъ молодыхъ людей изъ той общественной среды, которая изъ вѣка въ вѣкъ чуждалась этой службы, предоставляя ее *подъячимъ*. А что могло быть презреннѣе этого слова и этого понятія?! Окончаніе курса въ училищѣ было обставлено крупными привилегіями и обезпечено готовыми служебными мѣстами. Это практическое реформаторское призваніе несомнѣнно одушевляло правовѣдовъ въ то давнее время, представлялось на учебной скамьѣ главнымъ содержаніемъ предстоящей имъ дѣятельности, — и по справедливости слѣдуетъ сказать, что училище было разсадникомъ не столько ученыхъ юристовъ (въ первыя лѣтъ десять, по крайней мѣрѣ, преподаваніе наукъ было слабо и ниже университетскаго), сколько честныхъ чиновниковъ-практиковъ по судебной части.

Въ какомъ положеніи была эта часть! Что за разбойничьи вертепы, что за притоны подлости, грязи, кривды были эти канцеляріи! Волосы встаютъ дыбомъ при одномъ воспоминаніи о первомъ ближайшемъ знакомствѣ съ ними. Современнымъ поколѣніямъ трудно себѣ и представить — чѣмъ былъ нашъ дореформенный судъ до вторженія въ него «правовѣ-

да»! Мы лично все это видѣли и испытали, и имѣемъ право свидѣтельствовать о томъ. Косились на юныхъ «правовѣдовъ» старые лиходѣи,—да и не только канцеляріи, но даже и старое начальство не изъ подъячихъ; даже и старики-сенаторы трудно мирились съ чиновниками новаго образа, которымъ неудобно было говорить «ты», которымъ нельзя было по домашнему рекомендовать отступленіе отъ формальныхъ требованій закона, которые вспыхивали съ юнымъ негодованіемъ при всякомъ наивно-обычномъ криводушіи или плутовствѣ, происходившемъ предъ ихъ глазами,—которыхъ также, въ тѣ времена, обзывали «либералами» и «революціонерами»! А эти чиновники новаго образа въ свою очередь съ безпощаднымъ увлеченіемъ, съ восторгомъ молодости проявляли силу, торжество закона надъ всѣми, кои доселѣ—по знатности ли, по связямъ, по богатству,—признавали законъ не про нихъ писаннымъ, и себя никакому суду *наравнѣ* съ прочимъ смертнымъ людомъ не подлежащими!... Когда-нибудь на досугѣ мы набросимъ свои воспоминанія объ этой первой порѣ правовѣдной борьбы...

Сознаемся откровенно, что внѣ этой борьбы «Училище правовѣдѣнія» намъ и не мыслится. Безъ «правовѣдовъ» не могла бы и исполниться судебная реформа 1864 года. Но разъ она совершена, разъ цѣль, ради которой училище основано, вполнѣ достигнута, послѣднее несомнѣнно утрачиваетъ свое старое основное значеніе. «Училище правовѣдѣнія» можетъ существовать, пожалуй, по прежнему, можетъ приносить пользу въ качествѣ юридической школы, особаго отъ университетовъ юридическаго факультета, но той спеціальной задачи, той своеобразной исторической преобразовательной миссіи, которая давала ему особенный смыслъ и окраску, оно уже не можетъ имѣть болѣе послѣ введенія въ жизнь новыхъ Судебныхъ Уставовъ.

Какъ бы то ни было, искренняя хвала и благодарность учредителю Училища, покойному Принцу Петру Ольденбургскому, мужу младенчески-чистаго сердца и умилительной, святой доброты! Спертый нравственный воздухъ былъ тогда въ нашемъ отечествѣ, особенно тамъ, въ Петербургѣ, въ первые годы по основаніи этого учебнаго заведенія! Ощущался онъ нами и тамъ, въ его стѣнахъ, несмотря на отроческіе

годы; но то вина не людей взятыхъ отдѣльно, а времени... Съ чувствомъ сердечной признательности, повторимъ и мы стихи *лицеиста* Пушкина:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ!

По поводу статьи В. Н. Лясковскаго: „Наши гимназіи".

«Русь», 18-го января 1886 г.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемую ниже статью В. Н. Лясковскаго: «Наши гимназіи». Снова поднимается вопросъ—до сихъ поръ для общественнаго сознанія не вполнѣ разрѣшенный, но только заговоренный, такъ-сказать, многоглаголивою томительною полемикою, а потомъ и вовсе устраненный слишкомъ уже явною практическою безполезностью дальнѣйшихъ преній. Общество волей-неволей покорилось установившемуся порядку, но трудно было бы утверждать, что оно такъ-таки совсѣмъ ужь и убѣдилось въ его разумности и цѣлесообразности, помирилось съ нимъ искренно и безповоротно. Есть какое-то въ основѣ всего этого нашего оффиціальнаго педагогическаго дѣла глубокое недоразумѣніе, которое такъ и остается невыясненнымъ и гнететъ общественный духъ. Не пора ли уже, однако, содѣйствовать его выясненію,—что̀ теперь, казалось бы, тѣмъ возможнѣе, что нельзя уже болѣе ожидать прежней страстности въ спорѣ, да и результаты налицо: вѣдь прошло уже болѣе 15 лѣтъ послѣ преобразованія нашихъ гимназій — и выпустили онѣ «классиковъ» въ оборотъ нашей общественной жизни не мало.

«Классиковъ» выпущено не мало, т. е. окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, но—странное дѣло—большею частью съ ненавистью или по крайней мѣрѣ съ *отвращеніемъ* къ классицизму, т. е. къ древнимъ языкамъ, и съ весьма слабымъ вѣдѣніемъ,—можно бы даже сказать, почти съ невѣдѣніемъ классическихъ писателей!.. Объ этомъ диковинномъ явленіи свидѣтельствуетъ авторъ вышеупомянутой статьи,—

самъ. всего лѣтъ 10 или менѣе тому назадъ окончившій блистательно гимназическій курсъ, а затѣмъ и университетскій со степенью кандидата. Самые прилежные, по его словамъ, ученики учатся классическимъ языкамъ словно бы только по печальной необходимости, такъ какъ это предметы не только вѣдь обязательные, но и капитальные,—такіе, экзаменаціонныя отмѣтки по которымъ, равно какъ и по математикѣ, влекутъ за собою для учащихся существеннѣйшія практическія послѣдствія... Но при такомъ чисто внѣшнемъ, формальномъ отношеніи къ учебному предмету, возможно ли живое его усвоеніе, мыслимо ли плодотворное знаніе? Очевидно нѣтъ, и наши классики-гимназисты, по окончаніи курса, овладѣвая до тонкости знаніемъ латинскихъ и греческихъ грамматическихъ и синтаксическихъ формъ, правилъ, удареній и пр., не пріобрѣтаютъ не только охоты, но даже и способности читать классическія творенія вполнѣ свободно въ оригиналѣ à livre ouvert: умѣютъ они прочесть только тѣ самыя странички или отрывки, которые «проходили» съ учителемъ въ классахъ, да тѣмъ и довольствуются. Положимъ, не всѣ древніе авторы равно доступны свободному чтенію; иные, для прочтенія даже и при хорошемъ знаніи латинскаго и греческаго языковъ, требуютъ спеціальной усидчивой работы, но все же, казалось бы, долголѣтняя гимназическая подготовка должна быть такова, чтобы въ высокой степени облегчить ученику VIII и даже VII класса трудность подобнаго предпріятія. На дѣлѣ выходитъ однакожь, что на одолѣніе сей трудности никто почти не рѣшается, такъ какъ нашъ гимназическій «классицизмъ» не внушаетъ ученикамъ никакого искренняго влеченія, никакого внутренняго живаго *интереса* къ дальнѣйшему знакомству съ древней классической литературой... Конечно, и здѣсь не безъ исключеній: эти исключенія объясняются или случайною счастливою домашнею обстановкой, пополняющею гимназическое образованіе, или особымъ призваніемъ къ филологическимъ занятіямъ, или же просто избраніемъ учебной по древнимъ языкамъ профессіи. Но громаднѣйшее большинство, повторяемъ, оканчивающихъ *восьмилѣтній* курсъ «классической гимназіи» съ наиблистательнѣйшимъ аттестатомъ—не только не могутъ, по усвоенію себѣ древнихъ языковъ, идти въ

сравненіе съ семинаристами нашихъ прежнихъ семинарій (тоже вѣдь «среднихъ» учебныхъ заведеній относительно академіи или университета), но и не выносятъ изъ гимназій ни любви къ этимъ языкамъ, ни знакомства съ древней словесностью, ни духовнаго сближенія съ умственнымъ строемъ, вообще съ лучшими сторонами классическаго міра. Они удерживаютъ въ памяти лишь крѣпко, механически затверженное знаніе однихъ лишь внѣшнихъ лингвистическихъ правилъ и формъ, которое такъ и остается безплоднымъ, и потомъ мало-по-малу вывѣтривается. Можетъ-быть теперь, съ новѣйшимъ преобразованіемъ университетскаго устава, это внѣшнее знаніе поддержится долѣе, такъ какъ на него по нѣкоторымъ факультетамъ предъявится спросъ,—и спросъ строгій, отъ коего можетъ зависѣть и самая карьера по государственной службѣ, но нужно, вопервыхъ, подождать еще результатовъ самихъ этихъ новыхъ измѣненій въ университетскомъ преподаваніи,—вовторыхъ... Вовторыхъ, гимназическій курсъ оканчивается вѣдь для ученика уже по достиженіи имъ *20-лѣтняго возраста*, а потому, казалось бы, долженъ имѣть и самъ по себѣ относительную законченность и полноту средняго образованія.

Можетъ-быть замѣтятъ, что классицизмъ въ гимназіяхъ вовсе и не имѣетъ задачею давать иное знаніе кромѣ внѣшняго, формальнаго; пріобщать ученика къ внутреннему содержанію древней словесности и вообще къ міросозерцанію классическаго міра — вовсе не дѣло гимназическаго курса; гимназическое познаваніе этихъ мертвыхъ языковъ необходимо прежде всего—какъ элементъ концентрирующій въ себѣ весь процессъ ученія въ дѣтствѣ и отрочествѣ; затѣмъ, какъ могучее орудіе развитія, какъ воспитаніе самыхъ мыслительныхъ силъ ученика чрезъ механическое усвоеніе имъ себѣ твердыхъ, незыблемыхъ логическихъ формъ, въ коихъ замерли, достигнувъ совершенства, латинскій и греческій языки... Положимъ и такъ. Но нельзя же такою одною формальною *подготовкою* къ мышленію занимать равномѣрно и 12-лѣтняго мальчика и 20-лѣтняго юношу? Какъ слишкомъ усердною поливкою можно наконецъ *залить* растеніе, ослабить его растительную органическую силу, такъ и самое мышленіе можно *забить* — не давая ему пищи, когда оно пищи

уже проситъ, и упражняя ученика, уже вышедшаго изъ дѣтскаго возраста, въ одномъ лишь внѣшнемъ усвоеніи этимологическихъ формъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству г. Ласковскаго, «наши гимназисты, начавъ въ I классѣ съ чисто-механическаго усвоенія грамматическихъ правилъ, затѣмъ далѣе его нейдутъ, и въ VIII классѣ кончаютъ имъ же». На латинскую грамматику полагается *восемь* лѣтъ, на греческую — *шесть*! Трактуемые какъ школьники до 20 лѣтъ, гимназисты и проявляютъ школьническія свойства: «эта классическая грамота,— говоритъ нашъ авторъ,— успѣваетъ наконецъ имъ *опротивѣть*». Чтеніе же древнихъ писателей, т. е. нѣкоторыхъ клочковъ изъ нихъ, «производится исключительно съ цѣлью того же этимологическаго и синтаксическаго разбора встрѣчающихся въ читаемомъ клочкѣ словъ и оборотовъ»...

Что же выходитъ въ результатѣ? Да только то, что гимназисты, занимаясь въ теченіи восьми лѣтъ почти исключительно изученіемъ внѣшнихъ формъ латинской и греческой этимологіи и стилистики, въ *русской* стилистикѣ оказываются большею частью поразительно слабы, не владѣютъ сокровищемъ формъ и оборотовъ собственной родной рѣчи, или по просту говоря — выходятъ изъ гимназій большею часть совсѣмъ малограмотными. Надо замѣтить впрочемъ, что русскій языкъ, какъ учебный предметъ, поставленъ по своему значенію и по *практическимъ* послѣдствіямъ уроковъ—*ниже уроковъ древнихъ*,—что «школьники» (превеликіе практики) тотчасъ же смекаютъ, почему на этой сметкѣ и основываютъ свое къ «предмету» отношеніе. Но дѣло не въ одной русской грамотности. Поступая въ университетъ, гимназисты по большей части поражаютъ профессоровъ и малою развитостью именно своего мышленія, малою воспріимчивостью мысли отвлеченной, малою способность ообобщенія, — однимъ словомъ, умственною незрѣлостью, несмотря на аттестатъ зрѣлости!

Повторяемъ: мы имѣемъ въ виду большинство гимназистовъ, ихъ общій типъ. Охотно допускаемъ и ихъ преимущества предъ гимназистами старой поры: большій навыкъ къ внѣшнему труду и отсутствіе тѣхъ преждевременныхъ, поверхностныхъ, верхоглядныхъ, мнимо-философскихъ «общихъ взглядовъ», которыми отличались по большей части

юноши прежнихъ поколѣній, при отсутствіи положительныхъ знаній. Но какая же необходимость изъ одной крайности переходить въ другую, слишкомъ раннее возбужденіе мысли замѣнять ея притупленіемъ, излишекъ жизни — мертвенностью, избытокъ идеализма—упраздненіемъ всякой идеальности, чуть не безидейностью!..

Авторъ ниже помѣщенной статьи о гимназіяхъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ, вполнѣ убѣждены, что основательное *высшее* образованіе немыслимо безъ знанія древнихъ языковъ и сокровищъ классической древней литературы. Мы устраняемъ здѣсь вопросъ о томъ—необходимо ли, мѣрами искусственными и почти насильственными, навязывать такое «высшее», строго классическое образованіе большинству русскаго юношества безъ разбора, прогонять его—перспективою разныхъ преимуществъ—сквозь классическія гимназіи вообще, и наши, въ современной ихъ постановкѣ, въ особенности,—лишая массу русскаго населенія школъ среднихъ, не классическихъ, приспособленныхъ къ его бытовымъ потребностямъ и не отрывающихъ его отъ свойственныхъ ему профессіональныхъ занятій. Это вопросъ особый, котораго мы впрочемъ уже когда-то касались и на который не можетъ быть, по нашему мнѣнію, иного отвѣта кромѣ отрицательнаго, такъ какъ настоящее, современное положеніе дѣла способно лишь распложать въ громадныхъ размѣрахъ такъ-называемый умственный пролетаріатъ... Но наша рѣчь пока о внутреннемъ настоящемъ строѣ самихъ классическихъ русскихъ гимназій. Г. Лясковскій предлагаетъ въ своей статьѣ рядъ мѣръ способныхъ оживить въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ и вообще въ большей степени оплодотворить гимназическое образованіе чрезъ подъемъ значенія русскаго языка какъ учебнаго предмета, чрезъ большее знакомство съ русской исторіею и русскою народною словесностью... Всѣ эти мѣры представляются и на нашъ взглядъ полезными и цѣлесообразными. Тѣмъ не менѣе мы невольно приходимъ къ постановкѣ инаго вопроса, на который и желали бы обратить вниманіе нашихъ педагоговъ.

Задача очевидно—въ самомъ методѣ преподаванія. Мы *своего* не выдумали, а заведенный у насъ—рабски скопировали съ нѣмецкаго образца и, какъ водится при всякомъ по-

добострастномъ подражаніи, отнеслись къ заимствованной нами системѣ съ бо̀льшимъ педантизмомъ и ригоризмомъ, чѣмъ сами Нѣмцы, которые въ дѣлѣ школы чувствуютъ себя *дома*, сознаютъ за собой права *хозяевъ*, права большей свободы. Имъ не нужно безпрестанно оглядываться по сторонамъ—стоятъ ли они на уровнѣ требованій общеевропейскаго просвѣщенія? дрожать отъ страха при одной мысли: не отстали ли они, не упустили ли чего, не сочли бы ихъ за варваровъ? На Европейскомъ Западѣ классическая система образованія введена не въ одинъ прекрасный день по указу, а слагалась столѣтіями, преданіемъ и обычаемъ, процессомъ самой исторической жизни, и притомъ разнообразно. Иной методъ классическаго обученія въ Англіи, иной въ Германіи, иной во Франціи, и т. д., и не одного классическаго, но всякаго преподаванія вообще. Вездѣ въ Европѣ отводится въ педагогіи мѣсто *національности*; на методахъ школьнаго ученія лежитъ отпечатокъ національный и мѣстно-историческій; вездѣ принимаются въ соображеніе національный складъ и свойства ума учащихся. Этотъ пріемъ творится тамъ даже не искусственно, безъ предвзятой задачи, а самъ собою, естественно, ибо тамъ и не происходило искусственнаго въ жизни отрѣшенія отъ своей національности. Педагогъ любой западно-европейской страны никогда отъ народности своей самъ въ себѣ не отказывался и, воспитывая ребенка, воспитываетъ въ немъ способности народнаго духа въ ихъ индивидуальномъ проявленіи.

У насъ на эту сторону педагогіи не обращено никакого вниманія,—по крайней мѣрѣ въ сферѣ оффиціальной (впрочемъ, внѣ этой сферы у насъ почти и не существуетъ путей къ образованію). А между тѣмъ свойства ума въ русскомъ ребенкѣ совсѣмъ иныя чѣмъ, напримѣръ, въ ребенкѣ нѣмецкомъ, къ духовному образу и подобію котораго мы такъ наспльственно подлаживаемъ нашихъ русскихъ дѣтей. Нѣмецкій умъ по самой природѣ своей формаленъ, и потому-то самый тотъ формализмъ, который теперь притупляетъ и загубляетъ дарованія русскихъ гимназистовъ, нѣмецкому ученику дается легко,—нѣмецкій ученикъ цвѣтетъ и пышетъ здоровьемъ; наши же гимназисты смотрятъ совсѣмъ заморенными. Умъ русскаго мальчика несравненно живѣе,

съ большею наклонностью къ формамъ и образамъ конкретнымъ, съ большею потребностью синтеза, съ неотъемлемою примѣсью художественнаго познавательнаго элемента. Зайдите только въ крестьянскую школу, посмотрите только на крестьянскихъ мальчиковъ-учениковъ, приложившихся къ «наукѣ», и сравните ихъ съ крестьянскими школьниками во Франціи и въ самой Германіи,—вы тотчасъ же поразитесь различіемъ. Столько воспріимчивости, живости, быстрой смѣтки и схватки, столько любознательности и талантливости въ русскихъ учащихся ребятишкахъ! Развѣ всѣ эти духовныя національныя особенности должны быть оставлены въ пренебреженіи? должны быть подвергнуты мучительной, мертвящей муштрѣ нѣмецкаго педагогическаго формализма? Не думаемъ. Мы убѣждены напротивъ, что именно этимъ пренебреженіемъ къ національнымъ особенностямъ русскаго умственнаго и духовнаго склада и объясняется та безплодность, которою отличается система преподаванія въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ, равно какъ и то тяжкое чувство недоумѣнія, производимое нашею настоящею классическою системою, которое такъ угнетаетъ у насъ общественный духъ и о которомъ упоминали мы выше...

Во всякомъ случаѣ мы признаемъ необходимымъ поставить вопросъ о *національности въ педагогіи* и предлагаемъ русскимъ педагогамъ страницы нашего изданія для разработки этой, въ высшей степени важной у насъ и своевременной темы.

Статьи изъ «Паруса» *).

1.

«Парусъ», 3-го января 1859 г.

Выпуская въ свѣтъ первый нумеръ нашей газеты, мы считаемъ не только не лишнимъ, но и необходимымъ: прежде всего оглядѣться, отдать самимъ себѣ ясный отчетъ въ нашемъ положеніи, установить, если возможно, разъ навсегда наши отношенія, не къ публикѣ, не къ читателямъ, а къ тѣмъ, или къ тому.... Какъ бы выразить это половчѣе?... Къ тому, что̀ на условно-литературномъ языкѣ разумѣется подъ «обстоятельствами, отъ редакціи независящими».... Не скроемъ отъ читателя, что плаваніе предстоитъ намъ трудное и опасное, да и вѣтры съ Сѣвера дуютъ не совсѣмъ попутные. Опытные плаватели обыкновенно начинаютъ тѣмъ, что измѣряютъ глубину, изучаютъ дно, берега и теченіе воды. Но разсказываютъ, что на Волгѣ чрезвычайно мудрено составить карту рѣчнаго дна и промѣровъ; отмели и подводные камни безпрестанно мѣняются, и бѣдные лоцмана никакъ не могутъ приноровиться къ своенравію могущественной рѣки: нынче въ такомъ-то мѣстѣ теченіе свободно, нѣтъ преградъ для плаванія, завтра нежданные-негаданные мель или камень; нынче—глубина воды, легко поднимающая самыя тяжелыя суда, завтра подуетъ «выгонный» вѣтеръ и нашлетъ мелководье! И хорошо еще, когда лоцманъ успѣетъ вовремя замѣтить опасность, остеречься, принять спасительныя мѣры.—но часто случается, что понадѣется онъ на свою догадку и знаніе, обманется внѣшнимъ видомъ воды,— и управляемое имъ судно садится на мель или разбивается о камень. — Мы отчасти находимся въ такомъ же положеніи. При всемъ нашемъ желаніи совершить спокойное плаваніе, при всемъ стараніи изучить свойства мѣстности и погоды, мы не разъ испытывали нѣчто въ родѣ кораблекрушенія. и потому, не довѣряя своему искусству, сознавая несостоя-

*) Газеты «Парусъ» вышло въ свѣтъ только два нумера, потому что на третьемъ изданіе было запрещено цензурой.

тельность въ настоящемъ случаѣ всякихъ логическихъ выводовъ и соображеній, мы обращаемся просто съ заклинаніемъ ко всѣмъ подводнымъ владыкамъ, духамъ и демонамъ, древнимъ и новымъ, чужимъ и доморощеннымъ, отъ Нептуна съ его троезубцомъ, до Русскаго синяго Водянаго, съ тритонами, нереидами, русалками и со всѣмъ ихъ причтомъ: да даруютъ они намъ плаваніе ровное и безмятежное, да покоятся смирно въ своихъ кристальныхъ чертогахъ, не всплывая на верхъ, не пугая пловцовъ, не воздвигая подводныхъ преградъ, а съ ними вмѣстѣ стремнинъ и водоворотовъ, всегда и всегда опасныхъ!

Вы смѣетесь, читатель, но намъ, право, не до смѣху. Съ искреннею радостью привѣтствуя наше богатое надеждами время, мы однако вынуждены сознаться, что эпоха, въ которую мы живемъ, многознаменательная и великая по своимъ послѣдствіямъ, съ высоты историческаго созерцанія, — представляетъ, тѣмъ не менѣе, въ ежедневной жизни, много странныхъ, противорѣчащихъ явленій, имѣетъ такія стороны, которыя подъ-часъ очень и очень невыгодны для отдѣльныхъ лицъ и частныхъ случаевъ. Примѣровъ искать не далеко. Люди, стоящіе во главѣ, нерѣдко одушевлены самыми благими намѣреніями, но исполнители плохи или неискренни, и доброе на дѣлѣ выходитъ вреднымъ. Состарѣвшіеся опекуны, послѣ долгой, всѣ сроки перешедшей опеки, ревниво и съ недоумѣніемъ смотрятъ на своихъ бывшихъ питомцевъ: какъ это они ходятъ сами, безъ помочей, и бумаги подписываютъ и имуществомъ распоряжаются! — Все сдѣлалось щекотливо и обидчиво до крайности. Раздраженныя фантазіи создаютъ чудовищные призраки, которыми пугаютъ и себя и другихъ. Сознается необходимость гласности и общественнаго мнѣнія, сознается даже и отсталыми, но, привыкнувъ къ долголѣтнему шопоту, эти несчастные — самою скромною рѣчью, произносимою самымъ обыкновеннымъ голосомъ, поражаются будто раскатами грома. Да и слова у нихъ въ ушахъ отдаются какъ-то иначе. Особенно странный резонансъ въ Петербургѣ, и къ законамъ Петербургской акустики мы никакъ не могли приладиться. Лучшимъ для насъ доказательствомъ служатъ тѣ ложныя толкованія, которымъ подверглось наше собственное

объявленіе о «Парусѣ». Повѣрятъ ли читатели.... Да нѣтъ, мы и сами отказываемся вѣрить, мы даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ отвергаемъ это, какъ клевету; повѣрятъ ли, будто нашлись люди, которые наше выраженіе: «знамя народности» сочли чуть не преступленіемъ! Они не поняли, что это извѣстный литературный оборотъ рѣчи, означающій принципъ, начало; они вообразили, что чуть ли мы не соорудили настоящаго древка съ полотномъ и выставили его надъ домомъ, занимаемымъ редакціею. Противъ такихъ обвиненій не обережешься!...

Но оставимъ шутки.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!... Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась оффиціальная ложь, одна — владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ?

Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность, лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что̀ предстоитъ ему совершить или исправить.—Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ

общественныхъ вопросовъ, разумѣется всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что еще, видно, не созрѣла пора для безоглядочной правды....

Еще два слова. Къ чему подобное вступленіе, скажутъ намъ многіе, очень умные люди; что̀ за нескромность, зачѣмъ такой шумъ и трескъ, что̀ за важная вещь — какая-нибудь ничтожная газета? Не лучше ли было бы, не тратя громкихъ словъ, начать свое дѣло тихо и скромно, заслужить довѣріе постепенно, дѣльностью и серьезностью?—Конечно, такъ; мы бы ничего лучше и не желали. Но есть причины, по которымъ мы сочли себя вынужденными написать такое странное «вступленіе». Во 1-хъ, мы не сознаемъ за собою той особенной ловкости, того искусства выраженій, которое умѣетъ не подать повода къ придиркѣ даже самымъ придирчивымъ людямъ. Того и гляди проговоришься и скажешь какое-нибудь слово, которое, Богъ вѣсть почему, раздразнитъ и раздражитъ нашихъ щекотливыхъ и подозрительныхъ недоброжелателей. Богъ съ ними! Такъ какъ намъ нечего стыдиться нашихъ убѣжденій, то гораздо выгоднѣе вести дѣло на чистоту, вполнѣ открыто. Во 2-хъ, намъ уже донельзя опротивила эта постоянная прискорбная необходимость притворства, изворотливости, осторожности; есть что-то крайне оскорбительное и унизительное въ этой обязанности справляться, какъ пойметъ такую-то фразу Бебе, какъ покажутся такія слова Биби, и т. п. Въ 3-хъ, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что наша газета будетъ пользоваться, конечно, весьма лестнымъ, но не совсѣмъ выгоднымъ, усиленнымъ вниманіемъ лицъ, не слишкомъ дружественно къ ней расположенныхъ и готовыхъ объяснять каждое ея слово въ дурную сторону. Такъ напримѣръ, мы почти заранѣе убѣждены, что эта наша передовая статейка породитъ множество самыхъ ложныхъ толкованій; что найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренные люди, которые опрокинутся (разумѣется не съ литературной точки зрѣнія) и на нѣкоторыя помѣщаемыя вслѣдъ за симъ

статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ, по мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силою.... Нападать на эти статьи значитъ сочувствовать грубой силѣ, а сочувствовать грубой силѣ—значитъ желать своему отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе...

И такъ, съ искреннимъ желаніемъ мира и тишины, съ надеждою принести и нашимъ изданіемъ посильную дoлю пользы Русскому образованію, пускаемся мы въ наше многотрудное плаваніе.... Пожелайте же намъ, читатели, попутнаго вѣтра!

2.

„Парусъ“, 10-го января 1859 г.

Съ полною искренностью рѣчи, приступимъ теперь къ исполненію нашей программы и попытаемся цѣлымъ рядомъ передовыхъ статей уяснить читателямъ точки зрѣнія «Паруса» на существеннѣйшіе вопросы Русской жизни; его отношенія къ задачамъ и событіямъ нашей современной дѣйствительности.

Странная, странная эпоха, въ которую мы живемъ! И радуешься и боишься, и сочувствуешь ей и безпрестанно поражаешься уродствомъ, безобразіемъ, аномаліей современныхъ явленій! Эпоха попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицанія науки и теоріи во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску! Все въ движеніи, все въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится копошится, просится жить!—И слава Богу! Что̀ можетъ быть выше, пракраснѣе, закоиннѣе этого требованія?... Но въ то

же время—всматриваясь пристальнѣе, вы невольно смущаетесь мыслью, что цвѣтущая зелень покрывшая ниву — еще не хлѣбные зелени, медленно и туго пробивающіе земную поверхность, что это, можетъ-быть, только сорныя травы, заглушающія ходъ плодотворныхъ зеренъ, что много потребуется тяжкаго труда для очищенія нивы отъ постороннихъ скороспѣлыхъ произрастеній.... Все недовольно, все кричитъ о прогрессѣ, о преобразованіяхъ, улучшеніяхъ, усовершенствованіяхъ, искорененіяхъ, нововведеніяхъ. Нетерпѣливые прогрессисты нашего образованнаго общества перетрогали чуть не всѣ клавиши, чуть не всѣ струны громаднаго инструмента и оглашаютъ воздухъ такимъ страшнымъ диссонансомъ, такой разладицей звуковъ, — которая, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ отраднѣе храпѣнья и сопѣнья цѣлыхъ милліоновъ соннаго населенія, — но за которою подчасъ не слышно ни основныхъ тоновъ жизни, ни строгой серьезной рѣчи народа: — Какъ не желать улучшеній, какъ не сочувствовать прогрессу! Но бѣда въ томъ, что наше общество, порвавшее связь съ преданіями, отторгнутое отъ народной жизни, сознавая потребность преобразованій, въ то же время забываетъ, что только то прочно и плодотворно, что выростаетъ органически, изнутри, держится корнями за народную почву, связано съ бытомъ, преданіями, исторіей, со всѣмъ духовнымъ строемъ народной жизни. Бѣда въ томъ, что присущій Петровской реформѣ элементъ презрѣнія къ народной жизни глубоко проникъ въ наше образованное общество, и каждый изъ членовъ его готовъ сдѣлаться деспотомъ во имя общаго блага, во имя свободы, во имя гуманизма и науки. Какъ, по большей части, относятся къ прогрессу наши доктринеры-чиновники, чиновники con amore, молодые ученые, смотрящіе администраторами, и т. д.? Не отдавая себѣ никакого отчета въ дѣйствительныхъ потребностяхъ Русской земли, даже не считая этого нужнымъ, не понимая и не желая понимать основъ народной жизни, вѣруя безусловно въ преимущество Европейской цивилизаціи,— они съ жадностью хватаются за разные обращики Европейскаго прогресса, Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе, и проч. и проч.— Нужно, напримѣръ, преобразовать намъ гражданское или уголовное судоустройство. Вотъ и думаютъ наши

прогрессисты: «какое бы изъ судоустройствъ выбрать: не то Прусское, не то Французское? или ужъ Сардинское, съ примѣсью Голландскаго? А вѣдь не дурно бы и Англійское? — Точь въ точь Агаѳья Тихоновна въ «Женитьбѣ» Гоголя, когда она говоритъ: что—если бы губы Никанора Ивановича приставить къ носу Ивана Кузмича, да прибавить дородности Ивана Павловича, да взять ноги Петра Матвѣича, такъ куда красивый вышелъ бы мущина!—Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ, что прежде всего не мѣшало бы узнать поближе потребности и юридическія воззрѣнія народа, которому придется питаться такъ великодушно состряпаннымъ для него винегретомъ; что только тотъ законъ можетъ быть полезенъ, который является органическимъ продуктомъ народной жизни, вытекаетъ изъ общественнаго сознанія, а не падаетъ какъ снѣгъ на голову!

Пожалуй—найдутся и такіе люди, которые въ «патріотическомъ» усердіи къ прогрессу, и для того чтобы уже намъ вполнѣ *догнать* западные народы—въ состояніи были бы даже посягнуть (еслибъ это было возможно) на наши общины съ общиннымъ землевладѣніемъ и ввести начало личной поземельной собственности, на манеръ Англійскаго фермерства или Французскихъ мелкихъ собственниковъ! Для нихъ, проповѣдующихъ уваженіе къ личности человѣческой, народъ—tabula rasa, гладкая доска, на которой вырѣзывай рѣзцомъ что хочешь! Никогда не были они одержимы такимъ безпокойнымъ зудомъ преобразованій, какъ въ настоящую минуту. Уроки исторіи — имъ рѣшительно ни почемъ. — Петръ I перенялъ у Нѣмцевъ формы административныя, формы судоустройства, дѣлопроизводства и т. п. Похвалиться всѣмъ этимъ, кажется, мы не можемъ; несостоятельность такой пересадки, безобразіе данныхъ ею плодовъ — не отвергаются и самыми ярыми защитниками его реформы. Весь этотъ насажденный вертоградъ подсохъ, валится и накрываетъ почву Русской земли толстымъ слоемъ гнилаго хлама. И что же? Общество наше, или, по крайней мѣрѣ, эти господа доктринеры не прочь и теперь возобновить эпоху Петра I, разумѣется, въ другихъ формахъ, но въ томъ же духѣ презрѣнія къ народной жизни. Несмотря на полуторастолѣтнее доказательство безплодности и вреда подобныхъ попытокъ, того и

гляди, повторятся Петровскія же ошибки, съ тою разницею, что вмѣсто Нѣмцевъ мы обратимся къ Французамъ, вмѣсто камеры или коллегіи какой-нибудь — заведемъ «бюро», вмѣсто Магдебургскаго права—возьмемъ Французское муниципальное устройство. Нѣмецкій кафтанъ очевидно ползетъ врозь, не годится,—давай нарядимся во Французскій! Разумѣется, и Французскій не придется по плечамъ Русскаго народа, и непремѣнно лопнетъ, лопнетъ и по швамъ и даже въ цѣльныхъ мѣстахъ, что̀ приведетъ въ страшное негодованіе нашихъ цивилизованныхъ чиновниковъ. Разумѣется, новыя насажденія, въ свою очередь, лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама.... Но долго ли же это будетъ продолжаться? Или надъ этимъ слоемъ суждено лечь еще новому хламу, Англійскому или еще другому какому-нибудь? Трудно же будетъ раскапывать всѣ эти слои, чтобы добраться наконецъ до *материка*, въ которомъ одномъ и заключается вся сила!...

«И такъ, чего же вы хотите? Вамъ не нравится современный духъ преобразованій, вы враги прогресса!» — такъ зазвенятъ многіе наши литературные противники. Ничуть не бывало. Насъ не менѣе ихъ возмущаетъ современная мерзость; мы желаемъ и прогресса и преобразованій, но мы хотимъ въ то же время, чтобы они не были порожденіемъ отвлеченныхъ безплотныхъ системъ, или слѣпаго подобострастнаго отношенія къ жизни, намъ чуждой и развившейся по другимъ началамъ. Мы хотимъ, чтобъ сама жизнь пустила ростки, а для этого необходимо очищать и очищать ниву отъ сорныхъ травъ, густо на ней засѣвшихъ, необходимо давать ея росту просторъ, просторъ, какъ можно болѣе простора, вопрошать смиренно ея тайны, проникаться ея внутреннимъ смысломъ.—Иначе, что̀ бы вы ни дѣлали, всѣ ваши усилія останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь отъ нея здороваго плода, не вызовете ее къ самобытному творчеству въ *чуждомъ* ей духѣ. Кажется, все это просто и ясно до..... до пошлости! А между тѣмъ приходится повторять эти истины и нашимъ ученымъ доктринерамъ, и служащему и неслужащему образованному обществу, мало того: большей части нашихъ журналовъ, тощихъ и толстыхъ!—Вполнѣ признавая историче-

скую законность современной эпохи броженія и преобразованій, повторяя, вмѣстѣ съ другими: «впередъ!»—мы думаемъ однако, что единственнымъ спасительнымъ путеводителемъ и компасомъ въ этой путаницѣ, въ этомъ хаосѣ разныхъ стремленій, явленій и запросовъ — можетъ быть для насъ только народность въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ ея духовныхъ и нравственныхъ началъ.

Но мы опять заговорились. Читатели уже изъ сказаннаго нами могутъ видѣть, съ какой точки зрѣнія будемъ мы обсуживать совершенныя и совершающіяся преобразованія. — Впрочемъ, изъ числа ихъ есть одно, которое не подходитъ подъ общее опредѣленіе; оно составляетъ самое крупное явленіе современной исторіи, преобразованіе — самое существенное, самое жизненное, громадное по своему размѣру, необъятное по своимъ послѣдствіямъ: это—уничтоженіе крѣпостнаго права. Однажды совершенное, оно поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ крестьяниномъ, внесетъ въ жизнь нашего «образованнаго» общества стихію народную, смыслъ жизни дѣйствительной; — оно сдѣлаетъ смѣшными и невозможными всякія покушенія нашихъ самонадѣянныхъ доктринеровъ—вылѣпить изъ народной массы ту или другую форму, по своему усмотрѣнію. Не вдаваясь въ многосложныя подробности крестьянскаго дѣла, мы въ слѣдующемъ же № передадимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о внѣшнемъ положеніи вопроса и наши мысли о необходимыхъ условіяхъ его успѣшнаго разрѣшенія.

Въ заключеніе скажемъ, что 3 Января начались въ Москвѣ дворянскіе выборы. О результатѣ ихъ, если возможно, мы сообщимъ читателямъ въ свое время, а теперь замѣтимъ къ чести дворянъ, что они съ видимымъ удовольствіемъ называютъ эти выборы *послѣдними* выборами *душе*владѣльцевъ. Да, уже не долго вамъ ждать, благородные дворяне! еще немного терпѣнія, и вы скинете съ себя такъ ненавистное вамъ званіе душевладѣльцевъ!

Теперь было бы кстати написать исторію выборовъ дворянства Московской губерніи; разумѣется, исторію не одного избранія въ должности, но и всей дѣятельности дворянской на пользу губерніи, а слѣдовательно и всего отечества, —

такъ какъ, по силѣ 112 и 135 статей Т. IX Св. Зак. изд. 1857 г., предоставлено дворянству право подавать мнѣнія о «своихъ нуждахъ и пользахъ, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, объ устраненіи неудобствъ въ мѣстномъ управленіи, происходящихъ даже отъ общаго какого-либо постановленія». Любопытно знать, какъ воспользовалось этимъ правомъ дворянство въ теченіе 70 лѣтъ?.....

Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ.

(Письмо къ В. Н. Н....му.)

1852

Я оставляю провинцію, гдѣ служилъ не малое время, а вы только собираетесь еще ѣхать на службу въ губернскій городъ N.*** Вы пишете мнѣ, что провинціальная жизнь вамъ совершенно незнакома; вы желаете, чтобъ я подѣлился съ вами своими наблюденіями и опытностью; васъ смущаетъ противорѣчіе «вѣстей изъ губерній» и писемъ губернскихъ корреспондентовъ, помѣщаемыхъ въ Московскихъ и Петербургскихъ вѣдомостяхъ, съ насмѣшливыми разсказами нашихъ писателей... Впечатлѣнія провинціи еще свѣжи въ моей памяти, и когда я принялся за отвѣтъ, то вмѣсто письма вышла цѣлая длинная статья, которую вамъ и посылаю. Предупреждаю васъ, что говорю собственно о жизни въ губернскихъ городахъ, и именно тѣхъ, въ которыхъ не заведено университетовъ.

Насмѣшки нашихъ писателей надъ внѣшними особенностями провинціаловъ, надъ ихъ нарядами, привычками и разными уклоненіями отъ столичнаго свѣта comme il faut—въ настоящее время почти совершенный анахронизмъ. Уязвленное самолюбіе провинцій повело ихъ быстрымъ путемъ къ усовершенствованію. Поѣзжайте теперь на любой балъ въ Калугѣ, въ Ярославлѣ, въ Тулѣ,—не найдете вы больше ни уродливыхъ фраковъ, ни фантастическихъ чепцовъ, ни плисовыхъ сапоговъ... Въ послѣднія 10 лѣтъ провинція шла исполинскими шагами по пути «сивилизаціи» и изгнала все смѣшное съ своихъ провинціальныхъ паркетовъ. Вы поразитесь теперь и свѣжестью дамскихъ нарядовъ, сдѣланныхъ по послѣдней Парижской картинкѣ, еще не получившей даже полнаго законодательнаго смысла для Московскихъ дамъ, и свѣтскою изящностью кавалеровъ, и роскошью мебели, и убранствомъ комнатъ въ новѣйшемъ вкусѣ... словомъ, все благопристойно, все въ высшей степени comme il faut; фра-

ки безукоризненны, жилеты безпорочны, на парадныхъ балахъ галстуки непремѣнно бѣлые; Русскаго языка и не услышишь, развѣ только за преферансомъ солидныхъ чиновниковъ; вездѣ раздаются звуки щегольской французской рѣчи: свѣтскія привѣтствія и фразы, les jolis petits riens, какъ говорятъ Французы, такъ и сыплятся. Есть благотворительныя общества, и общества лошадиныхъ охотниковъ, и благородные спектакли, и лоттереи въ пользу бѣдныхъ, и маскарады съ высокою нравственною цѣлью... Чего же больше? Не правда ли, утѣшительное зрѣлище? Да, не разъ придется вамъ видѣть, съ какимъ безкорыстнымъ, искреннимъ умиленіемъ радуются этимъ успѣхамъ фешенебельные ревнители отечественнаго просвѣщенія, залетѣвшіе въ провинцію изъ столицы по службѣ или для личнаго сбора своихъ деревенскихъ доходовъ; съ какимъ благодушнымъ снисхожденіемъ расточаютъ они дѣятелямъ этого провинціальнаго прогресса свои похвалы и поощренія! Въ самомъ дѣлѣ, есть чему порадоваться: уступятъ ли въ чемъ губернскіе гастрономы столичнымъ? Не вездѣ ли заведены дворянскіе клубы? Сохраняется ли гдѣ въ бо̀льшей мѣрѣ эта благородная сословная гордость?..

Мы съ своей стороны не только не станемъ отрицать всѣ эти достойныя качества провинціи, но готовы еще подкрѣпить и дополнить сказанное доказательствами положительными и неопровержимыми, почерпнутыми изъ нашихъ собственныхъ воспоминаній. Такъ напримѣръ, присутствуя на великолѣпномъ балѣ у N. N., «*столичный гость*» оставался въ невѣдѣніи, а намъ хорошо было извѣстно, что оркестръ, подъ громкіе звуки котораго прыгала въ полькахъ, кружилась въ вальсахъ, неслась въ галопахъ блестящая губернская молодежъ, состоялъ изъ крѣпостныхъ людей хозяина, не рѣдко, по милости ихъ, угощавшаго провинціальный beau monde музыкальными вечерами, что въ тотъ же день утромъ альтъ и флейта были высѣчены за фальшивую ноту въ симфоніи Бетговена, до котораго хозяинъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенному человѣку, былъ большой охотникъ, а гобой собственноручно приколоченъ. Любуясь на этихъ благовидныхъ помѣщиковъ солидныхъ лѣтъ (обыкновенно «бель-омы» съ здоровыми, румяными, нѣсколько от-

висшими щеками, въ усахъ, съ бѣлыми отвороченными воротничками на полной шеѣ, въ черныхъ бархатныхъ жилетахъ, ловко облегающихъ красивыя округлости ихъ статной груди и немалаго желудка, съ массивными золотыми цѣпочками, изящно рисующимися на жилетахъ), любуясь на этихъ благовидныхъ помѣщиковъ, мы въ то же время имѣли вѣрныя свѣдѣнія, что эти красивые господа только вчера воротились изъ своихъ деревень, гдѣ собрали порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся отъ замужества *). Что же касается до благородной сословной гордости, то нельзя не разсказать случая, бывшаго съ нами въ воксалѣ на минеральныхъ водахъ одной изъ великороссійскихъ губерній. Въ самомъ разгарѣ бала, въ ту самую минуту, какъ одинъ Петербургскій пріѣзжій, предполагавшій встрѣтить въ провинціалахъ чуть не медвѣдей,—передавалъ намъ свое восхищеніе при видѣ такого блистательнаго провинціальнаго общества, и въ такой отдаленности отъ столицы,—послышался шумъ въ углу залы: оказалось, что помѣщикъ У.... и помѣщикъ Ю... (принесшіе нѣсколько сотенъ крестьянскихъ душъ въ жертву благородной страсти къ игрѣ) выгоняли вонъ изъ залы одного знакомаго намъ молодаго купца, очень образованнаго и даже одѣтаго въ приличное нѣмецкое платье. На вопросъ нашъ оба помѣщика отвѣчали, что молодой человѣкъ, хотя и заплатилъ деньги за билетъ, но какъ «неблагородный» не имѣетъ права находиться въ благородномъ собраніи, что изгнанія его требуетъ такая-то дама «съ высшимъ образованіемъ», не желающая танцовать въ одной кадрили съ купцомъ, что наконецъ и «всѣ присутствующіе дворяне этимъ оскорбляются!» Когда же мы, по неопытности, рѣшились было замѣтить, что званіе купца едвали мѣшаетъ этому молодому человѣку быть благороднѣе многихъ гг. помѣщиковъ, то выставившіеся на насъ отъ удивленія глаза

*) Этотъ обычай существуетъ въ Ярославской губерніи: крестьяне откупаютъ своихъ дочерей еще въ малолѣтство ихъ, т. е. вносятъ за нихъ по 100 и по 150 рублей серебромъ за каждую, съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ не принуждалъ ихъ выходить замужъ, но чтобъ онѣ въ правѣ были или выдти за кого пожелаютъ, или вовсе не выходить.

всего благороднаго сословія убѣдили въ совершенной неумѣстности подобныхъ толкованій... Крѣпостной оркестръ заигралъ снова, и вмѣсто отвѣта помѣщикъ У.... и помѣщикъ Ю... подхватили дамъ «съ высшимъ образованіемъ», продолжали прерванные танцы, заставляя дамъ весело смѣяться разсказу (разумѣется, на французскомъ языкѣ) о странномъ мнѣніи, высказанномъ однимъ изъ посѣтителей. Вы, конечно, отдадите должную справедливость этой чертѣ провинціальнаго благородства!.. А губернскіе балы? Что̀ предъ ними балы въ какомъ-нибудь воксалѣ на минеральныхъ водахъ! «Хотя бы въ Петербургѣ!» скажетъ вамъ съ понятною гордостью хозяинъ дома, указывая на изящные туалеты дамъ и на ловко танцующую губернскую молодежь. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на нихъ, на этихъ ловкихъ молодыхъ кавалеровъ. Вы хотите знать, какое стремленіе живетъ у нихъ въ сердцѣ, подъ этими бѣлыми жилетами, ни въ чемъ не уступающими жилетамъ петербургской работы? Можно, кажется, безошибочно отвѣтить, что бьется у всѣхъ въ груди одно и то же горячее стремленіе: вполнѣ походить на столичныхъ свѣтскихъ джентльменовъ; ни денегъ, ни времени не щадятъ они для достиженія такой возвышенной цѣли. Вполнѣ преданные этой благородной заботѣ, трудясь добросовѣстно и усиленно надъ своею внѣшнею обдѣлкою, они не имѣютъ досуга даже подумать о чемъ-либо менѣе важномъ, о какомъ-либо иномъ призваніи въ жизни...

«Да ужъ не ирониа ли это?» замѣтитъ можетъ-быть кто-нибудь изъ провинціальныхъ жителей, которымъ вы прочтете мое письмо, «это ирониа, да еще самая неосновательная! Развѣ не то же встрѣтите вы и въ столицѣ, на столичныхъ балахъ, если только вникнете въ дѣло безпристрастно?» Удивляюсь догадливости вашего слушателя, но въ самомъ дѣлѣ не полезнѣе ли заговорить яснѣе? Не всѣ же такъ смѣтливы! Конечно, много похожаго увидите вы и въ столицѣ, но за то въ столицѣ, и въ особенности въ Москвѣ, найдете вы всегда многочисленный кругъ людей, преданныхъ живымъ, современнымъ интересамъ, съ серьезными взглядами на жизнь, съ строгими нравственными требованіями, людей, вырабатывающихъ намъ наше самосознаніе, неутомимо дѣйствующихъ на поприщѣ мысли и слова, неослабно трудящихся для об-

щей цѣли. Движеніе мысли въ столицѣ не только не замираетъ, но даже невольно сообщается и свѣтскому кругу, обыкновенно чуждому серьезныхъ занятій. Отъ того въ столицахъ есть какая-то постоянная современность умственнаго и нравственнаго образованія, распространенная повсюду, есть какое-то общее, повсемѣстное знакомство съ настоящимъ положеніемъ всѣхъ задачъ и вопросовъ человѣчества.... Но въ провинціи губернское свѣтское общество заключаетъ въ себѣ большею частію все, что̀ есть образованнаго въ губерніи; на каждомъ провинціальномъ балѣ вы увидите почти все, что только вырабатывала провинція въ продолженіи столькихъ лѣтъ: этотъ блестящій лоскъ, эта внѣшность, это comme il faut—вотъ результатъ ея нравственныхъ и умственныхъ усилій, вотъ единственная цѣль ея стремленій. Вглядитесь ближе, и вамъ сдѣлается страшно отъ этого отсутствія всякой умственной дѣятельности, и вы убѣдитесь, что въ дѣлѣ мысли и просвѣщенія, въ понятіяхъ и вопросахъ обще-человѣческихъ провинція отстала отъ столицы, въ особенности отъ Москвы, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 50! Грустно намъ сознаться въ этомъ, но кто же виноватъ? Развѣ не сама провинція? Скажите, случалось ли вамъ слышать другіе отзывы о какой-либо провинціи, кромѣ слѣдующихъ: «Калуга веселится больше, чѣмъ Тула; Тула веселится больше, чѣмъ Рязань; въ Ярославлѣ жить очень весело!» и т. д. Мы до такой степени привыкли къ этимъ опредѣленіямъ дѣятельности нашихъ губерній, что они даже и не поражаютъ нашего слуха, но нельзя не призадуматься надъ ними. Неужели общественное веселье составляетъ цѣль всѣхъ провинціальныхъ стремленій? Да, въ томъ смыслѣ, что никакихъ иныхъ стремленій и не существуетъ, а вся духовная и нравственная дѣятельность проявляются въ такъ-называемыхъ веселостяхъ провинціальнаго большаго свѣта, въ его усердномъ подражаніи великосвѣтской столичной жизни. Другой задачи и не задаетъ себѣ провинція. Выписывая наряды, вина, обои и мебель изъ Петербурга, а иногда изъ Москвы (необходимо замѣтить, что почти всѣ провинціи смотрятъ на Москву съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, считая ее такой же провинціей), устраивая веселость за веселостью, провинція почти вовсе не выписываетъ книгъ. Если и попадаются кой-гдѣ частныя

библіотеки, такъ ими никто и не пользуется. Гораздо больше читается книгъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя никогда не живутъ въ губернскихъ городахъ, а проводятъ зиму въ деревнѣ или, какъ скоро позволяютъ средства, въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ губернскихъ же городахъ почти ни въ одномъ домѣ вы не найдете книги не только новой, да большею частію и никакой. Иногда только случайно заведется экземпляръ одинъ, единственный во всемъ городѣ, и прочтутъ его, выпрашивая другъ у друга, — потому что издержать рубля три серебромъ на книгу считается мотовствомъ: въ самомъ дѣлѣ, на эти деньги можно купить пары двѣ настоящихъ французскихъ перчатокъ!

Можетъ-быть щекотливое самолюбіе нѣкоторыхъ гг. провинціаловъ и раздражится нашими словами, но, повторяемъ, эти господа—они во всемъ виноваты. Они выбрали ложное направленіе и, увлекшись подражаніемъ внѣшней сторонѣ общественной столичной жизни и всему тому, чему подражать не трудно, что̀ не требуетъ самостоятельнаго труда мысли, упустили вовсе изъ виду другую сторону жизни столичныхъ образованныхъ сословій, дѣятельность умственную. Между тѣмъ подражаніе всегда ставитъ подражающаго въ рабскія отношенія къ своему образцу, и провинція, несмотря на всѣ усилія придать явленіямъ своей общественной жизни какой-то самостоятельный характеръ естественной, необходимой потребности людей просвѣщенныхъ, невольно всегда отзовется провинціею. Она даже обличитъ себя самою этою ретивостью въ усвоеніи себѣ внѣшнихъ формъ цивилизаціи, которыя составляютъ, по ея мнѣнію, принадлежность истиннаго просвѣщенія. По просту сказать, провинція всегда пересолитъ. Блистательная губернская львица, старающаяся выказать передъ новопріѣзжимъ столичнымъ гостемъ совершенство своей французской рѣчи и опасающаяся проронить въ разговорѣ хоть одно русское слово, не подозрѣваетъ, что эта ея заботливость обнаруживаетъ въ ней истинную провинціалку; что не только въ Москвѣ, но даже и въ Петербургѣ, дамы начинаютъ стыдиться своего невѣжества въ Русскомъ языкѣ и довольно много говорятъ по русски, что наконецъ вести Русскимъ въ наше время между собою, въ Россіи, непремѣнно и упорно, безо всякой нужды, разговоръ

по французски — почитается или привычкою людей стараго времени, или чистѣйшимъ провинціализмомъ. Едва заслышала провинція объ эмансипаціи женщинъ, какъ тотчасъ же съ горячностью приняла это ученіе; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ завелись дамскіе клубы (чего даже нѣтъ и въ Москвѣ), и почти во всѣхъ барышни и дамы стали втрое эмансипированнѣе и развязнѣе столичныхъ. Эта эмансипація впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ обнаруживать притомъ такія помѣщичьи наклонности, вкусы и привычки, которые можно встрѣтить только въ провинціи. Двѣ-три дамы въ Петербургѣ закурили папиросы, и дымъ повалилъ столбомъ отъ множества папиросъ, которыя закурили въ губернскихъ городахъ дамы и дѣвицы, почти всѣ безъ исключенія, что̀ продолжается и понынѣ. Пронесся слухъ о дѣтскомъ балѣ въ Петербургѣ, и нововведеніе это сдѣлалось въ провинціи какимъ-то необходимымъ явленіемъ общественной жизни: всѣ семейства ретиво соперничаютъ другъ съ другомъ въ этомъ развращеніи дѣтей, придумывая даже разныя усовершенствованія, напримѣръ: великосвѣтскіе дѣтскіе маскарады, folles journées и т. п. Въ извѣстномъ мнѣ губернскомъ городѣ было дано въ одну зиму дѣтскихъ баловъ болѣе, чѣмъ въ ту же зиму въ Москвѣ и въ Петербургѣ вмѣстѣ. А благотворительные балы, лотереи, спектакли, базары и концерты? Какое благородное соревнованіе между всѣми губерніями въ этомъ отношеніи! Правда, эти празднества требуютъ большихъ расходовъ, новыхъ пышныхъ нарядовъ... Но вѣдь деревня подъ рукою; наложить лишнюю повинность на крестьянъ, или прибавить оброка ничего не значитъ! Нерѣдко для подобныхъ благотворительныхъ и другихъ подвиговъ провинціальныя благотворительницы, а также Жоржъ-Зандистки и esprits forts, пріѣзжаютъ въ губернскій городъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ *на своихъ*, т. е. на лошадяхъ своихъ крестьянъ, обязанныхъ, вѣроятно, также участвовать въ дѣлахъ общественнаго благотворенія. Такимъ образомъ настаетъ цѣлый рядъ веселостей, предпринятыхъ съ благотворительною цѣлію, хотя, вѣроятно, никто изъ участвующихъ и пяти минутъ не подумалъ о бѣдныхъ, въ пользу которыхъ онъ такъ трудился! Все это дѣлается преимущественно для того, чтобы не отстать отъ столицъ, чтобы похвастать предъ Москвою

и Петербургомъ, чтобъ губернскій фельетонистъ затрубилъ объ этихъ празднествахъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, откуда перепечатаются его слова въ вѣдомостяхъ столичныхъ; наконецъ все это дѣлается большею частію изъ угожденія волѣ Ея Превосходительства. На самомъ же дѣлѣ бѣдные люди прокармливаются и содержатся иждивеніемъ купцовъ и мѣщанъ, къ которымъ все до сихъ поръ нами сказанное нисколько не относится.

Существуетъ мнѣніе, будто жители губернскихъ городовъ живутъ жизнью мирною и семейною. Мнѣніе совершенно ошибочное. Семейной замкнутой жизни вы почти не встрѣтите въ губернскомъ городѣ: всѣ живутъ свѣтскою публичною жизнью, да и учрежденіе дамскихъ клубовъ въ нѣкоторыхъ городахъ не свидѣтельствуетъ о большомъ уваженіи къ жизни семейной. Двѣ черты губернскихъ обществъ въ особенности поражаютъ всякаго вновь пріѣзжаго изъ столицы. Это какой-то полупатріархальный, домашній, семейный характеръ отношеній общественныхъ, служебныхъ и оффиціальныхъ, и наоборотъ, какой-то отблескъ служебныхъ и оффиціальныхъ отношеній на отношеніяхъ общественныхъ и даже частныхъ. Постараемся пояснить наше замѣчаніе нѣкоторыми подробностями губернскаго быта. Пріѣзжая въ губернскій городъ, вы, въ силу обычая, дѣлаете заразъ визиты всѣмъ служащимъ и не служащимъ и такимъ образомъ пріобрѣтаете себѣ вдругъ до 40 или 50 домовъ знакомыхъ, которые всѣ въ скоромъ времени становятся вашими короткими знакомыми. Всѣ семейныя тайны извѣстны въ губернскомъ городѣ каждому, всѣ другъ друга знаютъ, видаютъ другъ друга каждый день, собираются въ публичныхъ мѣстахъ, на балахъ и раутахъ почти всѣмъ комплектомъ, вѣдаютъ другъ про друга почти все и не перестаютъ заниматься другъ другомъ. По этому и всякое дѣло, даже въ присутственныхъ мѣстахъ, обдѣлывается очень запросто: стóитъ только попросить Петра Иваныча или Ивана Петровича, и все уладится, какъ нельзя лучше; васъ знаютъ и канцелярскіе чиновники, и полицейскіе служители, и станціонные смотрители, и извощики, и лавочники... Проѣхалъ ли кто мимо вашего окна, вы сами знаете, кто проѣхалъ, куда, зачѣмъ и къ кому; именинница ли Марья Ивановна,— присутствіе почти во всѣхъ мѣстахъ закрывается часомъ

раньше и экипажи всѣхъ предсѣдателей часу во 2-мъ уже стоятъ на дворѣ Марьи Ивановны, къ которой въ этотъ день собирается весь городъ, служащій и не служащій, имѣющій завтра собраться точно такимъ же образомъ у Александры Андреевны, по случаю дня ея рожденія, а послѣ завтра у Татьяны Карповны, по случаю именинъ ея старшей дочери... Куда ни оглянешься,—все знакомыя лица, все *свои*! А съ *своими* что̀ за церемоніи! Дѣвицы, танцующія нѣсколько лѣтъ сряду на однихъ и тѣхъ же паркетахъ, въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, почти съ одними и тѣми же кавалерами, до такой степени осваиваются и съ кавалерами, и съ этой публичной жизнью, что свобода обращенія въ губернскихъ городахъ далеко оставляетъ за собою столичную. Прибавьте къ этому, что всѣ скандалезныя исторіи, которыхъ можно и не знать въ Москвѣ или Петербургѣ, въ провинціяхъ совершаются почти явно, на глазахъ у всѣхъ и потому извѣстны всѣмъ—отъ стариковъ до малолѣтнихъ барышень. Вообще члены общества исполнены необыкновенной терпимости къ взаимнымъ прегрѣшеніямъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Петровичъ и Петръ Ивановичъ, слывущіе въ городѣ прекрасными и премилыми людьми, очень хорошо знаютъ, что каждому въ городѣ во всей подробности извѣстны источники ихъ нечистыхъ доходовъ, а потому оба они справедливо находятъ, что скрывать отъ общества свои грязныя дѣлишки—было бы смѣшнымъ жеманствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, строгіе, честные люди, поживя нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, до такой степени свыкаются съ этими Иванами Петровичами и Петрами Ивановичами, что нравственное чувство въ нихъ по неволѣ тупѣетъ, и порокъ, не раздражаемый никакимъ протестомъ, никакимъ обличеніемъ, принимаетъ характеръ катой-то наивной простосердечной откровенности, какого-то добродушно-безобразнаго цинизма. Не думайте, чтобы сплетни выражали судъ общественнаго мнѣнія. Сплетни—просто невинное препровожденіе времени; сплетни — единственный признакъ умственной дѣятельности въ провинціи. Вамъ, какъ пріѣзжему, тотчасъ разскажутъ такія черныя дѣла какого-нибудь Карпа Сидорыча, что волосы станутъ у васъ дыбомъ, и вы никакъ не рѣшитесь ѣхать на вечеръ къ Карпу Сидорычу, отъ котораго уже

успѣли получить приглашеніе... Будьте же увѣрены, что весь городъ, вполнѣ знакомый со всѣми страшными подробностями жизни Карпа Сидорыча, провеселится у него до поздней ночи; всѣ съ Карпомъ Сыдорычемъ пріятели, потому что Карпъ Сидорычь даетъ обѣды, вечера, поитъ шампанскимъ, вслѣдствіе чего и на выборахъ станетъ играть не послѣднюю роль. Завтра такимъ же образомъ пропируетъ все общество у N N., извѣстнаго хлѣбосола - взяточника, а послѣ завтра же у другаго гостепріимнаго негодяя! Скажите по совѣсти, знакомые мнѣ жители губернскихъ городовъ, развѣ все это не чистая правда?

Для молодаго человѣка провинція вообще очень опасна. Пріѣжая въ губернскій городъ, онъ бываетъ сначала непріятно пораженъ тою холодностью, съ какой встрѣчаютъ на службѣ его честный пылъ, его благородное негодованіе; потомъ, непримѣтно для себя, увлекается легкостью и дешевизною успѣхомъ, пріобрѣтаемыхъ имъ въ губернскомъ свѣтскомъ обществѣ, если онъ хоть нѣсколько comme il faut, если пріемы его складъ рѣчи и познанія хоть нѣсколько свѣжѣе, чѣмъ у туземцевъ. Губернскія дамы и дѣвицы, отъ нечего дѣлать, за недостаткомъ кавалеровъ и потому что такъ уже повелось, часто влюбляются въ него по нѣскольку вдругъ, даже безъ особенныхъ хлопотъ съ его стороны; совершенно незаслуженно и къ великому своему удивленію, получаетъ онъ отъ провинціальныхъ красавицъ эпитеты и ученаго, и поэта, и краснорѣчиваго оратора, и даже опаснаго для сердецъ человѣка, чуть-чуть не Ловеласа! Въ первое время еще стыдится онъ такихъ незаслуженныхъ успѣховъ и борется съ обольщеніями своего самолюбія, но потомъ постепенно имъ поддается и наконецъ совершенно привязывается къ пустотѣ свѣтской провинціальной жизни, въ которой онъ не приходитъ въ соприкосновеніе, какъ иногда въ столицѣ, съ современными духовными интересами, въ которой добываетъ онъ такъ легко значеніе и видное мѣсто героя, пуская въ ходъ однѣ старыя свѣдѣнія, безъ пріобрѣтенія новыхъ, безъ труда мысли, безо всякаго умственнаго выраженія! Такимъ образомъ день за день утрачиваетъ онъ всѣ свои прежнія чистыя нравственныя стремленія... Въ самомъ дѣлѣ, пожимая съ утра до ночи руки такимъ людямъ, при одной мысли о

которыхъ краска негодованія нѣкогда бросалась ему въ лице, посѣщая ихъ вечера, обѣды и балы вмѣстѣ со всѣмъ свѣтскимъ beau monde. онъ мало-по-малу дѣлается снисходительнѣе не вслѣдствіе мудрости и высшаго Христіанскаго созерцанія, а отъ привычки. Дешевизна свѣтскихъ успѣховъ помогаетъ ему мириться съ пошлымъ однообразіемъ губернской ежедневности, съ ограниченностью провинціальной умственной среды, съ мелочностью губернскихъ общественныхъ заботъ... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и вотъ: уже и служитъ онъ не такъ, какъ понималъ службу въ старые молодые годы, уже проникается терпимостью къ разнымъ служебнымъ грѣшкамъ своихъ сотоварищей, время свое проводитъ въ праздности, въ пустомъ любезничаньи съ губернскими львицами и и дѣвицами, со вниманіемъ прислушивается къ сплетнямъ, а потомъ и самъ пускается сплетничать, лѣнится умомъ и и душею, принимаетъ съ важностью къ сердцу всѣ ничтожные интересы провинціальной общественной жизни, и бури въ стаканѣ воды признаетъ чуть ли не за истинныя бури! Много, много пошлости, оскорблявшей нѣкогда его чуткое молодое сердце, вкрадывается ему въ душу, и уже трудно становится ему жить въ столицѣ и разстаться съ тѣмъ значеніемъ, котораго не придется ему имѣть ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Хорошо, если осужденный на долгую жизнь въ провинціи, будетъ онъ зорко блюсти свою душу и сближаться тѣсно только съ тѣми немногими домами, гдѣ еще можно подышать чистымъ воздухомъ; еще лучше, когда онъ вовсе откажется отъ провинціальнаго свѣта и посвятитъ свое время, если онъ служитъ, на открытую борьбу съ злоупотребленіями, уже давно переставшими колоть глаза губернскому обществу, на изученіе края, всегда любопытное и полезное, на сближеніе съ другими классами общества.

Скучными показались бы эти строки столичному жителю, но не его имѣемъ мы въ виду. Мы надѣемся, что слова наши, основанныя на жизненномъ опытѣ и на долговременномъ знакомствѣ съ провинціей, вызванныя искреннею скорбью и участіемъ, будутъ не безполезны для молодыхъ людей, только-что вступающихъ на поприще губернской жизни. Если наши замѣчанія заставятъ призадуматься хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ, то цѣль наша будетъ уже достигнута.

Мы сказали, что оффиціальная жизнь въ губернскомъ городѣ носитъ на себѣ характеръ полупатріархальный; точно такъ и общественная, даже частная жизнь заимствуютъ какой-то особенный оттѣнокъ отъ служебныхъ и оффиціальныхъ отношеній. Его Превосходительство и Ея Превосходительство постоянно первыя лица въ городѣ, такъ сказать, постоянно въ должности: какъ на службѣ, у себя дома, такъ и въ гостяхъ, у васъ въ кабинетѣ, на балѣ, на раутѣ. Рѣдкій балъ начнется до прибытія Его или Ея Превосходительства; я самъ видѣлъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, въ театрѣ, въ антрактахъ—ни одна изъ дамъ въ ложахъ не смѣла сидѣть, пока Ея Превосходительство стояла. Самая служба въ губернскомъ городѣ налагаетъ на васъ какую-то обязанность принимать участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ: это также служба своего рода. Вы уже непремѣнно, по долгу званія своего, членъ клуба, горъ и тому подобныхъ учрежденій. Каждому общественному веселью придаютъ значеніе важнаго, чуть не оффиціальнаго дѣла; примѣромъ можетъ отчасти служить возраженіе, напечатанное однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» кѣмъ-то изъ господъ провинціаловъ. фельетонисту одной Петербургской газеты: первый обвиняетъ послѣдняго очень серьезно въ томъ, что онъ невѣрно передалъ происшествія послѣдней губернской масляницы, сказавши, что во вторникъ былъ благородный спектакль, тогда какъ спектакль былъ въ среду, а во вторникъ были радушные и веселые блины у Ея Превосходительства... Въ самыхъ веселяхъ соблюдается нѣкоторое чинопочитаніе, и вообще лица называются большею частію не по фамиліи, а по мѣсту своего служенія. Даже дамы, повѣряя другъ другу свои сердечныя тайны, выражаются не иначе, говоря напримѣръ, что имъ вскружилъ голову совѣтникъ питейнаго отдѣленія, что онѣ влюблены въ прокурора, что командирша гарнизоннаго баталіона препротивная, потому что кокетничаетъ съ инспекторомъ врачебной управы и т. д. Кто этотъ молодой человѣкъ, полькирующій вотъ съ этою полною дамой? спросите вы, на примѣръ—на какомъ-нибудь балѣ. «Это? это статистическій комитетъ, онъ же и оспенный, онъ же и коммиссія продовольствія (т. е. письмоводитель всѣхъ этихъ мѣстъ), а дама его—почтмейстерша», отвѣтятъ вамъ, или назовутъ иначе, смо-

тря по тому, кто гдѣ служитъ. «Не правда ли, какъ милы эти казенныя *палаточки*»? сказалъ мнѣ однажды на раутѣ одинъ изъ губернскихъ денди, указывая на дочерей предсѣдателя казенной палаты, и еще не рѣшившій, въ которую изъ нихъ влюбиться. Всѣ дѣвицы въ губернскомъ городѣ очень хорошо знаютъ мѣста служенія и чины своихъ кавалеровъ, да и вообще вся чиновная іерархія, весь міръ служебныхъ отношеній имъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ иному ученому кандидату университета. И не мудрено: если и случается имъ слышать серьезные разговоры, такъ они всегда касаются службы. Къ тому же самыя увеселенія ихъ болѣе или менѣе связаны съ какими-нибудь оффиціальными событіями, съ отъѣздомъ въ отпускъ и возвращеніемъ изъ отпуска губернатора, съ пріѣздомъ ревизора, новыхъ чиновниковъ и т. п. «У насъ нынѣшнюю зиму будетъ очень весело», сказала намъ однажды губернская дама: «назначенъ рекрутскій наборъ!» Но служба только одною внѣшнею своею стороною вошла въ жизнь губернскихъ обществъ, т. е. мундиромъ, чиномъ, орденомъ, мѣстомъ, жалованьемъ, большею или меньшею продолжительностью занятій, грозою ревизоровъ, назначеніемъ новыхъ чиновниковъ, т. е. новыхъ членовъ общества, встрѣчею главныхъ начальниковъ и трогательнымъ прощаніемъ съ ними. Эти послѣднія событія обыкновенно сопровождаются обѣдами по подпискѣ и заочнымъ ругательствомъ. Нерѣдко впрочемъ на этихъ обѣдахъ пылкое и упоенное виномъ губернское усердіе, не зная себѣ предѣловъ, бьетъ тарелки, качаетъ на рукахъ всѣми нелюбимаго начальника и даже пускается въ присядку. Такъ по крайней мѣрѣ было недавно при встрѣчѣ губернатора въ N... губерніи. «Дѣлать нечего, говорилъ мнѣ, вздыхая, одинъ уѣздный предводитель: надобно отправиться въ уѣздъ и приготовить ему такую же встрѣчу; не дешево станетъ! А безъ того обижаться будетъ!» Вообще нельзя не подивиться той нравственной зависимости, той духовной подчиненности, съ которой относится общество большей части губернскихъ Русскихъ городовъ къ главнымъ начальникамъ края. Образъ жизни послѣднихъ оказываетъ сильное дѣйствіе на образъ жизни даже неслужащихъ членовъ общества. Если, напримѣръ, губернаторъ расточителенъ, любитъ роскошь, увеселенія, не со-

всѣмъ приличную свободу обращенія съ дамами и т. п., губернское общество мигомъ отразитъ на себѣ всѣ вкусы и привычки Его Превосходительства. Его Превосходительство, хотя бы и въ высшей степени не пользовался искреннимъ расположеніемъ жителей, тѣмъ не менѣе служитъ для нихъ нравственнымъ авторитетомъ и даетъ тонъ всему окружающему. Вообще въ губерніи чинопочитаніе доходитъ нерѣдко до забвенія всѣхъ завѣтныхъ, личныхъ, нравственныхъ убѣжденій; чиновное самолюбіе и тщеславіе волнуютъ дамскія сердца едвали не сильнѣе, чѣмъ мужскія. За то злоупотребленія служебныя не возбуждаютъ негодованія; мечты объ общемъ благѣ, желанія полезной дѣятельности не тревожатъ душу...

Сердце сжимается при мысли о томъ, сколько молодыхъ душъ погибаетъ въ этой удушливой атмосферѣ! Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что слова наши не относятся ни къ губерніямъ, въ которыхъ заведены университеты, ни къ гг. провинціаламъ, живущимъ по своимъ деревнямъ. Само собою разумѣется, что и въ обыкновенномъ губернскомъ городѣ встрѣтите вы иногда людей достойныхъ и умныхъ, но они составляютъ исключеніе, сами постоянно чувствуютъ свое одиночество и вовсе не протестуютъ противъ современнаго направленія провинціальныхъ обществъ. Мы говоримъ собственно о преобладающемъ характерѣ общественной жизни въ большей части Русскихъ городовъ. И такъ, что же представляетъ намъ эта общественная жизнь? Съ одной стороны: блестящую внѣшность, почти ни въ чемъ не уступающую столичной, съ роскошью, съ публичною благотворительностью, мужскими и дамскими клубами, Французскимъ языкомъ и свѣтскимъ воспитаніемъ,—внѣшность, заставляющую провинціаловъ гордиться собою и воображать, что они стоятъ чуть не на самой верхушкѣ просвѣщенія... Съ другой: незастѣнчивость помѣщичьяго быта, откровенность барскихъ вкусовъ и привычекъ, даже у дамъ и дѣвицъ, полнѣйшее отсутствіе всякой духовной дѣятельности, ограниченность мыслительнаго горизонта, недостатокъ всякаго иного стремленія, кромѣ стремленія къ подражанію столичной великосвѣтской суетѣ; мелочность ежедневныхъ интересовъ, полное незнаніе всѣхъ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые вырабатываетъ движеніе мысли въ столицахъ, сплетни, переливаніе изъ пустаго въ порож-

не, вялое и праздное препровожденіе времени, не освѣжаемое никакимъ чистымъ и честнымъ влеченіемъ! Да, эта пошлость, одуряющая, растлѣвающая, убійственная пошлость, эта мертвенность душевныхъ движеній, это безмолвіе всѣхъ нравственныхъ требованій, эта снисходительность къ неправдѣ, это смотрѣніе сквозь пальцы на всякія злоупотребленія, это радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ, это хлѣбосольство со всякимъ вопіющимъ порокомъ, будь онъ только въ богатой и модной оправѣ... вотъ что, къ сожалѣнію, являетъ по большей части общественная жизнь Русскаго губернскаго города! Немногіе выдерживаютъ борьбу съ такою жизнью, тѣмъ болѣе, что въ провинціи эта борьба труднѣе, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ вамъ легче уединиться, гдѣ всегда отыщете вы людей одномыслящихъ, тогда какъ въ провинціи вамъ приходится бороться почти одному, безъ опоры и союзниковъ. Большая часть молодыхъ людей оканчиваетъ совершеннымъ примиреніемъ.

А вѣдь могло бы быть иначе! Еслибъ провинція вмѣсто того, чтобъ быть рабскою копіей съ копіи и подражать тѣмъ, которые въ свою очередь подражаютъ образцу чужеземному,— постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она ближе, чѣмъ столицы,—она могла бы получить важное значеніе въ дѣлѣ истиннаго Русскаго просвѣщенія. Еслибы губернскіе жители вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящей пустотой столичной свѣтской жизни, пріобщились къ общему движенію человѣческой мысли, въ особенности той, которая стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей, еслибъ, повторимъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, они нашли бы около себя много полезнаго и благаго дѣла. Провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго Русскаго духа. Но и безъ этого требованія, не всѣмъ доступнаго, провинціальныя общества имѣютъ гораздо болѣе средствъ и удобствъ для всякой истинно доброй и прекрасной, хотя и скромной, дѣятельности, чѣмъ общества столичныя, живущія какъ-то разрозненно. Самая эта полупатріархальность общественныхъ и оффиціальныхъ отношеній, весьма естественная въ городѣ немноголюдномъ, это знакомство всѣхъ между собою, это легко пріобрѣтаемое значеніе даютъ

возможность каждому изъ губернскихъ жителей сдѣлать добра на службѣ больше, чѣмъ иному немаловажному столичному чиновнику; развѣ не облегчается при этихъ условіяхъ изученіе края, развѣ нельзя было бы обратить эти стороны губернской жизни на полезное дѣло, на дружное общественное служеніе благу и истинѣ?

Пусть же молодой человѣкъ, осужденный служить въ губернскомъ городѣ, не побоится борьбы,—и примѣръ его, Богъ дастъ, подѣйствуетъ спасительно на многихъ; можетъ-быть какой-нибудь мелкій отдаленный честный чиновникъ, до котораго провинціальная молва шумно донесетъ вѣсть о вновь появившемся честномъ человѣкѣ, ободрится и освѣжится дошедшими до него слухами и, уже утомленный, найдетъ въ нихъ новыя силы и для своей безвѣстной, святой борьбы! Такимъ образомъ соберутся около него немногіе честные люди и станутъ крѣпкимъ союзомъ на дѣло добра и правды! Въ томъ-то и состоитъ выгода провинціальной дѣятельности, что она не остается незамѣченною обществомъ, что въ провинціи легко пріобрѣтается вліяніе, легко распознать людей и отличить окончательно уснувшихъ отъ способныхъ еще къ пробужденію. Пусть только не лѣнится молодой человѣкъ и не кладетъ оружія преждевременно, испугавшись тяжелой и долгой борьбы... Вездѣ и всюду можно найти много серьезнаго дѣла, во всѣхъ положеніяхъ и званіяхъ, а серьезный трудъ всегда благотворно дѣйствуетъ на душу человѣка. Но пусть же вѣдаетъ каждый, какъ опасна среда, въ которой онъ живетъ, пусть сторожитъ свою душу, пусть найдетъ себѣ опору въ трудѣ, въ просвѣщеніи, въ чтеніи, въ союзѣ честныхъ людей, чтобы не увязнуть постепенно въ тинѣ общественной пошлости. Нѣтъ ничего опаснѣе пошлости. Она, какъ ядъ, проникаетъ всю душу; все въ душѣ мельчаетъ, блекнетъ, грязнится, тупѣетъ, разслабляется... Душа, утрачивая способность ныть и болѣть по правдѣ, замиряется съ средой, ее окружающей, и становится почти недоступною исцѣленію!..

Отъ всего сердца желаемъ, чтобъ слова, внушенныя горячимъ участіемъ, не пропали даромъ для жителей провинцій и въ особенности для молодыхъ людей, поступающихъ на службу въ Русскіе губернскіе города.

Письмо къ издателю «Русскаго Архива» по поводу статьи Э. Мамонова: «Славянофилы» *).

Вы желаете знать мое мнѣніе о статьѣ Э. А. Мамонова, написанной въ отвѣтъ г. Пыпину и въ защиту Славянофиловъ, именно Кирѣевскихъ, Хомякова и моего брата Константина Сергѣевича, и требуете отъ меня замѣчаній... Мнѣ дорога память умершихъ, дорого каждое о нихъ слово сочувствія; мнѣ не хотѣлось бы поэтому ослаблять силу защиты. Статья читается легко, проникнута, повидимому, искренней симпатіей къ личности покойныхъ, довольно мѣтко очерчиваетъ ихъ внѣшній обликъ, довольно вѣрно излагаетъ ихъ взглядъ на реформу Петра (взглядъ, который и самому автору внушаетъ нѣсколько счастливыхъ выраженій), удачно воспроизводитъ картину Московскаго общества 40-хъ и 50-хъ годовъ, наконецъ рисуетъ славянофильство даже въ выгодно-либеральномъ свѣтѣ, способномъ снискать расположеніе либераловъ и неславянофильскаго оттѣнка... Чего же лучше? Большинство публики ею удовлетворится, — не я конечно; однакожъ не будь въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, я бы можетъ-быть оставилъ статью вовсе безъ замѣчаній. Но именно въ виду этихъ мѣстъ я не могу молчать,—тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ рѣшительно извращаетъ нравственный образъ умершихъ Славянофиловъ и гдѣ, опираясь на свое личное съ ними знакомство и на ихъ авторитетъ, съ непростительною вѣтренностью (чтобъ не сказать хуже) клевещетъ на живыхъ, т. е. на непосредственныхъ преемниковъ ихъ дѣятельности въ литературѣ.

Извращеніе нравственнаго образа первыхъ Славянофиловъ происходитъ у автора отъ того, что онъ очевидно поставилъ себѣ задачею: представить ихъ въ *очищенномъ*, такъ сказать, *облупленномъ* видѣ. Авторъ систематически ограничивается одною внѣшнею, отрицательною стороною Славянофильскаго протеста, тщательно отсѣкая внутреннее

*) Напечатанной въ „Рус. Арх.“ 1873 г.

содержаніе, положительную сторону Славянофильской проповѣди. Сдѣланъ ли этотъ пробѣлъ въ видахъ «captatio benevolentiae», или отъ того, что самъ авторъ не придаетъ никакого значенія этой положительной сторонѣ,—я пока устраняю этотъ вопросъ; но какъ бы ни было, отъ такого усерднаго процесса очищенія, въ славянофильствѣ, изображаемомъ г. Мамоновымъ, остается такъ мало своеобразнаго, что съ трудомъ вѣрится, будто оно дѣйствительно было «замѣчательнымъ историческимъ моментомъ въ умственномъ развитіи Русскаго общества», какъ это признаютъ въ наше время многіе писатели даже западнаго лагеря. Осторожная, процѣженная апологія автора сводится къ самымъ тощимъ результатамъ и къ похваламъ самаго скромнаго, незазорнаго свойства, въ родѣ слѣдующихъ: «Можно ли ставить Славянофиламъ въ упрекъ, что они просили не много вниманія къ Русскому народу?»—«Петръ сказалъ намъ: Смотрите на Европу, а Славянофилы прибавили только: но не ротозѣйничайте.»—«Поблагодаримъ же Славянофиловъ» (заключительныя слова автора статьи о Славянофильской заслугѣ) «за то, что они не увлеклись громадностью Петровскаго разгрома и не были ослѣплены внѣшнимъ блескомъ». Внимательный читатель, желающій ознакомиться съ сущностью Славянофильскаго ученія, не могъ бы составить себѣ о ней понятія изъ авторскихъ опредѣленій. Я попрошу васъ прослѣдить, вмѣстѣ со мной, всѣ главныя мѣста статьи, въ которыхъ авторъ «опредѣляетъ». Это довольно скучно, особенно въ началѣ, гдѣ авторъ обходится посредствомъ выраженій повидимому самыхъ общихъ; къ тому же приходится подбирать штрихъ за штрихомъ, ловко разбросанные по всей статьѣ. Но имѣйте терпѣніе, и мы доберемся даже до забавнаго.

«Славянофильство ставило себя *какъ протестъ противъ общества и его апатіи*, оставляя правительство въ сторонѣ» и проч. Курсивъ въ самомъ подлинникѣ и означаетъ, что авторъ придаетъ этому опредѣленію особенную важность;—но оно ничего не опредѣляетъ. Что Славянофильскій протестъ не касался вопроса въ тѣсномъ смыслѣ политическаго, а имѣлъ характеръ по преимуществу общественный, это вполнѣ справедливо; но не *апатія* общества вызывала этотъ про-

тестъ, — противъ апатіи ратовали и Западники, — а *ложное* направленіе общественнаго развитія и всякая дѣятельность въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе *не-апатическая!* Причину золъ, удручавшихъ Россію, Славянофилы видѣли въ поврежденіи органической цѣльности народной жизни послѣ Петровскаго переворота, въ духовной разрозненности образованныхъ классовъ съ народомъ, въ ихъ «измѣнѣ» кореннымъ основамъ народности, — измѣнѣ, слѣдствіемъ которой было оскудѣніе творческаго духа въ нашемъ обществѣ, безплодность нашего просвѣщенія, незавидный удѣлъ вѣчнаго подражательства и нравственнаго рабства западно-европейскому образцу. Авторъ ничего этого не поясняетъ, но ошибочно было бы думать, что здѣсь только недомолвка: мы увидимъ ниже толкованіе автора, что Славянофильскій протестъ обращался собственно къ принудительному, казенному характеру вносимой къ намъ западной цивилизаціи, а не къ внутреннему ея строю,—такъ что этимъ толкованіемъ значительно суживается «общественное» значеніе самаго протеста....

«Славянофилы,—говоритъ далѣе авторъ, «требовали искренности, неподкупной честности, безкорыстнаго и свободнаго служенія народу». Это, разумѣется, вполнѣ вѣрно; но отъ требованія, предъявленнаго въ такой общей формѣ, не откажется вѣроятно никакая партія и никакая школа. «Служеніе народу» — выраженіе даже до пошлости износившееся у всѣхъ западныхъ демократовъ. Весь вопросъ въ томъ: *въ чемъ же* полагалось такое служеніе? Славянофилы стояли не просто за «народъ», но главнымъ образомъ за *народность*,— а слово «народность» знаменуетъ у нихъ цѣлый порядокъ понятій и мыслей: и какъ народность вообще, и какъ Русская народность въ особенности. Безъ разъясненія этихъ понятій нельзя ни уразумѣть значеніе Славянофильской проповѣди, ни воспроизвесть сколько-нибудь вѣрно нравственный образъ Славянофиловъ. Замѣчательно, что во всемъ своемъ очеркѣ авторъ ни разу не употребилъ выраженія «народность», тогда какъ около этого термина, какъ около центра, группировалась вся борьба и ожесточенно ломались копья въ теченіе чуть не двадцати лѣтъ. Опредѣленію этого термина посвящено большинство статей Славянофильскаго содержанія; вспомнимъ хоть запальчивый споръ

обоихъ лагерей по поводу вопроса: «о народности въ наукѣ». Забыть или не примѣтить этого явленія невозможно, — все равно, что̀ въ христіанствѣ не примѣтить вѣры во Христа. Но для цѣли автора: представить Славянофильство въ *очищенномъ* видѣ — такое умолчаніе вѣроятно было пригодно. Это систематическое очищеніе продолжается и далѣе. Вотъ какъ опредѣляется авторомъ *западничество*. «Словомъ» «западничество» «обозначалась не Европейская наука, которою Славянофилы всегда готовы были пользоваться, и не Европейская образованность, которую они имѣли, но извѣстный пріемъ нашихъ цивилизаторовъ, или извѣстное отношеніе ихъ къ народу. Къ западничеству ближе всего подходитъ понятіе *чиновничества*». Далѣе слѣдуютъ разсужденія о процессѣ цивилизаціи, совершаемомъ «исключительными путями правительственной монополіи».

Понятіе «чиновничества» нисколько само по себѣ не поясняетъ понятія «западничества». Западничествомъ называлось то направленіе, которое видѣло для Россіи спасеніе только въ полнѣйшемъ духовномъ отреченіи отъ своей народности и въ полнѣйшемъ усвоеніи себѣ западной цивилизаціи со всѣми ея началами, безъ всякихъ притязаній на самостоятельное развитіе. Однимъ изъ выраженій такого направленія былъ, напримѣръ, Чаадаевъ, который, признавая католицизмъ существеннымъ двигателемъ западной цивилизаціи, скорбѣлъ о принятіи Россіею христіанства не отъ Рима, а отъ Византіи. Западниками же были Грановскій и отчасти Герценъ, съ которыми плохо вяжется понятіе о чиновничествѣ. Они, точно такъ же какъ и Славянофилы, желали свободы для науки и такъ же мало сочувствовали съ правительственной монополіей. Еслибъ вопросъ былъ поставленъ собственно о свободѣ для науки, то вѣроятно не было бы и спора; еслибъ борьба Славянофиловъ ведена была собственно съ «чиновничествомъ», то она была бы проще и легче. Но въ томъ-то и дѣло, что соблазнъ западной цивилизаціи обольстилъ людей вполнѣ независимыхъ, что почти все образованное общество свободно отдалось въ «духовный плѣнъ» по выраженію К. С. Аксакова, что это нравственное порабощеніе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ народности, проникло почти во всѣ изгибы общественнаго бытія и искажало его

развитіе. Это-то и дѣлало особенно труднымъ подвигъ Славянофиловъ. Это-то и заставляло ихъ такъ настойчиво выяснять понятіе о *народности* въ смыслѣ духовной самобытности въ области общечеловѣческаго просвѣщенія, — въ отличіе отъ понятія о *государственной* или *политической національности:* ибо, надобно сказать правду, пренебрегая и жертвуя, въ ослѣпленіи своемъ, Русскою народностью, всѣ лучшіе Западники того времени не менѣе Славянофиловъ дорожили одновременно внѣшнею государственною самостоятельностью Россіи, считали себя и дѣйствительно были, что̀ называется, хорошими «патріотами», и не въ пошломъ смыслѣ этого выраженія. Вотъ какія понятія приходилось распутывать; вотъ противъ какой добровольной «измѣны» гремѣлъ Славянофильскій протестъ, и вотъ что̀ обусловливало по преимуществу его общественный характеръ. Зло, на взглядъ Славянофильскій, было гораздо глубже и важнѣе, чѣмъ внѣшнее, неуклюжее чиновничье вмѣшательство въ сферу науки.

Между тѣмъ г. Мамоновъ упорно силится доказать, что вся сущность Славянофильской дѣятельности, весь поводъ къ ней и чуть ли не вся заслуга сводятся главнымъ образомъ къ борьбѣ съ этимъ чиновничьимъ вмѣшательствомъ. Нѣтъ спора, что оно было имъ противно, какъ и всякое стѣсненіе свободы мнѣнія и совѣсти, какъ и всякое насильственное вторженіе государства въ жизнь народнаго духа,— но все это понималось не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ представляетъ авторъ, утверждая, будто бы, по мнѣнію покойныхъ Славянофиловъ, Славянофилъ надѣвающій мундиръ становился Западникомъ, и дѣло цивилизатора, проповѣдника, никакимъ образомъ не могло совмѣщаться съ «коронною» службою. Разумѣется, Славянофилъ, прибѣгавшій къ мундиру съ тѣмъ, чтобы удобнѣе властвовать *надъ народною совѣстью*, тѣмъ самымъ измѣнилъ бы нравственнымъ основамъ Славянофильства, — но этого ни разу и не случилось. Если же авторъ, какъ надо думать, понимаетъ дѣло чисто-внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, то какъ согласить съ этимъ его собственное увѣреніе, высказанное за нѣсколько страницъ прежде, что Славянофилы «добивались», хотя и безъ успѣха, *казенныхъ* профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ и даже гимназіяхъ?

Далѣе авторъ характеризуетъ Славянофиловъ слѣдующимъ образомъ: Славянофилы думали, что «когда наука насильно навязывается, да еще отмѣренная чиновничьей мѣркой, то польза ея сомнительна».... (мнѣніе замѣчательное развѣ по своей умѣренности: не особенно же оригинальны и глубокомысленны выходятъ у него Славянофилы!) «Впрочемъ—продолжаетъ авторъ—«еслибъ Западники ограничились доказательствомъ, что и такая наука лучше чѣмъ совсѣмъ ничего, то очень возможно, что они не встрѣтили бы рѣшительныхъ противниковъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ противники не почувствовали бы нужду сплотиться въ особую боевую фалангу, съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ». Такъ вотъ благодаря какому ничтожному недоразумѣнію, изъ-за какой недомолвки возникло Славянофильство какъ цѣлое оригинальное явленіе въ исторіи нашего общественнаго развитія! Съ одной стороны, Славянофилы *не отрицали вовсе* пользы отъ науки, навязываемой по чиновничьей мѣркѣ, а только признавали эту пользу сомнительною, и въ теченіе 15—20-ти лѣтъ не нашлось ни одного Западника, который бы допустилъ даже возможность подобнаго сомнѣнія! А между тѣмъ намъ помнятся слова Грановскаго въ его рѣчи на торжественномъ университетскомъ актѣ: «наука прихотливое растеніе, она всходитъ не на всякой почвѣ» и проч., что̀ считалось тогда очень либеральнымъ. Съ другой стороны, ни у одного Западника не хватило остроумія или догадки покончить всѣ споры и предупредить образованіе Славянофильской фаланги — удовольствовавшись доказательствомъ, что и такая наука все же лучше, чѣмъ ничего! Вотъ еслибы авторъ не такъ усердно скоблилъ все, что̀ касается до положительныхъ сторонъ Славянофильства, еслибъ не умолчалъ объ ихъ главномъ лозунгѣ «народность», который возведенъ былъ ими на степень философскаго принципа, тогда смыслъ спора о наукѣ между Западниками и Славянофилами былъ бы для читателя вполнѣ ясенъ Ни тѣ, ни другіе не разнили между собою относительно пользы и даже необходимости для полнаго успѣха науки—ея совершенной свободы отъ казенной опеки, цензуры и покровительственнаго насилія. Дѣло шло объ иной свободѣ и иномъ рабствѣ. Славянофилы доказывали, что народъ, отрекающійся отъ своей

народности, съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается отъ всякой духовной самостоятельности и осуждаетъ себя на духовное рабство: что безъ самобытности невозможно усвоеніе живаго знанія: что духовное рабство даетъ въ результатѣ лишь попугайничество, обезьянство, знаніе безплодное, мертвенное. «Народность—говорилъ Хомяковъ—есть необходимое орудіе истиннаго просвѣщенія; она есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа, призваннаго живить и строить умъ человѣка къ ней принадлежащаго, и въ то же время богатить собою все человѣчество».

Отказываясь отъ народности, Русскій человѣкъ отказывается отъ самостоятельной дѣятельности въ наукѣ; онъ уже не можетъ быть ея двигателемъ; ему придется только твердить зады и оставаться вѣчно въ хвостѣ Западной Европы. Вотъ чего не понимали и не хотѣли понимать Западники; вотъ сущность ожесточеннаго спора о наукѣ вообще, раздѣлявшаго оба стана. Ужъ не думалъ ли г. Мамоновъ, измѣняя такимъ образомъ смыслъ борьбы, оказать услугу покойнымъ Славянофиламъ и поднять ихъ въ общественномъ мнѣніи? Хороша услуга! Но поплетемся за нимъ далѣе.

Мы уже видѣли, какое ничтожное обстоятельство заставило Славянофиловъ. по увѣренію автора, сплотиться въ особую фалангу съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ. На этомъ знамени, по словамъ г. Мамонова, было написано: «Недовѣріе къ оффиціальнымъ цивилизаторамъ, недостаточность одного усвоенія чужаго, необходимость тщательной и бережной провѣрки основъ роднаго быта прежде огульнаго ихъ осужденія и наконецъ непригодность нѣкоторыхъ началъ Европейской цивилизаціи для нашей земли». Хотя и трудно понять логическую связь такой программы, особенно послѣднихъ ея пунктовъ, съ вышеуказанною авторомъ побудительною для Славянофиловъ причиною поставить особое знамя,—тѣмъ не менѣе это опредѣленіе одно изъ самыхъ полныхъ во всей статьѣ. Но и оно выражено въ отрицательной формѣ, и притомъ съ деликатностью — сказать по правдѣ — вовсе не свойственною умершимъ Славянофиламъ. Оно такъ же мало поясняетъ дѣло, какъ и всѣ предыдущія. «Недовѣріе къ оффиціальнымъ цивилизаторамъ».... Не только къ оффиціальнымъ, но еще болѣе къ неоффиціальнымъ. Первые счи-

тались менѣе опасными, потому что они были оффиціальны. Опаснѣе были, въ глазахъ Славянофиловъ, непризнанные просвѣтители.... Но объ этомъ подробнѣе ниже.

«Недостаточность усвоенія одного чужаго».... Споръ велся не о достаточности или недостаточности только, но о томъ, что безъ духовной народной самобытности, какъ психическаго фактора, не можетъ быть плодотворно усвоено и чужое. «Необходимость бережной провѣрки основъ роднаго быта *прежде огульнаго ихъ осужденія*»... Какъ будто Славянофилы соглашались въ принципѣ на осужденіе и просили только, чтобъ оно было не огульное, а производилось съ выборомъ! Какъ будто они не признавали за основами роднаго быта полное право на бытіе, потому уже, что онѣ—*основы* и покуда онѣ—дѣйствительныя органическія основы. Спрашивается: за уничтоженіемъ *основъ* въ чемъ бы то ни было что же останется?

«Непригодность нѣкоторыхъ началъ «Европейской цивилизаціи»... Еслибъ вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ, не было бы и мѣста запальчивому спору. «Ну, конечно, не все что годно для Франціи, пригоже для Россіи»: съ этой дешевой истиной не трудно было бы согласиться самому отчаянному Западнику. Тутъ было нѣчто другое. Борьба кипѣла изъ-за основныхъ началъ, съ обѣихъ сторонъ выставлялись начала рѣзко противоположныя,—столь же противоположныя, какъ напримѣръ духовная свобода и вещественная необходимость, какъ христіанство и безбожіе или всебожіе, и т. п.

Такимъ образомъ вся эта программа, написанная на Славянофильскомъ знамени, пройдя сквозь реторту г. Мамонова, обращается въ перечень тощихъ, пошлыхъ, отрицальныхъ истинъ, не объясняющій ни славянофильства, ни Славянофиловъ, каковыми были Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. С. Аксаковъ, ни причины ихъ радикальнаго разномыслія съ Западниками.

Интересенъ разсказъ автора о внутреннемъ процессѣ развитія, совершавшемся въ названныхъ Славянофилахъ. Мы увидимъ, во что превращаются подъ перомъ г. Мамонова люди такого высокаго нравственнаго закала,—эти могучія, крѣпкія, цѣльныя убѣжденія.

«Славянофилы — повѣствуетъ авторъ — признавъ вмѣстѣ съ Западниками, что цивилизація безплодна, пока составляетъ исключительное преимущество высшаго слоя общества», чувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, что «для того, чтобъ привить ее, сдѣлать доступною и понятною народу», необходимо, вопервыхъ, «цивилизаторамъ съ народомъ сблизиться и пріобрѣсть его довѣріе», что̀ въ ту эпоху фактически было невозможно. Вовторыхъ, «отыскать способъ связать само просвѣщеніе съ даннымъ существующимъ міровоззрѣніемъ народа» и среди народныхъ понятій «открыть такое мѣсто, такой органъ, который бы могъ служить звѣномъ между наукой, приходящей извнѣ, и туземнымъ преданіемъ».... Но какъ же это сдѣлать? «Для достиженія этой цѣли — поясняетъ авторъ — Славянофиламъ *больше ничего не оставалось*, какъ вдумываться, вживаться въ народное, принять въ себя народное міровоззрѣніе».... *Здѣсь то*, утверждаетъ въ заключеніе авторъ — *кроется причина всѣхъ Славянофильскихъ обращеній отъ философіи къ православію*, и это набрасываетъ на ихъ школу ту *романтическую черту*, которую очень вѣрно замѣтилъ тонкій критикъ г. Пыпинъ».

Выходитъ, что православіе въ Иванѣ Кирѣевскомъ, Хомяковѣ, Константинѣ Аксаковѣ было дѣломъ одной формальной логической послѣдовательности. Не потому являются они православными, что православіе было для нихъ высшею истиною, а потому, что были къ тому вынуждены неумолимыми требованіями только логики: «*имъ больше ничего не оставалось дѣлать*», такъ что исповѣдуй Русскій народъ Ламайскую вѣру, буддизмъ, они, скрѣпя сердце и насилуя разумъ, поклонились бы Далай-Ламѣ, обратились бы въ буддистовъ. Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ! Дѣйствительно, *романтическое* положеніе, какъ замѣчаетъ, не безъ умиленія, г. Мамоновъ вмѣстѣ съ «тонкимъ критикомъ» г. Пыпинымъ.

Вопервыхъ, вообразить себѣ, что православныя убѣжденія Русскаго народа пригодны для того, чтобы «служить звѣномъ между туземнымъ преданіемъ и наукою приходящею извнѣ», то есть (по понятіямъ того времени) философіею Гегеля, съ одной стороны, и ученіемъ о саморазвивающейся до личнаго сомосознанія матеріи, съ другой (это считалось

послѣднимъ словомъ науки), могли бы только люди крайне ограниченные и положительно неспособные понять ни сущности православія, ни сущности того, что̀ разумѣлось подъ словомъ наука. Тогдашніе Западники, по крайней мѣрѣ послѣдовательные изъ нихъ, гораздо лучше понимали дѣло и нисколько не скрывали, что для прививки къ Русскому народу просвѣщенія, какъ они его разумѣли, желательно было прежде всего вытравить въ Русской думѣ всякое религіозное убѣжденіе.

Вовторыхъ, здѣсь все не вѣрно. Ложно указана самая точка отправленія. Славянофилы того времени меньше всего заботились о просвѣщеніи *простаго* народа, не потому, чтобъ въ принципѣ считали просвѣщеніе для него не нужнымъ, но потому, что прежде всего, по ихъ мнѣнію, надобно было просвѣтиться намъ самимъ, и не его учить, а у него поучиться.

Прививать къ простому народу цивилизацію (кромѣ развѣ обученія грамотѣ) они и не думали: предлежало еще рѣшить для самихъ себя вопросъ: что̀ такое общечеловѣческая цивилизація, въ чемъ она, гдѣ ея истинныя начала? А вопросъ этотъ не могъ быть рѣшенъ людьми, осудившими себя на умственное рабство предъ западно-европейской цивилизаціей и невѣдающими началъ собственной народности, слѣдовательно людьми духовно-безличными, неспособными ни воспринять, ни передать истинное просвѣщеніе. Рабы, попугаи, обезьяны,—какъ энергически выражались Славянофилы—всѣ эти самозванные цивилизаторы могли лишь увлечь простой народъ на тотъ ложный путь, которымъ шло все Русское, такъ-называемое образованное общество, со временъ Петровской реформы. Въ томъ именно, что западная цивилизація почти не коснулась народа, и онъ, отчужденный, продолжаетъ хранить для насъ, затаивъ въ себѣ самомъ жизненный завѣтъ старины, самую сущность нашей народности, въ томъ именно и видѣли Славянофилы залогъ спасенія для Россіи, ея внутренняго возрожденія, возстановленія духовной цѣльности всего народнаго организма. «Въ твоей груди, Россія,—говоритъ Хомяковъ въ извѣстныхъ стихахъ,—есть свѣтлый ключъ, льющій живыя воды, сокрытый, безвѣстный, но могучій». Онъ же взывалъ къ ней:

О, вспомни свой удѣлъ высокій.
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Г. Мамонову должна быть также памятна переписка, въ видѣ обмѣна цѣлыхъ статей, между К. С. Аксаковымъ и А. И. Кошелевымъ по вопросу о народномъ образованіи.

И такъ, втретьихъ, не для того, чтобы сдѣлать науку популярною, т. е. «понятною и доступною простому народу», какъ утверждаетъ г. Мамоновъ, а для того, чтобъ самимъ возродиться въ духѣ народности и обрѣсти правый путь, стали Славянофилы вникать, «вдумываться въ народное міровоззрѣніе» и пр. Они допрошали *духа жизни* въ быломъ, т. е. въ исторіи, въ до-петровской старинѣ, и въ современномъ бытѣ простаго народа. Въ этомъ заключается все призваніе, весь смыслъ, вся заслуга Славянофильства, ихъ подвигъ — былъ подвигъ *народнаго самосознанія*. Не было въ Россіи недостатка ни въ политическомъ національномъ чувствѣ или патріотизмѣ, ни въ *протестѣ противъ насилія Петра*, ни даже въ *протестѣ противъ подражательности* (Шишковъ, сатира Фонъ-Визина, Растопчина, Грибоѣдова), но все это было безсильно и безплодно, потому что сознаніе коснулось только внѣшнихъ формъ жизни, а не проникало въ глубь началъ, составляющихъ духовную сущность Русской народности. Вотъ эти-то начала и дождались своего оправданія въ лицѣ поименованныхъ Славянофиловъ, и притомъ оправданія не только какъ органическая, свойственная Русскому народу особенность, уже по одному этому заслуживающая уваженія, но и по внутреннему достоинству. Однимъ словомъ, изъ области истинъ частныхъ, мѣстныхъ, условныхъ или относительныхъ, они, въ Славянофильскомъ толкованіи, достигали до значенія истины міровой, абсолютной. Ибо основнымъ началомъ Русской народности признано было православіе, подъ воздѣйствіемъ котораго она исторически сложилась и въ которомъ (т. е. въ православномъ ученіи), по убѣжденію Славянофиловъ, содержались иныя просвѣтительныя начала, начала высшей цивилизаціи, чѣмъ тѣ, которыми жила и которыя уже почти изжила Западная Европа. И такъ, не потому сочли Славянофилы православіе истиною,

что оно оказалось «туземнымъ преданіемъ», по выраженію автора, Русскою національною особенностью; но самую Русскую національную особенность возводили они на степень просвѣтительнаго органа только потому и восколько она была проникнута духомъ православія. Православіе мыслимо и внѣ Россіи; Россія же не мыслима внѣ православія.

Вчетвертыхъ, что касается до Славянофильскихъ романтическихъ *обращеній* отъ философіи къ православію, то это положительно ложно. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, издатель «Европейца» и самъ Европеецъ по преимуществу, точно обратился отъ философіи къ православію, но не вслѣдствіе стараній добиться сближенія съ Русскимъ народомъ, а путемъ строго-научнаго исканія истины, путемъ философскаго анализа системъ западно-европейской философіи, и также вслѣдствіе живаго, почти случайнаго столкновенія съ нѣкоторыми проявленіями Русской религіозной жизни. Только принявъ въ свою душу православіе, почувствовалъ онъ себя естественно ближе къ Русскому народу, сталъ углубляться въ народную сущность, вникать въ туземныя преданія, и только съ того времени сталъ «Славянофиломъ». При этомъ онъ никогда и не думалъ отрекаться, отчураться и открещиваться отъ философіи, какъ можно было бы предположить изъ словъ г. Мамонова. Онъ только сдѣлался христіанскимъ философомъ, убѣжденный въ «*возможности болѣе полной и глубокой философіи, которой корни лежатъ въ познаніи полной и чистой вѣры православія*. (См. его предсмертный трудъ «О новыхъ началахъ для философіи»). Признавая вполнѣ разумную, самостоятельную свободу философіи, онъ только опредѣлилъ ея мѣсто въ отношеніи къ вѣрѣ. Онъ первый поставилъ *философски* задачу о различіи идеаловъ, лежащихъ въ основѣ двухъ разнородныхъ просвѣщеній, западнаго и восточнаго, противопоставляя «*разсудочности* и *раздвоенности*, какъ основному характеру западнаго просвѣщенія,—*цѣльность* и *разумность*, составляющія характеръ того просвѣтительнаго начала, которое было положено въ основу нашей умственной жизни». Этотъ выводъ сдѣлался теперь уже почти общимъ достояніемъ, вошелъ въ оборотный капиталъ Русской мысли и служитъ точкою опоры при сужденіяхъ о Западѣ, даже для тѣхъ, которые не вполнѣ

его понимаютъ, или же принимаютъ, но съ разными *суррогатами*, какъ напримѣръ самъ г. Мамоновъ. Онъ тоже сочувствуетъ *цѣльности*, и увѣряетъ, что «когда Кирѣевскій и Хомяковъ говорили о *цѣльномъ* пониманіи, въ противоположность *разсудочному*», то разумѣли лишь *художественный* интуитивный взглядъ: *просвѣтительное начало православія* улетучилось. Г. Мамоновъ можетъ думать, какъ ему угодно; но зачѣмъ же навязывать свои воззрѣнія другимъ, и особенно умершимъ?

Въ К. С. Аксаковѣ были всегда, съ дѣтства, живы всѣ инстинкты народные и православные, и какъ ни сильно было въ юности вліяніе на него Гегеля, К. С. никогда не разрывалъ съ ними. Напротивъ, и тогда Гегель употреблялся имъ лишь какъ орудіе для защиты и пущаго возвеличенія Русской народности: немилосердно, въ молодомъ увлеченіи, натягивалъ и гнулъ онъ тяжеловѣсныя, тугія Гегелевскія формулы подъ свое толкованіе Русской Исторіи (см. его Диссертацію о Ломоносовѣ). При первомъ же его сближеніи съ Хомяковымъ, уяснились и оправдались въ немъ его православные инстинкты: тутъ не было ни борьбы, ни *обращенія*. Христіанско-православное міросозерцаніе стало для него путеводнымъ маякомъ въ его изслѣдованіяхъ и, можетъ-быть даже до пристрастія, отождествлялось у него съ воззрѣніемъ народнымъ. Но философскій пріемъ мысли никогда не покидалъ его, былъ имъ любимъ, и даже послѣдній его трудъ, къ несчастію не вполнѣ довершенный («Опытъ Русской Грамматики»), можетъ быть по справедливости названъ «философіею Русскаго языка». Смерть застигла Хомякова также за трудомъ чисто-философскимъ (см. неоконченное письмо къ Ю. Ѳ. Самарину во II томѣ). Что же относится до *обращенія* Хомякова... Да развѣ въ жизни его была хоть одна минута, когда бы онъ не былъ православнымъ? Отъ рожденія до гроба онъ пребывалъ въ православіи и, по выраженію издателя его богословскихъ сочиненій, «жилъ въ церкви».

Но нашего развязнаго критика ничто не смущаетъ. Очевидно, онъ и самъ задавалъ себѣ вопросъ: если и можно, въ прочихъ Славянофилахъ, отношеніе къ христіанской вѣрѣ обозвать *романтизмомъ*», то какъ быть съ Хомяковымъ, котораго Славянофильство почти исключительно состояло въ

православіи и который даже прославился разъясненіемъ православнаго ученія о церкви? Какъ быть!! Кого другаго можетъ затруднить эта задача, но не г. Мамонова. Пріемъ употребленный имъ—это Геркулесовскіе столбы нравственной отваги....

Вольно-жъ было ученикамъ Хомякова—объявляетъ авторъ—принимать его писанія за послѣднее слово, послѣдній предѣлъ «мысли». «Конечно, Хомяковъ каждую минуту рѣшалъ по своему задачи Славянофильства и записывалъ свои выводы, но онъ рѣшеніями своими не стѣснялся и ставилъ ихъ точно такъ же, какъ землемѣръ ставитъ вѣхи, обозначая ими пройденное пространство: *больше ничего!*» «Забываютъ, что онъ умеръ», а еще неизвѣстно, до чего бы онъ додумался, еслибъ былъ живъ. «Для насъ—продолжаетъ авторъ—(т. е. для него, г. Мамонова) несомнѣнно, что истинный послѣдователь его тотъ, кто свободно ищетъ, хотя бы онъ пришелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые *успѣлъ* записать Хомяковъ». (Курсивъ подъ словомъ *успѣлъ* поставленъ самимъ авторомъ. Говоря о Хомяковѣ, нельзя, конечно разумѣть подъ *результатами* его историческія или филологическія изслѣдованія, а только то, что̀ составляло постоянно главный предметъ его мышленія).

И такъ, Хомяковъ, по изображенію г. Мамонова, былъ чѣмъ-то въ родѣ неустановившагося, неопредѣлившагося мальчика, который и самъ въ своихъ выводахъ не увѣренъ и самъ не знаетъ куда еще онъ забредетъ. И такъ, для Хомякова не существовало истины абсолютной, а были лишь истины условныя, по сей день записанныя, за которыми онъ самъ не признавалъ характера непреложности (а между тѣмъ ихъ горячо и настойчиво проповѣдывалъ, какъ истины несомнѣнныя?? дерзко же онъ морочилъ публику!) И такъ, въ духовной жизни Хомякова не было мѣста Вѣрѣ, потому что нельзя же, подведя итогъ записанныхъ 5 октября результатовъ, прописать себѣ Вѣру, съ тѣмъ чтобы быть въ готовности завтра же, при новомъ выводѣ, ее отставить.... И такъ, по логикѣ автора, истиннымъ послѣдователемъ Хомяковскаго ученія можетъ назваться и тотъ, кто пришелъ къ совершенному отрицанію вѣры, и, положимъ, перестроилъ бы свои убѣжденія, правила, всю внутреннюю жизнь свою, хоть бы

напримѣръ по «Der alte und neue Glaube» Штрауса: это вѣдь кажется послѣдняя новинка, выставленная Берлинскими книгопродавцами.

И все это говорится о человѣкѣ, въ которомъ истина вѣры была основой всего духовнаго бытія,—стихіей, обнимавшей его съ колыбели до могилы, началомъ, изъ котораго органически, стройно и цѣльно развивалось все его міросозерцаніе. Конечно, истина вѣры не стѣсняла въ Хомяковѣ свободы разума, но она опредѣляла ее: свободно окунался онъ пытливымъ умомъ въ самую глубь скепсиса, но не для отысканія истины (она жила въ немъ неколебимо, какъ вѣра), а для вящаго ея утвержденія и для провѣрки умственныхъ доводовъ, твердо убѣжденный, что истина не можетъ бояться свободы и свѣта, и что нѣтъ мѣста противорѣчію между Вѣрой и Разумомъ. Притомъ не на одноличномъ и не на логическомъ только разумѣ опиралось, въ понятіяхъ Хомякова, познаніе истины, но ставилось въ зависимость отъ нравственнаго закона любви и въ полнотѣ своей обрѣталось лишь въ церкви....

Не хитрѣе осмѣянныхъ г. Мамоновымъ московскихъ барынь, разсуждаетъ онъ и о свободѣ Хомякова, только въ другую сторону.

Такъ какъ авторъ въ своей характеристикѣ Хомякова сослался на авторитетъ своего личнаго съ нимъ знакомства, то мы въ правѣ заключить, что онъ-то и есть его «*истинный послѣдователь*» въ разъясненномъ самимъ авторомъ смыслѣ; то есть, что г. Мамоновъ,—конечно вполнѣ свободно и «собственнымъ умомъ», по выраженію Ляпкина-Тяпкина,—пришелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, въ чемъ мы ему охотно вѣримъ. Да и мудрено не повѣрить: только въ этомъ и заключается разгадка всей его странной статьи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же было иначе и разрѣшить такое противорѣчіе? Какъ примирить званіе «послѣдователя» (а отказаться отъ него было неудобно: г. Мамоновъ слишкомъ долго, во время оно, числился въ Славянофильской дружинѣ) съ отрицаніемъ ученія, которому слѣдовалъ, и какимъ образомъ въ качествѣ «послѣдователя» пріобрѣсть права на то общественное сочувствіе, какимъ Славянофилы не имѣли счастія пользоваться? Для этого остава-

лось одно средство: выкинуть изъ славянофильства все, по мнѣнію автора, излишнее или неспособное доставить Славянофиламъ благоволеніе «либеральной и просвѣщенной публики» и отрекомендовать ихъ ей съ болѣе сочувственной стороны, — преимущественно со стороны протеста противъ Петровскаго деспотизма и вообще всяческаго насилія: все же прочее выдать за пустяки, романтизмъ, который можно и простить, ради другихъ добродѣтелей, и отъ котораго, по всей вѣроятности, и сами Славянофилы бы отказались, еслибъ жили подольше,— особенно Хомяковъ: «вѣдь это было свободнѣйшее направленіе!» выражается г. Мамоновъ. Нужды нѣтъ, что Хомяковъ умеръ почти 60-ти лѣтъ; нужды нѣтъ, что подобный авторскій пріемъ въ историческомъ очеркѣ даетъ ошибочное освѣщеніе самому протесту покойныхъ Славянофиловъ; что отдѣлить отъ нихъ положительную сторону ихъ проповѣди — все равно, что̀ содрать съ человѣка кожу.... Такія бездѣлицы не останавливаютъ г. Мамонова. Онъ идетъ дальше. Не могутъ же послѣдователи одного и того же направленія очутиться въ направленіяхъ разныхъ: есть и другіе люди, которыхъ общественное мнѣніе признаетъ послѣдователями, но которые не умѣли придти къ противоположнымъ результатамъ г. Мамонова. Отдѣлиться отъ нихъ автору необходимо, — да и не трудно: сто́итъ только назвать себя «истиннымъ», а ихъ послѣдователями ложными, и не стѣсняться въ выборѣ средствъ. Онъ и не стѣсняется, — полюбуйтесь.

Эти такъ-называемые послѣдователи только мѣшаютъ уразумѣть покойныхъ Славянофиловъ—Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова,—такъ негодуетъ г. Мамоновъ. Они затеряли главнѣйшія Славянофильскія преданія; они *свободнѣйшее* направленіе превратили въ патріотически-благонамѣренную доктрину, которая... проповѣдуетъ ужъ не народное православіе, а *просто царскую вѣру, подхваченную Ю. Ѳ. Самаринымъ у дикихъ Латышей, торгующихъ своею религіозною совѣстью*»... Вотъ что̀ называется «свободно придти къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые записалъ Хомяковъ», къ діаметрально-противоположнымъ — это несомнѣнно. Ничто не можетъ быть противнѣе Хомякову и другимъ покойнымъ Славянофиламъ, какъ точка зрѣнія Ост-

зейскихъ бароновъ. Весь этотъ дикій отзывъ объ угнетенномъ народѣ и обвиненіе, взведенное на г. Самарина, это не только воззрѣніе, но и *нравственный поступокъ*—отнюдь не Славянофильскаго свойства... Авторъ «Предисловія» къ заграничному изданію богословскихъ сочиненій Хомякова не нуждается въ оправданіи; его взглядъ на свободу вѣрующей совѣсти такъ извѣстенъ, что всякая попытка гг. Мамоновыхъ очернить его образъ мыслей и дѣйствій въ этомъ отношеніи— истощится въ напрасныхъ усиліяхъ... Четыре тома «Окраинъ» служатъ достаточнымъ опроверженіемъ грубому поклепу на Латышей. Бѣдное племя! Насильно онѣмечиваемое, тѣснимое матеріально и нравственно чужеземною враждебною властью, оно ищетъ исхода изъ своего душнаго тройнаго плѣна, протестантскаго, Нѣмецкаго и соціальнаго, изъ-подъ ига пасторовъ и бароновъ,—обращаетъ взоры свои къ Россіи, отъ которой одной ждетъ себѣ избавленія; инстинктивно стремится, волнуемое неясными, многосложными побужденіями, къ духовному сліянію съ нею въ вѣрѣ,—которой еще не вѣдаетъ, но истину которой смутно чуетъ, которую называетъ то Русскою, то *царскою*, не отдѣляя въ своихъ понятіяхъ Россіи отъ царя, воплощая, по общему народному свойству, въ живой человѣческій образъ отвлеченное политическое представленіе,—и простодушно опираясь на авторитетъ этого сильнаго имени предъ своими сильными гонителями... И вотъ, находятся ревнители чистоты православія, въ родѣ г. Мамонова, которымъ бы хотѣлось, чтобъ Русскіе люди—въ руку просящую хлѣба сунули камень, облаяли Латышей насмѣшками и бранью, и вытолкали взашеи... Кстати, если г. Мамоновъ ссылается на авторитетъ покойныхъ Славянофиловъ, то не благоволитъ ли онъ припомнить, что еще въ 1848 г. и Хомяковъ, и К. С. Аксаковъ встрѣтили съ живымъ, всеполнымъ сочувствіемъ рукопись Ю. Ѳ. Самарина: «Письма изъ Остзейскаго края», которыя, какъ извѣстно, заключали въ себѣ тѣ же самыя положенія, что и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, только полнѣе и фактически развитыя... Говоря о недостойныхъ послѣдователяхъ, г. Мамоновъ называетъ имя одного г. Самарина. Но я не могу отклонить отъ себя чести подлежать, наравнѣ съ нимъ, негодованію г. Мамонова какъ по солидарности моей литературной дѣятельности

съ г. Самаринымъ, такъ же потому, что я одинъ, съ начала 60-хъ годовъ, издавалъ журналы Славянофильскаго направленія. Слѣдовательно, къ моимъ изданіямъ, а не къ чему другому должны относиться слова автора, что славянофильство, по смерти первыхъ Славянофиловъ, обратилось въ «формальный катехизисъ клерикально-полицейскихъ сентенцій, вслѣдствіе чего, къ началу 1860-хъ годовъ, вдругъ распространилось по всему Русскому царству, вдругъ получило одобреніе отъ всѣхъ маменекъ и генераловъ, и приняло въ свое лоно всѣхъ материнскихъ сынковъ, *желавшихъ сдѣлать карьеру*»...

Эти строки истинно увеселительны, особенно когда вспомнишь судьбу «Дня», «Москвы», «Москвича», заграничныхъ изданій Ю. Ѳ. Самарина, между прочимъ извѣстной его статьи богословскаго содержанія, не удостоенной одобренія со стороны высшаго духовнаго начальства,—должно-быть за *клерикально*-полицейскія сентенціи, не иначе. Не въ клерикализмѣ ли повинны и статьи о свободѣ совѣсти въ запрещенной «Москвѣ»? Не знаю, много ли генераловъ одобряло мои изданія. Я не раздѣляю суевѣрнаго страха предъ генеральскимъ рангомъ; мнѣ не приходило въ голову справляться о чинахъ лицъ, мнѣ искренно сочувствовавшихъ, возбранять состоящимъ въ IV классѣ сочувствіе къ направленію людей VIII и VII разряда (чины Хомякова и Кирѣевскаго): но достовѣрно одно, что наши изданія лишены были счастія пользоваться расположеніемъ высшихъ чиновъ, имѣвшихъ власть надъ литературою. Желательно было бы, уже ради курьеза, чтобъ г. Мамоновъ указалъ хоть одно лицо, которому славянофильство послѣ 1860-хъ годовъ помогло сдѣлать карьеру. И гдѣ же тотъ успѣхъ, которымъ стыдитъ насъ авторъ и которымъ такъ бы хотѣлось порадоваться? Не можетъ же авторъ *добросовѣстно* смѣшивать дѣятельность лицъ, которыхъ онъ самъ называетъ послѣдователями Хомякова и прочихъ покойныхъ Славянофиловъ, съ тѣми патріотическими изданіями, которыя, защищая лишь одну политическую Русскую національность, отрицаютъ значеніе духовныхъ основъ Русской народности, и къ самому славянофильству относились и относятся или постоянно враждебно, или же съ полупрезрительнымъ снисхожденіемъ?

Но толковать съ авторомъ о добросовѣстности я считаю излишнимъ. Если вы помѣщаете статью г. Мамонова въ «Русскомъ Архивѣ», то вѣроятно признаете справедливымъ, чтобъ одновременно съ нею было напечатано и мое письмо.

I. Рѣчь о А. Ѳ. Гильфердингѣ, В. И. Далѣ и К. И. Невоструевѣ.

Сказана въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, въ 1873 г. *).

Милостивые Государи!

Тяжелъ былъ для насъ прошлый високосный годъ. Выбыли силы, нелегко замѣнимыя, и убыль значительно перевѣсила прибыль. Русская словесность, а съ нею и небольшой кругъ людей, составляющихъ наше Общество, понесли важныя утраты: 20 іюля мы лишились Александра Ѳедоровича Гильфердинга, 22 сентября скончался Владиміръ Ивановичъ Даль, а 29 ноября не стало и Капитона Ивановича Невоструева.

Неодинакова судьба и неодинаково значеніе этихъ трехъ подвижниковъ Русской науки и Русскаго слова; различны дарованія,—мы и не намѣрены ихъ сравнивать, но при всемъ различіи не мало и общаго—особенно во внутреннемъ содержаніи ихъ дѣятельности.

Одинъ, именно Гильфердингъ, сошелъ въ могилу въ самой лучшей порѣ своихъ лѣтъ, не успѣвъ докончить самой главной своей работы, для которой всю свою предшествовавшую, полезную дѣятельность считалъ только подготовленіемъ. Столько уже было дано и совершено имъ однимъ на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ его кратковременной жизни, что этого дѣла достало бы на заслугу многимъ, и мно-

---

*) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ въ это время предсѣдателемъ названнаго общества.

гіе тѣмъ бы и удовлетворились; но не въ природѣ Гильфердинга было ослабѣвать и успокоиваться, да и мы не переставали простирать все новыя и высшія требованія къ этой вѣдомой намъ силѣ труда и таланта. Онъ не былъ художникомъ слова; для него—человѣка науки и мысли—Русская рѣчь служила по преимуществу средствомъ для объясненія истинъ историческихъ, этнографическихъ, политическихъ; однакожъ и филологія входила въ кругъ его научныхъ изслѣдованій, а въ послѣднее время привлекла его къ себѣ область Русскаго пѣсеннаго народнаго творчества, и не только привлекла, но и напрягла его ученую любознательность до крайней степени самоотверженія, далѣе которой не можетъ идти человѣкъ: онъ пожертвовалъ ей здоровьемъ и самою жизнью,—болѣзнь и смерть застигли его въ самомъ странствіи—въ поискахъ за былинами и сказаніями. Онъ умеръ на 41 году своего возраста.

Напротивъ того, ровно и мѣрно дошелъ Даль до края своего долгаго земнаго поприща, успѣвши оправдать всю полноту возлагавшихся на него надеждъ,—дать все, что по собственному его сознанію онъ въ силахъ былъ дать, и подъ конецъ жизни воздвигнувъ себѣ вѣковѣчный памятникъ своимъ Толковымъ Словаремъ живаго великорусскаго языка. Даль также не можетъ быть названъ художникомъ—созидателемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія. но Русское слово не было для него только средствомъ: нѣтъ, оно само по себѣ было для него предметомъ и цѣлью, преимущественно съ художественной своей стороны,—не наше книжное, искалѣченное, чахлое слово, а именно слово живое, которое онъ всю жизнь, вездѣ и всюду подбиралъ изъ устъ самого народа. Поэтому и въ произведеніяхъ Даля, относящихся, по своей внѣшней формѣ, къ разряду «изящной словесности», видится одна главная задача: воспроизвести собственно это же слово въ его жизненной обстановкѣ, во всей его мѣткости и умѣстности! Отъ того и языкъ его повѣстей и разсказовъ—не столько органическая, творческая рѣчь самого автора, сколько живой талантливый подборъ народныхъ выраженій, поговорокъ, пословицъ,—будто нити, нанизанныя зернами. Всѣ мы слышимъ кругомъ себя народную рѣчь, всюду она раздается, но она скользитъ мимо насъ, не задер-

живая на себѣ нашего вниманія; нужно обладать особеннымъ художественнымъ слухомъ и глубокимъ сочувствіемъ къ народу для того, чтобъ въ слышимомъ говорѣ услышать его живыя особенности, его красоту, подмѣтить, уловить всѣ изгибы и оттѣнки смысла, и такимъ образомъ обратить ихъ въ достояніе науки, словесности,—вообще народнаго самосознанія. Этимъ слухомъ, этимъ сочувствіемъ и обладалъ въ высшей степени Владиміръ Ивановичъ Даль. Если обратиться воспоминаніемъ къ самому началу его литературной дѣятельности подъ именемъ Козака Луганскаго,—нельзя не поразиться смѣлостью и самостоятельностью его почина и вообще всею его нравственною оригинальною фигурою, съ отчетливыми, строгоопредѣленными очертаніями,—такъ рѣзко выдающеюся на сѣромъ фонѣ нашихъ тогдашнихъ литературныхъ и общественныхъ нравовъ, нашей—столько модной въ то время псевдо-артистической распущенности и легкомысленнаго, полупрезрительнаго отношенія къ русской простонародности. Точность слова, точность намѣреній, точность дѣйствій, точность въ жизни общественной и домашней... все у Даля было точное и словно точеное. И вся эта нравственная особенность и сила примѣнена была къ труду, а самый трудъ—трудъ всей жизни—приложенъ къ изученію Русскаго простонародья. Морякъ, медикъ, механикъ, чиновникъ, практикъ во всемъ умѣлый, всюду бывалый—таковъ былъ этотъ собиратель живаго народнаго слова. Но ошибался тотъ, кто при жизни Даля признавалъ его сочувствіе къ народу чисто внѣшнимъ, и самого Даля вполнѣ завершеннымъ и удовлетвореннымъ внутренно. Нѣтъ, этотъ практическій, положительный человѣкъ, Датчанинъ и лютеранинъ по рожденію, невольно подчинялся и духовному вліянію Русской народности, тяготился противорѣчіемъ своего религіознаго внутренняго строя съ народнымъ, и наконецъ разрѣшилъ это противорѣчіе, окончательно объединившись съ народомъ въ вѣрѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины. Безтрепетно, безъ судорожныхъ прицѣпокъ къ жизни, съ упованіемъ, вѣрный самому себѣ, встрѣтилъ онъ смерть,—и въ то же время съ обычною точностью разсчета опредѣлилъ заранѣе день и часъ кончины, и распорядился всѣми мелочными подробностями похоронъ.

И Гильфердингъ и Даль—оба не-Русскіе по крови; но тѣмъ болѣе причины для насъ радоваться той нравственно-притягательной силѣ Русской народности, которая умѣла не только вполнѣ усыновить себѣ этихъ иностранцевъ по происхожденію и привлечь ихъ къ разработкѣ своихъ умственныхъ богатствъ, но и одухотворить ихъ не-Русское трудолюбіе Русской мыслью и чувствомъ. Да, страстно-преданные Россіи и Русскому народу, оба они—и Гильфердингъ и Даль—въ то же время не по Русски (къ счастію, можетъ-быть, для дѣла) относились къ труду. Это не-Русское свойство видимъ мы въ упорствѣ труда, въ размѣренномъ и вмѣстѣ не ослабномъ, настойчивомъ движеніи къ цѣли, въ правильномъ распредѣленіи работы, однимъ словомъ, въ такомъ отношеніи къ труду, которое не нуждается во внѣшнемъ возбужденіи, чуждо запальчивости, не знаетъ ни скачковъ, ни перерывовъ, ни лѣни, ни уныніа, не ищетъ одолѣть задачу сразу, приступомъ или запоемъ,—что̀ такъ свойственно намъ, природнымъ Русскимъ,—но которое является дѣйствіемъ высокаго самообладанія, всегда бодрой, спокойно и ровно напряженной воли.

Нѣкоторые готовы умалять нравственное достоинство подобнаго отношенія къ труду, полагая, что такъ трудиться способны будто бы только натуры одностороннія, и что при разнообразіи талантовъ, при той многосторонней даровитости—такъ выходитъ изъ ихъ словъ—которою какъ бы страдаетъ Русская природа, сосредоточеніе силъ на одной какой-либо задачѣ, въ тѣсныхъ рамкахъ какой-либо спеціальности, для нея почти невозможно. На этомъ основаніи склонны—и очень склонны у насъ—не только извинять Русскую лѣнь и распущенность, но и возводить ихъ чуть не въ достоинство. Но если и справедливо, что живость ума и широкая даровитость менѣе способны къ формальному сосредоточенному труду, то тѣмъ необходимѣе для нихъ напряженіе воли, тѣмъ обязательнѣе для нихъ усвоеніе того знанія и тѣхъ пріемовъ труда, безъ которыхъ самый блестящій талантъ остается безплоднымъ,—тѣмъ почетнѣе борьба съ искушеніями собственнаго духа и тѣмъ добычливѣе побѣда. Примѣръ геніальныхъ ученыхъ и художниковъ чужихъ странъ свидѣтельствуетъ, что трудолюбіе нисколько не несовмѣстно съ самою широ-

кою геніальностью, но напротивъ оно-то ее и оплодотворяетъ. У насъ же наоборотъ. Мы не умѣемъ работать, не уважаемъ трудолюбіе.—отъ того при всей нашей даровитости, мы такъ мало производительны: пропорціональное отношеніе цѣльныхъ, законченныхъ ученыхъ и литературныхъ у насъ трудовъ къ суммѣ дарованій, которыми изобилуетъ Россія, поразительно скудно.

Но есть и у насъ исключенія, которыя тѣмъ почтеннѣе, что они одиноки, всѣмъ обязаны себѣ самимъ, а не средѣ, въ которой возникли,—и вотъ однимъ изъ такихъ исключеній, и притомъ самымъ крупнымъ, былъ нашъ покойный сочленъ. Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Невоструевѣ—этомъ скромномъ, досихъ поръ мало знаемомъ въ Россіи и великомъ труженикѣ,—трудолюбіе является уже не только похвальнымъ и полезнымъ качествомъ, а истинно-высокою добродѣтелью, восходитъ на степень духовнаго подвига. Если оно не отличалось, быть-можетъ, тѣмъ методическимъ характеромъ, какой замѣчается у Даля и Гильфердинга, то въ немъ выступаетъ иная, особенная, нравственная и совершенно Русская народная черта—черта безграничнаго смиренія, способность трудиться безъ всякой подпоры извнѣ, безъ поощренія, безъ утѣшеній славы, въ нуждѣ и скорби, однимъ словомъ, не пріемля здѣсь мзды своея.

Вся жизнь его была посвящена изученію и изслѣдованію памятниковъ Церковно-Славянской письменности — работѣ тяжелой и неблагодарной—въ томъ именно смыслѣ, что она менѣе всего была способна доставить ему у насъ въ Россіи видное положеніе, выгоды матеріальныя и ободряющую популярность. А между тѣмъ его ученыя розысканія драгоцѣнны для нашего историческаго самосознанія,—и одно уже его описаніе рукописей Синодальной библіотеки способно увѣковѣчить его имя въ Русской наукѣ.—Но все это не помѣшало Невоструеву жить и умереть преждевременно, въ совершенной бѣдности,—почти непризнаннымъ и неоцѣненнымъ, какъ бы въ загонѣ. Только опустивши его въ могилу, поздно спохватились и поняли у насъ, какая схоронилась, вмѣстѣ съ нимъ, громада ученаго знанія, какая исполинская сила труда—и какая нравственная доблесть, какое величіе смиренія!

Памяти этихъ трехъ трудолюбцевъ, подвизавшихся на поприщѣ Русской Словесности, мы и посвящаемъ наше настоящее, въ то же время очередное годичное засѣданіе. Почтимъ и дѣло, совершенное ими, и нравственный подвигъ ихъ жизни: да назидаются ихъ примѣромъ живые. Послѣ годичнаго отчета, который прочтетъ г. Секретарь, вы услышите, Милостивые Государи, болѣе подробныя воспоминанія о трехъ покойныхъ сочленахъ, изложенныя по очереди въ порядкѣ утратъ, понесенныхъ нашимъ Обществомъ,—именно о Гильфердингѣ прочтетъ вамъ Н. А. Поповъ, — о В. И. Далѣ — его сотрудникъ и ученикъ П. И. Мельниковъ, столько извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, псевдонимомъ, который придуманъ былъ для него самимъ Далемъ,—а о Невоструевѣ—Е. В. Барсовъ. Но такъ какъ статья Н. А. Попова касается только однихъ ученолитературныхъ трудовъ Гильфердинга, то я позволю себѣ здѣсь, такъ-сказать, — предвосполнить его статью — сообщеніемъ нѣкоторыхъ, недостающихъ ей біографическихъ данныхъ.

Онъ родился въ 1832 году, въ Варшавѣ, отъ отца—лютеранина, происхожденіемъ, кажется, изъ Голландіи, но уже Русскаго уроженца и воспитанника Московскаго Университета, и отъ матери—католички, уроженки острова Цейлона. По желанію отца, Александръ Ѳедоровичъ, при самомъ рожденіи, былъ окрещенъ по обряду православнаго исповѣданія. Его отецъ, достойно подвизавшійся на государственной службѣ и преимущественно на дипломатическомъ поприщѣ, пользовавшійся съ молодыхъ лѣтъ дружбою и уваженіемъ Хомякова и Погодина, котораго онъ былъ университетскимъ товарищемъ,—хотѣлъ непремѣнно, чтобы и сынъ его докончилъ воспитаніе въ Москвѣ и въ Московскомъ же Университетѣ. Еще студентомъ усердно посѣщалъ Александръ Ѳедоровичъ Алексѣя Степановича Хомякова, и подъ его-то благотворнымъ сильнымъ вліяніемъ опредѣлилось въ юношѣ Гильфердингѣ то направленіе дѣятельности, которому онъ остался вѣренъ всю жизнь и которое въ исторіи нашей литературы и общественнаго внутренняго развитія получило названіе «Славянофильскаго». Такимъ образомъ въ основаніе труженичества Гильфердинга легли съ самаго начала живыя сочувствія и живая мысль. Работать, сколько хватитъ силъ,

на пользу Русскаго народнаго самосознанія и Славянской взаимности — вотъ задача, которую онъ поставилъ себѣ, при выходѣ изъ Университета въ 1852 году, будучи 20 лѣтъ отъ роду, и которой послужилъ неизмѣнно до конца, т. е. еще 20 лѣтъ своей жизни. Эти 20 лѣтъ были одно непрерывное дѣланье. Трудъ былъ его стихіей, но трудъ не только отвлеченно-научный. Кабинетный ученый, проводившій ночи въ разборѣ болгарскихъ и сербскихъ древнихъ рукописей,— публицистъ, всегда безпристрастнымъ и трезвымъ словомъ судившій о самыхъ жгучихъ политическихъ вопросахъ современности, — отважный путешественникъ, совершавшій хладнокровно самыя опасныя странствованія, консулъ—дипломатъ между Славянами, порабощенными Турціи, всегда высоко державшій Русское знамя, — замѣчательный работникъ въ канцеляріяхъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу,—вездѣ и всюду имѣлъ Гильфердингъ предъ собою одну завѣтную цѣль, подвигаясь къ ней спокойно, шагъ за шагомъ, неутомимо, упорно. Поэтому не отказывался онъ отъ участія и ни въ какомъ общественномъ, даже повидимому постороннемъ для него, дѣлѣ, если только могъ быть ему полезенъ и улучить для него хоть минуту досуга. Но какъ ни былъ онъ много и разнообразно занятъ, всегда отыскивалось у него столько досуга, чтобы ободрить и облегчить чужой начинающійся трудъ въ родной ему области науки, сообщая трудящемуся, даже безъ его просьбы, ученыя пособія и указанія. Особенно много послужилъ Гильфердингъ славянскому дѣлу: это была его спеціальность. Его неоднократныя путешествія по Славянскимъ землямъ, его историческія изслѣдованія и статьи по современнымъ вопросамъ Славянскаго міра, всегда отличавшіяся ясностью мысли и изложенія, особенно сильно содѣйствовали установленію живыхъ отношеній къ Славянамъ и возбужденію къ нимъ разумнаго и просвѣщеннаго сочувствія въ средѣ Русскаго общества. Я не стану перечислять его сочиненій, объ этомъ вамъ подробнѣе сообщитъ Н. А. Поповъ. Скажу только, что ни ученая, ни общественная его дѣятельность не прерывалась ни разу.

Избранный въ 1871 году въ предсѣдатели Этнографическаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, Гиль-

фердингъ, какъ ни занятъ былъ службой и другими дѣлами, однакоже, вѣрный своимъ правиламъ, не отказался отъ этого званія, и здѣсь привлекъ его къ себѣ новый могучій интересъ, близко, впрочемъ, связанный съ главнымъ предметомъ его занятій, — Русское народное эпическое творчество. Несмотря на слабость своего тѣлосложенія и хилость здоровья, онъ отправился лѣтомъ 1871 г. на поиски въ Олонецкую губернію, въ самыя глухія ея мѣста, и, преодолѣвъ всевозможныя лишенія и даже опасности, возвратился оттуда съ огромнымъ запасомъ имъ записанныхъ былинъ и пѣсенъ. Помѣстивъ въ «Вѣстникѣ Европы» чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія и наблюденій своихъ надъ пѣвцами и надъ самымъ процессомъ современнаго устнаго сказанія древнихъ былинъ и пѣсенъ, приготовивъ къ изданію все имъ собранное, Гильфердингъ лѣтомъ 1872 года вновь поспѣшилъ въ Олонецкій край, чтобъ пополнить свое собраніе. Переплывая Онежское озеро, толкаясь на баркѣ среди рабочихъ, онъ заразился тифомъ, и въ нѣсколько дней его не стало. Онъ погибъ, какъ боецъ, въ честномъ бою, въ самомъ разгарѣ и на полѣ своей дѣятельности, жертвой любви къ Русской наукѣ и Русской народности.

Онъ умеръ не дождавшись появленія въ свѣтъ тѣхъ трудовъ своего учителя, вѣчно-памятнаго предсѣдателя нашего Общества, Алексѣя Степановича Хомякова, на изданіе или, вѣрнѣе, на ученую редакцію которыхъ онъ положилъ столько добросовѣстной работы и столько горячей любви. Я разумѣю III и IV томы Сочиненій Хомякова, содержащіе въ себѣ «Записки о Всемірной Исторіи», — вышедшіе два мѣсяца тому назадъ.

Здѣсь кстати могу я возвѣстить, что въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати труды, также сподвижника и друга Хомякова, К. С. Аксакова. Я разумѣю здѣсь собственно его филологическіе труды, которые составятъ два большіе тома—II и III томы Полнаго Собранія его сочиненій. Въ III томѣ помѣщается его «Опытъ Русской Грамматики», посвященный нашему Обществу; — первый выпускъ этой Грамматики появился въ печати еще передъ кончиной автора. Многія обстоятельства помѣшали, къ сожалѣнію, своевременному изданію этихъ томовъ; но смѣю думать, что

появленіе ихъ и теперь не можетъ быть признано запоздалымъ.

Въ заключеніе, Милостивые Государи, обращаясь къ годичной дѣятельности нашего Общества, я долженъ сказать, что она сосредоточивалась преимущественно на ученой разработкѣ и на увѣковѣченіи въ печати произведеній нашего народнаго устнаго творчества. Благодаря неутомимымъ трудамъ нашего достоуважаемаго Секретаря, П. А. Безсонова, изданъ подъ его редакціей въ прошломъ 1872 г. 9-ый выпускъ Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, подъ завлавіемъ «Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Перваго». Остается издать еще одинъ выпускъ—10-ый и уже послѣдній,—содержащій въ себѣ пѣсни новѣйшія, первой половины нынѣшняго столѣтія, — и тѣмъ завершится наконецъ изданіе этого драгоцѣннаго Собранія. Къ 9-му выпуску приложены г. Безсоновымъ и собственныя его изслѣдованія о пѣснотворчествѣ XVIII вѣка, раскрывающія намъ тотъ внутренній процессъ разложенія и перерожденія, который совершался въ народной пѣснѣ послѣ Петровскаго переворота, подъ вліяніемъ разныхъ новыхъ и чуждыхъ, вторгшихся въ Русскую жизнь элементовъ, и наконецъ того взаимодѣйствія, которое установилось въ концѣ прошлаго столѣтія между поющимъ народомъ и цѣлою возникшею литературою печатныхъ и рукописныхъ пѣсенниковъ. Въ эту эпоху появляется авторство, доселѣ почти неизвѣстное въ народной безличной поэзіи,—можно сослѣдить исторію многихъ пѣсенъ, и г. Безсоновъ представилъ намъ, между прочимъ, историческую монографію одной изъ таковыхъ пѣсенъ, озаглавленную имъ: «Графиня Прасковья Ивановна Шереметева, крестьянка села Кускова». Смѣю обратить ваше особенное вниманіе на эту монографію, интересную не для однихъ ученыхъ, но заключающую въ себѣ всѣ данныя для художественнаго романа изъ Русской жизни конца XVIII вѣка, простонародной и барской.

При содѣйствіи же нашего Общества, изданы и «Причитанья Сѣверпаго Края», собранныя нашимъ сочленомъ, Е. В. Барсовымъ, именно часть первая, заключающая въ себѣ: «плачи похоронные, надгробные и надмогильные»: это единственный видъ еще пребывающаго покуда, еще не изсякшаго

народнаго творчества. Это не отпѣтое, окостенѣвшее и только по памяти передающееся слово народной старины, но живое, творящееся слово народнаго вдохновенія въ настоящую пору, въ современной дѣйствительности. Важность труда г. Барсова, сумѣвшаго почерпнуть для насъ струю народной поэзіи изъ ея живаго источника, такъ очевидна, что не требуетъ и объясненія; она оцѣнена не только русскою, но и заграничною критикой, чему доказательствомъ служатъ отзывы англійскихъ журналовъ Athenaeum и Akademy, а также Славянскихъ Politik, Corréspondance Slave и др. Остается только пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ остальныхъ частей его Сборника.

Могутъ замѣтить, что наше Общество ограничивается почти исключительно одною издательскою дѣятельностью. Это замѣчаніе справедливо. Общество дѣйствительно занимается тѣмъ, что̀ едвали не всего болѣе на потребу въ настоящее время. Мы живемъ въ эпоху быстраго разложенія бытовыхъ народныхъ основъ — неминуемое послѣдствіе неминуемыхъ преобразованій—давно прошенныхъ и желанныхъ и наконецъ къ счастію совершившихся. Старый историческій складъ народной жизни рушится и задвигается цѣлыми слоями новизны еще видоизмѣняющейся, еще не окрѣпшей и не устоявшейся. Все еще бродитъ, ищетъ, чаетъ, ничто не сложилось, не осѣло, ничто не прочно, живется день за день. Такая эпоха броженія, эпоха переходная, вообще не благопріятна ни для спокойнаго труда мысли, ни для художественнаго авторскаго созиданія, но она еще гибельнѣе для художественнаго народнаго творчества. — такъ какъ самый бытъ художника-творца, самый бытъ народа,—онъ-то и въ передѣлѣ. Рядомъ съ наплывомъ внѣшнихъ экономическихъ интересовъ, такъ долго пренебреженныхъ, но за то и черезчуръ уже сильно овладѣвшихъ теперь умами, и оттѣснившихъ на задній планъ интересы чисто духовные, десятки тысячъ школъ предлагаютъ народу просвѣщеніе, если и скудное въ смыслѣ духовномъ и нравственномъ, то все же выводящее его изъ стихійной области быта въ область сознанія или по крайней мѣрѣ полу-сознанія.—Таковъ роковой, но неминуемый ходъ вещей, вѣроятно только временный, ведущій насъ къ новой порѣ исторической жизни. По-

этому надо спѣшить собрать и уберечь отъ неизбѣжной гибели послѣдніе памятники, послѣдніе звуки народнаго эпоса и того непосредственнаго народнаго поэтическаго творчества, которое видимо отживаетъ. Лѣтъ черезъ 10, въ помутившейся народной памяти не останется отъ нихъ и слѣда. На чьей же обязанности лежитъ по преимуществу эта забота о сбереженіи сокровищъ нашей народной поэзіи, какъ не на Обществѣ Любителей Русскаго Слова? И оно, Милостивые Государи, какъ вы видите, строго сознаетъ и по мѣрѣ силъ своихъ исполняетъ эту высокую обязанность.

---

2. Рѣчь о Ю. О. Самаринѣ.

Сказана въ засѣданіи Славянскаго Комитета 18 апрѣля 1876 г.

Мм. Гг.

Вы знаете, о комъ и о чемъ должно быть, да и не можетъ не быть наше первое слово. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ во всемъ русскомъ обществѣ, у всѣхъ, кто только не совсѣмъ заглохъ душею и способенъ жить не одною личною, но и общею жизнію, — у всѣхъ, и на устахъ и въ памяти, одно дорогое и любезное имя.... Да, завтра, 19 апрѣля, ровно мѣсяцъ, какъ убыло въ Россіи человѣкомъ, которому нѣтъ замѣны, съ которымъ ушло отъ насъ цѣлое богатство духа—убыло Самаринымъ Юрьемъ.

Говорить о немъ трудно, потому что чего сказать—слишкомъ много. Но входить въ тщательную оцѣнку этого сокрывшагося отъ насъ богатства, распространяться о немъ подробно, какъ о мыслителѣ, писателѣ и гражданинѣ, было бы еще не своевременно и не умѣстно, да едвали теперь въ томъ есть и надобность: еще стоитъ въ воздухѣ, еще не стихло то краснорѣчивое надгробное слово, которое, можносказать, само общество, всею своею совокупностью, промол-

вило ему въ единодушномъ взрывѣ сочувствія и скорби при первой вѣсти объ его кончинѣ. Явленіе знаменательное, на которомъ сто́итъ остановиться мыслью, тѣмъ болѣе знаменательное, что общество, захваченное этою вѣстью врасплохъ, еще не могло и успѣть отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи понесенной утраты. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой, чѣмъ, казалось бы, могъ быть для большинства русской публики Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ? Кого и что̀ почтило въ немъ общество? Не высокопоставленное лицо въ оффиціальной государственной іерархіи, потому что онъ не занималъ въ ней никакого виднаго мѣста, по лѣстницѣ чиновъ стоялъ на низкой ступени, не пользовался отъ государства ни почестью, ни почетомъ. Не государствомъ, стало-быть, и не по почину государства вызвано было со стороны общества такое гласное, торжественное воздаяніе.

Не чествовало ли общество Самарина собственно какъ писателя? Но при всей извѣстности, которою онъ пользовался какъ блестящій писатель, его читали не многіе. Его статьи разсѣяны по журналамъ и газетамъ, никогда не пользовавшимся благосклонностью большинства; его сочиненія, печатанныя въ Россіи касались предметовъ слишкомъ серьезнаго, слишкомъ отвлеченнаго содержанія, не многимъ доступныхъ, а его заграничнымъ изданіямъ, посвященнымъ на пользу Россіи, не было дано хода въ Россіи.

Какъ мыслителя? Но именно какъ мыслитель, онъ былъ самымъ даровитымъ, могучимъ и потому опаснымъ противникомъ тѣхъ новѣйшихъ философскихъ ученій, которыя такъ распространены, такъ господствуютъ въ нашемъ обществѣ, которыя опираются на такіе громкіе, знаменитые въ Европѣ и властительные у насъ современные научные авторитеты....

Какъ либерала, демократа?... Но онъ не былъ тѣмъ патентованнымъ либераломъ и демократомъ, котораго типъ такъ популяренъ въ большинствѣ нашей публики. Его либерализмъ и демократизмъ былъ не такого рода, который бы легко было распознать и оцѣнить обществу, воспитавшемуся на яныхъ либеральныхъ традиціяхъ,—не подходилъ подъ мѣрку, преподаваемую публикѣ значительнымъ числомъ нашихъ публицистовъ.

Чествовалась ли, наконецъ, его практическая гражданская

дѣятельность? Ретивое, плодотворное участіе Самарина въ работахъ по освобожденію крестьянъ стяжало ему, конечно, извѣстность, но эту честь онъ раздѣляетъ съ другими, и не она одна, чрезъ 15 лѣтъ послѣ событія, могла послужить поводомъ къ такому дружному, сердечному соболѣзнованію объ его преждевременной кончинѣ. Не дѣятельность ли его въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи? Но ни это самоуправленіе не пользуется покуда въ Россіи, къ прискорбію, особенно горячимъ, всеобщимъ сочувствіемъ, ни самое содержаніе дѣятельности—въ большинствѣ случаевъ мелочное, хозяйственное, чисто внѣшнее—не въ состояніи было возбуждать къ себѣ живое общественное участіе: необычайное труженичество Самарина привлекало къ себѣ вниманіе развѣ только по несоразмѣрности и несоотвѣтственности содержанія съ громадою и свойствомъ данныхъ ему отъ Бога талантовъ.

И тѣмъ не менѣе, едва лишь пронеслась молва о кончинѣ, великое общественное значеніе Самарина, ясное для близкихъ ему друзей, но неожиданно даже для нихъ самихъ, внезапно, безъ предварительныхъ толкованій, безъ подготовки, безъ сговора, сказалось мгновенно въ сознаніи всего русскаго общества—не путемъ отчетливаго анализа, а какимъ-то откровеніемъ общественнаго нравственнаго чувства. Едва лишь смерть успѣла подвести итогъ подъ его земное бытіе, какъ разомъ вознесся и сталъ, предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ, во весь свой ростъ и во всей своей цѣльности, его духовный образъ и охватилъ все общество неотразимою силою своего нравственнаго обаянія.

Всмотримся нѣсколько пристальнѣе въ черты этого величаваго духовнаго образа—и мы поймемъ причины его могущественнаго дѣйствія на общественную совѣсть.

Это былъ духъ воинствующій, духъ вѣчно, неослабно стремившійся къ высшей истинѣ, — не къ какой-то искомой и неопредѣленной, а опредѣленно вѣруемой и исповѣдуемой. Не скачками, не порывами, не увлеченіемъ чувствъ, — онъ сознательно, всѣмъ своимъ существомъ, шелъ неуклонно впередъ, созрѣвая и совершенствуясь нравственно, водимый мощнымъ умомъ и сильною волею во свѣтѣ религіи. Это былъ христіанинъ во всеоружіи языческой мудрости и на-

учнаго знанія; это былъ даровитѣйшій дѣятель современной науки и общественной жизни во всеоружіи нравственныхъ христіанскихъ убѣжденій. Это былъ человѣкъ, который, богачъ талантами, никогда не надмевался ими, и пренебрегая славою, не щеголяя духовною красотою, добровольно, по внутреннему свободному побужденію, обращалъ себя въ смиреннаго труженика, если, по его мысли, того требовала общая польза. При блестящемъ общественномъ положеніи, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ блага земныя, онъ въ «святая святыхъ» своей души носилъ запросы аскета и героическую стихію, постоянно совершалъ жертвоприношенія своею личною жизнью, постоянно священнодѣйствовалъ по слову апостола—«духомъ горяще, Господеви работающе».

Это былъ человѣкъ—*земли*, *земскій*, гдѣ бы ни дѣйствовалъ онъ, хотя бы въ разрѣшеніи вопросовъ и дѣлъ государственнаго свойства. Власть и почесть государственныя не имѣли для Самарина никакой цѣны. Русская земля, въ лицѣ своего образованнаго общества, угадала чутко его земское значеніе, признала его своимъ. Его голосъ былъ голосъ земщины — свободной, съ государствомъ союзной, но независимой.

Да, Самаринъ былъ человѣкъ едвали не самый свободный, самый независимый духомъ въ Россіи, несмотря на то, или точнѣе: именно потому, что онъ не былъ и не могъ быть революціонеромъ, что онъ былъ врагомъ всякаго насильственнаго посягательства на свободу органическаго развитія, что не отдѣляя себя отъ народа и уважая политическія формы бытія, выработанныя народу его исторіей, онъ въ самомъ подчиненіи имъ умѣлъ сохранить всю полноту человѣческаго достоинства, всю неприкосновенность той личной нравственной и гражданской свободы, которая не можетъ быть отнята у человѣка никакимъ закономъ и никакою властію. Въ область гражданской дѣятельности и отношеній онъ вносилъ тѣ же нравственныя требованія, какія считалъ для себя обязательными и въ частной жизни. Онъ не отдѣлялъ понятія о *правѣ* отъ понятія объ *обязанности*, и не будучи либераломъ въ пошломъ истасканномъ смыслѣ этого слова, онъ съ какою-то расточительностью личнаго труда, до изнеможенія силъ, работалъ надъ созиданіемъ рус-

ской гражданской свободы, полагая ей въ основу личный подвигъ общественнаго служенія, исполненіе личнаго гражданскаго долга, во всемъ его объемѣ и святости. Потому что, по его понятіямъ, свобода зиждется и упрочивается только на нравственной почвѣ, потому что свобода, какъ и царствіе Божіе, *нудится*...

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ изъ сонма тѣхъ *трехъ*, которые въ исторіи русскаго общества осуществили тотъ умственный и нравственный процессъ, что̀ зовется славянофильствомъ. Ученикъ и другъ Хомякова, товарищъ и другъ Константина Сергѣевича Аксакова, онъ съ 20-лѣтняго возраста вступилъ въ общеніе съ ними, и двадцать лѣтъ потомъ, по его собственнымъ словамъ, «жилъ съ ними одною духовною жизнію». Въ нихъ троихъ, Хомяковѣ, Константинѣ Аксаковѣ и Самаринѣ, явилось, сложилось и завершилось славянофильство — какъ личное дѣло, какъ отдѣльный станъ въ литературѣ и обществѣ, какъ особый періодъ въ нашей народной жизни, указавшій и выработавшій основы дальнѣйшаго развитія русской мысли. Съ кончиною Юрія Ѳедоровича, который еще недавно, въ предисловіи къ одному изъ своихъ заграничныхъ изданій, назвалъ себя «неисправимымъ славянофиломъ», начинается исторія для славянофильства. Я не намѣренъ распространяться о значеніи и важности этого общественнаго явленія. Въ общихъ чертахъ это была не только эмансипація народнаго духа отъ иноземнаго ига (въ чемъ заключалась бы только отрицательная заслуга), но и подвигъ народнаго самосознанія, разъяснившій и опредѣлившій тѣ духовныя и соціальныя начала русской народности, которыя призваны быть могучими факторами всемірно-человѣческаго развитія и просвѣщенія. Въ нихъ, Хомяковѣ, Константинѣ Аксаковѣ и Самаринѣ, русская народность, можно сказать, получила свое первое, высшее оправданіе какъ въ самостоятельныхъ мыслителяхъ и дѣятеляхъ, въ нихъ олицетворилось примиреніе цивилизаціи западной съ Востокомъ. Авторъ статей «О народности въ наукѣ», вызвавшихъ нѣкогда такую полемическую бурю въ нашей литературѣ, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ самъ, всею своею жизнію и дѣятельностью, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ объ истинѣ имъ провозглашенной. Но характе-

ристическою, существенною особенностію славянофильства было его нравственное содержаніе, его логически-неразрывная, тѣсная связь съ христіанскою вѣрою и ученіемъ.

Такова была та духовная и нравственная школа, въ которой сложился и закалился Самаринъ, которая дала ему направленіе и внутреннее опредѣленіе на всю его жизнь,— которой въ ея основахъ онъ до конца остался вѣренъ, хотя и вышелъ изъ школы въ жизнь, на открытое поле внѣшней гражданской борьбы и дѣятельности, хотя, умудренный личнымъ и историческимъ опытомъ, и освободился отъ исключительности и крайностей, нераздѣльныхъ съ пыломъ молодыхъ лѣтъ и перваго творчества мысли.

Вотъ тѣ существенныя черты, которыя, взятыя вмѣстѣ и слитно, создали величавый духовный образъ, такъ сильно воздѣйствовавшій теперь на наше русское общество Юрію Ѳедоровичу Самарину дано было это повидимому разрозненное и вялое общество потрясти, сплотить и поднять до высоты единодушнаго нравственнаго порыва: благодаря ему, оно пережило нѣсколько возвышенныхъ, историческихъ мгновеній, которыя, надобно надѣяться, не останутся безслѣдны. Это достойный вѣнецъ мужественному подвигу его личной и общественной жизни, это его служба Русской землѣ даже изъ-за могилы...

3. Изъ рѣчи о Оедорѣ Васильевичѣ Чижовѣ.

Произнесена въ Славянскомъ Комитетѣ 18 декабря 1877 г.

Мм. гг.

... Прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашихъ дѣйствій за это послѣднее время, я долженъ исполнить грустную обязанность и остановить ваше вниманіе на потерѣ, понесенной нашимъ обществомъ въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ его членовъ, Оедора Васильевича Чижова, скончавшагося 14 прошлаго ноября, 67 лѣтъ отъ роду.

Это былъ замѣчательный человѣкъ, заслуживающій подробной и тщательной біографіи. Я, разумѣется, представлю вамъ здѣсь только его краткій біографическій очеркъ, въ которомъ, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ данныхъ, нѣкоторыя цифры и числа переданы, можетъ-быть, и не совсѣмъ точно: но за то я постараюсь съ возможною полнотою воспроизвести вамъ его нравственный образъ.

Большинству Русскаго общества онъ вѣроятно извѣстенъ только какъ практическій дѣятель, умный, строгій, безукоризненно-честный, въ сферѣ такъ-называемыхъ экономическихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ однимъ повидимому была посвящена дѣятельность—и какая! непрерывная, неутомимая, его послѣднихъ двадцати лѣтъ. Но только повидимому: всѣ эти труды и заботы по устройству желѣзныхъ дорогъ, банковъ, промышленныхъ обществъ, дѣйствительно почти цѣликомъ поглощали его время и сокрушили наконецъ здоровье, но не полонили его души, не охлаждали сердца, не вытравили въ немъ ни духовной жажды, ни нравственныхъ идеаловъ. Сердце этого суроваго работника оставалось открытымъ, чуткимъ ко всему изящному въ искусствѣ и въ жизни, и ко всякому страданію человѣческому; умъ не переставалъ мыслить и рвался къ досугу, но былъ имъ насильственно возвращаемъ къ служенію практическимъ цѣлямъ. Было бы однакоже ошибочно думать, что эта внѣшняя практическая дѣятельность оставалась чуждою

его внутреннему существу. Напротивъ, онъ вносилъ въ каждый свой трудъ всего себя, но становился не рабомъ его, а господиномъ; осмыслялъ, одухотворялъ его нравственною стихіею, высшею идеальною цѣлью. Этотъ прославившійся практикъ, у котораго не только не вываливалось изъ твердыхъ рукъ, но спорилось, росло и крѣпло всякое дѣло, былъ упрямый идеалистъ, — таковымъ и остался до послѣдняго часа. Этотъ хозяинъ и руководитель громадныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій,—для которыхъ повидимому и нѣтъ другаго прочнаго основанія, кромѣ разсчетовъ личной корысти, которыхъ вся существенная задача, казалось бы, только въ денежныхъ барышахъ,—былъ безкорыстнѣйшимъ изъ людей, ненавидѣлъ и презиралъ деньги.

Онъ не искалъ этого поприща, не имѣлъ къ нему влеченія и вступилъ на него уже на пятомъ десяткѣ лѣтъ. Не мало былъ бы онъ самъ удивленъ, еслибы въ то время, когда онъ изучалъ исторію искусствъ въ Италіи, такъ пламенно имъ любимой, кто-либо возвѣстилъ ему его позднѣйшую дѣятельность въ званіи желѣзнодорожнаго строителя или учредителя банковъ. Но разъ обстоятельства заставили его повернуть на этотъ путь, онъ,—съ полнымъ сознаніемъ его темныхъ, матеріализующихъ свойствъ, но также и своей личной нравственной неодолимости,—бодро принялъ вызовъ судьбы и отдался дѣлу всѣми силами духа.

А это былъ сильный человѣкъ, человѣкъ съ властью. Прежде всѣхъ другихъ его качествъ, ощущалось въ немъ именно присутствіе внутренней силы: силы убѣжденія, силы воли — непреклонной, деспотической относительно самого себя,—вмѣстѣ съ незыблемою стойкостью нравственныхъ основъ, неспособною ни къ какимъ уступкамъ и сдѣлкамъ. Смотря на его работу—методическую, отчетливую до мелочей,—всякій сказалъ бы, что такое систематическое примѣненіе воли къ дѣлу, такая выдержка въ трудѣ, то, что̀ Нѣмцы называютъ Ausdauer, возможно только при твердомъ спокойствіи и хладнокровіи духа... А между тѣмъ это былъ человѣкъ самый пылкій, самый страстный, даже пристрастный по своей природѣ, и кто узналъ Чижова лишь съ этой его стороны, готовъ былъ, напротивъ, вывести заключеніе, что онъ способенъ управляться въ жизни т о л ь к о поры-

комъ! Но это-то цѣльное сочетаніе такихъ повидимому противоположныхъ свойствъ и было въ немъ особенно привлекательно: оно-то и придавало ему такую нравственную красоту и такую власть надъ другими. Этотъ страстный человѣкъ не мѣнялъ предметовъ своей страсти, и какъ оставался вѣренъ, неизмѣнно вѣренъ до смерти своимъ друзьямъ, и въ крупныхъ событіяхъ и въ мелочныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни,—такъ, съ какимъ-то неистощимымъ, не остывающимъ жаромъ, въ какомъ-то упорномъ, пребывающемъ порывѣ, педантически-тщательно служилъ каждому, взятому имъ на себя дѣлу и не спѣша доводилъ его до конца. Горячее, сострадательное сердце, онъ однакоже былъ не изъ слабосердыхъ и не любилъ потворствовать слабостямъ даже въ друзьяхъ. Оказывая помощь,—а онъ многихъ облагодѣтельствовалъ, многихъ поставилъ на ноги въ жизни, и притомъ безъ всякихъ чувствительныхъ и умильныхъ пріемовъ,—онъ всегда заботился о томъ, чтобы это добро пошло въ прокъ, а не во вредъ человѣку. Почти Спартанецъ относительно внѣшнихъ житейскихъ удобствъ, онъ былъ крутымъ, неумолимымъ гонителемъ всякой распущенности, лѣни, небрежности, нѣги; строгій къ себѣ, былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ, и глубоко возмущался, когда встрѣчалъ въ людяхъ недостаточно-нравственное отношеніе къ долгу, къ порученному имъ дѣлу. Впрочемъ, личныя дѣла, собственные интересы мало его заботили. Только то дѣло и было властно привлечь его къ себѣ, за которымъ онъ могъ признать какое-либо гражданское, общеполезное значеніе, и которое тѣмъ самымъ, въ его глазахъ, стояло выше одинокой личности человѣка; только общественное дѣло становилось ему своимъ, личнымъ; только въ успѣхѣ такого дѣла, созданномъ его личными трудами, обрѣталъ онъ себѣ личное удовлетвореніе и, какъ онъ выражался, самый дорогой эгоистическій интересъ.

Вотъ какого нравственнаго закала человѣкъ примкнулъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, къ кругу Хомякова, Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Юрія Самарина,—тѣхъ высокоталантливыхъ, высоконравственныхъ дѣятелей, которыхъ враждебная критика обозвала въ насмѣшку кличкою «славянофиловъ», обратившеюся впослѣдствіи въ такое почетное для

нихъ именованіе. Теперь, когда они всѣ въ могилѣ, когда ихъ творческая мысль оправдывается самою исторіей и поднятое ими знамя становится знаменемъ всего мыслящаго Русскаго общества, съ особенною яркостью выступаетъ значеніе той духовной силы, которою окрылялось у нихъ и слово и дѣло. Въ ихъ направленіи не было ни доктринерства, ни теоретической отвлеченности. Подвигомъ самой жизни запечатлѣли они искренность и правду своихъ убѣжденій.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что Ѳедоръ Васильевичъ примкнулъ къ этому кругу уже вполнѣ созрѣвшимъ, — путемъ самобытнаго развитія дойдя до полнаго тождества въ главныхъ основаніяхъ и воззрѣніяхъ. Ему не отъ чего было и отрекаться: онъ нашелъ то, чего искалъ, только утвердился въ направленіи и расширилъ міросозерцаніе.

Родившись въ 1811 году, въ недостаточной дворянской семьѣ Костромской губерніи, онъ прошелъ тяжкую школу труда и бѣдности. Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ, окончивъ курсъ наукъ сперва въ Костромской, потомъ Петербургской гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, занялъ въ послѣднемъ мѣсто адъюнктъ-профессора математики, онъ отказался отъ своего небольшаго родоваго имѣнія въ пользу сестеръ, предоставляя себѣ собственною работою добыть средства къ жизни. Почти восемь лѣтъ преподавалъ онъ въ университетѣ и издалъ, по оффиціальной своей спеціальности, нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Но не занятія математикою и механикою были его призваніемъ: уже въ 1839 году, слѣдовательно 29 лѣтъ отъ роду, онъ издаетъ переводъ исторіи Европейскихъ литературъ XV и XVI столѣтій Галлама съ такими своими дополненіями, которыя, по отзыву критики, обнаруживали обширную и основательную начитанность переводчика. Въ то же время передѣлано имъ на Русскій языкъ прекрасное сочиненіе одной Англійской писательницы подъ заглавіемъ: «Призваніе женщины», вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, уже повыходѣ его изъ университета. Скромное поприще ученаго не могло удовлетворить этой дѣятельной, пылкой, разнообразно одаренной природы. Его влекла къ себѣ жизнь, знакомство съ людьми; ему нужно было примѣнить къ живому дѣлу богатый запасъ воли

и нравственной власти, и утолить потребность своего сильнаго художественнаго инстинкта. Сближеніе и затѣмъ тѣсная дружеская связь съ однимъ Малороссійскимъ дворянскимъ семействомъ (не ослабѣвшія потомъ ни разу въ теченіи всей его жизни до самой минуты смерти) послужили переворотомъ въ его судьбѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодаго представителя этой семьи, и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1840 году, оставивъ университетъ, поселился въ Малороссіи, а потомъ уѣхалъ въ Европу или, вѣрнѣе сказать, въ Италію, куда манилъ его міръ искусствъ и художественныхъ наслажденій. Въ Италіи, въ обѣ свои поѣздки, онъ провелъ около семи лѣтъ лучшей половины своей жизни. Тамъ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ онъ въ Римѣ,—въ домѣ, гдѣ въ первомъ этажѣ помѣщался поэтъ Языковъ, во второмъ—Гоголь, а въ третьемъ—самъ Ѳедоръ Васильевичъ. Съ ними и съ знаменитымъ Ивановымъ онъ былъ въ особенности друженъ и близокъ. Впрочемъ, онъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ и со всѣмъ кружкомъ Русскихъ художниковъ, работавшихъ тогда въ Римѣ. Какъ во всякомъ дѣлѣ, за которое принимался Чижовъ, такъ и въ живописи онъ скоро сталъ знатокомъ, вѣрнымъ цѣнителемъ и судьею, и своимъ строгимъ уваженіемъ къ требованіямъ искусства оказалъ на многихъ изъ нихъ серьезное, вполнѣ благотворное вліяніе Но не одною исторіею искуства занялся онъ въ Италіи: онъ основательно изучилъ ея исторію политическую и соціальную, а въ особенности ея литературу, какъ средневѣковую, такъ и позднѣйшую. Онъ и въ старости не переставалъ слѣдить за Итальянскимъ литературнымъ движеніемъ, и его обширная библіотека богата собраніемъ Италіянскихъ изданій. Но ни въ «красавицѣ Венеціи», которую онъ любилъ и о которой вспоминалъ съ такимъ увлеченіемъ, ни въ Римѣ, среди обаянія художественныхъ сокровищъ Запада, онъ не переставалъ быть Русскимъ, православно-вѣрующимъ человѣкомъ и самостоятельнымъ Русскимъ мыслителемъ. Доказательствомъ служатъ его замѣчательныя статьи: «О работахъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ» и «О Римскихъ письмахъ Муравьева, помѣщенныя въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 и 1847 года, этомъ первомъ изданіи славянофильскаго харак-

тера, но въ особенности превосходная статья, появившаяся гораздо позднѣе въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года: «Джіованни Фіезольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи». Въ 1845 году, если не ошибаюсь, Ѳедоръ Васильевичъ посѣтилъ Москву, гдѣ и сдружился со всѣми тогдашними представителями славянофильскаго направленія, но вскорѣ затѣмъ опять отправился за границу, и уже не въ одну Италію, а въ Славянскія земли. Онъ объѣздилъ Истрію и Далмацію, Сербію и Австрійскихъ Славянъ, и его записки, интересныя и бытовыми чертами и описаніемъ памятниковъ Римскаго зодчества, помѣщены, хотя и не вполнѣ, частью въ «Московскомъ же Сборникѣ» 1847 и частью въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года.

Въ своемъ путешествіи по Славянскимъ землямъ какъ-то удалось ему помочь Черногорцамъ выгрузить оружіе на Далматскомъ берегу. Это обстоятельство, а равно и посѣщеніе имъ Австрійскихъ Славянъ вызвало доносъ на него отъ Австрійскаго правительства Русскому. Въ концѣ 1847 года Ѳедоръ Васильевичъ рѣшилъ возвратиться назадъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы окончательно посвятить себя служенію ей и Русскому народу, преимущественно на поприщѣ литературномъ, въ духѣ и разумѣ того «славянофильскаго» направленія, къ которому принадлежалъ. Но только переступилъ онъ Русскую границу, какъ былъ арестованъ и увезенъ прямехонько въ Петербургъ. Тамъ подвергли его допросамъ, и были не мало удивлены достоинствомъ, благородною смѣлостью его умныхъ отвѣтовъ, словесныхъ и письменныхъ. Мнѣ самому лично удалось это слышать отъ покойнаго І. В. Дуппельта, въ то время начальника Штаба III Отдѣленія, который отзывался о Чижовѣ съ большимъ уваженіемъ, но однакоже называлъ его при этомъ «бѣдовымъ» и «пресердитымъ». Недѣли черезъ двѣ его выпустили на свободу, но подчинили секретному полицейскому надзору. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о литературномъ трудѣ; всѣ мечты его объ изданіи журнала оказались неосуществимыми. Это было тяжелое для него время: онъ остался безъ средствъ, а надобно было жить и не зависѣть.

И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ арендуетъ, въ долгъ, старую оставленную плантацію тутовыхъ деревьевъ около мѣстечка

Триполья въ Кіевской губерніи, не вдалекѣ отъ Днѣпра, и берется за новое, совершенно незнакомое ему дѣло. Но онъ положилъ себѣ овладѣть имъ и овладѣлъ; положилъ не только добиться отъ своихъ червей отличнаго шелка, но и распространить между мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ охоту къ этому промыслу,—добился и того и другаго. Неудачи въ началѣ не охладили его. Съ своимъ обычнымъ упрямствомъ лѣтъ пять или шесть прожилъ онъ въ этой глуши, въ совершенномъ одиночествѣ, только съ книгами и червями. Но по своему же обычаю, вѣрный своей природѣ, онъ пристрастился къ преодолѣнному имъ труду, къ созданію своихъ усилій. Года черезъ два онъ уже печаталъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» письма о шелководствѣ, вышедшія потомъ, лѣтъ черезъ 20 ть, особою книжкою,—письма, отличающіяся не только своимъ техническимъ, но и литературнымъ достоинствомъ, и въ особенности художественнымъ воспроизведеніемъ нравовъ и жизни червей. Не однимъ однакоже червямъ отдался онъ въ своемъ уединеніи, но и исторіи философіи: громадные фоліанты систематическихъ выписокъ изъ книгъ свидѣтельствуютъ объ обширности его чтенія. Для развлеченія же онъ занимался надъ собою упражненіемъ воли, подчиняя себя разнымъ придуманнымъ имъ правиламъ, отсѣкая отъ себя ту или другую привычку. Здѣсь кстати упомянуть о другомъ замѣчательномъ проявленіи его воли. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ началъ вести дневникъ, но велъ хоть и послѣдовательно, однакоже съ перерывами. Недовольный собою, онъ рѣшилъ наконецъ, что во что бы ни стало будетъ вести его ежедневно, и пребылъ вѣренъ рѣшенію, несмотря на недуги и громаду заботъ въ года его позднѣйшей Московской дѣятельности. Въ самый послѣдній день смерти, 14-го ноября, утромъ, тяжко больной, онъ занесъ это роковое число въ свой дневникъ и вписалъ въ него нѣсколько строкъ. Какъ извѣстно, этотъ драгоцѣнный манускриптъ, обнимающій чуть не сорокалѣтнее пространство времени, богатый не только автобіографическими любопытными данными, но и замѣтками о событіяхъ и людяхъ, завѣщанъ имъ Румянцевскому музею съ тѣмъ, чтобы хранился запечатаннымъ еще въ теченіи сорока лѣтъ.

Послѣ Крымской войны, оживленіе, послѣдовавшее во всей

Русской общественной жизни, побудило и Ѳедора Васильевича переселиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что шелководство не дало ему средствъ для вполнѣ независимаго существованія. Все обновлялось въ то время въ Русской землѣ, все отъ теоріи переходило къ практикѣ, отъ словъ къ дѣлу, отъ чисто-литературнаго досуга къ чернорабочему труду политическаго и соціальнаго преобразованія. Насталъ историческій чередъ и для отечественныхъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, такъ долго пренебреженныхъ, почти безгласныхъ. Ѳедору Васильевичу было предложено заняться изданіемъ журнала для ихъ спеціальной защиты. Онъ взялся за дѣло, и цѣлый рядъ блистательныхъ обозрѣній освѣтилъ эту темную и глухую доселѣ область. Эти талантливыя статьи читались не одними спеціалистами. Русская торговля и промышленность обрѣли живой, громкій, смѣлый и въ то же время безпристрастный голосъ. Нужно было много таланта для того, чтобы отъ міра искусствъ и отвлеченныхъ научныхъ занятій перейти къ такой противоположной, спеціальной, практической сферѣ и стать въ ней хозяиномъ; нужно было много нравственной силы, чтобы сохранить въ ней полную независимость духа, не уступить, не поддаться на обольщенія и сдѣлки. Изданіе «Вѣстника Промышленности», продолжавшееся лѣтъ пять, оказало, безъ сомнѣнія, благотворное дѣйствіе и на всю среду торговыхъ и промышленныхъ дѣятелей, съ которою сблизили Ѳедора Васильевича его занятія журналиста. Но и сблизившись съ нею, Чижовъ сохранился такимъ же, какъ былъ, и не переставалъ предъявлять ей свои строгіе нравственные запросы. Къ чести упомянутыхъ дѣятелей, они вполнѣ оцѣнили Чижова; его значеніе было авторитетно; его слово съ вѣсомъ. Его любили, уважали.... но и боялись. Скоро отъ журнала перешелъ онъ къ дѣятельности не только практической, но даже технической, и принялъ участіе въ постройкѣ Троицкой желѣзной дороги: это была первая Русская частная дорога; до того времени, какъ извѣстно, дороги строились у насъ или казною, или же знаменитою Французскою компаніей. Эта мысль воспламенила Чижова, всегда страстно готоваго работать на родную землю и родной народъ. Онъ отдался дѣлу душою и сталъ душою дѣла. Дорога вышла образцовою и

по устройству, и по бережливости расходовъ, и по строгой отчетливости управленія, и по добросовѣстному соблюденію достоянія акціонеровъ. И ужъ какъ любилъ онъ эту дорогу, провелъ ее до Ярославля и Вологды, и лелѣялъ еще много плановъ для обезпеченія будущей судьбы этого своего дорогаго дѣтища! Надобно было видѣть, съ какою артистическою нѣжностью составлялъ онъ свои желѣзнодорожные годовые отчеты: цѣлые томы цифръ, процентныхъ отношеній, всякаго рода затѣйливыхъ статистическихъ выводовъ!

Потребовалось учрежденіе въ Москвѣ частнаго банковаго кредита, ибо до тѣхъ поръ торговля и промышленность поддерживались только правительственнымъ кредитомъ, т. е. Государственнымъ Банкомъ. Для перваго частнаго въ Москвѣ кредитнаго учрежденія необходимо было пріискать лице, котораго одно уже имя служило бы нравственнымъ знаменемъ. И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ во главѣ Московскаго Купеческаго Банка. Ново и чуждо, и не вполнѣ симпатично было ему это дѣло, а при нашихъ общественныхъ нравахъ, при наклонности къ произволу, при непривычкѣ подчиняться требованіямъ закона, для всѣхъ равно одинаковаго, оно представляло особенную, серьезную трудность. Но такая борьба была ему по плечу. Онъ не только вышелъ изъ нея побѣдителемъ, но и самымъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ задачу. Чижову обязанъ Купеческій Банкъ, самый крупный и сильный изо всѣхъ частныхъ банковъ въ нашемъ отечествѣ, твердостью своей первоначальной основы; онъ заложилъ прочный фундаментъ частному банковому кредиту въ Москвѣ и, можно сказать, во всей Россіи; онъ установилъ образцовые порядки и показалъ примѣръ, въ торговой средѣ, строгаго соблюденія долга, не взирающаго ни на лица, ни на капиталы. Признавъ затѣмъ свою гражданскую миссію исполненною, онъ года черезъ два вышелъ изъ директоровъ Банка,—впрочемъ только для того, чтобы вновь водрузить свое честное, авторитетное знамя въ новомъ, на иныхъ началахъ возникшемъ кредитномъ учрежденіи, именно Московскомъ Купеческомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита. Въ видахъ общаго блага, нельзя не пожелать, чтобъ Чижовскія преданія въ обоихъ учрежденіяхъ оставались навсегда живы и дѣйственны...

Время шло. Я не стану исчислять другія промышленныя и торговыя предпріятія меньшей важности, въ которыхъ Ѳедоръ Васильевичъ принялъ участіе совѣтомъ и дѣйствіемъ. Его общественное значеніе росло: онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ за границей: его имя было и передъ Русскою высшею администраціей ручательствомъ за успѣхъ и правильное веденіе всякаго дѣла. Когда, послѣ продажи Николаевской желѣзной дороги иностранной компаніи, правительство приступило къ продажѣ Московско-Курской дороги, и на сей разъ оказалось возможнымъ пріобрѣсти ее уже не иностранцамъ, а Русскимъ капиталистамъ, дѣло опять не обошлось безъ Чижова. Съ нимъ вело переговоры правительство — и важная внутренняя желѣзнодорожная линія удержалась въ Русскихъ рукахъ. Ставъ во главѣ новаго предпріятія, Чижовъ сохранилъ за собою предсѣдательство въ правленіи этой дороги до самой кончины. Участіе въ товариществѣ, купившемъ дорогу, сулило громадныя выгоды, и молва скоро провозгласила Ѳедора Васильевича милліонеромъ, забывая или не зная, что по условію съ иностранными банкирами, съ помощью которыхъ совершена была покупка, акціи дороги могли быть пущены въ продажу и обращены въ деньги не ранѣе какъ черезъ 18 лѣтъ,—т. е. тогда, когда Чижову было бы свыше 80! Слѣдовательно, не на личное пользованіе этими милліонами могъ разсчитывать Ѳедоръ Васильевичъ, а питалъ въ душѣ иной замыселъ, какъ и оказалось впослѣдствіи. Весь этотъ будущій, дѣйствительно огромный, двухмилліонный, если не болѣе, капиталъ завѣщанъ имъ городу Костромѣ для устройства высшаго техническаго учрежденія въ крупныхъ размѣрахъ, и еще четыремъ городкамъ Костромской губерніи для четырехъ вспомогательныхъ ремесленныхъ училищъ.

Само собою разумѣется, что и безъ реализаціи этихъ акцій, продолжительное участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ поставило его въ положеніе человѣка не только независимаго, но даже съ богатыми средствами. Но прибыль средствъ не измѣнила ни его вкусовъ, ни его привычекъ, и мало сказалась на его внѣшнемъ образѣ жизни. Объ его комфортѣ и удобствахъ заботились сами его друзья и навязывали ихъ ему почти насильно и самовольно. Самъ онъ

тратился почти исключительно на книги, на вспоможеніе нуждающимся пріятелямъ, и домъ его былъ всегда пристанищемъ для пріѣзжающихъ въ Москву родныхъ и дорогихъ ему лицъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ свелъ свои счеты: въ результатѣ оказался свободный капиталъ тысячъ въ 200. Но совѣстнымъ показалось Ѳедору Васильевичу имѣть у себя такую крупную сумму. «Терпѣть не могу деньги—говорилъ онъ мнѣ,—не могу привыкнуть считать ихъ своею собственностью; они требуютъ употребленія,—этой силѣ нужно дѣло»...—И вотъ онъ затѣваетъ предпріятіе, въ высшей степени общеполезное, важное, способное оживить нашъ бѣдный, заброшенный Сѣверный край. Онъ учреждаетъ Общество пароходнаго плаванія вдоль Мурманскаго берега, и несмотря на предостереженія друзей, на собственное убѣжденіе, что выгодъ отъ такого Общества позволительно ожидать развѣ только въ самомъ отдаленномъ будущемъ,—ввергаетъ въ дѣло всѣ свои 200 тысячъ! Предпріятіе оказалось не только не прибыльнымъ, но убыточнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Чижовъ не могъ принять въ управленіи никакого участія. Ѳедоръ Васильевичъ счелъ однакоже долгомъ совѣсти не отставать отъ рѣшенія задачи, и для поддержанія Общества, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, заложилъ почти всѣ, еще оставшіяся у него свободными, процентныя бумаги. Такимъ образомъ этотъ пресловутый богачъ оставилъ послѣ себя лишь тысячъ до двухъ наличныхъ денегъ и на значительную сумму долговъ, по уплатѣ которыхъ образуется, въ пользу его наслѣдниковъ, лишь весьма скромное достояніе!..

Неимовѣрные труды и заботы, сопряженные съ его общественною дѣятельностью въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни, не мѣшали ему однакоже помѣщать отъ времени до времени статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, слѣдить за Русскою и иностранною литературою, вести обширную и послѣдовательную, самую разнообразную переписку, напримѣръ хоть бы съ товарищемъ юности, ученымъ и поэтомъ Печеринымъ, сперва профессоромъ, а потомъ католическимъ священникомъ въ Дублинѣ,—подъ старость разочаровавшимся во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, не исключая и католицизма. Вообще, какъ ни былъ Ѳедоръ Васильевичъ

заваленъ дѣломъ, онъ удивительнымъ образомъ всегда находилъ время заботиться, даже до мелочей, о всѣхъ, кого онъ любилъ, и притомъ заботиться умно, внимательно, соотвѣтственно нравственному характеру каждаго. Рѣдко кто изъ друзей, выходя отъ Чижова, не выносилъ на своей душѣ бодрый слѣдъ его внутренней силы. Нельзя не упомянуть притомъ, что, въ самый разгаръ своей дѣловой поры, онъ удосужился, изъ уваженія къ памяти Гоголя, заниматься изданіемъ и продажею его сочиненій, и аккуратнѣйшимъ образомъ доставлять выручку родной сестрѣ и другимъ наслѣдникамъ писателя: всѣ послѣднія три изданія Гоголя — дѣло Чижова, не исключая и корректуры!

Странную, пеструю смѣсь книгъ и бумагъ, самаго противоположнаго свойства, представлялъ письменный столъ Ѳедора Васильевича: вѣрное отраженіе его собственнаго внутренняго многосторонняго содержанія. Неоднажды былъ озаданъ иной «дѣятель на поприщѣ экономическихъ интересовъ», когда, обращаясь къ нему, какъ къ опытному, знаменитому «практику», чуждому безъ сомнѣнія «узкихъ» или «идеальныхъ» требованій нравственности, встрѣчалъ въ немъ самый горячій, молодой отпоръ и подвергался вспышкѣ его оскорбленнаго нравственнаго чувства. «Дѣятель» готовъ былъ бы назвать его мечтателемъ, сумасбродомъ, enfant terrible, еслибы такому заключенію не противорѣчилъ блистательный практическій успѣхъ всякаго дѣла, за которое только брался Чижовъ. Наоборотъ, къ этому «практическому человѣку», къ этому старому дѣльцу, можно было смѣло обратиться съ такого рода честною мыслью или предположеніемъ, которое на языкѣ пошлой, дешевой мудрости было бы непремѣнно обозвано безуміемъ, дѣтскою затѣей, фантастическимъ предпріятіемъ. Когда въ октябрѣ 1875 года, генералъ Черняевъ пріѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобъ найти средства для своей поѣздки и для снаряженія цѣлой роты добровольцевъ въ Черногорію, на помощь возставшимъ Герцеговинцамъ, я поспѣшилъ сообщить этотъ планъ—не кому другому, какъ именно Ѳедору Васильевичу Чижову. Внимательно и сурово выслушавъ меня, этотъ убѣленный сѣдинами практикъ прямо отвѣтилъ мнѣ, что дѣло это надо постараться непремѣнно исполнить. «Будетъ ли, не булетъ ли отъ этого польза для

Герцеговинцевъ, сказалъ онъ, это другой вопросъ: главное въ томъ, что такой поступокъ со стороны Русскаго общества поднимет его собственный нравственный уровень, возвыситъ его въ собственномъ сознаніи, выбьетъ изъ пошлости, которая его душитъ». Это предпріятіе, какъ извѣстно, въ то время не состоялось.

Работа надломила наконецъ желѣзную крѣпость его организма. Уже нѣсколько лѣтъ болѣлъ онъ разными недугами, и медики утверждали, что онъ живетъ только энергіей воли. 14 ноября поздно вечеромъ, когда повидимому онъ чувствовалъ себя лучше, среди разговора о своихъ предположеніяхъ въ будущемъ, онъ скончался внезапно отъ аневризма. Смерть была мгновенна. Я видѣлъ его черезъ полчаса послѣ смерти. Онъ сидѣлъ въ креслахъ мертвый, съ выраженіемъ какой-то мужественной мысли и безстрашія на челѣ, не какъ рабъ лѣнивый и лукавый, а какъ рабъ вѣрный и добрый, много потрудившійся, много любившій,— мужъ сильнаго духа и дѣятельнаго сердца...

4. Рѣчь объ А. С. Пушкинѣ.

Произнесена въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности 7-го іюня 1880 года по поводу открытія Пушкину памятника въ Москвѣ.

Сорокъ три года тому назадъ такими, между прочимъ, стихами проводилъ Пушкина въ могилу одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, Тютчевъ:

Тебя какъ первую любовь
Россіи сердце не забудетъ...

Это не общее мѣсто. Это вѣрно схваченная, историческая, выдающаяся черта отношеній къ Пушкину Русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, наша связь съ нимъ не какая-либо разсудочная, на отвлеченной оцѣнкѣ основанная, а сердечная, теплая, живая связь любви и до сихъ поръ. Такой связи не было и нѣтъ у Русскаго общества ни съ однимъ поэтомъ. Однимъ ли художественнымъ достоинствомъ и значеніемъ Пушкина въ искусствѣ вообще можетъ быть объяснена такая живость и прочность сочувствія? Не таятся ли причины этого явленія еще въ чемъ-либо другомъ: въ его историческомъ для насъ значеніи, въ самихъ психическихъ свойствахъ его художественной природы, въ той народной стихіи, наконецъ, которою вся обвѣяна и согрѣта его поэзія?

Пушкинъ не только наша неизмѣнная любовь, но еще и первая любовь. На зарѣ нашего народнаго самосознанія, Русское общество въ немъ впервые познало, говоря его же стихомъ, тотъ «первый пламень упоенья», который оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ благодарной памяти сердца. А память сердца въ жизни историческаго народа не исчерпывается срокомъ нѣсколькихъ поколѣній. Таково свойство высокихъ созданій вполнѣ искренняго искусства, что они на вѣчныя времена запечатлѣваются духомъ истины, духомъ жизни, давшимъ имъ бытіе. Таково свойство и созданій Пушкина. На ихъ художественной вѣковѣчной прелести лежитъ еще и неотъемлемая, вѣчная же историческая печать

весны и ея свѣжести, какой-то новоявленной радости, перваго озаренія Русскихъ сердецъ свѣтомъ неложнаго Русскаго искусства.

Отчего же «неложнаго»? Отчего, говоря о Пушкинѣ какъ о поэтѣ, мы всѣ, безъ различія, сознательно и невольно, прибавляемъ эпитетъ: «истинно-Русскій», «истинно-народный»? Зачѣмъ нужна эта оговорка? Въ чемъ именно смыслъ той исторической минуты, печать которой легла на его твореніяхъ?...

Есть такія счастливыя на землѣ страны, гдѣ совершенно праздны, да и немыслимы, вопросы: народенъ или не народенъ такой-то поэтъ или писатель?! гдѣ нѣтъ погони за «народностью», гдѣ народность есть именно та самая стихія, которою образованный, органически-правильно сложившійся слой народа (т. е. общество) естественно живетъ, движится и творитъ,—которая, другими словами, проявляетъ себя свободно и разнообразно въ личной сознательной дѣятельности народныхъ единицъ: и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ жизни!.. Въ тѣхъ счастливыхъ странахъ народность въ литературѣ познается не по внѣшнимъ примѣтамъ, не по употребленію только, напримѣръ, простонароднаго говора, не по выбору содержанія изъ простонароднаго быта, не по тому, наконецъ, доступна ли книга разумѣнію каждаго, знающаго грамотѣ, крестьянина. Безъ сомнѣнія Гётевскаго Фауста или Идеаловъ Шиллера съ Пигмаліономъ, лобызающимъ мраморъ, не пойметъ даже и Нѣмецкій, не обучавшійся въ гимназіи, пахарь; но кто же когда-либо рѣшался или рѣшится утверждать, что Гёте и Шиллеръ поэты не національные? Развѣ ихъ великія творенія не заклеймены насквозь печатью Германскаго народнаго духа, подобно тому, какъ творенія Шекспира—духа Британскаго? Этого мало: развѣ не Германскій народный духъ сказался въ Германской философіи, въ такихъ силачахъ абстрактной логической мысли, какъ Кантъ или Гегель? И съ другой стороны, развѣ эта печать сколько-нибудь мѣшаетъ имъ при этомъ имѣть значеніе міровое? Напротивъ: только потому, что на ихъ твореніяхъ лежитъ печать даровъ ихъ народнаго духа, могли эти великіе поэты и мыслители явить міру новыя стороны духа общечеловѣческаго, обогатить такими много-

цѣнными вкладами сокровищницу общечеловѣческаго сознанія. Кажется это ясно, и было бы даже совѣстно толковать такую простую до пошлости истину, еслибъ даже и въ наши дни не возникали порою какія-то странныя недоразумѣнія по вопросу о народности...

Исторія судила Россіи иной путь развитія. Переходу въ Русскомъ народѣ отъ общности непосредственнаго бытія къ высшей жизни и дѣятельности народнаго духа въ сферѣ личнаго сознанія, рано или поздно надлежало, разумѣется, совершиться — и онъ совершился, но поздно, и не мирнымъ органическимъ процессомъ, а мучительнѣйшимъ изъ переворотовъ. Кто бы ни былъ въ томъ виноватъ, самъ ли народъ, Петръ ли Великій, могло ли бы или не могло оно совершится иначе, эти вопросы теперь излишни; важенъ самый историческій фактъ. А фактъ таковъ (и этого не отринетъ ни одинъ историкъ), что Русская земля подверглась внезапно страшному внѣшнему и внутреннему насилованію. Рукою палача совлекался съ Русскаго человѣка образъ Русскій и напяливалось подобіе общe-европейца. Кровью поливались, спѣшно, безъ критики, на вѣру, выписанныя изъ-за границы сѣмена цивилизаціи. Все, что только носило на себѣ печать народности, было предано осмѣянію, поруганію, гоненію: одежда, обычай, нравы, самый языкъ, все было искажено, изуродовано, изувѣчено. Народность, какъ ртуть въ градусникѣ на морозѣ, сжалась, сбѣжала сверху внизъ, въ нижній слой народный; правильность кровообращенія въ общемъ организмѣ пріостановилась, его духовная цѣльность нарушена. Простой народъ притаился, замкнулся въ себя, и надъ нимъ, ближе къ источнику власти, сложилось общество: вольные и невольные отступники его духа. Русскій человѣкъ изъ взрослаго, изъ полноправнаго, у себя же дома попалъ въ малолѣтки, въ опеку, въ школьники и слуги иноземныхъ всякихъ, даже духовныхъ дѣлъ мастеровъ. Умственное рабство предъ европеизмомъ и собственная народная безличность провозглашены руководящимъ началомъ развитія.

Только такому могучему народному организму, каковъ Русскій, подъ силу вынесть и перебыть подобное испытаніе, которому впрочемъ конецъ далеко еще не насталъ. Тяжко

пришлось Русскимъ людямъ; но обращаться вспять было уже нельзя,—да и не желательно. Оставалось идти впередъ, овладѣть сокровищами и орудіями Европейскаго просвѣщенія, и труднымъ подвигомъ самосознанія расторгнуть оковы народнаго духа, возсоединить разрозненные слои, однимъ словомъ, возвратить Русской народной жизни свободу, цѣльность, правильность и плодотворность самобытнаго органическаго роста. Вотъ этою-то, выпавшею въ удѣлъ Русскому обществу исполинскою задачею и объясняется то странное явленіе, которому почти нѣтъ подобнаго въ другихъ странахъ, именно: что сама народность въ народѣ становится объектомъ сознанія, внѣшнею цѣлью, искомымъ, что возможны у насъ вопросы о народности художника, мыслителя и государственнаго дѣятеля, что приходится учиться ей въ исторіи и у простаго народа, что въ Русской землѣ могло возникнуть отдѣльное Русское же направленіе — въ литературѣ, въ политикѣ, въ жизни, и стоять особнякомъ, какъ нѣчто оригинальное и даже исключительное!...

Перенесемся однако мыслію къ началу этого тяжкаго и тернистаго поприща. Устремившись изъ своей тѣсной національной ограды въ проломъ, сдѣланный мощною рукою Петра, Русское общество, сбитое съ толку, съ отшибленною исторической памятью, избывшее и Русскаго ума и живаго смысла дѣйствительности, заторопилось жить чужимъ умомъ, даже не будучи въ состояніи его себѣ усвоить. Нескладно и безобразно залепетало оно дикою смѣсью простонароднаго говора, церковно-славянскаго языка и изуродованной иностранной рѣчи. Чужой критеріумъ, чужое мѣрило, чужія формы, чужое міросозерцаніе. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобіями, фасадами — и колоссальнымъ недоразумѣніемъ между народомъ и его такъ-называемой «интеллигенціей» оффиціальной и неоффиціальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической.

Но дѣятельность духа все же началась! Русская земля не оскудѣла въ нужный часъ талантами. Мысль была еще слишкомъ слаба; наука на степени школьнаго знанія,—но поэзія обогнала тугой ростъ Русскаго просвѣщенія, и въ этомъ ея особенное историческое у насъ значеніе. Первый Русскій

ученый, явившій образцы самостоятельнаго Русскаго помышленія, Ломоносовъ, былъ и первый по времени Русскій поэтъ, ускорявшій работу научнаго анализа поэтическимъ вдохновеніемъ. Затѣмъ, отъ Ломоносова до Карамзина (впрочемъ также полу - художника), не приходится назвать почти ни одного виднаго дѣятеля науки, тогда какъ за то же время цѣлый преемственный рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ поэтическихъ дарованій не перестаетъ воздѣлывать умственную и нравственную почву Русскаго общества. Такимъ образомъ Русской литературной поэзіи выпалъ жребій, въ теченіи довольно долгой поры, за недостаткомъ у насъ воспитанія научнаго, служить почти единственнымъ орудіемъ по крайней мѣрѣ эстетическаго воспитанія и образованія въ Русскомъ обществѣ. Конечно форма, содержаніе, вся окраска въ этой поэзіи была еще не Русская, и только мощный талантъ Державина металъ иногда, изъ - подъ глыбъ всяческой лжи, молніи истинно-Русскаго духа. Но при сужденіи о литературныхъ талантахъ той эпохи не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣ нравственныя путы, которыми они были обмотаны, ту трату силъ, которая требовалась имъ для борьбы съ подавлявшею ихъ самихъ ложью. Все же, несмотря на фальшь, звучавшую въ тогдашней поэзіи, покорялся искусству самый матеріалъ его—слово, и Русскому слуху стала опознаваться въ стихотворной формѣ сила и гармонія Русскаго языка въ такое еще время, когда въ прозѣ царила самая неуклюжая, варварская рѣчь. Только въ поэзіи находило себѣ нѣкоторое удовлетвореніе угнетенное Русское чувство и отдыхало отъ отрицанія, господствовавшаго въ мышленіи и въ жизни,—хотя, по истинѣ, отдыхало лишь въ новомъ самообольщеніи. На крыльяхъ лирическаго восторга уносилось оно въ такую-то чужую псевдо-классическую, населенную призраками высь, далеко надъ настоящею Русскою землею, дичась всякой жизненной правды. Такъ было особенно въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху «нашихъ Пиндаровъ», «нашихъ Горацієвъ», «нашихъ Сѣверныхъ Бардовъ и т. д.

Изъ псевдо-классическихъ высотъ поэты стали, наконецъ, при помощи романтическихъ ходуль, касаться дола. И хотя Жуковскій, благородный Жуковскій, съ «его стиховъ плѣнительною сладостью» (по выраженію Пушкина), равно и Ба-

тюшковъ, «нашъ Парни Россійскій» (какъ величалъ его Пушкинъ же, впрочемъ еще въ 1814 году, еще мальчикомъ),— хотя оба они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, однакожъ и они, когда спускались на землю, то на какую-то чужую, не Русскую. Ихъ мѣстами прелестная, хотя вообще однозвучная поэзія лишена внутренней силы и совершенно безлична въ смыслѣ народности... Вообще надобно замѣтить, что время Александра I было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ едвали не хуже времени Екатерины. Въ XVIII вѣкѣ Русскіе люди еще только перерядились, и въ иномъ вельможѣ изъ-подъ пудренаго парика и Французскаго кафтана торчалъ порою чуть не прямой Русскій мужикъ, а щеголеватый Французскій жаргонъ смѣнялся подчасъ истою простонародною рѣчью. Къ началу XIX вѣка Русскіе люди успѣли уже переродиться и такъ вошли въ иноземные обычаи, нравы, понятія, что пріобрѣли даже развязность и ловкость «почти» Европейскаго человѣка. Простонародная или коренная народная рѣчь не только ими забывается, но даже поражаетъ ихъ какъ бы новизною. Они и патріоты, и пожалуй ревнители «всего отечественнаго», но даже и не подозрѣваютъ, въ простодушной надменности своего Европейскаго просвѣщенія, всей глубины своей духовной розни съ народомъ. Прежняя грубая, внѣшняя ложь смѣнилась ложью сугубою, внутреннею, благообразною. Языкъ, литература, поэзія—все получаетъ видъ гладкой, порою даже изящной нерусскости или безличности. Вспомните, напримѣръ, даже оффиціальныя, печатныя, всенародныя отъ лица власти объявленія, гдѣ, благодаря конечно стилистамъ того времени, Русскій царь именуетъ себя «начальникомъ столь достойной и благородной націи»; вспомните письма и повѣсти Карамзина, повѣсть объ Усладѣ самого Жуковскаго и пр. и пр. Даже гроза 1812 года не прибавила костей и мускуловъ, не придала правды слогу тогдашнихъ писателей, не только въ прозѣ, но и въ поэзіи.

Въ 1819 году, въ торжественномъ засѣданіи нашего же Общества Любителей Россійской Словесности и въ этой же самой залѣ разсуждалось «о господинѣ Буало и геніи Корнеля, сихъ вѣчныхъ образцахъ искусства». Расширяя однако число образцовъ и поприще для Русской литературы, уче-

ный, достойный всякаго уваженія предсѣдатель общества Мерзляковъ вѣщалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи такимъ образомъ: «Почтенные мужи!... Птичка научила человѣка радоваться и воспѣвать свою радость... Пусть на цвѣтущемъ полѣ нашей словесности рѣзвятся въ разновидныхъ группахъ Амуры, Зефиры и Фавны». Вы улыбаетесь и снисходительно припоминаете, что все это вѣдь говорилось 61 годъ тому назадъ...

И въ томъ же самомъ 1819 году раздаются въ слухъ Русскаго общества такіе, напримѣръ, стихи 20-ти лѣтняго Пушкина:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
На немъ безсмысленно чертитъ;
Но краски новыя, съ годами,
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой и пр.

Стихи также написаны 61 годъ тому назадъ, но здѣсь искусство достигло того зенита зрѣлости и совершенства, съ котораго никакое уже время не сводитъ.

Точно день, бѣлый день, насталъ для Русскаго общества съ появленіемъ Пушкина. Призраки, обманныя очертанія ночи отшатнулись, уступивъ мѣсто правдѣ дня съ ея простотою и красотою. Творчеству Русскаго духа, по крайней мѣрѣ въ сферѣ поэзіи, возвращена свобода и полноправность. Поэтическое откровеніе опередило работу нашего народнаго самосознанія и разрѣшило задачу, — до теоретическаго разрѣшенія которой мысль и наука только теперь доростаютъ. Какая богатырская сила таланта нужна была для того, чтобы, подобно подземному ключу, поднять, своротить всѣ эти плотныя наслоенія лжи и пробиться наружу такимъ величавымъ потокомъ Русской поэзіи? Но одного свойства силы было здѣсь недостаточно. Только великій, всесовершенно-искренній и цѣльный мастеръ-художникъ, только (говоря поэтическою метафорою) жрецъ чистаго искусства, никакихъ задачъ внѣ искусства не знающій, но притомъ съ живою Русскою душою, могъ совершить такой великій исто-

рическій общественный подвигъ. Пушкинъ, какъ художникъ, стоитъ уже не на относительной, а на абсолютной высотѣ, не подлежа сравненію ни съ какимъ иностраннымъ поэтомъ, не какъ «нашъ Горацій», «нашъ Парни», или «нашъ Байронъ», а самъ по себѣ, какъ Пушкинъ. Правда Русской народности могла завоевать себѣ всемірное гражданство въ искусствѣ только чрезъ безусловную въ самой себѣ правду искусства. И именно потому, что Пушкинъ былъ служителемъ чистаго, т. е. искренняго въ себѣ самомъ искусства, не обращалъ поэзію умышленно въ орудіе разныхъ предвзятыхъ идей и теорій, ни политическихъ, ни соціальныхъ; не съузился въ доктринера, не ставилъ себѣ внѣшнею цѣлью «пользу», не послушался толпы сторонниковъ грубаго утилитаризма, а неуклонно слышалъ въ душѣ своей иной божественный голосъ: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», — только потому и явился онъ такимъ безпредѣльно-полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Да, потому именно и стало велико и безсмертно историческое дѣло Пушкина, что онъ могъ съ полною искренностью и полнымъ правомъ сказать о себѣ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Какой еще «пользы» нужно? Да вѣдь такіе стихи, такіе звуки — благодѣяніе!

Не совершилъ бы Пушкинъ своего подвига, сказалъ я, еслибъ онъ не былъ цѣльный художникъ съ живою Русскою душою. Эта Русская стихія видится мнѣ не въ одномъ только Русскомъ языкѣ, доведенномъ Пушкинымъ до изумительнаго совершенства, силы, образности и мужественной красоты, и не во внѣшнемъ только содержаніи его нѣкоторыхъ твореній, но еще болѣе во внутреннихъ сторонахъ его творчества. Вообще можно лишь удивляться, какимъ образомъ, при его Французскомъ воспитаніи дома и въ Лицеѣ, при раннемъ, къ несчастію, растлѣніи нравовъ, обычномъ въ то время вслѣдствіе безграничнаго господства въ Русскомъ обществѣ Французской литературы XVIII вѣка; при соблазнахъ и увлеченіяхъ свѣта, — могъ не только сохраниться въ

Пушкинѣ Русскій человѣкъ, но и образоваться художникъ съ такимъ Русскимъ складомъ ума и души, съ такимъ притомъ глубокимъ сочувствіемъ къ народной поэзіи—въ пѣснѣ, въ сказкѣ и въ жизни?... Внѣшнюю разгадку этого явленія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ деревенскихъ впечатлѣніяхъ дѣтства и въ его отношеніяхъ къ нянѣ. Но и няня и дѣтскія впечатлѣнія деревни таились тогда въ воспоминаніяхъ почти каждаго отъявленнаго отрицателя Русской народности, такъ что такая Русская бытовая черта въ поэзіи Пушкина является уже сама по себѣ нравственною его заслугою и оригинальною особенностью. Въ самомъ дѣлѣ, отъ отрочества до самой могилы, этотъ блистательный, прославленный поэтъ, ревностный посѣтитель гусарскихъ пировъ и великосвѣтскихъ гостиныхъ, «нашъ Байронъ» притомъ, какъ любили его называть многіе, не стыдился всенародно, въ чудныхъ стихахъ, исповѣдывать свою нѣжную привязанность — не къ матери (это было бы еще нестранно, такъ и многіе поэты дѣлали), а къ «мамушкѣ», къ «нянѣ», и съ глубоко-искреннею благодарностью величать въ ней первоначальную свою музу... Такъ вотъ кто первая вдохновительница, первая муза этого великаго художника и перваго истинно-Русскаго поэта, это — няня, это простая Русская деревенская баба!.. Точно припавъ къ груди матери-земли, жадно въ ея разсказахъ пилъ онъ чистую струю народной рѣчи и духа! Да будетъ же ей, этой нянѣ, и отъ лица Русскаго общества вѣчная благодарная память! Невозможно не помянуть здѣсь этой няни собственными стихами Пушкина, въ которыхъ къ тому же такъ звенитъ Русскими струнами его душа... Вотъ что̀ еще въ Лицеѣ, воспѣвая одновременно съ товарищами разныхъ Эльвинъ и Доридъ, еще въ 1816 г., писалъ онъ:

Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрститъ меня
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,

Не чувствуя ни ногъ, ни головы...
Предъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.

Замѣтьте, что въ это время въ нашей литературѣ, если и встрѣчалось благосклонное упоминаніе о Русской женщинѣ изъ простонародья, то не иначе, какъ о «простодушной поселянкѣ»... Но какимъ зрѣлымъ художественнымъ совершенствомъ звучатъ стихи 1821 года:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила...

А эти стихи:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя,
Одна, въ глуши лѣсовъ сосновыхъ,
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь словно на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ...

За полтора года до смерти, посѣтивъ свое родное Михайловское, такъ вспоминаетъ онъ объ ней:

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ; ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. .

И тутъ же три зачеркнутые стиха:

А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ и никогда нескучныхъ.

Не къ ней ли относятся и эти два стиха, вложенные Пушкинымъ въ уста Татьянѣ:

Гдѣ нынѣ крестъ и сѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

Многіе «народность» поэзіи Пушкина усматриваютъ именно въ Русскихъ сказкахъ и другихъ его произведеніяхъ въ такъ-называемомъ «простонародномъ» родѣ. Но русская, сталобыть и вполнѣ народная стихія слышится у Пушкина едвали не наиболѣе тамъ, гдѣ онъ не ставитъ себѣ «народность» внѣшнею цѣлью, гдѣ онъ вполнѣ свободенъ и искрененъ въ своемъ творчествѣ и отдается безъ стѣсненій движеніямъ своей Русской души. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ какой степени вѣрна самая задача: воспроизвести въ формахъ современной литературной поэзіи Русскій народный эпосъ,— скажу только, что не всѣ созданія Пушкина въ этомъ направленіи представляются одинаково удачными, но всѣ обличаютъ великаго мастера и свидѣтельствуютъ, какъ все глубже и глубже проникалъ его художественный взоръ въ красоты Русскаго народнаго эпоса, въ золотую руду народнаго слова. Онъ даже пришелъ вообще къ убѣжденію, что риѳмованный, точно размѣренный стихъ слишкомъ тѣсенъ для Русской поэтической рѣчи и будетъ когда-нибудь замѣненъ иною, болѣе широкою и свободною формою стиха. Нѣкоторыя же простонародныя его сказки дѣйствительно образцовы, какъ напр. сказка о Кузьмѣ Остолопѣ, о Золотой Рыбкѣ. Припомнимъ кстати, что, кромѣ записныхъ ученыхъ, едвали кто изъ Русскаго общества былъ въ то время такъ коротко знакомъ съ народными старинными сказаніями и былинами; едвали не Пушкинъ первый заставилъ признать ихъ художественное достоинство и значеніе для Русскаго языка. Когда однажды критики напали на Пушкина за его стихъ:

Людская молвь и конскій топъ,

утверждая, что это «не порусски», Пушкину пришлось уличать критиковъ въ безграмотности и невѣжествѣ цитатами изъ сборника Кирши Данилова. Замѣчательно при этомъ и увѣщаніе Пушкина къ критикамъ: «не должно стѣснять свободу нашего богатаго и прекраснаго языка!»

Никто до Пушкина не воспроизводилъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ нашей простой сельской природы съ такою простотою истины и съ такою теплотою сочувствія. Если встрѣчались бывало въ нашей литературѣ описанія, то или отрицательной окраски, или природы вообще, а не именно Русской, или же она одѣвалась какимъ-то буколическимъ покровомъ, а русскіе мужики являлись въ видѣ Менандровъ и Дафнисовъ. И среди всей этой поэтической неправды вдругъ такіе стихи:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы,
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій...

Или. . Но не достало бы и времени приводить примѣры. Ваша память сама вамъ ихъ подскажетъ. Въ стихахъ Пушкина, и теперь захватывающихъ сердце, не только видится, но и ощущается во всемъ вѣяніи своей жизни сама родная наша природа. Что же должны были испытывать Русскіе люди, впервые въ Русской печати прочитавшіе такія воспроизведенія Русской природы? Не своего ли рода эмансипацію Русскаго угнетеннаго чувства? Не казалось ли имъ, что они точно возвращаются, послѣ долгой гдѣ-то отлучки, на родину, домой, домой!..

Но еще важнѣе болѣе внутреннія, нравственныя черты его поэзіи, чисто-Русскаго народнаго свойства. Я вижу ихъ прежде всего въ этомъ извѣстномъ Русскомъ народномъ отвращеніи отъ всякаго фразерства, отъ всего напыщеннаго, ходульнаго,—отвращеніи, такъ положительно выразившемся у Пушкина дивною простотою и трезвостью творчества. Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ именно дорогъ и замѣчателенъ, и отличается отъ большинства многихъ Европейскихъ поэтовъ, что онъ всегда искрененъ, всегда простъ, всегда свободенъ, никогда не позируетъ, не рисуется, не нянчится, не носится съ своимъ «я». Онъ если и выставляетъ себя, то непремѣнно хуже, легкомысленнѣе чѣмъ онъ есть, но не такъ какъ другіе, которые не прочь надѣлить себя даже порочными качествами, но непремѣнно красивыми: гордостью, презрѣніемъ, ненавистью

къ людямъ и т. п. Эта черта въ Пушкинѣ въ высшей степени симпатична и въ высшей степени наша, народная. Русская.

Не глубокая ли также Русская психическая черта въ Пушкинѣ—это чувство реальной, жизненной правды, чуждающееся фальшивыхъ идеалистическихъ прикрасъ, но въ то же время, сквозь отрицательныя стороны предмета, умѣющее распознать и положительныя его стороны, съ присущею имъ красотою? Пушкинъ первый въ нашей литературѣ отнесся не только къ Русской природѣ, но и къ воспроизведеннымъ имъ явленіямъ Русской бытовой жизни съ ихъ положительной стороны, и притомъ съ такою вѣрностью, которой могъ бы позавидовать любой реалистъ нашего времени. Вспомните его изображенія Русской уѣздной сельской жизни въ Онѣгинѣ, его Капитанскую Дочку, и множество другихъ: сколько въ нихъ правды, и какъ эта правда согрѣта и освѣщена теплымъ свѣтомъ сочувствія, но въ то же время ограждена въ читателѣ отъ ложной окраски тонкою, незлобивою ироніей! Вотъ эта способность шутки, это присутствіе ироніи въ умѣ—тоже коренная, народная черта истинно-Русскаго человѣка: это постоянно присущій Русскому человѣку антидотъ противъ всякой излишней, а потому и фальшивой идеализаціи и противъ собственнаго самообольщенія. Такая иронія—свойство широкаго ума—не есть «отрицаніе» и не противорѣчитъ любви. Она даетъ лишь усматривать человѣку, въ свѣтѣ любви, оборотную, юмористическую сторону иной истины, отразившуюся вмѣстѣ съ положительной ея стороной въ явленіяхъ ли жизни, въ собственной ли душѣ. Такой граціозной шуткой и доброй умной ироніей, прикрывающей иногда, легкой формой, глубокую серьезную мысль и цѣлую перспективу мыслей, обилуетъ поэзія Пушкина, особенно же «Евгеній Онѣгинъ» и именно въ изображеніи «героевъ». Татьяна, напр., о которой онъ самъ сказалъ:

.....Я такъ люблю
Татьяну милую мою,

является въ самомъ реальномъ освѣщеніи «барышней уѣздной»

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ,

и въ то же время съ книжкою гаданій и сновъ Мартына Задеки, съ простонародными страхами и суевѣріями. Начертанное съ искреннимъ сочувствіемъ изображеніе Ленскаго, этого возвышеннаго душою поэта, предназначеннаго такой трагической участи, вводится самимъ авторомъ въ должные размѣры двумя стихами:

Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ—
Безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ...

Пушкинъ не былъ поэтомъ «отрицанія»,—но не потому, что былъ не способенъ видѣть, постигать отрицательныя стороны жизни и оскорбляться ими, но потому, прежде всего, что не таково было его призваніе, какъ художника; что ему данъ былъ отъ природы иной талантъ: усматривать въ явленіи предпочтительно его положительныя, человѣчныя черты и на нихъ предпочтительно отзываться, минуя тѣ стороны, гдѣ даже иронія не у мѣста, гдѣ уже нуженъ бичъ сатиры (требующій спеціальнаго дара), или вмѣшательство власти. Такъ изъ исторіи Петра Великаго онъ останавливается на пирѣ, заданномъ Петромъ въ честь примиренія его съ подданными, изъ дѣяній Наполеона—на его посѣщеніи чумныхъ въ Яффѣ. Еще потому можетъ-быть, что Пушкинъ своимъ Русскимъ умомъ и сердцемъ шире понималъ жизнь, чѣмъ многіе писатели, окрашивающіе ея явленія сплошною черною краскою. Здѣсь же кстати можно привести и собственныя слова Пушкина въ одной изъ его журнальныхъ статей: «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви» *).

Да кстати припомнимъ, что онъ первый понялъ, первый оцѣнилъ и взлелѣялъ Гоголя.

Что особенно поражаетъ въ Пушкинѣ и является также Русскою психическою чертою, тѣсно впрочемъ связанною съ чувствомъ реальной правды, это отсутствіе мечтательности, въ смыслѣ Нѣмецкаго Schwärmerei,—и скажу болѣе, даже отсутствіе страстности. Я, конечно, разумѣю здѣсь исключительно сферу искусства. Пушкинъ представляетъ въ себѣ удивительное, феноменальное и глубоко-трагическое со-

*) Сочин. Пушкин. изд. 1870 г. т. V, стр. 421.

четаніе двухъ самыхъ противуположныхъ типовъ какъ человѣка и какъ художника: знойный Африканскій темпераментъ и чисто-Русское здравомысліе, поражающее въ самыхъ молодыхъ его произведеніяхъ, и потомъ все болѣе и болѣе развивавшееся; страстность природы и воздержность колорита въ поэзіи, самообладаніе мастера, неизмѣнно-строгое соблюденіе художественной мѣры; легкомысліе, вѣтренность, кипѣніе крови, необузданная чувственность въ жизни и, въ то же время, серьезность и важность священнодѣйствующаго жреца, способность возноситься духомъ до высотъ цѣломудреннаго искусства и писать такіе стихи, какъ «Пророкъ», «Отцы Пустынники», «Отвѣтъ митрополиту Филарету» и проч.

Онъ самъ сильнѣе всѣхъ сознавалъ въ себѣ эту двойственность:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира.
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Что̀ долженъ былъ испытывать въ глубинѣ своего духа носитель такихъ великихъ божественныхъ даровъ въ тѣ минуты, когда сознавалъ свое «ничтожество»?...

Нѣкоторымъ покажется, пожалуй, страннымъ эпитетъ «важный», и они укажутъ на множество стиховъ эротическаго и вообще легкомысленнаго содержанія. Правда, ихъ немало; но всѣ эти стихотворенія запечатлѣны характеромъ шалости, забавы молодаго таланта, хотя бы иногда и непозволительной, въ которой и самъ Пушкинъ потомъ горько раскаявался. Все же это только избытокъ жизни, плескъ играющихъ волнъ на поверхности глубокихъ водъ. Но поэтъ весь преображался, лишь

. . . божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,

и становился «взыскательнымъ художникомъ», для котораго

Прекрасное должно быть величаво.

И никогда въ своемъ храмѣ, предъ алтаремъ, не священнодѣйствовалъ онъ пороку какъ принципу, не служилъ умышленному холодному разврату и божественнымъ глаголомъ не сѣялъ коварно безнравственности. Напротивъ, всѣ его сколько-нибудь серьезныя произведенія оставляютъ здоровый слѣдъ въ душѣ читателя. Онъ, какъ художникъ, самъ творитъ, въ той или другой формѣ, судъ надъ своими героями, и даже Онѣгинъ, многими своими сторонами вполнѣ сочувственный Пушкину, обличенъ и пристыженъ Татьяной,—простой, въ Русской деревнѣ возросшей, умной Татьяной. Эта, безспорно изъ всѣхъ героинь Пушкина имъ наиболѣе любимая и чтимая, остается, какъ извѣстно, вѣрна своему долгу. Такая простая повидимому, но въ сущности трагическая нравственная развязка романа навлекла и на Пушкина, и даже на бѣдную Татьяну упреки нѣкоторыхъ Русскихъ критиковъ, такъ что со стороны Пушкина это былъ своего рода смѣлый поступокъ художественной правды!

При всѣхъ такихъ Русскихъ свойствахъ поэзіи Пушкина, можно ли толковать серьезно о какомъ бы то ни было вліяніи на него Байрона? Не было геніевъ болѣе другъ другу, по природѣ своего творчества, противоположныхъ. Впечатлительный Пушкинъ, разумѣется, восхищался Байрономъ, могъ даже увлекаться имъ временно и называть его властителемъ думъ (впрочемъ не лично своихъ, а «нашихъ», т. е. вѣка), могъ иногда заимствовать у него какую-либо внѣшнюю черту или форму, именно въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ (на что и самъ указываетъ), но Пушкинъ же и судилъ его строго. Онъ называетъ Байрона «поэтомъ гордости», «мрачнымъ какъ море». Пушкинъ же былъ поэтомъ дневнаго бѣлаго свѣта, а личной гордости въ немъ нѣтъ и тѣни. Но ужъ чему онъ вовсе не былъ причастенъ, такъ это байронизму, т. е. тому направленію въ умахъ и жизни, которое было навѣяно мощною, субъективною поэзіею Байрона. Онъ обличилъ и осудилъ это направленіе и въ лицѣ Алеко въ Цыганахъ («гордаго человѣка», который «лишь для себя хочетъ воли»), и въ лицѣ самого Онѣгина (какъ я уже говорилъ), этого «Москвича въ Гарольдовомъ плащѣ», вѣчно, по словамъ Пушкина же, «преданнаго бездѣлью» и «томящагося душевной пустотой». Но нигдѣ такъ геніально, умно,

мѣтко и притомъ сжато не заклейменъ этотъ типъ со всѣми своими развѣтвленіями (долго и потомъ лелѣянный въ нашемъ обществѣ и литературѣ), какъ въ слѣдующихъ стихахъ. Онѣгинъ оставилъ у себя въ библіотекѣ только

Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно:
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ!

Много и прекрасно было говорено объ объэктивности Пушкина, т. е. объ этой способности постигать предметъ въ немъ самомъ, какъ онъ дѣйствительно есть, и воспроизводить его въ его собственной правдѣ. Я позволю себѣ только высказать мнѣніе, что эта способность опять-таки гнѣздится въ глубинахъ Русскаго духа. Едвали не воспитывается она въ Русскомъ народѣ самымъ общиннымъ и хоровымъ строемъ его жизни, мало благопріятствующимъ развитію субъективности и индивидуализма. Думаю также, что и самый нашъ внѣшній просторъ, ширь этого народнаго союза и братскаго чувства въ объемѣ свыше полусотни милліоновъ сердецъ, все это не можетъ не способствовать нѣкоторой широтѣ духа и многосторонности пониманія. Намъ легче быть объективнѣе, чѣмъ кому другому. Кромѣ того, Русскій человѣкъ, непричастный исторіи Европейскаго Запада, поставленъ въ выгодное относительно его положеніе уже потому, что можетъ обозрѣвать его извнѣ, судить о немъ съ тою свободою и всесторонностью, которой мѣшаютъ національныя междоусобныя пристрастія мѣстныхъ западныхъ писателей. Русское искусство и въ этомъ отношеніи предварило нашу Русскую науку, еще далеко не освободившуюся изъ своего духовнаго плѣна... Образцомъ такого объективнаго постиженія являются у Пушкина всѣ его воспроизведенія Европейской жизни. Возьмите, напр. его «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» — это мастерское твореніе, еще недо-

статочно оцѣненное критикой, «Скупой Рыцарь», «Каменный гость», самое посланіе къ Юсупову съ блестящимъ очеркомъ Европы конца прошлаго вѣка, и пр. и пр. Самыя заимствованія у иностранныхъ писателей (и не у однихъ только Европейскихъ) и такъ-называемыя «подражанія» становятся у Пушкина, опять-таки вслѣдствіе его объективной способности, вполнѣ самостоятельными созданіями и даже выше, большею частью, подлинниковъ или образцовъ. Таковы: «Пиръ во время чумы», стихотвореніе изъ Буньяна, подражанія Алкорану, пѣсни Западныхъ Славянъ, заимствованныя у Мериме, и множество другихъ.

Не могу пройти молчаніемъ упрекъ, дѣлаемый Пушкину въ аристократизмѣ или чванствѣ своимъ стариннымъ родомъ, выразившемся будто бы, между прочимъ, въ его «родословной Езерскаго». Упрекъ истинно забавный и относительно аристократизма несправедливый уже потому, что наши аристократы, къ сожалѣнію, весьма мало интересуются своими историческими предками. Пушкинъ дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Чтожъ изъ этого? Было бы желательно, чтобъ связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти и не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды. Но что въ сущности давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство. Ему было пріятно имѣть черезъ нихъ, такъ сказать, реальную связь съ родною исторіею, состоять какъ бы въ историческомъ свойствѣ и съ Александромъ Невскимъ, и съ Іоаннами, и съ Годуновымъ. Русская лѣтопись уже не представлялась ему чѣмъ-то отрѣшеннымъ, мертвою хартіею, но какъ бы и семейною хроникою. За то ужъ какъ и умѣлъ онъ воспроизвести въ своей поэзіи простую прелесть лѣтописнаго языка и самый образъ Русскаго лѣтописца (въ «Борисѣ Годуновѣ»)! Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда какъ въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой, продолжающейся исторіи. Посмотрите, какъ чутко отзывается онъ на всѣ истинно великія Русскія событія своей

эпохи, какъ горячо принимаетъ къ сердцу и честь и славу и самое внѣшнее достоинство Россіи; какой негодующій стихъ бросаетъ онъ въ отвѣтъ «Клеветникамъ Россіи», скликавшимъ всю Европу въ новый противъ насъ крестовый походъ! Пушкинъ былъ живой Русскій, исторически чувствовавшій человѣкъ, и не принадлежалъ къ числу доктринеровъ, которые не смѣютъ отдаться самымъ простымъ, естественнымъ движеніямъ Русскаго чувства безъ справокъ съ своей доктриной. Пушкинъ любилъ Русскій народъ не отвлеченно, а вмѣстѣ съ тою реальною историческою формою, въ которую онъ сложился и въ которой живетъ и дѣйствуетъ въ мірѣ, — любилъ и Русскую Землю и Русское Государство, содержа ихъ въ своей душѣ въ томъ тѣсномъ любовномъ союзѣ, въ какомъ содержитъ ихъ и душа народа, вопреки всѣхъ временныхъ ошибокъ и уклоненій государственной власти. Но никогда не слагалъ онъ хвалебныхъ одъ живымъ носителямъ этой власти, а если и «пѣлъ» ихъ, то повинуясь лишь искреннему, прекрасному движенію сердечнаго сочувствія, и тайно, между ближайшими друзьями, не предназначая стиховъ для печати.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Но въ то же время онъ «Елисавету тайно пѣлъ». Въ день лицейской годовщины 19 Октября 1825 г., въ посланіи къ друзьямъ, за кого предлагаетъ и пьетъ первый кубокъ сосланный, у себя въ деревнѣ, поэтъ?

Друзья мои, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и основалъ Лицей!

Его стихи «Другъ и Поэтъ», гдѣ воспѣвается посѣщеніе Наполеономъ чумныхъ, были вызваны великодушнымъ поступкомъ Государя Николая Павловича, который, узнавъ о появленіи холеры въ Москвѣ, помчался въ Москву (а хо-

лера считалась тогда наравнѣ съ чумою), куда и пріѣхалъ вечеромъ, въ оцѣпленный городъ, — на что́ и намекается стихами:

Или Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ...

Но никто не разумѣлъ этого намека, даже стихи были напечатаны безъ подписи Пушкина въ «Телескопѣ». Одинъ Погодинъ былъ посвященъ Пушкинымъ въ тайну и открылъ ее печатно лишь послѣ смерти нашего благороднѣйшаго изъ поэтовъ. Сохраняя всегда во всемъ полную нравственную свободу и независимость художника, Пушкинъ не былъ пѣвцомъ ни оффиціальныхъ торжествъ, ни оффиціальнаго величія; былъ чуждъ и слѣпаго, узкаго національнаго эгоизма. Россія для него имѣла широкое историческое «предназначеніе» не только Славянское, но и міровое. Онъ возглашаетъ не проклятіе Наполеону, виновнику памятнаго ему нашествія на Москву 1812 года, а хвалу:

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ,—

а когда въ 1829 г. Русскія войска двинулись къ Константинополю, онъ напоминалъ имъ, что они только «снова обрѣли старый, Олеговскій еще путь»... Да, Пушкинъ былъ живой Русскій, исторически-чувствовавшій человѣкъ. Историческое чувство, историческое сознаніе!.. Да вѣдь это значитъ—уваженіе къ своей землѣ, признаніе правъ своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитіе; постоянная память о томъ, что предъ нами не мертвый матеріалъ, изъ котораго можно лѣпить какія угодно фигуры, а живой организмъ, великій, своеобразный, могучій народъ Русскій, съ его тысячелѣтнею исторіей! Да не въ томъ ли вся сумма нашихъ бѣдъ и золъ, что такъ слабо въ насъ во всѣхъ, и въ аристократахъ, и въ демократахъ, Русское историческое сознаніе, такъ мертвенно историческое чувство!

Я, конечно, не исчерпалъ своей задачи, но, кажется, все же нѣсколько уяснилъ, въ чемъ я вижу Русскую стихію

поэзіи Пушкина. Это былъ первый истинный, великій поэтъ на Руси, и первый истинно-Русскій поэтъ, а потому самому и народный, въ высшемъ значеніи этого слова. Онъ и до сихъ поръ самый Русскій изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ. Онъ первый внесъ правду въ міръ Русской поэзіи и разрѣшилъ плѣнъ Русскаго народнаго духа въ доступной ему сферѣ искусства. Какъ орелъ паритъ надъ нами и до сихъ поръ его поэтическій геній, широко простирая крылья, никѣмъ доселѣ не опереженный,—во вѣки гордость, слава и любовь Русской земли!

Не всѣ, конечно, стороны народной жизни и духа нашли себѣ выраженіе въ созданіяхъ Пушкина; тѣмъ не менѣе мы еще только теперь начинаемъ дорастать нашимъ сознаніемъ до смысла всѣхъ тѣхъ откровеній, которыя таятся въ глубинахъ его поэзіи. И не одному только искусству указалъ онъ путь, но всей вообще Русской мысли, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ словѣ и въ жизни.

Пусть же воздвиженіе ему памятника станетъ въ самомъ дѣлѣ событіемъ и новою эрою въ нашей общественной жизни. Пусть изваянный въ мѣди образъ этого всемірнаго художника и Русскаго народнаго поэта неумолчно зоветъ чреды смѣняющихся поколѣній къ труду народнаго самосознанія, къ плодотворному служенію истинѣ на поприщѣ правды народной,—чтобы сподобиться наконецъ Русской «интеллигенціи» стать дѣйствительнымъ высшимъ выраженіемъ Русскаго народнаго духа и его всемірно-историческаго призванія въ человѣчествѣ!

Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., гдѣ напечатана эта статья, ей предпослано издателемъ такое примѣчаніе:

«Эта краткая записка есть собственно только заключительная статья особаго сочиненія о странникахъ или бѣгунахъ, которое въ свою очередь составляетъ часть обширной дѣловой записки (до 600 стр.), составленной *И. С. Аксаковымъ* въ 1851 г. изъ подлиннаго дѣла, которое производилось тогда въ Ярославской губерніи и котораго самому автору пришлось быть участникомъ».

Къ сожалѣнію, упоминаемаго здѣсь и несомнѣнно бывшаго особаго сочиненія о странникахъ или бѣгунахъ, невзирая на усердные поиски, въ бумагахъ покойнаго Ивана Сергѣевича до сихъ поръ не найдено, какъ не оказалось и оффиціальной записки о раскольникахъ Бессарабіи и Ярославской губ. въ архивѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ архива Министерства намъ сообщено въ копіи только краткое, печатаемое ниже, донесеніе *о расколѣ и единовѣрческой церкви въ Ярославской губ.*, представленное тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому. Посему издательница покорнѣйше проситъ лицъ, у кого бы оказалось это сочиненіе, или кому было бы извѣстно, гдѣ оно находится, не отказать сообщить его или же увѣдомить по слѣдующему адресу: „Аннѣ Ѳедоровнѣ Аксаковой, Сергіевъ Посадъ (Лавра), Московской губ.“

И такъ, всѣ изслѣдованія доказываютъ, что расколъ постоянно распространяется и усиливается; что странническая секта, несмотря на строгость своихъ принциповъ, является какимъ-то безобразнымъ порожденіемъ раскола и трактирной цивилизаціи; что—*при ослабленіи искренняго интереса религіознаго*, — приверженность раскольниковъ къ расколу нисколько не ослабѣваетъ; что, наконецъ, всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, оказываются доселѣ безуспѣшными.

Дѣйствительно, покуда существовало мнѣніе, что причины раскола лежатъ только въ грубомъ невѣжествѣ народа, можно было предполагать, что, при большей образованности сектаторовъ, расколъ самъ собою исчезнетъ. На народъ, приверженный къ расколу, смотрѣли какъ на упрямаго ребенка, которому нужно только подрости, чтобъ отбросить свои

ребяческія заблужденія, но которому, между тѣмъ, въ порѣ ребячества необходима и благодѣтельна розга.

Ребенку минуло около 200 лѣтъ, но расколъ не ослабѣлъ, не уменьшился. напротивъ того, все глубже, все сильнѣе вкоренялся въ жизнь народную. Что же касается до розги, т. е. до строгости правительства, то она породила въ расколѣ съ одной стороны мученичество, съ другой лицемѣріе.

Ожидали успѣха отъ большей образованности народа. Совершилась знаменитая реформа Петра. Настежь раскрылись двери западному просвѣщенію; вмѣстѣ съ академіями, школами и фабриками. правительство, преслѣдуя грубое невѣжество народа, заводило ассамблеи, герберги, трактиры, магистраты и ратуши—вмѣсто земскихъ избъ; бурмистровъ — вмѣсто земскихъ старостъ; пол-Руси переодѣло и обрило, пол-Руси обложило пошлиною за бороду, древніе обычаи покрыло презрѣніемъ и насмѣшками. И правительство во многомъ успѣло. Промышленныя губерніи могутъ быть по праву названы самыми просвѣщенными губерніями, въ смыслѣ Петра I-го; однакожъ, несмотря на это просвѣщеніе, расколъ не уничтожился, а еще болѣе усилился, — принявъ только иной видъ и характеръ. Дѣло въ томъ, что народъ не просвѣтился, а развратился, что просвѣщеніе вошло въ него не тѣмъ честнымъ и свободнымъ путемъ, которымъ шествуетъ истина, а соблазномъ, развратомъ, модой, дурнымъ примѣромъ, подражаніемъ. Есть раскольники, обрившіе бороду, надѣвшіе фракъ, но тѣмъ не менѣе остающіеся въ средѣ раскола. Раскольниковъ теперь больше, чѣмъ когда-либо, съ тою разницею, что двоедушіе, лицемѣріе, нравственная порча и гніеніе—смѣнили прежнюю суровую самобытность, бывалый фанатизмъ вѣры и готовность мученичествомъ засвидѣтельствовать искренность своихъ убѣжденій.

Какія же настоящія причины раскола, и есть ли возможность остановить это нравственное разложеніе народнаго быта, которое опаснѣе всякаго упорнаго, но искренняго заблужденія, всякаго честнаго фанатизма?

Можно было бы многое сказать объ отношеніяхъ обряда къ догмату въ исторіи Русской церкви, о томъ, какъ высокое значеніе, приданное обряду въ древней Руси, породило расколъ; какъ преслѣдованіе за обрядъ и проклятіе обряда

соборомъ 1666 года только усилило сопротивленіе; какъ проклинавшіе и проклинаемые одинаково были далеки отъ истины, потому что слишкомъ много дорожили обрядностію, одни предавая обрядъ анаѳемѣ, другіе изъ-за обряда разрывая единство церкви... Все это къ нашему дѣлу не относится, и мы только изложимъ здѣсь вкратцѣ наше мнѣніе не о причинахъ, породившихъ расколъ, но о причинахъ, его усилившихъ и поддерживавшихъ его существованіе, при ослабленіи религіознаго интереса.

Главнѣйшія изъ этихъ причинъ слѣдующія: 1) протестъ противъ современнаго порядка вещей; 2) отношеніе церкви къ государству, и, по мнѣнію раскольниковъ, казенный характеръ Русской церкви; 3) отвращеніе отъ церкви, внушаемое народу духовенствомъ; 4) потребность умственной дѣятельности и броженіе умовъ, не имѣющихъ другаго правильнаго способа къ удовлетворенію этой духовной потребности.

Укажемъ же въ немногихъ словахъ, въ чемъ состоитъ протестъ раскольниковъ противъ современнаго гражданскаго порядка вещей.

Раскольники говорятъ въ одномъ изъ своихъ духовныхъ стиховъ:

Не могу пребыть безъ рыданія!...
До конца тлѣетъ благочестіе;
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе:
Духовный законъ съ коренія ссѣченъ,
Чинъ священническъ сребромъ весь плѣненъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ.
Въ мѣсто законовъ водворилось беззаконіе,
Лихоимцы вси грады содержатъ.
Немилосердые въ градахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники!
Духъ антихристовъ возвѣя на насъ...
Не могу пребыть безъ рыданія!...

Предоставляю самому правительству судить — въ какой степени справедливы сѣтованія раскольниковъ...

Далѣе, раскольники утверждаютъ, что правительство со временъ Петра тѣснитъ будто бы Русскую жизнь, преслѣдуетъ будто бы Русскіе обычаи и заводитъ иноземные (смотри Цвѣтникъ Евѳимія, основателя страннической секты); что правительство, съ своей военною и гражданскою арміею,

не знаетъ будто бы Руси, ея духа, ея путей; мѣряетъ будто бы Русскій народъ на иностранный аршинъ и примѣняетъ будто бы къ народному быту учрежденія и постановленія Нѣмецкія, черпая мудрость не изъ роднаго, самобытнаго источника, а изъ мутнаго и нечистаго источника Западной Европы. Они говорятъ, что не узнаютъ своихъ братій въ сословіи дворянскомъ и вообще въ сословіи такъ-называемомъ образованномъ, не потому только, что дворяне крестятся «щепотью», но по различію быта и стремленій. Печать антихристова, какъ объясняетъ Евѳимій, а за нимъ и ученикъ его Никита Семеновъ, печать антихристова, «сіяющая на слугахъ антихристовыхъ», не значитъ *щепоть*, или *крыжъ*, или *трегубая аллилуіа*, но житіе, согласное съ мыслью Антихриста, но подчиненіе ему, какъ Христу, но изданіе и исполненіе, во имя Христа, законовъ въ духѣ Антихриста. Печать антихристова, говорятъ они, значитъ презрѣніе къ вѣрѣ, при всемъ наружномъ къ ней уваженіи, порабощеніе церкви, пренебреженіе къ мнѣнію народному, измѣна древнимъ началамъ Русской жизни (смотри Цвѣтникъ Евѳимія и сочиненія Никиты Семенова). Поэтому Евѳимій даже и старообрядцевъ прочихъ сектъ называетъ слугами Антихриста за то, что они, хотя и хранятъ старые обряды, признаютъ однако же покровительство земной власти, т. е. власти Антихриста. Впрочемъ и раскольники другихъ безпоповщинскихъ толковъ думаютъ почти такъ же, не доводя только своего ученія до того крайняго выраженія, до котораго оно дошло у «*странниковъ*».

И такъ, вотъ что говорятъ раскольники. Если же мы сами обратимся къ временамъ Петра I-го и добросовѣстно разсмотримъ и обсудимъ его законы, его нововведенія и вообще совершенное имъ дѣло, то протестъ раскольниковъ покажется намъ, если и не во всемъ справедливымъ, за то естественнымъ и понятнымъ. Почему же только въ раскольникахъ, а не во всемъ народѣ возникъ подобный протестъ? На это отвѣчать не трудно. Измѣненіе старыхъ обрядовъ, произведенное Никономъ, держало, такъ сказать, вниманіе раскольниковъ на сторожѣ; самая привязанность ихъ къ обряду и обычаю должна была возбудить ихъ опасенія, во времена Петровскихъ преобразованій, въ сильнѣйшей степени про-

тивъ остальнаго народа, который не вдругъ замѣтилъ и созналъ, что его ведутъ другимъ путемъ и къ другой цѣли. Но именно этимъ-то постепеннымъ сознаніемъ и объясняется теперь постоянное возрастаніе числа раскольниковъ, тогда какъ самыя причины, породившія расколъ, излишнее уваженіе къ обряду и вообще интересъ отвлеченно-религіозный съ каждымъ годомъ слабѣютъ.

Недовольный порядкомъ вещей, раскольникъ не захотѣлъ опереться на собственное личное чувство, которому такъ слѣпо поддается народъ на Западѣ. Только тогда рѣшился онъ протестовать, когда нашелъ оправданіе своему протесту въ религіи. Вглядѣвшись въ тогдашній порядокъ вещей, онъ ужаснулся; онъ подумалъ, что видитъ предъ собою царство Антихристово и, съ помощію нѣкотораго невѣжества, искренно утвердился въ этомъ предположеніи (см. Цвѣтникъ Евѳимія и сочиненія Никиты Семенова). Напрасно стали бы мы, дворяне, чиновники и духовные, разубѣждать его въ противномъ. Всякій крестьянинъ, всякій, не разорвавшій съ народомъ связи, единства жизни и духа,—имѣетъ въ глазахъ народа въ тысячу разъ болѣе авторитета, чѣмъ самый благонамѣренный проповѣдникъ изъ образованнаго сословія. Народъ видитъ въ насъ, особенно въ чиновникахъ, слугъ антихристовыхъ....

Теперь взглянемъ на отношенія раскола къ церкви и духовенству.

Не имѣя достовѣрности къ чиновнику, раскольникъ не внемлетъ и православному священнику, видя въ немъ того же антихристова слугу, точно такого же казеннаго чиновника и льстеца земной власти, только въ рясѣ. «Такъ-называемая православная вѣра», говорилъ намъ одинъ раскольникъ (очень начитанный и даровитый крестьянинъ деревни Исакова, Ярославскаго уѣзда, Яковъ Батыевъ, нынѣ умершій), есть вѣра *казенная*, гражданская, не на живомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, а служащая однимъ изъ орудій правительству для поддержанія порядка...

Къ числу упрековъ, дѣлаемыхъ раскольниками православной церкви, относятся, между прочимъ, слѣдующіе:

Они называютъ синодъ не помѣстнымъ соборомъ, а присутственнымъ мѣстомъ съ канцеляріей, устроенной на нѣ-

мецкій образецъ,—мѣстомъ, которымъ управляетъ *власть свѣтская*; они оскорбляются тѣмъ, что наши архіереи подписываются «кавалерами», и утверждаютъ, что къ нимъ правильнѣе было бы обращаться съ титуломъ «превосходительства», нежели преосвященства; они указываютъ на то, что епископы поставляются по царскому указу, а не по избранію духовнаго собора; что епископы у насъ чиновники, а не пастыри, и стараются объ угожденіи больше земной власти, нежели Богу.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ, взводимыхъ раскольниками на церковь обвиненій, я по совѣсти долженъ сказать, что если кто знакомъ съ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, тотъ не удивится, почему многіе изъ членовъ этого духовенства внушаютъ народу такое сильное къ себѣ отвращеніе. Пословицы народныя также это объясняютъ: «Попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго», «поповскіе глаза завидущи, поповскія руки загребущи», говорятъ пословицы. Корыстолюбіе, пьянство, совершенное неуваженіе къ собственному сану, полнѣйшее равнодушіе къ вѣрѣ, изумительное невѣжество во всемъ, что̀ касается раскола, грубое пренебреженіе къ мужику,—вотъ что̀, къ сожалѣнію, довольно часто встрѣчается въ сословіи сельскаго духовенства. Разумѣется, есть исключенія, и очень видныя, но все же они рѣдки и, главное, рѣдко попадаются именно тамъ, гдѣ бы они были нужны, т. е. въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ.

Я посылалъ иногда раскольниковъ болѣе умѣренныхъ, чѣмъ другіе, слушать проповѣди въ сельскихъ и городскихъ церквахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Ярославской и Костромской губерній. «Какъ будто не свое говоритъ», отзывались они о проповѣдникѣ, выслушавъ проповѣдь. Они находили въ православныхъ проповѣдяхъ не живое слово убѣжденія и любви, но мертвое витійство, приправленное риторическими украшеніями,—«будто гробъ повапленный», прибавляли они.

Въ Ярославской губерніи, по моему разсчету, православныхъ только 4-я часть народонаселенія, несмотря на то, что по оффиціальнымъ документамъ раскольниковъ считается только 12 т. *Явныхъ* раскольниковъ не такъ много, хотя и гораздо больше 12 тысячъ. Знаменитый разсадникъ и притонъ страннической секты, село Сопѣлки, по оффиціальнымъ

спискамъ значится православнымъ. Чрезвычайно многочисленны *тайные* раскольники-лицемѣры: изъ нихъ нѣкоторые, изъ уваженія къ ихъ богатству, приглашены епархіальнымъ начальствомъ къ исправленію должностей церковныхъ старостъ въ православныхъ соборахъ, хотя никогда не исповѣдываются и не причащаются въ православной церкви, строго придерживаются раскола и скрытно, богатствомъ и вліяніемъ своимъ, поддерживаютъ расколъ въ народѣ. Затѣмъ есть еще значительное число жителей, еще не вступившихъ ни въ какую особенную секту, но отвращающихся отъ православія. Эти послѣдніе,—хотя, какъ сказано, и не принадлежатъ совершенно къ расколу, однако не ходятъ въ церковь и не принимаютъ причастія въ православной церкви; нѣкоторые изъ нихъ только исповѣдуются, нѣкоторые и этого не дѣлаютъ; другіе же прибѣгаютъ иногда къ исповѣди и къ причастію, но только въ случаяхъ опасной болѣзни и въ страхѣ смерти.

По справкамъ, наведеннымъ слѣдственною коммиссіею еще въ 1850 году, въ 14-ти приходахъ 1-го стана Ярославскаго уѣзда, изъ 17.930-ти прихожанъ, бывшихъ у исповѣди и у Св. причастія считалось только 4.300, бывающихъ у одной исповѣди 1.180; остальные же не бываютъ ни у причастія, ни у исповѣди. Когда, при производствѣ слѣдствія въ Ярославскомъ уѣздѣ, я въ первый разъ узналъ, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются отъ причастія, и недоумѣвалъ, какія тому причины,—тогда одинъ изъ нихъ (крестьянинъ деревни Исакова недавно перешедшій въ филипповское согласіе) объяснилъ мнѣ, что это все «колеблющіеся», изъ которыхъ съ каждымъ годомъ не мало лицъ отпадаетъ въ какую-нибудь раскольническую секту; что онъ самъ долго былъ изъ числа этихъ колеблющихся, или—лучше сказать—равнодушныхъ къ православной церкви. На вопросъ мой, отчего же происходитъ это равнодушіе? онъ чистосердечно отвѣчалъ: «отъ того, батюшка, что попы ваши стали народу уже черезчуръ не любы». Этотъ отвѣтъ даже подписанъ имъ и находится въ подлинномъ дѣлѣ.

Священники охотнѣе выбираютъ тѣ приходы, гдѣ много раскольниковъ, ибо раскольники платятъ щедро за то, чтобъ они не преслѣдовали ихъ и записывали православными. Мнѣ

чистосердечно сознавались въ этомъ сами священники; да и въ подлинномъ дѣлѣ можно найти много несомнѣнныхъ тому доказательствъ. Священники сельскіе знакомы съ расколомъ гораздо менѣе всякаго чиновника Министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшаго дѣло съ раскольниками. Не говоря уже о томъ, что всякій начитанный раскольникъ загоняетъ въ спорѣ любаго сельскаго священника, часто невѣжество послѣдняго (относительно исторіи и оттѣнковъ различныхъ сектъ) лишаетъ его возможности слѣдить и изучать расколъ на мѣстѣ. Это происходитъ частью отъ того, что все богатство матеріаловъ для изученія раскола въ Россіи сосредоточено въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ дѣла о расколѣ производятся «*секретно*», «*весьма секретно*» и «*совершенно секретно*», и недоступны ни для ученаго, ни для дѣйствующаго духовнаго сословія.

Я сказалъ также, что въ возникновеніи новыхъ сектъ, въ расширеніи предѣловъ раскола участвуетъ потребность умственной дѣятельности. Дѣйствительно, дичась просвѣщенія, проповѣдуемаго правительствомъ, или вовсе лишенные возможности просвѣщаться свободно и безбоязненно, крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущіе приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ,—при недовѣріи къ обществу, правительству и духовенству,—большею частію обращаются въ расколъ, представляющій имъ обширное поле для дѣятельности. Они покидаютъ мѣста своего жительства и бѣгутъ къ раскольникамъ, въ лѣса и пустыни, гдѣ находятъ особаго рода общества людей ученыхъ, т. е. начитанныхъ, обширныя библіотеки, читателей, издателей, переписчиковъ и всѣ пособія для свободнаго общенія мысли и слова.

Одинъ молодой, даровитый раскольникъ, дворовый человѣкъ, бѣжавшій отъ помѣщика своего въ Пошехонскіе лѣса, но впослѣдствіи пойманный полиціею, отвѣчалъ на вопросы о причинахъ побѣга почти тѣми же словами, какими говоритъ раскольническая пѣсня:

Душа своей пищи дожидается,
Душѣ надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладну не оставити.

Такъ почти говорилъ и онъ, и никакъ не хотѣлъ вѣ-

рить словамъ чиновниковъ земской полиціи, что у него не просто душа, а душа крѣпостная и ревизская, которой по закону никакой духовной пищи и свободнаго просвѣщенія не полагается.

Какія же послѣдствія такого положенія дѣлъ?

Многіе возражаютъ, что развратъ, сильно распространенный между раскольниками безпоповщинскихъ сектъ, постепенная уступка соблазнамъ и выгоды житейскія ослабляютъ силу раскола, какъ протеста. Это мнѣніе справедливо, но мы уже представили доказательства, что, несмотря ни на развратъ, ни на равнодушіе къ вопросамъ религіознымъ, число раскольниковъ усиливается съ каждымъ годомъ. Соблазнъ и развратъ, съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, дѣйствительно дѣлаютъ ихъ равнодушными къ вопросамъ о двуперстномъ или трехперстномъ сложеніи, о бородѣ и платьѣ,—но это равнодушіе не приводитъ ихъ къ соединенію съ православною церковью. Напротивъ того, разставшись съ прежними вѣрованіями и постоянно чуждаясь церкви сколько по привычкѣ, столько же и потому, что духовенство не внушаетъ имъ никакого къ ней уваженія, они становятся просто невѣрующими, сохраняя однако тотъ же союзъ между собою, тѣ же отношенія къ правительству. Впрочемъ, примѣры разврата, встрѣчающіеся между раскольниками, не всегда доказываютъ неискренность ихъ религіозныхъ убѣжденій. Были случаи, что извѣстные своимъ распутнымъ поведеніемъ раскольники, при преслѣдованіяхъ правительства, дѣлались ожесточенными и строгими фанатиками. Раскольникъ страннической секты Дементій Петровъ, проводившій жизнь, хотя и въ бѣгахъ, однако довольно изнѣженно и распутно, виновный даже въ убійствѣ одного изъ сектаторовъ, будучи взятъ подъ стражу, рѣшился оправдать себя во мнѣніи своихъ собратій твердыми отвѣтами передъ судилищемъ антихристовымъ, и, отвергая всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. Другой раскольникъ, наставникъ секты, Мокей Ѳедоровъ, уже старикъ, взятый въ кабакѣ съ любовницею своею, странницею же, бѣглой крестьянкой, на допросѣ передъ слѣдователемъ также явилъ примѣръ необыкновенной твердости въ отвѣтахъ.

Впрочемъ, если расколъ исчезнетъ, породивъ въ наслѣд-

ство себѣ—невѣріе, двоедушіе, лицемѣріе, развратъ и корысть, съ отвращеніемъ къ церкви и съ недовѣріемъ къ обществу и правительству,—выгоднѣе ли будетъ это для Россіи? Можно ли будетъ тогда торжествовать одержанную надъ расколомъ побѣду?

Легко управлять стадомъ барановъ, можно управлять обществомъ существъ разумныхъ, трудно и опасно управлять существами разумными, низведенными невѣріемъ и развратомъ на степень животныхъ: ибо человѣкъ, непросвѣщенный никакимъ вѣрованіемъ, необузданный никакимъ нравственнымъ чувствомъ, хуже и опаснѣе скота, руководимаго, по крайней мѣрѣ, инстинктомъ.

Какія же мѣры могутъ быть приняты противъ такого страшнаго зла?

Разсмотримъ сначала мѣры, предпринимаемыя доселѣ правительствомъ, т. е. мѣры строгости, основанныя на судебныхъ рѣшеніяхъ, мѣры полицейскія, мѣры духовныя, т. е. приводимыя въ исполненіе духовенствомъ.

Я уже говорилъ, что строгость правительства породила въ расколѣ съ одной стороны фанатизмъ, съ другой лицемѣріе, подкупы и усиленіе доходовъ земской полиціи и сельскаго духовенства.

«Церковь гонимая!» Какъ привлекательно это слово для раскольника, сколько историческихъ, отрадныхъ воспоминаній пробуждаетъ оно въ душѣ каждаго вѣрующаго христіанина! «Быть въ гоненіи, въ страхѣ, въ скрытіи», вотъ чѣмъ можно спастись «въ настатіе Антихриста», проповѣдуетъ странническое ученіе,—и, буквально слѣдуя этимъ внушеніямъ, многіе сектаторы живутъ «подъ скрытіемъ» въ своемъ собственномъ домѣ. Ихъ никто не гонитъ—они сами сочиняютъ себѣ гоненіе. Я знаю многихъ странницъ, дочерей довольно зажиточныхъ, оброчныхъ крестьянъ, о которыхъ нарочно подавались объявленія, что онѣ въ бѣгахъ, слѣдовательно подлежатъ преслѣдованію правительства; между тѣмъ онѣ оставались дома, скрываясь *въ тайникахъ* родительскихъ избъ и находя для себя отраду, сколько въ исключеніи себя изъ общества антихристовыхъ гражданъ, столько же въ «стѣсненіи, скрытіи и гоненіи», когда никто еще тогда ихъ не гналъ и не преслѣдовалъ! Впрочемъ, рас-

пространяться о томъ, что строгость въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій родитъ мучениковъ и фанатиковъ, — я считаю излишнимъ: это истина давно доказанная и признанная всѣми.

Торгаши и промышленники Ярославской и смежныхъ съ нею губерній не очень расположены къ мученичеству и фанатизму. За то нигдѣ нѣтъ столько разврата и двоедушія.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ объяснено уже, что бо́льшая часть жителей придерживается раскола тайно: крестя младенца въ православной церкви, они потомъ перекрещиваютъ его вновь по раскольничьему обряду, или читаютъ надъ нимъ «чинъ отъ ереси приходящихъ», тщательно смывая св. муро; они вѣнчаются въ православной церкви съ тѣмъ, чтобы потомъ выдержать строгую эпитимію. Мнѣ разсказывалъ Ярославскій преосвященный, что однажды, пріѣхавши въ городъ Романово-Борисоглѣбскъ, остановился онъ въ домѣ соборнаго церковнаго старосты, богатаго купца, и былъ очень удивленъ, когда ночью, услыхавъ надъ своей головой чтеніе и доискиваясь причины, попалъ въ горницу, гдѣ находилась раскольничья моленная и гдѣ какой-то раскольничій большакъ или наставникъ, по приглашенію хозяина, совершалъ богослуженіе и «вычитывалъ изъ дому архіерейскую благодать!» — Многіе православные купцы съ прискорбіемъ указывали мнѣ на то, что соборы большею частію завѣдываются старостами изъ тайныхъ раскольниковъ, которые удобно могутъ подмѣнить образа и даже денежную казну употребить въ пользу раскола. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное двоедушіе даетъ новую силу расколу, доставляя ему такимъ способомъ связи и покровительство, и что примѣры богатыхъ лицемѣровъ только развращаютъ нравы простыхъ и бѣдныхъ раскольниковъ, отчего и самый расколъ становится вреднѣе и опаснѣе.

Что же касается до земской полиціи, то расколъ для нея — источникъ незаконныхъ доходовъ. Я по долгу службы обнаружилъ имена пристанодержателей бѣглыхъ (или страннопріимцевъ) въ разныхъ губерніяхъ, но увѣренъ въ то же время, что свѣдѣнія эти ни къ чему не послужатъ. Правительство не можетъ учредить надзора за ними иначе, какъ чрезъ земскую полицію, а это значитъ отдать ихъ во власть стано-

вымъ приставамъ и открыть для нихъ и для земскихъ судовъ постоянную, благонадежную золотую руду.

Объ отношеніяхъ духовенства къ раскольникамъ было уже изложено выше. Мѣра, предписанная закономъ, отсылать раскольниковъ на увѣщаніе въ духовную консисторію — никогда не приносила никакой пользы. Меня убѣждали въ этомъ же нѣкоторые архіереи, предлагавшіе даже вовсе отмѣнить эту мѣру и преслѣдовать расколъ полицейскимъ, судебнымъ порядкомъ. При взаимномъ презрѣніи раскольника и увѣщателя, духовнаго лица, они только оскорбляютъ другъ друга въ спорахъ, или же раскольникъ покупаетъ за деньги у увѣщателя свободу, давъ подписку, что обращается будто бы къ православію.

Сосланные на Кавказъ и Сибирь или вновь бѣжали, или были выпущены на свободу подкупленными чиновниками, или же внесли ученіе свое и распространили его въ сильной степени въ мѣстахъ ихъ ссылки; освобожденные же, по случаю обращенія ихъ къ православію, продолжали быть самыми ревностными проповѣдниками раскола, только болѣе скрытными.

Въ числѣ бѣглыхъ сектаторовъ попадались и такіе, которые были сосланы въ Сибирь или же отданы въ солдаты за упорство въ расколѣ, но, несмотря на то, успѣли возвратиться вновь къ мѣсту прежней своей дѣятельности. Странническое ученіе принесено было въ Сибирь сосланными туда раскольниками и нашло тамъ много приверженцевъ, которые состояли и состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ярославскими. Мало того, вездѣ по пути слѣдованія ссыльныхъ въ Сибирь, образовались пристани сектаторовъ или «мѣста», какъ они называютъ. Въ Нерехотскомъ уѣздѣ, въ селѣ Середѣ, въ 1852 году, у одной мѣщанки-раскольницы Ѳедосѣевскаго толка найдена переписка съ раскольниками Москвы, Сибири и Грузіи. Родственникъ ея, сосланный въ Сибирь за дѣланіе фальшивой монеты, прислалъ ей оттуда деньги для ссуды поступающимъ изъ православія въ расколъ.

Кому неизвѣстно, что самые значительные капиталисты въ купеческомъ сословіи принадлежатъ къ раскольническимъ толкамъ. Суммы, жертвуемыя ими въ пользу раскола, неисчислимо огромны. Но кромѣ этого, даже у бѣглыхъ, «нищен-

ствующихъ» сектаторовъ страннического согласія были находимы довольно значительныя для нихъ суммы денегъ. Такъ у одного 75-лѣтняго старика, простаго, лѣтъ уже 30 бродившаго крестьянина, оказалось до 300 руб. сер. зашитыми въ шубѣ, да и всѣ они были болѣе или менѣе съ деньгами.

Все это доказываетъ, какъ безсильны мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ раскола, ибо, кромѣ нравственнаго значенія, расколъ имѣетъ въ рукахъ своихъ силу денежную, которая одна, еслибъ не было даже другихъ причинъ, могла бы сдѣлать безполезными всѣ старанія правительства.

И такъ, обязанный высказать по совѣсти свое убѣжденіе,— я долженъ сознаться, что не вижу никакихъ мѣръ, которыя, при настоящемъ порядкѣ вещей, могли бы ослабить значеніе раскола, какъ протеста, ибо протестъ подобнаго рода можетъ быть уничтоженъ только отнятіемъ повода къ протесту.

Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя мѣры, которыя, по мнѣнію моему, были бы не безполезны.

1) Спеціальное образованіе священниковъ для мѣстъ, зараженныхъ расколомъ. Необходимо предоставить имъ возможность познакомиться со всею богословскою раскольничьею литературою и узнать, такъ сказать, всѣ ходы и выходы, употребляемые раскольничьею діалектикой. Но, конечно, и эти миссіонеры, если не внушатъ къ себѣ любви и уваженія со стороны самихъ сектаторовъ и не будутъ дѣйствовать въ духѣ кротости, не принесутъ пользы.

2) Для того, чтобъ доставить всѣмъ способы къ изученію раскола, необходимо привести въ порядокъ всѣ имѣющіеся въ Министерствѣ раскольническіе документы, книги и рукописи, составить изъ нихъ особую библіотеку и сдѣлать ее доступною всякому, желающему заняться этимъ изученіемъ.

3) Позволить печатно всѣмъ и каждому, какъ православному, такъ и раскольнику, писать и разсуждать о расколѣ. Раскольники говорили мнѣ не разъ, что они лишены возможности оправдываться печатно, а потому и сами не хотятъ читать книги, напечатанныя противъ раскола по распоряженію синода. Къ тому же эти книги писаны оффиціальною властью и въ тонѣ оффиціальномъ, тонѣ учительномъ и

нѣсколько презрительномъ, не допускающемъ возраженій. «Бой не равенъ», говорилъ при мнѣ православнымъ крестьянинъ-раскольникъ, нынѣ умершій, Яковъ Батыевъ: «бой не «равенъ: съ одной стороны вы свою истину подкрѣпляете «плетьми и Сибирью, съ другой — у васъ подъ рукою всѣ «средства, всѣ пособія, всѣ книги и библіотеки и печатное «слово. Мы же лишены этихъ средствъ, а если и захотимъ «искать ихъ, или не согласимся съ вами въ спорахъ, то вы «прибѣгнете къ убѣжденіямъ полицейскимъ... А потому ни «спора, ни разговора между нами быть не можетъ, и мы «сомнѣваемся, чтобъ вы были въ истинѣ, ибо истина не «боится свободы, не нуждается въ защитѣ грубой силы, не «лишаетъ противниковъ возможности возражать ей и убѣж«даться въ ней свободно и самостоятельно».

Кромѣ этого, я убѣжденъ, что еслибъ позволено было напечатать исторію иной раскольнической секты, сектаторы сами бы устыдились общественнаго о себѣ мнѣнія, — и въ этомъ одномъ было бы гораздо больше пользы, чѣмъ въ ссылкѣ цѣлой сотни сектаторовъ въ Сибирь или Закавказскій край, гдѣ ссыльные проповѣдью своею заражаютъ новыя мѣста и приготовляютъ новые разсадники раскола для Россіи.

Мартъ 1852 года
Москва.

О расколѣ и объ Единовѣрческой церкви въ Ярославской губурніи.

Записка представленная въ Министерство внутреннихъ дѣлъ Ив. С. Аксаковымъ въ 1849 году.

Для того, чтобъ представить Вашему Сіятельству этотъ вопросъ во всей его полнотѣ, я считаю нужнымъ изложить здѣсь сначала общій взглядъ на настоящее положеніе и будущую судьбу раскола въ Ярославской губерніи; потомъ замѣчанія мои о Единовѣрческой церкви и объ особенномъ характерѣ, принятомъ ею въ Ярославлѣ; наконецъ, описать Вашему Сіятельству современный ходъ всего дѣла въ настоящую минуту.

О расколѣ въ Ярославской губерніи вообще.

Прочно было здѣсь древнее насажденіе Св. Вѣры. Ростовская епархія, въ 989 году основанная, съ самаго начала ознаменовалась подвигами богоугодничества, и мощи Св. епископа Леонтія, преставившагося въ 993 году, съ благоговѣніемъ чтутся и донынѣ. Ростовъ, Ярославль, Угличъ, Романово-Борисоглѣбскъ полны старинныхъ памятниковъ прежняго благочестія и усердія къ церкви, да и вся Ярославская губернія въ правѣ гордиться не только древностью епархіи и множествомъ храмовъ, но цѣлымъ рядомъ собственныхъ князей и іерарховъ, причтенныхъ къ лику Святыхъ. Этою старою приверженностію къ Вѣрѣ, прославившей старую жизнь Руси, объясняется, почему расколъ въ Ярославской губерніи распространился сильнѣе и скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь; почему и теперь, несмотря на всѣ соблазны, которымъ Ярославская губерніи подвергается болѣе всѣхъ другихъ внутреннихъ губерній, — можно смѣло признавать по крайней мѣрѣ цѣлую половину всего здѣшняго народонаселенія—принадлежащею къ расколу *).

При этомъ необходимо замѣтить, что, кромѣ старовѣрческихъ сектъ, — другихъ еретическихъ здѣсь почти никогда

*) Въ Ярославской губерніи даже и православное народонаселеніе знаменуется древнимъ, двуперстнымъ, раскольничьимъ крестомъ.

не появлялось, а если онѣ и существуютъ тайно, то весьма въ слабомъ видѣ.

Но какого рода здѣшніе раскольники, какое вліяніе имѣло на нихъ быстрое развитіе торговли и промышленности въ XVIII и IX вѣкѣ,—это сейчасъ объяснится.

Со времени основанія Петербурга Ярославская губернія сдѣлалась центромъ сообщеній новой столицы въ восточною полосой Имперіи, и возраставшее народонаселеніе, при недостаткѣ земли для хлѣбопашества, жадно воспользовалось способами, предоставленными правительствомъ торговлѣ и промышленности. Но полнаго своего значенія Ярославская губернія достигла только тогда, когда устроены были каналы, соединившіе Волгу съ Невой, когда установились системы водяныхъ сообщеній—Вышневолоцкая, Тихвинская, Маріинская. Рыбинскъ, пожалованный въ города императрицею Екатериною, изъ бѣдной рыбачьей слободы сдѣлался богатѣйшею торговою пристанью; да и вся губернія, омываемая на всемъ своемъ протяженіи Волгою, прорѣзываемая со всѣхъ сторонъ сухопутными важными трактами,—зажила другою, дѣятельною жизнью *).

При своемъ выгодномъ, центральномъ положеніи, Ярославская губернія вся какъ будто стоитъ на большой дорогѣ, по которой отовсюду спѣшатъ товары, направляясь преимущественно къ Петербургу: съ нимъ находится она въ безпрерывныхъ сношеніяхъ (несравненно болѣе частыхъ, нежели съ Москвою); въ немъ побываетъ не разъ почти каждый Ярославскій торговецъ.—Между тѣмъ и въ крестьянскомъ сословіи бо́льшая часть мужскаго народонаселенія отправляется на зарабатки въ Петербургъ, въ Москву и другіе города Имперіи; извѣстно, что почти всѣ мѣста трактирныхъ слу-

*) Рыбинскъ, находясь при впаденіи въ Волгу съ одной стороны рѣки Черемхи, а съ другой Шексны, важенъ особенно тѣмъ, что всѣ суда, идущія съ низовыхъ пристаней, не могутъ идти далѣе Рыбинска, не перегрузясь въ немъ на суда иной конструкціи. Волга проходитъ Ярославскую губернію длиннымъ концомъ; изъ 10 городовъ Ярославской губерніи и двухъ посадовъ, — 6 городовъ и 1 посадъ находятся на самой Волгѣ; остальные — или стоятъ на большихъ трактахъ (Московскомъ, Вологодскомъ), или же весною, въ полую воду, также имѣютъ водяное сообщеніе съ Волгой.

жителей въ Россіи заняты Ярославцами... тѣми самыми раскольниками, о которыхъ говорено было выше!...

И такъ, если внимательно взглянуть на карту Ярославской губерніи; если взвѣсить съ одной стороны вліяніе на нее безпрерывныхъ сношеній съ Петербургомъ, съ другой— дѣйствіе тѣхъ началъ общежитія и образованности, которыя приносятся возвращающимися домой Ярославцами; если оцѣнить всю силу натиска Петербургскихъ соблазновъ и трактирной цивилизаціи,— натиска, которому ежеминутно подвергается Ярославская губернія, то можно безошибочно, кажется, опредѣлить и *настоящее значеніе и будущую судьбу здѣшняго раскола* *).

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не поразиться, когда, проѣзжая черезъ нѣкоторыя раскольничьи села, видишь крестьянокъ— раскольницъ въ нѣмецкихъ платьяхъ и во французскихъ шляпкахъ; крестьянъ и торговцевъ, также усвоившихъ себѣ, во всемъ своемъ обращеніи, признаки общежитія, заимствованные въ трактирахъ. Я знаю раскольниковъ, которые въ благочестивые домы своихъ родителей привозили женъ, взятыхъ ими изъ распутныхъ домовъ Петербурга; я убѣдился, что бо́льшая часть изъ нихъ, и не предаваясь подобному разврату, допускаетъ однакоже въ образѣ жизни такія отступленія, которыхъ даже не дозволяетъ себѣ и православный русскій мужикъ въ другихъ губерніяхъ.

Расколъ, увлеченный духомъ выгоды и барыша, самъ того не зная, вступилъ въ борьбу съ такимъ противникомъ, передъ которымъ онъ неминуемо долженъ пасть, и если не палъ, такъ потому только, что былъ силенъ прежде. Если развратъ въ Ярославской губерніи не достигъ еще тѣхъ размѣровъ, какихъ можно было бы ожидать,—такъ потому, что, какъ я уже сказалъ, крѣпко и прочно было здѣсь древнее насажденіе Вѣры.— Но, сорвавшись съ якоря Православной

---

*) Въ Ярославской губерніи есть одно только глухое мѣсто: это Пошехонскіе лѣса, находящіеся на сѣверѣ Пошехонскаго уѣзда и примыкающіе къ лѣсамъ Вологодской губерніи Они составляютъ исключеніе изъ общаго характера Ярославской губерніи и самый расколъ въ нихъ относится болѣе къ расколу Сѣв. губерній; особеннаго вліянія этихъ лѣсовъ на внутренніе города Ярославскіе мною не замѣчено. Впрочемъ, объ нихъ свѣдѣнія мною не вполнѣ собраны.

церкви и понадѣясь на самого себя, расколъ падетъ, не вслѣдствіе признанія ея истинъ, а вслѣдствіе разврата, моды, выгодъ, честолюбія и другихъ страшныхъ обольщеній, представляемыхъ Петербургомъ. Не слѣдуетъ однакоже заключать, что расколъ здѣсь дерзко откровененъ или фанатиченъ.... Я видѣлъ раскольниковъ въ Бессарабіи, и различіе между ими и здѣшними, какъ въ характерѣ, такъ и въ отношеніи послѣдствій, произведенныхъ на тѣхъ и другихъ, нѣкоторыми мѣрами правительства, безконечно велико. Достаточно вспомнить торговое и промышленное значеніе Ярославской губерніи, и убѣдишься, что въ ней не можетъ быть ни честныхъ, жалкихъ безумцевъ, ни откровенныхъ фанатиковъ, ни жаждущихъ мученичества!.. Нѣтъ! въ ней народъ умный, преисполненный житейскаго благоразумія и выгодной мудрости!....

Имѣя постоянно въ виду спокойное пріобрѣтеніе барыша, онъ готовъ многимъ для него жертвовать. Кромѣ того, извѣстно, что Ярославская губернія—самая удобная для управленія; дѣйствительно, я нигдѣ не видалъ такой покорности мѣстнымъ властямъ, какъ въ здѣшнемъ народѣ, и мѣры правительства, не только не достигшія своей цѣли въ Бессарабіи, но вызвавшія совершенно иной результатъ, здѣсь удались болѣе, и должны были удаться.

Когда правительство стало сильнѣе преслѣдовать бѣглыхъ поповъ и признавать незаконорожденными тѣхъ, кои не представятъ о себѣ метрическихъ документовъ, то въ Ярославской губерніи почти всѣ раскольники (за исключеніемъ весьма немногихъ) приписались къ разнымъ православнымъ приходамъ, стали крестить дѣтей и вѣнчаться въ православныхъ церквахъ, прибѣгая на дому къ разнымъ очистительнымъ обрядамъ, къ «исправленію». Называя себя всюду православными, они, по этой причинѣ, стали подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ такого наименованія, стараясь втайнѣ удержать равновѣсіе между своею совѣстью и внѣшнею жизнью.— Но въ Бессарабіи раскольникъ не постыдится назвать себя тѣмъ, что онъ есть; онъ не пойдетъ крестить дѣтей въ Православную церковь; не станетъ совершать нашихъ обрядовъ, хотя бы и лицемѣрно. Здѣсь же раскольники, не имѣя воз-

можности держать своихъ священниковъ, — постоянно прибѣгаютъ къ двоедушію *).

До какой степени расколъ въ Ярославской губерніи трусливъ и двоедушенъ, можно видѣть изъ того, что недавно, года 4 тому назадъ, въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, въ одномъ изъ самыхъ раскольничьихъ городовъ Ярославской губерніи (т. е. болѣе другихъ наполненномъ тайными раскольниками), былъ пойманъ зашедшій туда раскольничій попъ Вѣтровъ, принесшій съ собою дары для причастія и исполнявшій разныя требы. Его предали суду магистрата, члены котораго были сами раскольники, изъ коихъ иные даже причащались у Вѣтрова. Одинъ изъ членовъ, поумнѣе, теперешній голова, взялъ заранѣе отпускъ и уѣхалъ; остальные же, правда, долго колебались и тянули дѣло, наконецъ сами осудили его и подписали приговоръ: о ссылкѣ своего попа въ Закавказскія провинціи!....

Расколъ, прикинувшійся православіемъ, *постоянно самъ себя запутываетъ*. Ежеминутное двоедушіе тяжеле мученичества, и потому, не имѣя довольно смѣлости, чтобы выйти изъ него, обнаруживъ прямой расколъ, — нѣкоторые просто присоединились къ церкви, другіе же, большею частью вынужденные собственнымъ лицемѣріемъ часто ходить въ православную церковь, быть въ безпрестанномъ общеніи съ православными и съ духовенствомъ, стали снисходительнѣе и уже рѣже прибѣгаютъ къ «очистительному» обряду.

О расколѣ въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

Все это еще ярче доказывается отношеніями къ расколу г. Романова-Борисоглѣбска. Въ Ярославлѣ числительный перевѣсъ жителей на сторонѣ православныхъ; въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ на сторонѣ раскольниковъ,—но какихъ именно—это сейчасъ будетъ видно:

---

*) По письменнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ на дняхъ однимъ обращеннымъ къ православію раскольникомъ знакомому мнѣ священнику, который и передалъ ихъ мнѣ, — поповъ раскольничьихъ въ Ярославской губерніи нѣтъ вовсе, а о заграничной лжеіерархіи не существуетъ и слуха; здѣсь имѣются только такъ-называемые „благословенные мужики“ которые надъ крестившимися въ православной Церкви читаютъ: „чинъ отъ ереси приходящихъ“; впрочемъ и это исправленіе не всегда совершается.

Приписанные къ православнымъ приходамъ, они упорнѣе другихъ сохраняли и сохраняютъ привязанность къ старымъ обрядамъ, но тѣмъ не менѣе, такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ, стараются казаться православными. Здѣсь это и для совѣсти ихъ легче чѣмъ гдѣ-нибудь, и вотъ почему именно: церкви въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ всѣ или дѣйствительно старинныя, или же старинной архитектуры, такъ что они, не справляясь съ документами, почитаютъ ихъ строенными до Никона; во всѣхъ, безъ исключенія, церквахъ — иконостасы древніе съ двуперстнымъ сложеніемъ креста; наконецъ, священники, не находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Епархіальнаго начальства, какъ въ губернскомъ городѣ, оказывали раскольникамъ часто то же снисхожденіе, какъ и въ единовѣрческой церкви, съ тою разницею, что это совершалось безъ *отдѣленія* отъ самой Православной церкви. Напр. раскольники, вынужденные, по видамъ благоразумія, крестить дѣтей у православныхъ священниковъ, призывали ихъ на домъ, заставляли ходить вокругъ купели по солнцу и читать по старообрядческимъ книгамъ (въ этомъ признались мнѣ многіе изъ священниковъ сами); при вѣнчаніи въ церкви, они умѣли отдѣлываться отъ обязанности быть передъ тѣмъ на исповѣди и у Св. Причастія, а при похоронахъ, совершая на дому обрядъ по своему, стыдились выносить мертвыхъ на улицу и погребать сами, и приглашали священника *). Такимъ образомъ, обращеніе къ православнымъ священникамъ вошло въ привычку, и многіе теперь уже соглашаются крестить въ церкви, а крестя дѣтей на дому, уже не настаиваютъ, чтобъ священники ходили посолнцу, и вообще болѣе или менѣе сами сближаются съ церковью. Когда ваше сіятельство изволили предписать, чтобы расходъ изъ городскихъ доходовъ на содержаніе безприходныхъ церквей въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ былъ уничтоженъ, чѣмъ однакожъ не возбраняется обществу жертвовать для этого собственныя деньги, — то общество, увѣдомленное о томъ чрезъ губернское начальство, опасаясь подозрѣнія въ рас-

*) Нѣкоторые, уклоняясь отъ Св. Причастія, которое, по ихъ мнѣнію, и „исправить“ мудрено, бываютъ однакоже „на духу“ у православныхъ священниковъ.

колѣ, постановило собирать и собираетъ ежегодно, по добровольной раскладкѣ, слишкомъ 800 р. сер. на содержаніе церквей. Нельзя не признаться, что это явленія странныя: *раскольники крестятъ дѣтей и вѣнчаются въ православныхъ церквахъ*, а избѣгая таинства причащенія, записываются небывшими на исповѣди и у Св. Причастія «по нераченію»; *раскольники служатъ и, вступая въ службу, даютъ подписку о непринадлежности къ расколу; раскольники исправляютъ должности церковныхъ старостъ и въ этомъ званіи принимаютъ къ себѣ въ дома православнаго архіерея;* наконецъ, *раскольники же содержатъ православныя церкви.*

Итакъ, съ одной стороны, вліяніе торговли и желаніе выгодъ *ослабили* религіозные интересы, не уничтоживъ ихъ вполнѣ (что было бы весьма худо),—отчасти по одной привычкѣ, отчасти по древней, *мѣстной*, безотчетной привязанности къ Вѣрѣ, — но *заставили* однакоже раскольниковъ низойти до притворства. Съ другой стороны, *притворство*,—будучи въ этомъ случаѣ уже *сильною уступкою*, особенно потому, что лишало расколъ главнаго, вреднаго его характера—*отдѣльности и разобщенія*,—подвергало раскольниковъ вліянію православнаго церковнослуженія; всему этому, въ отношеніи многихъ, содѣйствовали и другія побочныя обстоятельства: снисходительность священниковъ (*какіе бы то ни были къ ней поводы*), древность храмовъ и т. п. И на многихъ, такимъ образомъ, вынужденное посѣщеніе церкви подѣйствовало спасительно, и обращеніе къ православному духовенству, котораго они *не смѣли чуждаться*, кончалось часто совершеннымъ сближеніемъ съ церковью!...

Что же оставалось дѣлать въ этомъ случаѣ? Пользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое расколъ самъ себя поставилъ, стѣснять его благоразумными мѣрами и заставлять раскольниковъ болѣе и болѣе втягиваться въ сближеніе съ церковью, такъ что если не для нихъ самихъ, то для дѣтей ихъ расколъ сдѣлался бы рѣшительно невозможенъ.

Таково было положеніе раскола въ Ярославской губерніи, когда вдругъ открылось небывалое между ними дотолѣ, почти неслыханное явленіе, давшее возможность ослабѣвавшему, подрубленному со всѣхъ сторонъ расколу — ободриться,

освободиться отъ тѣхъ путъ, которыми онъ самъ себя запуталъ, получить нѣкоторую самостоятельность и отдѣльность: явилось Единовѣріе.

О Единовѣрческой церкви въ Ярославской губерніи.

Хотя Единовѣрческая церковь, пріемлющая правильнаго священника, и считается шагомъ сближенія съ православною церковью, но она приводитъ дѣйствительно къ этой цѣли только тамъ, гдѣ это раздѣленіе было сильно; *здѣсь же* она только *законно разъединяетъ* тѣхъ, которые безъ нея слились бы во единое цѣлое. Въ такъ-называемыхъ пунктахъ Митрополита Платона, 27 октября 1800 года Высочайше конфирмованныхъ и послужившихъ основаніемъ Единовѣрію, или, лучше сказать, въ условіяхъ, заключенныхъ между имъ и раскольниками, въ 5-мъ пунктѣ значится, что *никто изъ православныхъ не имѣетъ права входить въ эту церковь*, исключая Высочайшихъ особъ. Митрополитъ Платонъ написалъ противъ этого: что на это согласиться предосудительно, но что это должно быть предоставлено благоразсужденію священника. Тѣмъ не менѣе единовѣрцы признаютъ это условіе какъ бы принятымъ и держатся его строго, тогда какъ это *прямо ведетъ къ разобщенію*; тогда какъ прежде, напр. въ Ярославской губерніи, раскольники не *имѣли права чуждаться* православныхъ. Единовѣрцы, сверхъ того, пользуются бо̀льшими противъ православныхъ преимуществами, какъ-то: правомъ выбора священника изъ среды себя и независимостью отъ консисторій и духовныхъ правленій, подчиняясь непосредственно архіерею. Слѣдовательно Единовѣріе, съ своимъ богослуженіемъ, взаперти совершаемымъ, со священникомъ, ими избраннымъ и вполнѣ отъ нихъ зависящимъ, видимо отличается отъ нашей церкви, и, сколько я знаю, никогда православные и единовѣрческіе простолюдины не считаютъ себя братьями по церкви.

Стремленіе правительства и церкви сплотить во едино разъединенную духовно Россію не достигаетъ, по мнѣнію моему, своей цѣли черезъ единовѣріе, удерживающее за собою характеръ *отдѣльности*. Кто знаетъ? можетъ-быть, выбираемый священникъ, поставляемый архіереемъ, втайнѣ, между

ними, произноситъ отреченіе, подобно бѣглому попу?... Если этого и нѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, единовѣріе едвали можетъ быть допущено, какъ общая мѣра. Въ Бессарабіи— оно было бы, вѣроятно, полезно, потому что оградило бы раскольниковъ отъ заграничнаго вліянія; *здѣсь же оно ограждаетъ ихъ только отъ постоянно усиливавшагося вліянія православной церкви* и даетъ имъ, если не дѣйствительную самостоятельность, то *призракъ самостоятельности, разобщающій ихъ съ православною братіей*.

Чиновникъ, которому поручено было дѣло единовѣрія въ Ярославской губерніи, долженъ былъ бы, кажется, *предварительно изучить значеніе и характеръ раскола въ Ярославской губерніи* и представить о томъ своему начальству, которое разсудило бы: слѣдуетъ или не слѣдуетъ вводить единовѣріе. Но онъ иначе взглянулъ на дѣло и увлекся усердіемъ къ исполненію ошибочно, по мнѣнію моему, понятаго имъ порученія. Ошибочность эта заключается особенно въ томъ, что онъ полагалъ необходимымъ присоединять къ этой церкви не только *отписныхъ* раскольниковъ, но и тайныхъ, числящихся православными, что̀ видно изо всѣхъ его рапортовъ *).

Онъ обратился къ нѣкоторымъ, болѣе значительнымъ лицамъ и увлекъ ихъ описаніемъ выгодъ единовѣрія. Не желая компрометтировать себя вдругъ, они стали дѣйствовать черезъ фабричныхъ Яковлевской мануфактуры. Просьба ихъ пошла въ ходъ и, несмотря на все сопротивленіе архіерея, въ скоромъ времени, въ сентябрѣ 1848 г., явилась въ Ярославлѣ церковь (т. е. прежняя старообрядская часовня, об-

*) Отписными называются тѣ, которые и по книгамъ исповѣднымъ значатся „не бывшими по расколу“. Число ихъ, въ сравненіи съ тайными раскольниками, незначительно. По вѣдомостямъ ихъ показывается до 12 т.; тайныхъ же раскольниковъ, по мнѣнію моему, едвали *не цѣлая половина народонаселенія здѣшней губерніи*. Хотя единовѣріе есть дѣйствительно шагъ впередъ для отписныхъ, особенно же для безпоповщинцевъ, но они и безъ единовѣрія, конечно, поддались бы общему вліянію обстоятельствъ; присоединяя же ихъ, единовѣріе увлекаетъ и *неотписныхъ*, которыхъ отношенія къ православію мною уже выше показаны.

ращенная въ церковь) со священникомъ, выбраннымъ ими изъ сельскихъ поповъ, Андреемъ Смирновымъ *).

Если единовѣрческая церковь въ другихъ мѣстахъ и имѣетъ характеръ сближенія, то особенный характеръ, принятый ею въ Ярославлѣ, совершенно противорѣчитъ этому. Главное ея значеніе должно состоять именно въ признаніи православнаго архіерея, — но она, съ самаго начала, стала во *враждебныя отношенія* къ архипастырю. Священникъ, котораго повелѣлъ поставить Святѣйшій Синодъ въ единовѣрческіе, былъ до того времени шесть разъ судимъ (какъ значится по формулярному его списку) и подвергался разнымъ выговорамъ и замѣчаніямъ отъ своего начальства; наконецъ, передъ его избраніемъ, Преосвященный, по одному, седьмому уже дѣлу, резолюціею положилъ: послать его на двѣ недѣли въ монастырь подъ начало На эту резолюцію Смирновъ изъявилъ неудовольствіе, и дѣло пошло въ Синодъ, гдѣ и осталось неразрѣшеннымъ. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, этотъ «*недовольный*» своимъ архіереемъ священникъ былъ выбранъ единовѣрцами и утвержденъ указомъ Синода 9-го Іюля 1848 г., то Преосвященный донесъ Синоду, что священникъ этотъ неблагонадеженъ и изъявилъ на него неудовольствіе; слѣдовательно ему, Преосвященному, трудно будетъ состоять съ нимъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ (какъ требуется пунктами). Оскорбленный Евгеній (старецъ 70 слишкомъ лѣтъ, впрочемъ весьма бодрый) просилъ, въ случаѣ несогласія Синода, отпустить его на обѣщаніе, или передать единовѣрческую церковь другому преосвященному. Указомъ Синода 13-го Августа церковь эта передана въ завѣдываніе Костромскому епископу Іустину. Въ какомъ же видѣ воспріяла свое начало единовѣрческая церковь? Со священникомъ, *не разъ оштрафованнымъ и враждебнымъ*

---

*) *Разсказываютъ*, что когда единовѣрцы домогались одной изъ старинныхъ православныхъ церквей и архіепископъ, не соглашаясь на это, предложилъ имъ взять нижній этажъ въ двухъ-этажной церкви при Яковлевской мануфактурѣ, гдѣ и иконы изображены съ двуперстнымъ сложеніемъ креста, а верхній этажъ оставить православнымъ, то они единогласно воскликнули: *„намъ, намъ вмѣстѣ не бывать“!*.....

архіерею; съ архіереемъ, повидимому, не слишкомъ уважаемымъ Синодомъ и правительствомъ. Правъ или не правъ былъ Ярославскій архіепископъ,—это другой вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать такъ явно противъ него—едвали значило достигать цѣли сближенія, указанной самимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что все это не могло не происходить безъ соблазнительной и вредной огласки.

Когда же преосвященный Іустинъ сталъ просить о дозволеніи на безпрепятственный въ ѣздъ въ Ярославскую епархію и просьба его была поднесена графомъ Протасовымъ на Высочайшее усмотрѣніе, то Государь Императоръ на это не соизволилъ, и указомъ Синода отъ 22-го Ноября 1848 г. предписано Костромскому епископу передать снова единовѣрческую церковь въ вѣдѣніе Преосвященнаго Ярославскаго.

Между тѣмъ церковь эта, безпрестанно возраставшая числомъ своихъ прихожанъ, произвела, между прочимъ, слѣдующія явленія:

Въ 5-мъ пунктѣ условій Митрополита Платона со стороны раскольниковъ было предложено: «старообрядцамъ, *хотя не записнымъ*, но издавна удалившимся отъ сообщества Греко-россійской церкви, *не возбранять присоединяться къ церкви старообрядческой»;* въ 11-мъ пунктѣ: «если кто изъ сыновъ Греко-росссійской церкви пожелаетъ пріобщиться Св. таинъ отъ старообрядческаго священника,—таковому не возбранять». Противъ послѣдняго условія Митрополитъ Платонъ написалъ: «по сей статьѣ сынъ православной церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣбъ не случилось найти православнаго священника»; а противъ, перваго условія, относительно присоединенія незаписнаго старообрядца къ единовѣрческой церкви,—возразилъ: «сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ православную церковь не ходилъ и *таинствъ ея не принималъ*, и то, нашедши его таковымъ, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ — *никакъ до таковаго присоединенія не допускать*».

Эти-то условія признавалъ нужнымъ нарушить въ Ярославской губерніи въ пользу тайныхъ роскольниковъ бывшій

здѣсь чиновникъ Министерства, и первые 813 человѣкъ, склоненныхъ имъ къ единовѣрію, были присоединены *безъ всякой о нихъ справки*, хотя есть полное основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ не имѣла на это, по означенному пункту, права. Не прошло года со времени открытія церкви, а уже 643 человѣка *) подали просьбы о присоединеніи, изъ нихъ присоединено 350; остальнымъ отказано, по наведеніи объ нихъ справокъ.

Хотя въ вышеозначенныхъ пунктахъ не велѣно присоединять даже тѣхъ, которые когда-либо бывали въ православной церкви и принимали отъ нея какія-либо таинства, но справки о крещеніи и вѣнчаніи здѣсь не наводятся, а производятся только по исповѣднымъ книгамъ; многіе изъ присоединенныхъ были даже и по книгамъ записываемы различно, т. е. прежде бывшими, а потомъ не бывшими по расколу; малолѣтныя дѣти присоединяемыхъ къ единовѣрію также присоединяемы были несмотря на справки, и потому видно, что при строгомъ соблюденіи пунктовъ Митрополита Платона, число настоящихъ единовѣрцевъ было бы значительно меньше.

Преосвященный Іустинъ, желая придержаться правилъ Митрополита Платона, установилъ цѣлый порядокъ формальнаго слѣдствія, утвержденный Святѣйшимъ Синодомъ (указъ 4 ноября 1848). Я самъ читалъ всѣ производства о присоединеніи къ единовѣрію, и изъ нихъ видно, что это все совершается слѣдующимъ образомъ:

Желающіе присоединиться, сами или черезъ священника Андрея Смирнова, подаютъ преосвященному просьбы, въ которыхъ говорятъ обыкновенно только то, что, будучи убѣждены священникомъ Андреемъ, желаютъ присоединиться «*къ церкви его служенія*», въ которой находятъ они *настоящій, истинный порядокъ службы.*

Эта форма въ нынѣшнемъ году была измѣнена на другую Преосвященнымъ Евгеніемъ, почитавшимъ первую довольно

*) Число желающихъ было бы конечно больше, еслибъ Преосвященный, строгой до излишества относительно всѣхъ законныхъ формальностей, не сдѣлался еще строже въ этомъ отношеніи при подачѣ единовѣрцами просьбъ. Эта справка о числѣ наведена мною по 1-е іюня 1849 года.

оскорбительною для порядка служенія въ церквахъ православныхъ. Потомъ производится справка по исповѣднымъ книгамъ, и если окажется, что проситель не разъ бывалъ у исповѣди и у Св. причастія (какъ это *часто открывается*), или писался принадлежащимъ къ православію, но не бывшимъ на исповѣди по упущенію или по нераченію, то это объявляется просителю, который нерѣдко начинаетъ доказывать, что онъ до сихъ поръ *обманывалъ*, что онъ *тайный раскольникъ*, хотя и исполнялъ иногда обряды нашей церкви, что онъ вынужденъ былъ къ тому женитьбой и проч.

Тогда, по порядку, заведенному Костромскимъ епископомъ, начинается формальное слѣдствіе коммиссіей, составленной изъ полицейскаго чиновника и духовнаго лица православнаго вѣроисповѣданія. Послѣдніе всѣми силами доказываютъ просителю, что онъ православный; проситель въ оправданіе свое подтверждаетъ, что онъ до сихъ поръ *поступалъ фальшиво*, и когда достаточно это докажетъ, то присоединяется къ единовѣрческой церкви!

Что же увлекаетъ къ единовѣрію тѣхъ, которые были близки къ соединенію съ самою православною церковью?

Во 1-хъ, возможность законно, подъ покровительствомъ правительства и не подвергаясь опасности, состоять отдѣльнымъ обществомъ и удержать право на расколъ; во 2-хъ, преимущества единовѣрія передъ православною церковью; въ 3-хъ, возможность, подъ видомъ единовѣрія, сохранить такой расколъ, который и въ единовѣріи не допускается.

По разсказу, переданному мнѣ на дняхъ, одной женщины, бывшей при совершеніи единовѣрческимъ священникомъ обряда крещенія, оказывается, что обрядъ, имъ употребляемый, таковъ, котораго нѣтъ, сколько я знаю, и въ старопечатныхъ книгахъ, по коимъ дозволено служить единовѣрцамъ; носятся также слухи, что внутри церкви происходитъ вовсе не то, что предполагаетъ правительство, что самъ священникъ Андрей уже не разъ былъ ими подвергаемъ наказанію, но такому слуху мудрено и вѣрить!

Въ нынѣшнемъ году Великосельское (въ Яросл. уѣздѣ) общество, въ числѣ 300 человѣкъ, подало просьбу объ устроеніи у нихъ единовѣрческой церкви, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ она была «подъ началомъ» того же попа Андрея, хотя онъ и живетъ отъ нихъ въ 30 верстахъ.

Такимъ образомъ единовѣріе, сильно распространяющееся въ Ярославскомъ уѣздѣ, стремится къ соединенію нѣсколькихъ приходовъ въ одну массу, подъ началомъ человѣка, постоянно враждующаго съ архіереемъ. При этомъ, *у всѣхъ существуетъ твердое убѣжденіе въ безусловномъ покровительствѣ единовѣрія со стороны правительства*.

Когда купецъ Пѣговъ, 70-лѣтній старикъ, постоянно считавшійся православнымъ, пришелъ къ преосвященному Евгенію и подалъ ему просьбу о присоединеніи къ единовѣрческой церкви, тогда какъ, по собственному сознанію и по удостовѣренію священника, не разъ бывалъ на исповѣди и у Св. причастія,—то преосвященный, изумясь, ибо полагалъ его православнымъ, объяснилъ ему, что просьбу его исполнить не можетъ; на это Пѣговъ, какъ разсказывалъ мнѣ преосвященный, съ грубостью отвѣчалъ ему: «Вы не хотите? такъ Васъ заставятъ», и, не принявъ благословенія, ушелъ. Онъ еще не присоединенъ, но присоединеніе его, какъ лица извѣстнаго и почитаемаго въ городѣ, увлечетъ туда же многихъ колеблющихся.

Многіе изъ купцовъ, тайно содѣйствующихъ составленію суммы на устроеніе единовѣрческаго храма,—ждутъ только случая, чтобъ присоединиться вслѣдъ за какимъ-нибудь значительнымъ между ними лицомъ, въ родѣ Пѣгова.

Когда спрашиваютъ у православныхъ священниковъ: почему они писали такого то, называющаго себя теперь раскольникомъ, небывшимъ на исповѣди только по упущенію, то отвѣтъ (письменный и формальный) обыкновенно заключается въ томъ, что «такой-то» всегда ходилъ къ нимъ въ церковь, жертвовалъ деньги на храмъ, на поминаніе родственниковъ, что многіе изъ семьи его уже обращены были въ православіе, что и самъ онъ обѣщалъ скоро присоединиться, и что они уже надѣялись совершить это торжество вскорѣ,—какъ появившаяся единовѣрческая церковь отняла его у православной... Если и согласиться съ бывшимъ здѣсь чиновникомъ, что священники вооружаются противъ единовѣрія только изъ видовъ корысти, то и тогда, тѣмъ не менѣе, возможность подобныхъ отзывовъ со стороны православнаго духовенства ведетъ къ соблазну.

Изо всего этого видно, что единовѣрческая церковь но-

ситъ на себѣ въ Ярославлѣ характеръ какой-то воюющей пропаганды, грозящей распространить свое вліяніе все сильнѣе и шире, по всей Ярославской губерніи. Но оправившись отъ раздора и разъединенія, она, при такихъ началахъ, не приведетъ къ предположенной цѣли.

О попыткахъ къ учрежденію единовѣрческой церкви въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.

Теперь обращаюсь къ г. Романово-Борисоглѣбску. Въ этомъ городѣ попытка упомянутаго мною чиновника совершенно не удалась, и съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ: почему тамъ, гдѣ расколъ сильнѣе, онъ не воспользовался единовѣріемъ для своего поддержанія? Это объясняется слѣдующими обстоятельствами:

во 1-хъ, тѣмъ, что эти попытки дѣлались тогда, когда единовѣріе еще не огласилось и не одержало такихъ побѣдъ, какъ впослѣдствіи;

во 2-хъ, удобствомъ прежняго ихъ положенія, къ которому они уже привыкали:

въ 3-хъ, привычкою къ своимъ древнимъ храмамъ и необходимостью, при введеніи единовѣрія, жертвовать довольно большую сумму на устроеніе новаго единовѣрческаго храма, ибо ни одной изъ существующихъ тамъ православныхъ церквей нельзя было бы имъ отдать;

въ 4-хъ, неловкостью дѣйствій самаго чиновника, распоряжавшагося черезъ полицію и составлявшаго подписку о желающихъ единовѣрія черезъ частнаго пристава, который, несмотря на всѣ усилія, набралъ не болѣе 27 человѣкъ;

въ 5-хъ, холерою, во время которой бо́льшая часть умирающихъ прибѣгала къ православнымъ священникамъ;

въ 6-хъ, наконецъ, вліяніемъ Борисоглѣбскаго соборнаго протоіерея. Этотъ человѣкъ, въ продолженіе 15-лѣтняго своего служенія въ городѣ, умомъ, ловкостью и образомъ жизни пріобрѣлъ много уваженія отъ жителей, такъ что бо́льшая часть изъ нихъ обращается къ нему всегда за совѣтомъ, чему я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ. Онъ своимъ вліяніемъ разрушалъ всѣ дѣйствія чиновника, доказывая имъ, что присоединеніе къ единовѣрію для нихъ те-

перь невозможно, что лучше имъ, не отваживаясь въ новый, неизвѣстный путь, оставаться въ извѣстномъ положеніи, — и, по его совѣту, градской голова отвѣчалъ чиновнику Министерства, что «уклониться отъ православія къ единовѣрію не считаетъ себя въ правѣ».

Чиновникъ, вводившій здѣсь единовѣріе, въ рапортѣ своемъ объясняетъ, что съ открытіемъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ церкви все народонаселеніе города присоединится къ ней, ибо, по его исчисленію, число небывающихъ на исповѣди и у Св. причастія «по нераченію», вмѣстѣ съ *записными* раскольниками, составить почти полное число всѣхъ жителей.

Онъ не ошибался въ разсчетѣ, и я смѣло повторю, что еслибъ тайные раскольники поняли всѣ удобства единовѣрія, то охотно присоединились бы всѣ, и девять церквей города Романово-Борисоглѣбска совершенно бы опустѣли!— Это понималъ и протоіерей.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года преосвященный Евгеній получилъ указъ изъ Синода, который дѣло о Романово-Борисоглѣбскихъ раскольникахъ разрѣшилъ тѣмъ, чтобы о введеніи къ нимъ единовѣрія — ожидать отъ нихъ формальной просьбы. Между тѣмъ мысль о единовѣріи дѣйствительно начала проникать къ Романово-Борисоглѣбцамъ, и если не будутъ приняты нѣкоторыя мѣры, то опустѣніе девяти храмовъ дѣйствительно совершится.

Пріѣхавъ въ Ярославль, я постарался объяснить преосвященному и начальнику губерніи, что ваше сіятельство вовсе не считаете необходимымъ распространять единовѣріе *непремѣнно* на всѣхъ, даже тайныхъ раскольниковъ, уже числящихся православными, и что обязывать сихъ послѣднихъ посредствомъ полиціи къ исполненію православныхъ обрядовъ (какъ предполагалъ генералъ Бутурлинъ въ своемъ рапортѣ), едвали будетъ согласно съ желаніемъ вашего сіятельства. Впрочемъ, начальникъ губерніи предположилъ это какъ одинъ изъ двухъ способовъ, предложенныхъ бывшимъ здѣсь чиновникомъ. Я долженъ сказать, что генералъ Бутурлинъ дѣйствовалъ во всемъ этомъ дѣлѣ съ чрезвычайною осторожностью и умѣлъ отыскать людей, подавшихъ ему по этому случаю благоразумные совѣты.

По мнѣнію моему, слѣдовало бы ограничиться теперь самыми неважными мѣрами, а именно:

1) поддерживать между раскольниками опасенія подозрѣнія и нареканія въ расколѣ;

2) пускать въ ходъ между нимъ мысль, что лучшимъ средствомъ избѣгать этого нареканія — присоединиться явно къ православной церкви всѣмъ тѣмъ, которымъ по правиламъ Митрополита Платона нельзя присоединиться къ единовѣрію;

3) сдѣлать эти правила болѣе извѣстными, и

4) устранить не только вмѣшательство полиціи, но и всякое видимое, хлопотливое вмѣшательство должностныхъ лицъ, дабы не компрометтировать достоинства правительства и церкви.

Въ этомъ духѣ разговариваю я съ раскольниками, если мнѣ приходится толковать съ ними; въ этомъ духѣ постоянно дѣйствуетъ Борисоглѣбскій протоіерей, съ которымъ я нахожусь въ постоянныхъ сношеніяхъ; въ этомъ духѣ говорилъ недавно начальникъ губерніи нѣкоторымъ лицамъ изъ купеческаго Романово-Борисоглѣбскаго сословія, какъ условились мы съ нимъ заранѣе при проѣздѣ въ Рыбинскъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю изложить, что, по мнѣнію моему, тѣснѣйшее соединеніе раскола съ православною церковью потому болѣе нужно, что расколъ развращенный, расколъ сдружившійся съ трактирной цивизаціей, оставаясь расколомъ, при ослабленіи религіозныхъ интересовъ Вѣры,— изъ религіознаго превратится въ политическій, ибо сохранитъ вкусъ и привычку отдѣльности, разобщенія и протеста; единовѣрческая же церковь, по крайней мѣрѣ здѣсь, вполнѣ удерживаетъ этотъ характеръ и нисколько не достигаетъ цѣли соединенія.

На подлинной написано: Состоящій при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коллежскій ассессоръ Ив. Аксаковъ.

519757
LR
A3156
Aksakov, Ivan Sergyeevich
Сочиненія ... 1860-1886.
v.7
[Transliterated: Sochineniya.]
DATE
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 21 04 01 009 2